ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Памяти защитников
Отечества посвящается

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
2013

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

ТОМ ПЯТЫЙ

ПОБЕДНЫЙ ФИНАЛ.
Завершающие операции
Великой Отечественной войны в Европе.
Война с Японией

М О С К В А
КУЧКОВО ПОЛЕ
2 0 1 3

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62
В26

Редакционная комиссия пятого тома:

Г. Н. Севостьянов (*председатель*), В. А. Афанасьев, А. В. Болятко, О. В. Гоман-Голутвина, В. П. Зимонин (*заместитель председателя*), О. А. Ржешевский, Ю. В. Рубцов (*заместитель председателя*), О. В. Саксонов, А. А. Саркисов, А. М. Соколов, С. А. Тюшкевич, А. Г. Шляхтунов

Авторский коллектив пятого тома:

В. П. Зимонин (*руководитель авторского коллектива*), Н. Ф. Азясский (*заместитель руководителя авторского коллектива*), В. А. Афанасьев, В. Н. Богданов, Н. М. Васильев, В. А. Золотарев, А. В. Исаев, А. А. Климов, А. А. Кошкин, Е. Н. Кульков, Г. А. Куманев, С. Я. Лавренов, В. Б. Маковский, Е. М. Минин, А. И. Миренков, Ю. А. Никифоров, В. С. Параскевов, Ю. В. Рубцов, Г. Н. Севостьянов, Е. С. Сенявская, А. М. Соколов, Б. В. Хилько, А. С. Ченцов, А. Г. Шляхтунов (*заместитель руководителя авторского коллектива*)

При участии:

Ю. А. Алексеева, Т. В. Анисимовой, С. О. Буранка, О. В. Власова, И. С. Даниленко, В. Т. Елисеева, А. Ф. Клименко, Ю. В. Кожухова, Е. Е. Колосковой, О. К. Кривоноса, Ю. Г. Кукушкина, Г. А. Малахова, Ю. А. Марценюка, Н. Г. Михальцова, Р. Г. Носова, В. Ю. Новожилова, Т. Л. Пашковой, И. А. Пермякова, М. С. Полянского, О. В. Саксонова, М. А. Селиванова, В. В. Соколова, С. Б. Страшко, Д. В. Суржика, А. В. Тимченко, Б. П. Фролова, В. И. Фролова, В. С. Хмельникова

Помощь авторскому коллективу в научно-организационной и контрольной работе по тому оказали: М. А. Елисеева, Д. А. Краснова, С. И. Саксонов, А. Т. Хабалов

В26 **Великая** Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. — М.: Кучково поле, 2013. — 864 с., 24 л. ил., ил.

ISBN 978-5-9950-0311-3

Пятый том посвящен военным действиям Советского Союза за пределами границ СССР против Германии и ее союзников в Европе и в ходе Советско-японской войны 1945 г. на Дальнем Востоке. Раскрывается интернациональная миссия СССР и его Вооруженных сил по освобождению народов более десяти стран Европы и Азии, находившихся под оккупационным и колониальным гнетом. Проанализированы деятельность политического и военного руководства СССР на завершающем этапе Великой Отечественной войны, достижения советского военного искусства, героизм и самоотверженность воинов Красной армии и Флота, вклад советских Вооруженных сил в разгром агрессоров на Западе и Востоке Евразии и установление послевоенного мира.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей Отечества.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9950-0311-3

ОТ ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

С выходом в свет пятого тома завершается важный этап в работе ученых-историков, теоретиков и практиков военного дела над фундаментальным трудом «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», создаваемым в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 5 мая 2008 г. № 240-рп.

В первых пяти томах в хронологической последовательности, с 1930-х гг. до победного завершения Второй мировой войны в сентябре 1945 г., изложены основные события и факты, связанные с подготовкой и ведением вооруженной борьбы советского народа против нацистской Германии и ее союзников.

Начиная с шестого тома основное внимание будет уделено политическим, дипломатическим, экономическим, управленческим, социальным и духовным аспектам войны.

Эти вопросы уже рассматривались в предыдущих томах, но лишь в том объеме, который был необходим для выполнения главной задачи — изложения хода военных действий на советско-германском фронте. В концепцию Труда заложена следующая идея: несмотря на то что вооруженная борьба стала определяющей в защите свободы и независимости СССР, война 1941–1945 гг. не может сводиться лишь к этому фактору.

В изданных томах Великая Отечественная война рассматривается в контексте всемирной истории, с учетом тенденций развития мирового сообщества в 20–40-е гг. XX столетия. При этом необходимо отметить, что в Труде предпринята попытка преодоления европоцентризма в освещении предыстории войны, сбалансированно показаны узлы межгосударственных противоречий и очаги напряженности, зарождавшиеся одновременно в Европе и Азии.

До вовлечения Советского Союза в военное противоборство с нацистской Германией политические цели западных демократий во Второй мировой войне не выходили за рамки их собственных корыстных интересов. Достаточно вспомнить такие действия Великобритании и Франции, как отказ от реализации идеи коллек-

тивной безопасности, выдвинутой Советским Союзом в 1930-е гг., нарушение ими принятых на себя обязательств по отношению к Польше, подвергшейся агрессии со стороны фашистской Германии 1 сентября 1939 г., нежелание вести активные военные действия против Третьего рейха в сентябре 1939 — мае 1940 г. («странная война»), попытки создания единого с Гитлером антисоветского фронта.

Во время Второй мировой войны фашизм действовал по двум направлениям: борьба с западными державами и геноцид народов Советского Союза, а также ряда других славянских государств. Однако ход войны показал: народы разных стран способны встать над геополитическими, классовыми, идеологическими противоречиями и объединиться против общего врага человечества.

Политические цели преступной войны фашистской Германии против СССР, сформулированные в плане «Барбаросса», генеральном плане «Ост», ряде директив и приказов военного командования вермахта, состояли в том, чтобы уничтожить СССР как государство, лишить его народы права на существование.

Для нашей страны эта война была вынужденной, ответной. Проведенные в ходе подготовки первых томов архивные исследования, как и более углубленный анализ ранее введенных в научный оборот документов, подтвердили несостоятельность версии современных фальсификаторов о якобы существовавших в СССР планах превентивной войны против Германии.

Напротив, вторжение войск фашистской коалиции на советскую территорию было актом заранее спланированной и тщательно подготовленной агрессии. Чтобы оправдать ее, Гитлер и Геббельс прибегли к мифу о «превентивной войне». Документы Нюрнбергского процесса свидетельствуют о том, что СССР не давал ни малейшего повода для развязывания агрессии. Работа над настоящим Трудом показала, что оснований для пересмотра такого вывода нет.

По политическим целям и характеру Отечественная война была освободительной. Народы СССР, его политическое и военное руководство вступили в смертельную битву с врагом. Поэтому закономерно, что основное внимание авторы вышедших томов Труда сосредоточили на подвиге народа, единстве фронта и тыла, стойкости и мужестве, героизме военнослужащих, партизан и тружеников тыла.

Война потребовала кардинальной перестройки всех сфер жизни — политической, экономической, военной, духовной, социальной, вызвала необходимость превратить страну в единый военный лагерь.

В Великой Отечественной войне поражения и победы на полях сражений зависели от профессионализма командных кадров. Отставание в области военного искусства было одной из основных причин неудач и поражений нашей армии в начале войны. Однако постепенно советские командиры и военачальники, извлекая уроки из проведенных сражений и боев, учились грамотно управлять войсками.

Красная армия освоила все основные виды стратегических действий — оборону и наступление, в том числе контрнаступление. Из девяти кампаний, проведенных

Вооруженными силами Советского Союза в годы Великой Отечественной и Советско-японской войн, две были оборонительными и семь — наступательными.

Начиная с осени 1942 г., со Сталинградской битвы, все крупные наступательные и контрнаступательные операции советского командования, как отмечал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, «отличались оригинальностью, решительностью, стремительностью и полной завершенностью». В этой войне появились новые элементы, положившие начало развитию военного искусства второй половины XX — начала XXI в.

Советско-германский фронт стал основным во Второй мировой войне. По количеству развернутых здесь сил, масштабам и результатам проводившихся операций, по потерям, понесенным вооруженными силами фашистского блока, он намного превосходил все другие фронты. Против Красной армии действовали почти три четверти войск фашистского блока и основная масса боевой техники.

Констатация решающей роли СССР и его армии в разгроме нацистской Германии и ее союзников далека от цели принизить мощь и значимость военных усилий других стран антигитлеровской коалиции и вызвана необходимостью объективного взгляда на одно из самых трагических событий мировой истории — Вторую мировую войну.

Как логическое продолжение Великой Отечественной войны в Труде рассматривается Советско-японская война, в которую СССР вступил в августе 1945 г., после разгрома фашистской Германии. Этот акт подтвердил линию советского руководства на строгое соблюдение союзнического долга и стал закономерным финалом Второй мировой войны, которая приобрела коалиционный характер.

Участие СССР в ликвидации дальневосточного очага войны, тлевшего в регионе с 1920-х гг., а затем обернувшегося ожесточенными военными действиями Японии против наших союзников по антигитлеровской коалиции, изменило соотношение сил и ход вооруженной борьбы в этом регионе. Разгром миллионной Квантунской группировки войск — наиболее боеспособного стратегического объединения в японских сухопутных войсках — оказал решающее воздействие на капитуляцию Японии и скорейшее завершение Второй мировой войны.

Отстаивая свою землю и независимость, советский народ одновременно освобождал другие народы, попавшие под гнет германского фашизма и японского милитаризма.

Важнейшей особенностью освободительной миссии Вооруженных сил Советского Союза были их совместные действия с армиями и вооруженными формированиями освобождаемых стран. Совместно с солдатами и офицерами Красной армии за изгнание нацистских оккупантов сражались Войско Польское, Народно-освободительная армия Югославии, 1-й чехословацкий армейский корпус, а на заключительном этапе войны — румынская, болгарская армии, части вновь созданной венгерской армии, а также польские, югославские и чешские партизаны.

Красная армия вступала на территорию европейских и азиатских государств в силу военной необходимости — принудить противника к капитуляции. Вместе с тем советское руководство не скрывало от союзников, что оно заинтересовано в утверждении на освобожденных территориях власти, лояльной Советскому Союзу. Такого рода стремление было естественным, логичным и не выходило за рамки международно-правового порядка, который устанавливали другие союзники по антигитлеровской коалиции в тех странах, куда вступали их войска.

Наш народ заплатил огромную цену за освобождение 13 государств Европы и Азии от фашизма. Однако такие жертвы оправданы избавлением этих стран от германской и японской оккупации, восстановлением суверенитета, получением возможности для социального обновления. Общие потери Вооруженных сил СССР в ходе освободительных операций составили около 4 млн человек.

Попытки некоторых недобросовестных авторов кощунственно сравнивать освободительную миссию Красной армии с фашистской оккупацией нельзя расценить иначе как аморальные и антиисторические. Это одно из проявлений информационной войны, которую ведут против России как многие бывшие союзники по антигитлеровской коалиции, так и ее противники.

В данном многотомном издании последовательно реализуются принципы объективности и историзма. Его создатели руководствуются требованием не допускать и не оставлять без внимания перекосы, искажения и умолчания, которые встречаются в литературе о войне. Субъективизму и конъюнктурной погоне за сенсационностью противопоставляются совокупность достоверных исторических фактов, объективность и взвешенность их оценок, строгое следование исторической правде.

Подавляющее большинство наших соотечественников воспринимают Великую Отечественную войну и победу Советского Союза как главное событие российской истории XX в. Они самым решительным образом возражают против попыток свести историю войны к окружениям и отступлениям, гулагам и депортациям, штрафбатам и заградотрядам.

Историческая наука не может не реагировать на запросы общественного мнения и не видеть за призывами к «новому прочтению» истории явные и косвенные попытки пересмотреть причины, характер и итоги Великой Отечественной войны в ущерб новой России.

Победа в этой войне стала возможной во многом благодаря эффективным скоординированным действиям антигитлеровской коалиции, ядром которой были СССР, США и Великобритания. Нельзя, однако, забывать, что агрессия была бы задушена в зародыше, а конец длинной цепи военных авантюр, тяжелых жертв, страданий народов многих стран мог бы быть положен значительно раньше, если бы накануне Второй мировой войны была создана система коллективного противодействия силам нацизма и милитаризма.

Поэтому одним из главных уроков той войны для нас, живущих уже в новом, XXI в., является необходимость создания механизма контроля над попытками утвердить однополярное мироустройство, подорвать стабильность отношений между государствами путем нарушения суверенных прав народов.

Рост международного авторитета России позволяет надеяться на то, что ее голос будет звучать все более весомо. При этом надо знать и помнить, что в мире прислушиваются лишь к тем, кто способен за себя постоять. Наша главная задача — укреплять и развивать экономический потенциал страны и ее вооруженные силы.

Председатель главной редакционной комиссии Труда,
Министр обороны Российской Федерации,
Герой России, генерал армии
С. К. ШОЙГУ

Предисловие

Пятый том фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941—1945 годов» называется «Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией» и занимает в этом научном проекте особое место. Содержащийся в томе материал имеет исключительное познавательное и мировоззренческое значение, играет важную роль в формировании научного исторического сознания народа.

В центре внимания авторского коллектива — два всемирно-исторических события: разгром агрессивной военной машины фашистской Германии весной 1945 г., означавший окончание Великой Отечественной войны Советского Союза в Европе, и разгром милитаристской Японии в августе того же года, ставший финалом Второй мировой войны. Эти события, органически связанные между собой, завершили разгром темных сил фашизма и милитаризма, пресекли их чудовищные устремления подчинить своей власти ход истории всего человечества. В числе основных творцов победы над этими силами было наше Отечество, понесшее наибольшие жертвы и потери в борьбе с мировым злом первой половины XX в.

В 1944 г. Красная армия успешно осуществила блестящую серию последовательных и взаимосвязанных наступательных стратегических операций, в ходе которых немецко-фашистским войскам был нанесен невосполнимый ущерб в живой силе и военной технике, и они лишились наступательной мощи. От оккупантов была освобождена вся территория СССР, за исключением Курляндского полуострова. Красная армия очистила от захватчиков значительную часть Восточной Европы. Войска наших западных союзников в октябре 1944 г. вышли на границы с Германией. На рубеже 1944—1945 гг. они отражали немецкое контрнаступление, предпринятое в Арденнах.

Мощные удары советских Вооруженных сил, а также успехи англо-американских войск и сил движения Сопротивления привели к окончательному распаду фашистского блока в Европе: Италия, Финляндия, Румыния, Болгария и Венгрия были выведены из войны на стороне нацистской Германии и, в свою очередь, объявили ей войну. Германия оказалась практически изолированной. Единственным ее союзником оставалась Япония.

К началу 1945 г. советско-германский фронт по-прежнему являлся главным во Второй мировой войне. От рубежа, занимаемого англо-американскими войсками, его отделяло более тысячи километров. Причем Берлин находился как раз посредине. Красная армия с востока, англо-американские войска с запада готовили сокруши-

тельные удары, чтобы завершить войну в Европе. Однако нацистское руководство Германии, проведя тотальную мобилизацию, намеревалось затянуть ее как можно дольше, рассчитывая на распри в рядах союзников по антигитлеровской коалиции и возможность заключения сепаратного мира.

В томе обстоятельно анализируется положение Германии, ее фронта и тыла во второй половине 1944 — начале 1945 г. Показано, как в результате поражений от ударов главным образом Красной армии на советско-германском фронте Германия все глубже погружалась в военно-политический и общий кризис, из которого она выбраться так и не смогла.

Несмотря на ослабление военно-экономического потенциала Германии, она располагала еще довольно мощной экономической базой. В результате рейх сохранил способность к активной обороне, а на отдельных направлениях мог предпринимать контрудары и даже переходить в контрнаступление. Сокращение территории, контролируемой нацистской Германией, позволило гитлеровскому командованию увеличить плотность войск и оказывать серьезное сопротивление.

Германские войска могли не только обороняться, но и на отдельных направлениях наносить ощутимые удары, что показали события в Арденнах в декабре 1944 г. и в Венгрии в январе 1945 г.

Политика и стратегия нацистской Германии на заключительном этапе противоборства исходили из признания неоспоримого факта, что война проиграна. Однако ее правители искали наиболее приемлемый выход. Стратегический план германского верховного командования на 1945 г. заключался в том, чтобы упорной обороной на востоке задержать наступление Красной армии и не допустить ее продвижения в глубь Германии. На западном фронте удары вермахта должны были заставить США и Великобританию изменить свою политику и подтолкнуть их к заключению сепаратного мира. Таким образом руководство Германии стремилось добиться приемлемого для себя исхода войны.

Учитывая предшествующий опыт противоборства с фашистской Германией, взвешенно оценивая соотношение сил и военно-политическую обстановку, тенденции ее развития, советское политическое и военное руководство разработало план победоносного окончания войны. Соответственно этому плану Ставка Верховного главнокомандования определила следующие цели на последнем этапе: завершить разгром фашистской Германии и совместно с союзниками принудить ее к безоговорочной капитуляции.

Намеченный план Ставка решила осуществить проведением одновременных крупных наступательных операций на всех стратегических направлениях с последующим их развитием в глубину. На первом этапе предполагалось разгромить противника в Восточной Пруссии, Польше, Чехословакии, Венгрии, Австрии и овладеть рубежами устье р. Висла — Бромберг (Быдгощ) — Познань, Бреслау (Вроцлав) — Моравска-Острава — Вена. На втором этапе намечалось взять Берлин, Прагу и, соединившись с англо-американскими союзниками, завершить разгром Германии.

В начале января 1945 г. стратегические группировки были созданы. Наиболее мощная из них находилась на направлении главного удара — в полосе 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов. Особенно сильной являлась группировка подвижных войск, что в значительной степени определило их высокую маневренность и динамичность наступательных операций.

Большое внимание уделялось тщательной подготовке и обеспечению боевых действий. К 1945 г. состав, техническая оснащенность и вооружение Красной армии достигли наивысшего уровня. На советско-германском фронте (без резерва Ставки ВГК) Красная армия превосходила противника в личном составе в 1,8 раза, в орудиях и минометах — в 1,9 раза, в танках и САУ (штурмовых орудиях) — в 1,5 раза, а в боевых самолетах — в 3,6 раза. Войска Красной армии поддерживались Северным и Балтийским флотами.

Совместно с объединениями Красной армии сражались польская, две румынские, болгарская армии, чехословацкий армейский корпус, французский авиационный полк «Нормандия-Неман».

С января 1945 г. на советско-германском фронте, который оставался главным во Второй мировой войне, были проведены Висло-Одерская, Восточно-Прусская, Венская, Берлинская, Пражская и другие крупнейшие наступательные операции. Советские войска успешно преодолели сильную, глубоко эшелонированную оборону противника в Польше и Восточной Пруссии, действовали в горно-лесистой местности Чехословакии, западной части Венгрии и Австрии. Ведя ожесточенные бои, Красная армия форсировала крупные водные рубежи, осуществляла наступление в сложных погодных условиях. В результате были разгромлены основные стратегические группировки врага и созданы условия для окончательного удара по фашистской Германии. Берлинская и Пражская операции советских вооруженных сил победоносно завершили военные действия в Европе. 2 мая 1945 г. советские войска штурмом овладели Берлином и водрузили над рейхстагом Знамя Победы.

Война в Европе закончилась там, откуда пришла. Разгром Германии был завершен объединенными усилиями армий стран антигитлеровской коалиции при решающей роли Вооруженных сил СССР. Акт о безоговорочной капитуляции подвел черту преступной политике и военной стратегии агрессора. Фашизм в Германии перестал существовать как государственно-политическая система и военная сила.

В томе показано, что с завершением разгрома Германии и ее союзников в Европе Вторая мировая война не закончилась. Оружие не сложила Япония — участница Тройственного пакта. Проблемы безопасности СССР на Дальнем Востоке оставались нерешенными. Несмотря на то что японский агрессор оказался после разгрома Германии в полной международной изоляции, правительство микадо было намерено продолжать войну до победного конца.

Советское правительство на Тегеранской и Крымской конференциях дало обещание западным союзникам вступить в войну против Японии по истечении трех месяцев со дня капитуляции Германии. В заявлении советского правительства от 8 августа 1945 г. отмечалось, что после разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония, отклонив Потсдамскую декларацию США, Великобритании и Китая от 26 июля 1945 г. о безоговорочной капитуляции, оказалась единственной державой, которая еще стояла за продолжение войны. И в этой войне у Советского Союза были следующие цели: ускорить разгром Японии и тем самым приблизить конец Второй мировой войны; сократить число жертв, связанных с войной; избавиться от угрозы японского нападения; помочь китайскому, корейскому и другим народам Азии в их борьбе против японских агрессоров за национальную свободу и независимость; выполнить свои союзнические обязательства; обеспечить безопасность своих дальневосточных границ.

Война Советского Союза против Японии оказала решающее влияние на весь дальнейший ход и исход Второй мировой войны на Дальнем Востоке, в странах Юго-Восточной Азии и бассейне Тихого океана. Разгром миллионной Квантунской группировки, наиболее обученного и хорошо оснащенного стратегического формирования японских сухопутных войск, вырвал у Японии основные средства дальнейшего ведения войны и заставил ее капитулировать.

Предпринятые Соединенными Штатами 6 и 9 августа атомные бомбардировки японских городов Хиросима и Нагасаки не были вызваны военной необходимостью, а являлись политическим актом мести за Пёрл-Харбор, демонстрацией миру обладания сверхмощным оружием и основанием жесткой послевоенной политики по отношению к своему решающему союзнику во Второй мировой войне — Советскому Союзу, приведшей к гонке вооружений и холодной войне.

2 сентября 1945 г. в Токийской бухте на борту американского линкора «Миссури» состоялась церемония подписания Акта о капитуляции. Согласно этому документу Япония принимала условия Потсдамской декларации и заявляла о безоговорочной капитуляции всех вооруженных сил — как своих, так и находившихся под ее контролем.

В томе подчеркивается, что своими решительными действиями Советский Союз спас от неминуемой гибели сотни тысяч солдат союзных армий и миллионы японских граждан. Завершение войны раньше намечавшихся союзниками сроков предотвратило также дальнейшее истребление японскими захватчиками народов Восточной и Юго-Восточной Азии.

Выполнение Советским Союзом в полном объеме своего союзнического долга не помешало правительствам США и Англии предать забвению ряд важных принципов и решений антигитлеровской коалиции. Прежде всего это нашло выражение в пресловутом «жестком курсе» Г. Трумэна в отношении СССР, который привел к развертыванию масштабной холодной войны.

В целом 1945 г. стал временем исключительно важных по своим политическим, геополитическим, социальным и иным последствиям наступательных операций Красной армии. Разгромом Германии закончилась война в Европе. Победа над Японией — главной союзницей Германии — означала конец всей Второй мировой войны, самой ожесточенной и кровопролитной в истории.

Военные успехи Красной армии в 1945 г., разгром фашистской Германии и милитаристской Японии были обеспечены жертвенными усилиями народов Советского Союза. Благодаря их самоотверженному труду производство основных видов военной техники и оружия к началу 1945 г. достигло наивысшего за всю войну уровня. Советские Вооруженные силы располагали значительно бóльшими по количеству и лучшими по качеству боевой техникой и оружием. Источником трудового подвига народа явился справедливый, освободительный характер войны с Германией и Японией. Единство фронта и тыла, армии и народа, народа и власти стало залогом успеха в борьбе с агрессором. Вместе с тем в предвидении скорой победы уже в ходе войны в стране проводились мероприятия, направленные на перестройку народного хозяйства для решения задач мирного времени.

По насыщенности военно-политическими событиями заключительный период Второй мировой войны (январь — сентябрь 1945 г.) занимает особое место. Оно определяется рядом специфических факторов, главными из которых были судьбоносные

изменения в военно-политической обстановке в мире в результате капитуляции фашистской Германии, вступления в войну против Японии Советского Союза и, наконец, безоговорочной капитуляции милитаристской Японии.

Рассмотрению сложного комплекса военных, идеологических, политических, экономических и иных процессов в Европе и на Дальнем Востоке и посвящен пятый том фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941—1945 годов». Его структура построена таким образом, чтобы максимально способствовать более объективному и глубокому осмыслению справедливого и всенародного характера Великой Отечественной войны, правильному пониманию ее освободительной роли, особенно на заключительном этапе, пониманию как национального, так и всемирно-исторического значения победы над агрессорами.

При написании труда авторы старались учесть наличие большого числа тенденциозных работ и даже откровенных фальсификаций как истории Великой Отечественной войны в целом, так и ее отдельных событий и процессов, в том числе и касательно заключительного этапа войны. Поэтому содержание тома отражает позиции авторов по целому ряду критических и полемических положений и выводов, затрагиваемых зарубежной историографией.

В заключении к тому содержатся исторические обобщения, а также теоретико-методологические и практические выводы и рекомендации, которые могут быть полезны как читателям, так и авторам последующих исследований по истории Великой Отечественной войны.

Пятый том подготовлен научными сотрудниками Российской академии наук (РАН), Российской академии естественных наук, Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, Военной академии Министерства обороны, Военного университета, Института всеобщей истории РАН, Восточного университета, Института Дальнего Востока РАН, Института российской истории РАН, Московского государственного университета, Московского государственного лингвистического университета, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Центрального музея ВС РФ и других научных и образовательных учреждений.

Редакционная комиссия и авторский коллектив тома выражают благодарность сотрудникам Главного управления кадров Министерства обороны Российской Федерации (МО РФ), Главного управления по работе с личным составом ВС РФ, Главного организационно-мобилизационного управления, 8-го управления Генерального штаба ВС РФ, Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Обшевойсковая академия ВС РФ», Военной академии тыла и транспорта имени генерала армии А. В. Хрулева, Военно-научного комитета ВС РФ, Научного-исследовательского центра (научного руководителя труда), Пограничной академии ФСБ России, Центрального музея ВС РФ, Архива Президента Российской Федерации, Архива внешней политики Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Российского государственного архива научно-технической документации, Центрального архива МО РФ, Российского государственного архива кинофотодокументов, Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов и других научных организаций и учреждений за предоставленные материалы, участие в рецензировании рукописи тома и внесение ряда ценных замечаний и конструктивных рекомендаций по ее доработке.

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЙ ПОХОД В ЕВРОПУ. РАЗГРОМ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

ОБСТАНОВКА В ЕВРОПЕ. ПЕРЕНОС ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР НА ЗАРУБЕЖНУЮ ТЕРРИТОРИЮ

Военно-политическая обстановка к началу освободительного похода в Европу

За три с половиной года напряженных военных действий на советско-германском фронте вермахту были нанесены сокрушительные удары. В результате побед, одержанных в Карелии, Белоруссии, на Украине, в Молдавии, Прибалтике и Заполярье, советские Вооруженные силы решили одну из самых важных задач, поставленных перед ними на лето и осень 1944 г., — советская территория почти полностью, за исключением Курляндского полуострова, была освобождена от оккупантов.

В летнюю кампанию 1944 г. советские войска провели семь крупных операций по окружению и разгрому немецких группировок. Это было значительно больше, чем в предыдущих кампаниях. Наиболее крупными операциями с решительными целями являлись Белорусская, Ясско-Кишиневская и Львовско-Сандомирская, где было разгромлено до 127 дивизий противника. В результате оборонительный фронт немецких войск был разбит на 2200-километровом протяжении от Западной Двины до Черноморья. Наши войска продвинулись вперед на отдельных направлениях до 700 км. В летней кампании 1944 г. в наступательных операциях приняли участие все 12 фронтов, Северный, Балтийский и Черноморский флоты, озерные и речные флотилии.

Мощные удары советских Вооруженных сил во взаимодействии с армиями стран антигитлеровской коалиции, а также успехи сил движения Сопротивления привели к краху фашистского блока. Соединения и объединения Красной армии с боями вышли к Восточной Пруссии и вторглись в ее пределы. Англо-американские армии приблизились к границам Германии на западе, вели боевые действия в Северной Италии.

Перед советским военно-политическим руководством остро встал вопрос о принятии необходимых мер по оказанию помощи народам зарубежных стран в их освободительной борьбе против оккупантов. Цели Советского Союза в отношении этих стран были сформулированы в ряде документов коммунистической партии и советского правительства и заключались в освобождении народов Европы от фашистских захватчиков и содействии им

в воссоздании национальных государств, предоставлении им полной свободы в решении вопроса о государственном устройстве и социальном строе, создании условий, полностью исключавших возможность новой агрессии со стороны Германии.

Победы советских Вооруженных сил явились решающим фактором упрочения внешнеполитического положения Советского Союза. Его авторитет как главной силы антигитлеровской коалиции неизмеримо вырос. Подтверждением этого положения могут служить расширившиеся связи с другими странами. Так, если к началу войны СССР имел дипломатические отношения с 25 государствами, то к 1945 г. — с 41 государством.

К началу 1945 г. Германия оказалась в исключительно тяжелом положении. Это заставило ряд ее руководителей прийти к выводу, что страна проиграла войну и ее вооруженные силы уже не в состоянии изменить создавшееся положение. Бывший начальник штаба верховного командования Германии генерал-фельдмаршал В. Кейтель в своих показаниях на Нюрнбергском процессе указывал: «С лета 1944 года я понял, что военные уже сказали свое слово и не могут оказать решающего воздействия на ход войны — дело оставалось за политикой»[1].

Командование вермахта, разрабатывая план действий на 1945 г., считало, что Красная армия нанесет два мощных удара: главный — в Венгрии и южной части Польши, а второй — в Восточной Пруссии. При этом оно предполагало, что 1-й Украинский фронт будет наступать с сандомирского плацдарма на юго-запад, в обход Карпат с северо-запада. По предположениям немецкого командования, Красная армия должна была вначале перейти в наступление в Курляндии, затем нанести удар на варшавско-познанском направлении и лишь после этого развернуть наступление против группировок вермахта в Восточной Пруссии[2].

Планирование заключительного этапа вооруженной борьбы на советско-германском фронте началось еще в ходе летне-осенних сражений 1944 г., когда в Генеральном штабе была разработана и четко обозначена идея зимней кампании 1945 г., предусматривавшая наступление на всем советско-германском фронте.

В начале ноября 1944 г. план завершающей кампании был окончательно разработан, и в последующем уточнялись лишь отдельные детали. Вначале предусматривалось провести операции в Восточной Пруссии, Польше, Чехословакии и Венгрии. Планировалось продвинуться на глубину 250—300 км, выйдя на рубежи Быдгощ, Познань, Бреслау и Вена, затем овладеть Берлином[3]. Перед Красной армией ставилась ответственная задача — окончательно сокрушить фашистскую Германию и победоносно завершить Великую Отечественную войну в Европе. Главная роль в предстоявших крупных операциях отводилась войскам 2-го, 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов под командованием соответственно Маршалов Советского Союза К. К. Рокоссовского, Г. К. Жукова и И. С. Конева.

Особое место в событиях 1944—1945 гг. занимает развертывание второго фронта в Нормандии. Этот вопрос с самого начала определялся выбором, что должно быть приоритетным — согласованная по усилиям и времени, координируемая руководством трех великих держав антифашистской коалиции стратегия или позиция «каждый за себя», подчиненная в первую очередь национальным интересам.

Коалиционная стратегия предусматривала наступлением на Германию с востока и запада заставить Третий рейх и его союзников воевать на двух фронтах, на направлениях, выводящих к жизненно важным районам Германии. Это позволяло максимально быстро разгромить ее как главного противника, сократить число жертв и разрушений в оккупированной Европе и контролируемых державами оси странах. Это была прогрессивная высоконравственная стратегическая концепция, поскольку она позволяла сохранить десятки миллионов жизней, прежде всего мирных жителей, уменьшить страдания народов, попавших под иго фашистской оккупации, покончить с бесчеловечным фашистским режимом, предопределить поражение Германии и Японии, закончить войну в более короткие сроки.

При выборе такой стратегии западные державы, используя свои военно-экономические потенциалы с наибольшей эффективностью, были в состоянии создать все необходимые предпосылки в 1941—1942 гг. с тем, чтобы открыть второй фронт в 1943 г., а при благоприятных обстоятельствах захватить плацдарм в 1942 г., который облегчил бы в дальнейшем

развертывание военных действий. Правда, при ориентации на такую стратегию США и Англия должны были максимально мобилизовать все имеющиеся ресурсы (что создало бы определенные трудности для населения этих стран) и быть готовыми к бо́льшим потерям своих вооруженных сил, чем при проведении периферийной стратегии на театрах, удаленных от жизненно важных центров Германии.

Стратегия, отдающая приоритет национальным интересам, ослабляла согласованные усилия трех великих держав, увеличивала общее число жертв и разрушений в оккупированных гитлеровцами странах и на фронтах, удлиняла сроки войны, но обеспечивала определенные политические и геополитические выгоды США и Англии, позволяла им свести к минимуму потери в людях и технике, переложить главную тяжесть войны с Германией на СССР в расчете на то, что тот ослабнет в единоборстве с рейхом и не сможет играть существенную роль в мировом сообществе после войны. Англия рассчитывала сохранить Британскую империю и свое влияние в послевоенном мире, не допустив гегемонии СССР в Европе. США надеялись добиться монопольного положения на мировых рынках, убрать с них Германию и Японию, потеснить Англию и Францию, не позволить СССР стать влиятельной силой в мире.

Советский Союз, находившийся в крайне тяжелом положении, был заинтересован в проведении коалиционной стратегии, поскольку его национальные интересы объективно совпадали с интересами всех стран, входивших в коалицию и выступавших против фашизма как реакционного режима. Интересы СССР требовали завершения освобождения своей оккупированной территории в самые короткие сроки, быстрейшего разгрома — во взаимодействии с союзниками — Германии, создания благоприятной внешнеполитической обстановки в мире после войны для восстановления и развития Советского Союза, укрепления его положения на международной арене.

Таковы были возможные варианты развития событий. Западные державы предпочли стратегию, отвечающую их эгоистически понимаемым национальным интересам, приняв в 1942 г. обоснованный У. Черчиллем курс «непрямых действий», а по отношению к СССР проводя линию «удержания России в войне», хотя военное руководство США и частично Англии выступало за скорейшее открытие второго фронта в Западной Европе.

Как показал ход событий, политика оттягивания вторжения во Францию хотя и позволила западным союзникам избежать больших потерь, но ограничила их политическое влияние в Центральной и Юго-Восточной Европе, освобожденной Красной армией, усилила там влияние Советского Союза, увеличила его политический вес в послевоенном мире.

Открытие второго фронта в Нормандии и его влияние на развитие военных действий на советско-германском фронте

В конце мая 1944 г. количество соединений союзников для высадки в Нормандии составляло порядка 80 дивизий: из них 32 пехотные, девять танковых и шесть дивизий ВВС дислоцировались южнее рубежа Лондон — Ливерпуль; 16 пехотных, три танковые и одна дивизия ВВС располагались в Средней Англии; еще шесть крупных соединений дислоцировались в Шотландии[4]. Они насчитывали 156 тыс. человек (в составе только первой волны) и более 10 тыс. боевых и 2300 транспортных самолетов. Всего же до начала августа планировалось перевезти 2800 тыс. человек войск и служб обеспечения. Немецкие войска в Нормандии составляли от 415 тыс. до 528 тыс. человек, помимо этого на территории Франции находились 900 тыс. военнослужащих вермахта, 2200 танков и 2300 самолетов[5].

На побережье немцами была выстроена оборонительная линия — так называемый Атлантический вал. При возведении оборонительных сооружений первостепенное внимание уделялось большим портам и наиболее угрожаемым для прорыва участкам побережья. Активные работы по его укреплению развернул командующий немецкой группой армий «В»

в Северной Франции генерал Э. Роммель, занявший эту должность в январе 1944 г. По его настоянию были сооружены 15 тыс. укреплений и других многочисленных препятствий[6], а также разработанные им проволочные укрепления, получившие среди немецких солдат название «спаржа Роммеля». К июлю 1944 г. «Организация Тодта» привлекла около 140 тыс. иностранцев из оккупированных стран и 16 тыс. немцев для сооружения Атлантического вала[7]. К началу высадки союзников на Западном побережье были возведены 12 247 укреплений, а в районе французского Средиземноморья — 943 оборонительных сооружения[8]. Для воспрепятствования массовой высадке десанта и изменения направления главного удара союзников в выгодных для немцев направлениях было закреплено около 500 тыс. береговых препятствий и заложено 6,5 млн мин[9].

Но превратить вал в непреодолимое препятствие Роммелю не удалось. Незадолго до высадки союзников в разговорах со своим окружением он не скрывал: «Для начала — это не совсем «вал»! Судите сами — по-настоящему мощные укрепления построены только вдоль Английского канала. Но здесь они и не собираются высаживать десант. Когда я только приехал и отправился в первую инспекционную поездку, я испытал потрясение от того, как ничтожно мало было на самом деле здесь сделано. Несколько крупных фортификационных сооружений — да, это есть, но в целом — это самая заурядная система линейных укреплений без эшелонирования в глубину... Все опорные укрепления разнятся по силе и располагаются на большом расстоянии друг от друга, преимущественно в устье реки и в естественных гаванях так, что не может быть и речи о перекрывании секторов и огневом взаимодействии дотов и дзотов. На незащищенных пространствах между ними нет абсолютно ничего! Только несколько открытых позиций береговой артиллерии, которые будут уничтожены первым же бомбовым ударом. Так что я не строю никаких иллюзий по поводу наших ближайших перспектив. Если мы не используем единственный шанс и не опрокинем противника в первые же несколько часов после высадки... и позволим ему захватить плацдарм, значит потерпим поражение, а вместе с ним безоговорочно проиграем и всю кампанию... Я прекрасно знаю истинную прочность оборонительных порядков Атлантического вала. Она везде различна»[10]. Слова Роммеля подтверждали американские военные историки, которые в 1945 г. отмечали: «Система укреплений была совершенно недостаточна», а из средств обороны подавляющее число составляли пулеметы и легкие орудия[11].

Другой предпосылкой успеха союзников были действия сил движения Сопротивления во Франции, чьи удары планировалось синхронизировать с высадкой десанта. Важное значение имели создание «Свободной Францией» временного Национального собрания в ноябре 1943 г. в Алжире и провозглашение временного французского правительства за несколько дней до вторжения союзников. Использование французских войск на фронте десанта и в немецком тылу также отвечало личным интересам У. Черчилля, ответственного за операцию. Лишь после сложных переговоров с Ф. Рузвельтом британскому премьер-министру удалось добиться участия нескольких французских соединений (в том числе 2-й танковой дивизии под командованием Ж. Леклерка).

Командующий союзными экспедиционными силами Д. Эйзенхауэр ожидал от французского движения Сопротивления серьезного участия в операции «Оверлорд». Перед вторжением оно должно было сообщать информацию о передислокациях частей и препятствовать перемещениям подвижных частей оккупантов в Нормандии. Союзное командование также имело несколько планов дезорганизации тыла немцев во Франции к дню «Д»: план «Грюн» предусматривал еще перед вторжением разрушить 570 железнодорожных узлов и станций на 30 главных направлениях, план «Шильдкротен» — нарушение линий связи, подрыв мостов и виадуков[12]. Важную роль сыграла и дезинформация англо-американского командования о месте высадки (Па-де-Кале) и ее командующем (Дж. Паттон). Как бы то ни было, высадка союзных войск и их скорое продвижение в глубь французской территории явились важнейшими слагаемыми успеха Нормандской операции.

5 июня 1944 г. в 21 час 15 минут в эфире Би-би-си прозвучал условный сигнал к началу высадки союзников утром следующего дня — первые строфы стихотворения П. Верлена об

Генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель инспектирует укрепления Атлантического вала

Тренировка немецких солдат незадолго до высадки десанта союзников

Десантные корабли в английском порту Бриксхэм загружаются техникой для войск, готовых к высадке в Нормандии

Генерал Дуайт Эйзенхауэр беседует с бойцами роты «E» 502-го полка 101-й воздушно-десантной дивизии перед их погрузкой в самолеты

осени. Командующий немецкой группой армий «Запад» генерал Г. Рундштедт знал об этом, но до последнего момента не верил тревожным донесениям разведки. В соответствии со сценарием, разработанным А. Гитлером в конце декабря 1943 г., Рундштедт привел в боевую готовность 15-ю, а не 6-ю армию, в зоне ответственности которой в действительности произошла высадка. Как полагало ОКВ, союзникам требовалось пять дней на вторжение; а командование люфтваффе считало, что союзникам для этой цели потребуются две недели хороших метеоусловий[13].

Высадка союзных войск началась 6 июня 1944 г. на пяти основных участках: «Омаха», «Юта», «Джуно», «Суорд», «Голд». Для проведения операции в общей сложности использовалось 6480 судов, в том числе 4126 (3261 британский и 865 американских) десантных кораблей и 1092 (890 британских, 150 американских и др.) военных корабля всех видов и классов[14]. Наземной высадке предшествовал воздушный десант в составе 101-й и 82-й воздушно-десантных дивизий США и 6-й воздушно-десантной дивизии Великобритании[15].

К концу 6 июня, несмотря на проблемы, возникшие на участке «Омаха», союзникам удалось закрепиться на всех пяти участках высадки морского десанта и доставить на побережье 155 тыс. солдат и 16 тыс. единиц боевых машин. Вопреки ожиданиям, потери союзников оказались относительно незначительны: 6 тыс. американцев, 3 тыс. британцев и канадцев[16].

К исходу 12 июня в результате успеха десантных операций союзники создали на французском берегу плацдарм протяженностью 80 км по фронту и 13—18 км в глубину. В течение последующих шести недель десант вел тяжелую борьбу за расширение плацдарма, обеспечение транспортировки и сосредоточения крупных группировок войск для создания решительного превосходства в силах и средствах на восточном и южном направлениях. Этот процесс затянулся дольше, чем предполагалось, главным образом вследствие плохих метеоусловий, которые неоднократно прерывали движение через Ла-Манш транспортных судов с людскими и материальными ресурсами. Только к концу июня плацдарм союзников достиг 100 км по фронту и от 20 до 40 км в глубину. Там было оборудовано 23 аэродрома; численность англо-американских войск составляла 875 тыс. человек[17].

Хотя операции и развивались с отставанием от графика, союзники все же сумели накопить такие силы, которые впоследствии позволили им не только наверстать упущенное время, но и превзойти намеченные ранее темпы наступления.

В этой обстановке противник возлагал все свои надежды на тактику Роммеля, заключавшуюся в сосредоточении всех сил на удержании береговых укреплений[18]. Когда же выяснилось, что береговые укрепления не в состоянии предотвратить захват и расширение союзниками плацдармов, то у немцев не оказалось никакого другого способа борьбы с создавшейся угрозой. Командующий группой армий «Запад» генерал Г. Рундштедт стремился исправить ошибки своего подчиненного и через несколько недель после высадки попытался создать в своем тылу подвижную танковую ударную группу, однако было уже поздно. Гитлеровцы вынуждены были ввиду недостатка пехоты использовать свои танковые части в чисто оборонительных целях.

Помимо недостатка в пехоте важнейшей причиной поражения противника в Нормандии стала реальная угроза району Па-де-Кале со стороны союзников. Она помогла союзникам уже тем, что ввела противника в заблуждение относительно истинных целей приготовлений и районов вторжения. Эта угроза сохранялась и после 6 июня, сковывая немецкие войска в районе восточнее р. Сены в то время, как союзники накапливали силы к западу от этого района. Если бы 15-я германская армия была введена в сражение в июне или июле, то она, имея численное превосходство, могла бы разгромить высадившиеся к тому времени англо-американские дивизии. Однако она оставалась в бездействии в течение всего критического периода кампании. Лишь когда прорыв уже совершился, ее пехотные дивизии были брошены на запад через р. Сену, но было слишком поздно — это уже не могло повлиять на развитие событий.

Из других районов Франции в Нормандию перебрасывались некоторые подкрепления, но это происходило с такой медлительностью, что накопление сил противника в районе боев в течение первых шести недель кампании составляло в среднем всего около половины

Американцы на захваченном мысе Пуэнт дю Хок в Нормандии.
На заднем плане — конвоируемые немецкие военнопленные

Американское подкрепление высаживается на пляж «Омаха»

Погибшие американские солдаты на пляже «Омаха»

Войска союзников выгружают технику и грузы на захваченном плацдарме

дивизии в сутки. К 16 июня противник сумел ввести в бой только четыре танковые дивизии, а к 19 июня были подведены еще шесть ближайших пехотных дивизий. Причинами тому стали активные действия французских партизан на немецких транспортных коммуникациях и начинавшееся вскоре наступление Красной армии в Белоруссии и на Украине (операция «Багратион»), которое осуществлялось по заранее достигнутой договоренности с союзниками[19]. Оценивая влияние мощного удара Красной армии на советско-германском фронте летом 1944 г., американский дипломат Ч. Болен писал: «Советы честно выполнили свои обязательства в соответствии с договоренностью и начали свое наступление тогда, когда оно оказало реальную помощь союзникам»[20].

Подкрепления противника в Нормандию стали прибывать из более отдаленных районов лишь в начале июля, когда масштаб операций союзников уже определился. Их переброска была затруднена активными действиями союзной авиации и французских сил Сопротивления. К середине июня немцы подтянули в этот район буквально всё, что имели на территории Западной Европы: из Бретани, Юго-Западной и Западной Франции, Голландии, Польши и Норвегии. Лишь 15-я армия все еще ожидала в районе Па-де-Кале нового вторжения союзников, которое так и не состоялось.

Своими непрерывными ударами по объектам в немецком тылу авиация союзников дезорганизовывала работу тыла противника, что, несомненно, способствовало успеху прорыва. В связи с этим генерал-фельдмаршал Рундштедт доносил в ставку Гитлера, что союзническая тактическая авиация господствовала не только над главным районом боя, но и на подступах к нему на глубину более 160 км[21]. Подавляющее превосходство в воздухе сохранялось, несмотря на отвлечение значительной части союзной авиации для организации борьбы с «Фау-1» (самолеты-ракеты), а впоследствии и с «Фау-2» (баллистические ракеты), нацеленными главным образом на Лондон.

Немецкие войска, с которыми соприкасались части союзников, были самого различного качества. Значительно боеспособнее других выглядели танковые дивизии СС и парашютные части. Слепая вера в конечную победу нацистов все еще была достаточно высока: они фанатично дрались как в наступлении, так и в обороне[22]. В пехотных дивизиях боеспособность и моральное состояние личного состава были значительно ниже, тем не менее многие немецкие солдаты и офицеры видели в Гитлере единственную надежду Германии и считали, что лучше погибнуть в бою, чем дожить до повторения 1918 г.

Борьба, имевшая место в период расширения плацдармов, приняла на британском участке фронта форму тяжелых затяжных боев у г. Кан. Здесь противник сосредоточил свои основные силы в то время, как 1-я американская армия пробивала себе путь для захвата порта Шербур, перегруппировывала силы и укрепляла свои позиции на юге[23].

Для германского командования было жизненно важно не допустить союзников в бассейн р. Сены и сохранить речные переправы для подвоза подкреплений и материальных средств своим дивизиям, расположенным в Нормандии. Кроме того, немцы опасались удара на Париж, который мог отрезать все силы вермахта, находящиеся к западу от этого города. Удержание бассейна р. Сены было важно и потому, что немцы предвидели угрозу Гавру, являвшемуся незаменимой базой для немецких морских сил, действовавших на подступах к району высадки десанта[24]. Этот район был важен для вермахта и в связи с расположенными в нем пусковыми установками «Фау-1». Немцы рассчитывали, что союзники будут стремиться захватить его, чтобы снять угрозу обстрела Великобритании самолетами-ракетами, и таким путем выйдут на главную группировку немецких войск. Несмотря на то что кульминация обстрела Южной Англии «оружием возмездия» прошла, эти удары доставляли британцам серьезное беспокойство. Так, по оценке британских служб, потери Англии от этого оружия к 17 сентября 1944 г. составили 5850 убитыми, 40 300 ранеными[25]. Но, пожалуй, важнейшей причиной было то, что командование вермахта хотело предотвратить возможность соединения уже высадившихся войск союзников с теми, которые, как оно ожидало, десантируются в районе Па-де-Кале.

12 июня пал Карантан, а 26 июня капитулировал гарнизон Шербура. По мнению Роммеля, с момента, когда Шербур оказался в руках союзников, ликвидация их плацдарма стала

Танк 12-й дивизии СС на улице французского города Кан

Панцергренадер 12-й танковой дивизии СС в Нормандии

невозможной. Тем самым потерпела крах его тактика: полагаться на бетонный вал для отражения вторжения еще у самой береговой полосы. В течение последующих нескольких недель немцы под руководством фон Рундштедта делали отчаянные попытки создать мобильную ударную силу, необходимую для гибкой обороны, но было уже поздно.

Неспособность противника после первоначального успеха десантных операций союзников создать достаточно сильный резерв, чтобы сбросить союзников в море, стала очевидной в боях в британско-канадском секторе. В то время когда 5-й американский корпус продвигался в глубь страны от своего плацдарма в Кальвадос, 2-я британская армия вела тяжелые бои в районе Тилли с двумя танковыми дивизиями, составлявшими ядро сил оборонявшегося противника. Прибывавших к нему подкреплений было явно недостаточно.

28 июня 8-й английский корпус создал плацдарм примерно 3600 м в ширину и 900 м в глубину на другом берегу р. Одон близ Мондренвиля. Теперь противник уже ввел в бой большую часть из восьми танковых дивизий с целью задержать наступление союзников, перерезать коридор к северу от реки и ликвидировать плацдарм на своем берегу[26]. Однако союзники, несмотря на плохую погоду, мешавшую авиации осуществлять эффективную поддержку войск, держались прочно. Отборные части танковых войск СС не сумели их сбить.

Тем не менее продвижение союзников на востоке было приостановлено, так как в секторе Кана были сосредоточены основные силы противника[27]. Использовав его просчеты и внеся соответствующие коррективы в план операции, союзное командование бросило американские войска для прорыва на западе. По приказу Б. Монтгомери 2-я английская армия продолжала в течение июля оказывать непрерывное давление на противника, сковав тем самым немцев на востоке и не позволив им перебрасывать силы на запад[28]. На полуострове Котантен американские войска одновременно с силами, которые высадились к востоку от р. Вир, продолжали прокладывать себе путь на юг, стремясь овладеть территорией, необходимой для создания группировки и подготовки (к концу месяца) к прорыву германских оборонительных позиций[29].

Первая половина июля стала трудным временем для обеих сторон. По данным британского военного ведомства, на 7 июля в ходе операции «Оверлорд» потери союзников составили около 250 тыс. человек и приблизительно 58 тыс. единиц боевой техники[30].

Противник оказывал ожесточенное сопротивление по всему фронту. Ввиду этого продвижение 1-й американской армии резко замедлилось. Хотя генерал О. Брэдли атаковал непрерывно всеми своими силами, пробить немецкую оборону не удавалось. Тогда 8 июля генерал Монтгомери организовал наступление на Кан крупными силами, используя принцип Эпаминонда, открытый две тысячи лет назад. Он сосредоточил максимально возможные силы на участке прорыва, а наступлению пехоты предшествовала мощнейшая артиллерийская и авиационная подготовка. Так как бомбардировка разрушила пути подвоза материальных средств, немцы оказались без боеприпасов и продовольствия, что позволило союзникам занять город[31].

Систематический срыв союзниками попыток противника создать танковый резерв в качестве мощного ударного кулака[32] является характерной чертой операций в июне и июле. Благодаря этому они успешно закрепились на захваченном плацдарме и отразили контратаки, которые могли бы сбросить их в море. Всякий раз, когда противник предпринимал попытку заменить танковые части на передовой линии вновь прибывшей пехотой, новая атака союзников вынуждала спешно возвращать их для отражения ударов. Эти непрерывные атаки заставляли немцев использовать малоэффективную тактику лихорадочного затыкания дыр, которая только выматывала их. Находящиеся на восточном берегу Сены войска, ожидая вторжения союзников из района Па-де-Кале, не могли прийти на помощь истекающим кровью соединениям 7-й армии и танковой группе «Запад». Всё, что могли сделать последние, — стараться выиграть время и не допустить продвижения союзников, ведя тяжелые бои на каждом пригодном для обороны рубеже.

Тем не менее 18 июля пал Сен-Ло. Теперь союзники располагали пространством, необходимым для сосредоточения сил и маневра[33]. Штаб немецкой танковой группы «Запад»

Пулеметный расчет 4-й американской пехотной дивизии выдвигается на позиции

Уничтоженная немецкая техника в Нормандии

Капитуляция немецких войск во французском городе Шербур

Пленные немецкие солдаты на улице города Шербур

докладывал о своих потерях: «Они настолько велики, что в ближайшее время дивизии (в составе данной группы) могут быть разгромлены. Потери составляют по личному составу: 116 863 человека, среди которых 10 генералов и 158 командиров всех уровней»[34]. На прибытие необходимых подкреплений рассчитывать не приходилось. При этом немецкое командование так и не решилось снять ни одну дивизию с советско-германского фронта.

Однако планам союзников предпринять всеми силами намеченное на 19 июля наступление, которое в соответствии со стратегическим замыслом должно было привести к прорыву обороны и уничтожению противника, не суждено было сбыться — вмешалась природа. Хорошая погода, использованная союзниками для массированного удара, сменилась ненастьем. Непрекращавшиеся в течение шести дней дожди не позволяли союзникам успешно использовать свое превосходство в авиации, поэтому стороны зарылись в землю и заняли позицию выжидания. На этом, по существу, и закончилась Нормандская операция.

Медлительность в развертывании операции стала вызывать общественное недовольство в США и Великобритании, а также заметное беспокойство в правящих кругах. Газеты двух стран писали, что наступающие войска союзников проявляют сверхосторожность и в результате этого увязли на всем фронте во Франции: «За первые 10 дней наступления союзники все еще на побережье и все еще отбивают немецкие контратаки»[35]. Английская «Ивнинг индепендент» от 18 июня 1944 г. обозначила весь комплекс проблем десанта во Франции на своей первой полосе: «секретное оружие нацистов», «серьезное сопротивление», «высокие потери американцев — 15 883 солдата с 6 июня». Все это и стало, по мнению журналистов, причиной «продвижения по 2 мили в день»[36].

Только 25 июля, после улучшения погоды, союзники снова получили возможность действовать[37]. Наступление американских войск на левом фланге встретило интенсивный огонь артиллерии с позиций, которые не были подавлены авиацией, а на правом фланге ожесточенное сопротивление оказывали немецкие парашютные части. В течение дня 27 июля союзники заняли города Перье и Лессэй и, несмотря на большое количество мин и ловушек, продолжили наступление на Кутанс.

В начале августа 1944 г. началось наступление в юго-западном направлении в сторону Бретани. Экспедиционные англо-американские войска не встретили серьезного отпора, так как на полуострове активно действовало движение Сопротивления, благодаря которому значительная часть территории полуострова была уже освобождена французскими патриотами[38].

Силы движения Сопротивления накапливались в этом районе с июня и были доведены до общей численности 30 тыс. человек[39]. В ночь с 4 на 5 августа для управления этими силами был создан специальный штаб. По мере продвижения колонн союзников отряды «маки» устраивали засады отступающему противнику, нападали на отдельные его группы и опорные пункты и охраняли мосты от разрушения. Когда танковые колонны союзников, не задерживаясь, продвигались вперед, отряды патриотов Франции очищали от врага тыл и осуществляли охрану коммуникаций. Они также оказывали войскам союзников неоценимую помощь в добывании информации о расположении и намерениях врага. Не менее важно было то, что своими непрерывными беспокоящими действиями они создали вокруг немцев атмосферу опасности и ненависти, которая осложняла боевые действия захватчиков, порождала у них чувство неуверенности и тревоги.

В течение первой недели августа западный фланг обороны врага был разгромлен. Союзникам представилась возможность ударить в его тыл с целью окружения в Нормандии. В рядах германской 7-й армии и танковой группы «Запад» сражались наиболее боеспособные войска противника в Западной Европе, и их окружение и разгром представили бы союзникам полную свободу действий во всей Франции. Но в августе 1944 г. им не удалось полностью уничтожить группировку вермахта в Нормандии из-за своей нерешительности и чрезмерной осторожности. Вследствие чего основные силы двух армий вели фронтальное наступление, только сжимая фалезский мешок и выталкивая из него немецко-фашистские войска.

Американские артиллеристы ведут огонь из 155-мм гаубицы в районе Сен-Ло

Американские войска в Сен-Ло

Погрузка снаряжения на десантные корабли накануне высадки союзных войск в Нормандии. 1944 г.

Корабли союзников направляются к берегам Нормандии. 1944 г.

Десантные корабли приближаются к берегу Нормандии. 1944 г.

Американский автомобиль-амфибия. Нормандия, 1944 г.

Канадские солдаты высаживаются в Нормандии. 1944 г.

Канадские пехотинцы обыскивают немецких военнопленных. Нормандия, 1944 г.

Английский зенитный расчет на позиции. Нормандия, 1944 г.

Американские пехотинцы в одном из городков Нормандии. 1944 г.

Американские войска входят в Сен-Ло. 1944 г.

Немецкие минометчики на позиции. 1944 г.

Английские войска в Нормандии. 1944 г.

Немецкие беженцы в Восточной Пруссии. 1945 г.

Немецкая оборонительная позиция в Восточной Пруссии. 1945 г.

Канадские войска входят в Фалез

Немецкие солдаты, попавшие в плен в результате Фалезской операции союзников, в лагере у города Нонан-ле-Пен

Стремительному продвижению союзных армий в восточном направлении во второй половине августа во многом способствовали действия движения Сопротивления против гарнизонов немцев в Париже и вокруг него. К середине августа город оказался окружен с севера и юга американскими войсками — этой тактикой Эйзенхауэр пытался побудить немцев оставить город без боя. С другой стороны, Гитлер 23 августа снова указал начальнику гарнизона, что «Париж должен попасть в руки врага только грудой развалин»[40]. (Следует признать, что комендант Большого Парижа генерал Дитрих фон Шолтиц так и не исполнил это указание.)

21 августа восставшие парижане под руководством полковника Роль-Танги, командующего силами Сопротивления, освободили три четверти города и его пригородов, а к 24 августа — почти полностью столицу. Оккупанты во всей Франции были потрясены и деморализованы[41]. В тот же день в Париж вошли передовые отряды 2-й бронетанковой дивизии союзных войск под командованием французского генерала Леклерка, принявшие участие в ликвидации последних очагов сопротивления гитлеровцев. 25 августа дивизия заняла Париж. Немецкий гарнизон капитулировал. Потери сторон составили убитыми и ранеными 2500 бойцов французских внутренних сил, 6200 французских солдат (из дивизии генерала Леклерка) и 1000 парижан, а у немцев — 4200 человек[42].

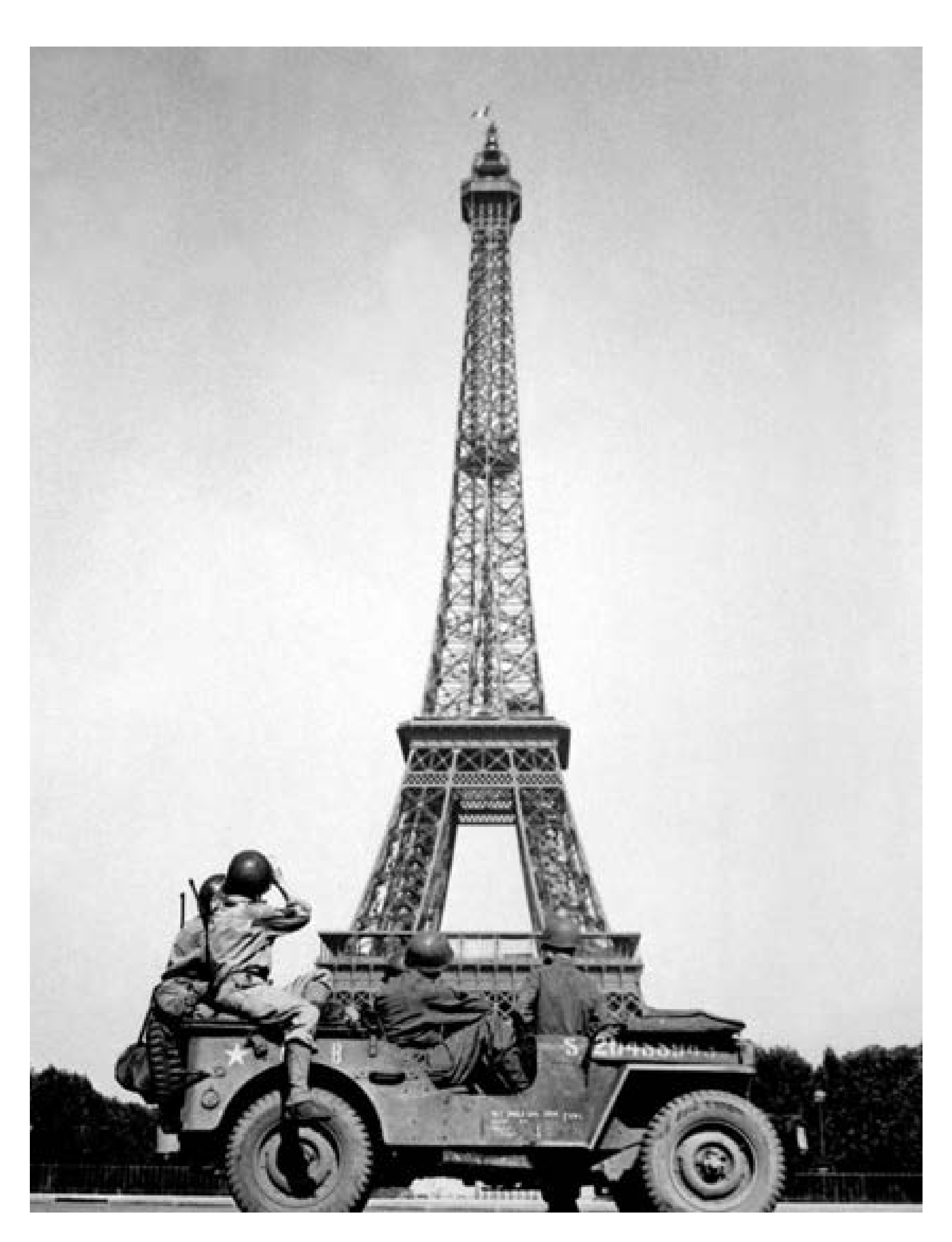
В дни, когда войска союзников осуществляли Фалезскую операцию и продвигались к Парижу, на юге Франции произошла высадка американо-французских сил. Операция «Энвил» (с 27 июля 1944 г. — «Драгун»), давно задуманная союзным командованием, началась 15 августа[43]. В тот день войска 7-й американской армии в составе 6-го американского, 1-го и 2-го французских корпусов при поддержке 5 тыс. самолетов, пяти линкоров, девяти авианосцев, 24 крейсеров (всего 817 кораблей) начали высадку десанта в 55-километровой полосе южного побережья Франции между городами Тулон и Кан[44]. По плану союзных войск предусматривалась высадка 16 тыс. человек и 1 тыс. боевых машин. К исходу дня 15 августа на плацдарме должны были находиться от 60 тыс. солдат и свыше 6500 боевых машин[45].

Высадке с моря, как и в операции «Оверлорд», предшествовал воздушный десант. Его осуществляли 535 самолетов и 465 планеров, которые после мощной авиационной (1300 самолетов) и артиллерийской подготовки десантировали 9732 человека. Неприятель (пять батальонов 19-й армии вермахта) практически не оказал сопротивления. К исходу дня союзники захватили три плацдарма и вскоре соединили их, образовав общий плацдарм 90 км по фронту и 60 км в глубину. На нем были сосредоточены около 160 тыс. человек, 2500 орудий и минометов, 600 танков, 21 тыс. автомобилей[46].

При поддержке движения Сопротивления американо-французские войска 22 августа заняли Гренобль, 28-го числа освободили Марсель и Тулон и 31 августа вышли к Лиону, но вступили в город лишь 2 сентября, после того как силы Сопротивления овладели им. Продвигаясь на север, 7-я армия 10 сентября соединилась в районе Дижона с главными силами англо-американских войск. Вся Южная Франция была освобождена[47].

В ожесточенных боях на юге страны немецкая группа армий «Г» до середины сентября потеряла 141 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Но и потери союзников в ходе операции «Драгун» были велики: так, к 1 сентября они составили 2700 американцев и 4000 французов. Только в составе 7-й американской армии за период с 17 по 22 сентября 3176 человек были убиты и пропали без вести и 4661 ранен. В боях за Шельде 1-я канадская армия потеряла 12 873 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Невзирая на это, союзникам удалось решить проблему со снабжением своих войск в Западной Европе. Только в октябре 1944 г. южнофранцузские порты приняли 1 309 184 тонны военных грузов[48].

Немецкие войска были деморализованы и дезорганизованы. С 1 октября по 8 ноября в плен сдались 41 043 солдата вермахта[49]. В паническом беспорядке к Рейну и за него устремился поток военных и гражданских служащих. Их бегство не только являло «потрясающую картину разгрома, оно отталкивающе действовало на соотечественников, видевших, с какой жадностью беглецы тащили с собой всевозможные запасы, особенно алкогольные напитки»[50], — такими словами описывает немецкий генерал К. Типпельскирх положение на западном фронте в конце августа — начале сентября 1944 г.

Солдаты 4-й пехотной дивизии США у Эйфелевой башни
после освобождения Парижа 25 августа 1944 г.

К этому времени Д. Эйзенхауэр располагал значительными силами и средствами: 21 американская, 12 британских и три канадские дивизии. В их состав входили 1234 тыс. военнослужащих США, 825 тыс. подданных британской короны, а также французская и польская механизированные дивизии при общем количестве танков около 7700 единиц. Помимо этого союзники располагали 4035 тяжелыми, 1720 средними и легкими бомбардировщиками, а также 5 тыс. самолетов-истребителей и 2 тыс. транспортных самолетов[51].

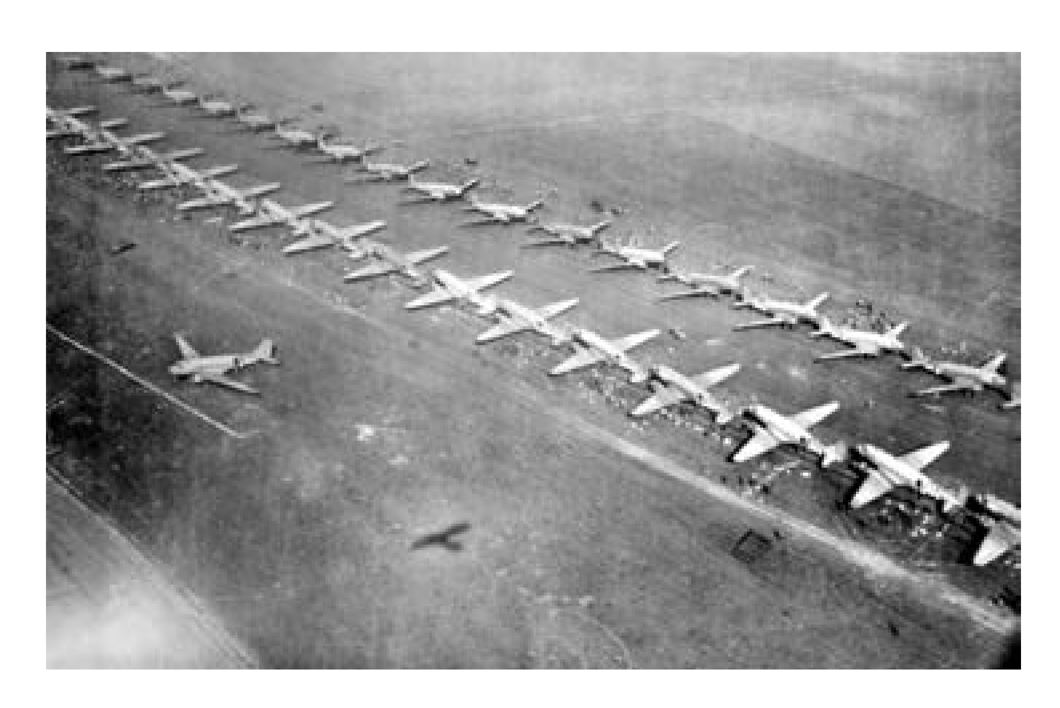
Немецкому командованию удалось отвести свои войска на линию Зигфрида, проходившую вдоль западной границы Германии[52]. Правда, и она не являлась непреодолимым рубежом[53]. Рундштедт был совершенно уверен, что союзники могут прорвать Западный вал в любом месте. Тем не менее в его приказе от 14 сентября предписывалось «удерживать Западный вал до последнего патрона и до полного уничтожения его защитников». В случае вступления союзников на территорию Германии Гитлер потребовал: «Каждая немецкая деревня должна быть превращена в крепость... защищаться с крайним фанатизмом»[54].

Перед Западным валом союзники остановились. Замедление операций против Германии отчасти объяснялось решением Эйзенхауэра использовать максимальные силы на севере для того, чтобы овладеть плацдармами на правом берегу нижнего Рейна — на флангах главных укреплений линии Зигфрида, выйти им в тыл и в последующем отрезать немецко-фашистским войскам путь отступления из Голландии. Учитывая, что путь на Берлин проходил через равнинные поля Северной Германии, расположенные за Рейном на севере, и что на юге гористая и лесистая местность не благоприятствовала быстрому продвижению и наращиванию успеха, Эйзенхауэр и его подчиненные были едины во мнении, что направлением главного удара должна стать северная часть Германии. «Его целью были Рур, Северо-Германская низменность и Берлин. Предварительно необходимо было овладеть Аахеном и нижним Рейном. Взгляните на карту: Аахен и Рур лежат на прямой линии от Нормандии к Берлину»[55]. Соблазнительная возможность быстро обойти правый фланг группировки немецких войск побудила Эйзенхауэра нанести удар в северном направлении к заливу Зейдер-Зее (Северное море), повременив с освобождением важного порта Антверпен.

План операции «Маркет-Гарден» строился на согласованном использовании авиадесантных сил и сухопутных войск и состоял из двух частей. Первая имела своей целью овладение важнейшими из мостов через Маас, Ваал и Нижний Рейн. В период между 17 и 30 сентября с самолетов на парашютах были сброшены 20 190 солдат и офицеров, а 13 781 человек высажены с планеров и 905 человек с самолетов на площадки, подготовленные десантными частями первого эшелона. Кроме того, по воздуху было переброшено 5230 тонн снаряжения и материалов, 1927 автомашин и 568 орудий. Авиация беспрерывно продолжала полеты, чтобы снабжать изолированные части, и совершила в общей сложности свыше 7800 самолето-вылетов[56].

Сухопутная операция, получившая название «Гарден», должна была развернуться на весьма узком фронте в связи с ограниченным качеством пригодных коммуникаций по оси наступления Эйндховен — Арнем. Операция началась 17 сентября с прорыва обороны противника в 30 км восточнее Тюрнхаута войсками 2-й английской армии. Ее гвардейская танковая дивизия успешно наступала в северном направлении, но встретила сильное сопротивление и замедлила продвижение к Эйндховену, занятому 101-й американской авиадесантной дивизией. Они соединились лишь 18 сентября[57].

К 24 сентября английская пехота значительными силами вышла к Нижнему Рейну. Ее артиллерия начала оказывать огневую поддержку 1-й авиадесантной дивизии, окруженной на правом берегу реки[58], но не смогла помочь ей закрепиться. К тому времени части 1-й авиадесантной дивизии были потеснены на 900–1400 метров, и захваченный ими район продолжал сокращаться. Гитлеровцы беспрестанно обстреливали десантников из орудий и минометов и с самолетов. 25 сентября, получив соответствующий приказ, личный состав отступил, просачиваясь небольшими группами за Нижний Рейн[59]. Дивизия понесла тяжелый урон: число убитых, раненых и пропавших без вести составило около 8 тыс. человек[60]. Только 2163 человека из ее состава отошли за реку. Немецкие военачальники признают: «Англичане

Десантники союзников грузятся на самолеты перед операцией «Маркет-Гарден»

Парашютисты американской 101-й дивизии приземляются на поле в Голландии

Десантники британской воздушно-десантной дивизии на подступах к Арнему

Немецкие солдаты среди развалин города Арнем

дрались с беззаветной отвагой, но к концу месяца усилия Моделя увенчались успехом, и 1-я английская авиадесантная дивизия перестала существовать»[61].

Эта оценка близка к истине, хотя командующий 21-й группой армий английский фельдмаршал Б. Монтгомери расценивал ее несколько иначе, акцентируя внимание на плохой погоде, помешавшей высадке десанта, быстрой перегруппировке немецких сил и недостаточности сил союзников для расширения плацдарма[62]. Однако были и другие недостатки: например, из рук вон плохо организованная разведка. В результате английская воздушно-десантная дивизия была высажена в расположении немецких войск, а польскую бригаду выбросили далеко от линии фронта. С первых часов операции была утеряна внезапность. Все это наряду с погодой определило провал операции.

Хотя форсирование Нижнего Рейна не было доведено до конца, и союзники временно отвели танки из Неймегена, все же операция «Гарден» дала им определенные преимущества. В конечном счете фронт был удержан, снабжение и приток резервов продолжались, хотя и под непрерывным артиллерийским огнем. С подходом более сильных пехотных частей коридор, созданный в ходе операции «Гарден», постепенно расширялся в обе стороны. Английские войска продвигались на восток одновременно с другими силами, атаковавшими в северном направлении, для того чтобы установить прочный фронт по рубежу Ваал — левый рукав Рейна — Маас. Коридор расширялся и на восток с тем, чтобы вывести на удаление броска от Клеве войска 21-й группы армий на одну линию с 12-й группой армий. На Маасе и Ваале были созданы прочные плацдармы; водораздел между этими реками должен был сыграть важную роль для последующего продвижения к Рейну.

Решение Эйзенхауэра сосредоточить все усилия для прорыва на север Германии, прежде чем противник сумеет укрепить свою оборону по Рейну, привело к задержке освобождения Антверпена, который должен был стать для союзников основной базой снабжения. Эйзенхауэр взял на себя полную ответственность за это решение и считал, что достигнутые результаты оправдали связанный с ним риск. Если бы союзные войска не продвинулись на север и на восток для того, чтобы удерживать линию Маас — Ваал значительно севернее Антверпена, то сам этот порт находился бы под постоянной угрозой не только отдельных атак с близкого расстояния, но и более сильного удара из Голландии[63].

После завершения операции «Гарден» 21-й группе армий было поручено заняться в первую очередь операцией по освобождению Антверпена, который в мирное время принимал до 20 млн тонн грузов в год и мог обеспечить снабжение армий союзников по коротким путям при развитии наступления к центру Германии. Немецкое командование пыталось сделать порт непригодным для использования союзниками, применив «оружие возмездия». Обстрел начался 13 октября, но не принес гитлеровцам желаемого результата. Из-за низкой точности попадания «Фау-1» и «Фау-2» было разрушено только незначительное количество портовых сооружений. Город и портовые сооружения попали в руки 30-го корпуса фактически нетронутыми, однако гавань оставалась бесполезной для союзников до захвата занятых немецкими войсками полуострова Зёйд-Бевеланд и острова Валхерен, прикрывающих подступы к порту со стороны моря[64].

К 30 октября весь Зёйд-Бевеланд был очищен от противника, а англичане и канадцы продолжили наступление на остров Валхерен по дамбе. К 9 ноября поставленная цель была достигнута[65]. Потери союзников в ходе освобождения Антверпена составили 734 человека убитыми и 1078 ранеными[66]. Только в плен было захвачено около 10 тыс. солдат и офицеров, в том числе один командир дивизии.

Хотя союзники вышли к Рейну позже, чем рассчитывали, и не втянули противника в решающую битву, тем не менее ежедневные потери в живой силе и снаряжении настолько ослабили его, что когда англо-американские войска нанесли основной удар, их победа была гарантирована. Изолированные в Юго-Западной Франции остатки германской 1-й армии небольшими разрозненными группами сдавались французским внутренним силам и войскам союзников. Самое крупное воинское соединение, насчитывавшее 20 тыс. человек, сдалось без всяких попыток к сопротивлению, попав в окружение к югу от Луары. Немецкие вой-

ска на западном фронте за период с 1 июня по 31 декабря 1944 г. потеряли 634 тыс. человек: 57 тыс. убитыми, 188 тыс. ранеными и 389 тыс. пропавшими без вести[67]. Однако, несмотря на потери, немцы продолжали оказывать сопротивление, используя выгодный для обороны характер местности.

Потери союзных войск в крупнейших операциях составили: в ходе операции «Оверлорд» — 126 тыс. убитых и раненых[68]; «Драгун» — 19 850 убитых и раненых[69]; «Маркет-Гарден» — около 16 тыс. убитых и раненых[70]; в битве за Аахен — около 5 тыс. убитых и раненых[71]; в боях на линии Зигфрида в ноябре — декабре 1944 г. — более 38 тыс. убитых и раненых[72]. В сумме данные потери дают цифру более 200 тыс. убитых и раненых за первые полгода вторжения союзников.

Несмотря на эти трудности, экспедиционные силы Эйзенхауэра достигли определенных результатов. 11 сентября войска 3-й армии вступили в Германию в районе Трира, а 12 сентября войска 1-й армии — в районе Аахена, восточнее Эйпена. В Аахене, входившем в систему Западного вала, противник сопротивлялся ожесточенно. Хотя уже 20 сентября город был атакован с трех сторон и подвергся ожесточенному артиллерийскому обстрелу союзников, окончательная капитуляция этого первого крупного германского города состоялась только 21 октября. Бои за Аахен продолжались почти месяц при огромном численном превосходстве союзников[73]. Приказ Гитлера — сопротивляться до последнего солдата, превращая в руины старинный город со множеством памятников культуры, — выполнялся до последнего.

После падения Аахена масштаб наступательных операций 1-й и 9-й американских армий сократился. На южном крыле 12-й группы армий 15 сентября 3-й армией был взят Нанси, но Мец, сильно защищенный внешним поясом фортов, оставался в руках противника. К югу от Меца 3-я армия медленно продвигалась вдоль Мозеля на север до тех пор, пока ее войска не растянулись параллельно реке примерно на 20–25 миль.

Далее к югу 6-я группа армий силами 7-й американской и 1-й французской армий медленно продвигалась со стороны Эпиналя на север вдоль Верхних Вогезов, а на юг — через Мозель в район Бельфорского прохода.

Проведенные в октябре — ноябре операции не привели к решительному успеху, носили в целом недостаточно маневренный характер. Тем не менее они позволили союзникам создать исходное положение для наступления, которое планировалось ими на ноябрь.

В октябре была проведена реорганизация управления войсками с целью поставить тактическую авиацию в непосредственное подчинение штабу Д. Эйзенхауэра[74]. До 15 октября экспедиционные воздушные силы союзников, подчиненные главному маршалу авиации Ли-Мэллори, имели отдельный штаб, сносившийся с Эйзенхауэром через его заместителя главного маршала авиации Теддера. 15 октября был создан штаб авиации, подчиненный штабу верховного командования экспедиционных сил союзников.

С захватом Антверпена проблема снабжения союзников была значительно облегчена. Однако фашистское командование воспользовалось затяжными боями и трудностями союзников в усилении и снабжении войск для того, чтобы укрепить свою оборону на линии Зигфрида спешно сформированными, по существу ополченческими дивизиями. Первоначально эти дивизии обладали весьма низкой боеспособностью. Однако как генерал Брэдли, так и сам Эйзенхауэр понимали, что если союзники не сумеют быстро прорвать Западный вал, то соотношение сил будет постепенно изменяться в пользу противника.

В план Эйзенхауэра по ведению кампании на этот период входило продвижение на фронте 21-й и 12-й групп армий к Рейну. Союзникам необходимо было выйти к нему и закрепиться на участке по меньшей мере до Дюссельдорфа, если не до Бонна и даже Кобленца, прежде чем предпринять попытку форсировать реку крупными силами и начать наступление в глубину Германии. Наличие прочного оборонительного рубежа и плацдармов на Рейне облегчило бы союзникам задачу сосредоточения ударной группировки войск для прорыва в выбранном районе, а на всем остальном фронте можно было бы вести боевые действия сравнительно небольшими силами.

Наступление 21-й группы на восток началось 15 ноября, однако оно развивалось медленно[75]. Последний «мешок» противника на западном берегу Мааса удалось ликвидировать только 4 декабря. Дальнейшее продвижение через Маас к Рейну было признано нецелесообразным.

В секторе Аахена 1-я и 9-я армии 16 ноября начали наступление после интенсивной полуторачасовой бомбардировки с воздуха и артиллерийского обстрела. Свыше 1200 американских тяжелых бомбардировщиков атаковали укрепленные позиции противника севернее Эйшвейлера и западнее Дюрена. Несколько позже английские бомбардировщики начали удары по Дюрену и Юлиху, почти полностью стерев эти города с лица земли.

На севере 19 ноября пал Гейленкирхен, и 9-я армия, медленно продвигаясь вперед, вышла 3 декабря к р. Рур. В разгар наступления в первом эшелоне на участке протяженностью 38 км действовало не меньше 10 дивизий — это было максимальное сосредоточение сил. Несмотря на такую концентрацию войск и очень большое число самолетов стратегической и тактической авиации, наступление союзных войск развивалось крайне медленно. Задержки в этом важном районе оправдывались союзниками наличием у противника усовершенствованных оборонительных сооружений, построенных после прорыва союзниками линии Зигфрида в сентябре.

Тем временем к югу от Арденн начатое 8 ноября наступление 3-й армии в направлении р. Саар развивалось весьма успешно. Севернее Меца несколько разрозненных плацдармов, захваченных на правом берегу Мозеля в районе Тионвиля, были объединены в один плацдарм к 14 ноября, а через четыре дня войска, действовавшие с этого плацдарма, перешли германскую границу в нескольких местах. К 5 декабря правый фланг 3-й армии также продвинулся на восток в направлении к Саару и блокировал участок реки протяженностью свыше 25 км. Этот оборонительный рубеж, находившийся перед фронтом 3-й армии к югу от Мерцига, представлял собой важный участок линии Зигфрида, защищавший треугольник между Мозелем и Рейном. Передний край обороны, не сплошной и не развитый в глубину, был создан вдоль правого берега р. Саар. Более мощный тыловой рубеж, состоявший из системы фортов глубиной примерно 4 км, проходил впереди Лебаха, затем через Саарбрюккенский лес, где соединялся с передним краем в 15 км к востоку от Саарбрюккена. Здесь наступала 3-я армия.

В полосе 6-й группы армий наступление 1-й французской армии началось 14 ноября. В течение недели фронт противника в Бельфорском проходе был прорван, и союзные войска подошли к Рейну. К 22 ноября сопротивление неприятеля в Бельфоре было окончательно сломлено. Верхние Вогезы — хотя это и не очень высокий горный массив — оставались непреодолимой стеной, защищавшей Рейнскую равнину с запада. В результате обхода города с юга позиции противника были заняты войсками 7-й армии, а 44-я дивизия этой армии, быстро использовав благоприятные обстоятельства, устремилась к Саарбургу, который был взят 21 ноября. На следующий день союзные войска, продвигаясь к северу и к востоку от города, вышли на Рейнскую равнину. 23 ноября 2-я французская танковая дивизия достигла Страсбурга. Хотя город был очищен от противника быстро и без труда, некоторые из фортов внешнего обвода продолжали оказывать сопротивление до 27 ноября.

На правом фланге 1-я французская армия на Рейнской равнине была задержана контратаками противника. Выйдя по Бельфорскому проходу к Рейну 20 ноября, французские танки повернули на север и к 22 ноября освободили Мюлуз, захватив в плен часть штаба германской 19-й армии при его отступлении из города. Немецкие контратаки на линии коммуникаций продвигавшихся войск вынудили союзников временно отойти с захваченных позиций вдоль Рейна к востоку от Мюлуза.

27 ноября, учитывая представившуюся союзным армиям стратегическую возможность прорваться в Саарский бассейн, Эйзенхауэр приказал 7-й армии 6-й группы армий быстро перегруппироваться и нанести удар в северном направлении с целью прорвать линию Зигфрида и развивать наступление западнее Пфальцского леса совместно с южным флангом 12-й группы армий. Это продвижение с юга и юго-запада содействовало операциям 3-й американской армии против Саара. К середине декабря 7-я армия перешла германскую границу на 30-километровом участке и вклинилась в оборонительные рубежи линии Зигф-

рида северо-восточнее Виссамбура[76]. Наступление союзников в саарском и виссамбурском направлениях сковало 14 немецких дивизий. Если бы оказалось возможным продолжать его с высокими темпами, то противник был бы вынужден оттянуть свои силы с севера, что непосредственно содействовало бы наступлению главной ударной группировки. Тем временем гитлеровские войска, оттесненные из Вогезов, продолжали удерживать плацдарм к западу от Рейна в районе Кольмара. 1-я французская армия, ослабленная недавними наступательными боями и не получавшая боеспособного пополнения, была не в состоянии ликвидировать его. Этот плацдарм, известный впоследствии под названием кольмарского мешка, оказывал и в дальнейшем значительное неблагоприятное влияние на операции союзников.

Таким образом, осенью 1944 г. союзные войска не развили успеха, достигнутого в ходе боев за освобождение Франции. Попытки прорвать линию Зигфрида увенчались успехом лишь частично. Возросшее сопротивление вермахта на этом рубеже показало, что он представляет еще весьма серьезную силу, разгром которой потребует больших потерь в людях и технике.

После неудавшейся попытки овладеть Арнемом и открыть дорогу на Берлин с северо-запада союзники отложили наступление в глубину Германии до весны 1945 г.

К началу декабря 1944 г. в расстановке сил союзников в соответствии с замыслом Д. Эйзенхауэра сложились две основные ударные группировки войск: одна — на севере в составе 21-й и 12-й групп армий концентрировалась на овладении Руром и прорыве на берлинском направлении с северо-запада; вторая — на юге в составе 6-й и части сил 12-й групп армий вышла на р. Саар к границе Германии и на р. Рейн от Трира до Базеля, нацеливаясь на развитие успеха в направлении Карлсруэ — Вюрцбург. Наиболее уязвимым участком общей группировки сил союзников оказался центр 12-й группы армий на юг от Алепа, где на 115-километровом участке и в Арденнах оборонялись только четыре дивизии 1-й американской армии, которые были целью немецкой «Вахты на Рейне».

В рассматриваемый период большую помощь англо-американским войскам оказали французские партизаны. Так, руководитель транспортной службы группы армий «Запад» полковник Хеффнер докладывал Рундштедту: «В первые две недели после вторжения нельзя рассчитывать на какую-либо переброску войск по железной дороге». Это же подтвердил и коллаборационист, возглавлявший транспорт в правительстве Виши: «С начала мая железнодорожная служба во Франции дезорганизована почти полностью». Результаты борьбы боевых отрядов партизан и Французских внутренних вооруженных сил (ФФИ) командующий союзными силами в Европе Д. Эйзенхауэр сравнивал с действиями 15 регулярных дивизий и отмечал, что без поддержки партизанского движения в Италии, Франции, Норвегии и в других странах «разгром врага в Западной Европе был бы куда более затяжным и дорогостоящим делом»[77].

Вторжение англо-американских экспедиционных сил в Западную Европу облегчило борьбу СССР против фашистского блока и способствовало более быстрому разгрому Германии. Сухопутный фронт, созданный в Западной Европе — во Франции, Бельгии, Голландии и Австрии, заставил Берлин опасаться за свой прежде незыблемый тыл на западе и смог оттянуть на себя значительные силы вермахта.

Активизация движения Сопротивления нацизму в Германии и странах Европы

Зимой и весной 1944 г. освободительная борьба народов оккупированных и зависимых от нацистской Германии европейских государств, несмотря на огромные трудности, продолжала усиливаться. При этом все попытки немецкого командования подавить движение Сопротивления терпели провал.

Характерной чертой национально-освободительного движения в 1944 г. стало значительное расширение его социальной базы. Всенародный, демократический характер, который принимала борьба, оказал влияние и на деятельность руководителей движения. В этот период продолжался процесс объединения патриотических сил в национальном масштабе, создания центральных и местных органов национально-освободительного движения, а позднее и центральных органов власти, выполнявших в ряде стран функции народно-демократических правительств.

Вместе с тем стремление национальной буржуазии к реставрации старых порядков уже на этом этапе нашло отражение в борьбе за политическую власть. В ряде стран ей удалось частично восстановить свои позиции, чему способствовала политика западных союзников. В большинстве стран буржуазия не смогла предотвратить рост активности народных масс, ограничить влияние и авторитет левых партий, но попытки в этом направлении продолжались, что вело к развитию элементов гражданской войны. Во многих странах коммунистические партии и руководимые ими организации стали единственными политическими и военными лидерами борьбы народов за национальное освобождение.

В этой обстановке весьма актуальной становилась проблема установления власти в освобожденных странах Западной Европы, поскольку США и Англия не без основания рассчитывали, что в них смогут прийти к власти лояльные им эмигрантские правительства, которые не позволят войти во властные структуры коммунистам. Поэтому, опасаясь действий руководимых коммунистами участников Сопротивления, они всячески поддерживали, снабжали оружием, финансовыми средствами преимущественно некоммунистические группировки, которые контролировались эмигрантскими правительствами.

В свою очередь, страны Восточной и Юго-Восточной Европы, которые освобождались Красной армией, советское руководство рассматривало как сферу своего влияния и намеревалось добиваться формирования там дружественных правительств при активном участии коммунистов. В целом движение Сопротивления в заключительный период Второй мировой войны переживало небывалый подъем. В преддверии неминуемого краха нацистского режима по Европе покатилась волна национальных восстаний, способствовавшая его ускорению.

Росли силы Сопротивления в оккупированных немецко-фашистскими войсками странах Западной и Северной Европы. В борьбу с захватчиками втягивались все более широкие слои населения.

Национальное восстание во Франции началось по призыву генерала де Голля и Французской коммунистической партии 6 июня, в день высадки союзников в Нормандии. Оно явилось первым и самым крупным восстанием в оккупированных странах Европы. Участники Сопротивления создали массовую национальную милицию, вели боевые действия против оккупантов, уничтожали членов вишистской администрации, преследовали отступавшие немецкие войска, освобождали французские города и целые департаменты.

Вместе с французами героически сражались граждане других европейских государств, в том числе советские люди, бежавшие из лагерей для военнопленных, а также часть русских эмигрантов, проживавших во Франции. Так, одной из активных участниц французского Сопротивления была русская княгиня Вера Аполлоновна Оболенская, казненная нацистами в берлинской тюрьме Плётцензее в августе 1944 г. В общей сложности во французском Сопротивлении участвовало около 40 советских партизанских отрядов и почти такое же количество более мелких партизанских групп. Многие из них позже были награждены советскими и французскими орденами и медалями, а лейтенант Василий Васильевич Порик посмертно удостоен звания Героя Советского Союза[78]. На сторону восставших перешли некоторые части действовавших во Франции «восточных легионов», сформированных из бывших советских граждан, в том числе армянский и грузинский легионы.

Все более массовым и широким становилось движение Сопротивления в Бельгии. Ведущую роль в антифашистской борьбе играл рабочий класс, возглавляемый коммунистами, которые, несмотря на жестокие репрессии, смогли сохранить свою боеспособность. На предприятиях активно действовали комитеты профсоюзной борьбы, организовывавшие

Солдаты союзников в пригороде Меца

Солдаты снимают носилки с раненым товарищем с легкого танка

забастовки, акты экономического саботажа в промышленности и на транспорте, срыв отправки рабочих в Германию. Включились в освободительную борьбу и бельгийские крестьяне, которые препятствовали поставкам продовольствия оккупантам и снабжали продуктами партизан, уклонялись от трудовой повинности.

Во главе бельгийского движения Сопротивления стоял созданный еще в 1941 г. Фронт независимости — самая массовая и активная организация в стране, применявшая наиболее решительные формы борьбы. Важная роль в его программе отводилась подготовке и осуществлению национального восстания с целью изгнания немецко-фашистских захватчиков и создания таких государственных структур, которые выражали бы интересы основной массы населения страны[79]. Наряду с коммунистами во Фронте участвовали социалисты, католики и либералы, интеллигенция, профсоюзные и молодежные организации. В начале 1944 г. Фронт превратился в общенациональную демократическую и политическую организацию и действовал по всей стране[80].

В начале 1944 г. был принят ряд мер по подготовке национального восстания. Еще в конце 1943 г. Фронт независимости создал Патриотическую милицию, а в начале 1944 г. был создан Координационный комитет из представителей Бельгийской армии партизан, Фронта независимости, Патриотической милиции и других организаций движения Сопротивления. Несмотря на политику выжидания, проводимую эмигрантским правительством Пьерло — Спаака в Лондоне, широкий размах и активность получили все формы сопротивления оккупантам, в том числе и вооруженная борьба, а к моменту высадки союзников «в Бельгии сложились условия для национального восстания»[81].

В сложной обстановке развивалось движение Сопротивления в Нидерландах. Усилились разграбление страны немецко-фашистскими оккупантами и террор против голландских патриотов. На развитии борьбы сказывался и раскол в рабочем и демократическом движениях. Правые круги проповедовали пассивные формы борьбы. Созданный в мае 1943 г. Совет Сопротивления стремился объединить все группы и организации движения Сопротивления, но сделать это ему не удалось. В распоряжении Совета Сопротивления было всего около 2 тыс. человек для проведения различных операций[82].

Сопротивление оккупантам выражалось в таких формах, как саботаж, забастовки на промышленных предприятиях, распространение подпольной печати, истребление представителей гитлеровского оккупационного аппарата и предателей, сбор разведывательных данных для союзного командования, уклонение голландцев от посылки на работу в Германию. Весной 1944 г. от угона на фашистскую каторгу скрывались 300 тыс. человек[83].

Заметную роль в движении Сопротивления стали играть коммунисты, которые усилили свое влияния в массах, их боевые группы вели активную борьбу против оккупантов: осуществляли диверсии на предприятиях и на транспорте, уничтожали представителей оккупационных властей, налетами на адресные бюро срывали мобилизацию населения на работы в Германию.

Эмигрантское правительство Нидерландов, проповедовавшее тактику аттантизма, настойчиво стремилось взять под свой контроль все организации Сопротивления и подпольную прессу. Благодаря усилению своего влияния на руководство организациями Сопротивления в 1944 г. ему удалось достичь поставленных целей и в итоге фактически ликвидировать Совет Сопротивления как самостоятельную организацию[84].

С вторжением войск союзников в Нормандию в июне 1944 г. в освободительном движении Нидерландов наметился подъем. Основными направлениями деятельности в этот период были передача разведывательных данных по немецким укрепрайонам, разрушение систем связи и саботаж. К сентябрю 1944 г. часть страны была освобождена. Известия о событиях в Нидерландах вызвали всеобщую стачку и столкновения с полицией в столице Дании — Копенгагене. 30 июня 1944 г. там началось вооруженное восстание, продолжавшееся несколько дней, но поскольку Дания находилась в стороне от наступления англо-американских войск, оккупантам удалось подавить мятеж[85]. Последующее контрнаступление немецких войск отложило освобождение страны до мая 1945 г.

Участники французского Сопротивления конвоируют пленного солдата вермахта

Бойцы французского Сопротивления охраняют немецкий воинский эшелон,
разбитый и захваченный американскими войсками

Для оперативного руководства боевыми группами Сопротивления страна была разделена на шесть военных округов со своим руководством. Боевые отряды, носившие название «милгруппы», объединялись в роты численностью около 80 человек каждая. В столице были созданы батальоны численностью до 600 человек[86]. Освободительную борьбу за свободу Дании возглавлял образованный в сентябре 1943 г. Совет свободы. Буржуазное крыло Совета выступало за пассивные методы сопротивления[87]. Коммунисты как сторонники активных форм сопротивления призывали народ к усилению борьбы против оккупантов. Несмотря на призывы правых лидеров движения Сопротивления воздержаться от борьбы с оккупантами, акты саботажа, диверсии, забастовки нарастали[88].

Особенностью движения Сопротивления в Дании было то, что Совет свободы с конца 1943 г. стал выполнять некоторые функции правительства страны, касающиеся решения внешнеполитических и военных вопросов. Западные союзники зимой 1943—1944 гг. рассматривали Совет свободы не только как руководящий орган движения Сопротивления, но и как представителя Дании в целом[89]. Советский Союз с учетом размаха антинацистского сопротивления согласился установить в апреле 1944 г. дипломатические отношения с борющейся Данией в лице Совета свободы[90].

В Норвегии, часть которой предстояло освобождать советским войскам, после некоторого спада движения Сопротивления в конце 1942 г. наметились определенные успехи в его развитии. При этом норвежские патриоты использовали следующие основные формы борьбы с оккупантами: бойкот нацистских мероприятий, отказ от трудовой повинности, издание и распространение нелегальной литературы, помощь советским военнопленным и прочее. Центр руководства движением Сопротивления («Кретсен»), в состав которого входили лидеры буржуазных партий и правого крыла Социал-демократической рабочей партии Норвегии, а также норвежское эмигрантское правительство и английское командование с 1943 г. проводили политику свертывания активной борьбы, недопущения вооруженных действий и диверсионных акций, изоляции коммунистической партии. Подпольные военные организации «Милорг»[91], контролируемые правыми силами, получили задачу действовать по рекомендациям «Кретсена» и по команде из Лондона только во время высадки западных союзников в Норвегии[92]. Но руководимые коммунистами партизанские отряды и диверсионные группы продолжали активные действия, осуществив ряд диверсий на крупных военно-промышленных объектах (производивших боеприпасы, авиационные моторы, алюминий и т. д.), на железнодорожном транспорте, что тормозило переброску немецко-фашистских войск.

Наиболее крупной акцией патриотических сил Норвегии в первой половине 1944 г. стал срыв мобилизации норвежской молодежи на восточный фронт. Как известно, марионеточное правительство В. Квислинга в августе 1943 г. объявило войну Советскому Союзу и разработало план мобилизации норвежской молодежи. Но большинство норвежского народа выступило против участия в войне с СССР и использования норвежских юношей на фронте.

Стремившиеся к единству действий всех патриотических сил норвежские коммунисты стояли в авангарде борьбы. Руководимые ими партизанские отряды и диверсионные группы вместе с другими подпольными организациями нападали на регистрационные центры, сжигали здания с картотеками учета военнообязанных. Нелегальная печать призывала население бойкотировать мобилизацию, давала рекомендации по уклонению от призыва в армию. Молодежь уходила в горы и леса, вступала в отряды «лесных парней». Совместными усилиями норвежских патриотов план мобилизации был сорван: из 70 тыс. человек, предназначенных для отправки на восточный фронт, на призывные пункты явились только около 300[93].

Весной 1944 г. «Кретсен» отверг предложение компартии создать всенорвежский руководящий орган движения Сопротивления — Совет свободы, который объединил бы все антифашистские организации и координировал их действия. В результате Совет свободы был создан из представителей компартии и симпатизировавших ей патриотов без участия представителей «Кретсена».

Антифашистское движение в Италии после ее оккупации Германией вступило в новую фазу — вооруженного сопротивления и борьбы против германского нацизма и итальян-

ского фашизма. Осенью 1943 г. территория страны оказалась разделенной линией фронта на две части. В южной, занятой американо-английскими войсками, сохранялся военно-монархический режим правительства П. Бадольо. В Северной и Центральной Италии, оккупированной вермахтом, был восстановлен фашистский режим террора и репрессий и образована так называемая Итальянская социальная республика во главе с марионеточным правительством Муссолини. На этой территории развернулось массовое движение Сопротивления. Его ведущей силой стал рабочий класс — сторонник широкой и решительной вооруженной борьбы. Представители же правящих классов и крупная буржуазия продолжали сотрудничать с оккупантами, проводили тактику выжидания, доказывали «безрассудность» борьбы против «вооруженной до зубов немецкой армии», призывали дожидаться прихода союзнических войск. Сторонники этой тактики имелись и в руководстве Сопротивления, в частности в римском Комитете национального освобождения (КНО), где ведущие позиции занимали представители Христианско-демократической партии, Либеральной партии и Партии демократии труда.

Итальянская коммунистическая партия (ИКП) решительно выступила против тактики выжидания. Так, ее руководство в Северной Италии предложило всем местным организациям ИКП направить на военную работу половину партийных работников[94]. На оккупированной территории коммунисты создавали гарибальдийские партизанские отряды. Их главнокомандующим стал один из наиболее видных организаторов движения Сопротивления Италии член руководства ИКП Л. Лонго, а комиссаром — П. Секкья. Общее политическое руководство всеми отрядами осуществляли комитеты национального освобождения, состоявшие из представителей всех партий; численность партизан в декабре 1943 г. составила около 9 тыс. человек[95].

В городах против оккупантов боролись группы патриотического действия (ГАП), созданные итальянскими коммунистами, при этом основной формой сопротивления стали забастовки. Задачи итальянского Сопротивления к началу 1944 г. коммунисты формулировали следующим образом: «Перейти от первых авангардных стычек к общему наступлению, от партизанских налетов — к регулярным сражениям, от изолированных забастовок — к всеобщей политической стачке, к всенародному восстанию против итало-немецких фашистов»[96].

Важным шагом в сплочении антифашистских сил на всей оккупированной территории стало создание единого руководящего органа — Комитета национального освобождения Северной Италии (КНОСИ). 25 января КНОСИ опубликовал резолюцию, одобренную всеми входившими в него партиями и отражавшую направление его деятельности. В ней отмечалось также, что комитеты национального освобождения являются прообразом будущих органов власти[97]. Таким образом, КНОСИ фактически принял на себя функции «чрезвычайного правительства Севера Италии».

Несмотря на репрессии и карательные экспедиции оккупантов и итальянских фашистов, численность партизанских формирований постоянно увеличивалась. В Северной Италии в феврале — марте было 20–30 тыс. партизан, в мае — июне — 70–80 тыс.; значительный рост партизанских сил отмечался и в центральных районах Италии[98]. С весны 1944 г. началось создание партизанских бригад, готовились кадры будущих партизанских дивизий[99].

Зимой 1944 г. масштабы боевых действий итальянских партизан расширились, партизанская война развернулась на всей оккупированной территории. В конце января возросла боевая активность партизан в Центральной Италии. В северной части страны партизанские отряды сами предпринимали наступательные действия: нападали на вражеские аэродромы, германские гарнизоны, казармы фашистской полиции и карабинеров, воинские эшелоны, разрушали телефонную и телеграфную связь, уничтожали железнодорожное оборудование, захватывали склады товаров и продовольствия, предназначенных для отправки в Германию, и т. д. Уже к концу зимы в некоторых районах Эмилии, Лигурии, Тосканы и Марке партизаны контролировали значительные территории, на которых приказы и распоряжения их командования были законом для всех граждан Италии[100].

Парижане-повстанцы за уличной баррикадой

Патруль парижских повстанцев выслеживает немецких снайперов

Группа итальянских партизан из района Эмилия-Романья

Итальянские партизаны после освобождения Флоренции

Весной партизаны еще больше расширили масштаб своих действий, взяв под контроль обширные территории, в том числе в Альпах. Увеличился размах диверсионной деятельности на коммуникациях вермахта: по данным немецких органов, на дорогах, железнодорожных и телефонных линиях число диверсий возросло с 189 в апреле до 241 в мае[101]. Одновременно усилились действия ГАП в городах: они совершали диверсионные акты на заводах, в германских штабах и гарнизонах, уничтожали оккупантов и итальянских фашистов.

15 февраля 1944 г. КНОСИ принял решение провести всеобщую забастовку. Она началась 1 марта и распространилась почти во всех основных центрах Северной и Центральной Италии, охватив свыше 1 млн человек[102]— рабочих, служащих, ремесленников, студентов, крестьян. Всеобщую забастовку активно поддержали более 20 тыс. партизан, в том числе гарибальдийские, и сотни ГАП[103]. Акция имела важное политическое значение, поскольку явилась первой в Европе всеобщей национальной забастовкой при оккупационном режиме и открыла дорогу к восстанию[104].

Большое значение для дальнейшего сплочения патриотических сил и более действенного участия страны в разгроме нацистской Германии имело создание в Италии правительства национального единства. Правительство Бадольо, добиваясь самостоятельности по отношению к западным союзникам, искало поддержки со стороны СССР. В создавшихся условиях советское руководство первым из стран антифашистской коалиции 11 марта 1944 г. заявило об установлении с ним непосредственных отношений[105]. Англия и США были вынуждены пойти на признание правительства Бадольо. Эта внешнеполитическая акция СССР в защиту национальных интересов Италии значительно облегчила борьбу итальянских демократических сил за создание антифашистского правительства. Решающую роль в достижении этой цели сыграла инициатива итальянских коммунистов. Их руководитель П. Тольятти выдвинул четкую программу объединения всех демократических партий и организаций для завершения борьбы против фашизма и гитлеровской оккупации[106]. 21 апреля 1944 г. в Салерно было образовано первое правительство национального единства под председательством Бадольо, в которое вошли представители всех партий КНО. Впервые итальянские коммунисты оказались в составе правительства. Вхождение в правительство всех партий КНО стало основой для формирования единой партизанской армии — Корпуса добровольцев свободы (КДС) с целью объединить все партизанские формирования независимо от их политического направления.

Вместе с партизанами и подпольщиками Италии мужественно сражались около 5 тыс. советских граждан, бежавших из лагерей для военнопленных. Многие из них были награждены итальянскими орденами и медалями, а Федор Андрианович Полетаев стал национальным героем Италии. Он был посмертно награжден высшей итальянской наградой — золотой медалью — и удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Национальное восстание в Италии началось в апреле 1945 г. В крупных городах Северной Италии — Болонье, Генуе, Турине, Милане — по призыву компартии и комитетов национального освобождения начались вооруженные выступления повстанцев. Партизанские отряды преследовали отступающие немецкие войска, уничтожали остатки фашистской Республики Сало. Они захватили в плен Муссолини и его ближайших сподвижников, министров Республики Сало, многих бывших руководителей фашистской партии и государства и казнили их. 29 апреля 1945 г. немецкие войска в Италии капитулировали[107].

Под влиянием крупных побед Красной армии на советско-германском фронте, особенно на его центральном участке, со второй половины 1944 г. активизировалось движение Сопротивления в странах Восточной и Юго-Восточной Европы. Во многих из них вспыхнули антифашистские восстания, которые впоследствии переросли в народно-демократические революции.

Значительно усилилась национально-освободительная борьба польского народа против немецких оккупантов. По всей Польше продолжалось начатое зимой 1944 г. создание подпольных рад народовых с участием сторонников политических партий и общественных организаций, объединившихся в демократическом Национальном фронте. К середине лета

в глубоком подполье действовали восемь воеводских рад народовых, включая Раду народову Варшавы, а также около 100 повятовых и городских и около 300 гминных рад народовых[108].

В противовес органам народной власти польское эмигрантское правительство в Лондоне всячески стремилось укрепить свою подпольную гражданскую администрацию в стране с целью захвата власти в момент освобождения Польши. При этом оно также вело подготовку к противодействию освободительной миссии СССР на случай, если Советский Союз не признает власть эмигрантского правительства. В донесении командующего Армией Крайовой (АК) генерала Т. Бур-Коморовского 22 июля в Лондон, с одной стороны, говорилось о необходимости ни на минуту не прекращать борьбу с Германией, а с другой — предлагалось «мобилизовывать духовно все общество на борьбу с Россией»[109].

К лету 1944 г. положение Польской рабочей партии (ПРП) как ведущей силы в национально-освободительной борьбе польского народа значительно укрепилось. Свою первостепенную задачу она видела в расширении вооруженной борьбы против немецко-фашистских оккупантов. Росла численность Армии Людовой (АЛ): в 1944 г. она насчитывала 17 бригад, 69 отрядов и большое число различных групп (всего около 60 тыс. бойцов)[110].

Когда Красная армия вступила на польскую землю, Крайова Рада Народова (КРН) призвала польский народ активизировать борьбу против немецких оккупантов, проводить диверсии и акты саботажа на транспорте и в промышленности, срывать поставки продовольствия, дезорганизовывать эвакуационные мероприятия врага, не давать гитлеровцам сжигать деревни.

На освобожденной советскими войсками польской территории трудящиеся массы, используя складывавшуюся революционную ситуацию, а также благоприятную обстановку, создавшуюся в результате успешного наступления Красной армии, взяли власть в свои руки. 21 июля 1944 г. был образован Польский комитет национального освобождения (ПКНО) во главе с Э. Осубка-Моравским[111]. Одновременно КРН приняла решение объединить 1-ю польскую армию с Армией Людовой в народное Войско Польское, главнокомандующим которого был назначен генерал брони М. Роля-Жимерский[112].

Тем временем польское прозападное подполье, действуя по инструкциям эмигрантского правительства, не желавшего допустить освобождения Варшавы частями Красной армии и народного Войска Польского и установления в столице власти КРН и ПКНО, 1 августа 1944 г. спровоцировало в Варшаве вооруженное выступление, которое переросло в массовое антифашистское восстание. При этом его организаторы в случае успеха намеревались объявить мировому сообществу о том, что столица Польши находится в руках эмигрантского правительства, поэтому они не поставили в известность о своих планах советское командование и командование Войска Польского.

Польские патриоты не догадывались об истинных целях организаторов вооруженного выступления в столице и приняли самое активное участие в схватке с немецким гарнизоном, проявляя при этом исключительный героизм и отвагу. В ходе расширения масштабов восстания было установлено взаимодействие отрядов АК и АЛ на местном уровне.

Польские патриоты мужественно сражались с врагом на варшавских баррикадах, но силы были неравны. Против хорошо вооруженного немецкого гарнизона, насчитывавшего 16 тыс. солдат, выступили около 40 тыс. поляков, которые имели только 3,5 тыс. единиц стрелкового оружия. Положение повстанцев ухудшалось, они несли большие потери. Лондон не поддержал восставших[113].Командование 1-го Белорусского фронта по указанию Ставки делало все возможное для оказания помощи польским повстанцам. 14 сентября войскам Красной армии и Войска Польского удалось освободить столичное предместье Прагу и выйти на Вислу в районе Варшавы. В этих условиях руководство повстанцев решило установить с 15 сентября связь с Красной армией и Войском Польским. В польскую столицу было направлено несколько советских разведгрупп, но две из них погибли, и лишь третьей — разведчику Ивану Колосу и радисту Дмитрию Стенько — удалось добраться до Варшавы. Однако руководство АК отказалось взаимодействовать с советским командованием. Оно не проявляло никакой активности, а делало все, чтобы прервать связь с форсирующими Вислу войсками, упорно

Варшавские повстанцы в бою

Варшавский патриот наблюдает за немецкими войсками

Варшавские повстанцы у бронеавтомобиля «Кубус»

Залп немецких реактивных установок в Варшаве по повстанцам, атаковавшим Старый город

Варшавские повстанцы на захваченном немецком бронетранспортере

Польский боец Сопротивления

проводило враждебную линию в отношении польских демократических сил и Советского Союза. Иван Колос был вынужден, преодолев огромные трудности, вернуться назад. Впоследствии он был удостоен звания Героя Российской Федерации[114].

В период с 16 по 20 сентября через Вислу переправились шесть усиленных польских батальонов Войска Польского, но преодолеть сопротивление гитлеровцев они не смогли и, понеся большие потери, 24 сентября были вынуждены возвратиться на правый берег[115].

Командования 1-го Белорусского фронта и 1-й армии Войска Польского оказывали посильную поддержку польским повстанцам как ударами артиллерии и авиации, так и в материально-техническом отношении. Так, с 13 сентября по 1 октября 1944 г. для оказания помощи восставшим был произведен 4821 самолето-вылет, в том числе 1361 — на бомбардировку и штурмовку противника в Варшаве по заявкам повстанцев и 2435 — на сбрасывание грузов. При этом для повстанцев было сброшено 156 минометов, 505 противотанковых ружей, 2667 автоматов, винтовок и карабинов, 3,3 млн патронов для стрелкового оружия, 515 кг медикаментов, более 100 тонн продовольствия, телефонные аппараты, кабель и другое военное имущество[116].

Восстание в Варшаве закончилось трагически. 2 октября Бур-Коморовский подписал акт о капитуляции, и бои в городе прекратились. За 63 дня Варшавского восстания погибли около 200 тыс. поляков — повстанцев и мирного населения[117]. Оставшихся в живых жителей гитлеровцы выселили из города, при этом пленных повстанцев они бросили в концлагерь в Пружкове близ Варшавы, а Бур-Коморовскому предоставили самолет, и он вылетел сначала в Швейцарию, а затем в Лондон[118]. Сама же Варшава была почти полностью разрушена и сожжена.

Осенью 1944 г. продолжала расширяться вооруженная борьба польских патриотов против немецких оккупантов в воеводствах, расположенных западнее Вислы, особенно активной она была в Краковском и Келецком воеводствах. В тесном взаимодействии с АЛ сражались советские партизаны и разведывательные группы. Карательные акции немецких войск и жандармерии против них не приносили успеха. Во второй половине 1944 г. партизаны провели 200 диверсий на железных дорогах, уничтожили при этом около 130 немецких эшелонов[119].

Наступление советских войск под Яссами и Кишиневом летом — осенью 1944 г. активизировало освободительную борьбу балканских народов. В этот период Румыния переживала глубокий внутриполитический кризис. Она являлась основным поставщиком нефти для Германии, и гитлеровцы, поддерживаемые фашистской диктатурой И. Антонеску, беспощадно грабили страну. Все это порождало недовольство и возмущение румынского народа.

В Бухаресте, Плоешти и других городах создавались вооруженные боевые группы. В мае 1944 г. в Едином рабочем фронте объединились коммунисты и социал-демократы, а 20 июня был создан Национально-демократический блок, в который вместе с коммунистами и социал-демократами вошли буржуазные национал-царанистская и национал-либеральная партии. Усилились антигитлеровские настроения в румынской армии, обострился до крайности и кризис «верхов». Учитывая это, компартия установила связь с оппозиционно настроенными офицерами и дворцовыми кругами. В создавшихся условиях король Михай вынужден был принять предложенный КПР план вооруженного восстания, целью которого являлись свержение фашистского режима Антонеску и выход Румынии из войны в качестве союзника Германии[120].

23 августа, когда Красная армия начала решительное наступление против вермахта в Румынии, по приказу короля Михая И. Антонеску и другие министры правительства были арестованы[121]. Сразу после их ареста части бухарестского гарнизона получили приказ занять государственные учреждения и другие важные объекты — радиостанцию, центральную телефонную станцию, телеграф, прервать связь между немецкими учреждениями и воинскими частями и воспрепятствовать их передвижению[122], и этот приказ был выполнен. Фашистский режим под ударами патриотических сил рухнул, ни одно подразделение румынской армии не выступило в его защиту. 23 августа в Бухаресте было объявлено о смещении правительства

Варшавские повстанцы готовятся к сдаче в плен после капитуляции

Антонеску, создании правительства национального единства и принятии Румынией условий перемирия с антигитлеровской коалицией.

Но арест клики Антонеску означал не конец, а лишь начало восстания. Немецко-фашистские войска по приказу Гитлера предприняли попытки его подавления: утром 24 августа они подвергли варварской бомбардировке Бухарест и перешли в наступление[123]. Фашисты грозили полностью разрушить столицу. К началу восстания немцы имели в Бухаресте и его пригородах около 14 тыс. военнослужащих. Кроме того, они рассчитывали на военизированные организации румынских немцев (свыше 40 тыс. человек). На стороне восставших в столице действовали около 7 тыс. военнослужащих и 50 боевых патриотических групп рабочих[124]. Однако немецко-фашистскому командованию не удалось подавить восстание в столице. Советские войска быстро продвигались к городу. В Бухарест начали прибывать румынские воинские части из других районов страны. Соотношение сил быстро менялось в пользу повстанцев. К 28 августа численность румынских войск в столице достигла 39 тыс. человек, а в боевых патриотических группах — около 2 тыс. человек[125]. Это позволило восставшим самим перейти к решительным действиям и разгромить немецкий гарнизон. Они очистили от фашистских сил Бухарест и его окрестности и удерживали их до подхода советских войск, взяв в плен 7 тыс. гитлеровцев. Повстанцы потеряли 1400 человек[126]. Вооруженные бои с гитлеровцами происходили также в Плоешти, Брашове и других городах и районах Румынии.

Разгромив немецкие войска в Румынии, Красная армия вышла к северной границе Болгарии. Тем самым была создана благоприятная обстановка для избавления болгарского народа от немецких и монархофашистских угнетателей. Болгарская рабочая партия (БРП) сплотила в Отечественном фронте все антифашистские и патриотические силы. К началу сентября 1944 г. в стране под руководством коммунистов действовали 678 комитетов Отечественного фронта, в которые входили 3855 человек[127]. Они являлись руководящими органами народного антифашистского движения. Была создана Народно-освободительная повстанческая армия (НОПА), которая во многих районах сковывала монархофашистские войска, полицию, жандармерию и отдельные части гитлеровцев. Болгарские коммунисты вели активную революционно-пропагандистскую работу среди солдатских масс царской армии. В итоге к лету 1944 г. армия перестала быть надежной опорой правительству.

5 сентября ЦК БРП и главный штаб НОПА разработали окончательный план вооруженного восстания. Он предусматривал организацию, начиная с утра 6 сентября 1944 г., стачек и демонстраций в Софии, Пловдиве, Плевене, других крупных городах и нанесение главного удара в столице Болгарии в ночь на 9 сентября[128]. Для руководства восстанием в Софии было образовано оперативное бюро во главе с Тодором Живковым[129].

6–7 сентября в Софии и других крупных городах Болгарии началось сосредоточение партизанских отрядов и местных боевых групп. 6 сентября главный штаб НОПА принял и начал распространять обращение к войскам, призывая их совместно с партизанами и Красной армией бороться за освобождение Болгарии от фашизма. 7 и 8 сентября в Пловдиве, Пернике, Софии, Плевене и других крупных городах вопреки запрету правительства состоялись демонстрации. В те же дни партизаны провели боевые операции по всей стране и овладели рядом населенных пунктов. Успешные действия партизан, демонстрации и стачки в крупных городах вызвали подъем народных масс и создали благоприятные условия для успеха вооруженного восстания[130].

На последнем нелегальном заседании Политбюро ЦК БРП совместно с представителями главного штаба НОПА и Национального комитета Отечественного фронта, которое состоялось 8 сентября, были приняты окончательные решения по плану проведения восстания. Было решено начать его в 2 часа ночи 9 сентября. Местные партийные комитеты и главный штаб НОПА получили все необходимые распоряжения об организации боевых действий против врага. Вооруженное восстание началось в соответствии с утвержденным планом, в нем принимали активное участие коммунисты и члены Рабочего молодежного союза (РМС), боевые группы трудящихся столицы и окрестных сел, партизаны бригады «Чавдар» и Шопского отряда, а также солдаты отдельных воинских частей. В первый же час восстания

были арестованы министры и члены высшего военного руководства, которые находились в здании военного министерства, а затем захвачены здания МВД и других министерств, почта, телеграф и центральный вокзал.

К власти в стране пришло правительство Отечественного фронта. В него вошли представители Болгарской рабочей партии, левого крыла Болгарского земледельческого народного союза, политической группы «Звено», левого крыла социал-демократической партии и двое беспартийных. Оно объявило войну Германии, вывело болгарские оккупационные войска из Греции и Югославии, подписало перемирие с союзниками, распустило все фашистские организации, предало суду военных преступников и конфисковало их имущество[131].

В Словакии к середине 1944 г. сложилась революционная ситуация, что явилось следствием выдающихся побед Красной армии, которая вплотную подошла к границам Чехословакии. В ее рядах сражался 1-й чехословацкий армейский корпус (ЧАК), сформированный в СССР.

В это время в освободительном движении проявились два направления: одно отражало чаяния широких народных масс, настойчиво выступавших за расширение всенародной вооруженной борьбы и подготовку общенационального восстания; другое определялось политикой лондонского эмигрантского правительства и президента Э. Бенеша, которые стремились ограничить освободительную борьбу лишь военным переворотом.

Компартия Словакии, являясь составной частью Коммунистической партии Чехословакии, сумела активизировать деятельность местных национальных комитетов, которые фактически выполняли функции подпольных органов народной власти.

В этот период руководство Советского Союза оказало помощь чехословацкой компартии в организации партизанского движения: Украинский штаб партизанского движения (УШПД) получил указание сформировать и направить на территорию Закарпатской Украины и Словакии партизанские группы, в спецшколе УШПД началось обучение чехословацких партизан, а летом 1944 г. из чехов и словаков были сформированы и переброшены в Словакию первые организаторские группы во главе с опытными партизанскими руководителями[132]. В августе 1944 г. из числа специально обученных солдат и офицеров чехословацкого корпуса и советских партизан было создано и переброшено на чехословацкую территорию еще 20 таких групп общей численностью 300 человек[133]. Летом с территории Польши и Закарпатской Украины в Чехословакию был перебазирован ряд партизанских отрядов и соединений, пополнившихся местными патриотами и приступивших к активным боевым действиям. Партизанские отряды в Словакии обычно имели многонациональный состав. В их рядах сражались не только словаки и чехи, но и русские, французы, поляки, болгары, сербы, представители других народов.

Военный центр при Словацком национальном совете (СНС) разработал план военного переворота, в который по инициативе коммунистов был внесен ряд важных положений о развертывании вооруженного восстания, вовлечении в него народных масс, прежде всего партизан, о тесной координации действий организаторов восстания с замыслами и планами советского Верховного главнокомандования[134].

В целях предотвращения нараставшего взрыва народного возмущения и подавления партизанского движения правительство Тисо 12 августа объявило Словакию на военном положении, а 29 августа для наведения «порядка» пригласило в страну немецкие войска. И в тот же день в Словакию вторглись гитлеровские каратели. Это вызвало взрыв возмущения словацкого народа и ускорило начало восстания, которое в кратчайшие сроки приобрело всенародный характер. Восстание охватило почти всю Центральную и часть Восточной Словакии. Освобожденную территорию составляли более 30 административных районов общей площадью свыше 20 тыс. кв. км с населением 1,7 млн человек[135]. С 1 сентября верховную власть здесь осуществлял Словацкий национальный совет (СНС), который стал органом, направлявшим дальнейшее развитие революционного процесса в Словакии. В декларации от 1 сентября СНС определил цели восстания и принципы строительства единого чехословацкого народно-демократического государства.

Соотношение сил к концу августа было следующим. Из распавшейся тисовской 42-тысячной армии тыла на сторону восставших перешли 18 тыс. солдат и офицеров. Мобилизация

в начале сентября и материальная помощь из СССР позволили довести личный состав армии восставших до 47 тыс. человек. На ее вооружении было 40 тыс. винтовок, 1,5 тыс. легких и 200 тяжелых пулеметов, 200 автоматов, 160 орудий и минометов, 12 танков, 20 самолетов. Партизанские отряды в Словакии насчитывали 17 тыс. человек[136]. По численности силы повстанцев заметно превосходили противника, который располагал 30 тыс. солдат и офицеров, поэтому немецкое командование перебросило сюда во второй половине сентября танки, самолеты и отозванные с фронта воинские части.

19 октября немецкие войска предприняли наступление с нескольких направлений, и повстанцы вынуждены были отойти. 27 октября фашисты заняли Банска-Бистрицу — центр восстания[137]. Основные повстанческие силы под прикрытием специальных частей армии и партизан отошли в горы, а остальные партизанские бригады ушли на оккупированную территорию для действий в тылу врага. Многие солдаты разошлись по домам и там были взяты в плен немецкими карателями. Началась жестокая расправа над патриотами Словакии. Гитлеровцы казнили сотни повстанцев, около 30 тыс. человек отправили в концлагеря. Но борьба против оккупантов продолжалась: отошедшие в горы советские партизаны и словацкие патриоты вели бои с фашистскими карателями, оказывали посильную помощь войскам Красной армии, вступившим в Словакию.

Несмотря на неудачу, Словацкое восстание занимает выдающееся место в истории словацкого и чешского народов. По своему характеру оно явилось общенародным вооруженным выступлением с целью изгнания оккупантов, свержения клерикально-фашистского режима, носило глубоко интернациональный характер. Оно имело и важное военное значение: повстанцы вывели из строя более 6,5 тыс. км коммуникаций противника, сковали восемь немецких дивизий; оккупанты потеряли 10 350 человек убитыми, 100 орудий и минометов, 55 самолетов, два бронепоезда, 30 броневиков и 1000 автомашин[138].

Вступление советских войск на чехословацкую территорию и развертывание партизанской борьбы в Словакии нашли отклик и среди патриотов в Чехии. Участились диверсионные акты партизан на коммуникациях противника и вооруженные столкновения с гитлеровцами, издавались антифашистские листовки, ширился саботаж на предприятиях. По решению советского командования осенью 1944 г. была усилена помощь партизанам в чешских землях: сюда было переброшено несколько десантных групп чешских и советских партизан, возглавляемых М. Я. Савельевым, П. В. Федоровым, И. А. Лабунским и другими.

Активизация партизанского движения привела к тому, что к весне 1945 г. в чешских землях действовало уже 120 отрядов общей численностью 75 тыс. человек[139]. В мае 1945 г. движение Сопротивления в Чехии переросло в антифашистское восстание, в котором приняли участие 100 тыс. человек. На помощь восставшим пришли подразделения Русской освободительной армии Власова, которые рассчитывали искупить свою вину за сотрудничество с вермахтом и перейти на сторону союзников. Начиная с 6 мая власовцы освободили несколько городских кварталов чехословацкой столицы Праги, но уже на следующий день они покинули город, уйдя на запад, поскольку американские войска приостановили наступление. 9 мая в Прагу вошли советские танки, которые очистили город от остатков гитлеровских войск. Партизанские действия в других районах Чехии в координации с боями Красной армии завершились 11 сентября освобождением всей страны от немецко-фашистских захватчиков.

Разгром Красной армией немецкой группы армий «Южная Украина» в Ясско-Кишиневской операции, освобождение Румынии и Болгарии, вступление советских войск в пределы Чехословакии, Венгрии и их выход на границу с Югославией коренным образом изменили ситуацию на Балканах. Была создана благоприятная обстановка для активизации освободительной борьбы народов Югославии. Они наносили чувствительные удары по оккупантам, силам внутренней реакции, освободили ряд районов страны. В сражениях росла и крепла Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ). К сентябрю 1944 г. она уже включала 15 корпусов (50 дивизий), две оперативные группы (по две бригады каждая), 16 отдельных пехотных бригад и 130 партизанских отрядов, насчитывая в общей сложности около 400 тыс. бойцов[140]. Во многих районах создавались местные органы новой власти — народно-освобо-

Санинструктор 1-го отдельного чехословацкого батальона Мальвина Фридманова

дительные комитеты. Успехи НОАЮ, создание центральных и местных органов народной власти, широкомасштабная поддержка патриотических сил Югославии Советским Союзом вынудили Англию и США в конце 1943 г. признать национально-освободительное движение, возглавляемое коммунистами, решающей военной силой Югославии. В целом к осени 1944 г. были созданы все условия для нанесения совместными усилиями Красной армии и НОАЮ решающего удара по врагу в Сербии, прежде всего проведения крупной наступательной операции на белградском направлении.

Во второй половине сентября 1944 г. в Москве состоялись переговоры председателя Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ) маршала И. Броз Тито с И. В. Сталиным, в результате которых была достигнута договоренность о вступлении крупных соединений Красной армии на территорию Восточной Сербии. Они совместно с войсками НОАЮ должны были освободить восточные районы страны и столицу Белград. Предусматривалось, что в районах расположения советских войск будет действовать гражданская администрация НКОЮ.

Завершающей фазой Белградской операции стал штурм Белграда. В городе под руководством белградских коммунистов действовали боевые группы общей численностью более 2 тыс. вооруженных бойцов. К исходу 20 октября советские и югославские войска при поддержке авиации и кораблей Дунайской военной флотилии штурмом овладели последним очагом сопротивления гитлеровцев в Белграде — крепостью Калемегдан. В уличных боях противник потерял 15 тыс. убитыми и 9 тыс. пленными[141]. Белград стал местопребыванием ЦК КПЮ, Верховного штаба НОАЮ и НКОЮ.

Важным итогом Белградской операции явилось установление тесного оперативного взаимодействия между НОАЮ и Красной армией. Были созданы необходимые условия для освобождения всей территории Югославии, оказания более масштабной советской помощи югославским патриотам, что стало началом нового этапа освободительной борьбы народов Югославии.

К концу 1944 г. были полностью освобождены Сербия, Черногория, Македония, всё Адриатическое побережье Югославии от границы с Албанией до города Задар, в том числе острова и важные порты Шибеник и Дубровник. Верховное командование НОАЮ взяло под свой контроль морскую границу страны. Площадь освобожденной территории Югославии, кроме районов, находившихся под контролем НОАЮ и партизан на севере страны, составляла около 170 тыс. кв. км, где проживали 8 млн человек[142]. Кроме того, на обширных освобожденных территориях в Хорватии и Словении базировались семь корпусов НОАЮ и нескольких партизанских отрядов, действовавших против немецких гарнизонов и коммуникаций.

1 марта 1945 г. Народно-освободительная армия Югославии была переименована в Югославскую армию, военно-морской флот — в Югославский военно-морской флот, а Верховный штаб преобразован в Генеральный штаб. В последующем Югославская армия совместно с советскими войсками приняла активное участие в освобождении Югославии, территория которой была почти полностью очищена от врага к концу апреля.

После освобождения Румынии Венгрия по-прежнему оставалась союзницей нацистской Германии. Но внутриполитическая обстановка в этой стране еще больше обострилась. 15–16 октября 1944 г. немецкое командование при поддержке реакционных венгерских офицеров и партии нилашистов «Скрещенные стрелы» организовало в Венгрии государственный переворот. Придя к власти, главарь венгерских фашистов Ф. Салаши отдал войскам приказ продолжать сражаться против Красной армии. Это вызвало волну протеста среди патриотов Венгрии. Находившаяся в глубоком подполье коммунистической партия призвала народ все активнее включаться в борьбу против фашистов: участились диверсионные акты, стачки и забастовки, неподчинение распоряжениям фашистских властей, крестьяне отказывались поставлять сельскохозяйственные продукты для Германии и вермахта[143].

Особенно усилилось сопротивление нилашистско-фашистскому режиму после перенесения боевых действий Красной армии на территорию Венгрии. Этому содействовала и помощь СССР: прибытие 10 партизанских отрядов из Советского Союза, в составе которых сражались 250 венгров и 30 советских партизан. В эти отряды, прошедшие хорошую под-

Албанские партизаны в ходе боев за Тирану

готовку, были привлечены к борьбе с врагом еще до 1,5 тыс. человек[144]. В октябре — ноябре 1944 г. в Венгрии партизанскую борьбу вели уже тысячи патриотов. Местные жители, со своей стороны, оказывали всемерную помощь партизанам.

Находившиеся в Венгрии немецкие войска и венгерские части, подчинявшиеся правительству Салаши, оказали ожесточенное сопротивление наступавшей Красной армии. Упорные бои продолжались несколько месяцев. 28 октября преодолением р. Тисы Дебреценская операция завершилась. Но еще раньше, после освобождения восточной части Венгрии, в г. Дебрецене было созвано Временное национальное собрание. 22 декабря 1944 г. оно образовало Временное правительство, в состав которого вошли все антифашистские партии, в том числе коммунисты и социал-демократы. Оно объявило войну Германии, подписало перемирие с союзниками, запретило все фашистские организации, разрешило деятельность демократических партий и начало проведение аграрной реформы. По мере освобождения Венгрии, которое завершилось в апреле 1945 г., власть Временного правительства постепенно распространилась на всю территорию страны[145].

Выдающиеся успехи советских войск на фронтах и результаты освободительной борьбы народов Европы существенно изменили обстановку в Албании и Греции. 14 июня 1944 г. командование Национально-освободительной армии Албании (НОАА) отдало приказ о переходе в наступление своих войск. В результате упорных боев к концу октября 1944 г. три четверти территории страны было освобождено. 29 октября войска НОАА окружили около 3 тыс. немецко-фашистских оккупантов в столице Албании, а 17 ноября полностью освободили Тирану. Противник поспешно отошел на север[146].

В результате решающих побед Красной армии, разгромившей группировки немецко-фашистских войск на Балканах, и активизации освободительной борьбы албанского народа

к 29 ноября полностью завершилось изгнание оккупантов со всей территории Албании. Этот день стал национальным праздником албанского народа.

Под влиянием наступления советских войск на Балканах усилилось освободительное движение в Греции. Наращивала свои удары по оккупантам Народно-освободительная армия (ЭЛАС). Освободительное движение в стране приобрело широкий размах и вскоре достигло крупных успехов. В конце сентября ЭЛАС уже контролировала большую часть Греции. Национально-освободительный фронт (ЭАМ) объединял в своих рядах до 2 млн патриотов[147].

Функции Временного правительства Греции перешли к Политическому комитету национального освобождения (ПЕЕА). Непрерывно увеличивалась численность ЭЛАС, постоянно повышалась активность и расширялся масштаб ее боевых действий против немецких оккупантов. Стремительное наступление Красной армии на Балканах заставило немецко-фашистское командование 3 октября отдать приказ о выводе своих войск из Греции, Албании и южных районов Югославии. 12 октября части ЭЛАС и партизаны освободили Афины и Пирей, а 30 октября — Салоники. К 3 ноября вся территория Греции была очищена от оккупантов. Многолетняя и самоотверженная борьба ЭЛАС увенчалась полным освобождением страны.

Казалось, Греция обрела наконец свободу и независимость, однако английские войска, прикрываясь приглашением премьер-министра правительства национального единства Г. Папандреу и соглашением в Казерте от 26 сентября 1944 г., осуществили вооруженную интервенцию, хотя никаких серьезных причин военного характера для этого не было. Еще 6 августа У. Черчилль отдал распоряжение начальнику британского генерального штаба об осуществлении высадки 10–12 тыс. военнослужащих с танками и артиллерией под общим командованием английского генерала Р. Скоби в начале сентября. Намерения английского правительства разделяло и политическое руководство США[148].

При этом основной целью вступления англичан в Грецию была не борьба против немецких оккупантов, а восстановление в ней довоенного режима и укрепление английского влияния на Балканах и Ближнем Востоке. 4 октября 1944 г. был выброшен первый английский воздушный десант на полуострове Пелопоннес, 13 октября англичане без единого выстрела высадились в районе Афин, а 1 ноября — в г. Салоники, который уже находился под контролем частей ЭЛАС. Преследование отступавших немецких оккупантов вели только войска ЭЛАС. Английские подразделения не предпринимали боевых действий, находясь от противника на расстоянии 50 км. Они продвигались за частями ЭЛАС и занимали территорию, освобожденную греческими патриотами. Сразу после высадки 5 октября 1944 г. штаб воздушных сил союзников на Балканах опубликовал в Лондоне коммюнике, в котором признавалось, что данная операция «скорее носила характер простой оккупации, чем вторжения»[149].

Вслед за англичанами из эмиграции в Афины прибыло правительство Папандреу. При поддержке английского командования оно приступило к формированию своих воинских частей и потребовало роспуска ЭЛАС. 3–4 декабря в Афинах и Пирее прошли мирные народные манифестации в поддержку политики ЭАМ, но командующий английскими войсками ввел в Афинах военное положение, а полиция и английские подразделения открыли огонь по демонстрантам. Это переполнило чашу терпения греческого народа, и он вновь поднялся на борьбу. ЭЛАС приступила к активным действиям.

К середине декабря вооруженное сопротивление интервентам приняло всеобщий характер. Столкновения сторонников ЭАМ и ЭЛАС с английскими и правительственными войсками продолжались более 50 дней и завершились 12 февраля 1945 г. соглашением в Варкизе (близ Афин), по условиям которого отряды ЭЛАС разоружались. Правительство отменяло военное положение, объявляло амнистию политическим заключенным, гарантировало обеспечение свободы слова, печати, собраний, политической и профсоюзной деятельности. Было решено провести всеобщие выборы и референдум для решения вопроса о будущем государственном строе Греции[150].

В Австрии в июне 1944 г. развернулась борьба за формирование временного правительства антифашистской коалиции, задачей которого было аннулирование аншлюса и восстанов-

ление демократии. В германском штабе в Вене зрел военный заговор, который возглавлял генерал К. Сцоккол, установивший связь с полковником фон Штауффенбергом. 20 июля в Вене заговорщики уже приступили к аресту местных служб СС, когда стало известно о провале путча в Берлине. Но заговорщики сумели вовремя дать отбой, поэтому, в отличие от Германии, здесь не было массовых арестов, что позволило сохранить ядро антифашистского подполья в австрийской армии[151].

Тем временем в Штирии и Каринтии развернулось широкое партизанское движение. В состав Комитета австрийского фронта свободы этих областей входили коммунисты, социалисты, католики. Партизаны освободили города Шванберг и Дойчландсберг. 29 марта 1945 г. в Австрию вступили советские войска, а 13 апреля была освобождена Вена. Группы движения Сопротивления в австрийской армии не допустили взрывов эсэсовцами мостов, важных коммуникаций, памятников культуры в столице. Австрийские патриоты оказывали содействие советским войскам в освобождении столицы, сражались с отрядами СС, разоружали их.

1 мая в северо-западные районы Австрии, где также успешно действовали партизаны, вошли американские войска. Партизаны захватили личную библиотеку Гитлера, спасли многие художественные ценности, награбленные нацистами в музеях Европы и спрятанные ими в соляных штольнях, взяли в плен и передали американцам видного нациста — шефа главного управления имперской безопасности (РСХА) Э. Кальтенбруннера.

27 апреля временным правительством была утверждена Декларация о независимости Австрии, а аншлюс признан недействительным. Австрия теперь должна была вновь стать в соответствии с конституцией 1920 г. демократической республикой. Таким образом, движение Сопротивления в Австрии сыграло большую роль в развитии национального самосознания народа и способствовало восстановлению независимости страны[152].

Движение Сопротивления в Германии не приобрело массового характера и на завершающем этапе войны. К этому моменту была уже вскрыта и пресечена деятельность берлинских подпольных групп Арвида Харнака и Харро Шульце-Бойзена, связанных с советской разведкой. Более 100 патриотов были казнены или брошены в концлагеря[153].

Среди коммунистов активно действовали в 1942–1944 гг. группы под руководством Бернхарда Бестлайна и Франца Якоба в Гамбурге и Антона Зефкова в Берлине. Но при попытках установления контактов с консервативной оппозицией в июле 1944 г. ее руководители были арестованы и казнены.

Наиболее активные социал-демократические группы Сопротивления — «Социалистический фронт» в Ганновере, «Красная штурмовая группа» в Берлине и другие — к 1944 г. также почти все были разгромлены гестапо. В их деятельности принимали участие и коммунисты[154].

Центральными фигурами буржуазного Сопротивления стали бывший лейпцигский обер-бургомистр Карл Гёрделер, дипломат Ульрих фон Хассель и бывший командующий сухопутными войсками Людвиг Бек. Многие их сторонники выступали за прекращение войны только на западном фронте, чтобы все силы Германии сосредоточить на восточном. В их планах много внимания уделялось послевоенной европейской интеграции, где немецкие вооруженные силы играли бы важную роль. Военная оппозиция установила контакты с антифашистами из «кружка Крайзау» во главе с Гельмутом фон Мольтке. В этом кружке были представители всех общественных и политических направлений, оппозиционных Гитлеру, — они выступали за прекращение войны на всех фронтах и являлись сторонниками глубоких демократических преобразований в Германии.

Среди немецких военных особой активностью отличалась группа решительных армейских офицеров высшего и среднего звена: Фриц Линдеман, Хеннинг фон Тресков, Клаус Шенк фон Штауффенберг и другие, которые намеревалась убить Гитлера, арестовать руководство СС, провозгласить окончание войны на всех фронтах, отказаться от захваченных территорий и открыть дорогу демократическому обновлению Германии.

Непосредственным организатором покушения был полковник Шенк фон Штауффенберг, занимавший пост начальника штаба при командующем резервной армией, участник

боевых действий на западном фронте, возмущенный зверствами нацистов в СССР и Польше. Располагая доступом в штаб-квартиру Гитлера «Вольфшанце», он заложил бомбу с часовым механизмом 20 июля 1944 г. в помещении, где проходило совещание. Но в результате взрыва Гитлер получил лишь легкую контузию. Заговор потерпел неудачу. Непосредственные организаторы покушения, в том числе фон Штауффенберг, были арестованы и казнены. Некоторые участники заговора, узнав о провале, застрелились. По стране прокатилась волна арестов, репрессий, казней — были осуждены около 700 человек[155].

Антифашистское подполье с большим трудом восстановило часть своих организаций, но в условиях жестокого массового террора активизировать вооруженное сопротивление в Германии не удалось. После вступления войск союзников на территорию Германии немецкие патриоты стремились предотвратить разрушение гитлеровцами заводов и коммуникаций, содействовали освобождению военнопленных и заключенных из концлагерей. Действия патриотов в самой Германии не слились в единый мощный поток и не нанесли серьезного ущерба нацистскому режиму: слишком велик был террор, воздействие нацистской пропаганды и предвоенной «мирной» политики Гитлера. Но и в этих тяжелых условиях тотального насилия немецкое Сопротивление показало, что были и «другие» немцы, «другая» Германия, которая стремилась к устранению преступного нацистского режима и демократическому обновлению страны.

Движение Сопротивления нацизму носило подлинно интернациональный характер. Оно охватило все оккупированные европейские страны. В борьбе, в том числе и с оружием в руках, участвовали люди разных национальностей. Так, в рядах Народно-освободительной армии Югославии сражались 63 интернациональных и национальных формирования, в состав которых входили граждане многих государств. В рядах польского Сопротивления сражались представители 34 национальностей, а в числе словацких патриотов были антифашисты более 20 национальностей. Массовым стало участие иностранцев в рядах Сопротивления Франции, Италии и других стран.

В движение Сопротивления практически всех европейских стран активно включились советские граждане. Это были люди, которые бежали из концлагерей и лагерей военнопленных, а также угнанные из оккупированных районов Советского Союза на принудительные работы в Германию. По приблизительным данным, только в партизанских отрядах европейских стран сражались около 40 тыс. советских граждан[156]. В свою очередь, поляки, чехи, словаки, югославы, венгры, французы, немцы и другие проявили себя настоящими патриотами и стойкими бойцами в советских партизанских отрядах.

Масштабы и успехи движения Сопротивления находятся в неразрывной связи с борьбой советского народа, победами Вооруженных сил СССР на фронтах Второй мировой войны, создавшими благоприятные возможности для антифашистов в других странах. В свою очередь, героическая и самоотверженная борьба антифашистов внесла свой вклад в общую победу над врагом.

Нарастание экономического и военного превосходства Советского Союза над фашистским блоком

Огромные материальные утраты Советского Союза, миллионные жертвы, разрушения и другие потери, необходимость ликвидации катастрофических последствий фашистского нашествия тяжело отражались на выполнении сложных и ответственных военно-хозяйственных задач. Но советские люди стойко и мужественно преодолевали все трудности, обеспечивая фронт высококачественной продукцией и связывая с Великой Победой самые радужные надежды. Необходимо было и далее осуществлять мобилизацию экономических ресурсов страны, развивать основные отрасли военного хозяйства, продолжать в требуемых размерах

выпуск важнейших видов боевой техники и вооружения для Красной армии, значительно расширить фронт восстановительных работ в пострадавших от фашистского нашествия районах и, наконец, подготовить и организовать массовый перевод военной экономики и всего народного хозяйства СССР на мирные рельсы, что отвечало коренным интересам советского общества.

Вопреки вражеским надеждам и расчетам на ослабление и экономическое истощение Советского государства, в рассматриваемый период войны удалось добиться еще большего укрепления оборонного потенциала и боевой мощи Красной армии. В течение первого полугодия 1945 г. труженики Советского Союза обеспечили производство 1,1 млн винтовок, карабинов и пистолетов-пулеметов, 117,5 тыс. пулеметов всех видов, 62 тыс. орудий всех видов, 15,4 тыс. танков и САУ, 16,4 тыс. боевых самолетов и других видов военной продукции[157]. Всего же в течение завершающего этапа войны промышленность СССР выпустила свыше 6,2 млн единиц стрелкового оружия, включая 595,1 тыс. пулеметов, 194,6 тыс. орудий, 49,5 тыс. танков и САУ, 52,3 тыс. боевых самолетов[158].

Уже в 1944 г., ставшем кульминационной точкой мощного взлета, промышленность СССР смогла превзойти довоенный показатель производства валовой продукции (104% по отношению к 1940 г.).

Важными факторами роста советской экономики являлись повышение производительности труда в промышленности, более эффективное использование действующих предприятий, максимальная мобилизация ресурсов, научных достижений, ввод новых и восстановление разрушенных оккупантами предприятий и объектов промышленности и транспорта. Сельскохозяйственное производство с его ослабленной материально-технической базой, уходом в действующую армию подавляющей части мужского населения развивалось медленно и главным образом в восточных районах страны. Валовая продукция сельского хозяйства даже в 1945 г. составляла только 60% к довоенному уровню[159]. Однако, несмотря на весьма значительную передачу фронту тракторов, машин и людских резервов, колхозы и совхозы Советского Союза смогли мобилизовать почти все внутренние резервы для поддержания производства и обеспечить армию и население продуктами питания, а промышленность — сырьем.

Главные направления политики государства на 1944—1945 гг. определялись годовыми планами восстановления и развития народного хозяйства СССР. В 1944 г. намечались ускоренный рост всего промышленного производства, опережающие темпы развития тяжелой индустрии, дальнейшее расширение и повышение качества военной продукции. Основной задачей отечественной индустрии по-прежнему оставалось удовлетворение потребностей фронта. И хотя удельный вес оборонной продукции в 1944 г. по сравнению с 1943 г. снизился на 7%, он тем не менее составлял больше половины всего промышленного производства, а точнее — 51,3%[160].

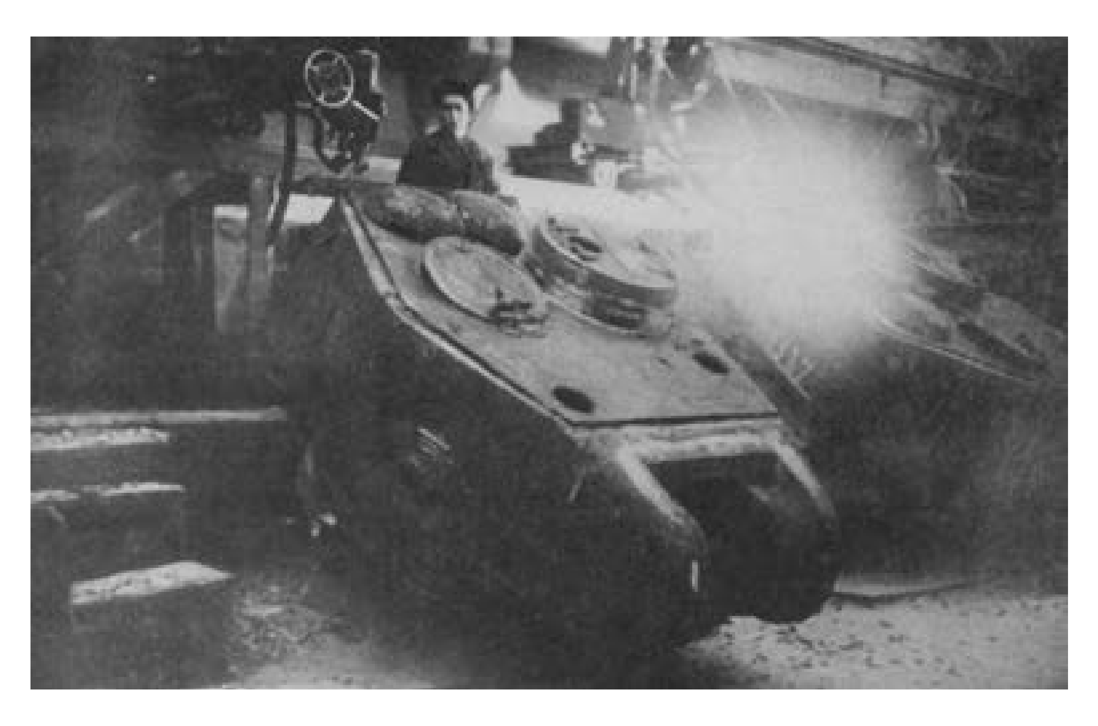
Намеченная государственным планом 1944 г. линия на укрепление материально-технической базы оборонной индустрии предъявляла более высокие требования к таким отраслям промышленности, как черная и цветная металлургия, топливная, электроэнергетическая и машиностроительная. Помимо расширения их мощностей требовалось вскрыть и поставить на службу перемещавшемуся на зарубежную территорию фронту дополнительные резервы роста производства, которыми располагали базовые отрасли.

Наряду с этим предусматривалось увеличение выпуска гражданской продукции. Намечалось также укрепить материально-техническую базу сельского хозяйства, транспорта, существенно увеличить объем работ по возрождению народного хозяйства на освобожденной от оккупантов территории. При этом требовалось не только закрепить достигнутые военно-экономические результаты, но и подготовить страну к быстрому переходу на рельсы мирного строительства, задачи которого заметно расширились в плане на 1945 г.

Для обеспечения реализации принятых планов восстановления и развития народного хозяйства государству требовалось проводить соответствующую финансовую политику. Главным источником увеличения доходов страны по-прежнему являлась прибыль, полученная

Укладка готовых 120-мм минометов в ящики для отправки на фронт

Автоматическая приварка крыши к литой бронебашне танка Т-34-85

от планового социалистического хозяйства: ее доля составляла в 1944 г. 69,7%, а в 1945 г. увеличилась до 76%[161]. До конца войны неуклонно возрастали поступления в бюджет налогов с населения: в 1945 г. они в 4,2 раза превысили довоенный уровень. К этому же времени почти в три раза возросла сумма государственных займов[162], хотя их распространение носило, особенно среди колхозников, добровольно-принудительный характер. Бремя займов стало снижаться только в победном 1945 г.

Государственный бюджет 1944—1945 гг. стал вновь бездефицитным, что было выдающимся событием. История не знала подобного примера, чтобы во время столь кровопролитной и разрушительной войны удалось не только сбалансировать бюджет, но и добиться в ходе его выполнения превышения доходов над расходами. Большую роль в этом сыграло не только увеличение доходов, но и постепенное сокращение доли военных расходов.

В 1944 г. среднегодовая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве по сравнению с 1943 г. возросла на 4,2 млн человек, или на 21,7%. При этом, как и в 1943 г., женщины составили на 1 октября 57% занятых в народном хозяйстве. В 1945 г. среднегодовая численность рабочих и служащих увеличилась еще на 3,6 млн человек, а доля женщин снизилась всего на 2%[163].

Набирали темпы энергетика и топливная промышленность. В 1944 г. шахтеры страны добыли на 30,5% больше угля, чем в 1943 г. Всего же за два последних года добыча угля возросла в 1,6 раза — это был выдающийся подвиг шахтеров и поднимавших шахты из руин рабочих других специальностей. Благоприятными для военной экономики СССР оказались и итоговые данные по производству электроэнергии: в 1945 г. они были выше показателя 1943 г. на 34%. Впервые за время войны удалось остановить сокращение добычи нефти и природного газа и даже достигнуть некоторого роста. Однако из-за низкого уровня буровых работ добиться большего не представлялось возможным, и потребности не только народного хозяйства, но и действующей армии обеспечивались нефтепродуктами со значительным напряжением.

Война предъявляла все более высокие требования к металлургии. Государственный Комитет Обороны 18 февраля 1944 г. принял постановление «О неотложных мерах помощи черной металлургии», которое регламентировало бесперебойное снабжение металлургических заводов сырьем, топливом, электроэнергией, а также пополнение рабочей силой[164]. На основе жестких требований этого документа советская черная металлургия (соответствующий наркомат возглавлял И. Ф. Тевосян) увеличила выплавку чугуна, стали и проката металлов.

Ведущее место в обеспечении потребностей народного хозяйства СССР черным металлом, как и прежде, принадлежало предприятиям Урала и Сибири. Преодолевая огромные трудности, из месяца в месяц неуклонно наращивал производство флагман черной металлургии — Магнитогорский комбинат, перешедший на выплавку высоколегированных марок стали. Во многом благодаря умелой и энергичной работе руководства комбината, непрерывным творческим поискам инженеров, техников, передовых рабочих, более производительного использования агрегатов мартеновские цеха в течение года увеличили выплавку металла на 470 тыс. тонн[165]. За 1944 г. коллектив Магнитогорского комбината повысил производительность труда на 21,1%[166], достигнув наивысшего уровня производства за время войны. Число передовиков производства на комбинате составляло свыше 11 500 человек, из которых 288 получили почетное звание лучших по профессии: среди них мастер мартеновского цеха П. С. Дорошенко, сталевары П. Н. Бревешкин, М. Ф. Пугачев, М. Зинуров, Е. О. Сазонов, В. Ф. Шлямнев, мастер-доменщик А. Л. Шатилин, машинист электровоза С. Ф. Рылов. Выплавка качественного металла на Магнитогорском комбинате в 1944 г. достигла 73%[167]. При этом комбинат давал не только высококачественный, но и самый дешевый в стране металл[168]. И это в условиях, когда 61% рабочих ведущих профессий составляла молодежь, недавно пришедшая на производство[169].

Не менее самоотверженно трудился коллектив Кузнецкого металлургического комбината, который на третьем году войны давал качественного металла в семь раз больше довоенного уровня. Печать и радио не раз сообщали о высоких трудовых достижениях кузнецких масте-

Советские женщины на строительстве газопровода Саратов — Москва

ров сталеварения: М. В. Буркацкого, М. Я. Федотова, Р. Н. Нехорошева, М. М. Привалова, А. Я. Чалкова, Н. М. Прудникова, П. В. Заварыкина и их многочисленных последователей. Только из сверхплановой продукции одного М. В. Буркацкого можно было изготовить несколько десятков танков. Другой характерный пример: молодой сталевар Александр Чалков, освоив варку стали в обычных мартенах (чем совершил переворот в технологии), за 1941–1945 гг. дал стране сотни тонн сверхплановой качественной стали[170].

Годовой план выплавки чугуна Кузнецкий металлургический комбинат выполнил к 17 декабря, выплавки стали — к 22 декабря и производства проката — к 27 декабря. В целом государственное задание 1944 г. коллектив предприятия выполнил на 112,5% при снижении себестоимости по сравнению с планом на 4,5%[171].

Славную страницу в историю трудовых подвигов советских металлургов в период войны вписали мартеновцы Серовского металлургического завода. За счет лучшего ухода за печами его сталевары в 1944 г. довели съем металла с квадратного метра пода печи до 3,17 тонны при норме в 2,95 тонны. Серовский завод как передовое предприятие задавал тон в соревновании металлургических заводов Свердловской области[172].

Неровно шли дела на одном из старейших металлургических предприятий страны — Златоустовском заводе, где успехи в работе коллектива перемежались с серьезными неудачами и даже срывами в выполнении заказов оборонной промышленности. Однако начиная с лета 1944 г. златоустовцы стали систематически выполнять программу по всему производственному циклу[173].

Усилия металлургов были поддержаны работниками горнорудной промышленности, добившимися заметных результатов. Многие горняки перенимали передовые методы уральских бурильщиков А. И. Семиволоса, И. П. Завертайло, С. И. Ерёменко, И. П. Янкина. Знатный бурильщик Бакальского рудника Г. В. Ануфриенко выполнил в 1944 г. пять годовых норм, проходчик Гороблагодатского рудника В. П. Ананьин дал за год 32 месячные нормы, а И. П. Завертайло и того больше — 40 месячных норм. В 1944 г. в стране было добыто 11,63 млн тонн железной и более 1 млн тонн марганцевой руды, а в 1945 г. соответственно 15,9 и 1,5 млн тонн, чем создавалась прочная основа для развития черной металлургии[174].

Расширение производства металла достигалось не только лучшим использованием имевшихся мощностей, но и вводом в действие новых агрегатов. В 1944—1945 гг. только в восточных районах вступили в строй четыре доменные и одиннадцать мартеновских печей, один прокатный стан и шесть коксовых батарей[175]. В 1944 г. было произведено чугуна на 29,4% больше, чем в 1943-м, стали — на 28,5%, проката — на 28,2%[176].

Ни одна из капиталистических стран, участвовавших во Второй мировой войне, включая Германию, США и Англию, не имела столь высоких темпов развития черной металлургии, как Советский Союз. Наоборот, на завершающем этапе войны выпуск продукции черной металлургии в этих странах даже значительно сократился[177].

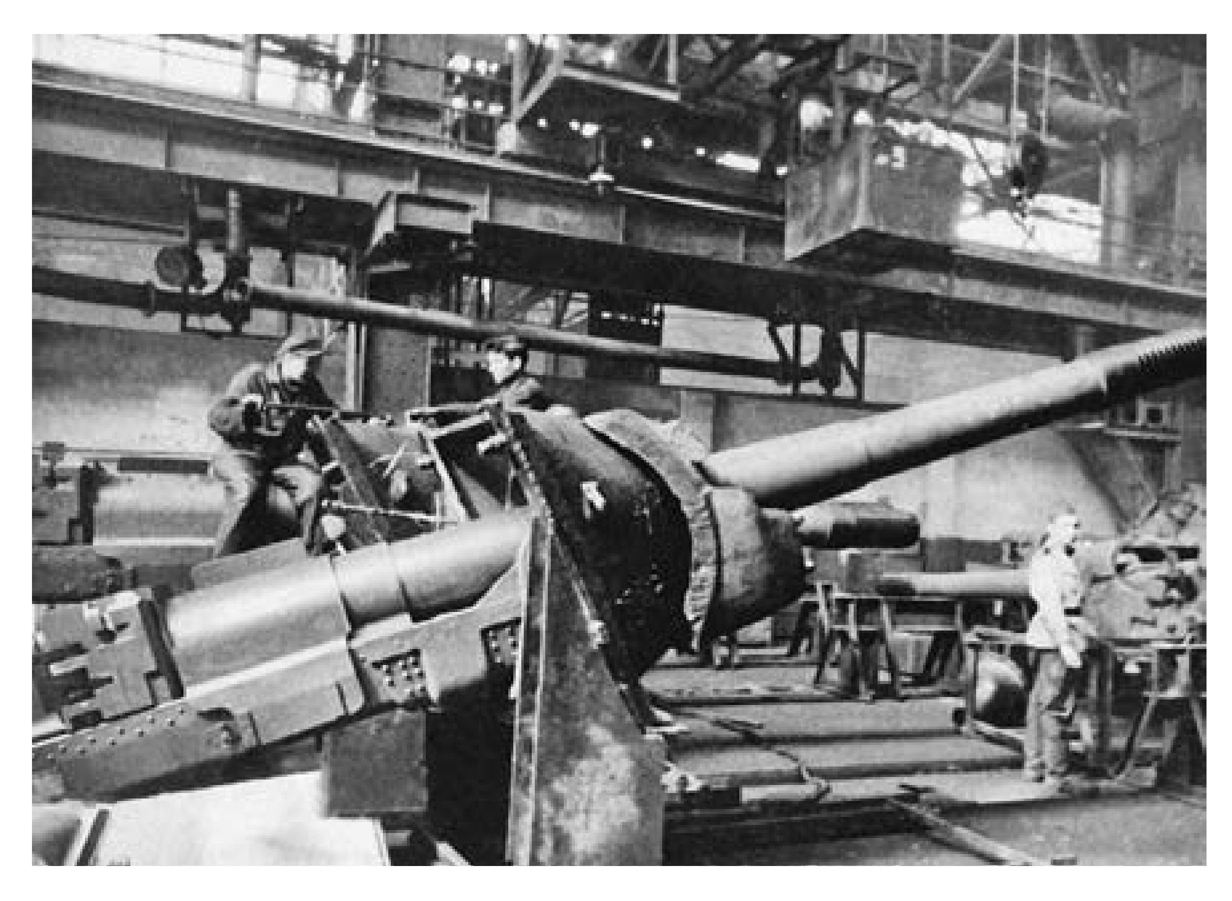
Продолжалось развитие многих предприятий цветной металлургии СССР. Производимое ее работниками стратегическое сырье целиком использовалось для нужд фронта. В течение 1944 г. на Норильском никелевом комбинате были полностью освоены мощности, введенные в эксплуатацию еще в первые годы войны. Стал давать медь Сибайский завод Баймакского медеплавильного комбината. На Новосибирском оловянном комбинате была пущена обогатительная фабрика, а на Медногорском медно-серном комбинате — брикетная фабрика. Расширились мощности Уральского алюминиевого завода, а также предприятий алмазной и золотодобывающей промышленности[178].

«Характерным для военного периода было то, что различные отрасли народного хозяйства страны действовали неразобщенно, — отмечал бывший нарком цветной металлургии СССР П. Ф. Ломако. — Взаимовыручка, поддержка, стремление прийти на помощь друг другу были приметами времени. Нас выручали машиностроители, геологи. Мы, в свою очередь, старались сделать все от нас зависящее и для работников электротехнической промышленности, и для приборостроителей, и для химиков... И это понятно, так как все мы, советские люди, жили одним стремлением — приблизить долгожданный день Победы, разгромить ненавистного врага»[179].

Ввод новых мощностей цветной металлургии в сочетании с самоотверженностью рабочих коллективов ощутимо сказался на выпуске конечной продукции в этой отрасли промышленности. Только в 1944 г. по сравнению с 1943 г. выпуск алюминия увеличился на 32,9%, меди — на 7,7%, цинка — на 35,6%, никеля — на 18%. Возросло также производство кобальта, вольфрама, олова, ртути, молибдена, сурьмы и твердых сплавов.

Новый шаг вперед был сделан в области машиностроения. В 1944 г. производство металлорежущих станков увеличилось на 46%. Рост, хотя и в три раза меньший, произошел и в 1945 г. При этом довоенный уровень был достигнут всего на 66%. В 1944 и 1945 гг. было произведено больше, чем в 1940 г., турбобуров — в 2—2,7 раза, однако нефтеаппаратуры выпускалось менее десятой части довоенного уровня. В 1945 г. выпускалось больше, по сравнению с довоенным периодом, врубовых машин — в 1,5 раза, отбойных молотков — в два с лишним раза[180], что позволило поднять добычу угля.

Узким местом машиностроения оставалось производство сельскохозяйственных машин, паровозов, вагонов, автомобилей, тракторов. Сельское хозяйство снабжалось в основном конными плугами, сеялками, косилками и молотилками, уровень производства которых в большинстве случаев был также в несколько раз ниже довоенного. В 1944 г. страна выпускала меньше, чем в 1940 г., тракторов — в 9,9 раза, автомобилей — в 2,4 раза, паровозов магистральных — в 28,5 раза, грузовых вагонов — в 23,75 раз[181]. Основные мощности машиностроения были заняты военной продукцией.

Сборка САУ ИСУ-152: гаубица-пушка МЛ-20С

Заметную помощь СССР оказали союзники. США и Великобритания только в 1944 г. по ленд-лизу поставили в СССР 591,9 тыс. тонн проката черных металлов, 18,6 тыс. металлорежущих станков, 1,1 тыс. магистральных паровозов, 129,1 тыс. грузовых автомашин[182]. Помощь продолжала поступать и в 1945 г. Если ее доля в прокате была невелика, составляя в 1944 г. всего 8% советского производства, то станков было получено 54,6%, а количество поставленных западными союзниками автомобилей и паровозов превосходило их отечественный выпуск соответственно в 2,4 и 3,4 раза[183].

Рост отечественной тяжелой индустрии позволил оборонной промышленности добиться значительного увеличения выпуска танков, самоходных артиллерийских установок, боевых самолетов, боеприпасов.

В авиационной, танковой и промышленности вооружения непрерывно осваивались современные образцы боевой техники и другой военной продукции, создаваемые работниками оборонных заводов и конструкторских бюро во главе с С. В. Ильюшиным, А. И. Микояном, С. А. Лавочкиным, А. С. Яковлевым, А. Н. Туполевым, Н. Л. Духовым, Ж. Я. Котиным, А. А. Морозовым, В. Г. Грабиным, Ф. Ф. Петровым, С. Н. Махониным, А. И. Савиным, П. М. Горюновым, Г. С. Шпагиным, В. А. Дегтяревым и другими. Заводы Наркомата вооружения (нарком Д. Ф. Устинов) перешли на выпуск более мощных артиллерийских орудий и минометов. Производство стрелкового оружия, потребности в котором снизились, в 1944 г. сократилось на 18%. Выпуск 45-мм противотанковых и всех зенитных пушек уменьшился, в то же время 57-мм — увеличился. Началось производство 100-мм противотанковых пушек, возросло количество орудий калибра 76 мм и выше.

Производство основных видов вооружения СССР в 1943–1945 гг. [184]

Вооружение и боевая техника, тыс. шт.	1943 г.	1944 г.	1945 г. (январь — август)
Винтовки и карабины	3436,2	2450,0	637,0
Пистолеты-пулеметы	2023,6	1970,8	583,4
Пулеметы всех видов	458,5	439,1	156,0
Орудия всех видов	130,3	122,4	72,2
Минометы	69,4	7,1	20,5
Танки и САУ	24,1	29,0	20,5
Боевые самолеты	29,9	33,2	19,1

Предприятия Народного комиссариата минометного вооружения, который возглавлял П. И. Паршин, выпуск 50-мм минометов прекратили, а 82-мм — уменьшили, начав производство 160-мм миномета, созданного в сжатые сроки главным конструктором И. Г. Теверовским, главным инженером Л. Г. Шершенем и конструкторами С. А. Емельяновым и З. З. Гуревичем.

Упорно трудились над совершенствованием техники коллективы танковой промышленности, возглавляемые наркомом В. А. Малышевым. Было налажено массовое производство нового тяжелого танка ИС-2 со 122-мм пушкой, который пришел на смену танку КВ. Коллектив завода им. С. М. Кирова на Урале всего за 51 день наладил поточный выпуск танка ИС, а чтобы удвоить производство, в апреле 1944 г. на заводе был создан сборочный цех, переставлены 900 станков, изготовлены необходимые инструменты и приспособления.

В конце 1944 г. в производство поступил новый средний танк Т-44, а весной 1945 г. — тяжелый танк ИС-3. «Все годы, — писал известный советский конструктор тяжелых танков Ж. Я. Котин, — шло состязание конструкторских умов воюющих сторон. Германия трижды меняла конструкцию своих танков. Однако гитлеровцам так и не удалось достигнуть боевой мощи советских танков, созданных и модернизированных учеными и конструкторами А. Морозовым, М. Кошкиным, Л. Трояновым, Н. Духовым, А. Ермолаевым, М. Балжи, В. Торотько, Н. Шамшуриным, Л. Сычевым и многими другими»[185].

В связи с переходом только на средние и тяжелые танки их производство в количественном отношении в 1944 г. сократилось на 15%. Общий рост бронетанковой техники был достигнут за счет увеличения в 2,9 раза выпуска самоходных артиллерийских установок, 59,3% которых составляли легкие СУ-76[186]. Эта установка имела боевую рубку без крыши, слабое противопульное бронирование, бензиновые двигатели и предназначалась для огневой поддержки атаки пехоты. Поддержку танков осуществляли более совершенные и мощные тяжелые самоходные установки ИСУ-152, ИСУ-122, средние СУ-85. С сентября 1944 г. развернулся выпуск мощной самоходной установки СУ-100. До конца года их число составило около 500[187].

В 1944 г. были сняты с производства старые истребители и бомбардировщики, и с конвейеров авиационных заводов начали сходить новые, более совершенные типы самолетов. Часть истребителей и штурмовиков оснащалась реактивным оружием. Коллектив конструкторов во главе с А. С. Яковлевым создал истребитель Як-3 с повышенной маневренностью, скоростью и сильным вооружением. Высокой маневренностью и лучшими боевыми качествами обладал другой новый истребитель Ла-7.

С 1944 г. производство боеприпасов (соответствующий наркомат возглавлял Б. Л. Ванников) осталось почти на прежнем уровне, обеспечивая потребности войск. При этом значительно вырос выпуск снарядов среднего и крупного калибра и к противотанковым пушкам, в 1945 г. он продолжал оставаться высоким, достигнув максимальной месячной цифры в апреле. После разгрома Германии производство боеприпасов резко сократилось. Уменьшилось количество вооружения, однако темпы выпуска самолетов и особенно бронетанковой техники оставались высокими до окончания войны с Японией.

В 1944 г. СССР получил от западных союзников 5877 самолетов, 3223 танка и САУ, 3122 орудия[188]. Боевой техники поступало не так много, и в сравнении с тем, что давала советская промышленность, ее доля составляла: самолетов — 17%, танков — 11%, орудий — 2,4%. Военно-экономические поставки продолжались до конца Второй мировой войны.

Напряженно работали труженики сельского хозяйства (нарком земледелия СССР А. А. Андреев, нарком зерновых и животноводческих совхозов П. П. Лобанов). Война продолжала тяжело сказываться на сельском хозяйстве и положении крестьянства. Численность трудоспособного сельского населения в 1944 г. сократилась по сравнению с 1940 г. на 13,8 млн человек, или на 18%[189]. При этом основная тяжесть ложилась на женщин, подростков, инвалидов и стариков. Женщины занимали значительное место и в управлении колхозным хозяйством. Так, среди председателей колхозов к концу 1944 г. они составляли 11,8%, бригадиров-растениеводов — 41,2%, заведующих фермами — 49,2%, бухгалтеров и счетоводов — 56,4%[190].

Улучшение общей обстановки в стране в связи с успехами Красной армии и освобождением захваченной врагом территории СССР позволило принять меры к повышению качества обработки земли, восстановлению севооборотов и перераспределению зерновых посевов. Был взят курс на восстановление зяблевой вспашки, от которой в начале войны пришлось отказаться многим колхозам из-за нехватки рабочих рук и техники.

В 1944 г. для укрепления материально-технической базы сельского хозяйства было дополнительно выделено 2 млрд рублей. Всего государственные ассигнования в эту отрасль выросли по сравнению с 1943 г. на 37%[191]. Намного больше стало поставляться горючего[192].

Вступила в строй первая очередь Алтайского тракторного завода в г. Рубцовске. Многие заводы взяли шефство над МТС и совхозами, помогали им в ремонте тракторов, сельскохозяйственных машин, производстве запасных частей. Расширилась и подготовка кадров механизаторов. Только в течение 1943–1944 гг. на курсах МТС и в школах механизации было обучено более 700 тыс. трактористов, механиков и комбайнеров[193].

В тяжелых условиях шла упорная борьба за хлеб, хлопок, технические культуры. В связи с тем что к этому времени трудовые резервы колхозов оказались исчерпанными и дефицит рабочей силы почти не восполнялся, на 1 января 1945 г. в колхозах страны, включая освобожденные районы, насчитывалось 22 млн трудоспособных — почти на 14 млн человек (или на 38%) меньше, чем к началу 1941 г. В самый напряженный период уборочных работ на помощь сельским труженикам приходил город: в 1944 г. для этой цели было направлено 3,3 млн служащих, учащихся, рабочих[194].

1944 г. явился переломным в развитии сельского хозяйства в военный период. Производство его продукции стало расти. Общая посевная площадь за счет освобожденных от вражеской оккупации районов достигла 73% довоенной. В 1944 г. по сравнению с предыдущим годом было собрано больше: зерна — на 67,1%, льноволокна — на 7%, картофеля — на 57,3%, а сахарной свеклы — в 3,1 раза[195]. Увеличились поголовье скота, производство мяса, сала, молока, яиц и шерсти[196].

Положительные результаты, хотя и не везде значительные, достигались прежде всего самоотверженным трудом, огромным напряжением сил колхозников, рабочих совхозов и машинно-тракторных станций. Росту сельскохозяйственного производства способствовали и некоторые правительственные меры. С целью восстановления и сохранения поголовья скота и укрепления кормовой базы колхозы районов, освобожденных от оккупации после 1 января 1944 г., были избавлены от обязательных поставок государству всех продуктов животноводства. Во второй половине года была введена дополнительная оплата труда колхозников за перевыполнение заданий по выращиванию молодняка и сохранению взрослого скота в колхозах РСФСР. Увеличились ассигнования на ремонт и восстановление животноводческих ферм, а также строительство новых помещений для содержания скота.

Однако при этом следует иметь в виду, что в заключительный период войны колхозы продолжали выполнять непосильные обязательные поставки государству зерна, мяса, молока и других сельскохозяйственных продуктов, хотя жизнь требовала внесения определенных

Крестьянка, работающая в поле, грозит кулаком немецким пленным

корректив в заготовительную политику, чтобы облегчить тяжкое бремя, взваленное на плечи крестьянства.

Военные месяцы победного 1945 г. не принесли советскому крестьянству существенного облегчения. Колхозники и работники совхозов испытывали громадные тяготы изнурительного труда, большие материальные лишения, однако жертвовали всем во имя скорейшей победы. Несмотря на позднюю весну, посевная кампания была проведена в стране более организованно, быстрее и при лучшем качестве работ, чем раньше. Засеянные площади увеличились, но составили всего только 75% уровня 1940 г.

Впервые за военные годы стал пополняться парк тракторов и грузовых автомобилей в сельском хозяйстве. Поставки тракторов сельскому хозяйству с 2,5 тыс. в 1944 г. увеличились до 6,5 тыс. в 1945 г., а грузовых автомобилей — с 0,8 тыс. до 9,9 тыс.[197] Улучшилось снабжение минеральными удобрениями, плугами, боронами, сеялками, жатками, молотилками. Новая техника направлялась прежде всего в пострадавшие от вражеского нашествия районы. Впервые за время войны колхозы в 1945 г. выполнили государственный план ярового сева, а совхозы даже перевыполнили его.

Но на ряд районов страны в 1945 г. обрушилась засуха, поэтому, несмотря на увеличение посевных площадей, сбор зерна оказался ниже показателей 1944 г. В период уборки урожая многие коллективы добились высоких показателей: отличились бригады знатных трактористок Д. М. Гармаш (Рязанская область), П. Н. Ангелиной (Украинская ССР), известный комбайнер А. И. Оськин (Оренбургская область), звеньевой колхоза «Новая жизнь» М. Е. Озерный (Днепропетровская область), свекловод С. Кайназарова (Киргизская ССР), труженики колхоза «Заря Востока» Ташкентской области и многие другие. В уборке урожая

приняли участие сотни тысяч демобилизованных воинов. Поистине самоотверженный труд людей позволил убрать хлеб без больших потерь.

Увеличение масштабов производства, возросший размах наступления Красной армии, коммуникации которой с продвижением на запад удлинялись, повысили роль транспорта. Советское государство увеличило бюджетные ассигнования на транспорт и связь в 1944 г. на 31,2% по сравнению с 1943 г.[198] Как и прежде, главную роль в перевозках грузов играл железнодорожный транспорт, удельный вес которого в 1944 г. составлял почти 82% общего грузопотока[199]. Капиталовложения в железнодорожный транспорт СССР на 1944 г. были определены в размере 1965 млн рублей, в результате чего его материально-техническая база окрепла[200]. На транспорт были направлены новые людские ресурсы, в результате чего численность работников, занятых на перевозках, возросла в 1944 г. на 35,6%, составив почти 1,4 млн человек[201]. Однако недоставало паровозов и вагонов, а также ремонтных средств и топлива. Много сил и средств выделялось для возрождения железных дорог в освобожденных районах, поскольку отступавший противник осуществлял здесь массовые разрушения. Железнодорожный транспорт, который возглавлял нарком путей сообщения Л. М. Каганович, работал с большим напряжением, последовательно увеличивая объем и темпы перевозок.

Несмотря на трудности, уже в первом квартале 1944 г. железнодорожный транспорт СССР впервые за многие годы, в том числе и предвоенные, в условиях зимы перевыполнил общий план погрузки и выгрузки. Был превышен запланированный объем перевозок боеприпасов, вооружения и других грузов для действующей армии. В 1944 г. одних только боеприпасов железнодорожники доставили фронту свыше 118 тыс. вагонов. Объем годовых воинских перевозок достиг наибольших размеров за всю войну, составив 5718 тыс. вагонов (26,4% всех перевозок по железным дорогам)[202].

И все же работа железнодорожного транспорта не всегда удовлетворяла возросшие потребности военной экономики. Перевозки металла, леса, зерна и особенно угля осуществлялись с перебоями. Все это привело к тому, что некоторые промышленные и транспортные предприятия стали расходовать запасы топлива, накопленные для зимы.

22 декабря 1944 г. наркомом путей сообщения СССР вместо Л. М. Кагановича стал начальник Центрального управления военных сообщений Красной армии генерал-лейтенант И. В. Ковалев. К началу 1945 г. отставание в перевозках топлива и других народно-хозяйственных грузов было ликвидировано.

Выход Красной армии на территорию зарубежных государств принес железнодорожному транспорту новые испытания. Возникла проблема использования железных дорог, имеющих другую ширину колеи и многие иные отличия в эксплуатации. Железные дороги Румынии, Венгрии и Болгарии не подверглись большим разрушениям, имели достаточно подвижного состава и кадров железнодорожников, что создавало благоприятные условия для перевозок без перешивки западноевропейской колеи. Однако требовалась перегрузка, для чего были созданы перевалочные базы. Такой же порядок планировалось использовать и в Польше. В октябре — ноябре 1944 г. Государственный Комитет Обороны запретил перешивку, полагая, что она потребует нового напряжения от подвижного состава отечественных железных дорог и не позволит использовать трофейный транспорт. Такое решение оказалось ошибочным. Отсутствие опыта организации перегрузочных работ подобного масштаба, недостаток средств их механизации потребовали отменить запрет. В феврале 1945 г. четырем фронтам, коммуникации которых проходили на польской территории, было разрешено перешить по одному железнодорожному пути на союзную колею[203].

Дополнительные меры, принятые в конце 1944 г. — начале 1945 г., дали положительные результаты. В марте государственный план погрузки был выполнен железнодорожным транспортом на 102,5%, а в апреле — на 107,3%[204]. Заметно увеличилась интенсивность движения воинских эшелонов. Если в феврале 1945 г. в районы сосредоточения войск в среднем в сутки прибывало 2155 вагонов, то в марте — уже в 1,5 раза больше. С января по май 1945 г. железнодорожники доставили к линии фронта 1,9 млн воинских вагонов[205] — столько же, сколько потребовалось для обеспечения самых интенсивных эвакуационных перевозок в 1941–1942 гг.

Росту перевозок в значительной мере способствовали восстановление и строительство новых железнодорожных линий, а также ликвидация узких мест в пропускной способности дорог. Всего в военные месяцы 1945 г. только строительными организациями Наркомата путей сообщения было реконструировано 14 железнодорожных узлов, сдано в эксплуатацию несколько сотен километров новых магистралей. За это же время железнодорожные войска и спецформирования НКПС восстановили вслед за наступавшими войсками 45 409 км железных дорог СССР, Польши, Венгрии, Австрии, Чехословакии и Германии.

Во втором и третьем кварталах 1945 г. работники транспорта, и прежде всего железнодорожного, осуществили огромные перевозки, связанные с подготовкой и проведением военных действий против милитаристской Японии. С мая по сентябрь 1945 г. на Дальний Восток прибыло более 116 тыс. вагонов с военными грузами[206]. По единственной Транссибирской железнодорожной магистрали были перегруппированы с запада крупные силы Красной армии. Такого перемещения войск за короткие сроки на многие тысячи километров по железной дороге история еще не знала.

Напряженно трудились работники речного флота (нарком З. А. Шашков). Осенью 1944 г. экипажи судов досрочно справились с навигационным планом. Годовое задание по грузообороту было выполнено на 101,4%[207], а план воинских перевозок — на 107,7%. И это в условиях большого урона, который понес советский речной транспорт: противник захватил или потопил 8309 различных судов, разрушил 479 портов и пристаней.

В сложных условиях работал коллектив торгового морского флота (нарком П. П. Ширшов), суда которого принимали непосредственное участие во многих боевых операциях: например, в наступательных действиях войск 3-го Украинского фронта, сил Черноморского флота и Дунайской военной флотилии[208]. Особая ответственность ложилась на моряков Дальневосточного пароходства. По океанским коммуникациям в дальневосточные порты доставлялись грузы из США и других стран. Нередко под огнем врага морякам Северного морского пароходства приходилось вести караваны судов. Важное место в обеспечении страны нефтью и транспортной связью между республиками Закавказья и Средней Азии отводилось Каспийскому гражданскому морскому флоту. Как правило, морские грузы в портах страны разгружались скоростными методами. Грузооборот морского транспорта СССР в 1944 г. составил 104,5% по отношению к 1943 г.

Важные задачи в 1944—1945 гг. решали также работники автомобильного и воздушного транспорта. В течение 1944 г., например, заметно бóльшим стал парк грузовых автомашин (210 тыс. на 1 января 1945 г. по сравнению с 169,7 тыс. на 1 января 1944 г.). Значительную часть из них составили американские грузовики «форд» и «студебеккер», полученные по ленд-лизу. В итоге грузовым автомобильным парком народного хозяйства СССР было перевезено на 52,3 млн тонн больше, чем в 1943 г.[209] Вдвое возрос по сравнению с тем же годом общий объем перевозок, выполненный воздушным транспортом Главного управления Гражданского воздушного флота[210].

Военно-экономическая политика Советского Союза предусматривала активное привлечение научных сил страны к решению вопросов народно-хозяйственного строительства и научно-технических проблем оборонного значения. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) определили и главные направления организационного развития научных центров и творческой деятельности ученых в области фундаментальных наук и наук прикладного характера. В 1943—1945 гг. были образованы Академии наук Азербайджанской, Армянской, Казахской и Узбекской союзных республик, а также открыты Западно-Сибирский, Казахский и Киргизский филиалы Академии наук СССР. Крупнейшие ученые П. С. Александров, И. М. Виноградов, М. А. Лаврентьев, В. И. Смирнов, С. Л. Соболев вели исследования в области вычислительной техники и математики. Научные коллективы под руководством А. Ф. Иоффе, М. В. Келдыша, Н. Е. Кочина, С. И. Вавилова, С. А. Христиановича проводили изучение полупроводников, делали открытия в области авиастроения, создавали новые приборы для самолетов, боевых кораблей, артиллерии. Группы ученых-химиков во главе с академиками Н. Д. Зелинским и Н. Н. Семеновым исследовали проблемы горения и создавали новые

взрывчатые вещества. Большую роль в военной промышленности сыграла автоматическая сварка металлов по методу академика Е. О. Патона.

Советские ученые во главе с И. В. Курчатовым продолжали возобновившиеся с лета 1943 г. исследования в области ядерной физики, которые имели большое народно-хозяйственное и оборонное значение. Научные коллективы под руководством С. П. Королева и В. П. Глушко весьма успешно разрабатывали теорию и практические основы создания ракет и ракетного оружия.

Важную роль в оказании практической помощи военному хозяйству сыграла Комиссия АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири, Казахстана, которую возглавлял президент Академии наук СССР В. Л. Комаров. Действовали также Комиссия по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Комиссия по географическому направлению. Учеными были выявлены новые месторождения полезных ископаемых, в центре их внимания находились и вопросы развития сельского хозяйства, транспорта, связи и других отраслей советской военной экономики.

Неоценимую помощь фронту оказали ученые-медики. В результате их достижений не менее 75% лечившихся в госпиталях солдат и офицеров возвращались на фронт. Деятели науки мужественно преодолевали суровые испытания военных лет, убедительно демонстрируя свою верность Родине.

Как известно, уже в ходе войны советский народ развернул широкие восстановительные работы. Они начались сразу же после освобождения от оккупации первых районов зимой 1941–1942 гг. и усиленно продолжались позднее.

Вынужденные откатываться под ударами Красной армии захватчики применяли тактику выжженной земли, превращая в безжизненные пространства обширные регионы страны. Огромный ущерб был нанесен народному хозяйству и культуре России, Украины, Белоруссии, Литвы, Эстонии, Карело-Финской и Молдавской ССР. Враг разрушил 1710 городов и поселков, более 70 тыс. сел и деревень, превратил в развалины свыше 6 млн зданий, 31 850 крупных и средних промышленных предприятий, 65 тыс. км железных дорог, разорил 98 тыс. колхозов, 1976 совхозов, 2890 машинно-тракторных станций[211].

Страна понесла громадные материальные убытки. Достаточно сказать, что во время войны 66% промышленного производства СССР подверглись разрушению или остановке[212]. Была утрачена почти третья часть национального богатства[213]. В результате советская промышленность оказалась отброшенной назад: по производству цемента — до уровня конца 1920-х гг., по добыче нефти, выпуску тракторов, выплавке чугуна — к началу 1930-х гг., а угля, стали и черных металлов — к середине 1930-х гг. В целом война задержала развитие экономики СССР не меньше чем на десять лет.

Возрождение пострадавших от вражеского нашествия районов нельзя было откладывать, так как освобожденные города и села составляли тыл Красной армии, который должен был стать прочной опорой фронту. Восстановление охватило огромную территорию общей площадью около 2 млн кв. км, а также прифронтовые районы, где часть предприятий была также разрушена огнем артиллерии и авиации или эвакуирована в восточные районы страны.

Большое значение имело возрождение Ленинградского и Центрального промышленных районов, которые до войны были ведущими индустриальными базами страны. 29 марта 1944 г. ГКО принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.». В программу работ входило прежде всего восстановление энергетического хозяйства, малой металлургии, турбостроения, электропромышленности, станкостроения, приборостроения, промышленности строительных материалов и городского хозяйства. Предприятия Центрального промышленного района набирали мощь. Производственные показатели работы многих из них, в том числе Подмосковного угольного бассейна, превысили довоенный уровень.

Широким фронтом шло восстановление Донбасса, где оккупанты хозяйничали около двух лет и нанесли особенно большой урон. Угольные шахты, домны и мартены, машиностроительные заводы и предприятия химической промышленности лежали в руинах.

ГКО в постановлении от 18 июня 1944 г. обратил внимание партийных, советских и хозяйственных организаций на то, что «восстановление угольной промышленности Донбасса, особенно шахт, добывающих коксующиеся угли, является первоочередной государственной задачей, без решения которой немыслимо восстановление черной металлургии, всей промышленности, железнодорожного транспорта и электростанций на юге»[214].

Не хватало продовольствия, одежды, плохо было с жильем. Далеко не все тяготы и лишения имели объективные причины, но рабочие коллективы, занятые на восстановлении шахт, трудились самоотверженно, проявляя инициативу и изобретательность. Из затопленных шахт Донбасса к концу войны было выкачано 700 млн кубометров воды: целое озеро глубиной в 5 м и площадью 140 кв. км. Уже в 1944 г. донецкие шахты дали стране 21 млн тонн угля (более 17% общей добычи), а на следующий год Донбасс вновь стал главным в стране производителем каменного угля[215].

Возрождалась черная металлургия. Основное участие в этом принимали строительные организации Наркомата черной металлургии, которые в первую очередь обеспечивались рабочей силой, строительной техникой, инструментами, механизмами и материалами. Общее руководство организацией восстановительного процесса на предприятиях отрасли осуществляли нарком черной металлургии И. Ф. Тевосян, нарком по строительству С. З. Гинзбург, их заместители по капитальному строительству Д. Я. Райзер и П. А. Юдин. В 1944–1945 гг. на освобожденной от фашистских захватчиков территории СССР вновь вступили в строй 16 домен, 61 мартен, 28 прокатных станов и 53 коксовые батареи[216].

Поднимались из руин машиностроительные заводы юга, поставлявшие оборудование прежде всего черной металлургии и угольной промышленности Донбасса. В начале 1944 г. наладил серийное производство отбойных молотков, вентиляторов и другого оборудования Горловский машиностроительный завод имени С. М. Кирова. В сентябре начал давать продукцию Новокрамоторский завод тяжелого машиностроения — с его вводом в строй резко увеличился выпуск машин и механизмов для металлургической, рудной и угольной промышленности. Высокими темпами возрождались машиностроительные заводы Сталинграда, Ростова, Ворошиловграда, Харькова, Киева, Новочеркасска, Гомеля. В 1945 г. на Украине начали выпускать машиностроительную продукцию 93 восстановленных завода[217].

Летом в Белоруссии возобновили работу такие крупные предприятия, как завод заточных станков в Витебске, станкостроительный завод имени С. М. Кирова, завод сельскохозяйственного машиностроения в Гомеле, завод «Красный металлист» в Борисове — всего более 8 тыс. заводов, мастерских и артелей[218].

Существенных результатов достигли трудящиеся прибалтийских советских республик. В Латвии, например, уже через несколько месяцев после ее освобождения было введено в действие 183, а в Литве — свыше 100 промышленных предприятий.

К концу войны полностью была восстановлена Волховская ГЭС, снабжавшая электроэнергией Ленинград. Вновь вступили в строй крупные электростанции на Украине, в том числе — Штеровская и Зуевская. Всенародной стройкой стала Днепровская ГЭС, в возрождении которой участвовали 120 промышленных предприятий 53 городов, 25 тыс. молодых рабочих и колхозников 25 национальностей[219]. В 1945 г. в районах, освобожденных от оккупации, действовали уже 30 крупных электростанций, которые давали 6,5 млрд киловатт-часов электроэнергии — в 2,2 раза больше, чем в 1944 г.[220]

Продолжались работы по возрождению транспорта. Из многих областей на западные железные дороги шли эшелоны с оборудованием, запасными частями, лесом. Работники транспортных предприятий Центра, Урала, Сибири, Средней Азии взяли шефство над освобожденными магистралями. По сравнению с 1942 г. железнодорожные пути восстанавливались в три раза, а средние мосты — более чем в два раза быстрее. В результате в 1944 г. эксплуатационная длина железных дорог страны увеличилась с 81,7 до 110,5 тыс. км[221].

К концу войны на освобожденной от оккупации территории было восстановлено и введено в строй 7,5 тыс. крупных промышленных предприятий, продукция которых составила

пятую часть всего промышленного производства страны, более 115 тыс. км железнодорожных путей[222].

Военные годы сильно опустошили деревню западной части страны: не хватало рабочей силы, машин, семян; страшный урон понесло общественное животноводство. Освободившиеся от фашистского рабства люди не жалели сил ради скорейшего возрождения сельскохозяйственного производства. И результаты их труда были налицо: например, к началу второго полугодия 1944 г. на Украине и в освобожденной части Белоруссии была восстановлена большая часть колхозов и совхозов. В ходе ликвидации последствий вражеской оккупации постепенно создавалась и техническая база земледелия. К осени 1944 г. из восточных районов страны сюда поступило 22 тыс. тракторов, 12 тыс. плугов, 1,5 тыс. комбайнов и более 600 автомашин. Кроме того, по решению ЦК ВКП(б) и правительства Наркомат обороны выделил из своих ресурсов 3 тыс., а Наркомат Военно-морского флота — 300 гусеничных тракторов. Конечно, это не могло удовлетворить все потребности освобожденного села в технике: например, поступившие тракторы составили только пятую часть довоенного тракторного парка МТС данных районов. Но все же и это было реальной помощью.

Во многих областях в период весеннего сева использовались в качестве тягловой силы коровы. В Запорожской области в 1944 г. на коровах было выполнено две пятых полевых работ, в Сумской — шестая часть. Когда и коров не хватало, колхозники сами впрягались в плуги, бороны или вскапывали землю лопатами. В Смоленской области весной 1944 г. было обработано вручную 45 тыс. га, в Калининской области — 30 тыс. га[223].

Труднее было восстановить животноводство. Из восточных областей удалось возвратить эвакуированные туда сотни тысяч голов скота, причем в хорошем состоянии — в общей сложности около 3 млн голов, в том числе более 1 млн голов крупного скота[224].

К концу войны на освобожденной территории удалось восстановить 85 тыс. колхозов, все совхозы и машинно-тракторные станции. И хотя до полного возрождения сельского хозяйства было еще далеко, уже в 1944 г. освобожденные районы дали стране более половины общегосударственных заготовок зерна, свыше трех четвертей сахарной свеклы, четвертую часть скота и птицы, около трети молочных продуктов. Это явилось серьезным вкладом тружеников села в укрепление советской военной экономики, в обеспечение разгрома врага.

Таким образом, уже в ходе жестокой и кровопролитной войны в СССР была проведена огромная работа по возрождению территории, пострадавшей от фашистского нашествия. Умелая организация миллионных масс на это чрезвычайно важное дело в совокупности с преимуществами планового хозяйства позволили достичь поразительных результатов, которые способствовали усилению военного потенциала страны. Тем самым не только были сокращены сроки разгрома фашистского агрессора, но и созданы необходимые условия для быстрейшего залечивания ран, нанесенных войной, и перехода к мирному хозяйственному строительству.

Тотальная мобилизация материальных и людских ресурсов в Германии

Тотальная мобилизация в Германии объявлялась дважды. Решение о проведении первой из них германское политическое и военное руководство приняло после того, как в конце декабря 1942 г. потерпели провал попытки группы армий «Дон» деблокировать окруженную советскими войсками под Сталинградом немецкую 6-ю полевую армию. К тому времени понесшие огромные потери войска вермахта уже не могли удержать оборону на южном участке восточного фронта без максимального использования материальных и людских ресурсов германского рейха.

В ходе первой тотальной мобилизации с января по июнь 1943 г. около миллиона мужчин были призваны в вермахт и почти два миллиона мужчин и женщин переведены с не имевших непосредственно военного значения нескольких тысяч небольших промышленных и торговых предприятий в военно-экономическую сферу хозяйства[225].

Проведение этой мобилизации стимулировало непрерывный рост выпуска военной продукции, который продолжался вплоть до середины 1944 г. С начала 1942 г. до середины 1944 г. военное производство в целом увеличилось более чем в три раза, а по сравнению с началом 1941 г. — почти в пять раз.

Основные силы вермахта были задействованы в безуспешных попытках сдержать мощное наступление Красной армии. Поэтому слабым немецким войскам во Франции не удалось сорвать начавшуюся 6 июня 1944 г. высадку англо-американских войск в Нормандии. Переход Красной армии 23 июня 1944 г. в наступление на центральном участке советско-германского фронта, в ходе которого была полностью разгромлена немецкая группа армий «Центр», не позволил осуществить намерение немецкого высшего командования выделить западному фронту крупные резервы для того, чтобы сдержать наступление высадившихся во Франции союзных сил к западным границам Германии. Все эти события убедили фюрера и его ближайшее окружение в том, что война должна вскоре вступить в свою заключительную стадию.

В этой уже практически безнадежной с военной точки зрения ситуации нацистская верхушка решила мобилизовать материальные и людские ресурсы страны для продолжения борьбы. При этом большие надежды она возлагала на рост противоречий между СССР и западными державами. Незадолго до открытия союзниками второго фронта в мае 1944 г. Гиммлер утверждал: «Я верю, что, в конце концов, противоречия между Англией и Америкой, Америкой и Россией, а именно между Англией и Америкой, с одной стороны, и Россией — с другой... приведут к тому, что эта коалиция рано или поздно развалится, как и все прочие коалиции. Когда это случится, Германии не будет угрожать никакая опасность»[226]. Гитлер после открытия союзниками второго фронта также пытался убедить своих генералов: если Германии будет противостоять «только один противник из великих держав — Россия, Англия или Америка», то не возникнет «никаких сомнений, что с любым из этих государств мы расправимся одним махом»[227]. При этом Гитлер выступал за продолжение войны до тех пор, пока не будут созданы условия для заключения Германией «почетного мира»[228].

Однако среди военно-политического руководства Германии летом 1944 г. не было полного единства в вопросе о том, с кем же из противников следовало бы добиваться заключения мира. Так, Геббельс после открытия второго фронта, учитывая, что главная угроза существованию Третьего рейха надвигается с востока, представил Гитлеру меморандум, в котором на сорока машинописных листах он доказывал необходимость «начать мирные переговоры со Сталиным»[229].

Министр иностранных дел И. Риббентроп придерживался такого же мнения. В начале июля 1944 г. он по собственной инициативе тайно направил своего эмиссара П. Клейста под видом частного лица в нейтральную Швецию с поручением через посредников прозондировать в советском посольстве почву о возможности вступить в переговоры с представителями МИД СССР о сепаратном мире. Гитлер, узнав об этой инициативе Риббентропа, отнесся к ней негативно. С советской стороны к этому зондажу также не было проявлено никакого интереса. Поэтому Риббентроп был вынужден отказаться от неоднократных попыток связаться с Москвой[230].

Большинство политического и военного руководства ориентировалось на установление контактов с западными державами, прежде всего с США, где после открытия второго фронта активизировалась оппозиция Рузвельту, выступавшая за отказ от выдвинутой им формулы о безоговорочной капитуляции Германии. Она требовала заключить «демократический мир» с нацистской Германией и включить ее после войны в «Объединенные штаты Европы» для участия в борьбе против СССР, который якобы преследовал «захватнические цели»[231].

Надежда на раскол антигитлеровской коалиции и страх перед возмездием являлись тем главным стимулом, который заставлял нацистскую верхушку делать всё, чтобы затянуть войну.

23 июля 1944 г. начальник имперской канцелярии Г. Ламмерс во время разговора с Гитлером указал, что после объявленной в 1943 г. тотальной мобилизации на фронт и военные предприятия было дополнительно направлено более трех миллионов человек, но для того чтобы продолжать войну, этих мер оказалось недостаточно. Требовалось провести новую тотальную мобилизацию, наделив ее непосредственных руководителей соответствующими полномочиями. Гитлер разделял это мнение. 25 июля он вместе с начальником партийной канцелярии М. Борманом и Ламмерсом подготовил указ о проведении новой тотальной мобилизации. В нем было объявлено снижение призывного возраста с 17 с половиной до 16 лет, увеличение предела отбывания трудовой повинности женщин с 45 до 50 лет и установление «нормальной» рабочей недели в 60 часов, вместо 48[232].

Руководство второй тотальной мобилизацией было возложено на министра пропаганды и народного просвещения Й. Геббельса. Ему была поставлена задача «обследовать весь государственный аппарат, включая имперскую железную дорогу, имперскую почту и все учреждения и предприятия», для того чтобы добиться «максимально возможного высвобождения сил для вермахта и вооружения». В связи с этим Геббельс был наделен правом отдавать распоряжения органам высшей государственной власти[233].

26 июля 1944 г. Геббельс выступил по радио с речью, в которой заявил, что «тотальная война — это требование часа», что необходимо «высвободить силы для фронта и для военного производства» с тем, чтобы легче было «преодолевать трудности, которые постоянно несет с собой военное положение»[234].

20 июля 1944 г. Гитлер назначил Гиммлера командующим армией резерва. На этом посту Гиммлер сосредоточил в своих руках все вопросы подготовки немецких войск, обеспечения их вооружением, боеприпасами, продовольствием и обмундированием. Ему были подчинены военные округа и войска на всей германской территории. От Гитлера Гиммлер получил приказ «проверить и упростить основы организации и управления сухопутных войск, войск СС, полиции безопасности и организации Тодта» для того, чтобы можно было высвободить часть их личного состава для формирования новых пехотных соединений. У министра вооружения и военной промышленности А. Шпеера основная задача, как и прежде, заключалась в наращивании выпуска вооружения и боевой техники с тем, чтобы восполнять ими материальные потери вермахта и обеспечивать оснащение новых соединений и частей.

План ведения войны на два фронта был изложен Гитлером на совещании в Растенбурге 31 июля 1944 г. Он заявил: «Если говорить о том, что меня больше всего беспокоит, то это проблема стабилизации восточного фронта. Большего сейчас добиться невозможно»[235]. Признавая первостепенное значение для Германии удержания обороны на востоке, он высказывал надежду, что при помощи направленных туда новых немецких дивизий «можно будет поправить дело»[236].

Таким образом, принятый в июле — августе 1944 г. Гитлером план ведения войны на два фронта предусматривал стабилизацию обороны на восточном фронте для того, чтобы получить возможность выделить резервы западному фронту для создания ударной группировки, достаточно сильной для нанесения по западным союзникам СССР такого удара, который вынудил бы их пойти на заключении сепаратного мира. Затем Германия должна была бы сосредоточить все свои силы на продолжении войны против СССР[237]. Реализации этого стратегического плана Гитлера были подчинены все мероприятия второй фазы тотальной мобилизации, начавшейся 25 июля 1944 г. и закончившейся только в начале 1945 г.

Геббельс при поддержке военного и партийного руководства на местах (гаулейтеров, крейслейтеров и др.) продолжил начатую в 1943 г. его предшественниками деятельность по изысканию людских и материальных резервов, необходимых для продолжения войны. Прежде всего, он уделял внимание восполнению людских потерь. Между августом и декабрем 1944 г. было направлено на фронт свыше миллиона имевших ранее бронь рабочих и солдат, служивших в частях, дислоцировавшихся в тылу. С осени 1944 г. на фронт ежемесячно при-

зывались по 200 тысяч рабочих, главным образом из сталелитейной промышленности[238]. Всего же из армии резерва только в полевые войска вермахта во второй половине 1944 г. были направлены 1 млн 425 тыс. человек, значительная часть которых использована для формирования 86 новых дивизий[239].

Также шел поиск путей дальнейшего наращивания численности немецких рабочих. До октября 1944 г. в материальную сферу производства дополнительно были направлены около 1 млн 600 тыс. немцев, в том числе 339 тыс. — в военный сектор экономики[240].

По приказу ОКХ между 26 августом и 16 сентябрем 1944 г. началось формирование 25 новых гренадерских дивизий из призванных в армию мужчин и оставшихся в живых солдат и офицеров разгромленных ранее дивизий. По указанию Гиммлера эти дивизии были названы народно-гренадерскими: тем самым он хотел подчеркнуть свое намерение сформировать новую народную армию в противовес вермахту, не оправдавшему возлагавшихся на него надежд нацистской верхушки. Новые дивизии были официально подчинены не ОКХ, а лично Гиммлеру и Главному управлению СС. Особое внимание уделялось их идеологической подготовке в духе преданности национал-социалистическому движению. Демагогия о народной армии преследовала цель мобилизовать новые немецкие резервы для восполнения потерь вермахта. Всего до конца 1944 г. было сформировано 50 народно-гренадерских дивизий, 28 из которых передано западному фронту[241]. По количеству личного состава (от 8 до 10 тыс. человек) и вооружению они уступали обычным немецким пехотным дивизиям, укомплектованным по штатам 1944 г.[242] И лишь по огневой мощи артиллерии были почти сопоставимы. Боевая подготовка их личного состава была низкой. Командующий группой армий «Б» генерал-фельдмаршал В. Модель, в распоряжение которого перед контрнаступлением в Арденнах в декабре 1944 г. прибыло 15 народно-гренадерских дивизий, сообщил в ОКВ, что их состояние «характеризовалось слабым уровнем боевой подготовки гренадеров и специалистов, недостатком саперов, пулеметов, автоматов и противотанковых орудий»[243]. Поэтому в бою им ставились преимущественно оборонительные задачи, и они, как правило, несли более тяжелые потери, чем обычные пехотные дивизии.

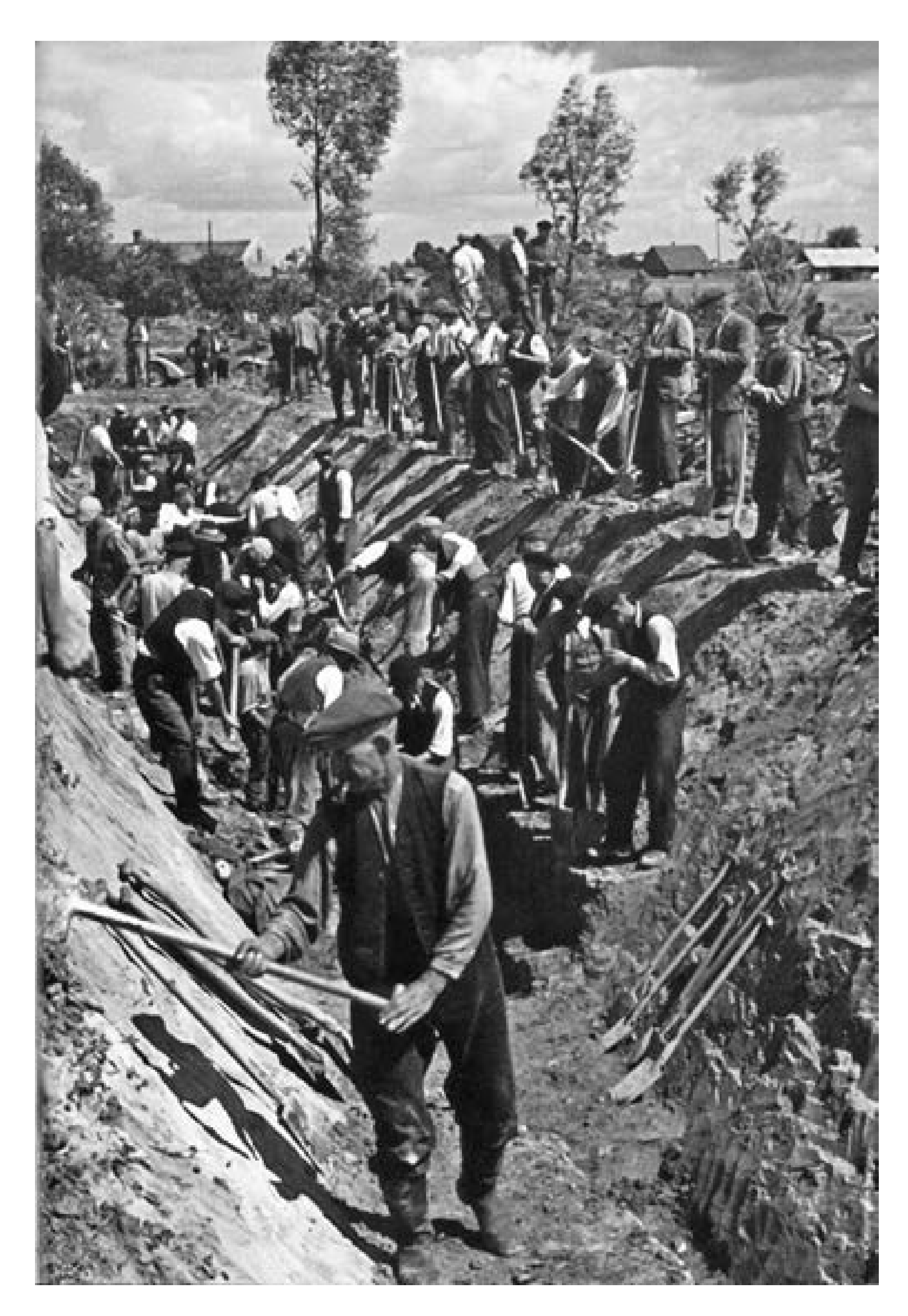
Из-за больших людских потерь на советско-германском фронте численность вооруженных сил Германии не возрастала. Так, по сведениям, приведенным Б. Мюллер-Гиллебрандом, к началу 1945 г. с учетом войск СС насчитывалось около 9 млн 420 тыс. человек — на 60 тыс. меньше, чем к началу 1944 г.[244] Но с учетом других формирований, также входивших в состав вооруженных сил Германии (инонациональные подразделения, вольнонаемный состав), общая численность личного состава в начале 1944 г. составляла 12 млн 70 тыс. человек, а к началу 1945 г. — 9 млн 701 тыс., то есть меньше на 2 млн 369 тыс.[245]

В течение второй половины 1944 г. только на восточном фронте сухопутные войска Германии потеряли, по подсчетам немецких историков, убитыми более 700 тыс. человек, в результате чего число погибших там немцев за весь 1944 г. увеличилось до более 1 млн 200 тыс.[246]

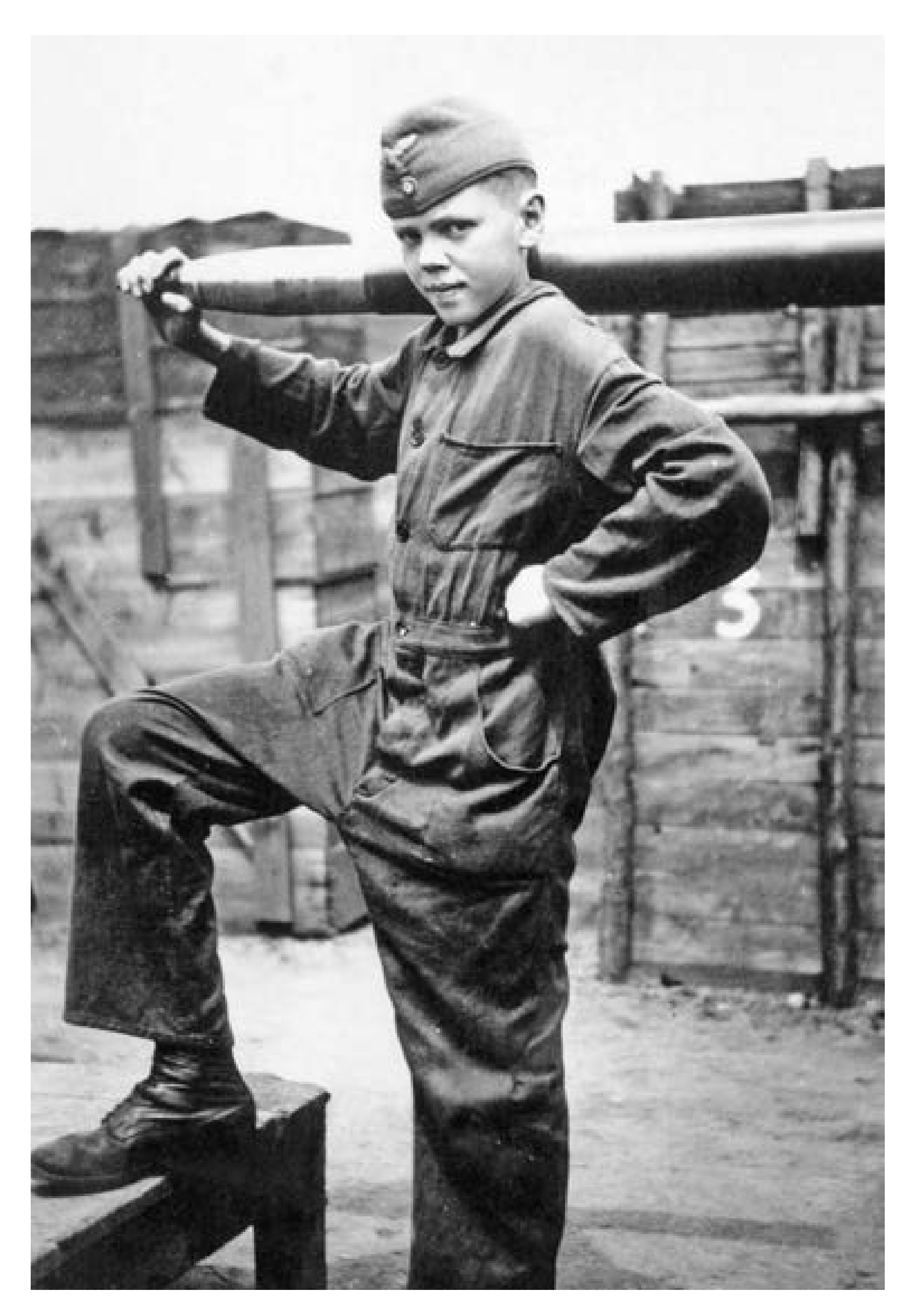
По неполным данным, безвозвратные потери вермахта с начала Второй мировой войны к декабрю 1944 г. достигли 4 064 433 солдат и офицеров, еще около 5,5 млн солдат и офицеров находились к тому времени на излечении в госпиталях[247].

Из-за нехватки резервов для восполнения больших людских потерь Гитлер 25 сентября 1944 г. издал указ, согласно которому еще не призванные в армию, но способные держать в руках оружие мужчины от 16 до 60 лет были обязаны принять участие в обороне своей земли от врагов, которые якобы поставили перед собой цель «уничтожить немецкий народ», «каждого германского человека». Далее в указе говорилось, что «в результате несостоятельности всех наших европейских союзников» теперь, «как и осенью 1939 г., мы снова совершенно одни противостоим фронту наших врагов» и «полны решимости осуществить второе крупное использование всех сил немецкого народа» во имя «сохранения рейха настолько, чтобы он смог бы гарантировать будущее Германии, ее союзников, а тем самым обеспечить Европе прочный мир»[248].

Под действие этого гитлеровского указа подпадали 6 млн мужчин из всех областей рейха. Они были обязаны вступить в ополчение и образовать так называемый немецкий фольксштурм. Формировать его было поручено гаулейтерами при содействии «самых способных

Жители Восточной Пруссии копают противотанковые рвы

Юный зенитчик рейха

организаторов и руководителей зарекомендовавших себя учреждений нацистской партии, таких как СА, СС, ГЮ и НСКК» (Национал-социалистический автомобильный корпус). На Гиммлера как командующего армией резерва была возложена ответственность за военную организацию, боевую подготовку, вооружение и оснащение фольксштурма. Политические проблемы, связанные с его формированием и использованием, было поручено решать М. Борману. Инспектором по огневой подготовке призванных в фольксштурм немцев Гитлер назначил начальника штаба СА В. Шепмана, а инспектором по их подготовке к пользованию автотранспортными средствами — фюрера НСКК Э. В. Краузе[249].

На основании гитлеровского указа к началу 1945 г. в фольксштурм были набраны 1,5 млн человек. При этом выяснилось, что вооружать их практически нечем, так как производимого на военных предприятиях пехотного вооружения хватало лишь для восполнения потерь в действующей армии. Многие фольксштурмовики остались без личного оружия. В Берлине они были разделены на две категории: «фольксштурм I» — кто имел хоть какое-то оружие, и «фольксштурм II» — кто не имел оружия[250]. Узнав об этом, Гитлер обратился к Шпееру с вопросом, как решить эту проблему. Тот считал, что вооружить всех необученных ополченцев за счет увеличения производства личного оружия на подчиненных ему предприятиях не удастся. По его указанию были подготовлены чертежи простых в изготовлении и применении так называемых «народных ружей». 27 ноября 1944 г. они были разосланы нацистским областным руководителям для того, чтобы те сами наладили выпуск на местных предприятиях. Но гаулейтеры тянули время, не желая выполнять это указание. Тогда было принято решение оказать на них давление по партийной линии. Борман в циркулярном письме от 19 декабря 1944 г. напомнил им, что чертежи народного ружья были разосланы Шпеером по приказу самого Гитлера, поэтому «в округах должны быть исчерпаны все возможности для быстрого изготовления». Но это распоряжение осталось только на бумаге.

Вместе с тем на вооружение в фольксштурм поступило довольно много фаустпатронов, которые являлись дешевым, не требующим больших затрат времени на изготовление, но эффективным оружием в борьбе против танков. Однако для обучения боевому применению фаустпатронов недоставало военных инструкторов. Многие ополченцы осваивали это самостоятельно по тем описаниям ведения огня фаустпатронами, которые встречались в газетах. Из-за отсутствия транспортных средств отряды фольксштурма были неспособны вести маневренную вооруженную борьбу.

Массовое изъятие Геббельсом и Гиммлером немцев из промышленности и сельского хозяйства для восполнения потерь вермахта, переход летом и осенью 1944 г. на сторону антигитлеровской коалиции бывших европейских союзников Германии — Румынии, Болгарии и Финляндии, а в декабре 1944 г. — и Венгрии, отступление вермахта с большей части занятой им ранее территории в Западной и Юго-Восточной Европе, а также из восточной Польши и почти со всей советской территории, постоянно усиливающиеся бомбардировки Германии союзной авиацией — все это вместе взятое привело во второй половине 1944 г. к резкому сокращению выпуска продукции базовых отраслей промышленности.

Производство угля и стали снижалось: за первый квартал 1944 г. было добыто 71,1 млн тонн антрацита, из них 32,1 млн тонн в Руре; в последнем квартале этого же года добыча упала соответственно до 44,7 и 17,8 млн тонн. За первый квартал 1944 г. было произведено 9,2 млн тонн стали, из них 3,4 млн тонн в Руре; в последнем квартале того же года это производство соответственно сократилось до 3,9 и 1,5 млн тонн[251].

Одной из главных забот нацистского руководства в области экономики во второй половине 1944 г. стала нефть. После утраты нефтеносных районов Румынии Гиммлер 13 августа 1944 г. писал генеральному директору концерна «Герман Геринг» П. Плейгеру: «Я нахожу до невероятности странным то обстоятельство, что до сих пор еще не начато бурение нефтеносных районов. Я считаю, что Ваш национальный долг состоит в том, чтобы Вы со всей присущей энергией не останавливались перед трудностями, немедленно приступили к бурению и обнаружили нефть. Уверен в Вашем успехе»[252]. Но надежды Гиммлера не оправдались. До конца года никаких новых месторождений нефти в Германии не было найдено, а введена в

строй лишь одна новая буровая установка. Это позволило увеличить объем добычи нефти за весь 1944 г. до 720 тыс. тонн, всего лишь на 10 тыс. тонн по сравнению с 1943 г.[253] Германия вынуждена была ориентироваться на незначительную добычу нефти в самой Германии, а также в Австрии. С апреля до конца 1944 г. выработка горючего резко сократилась: авиационного бензина со 175 до 26 тыс. тонн, горючего для автомобильной техники — со 126 до 50 тыс. тонн, а дизельного топлива — с 89 до 60 тыс. тонн[254].

Немецкая авиация из-за нехватки авиационного бензина уже не могла эффективно действовать. Для ее нормального функционирования требовалось до 185 тыс. тонн бензина ежемесячно, а производилось в 10–20 раз меньше.

Из-за недостатка горючего и транспорта возникли непреодолимые трудности в обеспечении войск необходимыми припасами. В связи с этим Гиммлер в декабре 1944 г. писал одному из своих подчиненных, отвечавшему за обеспечение войск СС транспортом: «В приложении к газете «Фелькишер беобахтер» от 13.12.1944 г. была опубликована статья «Тайна рикши». Рейхсфюрер СС просит Вас построить такое средство передвижения по имеющимся в Вашем распоряжении документам или по образцу музейного экспоната и продумать, каким образом оно могло бы быть использовано в наших войсках для транспортировки боеприпасов и других грузов»[255].

Оценка экономики Германии в 1944 г. была бы неполной без выяснения положения с рабочей силой — важнейшим элементом производства. В промышленности насчитывалось более 10,9 млн человек. В наиболее важных отраслях число занятых значительно возросло: в химической — на 30%, в топливной — на 30%, в оптической — на 41%, в машиностроительной и транспортной — на 43% по сравнению с 1939 г.[256] В целом же количество занятых в производстве людей сократилось, а качество рабочей силы ухудшилось[257].

Число мужчин-немцев, занятых в промышленном производстве, сократилось с 1939 г. по конец 1944 г. на 45%. Количество работающих женщин-немок возросло столь незначительно, что не могло оказать существенного влияния на положение с рабочей силой в целом. В основном нехватка рабочей силы, как и прежде, покрывалась за счет эксплуатации более 7,5 млн насильственно угнанных на работу в Германию иностранных рабочих, в их числе 1,5 млн женщин, и военнопленных. Иностранная рабочая сила осенью 1944 г. составляла 21% всех трудовых ресурсов Германии.

Из-за недостачи металла, сырья, горючего, а также нарушения работы транспорта, вызванного налетами англо-американской авиации, уменьшения выработки электроэнергии и простоев в работе промышленных предприятий во время их массированных бомбардировок союзной авиацией, а также из-за утраты хозяйственных связей с бывшими союзными и нейтральными странами военная промышленность Германии с середины 1944 г. также начала приходить в упадок[258].

Несмотря на медленное сокращение производства военных материалов в целом, серийный выпуск самых необходимых видов вооружения и боевой техники для наземных войск и ВВС во втором полугодии все же не сократился, а был даже больше, чем в первом полугодии 1944 г. Так, если в первом полугодии было произведено 12,5 тыс. минометов, то во втором полугодии — 20,7 тыс.; производство орудий всех видов возросло с 62,1 до 86,9 тыс., танков — с 8,3 до 10 тыс., самолетов — с 16 до 21,9 тыс.[259]

Доля вооружений и военных материалов в общем промышленном производстве непрерывно и постоянно повышалась. Если в 1943 г. она составляла 31,1%, то в 1944 г. — 39,8%. Военной продукции, произведенной в 1944 г., хватало для вооружения 225 пехотных и 45 танковых дивизий[260]. Но вооружения все равно было недостаточно для возмещения его постоянно растущих потерь в вермахте и войсках СС. Во время Нюрнбергского процесса Шпеер говорил: «Постоянный рост военного производства вплоть до осени 1944 года является поистине удивительным. Однако этого было недостаточно для удовлетворения потребностей фронта, и каждый фронтовик может подтвердить этот печальный факт. Ожесточенные бои в России и в Нормандии, а также катастрофические отступления летом 1944 года привели к таким потерям, которые не мог восполнить наш тыл»[261].

Подготовка к запуску самолета-снаряда «Фау-1»

Немецкий реактивный истребитель Ме-262

Немало надежд с лета 1944 г. нацистская верхушка возлагала на боевое использование только что созданных беспилотных самолетов-снарядов «Фау-1» и баллистических ракет «Фау-2». С их применением Гитлер рассчитывал достичь той же цели, которой ему не удалось добиться осенью 1940 г., — устрашающими ударами с воздуха склонить англичан к переговорам о заключении мира[262].

Созданному фирмами «Физилер» и «Арадо» самолету-снаряду «Фау-1» нацистской пропагандой было присвоено название «Оружие возмездия-1» (Vergeltungswaffe-1). «Фау-1» после запуска развивал скорость до 450 км/час. Максимальная высота его полета при боевом заряде 700 кг достигала 2000 м, а дальность полета — 240–320 км. Обстрел ими Лондона начался 13 июня 1944 г., а позднее и других городов — Антверпена, Льежа и Брюсселя. Всего был выпущен 22 421 самолет-снаряд. Ими были убиты и ранены 16 196 мирных жителей, полностью разрушено 23 тыс. и повреждено 750 тыс. зданий. Нанесенный ущерб мог бы быть больше, но этому препятствовали два обстоятельства. Во-первых, из-за технического несовершенства примерно одна треть «Фау-1» рушилась на землю сразу же после старта или немного позднее. Наносить ими точечные удары было невозможно[263]. Во-вторых, «Фау-1» был неспособен маневрировать. Он летел по заранее заданному направлению на небольшой высоте и поэтому представлял собой удобную цель для зенитной артиллерии и истребителей английской ПВО. С июня по сентябрь 1944 г. в небе над Англией было обнаружено и сбито более половины «Фау-1»[264].

Новым неуязвимым в полете оружием была баллистическая ракета дальнего действия А-4 (Агрегат-4), которой нацистская пропаганда дала название «Оружие возмездия-2» (Vergeltungswaffe-2). Ракета «Фау-2», работавшая на жидком топливе, могла развить скорость до 5616 км/час, то есть в четыре с половиной раза больше скорости звука. Максимальная высота ее полета достигала 180 км, а наибольшая дальность полета при боевом заряде 980 кг составляла от 260 до 320 км. Ракеты «Фау-2», как и «Фау-1», не были приспособлены к нанесению ударов по точечным военным целям, поэтому использовались для стрельбы только по городам.

Боевое применение ракет «Фау-2» началось с бомбардировки Лондона 8 сентября 1944 г. Затем немецкое командование наносило ракетные удары и по другим городам, расположенным как на Британских островах, так и на континенте. Последний ракетный удар был нанесен 23 марта 1945 г. по Антверпену. Всего за годы войны против населения городов Англии и занятым летом 1944 г. союзными войсками городам Западной Европы было выпущено более 3 тыс. ракет. Из них достигли своих целей в Англии 1054 и на континенте 1739, то есть всего 2793 ракеты. Их жертвами среди англичан стали 9277 человек (2754 убитых и 6523 тяжелораненых). В районе Антверпена в результате бомбардировок «Фау-1» и «Фау-2» были убиты 6448 человек. Число всех раненых и пропавших без вести составило 23 368 человек[265]. «Фау-2», как и «Фау-1», несмотря на причиненные мирному населению заметные потери и разрушения многих домов в Лондоне, Льеже и Антверпене, не оправдали возлагавшиеся на них германским руководством надежды — запугать этим оружием англичан и склонить их к ведению переговоров о сепаратном мире не удалось.

В августе 1944 г. в гитлеровской ставке обсуждался вопрос о нанесении удара с воздуха по Нью-Йорку[266]. Реализовать этот замысел нацистское руководство надеялось путем применения межконтинентальной баллистической ракеты А-9/А-10, названной «Америка-Ракета». Расчеты, связанные с созданием такой ракеты, были закончены под руководством конструктора фон Брауна уже к октябрю 1942 г., а к январю 1945 г. изготовили опытный образец. Это была мощная двухступенчатая ракета. Ее первая ступень А-9 должна была развить скорость 4250 км/час. После достижения высоты 24 км она автоматически отделялась от второй ступени и спускалась с парашютом на землю. После разделения ступеней включался двигатель второй ракеты А-10, которая при скорости 10 тыс. км/час поднималась на высоту 350 км, где двигалась по баллистической траектории в разряженном пространстве. При входе в верхние слои атмосферы ракета из пикирующего полета переходила в планирование, опираясь на свои стреловидные крылья. Для попадания ракеты в цель намечалось использовать ради-

Ракета «Фау-2» на стартовой площадке

Лондонская девочка у своего дома, разрушенного ракетой «Фау-2»

омаяк, установленный в Нью-Йорке. Он был скрытно доставлен туда на подводной лодке двумя немецкими диверсантами 30 ноября 1944 г. Однако эта операция провалилась при попытке диверсантов завербовать себе в помощники одного из американцев[267]. Но даже если бы пробный полет одной такой ракеты и состоялся, это уже не могло оказать какого-либо влияния на исход войны в Европе в пользу превосходящих сил антигитлеровской коалиции.

Еще до начала Второй мировой войны в Германии приступили к работе по созданию оружия массового поражения. Прорыв был достигнут в производстве боевых отравляющих веществ, однако у Гитлера имелись основания для отказа от их применения, поскольку в ответ СССР и западные союзники могли нанести реальный уничтожающий удар по Германии новым химическим, биологическим, а в случае затягивания войны и атомным оружием.

Действительную опасность для антигитлеровской коалиции могли бы представлять проводившиеся в Германии исследования по использованию в военном деле открытия, сделанного в декабре 1938 г. немецкими учеными О. Ганом и Ф. Штрассманом. Последние обнаружили способность ядра атома урана при облучении его нейтронами к делению и выделению новых нейтронов, которые, в свою очередь, вызывают лавинообразный процесс распада ядер других атомов, что сопровождается выделением огромной энергии. Толчком для проведения работ в Германии по созданию атомного оружия стало письмо в ОКВ профессора Гамбургского университета П. Гартека и его ассистента доктора В. Грота от 24 апреля 1939 г., где утверждалось, что страна, которая первой сможет воспользоваться этим открытием в области ядерной физики для создания оружия, получит «абсолютное превосходство» над всеми другими странами[268]. В начале лета 1939 г. начальник управления вооружений сухопутных войск ОКВ полковник Э. Шуман поручил физику-ядерщику К. Дибнеру, занимавшемуся в этом управлении взрывчатыми веществами для кумулятивных снарядов, сотрудничать в дальнейшем с Гартеком и Гротом. После консультации с физиком-ядерщиком Г. Гейгером, который первым создал прибор для регистрации заряженных частиц (счетчик Гейгера), Шуман создал в своем управлении отдел ядерной физики во главе с Дибнером. Отделу были выделены лаборатория и место на полигоне сухопутных войск в деревне Куммерсдорф под Берлином. Начатые работы по созданию ядерного оружия были засекречены.

В сентябре 1939 г. Шуман созвал совещание ряда видных ученых, занимавшихся теоретической и экспериментальной ядерной физикой, которые объединились в так называемое «урановое общество». Его ведущими теоретиками стали В. Гейзенберг и К. Ф. Вайцзеккер. В начале декабря 1939 г. Гейзенберг сообщил своим коллегам в управлении вооружений сухопутных войск, что в качестве ядерного заряда можно было бы использовать высокообогащенный уран-235, которого, однако, очень мало в природе. Второй, более перспективный путь он видел в создании атомного реактора, в котором при расщеплении изотопа урана-238 можно было бы получить в качестве ядерного заряда новый, 94-й элемент — плутоний. После этого важнейшими предпосылками для создания нового оружия стали строительство ядерных реакторов для получения взрывчатого вещества и конструирование атомной бомбы.

К тому времени в работу в области ядерной физики включились уже многие исследовательские группы из различных институтов и университетов Германии. В центр ядерных исследований был превращен институт физики Общества кайзера Вильгельма, который ранее подчинялся управлению вооружений сухопутных войск ОКВ.

Весной 1942 г. гитлеровское правительство, сосредоточив усилия по наращиванию обычного вооружения вермахта перед «вторым походом» против СССР, закрыло все исследовательские работы, результаты которых не могли быть реализованы на фронте в течение одного года. Закрыт был и атомный проект. В феврале 1942 г. на совещании с представителями ОКВ, главного командования ВМС и рейхсфюрером СС Гиммлером Гейзенберг сообщил, что создать атомную бомбу, вероятно, удастся, но не ранее чем через два года[269]. Это не устраивало ни Гитлера, ни его ближайшее окружение, считавших тогда, что война против СССР завершится окончательной победой Германии уже до конца 1942 г.

Летом 1942 г. Шпеер все же выделил немецким ученым-ядерщикам из бюджета до 2 млн рейхсмарок. После этого при институте физики в Берлин-Далем в бункере был собран

атомный реактор. Здесь под руководством Гейзенберга группа исследователей безуспешно пыталась наладить его работу вплоть до окончания войны. Несколько участников уранового проекта в других городах к тому времени уже давно занимались конструированием, сборкой и испытанием различных типов атомных реакторов, но их также преследовали неудачи. Прежде всего потому, что во главе страны стояли люди с крайне узким научным кругозором, испытывавшие недоверие к теоретическим изысканиям ученых, вследствие чего на атомный проект выделялись минимальные средства. Лишь отдельные сомневавшиеся в победоносном завершении войны военачальники высказывались об атомном проекте положительно. Так, генерал-полковник Ф. Фромм, который до июля 1944 г. командовал армией резерва, в апреле 1942 г. говорил Шпееру, что, по его мнению, победа Германии будет достигнута только в том случае, если «мы создадим оружие с совершенно новыми видами воздействия»[270]. Достижению успеха в осуществлении атомного проекта препятствовала также борьба между группами ученых из разных городов Германии за получение как можно большей части выделенных государством на исследование средств, что привело к распылению финансирования. Кроме того, все немецкие ученые с самого начала сделали ошибку, предположив, что графит непригоден для использования в качестве замедлителя и стабилизации деления ядер в атомном реакторе. Вместо него они использовали тяжелую воду, которая производилась на единственном в Европе заводе в оккупированной вермахтом Норвегии. Этот завод в середине 1941 г. был разрушен участниками норвежского движения Сопротивления и английской группой коммандос, а также бомбовым ударом английской авиации. После этого большой завод по производству тяжелой воды был построен концерном «ИГ Фарбен» в самой Германии, но и его разбомбила англо-американская авиация еще до того, как он начал выпускать продукцию. В результате работа по управляемой цепной ядерной реакции не была доведена до конца, а по созданию атомной бомбы так и не началась.

В феврале 1945 г. берлинский атомный реактор и работавшая с ним группа Гейзенберга из-за быстрого продвижения Красной армии к Берлину были переправлены в Южную Германию. Туда же прибыла со своим атомным реактором группа Дибнера. Они продолжили работу: первая группа — в городке Хайгерлох под Мюнхеном, а вторая — в г. Штадттильм в Тюрингии. В апреле 1945 г. они были захвачены американцами.

В начале 1945 г. политическое и военное руководство Германии убедилось в том, что его стратегический план на вторую половину 1944 г. потерпел полный провал. Ему не удалось ни стабилизировать оборону на советско-германском фронте, ни устроить западным союзникам «второй Дюнкерк». В конце декабря 1944 г. — начале января 1945 г. немецкое командование все больше охватывала тревога в связи с донесениями разведки о том, что Красная армия завершает подготовку к новому стратегическому наступлению от Балтики до Карпат, в ходе которого она намерена «уничтожить немецкие войска на востоке и нанести решающий за войну удар»[271]. Это наступление развернулось 12 января 1945 г. и стремительно развивалось. Пытаясь сорвать его, немецкое командование начало массовую переброску сил и средств с западного на восточный фронт, возлагая, как и прежде, надежду на распад антигитлеровской коалиции. Цели, которые преследовало в то время нацистское руководство Германии, довольно четко раскрыл в книге «История Второй мировой войны» немецкий генерал К. Типпельскирх. «Если вообще стоило продолжать войну, — писал он, — то разве лишь для того, чтобы остановить красный поток на востоке и по возможности отбросить его назад. Была надежда, что все же удастся найти какую-то общую политическую линию с западными державами, пока на востоке не прорваны еще последние плотины»[272].

После начала Висло-Одерской операции советских войск Кейтель от имени главнокомандующих тремя видами вооруженных сил (Гитлер был главнокомандующим сухопутными войсками) обратился к командованию экспедиционными силами США и Великобритании в Европе с телеграммой, в которой просил о перемирии на западном фронте на 100 дней, чтобы собрать силы и нанести Красной армии «решительный удар» между Одером и Вислой[273]. В гитлеровской ставке с нетерпением ждали ответа. Это подтверждает стенограмма беседы Гитлера с Герингом и Йодлем 27 января 1945 г.:

Бойцы немецкого фольксштурма

Обучение подростков из гитлерюгенда навыкам стрельбы из гранатомета «Панцерфауст»

«*Фюрер:* Верите ли Вы, что англичане все еще с восторгом смотрят на русские успехи?

Йодль: Нет, конечно нет. Их планы были ведь совсем другими. Об этом, вероятно, будет полностью известно несколько позднее.

Геринг: Не в их интересах, чтобы мы здесь (на западном фронте. — *Ред.*) удерживали позиции и позволили бы между тем русским захватить всю Германию. Если события будут так развиваться и дальше, то через несколько дней мы получим телеграмму»[274].

Речь шла о телеграмме относительно согласия командования экспедиционными силами США и Великобритании на перемирие.

Эйзенхауэр отклонил предложение Кейтеля. Монтгомери был бы не прочь предоставить немцам свободу рук на Востоке, но с условием, что они без боя покинут все еще занятую ими часть территории Голландии, Бельгии и Франции и позволят западным союзникам занять «линию безопасности». Немецкое командование отвергло предложение Монтгомери, но не сделало ничего, чтобы укрепить свои тающие буквально на глазах войска на западном фронте.

Вслед за Кейтелем в кампанию по агитации США и Великобритании прекратить войну с рейхом включился министр иностранных дел Германии И. Риббентроп. В феврале — марте 1945 г. он направил своих эмиссаров в Ватикан, Ирландию, Испанию, Португалию, Швейцарию и Швецию с заданием через дипломатов этих нейтральных стран установить контакты с влиятельными представителями правящих кругов США и Англии и довести до них в устной форме содержание подготовленного им шестистраничного документа. В документе утверждалось, что советское руководство якобы вознамерилось захватить всю Германию и при поддержке немецких коммунистов установить в ней коммунистический режим. Затем, фантазировал Риббентроп, СССР, заключив союз с Германией, легко сможет установить коммунистическое господство над всей континентальной Европой, а вместе с китайскими коммунистами — и над Азией, создав тем самым угрозу для дальнейшего существования западных держав. Иными словами, Риббентроп, для того чтобы склонить США и Англию к переговорам, хотел посеять у них большие сомнения в готовности СССР соблюдать ранее достигнутые договоренности о послевоенной судьбе Германии и устройстве мира[275].

Союзная разведка раздобыла и довела до сведения руководителей США и Англии содержание этого документа. Ни у кого из них не возникло желания вступать в диалог с нацистской верхушкой. Как раз в это время участниками антигитлеровской коалиции обсуждался вопрос об организации после войны публичного международного судебного процесса для вынесения приговоров нацистским главарям за совершенные ими преступления против мира и человечества[276].

Гитлер и его клика между тем делали все, что было в их силах, чтобы мобилизовать оставшиеся ресурсы Германии на затягивание войны в надежде на раскол антигитлеровской коалиции. Гитлер, Кейтель, Борман и Ламмерс дважды в конце декабря 1944 г. и в январе 1945 г. издавали указы, в которых предписывалось «провести проверку всех находящихся в Германии военных служебных инстанций и учреждений, включая войска СС и полицию», для того чтобы «высвободить максимальное число солдат для отправки на фронт». Любому, кто посмел бы воспрепятствовать этой «помощи фронту», грозила смерть[277]. Для «чистки» военных инстанций были созданы специальные комиссии, которые возглавлялись генералами и гаулейтерами. Но они не внесли какого-либо существенного вклада в решение вопроса об увеличении численности полевых войск. В феврале ОКХ сообщило, что недокомплект в войсках к началу года в пехоте составляет 460 тыс. человек[278].

В начале февраля 1945 г. была объявлена мобилизация в армию около 224 тыс. юношей 1927 г. рождения, то есть достигших 17 лет, а в марте — около 44 тыс. юношей 1928 г. рождения, то есть 16-летних; всего до 268 тыс. человек[279]. Прибывавшие на фронт 16—17-летние юноши не были обучены военному делу, поэтому многие заранее обрекались на гибель. К концу войны из числа призывников 1927 г. рождения погибли около 106 тыс., а 1928 г. рождения — более 32,2 тыс. человек[280]. Но невзирая на это, германское командование в последние дни войны продолжало отправлять на фронт даже подростков, не достигших пятнадцати лет, — тысяча из них погибла[281].

В начале 1945 г. помощь вермахту на советско-германском фронте оказывали 1,5 млн ополченцев из фольксштурма. В обороне они вели себя по-разному: одни, несмотря на плохое вооружение и слабую военную подготовку, вместе с регулярными войсками проявляли упорство в боях против Красной армии, а другие избегали столкновения с ними, чтобы не проливать кровь в уже заведомо проигранной войне. Поэтому боевые потери фольксштурма были относительно их общей численности небольшими, всего 78 тыс. человек[282].

Нацистская верхушка использовала любые способы вовлечения как можно большего числа гражданского населения в вооруженную борьбу против антигитлеровской коалиции. Так, 1 апреля 1945 г., когда советские войска вели бои уже в нескольких десятках километрах от Берлина, немецкое радио объявило о якобы возникшей в тылу противника партизанской организации под названием «Вервольф» («Оборотень»). На самом деле это была нелегальная террористическая организация, создание которой в качестве еще одного органа эсэсовского аппарата террора только начиналось. Она изначально предназначалась «для выполнения особых заданий позади фронта противника»[283].

Непосредственным руководителем этой подпольной организации Гиммлер назначил обергруппенфюрера СС Г. А. Прютцмана, который с ноября 1941 г. до лета 1944 г. был верховным руководителем СС и полиции в рейхскомиссариате «Украина». Под его руководством были убиты 5 млн советских мирных граждан и военнопленных и еще 2,4 млн человек насильственно угнаны на работу в Германию[284].

Согласно плану, штаб подготовки участников «Вервольфа» должен был размещаться в замке Хюльхрат под Дюссельдорфом. Штабу для инструктирования членов «Вервольфа» по методам осуществления диверсий за линией фронта были приданы специально подготовленные офицеры вермахта и войск СС.

С первых дней своего существования организация «Вервольф» вела активную пропаганду. В многочисленных плакатах она обращалась к немцам с призывами «занять место в подпольном фронте и бить врага там, где ступит его нога». Вместе с тем эта организация запугивала солдат вермахта, обещая расправиться с любым, кто сдастся в плен. В ее плакатах звучала угроза: «Вервольф здесь! Кто хочет сдаться в плен, будет расстрелян»[285].

Однако в военном отношении «Вервольф» так и не был организационно оформлен. Его члены не имели опыта подпольной работы в тылу противника, были плохо вооружены, не располагали достаточным количеством средств радиосвязи. В тыл войск антигитлеровской коалиции они проникали группами по 3–6 человек, занимаясь там убийствами представителей местных властей, сотрудничавших с военной администрацией СССР и западных держав, нападениями на отдельных военнослужащих и обстрелом транспортных средств. Эти бандитские вылазки членов «Вервольфа», естественно, встречали решительный вооруженный отпор со стороны офицеров и солдат как Красной армии, так и войск западных союзников.

В последние дни войны, после самоубийства 30 апреля 1945 г. Гитлера, организация «Вервольф» стала угрозой для отдельных командующих немецкими объединениями на западном фронте, вступавших в переговоры с противником о частичной капитуляции, а затем для нового германского правительства во главе с гросс-адмиралом К. Дёницем, которое вступило в переговоры с командованием экспедиционными войсками западных союзников о безоговорочной капитуляции вермахта. 7 мая 1945 г. Дёниц обратился к населению с призывом «прекратить нелегальную боевую деятельность в «Вервольфе» или в других организациях в занятых противником западных областях»[286]. После этого организация «Вервольф» почти сразу же распалась. Попытка Гиммлера создать новую аналогичную ей террористическую организацию из гестаповцев потерпела крах.

Нацистской верхушке не удалось заручиться поддержкой военных действий войск вермахта и СС со стороны гражданского населения Германии. Население думало лишь о том, как дожить до конца войны, не погибнув от массированных бомбардировок союзной авиации и усиливавшегося голода.

Второй этап тотальной войны, начавшийся в июле 1944 г., длился почти до окончания военных действий в Европе. Он обернулся окончательным крахом германской экономики.

К началу 1945 г. Германия оказалась блокирована со всех сторон войсками антигитлеровской коалиции, которые в ходе наступательных действий лишали ее наиболее важных в экономическом отношении областей. После возобновления 8 февраля 1945 г. наступления войск западных союзников Германия лишилась буроугольного бассейна на левом берегу Рейна, дававшего 18% от всей его добычи. В конце марта 1945 г. Красная армия изгнала немецкие войска из Верхней Силезии, где ранее добывалась половина всего каменного угля. На снижение добычи угля влияли также массированные бомбардировки Германии союзной авиацией. Если в январе 1945 г. добыча каменного угля в Германии составила 11,8 млн тонн, то в феврале — около 7 млн тонн, а в марте — лишь 40 тыс. тонн. Это повлекло за собой падение выпуска продукции на многих промышленных предприятиях и сокращение выработки электроэнергии. Вся электросеть Германии быстро распалась на отдельные областные и районные звенья. С января до февраля 1945 г. в газопроводах промышленных районов Рура и Саара количество газа сократилось на одну треть, а в Средней Германии — на две пятых. Производство авиационного бензина в январе 1945 г. сократилось до 11 тыс. тонн, в феврале — до 1 тыс. тонн, а в марте вообще было прекращено. Его запасы в апреле 1945 г. составили всего 11 тыс. тонн, что заставило немецкое командование свести до минимума количество вылетов своей авиации. Обычного бензина за первые три месяца 1945 г. было произведено 139 тыс. тонн, а дизельного — 180 тыс. тонн. Общее количество жидкого горючего, произведенного в феврале — марте, и составило немногим более 331 тыс. тонн, в то время как в эти же месяцы 1944 г. его производилось более чем в 3,5 раза больше[287].

Упадок базовых отраслей промышленности и наступление войск антигитлеровской коалиции в глубину германской территории с востока и запада привели сначала к резкому сокращению, а затем и полному параличу военного производства. В январе 1945 г. по сравнению с декабрем 1944 г. оно сразу сократилось на 36%, в феврале по сравнению с январем — на 52%, а в марте по сравнению с февралем — еще на 30%[288]. Таким образом, с июля 1944 г. до марта 1945 г. военное производство Германии было отброшено до уровня июня 1942 г. и полностью остановилось.

За первые три месяца 1945 г. были произведены 665 тыс. винтовок и карабинов, 78 тыс. пистолетов-пулеметов, 111 тыс. пулеметов, 27 тыс. орудий, 2,8 тыс. минометов, 4,4 тыс. танков и штурмовых орудий, 7,2 тыс. боевых самолетов и 93 боевых корабля[289]. Почти вся эта последняя масса вооружения была использована немецким командованием для продолжения вооруженной борьбы на восточном фронте. Что касается немецкого западного фронта, то ОКВ с января 1945 г. отказалось от его пополнения техникой и живой силой. 5 февраля оно уведомило командующего этим фронтом генерал-фельдмаршала фон Рундштедта, что «в ближайшее время ввиду общего военного положения ему невозможно поставить ни одного танка», а 22 февраля ОКВ сообщило Рундштедту, что западный фронт «вследствие развития событий на Востоке и передачи туда сил ни сейчас, ни в ближайшее время не получит ни одной пехотной дивизии»[290].

Нацистское руководство вскоре после этого убедилось в том, что сдержать наступление войск антигитлеровской коалиции в глубь германской территории уже не удастся. Поэтому 19 марта 1945 г. Гитлер издал приказ гаулейтерам и командным инстанциям вермахта, в котором говорилось: «Я приказываю: все находящиеся на территории Германии пути сообщения, средства связи, промышленные предприятия и предприятия коммунального хозяйства, а также материальные запасы, которыми противник может в какой-либо мере воспользоваться, немедленно или по прошествии незначительного времени подлежат уничтожению»[291].

Ответственность за выполнение приказа по разрушению всех военных объектов, включая дорожные сооружения и средства связи, была возложена Гитлером на командные инстанции, а за разрушение всех промышленных предприятий, предприятий коммунального хозяйства и всякого рода материальных запасов — на гаулейтеров и государственных комиссаров обороны. Войска должны были оказывать им помощь в выполнении этих задач.

Ко времени издания этого приказа немецкая промышленность уже потеряла от 15 до 29% своих производственных мощностей, а ее предприятия в своем большинстве прекратили

работу до окончания войны. Но Германия, как и прежде, потенциально оставалась одной из сильнейших в экономическом отношении стран. Благодаря большим капиталовложениям, использованию сырья и почти бесплатной рабочей силы, поступавшей из оккупированных стран в 1939—1944 гг., производственная мощность ее промышленности была как минимум на 8% больше, чем перед началом Второй мировой войны[292]. Никто из владельцев крупных предприятий не хотел выполнять приказ Гитлера об уничтожении собственности, они стремились ее сохранить, чтобы занять ведущие позиции в послевоенной экономике Германии. В их защиту, несмотря на риск быть сурово наказанным за отказ выполнить приказ фюрера, выступил А. Шпеер. В ходе двух встреч с Гитлером 28 и 29 марта 1945 г. он добился передачи ему всех полномочий по выполнению приказа от 19 марта 1945 г. Ему было дано право лично решать вопросы об уничтожении или сохранении того или иного промышленного предприятия. 7 апреля 1945 г. по его настоянию был обнародован новый приказ Гитлера, по которому разрешалось защищать от разрушений транспортные средства, мосты и средства связи, прежде всего сеть телефонной и телеграфной связи[293].

Рабочие, служащие и другие слои трудящихся также решительно выступали против уничтожения германской промышленности в надежде на ее быстрый перевод на выпуск мирной продукции после окончания войны.

16 апреля 1945 г. советские войска приступили к штурму Берлина. Развернулась последняя крупнейшая битва Второй мировой войны, не уступавшая по напряженности Сталинградской. Красная армия в тяжелых боях вынуждала противостоящие ей немецкие войска все дальше и дальше откатываться на запад. В то же время крайне ослабленные переброской лучших соединений на восток и не получавшие пополнений немецкие войска на западном фронте отступали, избегая втягивания в неравную борьбу против западных союзников, они предпочитали сдачу в плен.

В последних боях 1945 г. все немецкие военные формирования потеряли убитыми более 1 млн 230 тыс. человек. В основном эти потери были понесены вермахтом на советско-германском, а не на западном фронте, где немецкие войска с февраля 1945 г. оказывали лишь символическое сопротивление. Общие потери Германии в 1945 г. с учетом потерь на всех других фронтах Европы, где действовали войска союзников, составили более 1 млн 540 тыс. человек[294]. После безоговорочной капитуляции Германии 8 мая 1945 г. оказалось, что почти 5 млн бывших немецких солдат и офицеров оказались в плену у западных союзников и около 2 млн — у Советского Союза[295].

К концу войны, как отмечал в своем дневнике Геббельс, немцы «повсеместно совершенно открыто говорили о кризисе руководства», причем их критика распространялась «на личность фюрера, на национал-социалистическую идею, на национал-социалистическое движение»[296]. Гитлер же, которого боготворила нацистская пропаганда, в последние дни войны, когда советские войска вели бои в Берлине, всю ответственность за крушение своей авантюристической политики возложил на немецкий народ. 22 апреля 1945 г. он заявил, что немцы оказались недостойны такого «гениального вождя», как он, и поэтому должны погибнуть и уступить место «более сильному и жизнеспособному народу с Востока»[297].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по: Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 772.

[2] Там же. С. 773.

[3] Великая Отечественная народная 1941–1945 гг. Краткий исторический очерк. М., 1985. С. 201.

[4] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 7. Stuttgart — München, 2001. S. 459.

[5] *Shulman M.* Defeat in the West. N. Y., 2007. P. 192; Нормандская десантная операция // Военная энциклопедия. В 8-ми т. М., 1997. Т. 5. С. 513.

[6] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 7. S. 466.

[7] Ibid.

[8] Ibid. S. 467.

[9] Ibid.

[10] Цит. по: *Кох Л.* Лис пустыни. Генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель / Пер. с нем. Р-н/Д., 1999. С. 229.

[11] Omaha Beachhead. Center of Military History. Wash., 1945. P. 24–27.

[12] *Золотарев В. А.* Второй фронт против Третьего рейха. 2-е изд. М., 2005. С. 127.

[13] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 7. S. 461.

[14] Ibid. S. 540.

[15] The Oxford Companion to World War II. Oxford, 1995. P. 663.

[16] Ibid. P. 544.

[17] *Золотарев В. А.* Второй фронт против Третьего рейха. С. 146.

[18] *Болдуин Х.* Сражения выигранные и проигранные. М., 2001. С. 352.

[19] Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. В 2-х т. М., 1957. Т. 2. С. 146–147.

[20] *Bohlen Ch.* The Transformation of American Foreign Policy. N. Y., 1969. P. 26.

[21] *Орлов А. С.* За кулисами второго фронта. М., 2001. С. 103.

[22] Prescott Evening Courier. 1944. June 24. P. 1.

[23] Report by The Supreme Commander To the Combined Chiefs of Staff On the Operations in Europe of the Allied Expeditionary Force 6 June 1944 to 8 May 1945. L., 1946. P. 30.

[24] *Pogue F.* United States Army in World War II: European Theater of Operations: The Supreme Command. Wash., 1954. P. 183–184.

[25] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 7. S. 566.

[26] Report by The Supreme Commander To the Combined Chiefs of Staff On the Operations in Europe of the Allied Expeditionary Force 6 June 1944 to 8 May 1945. P. 32.

[27] *Pogue F.* United States Army in World War II: European Theater of Operations: The Supreme Command. P. 184.

[28] Ibid.

[29] Report by The Supreme Commander To the Combined Chiefs of Staff On the Operations in Europe of the Allied Expeditionary Force 6 June 1944 to 8 May 1945. P. 33.

[30] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 7. S. 547.

[31] St-Lo: 7 July — 19 July 1944. American Forces in Action Series. Wash., 1984. P. 20–24.

[32] Report by The Supreme Commander To the Combined Chiefs of Staff On the Operations in Europe of the Allied Expeditionary Force 6 June 1944 to 8 May 1945. P. 34.

[33] Army Air Forces in World War II: Europe: ARGUMENT to V-E Day, January 1944 to May 1945 / Ed. by *W. F. Craven*. Chicago, 1951. P. 207–209.

[34] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 7. S. 552.

[35] St. Petersburg Times. 1944, June 18. P. 2. См. также: Miami News. 1944, June 16. P. 1; Nevada State Journal, 1944, June 18. P. 1; Oakland Tribune. 1944, June 17. P. 1.

[36] Evening Independent. 1944, June 18. P. 1.

[37] Report by The Supreme Commander To the Combined Chiefs of Staff On the Operations in Europe of the Allied Expeditionary Force 6 June 1944 to 8 May 1945. P. 36.

[38] *Pogue F.* United States Army in World War II: European Theater of Operations: The Supreme Command. P. 201–203.

[39] *Золотарев В. А.* Второй фронт против Третьего рейха. С. 176.

[40] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 7. S. 563.

[41] *Pogue F.* United States Army in World War II: European Theater of Operations: The Supreme Command. P. 215–216.

[42] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 7. S. 564.

[43] *Jeffrey J.* Southern France 15 August — 14 September 1944. Wash., 1994. P. 11.

[44] *Zaloga S.* Operation Dragoon 1944: France's other D-Day. L., 2009. P. 8–10; The Invasion of Southern France. NAVAER 50-30T-8. Chief of Naval Operations. Wash., 1945. P. 1.

[45] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 7. S. 584.

[46] *Золотарев В. А.* Второй фронт против Третьего рейха. С. 178.

[47] *Jeffrey J.* Southern France 15 August — 14 September 1944. P. 29–31.

[48] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 7. S. 605.

[49] Ibid. S. 614.

[50] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны / Пер. с нем. СПб., М., 1999. С. 584.

[51] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 7. S. 567.

[52] *Bllumenson M.* United States Army in World War II: European Theater of Operations: Breakout and Pursuit. P. 700–702.

[53] Состояние и укрепления данного оборонительного рубежа подробно описаны в изд.: *Fuhrmeister J.* Der Westwall: Geschichte und Gegenwart. Motorbuch, Stuttgart, 2004; *Lauer H.* Der Westwall. Zweibrücken, 1979; *Christoffel E.* Krieg am Westwall 1944–1945: das Grenzland im Westen zwischen Aachen und Saarbrücken in den letzten Kriegsmonaten. Buchh, 1989.

[54] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 7. S. 579.

[55] *Вестфаль З. и др.* Роковые решения вермахта. Р-н/Д., 1999. С. 126.

[56] *Золотарев В. А.* Второй фронт против Третьего рейха. С. 182.

[57] *Warren J.* Airborne Operations in World War II, European Theater. USAF Historical Division Research Studies Institute. USAF Historical Studies: № 97. P. 101, 129–133.

[58] Ibid. P. 145–146.

[59] Notes on the Operations of 21st Army Group, 6 June 1944 — 5 May 1945. № 13331. Combined Arms Research Library. Fort Leavenworth, Kansas.

[60] *Золотарев В. А.* Второй фронт против Третьего рейха. С. 184.

[61] *Вестфаль З. и др.* Роковые решения вермахта. С. 126.

[62] См.: *Золотарев В. А.* Второй фронт против Третьего рейха. С. 185.

[63] *Pogue F.* United States Army in World War II: European Theater of Operations: The Supreme Command. P. 289–291.

[64] Ibid. P. 295–297.

[65] Report by The Supreme Commander To the Combined Chiefs of Staff On the Operations in Europe of the Allied Expeditionary Force 6 June 1944 to 8 May 1945. P. 69.

[66] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 7. S. 614.

[67] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. М., 1973–1982. Т. 9. М., 1978. С. 277.

[68] *Tamelander M., Zetterling N.* Avgörandes Ögonblick: Invasionen i Normandie. Norstedts Förlag, 2004. P. 295.

[69] *Clarke J.; Smith R.* Riviera to the Rhine. The official US Army History of the Seventh US Army. Wash., 1993. P. 195.

[70] Notes on the Operations of 21st Army Group, 6 June 1944 — 5 May 1945. № 13331. Combined Arms Research Library. Fort Leavenworth, Kansas.

[71] *Ambrose S.* Citizen Soldiers: The U. S. Army From the Normandy Beaches to the Bulge to the Surrender of Germany. N. Y., 1997. P. 151.

[72] *Zaloga S.* Siegfried Line 1944–1945: Battles on the German Frontier. L., 2007. P. 84–88.

[73] *MacDonald C.* The Siegfried Line Campaign, U. S. Army in World War II. Wash., 1963. 216–217.

[74] Report by The Supreme Commander To the Combined Chiefs of Staff On the Operations in Europe of the Allied Expeditionary Force 6 June 1944 to 8 May 1945. P. 71.

[75] Ibid. P. 72.

[76] Ibid. P. 74.

[77] Цит. по: *Золотарев В. А.* Второй фронт против Третьего рейха. С. 129–130.

[78] Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985. С. 166–167.

[79] *Demany F.* Histoire de la Rüsistance belge et du Front de l'Indüpendance. Bruxelles, 1945. P. 12–13.

[80] Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы Второй мировой войны. М., 1962. С. 491–492.

[81] Le Drapeau Rouge. 1961, Septembre 20.

[82] *Warmbrunn W.* The Dutch under German Occupation 1940–1945. L., 1963. P. 196.

[83] De Bezetting. Amsterdam, 1964. Deel 4. Blz. 94.

[84] Движение Сопротивления в оккупированных странах Западной и Северной Европы во Второй мировой войне. Нидерланды // Федеральный портал Protown. ru.

[85] *Белоусов Л. С., Григорьев И. В., Смирнов В. П. и др.* История новейшего времени стран Европы и Америки: 1918–1945 гг. М., 2004. С. 519.

[86] Frit Danmarks hvidbog. Besaettelsestiden i dokumentor og kommentater. Kobenhavn, 1945–1946. B. 2. S. 342.

[87] Vi kaemper for et sandt demokrati. Kobenhavn, 1943. S. 8.

[88] Frit Danmarks hvidbog. Besaettelsestiden i dokumentor og kommentater. B. 2. S. 200–201; Besaettelsestidens facta. Dokumentarisk handbog med henblik pa lovene af 1945 om landsskadelig virksomhed. B. 2. Del. 2. S. 1206.

[89] *Кан А. С.* Внешняя политика Скандинавских стран в годы Второй мировой войны. М., 1967. С. 345.

[90] Beretning, afgivet af chefredaktor *B. Houmann* // Berge Houmann's arkiv. Rigsarkivet, Kobenhavn.

[91] К лету 1944 г. «Милорг» насчитывали около 32 тыс. человек. (*Кан А. С.* Внешняя политика Скандинавских стран в годы Второй мировой войны. С. 334.)

[92] *Носков А. М.* Норвегия во Второй мировой войне 1940–1945. М., 1973. С. 188.

[93] Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв.: Сборник статей. Л., 1970. С. 221.

[94] Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы Второй мировой войны. С. 610.

[95] *Комолова Н. П.* Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии. 1943–1947 гг. М., 1972. С. 58.

[96] *Лонго Л.* Народ Италии в борьбе / Пер. с итал. М., 1951. С. 148.

[97] Цит. по: *Комолова Н. П.* Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии. 1943–1947 гг. С. 50–51.

[98] *Батталья Р.* История итальянского движения Сопротивления (8 сентября 1943 г. — 25 апреля 1945 г.) / Пер. с итал. М., 1954. С. 357.

[99] *Секкья П., Москателли Ч.* Монте-Роза спустилась в Милан. Из истории движения Сопротивления в Италии / Пер. с итал. М., 1961. С. 111, 143, 156.

[100] *Лонго Л.* Народ Италии в борьбе. С. 169–171, 176.

[101] *Батталья Р.* История итальянского движения Сопротивления (8 сентября 1943 г. — 25 апреля 1945 г.). С. 393.

[102] Цит. по: История Италии. В 3-х т. М., 1971. Т. 3. С. 191.

[103] *Филатов Г. С.* Итальянские коммунисты в движении Сопротивления. М., 1964. С. 96.

[104] Il comunismo italiano nella seconda guerra mondiale. Roma, 1963. P. 89.

[105] Известия. 1944. 14 марта.

[106] *Батталья Р.* История итальянского движения Сопротивления (8 сентября 1943 г. — 25 апреля 1945 г.). С. 287.

[107] *Белоусов Л. С., Григорьев И. В., Смирнов В. П. и др.* История новейшего времени стран Европы и Америки: 1918–1945 гг. С. 522–523.

[108] Повят — административная единица Польши, равная примерно району; гмина — населенный пункт сельского типа (*Pawîowicz J.* Z dziejôw konspiracyjnej KRN 1943–1944. Warszawa, 1961. Str. 220).

[109] Цит. по: *Малиновский М. и др.* Польское рабочее движение в годы войны и гитлеровской оккупации. Сентябрь 1939 г. — январь 1945 г. Очерки истории / Пер. с польск. М., 1968. С. 363.

[110] Братство по оружию. Braterstwo broni. М., 1975. С. 127.

[111] Документы и материалы по истории советско-польских отношений 1917–1965 гг. / Под ред. И. А. Хренова. В 12-ти т. М., 1963–1986. Т. 8. Январь 1944 г. — декабрь 1945 г. М., 1974. С. 148.

[112] Там же. С. 140.

[113] История Второй мировой войны. Т. 9. Освобождение территории СССР и европейских стран. Усиление борьбы польского народа против фашизма. Варшавское восстание // Федеральный портал Protown. ru.

[114] *Колос И.* Возвращение из ада. Избранное. М., 1996. С. 197–198.

[115] Братство по оружию. Braterstwo broni. С. 191.

[116] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. С. 255.

[117] Освободительная война польского народа. 1939–1945. Варшава, 1965. С. 41.

[118] *Колос И.* Возвращение из ада. Избранное. С. 224.

[119] *Garas J.-B.* Oddziafy Gwardii Ludowej i Armii Ludowej 1942–1945. Warszawa, 1971. Str. 521.

[120] Marea conflagrate a secolului XX — al doilea räzboi mondial. Bucureçti, 1974. P. 375–376.

[121] Мировые войны XX века. В 4-х кн. М., 2002. Кн. 3. Вторая мировая война: исторический очерк. С. 421–422.

[122] Arhiva MFA-M. St. M. Dos. 242/2. Ordin № 30871.

[123] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы / Ред.-сост. С. Майоров. В 3-х т. М., 1947. Т. 2. С. 206.

[124] Romania in räzboiul antihitlerist. 23 august 1944 — 9 mai 1945. Bucuresti, 1966. P. 45, 68.

[125] Там же. P. 87.

[126] *Анеску В. и др.* Участие румынской армии в войне против гитлеровской Германии / Пер. с румын. Бухарест, 1966. С. 32.

[127] *Димитров Г. М.* Сочинения. В 14-ти т. София, 1951–1955. Т. XI. София, 1954. С. 147–148.

[128] *Петров С.* Стратегията и тактиката на БКП в борбата против монархофашизма (1941–1944). София, 1969. С. 280–281.

[129] *Димитров Г. М.* Избранные произведения. В 2-х т. София, 1954. Т. II. С. 731.

[130] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7-ми т. М., 1958–1960. Т. 2. Преступления против мира. М., 1958. С. 550.

[131] *Белоусов Л. С., Григорьев И. В., Смирнов В. П. и др.* История новейшего времени стран Европы и Америки: 1918–1945 гг. С. 517.

[132] На вечные времена. Na vëcné easy. М., 1975. С. 143.

[133] Slovenské nârodné povstanie: Dokumenty. Bratislava, 1965. Str. 397–398.

[134] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х кн. М., 1975. Кн. 2. С. 332–333.

[135] Prehl'ad dejin KSC na Slovensku. Bratislava, 1971. Str. 301–303.

[136] На вечные времена. Na vëcné easy. С. 149–150.

[137] Правда. 1974. 29 августа.

[138] *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. 1943–1944. М., 1991. С. 306–308.

[139] Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. С. 420.

[140] Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6-ти т. М., 1960–1965. М., 1962. Т. 4. С. 417.

[141] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 359.

[142] За прочный мир, за народную демократию. 1950. 11 августа.

[143] *Немеш Д.* Освобождение Венгрии / Пер. с венгер. М., 1957. С. 130.
[144] Там же. С. 131.
[145] *Белоусов Л. С., Григорьев И. В., Смирнов В. П. и др.* История новейшего времени стран Европы и Америки: 1918–1945 гг. С. 519–520.
[146] История Второй мировой войны. Т. 9. Освобождение территории СССР и европейских стран. Усиление борьбы с фашизмом в Албании и Греции в 1944 году // Федеральный портал Protown. ru.
[147] *Кирьякидис Г.* Греция во Второй мировой войне. М., 1967. С. 314.
[148] Правда. 1944. 7 октября.
[149] *Churchill W.* The Second World War. Vol. 's I–VI. Vol. VI. L., 1953. P. 252.
[150] *Белоусов Л. С., Григорьев И. В., Смирнов В. П. и др.* История новейшего времени стран Европы и Америки: 1918–1945 гг. С. 521.
[151] Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. С. 423.
[152] *Красильников Е. П., Сизова М. Г.* Движение Сопротивления в Западной Европе. 1939–1945: Национальные особенности. Австрия. М., 1976. С. 103.
[153] *Бетмакаев А. М., Бяликова Т. А., Галактионов Ю. В. и др.* История Германии. В 3-х т. Кемерово, 2005. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века. С. 270.
[154] *Патрушев А. И.* Германская история: через тернии двух тысячелетий. М., 2007. С. 527.
[155] *Бетмакаев А. М., Бяликова Т. А., Галактионов Ю. В. и др.* История Германии. Т. 2. С. 270.
[156] Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985. С. 168.
[157] См.: История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. М., 1980. С. 346.
[158] См.: Вторая мировая война: Итоги и уроки. М., 1985. С. 229; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945: Стат. сб. М., 1990. С. 15.
[159] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945: Стат. сб. С. 11.
[160] *Кравченко Г. С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1970. С. 350–351.
[161] Там же. С. 215.
[162] *Кравченко Г. С.* Военная экономика СССР. 1941–1945. М., 1963. С. 224–225.
[163] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945: Стат. сб. С. 419, 421.
[164] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1977. Т. 8. С. 353–354.
[165] Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1970. С. 74.
[166] Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. 1941–1945: Сб. документов и материалов. Челябинск, 1967. С. 290.
[167] Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. С. 74.
[168] *Митрофанова А. В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 338–339.
[169] *Васильев А. Ф.* Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1982. С. 124.
[170] *Митрофанова А. В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. С. 337.
[171] *Акулов М. Р.* Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Ставрополь, 1967. С. 251.
[172] Уральский рабочий. 1944. 24 июня.
[173] *Васильев А. Ф.* Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. С. 124.
[174] *Кравченко Г. С.* Военная экономика СССР. 1941–1945. С. 232.
[175] Там же. С. 335.
[176] Там же.
[177] Там же. С. 336.
[178] *Ломако П. Ф.* Цветная металлургия в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 252–253.
[179] Там же. С. 61.
[180] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945. С. 64.
[181] Там же. С. 66–68.
[182] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 4. С. 585.
[183] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945. С. 48, 62, 66.

[184] Там же. С. 15.
[185] Правда. 1975. 15 февраля.
[186] Советское военное искусство в Великой Отечественной войне. 1941–1945. М., 1962. Т. 3. С. 20.
[187] Оружие Победы. М., 1987. С. 66.
[188] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. С. 395–396.
[189] *Арутюнов Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 320.
[190] Там же. С. 295.
[191] История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 493; *Анисков В. Т.* Жертвенный подвиг деревни. Новосибирск, 1993. С. 47.
[192] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 554.
[193] Там же.
[194] Там же. С. 555.
[195] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945. С. 88.
[196] Там же. С. 83–84, 112.
[197] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 5. М., 1963. С. 388.
[198] Десятая сессия Верховного Совета СССР. 28 января — 1 февраля 1944 г.: Стеногр. отчет. М., 1944. С. 17, 31.
[199] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945. С. 155.
[200] *Куманев Г. А.* Война и железнодорожный транспорт СССР. 1941–1945. М., 1988. С. 211.
[201] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945. С. 155.
[202] *Куманев Г. А.* Война и железнодорожный транспорт СССР. 1941–1945. С. 242.
[203] Тыл Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. 1941–1945. М., 1977. С. 239–240.
[204] *Куманев Г. А.* Война и железнодорожный транспорт СССР. 1941–1945. С. 252–253.
[205] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 5. С. 398.
[206] Там же. С. 399.
[207] Советский речной транспорт в Великой Отечественной войне. М., 1981. С. 288.
[208] См.: *Вайнер Б. А.* Советский морской транспорт в Великой Отечественной войне. М., 1989. С. 272.
[209] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945: Стат. сб. С. 406, 407.
[210] Там же. С. 408.
[211] *Вознесенский Н. А.* Избранные произведения. 1931–1947. М., 1979. С. 582–583.
[212] Там же. С. 592.
[213] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 12. М., 1982. С. 148.
[214] Там же. Т. 9. С. 396.
[215] *Морехина Г. Г.* Рабочий класс — фронту. М., 1962. С. 372.
[216] *Кравченко Г. С.* Военная экономика СССР, 1941–1945. С. 235.
[217] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 5. С. 406.
[218] История Белорусской ССР. Минск, 1977. С. 435.
[219] Днепрострой. 1944. 4 апреля.
[220] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 5. С. 405.
[221] *Куманев Г. А.* На службе фронта и тыла. М., 1976. С. 308.
[222] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 418.
[223] *Чадаев Я. Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 333.
[224] Там же. С. 351.
[225] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 3. S. 224.
[226] *Himmler H.* Geheimreden 1934 bis 1945 und andere Ansprachen. Frankfurt a. M., 1974. S. 188.
[227] Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942–1945 (далее — Hitlers Lagebesprechungen). Hrg. von H. Heiber. Stuttgart, 1962. S. 722.
[228] Ibid. S. 616, 740.
[229] *Проэктор Д. М.* Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне. 1939–1945. М., 1968. С. 562.
[230] Bundesarchiv, Koblenz. R 58/1225. Bl. 3–17.
[231] См.: The New York Times. 1944, Dec. 20–31; 1945, Jan. 6.

[232] Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг. / Пер. с нем. М., 1956. С. 125.
[233] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B., 1985. Bd. 6. S. 227.
[234] Ibid.
[235] Hitlers Lagebesprechungen. S. 584.
[236] Ibid. S. 588—590.
[237] Ibid. S. 741.
[238] Вторая мировая война: Взгляд из Германии / Пер. с нем. М., 2005. С. 215.
[239] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 233, 499.
[240] Ibid. S. 233, 498.
[241] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945 / Пер. с нем. В 3-х т. М., 1976. Т. III. Война на два фронта. С. 362—387.
[242] *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание / Пер. с англ. В 2-х т. М., 1994. Т. 2. С. 517.
[243] ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 12458. Д. 1360. Л. 5—6; Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab) 1940—1945 (далее — KTB/OKW). Frankfurt a. M., 1961. Bd. IV. S. 435.
[244] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945. Т. III. С. 330.
[245] Там же. С. 326; Wörterbuch zur deutschen Militärgeschichte. B., 1985. S. 1055.
[246] *Overmans R.* Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg. S. 278—279.
[247] «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1961. С. 703.
[248] Вторая мировая война: два взгляда. М., 1995. С. 225—226.
[249] Bundesarchiv, Koblenz. R43II/692a. Bl. 146—150.
[250] *Бивор Э.* Падение Берлина 1945 / Пер. с англ. М., 2004. С. 228.
[251] *Эрман Дж.* Большая стратегия, октябрь 1944 — август 1945 / Пер. с англ. М., 1958. С. 26—27.
[252] *Himmler H.* Geheimreden 1934 bis 1945 und andere Ansprachen. S. 299.
[253] Statistisches Handbuch von Deutschland 1928—1944. München, 1949. S. 280.
[254] Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг. С. 119.
[255] *Himmler H.* Geheimreden 1934 bis 1945 und andere Ansprachen. S. 299.
[256] *Petzina D.* Die nationalsozialistische Mobiliesirung deutscher Arbeitskräfte vor und während des Zweiten Weltkrieges. Moskau, 1970. S. 9.
[257] Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг. С. 189.
[258] Там же. С. 162.
[259] История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 9. С. 449.
[260] Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг. С. 95.
[261] Цит. по: *Шумейко И. Н.* Вторая мировая. Перезагрузка. 2-е изд. М., 2007. С. 112.
[262] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1956. С. 406.
[263] *Шунков В. Н.* Полная энциклопедия вооружений Германии Второй мировой войны 1939—1945 гг. Минск, 2010. С. 206—268.
[264] *Орлов А. С.* «Чудо-оружие». Обманутые надежды фюрера. Смоленск, 1999. С. 145.
[265] Там же. С. 269—270.
[266] *Jung H.* Die Ardennenoffensive 1944—45. Zürich, Frankfurt a. M., Göttingen, 1971. S. 211.
[267] *Шунков В. Н.* Полная энциклопедия вооружений Германии Второй мировой войны 1939—1945 гг. С. 272—273.
[268] *Орлов А. С.* «Чудо-оружие». С. 261.
[269] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B., 1984. Bd. 5. S. 497—498.
[270] Deutschland 1933—1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Hrsg. *von D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen* (далее — Deutschland 1933—1945. Neue Studien...). Bonn, 1992. S. 398.
[271] 1945: Das Jahr der endgültigen Niederlage der deutschen Wehrmacht. Dokumente ausg. und eingel. *von G. Förster und R. Lakowsk*i (далее — 1945: Das Jahr der endgültigen Niederlage). B., 1975. S. 85— 86.
[272] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. С. 510.
[273] Военно-исторический журнал. 1959. № 11. С. 120—127.
[274] Hitlers Lagebesprechungen. S. 860.

[275] Nationalsozialische Diktatur 1933–1945. Eine Bilanz. Hrsg. *von D. Bracher M. Funke, H.-A. Jacobsen*. Bonn., 1983. S. 520–528.

[276] Нюрнбергский процесс: уроки истории. Материалы международной научной конференции. Москва, 20–21 ноября 2006 г. М., 2007. С. 13–14.

[277] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 628.

[278] Ibid. S. 630.

[279] *Overmans R.* Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg. S. 332.

[280] Ibid. S. 334.

[281] Ibid.

[282] Ibid. S. 260.

[283] 1945: Das Jahr der endgültigen Niederlage. S. 149.

[284] Кто был кто в Третьем рейхе: Биографический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 521–522.

[285] *Кноп Г.* «Дети Гитлера» / Пер. с нем. М., 2004. С. 281.

[286] KTB/OKW. Bd. IV. Halbband 2. S. 1305.

[287] См.: История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 432–433.

[288] Промышленность Германии в период войны 1939–1945 гг. С. 162.

[289] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1999. Кн. 4. С. 244.

[290] KTB/OKW. Bd. IV, Halbband 2. S. 1383–1384.

[291] Мировые войны XX века. Вторая мировая война. Документы и материалы. В 4-х кн. Кн. 4. М., 2005. С. 562.

[292] Bulletin des Arbeitskreises «Zweiter Weltkrieg». 1985. № 1–4. S. 33.

[293] Ibid. S. 36.

[294] *Overmans R.* Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg. S. 260.

[295] Вторая мировая война. Взгляд из Германии. Сб. статей. М., 2005. С. 281.

[296] *Геббельс И.* Последние записи / Пер. с нем. Смоленск, 1993. С. 270.

[297] Мировые войны XX века. М., 2005. В 4-х кн. Кн. 3. С. 505.

НА ЮЖНОМ КРЫЛЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ФРОНТА

Обстановка, планы и подготовка сторон

Стратегическая обстановка на южном крыле советско-германского фронта к осени 1944 г., когда Красная армия приступила к освобождению стран Восточной Европы, определялась грандиозными успехами советских войск, достигнутыми в зимней и летне-осенней кампаниях. Итоги этих кампаний оказывали решающее влияние на исход всей Второй мировой войны в пользу антигитлеровской коалиции.

Советское военное присутствие на территории ряда стран Центральной, Восточной Европы и на Балканах на заключительном этапе войны, с одной стороны, стало прямым результатом успешных боевых действий Красной армии, с другой — было вызвано военной необходимостью завершения разгрома вооруженных сил Германии и ее союзников и задачами обеспечения тыла советских войск. В то же время вступление советских войск на территорию зарубежных стран открывало возможность для непосредственного воздействия на развитие в них внутриполитической ситуации в интересах Советского государства.

Различия во внутреннем и международном положении стран Европы определили линию поведения Советского Союза в отношении каждой из них в период освобождения. Но главным мотивом служило объявленное советским руководством стремление к восстановлению в этих странах национальной государственности. Положение осложнялось тем, что по мере продвижения войск Красной армии по территории восточноевропейских государств и все более просоветской ориентации левых сил в них стало возникать значительное напряжение в отношениях между СССР и его западными союзниками. Руководство Советского государства подчеркивало, что главной целью военных действий Красной армии является стремление к разгрому немецких войск, но западные державы видели в этой политике Советского Союза «безграничное стремление СССР к экспансии». Так, в отношении Румынии советское правительство еще в апреле 1944 г. сделало заявление, в котором подчеркивалось, что оно «не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника»[1]. Этим еще раз были продемонстрированы миролюбивый характер советской внешней политики, уважение к суверенитету и национальной независимости других народов.

Заявление советского правительства способствовало активизации демократических сил Румынии в борьбе с фашизмом. Под давлением народных масс правящие круги запросили у СССР условия выхода из войны, которые 12 апреля и были вручены румынскому правительству. Основным их требованием являлся разрыв Румынии с фашистской Германией и переход на сторону союзных войск с целью ведения совместной борьбы за независимость и суверенитет Румынии. Но вопреки здравому смыслу румынское правительство отказалось принять предложения Советского Союза и попыталось скрыть их от народа.

Воспользовавшись передышкой в ходе переговорного процесса немецкое командование, подтянув резервы, предприняло отчаянные попытки вытеснить советские войска из северо-восточных районов Румынии. Бои носили затяжной и напряженный характер. В ходе них советские соединения и части не только отразили удары вражеских войск, но и продвинулись в глубь Румынии до 100 км, освободили более 800 населенных пунктов, вышли к предгорью Карпат и подошли к г. Яссы. С апреля по август только на этом направлении вермахт потерял около 200 тыс. солдат и офицеров[2]. Всего же в ходе наступления советских войск были уничтожены и разгромлены 172 дивизии и шесть бригад противника. Общие потери вражеских войск составили свыше 1 млн солдат и офицеров, 20 тыс. орудий и минометов, 8400 танков и штурмовых орудий и около 5 тыс. самолетов[3].

Оценивая деятельность Советского Союза в этом направлении, необходимо отметить, что к освобождению европейских стран он приступил, уже имея конкретную программу. Ее основы были провозглашены руководством страны еще на первом этапе войны. 6 ноября 1941 г. в докладе И. В. Сталина, посвященном очередной годовщине Октябрьской революции, было объявлено, что «в отличие от гитлеровской Германии Советский Союз и его союзники ведут войну освободительную, справедливую, рассчитанную на освобождение порабощенных народов Европы и СССР от гитлеровской тирании... У нас нет и не может быть таких целей войны, как навязывание своей воли и своего режима славянским и другим порабощенным народам Европы, ждущим от нас помощи. Наша цель состоит в том, чтобы помочь этим народам в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании и потом предоставить им вполне свободно устроиться на своей земле так, как они хотят. Никакого вмешательства во внутренние дела других народов!»[4]

Таким образом, деятельность Советского государства в области внешней политики была направлена на содействие освобожденным народам в воссоздании их национальных государств на основе права наций на самоопределение и при строгом невмешательстве в их внутренние дела. Именно такая задача и была поставлена перед советскими войсками в приказе Верховного главнокомандующего № 70 от 1 мая 1944 г. В нем говорилось: «Наши задачи не могут ограничиваться изгнанием вражеских войск из пределов нашей Родины. Немецкие войска напоминают теперь раненого зверя, который вынужден уползать к границам своей берлоги — Германии для того, чтобы залечить раны. Но раненый зверь, ушедший в свою берлогу, не перестает быть опасным зверем. Чтобы избавить нашу страну и союзные с нами страны от опасности порабощения, нужно преследовать раненого немецкого зверя по пятам и добить его в собственной берлоге. Преследуя же врага, мы должны вызволить из немецкой неволи наших братьев поляков, чехословаков и другие союзные с нами народы Западной Европы, находящиеся под пятой гитлеровской Германии»[5].

К концу 1944 г. под ударами советских войск значительно усилился кризис правящих классов союзных Германии стран, которые начали искать пути спасения своего господства, ненавистного народам. И хотя фашистские правители стран — сателлитов Германии отказались прислушиваться к совместному предупреждению правительств СССР, США и Англии от 13 мая 1944 г., в котором содержалось требование разрыва сотрудничества с нацистской Германией и прекращения преступной, захватнической войны[6], их силы слабели с каждым днем. И напротив, с приближением советских войск к границам восточноевропейских стран у патриотически настроенных слоев населения рос энтузиазм, повсеместно активизировалось движение Сопротивления. Этому в значительной мере способствовала помощь советского командования партизанским формированиям восточноевропейских стран вооружением,

медикаментами, опытными командными кадрами. Советский Союз оказывал самую щедрую и разнообразную помощь народным армиям Чехословакии, Польши, Югославии, Румынии, Болгарии и Венгрии. Только по линии центральных органов Наркомата обороны армиям этих стран было передано около 670 тыс. винтовок и автоматов, 16 500 орудий и минометов, около 1 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок, более 1600 самолетов, 12 397 грузовых автомашин и 4769 радиостанций[7].

В то время как блок фашистских государств разрушался внутренними противоречиями и наметились контуры внешнеполитической изоляции Германии, позиции Советского Союза на международной арене еще более упрочились. Внешнеполитическая деятельность советского правительства и его дипломатических органов в тот период отличалась особенно высокой активностью, служила примером проявления доброй воли в решении сложнейших вопросов, связанных с преодолением противоречий, возникавших внутри коалиции между СССР и западными государствами, и быстрейшим завершением войны, а также выработкой прочных основ и гарантий послевоенного мира и безопасности.

Более качественный этап внешнеполитической деятельности Советского Союза необходимо отнести к весне 1944 г., когда войска фашистской коалиции понесли тяжелые потери, что вызвало резкое ослабление военного могущества Германии, а советские войска, преследуя отступавшего противника, пересекли государственную границу СССР. Именно тогда по инициативе советского правительства были предприняты меры по выводу Румынии и Болгарии из войны на стороне Третьего рейха. Благодаря усилиям советской дипломатии подписанные с этими странами в сентябре 1944 г. соглашения о перемирии приобрели справедливый, демократический характер[8].

Все возраставшее поступление в Красную армию боевой техники и вооружения оказывало непосредственное влияние на дальнейшее совершенствование ее организационной структуры.

По-прежнему доминирующее положение в Красной армии занимали сухопутные войска, составляя 85% общей численности, организационные формы которых в течение всего 1944 г. продолжали совершенствоваться. В частности, существенные изменения в организационной структуре были проведены в танковых войсках, в основном коснувшись их количественного и качественного роста. В составе этих войск была сформирована еще одна, шестая по счету танковая армия, начали создаваться новые отдельные гвардейские тяжелые танковые и самоходно-артиллерийские бригады. К лету 1944 г. в составе танковых войск насчитывалось 13 979 танков и 791 самоходно-артиллерийская установка, причем тяжелые и средние танки (9406) составляли более 60% их общей численности[9].

Существенные изменения организационно-штатной структуры происходили и в артиллерии. Увеличился ее удельный вес в составе сухопутных войск. В тот период в штаты общевойсковой армии были введены отдельная пушечная артиллерийская бригада, а в состав танковых армий и танковых корпусов — легкие артиллерийские бригады и легкие артиллерийские полки соответственно. Изменения коснулись и противотанковой, минометной и гаубичной артиллерии РВГК. Одновременно с увеличением количества противотанковых, минометных и гаубичных соединений происходило и перевооружение их более совершенной материальной частью.

Общее увеличение производства боевых самолетов позволило провести ряд важных мероприятий, направленных на укрепление советских военно-воздушных сил. Конкретным выражением роста производства самолетов было прежде всего увеличение самолетного парка воздушных армий фронтов — почти в два раза по сравнению с началом 1944 г., а на важнейших стратегических направлениях эта цифра еще более возрастала.

В 1944 г. продолжался процесс дальнейшего развития войск связи, инженерных и других.

В целом успешное осуществление этих мероприятий советским командованием позволило ему к началу наступления иметь в резерве Ставки ВГК две общевойсковые, танковую, воздушную армии, а также ряд отдельных соединений[10]. Советские вооруженные силы к лету 1944 г. в действующей армии, на дальневосточных и южных границах и в резерве Став-

ки Верховного главнокомандования насчитывали свыше 9 млн человек, 133 тыс. орудий и минометов, 11,8 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок, 21,8 тыс. боевых самолетов и 207 боевых кораблей (подводных лодок) основных классов[11].

Общие стратегические задачи советских войск, действовавших непосредственно на юго-западном и южном крыле советско-германского фронта, сводились к тому, что им предстояло разгромить группу армий «Южная Украина», обеспечить вывод из войны союзников Германии на Балканах и в Юго-Восточной Европе и помочь народам Балканских стран в освобождении от фашистского гнета. В последующем этот план действий советских войск был достаточно полно отработан в Генеральном штабе. В соответствии с ним конкретные задачи фронтов на начальные операции, а также время и последовательность перехода их в наступление определялись директивами и указаниями Ставки, исходя из политических и стратегических соображений. Действия войск в последующих операциях планировались уже в ходе кампании.

Исходя из сложившейся стратегической обстановки, обе воюющие стороны ставили на осень 1944 г. важные политические и стратегические цели. Анализ материалов совещания в ставке Гитлера в начале сентября, а также оперативной директивы германского генерального штаба сухопутных войск от 30 сентября 1944 г. свидетельствует о том, что общий план немецкого командования состоял в том, чтобы активными действиями войск, расположенных в Прибалтике и на подступах к Венгрии и Югославии, удержать за собой эти территории, по крайней мере в течение зимы 1944—1945 гг.

Чтобы сорвать проведение противником мероприятий по восстановлению южного крыла своего фронта, прикрытию важных направлений на Будапешт, Вену, а также фланг и тыл группировки, действовавшей в Югославии, Албании и Греции, советское командование приняло решение продолжать наступление на всех участках южного крыла фронта.

Такова была военно-политическая и стратегическая обстановка, которая позволила Красной армии осенью 1944 г. не только провести крупные операции с решительными целями и на большую глубину, но и успешно осуществить освободительную миссию на Балканах.

Наступление советских войск в Румынии

Решающую роль в освобождении Румынии и других стран Юго-Восточной Европы сыграла Ясско-Кишиневская операция. В результате ее успешного завершения были достигнуты крупные военно-политические итоги: завершено освобождение Молдавии, выведена из войны на стороне Германии Румыния, оказано влияние на выход из войны Болгарии и на политическую обстановку в Венгрии и Словакии. Кроме того, победа советских войск в этой операции привела к разгрому главных сил гитлеровского стратегического фронта на Балканах, изменению всей военно-стратегической обстановки на южном крыле советско-германского фронта и создала исключительные условия для развития последующего наступления Красной армии на этом направлении. Перед советскими войсками открывались пути для развития наступления в глубь Румынии, на территорию Болгарии и Венгрии. Появилась возможность оказания непосредственной помощи народам Югославии и Чехословакии.

Разгром Красной армией основных сил группы армий «Южная Украина» в ходе Ясско-Кишиневской операции лишил, таким образом, немецкое командование и правительство И. Антонеску вооруженной опоры в стране. Они уже не имели реальных сил воспрепятствовать стремительному наступлению советских войск в глубь Румынии. Это создало благоприятные условия для начала антифашистского восстания в Бухаресте. 23 августа по приказу короля Михая был арестован диктатор И. Антонеску, прибывший на аудиенцию к королю с целью заручиться его поддержкой о мобилизации «всех сил нации» для продолжения войны

на стороне Германии. Вскоре после этого во дворец были вызваны и арестованы и другие министры его правительства.

В 22 часа 15 минут король обратился к народу с декларацией по радио. Ее текст был записан заранее. В обращении говорилось о смещении И. Антонеску, создании нового правительства во главе с генералом К. Санатеску и прекращении боевых действий против Объединенных Наций, а также о согласии принять условия перемирия, предложенные советским правительством от имени СССР, США и Великобритании[12]. Румынским вооруженным силам предписывалось немедленно выйти из подчинения немецкого командования и прекратить ведение боевых действий против войск Красной армии[13].

Утром 24 августа, подвергнув Бухарест варварской бомбардировке, немецкое командование одновременно приступило к проведению войсковых операций по подавлению восстания, однако сил для этого у него было явно недостаточно. Уже к исходу следующего дня, с прибытием в столицу румынских войск из других районов страны, повстанцы сломили сопротивление противника в черте города, а к 28 августа закончили ликвидацию войск вермахта севернее Бухареста. В результате только в ходе этих боев в плен были взяты 5457 вражеских солдат и офицеров[14].

В тот период борьба против немецких оккупантов развернулась и во многих других городах Румынии. Только быстрое продвижение советских войск, активные действия румынских повстанцев, а также господство в воздухе советской авиации сорвали попытку командования вермахта подавить сопротивление румынских патриотов и заставили его в связи с потерей аэродромов срочно перебазировать в Венгрию 4-й воздушный флот, прекратив бомбардировки Бухареста. Как впоследствии писали румынские историки: «Мощное наступление, начатое Советской армией на ясско-кишиневском фронте, поставило гитлеровское командование в такое положение, что оно не могло оттянуть силы с фронта, чтобы обратить их против повстанцев»[15]. Об этом же говорил в освобожденном Бухаресте и король Михай в своем интервью группе западных журналистов: «Совершенно очевидно, что наступление русской армии, которое сковало значительные немецкие силы в Молдове и Бессарабии, явилось главным условием успеха государственного переворота 23 августа 1944 года»[16].

Хотя румынская монархия во главе с королем Михаем и сыграли положительную роль в аресте И. Антонеску, но к вооруженному восстанию в целом они относились с большой долей опаски, что объяснялось их боязнью революции, которая могла смести королевскую династию. Поэтому король и его окружение не намеревались вести борьбу против Германии и стремились достигнуть соглашения с ее главным командованием о свободном выводе немецких войск из Румынии.

В ходе переговоров с представителями германского командования Михай заверил, что «германские войска смогут беспрепятственно уйти, не встретив никаких помех со стороны румынского правительства»[17]. На следующий день аналогичное заявление сделал и новый начальник генерального штаба румынской армии генерал Г. Михаил, подчеркнув, что «вопрос о борьбе с немецкой армией не подлежит рассмотрению. Возможные в этом смысле условия со стороны русских не будут приняты»[18].

На деле это означало предоставление немецкому командованию возможности отвести войска в Карпаты, подготовить там новые оборонительные рубежи и тем самым не пустить Красную армию в глубь Румынии и на Балканы.

В такой обстановке закрепление успеха восстания зависело не только от упорства повстанцев, но главным образом от быстрых и решительных действий Красной армии, которая продолжала успешно продвигаться по румынской территории. В то же время, отступая, немецкие войска оказывали ожесточенное сопротивление, стремясь отойти в Карпаты или на территорию Болгарии. В этих условиях Ставка Верховного главнокомандования решила ускорить наступление главных сил 2-го и 3-го Украинских фронтов, чтобы завершить освобождение Румынии и Трансильвании, вывести из войны Болгарию и тем самым обеспечить успешные действия войск на будапештском направлении. 29 августа она поставила войскам

Украинских фронтов новые задачи на продолжение наступления на карпатском, бухарестском и дунайско-приморском направлениях.

2-му Украинскому фронту (командующий войсками фронта генерал армии Р. Я. Малиновский, члены Военного совета генерал-лейтенант И. З. Сусайков и генерал-майор М. М. Стахурский, начальник штаба генерал-полковник М. В. Захаров) на бухарестском направлении предстояло главными силами развивать наступление на Турну-Северина, занять Плоештинский нефтепромышленный район, очистить от остатков немецких войск Бухарест и к 7–8 сентября овладеть рубежом Кымпулунг — Питешти — Джурджу. В дальнейшем эта группировка должна была выйти на Дунай южнее Турну-Северина. Войска правого крыла фронта наступали на карпатском направлении с задачей овладеть перевалами через Восточные Карпаты и к 15 сентября выйти на рубеж Бистрица — Клуж — Сибиу. Затем они наносили удар на Сату-Маре с целью содействия 4-му Украинскому фронту в преодолении Карпат и выходе в районы Ужгорода и Мукачева[19].

Войска 3-го Украинского фронта (командующий войсками фронта генерал армии Ф. И. Толбухин, члены Военного совета генерал-лейтенант А. С. Желтов и генерал-майор В. М. Лайок, начальник штаба генерал-полковник С. С. Бирюзов) должны были, развивая наступление на дунайско-приморском направлении, во всей своей полосе занять Северную Добруджу, форсировать Дунай на участке Галац — Измаил и к 5–6 сентября выйти на румыно-болгарскую границу[20]. В оперативное подчинение фронта передавалась Дунайская военная флотилия.

В резерв Ставки ВГК из состава 2-го и 3-го Украинских фронтов выводились три армии: 4-я гвардейская, 52-я и 5-я ударная.

Всего в составе войск 2-го и 3-го Украинских фронтов действовало семь общевойсковых, танковая и две воздушные армии, имевшие в общей сложности 62 дивизии, шесть танковых и механизированных корпусов и около 2 тыс. самолетов[21].

Таким образом, в соответствии с полученными задачами фронтам предстояло наступать по расходящимся направлениям. 2-й Украинский фронт получил задачу на выход через центральные и западные районы Румынии на границу с Венгрией, Югославией и Болгарией западнее Джурджу. Войскам 3-го Украинского фронта было приказано действовать в приморских районах Румынии и выйти на румыно-болгарскую границу восточнее Джурджу.

К выполнению новых задач, связанных с полным изгнанием противника с румынской территории, войска фронтов приступили без всякой оперативной паузы. К концу августа в целом благоприятно складывалась обстановка в полосе наступления войск 2-го Украинского фронта. К началу сентября во фронте имелись четыре общевойсковые, танковая и воздушная армии, конно-механизированная группа и отдельный танковый корпус, в составе которых насчитывалось более 300 тыс. солдат и офицеров, 779 танков и самоходно-артиллерийских установок[22].

Войска фронта, действовавшие на бухарестском направлении в составе 27-й, 53-й и 6-й танковой армий, а также 18-го танкового корпуса, успешно продвигались в направлении Плоешти, Слатина, Крайова, Турну-Северин. В то же время наступление войск правого крыла фронта в Восточных Карпатах (40-я, 7-я гвардейская армии и конно-механизированная группа генерала С. И. Горшкова) проходило крайне медленно. Соединения и части 40-й армии генерал-лейтенанта Ф. Ф. Жмаченко в течение пятидневных упорных боев (с 1 по 5 сентября) не смогли прорвать оборону противника в Карпатах и имели лишь незначительное продвижение на левом фланге в полосе 5-го стрелкового корпуса на глубину 15–20 км.

Выполняя директиву Ставки, войска 2-го Украинского фронта, действующие на бухарестском направлении, нанесли по противнику новые мощные удары. Преодолевая упорное сопротивление немецких войск, 5-й гвардейский танковый корпус генерал-лейтенанта В. М. Алексеева из состава 6-й танковой армии 29 августа разгромил противника на восточной окраине Плоешти и ворвался в город. В штурме Плоешти особенно отличилась 6-я гвардейская мотострелковая бригада под командованием полковника Д. М. Осадчего. Эта бригада действовала энергично и, сбивая заслоны вражеских войск, за 12 часов совершила

Расчет противотанкового ружья ведет огонь по противнику. Румыния, 1944 г.

Советские солдаты вступают в бой. Румыния, 1944 г.

Советские самоходные установки и танки на одной из дорог Трансильвании. Румынии, 1944 г.

Артиллеристы немецкой дивизии СС готовятся открыть огонь из 75-мм полевых пушек. Румыния, 1944 г.

70-километровый марш от Бузэу до Плоешти. Прорвав оборону на подступах, она вечером 29 августа первой ворвалась в город. За умелое руководство боем, мужество и решительность командир бригады Д. М. Осадчий был удостоен звания Героя Советского Союза[23]. К утру 30 августа совместными усилиями частей 5-го гвардейского корпуса и 3-й гвардейской воздушно-десантной дивизии полковника И. Н. Конева (27-й армии) Плоешти был полностью очищен от неприятеля. Вместе с советскими войсками в освобождении Плоешти участвовали 18-я румынская пехотная дивизия бригадного генерала В. Паску, а также румынские части и рабочие отряды, которые находились в тот период в городе.

В течение следующих двух дней советские и румынские соединения и части разгромили противника в долине р. Прахова и освободили весь Плоештинский район. В результате была устранена угроза Бухаресту с севера, немецкая армия лишилась румынской нефти, а советские и румынские войска получили возможность быстро продвигаться в Трансильванию.

Одновременно с войсками 2-го Украинского фронта на дунайско-приморском направлении успешно наступали войска 3-го Украинского фронта в составе 37, 57 и 46-й армий. К исходу 29 сентября они очистили от остатков немецких войск Добруджу и, не встречая практически никакого сопротивления, продолжили выдвижение к румыно-болгарской границе.

Успешные боевые действия наземных войск в тот период активно поддерживала 5-я воздушная армия генерал-полковника С. К. Горюнова, которая систематически вела воздушную разведку путей отхода вражеских войск и наносила по ним удары, особенно в полосе 27-й и 53-й армий. В целом воздушная обстановка была весьма благоприятной для советской авиации, так как основные силы авиации противника осуществляли перебазирование на территорию Венгрии.

Корабли Дунайской военной флотилии (командующий вице-адмирал С. Г. Горшков) в то время вели боевые действия на приморском фланге 3-го Украинского фронта. Для овладения военно-морскими базами противника в Килие, Тулче, Рени, Сулине, Браилове, Констанце командование Черноморского флота (командующий флотом адмирал Ф. С. Октябрьский, член Военного совета вице-адмирал И. И. Азаров, начальник штаба контр-адмирал И. Ф. Голубев-Монаткин) и Дунайской военной флотилии широко применяло морские десанты, которые тесно взаимодействовали с войсками. В результате удалось нанести серьезный ущерб германскому флоту. С овладением Констанцой, а впоследствии Варной и Бургасом Черноморский флот стал безраздельно господствовать на Черном море.

Еще 27 августа, когда 6-я танковая армия генерал-лейтенанта А. Г. Кравченко преодолела Фокшанские ворота, командующий войсками 2-го Украинского фронта приказал ему «решительным наступлением к исходу 29 августа одним корпусом овладеть районом Плоешти и двумя корпусами — городом Бухарест»[24]. Поэтому два корпуса этой армии продолжали успешно наступать на Бухарест. Вслед за ними продвигалась 53-я армия под командованием генерал-лейтенанта И. М. Манагарова, а южнее ее — 46-я армия генерал-лейтенанта И. Т. Шлемина, входившая в состав 3-го Украинского фронта. Их задача состояла в том, чтобы как можно быстрее разгромить соединения и части врага, преграждавшие подступы к Бухаресту, оказать помощь повстанцам, избавить население от лишних жертв. Приближение к городу советских войск воодушевляло восставших на мужественную борьбу.

Однако Ставка 28 августа приостановила до особого указания продвижение советских войск к Бухаресту[25]. Дело в том что вступлению этих войск в столицу Румынии и дальнейшему их движению на юг противилось румынское правительство, поскольку понимало, что это нанесет удар по антинародным планам Санатеску и явится большой моральной поддержкой демократическим силам. Вечером 29 августа глава румынского правительства генерал Санатеску через своего представителя заявил командующему войсками 2-го Украинского фронта генералу Р. Я. Малиновскому, что ликвидацию немецких войск на территории, не занятой Красной армией, румынское правительство хотело бы взять на себя. Но это предложение было отклонено, так как у командования фронтом имелись сведения о стремлении румынских властей беспрепятственно пропустить немецкие войска на запад, а также о ведении ими закулисных переговоров о высадке в Бухаресте англо-американского воздушного десанта.

Советские войска вступают в Бухарест. 1944 г.

Жители Бухареста встречают советских солдат. 1944 г.

Ставка ВГК, получив по данному вопросу соответствующую информацию от командующего войсками фронта, отдала ему указание на продолжение операции по уничтожению противника в районе Бухареста и вводу войск в город: «Командующему 2-м Украинским фронтом в 10.00 31.08 ввести войска в Бухарест. Войска в городе не задерживать и после прохождения через город перейти к выполнению ранее поставленных задач»[26]. Уже 31 августа в Бухарест вошли соединения 6-й танковой и 53-й советских армий и части 1-й румынской пехотной добровольческой дивизии имени Тудора Владимиреску под командованием полковника Н. Камбря. Население столицы устроило теплую встречу советским воинам-освободителям и румынским добровольцам.

После победы народного восстания в Румынии дальнейшее наступление войска 2-го Украинского фронта вели уже совместно с румынской армией. Взаимодействие и сотрудничество с ней приходилось налаживать в непростых условиях, в ходе ведения боевых действий. «Помощь румынских войск войскам Красной Армии в деле ликвидации немецких войск, — говорилось в документах советского правительства, — является единственным средством скорого прекращения военных действий на территории Румынии и заключения Румынией перемирия с коалицией союзников»[27].

В связи с происшедшими 23 августа событиями в Румынии, большое значение в политическом и военном отношении имело заявление советского правительства от 25 августа. В нем говорилось об освободительных целях Красной армии в Румынии и отмечалось, что «если румынские войска прекратят военные действия против Красной Армии и если они обяжутся рука об руку с Красной Армией вести освободительную войну против немцев за независимость Румынии или против венгров за освобождение Трансильвании, то Красная Армия не будет их разоружать, сохранит им полностью все вооружение и всеми мерами поможет им выполнить эту почетную задачу»[28].

В то же время в заявлении подчеркивалось, что «Красная Армия может прекратить военные действия на территории Румынии лишь после того, как будут ликвидированы немецкие войска в Румынии, являющиеся проводниками угнетения и порабощения румынского народа. Помощь румынских войск войскам Красной Армии в деле ликвидации немецких войск является и единственным средством скорого прекращения военных действий на территории Румынии и заключения Румынией перемирия с коалицией союзников»[29].

Некоторые румынские части откликнулись на этот призыв и с первых дней восстания вместе с Красной армией сражались против войск вермахта. Однако процесс перехода румынской армии на сторону советских войск хотя и происходил в течение короткого промежутка времени, но в целом был очень непростым.

В этой обстановке советское командование выработало принципы взаимоотношений с румынскими частями и соединениями, сдавшимися в плен организованно, о чем говорилось в директиве Ставки Верховного главнокомандования от 24 августа 1944 г. Тем из них, которые брали на себя обязательство «драться против немцев совместно с войсками Красной Армии с целью освобождения Румынии от немецких захватчиков или драться против венгров с целью освобождения Трансильвании»[30], сохранялись организация и вооружение, вплоть до артиллерии. Эти войска привлекались к выполнению боевых задач отдельными дивизиями между частями советских войск, в соответствии с конкретной обстановкой и указанием Ставки ВГК. Соединения и части, отказавшиеся участвовать в ведении таких боевых действий, предполагалось разоружить, оставляя лишь у офицерского состава личное холодное оружие. Бойцы этих соединений и частей, а также сдавшиеся в плен одиночки и группы из состава румынской армии должны были разоружаться полностью и направляться на сборные пункты военнопленных[31].

Выйдя из войны на стороне Германии, Румыния присоединилась к антигитлеровской коалиции, объявив войну Германии, а затем и Венгрии. Ее вооруженные силы начали вести боевые действия совместно с советскими войсками.

В начале сентября командование вермахта было уже не в силах воспрепятствовать продвижению советских войск в глубь Румынии, но оно все же не отказалось от надежды

удержать в своих руках юго-восток Европы, хотя сил для этого было явно недостаточно. На территории Румынии оно имело лишь около семи немецких дивизий, а в оккупированной Трансильвании — 2-ю венгерскую армию (восемь дивизий и бригад) и несколько пограничных венгерских полков и отрядов[32]. Кроме того, на направлении действий 2-го Украинского фронта немецкое командование могло использовать венгерскую 1-ю армию из группы армий «Северная Украина», а также девять дивизий, находившихся в Венгрии[33]. Учитывалась возможность переброски части войск из групп армий «Ф» и «Е», насчитывавших 27 дивизий. Таким образом, хотя противостоявшие 2-му Украинскому фронту силы врага и были довольно внушительны, тем не менее в целом общая обстановка и соотношение сил благоприятствовали войскам фронта.

Немецкое командование, понимая это, стремилось восстановить рухнувший под ударами Красной армии стратегический фронт, захватив перевалы в Южных Карпатах до подхода советских войск и закрыв путь в северные и западные районы Румынии и в Венгрию. Одновременно оно решило сомкнуть южный фланг группы армий «Южная Украина» с группой армий «Ф», находившейся в Югославии. Так, командующий группой армий «Южная Украина» генерал Г. Фриснер в приказе от 2 сентября указывал, что задачей групп армий «остается оборона Юго-Восточной Европы путем использования выгодных условий местности в Карпатах» и что эта задача выполняется совместно с группой армий «Ф». Далее он информировал, что командование группы намеревается нанести внезапный удар по румынским войскам в Трансильвании «с целью овладения и прочного занятия перевалов через Южные Карпаты»[34].

Чтобы реализовать этот план, командованию вермахта необходимо было прежде всего преодолеть сопротивление румынских 1-й и 4-й армий, которые занимали оборонительный рубеж к северу и северо-западу от Южных Карпат с задачей не допустить вторжения немецко-венгерских войск в Румынию. Эти армии были слабо укомплектованы людьми, многие из них не имели опыта боевых действий. В двух армиях и отдельном корпусе было 20 румынских дивизий, численность которых составляла 6—10 тыс. человек. 1-я румынская армия, например, была укомплектована в основном новобранцами, более 50% из них не прошли военного обучения, а также солдатами-ополченцами в возрасте свыше 45 лет. Войска не располагали достаточным количеством артиллерии. В распоряжении главного командования имелось лишь два полка тяжелой артиллерии, а в двух армиях и корпусе было всего около 100 гаубиц и 480 легких и противотанковых пушек. Почти отсутствовали танки. Что же касается 1-й румынской добровольческой дивизии, то она была вооружена на уровне советских дивизий. Кстати, на формирование только двух румынских добровольческих дивизий Советский Союз безвозмездно передал около 12 тыс. винтовок и карабинов, свыше 5 тыс. автоматов, 1500 пулеметов, около 600 орудий и минометов и другое вооружение[35].

Румынское командование спешно приступило к развертыванию своих главных сил на рубеже р. Мурешул, но вражеские войска опередили их. С утра 5 сентября пять немецких и венгерских дивизий при поддержке танков и авиации из района Турда внезапно начали наступление против 4-й румынской армии. К исходу 6 сентября противник сумел продвинуться на 20—30 км. В последующие два дня под его натиском румынские войска отступили еще на 20—25 км. Одновременно немецко-венгерские войска развернули наступление и против 1-й румынской армии. 6 сентября они форсировали Дунай северо-западнее Турну-Северина и создали угрозу захвата г. Тимишоара и крупного промышленного центра Решица.

В этой сложной обстановке Ставка Верховного главнокомандования 5 сентября приказала командующему войсками 2-го Украинского фронта, наступавшему в западном направлении, повернуть свои главные силы на север и северо-запад и нанести удары на Клуж и Деву, а правофланговыми армиями преодолеть Трансильванские Альпы и южную часть Карпатского хребта. В тот период его главная задача состояла в том, чтобы ударом основных сил фронта с юга, а также 40-й и 7-й гвардейской армий и конно-механизированной группы с востока преодолеть Трансильванские Альпы (Восточные и Южные Карпаты) и выходом в район Клуж — Сату-Маре помочь 4-му Украинскому фронту пробиться в Закарпатье. 27-й и

6-й танковой армиям предписывалось вести наступление из районов Брашова и Питешти на Клуж, а 53-й армии и 18-му танковому корпусу — из районов Слатина и Крайова на Петрошени и Деву. В последующем предусматривалось наступление на Дебрецен. В директиве предписывалось также использовать румынские войска, действовавшие в районе Брашова и в Трансильвании, для совместного наступления на Клуж, а часть дивизий использовать для обороны участка Сегед — Турну-Северин и Дуная[36].

Выполняя указания Ставки Верховного главнокомандования и стремясь помочь румынским войскам, попавшим в тяжелое положение, командующий войсками фронта для разгрома группировки противника, наступавшей против 4-й румынской армии, немедленно направил 27-ю и 6-ю танковую армии, а для уничтожения вражеских войск, действовавших в полосе 1-й румынской армии, были привлечены 53-я армия и 18-й танковый корпус. С воздуха эти войска поддерживала 5-я воздушная армия, в состав которой входил румынский авиационный корпус. С 6 сентября по соглашению с правительством Румынии румынские 1-я и 4-я армии и 4-й отдельный армейский, а также 1-й авиационный корпуса перешли в оперативное подчинение командующего 2-м Украинским фронтом.

Войскам фронта пришлось наступать в исключительно сложных условиях. Танки с трудом преодолевали карпатские перевалы. Вражеская авиация непрерывно бомбила узкие горные проходы. Однако уже 7 сентября 6-я танковая армия, преодолев горный массив, вышла в район Сибиу[37]. Советские и румынские воины совместными усилиями отразили контрудары противника и перешли в наступление. Особенно упорные бои разгорелись в районе г. Турда. Тем не менее к середине сентября усилиями 27-й и 6-й гвардейской танковой армий и 4-й румынской армии враг был отброшен на исходные позиции. Войска вышли к оборонительному рубежу, проходившему по рекам Мурешул и Арьеш. «Советское командование, — отмечал Г. Фриснер, — своевременно поняло опасность, грозящую его войскам на перевалах. Оно ускоренными темпами развернуло частично уже вышедшую к Турде общевойсковую армию в новом направлении, а также подтянуло в район боев через перевалы Вулкан и Красный свою 6-ю танковую армию. В результате усилившегося сопротивления противника наше контрнаступление выдохлось уже на следующий день»[38].

Под натиском советских войск немецко-венгерские соединения на ряде участков начали оставлять свои позиции и отходить в глубь обороны. 53-я армия и 18-й танковый корпус, выдвинувшиеся в полосу обороны 1-й румынской армии, к исходу 12 сентября передовыми соединениями продвинулись в район Петрошени и к Турну-Северину. Действуя впереди, 18-й танковый корпус полковника И. М. Колесникова овладел районами Брад и Дева. Соединения и части 53-й армии, преодолев Трансильванские Альпы, вышли в эти районы на трое суток раньше назначенного срока. Они уничтожили передовые части противника и обеспечили войскам фронта развитие наступления на Венгерской равнине. Быстрому выходу советских войск в этот район способствовало удержание 1-й румынской армией перевалов в Западных Карпатах до подхода 53-й армии. Отразив ожесточенные атаки неприятеля, советские и румынские войска сорвали его попытки захватить перевалы.

Успешные действия главных сил 2-го Украинского фронта в Южных Карпатах поставили под угрозу мощного флангового удара всю группировку немецко-венгерских войск. Однако в середине сентября немецкому командованию удалось сосредоточить на этом направлении 27 дивизий, в том числе шесть танковых и моторизованных, и упорной обороной на некоторое время задержать здесь наступление советских войск[39]. Наибольшая оперативная плотность в силах и средствах была создана юго-восточнее Клужа, то есть в центре Трансильвании. Во второй половине сентября, дополнительно усилив свои войска двумя танковыми дивизиями и двумя венгерскими горнострелковыми бригадами, командование вермахта организовало мощные контрудары в районе Клуж — Турда по 27-й, 6-й гвардейской танковой и 4-й румынской армиям. Дальнейшее продвижение советско-румынских войск на этом направлении было приостановлено.

Таким образом, с 6 по 15 сентября войска 2-го Украинского фронта очистили центральные районы Румынии, продвинувшись в глубь ее территории до 250 км, достигли румыно-вен-

герской границы, установленной Вторым Венским арбитражем[40], а войска правого крыла, преодолев Карпаты, продвинулись на запад до 130 км.

Завершение освобождения Румынии проходило в условиях, когда румынское правительство подписало соглашение о перемирии, а румынская армия повернула оружие против немецких войск и перешла в оперативное подчинение советского командования. Соглашение от 12 сентября 1944 г. определяло условия прекращения войны с Румынией, ее новое положение в связи с переходом на сторону антигитлеровской коалиции и перспективы дальнейшего развития: «Румыния с 4 часов 24 августа 1944 г. полностью прекратила военные действия против СССР на всех театрах войны, вышла из войны против Объединенных Наций, порвала отношения с Германией и ее сателлитами»[41]. Кроме того, по соглашению о перемирии Румыния обязалась выставить не менее 12 дивизий для участия в войне против Германии, разоружить и интернировать все немецкие и венгерские войска, находившиеся на ее территории, а также оказать содействие союзным войскам при продвижении по ее территории, вернуть вывезенное из СССР имущество и многое другое. Одновременно этим же соглашением предусматривались аннулирование Венского арбитража о Трансильвании и восстановление советско-румынской границы, установленной соглашением от 28 июня 1940 г.

Для осуществления контроля над выполнением соглашения о перемирии в Румынии была учреждена Союзная контрольная комиссия в составе представителей СССР, США и Великобритании[42]. Свою деятельность комиссия осуществляла под руководством советского главнокомандования, действовавшего от имени трех союзных держав на основе согласованного положения о СКК в Румынии. Ее председателем был назначен командующий войсками 2-го Украинского фронта Р. Я. Малиновский, которому незадолго до этого было присвоено воинское звание Маршала Советского Союза[43]. В состав комиссии входили штаб и аппарат уполномоченных СКК в округах и уездах, укомплектованный советскими военнослужащими и гражданскими лицами. Кроме того, в составе комиссии находились американская и британская миссии.

Переход румынской армии к ведению совместных с Красной армией боевых действий против войск вермахта выдвинул проблему организации военного сотрудничества советских и румынских войск. Уже в середине сентября в операциях по освобождению западных и северо-западных районов Румынии участвовали не только войска 2-го Украинского фронта (27, 40, 53, 7-я гвардейская и 6-я гвардейская танковая армии, 18-й танковый корпус, конно-механизированная группа), часть сил 3-го Украинского фронта, Дунайская военная флотилия, авиация 5-й воздушной армии, но и румынские 1-я, 4-я армии и авиационный корпус, прикрывавшие западные и северные границы Румынии. Эти войска в связи со складывающейся обстановкой и на основании ранее подписанного соглашения о перемирии с согласия румынского правительства перешли в оперативное подчинение 2-го Украинского фронта. По решению командующего войсками фронта 4-я румынская армия должна была действовать совместно с 27-й армией под общим командованием генерала С. Г. Трофименко, 1-я румынская армия — под руководством командующего советской 53-й армией генерала И. М. Манагарова, 4-й румынский корпус, развернутый на румыно-болгарской границе по Дунаю, — с 75-м стрелковым, а румынские авиационные части, имевшие в своем составе 113 самолетов, вошли в подчинение 5-й воздушной армии фронта.

К этому времени немецкому командованию в результате ожесточенного сопротивления его войск в центральных районах Румынии впервые после поражения в Ясско-Кишиневской операции удалось вновь создать сплошной фронт обороны против советских войск в Трансильвании по линии восточнее Ватра Дорней — западнее Топлицы — Тыргу-Муреш — Турда — Беюш — Тимишоара и соединиться с группой армий «Ф». Теперь против войск 2-го Украинского фронта действовали уже 24 немецкие и венгерские дивизии, две танковые и две пехотные бригады[44].

В связи с усилением обороны противника в полосе 2-го Украинского фронта и медленным продвижением войск 4-го Украинского фронта Ставка ВГК 15 сентября отдала командую-

щему войсками этого фронта новую директиву, одновременно усилив 2-й Украинский фронт 46-й армией, 7-м механизированным, 4-м и 6-м гвардейскими кавалерийскими корпусами. Сущность новой задачи заключалась в том, чтобы, не приостанавливая наступления ни на одном из участков, нанести главный удар в направлении Клуж — Дебрецен — Мишкольц с целью к 7—10 октября «выйти главными силами на р. Тисса на участке Чоп, Сольнок и помочь 4-му Украинскому фронту преодолеть Карпаты и овладеть районом Ужгород»[45].

В соответствии с полученной задачей фронту предстояло несколько сместить направление главного удара к югу. Теперь из района Клуж его войска должны были наступать не на Сату-Маре, как предусматривалось прежде, а на Дебрецен — Мишкольц. Причем Ставка требовала вести более активные действия силами правого крыла фронта и оказать действенную помощь 4-му Украинскому фронту, начавшему 9 сентября операцию по преодолению Карпат. Кроме того, она предлагала использовать часть румынских войск на прикрытии рек Дунай и Тиса между Сегедом и Джурджу, а другую — для совместных наступательных действий с советскими войсками.

Войска фронта, перейдя в наступление в середине сентября, практически до конца месяца вели тяжелые бои с упорно оборонявшимся противником. Особенно ожесточенная оборона была перед правым флангом и центром фронта, где неоднократно предпринимались контратаки из района Ватра Дорней и южнее, на участке Тыргу-Муреша и особенно Турды. Количество сил и средств, противостоявших 2-му Украинскому фронту, непрерывно увеличивалось. Если в конце августа это были части шести дивизий, то к 24 сентября — уже 25 (без учета восьми соединений резерва группы армий «Южная Украина»)[46]. Стремясь во что бы то ни стало удержать перевалы и не допустить продвижения 40-й и 7-й гвардейской армий, немецкое командование продолжало усиливать 8-ю армию, которая действовала в Восточных Карпатах. Кроме того, 23 сентября главным командованием вермахта приняло решение о преобразовании группы армий «Южная Украина» в группу армий «Юг», которая объединила все немецко-венгерские войска, действовавшие в Трансильвании и Венгрии.

Иначе сложилась обстановка на левом крыле фронта. К 15 сентября войска левого крыла 2-го Украинского фронта — 53-я армия и 18-й танковый корпус, преодолев Южные Карпаты и пройдя более 150 км, разгромили передовые части противника и сорвали его попытки захватить перевалы. В дальнейшем 53-я армия во взаимодействии с 1-й румынской армией, развивая наступление на северо-запад, освободили города Арад и Беюш. В течение последней декады сентября 53-я армия отразила 47 атак и девять контратак[47]. 22 сентября советские войска вышли на румыно-венгерскую границу[48].

На следующий день соединения 18-го танкового корпуса под командованием генерал-майора П. Д. Говоруненко и 243-я стрелковая дивизия полковника Н. Н. Парфентьева, вступив на венгерскую землю, освободили село Баттонья, а спустя три дня — и первый венгерский город Мако[49]. Наряду с этим части 75-го стрелкового корпуса генерал-майора А. З. Акименко достигли румыно-югославской границы.

К концу октября 1944 г. Румыния была в основном освобождена от противника. 25 октября части 40-й армии генерала Ф. Ф. Жмаченко и 4-й румынской армии под командованием генерала Г. Аврамеску ликвидировали последние опорные пункты врага в стране — изгнали его из городов Сату-Маре и Карей[50]. В это время командующий войсками 2-го Украинского фронта маршал Р. Я. Малиновский посчитал необходимым перенести главные усилия войск с центра на левое крыло и отсюда нанести удар в северном направлении. Ставка ВГК утвердила его решение. Фронт временно приостановил наступление и приступил к перегруппировке сил. Началась подготовка к Дебреценской операции, в ходе которой было полностью завершено освобождение Румынии.

Таким образом, около семи месяцев Красная армия вела боевые действия на территории Румынии, ее войска, продвинувшись на запад от 300 до 500 км и установив боевое взаимодействие с румынскими армиями, сорвали замыслы командования вермахта по стабилизации линии фронта в Карпатах. Совместными усилиями они нанесли поражение вторгшимся на территорию Румынии немецким и венгерским соединениям и объединениям, завершили

изгнание врага с румынской территории в границах 1940 г., а также освободили часть Северной Трансильвании[51] (Секлерский выступ) и вышли к границам Югославии и Венгрии. Своими упорными боевыми действиями советские войска вынудили германское командование перебросить из группы армий «Северная Украина» в группу армий «Юг» семь дивизий и бригад, в том числе 4-ю горнопехотную и 27-ю танковую дивизии, чем содействовали 4-му Украинскому фронту, сражавшемуся в Карпатских горах.

Необходимо отметить, что на втором этапе Ясско-Кишиневской операции действия советских войск носили ярко выраженный маневренный характер. Преследуя противника, они стремительным маневром выходили на его фланги и тылы, ставили под угрозу окружения его части и соединения и срывали попытки немецкого командования организовать сопротивление на промежуточных рубежах. Так, например, стремительный удар 6-й танковой армии в направлении Плоешти позволил отрезать пути отхода в Трансильванию группировки врага, оборонявшейся севернее Бухареста, а ее дальнейшее наступление из этого района в направлении Брашов — Клуж ставило под угрозу окружения большую часть войск противника, оборонявшихся в Трансильвании. Кроме того, быстрая переброска 23-го танкового корпуса из района Онешти в район Брашов в обход Восточных Карпат с юга и стремительное продвижение корпуса на север с выходом на тылы вражеских войск, пытавшихся организовать оборону на перевалах Восточных Карпат, заставило немецкое командование поспешно осуществить их отвод из этого района. В целом активные действия советских войск в центральной части Румынии позволили армиям правого крыла 2-го Украинского фронта преодолеть Восточные Карпаты и приступить к освобождению Трансильвании.

Активную помощь в разгроме основных сил группы армий «Южная Украина» наступающим войскам оказывала авиация обоих фронтов. Имея полное господство в воздухе, она наносила мощные удары по аэродромам, отходившим частям и соединениям противника, разрушала переправы на путях их отхода и активно воздействовала на резервы и тылы. В тот период авиацией было совершено более 3200 самолето-вылетов, причем большая часть предназначалась для ударов по вражеским войскам.

Безусловно, успешные действия Красной армии, наступавшей на приморском направлении, обеспечивались тесным взаимодействием с военно-морскими силами. Черноморский флот и Дунайская флотилия обеспечили войскам 3-го Украинского фронта форсирование Днестровского лимана, р. Дунай, овладение портами, а также переброску войск в ряд важных прибрежных районов.

Завершая освободительную миссию в Румынии, советские воины проявили высокое боевое мастерство и массовый героизм. Только в августе — октябре 1944 г. при освобождении Румынии за боевые заслуги были награждены орденами и медалями более 50 тыс. советских солдат и офицеров. Свыше 150 частей и соединений получили почетные наименования. В ходе сентябрьских боев на территории Румынии советские войска уничтожили более 100 тыс. и взяли в плен более 18 тыс. солдат и офицеров противника, разгромили и захватили большое количество боевой техники и оружия[52]. Однако освобождение Румынии было достигнуто ценой больших жертв: общие потери советских войск в операциях на румынской территории превысили 286 тыс. человек, причем 69 тыс. из них погибли[53]. Потери 2-го Украинского фронта составили около 60 тыс. человек убитыми и ранеными, только его 27-я и 53-я армии потеряли около 17 тыс. человек[54]. В ходе боев также были утрачены 2083 орудия и миномета, 2249 танков, самоходно-артиллерийских установок и более чем 520 самолетов[55]. Существенными были потери и румынской армии при освобождении территории своей страны: они составили более 58 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести[56].

Боевые действия войск 2-го Украинского фронта по-прежнему осуществлялись в тесном взаимодействии с войсками 3-го Украинского фронта, силами Черноморского флота и Дунайской военной флотилии, которые еще в первых числах сентября из юго-восточных районов Румынии предприняли освободительный поход в Болгарию.

Вступление советских войск в Болгарию

В ходе боевых действий в Румынии Красная армия пришла на помощь и болгарскому народу, боровшемуся за свое освобождение от эксплуатации нацистской Германией.

Специфика военно-политических условий в Болгарии, предшествовавших вступлению в эту страну советских войск, во многом определялась особенностями советско-болгарских отношений в годы Второй мировой войны. Болгария, являясь союзницей Германии, в то же время не находилась в состоянии войны с Советским Союзом, и болгарское правительство официально поддерживало дипломатические отношения с СССР, хотя 13 декабря 1941 г. оно без какой-либо основательной причины объявило войну Англии и США.

В балканской стратегии нацистской Германии Болгария играла не последнюю роль. Ее территория, порты и аэродромы использовались для нужд вермахта, страна являлась поставщиком продовольственных и стратегических ресурсов для Германии, а войска болгарской армии выполняли оккупационные функции на территории юго-восточной Югославии и в Греции (Западной Фракии).

Весной 1944 г. в обстановке быстрого продвижения Красной армии в направлении Балкан германское руководство в своих стратегических планах по удержанию позиций в этом регионе серьезное место отводило Болгарии. Гитлер в конце июля 1944 г. с крайней озабоченностью высказывался относительно роли Болгарии в германской стратегии. Он, в частности, заявлял: «Ведь без Болгарии мы практически совершенно не в состоянии обеспечить спокойствие на Балканах в такой мере, чтобы получать из Греции и других стран руду. Для этого Болгария нам необходима при всех условиях»[57]. На командование «Юго-Восток» была возложена задача любыми средствами сохранить Болгарию в качестве союзницы Германии. Болгарские войска в Греции и Югославии были подчинены немецкому командованию, а генеральный штаб болгарской армии лишен прав не только изменять их дислокацию, но и проводить замену частей без специального разрешения немцев[58].

При этом учитывалось, что вермахт в этой стране не располагал значительными силами. Численность немецких войск здесь на 1 августа 1944 г. составляла 22 047 человек[59]. Поэтому немецкое командование направило усилия на поддержку правящего режима. В июле 1944 г. германской стороной было принято решение о продолжении военных поставок для болгарской армии на сумму около 132 млн рейхсмарок[60].

Прогерманская политика болгарских правящих кругов вызвала необходимость проведения ряда активных дипломатических действий СССР. В апреле — мае 1944 г. советское правительство неоднократно заявляло, что предоставление болгарским руководством возможности использования территории страны для военных целей Германии несовместимо с нормальными отношениями между СССР и Болгарией и дальше терпимо быть не может.

13 мая 1944 г. было опубликовано заявление правительств СССР, Великобритании и США, касающееся сателлитов фашистской Германии, в том числе и Болгарии. В нем предлагалось немедленно прекратить войну на стороне Германии и делалось предупреждение о последствиях, которые могло повлечь продолжение их сотрудничества с последней[61].

Активные дипломатические действия СССР и, главное, продвижение Красной армии к границам страны вызвали смену правящего кабинета Болгарии. Прогерманское правительство Л. Божилова ушло в отставку, и был образован кабинет во главе с И. Багряновым, в состав которого вошли лица, открыто не скомпрометировавшие себя в глазах общественности участием в проведении прогерманской политики.

В этой политике болгарское руководство, рассчитывая опереться на Англию и США, предприняло шаги по установлению контактов с этими государствами в целях начала переговоров о заключении перемирия и выхода Болгарии из войны. При подготовке условий перемирия с Болгарией у США и Великобритании имелись планы по участию в оккупации ее территории. Однако после победоносного завершения войсками Красной армии Ясско-Кишиневской операции англо-американские союзники не пошли на заключение переми-

рия с Болгарией, потребовали от нее безоговорочной капитуляции и разрыва отношений с Германией.

В этой обстановке в стране разразился острый политический кризис. Правительство Болгарии во главе с И. Багряновым, не порывая с нацистской Германией, маневрировало, стремилось путем провозглашения нейтралитета в войне избежать конфликта с СССР и тем самым предотвратить вступление в Болгарию Красной армии. Оно на словах заверяло советское правительство в своем нейтралитете, но на деле продолжало активно помогать Германии — укрывало на своей территории немецкие войска, не препятствовало переброске их в Румынию, предоставляло немецкой авиации, действовавшей против советских войск, аэродромы. Общая численность немецких войск в Болгарии с учетом частей, отошедших из Румынии в конце августа 1944 г., достигала 30 тыс. человек[62].

Безусловно, такая «нейтральная» Болгария в первую очередь нужна была командованию вермахта, что позволяло ему использовать эту страну в качестве буфера, который сделал бы не только невозможным дальнейшее наступление войск 3-го Украинского фронта, но и затруднил бы открытый переход Турции на сторону союзников. Более того, это дало бы возможность немецкой группе армий «Е» беспрепятственно отойти из Греции в Югославию и вместе с группами армий «Ф» и «Юг» сдерживать наступление советских войск на будапештско-венском направлении.

Советское правительство разоблачило эту политику «полного нейтралитета» как фальшивку. 30 августа 1944 г. в опубликованном сообщении ТАСС говорилось, что Советский Союз считает «нейтралитет» Болгарии «совершенно недостаточным в условиях создавшейся обстановки»[63]. В тот же день Болгарии была передана нота, в которой указывалось, что, «по достоверным данным, болгарское правительство продолжает пропускать немецкие войска на румынскую территорию, где стоят советские войска», и советское правительство это рассматривает «как прямую помощь немцам в войне с Советским Союзом»[64].

Болгарскому правительству не удалось добиться от Германии вывода немецких войск из страны, которые после разгрома Румынии потоком хлынули через болгарскую территорию на фронт в Сербию. В то же время стало известно о подготовке немецким командованием государственного переворота в Болгарии с целью создания там прогерманского правительства во главе с А. Цанковым. В создавшейся ситуации болгарский регентский совет 2 сентября 1944 г. подписал указ о формировании нового кабинета во главе с лидером правого крыла Земледельческого союза К. Муравиевым.

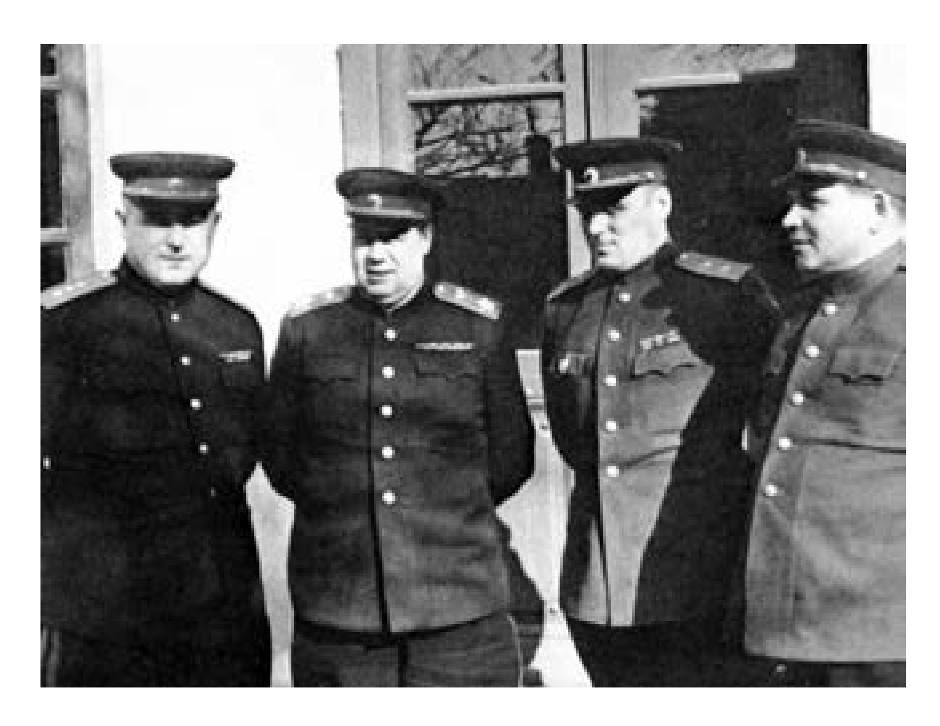
Но и это правительство в декларации от 4 сентября заявило, что Болгария придерживается политики «полного нейтралитета» и только в случае осложнений с Германией будет вынуждена порвать с ней дипломатические отношения. Правительство К. Муравиева продолжило переговоры с союзниками в Каире, надеясь на их поддержку своей политики нейтралитета. Представители же Англии и США заняли жесткую позицию, требуя от Болгарии безоговорочной капитуляции[65].

Отношения с Германией болгарское правительство сохраняло на прежнем уровне. Лишь после того, как 5 сентября немцами был пленен штаб 1-го Болгарского оккупационного корпуса в Югославии, кабинет К. Муравиева принял решение о разрыве дипломатических отношений с Германией, но объявление ей войны было отложено на трое суток. Поскольку позиция болгарского правительства по отношению к Германии оставалась прежней, советское руководство в тот же день предприняло радикальные меры и объявило Болгарии войну. «Советское правительство не считает дальше возможным сохранять отношения с Болгарией, рвет всякие отношения с Болгарией, — говорилось в ноте, переданной болгарскому правительству по поводу объявления войны, — и заявляет, что не только Болгария находится в состоянии войны с СССР, поскольку на деле она и ранее находилась в состоянии войны с СССР, но и Советский Союз отныне будет находиться в состоянии войны с Болгарией»[66].

Болгарская сторона уже в 0 часов 40 минут 6 сентября через советское посольство в Софии попросила перемирия. Однако в Москве это предложение было отклонено со ссылкой на двойственную позицию правительства Муравиева и на неосуществленный ее разрыв с

Советские войска вступают на территорию Болгарии

Военный совет 3-го Украинского фронта в период освобождения Болгарии

Германией: «Советское правительство не может расценивать политику так называемого «нейтралитета» иначе, как фактическое ведение войны в лагере Германии против Советского Союза»[67]. Поэтому уже в 1 час 30 минут 6 сентября болгарский военный министр потребовал от германской военной миссии, чтобы основная масса войск оставила до утра Софию, последние части должны были покинуть территорию Болгарии к 7 часам утра 7 сентября. Немецкое командование срок эвакуации лишь приняло к сведению, не дав на это своего согласия, но к середине дня, указанного болгарской стороной, последние немецкие автомашины с войсками и военным имуществом пересекли болгаро-югославскую границу в направлении Ниша.

Принимая во внимание благоприятную в целом обстановку в Болгарии, советское командование при планировании операции учитывало не только положение этой страны как сателлита Германии, но и возможность сопротивления некоторых ее войск (к началу сентября болгарская армия имела в своем составе 22 дивизии и пять бригад общей численностью более 510 тыс. человек)[68], часть которых противостояла войскам 3-го Украинского фронта. В черноморских портах Варна, Бургас и в дунайском порту Русе (Рущук) базировались 80 боевых кораблей и вспомогательных судов немецкого и болгарского флотов. Девять болгарских дивизий и две кавалерийские бригады были расположены в Югославии и Греции. Когда начался отвод этих соединений и частей в Болгарию, немецкие войска некоторые из них разоружили, и управление ими было утрачено. Остальные дивизии и бригады находились в районах южнее Видина, Софии и Пловдива[69].

Стратегическая обстановка на южном крыле советско-германского фронта позволяла войскам 3-го Украинского фронта в короткие сроки подготовить и провести наступательную операцию с целью освобождения Болгарии. Подготовку операции штабы фронта и армий начали заблаговременно. Поэтому уже 5 сентября, в день объявления СССР войны Болгарии, Ставка ВГК утвердила план фронтовой операции, разработанный Военным советом 3-го Украинского фронта при участии представителя Ставки Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Замысел операции командующего войсками фронта генерала армии Ф. И. Толбухина заключался в том, чтобы, имея все три армии в одном эшелоне, нанести главный удар в общем направлении Добромир-ди-Дял — Кочмар — Шумен, разгромить противостоящие силы противника и, преследуя его, выйти к исходу 12 сентября на рубеж Джурджу — Карнобат — Бургас, овладеть портами Варна и Бургас, захватить неприятельский флот и освободить приморскую часть Болгарии. Причем после овладения этим рубежом войскам предписывалось остановиться.

Дальнейшие действия ставились в зависимость от хода вооруженного восстания в Болгарии. Конечной целью фронта в операции были овладение районом Софии и вывод Болгарии из войны на стороне Германии. Планируя операцию, советское командование полагало, что эти цели должны быть достигнуты согласованными действиями войск Красной армии и сил народного восстания Болгарии. Советские войска должны были овладеть приморской частью Болгарии, а на болгарских повстанцев возлагалась задача по освобождению центральной и западной частей страны.

В соответствии с замыслом командования фронтом для проведения фронтовой операции привлекались 46, 57 и 37-я армии, 17-я воздушная армия, 2-й гвардейский и 7-й механизированные корпуса, переданная в оперативное подчинение фронта Дунайская военная флотилия, а также Черноморский флот. Войска получили конкретные задачи: 46-я армия генерал-лейтенанта И. Т. Шлемина должна была наступать в направлении Разград; 57-я армия генерал-лейтенанта Н. А. Гагена и 7-й механизированный корпус генерал-майора Ф. Г. Каткова — в направлении Шумен и Карнобат; 37-я армия генерал-лейтенанта М. Н. Шарохина и 4-й гвардейский механизированный корпус генерал-майора В. И. Жданова — в направлении Добрич, Варна и Бургас.

Ударная группировка фронта сосредоточивалась на правом фланге и в центре войск, находившихся между Дунаем и Черным морем. Удар фронта представлял собой совокупность трех одновременных армейских ударов, разобщенных один от другого и наносимых в отно-

сительно широкой полосе. 17-я воздушная армия генерал-полковника В. А. Судеца должна была обеспечить поддержку сухопутных войск. Задача Черноморского флота состояла в том, чтобы блокировать порты Варна и Бургас с моря, не допуская выхода из них вражеских кораблей[70]. Дунайская военная флотилия должна была захватить в районе порта Русе все плавсредства и совместно с 46-й армией овладеть этим портом[71].

К началу операции в составе фронта насчитывалось 28 стрелковых дивизий и два механизированных корпуса общей численностью 258 тыс. человек. На их вооружении находилось 5583 орудия и миномета, 508 танков и самоходно-артиллерийских установок, а также 1026 боевых самолетов[72].

Своеобразие обстановки в Болгарии, а именно отсутствие сплошной линии фронта, низкая оперативная плотность войск неприятеля и отсутствие реальной возможности серьезного сопротивления с их стороны, решительным образом повлияло на определение задач фронта. Хотя главный стратегический объект на территории Болгарии — район Софии — был расположен на глубине 400–470 км, ближайшая задача фронта была рассчитана лишь на глубину 110–180 км. Дальнейшие действия войск вообще не определялись и могли быть предприняты лишь после получения особых указаний.

Так как у противника отсутствовала сколько-нибудь серьезно организованная оборона, и не было сплошного фронта, действия советских войск планировались не с обычной артиллерийской и авиационной подготовки и прорыва, а с выдвижения передовых подвижных отрядов (по одному на каждый корпус первого эшелона) по маршруту главных сил армий. Начало их действий устанавливалось на 11 часов 8 сентября. Через час после выступления передовых отрядов должны были выдвинуться авангардные полки дивизий первого эшелона корпусов. Главным силам всех трех армий, готовность которых устанавливалась на 20 часов 8 сентября, предписывалось начать действия с утра 9 сентября. В этот же день в 15 часов должны были перейти в наступление оба механизированных корпуса.

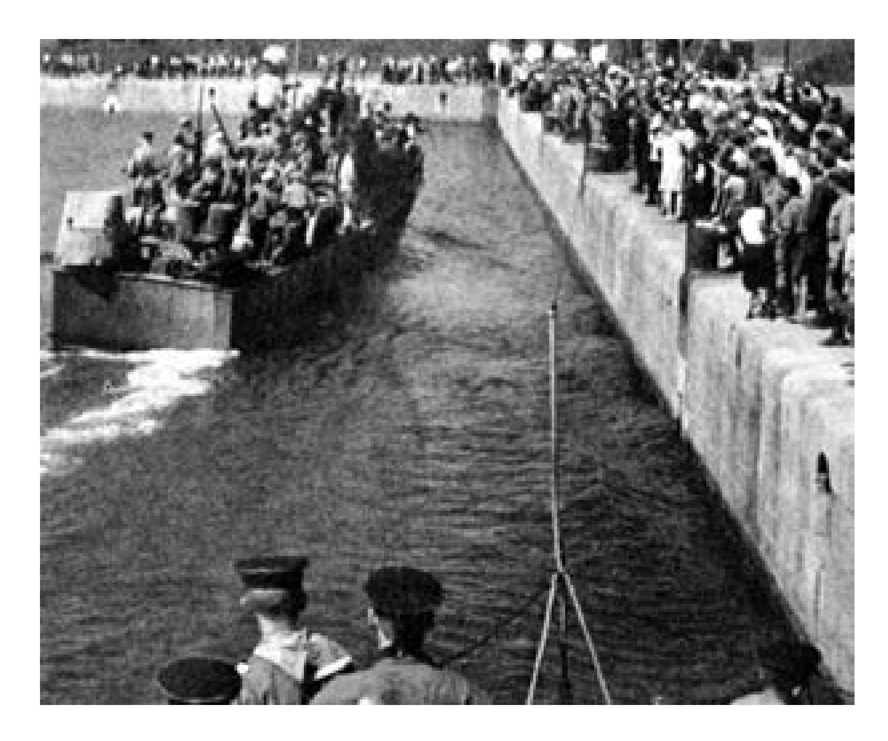
Перед вступлением в Болгарию в войсках 3-го Украинского фронта, на кораблях Черноморского флота и Дунайской военной флотилии была развернута активная работа в соответствии с директивой Главного политического управления Красной армии от 19 июля 1944 г. Во время подготовки операции особое внимание уделялось разъяснению отношений между Советским Союзом и Болгарией. Во всех армейских газетах были опубликованы нота советского правительства правительству Болгарии от 5 сентября, памятка Военного совета фронта советскому воину, обращение командующего фронтом от 7 сентября 1944 г. «К болгарскому народу». В обращении говорилось: «Красная Армия не имеет намерения воевать с болгарским народом и его армией, так как она считает болгарский народ братским народом. У Красной Армии одна задача — разбить немцев и ускорить срок наступления всеобщего мира»[73].

Накануне операции в полосе 3-го Украинского фронта стороны не вели никаких боевых действий. Поэтому войска фронта без всяких трудностей осуществили необходимые перегруппировки и уже вечером 7 сентября заняли исходное положение. Передовые подвижные отряды находились в готовности к боевым действиям в установленное для них время.

8 сентября в 11 часов утра войска 3-го Украинского фронта перешли румыно-болгарскую границу передовыми отрядами, а спустя полтора часа — и главными силами. В 12 часов того же дня болгарское правительство приняло решение об объявлении войны Германии и одновременно отдало болгарским войскам приказ, чтобы они не оказывали сопротивления Красной армии. Первыми на болгарскую землю вступили части 34-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием полковника И. А. Максимовича, 73-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора С. А. Козака, 353-й стрелковой дивизии полковника П. И. Кузнецова и 244-й стрелковой дивизии полковника Г. И. Колядина[74]. Не прошло и получаса, как в штаб фронта начали поступать сообщения о восторженной встрече советских войск болгарским народом и армией. По данным политотдела 37-й армии, в полосе ее продвижения только в первый день, 8 сентября, состоялось 27 массовых митингов населения, посвященных встрече Красной армии. На них присутствовали более 80 тыс. человек[75]. «Наблюдая эти волнующие сцены, — писал впоследствии маршал С. С. Бирюзов, — я испытывал такое чувство, будто

255-я Таманская морская стрелковая бригада Черноморского флота вступила в Болгарию.
Группа офицеров штаба бригады

Моряки Черноморского флота в болгарском порту Бургас

война уже закончилась и мы возвратились к себе на Родину: такими искренними были знаки любви к нам болгарского народа»[76].

Первые донесения командиров полков и дивизий не оставляли сомнения в том, что болгарская армия не окажет сопротивления советским войскам: она присоединилась к своему народу, солдаты болгарской армии с радостью встретили советских воинов. Учитывая это, Ставка ВГК разрешила командующему фронтом болгарские войска не разоружать. «Этим простым актом со стороны Верховного главнокомандования, — впоследствии в своих воспоминаниях писал маршал Г. К. Жуков, — было выражено полное доверие болгарскому народу и болгарской армии, которые по-братски встретили Красную Армию, видя в ней свою освободительницу от немецких оккупантов и царского профашистского режима»[77].

К исходу первого дня операции подвижные войска фронта продвинулись до 70 км и вышли на рубеж Руссе — Варна. На рассвете 8 сентября в порту Варна высадились главные силы морского десанта, а в 13 часов в порту Бургас — отряд численностью около 400 человек. Перед этим в Бургас был выброшен воздушный десант. Вечером 8 сентября Ставка Верховного главнокомандования уточнила задачу войскам фронта, приказав на другой день продвигаться в направлении Бургас и Айтос, овладеть ими и выйти на линию Руссе — Разград — Тырговиште — Карнобат[78]. Уже вечером следующего дня войска фронта, выполняя задачу, вышли на этот рубеж.

Как это было предусмотрено планом операции, дальнейшее продвижение войск было приостановлено до особого распоряжения. Причем попытки отдельных командующих и командиров нарушить этот приказ строго пресекались. «Вам был указан рубеж, далее которого войска не имеют права занимать, — указывал командующему 46-й армией генералу И. Т. Шлемину командующий фронтом, — подвижный отряд 31-го стрелкового корпуса возвратить на указанный рубеж... штабам строго следить за выполнением директивы фронта»[79]. Черноморскому флоту ставилась задача оказать содействие войскам фронта в освобождении порта Бургас. Выполняя эту задачу, подвижные соединения 9 сентября продвинулись в глубь болгарской территории до 120 км.

Вступление Красной армии в Болгарию создало благоприятную обстановку для активизации действий левых сил во главе с Болгарской коммунистической партией, объединившихся вокруг Отечественного фронта для осуществления социальной революции. Главный штаб Народно-освободительной повстанческой армии направил партизанским частям приказ, в котором давались конкретные указания о подготовке к предстоящему восстанию. Как часть подготовки к восстанию Софийский городской комитет Болгарской рабочей партии 4 сентября 1944 г. провел первую массовую политическую демонстрацию трудящихся. Несмотря на многочисленные аресты, демонстрация имела большой политический успех: она еще раз разоблачила антинародный характер правительства, подняла боевой дух масс[80].

В стране нарастала мощная революционная волна. Рано утром 6 сентября в Софии начали забастовку рабочие трамвайного депо, их выступление послужило сигналом для рабочих других предприятий и жителей города. В этот же день в Софии и других крупных городах Болгарии началось сосредоточение партизанских отрядов и местных боевых групп. К этому времени Народно-освободительная повстанческая армия представляла уже серьезную военную силу, имея в своем составе дивизию, девять бригад, 37 отрядов, несколько батальонов и сотни боевых групп[81]. Они наносили удары по различным объектам немецких войск, блокировали въезды в населенные пункты, совершали нападения на охрану туннелей, мостов, осуществляли диверсии на железнодорожных путях.

Важными мероприятиями в рамках непосредственной подготовки восстания стали вступление в Софию 6 сентября Шопского партизанского отряда и формирование западнее Трына 1-й Софийской народно-освободительной дивизии, вооружение для которой было доставлено советскими самолетами. Дивизия под командованием С. Трынского получила задачу продвигаться к Софии.

Мощная волна стачек и забастовок продолжалась 7 и 8 сентября. В различных районах Болгарии рабочие, представители других слоев населения начали штурм тюрем. К 8 сентя-

Торжественный марш колонны советских войск по улицам Софии

Советский офицер общается с жителями Софии

Население Софии с огромным восторгом встречает советских воинов

бря власть Отечественного фронта была установлена в 164 населенных пунктах, в том числе в городах Балчик, Брезник, Дедеагач, Калофер, Клисура, Копривштица, Мелник, Петрич, Червен-Бряг[82].

Восстание разгоралось по всей стране. В 2 часа после полуночи 9 сентября под руководством Д. Велчева (лидера группы «Звено») и при поддержке военного министра Маринова в Софии был осуществлен переход власти к Отечественному фронту. К утру 9 сентября в болгарской столице сторонники Отечественного фронта — партизаны, солдаты, кадеты офицерской школы — овладели важнейшими пунктами города. Регенты и бывшие члены правительства были взяты под арест. Коммунисты заняли ведущее место в подготовке и осуществлении сентябрьского восстания 1944 г. и в создании нового правительства. Кабинет министров возглавил К. Георгиев. Совет министров утвердил состав делегации, которая должна была «рассмотреть условия перемирия и восстановления дипломатических отношений с Советским Союзом, начать сотрудничество между советскими и болгарскими войсками в изгнании неприятеля с Балкан»[83]. При этом в отличие от некоторых других стран, где еще продолжались боевые действия, правительство Отечественного фронта установило контроль сразу над всей территорией Болгарии.

В связи с этими важнейшими событиями Ставка Верховного главнокомандования 9 сентября в 19 часов направила войскам фронта новую директиву. В ней говорилось: «Ввиду того что болгарское правительство порвало отношения с немцами, объявило войну Германии и просит советское правительство начать переговоры о перемирии, Ставка Верховного главнокомандования согласно указаниям Государственного Комитета Обороны приказывает к 21 часу 9 сентября закончить операцию по занятию намеченных по плану населенных пунктов и с 22 часов 9 сентября с. г. прекратить военные действия в Болгарии, прочно закрепившись в той полосе Болгарии, которая занята нашими войсками»[84]. 9 сентября Верховный главнокомандующий подписал приказ, в котором указывалось: «Операции наших войск в Болгарии были начаты потому, что болгарское правительство не хотело разорвать свои отношения с Германией и давало приют немецким вооруженным силам на территории Болгарии. В результате успешных действий советских войск цель военных операций достигнута: Болгария разорвала отношения с Германией и объявила ей войну»[85].

Выход Болгарии из фашистского блока и объявление ею войны Германии вызвали антиболгарские акции немецкого командования. Началось сосредоточение войск противника на югославско-болгарской границе. Северо-западные районы Болгарии, особенно район Софии, оказались не защищенными от возможных ударов наземных войск и вражеской авиации. Не исключалась также возможность вторжения в Болгарию под каким-либо предлогом турецких войск из Восточной Фракии. Советские же войска остановились в 300 км от Софии и в 360–400 км от болгаро-югославской границы. В этой обстановке правительство Отечественного фронта было серьезно обеспокоено нависшей над страной внешней опасностью. Вечером 9 сентября оно обратилось с просьбой к советскому командованию принять в штабе 3-го Украинского фронта полномочную делегацию правительства Отечественного фронта.

Несомненно, что в объявлении СССР войны Болгарии и последующем вступлении советских войск на ее территорию имелись и геополитические интересы Советского Союза. Чтобы исключить возможность какого-либо вмешательства войск западных союзников, находившихся в Греции, а также действий Турции, советское командование решило, что войска Красной армии должны прочно занять приморскую часть Болгарии. По воспоминаниям С. М. Штеменко, работавшего в тот период в Оперативном управлении Генерального штаба, при разработке планов операций на Балканах кроме элементов обстановки «приходилось учитывать и еще одно обстоятельство: вероятность так называемого «балканского варианта» действий союзников... В случае, если «балканский вариант» был бы осуществлен, главную роль на полуострове играли бы англо-американские вооруженные силы»[86]. Используя нерешительность действий правительства Муравиева в разрыве отношений с Германией, советская сторона не упустила возможности своим военным присутствием оказать поддержку приходу к власти в Болгарии дружественных по отношению к СССР политических сил.

Очень важен был и вопрос участия СССР в выработке условий перемирия, а в дальнейшем — и мирного договора с Болгарией. Поскольку СССР до 5 сентября 1944 г. не находился с Болгарией в состоянии войны, Англия и США до этого времени юридически и фактически играли главную роль в выработке условий перемирия с ней и могли использовать такую ситуацию в дальнейшем для закрепления своих позиций в этой стране. После 5 сентября советская сторона получила правомерные основания на ввод советских войск на болгарскую территорию, а также на участие в выработке мирных условий совместно с западными союзниками[87].

10 сентября командующий войсками фронта генерал Ф. И. Толбухин принял делегацию Отечественного фронта, возглавляемую членом Политбюро Центрального комитета Болгарской рабочей партии (коммунистов) Д. Ганевым, который проинформировал командование фронтом о вооруженном восстании, политической платформе правительства Отечественного фронта, его желании как можно быстрее заключить перемирие со странами антигитлеровской коалиции, готовности болгарской армии вести боевые действия против Германии и обратился с просьбой о помощи[88]. В частности, было сказано: «Сейчас нам крайне необходимо координировать наши действия с вами, так как задачи обеих армий стали тождественны. Очень желательно, чтобы вы послали к нам своего представителя для координации действий. Сейчас немцы концентрируют свои войска северо-западнее Софии... Несомненно, они готовят наступление на Софию. В связи с этим нам крайне необходима ваша помощь, и особенно авиацией»[89].

Просьба правительства Отечественного фронта советской стороной была удовлетворена. Уже 13 сентября Ставка Верховного главнокомандования дала указание направить в Софию начальника штаба 3-го Украинского фронта генерал-полковника С. С. Бирюзова для руководства советскими войсками и организации взаимодействия с болгарской армией через генеральный штаб Болгарии. Одновременно Ставка приказала выдвинуть в район Софии 34-й стрелковый и 4-й гвардейский механизированный корпуса, 5-ю гвардейскую мотострелковую, 2-ю истребительно-противотанковую и 96-ю танковую бригады и некоторые другие части. Вечером 15 сентября советские войска вошли в Софию. Первыми в город вступили 5-я гвардейская мотострелковая бригада полковника Н. И. Завьялова и 53-й мотоциклетный полк. В то же время на аэродромы города перебазировались две авиационные дивизии 17-й воздушной армии[90]. Они вели разведку и наносили удары по коммуникациям врага в Югославии. Из этих соединений и частей была образована Софийская группа войск, которой предстояло воспрепятствовать вторжению в Болгарию немецких войск из Греции и Югославии, поддержать действия болгарских частей и прикрыть Софию с воздуха.

К середине сентября основные силы советских войск, вступивших в Болгарию, находились в восточной части страны. Вместе с ними действовали и болгарские войска, которые по решению правительства Отечественного фронта в тот период уже были оперативно подчинены командованию 3-го Украинского фронта[91].

Между тем немецкое командование от угроз в адрес Болгарии перешло к активным действиям. 12 сентября войска противника захватили г. Кула в 35 км юго-западнее Видина.

Ставка ВГК оперативно отреагировала на действия противника. Уже 20 сентября было принято решение о переброске войск 3-го Украинского фронта в западные и южные районы страны, а часть сил фронта передана 2-му Украинскому фронту[92]. Соединения и части 57-й армии генерала Н. А. Гагена, совершив 500-километровый марш, к концу сентября вышли на болгаро-югославскую границу. 37-я армия генерала М. Н. Шарохина и 4-й гвардейский механизированный корпус генерала В. И. Жданова к тому времени были сосредоточены в районах Казанлык, Нова-Загора и Ямбол. Это надежно обеспечивало левое крыло советских войск и безопасность южных районов Болгарии, прикрывая болгаро-турецкую границу.

С выходом войск 3-го Украинского фронта на болгаро-югославскую границу завершился освободительный поход Красной армии в Болгарию. Характерной его особенностью было то, что он осуществлялся при благоприятных политических условиях на болгарской территории и не был сопряжен с ведением боевых действий. Освобождение Болгарии было достигнуто

в результате успешных совместных действий войск 3-го Украинского фронта, Черноморского флота, Дунайской военной флотилии, а также при активном участии болгарских сил Сопротивления в национальном восстании. Хотя, как заявлял в свое время видный деятель болгарских коммунистов В. Коларов, «с обеих сторон не было сделано ни одного выстрела, не было ни одного убитого или раненого»[93], тем не менее потери советских войск в ходе освободительного похода по болгарской земле составили 12 750 человек, причем 977 убитыми[94].

С освобождением Болгарии и выходом Красной армии на границу с Югославией появилась реальная возможность создания не только единого фронта боевых действий советских, болгарских и югославских войск, но и были созданы благоприятные условия для проведения последующих операций по разгрому немецких войск на территории Югославии, Греции и Албании.

Разгром противника в Югославии. Белградская операция

В результате разгрома летом 1944 г. Красной армией основных стратегических группировок противника советские войска на южном крыле советско-германского фронта вышли к границам Венгрии и Югославии.

Преследуя врага в ходе Ясско-Кишиневской стратегической наступательной операции, к концу сентября войска 57-й армии 3-го Украинского фронта, совершив 600-километровый форсированный марш по Болгарии, вышли на болгаро-югославскую границу в районе Видина. Южнее, до стыка границ Болгарии, Югославии и Греции, были развернуты 2, 1 и 4-я болгарские армии, находившиеся в оперативном подчинении 3-го Украинского фронта. С югославской территории содействие наступающим войскам были готовы оказать соединения Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ).

К этому времени 75-й стрелковый корпус 46-й армии 2-го Украинского фронта в районе Турну-Северина форсировал Дунай и захватил на территории Югославии плацдарм. Перед советскими войсками открылась возможность оказать прямую военную помощь НОАЮ, которая к тому времени освободила значительную часть территории страны. Однако все важнейшие югославские города, основные железнодорожные и автомобильные дороги оставались в руках противника.

Глубокое продвижение советских войск на юго-западном направлении серьезно ухудшило стратегическое положение южнобалканской группировки вермахта, оказавшейся перед угрозой перехвата сухопутных коммуникаций с севера. Немецко-фашистская группа армий «Юг» и часть сил группы армий «А»[95], действовавшие в Закарпатской Украине и Северной Трансильвании, были растянуты на широком фронте протяженностью свыше 1000 км и глубоко охвачены советскими войсками с севера и юга.

В этой обстановке народы Югославии значительно активизировали борьбу с немецкими оккупантами. Были нанесены чувствительные удары как по гитлеровцам, так и по силам внутренней реакции, в результате чего удалось освободить ряд районов страны. В огне ожесточенной борьбы росла и крепла НОАЮ. К сентябрю 1944 г. эта армия включала 14 корпусов (44 дивизии), две оперативные группы (каждая состояла из двух бригад), восемь отдельных пехотных бригад и 130 партизанских отрядов; всего в ее составе было около 350 тыс. человек[96]. Однако НОАЮ имела в основном трофейное стрелковое оружие, и хотя к этому времени в войска стали в большом количестве поступать техника и вооружение из Советского Союза, Народно-освободительная армия испытывала острую нужду в оружии, боеприпасах, обмундировании и продовольствии.

В связи с приближением советских войск к югославской границе среди населения страны, бойцов НОАЮ и партизанских формирований царили воодушевление и радость. 6 сентября мотоциклетный полк 6-й танковой армии 2-го Украинского фронта вышел на румыно-

югославскую границу в районе Турну-Северина, что стало знаменательным событием для советского и югославского народов. В приказе главнокомандующего НОАЮ от 8 сентября отмечалось, что наступил наконец тот день, которого югославские воины ожидали в течение трех с половиной лет тяжелой борьбы. И далее содержался призыв: «Товарищи бойцы, офицеры, подофицеры и политкомиссары, пусть эта великая радость в связи с выходом славной Красной Армии на нашу границу пробудит у вас новый подъем и решимость наносить еще более сильные удары по немецко-фашистским оккупантам и местным предателям!»[97]

В первых числах сентября 1944 г. председатель Национального комитета освобождения Югославии Иосип Броз Тито через советскую военную миссию в Югославии передал Государственному Комитету Обороны СССР просьбу о вводе войск Красной армии в Югославию[98]. Она мотивировалась тем, что НОАЮ не имела тяжелого оружия и танков, чтобы разгромить находившиеся там войска вермахта или воспрепятствовать их отходу из Греции на север, в пределы Югославии.

Во второй половине сентября в Москве между нашими странами было достигнуто соглашение о вступлении Красной армии на югославскую территорию. Последующие военные действия советских войск были согласованы с командующим НОАЮ маршалом И. Броз Тито, который 21 сентября прибыл на советском самолете в Румынию, а оттуда вылетел в Москву, где встретился с И. В. Сталиным[99]. Была, в частности, достигнута предварительная договоренность и об участии в операции болгарских войск.

О целях и результатах своего визита в столицу Советского Союза И. Броз Тито впоследствии вспоминал: «В сентябре 1944 г. я выехал в Москву, чтобы попросить помощи в целях скорейшего изгнания оккупантов из нашей страны. Поскольку Красная Армия уже почти достигла границ нашей страны, необходимо было договориться о координации боевых действий, а кроме того, я попросил советское правительство, чтобы войска Красной Армии перешли границу Восточной Сербии и оказали помощь нашим силам в освобождении Сербии и Белграда... Особенно важно было как можно скорее освободить Белград и тем самым создать условия как для деятельности Национального Комитета, так и всех других органов гражданских и военных властей»[100].

23 сентября в Главном штабе НОАЮ в Македонии состоялась встреча представителей командования югославской и болгарской армий, участники которой договорились о возможности совместных действий против гитлеровцев. Советские и югославские войска начали активную подготовку к боевым действиям.

Окончательная разработка плана совместных действий была проведена 4 октября в Крайове, в штабе 3-го Украинского фронта, где маршал Тито, возвращаясь из Москвы, встретился с начальником штаба фронта генерал-полковником С. С. Бирюзовым. В это же время в Крайову прибыла делегация правительства Отечественного фронта Болгарии. При встрече представителей трех армий были разрешены принципиальные вопросы взаимоотношений. Маршал Тито и министр Добре Терпешев подписали югославо-болгарское соглашение об участии войск Болгарии в боях против гитлеровцев на территории Югославии. Здесь же были решены все вопросы взаимодействия советских, югославских, болгарских войск в предстоящих боях[101].

На Балканском полуострове в начале сентября продолжали дислоцироваться немецко-фашистские группы армий «Е» (генерал-полковник А. Лер) и «Ф» (генерал-фельдмаршал М. Вейхс, одновременно главнокомандующий немецкими войсками Юго-Востока), насчитывавшие 20 дивизий и семь бригад[102]. Кроме того, в Югославии действовали вооруженные формирования сербских, хорватских и других фашистских правительств. Таким образом, на территории Югославии, Греции и Албании к концу сентября находились достаточно крупные силы немецко-фашистских групп армий «Е» и «Ф». Только на югославской земле численность всех войск противника достигла 430 тыс. человек[103].

К началу Белградской операции из группы армий «Ф» были выделены войска армейской группы «Сербия» под командованием генерала Г. Фелбера, в нее входили отдельные части пяти дивизий[104]. Эта армейская группа должна была прочно прикрыть восточную границу

Бронекатера Дунайской военной флотилии на пути к Белграду

Занятия по изучению материальной части с молодым пополнением

Югославии и обеспечить эвакуацию немецко-фашистских войск с юга Балканского полуострова.

Так как на территории Югославии должны были действовать войска Красной армии, НОАЮ и Болгарии, Генеральному штабу РККА приходилось договариваться с югославским и болгарским командованием. Принципиальные вопросы взаимодействия советских войск и НОАЮ были решены, когда в Москве находился И. Броз Тито. Тогда же И. В. Сталин и от Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов пришли к соглашению с главнокомандующим НОАЮ, что советское Верховное главнокомандование наметит общие контуры совместных операций в Югославии, исходя из обстановки на фронтах, а югославские представители разработают ту часть общего плана, которая их непосредственно касается. В ходе бесед зашел разговор относительного возможного использования на территории Югославии по крайней мере двух болгарских армий. Окончательного решения без болгар не принимали, но условились подготовительную работу в своих армиях провести.

Примерно в это же время шла организация операций болгарских войск. В середине сентября Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин по указанию Ставки встретился в Софии с командованием болгарской армии. Вскоре болгарским командованием был разработан предварительный план наступательных действий, в соответствии с которым предполагалось захватить узлы шоссейных и железных дорог в районах Крушевац, Ниш, Скопле (Скопье), Велес и отрезать пути отхода немецко-фашистских войск из Греции на север. Болгары гарантировали готовность своих войск в конце сентября[105].

Цель Белградской наступательной операции заключалась в том, чтобы совместными усилиями советских и югославских войск на белградском направлении, югославских и болгарских войск на нишском и скопьенском направлениях разгромить белградскую группировку противника и освободить все районы Сербии, включая Белград. В соответствии с целью Белградской операции был выработан и ее замысел, который заключался в том, чтобы совместными ударами войск 3-го Украинского, части сил 2-го Украинского фронтов и югославских войск на главном — белградском направлении, югославских и болгарских войск на вспомогательных — нишском и скопьенском направлениях разгромить белградскую группировку противника.

Одновременно намечалось выйти на коммуникации немецко-фашистской группы армий «Е» и не дать ей отойти с юга Балканского полуострова. Эту цель предполагалось осуществить путем одновременного нанесения по противнику ударов силами 3-го Украинского фронта и оперативно подчиненных ему болгарских войск, а также части сил 2-го Украинского фронта с востока и силами НОАЮ с запада и юга.

Для выполнения поставленных задач привлекались войска: 3-го Украинского фронта — 57-я армия (генерал-лейтенант Н. А. Гаген) и 17-я воздушная армия (генерал-полковник авиации В. А. Судец), 4-й гвардейский механизированный корпус, Дунайская военная флотилия (вице-адмирал С. Г. Горшков), соединения и части фронтового подчинения; 2-го Украинского фронта — 46-я армия (генерал-лейтенант И. Т. Шлемин) и часть сил 5-й воздушной армии (генерал-полковник авиации С. К. Горюнов). Всего в составе двух фронтов насчитывалось 300 тыс. человек, 2697 орудий и минометов, 364 танка и САУ, около 1300 боевых самолетов и до 80 боевых кораблей[106].

В состав югославской группировки входили 1-я армейская группа (1-й Пролетарский, 12-й армейские корпуса), 13-й и 14-й армейские корпуса, 2-я Пролетарская дивизия, а также пять дивизий, подчиненных главному штабу НОАЮ в Македонии; всего 17 дивизий, в которых насчитывалось 130 тыс. человек и 40 орудий. Болгарская армия (главнокомандующий генерал-майор И. К. Стоичев) была представлена тремя армиями (1, 2 и 4-й), в составе которых находилось 158 тыс. человек, 937 орудий и минометов, 124 танка, 127 боевых самолетов[107].

Решающий перевес советские, югославские и болгарские войска к началу Белградской операции имели как в живой силе, так и в боевой технике, особенно в танках и авиации[108].

Особенность Белградской наступательной операции состояла в том, что были объединены усилия трех союзных армий для решения единой задачи, а наступление на решающих

направлениях планировалось начать в разные сроки. Переход в наступление стрелковых дивизий 2-го и 3-го Украинских фронтов на 10—12 дней раньше 1-й армейской группы НОАЮ должен был привести к разгрому значительных сил противника и созданию благоприятных условий для сосредоточения, развертывания и наступления войск НОАЮ на Белград.

Еще до выдвижения войск фронта к болгаро-югославской границе авиация 3-го Украинского фронта в период с 15 по 21 сентября провела самостоятельную воздушную операцию и нанесла удары по шоссе и железной дороге Салоники — Белград с целью сорвать планомерный отход войск группы армий «Е» из Северной Греции и южной части Югославии.

Подготовка Белградской операции началась 20 сентября 1944 г., когда в соответствии с распоряжением Ставки[109] соединения и части сил 3-го Украинского фронта (57-й армии) выдвинулись из восточных районов Болгарии к ее западной границе в район Видин — Вратца — Лом, откуда предусматривалось нанести удар на белградском направлении. Это выдвижение проводилось под прикрытием болгарских войск, развернутых вдоль западной границы. Несколько позднее на это направление начал выдвигаться 4-й гвардейский механизированный корпус, ранее действовавший на южном направлении.

От командования и штабов всех степеней, партийно-политического аппарата и органов тыла потребовались значительные усилия, чтобы своевременно вывести войска на рубеж развертывания, подготовить в ходе выдвижения части и соединения к боевым действиям в горах, пополнить их личным составом, вооружением и боевой техникой. В результате напряженной работы советские войска своевременно вышли на болгаро-югославскую границу и были готовы к наступлению.

Особенно большое внимание Ставка уделяла материально-техническому обеспечению войск и пополнению их боевой техникой. Запасы основных материально-технических средств были значительно пополнены. В течение сентября 3-му Украинскому фронту было отправлено 546 танков и самоходно-артиллерийских установок[110]. Следует отметить, что все мероприятия по материально-техническому обеспечению проводились, как и во 2-м Украинском фронте, в исключительно сложной тыловой обстановке, при весьма растянутых коммуникационных линиях. Поэтому подвоз от конечных железнодорожных пунктов до войск осуществлялся преимущественно автотранспортом. Для снабжения войск широко использовались местные ресурсы. К началу операции 3-й Украинский фронт имел достаточное количество материальных средств: 3—5,5 боевого комплекта боеприпасов, шесть заправок горюче-смазочных материалов, 15 сутодач продфуража[111]. Войска были доукомплектованы личным составом, вооружением, военной техникой.

В связи с вступлением советских войск на территорию Югославии[112] политуправление 3-го Украинского фронта в октябре 1944 г. издало памятку-обращение к советским воинам, в которой содержались призывы разбить врага на югославской земле, проявлять любовь и уважение к югославскому народу, оказывать всемерную помощь и содействие местному населению и воинам НОАЮ.

На основании общих указаний Ставки, отданных 20 сентября, командование 3-го Украинского фронта составило план операции, который и был утвержден[113]. Начало наступления намечалось на 13—14 октября, однако в действительности это произошло гораздо раньше — 28 сентября. Поскольку 23 сентября согласно распоряжению Ставки начались боевые действия части сил левого крыла 2-го Украинского фронта в районе юго-западнее Турну-Северина, ход боевых действий по овладению плацдармом вызвал необходимость включить в наступление часть сил правого крыла 3-го Украинского фронта и объединить руководство боевыми действиями на этом участке фронта. С этой целью из состава 2-го Украинского в 3-й Украинский фронт 29 сентября были переподчинены левофланговые 75-й стрелковый корпус и 23-я стрелковая дивизия.

По своему содержанию и особенностям боевых действий Белградскую операцию можно разделить на два этапа. На первом этапе, который длился почти две недели — с 28 сентября по 10 октября 1944 г., основную роль выполняла 57-я армия, в полосе наступления которой в этот период действовали две горнострелковые дивизии, моторизованная дивизия СС «Бран-

Советская самоходно-артиллерийская установка ИСУ-122 на марше

Красноармейцы в засаде. Сербия. 1944 г.

денбург» и до пяти бригад реакционных сил Югославии Недича и Михайловича. Учитывая мощь противника, Ставка по просьбе командования 3-го Украинского фронта передала 57-й армии 4-й гвардейский механизированный корпус генерал-лейтенанта танковых войск В. И. Жданова[114]. На втором этапе операции, продолжавшемся с 11 по 20 октября, 57-я армия, 4-й гвардейский механизированный корпус и фронтовые резервы во взаимодействии с 14-м корпусом НОАЮ, развивая наступление, соединились с 1-й армейской группой НОАЮ, совместно с нею окружили и уничтожили 20-тысячную группировку врага юго-восточнее Белграда и освободили столицу Югославии[115].

Первый этап боевых действий Белградской операции отличался внезапным для противника началом наступления, быстрым перенесением усилий с одного участка на другой, умелым маневром частей и соединений. Известно, что главные силы 57-й армии накануне наступления были сосредоточены на правом фланге — в районах Неготин, Штубик и Клокочевац. Но вскоре сложившаяся обстановка настоятельно потребовала перенести усилия на левый фланг — в район Заечар, что и было сделано без промедления[116]. Когда же стал очевидным успех в направлении Жагубицы, основные события развернулись в самом центре полосы наступления армии.

В ночь на 28 сентября передовые части 57-й армии перешли болгаро-югославскую границу, положив начало Белградской операции. В результате ожесточенных боев соединения армии во взаимодействии с частями 14-го армейского корпуса НОАЮ прорвали вражескую оборону и, расширив прорыв до 110 км по фронту, к 4 октября продвинулись на 40 км в глубину. Развивая успех, они преодолели Восточно-Сербские горы, вышли к р. Мораве, форсировали ее и к 10 октября захватили два плацдарма у г. Велика-Плана (75 км юго-восточнее Белграда). Были созданы условия для ввода в прорыв 4-го гвардейского механизированного корпуса генерала В. И. Жданова. Его части начали занимать исходный район для наступления на Белград.

В результате развернувшегося с 28 сентября наступления войск 3-го Украинского фронта в районе Неготина была окружена и к 4 октября разгромлена часть сил армейской группы «Сербия». В быстром разгроме окруженной группировки значительную роль сыграли решительные действия авиации фронта. Используя достигнутый успех, командующий 3-м Украинским фронтом решил, не дожидаясь полного сосредоточения войск ударной группировки, перейти в наступление на Белград, что было санкционировано Ставкой. 4 октября перешли в наступление главные силы 57-й армии, правый фланг которой прикрывала Дунайская флотилия. Армия силами двух стрелковых корпусов завершила окружение неготинской группировки противника в районе западнее и юго-западнее Штубика и продолжала бой по ее уничтожению. В районе южнее и юго-западнее Милановаца части армии вошли в соприкосновение с 25-й пехотной дивизией 14-го армейского корпуса Народно-освободительной армии Югославии и совместно с ней окружили вражеский гарнизон города численностью до 300 человек[117]. Левый фланг 57-й армии прикрывался 2-й болгарской армией, наносившей вспомогательный удар из района Пирот на Ниш. Кроме того, на крушевацком и белградском направлениях начали наступление и другие соединения НОАЮ.

Общим итогом боевых действий соединений 57-й армии за период с 28 сентября по 4 октября стали прорыв обороны врага на рубеже р. Тимок в ее нижнем течении, расширение прорыва до 110 км по фронту и до 40 км в глубину, выход на рубеж Милановац — Бор — Вратарница и окружение вражеского гарнизона в Заечаре. Войска армии и войска НОАЮ за это время освободили значительное количество населенных пунктов, в том числе Неготин, Штубик, Бор и другие. Противник потерял около 8 тыс. солдат и офицеров, в том числе 2680 человек попали в плен[118].

С 4 по 8 октября ударная группировка фронта, сминая противника, преодолела Восточно-Сербские горы и вышла к р. Морава, форсировала ее, захватив на правом берегу два плацдарма в районе населенного пункта Велика-Плана. Тем самым были созданы благоприятные условия для успешного ввода в сражение 4-го гвардейского механизированного корпуса и дальнейшего наступления на Белград с юга. Следует особо отметить, что стрелковые кор-

пуса 57-й армии, наступая в очень сложной обстановке, в условиях горно-лесистой, резко пересеченной местности, действовали на разобщенных направлениях, не имея даже тактического взаимодействия между собой и с соседями. Широкий фронт наступления (дивизия иногда действовала в полосе до 50 км) и сложный рельеф местности исключали возможность локтевой связи между частями. Вследствие этого приходилось выделять большие силы для прикрытия флангов, а также охраны путей подвоза боеприпасов, горюче-смазочных материалов и других грузов.

Наступление советских войск в Югославии вынудило немецкое командование принять 7 октября 1944 г. решение о выводе своих главных сил из Греции, Албании и Македонии[119].

Успешное наступление войск 3-го Украинского фронта на направлении главного удара, которое было поддержано не менее успешными действиями болгарских и югославских войск, наступавших на второстепенных направлениях, вызвало необходимость скорейших действий подвижной группы фронта. С этой целью Ставка еще 6 октября 1944 г.[120] дала указание командующему войсками фронта ускорить выдвижение 4-го гвардейского механизированного корпуса к рубежу р. Морава и ввести его в действие для развития успеха не позднее 10—11 октября.

К этому же времени войска левого крыла 2-го Украинского фронта (10-й гвардейский стрелковый корпус 46-й армии) вышли к р. Тиса, освободив от противника весь левый берег Дуная к востоку от устья Тисы. Выход войск 2-го Украинского фронта к Дунаю севернее Белграда создал угрозу удара с севера по группировке врага в районе Белграда. Следствием этого явилось рассредоточение сил противника и ослабление его внимания к угрозе, надвигавшейся с востока.

На юге болгарские армии начали наступление 8—10 октября. Во взаимодействии с югославскими и советскими войсками они освободили Ниш, Лесковац, Скопле, Прокупле, перерезав основные пути отступления группы армий «Е» и вынудив ее отходить по трудным дорогам Черногории и Боснии, в результате чего ей не удалось соединиться с главными силами немецко-фашистских войск.

Войска 3-го Украинского фронта к 10 октября форсировали Мораву и уже располагали на ее западном берегу плацдармами, с которых предстояло устремиться к Белграду подвижным соединениям. В результате успешных действий войска фронта и 14-го корпуса НОАЮ вышли на ближайшие подступы к Белграду. До югославской столицы оставалось 125—150 км.

К 10 октября 10-й гвардейский стрелковый корпус 46-й армии 2-го Украинского фронта выдвинулся на левый берег Дуная севернее Белграда и, овладев Панчево, навис над белградской группировкой противника. Наступавшие на Ниш, Лесковац и Скопле югославские и болгарские войска сковали противостоявшие силы врага и не допустили переброски их на белградское направление. Основные пути отхода группы армий «Е» на запад были перерезаны. Противник, теснимый советскими войсками с востока и югославскими с запада, стремился сдержать их наступление, чтобы вывести из-под удара свои основные силы.

Общий замысел дальнейшего наступления на белградском направлении состоял в том, чтобы разгромить вражескую группировку, оборонявшуюся перед войсками правого фланга и центра 57-й армии, и стремительным ударом 4-го гвардейского механизированного корпуса и двух стрелковых дивизий совместно с соединениями 1-го Пролетарского и 12-го корпусов НОАЮ овладеть Белградом. Выполнение задачи 4-м гвардейским механизированным корпусом облегчалось тем, что маршруты, по которым ему предстояло двигаться от Моравы к Белграду, контролировались частями 1-го Пролетарского корпуса НОАЮ. На нишском и скоплевском направлениях болгарские и югославские войска должны были продолжать наступление. С воздуха их поддерживала авиация южной группы 17-й воздушной армии.

Танкисты 4-го гвардейского механизированного корпуса, развивая наступление, на подходе к г. Топала (50 км южнее Белграда) соединились с частями 1-й армейской группы НОАЮ генерала Пеко Дапчевича и стремительным ударом выбили противника из города. С этого момента югославские воины взаимодействовали с советскими танкистами вплоть до завершения операции. К исходу 13 октября главные силы 4-го гвардейского корпуса вышли

Советская зенитная установка американского производства М-16 в пригороде Белграда

Советский танк направляется в центр города, где идут бои

Эвакуация раненых красноармейцев под прикрытием танка

Уличный бой в Белграде

Подбитая немецкая техника в Белграде

Немецкий дот и брошенная немецкая противотанковая пушка

к горе Авала (17 км южнее Белграда) и на рассвете 14 октября появились на южной окраине столицы Югославии. Большую помощь войскам 57-й армии оказывала Дунайская военная флотилия огнем корабельной артиллерии, высадкой десантов, перевозкой войск, боевой техники и различных грузов.

С 14 октября Белградская операция вступила в свою завершающую стадию. Чтобы удержать в своих руках столицу Югославии, командование вермахта привлекло части и подразделения нескольких немецко-фашистских дивизий, сербского добровольческого и русского (белогвардейского) охранного корпусов. В общей сложности белградская группировка противника насчитывала 21 700 человек личного состава, 50 танков и самоходно-артиллерийских установок, 244 орудия и миномета, 57 противотанковых орудий[121].

К середине октября войска 75-го стрелкового корпуса 57-й армии, 14-го корпуса и одной бригады 1-го Пролетарского корпуса Народно-освободительной армии Югославии, 15-я гвардейская механизированная бригада 4-го гвардейского механизированного корпуса, 5-я отдельная мотострелковая бригада и Дунайская военная флотилия продолжали громить в 30 км восточнее Белграда пожаревацко-смедеревскую группировку противника.

Одновременно с ними соединения 68-го стрелкового корпуса во взаимодействии с 17-й Восточно-Боснийской дивизией 1-го Пролетарского корпуса НОАЮ, расширив достигнутый подвижными войсками фронта успех, повернули свои боевые порядки фронтом на юго-запад и юг, вышли на рубеж в 50—100 км южнее Белгорода, остановили отводимые из Греции немецкие войска группы армий «Е» и завязали с ними бои. 64-й стрелковый корпус, 2-я болгарская армия, 13-й армейский корпус и 2-я отдельная Пролетарская дивизия НОАЮ вели успешные боевые действия за г. Ниш. Им также удалось остановить продвижение на север немецких войск группы армий «Е»[122].

На этом этапе операции левофланговые соединения 46-й армии наступали на Белград с запада. Они не только прикрывали правый фланг 57-й армии, но и, форсировав Дунай на кораблях Дунайской военной флотилии, овладели плацдармом в 10 км северо-восточнее Белграда и создали условия для нанесения с него удара по столице Югославии. На юге советские, югославские и болгарские войска 14 октября освободили Ниш и продолжали наступление на скоплевском направлении.

В дальнейшем войска 3-го Украинского фронта, развивая наступление, во взаимодействии с 14-м армейским корпусом НОАЮ перерезали основные вражеские коммуникации в долине р. Морава. В результате предпринятого подвижными войсками фронта маневра группировка противника, оборонявшаяся на белградском направлении, была расчленена: одна часть ее сил (до 20 тыс. человек) была окружена юго-восточнее Белграда, а другая находилась в самом городе. В период с 17 по 19 октября войска фронта разгромили группировку неприятеля, окруженную юго-восточнее Белграда. Командование 57-й армии получило задачу силами двух стрелковых корпусов (64-го и 68-го) перейти к обороне на достигнутом рубеже Аранджеловац — Крушевац (150 км южнее Белграда) — Каоник с задачей не допустить прорыва противника по железной дороге и шоссе на Белград с юго-запада, а в дальнейшем и с запада[123].

Боевые действия по освобождению Белграда начались 14 октября 1944 г. Уже в первый день, когда после мощной артиллерийской подготовки советские и югославские войска прорвали внешний обвод обороны и устремились на южные окраины города, бои приняли напряженный характер. Опорные пункты противника по нескольку раз переходили из рук в руки. Вместе с советскими и югославскими воинами сражались и жители Белграда.

Советские солдаты и офицеры, как и бойцы НОАЮ, в боях за столицу Югославии показали высокое воинское мастерство, проявили исключительную смелость и героизм. Вот один из примеров. Для захвата центральной телеграфно-телефонной станции была создана группа добровольцев из состава 42-й истребительно-противотанковой бригады. Во второй половине дня 15 октября, как только воины приблизились к телеграфу, гитлеровцы открыли по ним пулеметный огонь из соседнего здания. Лейтенант медицинской службы Н. Н. Кравцов и два солдата влезли по водосточной трубе и карнизам в окно этого дома и противотанковыми

Жители Белграда приветствуют колонну советских войск

Советские офицеры и солдаты на улице Белграда

Советские девушки-регулировщицы в Белграде

Жители Белграда читают объявление коменданта города

гранатами уничтожили десять фашистских автоматчиков и станковый пулемет. При второй попытке подойти к станции группа снова была обстреляна, но теперь уже из дота. Кравцов приказал своим бойцам открыть автоматный огонь, а сам взял гранаты, подполз к доту и уничтожил его, бросив в амбразуру две гранаты[124].

20 октября энергичными действиями советских войск при участии подошедших с юго-запада частей Народно-освободительной армии Югославии было сломлено сопротивление белградского гарнизона, и к исходу дня Белград был освобожден.

С потерей Белграда нарушилась основная коммуникационная линия Салоники — Белград, которой пользовался противник при отводе своих войск с юга Балкан. Это обстоятельство вынудило гитлеровское командование отводить эти войска по менее удобным дорогам, проходившим в центральных гористых районах Югославии, где к тому же действовали основные партизанские силы НОАЮ.

С овладением Белградом войскам фронта, согласно указаниям Ставки, было приказано закрепиться на рубеже Белград — Баточина — Парачин — Княжевец и в глубь Югославии не продвигаться, предоставив югославским войскам завершить разгром противника на территории своей страны.

В ходе Белградской операции было нанесено серьезное поражение основным силам группы армий «Ф» и части сил группы армий «Е», которые были отброшены в северо-западные районы Югославии. Этим были созданы условия для полного освобождения от гитлеровских оккупантов Югославии, а также Албании и Греции, народы которых вели героическую борьбу против немецких захватчиков.

Всего за время Белградской операции противник потерял до 45 тыс. убитыми и пленными, только на улицах Белграда 15 тыс. вражеских солдат и офицеров были убиты и 9 тыс. взяты в плен[125]. Потери врага в боевой технике составили: 53 танка и САУ, 184 орудия и миномета, 66 боевых самолетов[126].

Безвозвратные потери советских войск составили 4350 человек, санитарные — 14 488 человек[127], а непосредственно на улицах столицы Югославии отдали жизнь 2953 бойца НОАЮ и около тысячи советских воинов[128].

Подготовка и проведение операции имели ряд особенностей. Так, в связи со сложившейся обстановкой она началась значительно раньше намеченного планом срока, что явилось неожиданным для противника и помешало ему своевременно подготовить силы и средства для отражения удара войск 3-го Украинского фронта и НОАЮ. Наступление велось главным образом соединениями по отдельным направлениям, нередко без тактической связи и с большим отрывом по глубине. В условиях сложного горного рельефа успешно осуществлялась авиационная поддержка. Совместные боевые действия вели советские, югославские и болгарские войска. Эта операция богата замечательными примерами мужества воинов и высокого военного искусства командования. Освобождение Сербии обеспечило благоприятные условия для действий советских войск на будапештском направлении.

За мужество и отвагу, проявленные в боях за Белград, президиум Антифашистского веча народного освобождения Югославии наградил орденами и медалями более 2 тыс. советских солдат и офицеров. 13 советским воинам было присвоено звание Народного героя Югославии[129], среди них командир 4-го гвардейского механизированного корпуса генерал-лейтенант танковых войск В. И. Жданов, командир 73-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор С. А. Козак, майор В. А. Улиско, капитан 3-го ранга Г. Н. Охрименко, старшие лейтенанты П. И. Дмитриенко, И. А. Булкин, А. Г. Моногадзе и другие[130].

Орденами и медалями Советского Союза были награждены 300 бойцов и командиров НОАЮ. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 9 июня 1945 г. была учреждена медаль «За освобождение Белграда». 20 наиболее отличившимся частям и соединениям было присвоено почетное наименование Белградских. Этим же указом Президиума Верховного Совета СССР верховный главнокомандующий И. Броз Тито «за выдающиеся успехи в деле управления войсками и в проведении боевых операций против общего врага Советского Союза и Югославии — гитлеровской Германии» был награжден орденом Суворова I степени[131].

После того как отгремели бои за Белград, советские войска, выполнив свои оперативно-стратегические задачи на югославской территории, перенесли усилия на будапештско-венское направление, где их ожидали новые трудные задачи — освобождение от фашистов народов Венгрии и Австрии. 57-я армия 3-го Украинского фронта и части 51-й дивизии НОАЮ вскоре развернули ожесточенные бои по форсированию Дуная в районах Батина и Апатина. Только авиационная группа под командованием генерал-майора авиации А. Н. Витрука[132] и 68-й стрелковый корпус с приданным ему 1-м гвардейским укрепленным районом продолжали действовать на югославской земле.

Оценивая вклад СССР в освободительную борьбу народов Югославии, маршал И. Броз Тито на заседании Антифашистского веча 8 августа 1945 г. сказал: «Советский Союз предоставил нашей армии большое количество различного рода вооружения, начиная от винтовок и кончая танками и самолетами, которым мы смогли вооружить многие наши дивизии. С помощью славной Красной Армии были быстро освобождены Белград и Сербия»[133].

В деле освобождения западных и юго-западных районов военное руководство Югославии согласовывало операции своих войск с планами союзных командований. 24 февраля 1945 г. маршал И. Броз Тито встретился в Белграде с командующим войсками 3-го Украинского фронта маршалом Ф. И. Толбухиным, а затем с командующим союзными силами в Италии английским фельдмаршалом Г. Александером. В ходе встреч было решено, что не позднее 30 марта югославские войска начнут наступательные действия в направлении Лики — Бихач и вдоль побережья Адриатического моря с целью сковать силы немецких группировок в Истрии и Словенском Приморье и тем самым содействовать наступлению англо-американских войск в Северной Италии[134].

Сопротивление войск вермахта в Югославии продолжалось вплоть до 15 мая. К этому времени была окружена последняя группировка армий «Е» в Северной Словении[135]. Это свидетельствует о том, что хотя Акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии уже был подписан, бойцы югославской армии еще целую неделю после окончания войны в Европе вели жестокие бои с немецкими и квислинговскими войсками. Гитлеровские соединения группы армий «Юг», пытавшиеся отступить на запад, капитулировали на территории Югославии. В конечном итоге были уничтожены и взяты в плен около 300 тыс. солдат и офицеров противника[136]. Страна была полностью освобождена.

Действия советских войск в Венгрии

Завершение Белградской операции создало возможность для удара войск 3-го Украинского фронта на север вдоль Дуная, на будапештском направлении. Почти одновременно советское командование спланировало развитие наступления в центральной части Венгрии и в Юго-Восточной Словакии.

На территории Венгрии были осуществлены три операции: Дебреценская, Будапештская и Балатонская. Эти операции проводились 2-м и 3-м Украинскими фронтами в конце 1944 — начале 1945 г. Ставка Верховного главнокомандования отводила весьма важную роль обоим фронтам, которые освободили осенью Румынию, Болгарию, столицу Югославии Белград и направляли свои усилия на полное освобождение Балкан от фашистских оккупантов.

После освобождения Белграда войска 3-го Украинского фронта были перегруппированы на территорию Венгрии в междуречье Дравы и Дуная. Вместе со своим соседом справа — 2-м Украинским фронтом они должны были наносить глубокий охватывающий удар по фашистской Германии с юга. Тем самым предполагалось достичь благоприятных условий для готовящегося наступления центральной группировки Красной армии на варшавско-берлинском направлении. Поэтому советское Верховное главнокомандование, несмотря на

усталость войск, потребовало быстрее подготовиться и приступить к проведению операций на территории Венгрии.

Основная роль в разгроме войск врага на венгерской территории отводилась 2-му Украинскому фронту. В начале сентября 1944 г. при подготовке Восточно-Карпатской операции войска этого фронта получили задачу нанести удар под основание карпатского выступа в направлении важных узлов железных и шоссейных дорог Орадя, Дебрецен, Ньиредьхаза с целью открыть путь на север и северо-запад и создать благоприятные условия для войск 4-го Украинского фронта в преодолении Карпат.

Однако в ходе наступления его объединения и соединения столкнулись с упорным сопротивлением врага и продвигались медленно. Поэтому Ставка Верховного главнокомандования 15 сентября приказала командующему 2-м Украинским фронтом Маршалу Советского Союза Р. Я. Малиновскому развивать свой удар в направлении Клуж — Дебрецен — Мишкольц с тем, чтобы не позднее 7—10 октября главными силами выйти на р. Тиса на участке Чоп — Сегед[137] и помочь 4-му Украинскому фронту перейти Карпаты и овладеть Ужгородом. Румынские войска должны были прикрывать участок Сегед — Джурджу по р. Дунай и частью сил вести наступательные действия совместно с советскими войсками. Координацию действий 2-го и 4-го Украинских фронтов 16 сентября Ставка возложила на Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.

В конце сентября — начале октября 1944 г. войска 2-го Украинского фронта после успешного проведения Ясско-Кишиневской операции, продолжая наступление, вышли на румыно-венгерскую границу и территорию Югославии.

Следует отметить, что противник в районе Орадя держал всего две пехотные венгерские дивизии. Главное внимание командование 3-й венгерской армии обращало на прикрытие будапештского направления. Между тем дебреценское направление также было важным: здесь находились города Орадя, Дебрецен, Ньиредьхаза, которые являлись крупными узлами железных и шоссейных дорог, и через них проходили все коммуникации войск противника, действовавших в Трансильвании, и большинство коммуникаций войск, оборонявших Карпаты.

Войска 2-го Украинского фронта всю вторую половину сентября предпринимали попытки продолжить продвижение и отражали сильные контрудары противника в районах Турды и Турну-Северина. Но значительного успеха добиться они не смогли, и Ставка 3 октября вновь уточнила задачи фронта. Она приказала силами 6-й гвардейской танковой армии генерал-полковника А. Г. Кравченко и конно-механизированной группы генерал-лейтенанта И. А. Плиева нанести удар в северном направлении, в обход Дебрецена с запада, а румынским войскам, ранее находившимся в оперативном подчинении 46-й армии, перейти в наступление на левом фланге 53-й армии в направлении Тимишоара — Сегед и далее к северу на территорию Венгрии. Главные силы 46-й армии было решено сгруппировать на ее правом фланге, а один корпус нацелить на белградское направление, развернув его по северному берегу Дуная.

Получив эти указания Ставки, командование 2-го Украинского фронта приступило к подготовке Дебреценской операции, которая должна была положить начало выводу из войны Венгрии, остававшейся к этому времени единственной союзницей фашистской Германии.

Немецко-фашистское командование вынуждено было поспешно принимать меры к восстановлению разгромленного южного крыла своего фронта, чтобы попытаться остановить наступление советских войск. Для германского руководства было необходимо предотвратить вторжение советских войск в Венгрию и Восточную Австрию, где размещалось большое количество немецких военных заводов. Исключительное значение для Германии имело и сохранение Венгрии как своего последнего союзника в Европе, особенно если учесть, что восстановление южного крыла фронта могло быть проведено в значительной степени именно за счет Венгрии.

Чтобы спастись от неизбежной гибели, правительство М. Хорти развило энергичную деятельность по дальнейшему укреплению венгерской армии: к концу сентября 1944 г. оно довело количество своих войск на советско-германском фронте до 22 дивизий и пяти

бригад[138]. Победы советских войск, одержанные в октябре, обострили кризис в венгерском правительстве. Чтобы предотвратить капитуляцию Венгрии, гитлеровское командование устранило 16 октября регента М. Хорти и создало новое правительство во главе с лидером венгерских фашистов Ф. Салаши.

В конце августа и в сентябре командование вермахта перебрасывало свои войска с других участков фронта и выдвигало соединения венгерской армии в Трансильванию, пытаясь остановить наступление советских войск в горном районе северной части Румынии и по возможности создать линию обороны в Карпатах и Трансильванских Альпах.

С востока и юго-востока Венгрию прикрывали войска группы армий «Юг» (8-я и 6-я немецкие армии, 2-я и 3-я венгерские армии; генерал-полковник Г. Фриснер), а также три дивизии группы армий «Ф» — всего более 33 дивизий, имевших 300 танков и штурмовых орудий, 3500 орудий и минометов, около 550 самолетов 4-го воздушного флота[139].

В сентябре 1944 г. резко изменился состав группы армий «Юг». Общее количество войск к октябрю возросло в два с лишним раза по сравнению с 1 сентября. Силами этой группы командование вермахта готовило два последовательных удара в западных районах Румынии и Северной Трансильвании, предполагая разгромить вышедшие сюда советские войска и отбросить их за Трансильванские Альпы[140].

Правильно оценив сложившуюся обстановку, Ставка Верховного главнокомандования поставила перед войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов цель, заключавшуюся в том, чтобы разгромить правое крыло группы армий «А» и войска группы армий «Ф», отрезать пути отхода группе армий «Е», вывести из войны Венгрию, оказать помощь народам Чехословакии и Югославии в освобождении от немецко-фашистских оккупантов и выйти непосредственно к границам рейха с юга[141].

Ставка ВГК в середине сентября отдала приказ командующему 2-м Украинским фронтом продолжить наступление, разгромить группировку противника в Венгрии и тем самым вывести эту страну из войны на стороне Германии. Этим наступлением командование Красной армии предполагало сорвать расчеты англо-американских правящих кругов, стремившихся упредить советские войска в выходе в страны Юго-Восточной Европы, чтобы установить там угодные им реакционные режимы. Именно с этой целью англичане высадились 4 октября 1944 г. в Греции, где немецких войск почти уже не было[142].

После успешного проведения Ясско-Кишиневской операции войска 2-го Украинского фронта имели в своем составе пять общевойсковых армий (40-ю, 7-ю гвардейскую, 27, 53 и 46-ю), 6-ю гвардейскую танковую и 5-ю воздушную армии, две конно-механизированные группы, 18-й танковый корпус, а также две румынские армии (1-ю и 4-ю), добровольческую дивизию имени Т. Владимиреску, 1-й румынский авиационный корпус. Всего в этой группировке насчитывалось: 40 стрелковых дивизий, 17 румынских дивизий, два укрепленных района, три танковых, два механизированных, три кавалерийских корпуса и другие части и соединения, имевшие 750 танков и САУ, более 10 200 орудий и минометов, 1100 самолетов.

Объединения и соединения Красной армии к концу сентября 1944 г. выдвинулись к границе Венгрии: перед советскими войсками открывался путь к столицам Венгрии и Австрии — на Будапешт и Вену, и вместе с тем создавалась угроза коммуникациям немецко-фашистских войск, действовавших в южной части Балканского полуострова.

Началу Дебреценской операции предшествовали мероприятия Ставки, направленные на обеспечение боевых действий войск фронтов. В связи с тем что главную роль в предстоящих событиях предполагалось отвести 2-му Украинскому фронту, в его состав направлялись основные силы и средства. Перед началом операции Ставка из своего резерва направила фронту 4-й и 6-й гвардейские кавалерийские корпуса. Из 3-го Украинского фронта ему были переданы 46-я армия, 7-й гвардейский механизированный корпус и 7-я артиллерийская дивизия прорыва. В 5-ю воздушную армию из своего резерва Ставка передала 6-ю гвардейскую истребительную авиационную дивизию[143]. В сентябре фронт получил также около 75 тыс. человек маршевого пополнения, 427 танков и самоходно-артиллерийских установок[144]. В районе Тимишоары сосредоточилась 4-я гвардейская армия резерва Ставки.

Замысел Дебреценской наступательной операции заключался в том, чтобы разгромить немецко-фашистскую группу армий «Юг» в районе городов Клуж, Орадя, Дебрецен и содействовать 4-му Украинскому фронту в разгроме восточно-карпатской группировки противника. В связи с этим командующий 2-м Украинским фронтом решил нанести главный удар из района южнее Орадя и северо-западнее Арада в направлении Дебрецена войсками центра — силами 53-й армии под командованием генерал-лейтенанта И. М. Манагарова, 6-й гвардейской танковой армии под командованием генерал-полковника А. Г. Кравченко и конно-механизированной группы под командованием генерал-лейтенанта И. А. Плиева.

Две армии правого крыла — 40-я под командованием генерал-лейтенанта Ф. Ф. Жмаченко и 7-я гвардейская под командованием генерал-полковника М. С. Шумилова — наносили удар на широком фронте с задачей выйти на рубеж Сурдок — Апахида. 27-я армия генерал-полковника С. Г. Трофименко и 4-я румынская армия под командованием корпусного генерала Г. Аврамеску должны были наступать с целью овладеть районом Клужа и развить наступление в общем направлении на Залэу. Размещенную в полосе 27-й армии конно-механизированную группу генерал-лейтенанта С. И. Горшкова намечалось ввести в сражение с рубежа севернее Клужа с задачей быстро выйти в район севернее Залэу, после чего развивать наступление на Сату-Маре.

С юга наступление главных сил фронта обеспечивали 46-я армия под командованием генерал-лейтенанта И. Т. Шлемина и 1-я румынская армия корпусного генерала В. Атанасиу. Они имели задачу наступать по территории Югославии восточнее р. Тиса и захватить плацдармы на ее правом берегу. Кроме того, 46-я армия должна была захватить плацдармы на Тисе у городов Сегед, Сента и южнее.

Вырабатывая замысел операции, маршал Р. Я. Малиновский прежде всего учитывал, что выход войск фронта в районе Дебрецена на р. Тису ставил под угрозу окружения всю вражескую группировку, противостоящую не только правому крылу 2-го Украинского фронта, но и 4-му Украинскому фронту.

Следует обратить внимание на важную особенность операции, заключавшуюся в том, что войскам 2-го Украинского фронта предстояло действовать одновременно на территории трех государств: в северной части Трансильвании, где наблюдались сложные отношения между румынами и венграми; в Венгрии, правительство которой проводило политику продолжения войны против СССР, что во многом затрудняло действия Красной армии на ее территории; в союзной Югославии, где Красную армию встречали с восторгом.

Естественно, все это накладывало свой отпечаток на деятельность военных советов фронта и армий. Круг вопросов, которые обычно решались в операциях, проводившихся на своей территории, теперь значительно расширился. Военные советы должны были решать крупные политические и административные вопросы на чужих территориях. В своей практической деятельности они исходили из указаний советского правительства и специфики политического строя каждой страны в отдельности. Главное внимание уделялось проблемам установления на освобожденных территориях демократического общественного порядка, оказанию материальной помощи народам, пострадавшим от фашистского рабства, возобновлению производства в промышленной и сельскохозяйственной сферах.

Необычной в работе военных советов была также координация действий румынских и болгарских войск, оперативно подчинявшихся 2-му и 3-му Украинским фронтам. До этого командование советскими вооруженными силами почти не имело опыта управления объединенными группировками войск дружественных стран.

Наступление намечалось на 3 октября, но в связи с тем что войска ударной группировки не завершили сосредоточения, оно было перенесено на 6 октября. 2-й Украинский фронт осуществил подготовку операции непосредственно в ходе предшествующего наступления без оперативной паузы.

В результате большой организаторской работы, несмотря на сложные условия, советскому командованию удалось к началу операции существенно пополнить запасы материально-технических средств. На 1 октября 1944 г. во 2-м Украинском фронте запасы составляли: по

Бои развернулись на земле Венгрии. 1944 г.

Офицеры уточняют боевые задачи подразделений

боеприпасам — 2,7–3,5 боекомплекта, по горюче-смазочным материалам — 4,2–7 заправок, по продовольствию и фуражу — 9–29 сутодач[145].

Подготовка наступления в установленные сроки стала возможной в результате огромной организаторской работы, выполненной во всех звеньях — от военного совета фронта до частей и подразделений. Особое внимание было уделено всесторонней подготовке личного состава частей и соединений к решительным наступательным действиям.

Советское правительство преследовало цель освободить Венгрию от немецко-фашистских захватчиков и предоставить населению возможность самому решить судьбу своей страны. Проводя эти основные идеи в политико-воспитательной работе, командиры и политорганы разъясняли воинам цель вступления Красной армии на территорию Венгрии, разоблачали преступную деятельность правительства Хорти, фактически превратившего страну в колонию Германии.

Накануне Дебреценской операции, во второй половине сентября 1944 г., по указанию Ставки Верховного главнокомандования авиация дальнего действия нанесла мощные удары по крупным железнодорожным узлам и другим важным объектам на территории Венгрии, в том числе по Будапешту, Дебрецену, Мишкольцу и Сату-Маре. Эти воздушные удары во многом способствовали развитию наступления советских войск.

В соответствии с указаниями Ставки, командующий 2-м Украинским фронтом решил нанести главный удар из района Орадя в направлении на Дебрецен — Ньиредьхаза. Планировалось также нанесение вспомогательных ударов на правом крыле с целью овладеть районами Клуж, Сату-Маре и Карей. На левом крыле предусматривалось разгромить противника на восточном берегу р. Тиса и надежно прикрыть левый фланг главной группировки фронта.

К авиационной поддержке действий сухопутных войск привлекалась 5-я воздушная армия под командованием генерал-полковника авиации С. К. Горюнова[146]. Перед ней ставилась задача прикрывать истребительной авиацией ударные группировки армий центра и левого крыла фронта и содействовать их наступлению ударами бомбардировочной и штурмовой авиации.

Учитывая то обстоятельство, что на некоторых участках фронта немецкие войска имели относительно слабую очаговую оборону, основу которой составляли отдельные опорные пункты, командующий 2-м Украинским фронтом приказал 6-й гвардейской танковой армии генерал-полковника А. Г. Кравченко и 33-му стрелковому корпусу 27-й армии (генерал-полковник С. Г. Трофименко) наступать в первом эшелоне и нанести главный удар в общем направлении на Орадя — Дебрецен. Конно-механизированная группа генерал-лейтенанта И. А. Плиева (два кавалерийских и один механизированный корпуса) должна была также наступать в первом эшелоне с задачей нанести удар в общем направлении на Карцаг[147].

По плану операции предполагалось, что 2-й Украинский фронт должен начать наступление в полосе шириной около 800 км, что составляло на каждую дивизию примерно 12–13 км, при этом в таких операциях, как, например, Белорусская и Львовско-Сандомирская, оперативная плотность составляла 6–7 км на одну дивизию[148]. Безусловно, действия войск в столь широкой полосе создавали дополнительные трудности в организации и осуществлении управления ими. Несмотря на это, командованию 2-го Украинского фронта все же удалось создать значительное превосходство в силах и средствах на направлении главного удара: по орудиям и минометам — 10,2 тыс. против 3,5 тыс. (2,9:1), по танкам и САУ — 750 против 300 (2,5:1), по боевым самолетам — 1100 против 550 (2,0:1)[149].

Противник вначале недооценивал всей важности дебреценского направления. В середине сентября на южных подступах к Орадя были развернуты только две пехотные венгерские дивизии, входившие в состав 3-й венгерской армии и составлявшие ее левое крыло. Учитывая это обстоятельство, в конце сентября войска левого фланга 27-й армии перешли в наступление на Орадя и с ходу отбросили венгерские дивизии к самому городу. Только после этого немецко-фашистское командование начало спешно принимать меры по укреплению обороны на дебреценском направлении. Орадя и Дебрецен были включены в полосу 6-й немецкой армии, основные силы которой действовали в районе Клужа. В состав этой

Орудийный расчет ведет огонь по гитлеровцам, закрепившимся в венгерском селе

Самоходные орудия продвигаются к Дебрецену

Немецкий оборонительный рубеж за железнодорожной насыпью

армии были переданы обе венгерские дивизии, оборонявшиеся в районе Орадя. На этот рубеж началась переброска немецких войск: из района Клужа — 23-й танковой дивизии, из состава 1-й танковой армии (из Карпат) — 1-й танковой дивизии; сюда же подтягивались из резерва 13-я танковая, 76-я пехотная и 27-я венгерская легкая дивизии. Для непосредственного управления войсками в район Орадя был переброшен штаб 3-го немецкого танкового корпуса. Кроме того, на флангах наших войск, выдвинувшихся к Орадя, восточнее Бекеша, создавалась ударная группировка из войск 3-й венгерской армии в составе 1-й венгерской танковой дивизии и немецкой кавалерийской группы[150].

2 октября 6-я гвардейская танковая армия и 33-й стрелковый корпус 27-й армии нанесли удар между городами Орадя и Салонта, а к исходу дня вклинились в оборону противника на 20 км, но дальнейшего успеха не имели, отражая сильные контрудары его двух танковых дивизий.

Таким образом, 2 октября, когда началось наступление 6-й гвардейской танковой армии и одного стрелкового корпуса 27-й армии, в районе Орадя уже была сосредоточена сильная группировка врага. При этом противник не только оборонялся, но и наносил контрудары танковыми дивизиями. Поэтому наступление наших войск вначале имело незначительный успех.

Положение улучшилось лишь 6 октября, когда началось общее наступление войск 2-го Украинского фронта на дебреценском направлении. Наибольший успех был достигнут на направлении главного удара фронта. Здесь войска 53-й армии генерал-лейтенанта И. М. Манагарова и соединения конно-механизированной группы генерал-лейтенанта И. А. Плиева не только успешно прорвали оборону противника, но и продвинулись за три дня наступления до 100 км на север, выйдя в район Карцага. На левом фланге 53-й армии во втором эшелоне находилась 1-я румынская армия. 8 октября 18-й танковый корпус, входивший в состав 53-й армии, подошел к переправам через Тису в районе Чонграда. Соединения армии при поддержке частей танкового корпуса в результате упорных боев успешно форсировали реку и на ее правом берегу захватили ряд плацдармов, сыгравших впоследствии важную роль в преодолении советскими и румынскими войсками этого крупного водного рубежа.

В ходе форсирования Тисы советские воины действовали умело и стремительно, показав образцы высокого мастерства. Так, одним из первых в полосе 53-й армии форсировал реку 795-й стрелковый полк под командованием майора С. В. Федотова. С 9 октября его бойцы в течение восьми суток прочно удерживали захваченный плацдарм, обеспечив переправу всей 228-й стрелковой дивизии. За умелое управление полком и решительные действия майор Федотов был удостоен звания Героя Советского Союза[151].

Большую помощь наступающим войскам оказала авиация 5-й воздушной армии. Несмотря на частые туманы и дожди, советские летчики за первые три дня наступления совершили более 1300 самолето-вылетов.

Однако не на всех участках фронта наступление развивалось успешно. Так, 6-я гвардейская танковая армия была остановлена на южных подступах к сильному узлу сопротивления противника — г. Орадя. Неуспех 6-й гвардейской танковой армии объяснялся не только сильным сопротивлением вражеских войск, но также и чрезвычайно слабой укомплектованностью армии личным составом и материальной частью.

Ставка Верховного главнокомандования, оценив обстановку, 8 октября приказала командующему фронтом как можно быстрее овладеть районом Орадя и тем самым обеспечить условия для дальнейшего наступления на север. Для этого она считала необходимым нанести удар на Орадя силами 6-й гвардейской танковой армии с запада, 33-го стрелкового корпуса[152] — с юга, а конно-механизированной группы генерала Плиева — с северо-запада. При этом 4-й гвардейский кавалерийский корпус группы получил приказ овладеть Дебреценом и обеспечить тем самым маневр ее главных сил с севера и северо-запада. Для усиления войск центра фронта Ставка приказала не позднее 20 октября подтянуть в район Беюша 7-ю гвардейскую армию[153]. Сюда выдвигалась также конно-механизированная группа генерал-лейтенанта С. И. Горшкова. Наступление на Орадя поддерживала бóльшая часть фронтовой авиации.

Выполняя приказ Ставки и правильно оценив сложившуюся обстановку, маршал Р. Я. Малиновский приказал усилить войска центра фронта за счет переброски частей и соединений с правого крыла и повернуть конно-механизированную группу генерала Плиева на юго-восток с задачей нанести удар из района северо-восточнее Карцага на Орадя с тыла.

В соответствии с приказом командующего войсками фронта конно-механизированная группа генерала Плиева во взаимодействии с 33-м стрелковым корпусом 27-й армии нанесла удар на Орадя с северо-запада. На правом крыле фронта советские войска из-за упорного сопротивления немецко-венгерских войск почти не продвинулись. Многочисленные контратаки врага, особенно в районе Клужа, не позволили частям 40-й и 7-й гвардейской армий добиться успеха в наступлении. В то же время 46-й армии, наступавшей на левом крыле фронта, удалось полностью очистить югославскую территорию восточнее Тисы, форсировать реку и захватить плацдармы на Тисе у Сенты и в районе Бечея.

Быстро продвигаясь вперед, подвижные войска фронта своими стремительными ударами расчленяли оборону врага. При этом они уничтожали его изолированные части и опорные пункты. Немецко-венгерские войска в районе Орадя и на подступах к Дебрецену оказывали упорное сопротивление. Перед правым крылом фронта они были вынуждены 9–10 октября начать отход в северо-западном направлении. 12 октября конно-механизированная группа генерал-лейтенанта И. А. Плиева во взаимодействии с 33-м стрелковым корпусом, в состав которого входили и две румынские дивизии, овладела г. Орадя. Не имевшая до этого успеха 6-я гвардейская танковая армия теперь получила возможность быстро продвигаться в северном направлении.

В дальнейшем темп наступления нарастал. 20 октября, несмотря на то что противник на главном направлении ввел в сражение крупные силы, 6-я гвардейская танковая армия совместно с конно-механизированными группами генералов Плиева и Горшкова ударом по сходящимся направлениям овладела Дебреценом — важным узлом вражеской обороны.

Успех сопутствовал и войскам правого крыла фронта. 11 октября соединения 40, 27 и 4-й румынской армий заняли район Клужа. К исходу 20 октября они вышли на рубеж Сигет — Маргита и установили непосредственную связь с войсками фронта, действовавшими на дебреценско-ньиредьхазском направлении. На левом крыле соединения 46-й армии пересекли югославско-венгерскую границу юго-восточнее г. Байя.

Надежно действовала по прикрытию наступающих войск фронтовая авиация. Так, в период с 13 по 20 октября 5-я воздушная армия произвела около 2200 самолето-вылетов. Особенно большой урон противнику нанесли штурмовики и истребители, поддерживавшие действия наземных войск в районах Орадя, Дебрецен и Сольнок.

Конно-механизированная группа генерала Плиева, в которую были включены оба корпуса группы генерала Горшкова[154], 21 октября овладела г. Ньиредьхаза, продвинулась передовыми частями на север до 30 км и вышла на р. Тиса. Создалась угроза окружения и уничтожения армейской группы «Велер» (1-я венгерская, 8-я немецкая армии и соединения 2-й венгерской армии — всего 15 дивизий и бригад), которая отступала под ударами войск 4-го Украинского и правого крыла 2-го Украинского фронтов. Это предопределило ожесточенный характер боев, продолжавшихся с 23 до 28 октября[155].

В этот период в районе Ньиредьхазы советские войска подверглись двум мощным контрударам: с северо-востока — силами 8-й армии в направлении Надькалло и с запада — силами 3-го танкового и 9-го армейского корпусов. В результате в особо тяжелом положении оказалась конно-механизированная группа генерал-лейтенанта Плиева. Его части, действовавшие в районе Ньиредьхазы, оказались разобщены с частями 6-го гвардейского кавалерийского корпуса, ведущими боевые действия в районах Надькалло и Уйфехерто. Советские войска были вынуждены временно оставить Ньиредьхазу.

Чтобы восстановить положение, командующий 2-м Украинским фронтом 24 октября приказал конно-механизированной группе генерала Плиева всеми силами нанести удар на Надькалло и соединиться с частями 27-й армии. В свою очередь, командующий фронтом поставил задачу и командующему 27-й армией — соединиться с войсками конно-механизи-

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ЕВРОПЕ К 1945 г.

ОБЩИЙ ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ЕВРОПЕ. Январь — май 1945 г.

СЕВЕРНОЕ МОРЕ

ФЛОТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

НЕМЕЦКИЙ ФЛОТ

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ЗАПАДНОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ФРОНТАХ

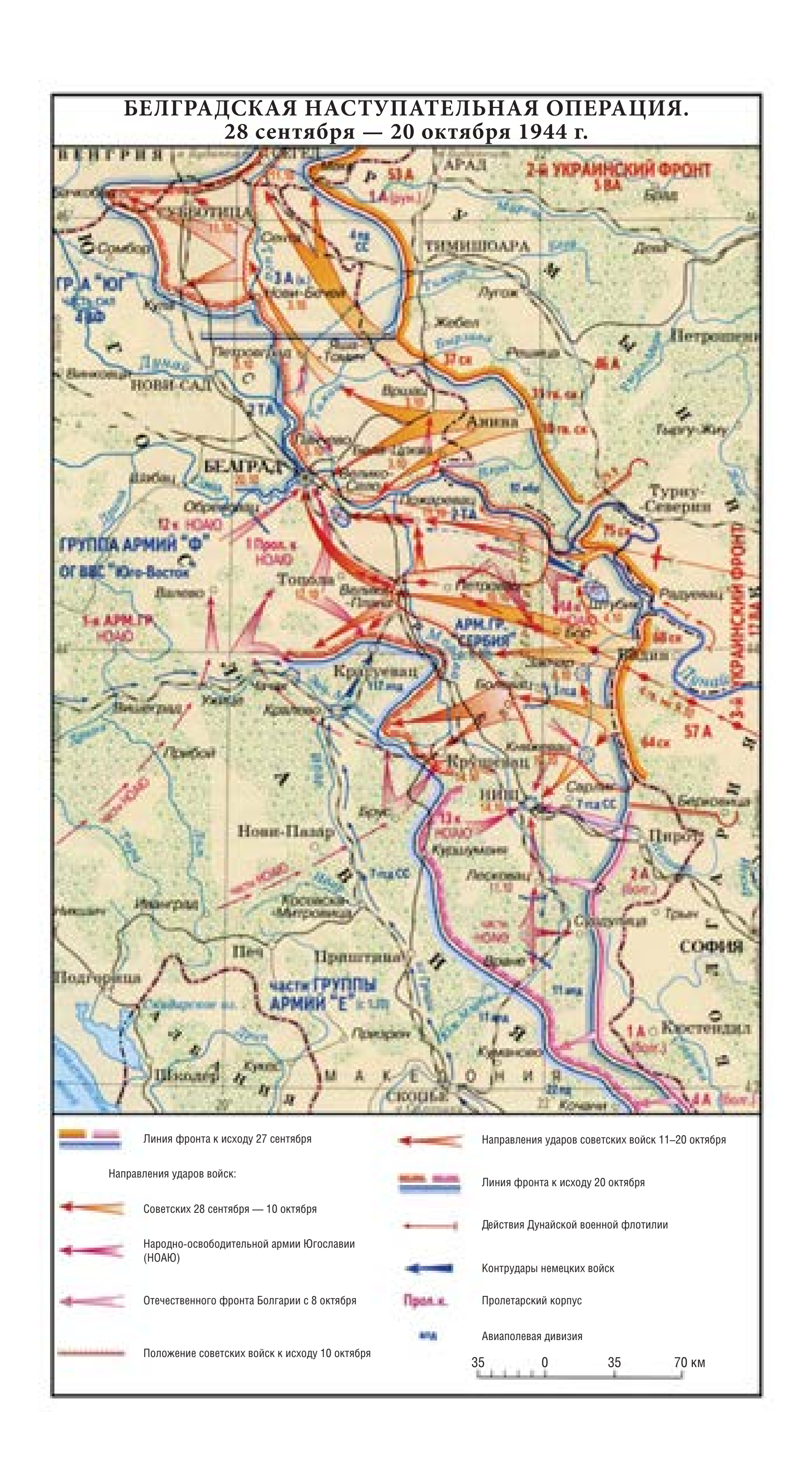
- Линия фронта к 1 января
- Направления ударов союзных войск с 1 января по 7 февраля
- Линия фронта к 8 февраля
- Направления ударов союзных войск с 8 февраля по 22 марта
- Линия фронта к 23 марта
- Направления ударов союзных войск с 23 марта (на итальянском фронте с 9 апреля) до конца войны
- Линия фронта к 19 апреля
- Рубеж выхода советских и союзных войск к концу войны

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ

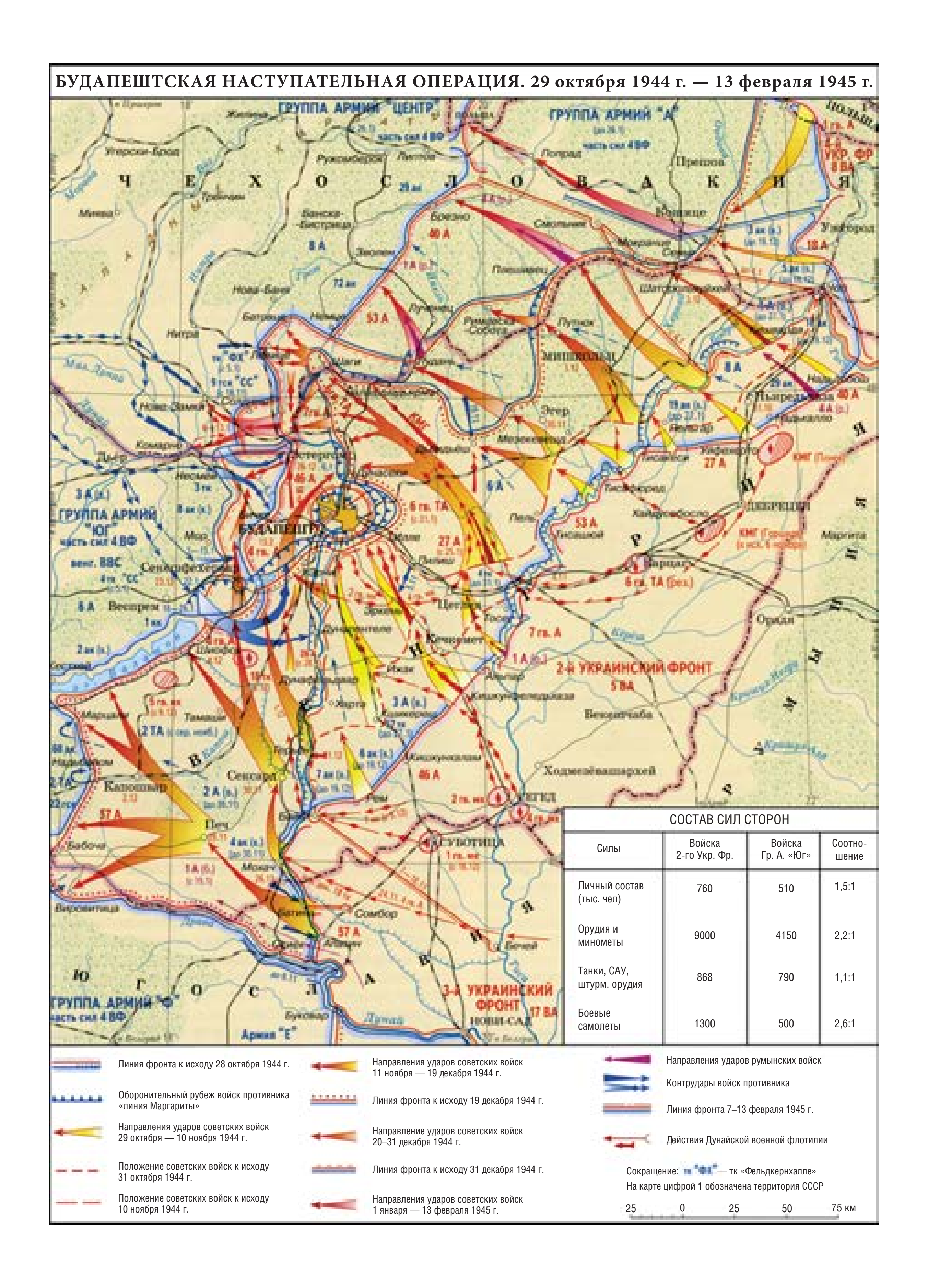
- Линия фронта к 1 января
- Направления ударов советских войск в январе — начале февраля
- Линия фронта 8–12 февраля
- Направления ударов советских войск в феврале — первой половине апреля
- Переброска немецко-фашистских войск с западного фронта на советско-германский фронт
- Линия фронта к середине апреля
- Перегруппировка советских войск
- Направления ударов советских войск с середины апреля до конца войны
- Вместе с Советской Армией наступали польские, чехословацкие, болгарские, румынские войска и подразделения венгерских добровольцев
- Рубеж выхода советских и союзных войск к концу войны
- Подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии
- Даты капитуляции группировок немецко-фашистских войск

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЮГОСЛАВИИ

- Линия фронта к 1 января
- Направления ударов Народно-освободительной армии Югославии

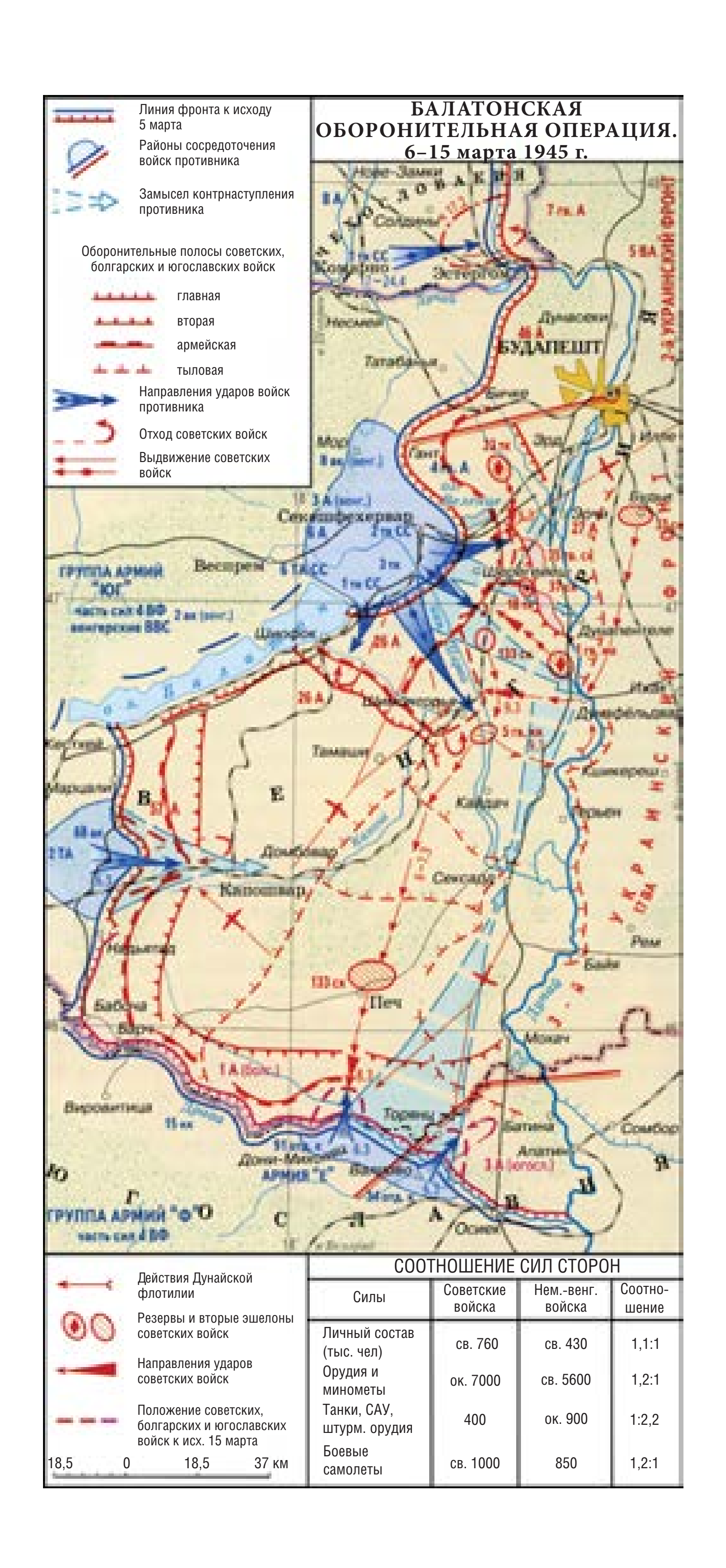

БЕЛГРАДСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ.
28 сентября — 20 октября 1944 г.
ВЕНГРИЯ
2-й УКРАИНСКИЙ ФРОНТ
5 ВА
53 А
АРАД
ТИМИШОАРА
СУБОТИЦА
ГР. А "ЮГ"
НОВИ-САД
БЕЛГРАД
57 А
46 А
Анина
Турну-Северин
ГРУППА АРМИЙ "Ф"
Тополя
АРМ. ГР. "СЕРБИЯ"
Крагуевац
Крушевац
НИШ
Нови-Пазар
Приштина
Подгорица
части ГРУППЫ АРМИЙ "Е"
СОФИЯ
Кюстендил
Скопье
МАКЕДОНИЯ
Шкодер
3-й УКРАИНСКИЙ ФРОНТ
Линия фронта к исходу 27 сентября
Направления ударов войск:
Советских 28 сентября — 10 октября
Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ)
Отечественного фронта Болгарии с 8 октября
Положение советских войск к исходу 10 октября
Направления ударов советских войск 11–20 октября
Линия фронта к исходу 20 октября
Действия Дунайской военной флотилии
Контрудары немецких войск
Прол. к.
Пролетарский корпус
апд
Авиаполевая дивизия
35 0 35 70 км

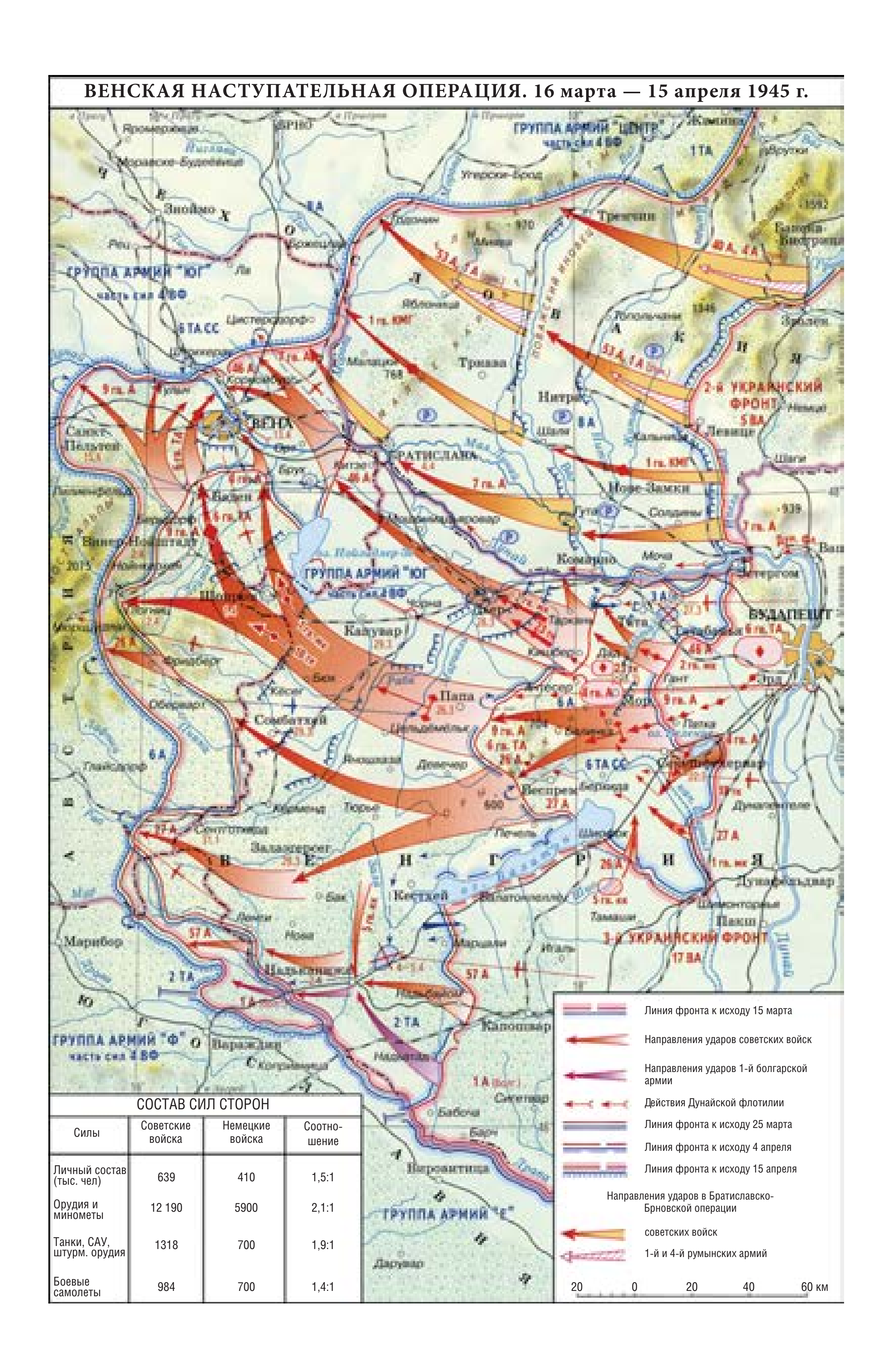
СОСТАВ СИЛ СТОРОН

Силы	Войска 2-го Укр. Фр.	Войска Гр. А. «Юг»	Соотношение
Личный состав (тыс. чел)	760	510	1,5:1
Орудия и минометы	9000	4150	2,2:1
Танки, САУ, штурм. орудия	868	790	1,1:1
Боевые самолеты	1300	500	2,6:1

СООТНОШЕНИЕ СИЛ СТОРОН

Силы	Советские войска	Нем.-венг. войска	Соотно-шение
Личный состав (тыс. чел)	св. 760	св. 430	1,1:1
Орудия и минометы	ок. 7000	св. 5600	1,2:1
Танки, САУ, штурм. орудия	400	ок. 900	1:2,2
Боевые самолеты	св. 1000	850	1,2:1

СОСТАВ СИЛ СТОРОН

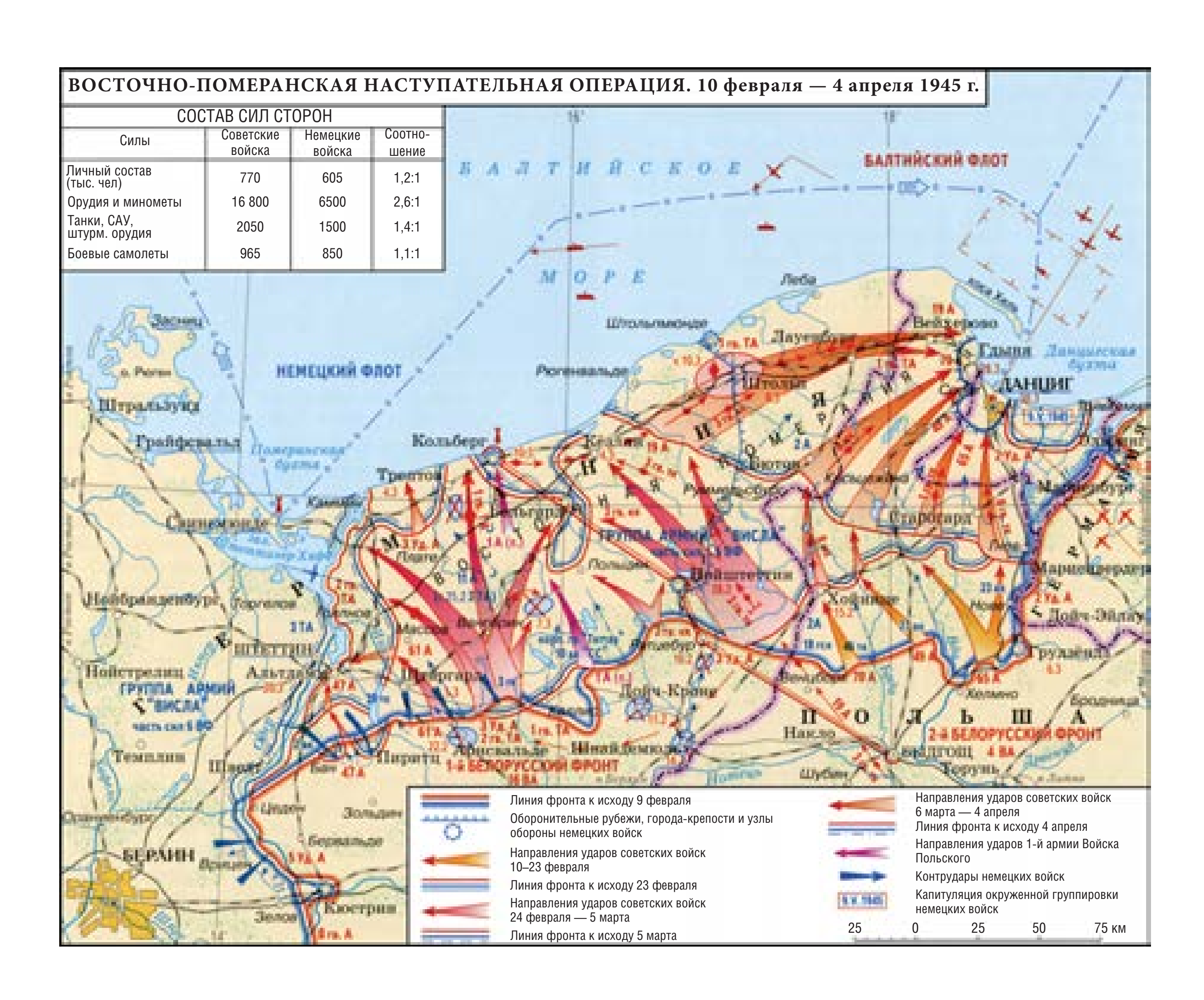
Силы	Советские войска	Немецкие войска	Соотно-шение
Личный состав (тыс. чел)	639	410	1,5:1
Орудия и минометы	12 190	5900	2,1:1
Танки, САУ, штурм. орудия	1318	700	1,9:1
Боевые самолеты	984	700	1,4:1

ВОСТОЧНО-ПРУССКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 13 января — 25 апреля 1945 г.

СОСТАВ СИЛ СТОРОН

Силы	Советские войска	Немецкие войска	Соотно-шение
Личный состав (тыс. чел)	1670	780	2,1:1
Орудия и минометы	25 426	8200	3,1:1
Танки, САУ, штурм. орудия	3859	700	5,1:1
Боевые самолеты	3097	775	4,0:1

Силы	Советские войска	Немецкие войска	Соотношение
Личный состав (тыс. чел)	770	605	1,2:1
Орудия и минометы	16 800	6500	2,6:1
Танки, САУ, штурм. орудия	2050	1500	1,4:1
Боевые самолеты	965	850	1,1:1

рованной группы в районе Ньиредьхазы, подчинив ему на период выполнения этой задачи все части, ведшие бои в районе Надькалло. В результате ожесточенных боев 31 октября советские войска вновь овладели г. Ньиредьхаза. После соединения 27-й армии с частями группы Плиева и успешного выполнения задачи 6-й гвардейский кавалерийский корпус немедленно был изъят из подчинения командующего 27-й армии и возвращен Плиеву[156].

На других участках фронта боевые действия в эти дни проходили более успешно. Так, на сольнокском направлении войска 53-й армии генерал-полковника И. М. Манагарова и переброшенной сюда 7-й гвардейской армии[157] генерал-полковника М. С. Шумилова, сломив упорное сопротивление врага, к исходу 28 октября овладели рядом плацдармов на западном берегу Тисы в районе Сольнока.

40-я и соединения 4-й румынской армии, действовавшие на правом крыле фронта, к этому времени завершили освобождение северной части Трансильвании и пересекли румыно-венгерскую границу. На левом крыле войска 46-й армии 21 октября заняли города Байя и Сомбор, а к исходу 28 октября захватили в междуречье Тисы и Дуная крупный плацдарм, сыгравший большую роль в последующих наступательных операциях советских войск на будапештском стратегическом направлении.

Таким образом, войска 2-го Украинского фронта, преодолев ожесточенное сопротивление, на правом крыле приблизились к Тисе, на центральном участке вышли на восточный берег реки, а на левом крыле форсировали ее. 28 октября преодолением Тисы Дебреценская операция завершилась. В ходе этой первой крупной операции на венгерской территории Красная армия во взаимодействии с румынскими войсками освободила северную часть Трансильвании и значительную часть Венгрии — одну треть ее территории, на которой проживало около четверти населения страны.

В течение 23 суток войска 2-го Украинского фронта продвинулись на 130–275 км, вышли на линию Чоп — Сольнок — Байя, форсировали Тису и, захватив крупный плацдарм, создали предпосылки для последующего наступления на Будапешт. Среднесуточный темп их продвижения колебался от 5 до 12 км.

В ходе Дебреценской операции враг понес большие потери в людях и боевой технике. Советские войска во время наступления разгромили 10 дивизий, взяли в плен более 42 тыс. солдат и офицеров противника[158], уничтожили 915 танков и штурмовых орудий, 793 миномета, 428 бронемашин и бронетранспортеров, 416 самолетов, восемь бронепоездов и свыше 3 тыс. автомашин, захватили 138 танков и штурмовых орудий, 1537 орудий и минометов, 386 самолетов[159].

Потери советских войск составили: безвозвратные — 19 713 человек, санитарные — 64 297 человек[160]. Наступление на дебреценском направлении характерно массовым героизмом и высоким боевым мастерством советских воинов. За боевые подвиги свыше 35,5 тыс. солдат, офицеров и генералов были награждены орденами и медалями[161].

В Дебреценской операции советские войска обогатились новым опытом боевых действий в условиях горно-лесистой местности. Операция отличалась достаточно высоким уровнем использования подвижных войск, применением танковой армии в первом эшелоне оперативного построения фронта, что обусловливалось необходимостью срочно нанести мощный удар по противнику, не успевшему создать сильную оборону. В правильной и своевременной оценке изменяющейся обстановки, результативном применении высокоманевренных подвижных групп, быстром перенесении усилий на новые направления ярко проявилось высокое оперативное искусство советского командования.

В ходе операции Ставка Верховного главнокомандования и командование фронта, правильно оценивая обстановку, своевременно вскрывали намерения врага и принимали меры противодействия. Ярким примером служит директива Ставки от 8 октября 1944 г., в которой были даны указания о перенацеливании сил в район Орадя — Дебрецен. Мероприятия Ставки и командования фронта сорвали намерения гитлеровцев усилить свою группировку в районе Орадя и позволили советским войскам овладеть этим важным узлом сопротивления неприятеля.

Успешные действия советских войск на дебреценском направлении создали благоприятные условия для наступления соседних фронтов. Так, выход соединений 2-го Украинского фронта в район Дебрецена создал серьезную угрозу тылам карпатской группировки противника. Это вынудило гитлеровское командование начать отвод своих войск перед центральным участком и левым крылом 4-го Украинского фронта. Командующий 1-й венгерской армией генерал Б. Миклош, видя бесперспективность дальнейшего сопротивления и будучи недовольным политикой фашистского правительства и гитлеровскими акциями в Венгрии, с частью штаба армии 16 октября перешел на сторону советских войск.

27 октября 1944 г. в связи с вступлением Красной армии на венгерскую территорию по указанию Государственного Комитета Обороны Военный совет 2-го Украинского фронта обратился к венгерскому народу с воззванием, призвав его всемерно содействовать советским войскам в их освободительной миссии. В воззвании подчеркивалось, что Красная армия вступила в Венгрию не с целью приобретения какой-либо части ее территории или изменения существующего строя, а лишь в силу военной необходимости, «не как завоевательница, а как освободительница венгерского народа от немецко-фашистского гнета»[162]. В документе разъяснялось, что на освобожденной территории страны будут сохранены венгерские органы власти, система экономического и политического устройства и существующие обычаи, что все права и собственность граждан берутся под охрану советских военных властей. Наряду с этим сообщалось, что в освобожденных районах будут созданы органы советской военной администрации. Это воззвание имело огромное значение для установления нормальных отношений между советскими войсками и венгерским населением.

С первых же дней вступления советских войск на территорию Венгрии венгерские прогрессивные силы начали демократизацию жизни в стране. В этом заключался важнейший политический результат разгрома врага на дебреценском направлении.

Разгромом крупных группировок войск вермахта в восточной части Югославии и в северо-восточных районах Венгрии закончился первый этап стратегического наступления Красной армии на южном крыле советско-германского фронта. А затем началась трудная и жестокая борьба за столицу Венгрии — Будапешт.

После завершения Дебреценской операции советское командование решило уже 29 октября начать Будапештскую операцию. Немедленное наступление на Будапешт прежде всего диктовалось выгодными оперативно-стратегическими условиями. Было учтено то обстоятельство, что основные силы группы армий «Юг» продолжали действовать на ньиредьхазско-мишкольцком направлении. Гитлеровское командование решило использовать их для прикрытия северо-восточных подступов к Будапешту, а юго-восточные оборонять войсками «потрепанной в боях 3-й венгерской армии», усиленной одной танковой и одной моторизованной немецкими дивизиями.

Будапештская стратегическая наступательная операция была проведена войсками 2-го и части сил 3-го Украинских фронтов совместно с Дунайской военной флотилией с целью разгромить группировку противника на территории Венгрии и вывести Венгрию из войны на стороне фашистской Германии. Будапештская операция проходила в условиях, когда советские вооруженные силы прочно владели стратегической инициативой и вели активное наступление на ряде направлений советско-германского фронта.

Завершив Белградскую наступательную операцию, войска 3-го Украинского фронта осуществили перегруппировку на левый берег Дуная в район Тимишоара — Петровград — Панчево. Им противостояли до семи немецких дивизий из групп армий «Ф» и «Е», пытавшихся не допустить дальнейшего продвижения советских войск на юго-запад, чтобы обеспечить сохранение коммуникаций, необходимых для вывода германских войск из Греции, Югославии и Албании.

Войска 2-го Украинского фронта после проведения Дебреценской операции продолжали боевые действия против немецкой группы армий «Юг» (генерал-полковник Г. Фриснер, с 23 декабря 1944 г. — генерал пехоты О. Велер) в составе 8-й и 6-й немецких армий, 3-й, 2-й и части сил 1-й венгерских армий, которые поддерживались частью сил 4-го воздушного

флота и венгерских ВВС. Основные силы группы армий «Юг» действовали на ньиредьхазско-мишкольцком направлении для прикрытия северо-восточных подступов к Будапешту, а юго-восточные обороняли войсками 3-й венгерской армии, усиленной одной танковой и одной моторизованной немецкими дивизиями. На будапештском направлении оперативная плотность фашистских войск в обороне была в 2,1 раза ниже, чем на дебреценском. Войскам 2-го Украинского фронта противостояли силы группы армий «Юг» в составе 35 дивизий, в том числе девять танковых и моторизованных и три бригады[163]. У противника было 510 тыс. человек, 4150 орудий и минометов, 790 танков и штурмовых орудий, 500 боевых самолетов[164].

Гитлер был преисполнен решимости удержать венгерскую столицу. Особое значение он придавал нефтяному району Надьканижа, заявляя, что «можно скорее пойти на сдачу Берлина, чем на потерю венгерской нефти и Австрии»[165]. Командование вермахта считало главной задачей войск группы армий «Юг» задержать продвижение советских войск в Венгрии и не допустить их к юго-восточным границам Германии. С этой целью командующий группой армий «Юг» в своей директиве от 28 октября приказал создать силами войск группы устойчивую оборону по Тисе и уничтожить советские войска, которые вышли в междуречье Тисы и Дуная, применив для этого все имеющиеся резервы.

Стремясь не допустить дальнейшего продвижения советских войск в глубь Венгрии, фашисты на подступах к Будапешту развернули широкое строительство оборонительных полос и рубежей. Была создана довольно сильная и глубокая оборона, состоявшая из трех подковообразных обводов, которые упирались своими флангами в Дунай севернее и южнее города. Будапешт, как один из крупнейших городов Европы, представлял собой крупный индустриальный центр с многоэтажными каменными зданиями и был превращен гитлеровцами в крепость.

Подготовка Будапештской операции началась в ходе завершения Дебреценской и Белградской. Так, по указанию Ставки из 3-го во 2-й Украинский фронт были переданы 2-й и 4-й гвардейские механизированные корпуса, которые развертывались на левом крыле фронта. Несколько ранее в центр была перегруппирована 7-я гвардейская армия, прежде действовавшая на правом крыле фронта. В состав 3-го Украинского фронта передавались 4-я гвардейская армия из резерва Ставки и 18-й танковый корпус из 2-го Украинского фронта. Входившая в состав 3-го Украинского фронта 57-я армия перегруппировывалась на северный берег Дуная, в междуречье Тисы и Дуная, и усиливалась одним стрелковым корпусом из 37-й армии. Были несколько изменены полосы наступления войск фронтов: так, полоса наступления 2-го Украинского фронта значительно сузилась за счет передачи участка к югу от Самбора 3-му Украинскому фронту. Кроме перечисленных мероприятий распоряжением Ставки в ноябре 1944 г. в состав 2-го Украинского фронта было направлено пополнение в количестве 40 тыс. человек и 200 танков[166].

Оценка обстановки, проведенная при подготовке Будапештской операции, показала, что Ставка предполагала главный удар на Будапешт нанести с юго-востока и востока. Такое решение предопределялось тем, что это направление являлось наиболее удобным для наступления советских войск и прикрывалось относительно слабыми силами противника. Здесь на 250-километровом фронте от Польгар до Байи действовало лишь 11 дивизий противника против 36 наших. Основная группировка противника, насчитывавшая в своем составе около 32 дивизий, была скована советскими войсками на участке фронта от Дуклинского перевала до Польгар[167].

К началу Будапештской операции в состав 2-го Украинского фронта входили пять советских (40, 27, 53, 7-я гвардейская и 46-я) и две румынские (1-я и 4-я) общевойсковые армии, 6-я гвардейская танковая и 5-я воздушная армии, две конно-механизированные группы, а также три танковых (вместе с корпусами танковой армии), два механизированных и три кавалерийских корпуса, 58 стрелковых и кавалерийских дивизий, из них 13 дивизий румын. Главные силы 2-го Украинского фронта находились на центральном участке и правом крыле. Всего во 2-м Украинском фронте насчитывалось 760 тыс. человек, 9 тыс. орудий и минометов, 868 танков и САУ, 1300 боевых самолетов, которые к концу октября вели бои на рубежах Чоп — Надькалло, Сольнок — Батина[168].

Учитывая сложившуюся обстановку, Ставка приказала командующему 2-м Украинским фронтом силами войск левого крыла начать 29 октября наступление между Тисой и Дунаем в общем направлении на Будапешт[169]. Незамедлительным переходом в наступление Ставка стремилась упредить возможное усиление будапештской группировки противника за счет перегруппировки его войск из района Мишкольц. Настоятельность таких действий определялась также шаткостью политического положения правящего руководства Венгрии.

Наступление 2-го Украинского фронта по-прежнему должно было проходить в тесном взаимодействии с 4-м и 3-м Украинскими фронтами. Перед войсками 4-го Украинского фронта, продолжавшими наступление в глубь Чехословакии, стояла задача овладеть рубежом р. Ондава. Тем самым достигалось сковывание сил противостоящего врага и недопускалась их переброска на будапештское направление. 3-й Украинский фронт, прикрывая левое крыло 2-го Украинского, должен был перегруппировать свои основные силы на северный берег Дуная, в междуречье Тисы и Дуная, захватить плацдарм на правом берегу Дуная, южнее Байи, с которого с подходом главных сил развернуть наступление на правобережье.

Советское командование для нанесения удара на Будапешт с юго-востока сосредоточило силы на левом крыле фронта. Для этого сюда была перегруппирована 7-я гвардейская армия. В резерв фронта были выведены 6-я гвардейская танковая армия и 18-й танковый корпус, которые сосредоточивались в районе Карцаг.

57-я армия 3-го Украинского фронта, выдвигавшаяся в район междуречья Тисы и Дуная, также предназначалась для нанесения удара на Будапешт, однако ее войска к началу операции не успели полностью сосредоточиться в указанных районах и в начале Будапештской наступательной операции участия не принимали.

Учитывая сложившиеся обстоятельства, 28 октября Ставка Верховного главнокомандования приказала командующему 2-м Украинским фронтом не позднее 29 октября начать наступление силами действующей на левом крыле фронта 46-й армии и 2-го гвардейского механизированного корпуса в междуречье Тисы и Дуная, свернуть здесь оборону противника на западном берегу Тисы и тем самым обеспечить ее форсирование войсками 7-й гвардейской армии. В дальнейшем, приняв в свой состав 4-й гвардейский механизированный корпус, армия должна была развивать наступление и нанести решительный удар по будапештской группировке противника[170].

Замысел операции заключался в нанесении главного удара силами 7-й гвардейской, 46-й и 1-й румынской армий, 2-го гвардейского, а с 1 ноября и 4-го гвардейского механизированного корпусов при поддержке 5-й воздушной армии в общем направлении на Кечкемет — Будапешт с задачей прорвать оборону противника юго-восточнее Будапешта и овладеть им. Конно-механизированную группу генерал-лейтенанта И. А. Плиева предполагалось использовать в полосе 7-й гвардейской армии. В резерве фронта находилась 6-я гвардейская танковая армия. Остальные армии и конно-механизированная группа генерал-лейтенанта С. И. Горшкова должны были продолжать наступление, форсировать Тису и захватить оперативные плацдармы, сковывая вражеские силы и не допуская их переброски в район Будапешта.

Наступательные действия 2-го Украинского фронта должны были, как и в предыдущих операциях, проходить в тесном взаимодействии с 4-м и 3-м Украинскими фронтами. 4-й Украинский фронт наступлением в глубь Чехословакии должен был сковать действующие перед фронтом силы противника, не допустив их переброски на будапештское направление.

Войскам 3-го Украинского фронта было приказано продолжать перегруппировку, одновременно передовыми частями захватить плацдармы на правом берегу Дуная на территории Венгрии, а с подходом главных сил включиться в общее наступление на территории Венгрии.

Командующий войсками 2-го Украинского фронта решил продолжать активные действия во всей полосе, сосредоточивая основные силы на участке южнее Орадя — Арад для нанесения главного удара на Дебрецен — Ньиредьхаза. Задачи армиям на наступление давались не одновременно. 29 сентября командующий 2-м Украинским фронтом поставил перед войсками 27-й, 6-й гвардейской танковой армий и конно-механизированной группы

Расчет немецкого противотанкового гранатомета

Тяжелый немецкий танк на улице Будапешта

под командованием С. И. Горшкова следующие задачи[171]. 27-я и 53-я армии должны были форсировать Тису и выйти на ее западный берег. Войскам 40-й и 4-й румынской армий приказывалось продолжать выполнение ранее поставленных задач, наступая в общем направлении на Деж. 46-я армия, усиленная 2-м гвардейским механизированным корпусом, наносила удар правым флангом силами двух стрелковых и одного механизированного корпусов в общем направлении на Кечкемет — Будапешт.

Для обеспечения этого удара войска левого фланга армии выдвигались на Дунай. 7-я гвардейская армия получила задачу с утра 30 октября перейти в наступление из района юго-восточнее Сольнока, форсировать Тису и к исходу дня выйти на рубеж Тосег — Надькереш. Наступление 46-й и 7-й гвардейской армий поддерживала авиация 5-й воздушной армии.

Войска правого крыла фронта (40, 27, 53-я армии, румынские соединения и конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева) продолжали наступать на ньиредьхазско-мишкольцском направлении, сковывая противостоявшие им вражеские силы. 6-ю гвардейскую танковую армию, находившуюся во фронтовом резерве, командующий фронтом планировал ввести в сражение в полосе 7-й гвардейской армии для развития успеха на будапештском направлении.

Наступление на Будапешт началось силами 2-го Украинского фронта 29 октября, на следующий день после завершения Дебреценской операции. Во второй половине дня войска левого крыла фронта прорвали оборону противника, войска 46-й армии генерал-лейтенанта И. Т. Шлемина к исходу 30 октября продвинулись на 20—40 км. 7-я гвардейская армия за это время, нанеся удар из района северо-восточнее г. Сольнок, захватила на западном берегу Тисы плацдарм по фронту до 30 км и в глубину до 10 км[172].

Чтобы удержать в своих руках г. Кечкемет и не допустить продвижения советских войск, немецко-фашистское командование спешно перебросило на это направление 24-ю танковую дивизию. Контратакуя наступавшие советские части, танковая дивизия совместно с гарнизоном Кечкемета и 113-м зенитным полком оказали упорное сопротивление, однако их попытки удержать город оказались безуспешными.

К утру 1 ноября советские войска очистили от врага Кечкемет, продолжая главными силами развивать наступление на Будапешт. В тот же день в сражение были введены 2-й и 4-й гвардейские механизированные корпуса, которые, стремительно продвигаясь вперед, уже 2 ноября находились в 15 км от Будапешта. Однако противник быстро перебросил в район города значительные силы и сумел остановить продвижение советских войск, начались затяжные бои.

Опираясь на р. Тиса, неприятель оказывал упорное сопротивление войскам 53-й и 7-й гвардейской армий. Лишь 46-я армия с вводом в прорыв 4-го гвардейского механизированного корпуса продолжала успешно продвигаться в направлении на Будапешт. К исходу 2 ноября 4-й механизированный корпус, уничтожая контратакующие части противника и обходя его опорные пункты, продвинулся до 60 км и вышел к внешнему оборонительному обводу города, на рубеж в 20 км южнее Будапешта. Вслед за корпусом двигалась стрелковая дивизия на машинах, а 2-й гвардейский механизированный корпус к этому времени вышел в район Монор — Илле (20—25 км юго-восточнее Будапешта).

Враг, пытаясь любой ценой ликвидировать прорыв советских войск к Будапешту, срочно перебросил из района Мишкольц три танковые и одну моторизованную дивизии и, опираясь на заранее подготовленную оборону, сумел задержать дальнейшее продвижение войск 46-й армии и механизированных корпусов. Все попытки этих войск в течение 3 и 4 ноября прорвать оборону противника не увенчались успехом.

Положение остальных войск фронта оставалось без существенных изменений. Чтобы содействовать 7-й гвардейской армии в преодолении Тисы, командующий фронтом поставил перед перегруппированной к этому времени в район Сольнок конно-механизированной группой генерала И. А. Плиева задачу нанести удар на север с целью свернуть оборону противника по западному берегу Тисы.

В этих условиях Ставка 4 ноября обратила внимание командующего 2-м Украинским фронтом на то, что попытки овладеть столичным городом на узком участке силами только двух механизированных корпусов с незначительным количеством пехоты могут привести к неоправданным потерям. Чтобы избежать этого, необходимо было быстрее вывести войска 7-й гвардейской, 53, 27 и 40-й армий на западный берег Тисы, развернуть наступление на более широком фронте и разгромить будапештскую группировку врага, нанеся удар с севера и северо-востока[173].

Большую помощь сухопутным войскам оказывала авиация. 5-я воздушная армия наносила массированные удары по войскам противника в полосе прорыва 7-й гвардейской армии и на направлении наступления ударной группировки фронта в оперативной глубине. Только в первый день операции летчики произвели более 800 самолето-вылетов, из них около 50% — для непосредственной поддержки войск, в том числе 46-й армии при форсировании Дуная. В течение пяти дней они совершили свыше 2300 самолето-вылетов[174].

Выполняя указания Ставки, войска 2-го Украинского фронта 11 ноября возобновили наступление. Конно-механизированной группе было приказано нанести удар из района Сольнок на север с целью свернуть оборону гитлеровцев по западному берегу Тисы и помочь тем самым 7-й гвардейской армии форсировать ее. Войска 46-й армии продолжали наступать на юго-востоке от Будапешта.

Войска 53-й и 7-й гвардейской армий к 10 ноября закончили форсирование Тисы и продвинулись в северо-западном направлении на 20 км. Наступавшие из района Сольнок — Цеглед конно-механизированная группа, 2-й и 4-й гвардейские механизированные корпуса, сломив сопротивление неприятеля юго-восточнее г. Ясберень, 26 ноября заняли важный опорный пункт и узел дорог — г. Хатван и создали тем самым условия для выхода войск фронта к Дунаю севернее Будапешта. Действовавшие на будапештском направлении войска 2-го Украинского фронта к концу ноября занимали следующее положение: 53-я и 7-я гвардейская армии вышли на рубеж Эгер — Дьендьеш — восточнее Ишасег; 46-я армия вела бои восточнее Эрд по левому берегу Дуная до Салксентмартона.

Таким образом, к концу ноября войска 2-го Украинского фронта прорвали оборону противника между Тисой и Дунаем, нанесли ему значительные потери и, продвинувшись в северо-западном направлении до 100 км, вышли к внешнему обводу Будапешта с юга. Одновременно они форсировали Тису и подошли к Будапешту с юго-востока. Но основная задача, стоявшая перед 2-м Украинским фронтом: разгромить будапештскую группировку, расчленить ее восточнее Будапешта, обойти город с севера и нанести удары с севера, северо-востока и юга, — оказалась невыполненной. И на этот раз опять из-за недостаточности сил.

3 декабря соединения 27-й армии овладели г. Мишкольц — мощным опорным пунктом вражеской обороны, крупным узлом коммуникаций и важнейшим центром военной промышленности Венгрии. Бои непосредственно в городе вели части 78-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор Н. М. Михайлов. В период с 27 ноября по 5 декабря войска центра фронта перегруппировывались и вели бои на отдельных направлениях, чтобы улучшить исходное положение для нового наступления.

В то время как 2-й Украинский фронт вел наступление на Будапешт, войска 3-го Украинского фронта форсировали Дунай и вели бои за создание плацдарма на его правом берегу. К началу ноября 1944 г. из войск 3-го Украинского фронта на левом берегу Дуная на участке Моноштор — Нови-Сад действовал только 75-й стрелковый корпус, под прикрытием которого заканчивали переправу через Дунай и сосредоточение главные силы 57-й армии этого фронта.

По указанию командующего 57-й армией генерал-полковника М. Н. Шарохина командир 75-го стрелкового корпуса генерал-майор А. З. Акименко в течение ночи на 8 ноября внезапно для противника высадил небольшие отряды на правый берег Дуная севернее устья Дравы. Сбив прикрытие врага, отряды захватили небольшие плацдармы и в течение недели вели бои за их расширение.

В ходе боев за плацдарм в районе Батина, где наступали войска 75-го, а позднее 64-го стрелковых корпусов, успешно действовала также и 12-я югославская пехотная бригада.

К концу ноября соединения 57-й армии при поддержке авиации и кораблей Дунайской военной флотилии соединили плацдармы. Продолжая наступление, советские войска захватили крупный узел шоссейных и железных дорог г. Печ и населенные пункты Батасек и Мохач, тем самым еще более расширив плацдарм.

Со второй половины ноября на правом берегу Дуная начали боевые действия соединения 4-й гвардейской армии, переданной в состав 3-го Украинского фронта. Придавая важное значение новому операционному направлению, позволявшему развернуть наступление по кратчайшему пути к Надьканижскому нефтепромышленному району и в северо-западном направлении в обход Будапешта с юго-запада, Ставка Верховного главнокомандования усилила 3-й Украинский фронт, передав ему из 2-го Украинского фронта стрелковый и танковый корпуса, а также конно-механизированную группу генерала Горшкова в составе танкового и кавалерийского корпусов.

С 24 ноября на правом берегу Дуная уже действовали войска двух общевойсковых армий 3-го Украинского фронта. Кроме того, командующему этим фронтом было разрешено использовать в наступлении на территории Венгрии войска 1-й болгарской армии. К исходу 26 ноября плацдарм в полосе фронта был расширен до 50 км по фронту и 14—17 км в глубину.

Развивая наступление в северном и северо-западном направлениях, действовавшие на плацдарме войска 3-го Украинского фронта обошли с запада сильно укрепленный г. Сексард, а 2 декабря овладели городами Пакш и Боньхад. В ходе боев за Пакш большую помощь войскам оказали катера Дунайской военной флотилии, успешно высадившие в районе города десант, который нанес внезапный удар по противнику, расчленив его силы. Дунайская военная флотилия как во время форсирования Дуная, так и в период наступления вдоль него на север активно помогала нашей пехоте, перебрасывая технику, войска и поддерживая их огнем.

Немцы пытались преградить дорогу нашим морякам плавучими минами и заграждениями из затопленных судов, но советские катера продолжали активно содействовать наступавшим войскам 3-го Украинского фронта. Успешные действия в захвате плацдарма во многом зависели от того, что основные силы противника были скованы под Будапештом, где наступали войска 2-го Украинского фронта.

В начале декабря расположение войск 3-го Украинского фронта было следующее: 4-я гвардейская армия вышла на фронт западнее Салксентмартона до Калоча и далее по линии Толна — Алпар — Шашд; 57-я армия к этому времени находилась на линии Шашд — Пеллерд — Харкань и далее по левому берегу Дравы до Дуная; южнее фронт проходил по левому берегу Дуная и был занят частями 1-го гвардейского укрепленного района. Далее на юг действовали части Народной освободительной армии Югославии, которые поддерживались советской артиллерией и авиацией.

Конно-механизированная группа 3-го Украинского фронта в составе 5-го гвардейского кавалерийского и 7-го механизированного корпусов была сосредоточена восточнее Байи, а 18-й танковый корпус располагался в районе Мохача. Войска 3-го Украинского фронта, выйдя к озерам Веленце и Балатон, угрожали с тыла вражеской группировке, оборонявшей Будапешт. Теперь у советского командования появилась реальная возможность окружить ее силами двух фронтов.

Новое наступление, согласно решению командующего 2-м Украинским фронтом от 27 ноября, должно было начаться 5 декабря утром. Основная цель его заключалась в том, чтобы, прорвав оборону восточнее и южнее Будапешта, окружить будапештскую группировку врага: с востока — силами 53-й и 7-й гвардейской армий и с запада — силами 46-й армии. 53-я и 7-я гвардейская армии должны были выйти на рубеж Лапуйте — Балашшадьярмат — Ипольсег — Вероч и далее по восточному берегу Дуная, а 46-я армия — в район Эстергома[175].

Главный удар наносился на участке 7-й гвардейской армии, имевшей задачу прорвать оборону противника северо-западнее Хатвана, обеспечить ввод в прорыв 6-й гвардейской танковой армии и конно-механизированной группы фронта и к исходу третьего дня наступления выйти на рубеж Ипольсег — Шахи — Вероч.

Стрелковое подразделение ведет бой

Захваченный немецкий бронетранспортер

Войскам 53-й армии предстояло прорвать неприятельскую оборону в районе севернее Хатвана и наступать в общем направлении на Сечень. 46-я армия, сковывая противника активными действиями южнее Будапешта, должна была форсировать Дунай в районе Эрда и наступать в направлении Бичке, обходя Будапешт с юго-запада. 2-й гвардейский механизированный корпус после ввода в прорыв на второй день операции имел задачу развивать наступление 46-й армии в общем направлении на Бичке — Эстергом.

С 27 ноября по 4 декабря 46-я армия осуществляла перегруппировку, готовила переправочные средства и выводила свои главные силы на остров Чепель. К исходу 4 декабря сюда были выведены шесть стрелковых дивизий, 2-й гвардейский механизированный корпус (183 танка и САУ) и 7-я артиллерийская дивизия прорыва[176]. Для форсирования Дуная армии было придано 50 семитонных и 18 тридцатитонных паромов. С захватом плацдармов на правом берегу предполагалось силами фронта навести наплавной мост грузоподъемностью 60 тонн и один мост грузоподъемностью 16 тонн[177].

3-й Украинский фронт должен был продолжать наступление с плацдарма силами 4-й гвардейской армии, 18-го танкового корпуса и конно-механизированной группы генерала Горшкова в направлении на Секешфехервар, а силами 57-й армии — на Надьканижа.

Таким образом, на этот раз планировалось окружить Будапешт войсками центра и левого крыла 2-го Украинского фронта, обеспечивая их действия с юга наступлением войск 3-го Украинского фронта.

Немецко-фашистское командование, видя создавшееся угрожающее положение под Будапештом, с лихорадочной поспешностью усиливало группировку войск, прикрывавшую город с востока и юга. В своей директиве командующему 6-й армией 28 ноября командующий группой «Юг» потребовал немедленно высвободить с фронта и направить на усиление обороны 3-й венгерской армии управление танкового корпуса, две танковые дивизии и одну бригаду, а в дальнейшем еще одну танковую дивизию. Кроме того, из группы армий «Ф» в состав группы армий «Юг» включалась полностью 2-я танковая армия.

5 декабря в 10 часов 15 минут после 45-минутной артиллерийской подготовки войска армий, находившиеся в центре 2-го Украинского фронта, возобновили наступление. 53-я армия, наступая соединениями левого фланга, овладела рядом населенных пунктов, но оборону противника не прорвала и из-за сильного сопротивления задачу дня выполнить не смогла.

Более успешно в этот день действовала 7-я гвардейская армия: ее войска прорвали оборону противника на участке Байя — Нижняя Картала, продвинулись на 4—8 км, расширив фронт прорыва до 18 км. Во второй половине дня в прорыв была введена 6-я гвардейская танковая армия. Вначале танкистам не удалось развить быстрые темпы наступления, и до темноты они не смогли оторваться от своей пехоты. Но уже в ночь на 6 декабря армия значительно продвинулась вперед, и утром 6 декабря 9-й гвардейский механизированный корпус вел бой южнее Гуты, а 5-й гвардейский танковый корпус — в районе Ача. Вслед за танковой армией командующий фронтом 6 декабря ввел в сражение конно-механизированную группу генерала Плиева.

Хорошая погода способствовала активным действиям авиации. 5-я воздушная армия 2-го Украинского фронта в течение дня произвела 803 самолето-вылета, авиация противника — 330 самолето-вылетов[178].

Враг упорно сопротивлялся. В течение 6 и 8 декабря против левофланговых частей 53-й армии немцы предприняли 15 контратак. Соединения 7-й гвардейской армии неоднократно подвергались сильным ударам бомбардировочной авиации врага. Бои носили маневренный характер, и поэтому очень часто стороны не имели сплошного фронта. В этих условиях огромное значение приобретала разведка всех видов. От своевременного получения сведений о противнике нередко зависели ход и исход боя.

8 декабря Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский уточнил задачи войскам центра фронта, обратив внимание генерала Плиева на недостаточно решительные действия конно-механизированной группы, особенно 4-го гвардейского механизированного корпуса. Группе

Форсирование Дуная юго-восточнее Будапешта

была поставлена задача к утру 9 декабря овладеть г. Балашшадьярмат. Группа задачу успешно выполнила — Балашшадьярмат 9 декабря был очищен от гитлеровцев.

Несмотря на сильную распутицу и бездорожье, вследствие непрерывных дождей, множество каналов и речек, преграждавших путь нашим войскам, наступление северо-восточнее Будапешта хотя и медленно, но развивалось. Вскоре после падения Балашшадьярмата войска фронта овладели городами Ноград, Вац, Асод и многими другими населенными пунктами. В результате наступления дороги, ведущие из Будапешта на север и северо-восток, были перерезаны.

4 декабря в 23 часа соединения 46-й армии неожиданно для противника начали форсирование Дуная юго-восточнее Будапешта. Переправившимся на западный берег частям пришлось преодолевать сильную оборону: враг закрепился в сплошных линиях траншей, за которыми шли оросительные каналы и гряда высот, приспособленные к обороне, а еще глубже проходила вторая оборонительная полоса, заблаговременно подготовленная и занятая войсками. За ночь им удалось расширить плацдарм до 18 км по фронту и углубиться в расположение противника на несколько километров. К 10 часам утра 5 декабря на западном берегу Дуная уже действовали одиннадцать батальонов пехоты из четырех стрелковых дивизий армии и часть полковой артиллерии.

5 декабря и в последующие дни эти войска вели бои за расширение захваченных плацдармов, отражая многочисленные контратаки пехоты и танков врага. Наиболее ожесточенные бои развернулись в течение 6–9 декабря, было предпринято свыше десяти контратак противника. В отдельных контратаках участвовали до семи батальонов пехоты и более 50 танков и штурмовых орудий неприятеля.

После захвата и расширения плацдарма 46-я армия развернула отсюда наступление с целью обхода Будапешта с юга. Немецко-фашистское командование прилагало большие

усилия, чтобы не допустить выхода ее соединений на коммуникации своей будапештской группировки. Перебросив подкрепления на угрожаемый участок, противник с 7 декабря стал предпринимать сильные контратаки. 46-я армия успешно отражала натиск фашистских войск, но после выхода на оборонительную «линию Маргариты»[179] была вынуждена перейти к обороне.

Подтянув из резерва части 8-й танковой дивизии, полк самоходных орудий и 239-ю бригаду штурмовых орудий, срочно переброшенную из района Мишкольца, противник силами до трех пехотных полков и более 70 танков и штурмовых орудий при поддержке артиллерии и авиации с рубежа Ельвир — Барачка 9 декабря нанес сильный удар, в результате которого ему удалось потеснить части нашей 99-й стрелковой дивизии и овладеть населенным пунктом Кишмартон. Но все дальнейшие попытки врага продвинуться вперед и сбросить 99-ю дивизию в Дунай не увенчались успехом.

В этот же день войска 46-й армии овладели г. Эрчи и в районе озера Веленце соединились с частями 3-го Украинского фронта. Командование вермахта развило лихорадочную деятельность, стремясь усилить оборону на юго-восточных подступах к Будапешту. Перебросив сюда значительные силы, гитлеровцам удалось резко усилить сопротивление. Продвигаться войскам 46-й армии становилось все труднее. Бои по окружению Будапешта с запада принимали затяжной характер. Стало очевидно, что сил 46-й армии для решения этой важной и трудной задачи недостаточно. Учитывая все это, Ставка Верховного главнокомандования 12 декабря приказала: 46-ю армию в полном составе передать 3-му Украинскому фронту, а окружение Будапешта с запада осуществить силами правого крыла 3-го Украинского фронта[180].

В боевых действиях войск 46-й армии при форсировании Дуная необходимо отметить прежде всего хорошо организованное обеспечение переправы как передовых частей, так и главных сил армии, а также полную внезапность форсирования. Снижались же темпы наступления 46-й армии из-за недостаточности сил и средств; вследствие этого не был своевременно использован первоначальный успех, достигнутый при форсировании. Для наращивания силы удара из глубины нужны были резервы, а ими в это время маршал Р. Я. Малиновский не располагал.

Таким образом, в ходе наступления войска левого крыла и центра 2-го Украинского фронта с 5 по 9 декабря разгромили противника и отрезали пути отхода будапештской группировке на север. Выйти на пути, идущие от Будапешта на запад, в силу уже изложенных причин войскам 46-й армии не удалось.

В то же время на правом берегу Дуная, между озером Балатон и Дунаем, главные силы 3-го Украинского фронта успешно развивали наступление в северном, западном и южном направлениях. Наступление частей фронта на север от г. Печ было встречено упорной обороной противника на канале Капош, где гитлеровцы успели закрепиться. Сломив сопротивление врага, советские войска форсировали канал и овладели г. Домбовар. Ни яростные контратаки танков и пехоты противника, ни бомбовые удары его авиации не смогли остановить наступление войск 3-го Украинского фронта. Несмотря на сильную распутицу, советские части успешно продвигались на север. 2 декабря был освобожден от гитлеровцев важный узел железных дорог в юго-западной Венгрии — г. Капошвар.

Войска фронта, перейдя в начале декабря в наступление, вышли к Дунаю севернее и северо-западнее Будапешта, отрезав неприятелю пути отхода на север. В результате тяжелых боев 46-я армия при участии Дунайской военной флотилии 5 декабря форсировала Дунай и захватила небольшой плацдарм на противоположном берегу.

К исходу 8 декабря левофланговые соединения 4-й гвардейской армии вышли к заранее подготовленному оборонительному рубежу противника между озерами Балатон и Веленце. Ее правофланговые соединения, свертывая вражескую оборону вдоль Дуная, достигли юго-западного берега Веленце и на другой день соединились с войсками 46-й армии.

Сопротивление фашистов с каждым днем возрастало. Немецкое командование усиливало это направление резервами. Попытки советских воинов с ходу прорвать оборону врага и ов-

ладеть г. Секешфехервар не увенчались успехом. Войска 4-й гвардейской армии приступили к планомерной подготовке прорыва оборонительного рубежа противника юго-западнее Будапешта, носившего условное название «линия Маргариты».

57-я армия 3-го Украинского фронта 9 декабря вышла к озеру Балатон и захватила южнее Барча плацдармы на правом берегу Дравы. С 10 по 19 декабря войска 2-го и 3-го Украинских фронтов готовились к новому наступлению на Будапешт. К этому времени войска правого крыла и центра 2-го Украинского фронта, сломив вражеское сопротивление на венгерско-чехословацкой границе, вступили на территорию Чехословакии и вышли на южные склоны гор Матра — р. Ипель — Балашшадьярмат. Наступавшая на левом крыле фронта 6-я гвардейская танковая армия частью сил вела местные бои на северном берегу р. Ипель в районе Шахи. 7-я гвардейская армия и входивший в ее состав 7-й румынский корпус вышли к внешнему обводу Будапешта. Левее до Дуная действовали соединения 18-го отдельного гвардейского стрелкового корпуса[181].

2-й Украинский фронт к этому времени насчитывал 39 стрелковых дивизий, два укрепленных района, два кавалерийских, два танковых и два механизированных корпуса. Кроме того, в оперативном подчинении командующего фронтом находились 14 румынских дивизий[182].

Войскам фронта противостояли часть сил 1-й танковой армии немцев, 1-я венгерская, 8-я немецкая и часть сил 6-й немецкой армии. Эти объединения имели 26 дивизий, в том числе четыре танковые, три моторизованные и две кавалерийские, и большое количество частей усиления.

В полосе 3-го Украинского фронта в период с 9 по 20 декабря линия фронта не изменилась и проходила: от Дуная до озера Веленце, от озера Балатон до реки Драва, далее по северному берегу Дравы до ее впадения в Дунай. На этом фронте действовали 46-я, 4-я гвардейская, 57-я и 1-я болгарская армии, конно-механизированная группа генерала Горшкова, 18-й танковый и 2-й гвардейский механизированный корпуса, 1-й гвардейский укрепленный район и 83-я бригада морской пехоты. В составе войск фронта (без учета болгарских войск) имелись 31 стрелковая дивизия, укрепленный район, бригада морской пехоты, кавалерийский, танковый и два механизированных корпуса[183].

Против 3-го Украинского фронта действовали часть сил 6-й немецкой армии, 3-я венгерская, 2-я немецкая танковая армии и часть сил группы армий «Ф» — всего 25 дивизий, из них пять танковых, одна моторизованная, две кавалерийские, а также моторизованная и кавалерийская бригады. Всего перед 2-м и 3-м Украинскими фронтами противник имел 51 немецкую и венгерскую дивизию и две бригады, в том числе девять танковых, четыре моторизованные дивизии и моторизованную бригаду[184].

Войскам 2-го Украинского фронта предстояло преодолеть сильную оборону противника, правда, она не везде была одинаковой. Наиболее развитой в инженерном отношении являлась оборона на венгеро-чехословацкой границе, где действовали войска правого крыла фронта, а также по рубежу рек Ипель и Дунай и на внешнем обводе Будапешта, где предстояло сражаться войскам левого крыла фронта. Несколько слабее оборона была лишь севернее Будапешта, в районе Шахи, где создавалась поспешно. Особенно сильно враг укрепил свои позиции перед 3-м Украинским фронтом на рубеже Дунай — Балатон. Здесь были три оборонительные полосы, две из которых занимали войска. Общая глубина обороны на этом участке фронта составляла 40–70 км. Особенно мощным узлом сопротивления являлся г. Секешфехервар. Оборона гитлеровцев непрерывно совершенствовалась.

Согласно директиве Ставки Верховного главнокомандования от 12 декабря 1944 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов должны были одновременными ударами с северо-востока, востока и юго-запада завершить окружение и разгром будапештской группировки противника и овладеть Будапештом.

По решению командующего войсками 2-го Украинского фронта главный удар наносился 53-й, 7-й гвардейской, 6-й гвардейской танковой армиями и конно-механизированной группой генерала Плиева из района Шахи в северо-западном, западном и юго-западном

направлениях. Эти войска имели задачу уничтожить противника и выйти к Дунаю на участке Несмей — Эстергом, не допустив отхода будапештской группировки врага на северо-запад.

Одновременно силами 30-го стрелкового корпуса 7-й гвардейской армии, 7-го румынского корпуса, 18-го отдельного гвардейского стрелкового корпуса[185] наносился удар на Будапешт с востока с целью овладения городом. Войска правого крыла фронта — 4-я румынская, 40-я и 27-я армии — получили задачу развивать наступление на рожнявском, зволенском и комарненском направлениях.

Несколько необычным в этом решении было то, что 6-я гвардейская танковая армия наступала в первом эшелоне оперативного построения фронта. Это осуществлялось в интересах обоих фронтов, окружавших будапештскую группировку врага. Стремительное наступление танковой армии должно было предотвратить возможный удар противника по флангу войск, окружавших город. Кроме того, в последующем армия могла быть быстро выведена на нитра-братиславское направление.

3-й Украинский фронт наносил удар силами 46-й и 4-й гвардейской армий с 18-м танковым, 2-м гвардейским и 7-м механизированными, а также 5-м гвардейским кавалерийским корпусами, имея задачу прорвать вражескую оборону на участке северо-восточнее и юго-западнее озера Веленце и, развивая наступление в направлении Бичке, выйти на южный берег Дуная на участке Эстергом — Несмей и отрезать пути отхода на запад будапештской группировке противника. Частью сил фронт должен был наступать на Будапешт с запада и во взаимодействии с войсками левого крыла 2-го Украинского фронта овладеть столицей Венгрии.

Тщательно подготовленный план советского командования был основан на опыте таких блестящих операций, как Корсунь-Шевченковская, Ясско-Кишиневская, а также на исключительно смелых действиях всех родов войск. Гарантией успеха являлись высокое моральное состояние и боевой дух войск. Личный состав частей и соединений питал безграничное доверие к своим командирам и был уверен в победе.

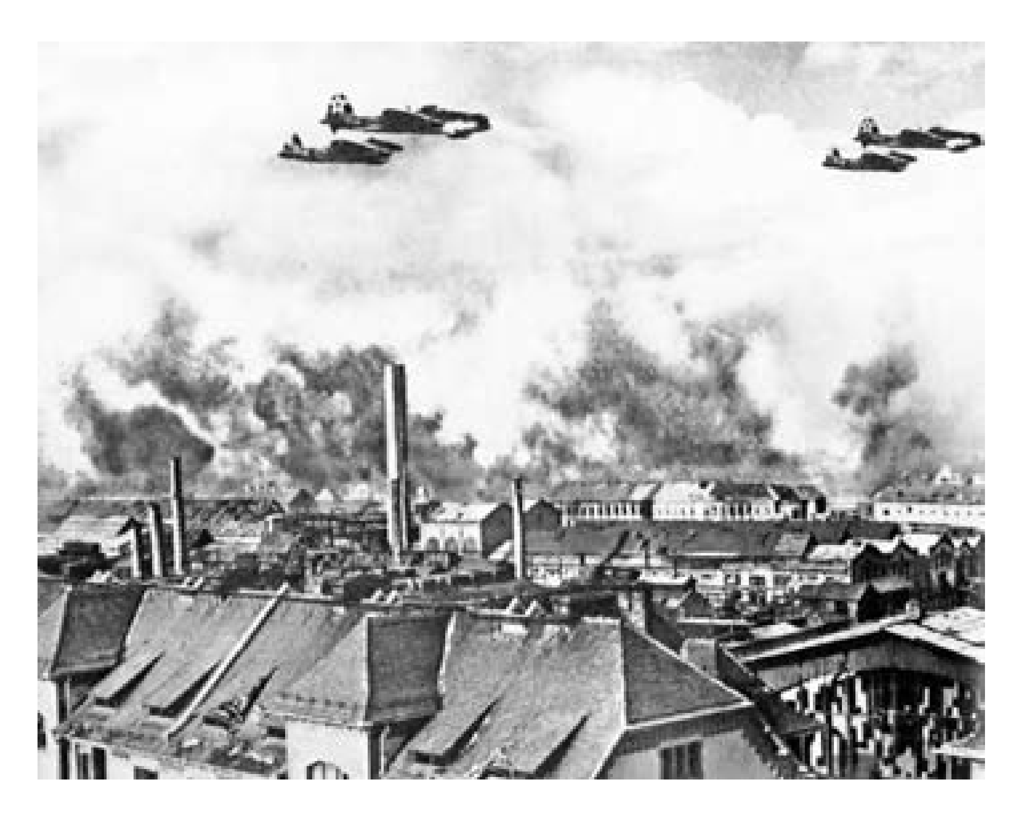
В последующем окружение будапештской группировки неприятеля происходило следующим образом. Утром 20 декабря в назначенный для наступления срок войска 2-го Украинского фронта атаковали противника. 6-я гвардейская танковая армия, прорвав вражескую оборону, к исходу дня продвинулась на 25—30 км и вышла к р. Грон в районе Кальницы. Войска 7-й гвардейской армии, сломив сопротивление немцев и обойдя с севера и юга г. Бержень, к исходу первого дня наступления продвинулись до 20 км и вышли в долину р. Ипель.

Стремясь во что бы то ни стало остановить наступление войск 2-го Украинского фронта, немецкое командование срочно подтянуло в район юго-западнее Шахи части 6, 8 и 3-й танковых дивизий, всего до 200 танков и штурмовых орудий. 21 декабря эта группировка нанесла по нашим войскам контрудар[186]. Противник наступал по сходящимся направлениям основными силами из района Сакалоша на Шахи. Немецкое командование явно хотело перерезать коммуникации 6-й гвардейской танковой армии. Главный удар пришелся по боевым порядкам 7-й гвардейской армии, действовавшей вдоль левого берега р. Ипель. Завязались ожесточенные бои, в результате которых танковым частям противника к исходу 22 декабря удалось прорваться в район Шахи, то есть туда, откуда за два дня до этого началось наступление 6-й гвардейской танковой армии.

Для войск 2-го Украинского фронта создалась чрезвычайно напряженная обстановка. Но, несмотря на исключительно серьезную угрозу, нависшую над далеко выдвинувшейся вперед 6-й гвардейской танковой армией, последняя вынуждена была удерживать свои позиции, чтобы не дать противнику сорвать успешно начатое наступление северо-восточнее Будапешта. С большим упорством обороняя каждый метр своих позиций, советские танкисты наносили противнику серьезный урон. Сплошного фронта здесь не было, бои носили очаговый, маневренный характер. Обстановка быстро менялась, требовалось большое искусство командования, чтобы правильно использовать выгодные моменты в ходе боя. В этом отношении заслуживают внимания решительные и своевременные действия командующего 2-м Украинским фронтом.

Советские солдаты в боях на улицах Будапешта

Советская авиация бомбит объекты в окруженном Будапеште

В ходе начавшегося наступления противник подставил под удар свой левый фланг, чем немедленно воспользовался маршал Р. Я. Малиновский. 6-й гвардейской танковой армии было приказано, удерживая за собой Левице и Жемберовце, прикрыться частью войск с севера, а главными силами нанести удар на юг вдоль восточного берега р. Грон, отрезать от переправ прорвавшиеся танковые части врага и совместно с 7-й гвардейской армией разгромить их в междуречье Ипеля и Грона.

Между реками Ипель и Грон на сравнительно небольшом участке фронта развернулись ожесточенные, преимущественно танковые бои, именовавшиеся в те дни боями в междуречье. Восемь дней и ночей длился напряженный танковый поединок между советскими и немецкими войсками. Особенно упорные и ожесточенные бои развернулись в районе Сетих — Лонтов. Удерживавшие в этом районе оборону 30-я гвардейская танковая и 46-я гвардейская механизированная бригады 23 декабря подверглись сильному удару вражеских танков и штурмовых орудий. Противнику удалось рассечь фронт бригад и оттеснить их из Лонтова. Одновременно с этим более 50 вражеских танков из района Сакалоша атаковали боевые порядки 21-й и 26-й гвардейских танковых бригад, вынудив их отойти на новый оборонительный рубеж. Фронт 6-й гвардейской танковой армии к северо-востоку от населенного пункта Шахи оказался под угрозой прорыва. Ценой огромных усилий и самоотверженных действий танкистов, а также взаимодействовавших с ними общевойсковых соединений, в частности 303-й стрелковой дивизии, удалось отбить все дальнейшие попытки врага прорваться на коммуникации нашей танковой армии.

Вечером 24 декабря командующий фронтом уточнил задачу 6-й гвардейской танковой армии, приказав ей с утра 25 декабря, прикрываясь по рубежу р. Грон, главными силами перейти в решительное наступление в общем направлении на Эстергом и совместно с 7-й гвардейской армией уничтожить противника в районе Сакалоша и юго-западнее. Армия должна была сильным передовым отрядом к исходу 25 декабря овладеть переправой через Дунай у Эстергома.

Командующему 7-й гвардейской армией было приказано с утра 25 декабря перейти в наступление на всем фронте армии и к исходу этого же дня левофланговыми соединениями армии выйти на р. Грон. Участок обороны Надошани — Жемберовце — Левице — Свети-Юр на Гроне танковая армия передала 4-му гвардейскому кавалерийскому корпусу, которому ставилась задача прикрыть с севера наступление главных сил 6-й гвардейской танковой армии на Эстергом[187]. Таким образом, все силы танковой армии были высвобождены для удара в южном направлении.

Развернувшиеся 25 декабря бои значительных результатов советским войскам не дали, лишь передовые части 9-го гвардейского механизированного корпуса смогли несколько продвинуться вперед. Выбив противника из Лонтова, они завязали уличные бои в Сакалоше.

В ночь на 26 декабря 5-й гвардейский танковый корпус, обойдя отдельные неприятельские группы, стремительным броском овладел городами Дармотки и Палд, отрезав пути отхода противнику из района южнее Сакалоша на запад. За последующие два дня войска 6-й гвардейской танковой армии и часть сил 7-й гвардейской армии продолжали окружать и уничтожать гитлеровцев в районе южнее Сакалоша.

Всего в результате боев в междуречье было уничтожено 7600 солдат и офицеров противника, около 150 танков и штурмовых орудий, 87 орудий и другое вооружение; взят в плен 7551 солдат и офицер; захвачено 54 танка и штурмовых орудия, 102 орудия и миномета[188]. 6-я гвардейская танковая армия в этих боях также понесла значительные потери, особенно в танках.

26 декабря соединения 6-й гвардейской танковой и 7-й гвардейской армий подошли к Дунаю севернее Эстергома и соединились с войсками 3-го Украинского фронта, вышедшими в этот день в район Эстергома с юга. Так было завершено окружение будапештской группировки врага.

В конце декабря 7-я гвардейская армия вышла на р. Грон на участке от Левице до устья, захватив небольшой плацдарм в районе южнее Солдины. К этому времени командующий

Залп тяжелых реактивных установок по обороне гитлеровцев в районе Будапешта

Минометчики в уличном бою в Будапеште

фронтом вывел 6-ю гвардейскую танковую армию в свой резерв, расположив ее в районе Дармотки — Сакалош (примерно в 15 км западнее Будапешта).

Пока здесь шли непрерывные бои, войска правого крыла 2-го Украинского фронта силами 40, 27 и 53-й армий, конно-механизированной группы генерала Плиева и соединения румынских армий развивали наступление на Рожняву, Добшину и Зволен. Эти действия проходили уже на территории Чехословакии. Немецко-фашистское командование стремилось не допустить продвижения советских войск в юго-восточные районы Чехословакии, стабилизировать фронт севернее Дуная и обеспечить этим действия своих частей, готовивших наступление на Бичке с целью деблокирования окруженной в Будапеште группировки.

Однако расчеты немецкого командования были сорваны успешным наступлением войск правого крыла 2-го Украинского фронта, которые, взломав вражескую оборону и наступая не только днем, но и ночью, овладели городами Шалготарьян, Сечень и к концу декабря вышли на фронт Турия — Римовска-Свобода — севернее Сечень — Левице, завершив таким образом полное освобождение территории Венгрии на этом направлении. Большая заслуга войск правого крыла фронта заключалась еще и в том, что они своим наступлением сковали значительные силы противника, не допустив переброски их под Будапешт, где решался исход боев за Венгрию.

Задачу по овладению восточной частью Будапешта выполняли соединения будапештской группы войск 2-го Украинского фронта[189]. Боевые действия развивались следующим образом: 30-й стрелковый и 7-й румынский армейский корпуса, а также 36-я гвардейская стрелковая дивизия к исходу 31 декабря прорвали внешний обвод обороны Будапешта и завязали бои в предместьях города. 18-й отдельный гвардейский стрелковый корпус и 297-я стрелковая дивизия, встретив упорное сопротивление врага, продвигались медленно и к концу месяца задачу выполнить не смогли, их части вели бои в районе Шарокшар и севернее.

Наступление войск 3-го Украинского фронта в общем направлении на Секешфехервар началось также 20 декабря. Атаке пехоты предшествовала сильная артиллерийская и авиационная подготовка, продолжавшаяся в течение часа. Мощным ударом при поддержке артиллерии и авиации соединения 46-й и 4-й гвардейской армий прорвали главную полосу противника, но развить высокие темпы наступления из-за сильных контратак мотопехоты, танков и штурмовых орудий не смогли. Это объясняется главным образом тем, что в боевых порядках советских стрелковых дивизий совершенно не было танков непосредственной поддержки пехоты. Для завершения прорыва тактической зоны вражеской обороны на второй день наступления в сражение были введены армейские подвижные группы, 2-й гвардейский и 7-й механизированные корпуса, а 22 декабря — 18-й танковый корпус.

Натиск советских подвижных войск был настолько стремителен, что гитлеровцы не успели эвакуировать из Секешфехервара и прилегавших к нему районов не только склады военного имущества, но даже авиацию. Так, на аэродроме, расположенном южнее города, войска захватили 54 совершенно новых самолета «Мессершмитт-109»[190].

К исходу 26 декабря на рубеж, занимаемый 18-м танковым корпусом, вышли стрелковые войска наступавшей ударной группировки правого крыла 3-го Украинского фронта. Окружение будапештской группировки было завершено. В этот же день 46-я армия во взаимодействии со 2-м гвардейским механизированным корпусом завязала бои на улицах Буды. 27 декабря войска 3-го Украинского фронта, выйдя к Дунаю севернее Будапешта, рассекли окруженную группировку врага и зажали часть ее в излучине Дуная. 30 декабря эта группа была полностью ликвидирована. Советские войска взяли здесь 5390 пленных и захватили 42 танка, 36 самоходных орудий, 34 полевых орудия и ряд других трофеев[191].

Одновременно 46-я армией, которая вела бои на внутреннем фронте окружения, 4-я гвардейская армия и 5-й гвардейский кавалерийский корпус развивали наступление на запад и северо-запад, создавая внешний фронт окружения. К 26 декабря эти войска уже находились в 30–45 км от внутреннего фронта окружения, а к 31 декабря вели бои на рубеже Несмей — западнее озера Балатон. На участке Балатон — р. Драва, где действовали 57-я и 1-я болгарская армии, фронт оставался неизменным.

Успеху войск 3-го Украинского фронта, как и 2-го, во многом содействовала авиация 17-й и 5-й воздушных армий.

Окруженная в Будапеште группировка вражеских войск в своем составе имела семь пехотных, две танковые, одну моторизованную, две кавалерийские дивизии, три артиллерийские бригады, до 30 отдельных полков, батальонов и разных боевых групп немцев и венгров общей численностью свыше 188 тыс. человек[192]. Гитлеровское командование готовило город к длительной обороне. Создавались запасы боеприпасов и продовольствия. Один из красивейших городов Европы — Будапешт с более чем миллионным населением гитлеровцы обрекали на разрушение, их не тревожило, что бои в городе могут привести к огромным жертвам среди населения.

Военные действия в Венгрии носили очень напряженный характер. Накал борьбы определяли не только сложные географические и погодные условия, но и упорное сопротивление врага, ибо эта страна для него являлась мощным арсеналом и последней сырьевой базой, откуда Третий рейх черпал вооружение, военную технику, продовольствие и другие материальные средства.

В начале января войска 2-го и 3-го Украинских фронтов под командованием маршалов Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина приступили к ликвидации окруженной еще в декабре 1944 г. будапештской группировки врага. Гитлеровцы упорно сопротивлялись. Немецкое командование предпринимало неоднократные попытки прорвать кольцо окружения и восстановить оборону по Дунаю. Если на армии 3-го Украинского фронта легла задача сражаться на внешнем фронте окружения, то вся тяжесть разгрома будапештского гарнизона и освобождения Будапешта досталась войскам Малиновского.

По состоянию на 1 января 1945 г. в восточной части венгерской столицы — Пеште действовали левофланговые корпуса 7-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта и 7-й румынский корпус. Остальные войска фронта занимали оборону на левом берегу Грона — от устья и далее на север. В резерве фронта находилась 6-я гвардейская танковая армия.

Войска 3-го Украинского фронта были сосредоточены главным образом на внешнем фронте окружения. Так, 4-я гвардейская армия вела боевые действия на правом берегу Дуная, западнее Эстергома и далее на юг до озера Балатон. 57-я армия перешла к обороне южнее Балатона, до р. Драва в районе Барч. Далее на юг до Торянца должна была занять оборону 1-я болгарская армия, сменив действовавшие здесь югославские соединения. 46-я армия со 2-м гвардейским механизированным корпусом вела бои фронтом на восток против гитлеровцев, оборонявшихся в западной части города — Буде. В резерве фронта находились 18-й танковый и 5-й гвардейский кавалерийский корпуса[193].

Будапешт представлял собой подготовленную к длительной обороне крепость. Он был опоясан колючей проволокой, окружен всевозможными укреплениями и заграждениями, изрезан траншеями. В городе имелись большие запасы материальных средств. Оборонявшему его гарнизону продовольствие, горючее и боеприпасы доставлялись по воздуху. Гитлер приказал сражаться за город до последнего солдата, согласовывая свои действия с наступлением войск извне. Фашисты готовились любой ценой удерживать свои позиции.

Еще 12 декабря Ставка ВГК отдала директиву командующим 2-м и 3-м Украинскими фронтами о переподчинении 46-й армии генерал-лейтенанта И. Т. Шлемина и о задачах фронтов по овладению Будапештом[194]. Советские войска отразили три мощнейших контрудара противника. Первую попытку деблокировать окруженные войска немецкое командование предприняло в начале января 1945 г. Для контрудара юго-восточнее Комарно оно сосредоточило три танковые и три пехотные дивизии, а также части двух танковых дивизий, которые имели в своем составе до 500 танков и штурмовых орудий, до 700 орудий и минометов. В ночь на 2 января противник перешел в наступление, нанося главный удар на Бичке — Будапешт. Войска, окруженные в Будапеште, перешли в наступление навстречу деблокирующей группировке.

Основные усилия враг сосредоточил против правого фланга 4-й гвардейской армии генерал-полковника Г. Ф. Захарова. Ее оборона из-за недостатка времени не была полностью

Немецкий артиллерийский расчет готовится открыть огонь

Автоматчики 3-го Украинского фронта в уличных боях за Будапешт

Советские самоходчики уточняют боевую задачу. Будапешт, 1945 г.

подготовлена. Резервы армии находились на значительном расстоянии, что затрудняло возможность их использования.

Определив направление главного удара немецко-венгерских войск, советское командование предпринимало срочные меры по его отражению. 4 января были поставлены конкретные задачи по отражению контрудара противника из района Комарно. Выполняя указания Ставки ВГК, командующий 3-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин направил к участку прорыва армейские и фронтовые резервы, а также войска, снятые с неатакованных участков фронта. При отражении этого контрудара командование фронта широко использовало маневр истребительно-противотанковой артиллерией и саперными подразделениями. Не добившись успеха, неприятель вынужден был 6 января прекратить наступление.

Второй контрудар, также имевший своей целью деблокировать окруженные в Будапеште войска, противник нанес из района северо-западнее Секешфехервара в общем направлении на Замой. На этот раз главный удар противника приняли на себя войска центра 4-й гвардейской армии. Вражеское наступление силами трех танковых дивизий и ряда других частей началось 7 января. Бои носили исключительно упорный характер. Потеряв в ходе наступления более 100 танков, противник продвинулся перед центром советских войск на 10 км, однако прорвать их оборону и соединиться с окруженной в Будапеште группировкой не смог и на этот раз[195].

Эффективные действия советских войск в этот период получили довольно высокую оценку начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Г. Гудериана, который 9 января 1945 г. на совещании в ставке вермахта заявил, что русские «распоряжаются отлично. Их люди в Венгрии организуют дело хорошо и очень быстро... Они действуют очень решительно. Это надо признать»[196].

Весьма сильным и опасным оказался третий контрудар — из района севернее озера Балатон, начатый 18 января. Для прорыва обороны советских войск немецким командованием был привлечен 4-й танковый корпус СС. Он нанес удар в северо-восточном направлении и на третий день вышел к Дунаю в районе Дунапентеле. Войска 3-го Украинского фронта на правом берегу Дуная оказались рассечены.

Оценив сложившуюся обстановку, Ставка Верховного главнокомандования 18 января возложила задачу по ликвидации окруженной группировки в Будапеште на 2-й Украинский фронт маршала Р. Я. Малиновского, вновь переподчинив ему соединения 46-й армии. Войска 3-го Украинского фронта должны были восстановить утраченное положение на внешнем фронте окружения юго-западнее города и готовиться к переходу в наступление с целью разгрома группировки между Дунаем и Балатоном.

Несмотря на предпринимавшиеся меры, обстановка в районе озера Балатон с каждым днем становилась все напряженнее. После четырехдневных боев советские войска вынуждены были 22 января оставить Секешфехервар. Враг, не считаясь с большими потерями, хотя и медленно, но упорно продвигался к Будапешту. Плацдарм, образованный советскими войсками на правом берегу Дуная, сужался. 26 января танки противника находились всего в 25 км от южной окраины столицы Венгрии.

Правильно оценив возможные последствия ухудшения обстановки в полосе 3-го Украинского фронта, Ставка 21 января возложила координацию действий 2-го и 3-го Украинских фронтов на Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко. При его содействии часть авиации 5-й воздушной армии 2-го Украинского фронта была переключена на поддержку войск 3-го Украинского фронта, отражавших вражеский контрудар на Будапешт.

Эффективные действия авиации, умело осуществленный маневр артиллерией и танками на поле боя, стойкость и мужество пехоты, самоотверженные и организованные действия всех частей привели к тому, что натиск противника начал ослабевать. И на этот раз он был вынужден перейти к обороне, не достигнув цели.

Советское командование решило ликвидировать врага, прорвавшегося к Дунаю, силами 3-го Украинского фронта. Соединения левого фланга 4-й гвардейской армии должны были

Красноармеец-разведчик на площади Кальвария в Будапеште

Советские артиллеристы ведут огонь из 152-мм гаубицы по противнику в Будапеште

Колонна советских солдат на улице Будапешта

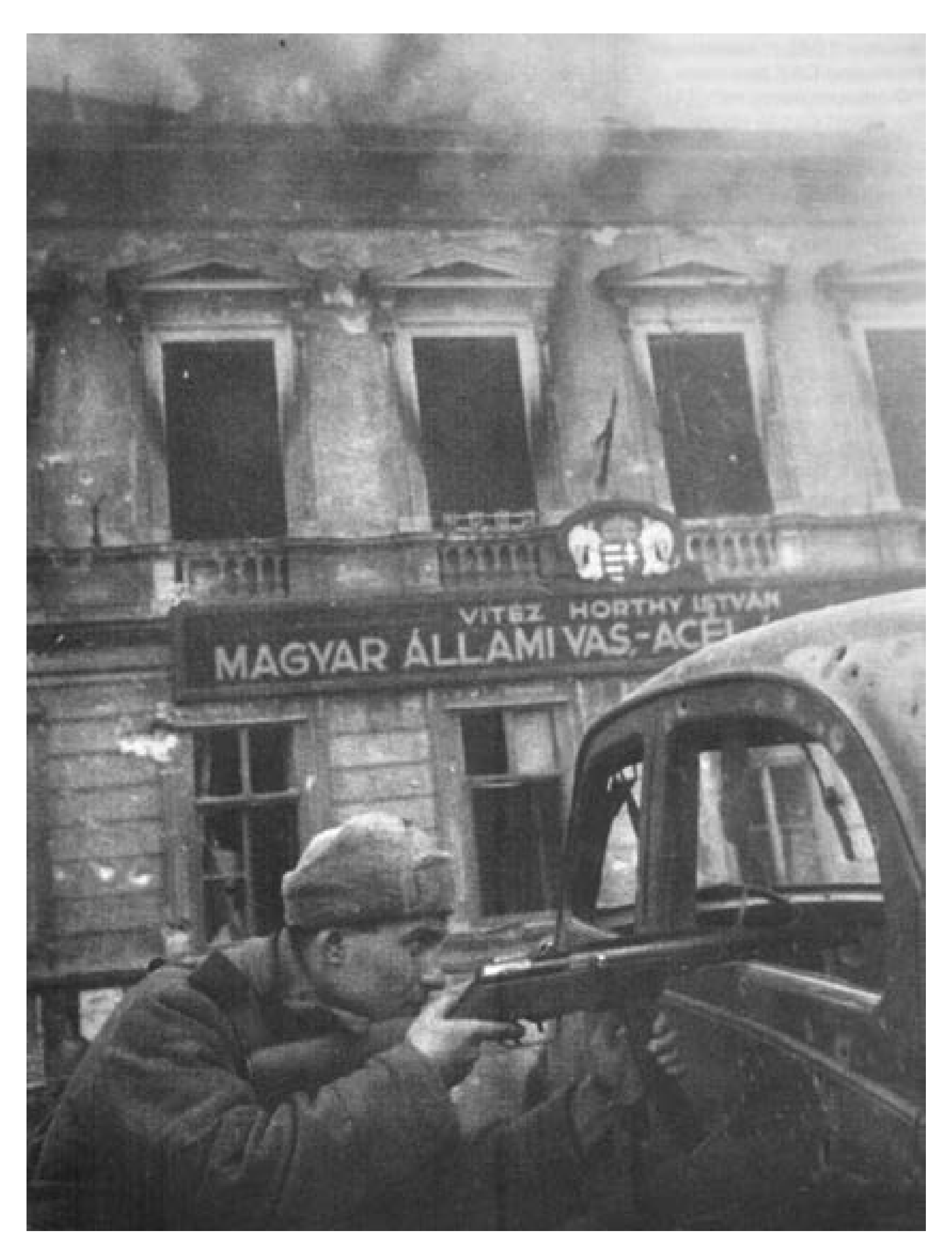
Подбитая немецкая 150-мм самоходная гаубица

Штурм вражеских укреплений в пригороде Будапешта

Бой на улице Коппаньи в Будапеште

Советский солдат в уличном бою на площади Ференца в Будапеште

Немецкий планер, врезавшийся в здание. Будапешт, 1945 г.

нанести удар с севера, а 26-й армии — с юга. 27 января обе ударные группы перешли в наступление в направлении Шарошд. После напряженных шестидневных боев они очистили от гитлеровцев правый берег Дуная и, соединившись, развернули наступление на запад. Чтобы избежать окружения, немецкое командование начало отводить свои войска. Преследуя противника, соединения 3-го Украинского фронта 7 февраля вышли на линию южнее озера Веленце — озеро Балатон — севернее Секешфехервара.

В целом войска 3-го Украинского фронта в январе — феврале нанесли противнику большие потери в живой силе и технике, особенно в танках, и почти полностью восстановили положение. Только 4-й гвардейской армией были уничтожены и пленены до 30 тыс. солдат и офицеров, подбито свыше 300 танков и штурмовых орудий, до 180 бронетранспортеров[197].

Контрудары врага не принесли ему ожидаемых результатов. Однако борьба за Будапешт приняла затяжной характер. Войскам 3-го Украинского фронта пришлось перейти к обороне. Удаление внешнего фронта окружения на 50—90 км от Будапешта позволило создать новые оборонительные рубежи и обеспечило советским войскам свободу маневра силами и средствами в ходе боевых действий.

Одновременно с боями на внешнем фронте окружения не менее ожесточенная борьба шла в целях ликвидации окруженной в Будапеште группировки врага. Бои в городе вела специально созданная 11 января будапештская группа под командованием генерал-майора И. М. Афонина — командира 18-го гвардейского стрелкового корпуса. Эта группа объединила на внутреннем фронте окружения войска 2-го и 3-го Украинских фронтов. В ее состав входили в различные периоды четыре стрелковых корпуса, а до 15 января — и 7-й румынский армейский корпус.

17 января советские войска расчленили оборону противника в Пеште на три части, а на следующий день почти 100-тысячная группировка врага перестала существовать. В плен сдались около 63 тыс. солдат и офицеров; было подбито и захвачено около 300 танков и штурмовых орудий, 1044 орудия и миномета, а также много другого вооружения и боевой техники[198]. Однако в западной части города — Буде сражение продолжалось до 13 февраля, когда столица Венгрии была полностью очищена от противника.

Особенностью штурма Будапешта было очень ограниченное применение бронетанковой техники (в отличие от Берлинской операции), всю боевую работу по поддержке штурмующих выполняла артиллерия, включая 203-мм орудия, поставленные на прямую наводку. В этом свете весьма странными выглядят утверждения некоторых венгерских историков о якобы сотнях уничтоженных советских танков при штурме Будапешта: в соответствии с документами 3-го Украинского фронта в самом городе было потеряно безвозвратно всего 12 единиц бронетехники. Более того, окруженный гарнизон города имел как минимум трехкратное преимущество над штурмующими по бронетанковой технике.

Многие отличившиеся части и соединения получили почетное наименование Будапештских. Вместе с советскими войсками в боях за Будапешт участвовали и венгерские добровольцы. В период Будапештской операции, проходившей с 29 октября 1944 г. по 13 февраля 1945 г., 2-й и 3-й Украинские фронты и Дунайская военная флотилия потеряли свыше 320 тыс. человек, из них безвозвратные потери составили более 80 тыс. человек[199].

Освобождением Будапешта завершился важный этап боевых действий Красной армии. Немецкая группа армий «Юг» потерпела серьезное поражение. Советские войска на южном участке фронта получили возможность приступить к подготовке и проведению завершающих ударов по врагу в Чехословакии, Венгрии и Австрии.

С успехом отразив январские вражеские контрудары, войска 3-го Украинского фронта приступили к закреплению занимаемых рубежей. Войска 2-го Украинского фронта после овладения Будапештом и ликвидации окруженной в нем группировки противника совместно с частью 3-го Украинского фронта продолжали уничтожать отдельные прорвавшиеся из окружения небольшие группы вражеских войск.

Командование вермахта, придававшее большое значение обороне Венгрии — своего последнего союзника, начало стягивать сюда новые соединения, в том числе и 6-ю танко-

вую армию СС, снятую с западного фронта. Против войск 3-го Украинского фронта было сосредоточено около 900 танков и штурмовых орудий[200], значительное число которых (около 400 машин) составляли тяжелые танки «пантера», «тигр» и «королевский тигр». Основная масса танков и штурмовых орудий, предназначенных для нанесения удара, сосредоточилась на участке между озерами Веленце и Балатон. Причем на направлении главного удара плотность на 1 км фронта достигала 43 танка и штурмовых орудия. Это без учета бронетранспортеров, которых в межозерье имелось более 800.

Уже во второй половине февраля советское командование располагало сведениями о сосредоточении в западной части Венгрии крупной танковой группировки противника и намерениях немецкого командования осуществить контрнаступление в районе озера Балатон. Разведывательные данные свидетельствовали о том, что враг по-прежнему стремится удержать за собой Венгрию и Австрию.

Замысел контрнаступления противника предусматривал нанесение трех ударов по сходящимся направлениям. Главный удар намечалось осуществить силами 6-й полевой армии и 6-й танковой армии СС между озерами Веленце и Балатон в юго-восточном направлении с целью выйти к Дунаю на участке Дунапентеле — Дунафельдвар и тем самым рассечь группировку советских войск на две части. Вспомогательные удары намечались: один — из Надьканижи на восток силами 2-й танковой армии с целью разгрома 57-й армии генерал-лейтенанта М. Н. Шарохина; второй — частью сил группы армий «Ф» с южного берега Дуная против 1-й болгарской армии генерал-лейтенанта В. Стойчева[201].

В сложившейся обстановке 3-му Украинскому фронту Ставка ВГК приказала, не приостанавливая подготовку наступления на Вену, временно закрепиться в обороне на заранее подготовленных рубежах, отразить контрнаступление врага, а затем перейти в решительное наступление на венском направлении.

К началу марта 3-й Украинский фронт в своем составе имел четыре советские общевойсковые армии (4-ю гвардейскую, 26, 57 и 27-ю), 1-ю болгарскую, 17-ю воздушную армии, два танковых, механизированный и кавалерийский корпуса. В оперативном подчинении командования фронта находилась Дунайская военная флотилия. Всего во фронте насчитывалось свыше 465 тыс. солдат и офицеров, около 7 тыс. орудий и минометов, 400 танков и самоходно-артиллерийских установок, до тысячи самолетов[202].

Рано утром 6 марта мощный бронированный кулак противника обрушился на советские войска. Началась Балатонская оборонительная операция. Вначале враг нанес два удара на южном участке фронта: один — в час ночи по 1-й болгарской и 3-й югославской армиям на рубеже р. Драва, а другой — в 7 часов утра по частям и соединениям 57-й армии. Эти удары носили вспомогательный характер, но преследовали далеко идущие цели. Вначале немецкое командование переходом здесь в наступление на несколько часов раньше, чем на главном направлении, надеялось отвлечь внимание от межозерного участка 3-го Украинского фронта. В дальнейшем, в случае нанесения поражения 1-й болгарской армии и достижения успеха наступления на южном участке в целом, враг предполагал выйти в тыл 57-й армии и к переправам советских войск на Дунае[203].

Главный удар противник нанес утром 6 марта между озерами Веленце и Балатон, сосредоточив на отдельных участках до 50–60 танков на 1 км фронта. Воспользовавшись относительной слабостью главной полосы обороны советских войск на данном участке, недостаточной организацией обеспечения стыков, неприятель в первый день наступления вклинился в нее южнее озера Веленце, занял населенный пункт Шерегейеш, а западнее канала Шарвиз продвинулся на 1,5–2 км.

Развернувшиеся между озерами Веленце и Балатон бои носили напряженный характер. Танковый удар, не являвшийся для командования фронта неожиданным, приняли на себя 26-я и 4-я гвардейская армии генерал-лейтенантов Н. А. Гагена и Н. Д. Захватаева, оборона которых была достаточно хорошо подготовлена в инженерном отношении.

Однако натиск противника нарастал, командование вермахта бросало в сражение всё новые резервы. Атаки танков и мотопехоты следовали одна за другой. Но и Маршал Совет-

ского Союза Ф. И. Толбухин, внимательно следивший за действиями Гагена и Захватаева, направил в их полосы обороны 18-й танковый и 1-й гвардейский механизированный корпуса, затем ввел в сражение 27-ю армию генерал-полковника С. Г. Трофименко и 5-й гвардейский кавалерийский корпус.

Оборонительное сражение войск 3-го Украинского фронта велось на двух далеко отстоявших друг от друга направлениях. Развернувшиеся бои приобретали все более ожесточенный характер. Советские воины упорно обороняли каждый метр своих позиций. Так, в тяжелые бои оказались втянуты все дивизии 30-го стрелкового корпуса 26-й армии. Против них действовала крупная танковая группировка противника. Многочисленные вражеские атаки, в которых одновременно участвовало до 70 танков, разбивались о стойкость советских солдат. Исключительное мужество в боях проявил личный состав 436-го стрелкового полка под командованием подполковника И. С. Ерошкина[204].

Танковые и механизированные соединения и самоходно-артиллерийские полки, действуя подразделениями из засад, широко использовались для борьбы с вражескими танками. Активизировали свои действия авиация 17-й воздушной армии и часть сил 5-й воздушной армии 2-го Украинского фронта. Но противник, не считаясь с потерями, продолжал настойчиво продвигаться вперед. Чтобы улучшить управление войсками, командующий 3-м Украинским фронтом возложил оборону участка южнее озера Веленце и до канала Шарвиз на 27-ю армию, которой были подчинены два танковых и механизированный корпуса. 26-я армия, также усиленная резервами фронта, обороняла участок от канала Шарвиз до озера Балатон.

Противник настойчиво стремился прорваться к Дунаю, стремясь рассечь группировку войск 3-го Украинского фронта на две изолированные части. 8 марта он ввел в бой 2-ю танковую дивизию СС в общем направлении на Шерегейеш. Между озерами Веленце и Балатон одновременно действовало более 250 танков и штурмовых орудий врага[205]. Особенно трудно пришлось соединениям 26-й армии 9 марта. В полосе армии сложилась тяжелая обстановка, только благодаря своевременному вводу командованием фронта в сражение свежих сил и произведенной перегруппировке войск удалось отразить удары врага.

Вплоть до 15 марта 1945 г. неприятель продолжал настойчиво атаковать позиции советских войск. На заключительном этапе немецкое командование ввело в сражение свой последний резерв — 6-ю танковую дивизию. На протяжении последующих двух дней свыше 300 танков и штурмовых орудий противника наносили удар за ударом по соединениям 27-й армии, но все атаки были отбиты.

15 марта наступление врага прекратилось. Все десять суток шли ожесточенные бои. Широкий маневр резервами и артиллерией, высокая стойкость советских частей и соединений сорвали контрнаступление немецко-фашистских войск, рассчитанное на решающий успех в районе озера Балатон. Войска противника прорваться к Дунаю не смогли. Лишь на одном участке между озерами западнее канала Шарвиз гитлеровцам удалось вклиниться на 20–30 км. Потеряв свыше 40 тыс. человек, около 500 танков и штурмовых орудий, свыше 300 орудий и минометов, более 250 самолетов, немецкие войска были вынуждены перейти к обороне. Последняя надежда немецкого командования сохранить за собой западную часть Венгрии рухнула.

В ходе Балатонской оборонительной операции потери советских войск составили: безвозвратные — 8492 человека, санитарные — 24 407 человек[206].

Балатонская операция стала последней крупной оборонительной операцией Красной армии в годы войны. Она явилась еще одним примером величайшего мужества, несгибаемой стойкости и геройства советских воинов. В результате операции были полностью сорваны попытки командования вермахта остановить наступление советских войск на южном крыле советско-германского фронта. Характерная особенность этой операции заключалась в том, что она была проведена в ходе подготовки наступления на Вену. Операция явилась образцом высокой организации и ведения оперативной обороны силами одного фронта на двух далеко отстоящих друг от друга направлениях, смелого маневра резервами, вторыми эшелонами и особенно артиллерией. Благодаря этому плотность артиллерии на отдельных направлениях, где наступали главные силы противника, достигала 160–170 орудий на 1 км фронта.

Колонна средних немецких танков, расстрелянная из засады советской артиллерией между озерами Веленце и Балатон

Уничтоженный немецкий танк

Поучительно была организована противотанковая оборона, включавшая ротные опорные пункты, объединенные в батальонные противотанковые узлы, противотанковые районы, эшелонированные по глубине, сильные противотанковые резервы и подвижные отряды заграждения в соединениях и армиях. Для Балатонской операции характерно применение в борьбе с танками всей артиллерии, в том числе зенитной, и авиации. За десять суток авиация произвела 5277 самолето-вылетов, из них 50% — штурмовой авиацией для борьбы с вражескими танками. Танки и САУ применялись, как правило, из засад на вероятных направлениях танковых атак противника. Кроме того, танковые и самоходные артиллерийские части действовали как подвижные противотанковые резервы. Вторые эшелоны и резервы фронта использовались, как правило, для усиления войск первого эшелона в борьбе за тактическую зону обороны.

В последующем советские войска продолжали наступление по венгерской территории в общем направлении на Вену. К исходу 16 марта продвижение войск правого крыла 3-го Украинского фронта не превышало 3—7 км. Учитывая создавшуюся обстановку, Ставка ВГК в этот же день передала ему из 2-го Украинского фронта 6-ю гвардейскую танковую армию (генерал-полковник танковых войск А. Г. Кравченко), приказав использовать ее совместно с войсками 27-й армии для развития наступления и разгрома противостоящей 6-й танковой армии СС[207].

Соединения 46-й армии генерала А. В. Петрушевского на левом крыле 2-го Украинского фронта в ожесточенных боях 17 марта прорвали вражескую оборону. В сражение был введен 2-й гвардейский механизированный корпус, который стремительно вышел к Дунаю и отрезал частям венгерской 3-й армии пути отхода. В это же время корабли Дунайской военной флотилии высадили десант на правом берегу Дуная западнее Эстергома. Совместными ударами стрелковых войск, танкистов и моряков, поддерживаемых летчиками 5-й воздушной армии, до четырех вражеских дивизий (около 17 тыс. человек), прижатых к Дунаю, были вскоре разгромлены.

Войска противника упорно сопротивлялись. 19 марта в полосе 9-й гвардейской армии 3-го Украинского фронта была введена в сражение 6-я гвардейская танковая армия. Она двинулась в обход танковой группировки врага (6-й танковой армии СС), ранее рвавшейся к Дунаю. И противник дрогнул — его войска, прикрываясь крутым берегом озера Балатон, стали отходить.

Командующий войсками 3-го Украинского фронта приказал с утра 20 марта частью сил 4-й гвардейской армии, а также силами 27-й и 26-й армий нанести удары на Берхида — Лепшень. Ставка Верховного главнокомандования разрешила использовать часть сил 18-й воздушной армии. В ночь на 22 марта дальние бомбардировщики совершили налет на железнодорожный узел Веспрем, а бомбардировщики и штурмовики 17-й воздушной армии уничтожали колонны войск на дорогах, узлы связи, а также авиацию противника на аэродромах.

Предпринятые советским командованием меры позволили повысить темпы наступления войск 3-го Украинского фронта. К вечеру 22 марта основные силы 6-й танковой армии СС были почти окружены. Однако уничтожить полностью их не удалось: гитлеровцы ценой больших потерь успели вывести значительное количество живой силы и техники.

С 25 марта советские войска развернули преследование врага. Южнее Балатона продвигались 57-я и 1-я болгарская армии. 2 апреля они овладели центром нефтеносного района Венгрии — г. Надьканижа. 4 апреля 1945 г. Красная армия завершила изгнание войск немецких захватчиков с территории Венгрии.

После освобождения Венгрии войска 2-го и 3-го Украинских фронтов продолжали свое движение на запад. Теперь острие их удара было нацелено на Вену.

Таким образом, в сентябре 1944 — апреле 1945 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов при активной поддержке авиации дальнего действия и при содействии Дунайской военной флотилии совместно с румынскими, югославскими и болгарскими войсками осуществили четыре крупные наступательные операции — Белградскую, Дебреценскую, Будапештскую, а также Венскую (о которой будет сказано ниже) и одну оборонительную — Балатонскую.

В ходе их советские войска разгромили группу армий «Юг», нанесли поражение группам армий «Ф», «Е» и «А», уничтожили около 72 вражеских дивизий, освободив от противника значительную территорию[208].

Наступление советских вооруженных сил на южном крыле советско-германского фронта привело к окружению крупной группировки в районе Будапешта и выводу Венгрии из войны на стороне Германии. Немецко-фашистские захватчики были изгнаны из Закарпатской Украины, Трансильвании, Венгрии и Югославии.

Успешное наступление Красной армии привело к резкому сокращению сырьевой базы гитлеровского рейха. Фашистская Германия фактически потеряла все страны Балканского полуострова, откуда в течение нескольких лет получала важное стратегическое сырье, промышленные товары и сельскохозяйственные продукты. Прекратились также поставки хромовой руды и других видов сырья из Турции, которая еще в начале августа порвала с Германией дипломатические и экономические отношения.

Действия советских вооруженных сил по разгрому южного крыла немецко-фашистской группировки являются одним из выдающихся образцов советского военного искусства. Своими победами на юго-западном направлении Красная армия еще раз ярко продемонстрировала превосходство советской стратегии, оперативного искусства и тактики над военным искусством вермахта.

Результаты наступательных действий южного крыла советских войск имели решающее значение и для освобождения от немецко-фашистских захватчиков территории южной части Балканского полуострова, а также Чехословакии и Венгрии, что, в свою очередь, способствовало успешному осуществлению освободительной миссии советских войск, которые делали все возможное, чтобы в кратчайшие сроки прийти на помощь порабощенным фашистами народам и с честью выполнить свой долг. Действия народно-освободительных армий, партизанских соединений, подпольных групп подрывали моральный дух войск противника, затрудняли ему маневр силами, причиняли фашистам урон в живой силе и боевой технике.

В результате новых операций советских войск и народных армий освобожденных стран потерпела крушение так называемая балканская стратегия реакционных кругов Англии и США, планировавших в выгодный для них момент оккупировать страны Балканского полуострова и навязать народам реакционные правительства. Провалились также надежды немецко-фашистского руководства на то, что из-за стран Балканского полуострова между СССР и его союзниками возникнут серьезные разногласия, которые приведут к развалу антигитлеровской коалиции.

На южном крыле советско-германского фронта Красная армия продвинулась в западном и северо-западном направлениях от 250 до 400 км. Были созданы благоприятные условия для полного освобождения Чехословакии и развития наступления на венском направлении. С целью восполнения потерь своей южной группировки командование вермахта было вынуждено перебросить сюда около 40 дивизий, в том числе 27 с других участков советско-германского фронта. В результате к концу 1944 г. группировка противника на юге по сравнению с началом наступления увеличилась на 11 дивизий[209]. Все привело к тому, что командование вермахта не смогло достаточно усилить центральное стратегическое направление, и это в значительной мере способствовало успеху здесь последующих мощных наступательных операций Вооруженных сил СССР.

Непременным условием этих крупных успехов явилось искусное координирование Ставкой Верховного главнокомандования боевых действий двух Украинских фронтов. Наступление 2-го Украинского фронта на будапештском направлении и форсирование 3-м Украинским фронтом Дуная в 200 км южнее столицы Венгрии лишили противника возможности организовать взаимодействие своих группировок. Овладев крупным оперативным плацдармом на правом берегу Дуная, войска 3-го Украинского фронта создали предпосылки для последующего наступления в пределы Австрии.

Поворот основных сил 3-го Украинского фронта в декабре 1944 г. на будапештское направление преследовал цель окружения ими совместно со 2-м Украинским фронтом

крупной группировки немецко-фашистских войск в районе столицы Венгрии. Основная особенность и большая трудность выполнения данной задачи заключалась в том, что предстояло замкнуть кольцо вокруг мощной группировки в большом городе, а немецкое командование еще могло бросить крупные силы на помощь извне. Чтобы не допустить этого, советское военное руководство сосредоточило свои главные усилия на создании прочного внешнего фронта окружения, направив сюда до 70% сил и средств ударных группировок обоих фронтов.

К особенностям действий советских войск по окружению противника в районе Будапешта следует отнести также и то, что операции на венгерской территории отличались большим многообразием боевых действий. Советские войска осуществляли прорыв сильной обороны («линия Маргариты»), с ходу форсировали такие крупные реки, как Тиса и Дунай, преследовали неприятеля на большую глубину, вели бои в горах и крупных населенных пунктах.

В боях на территории Венгрии принимало участие значительное количество танковых и механизированных войск. В Дебреценской и Будапештской операциях 6-я гвардейская танковая армия наступала в первом эшелоне в самостоятельной полосе, что обусловливалось главным образом слабостью обороны противника и спецификой характера местности.

Особого внимания заслуживает организация четкого взаимодействия стрелковых соединений с Дунайской военной флотилией, непрерывного управления войсками и бесперебойного боевого обеспечения.

Советские войска и народные армии приближались к границам рейха не только с востока, но и с юга. С запада наступали англо-американские союзники. Кольцо блокады вокруг гитлеровской Германии неотвратимо сжималось.

Наступление советских войск в Австрии

После ликвидации окруженной в Будапеште группировки немецких и венгерских войск Ставка ВГК 17 февраля 1945 г. выдвинула войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов задачу подготовить и провести наступательную операцию на венском направлении. По замыслу советского Верховного главнокомандования главный удар намечалось нанести по северному берегу Дуная силами 2-го Украинского фронта. Здесь предполагалось задействовать 6-ю гвардейскую танковую армию и переданную из резерва Ставки 9-ю гвардейскую армию. Наступление двух фронтов было назначено на 15 марта[210]. Координацию действий 2-го и 3-го Украинских фронтов Ставка возложила на Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко. Подготовка наступления началась со дня получения директивы Ставки ВГК.

В течение месяца фронты должны были пополниться людьми и техникой, накопить боеприпасы, что в условиях значительного удаления фронта от территории СССР являлось непростой задачей. В еще большей степени подготовка Венской операции осложнилась ввиду необходимости одновременно готовиться к отражению удара противника.

Вскрытая разведкой переброска в Венгрию немецкой 6-й танковой армии не заставила советское командование отказаться от наступательных планов, однако начавшееся немецкое наступление вынудило несколько откорректировать план наступления на Вену. Еще 9 марта, в разгар оборонительных боев, Ставка поставила войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов новые наступательные задачи. Направленная из Москвы в адрес Маршалов Советского Союза Ф. И. Толбухина и Р. Я. Малиновского директива Ставки ВГК за № 11 038 гласила: «1. Командующему войсками 3-го Украинского фронта в оборонительных боях измотать танковую группировку противника, наступающую в районе Секешфехервар, после чего не позднее 15–16 марта 1945 г. правым крылом фронта перейти в наступление с целью разбить противника севернее оз. Балатон и развивать удар в общем направлении на Папа, Шопрон. 9-ю гв. армию в оборонительные бои не втягивать, а использовать ее для развития удара и

Советские войска вступают на территорию Австрии

окончательного разгрома противника. 2. Командующему войсками 2-го Украинского фронта с выходом правого крыла фронта на р. Грон перейти к жесткой обороне на всем фронте севернее р. Дунай. Левым крылом фронта (46-я армия) перейти в наступление 17–18.3.45 г. с целью совместно с войсками 3-го Украинского фронта разбить группировку противника южнее р. Дунай и развивать наступление в общем направлении на Дьер»[211].

Тем самым направление главного удара переносилось из полосы 2-го Украинского фронта в полосу 3-го Украинского фронта, в подчинение Ф. И. Толбухина передавалась свежая 9-я гвардейская армия генерал-полковника В. В. Глаголева. Приоритет получало окружение глубоко вклинившейся в построение советских войск ударной группировки немецкой 6-й танковой армии. Следует подчеркнуть, что 9-я гвардейская армия обладала высокими ударными возможностями. Она была сформирована в январе 1945 г. из соединений отдельной воздушно-десантной армии. Стрелковые дивизии армии имели весьма высокую в сравнении с большинством дивизий Красной армии 1945 г. укомплектованность — около 10 тыс. человек. Соответственно, средняя численность стрелковых рот 9-й гвардейской армии составляла 140 человек, 4-й гвардейской армии к началу операции — 80 человек, а участвовавших в оборонительных боях 26, 27 и 57-й армий — всего 50–60 человек[212].

Сообразно общему замыслу Венской операции командующий 2-м Украинским фронтом решил нанести главный удар южнее р. Дунай в направлении Дад — Дьер силами 46-й армии и 2-го гвардейского механизированного корпуса. Севернее р. Дунай должна была наступать 7-я гвардейская армия с целью развития успеха на братиславском направлении и обеспечения действий главной ударной группировки фронта с севера. Для развития успеха на направлении главного удара фронта предназначалась 6-я гвардейская танковая армия. С воздуха наступление на направлении главного удара фронта должен был поддерживать штурмовой авиакорпус 5-й воздушной армии (147 самолетов).

Решение командующего 3-м Украинским фронтом предусматривало нанесение главного удара силами 4-й и 9-й гвардейских армий севернее Секешфехервар на фронте Гант — озеро Веленце в направлении на Веспрем с целью окружить и уничтожить танковую группировку противника южнее и юго-западнее Секешфехервара. В момент завершения окружения 6-й танковой армии в наступление должны были также перейти 26-я и 27-я армии. После выхода главных сил фронта западнее Балатона к наступлению должны были присоединиться войска 57-й и 1-й болгарской армий с задачей разгромить войска 2-й танковой армии немцев в районе Надьканижа.

Всего к 16 марта 1945 г. в составе 3-го Украинского фронта насчитывалось 380 тыс. человек, 3700 минометов, 4300 орудий и свыше 700 танков и САУ[213] (696 исправных и 32 находящихся в ремонте)[214]. Следует подчеркнуть, что в ударной группировке 4-й и 9-й гвардейских армий находилось всего около 30% от общего числа танков и САУ фронта, а остальные на момент начала операции были в составе ведущих оборонительные бои 26, 27 и 57-й армий.

С воздуха наступление 3-го Украинского фронта должна была поддерживать 17-я воздушная армия, которой командовал генерал-полковник авиации В. А. Судец. К 16 марта она насчитывала 503 исправных и 116 неисправных самолетов[215]. Основной ударной силой воздушной армии были штурмовики Ил-2 (на 16 марта — 125 исправных), а дневных бомбардировщиков в составе армии было всего 68 единиц (все типа «Бостон III», поступившие по ленд-лизу).

В подготовительный период операции проводилась широкомасштабная перегруппировка войск. Так, с 8 по 14 марта 9-я гвардейская армия была перегруппирована из района Кечкемет — Адонь в полосу предстоящего наступления. 14—15 марта 4-я гвардейская армия сдала часть своего боевого участка 9-й гвардейской армии. Чтобы сохранить операцию в тайне от противника, все перегруппировки осуществлялись только ночью.

Несмотря на принятые меры по обеспечению скрытности перегруппировки, перемещения в тылу 3-го Украинского фронта были замечены немецкой разведкой уже 13 марта. Поначалу их восприняли как местные перегруппировки с целью накопления резервов. Однако дальнейшее наблюдение развеяло последние сомнения. Вечером 14 марта в журнале боевых действий группы армий «Юг» появилась запись: «Сегодняшние перемещения не оставляют никаких сомнений относительно намерений противника. Данные воздушной разведки показывают передвижение моторизованных колонн численностью до 3000 машин, двигающихся из тыла в районе Будапешта в направлении на Замоль. Их задачей будет прерывание линий снабжения германских войск, продвинувшихся из узкого прохода у Секешфехервара, атакой в направлении озера Балатон»[216].

С получением разведывательных данных о советских приготовлениях наступление 6-й танковой армии было фактически остановлено. Первая реакция на не вызывающие более сомнений данные разведки последовала достаточно быстро. Уже вечером 14 марта командир «Лейбштандарта» бригаденфюрер О. Кумм приказал вывести боевую группу Пайпера и восемь оставшихся на ходу «королевских тигров» 501-го батальона СС в район Дега. Следует отметить, что замысел готовящегося наступления был определен противником в целом верно.

Наступление войск 2-го и 3-го Украинских фронтов в Венской операции можно разделить на три этапа. На первом этапе (16—25 марта) войска двух фронтов прорвали оборону противника между Эстергомом и Секешфехерваром, пробились на западные склоны гор Вэртэшхедьшьех и Баконский Лес и создали предпосылки для успешного развития наступления

на Вену. На втором этапе (26 марта — 4 апреля) советские войска преследовали неприятеля в северо-западном и западном направлениях, прорвались через укрепления на границе между Австрией и Венгрией и вышли на ближние подступы к Вене. На третьем этапе (5–15 апреля) войска 3-го Украинского фронта во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта разгромили венскую группировку противника, заняли Вену и вышли на рубеж западнее Вены.

Артиллерийская подготовка наступления планировалась утром 16 марта, однако вследствие сильного тумана начало операции пришлось перенести на вторую половину дня. После артиллерийской подготовки и авиационного удара 4-я и 9-я гвардейские армии перешли в наступление на позиции армейской группы «Бальк». Однако советские пехотинцы были крайне слабо обеспечены бронетехникой непосредственной поддержки пехоты. Наступление 4-й гвардейской армии поддерживали 119 танков и САУ, в том числе 13 трофейных САУ, два трофейных танка T-V «Пантера», 78 легких СУ-76, шесть танков Т-34, 20 СУ-100[217]. Еще более малочисленным был парк бронетехники 9-й гвардейской армии — 74 СУ-76 в трех самоходных артполках[218]. Кроме того, 16 марта в бою принимали участие только два полка СУ-76, а один оставался в резерве. Соответственно, в первый день наступления пехота 9-й гвардейской армии получила поддержку всего 50 легких самоходных установок, из которых за день сгорело 12 машин[219]. Небольшое количество задействованной бронетехники было даже отмечено врагом: «Однако до сих пор появилось удивительно мало танков противника»[220]. В сложившейся обстановке вряд ли было бы целесообразно использовать в обороне 23-й и 18-й танковые и 1-й гвардейский механизированный корпуса, насчитывавшие более 200 танков и САУ. В этом просматривается осторожность командования фронта, не спешившего ослаблять отражавшие удар танков противника войска.

В итоге в первый день наступления две армии продвинулись всего лишь на 3 км, и лишь отдельные соединения 9-й гвардейской армии — на 7 км. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в немалой степени это объяснялось сложными условиями местности. Позднее Ф. И. Толбухин говорил: «В Венской операции... направление главного удара было выбрано довольно тяжелое... главный удар наносился севернее Секешфехервара в условиях горно-лесистой местности. Но это направление, несмотря на трудности местности, давало возможность окружить группировку противника»[221]. Несмотря на ограниченный успех первого дня операции, наступающим советским войскам удалось разорвать локтевую связь между 4-м немецким танковым корпусом СС и 3-й венгерской армией. 2-я венгерская танковая дивизия оставила позиции и отступала. По немецким донесениям, венгры отступали «в беспорядке и без оружия».

Угроза окружения 6-й танковой армии не сразу стала очевидной для противника. Контрмеры были приняты не на первый, а на второй день советского наступления: из боя поэтапно выводился 1-й танковый корпус СС, и в полосу 4-го танкового корпуса СС перебрасывался 403-й народно-артиллерийский корпус. Оба соединения ранее участвовали в немецком мартовском наступлении.

К исходу дня 17 марта войска 3-го Украинского фронта вклинились во вражескую оборону на 10 км, расширив прорыв по фронту до 30 км. Однако медленное развитие наступления вынудило советское верховное командование уже вечером 16 марта откорректировать первоначальный план операции. Директивой Ставки ВГК № 11 040 из состава 2-го Украинского фронта в 3-й Украинский «для проведения операции по разгрому танковой группы противника между оз. Веленце и оз. Балатон»[222] передавалась 6-я гвардейская танковая армия под командованием генерал-полковника танковых войск А. Г. Кравченко. В строю на 16 марта она насчитывала 423 танка и САУ. Армия приступила к перегруппировке в район Замоль — Патка с расчетным временем сосредоточения 14.00 17 марта для ввода в бой в ночь на 18 марта. Однако перегруппировка этой армии затянулась, и ее удалось ввести в бой только с утра 19 марта. А. Г. Кравченко была поставлена задача уже к концу того же дня выйти в район Веспрем — Берхида — Эшкю с целью завершения окружения группировки противника. 9-я гвардейская армия должна была, не отставая от танковой армии, выйти к Берхиде, захватить переправы через реки Шед и Фюзфо (на северной оконечности Балатона) и не допустить прорыва неприятеля на запад и северо-запад.

Тем временем командованием группы армий «Юг» был спланирован контрудар силами 1-го танкового корпуса СС. Он маршем выводился на правый фланг советского вклинения в позиции армейской группы «Бальк». Предполагалось его использовать для контрудара с севера во фланг 9-й гвардейской армии. В течение 18—19 марта корпус находился на марше в район г. Мор. Соединения корпуса были сильно потрепаны в ходе неудачного немецкого наступления, но на 17 марта в строю еще оставалось около 80 танков и САУ — истребителей танков[223]. Немецкое командование предполагало нанести контрудар 20—22 марта.

Однако планомерное выдвижение 1-го танкового корпуса СС для контрудара оказалось сорвано ввиду ввода в бой 6-й гвардейской танковой армии. Две эсэсовские дивизии были сняты с марша и задействованы для сдерживания прорыва советских танковых частей. 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» противодействовала 9-му гвардейскому мехкорпусу в районе Балинки, а 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт» — 5-му гвардейскому танковому корпусу под Баконь-Куг. Столкновение с сильными резервами противника привело к тому, что запланированного прорыва 6-й гвардейской армии к узлу дорог Веспрем не произошло, ее части не смогли развить быстрых темпов продвижения вперед.

В сложившейся обстановке командующий фронтом маршал Ф. И. Толбухин принял решение активизировать действия войск на периметре вклинения в советскую оборону, образованного 6—13 марта 1945 г. С утра 20 марта 4-я гвардейская армия, войска 27-й и 26-й армий должны были нанести удары на трех направлениях — на Берхиду, Польгарди и Лепшень соответственно. Успешное выполнение этого плана поставило бы 6-ю танковую армию противника в исключительно тяжелое положение, она оказалась бы окружена и раздроблена на две изолированные части: одна — южнее озера Веленце и вторая — восточнее Шиофок.

Весь день 20 марта войска 3-го Украинского фронта вели ожесточенные бои, стремясь окружить и уничтожить главные силы 6-й танковой армии противника. Оба корпуса 6-й гвардейской танковой армии подверглись контратакам группами численностью до 30 танков, поддержанных пехотой силой от батальона до полка. Отражая контратаки, части армии А. Г. Кравченко продолжали наступать, однако не смогли обогнать пехоту 9-й гвардейской армии. Вечером командующий 3-м Украинским фронтом вновь потребовал от 6-й гвардейской танковой, 9-й и 4-й гвардейских и 27-й армий ускорить темпы наступления, чтобы не допустить отхода полуокруженного противника.

В свою очередь, немецкое командование стремилось самым решительным образом остановить советское наступление. Руководством к действию стал приказ Гитлера (поступивший в штаб ГА «Юг» в 9.40 21 марта), в котором указывалось: «Задачей группы армий «Юг» является остановить наступление противника как можно быстрее, используя все имеющиеся средства, и отбросить контрударом передовые части противника»[224]. Фюрер требовал «окружить и уничтожить силы противника, продвинувшиеся через горы Вэртэшхедьшьех»[225]. Сообразно этим требованиям командование группы армий «Юг» спланировало контрудар по флангам советской ударной группировки.

Однако уже к вечеру 21 марта советским войскам удалось добиться частного, но значимого успеха: под ударами частей 9-й гвардейской армии и 5-го гвардейского танкового корпуса пал крупный узел обороны и дорог Варпалота. Противником были предприняты ожесточенные контратаки силами 9-й танковой дивизии «Гогенштауфен» (на 17 марта — 58 танков, включая «пантеры» и «ягдпантеры»)[226] с целью отбить Варпалоту, но они успеха не имели и были отбиты с большими потерями для атакующих. В этих условиях ни о каком контрударе оперативного значения уже не могло быть и речи. Немецкому командованию оставалось надеяться лишь на сдерживание наступающих советских войск до завершения отхода 6-й танковой армии в район к западу от озера Балатон.

К тому моменту 1-й и 2-й танковые корпуса СС, составлявшие главную ударную силу 6-й танковой армии в мартовском наступлении, были уже отведены назад и задействованы в отражении советских атак на различных направлениях. Однако на узком пространстве между Секешфехерваром и Балатоном еще оставались 3-я и 4-я кавалерийские дивизии, 1, 3 и 23-я танковые дивизии, 5-я танковая дивизия СС «Викинг», 9-я танковая дивизия СС

Советские войска продвигаются к Вене

«Гогенштауфен» и 44-я пехотная дивизия. Для их отхода еще оставался узкий коридор к югу от Берхиды.

23 марта 6-й гвардейской танковой армии удалось окончательно переломить ситуацию в пользу советских войск. Наступавший на запад 9-й гвардейский механизированный корпус резко повернул на юг и к 19.00 прорвался на подступы к узлу дорог Веспрем. 5-й гвардейский танковый корпус занял Папкеси — населенный пункт всего в нескольких километрах от Балатона. На тот момент в корпусе оставалось всего 59 Т-34 и 13 СУ-76, в приданных частях — 52 СУ-76 и 15 ИСУ-122[227], то есть почти половину наличного парка бронетехники на тот момент составляли легкие самоходки.

В 23.40 22 марта генерал Бальк докладывал командованию группы армий «Юг»: «Кавкорпус сообщает, что после интенсивной артподготовки он и 23-я танковая дивизия прорвались под покровом темноты... Представляется, что главные силы 1-й танковой дивизии, 44-й гренадерской дивизии и 5-й танковой дивизии СС «Викинг» больше не смогут избежать «клещей» противника... Остается только узкий коридор»[228]. Этот «узкий коридор» оборонялся с севера 9-й танковой дивизией СС «Гогенштауфен». В ночь с 22 на 23 марта последовала контратака 23-й танковой дивизии на восток, которая сковала 5-й гвардейский танковый корпус. Это дало возможность отойти на запад остававшимся в клещах южнее Секешфехервара дивизиям 6-й танковой армии. Однако эти немецкие соединения были уже слишком слабы, чтобы образовать устойчивый фронт. Веспрем был взят после шестичасового боя.

Операция войск 2-го Украинского фронта развивалась параллельно советскому наступлению во фланг и тыл 6-й танковой армии противника. 46-я армия перешла в наступление 17 марта и атаковала позиции 1-й венгерской гусарской дивизии в горах Вэртэшхедьшьех. Особенностью наступления советских войск на этом направлении было использование специальных передовых батальонов. Они начали бой накануне и вклинились во вражескую оборону примерно на тысячу метров. Однако это позволило вскрыть систему огня противника и уточнить передний край его обороны. В течение 17 марта передовые батальоны продвинулись на глубину до 10 км. 18 марта в наступление перешли соединения главной группировки 46-й армии. Введенный в бой 19 марта 2-й гвардейский механизированный корпус уже к исходу следующего дня вышел к Дунаю в районе западнее Тавароша. Тем самым 3-я венгерская армия была глубоко охвачена с юго-запада.

Особую роль в проведении операции по блокированию 3-й венгерской армии сыграла Дунайская военная флотилия под командованием контр-адмирала Г. Н. Холостякова. Задача высадить десант в районе Тат была поставлена командующим 2-м Украинским фронтом 13 марта. Первоначальный план предусматривал высадку в ночь на 16 марта, но в итоге ее перенесли на 19 марта. В ночь с 19 на 20 марта кораблями флотилии был проведен рейд в расположение противника с высадкой десанта численностью 500 человек из состава 83-й отдельной морской стрелковой бригады. Поскольку пробиться в первый день на соединение с десантом не удалось, контр-адмирал Г. Н. Холостяков поручил усилить высадившуюся группировку. Из 330 человек второй волны десанта прорвавшимся к плацдарму бронекатерам в ночь на 21 марта удалось высадить всего 60 бойцов[229]. 22 марта на соединение с десантом вышли части 2-го гвардейского механизированного корпуса. В последующие дни прижатая к Дунаю и изолированная от главных сил армейской группы «Бальк» группировка неприятеля была уничтожена. Ее численность составляла около 17 тыс. человек[230].

Для развития удара в направлении на Дьер взамен запланированной изначально 6-й гвардейской танковой армии 2-му Украинскому фронту был передан 23-й танковый корпус. К вечеру 22 марта он в составе 86 танков и САУ[231] сосредоточился в районе Сенд и вошел в состав 46-й армии. К тому моменту фронт 6-й немецкой армии к югу от Комарно был восстановлен за счет переброски войск из состава 6-й танковой армии и резервов. В частности, на это направление были выдвинуты 6-я танковая дивизия и 2-я танковая дивизия СС «Райх».

Таким образом, в период с 16 по 25 марта войска 2-го и 3-го Украинских фронтов прорвали оборону противника между Дунаем и Балатоном, преодолели горы Вэртэшхедьшьех и Баконский Лес и, продвинувшись на 80–120 км, создали условия для развития наступления в

Атака советских солдат под прикрытием бронетранспортера. Австрия, 1945 г.

общем направлении на Вену. Возможность окружить 6-ю танковую армию противника была, однако, упущена. Причиной этого следует признать поздний ввод подвижных соединений в полосе 9-й гвардейской армии. К тому моменту, когда в бой была введена 6-я гвардейская танковая армия, командование группы армий «Юг» уже вывело из потенциального окружения и использовало на фронте для сдерживания советского наступления оба танковых корпуса СС.

В ночь на 23 марта маршал Ф. И. Толбухин направил Верховному главнокомандующему свои соображения относительно развития дальнейшего наступления на венском направлении. По представленному плану усилия фронта распределялись между двумя направлениями. Главный удар предполагалось нанести на запад в направлении Веспрем — Сомбатхей, где задействовались 9-я гвардейская и 6-я гвардейская танковая армии. Одновременно ударом трех усиленных армий (27, 57 и 1-й болгарской) с востока и северо-востока планировалось овладеть нефтеносным районом Надьканижа. 26-я армия должна была обеспечивать связку этих двух направлений. Выход на австро-венгерскую границу по плану предполагался 5—7 апреля 1945 г.

Предложения командующего 3-м Украинским фронтом были одобрены Ставкой с некоторыми уточнениями. Директивой Ставки ВГК № 11 044 командованию фронта предписывалось: «Главный удар развивать не на Сомбатхей, а в направлении Папа, Шопрон, для чего силами 9-й гв. армии и 6-й гв. танковой армии наступать на Цельдемельк, Кесег»[232].

Соответственно, на Сомбатхей нацеливалась 26-я армия. Таким образом, венское направление получало бóльший приоритет, и там задействовалось больше сил, чем в операции по овладению районом Надьканижа.

Новые задачи потребовали провести перегруппировку войск: 4-я гвардейская армия получала полосу наступления справа от 9-й гвардейской армии, на стыке со 2-м Украинским фронтом. С 26 марта 46-я армия 2-го Украинского фронта и войска правого крыла 3-го Украинского фронта начали преследование противника во всей полосе наступления. 46-я армия

28 марта овладела городами Комаром и Дьер. Соединения 9-й гвардейской армии за три дня боев с 28 по 30 марта продвинулись почти на 65 км. Это давало темп наступления пехоты более 20 км в сутки, несмотря на значительное временами противодействие противника.

С развитием наступления 26-й и 27-й армий в районе к западу от озера Балатон немецкая 2-я танковая армия оказалась под угрозой охвата и окружения. Однако Гитлер и Г. Гудериан отклоняли все просьбы командующего армией разрешить отход. Тем временем 29 марта в наступление перешли армии левого крыла 3-го Украинского фронта — 57-я и 1-я болгарская. Санкция немецкого командования на отход последовала только вечером 29 марта. А 1 апреля силы левого крыла 3-го Украинского фронта овладели центром нефтеносного района Венгрии — г. Надьканижа. Потеря Комарома и Надьканижи существенно ухудшила снабжение групп армий «Центр» и «Юг» жидким топливом.

Командование группы армий «Юг» рассчитывало задержать советское наступление на линии границы между Венгрией и Австрией, которая была заблаговременно подготовлена к обороне. Вдоль всей границы шли сплошные линии траншей, а перед ними имелись проволочные заграждения в один-два ряда и спирали Бруно. Однако наступление войск 2-го и 3-го Украинских фронтов на двух направлениях привело к тому, что немецкие 6-я танковая и 6-я армии под нажимом советских частей отходили по расходящимся направлениям. Локтевая связь между ними была потеряна, и немецкое командование контролировало обстановку на стыке двух армий лишь с помощью авиации.

Советское командование незамедлительно воспользовалось разрывом в построении войск противника. 30 марта 9-й гвардейский мехкорпус 6-й гвардейской танковой армии в результате параллельного преследования вышел на австро-венгерскую границу в районе северо-западнее г. Кёсег раньше отступающих немецких войск. Контратаки введенных в бой на границе запасных частей, батальонов фольксштурма и полка венского офицерского училища не смогли задержать продвижение наших войск. К исходу дня сопротивление противника было сломлено, части 6-й гвардейской танковой армии стремительным броском вклинились на территорию Австрии на глубину 25 км, по фронту до 20 км[233]. Немецкая оборона на австро-венгерской границе была прорвана с ходу. Венгерские войска при подходе советских армий к австро-венгерской границе начали массово сдаваться в плен. Только за 28, 29 и 30 марта войска 3-го Украинского фронта пленили 45 тыс. солдат и офицеров противника[234]. К 4 апреля территория Венгрии была полностью освобождена советскими войсками.

Подводя итоги первого и второго этапов Венской операции, следует отметить, что она готовилась в условиях отражения наступления противника, и поначалу в наступлении была задействована меньшая часть танков и САУ двух фронтов. Борьба с 6-й танковой армией неприятеля оказалась тяжелой и привела к чувствительным потерям. Если в оборонительной фазе мартовских боев 3-й Украинский фронт потерял 165 танков, то с 16 по 31 марта потери составили уже 311 танков и САУ, в том числе 148 танков и САУ в 6-й гвардейской танковой армии[235]. 17-я воздушная армия поддержала войска фронта с 16 по 31 марта 11 107 самолето-вылетами (в основном штурмовиков Ил-2, на их долю пришлось 4688 самолето-вылетов)[236]. Противник еще сохранял определенную активность в воздухе — потери воздушной армии в этот период составили 134 самолета. Однако одновременное наступление советских войск было спланировано так, что нанесенный на смежных флангах фронтов удар привел к разрыву локтевой связи между двумя объединениями группы армий «Юг». Это позволило 6-й гвардейской танковой армии сорвать планы врага по организации прочной обороны на австро-венгерской границе.

Задачи 3-го Украинского фронта в наступлении на венском направлении были уточнены директивой Ставки ВГК № 11 052 от 1 апреля 1945 г. В ней, в частности, указывалось: «Войскам фронта, продолжая наступление, правым крылом (4 гв., 9 гв. и 6-й гв. танковой армиями) овладеть городом Вена и не позднее 12–15.04.1945 г. выйти на рубеж Тульн, Санкт-Пельтен, Лилиенфельд»[237]. Соответственно, армии центра и левого фланга фронта должны были не позднее 10–12 апреля овладеть городами Глогниц, Брук, Грац, Марибор и прочно закрепиться на рубеже рек Мюрц, Мур и Драва.

Одновременно 2-му Украинскому фронту директивой Ставки № 11 051 предписывалось: «Силами 46 А со 2 гв. мк и 23 тк наступать в общем направлении на Брук, Вена, имея задачей совместно с войсками 3-го Украинского фронта овладеть городом Вена»[238]. Тем самым наступающая на Вену группировка усиливалась за счет 2-го Украинского фронта.

По замыслу маршала Ф. И. Толбухина предполагалось штурмовать Вену сразу с нескольких направлений. С юго-востока на город должна была наступать 4-я гвардейская армия, а с юга, запада и северо-запада — 6-я гвардейская танковая армия и 39-й гвардейский стрелковый корпус 9-й гвардейской армии. 37-й и 38-й гвардейские корпуса 9-й гвардейской армии должны были обеспечивать наступление на Вену с запада и юго-запада.

Плотность артиллерии в наступающих на Вену группировках создавалась 120—150 орудий и минометов на километр фронта. Также к наступлению привлекались значительные силы танков и САУ. 4-я гвардейская армия усиливалась 1-м гвардейским механизированным корпусом, насчитывавшим в строю на 4 апреля 105 танков и САУ, в том числе 34 СУ-100[239]. 6-я гвардейская танковая армия на 4 апреля насчитывала боеготовыми 184 танка и САУ, в том числе 32 СУ-100[240]. С учетом СУ-76 стрелковых корпусов к штурму Вены привлекались более 300 танков и САУ всех типов. Следует отметить значительное количество противотанковых СУ-100 с мощным 100-мм орудием, привлекаемых к штурму города. Дополнительно армии А. Г. Кравченко передавался 18-й танковый корпус, в составе которого на 4 апреля было 76 танков и САУ, в том числе 34 СУ-100[241]. Он в уличных боях за Вену не участвовал и использовался для прикрытия штурмующих войск с запада. Начало наступления войск 3-го Украинского фронта на Вену было назначено на 8.00 5 апреля.

Непосредственно в районе Вены советским войскам противостоял 2-й танковый корпус СС 6-й танковой армии в составе 2-й танковой дивизии СС «Рейх», 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова», 232-й танковой дивизии «Татра» и 6-й танковой дивизии[242]. Сама Вена была названа Гитлером «зоной обороны»[243]. Командующим «Венской зоной обороны» был назначен генерал пехоты Р. фон Бюнау, прибывший в город только днем 3 апреля. В его подчинении оказались учебные части, отпускники, отставшие от своих частей солдаты и офицеры, подразделения фольксштурма, полиции, моряки Дунайской флотилии и зенитчики 24-й дивизии люфтваффе ПВО Вены. Формально вся эта пестрая масса людей с 4 апреля подчинялась 6-й танковой армии как «корпус Бюнау». В обороне города также участвовали башни ПВО на территории Вены, которые с первых дней боев вели огонь из своих 128-мм зенитных орудий по наступающим советским войскам.

Развернувшиеся с утра 5 апреля бои на подступах к Вене сразу же приняли крайне ожесточенный характер. Маневр советских механизированных войск был существенно стеснен пересеченной, подготовленной к обороне местностью. В течение 5 апреля войска 3-го Украинского фронта не смогли сломить сопротивление врага и незначительно продвинулись вперед. В конце дня 5 апреля Ф. И. Толбухин принял решение перегруппировать 6-ю гвардейскую танковую армию в полосу 38-го стрелкового корпуса 9-й гвардейской армии, продвинувшегося в район Прессбаума. Армия А. Г. Кравченко получила задачу наступать из нового района на север, перерезать все дороги, идущие из Вены на северо-запад, а с 7 апреля начать наступление на город с запада. Таким образом, командующий 3-м Украинским фронтом решил нанести удар на Вену с запада, используя успех 38-го гвардейского стрелкового корпуса.

С утра 6 апреля наступление на Вену возобновила 4-я гвардейская армия. В упорных боях ее части к вечеру вышли к южным и юго-западным окраинам города, прорвались в район арсенала и завязали уличные бои в черте города. Тем временем 9-й гвардейский механизированный корпус 6-й гвардейской танковой армии из района Прессбаума нанес удар по Вене с запада, овладев западным предместьем Вены — Мариабрунн. 5-й гвардейский танковый корпус этой армии наступал на север, к Дунаю. Части корпуса с боями вышли на Дунай 7 апреля. Главные силы 9-й гвардейской армии продвигались на север и запад, оттесняя от Вены 1-й танковый корпус СС.

Бои на улицах Вены

Уличные бои в Вене

Расчет орудия меняет огневую позицию

Тем временем советское верховное командование искало слабые места в обороне противника. В полночь 6 апреля было принято решение осуществить охват вражеской группировки в районе Вены одновременно с обоих флангов. Директива Ставки ВГК № 11 063 предписывала: «Командующему войсками 2-го Украинского фронта 46-ю армию с 23 тк и 2 гв. мк перевести на северный берег р. Дунай для действий в обход Вены с севера»[244]. Большую помощь в переправе войскам 46-й армии оказала Дунайская военная флотилия: с 6 по 9 апреля были перевезены 26 215 человек, 567 орудий, 155 минометов, 286 противотанковых ружей, 45 пулеметов, 129 автомашин, 1213 лошадей, 372 повозки и другие грузы[245].

Однако обстановку существенно изменило прибытие в 6-ю немецкую танковую армию подкреплений, снятых с других участков фронта. 7 апреля в район Вены большей частью (39 эшелонов из 48, то есть 80% состава) прибыла моторизованная дивизия «Гренадеры фюрера», переброшенная из группы армий «Центр» (на 1 апреля — 41 боеготовый танк и САУ)[246], которая была немедленно введена в бой в Вене. Прорыв к Вене с востока войск 46-й армии 2-го Украинского фронта заставил перебросить дивизию «Гренадеры фюрера» на восточный берег Дуная, усилив отходившие на этом направлении немецкие и венгерские части. 23-й танковый и 2-й гвардейский механизированный корпуса 46-й армии к исходу 9 апреля еще переправлялись через Дунай. В итоге наступление армии замедлилось, особенно серьезное сопротивление было ей оказано на рубеже р. Морава.

В ночь с 7 на 8 апреля в штаб группы армий «Юг» в Санкт-Леонард прибыл новый командующий — генерал-полковник Лотар Рендулич, австриец по происхождению. Ранее Л. Рендулич командовал группой армий «Курляндия». Однако принципиально изменить обстановку он уже не мог.

8 апреля для ускорения разгрома противника 5-й гвардейский танковый корпус начал наступление вдоль Дуная на Вену с северо-запада и вышел к переправам через Дунай в районах Нуссдорф и Вайдинг. В течение 9—10 апреля советские войска наступали к центру Вены, ожесточенно сражаясь за каждый квартал. Бои в городе шли непрерывно: днем действовали главные силы, а ночью — как правило, отдельные усиленные батальоны[247].

В разгар боев за Вену 9 апреля 1945 г. было опубликовано заявление советского правительства, в котором, в частности, указывалось, что оно «не преследует цели приобретения какой-либо части австрийской территории или изменения социального строя Австрии. Советское правительство стоит на точке зрения Московской декларации союзников о независимости Австрии»[248].

К исходу 10 апреля оборонявшие Вену немецкие войска были стиснуты на узком пространстве от Дуная до Дунайского канала. Противник, разрушив при отходе все переправы через канал и подняв шлюзы, упорно оборонял северный берег канала. Дунайский канал шириной 40—60 м и глубиной до 3 м с облицованными гранитом берегами высотой 6—7 м представлял собой серьезное препятствие для наступающих. Вдоль набережных канала стояли высокие каменные здания с толстыми стенами, позволявшие полностью простреливать все подходы к нему. Бойцы из саперно-штурмовых групп переправлялись через канал на подручных средствах и с помощью бутылок КС поджигали занятые гитлеровцами здания. Однако переправившиеся через канал подразделения сразу же подвергались немецким контратакам. Так 39-му стрелковому корпусу 9-й гвардейской армии не удалось форсировать Дунайский канал и закрепиться на его северном берегу.

В этих условиях особое значение имело наступление 20-го гвардейского стрелкового корпуса 4-й гвардейской армии, еще 8 апреля форсировавшего Дунайский канал в юго-восточной части города. Враг оказывал ему особенно упорное сопротивление. Сломить оборону 6-й немецкой танковой дивизии на этом направлении удалось с вводом в бой 1-го гвардейского механизированного корпуса. Существенную поддержку советским войскам в уличных боях также оказывала авиация 17-й воздушной армии.

В ночь на 11 апреля началось форсирование Дунайского канала 21-м и 31-м гвардейскими стрелковыми корпусами 4-й гвардейской армии. С прорывом войск 3-го Украинского фронта к центру города важнейшей задачей для них стал захват мостов через Дунай.

Подразделение автоматчиков заняло позицию у Дунайского канала

Немецкая техника, захваченная у здания Венского арсенала

Вена освобождена!

Северный, северо-восточный и восточный железнодорожные мосты были уже взорваны немцами 9 апреля, уцелели только Флорисдорфский и Имперский. Большое значение имел Имперский мост, соединявший Леопольдштадт с Донауштадтом на другом берегу Дуная. Этот мост связывал немецкие группировки на правом и левом берегах Дуная. С юго-запада и юга к нему приближались войска 4-й гвардейской армии и 1-го гвардейского механизированного корпуса. Однако существовала угроза взрыва Имперского моста немцами, что существенно усложнило бы форсирование Дуная советскими войсками. В этих условиях было принято решение высадить в районе моста десант силами Дунайской военной флотилии. В десант была выделена рота 80-й гвардейской стрелковой дивизии 4-й гвардейской армии численностью 103 человека с одним 45-мм орудием[249]. Пехотинцы были размещены на двух бронекатерах десантного отряда, еще три катера составляли отряд прикрытия[250]. Отряд кораблей артиллерийской поддержки состоял из восьми катеров с установками реактивных минометов.

Для прорыва к Имперскому мосту катерам требовалось пройти между рухнувшими фермами взорванного восточного железнодорожного моста. Это возможно было только в дневное время, поэтому операцию начали в 11.00 11 апреля. Катера благополучно миновали разрушенный мост и приблизились к Имперскому мосту. Появление днем в центре города советских кораблей оказалось для немцев неожиданностью. Под прикрытием дымовой завесы один катер с десантниками отправился к левому берегу, а второй — к правому. Десант был высажен в 50 м ниже моста. В результате мост был захвачен, а подрывные заряды — обезврежены, и в течение двух дней десант удерживал его, несмотря на яростные контратаки противника.

Форсирование Дунайского канала на широком фронте и захват Имперского моста привели к развалу обороны 2-го танкового корпуса СС в Вене. 12 апреля части дивизии СС «Мертвая голова» были окружены в Вене, остатки «Рейха» и 6-й танковой дивизии отступили к Флорисдорфскому мосту в северной части города. Немцами также еще удерживался небольшой плацдарм на восточном берегу Дуная, постепенно сокращавшийся под ударами 46-й армии 2-го Украинского фронта. К 14.00 13 апреля Вена была практически полностью очищена от немецких войск. Остатки гарнизона в ночь с 13 на 14 апреля отступили с острова на левый берег Дуная и взорвали за собой Флорисдорфский мост. Удержанный советским десантом Имперский мост остался единственным сохранившимся мостом через Дунай в столице Австрии.

Важную роль в успехе Венской операции сыграла советская авиация. 17-я воздушная армия поддержала наступление войск 3-го Украинского фронта на Вену и штурм города 1—15 апреля 1945 г. 11 212 самолето-вылетами[251]. Потери ВВС фронта можно оценить как незначительные — 28 самолетов, противодействия в воздухе к тому времени они практически не встречали.

В ознаменование одержанной победы 13 апреля 1945 г. в 21.00 в Москве был дан победный салют 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий. Соединениям и частям, наиболее отличившимся в боях за Вену, были присвоены почетные наименования Венских. Также была учреждена медаль «За взятие Вены», которой награждались все участники боев за город — более 270 тыс. советских воинов. Командующие фронтами Р. Я. Малиновский и Ф. И. Толбухин 26 апреля 1945 г. были награждены высшим полководческим орденом Победы.

С утратой немецкими войсками позиций в Вене последовало стремительное отступление на север вражеской группировки, противостоявшей 46-й армии 2-го Украинского фронта. Вместе с тем следует указать, что пути отхода остатков 2-го танкового корпуса СС на север не были своевременно перехвачены, и это позволило им отойти из Вены через Дунай[252].

Вечером 13 апреля директивой Ставки ВГК № 11 068 3-му Украинскому фронту были поставлены новые задачи: «Правому крылу фронта выйти на р. Трайзен, овладеть Санкт-Пельтеном и прочно закрепиться на указанном рубеже... Центру и левому крылу фронта перейти к жесткой обороне на достигнутых рубежах»[253]. 9-я гвардейская армия выводилась в резерв, а 6-я гвардейская танковая армия передавалась 2-му Украинскому фронту.

Советский офицер посещает могилу немецкого композитора Людвига ван Бетховена, похороненного на Центральном кладбище Вены

В то время как шли бои за Вену, войска 2-го Украинского фронта продолжали успешное наступление в Чехословакии, продвинувшись более чем на 100 км. 40-я и 53-я советские армии и 1-я и 4-я румынские армии преодолели горные массивы Поважский Ионовец, Белые Карпаты и Малая Фатра. К середине апреля они вышли на рубеж р. Морава и захватили плацдармы на ее западном берегу. К 15 апреля войска 2-го и 3-го Украинских фронтов вышли на рубеж р. Морава — Штоккерау — Санкт-Пельтен — западнее Глогница — восточнее Марибора. Тем самым они глубоко охватили с юга немецкую группировку в Чехословакии (группу армий «Центр») и создали предпосылки для ее окружения и уничтожения. Также успешное наступление советских войск на венском направлении вынудило к отступлению немецкую группу «Е», что ускорило освобождение Югославии.

В ходе Венской наступательной операции советские войска продвинулись на 150—250 км, овладели нефтедобывающими и нефтеперерабатывающими мощностями Венгрии, Венским промышленным районом. Также советским войскам удалось не только сковать и частично разгромить крупную группировку подвижных соединений противника в составе группы армий «Юг», но и заставить врага перебрасывать в Венгрию и Австрию дополнительные подкрепления.

* * *

Таким образом, в 1944—1945 гг. советские войска на южном крыле советско-германского фронта добились крупных военно-политических итогов. В ходе боевых действий они завершили освобождение таких стран Восточной Европы, как Румыния, Болгария, Чехословакия, Югославия, Венгрия, тем самым положив конец эксплуатации нацистской Германией их ресурсов. Кроме того, были сорваны планы правящих кругов США и Англии по оккупации ряда стран Балканского полуострова и сохранению в них антинародных правительств.

Необходимо отметить, что важнейшим итогом победы Красной армии над силами вермахта на Балканах было крушение южного крыла стратегического фронта Германии. В ходе успешно проведенных Красной армией завершающих операций на территории европейских стран были разгромлены значительные силы вермахта. Например, на территории Румынии — 25 немецких и 22 румынские дивизии, в Венгрии — более 56 дивизий, в Чехословакии — 122 дивизии, в Германии — 93 дивизии[254]. Не менее ощутимы были и экономические потери Германии, которая в тот период лишилась основных источников продовольственной базы и стратегического сырья.

Советскому Союзу удалось достичь крупных военно-политических результатов благодаря не только мощи вооруженных сил, но и искусству советского командования. Отличительными особенностями наступательных действий советских войск были их решительные цели и увеличение размаха, обеспечившие дальнейшее возрастание боевой мощи действующей армии, в основе которой лежали успехи военной экономики СССР.

На южном крыле советско-германского фронта советским командованием был проведен ряд последовательных и одновременных фронтовых наступательных операций, операций групп фронтов, объединенных общим замыслом и планом, таких как Восточно-Карпатская, Ясско-Кишеневская, а вслед за ними были проведены наступательные операции по освобождению Румынии, Болгарии, Чехословакии, Югославии и Венгрии. В тот период боевые действия войск носили исключительно маневренный характер. Они изобиловали примерами успешного прорыва вражеской обороны, быстрого окружения и ликвидации вражеских группировок, стремительного наступления в оперативной глубине. Эти операции, проведенные войсками Украинских фронтов, дали немало образцов тесного, непрерывного взаимодействия и широкого применения танковых подвижных групп, массированного использования стрелковых войск, артиллерии и авиации.

Особая роль в этих операциях отводилась Черноморскому флоту и Дунайской военной флотилии, которые должны были в основном содействовать сухопутным войскам в прове-

дении ими наступательных операций. Одновременно с этим силы Черноморского флота нацеливались и на решение задач, связанных с нарушением морских сообщений врага.

Важно подчеркнуть, что успешные действия Красной армии поддерживались народно-освободительными восстаниями ряда Балканских стран. Советские войска тесно взаимодействовали с патриотическими и национально-освободительными силами, всецело оказывая своим военным присутствием поддержку тем политическим силам, которые были дружественно настроены по отношению к СССР. С середины 1944 г. они непосредственно взаимодействовали с национальными освободительными армиями, участниками движения Сопротивления и партизанскими формированиями. Кроме того, в оперативном подчинении советского командования действовали 1-я и 2-я армии Войска Польского, 1-й чехословацкий армейский корпус, румынская дивизия «Тудор Владимиреску», а после падения профашистских режимов в Румынии и Болгарии — соединения и части румынской и болгарской армий, которые приняли участие в завершающих операциях советских войск.

Советское правительство по достоинству оценило мужество и героизм, проявленные советскими воинами на полях сражений. 230 соединений и частей Сухопутных войск, Военно-воздушных сил и Военно-морского флота, отличившихся при овладении крупными городами, получили почетные наименования Кишиневских, Ясских, Фокшанских, Варненских, Братиславских и других. Более 280 частей и соединений были награждены орденами[255].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Освободительная миссия Советских вооруженных сил во Второй мировой войне. 2-е изд. М., 1974. С. 140.

[2] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 8. М., 1977. С. 101.

[3] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. В 4-х т. М., 1958. Т. III. С. 213.

[4] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. В 3-х т. Т. I. М., 1946. С. 49.

[5] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953. С. 145–146.

[6] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. М., 1946. Т. II. С. 132–133.

[7] Освободительная миссия Советских вооруженных сил во Второй мировой войне. 2-е изд. С. 455.

[8] 25 августа 1944 г. новое правительство Румынии обратилось к союзникам с предложением заключить перемирие. В начале сентября то же самое сделали Болгария и Финляндия. Советское правительство еще в начале 1944 г. изъявило согласие начать переговоры о перемирии с союзниками Германии. Так же поступили правительства США и Англии. Переговоры привели к подписанию соглашений о перемирии 12 сентября 1944 г. с Румынией, 19 сентября — с Финляндией, 28 октября — с Болгарией. С Венгрией перемирие было заключено 20 января 1945 г.

[9] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 665.

[10] 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968. С. 407.

[11] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1978. Т. 9. С. 16.

[12] Освободительная миссия Советских вооруженных сил на Балканах. М., 1989. С. 97.

[13] Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944–1945. Документы и материалы. М., 2000. С. 27.

[14] Вклад Румынии в разгром фашистской Германии (23 августа 1944 — 9 мая 1945). М., 1959. С. 61.

[15] *Попеску-Пуцури И. и др.* Румыния во второй мировой войне. Бухарест, 1964. С. 88.

[16] *Паклин Н.* Как румынский король сверг диктатора // Российская газета. 2004. 3 сентября.

[17] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. München, 2007.

[18] Ясско-Кишиневские Канны. М., 1964. С. 194.

[19] Центральный архив Министерства обороны РФ (далее — ЦАМО). Ф. 148. Оп. 3763. Д. 167. Л. 6–7.

[20] Там же. Л. 8–9.

[21] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. Т. III. С. 188.

[22] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 73765. Д. 41. Л. 20.

[23] Ясско-Кишиневские Канны. С. 199–200.

[24] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1175. Л. 85–86.

[25] Там же. Л. 87.

[26] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 167. Л. 30.

[27] Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 2. М., 1946. С. 172.

[28] Там же.

[29] Там же.

[30] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2769. Д. 105 (Т. 2). Л. 611–612.

[31] Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944–1945. Документы и материалы. С. 28.

[32] Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. В 5-ти вып. М., 1955–1957. Вып. IV. М., 1956. С. 154–156.

[33] Там же. С. 152; Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. 1944–1945. М., 1970. С. 198.

[34] ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 131468. Д. 74. Л. 31.

[35] Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. С. 205.

[36] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 167. Л. 35–36.

[37] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 8. Л. 75–76.

[38] *Фриснер Г.* Проигранные сражения / Пер. с нем. М., 1966. С. 116.

[39] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 73765. Д. 41а. Л. 62.

[40] Второй Венский арбитраж — политическое решение представителей нацистской Германии и фашистской Италии 30 августа 1940 г., в результате которого Венгрия получила от Румынии Северную Трансильванию.

[41] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. II. С. 205–206.

[42] Там же. С. 211–212.

[43] 12 сентября 1944 г. воинское звание Маршал Советского Союза было присвоено и командующему войсками 3-го Украинского фронта Ф. И. Толбухину.

[44] Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945. Вып. IV. С. 155–157.

[45] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1185. Л. 5–6.

[46] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 3. М., 1999. С. 99.

[47] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1346. Л. 60.

[48] Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 8. Л. 218–219.

[49] Там же. Л. 228–229.

[50] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 9. Л. 285–286.

[51] 30 августа 1940 г. по Второму Венскому арбитражу от Румынии была отторгнута Северная Трансильвания площадью 43 тыс. км с населением 2,5 млн человек и передана Венгрии. Румынские правящие круги беспрекословно подчинились германскому диктату в надежде на получение компенсации на Востоке за счет будущих завоеваний советских территорий.

[52] ЦАМО. Оп. 73765. Д. 1140. Л. 273, 311, 361.

[53] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 9. С. 118; Россия и СССР в войнах XX века. М., 2001. С. 298.

[54] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 73765. Д. 1185. Л. 52.

[55] Россия и СССР в войнах XX века. С. 486.

[56] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. С. 118.

[57] Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942–1945. Stuttgart, 1962. S. 589.

[58] Российский Государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 94. Л. 14–15.

[59] Освободительная миссия Советских вооруженных сил на Балканах. С. 47.

[60] *Hoppe H. J.* Bulgarien — Hitlers eigenwilliger Verbundeter. Stuttgart, 1978. S. 163.

[61] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 132–133.

[62] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. С. 123.

[63] Известия. 1944. 30 августа.
[64] Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 198–199.
[65] Цит. по: Правда. 1944. 6 сентября.
[66] Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 182.
[67] Там же. С. 183.
[68] Освободительная миссия Советских вооруженных сил на Балканах. С. 137.
[69] *Минасян М. М.* Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М., 1967. С. 220–221.
[70] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2912. Д. 123. Л. 221.
[71] Там же. Оп. 2900. Д. 229. Л. 191–193.
[72] Там же. Оп. 2917. Д. 104. Л. 295; Ф. 370. Оп. 6518. Д. 304. Л. 14, 19.
[73] Русский архив: Великая Отечественная. Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. 1944–1945. Документы и материалы. Т. 14-3 (2). С. 100.
[74] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. С. 125.
[75] Освободительная миссия Советских вооруженных сил на Балканах. С. 143.
[76] *Бирюзов С. С.* Советский солдат на Балканах. М., 1963. С. 192.
[77] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 2-х т. М., 1974. Т. 2. С. 277.
[78] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 167. Л. 37.
[79] *Миносян М. М.* Освобождение народов Юго-Восточной Европы. С. 225.
[80] История на антифашистката борьба в България 1939–1944. В 2-х т. София, 1976. Т. 2. С. 222.
[81] Там же. С. 454.
[82] *Георгиев Г.* НОВА. Бойната дейност на народно-освободительната въстаническа армия. 1943–1944. София, 1974. С. 267.
[83] Външна политика на Народна Република България: Сборник от документи и материалы в два тома 1944–1962. София, 1970. Т. 1. С. 8–9.
[84] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 37. Л. 38.
[85] Правда. 1944. 10 сентября.
[86] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х кн. М., 1973. Кн. 2. С. 117.
[87] 28 октября 1944 г. в Москве между правительствами СССР, Великобритании, США и болгарским правительством было подписано соглашение о перемирии, содержавшее ряд обязательств Болгарии по ее участию в войне против гитлеровской Германии и по ряду других вопросов. Для контроля над выполнением соглашения о перемирии была учреждена Союзная контрольная комиссия под общим руководством советского главнокомандования. Ее работа проходила без участия американских и английских представителей.
[88] Русский архив: Великая Отечественная. Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. 1944–1945. Документы и материалы. Т. 14-3 (2). С. 104–106.
[89] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 308. Л. 70.
[90] Там же. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 167. Л. 43–44.
[91] К октябрю 1944 г., после проведения массовой мобилизации, численность вооруженных сил Болгарии была увеличена с 250 до 448 тыс. человек. Было сформировано четыре армии, три из которых, насчитывая в своем составе около 350 тыс. солдат и офицеров, стали действовать совместно с советскими войсками на советско-германском фронте.
[92] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 167. Л. 41.
[93] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. С. 128.
[94] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 325.
[95] 23 сентября 1944 г. группа армий «Южная Украина» была переименована в группу армий «Юг», а группа армий «Северная Украина» — в группу армий «А».
[96] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 983. Д. 2. Л. 100.
[97] Цит. по: Там же. С. 201.
[98] Белградская операция. 2-е изд. М., 1990. С. 100.
[99] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. С. 195–196.
[100] Цит. по: Освободительная миссия Советских вооруженных сил на Балканах. С. 170.

[101] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 111. Л. 827–829.

[102] В связи с разгромом южного крыла немецко-фашистских войск на восточном фронте в Ясско-Кишиневской операции и продвижением советских войск на Балканы Гитлер вынужден был еще 26 августа 1944 г. отдать приказ о подготовке отвода своих соединений из Греции в северном направлении. Группу армий «Е» планировалось спешно отвести из Греции, Албании и южных районов Югославии через Белград в Венгрию. Группа армий «Ф» должна была выделить армейскую группу «Сербия» и ее силами прикрыть югославо-болгарскую границу.

[103] Белградская операция. 2-е изд. С. 98.

[104] Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. М., 2005. С. 199; История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. С. 176.

[105] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. С. 206–207.

[106] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 111. Л. 822.

[107] Там же. Ф. 16. Оп. 986. Д. 9. Л. 12–12 об., 14.

[108] Там же. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 111. Л. 816; Военная энциклопедия. В 8-ми т. М., 1997. Т. 1. С. 406.

[109] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 167. Л. 56.

[110] Там же. Ф. 38. Оп. 80033. Д. 6. Л. 75.

[111] Там же. Ф. 413. Оп. 10381. Д. 16. Л. 61.

[112] Вступление советских войск на территорию Югославии осуществлялось на основании Договора о дружбе и ненападении между Советским Союзом и Королевством Югославия, подписанного в Москве 5 апреля 1941 г. Кроме того, 21 сентября 1944 г. между советским правительством и руководством освободительного движения Югославии была достигнута договоренность о временном вступлении Красной армии в Югославию, а также заключено соглашение о совместных операциях советских войск и НОАЮ.

[113] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 37. Л. 68.

[114] Там же. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 111. Л. 816–817.

[115] Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. 1944–1945. М., 1970. С. 255.

[116] Советские вооруженные силы в борьбе за освобождение народов Югославии. М., 1960. С. 63.

[117] Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 8. М., 2010. С. 397.

[118] ЦАМО. Ф. 413. Оп. 10381. Д. 29. Л. 10; Белградская операция. 2-е изд. С. 168.

[119] Частичный отвод немецких войск из южных районов Балкан был проведен в первой половине сентября 1944 г.

[120] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. Директива Ставки ВГК № 220237 от 6 октября 1944 г. С. 157.

[121] *Толубко В. Ф., Барышев Н. И.* От Видина до Белграда. М., 1968. С. 166–167.

[122] Там же. С. 171.

[123] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 120. Л. 415.

[124] Советские вооруженные силы в борьбе за освобождение народов Югославии. С. 73–74.

[125] Белградская операция. 2-е изд. С. 272.

[126] Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2005. С. 486.

[127] Россия и СССР в войнах XX века: Книга потерь. М., 2010. С. 331.

[128] Белградская операция. 2-е изд. С. 278.

[129] Великая Отечественная народная 1941–1945: Краткий исторический очерк. М., 1985. С. 188.

[130] Белградская операция. 2-е изд. С. 278–279.

[131] Там же. С. 279.

[132] После окончания войны 264 самолета, 433 автомашины, 40 тракторов, все имущество связи, находившееся в авиагруппе генерала А. Н. Витрука, были переданы Военно-воздушным силам Югославии.

[133] *Броз Тито И.* Избранные статьи и речи. М., 1973. С. 148.

[134] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 214–215.

[135] *Васильева Н. В., Гаврилов В. А.* Балканский тупик?.. (Историческая судьба Югославии в XX веке). М., 2000. С. 164.

[136] Белградская операция. 2-е изд. С. 291.
[137] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 167. Л. 45—47.
[138] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Военно-исторический очерк. Т. III. С. 578.
[139] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1194. Л. 70, 81.
[140] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1961. С. 715.
[141] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 9. С. 154.
[142] *Иванов С. П.* За освобождение Венгрии и Австрии. В кн.: Сборник: 9 мая 1945 года. Воспоминания. М., 1970. С. 456—457.
[143] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 727.
[144] ЦАМО РФ. Ф. 39. Оп. 80033. Д. 6. Л. 75.
[145] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 727—728.
[146] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1193. Л. 12, 35, 39.
[147] *Плиев И. А.* Дорогами войны. 2-е изд. Орджоникидзе, 1985. С. 382.
[148] *Малахов М. М.* Освобождение Венгрии и Восточной Австрии (октябрь 1944 — апрель 1945). М., 1965. С. 38.
[149] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 992. Л. 117—121; Д. 1194. Л. 70, 81; Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 133.
[150] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. III. С. 590.
[151] *Антосяк А. В.* В боях за свободу Румынии. М., 1974. С. 215; Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в двух томах. Т. 2. М., 1988. С. 647.
[152] 33-й стрелковый корпус 27-й армии временно был подчинен 6-й гвардейской танковой армии.
[153] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 37. Л. 75.
[154] Из состава конно-механизированной группы С. И. Горшкова в освобождении Ньиредьхазы участвовали 5-й гвардейский кавалерийский и 23-й танковый корпуса (см.: Освобождение городов: Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1985. С. 285).
[155] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 9. С. 193.
[156] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 983. Д. 2. Л. 129.
[157] 7-я гвардейская армия прибыла с правого крыла фронта, совершив 450-километровый марш.
[158] В последних немецких источниках количество потерь другое. Так, в книге Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Band 8. München, 2007, на странице 876 речь идет о 35 тыс. солдат и офицеров, в том числе 18 тыс. пленных.
[159] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1291. Л. 57—58.
[160] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 227.
[161] Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Краткая история. М., 1970. С. 419.
[162] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. 4. С. 388.
[163] *Малахов М. М.* Освобождение Венгрии и Восточной Австрии (октябрь 1944 — апрель 1945). С. 65.
[164] Военная энциклопедия. Т. 1. С. 603.
[165] Цит. по: *Гареев М.* Маршал Толбухин // Красная Звезда. 2011. 13 мая.
[166] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 734.
[167] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. III. С. 598.
[168] Военная энциклопедия. Т. 1. С. 602.
[169] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 167. Л. 87.
[170] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1961. С. 734.
[171] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. III. С. 584.
[172] *Малахов М. М.* Освобождение Венгрии и Восточной Австрии (октябрь 1944 — апрель 1945). С. 68.
[173] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. 4. С. 391.
[174] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 9. С. 197.
[175] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1781. Л. 35.
[176] *Малахов М. М.* Освобождение Венгрии и Восточной Австрии (октябрь 1944 — апрель 1945). С. 75.
[177] Там же.

[178] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1781. Л. 36.

[179] «Линия Маргариты» — рубеж обороны немецких и венгерских войск, проходивший от р. Драва северо-восточнее Надьканижи через юго-западное побережье озера Балатон до излучины Дуная у г. Вац (включая и три полосы обороны Будапешта с востока); далее она шла вдоль чехословацко-венгерской границы.

[180] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1781. Л. 40–41.

[181] *Малахов М. М.* Освобождение Венгрии и Восточной Австрии (октябрь 1944 — апрель 1945). С. 81.

[182] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 609.

[183] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 4. С. 393.

[184] Там же.

[185] Эти соединения составляли будапештскую группу войск. См.: ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1781. Л. 52.

[186] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1781. Л. 52.

[187] 4-й гвардейский кавалерийский корпус командующий фронтом 23 декабря передал в подчинение 6-й гвардейской танковой армии.

[188] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1781. Л. 58.

[189] В конце декабря в состав группы были дополнительно переданы 36-я гвардейская и 297-я стрелковые дивизии и три артиллерийские бригады.

[190] *Малахов М. М.* Освобождение Венгрии и Восточной Австрии (октябрь 1944 — апрель 1945). С. 88–89.

[191] Там же. С. 90.

[192] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 2. Л. 52.

[193] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 167–168.

[194] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 167. Л. 133.

[195] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 170.

[196] *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1973. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «Третьей империи». 1941–1945 гг. С. 589.

[197] От волжских степей до австрийских Альп. Боевой путь 4-й гвардейской армии. М., 1971. С. 180.

[198] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1781. Л. 86.

[199] Россия и СССР в войнах XX века: Книга потерь. С. 335.

[200] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. С. 271; Военная энциклопедия. Т. 1. С. 348.

[201] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. С. 272.

[202] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 179; Военная энциклопедия. Т. 1. С. 348.

[203] *Иванов С. П.* За освобождение Венгрии и Австрии. В кн.: Сборник: 9 мая 1945 года. Воспоминания. С. 456–473.

[204] *Малахов М. М.* Освобождение Венгрии и Восточной Австрии (октябрь 1944 — апрель 1945). С. 200.

[205] Там же. С. 205.

[206] Россия и СССР в войнах XX века: Книга потерь. С. 360.

[207] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 39. Л. 53.

[208] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 218.

[209] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 619.

[210] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 203.

[211] Там же. С. 208–209.

[212] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. IV. С. 278.

[213] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 2058а. Л. 37.

[214] Там же. Л. 173.

[215] Там же. Л. 198.

[216] NARA T311 R1620 frame 672.

[217] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 2058а. Л. 171.

[218] Там же. Оп. 2928. Д. 184. Л. 30, 33.

[219] Там же. Л. 36.

[220] *Maier G.* Drama Between Budapest and Vienna: The Final Fighting of the 6th Panzer-Armee in the East — 1945.Winnipeg: J. J. Fedorowicz Publishing Inc., 2004. P. 224.

[221] Цит. по *Малахов М. М.* Освобождение Венгрии и Восточной Австрии (октябрь 1944 — апрель 1945 г.). С. 249–250.

[222] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 209.

[223] *Tieke W.* Vom Platten-See bis Osterreich. Die Heersgruppe Sued 1945. Gummersbach, Selbstverlag Wilhelm Tieke, 1975. S. 49.

[224] *Maier G.* Drama Between Budapest and Vienna: The Final Fighting of the 6th Panzer-Armee in the East — 1945. S. 463.

[225] Ibid.

[226] *Tieke W.* Vom Platten-See bis Osterreich. Die Heersgruppe Sued 1945. S. 50.

[227] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2928. Д. 184. Л. 53.

[228] *Maier G.* Drama Between Budapest and Vienna: The Final Fighting of the 6th Panzer-Armee in the East — 1945. S. 267.

[229] Боевая летопись Военно-морского флота: 1945. М., 2006. С. 147.

[230] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. IV. С. 278.

[231] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2928. Д. 184. Л. 52.

[232] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 213.

[233] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 2058а. Л. 137.

[234] Там же. Л. 134.

[235] Там же. Л. 178.

[236] Там же. Л. 207.

[237] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. С. 220.

[238] Там же. С. 219.

[239] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2928. Д. 187. Л. 14.

[240] Там же. Л. 13.

[241] Там же. Л. 15.

[242] *Maier G.* Drama Between Budapest and Vienna: The Final Fighting of the 6th Panzer-Armee in the East — 1945. S. 346.

[243] Ibid. S. 344.

[244] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. С. 226.

[245] Боевая летопись Военно-морского флота: 1945. С. 153.

[246] *Nevenkin K.* Fire Brigades. The Panzer Divisions 1943–1945. Winnipeg: J. J. Fedorowicz, 2008. P. 644.

[247] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 2058а. Л. 94.

[248] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 171.

[249] Боевая летопись Военно-морского флота: 1945. С. 153.

[250] *Чхеидзе А. А.* Записки дунайского разведчика. М., 1984. С. 132.

[251] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 2058а. Л. 211.

[252] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. IV. С. 289; *Maier G.* Drama Between Budapest and Vienna: The Final Fighting of the 6th Panzer-Armee in the East — 1945. S. 359.

[253] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. С. 228.

[254] Русский архив: Великая Отечественная. Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. 1944–1945. Документы и материалы. С. 9.

[255] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. С. 133.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ И ПОМЕРАНИИ. ВЫВОД ИЗ ВОЙНЫ ФИНЛЯНДИИ И НОРВЕГИИ

Обстановка, планы и подготовка сторон

После наступательных операций, проведенных летом и осенью 1944 г., советские войска вплотную подошли к границам Восточной Пруссии. К северной ее границе, на р. Неман, выдвинулись войска левого крыла 1-го Прибалтийского фронта. На участок между р. Неман и Августовом вышли войска 3-го Белорусского фронта, которые прорвали на гумбинненском и голдапском направлениях пограничные укрепления противника и продвинулись в глубину территории Восточной Пруссии от 20 до 45 км. Войска 2-го Белорусского фронта вышли к Августовскому каналу и рекам Бобр и Нарев, захватив два плацдарма оперативного значения у Августова и Ружан[1].

На протяжении 1941—1945 гг. Восточная Пруссия имела большое экономическое, политическое и стратегическое значение для немецкого верховного командования. Поэтому фашистское командование стремилось удержать Пруссию любой ценой — она должна была прочно прикрыть подступы к центральным районам Германии. Здесь издавна имелись мощные укрепления, которые в последующем совершенствовались и дополнялись. К началу зимнего наступления Красной армии в 1945 г. противник создал мощную систему обороны глубиной до 200 км, чему способствовали многочисленные холмы, лесные массивы, озера, болота, реки и каналы. Особое значение имело наличие в центральной части Восточной Пруссии Мазурских озер, которые разделяли наступавшие с востока войска на две группы — северную и южную и осложняли взаимодействие между ними.

Фортификационные сооружения на значительном протяжении прикрывались рвами, деревянными, металлическими и железобетонными надолбами. Основу только одного Хейльсбергского укрепленного района составляли 911 долговременных оборонительных сооружений. Именно здесь, в глубоких подземных убежищах под Растенбургом, под прикрытием Мазурских озер с момента нападения на СССР и вплоть до 1944 г. располагалась ставка А. Гитлера, вошедшая в историю под названием Wolfsschanze («Волчья яма»)[2].

Значение Восточной Пруссии как военно-промышленного района и важной продовольственной базы Германии к началу 1945 г. еще более возросло. Гитлеровские руководители,

потеряв промышленную базу в оккупированных ранее странах Европы, пытались сохранить предприятия военной, судостроительной и машиностроительной промышленности Восточной Пруссии, снабжавшие вермахт различной техникой, вооружением и боеприпасами. Через ее территорию пролегали коммуникации в Померанию и Берлин, к жизненным центрам Германии. В стратегическом отношении важно было то обстоятельство, что выдвинутые далеко на восток военно-морские базы на Балтийском море позволяли немецкому военному командованию иметь в них крупные силы флота, а также поддерживать связь с отрезанной в Курляндии крупной группировкой.

Неудачный ход военных действий на советско-германском фронте заставил командование вермахта принять дополнительные меры по обороне. Осенью 1944 г. начальник генерального штаба сухопутных войск утвердил план строительства оборонительных сооружений на всем восточном фронте, в том числе и в Восточной Пруссии. В соответствии с этим планом на ее территории и в Северной Польше в короткие сроки должны были модернизироваться старые укрепления и создаваться полевая оборона. В систему оборонительных сооружений вошли Ильменхорстский, Летценский, Алленштейнский, Хейльсбергский, Млавский и Торуньский укрепленные районы, а также 13 старинных крепостей. При строительстве укреплений использовались выгодные естественные рубежи, прочные каменные здания и другие постройки многочисленных населенных пунктов, связанных между собой развитой сетью шоссейных и железных дорог. Между оборонительными полосами имелось большое количество отсечных позиций и отдельных узлов обороны.

В результате к началу зимнего наступления Красной армии противник создал мощную систему инженерной обороны в Восточной Пруссии общей глубиной 150–200 км. Наиболее прочные укрепления имелись на восточных подступах к Кёнигсбергу[3]. Мощная система укреплений, состоявшая из семи оборонительных рубежей и шести укрепленных районов, защищалась группой армий «Центр» под командованием генерал-полковника Г. Рейнгардта.

Группа армий занимала рубеж от устья Немана до устья Западного Буга и включала 4-ю и 2-ю полевые, а также 3-ю танковую армии. К началу наступления советских войск группировка противника насчитывала до 35 пехотных, четыре танковые и четыре моторизованные дивизии, самокатную бригаду и две отдельные группы. Всего группа армий «Центр» имела 780 тыс. солдат и офицеров, 8200 орудий и минометов, 700 танков и штурмовых орудий. Наземные войска поддерживали 775 боевых самолетов[4].

Наибольшая плотность сил и средств была создана на инстербургском и млавском направлениях. В резерве высшего командования и армий находились две пехотные, четыре танковые и три моторизованные дивизии, отдельная группа и самокатная бригада, что составляло почти четвертую часть общего количества всех соединений. В основном они располагались в районе Мазурских озер, и частично — в Ильменхорстском и Млавском укрепленных районах.

Такая группировка резервов позволяла неприятелю осуществлять маневр для нанесения контрударов против советских войск, наступавших севернее и южнее Мазурских озер. Кроме того, на территории Восточной Пруссии дислоцировались различные вспомогательные и специальные части и подразделения (крепостные, запасные, учебные, полицейские, морские, транспортные, охранные), а также части фольксштурма и отряды гитлерюгенда, принявшие затем участие в ведении оборонительных действий.

Немецкие сухопутные войска поддерживали самолеты 6-го воздушного флота, который располагал достаточным количеством оборудованных аэродромов. В период подготовки советских войск к наступлению вражеская авиация проявляла большую активность, совершая налеты на районы их сосредоточения.

Военно-морские силы Германии, базировавшиеся в Балтийском море, предназначались для обороны морских коммуникаций, артиллерийской поддержки своих войск в прибрежных районах, а также для эвакуации их с изолированных участков побережья.

В соответствии с планами, разработанными к началу 1945 г., войскам группы армий «Центр» была поставлена задача: опираясь на сильно укрепленную оборону, остановить

продвижение советских войск в глубину Восточной Пруссии и сковать их на длительное время. Генеральный штаб сухопутных войск Германии подготовил для группы армий «Центр» и активный вариант действий: при благоприятных условиях нанести из Восточной Пруссии мощный контрудар во фланг и тыл центральной группировки советских войск[5]. Данный вариант должен был вступить в силу при успешном решении группой армий «Центр» оборонительных задач и возможном ее усилении за счет курляндской группировки. Планировалось также высвобождение ряда соединений по мере выравнивания линии фронта за счет ликвидации выступов в обороне и отвода войск 4-й армии за линию Мазурских озер. Однако в связи с тем, что по этому плану предполагалось оставление части территории Восточной Пруссии, верховное главнокомандование отвергло его.

С целью всемерного укрепления морального духа войск и населения командование вермахта предприняло целый ряд пропагандистских мер. Вступление советских войск в Восточную Пруссию использовалось для запугивания немцев, которых якобы от мала до велика ожидала неминуемая гибель. Все население призывалось встать на защиту своего района, своего дома. Некоторые подразделения были полностью укомплектованы из жителей одного населенного пункта, который они любой ценой должны были оборонять. По существу, все, способные носить оружие, зачислялись в фольксштурм.

Фашистские пропагандисты продолжали утверждать, что, если немцы проявят высокую стойкость, советские войска не смогут преодолеть «неприступные укрепления Восточной Пруссии». Благодаря новому оружию «мы все-таки победим, — утверждал министр пропаганды И. Геббельс. — Когда и как — это дело фюрера»[6]. С помощью социальной демагогии, репрессий и других мер фашисты пытались заставить все население Германии сражаться до последнего человека. Идеологическая обработка личного состава сопровождалась репрессиями военного командования. В войсках под расписку был объявлен приказ, который требовал удержать Восточную Пруссию во что бы то ни стало. Для укрепления дисциплины и вселения всеобщего страха в армии и тылу с особой жестокостью выполнялась директива Гитлера о смертной казни. Посредством таких мер немецкому руководству удалось заставить солдат сражаться с отчаянием обреченных.

Выполнение задачи по разгрому группировки немцев на восточнопрусском стратегическом направлении возлагалось на войска трех советских фронтов, развернутых там в январе 1945 г. Часть сил 1-го Прибалтийского фронта располагалась по р. Неман от устья до Сударги. Южнее, на гумбинненском направлении, в Восточную Пруссию широким выступом глубиной до 40 км вдавался 3-й Белорусский фронт, который занимал рубеж до Августова. По Августовскому каналу, рекам Бобр, Нарев и Западный Буг, восточнее г. Модлин закрепились войска 2-го Белорусского фронта. Они удерживали два важных оперативных плацдарма на правом берегу Нарева[7].

В период подготовки к наступлению Ставка Верховного главнокомандования пополнила фронты личным составом, вооружением и боевой техникой, осуществила крупные перегруппировки войск. Еще в конце 1944 г. во 2-й Белорусский фронт были переданы из ее резерва 2-я ударная, а из 1-го Белорусского — 65-я и 70-я армии вместе со своими полосами. 3-й Белорусский фронт пополнился за счет 2-й гвардейской армии, которая ранее действовала в 1-м Прибалтийском. 12 ноября 1944 г. по указанию Ставки была произведена смена командования. Командующим 1-м Белорусским фронтом, которому предстояло брать Берлин, был назначен Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, а Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский перемещен на должность командующего 2-м Белорусским фронтом. 8 января 1945 г. в состав 2-го Белорусского фронта была включена 5-я гвардейская танковая армия.

Всего на восточнопрусском направлении к началу операции войска 3-го Белорусского фронта под командованием генерала армии И. Д. Черняховского вместе с 43-й армией (генерал-лейтенант А. П. Белобородов) 1-го Прибалтийского фронта и войска 2-го Белорусского фронта под командованием маршала К. К. Рокоссовского насчитывали 1 млн 669 тыс. человек, 25,4 тыс. орудий и минометов, около 3,9 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок и более 3 тыс. боевых самолетов[8]. Такое сосредоточение сил и средств обеспечило

превосходство над противником: в личном составе — в 2,1 раза, в артиллерии — в 3,1 раза, в танках, САУ, штурмовых орудиях — в 5,5 раза, в боевых самолетах — в 4 раза[9].

По оценке германского штаба сухопутных сил, превосходство русских по всем параметрам было еще больше. Так, генерал пехоты К. Типпельскирх особо подчеркнул: «В целом соотношение сил было таково, что успех немецкой обороны почти исключался, даже если предположить крайнее упорство войск и искусное управление ими. Неясен был еще лишь масштаб грозившей катастрофы»[10].

С точки зрения советского командования, исключительная важность Восточно-Прусской стратегической наступательной операции определялась необходимостью обеспечить успешные действия войск на берлинском направлении. Маршал А. М. Василевский подчеркивал в мемуарах, что восточнопрусскую группировку противника требовалось уничтожить во что бы то ни стало, так как ее ликвидация высвобождала значительные силы для наступления на Берлин и снимала угрозу флангового удара с территории Восточной Пруссии по продвинувшимся далеко вперед армиям Г. К. Жукова и И. С. Конева.

По замыслу Ставки ВГК общая цель операции заключалась в том, чтобы отсечь группу армий «Центр» от главных сил вермахта, прижать ее к морю, расчленить и уничтожить. На первом этапе силами 2-го и 3-го Белорусских фронтов предстояло нанести концентрические удары с целью отсечения и изоляции группы армий «Центр» от основных сил немецкой армии. На втором этапе осуществлялось рассечение восточнопрусской группировки на несколько частей, их окружение и уничтожение. Эту задачу предстояло выполнить 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта и армиям 3-го Белорусского фронта.

В соответствии с замыслом Ставка еще в ноябре — декабре 1944 г. разработала и довела до войск 3-го и 2-го Белорусских фронтов директивы на проведение наступательных операций, связанных единством цели и скоординированных по времени. Каждый фронт должен был нанести мощный удар по одному из флангов группы армий «Центр».

Так, 3-й Белорусский фронт (командующий генерал армии И. Д. Черняховский) получил задачу наступать на Кёнигсберг с востока. Он должен был нанести главный удар силами четырех общевойсковых армий и двух танковых корпусов, разгромить тильзитско-инстербургскую группировку и не позднее 10—12-го дня операции овладеть рубежом Немониен — Норкиттен — Голдап на глубине 70—80 км. В дальнейшем, прочно обеспечивая главную группировку с юга, развивать наступление по обоим берегам р. Прегель, имея основные силы на ее левом берегу[11]. В разгроме противника на кёнигсбергском направлении 3-му Белорусскому фронту должна была способствовать 43-я армия 1-го Прибалтийского фронта. Ее задача заключалась в том, чтобы нанести вспомогательный удар на Тильзит и в случае успеха стремительно преследовать отступающие войска противника вдоль побережья залива Куришес-Хафф, не дав им закрепиться в северной части Земландского полуострова[12].

Войскам 2-го Белорусского фронта (командующий маршал К. К. Рокоссовский) предстояло ударами с плацдармов на р. Нарев разгромить пшаснышско-млавскую группировку противника и не позднее 10—11-го дня наступления овладеть рубежом Мышинец — Дзялдово — Плоцк на глубине 85—90 км. В дальнейшем наступать в общем направлении Нове-Място — Мариенбург. Для содействия 1-му Белорусскому фронту в разгроме варшавской группировки противника 2-му Белорусскому фронту приказывалось не меньше чем одной армией, усиленной танковым или механизированным корпусом, нанести удар с запада, в обход Модлина, с целью не допустить отхода врага за Вислу и быть в готовности форсировать реку западнее Модлина.

1-му Прибалтийскому фронту надлежало силами 43-й армии наступать вдоль левого берега Немана и тем самым содействовать 3-му Белорусскому фронту в разгроме тильзитской группировки противника.

Краснознаменному Балтийскому флоту (командующий адмирал В. Ф. Трибуц) приказывалось активными действиями подводных лодок и торпедных катеров нарушать морские сообщения войск вермахта от Рижского залива до Померанской бухты, а ударами авиации, огнем корабельной и береговой артиллерии, высадкой десантов на приморских флангах неприятеля содействовать сухопутным войскам, наступавшим вдоль морского побережья.

Командования объединений при подготовке и планировании операций творчески подошли к выполнению задач, поставленных Ставкой. Общий замысел командующего войсками 3-го Белорусского фронта И. Д. Черняховского заключался в нанесении фронтального удара на Кёнигсберг в обход мощных укреплений противника севернее Мазурских озер. Конечная цель наступления войск этого фронта состояла том, чтобы охватить основные силы восточнопрусской группировки немцев с севера и в последующем совместно со 2-м Белорусским фронтом разгромить их. Учитывая сложность преодоления мощной обороны противника, Черняховский решил прорвать оборону силами трех армий, после чего ввести в сражение два танковых корпуса, армию второго эшелона и развивать успех в глубину — к Балтийскому морю. Главный удар командующий фронтом решил нанести силами четырех общевойсковых армий и двух танковых корпусов в направлении на Велау по стыку 3-й танковой и 4-й армий гитлеровцев. Это позволяло не только разъединить их усилия в самом начале операции, но и обойти с севера мощные узлы сопротивления — Гумбиннен и Инстербург. Оборону врага намечалось прорвать силами 39, 5 и 28-й армий на участке шириной 24 км. В первый же день эти армии должны были овладеть второй полосой обороны противника, чтобы с утра второго дня операции в полосе 5-й армии обеспечить ввод в прорыв 2-го гвардейского танкового корпуса. Вместе с этим для наращивания удара решено было иметь во втором эшелоне 11-ю гвардейскую армию и в резерве — 1-й танковый корпус. Развертывание второго эшелона фронта намечалось осуществить на четвертый день операции с рубежа р. Инстер на смежных флангах 5-й и 28-й армий. Обеспечение главной группировки фронта с севера возлагалось на правофланговые соединения 39-й армии, готовившей удар на Лазденен. С юга ее прикрывала 2-я гвардейская армия, которая должна была перейти в наступление на третий день операции в общем направлении на Даркемен. 31-я армия левого крыла фронта имела задачу прочно оборонять участок от Голдапа до Августова.

План операции 2-го Белорусского фронта заключался в том, чтобы, используя плацдармы на правом берегу Нарева, нанести мощный удар, прорвать оборону на млавском направлении, разгромить пшаснышско-млавскую группировку и, развивая стремительное наступление на Мариенбург, выйти к побережью Балтийского моря, отсечь войска группы армий «Центр» от остальных районов Германии и уничтожить их во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом.

Оборону противника на главном направлении намечалось прорвать с ружанского плацдарма силами трех армий, а также трех корпусов (механизированного, танкового и кавалерийского). 3, 48 и 2-я ударная армии должны были, прорвав неприятельскую оборону на участке 18 км, наступать на Млаву — Мариенбург. Это направление, по мнению командования фронта, могло обеспечить более широкий оперативный простор для развертывания крупных сил подвижных соединений, давало возможность обойти с юга мощные Алленштейнский и Летценский укрепленные районы. Для расширения прорыва к северу 3-я армия получила задачу нанести удар на Алленштейн. В том же направлении предполагалось ввести 3-й гвардейский кавалерийский корпус, который должен был перерезать противнику основные маршруты отхода на запад. 49-я армия имела задачу главными силами перейти в наступление в направлении на Мышинец, используя прорыв в полосе 3-й армии.

Второй удар планировалось нанести силами 65-й и 70-й армий, а также одного танкового корпуса с сероцкого плацдарма, вдоль северного берега Вислы. Армии должны были прорвать оборону врага на 10-километровом участке и наступать в направлении Насельск — Бельск. Одновременно 70-й армии надлежало частью сил не допустить отхода варшавской группировки немцев за Вислу и быть в готовности форсировать ее западнее Модлина.

Для увеличения ударной силы и развития успеха после прорыва главной полосы обороны 48-й, 2-й ударной и 65-й армиями намечался ввод 8-го механизированного, 8-го и 1-го гвардейских танковых корпусов. Для развития наступления на Млаву — Лидзбарк на направлении главного удара планировалось ввести в прорыв 5-ю гвардейскую танковую армию. Войска 50-й армии получили задачу оборонять участок фронта от Августова до Новогруда.

Проведению Восточно-Прусской операции предшествовала тщательная всесторонняя подготовка. Она включала огромную работу по планированию предстоящих боевых действий, перегруппировке войск, напряженную боевую учебу личного состава частей и соединений по прорыву мощной, глубоко эшелонированной вражеской обороны.

Масштабность и важность поставленных перед советскими войсками задач, сильно укрепленная и плотная оборона противника потребовали от фронтов глубокого построения войск. Для наращивания усилий в составе вторых эшелонов и подвижных групп 3-й Белорусский фронт имел одну общевойсковую армию и два танковых корпуса, а 2-й Белорусский — танковую армию, два танковых, механизированный и кавалерийский корпуса. Боевые порядки соединений и частей, как правило, строились в два, реже в три эшелона.

Чтобы в кратчайшие сроки прорвать тактическую зону вражеской обороны и успешно развить наступление пехоты и танков, в оперативной глубине большие задачи возлагались на артиллерию. Для этого была достигнута достаточно высокая артиллерийская плотность: 160–220 орудий и минометов на 1 км участка прорыва в 3-м Белорусском и 180–300 — во 2-м Белорусском фронте. В частях и соединениях создавались полковые, дивизионные и корпусные артиллерийские группы, а также группы орудий для стрельбы прямой наводкой и минометные группы. В армиях, главным образом 2-го Белорусского фронта, имелись группы дальнего действия, разрушения и реактивной артиллерии, а в 3-м Белорусском — еще и фронтовая группа артиллерии дальнего действия. Она предназначалась для уничтожения и подавления резервов, штабов, разрушения узлов дорог и других объектов, расположенных в глубине вражеской обороны.

Артиллерийская подготовка атаки планировалась продолжительностью 120 минут в 3-м Белорусском и 85 минут во 2-м Белорусском фронтах. Расход боеприпасов для ее проведения определялся 1,5–2 боекомплекта, что составляло до 50% общего количества боеприпасов, имевшихся во фронтах к началу операции.

Командование фронтов особое внимание уделяло противовоздушной обороне. Кроме истребительной авиации во фронтовых объединениях имелось 1844 зенитных орудия[13], посредством которых надежно прикрывались ударные группировки и важные объекты фронтовых тылов.

Много внимания при разработке планов операции уделялось определению задач авиации. 1-я и 4-я воздушные армии фронтов под командованием генерал-полковников авиации Т. Т. Хрюкина и К. А. Вершинина основные усилия должны были направлять на содействие ударным группировкам при прорыве вражеской обороны и развитии успеха в оперативной глубине. С этой же целью предполагалось привлечь часть сил авиации 3-й воздушной армии генерал-полковника авиации Н. Ф. Папивина 1-го Прибалтийского фронта и 18-й воздушной армии главного маршала авиации А. Е. Голованова.

Использование авиации во фронтах планировалось следующим образом. Так, в 3-м Белорусском фронте намечалось провести предварительную и непосредственную авиационную подготовку, а также поддержку атаки и действий наступавших войск в глубине вражеской обороны. Использование авиации во 2-м Белорусском фронте делилось только на два периода: предварительную авиационную подготовку и поддержку атаки и действий войск, наступавших в глубине обороны противника.

Предварительную авиационную подготовку в 3-м и 2-м Белорусских фронтах предполагалось провести в ночь перед наступлением. В полосе 3-го Белорусского фронта для этой цели намечалось осуществить 1300 самолето-вылетов, а в полосе 2-го Белорусского — 1400. За весь период непосредственной авиационной подготовки атаки в 3-м Белорусском фронте бомбардировщики должны были осуществить 536 самолето-вылетов, из которых около 80% — для обеспечения наступления 5-й армии, действовавшей в центре ударной группировки фронта.

Авиационные соединения, которые выделялись для поддержки наступавших войск, были распределены следующим образом. В 3-м Белорусском фронте в первый день операции 1-я воздушная армия главными силами должна была поддерживать 5-ю армию, а 39-й и 28-й армиям выделялось по одной штурмовой дивизии; 4-я воздушная армия главными силами

обеспечивала наступление 48-й и 2-й ударной армий. С вводом в прорыв подвижных соединений выделялась для их сопровождения штурмовая авиация, которая в глубине обороны должна была уничтожать подходившие резервы врага, бомбить его склады, базы и аэродромы. Истребительная авиация получила задачу надежно прикрыть наступавшие войска с воздуха.

Особенности обороны противника и характер планируемых действий ударных группировок фронтов обусловили объем задач инженерных войск. Для 3-го Белорусского фронта важно было обеспечить прорыв сильно укрепленных полос долговременного типа, оборудовать маршруты для своевременного ввода соединений второго эшелона и подвижных групп. Главной задачей инженерных войск 2-го Белорусского фронта являлось обеспечение прорыва наревского оборонительного рубежа, а также ввода в прорыв бронетанковых соединений и их действий в глубине вражеской обороны. Планы инженерного обеспечения войск предусматривали создание необходимых условий для их сосредоточения и перегруппировки, а также подготовку исходных районов для наступления.

При подготовке к операции войсками 3-го Белорусского фронта было отрыто около 2,2 тыс. км траншей и ходов сообщения, оборудовано около 2,1 тыс. командных и наблюдательных пунктов, более 10,4 тыс. блиндажей и землянок, подготовлены пути подвоза и эвакуации[14]. Объем инженерных работ, выполненных войсками 2-го Белорусского фронта, также был весьма обширным. Проведенные мероприятия обеспечивали главным группировкам фронтов скрытность сосредоточения подразделений и частей в исходном положении, а командованию — возможность скрытого управления войсками в ходе боевых действий.

Огромный объем работ пришлось провести при оборудовании исходных районов на ружанском и сероцком плацдармах. К началу операции были приведены в исправное положение 25 мостов через р. Нарев и три — через Западный Буг. Саперы обнаружили и обезвредили на плацдармах более 159 тыс. мин и неразорвавшихся снарядов. Инженерные части и подразделения широко использовались для ведения инженерной разведки и обеспечения преодоления наступавшими минных полей, заграждений, препятствий и водных преград. Чтобы успешно решить все эти задачи, 3-й Белорусский фронт привлек 10 инженерно-саперных бригад, 2-й Белорусский — 13 бригад. С учетом корпусных и дивизионных саперных подразделений в составе фронтов действовало 254 инженерно-саперных и 25 понтонных батальонов, что составляло около четверти всего состава таких частей и соединений Красной армии. Основная их масса сосредоточивалась на направлениях главных ударов, достигая плотности 3,5—4,5 инженерно-саперных батальона на 1 км фронта прорыва.

При подготовке к наступлению неослабное внимание уделялось разведке противника. Во фронтах была развернута разветвленная сеть наблюдательных пунктов, широко применялась радиоразведка, многократно осуществлялись ночные полеты разведывательной авиации. Например, в полосе 3-го Белорусского фронта были сфотографированы все оборонительные полосы вплоть до Кёнигсберга. Авиация систематически вела наблюдение за передвижениями в неприятельском тылу. Только топографическими частями для 2-го Белорусского фронта было обработано 14 тыс. разведывательных аэрофотоснимков, по которым составлено и размножено 210 различных схем с данными о вражеской обороне.

Перед наступлением во фронтах предусматривалось проведение разведки боем. Активно проводились мероприятия по маскировке и дезинформации. Не упускалась из виду такая деятельность, как совершенствование организации управления: командные и наблюдательные пункты стремились максимально приблизить к войскам, была налажена бесперебойная связь. Радиосвязь во фронтовых и армейских объединениях была организована как по радионаправлениям, так и по радиосетям.

Большая работа в период подготовки к операции была проделана по организации тылового обеспечения действий войск фронтов. Она была особенно необходима, если учесть значительное удаление боевых действий от основных экономических районов и редкую сеть железных дорог в тылу советских войск: всего одна железнодорожная линия в полосе 3-го Белорусского и две — в полосе 2-го Белорусского фронта. Все это в условиях недостаточной пропускной способности фронтовых и армейских военно-автомобильных дорог в значитель-

ной мере осложняло деятельность оперативного тыла и материальное обеспечение войск. Поэтому тыловыми органами в первую очередь были приняты меры по восстановлению железных дорог, увеличению их пропускной способности, обеспечению нормальной работы автомобильного транспорта, что позволило в трудной обстановке создать требуемые планом запасы различных материальных средств: по боеприпасам к артиллерийско-минометному вооружению — 2,3–6,2 боекомплекта в 3-м Белорусском и 3–5 боекомплектов во 2-м Белорусском фронте, по автомобильному бензину и дизельному топливу — 3,1–4,4 заправки, по продовольствию — от 11 до 30 сутодач и более[15].

Значительная работа проводилась по медицинскому обеспечению предстоящей операции. К середине января в каждой армии 3-го Белорусского фронта имелось по 15–19 госпиталей на 37,1 тыс. коек; кроме того, в вéдении военно-санитарного управления фронта находилось 105 госпиталей на 61,4 тыс. коек. Во 2-м Белорусском фронте насчитывалось 135 армейских и 58 фронтовых госпиталей, рассчитанных на 81,8 тыс. штатных коек. Все это дало возможность в ходе операции надежно обеспечить эвакуацию и лечение раненых и больных.

При подготовке к наступлению и в ходе него командование фронтов и армий, а также Балтийского флота активно проводило работу по воспитанию у воинов высокого наступательного порыва, укрепляя моральное состояние личного состава, повышая дисциплину и бдительность. Особенно учитывалось то обстоятельство, что советским воинам предстояло действовать на территории врага и на землях дружественной Польши. При этом им разъяснялось, что цель Красной армии — освобождение польского народа от захватчиков, а немецкого — от нацистской тирании. Обращалось внимание солдат и офицеров на недопустимость напрасной порчи имущества, разрушения различных сооружений и промышленных предприятий.

В результате многогранной и целеустремленной деятельности военных советов фронтов и армий, Балтийского флота, командиров и штабов в значительной мере возрос наступательный дух и повысилась боеготовность частей и соединений.

Восточно-Прусская операция

Восточно-Прусская операция началась 13 января 1945 г. переходом в наступление войск 3-го Белорусского фронта. В целом, несмотря на тщательную подготовку к операции, полностью сохранить в тайне мероприятие такого масштаба не удалось. Противник, которому стало известно время наступления фронта, в ночь на 13 января, рассчитывая не допустить планомерного развития дальнейших событий, начал сильный артиллерийский обстрел боевых порядков ударной группировки фронта. Однако ответными ударами артиллерии и ночных бомбардировщиков артиллерия врага вскоре была подавлена. В результате неприятель не смог помешать войскам фронта занять исходные позиции и перейти в наступление согласно плану.

В 6 часов утра начались успешные действия передовых батальонов. Ворвавшись на передний край, они установили, что первую траншею занимают лишь незначительные силы, а остальные отведены во вторую и третью траншеи. Это позволило внести некоторые коррективы в план артиллерийской подготовки. Так как над полем сражения стоял густой туман и небо было покрыто низкими облаками, самолеты не могли подняться с аэродромов. Вся тяжесть подавления вражеской обороны легла на артиллерию. В ходе артиллерийской подготовки, которая продолжалась два часа, советские войска израсходовали большое количество боеприпасов: только в 5-й армии было выпущено более 117 100 снарядов. Но и повышенный расход боеприпасов не обеспечил полного подавления вражеской обороны.

Пехота и танки, поддерживаемые огнем артиллерии, после артиллерийской подготовки перешли в атаку. Гитлеровцы повсюду оказывали ожесточенное сопротивление. В условиях плохой видимости они подпускали танки на близкое расстояние, а затем широко применяли

фаустпатроны, противотанковую артиллерию и штурмовые орудия. Соединения 39-й и 5-й армий, которыми командовали генерал-лейтенант И. И. Людников и генерал-полковник Н. И. Крылов, преодолевая упорное сопротивление врага и отражая его непрерывные контратаки, к исходу дня вклинились в оборону противника на 2—3 км; более успешно наступала 28-я армия генерал-лейтенанта А. А. Лучинского, углубившаяся до 7 км. Сплошной туман не позволил применить авиацию. Танки, продвигавшиеся на ощупь, несли большие потери. В итоге задачи первого дня операции выполнить не удалось.

Командование вермахта, пытаясь во что бы то ни стало задержать наступление советских войск, в течение 13-го и в ночь на 14 января перебросило с не подвергшихся атакам участков к месту прорыва две пехотные дивизии, а из резерва подтянуло танковую дивизию. Отдельные пункты и узлы сопротивления несколько раз переходили из рук в руки. Отражая контратаки, войска фронта настойчиво продвигались вперед.

14 января самолеты 1-й воздушной армии, пользуясь тем, что погода несколько прояснилась, совершили 490 самолето-вылетов. Они уничтожали танки, артиллерию и живую силу противника, вели разведку до рубежа Рагнит — Растенбург[16]. К исходу следующего дня войска ударной группировки фронта, прорвав главную полосу, вклинились в оборону врага на 15 км.

Для завершения прорыва тактической зоны обороны требовалось активизировать действия войск на флангах ударной группировки и ввести в сражение новые силы. По решению командующего фронтом 16 января 2-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта П. Г. Чанчибадзе перешла в наступление на Даркемен, а в полосе 5-й армии в сражение был введен 2-й гвардейский танковый корпус генерал-лейтенанта танковых войск А. С. Бурдейного. В период ввода корпуса, воспользовавшись улучшением погоды, соединения 1-й воздушной армии нанесли несколько массированных ударов по врагу, совершив 1090 самолето-вылетов[17]. В составе 303-й истребительной авиационной дивизии 1-й воздушной армии успешно действовали французские летчики истребительного авиационного полка «Нормандия — Неман» под командованием майора Л. Дельфино. Поддерживаемый авиацией и артиллерией ударной группировки фронта 2-й гвардейский танковый корпус совместно с правофланговыми соединениями 5-й армии прорвал вторую полосу обороны противника и ночью овладел опорными пунктами Куссен и Радшен.

Успешные действия советских войск и их вклинение в оборону врага создали угрозу окружения его группировки, оборонявшейся в междуречье Немана и Инстера. Командующий группой армий «Центр» вынужден был разрешить командующему 3-й танковой армией генералу Э. Раусу отвести 9-й армейский корпус из этого района на правый берег р. Инстер. В ночь на 17 января действововавшие здесь соединения 39-й армии, установив начало отхода противника, перешли к его преследованию. Усилили нажим и войска основной группировки этой армии. Утром сильным ударом они завершили прорыв тактической зоны обороны врага и стали развивать наступление в северо-западном направлении. В то же время продвижение войск 5-й и 28-й армий замедлилось, так как немецко-фашистское командование, стремясь любой ценой удержать вторую полосу обороны, непрерывно усиливало свои части танками, штурмовыми орудиями и полевой артиллерией.

Командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии И. Д. Черняховский, учитывая сложившуюся обстановку, решил немедленно использовать успех 39-й армии для ввода второго эшелона. На это направление вначале был выдвинут 1-й танковый корпус генерал-лейтенанта танковых войск В. В. Буткова, а затем и соединения 11-й гвардейской армии под командованием генерал-полковника К. Н. Галицкого. Мощный удар по опорным пунктам и скоплениям вражеской пехоты и танков нанесла авиация.

1-й танковый корпус 18 января вошел в прорыв на левом фланге 39-й армии. Уничтожая на своем пути разрозненные группы противника, соединения танкового корпуса достигли р. Инстер и захватили плацдармы на ее правом берегу. Используя успех корпуса, войска 39-й армии продвинулись за день на 20 км. К исходу дня ее передовые части вышли на р. Инстер.

5-я и 28-я армии к этому времени возобновили наступление и завершили прорыв тактической зоны обороны неприятеля. Из-за непрерывных контратак темп продвижения

Батарея 88-мм зенитных орудий готовится отражать советскую танковую атаку

Колонна немецких танков движется к фронту в Восточной Пруссии

советских войск оставался невысоким. Особенно яростное сопротивление враг оказал в полосе 28-й армии, части которой за 18 января отразили десять крупных контратак. В одной из них вражеская пехота с танками обрушила удар на 664-й стрелковый полк 130-й стрелковой дивизии, на острие атаки которого действовала 6-я рота 2-го батальона. Вместо тяжелораненого командира управление ротой взял на себя заместитель командира батальона капитан С. И. Гусев. Правильно оценив обстановку, он в самый напряженный момент боя поднял роту в атаку и увлек за собой другие подразделения полка. Сопротивление врага было сломлено, и он стал откатываться назад. Преследуя противника, бойцы ворвались в один из опорных пунктов на подступах к Гумбиннену и овладели им. В рукопашной схватке Гусев погиб. Отважному офицеру посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, а Гумбиннен в его честь был переименован в город Гусев.

Также успешно развивалось наступление войск 3-го Белорусского фронта на кёнигсбергском направлении. С 19 января в его состав по указанию Ставки была включена из 1-го Прибалтийского фронта 43-я армия под командованием генерал-лейтенанта А. П. Белобородова. Соединения армии в тот же день совместно с 39-й армией овладели г. Тильзит[18].

Одновременно 2-й гвардейский и 1-й танковые корпуса, нанеся удар по противнику в полосе 39-й армии, продвинулись за день до 20 км и в ночном бою овладели сильными узлами сопротивления Гросс-Скайсгиррен и Ауловенен. 20 января с рубежа р. Инстер на стыке 39-й и 5-й армий в сражение была введена 11-я гвардейская армия. Имея впереди два танковых корпуса, она устремилась в юго-западном направлении и к исходу 21 января вышла к р. Прегель северо-восточнее Велау и на подступы к Инстербургу с севера. К этому времени войска 43-й и 39-й армий приблизились к заливу Куришес-Хафф и р. Дейме (Дейма). Инстербургская группировка врага была глубоко охвачена с северо-запада. Соединения 5-й армии обошли Инстербург с востока. В ночь на 22 января 11-я гвардейская армия при содействии 5-й армии начала его штурм. Враг упорно сопротивлялся, но к утру город был захвачен советскими войсками.

В результате девятидневных непрерывных ожесточенных боев войска 3-го Белорусского фронта прорвали оборону противника севернее Гумбиннена на участке свыше 60 км и продвинулись до 45 км в глубину. В ходе наступления советские войска нанесли тяжелое поражение 3-й танковой армии врага и создали условия для удара на Кёнигсберг.

Из-за плохой погоды командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К. К. Рокоссовский дважды переносил начало наступления и вынужден был начать его 14 января на млавском направлении.

В 10 часов началась мощная артиллерийская подготовка. В течение 15 минут с предельным напряжением велся огонь по переднему краю и ближайшей глубине обороны противника, разрушая его оборонительные сооружения и нанося урон живой силе и технике. Передовые батальоны дивизий первого эшелона, развернутые на ружанском плацдарме, энергично атаковали передний край обороны врага и ворвались в первую траншею. Развивая успех в глубину, они к 11 часам овладели второй и частично третьей траншеями, что позволило сократить артиллерийскую подготовку, а период артиллерийской поддержки атаки начать двойным огневым валом на всю глубину второй позиции.

В первые два дня операции, получившей наименование Млавско-Эльбинской, ударные группировки, наступавшие с ружанского и сероцкого плацдармов, продвинулись на 7–8 км, затем, объединив удары с обоих плацдармов в общий прорыв на 60-километровом участке, атакующие войска углубились к исходу третьего дня наступления на 30 км и создали условия для быстрого развития успеха в глубину.

Несколько иначе сложилась обстановка в полосах 65-й и 70-й армий, наступавших с сероцкого плацдарма, и в полосе 2-й ударной армии. Здесь передовые батальоны имели меньшее продвижение, и поэтому артиллерийская подготовка проводилась в полном объеме. Неблагоприятные метеорологические условия в этот день снизили эффективность артиллерийского огня и исключили возможность использования авиации.

Советские саперы на улице горящего Инстербурга в Восточной Пруссии. Февраль, 1945 г.

Брошенная техника противника на дорогах Восточной Пруссии

В первый же день войска 2-й ударной армии генерала И. И. Федюнинского продвинулись на 3—6 км, а соединения 3-й армии под командованием генерала А. В. Горбатова и 48-й армии генерала Н. И. Гусева прошли с боями 5—6 км. Гитлеровцы ожесточенно сопротивлялись и непрерывно переходили в контратаки. Командующий 2-й немецкой армией генерал В. Вейс приказал ввести в бой за главную полосу обороны дивизионные и корпусные резервы, специальные части и курсантские подразделения военных школ, а на угрожаемые направления выдвинуть армейские резервы. Плотность вражеских войск значительно возросла.

На отдельных участках специально подготовленные для этого батальоны продолжали наступление и ночью. С утра 15 января ударные группировки фронта возобновили наступление, но вновь встретили ожесточенное сопротивление. Многие опорные пункты неоднократно переходили из рук в руки. Командование группы армий «Центр» выдвинуло из резерва и ввело в сражение на ружанском направлении 7-ю танковую дивизию, моторизованную дивизию «Великая Германия», а также другие части и подразделения. Темп продвижения советских ударных группировок снизился, а местами оно и вовсе прекратилось. Противник, рассчитывая, что войска 2-го Белорусского фронта уже исчерпали свои наступательные возможности, начал поспешно перебрасывать танковый корпус «Великая Германия» из Восточной Пруссии через Лодзь в район Кельце с целью остановить продвижение войск 1-го Украинского фронта. Однако расчеты врага не оправдались.

Чтобы увеличить силу удара, командующий фронтом приказал ввести в сражение в полосах 2-й ударной и 65-й армий 8-й и 1-й гвардейские танковые корпуса под командованием генерала А. Ф. Попова и генерала М. Ф. Панова, а на следующий день, 16 января, в полосе 48-й армии — 8-й механизированный корпус генерала А. Н. Фирсовича. Эти корпуса, отразив несколько сильных контратак противника, сломили его сопротивление и устремились вперед. Командиру каждого корпуса, вводимого в прорыв, оперативно подчинялась одна штурмовая авиационная дивизия. Соединения 4-й воздушной армии, пользуясь улучшением погоды, произвели в этот день 2516 самолето-вылетов[19].

Немецкое командование, чтобы сдержать наступление фронта, усилило 2-ю армию двумя пехотными и моторизованной дивизиями и приняло решение перебросить из Курляндии в Восточную Пруссию две пехотные и танковую дивизии. Однако войскам 2-го Белорусского фронта за трое суток упорных боев удалось прорвать тактическую зону обороны противника на 60-километровом участке и продвинуться в глубину до 30 км. Они овладели крупными опорными пунктами и узлами коммуникаций — городами Пултуск, Насельск, перерезали железнодорожную магистраль Цеханув — Модлин. Тактические и ближайшие оперативные резервы гитлеровцев были разгромлены. В сложившейся обстановке требовался мощный удар, чтобы окончательно сломить сопротивление врага. Командующий фронтом принял решение ввести в сражение подвижную группу.

17 января 5-я гвардейская танковая армия под командованием генерал-полковника танковых войск В. Т. Вольского успешно вошла в прорыв в полосе 48-й армии. Для обеспечения ее действий авиация фронта усилила свои удары и за четыре часа произвела тысячу самолето-вылетов. Во время ввода армии в прорыв противник пытался из районов Цеханув и Пшасныш нанести контрудары танковой и двумя моторизованными дивизиями по флангам ударной группировки фронта, но эти попытки были сорваны энергичными действиями советских войск. 8-й гвардейский танковый корпус внезапным ударом совместно с поддерживавшей его авиацией разгромил танковую дивизию неприятеля в районе ее сосредоточения и овладел станцией Цеханув, а 8-й механизированный корпус захватил Грудуск. Моторизованная дивизия «Великая Германия» попала под удар соединений 48-й и 3-й армий и понесла большие потери. 18-я моторизованная дивизия, выдвигавшаяся в район Млавы, так и не успела принять участие в осуществлении намеченного плана. Развивая наступление, 5-я гвардейская танковая армия оторвалась от общевойсковых армий и к концу дня достигла Млавского укрепленного района.

Используя успехи танковых соединений, ускоренными темпами продвигались и общевойсковые армии. Советские воины, проявляя отвагу и мужество, преодолели несколько

позиций Млавского укрепленного района и 17—18 января штурмом овладели опорными пунктами Цеханув и Пшасныш. В это время 49-я армия под командованием генерал-лейтенанта И. Т. Гришина настойчиво продвигалась в северном направлении, обеспечивая правый фланг ударной группировки. Армии, действовавшие с сероцкого плацдарма, овладели Модлином. Войскам, участвовавшим в боях за освобождение Пшасныша и Модлина, приказом ВГК от 18 января была объявлена благодарность, а в Москве дан артиллерийский салют[20].

В результате упорных пятидневных боев 2-й Белорусский фронт прорвал оборону противника в полосе шириной 110 км и продвинулся на млавском направлении до 60 км в глубину. Перед войсками фронта открылась возможность в короткие сроки выйти к Балтийскому морю и отсечь восточнопрусскую группировку врага от центральных районов Германии.

Войска правого крыла 1-го Белорусского фронта к этому времени освободили Варшаву. Они выдвинулись на р. Бзура и развивали наступление на Познань. Однако остатки четырех пехотных дивизий разгромленной варшавской группировки отошли за Вислу и усилили 2-ю армию, что осложнило обстановку перед левым крылом 2-го Белорусского фронта.

Наступление ударных группировок 3-го и 2-го Белорусских фронтов на кёнигсбергском и мариенбургском направлениях, которое началось после прорыва обороны 3-й танковой и 2-й немецких армий, поставило под угрозу фланги и тыл 4-й армии, оборонявшей августовский выступ. Командующий группой армий «Центр» видел угрозу окружения этой армии и неоднократно пытался добиться санкции верховного главнокомандования на ее отвод, но вынужден был удовлетвориться обещанием помощи извне. Надежды командования группы армий «Центр» пополнить свои резервы за счет высвобождения дивизий 4-й армии не сбылись.

В полосе 2-го Белорусского фронта с 19 января началось стремительное преследование вражеских войск, где решающую роль играли подвижные соединения. В полосе 48-й армии командующий фронтом ввел 3-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Н. С. Осликовского, который пересек южную границу Восточной Пруссии и устремился на Алленштейн. Развивала наступление и 5-я гвардейская танковая армия. Совместно с передовыми частями 48-й армии она с ходу овладела важным опорным пунктом врага Млавой и в районе Нейденбурга также вступила в пределы Восточной Пруссии. Большую помощь наземным войскам оказывала 4-я воздушная армия. Совершив за сутки 1880 боевых вылетов[21], она нанесла удары по узлам дорог и отступавшим колоннам противника.

В районе Августова, несмотря на угрозу окружения, 4-я немецкая армия продолжала упорно обороняться. Учитывая это, командующий 2-м Белорусским фронтом решил повернуть главные силы на север, в направлении г. Эльбинг, кратчайшим путем достичь залива Фришес-Хафф, отсечь восточнопрусскую группировку, а частью сил на широком фронте выйти к Висле. Выполняя указания командующего, войска устремились к побережью залива. Особенно быстро наступала 5-я гвардейская танковая армия. Овладев 20 января крупным узлом шоссейных и железных дорог г. Нейденбург, танкисты взяли курс на Остероде — Эльбинг. Значительно возросли темпы преследования общевойсковых армий. Соединения левого крыла фронта только за один день 20 января продвинулись более чем на 40 км, освободив города Серпц, Бельск, Вышогруд. Быстрое продвижение советских войск по территории Северной Польши нередко заставляло противника обращаться в беспорядочное бегство. Это лишало гитлеровцев возможности осуществлять грабежи и насилия, подобные тем, которые широко проводились ими при отступлении с советской земли.

Войска 2-го Белорусского фронта 21 января овладели многими опорными пунктами противника, в том числе Танненбергом. Немецкое командование придавало большое значение его обороне. Вблизи селения Танненберг шесть веков назад, 15 июля 1410 г., объединенные силы русских, польских, литовских и чешских войск наголову разбили рыцарей Тевтонского ордена, пытавшегося захватить славянские земли. Это событие вошло в историю под названием Танненбергской, или Грюнвальдской, битвы.

21 января Ставка Верховного главнокомандования потребовала от войск 2-го Белорусского фронта продолжить наступление на Мариенбург, чтобы не позднее 2—4 февраля

Колонна советских танков на дороге в Восточной Пруссии

Группа летчиков авиаполка «Нормандия-Неман» у истребителя в Восточной Пруссии

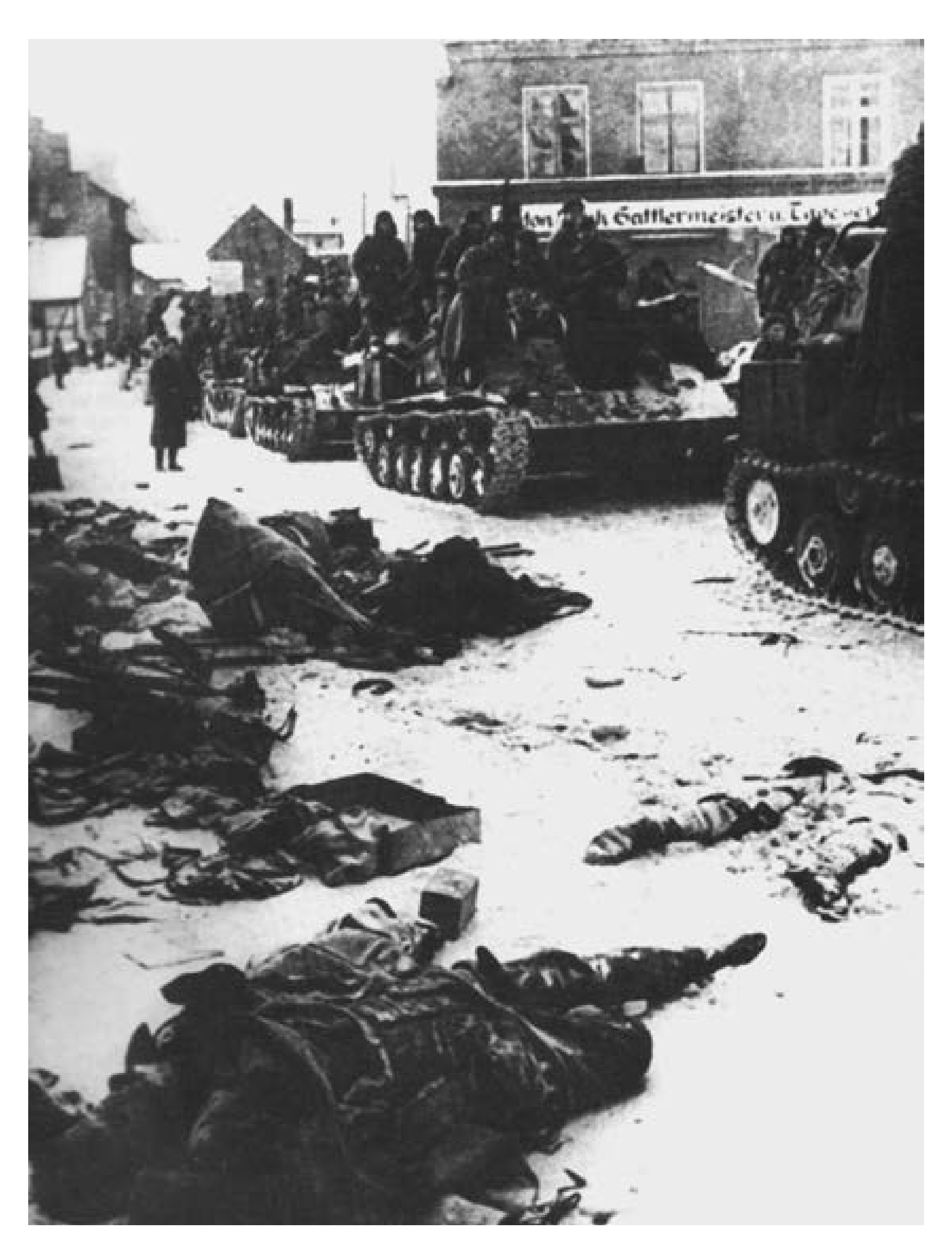
овладеть рубежом Эльбинг — Мариенбург — Торунь, выйти на Вислу в ее нижнем течении и отрезать противнику все пути в Центральную Германию. После выхода на Вислу намечалось захватить плацдармы на левом ее берегу к северу от Торуни. Войскам правого крыла фронта приказывалось овладеть рубежом Иоханнисбург — Алленштейн — Эльбинг. В дальнейшем предполагалось вывести большую часть сил фронта на левый берег Вислы для действий в полосе между Данцигом и Штеттином. С 1 февраля планировалось передать 19-ю армию в состав 2-го Белорусского фронта[22].

Обстановка для немецких войск, особенно группы армий «Центр», все ухудшалась, явственнее обозначилась угроза окружения западнее Августова. Гитлеровская ставка приняла решение отвести 4-ю армию за оборонительные сооружения Летценского укрепленного района на рубеж Мазурских озер. Командующий 4-й армией генерал Ф. Госбах в ночь на 22 января начал отвод соединений армии по всему фронту, надеясь на скрытность и быстроту его осуществления, однако этот маневр был своевременно обнаружен разведкой 50-й армии. Ее командующий генерал И. В. Болдин распорядился о неотступном преследовании врага. Только за день соединения армии продвинулись до 25 км. Не упустили этого момента и армии левого крыла 3-го Белорусского фронта. В отличие от 2-й армии, поспешный отход которой под ударами войск 2-го Белорусского фронта нередко превращался в бегство, 4-я армия отходила более организованно, с упорными арьергардными боями. Однако под усилившимся натиском советских войск и нависшей угрозой окружения ее войска вынуждены были ускорить отход. Госбах принял решение оставить оборонительные рубежи с крепостью Летцен и системой Мазурских озер и пробиваться на запад для соединения со 2-й армией в районе Хейльсберга.

Командующий 4-й армией о принятом решении не поставил в известность ни командующего группой армий «Центр», ни верховное главнокомандование. Соединения армии прошли через Летценский укрепленный район и 24 января заняли долговременную укрепленную позицию Хейльсберг — Дейме. В тот же день гаулейтер Кох известил верховное главнокомандование об оставлении линии Мазурских озер и крепости Летцен. «Неудивительно, — писал Г. Гудериан, — что чудовищное сообщение о потере сильно оснащенной техникой и людьми крепости, сооруженной с учетом последних инженерных достижений, было подобно разрыву бомбы»[23]. За самовольно принятые решения наказания последовали незамедлительно. 26 января был отстранен от должности командующий группой армий «Центр» генерал Рейнгардт, а через три дня подобная участь постигла и командующего армией Госбаха. Сменившие их генералы Л. Рендулич и Ф. Мюллер оказались бессильны восстановить утраченное положение[24].

Соединения группы армий «Центр» продолжали отступать, хотя они и цеплялись за каждый выгодный рубеж, надеясь сдержать натиск наступавших, измотать и обескровить их упорной обороной. Преодолевая сопротивление противника, советские войска овладели Алленштейном, а на главном направлении части 5-й гвардейской танковой армии безостановочно продвигались к заливу Фришес-Хафф, стремясь в кратчайшие сроки завершить отсечение восточнопрусской группировки. Наступление продолжалось и ночью. 24 января 10-й танковый корпус этой армии после скоротечного боя овладел Мюльхаузеном. На подступах к городу особенно отличились воины танкового батальона, которым командовал капитан Ф. А. Рудской. Прорвавшись на автостраду Кёнигсберг — Эльбинг севернее Мюльхаузена, батальон разгромил большую вражескую колонну. При этом были уничтожены до 500 фашистов, захвачено или разбито около 250 автомашин. Попытки противника сбить батальон с автострады оказались безуспешными. Танкисты выстояли до подхода главных сил своей бригады. За умелое командование, героизм и мужество капитану Рудскому было присвоено звание Героя Советского Союза, а личный состав батальона награжден орденами и медалями[25].

Также смело и решительно действовали и другие соединения 5-й гвардейской танковой армии. Так, передовой отряд 31-й бригады 29-го танкового корпуса под командованием капитана Г. Л. Дьяченко, воспользовавшись темнотой и кратковременным замешательством гарнизона Эльбинга, вечером 23 января проскочил через весь город и на следующий день

Войска советского 10-го танкового корпуса на улице Мюльхаузена

Советские солдаты в городе Алленштайн в Восточной Пруссии

вышел на побережье залива Фришес-Хафф. Только после этого неприятель организовал оборону Эльбинга и около полумесяца удерживал город.

Войска танковой армии, продвигаясь по побережью, во взаимодействии с соединениями 48-й армии 26 января овладели г. Толькемит. Тем самым было завершено отсечение всей восточнопрусской группировки от остальных немецких войск. В Восточной Пруссии были отрезаны 3-я танковая и 4-я армии, а также шесть пехотных и две моторизованные дивизии 2-й армии; остальные 14 пехотных и танковая дивизии, две бригады и группа, входившие в состав 2-й армии, понесли большие потери и были отброшены за Вислу.

Армии правого крыла 2-го Белорусского фронта, преследуя отходившего противника, к этому времени продвинулись до 100 км и в основном преодолели систему Мазурских озер, а армии левого крыла фронта вышли к Висле на участке Мариенбург — Торунь. 70-я армия с ходу форсировала Вислу, а частью сил блокировала крепость Торунь. За 13 суток, с 14 по 26 января, войска фронта продвинулись на 200—220 км. Они разгромили до 15 дивизий противника, преодолели оборону в южной части Летценского укрепленного района, овладели Млавским и Алленштейнским укрепленными районами, заняли часть Восточной Пруссии площадью до 14 тыс. кв. км и освободили территорию Северной Польши площадью до 20 тыс. кв. км[26].

Группа армий «Центр», действовавшая в Восточной Пруссии, 26 января была переименована в группу армий «Север», а группа армий «Север» — в группу армий «Курляндия». Войска, которые были сосредоточены в Померании, объединены в группу армий «Висла», куда вошла и 2-я армия.

Войска 2-го Белорусского фронта после выхода к заливу Фришес-Хафф продолжали наступление с целью уничтожения отсеченного противника. Обстановка в полосе фронта осложнилась. Армии его правого крыла растянулись и действовали в основном в северном направлении, в то время как армии левого крыла были нацелены на запад. Войска понесли потери и нуждались в отдыхе. Армейские тылы отстали. Большая часть аэродромов 4-й воздушной армии оказалась на значительном удалении от войск, к тому же наступившая распутица затрудняла их использование.

Командование вермахта решило нанести сильный контрудар по войскам 2-го Белорусского фронта, вышедшим к заливу Фришес-Хафф. Гитлеровцы надеялись, что успешное претворение в жизнь этого замысла позволит им восстановить сухопутные коммуникации с Центральной Германией и осуществить непосредственную связь с главными силами вермахта. С этой целью в южной части Хейльсбергского укрепленного района были сосредоточены четыре пехотные, две моторизованные и танковая дивизии, а также бригада штурмовых орудий. В ночь на 27 января войска 4-й немецкой армии внезапно перешли в наступление в направлении на Либштадт и Эльбинг. Противнику удалось на узком участке прорвать оборону 48-й армии и окружить 17-ю стрелковую дивизию юго-западнее Вормдитта. Двое суток продолжались непрерывные бои. Неприятель овладел Либштадтом и западнее этого города продолжал настойчивые атаки.

Командующий 2-м Белорусским фронтом, учитывая сложную обстановку, 26 января усилил 48-ю армию 8-м гвардейским танковым корпусом и пятью противотанковыми артиллерийскими бригадами. Фронтом на восток были развернуты 5-я гвардейская танковая армия и 8-й механизированный корпус; 3-й гвардейский кавалерийский корпус изготовился основными силами нанести фланговый удар[27]. Из фронтового резерва в состав 48-й армии был передан стрелковый корпус 49-й армии. Быстрой перегруппировкой сил и средств на угрожаемое направление удалось сначала остановить противника, а затем нанести ему ощутимый удар. 30 января враг предпринял последнюю попытку прорыва, но успеха не имел. Войска, выделенные для отражения контрудара, создали плотный сплошной фронт, а затем, возобновив наступление, деблокировали героически сражавшуюся в окружении 17-ю стрелковую дивизию, которой командовал полковник А. Ф. Гребнев.

Во время борьбы с контрударной вражеской группировкой 50, 49 и 3-я армии 2-го Белорусского фронта продолжали наступление совместно с войсками 3-го Белорусского фронта,

сжимая хейльсбергскую группировку. Ее положение крайне осложнилось 31 января, когда соединения 31-й армии под командованием генерала П. Г. Шафранова штурмом овладели сильнейшим опорным пунктом обороны центральных районов Восточной Пруссии — г. Хейльсберг. Мощные оборонительные рубежи Хейльсбергского укрепленного района остались в тылу наступавших. Сужение полос наступления армий по мере их продвижения в глубину позволило командующему 2-м Белорусским фронтом вывести в свой резерв сначала две дивизии 50-й армии, а с 31 января — всю 49-ю армию.

Соединения 2-й ударной, 65-й и 70-й армий 2-го Белорусского фронта к концу января на широком участке вышли к рекам Ногат и Висла, от залива Фришес-Хафф до Быдгощи. При этом 2-я ударная армия сменила у Эльбинга части 5-й гвардейской танковой армии, полностью взяв на себя блокаду крепости. 65-я армия подошла к Висле и форсировала ее, захватив плацдарм в районе г. Свеце.

Упорные и ожесточенные бои развернулись при ликвидации гарнизонов городов-крепостей Торунь и Эльбинг. В ходе наступления 70-я армия оставила для блокады Торуни лишь небольшую часть сил и средств (ослабленную стрелковую дивизию и полк). Такое решение вытекало из ошибочной оценки численности гарнизона. Командование армии считало, что в крепости находится не более 3—4 тыс., а фактически гарнизон насчитывал около 30 тыс. человек.

Войска торуньского гарнизона в ночь на 31 января внезапным ударом на узком участке северо-западного сектора прорвали слабый фронт блокады. Для ликвидации прорвавшихся сил врага командующему 70-й армией пришлось привлечь шесть стрелковых дивизий, в том числе две прибывшие из резерва фронта, а также часть сил 1-го гвардейского танкового корпуса. Юго-восточнее Хелмно вырвавшаяся группировка сначала была расчленена, а 8 февраля разгромлена. До 12 тыс. солдат и офицеров были пленены, свыше 270 исправных орудий захвачено в качестве трофеев. Только небольшой части (около 3 тыс. человек) удалось прорваться на другой берег Вислы[28]. Важную роль в успешном разгроме торуньского гарнизона сыграла 4-я воздушная армия, которая серией штурмовых ударов препятствовала планомерному отходу немецких войск. 10 февраля решительными действиями войск 2-й ударной армии было сломлено сопротивление гарнизона Эльбинга — еще одного крупного узла коммуникаций и мощного опорного пункта вражеской обороны на пути к Данцигской бухте.

В сложных погодных условиях авиация продолжала поддерживать наземные войска. Так, только за девять суток, с 31 января по 8 февраля, 4-я воздушная армия совершила 3450 самолето-вылетов, уничтожив 38 самолетов противника[29]. За этот же период немецкая авиация произвела лишь около 300 самолето-вылетов.

На этом в основном закончился первый этап наступления советских войск в Восточной Пруссии. Войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов завершили отсечение восточнопрусской группировки противника и, создав прочный внутренний фронт с юго-запада, выполнили поставленную им задачу. Большая часть территории Восточной Пруссии была очищена от немецко-фашистских войск.

В ходе наступления войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов нанесли серьезное поражение восточнопрусской группировке вермахта. Войсками фронтов было взято в плен 51 867 солдат и офицеров. Гораздо больше неприятель потерял убитыми и ранеными[30].

В начале февраля ударная группировка 1-го Белорусского фронта вышла на Одер и захватила плацдармы на его левом берегу. Между ней и армиями левого крыла 2-го Белорусского фронта, находившимися на Висле, образовался разрыв до 200 км. В связи с угрозой флангового удара противника с севера командующий 1-м Белорусским фронтом вынужден был развернуть против группы армий «Висла» войска правого крыла. Учитывая сложившуюся обстановку, Ставка Верховного главнокомандования, как и намечалось первоначальным планом, для наступления к западу от Вислы, в Восточную Померанию, перенацелила основные силы 2-го Белорусского фронта. Своей директивой от 8 февраля она приказала фронту центром и левым крылом перейти в наступление к западу от Вислы, в дальнейшем развивая

его на Штеттин, овладеть районом Данциг — Гдыня и очистить от противника побережье Балтийского моря вплоть до Померанской бухты[31]. Директивой Ставки, отданной на следующий день, войска 50, 3, 48-й общевойсковых и 5-й гвардейской танковой армий вместе с полосами передавались 3-му Белорусскому фронту. Это означало, что 2-й Белорусский фронт полностью освобождался от участия в Восточно-Прусской операции, и его командование могло сосредоточить все внимание на боевых действиях в Восточной Померании.

Потеря Гумбиннена и Инстербурга отрицательно сказалась на устойчивости обороны противника на кёнигсбергском направлении. Угроза выхода советских войск на ближние подступы к Кёнигсбергу стала еще более реальной. Гитлеровское командование проводило одно совещание за другим, обсуждая, какими способами и средствами задержать наступление в Восточной Пруссии. По предложению гросс-адмирала К. Дёница из Дании на советско-германский фронт были переброшены 22 армейских батальона, из которых часть прибыла на Земландский полуостров. По рекам Дейме и Алле также усиливалась оборона, сюда дополнительно выдвигались резервы, различные части и подразделения. С удержанием обороны на этих реках немецко-фашистское командование связывало большие надежды. Пленные офицеры из штаба обороны Кёнигсберга впоследствии показали, что из военной истории они знали о «чуде» на Марне, где в 1914 г. французам удалось остановить немецкие армии, и теперь мечтали о «чуде» на Дейме[32].

Войска правого крыла 3-го Белорусского фронта, продолжая наступление, 23—25 января с ходу форсировали реки Дейме, Прегель и Алле, преодолели долговременные сооружения Хейльсбергского укрепленного района на севере и продвигались к Кёнигсбергу. 26 января они подошли к внешнему оборонительному обводу города. Войска левого крыла фронта, преследуя соединения 4-й армии противника, к исходу дня полностью овладели сооружениями Летценского укрепленного района и вышли на рубеж западнее Мазурских озер.

В результате почти двухнедельного наступления войска 3-го Белорусского фронта, несмотря на ожесточенное сопротивление врага, опиравшегося на глубоко эшелонированную систему оборонительных рубежей и укрепленных районов, продвинулись до 120 км. С падением Ильменхорстского и Летценского укрепленных районов и выходом войск 2-го Белорусского фронта на побережье Балтийского моря обстановка для противника значительно ухудшилась, но он еще был способен продолжать борьбу.

По мере успешного продвижения советских войск на кёнигсбергском направлении сопротивление гитлеровцев возрастало. В последних числах января немецко-фашистское командование предприняло еще одну попытку усилить свою группировку на подступах к Кёнигсбергу за счет эвакуации дивизий, оборонявших плацдарм в районе Клайпеды. Однако войска 1-го Прибалтийского фронта (командующий генерал И. Х. Баграмян, начальник штаба генерал В. В. Курасов), своевременно вскрыв подготовку противника к эвакуации, 27 января перешли в наступление. 4-я ударная армия генерала П. Ф. Малышева смяла противостоявшие вражеские части и на следующий день полностью освободила Клайпеду. В этих боях немалая заслуга принадлежала воинам 16-й литовской стрелковой дивизии. Остатки клайпедского гарнизона бежали по косе Курише-Нерунг на Земландский полуостров, где влились в состав войск, оборонявших Кёнигсберг. В ходе боевых действий за Клайпеду войсками 4-й ударной армии было завершено освобождение Литвы от немецко-фашистских захватчиков.

При подготовке и проведении наступления по всему фронту командующий 3-м Белорусским фронтом стремился направлять все удары на Кёнигсберг, чтобы как можно быстрее изолировать кёнигсбергский гарнизон от сил, действовавших западнее и южнее города. Выполняя эту задачу, 39-я армия 29 января вплотную подошла к Кёнигсбергу с северо-востока и севера, а спустя двое суток ее соединения достигли залива Фришес-Хафф западнее города, отрезав таким образом гарнизон крепости от войск на Земландском полуострове. В это же время авиация фронта и флота нанесла удары по гидротехническим сооружениям Кёнигсбергского морского канала и частично вывела его из строя. Вход транспортных судов в гавань Кёнигсберга оказался перекрыт, поэтому потребность в перевозках к Пиллау сушей

стала для гитлеровцев особенно острой. Войска 11-й гвардейской армии, наступавшие вдоль левого берега р. Прегель, обошли Кёнигсберг с юга и 30 января вышли к заливу, перерезав автостраду, которая вела в Эльбинг. В результате советские войска не только отсекли восточнопрусскую группировку, но и разделили ее на три изолированные части.

Целеустремленные и решительные действия войск фронта по расчленению группы армий «Север» и их изоляции вызвали растерянность немецкого руководства. Враг отступал столь поспешно, что не успевал приводить в негодность промышленные предприятия и транспортные средства, нетронутыми оставались склады и арсеналы. Воспользовавшись замешательством в стане противника, разведчики подключили к его электросети командные пункты 39-й и 11-й гвардейской армий, которые в течение двух суток пользовались электроэнергией, подаваемой из Кёнигсберга[33].

Командование вермахта прилагало отчаянные усилия с целью деблокировать Кёнигсберг и восстановить сухопутные связи со всеми группировками. Юго-западнее города, в районе Бранденбурга, оно сосредоточило танковую и моторизованную дивизии и несколько пехотных частей, которые использовало 30 января для нанесения удара вдоль залива Фришес-Хафф на север. Ценой больших потерь противнику удалось потеснить части 11-й гвардейской армии и восстановить связь с Кёнигсбергом. Однако этот успех оказался кратковременным. К 6 февраля войска 11-й гвардейской и 5-й армий снова перерезали автостраду, прочно изолировав Кёнигсберг с юга, а войска 43-й и частично 39-й армий в упорной борьбе отбросили дивизии врага от Кёнигсберга в глубину Земландского полуострова, образовав внешний фронт окружения.

Таким образом, в течение четырех недель большая часть территории Восточной Пруссии и Северной Польши была очищена от немецких войск, созданная здесь глубоко эшелонированная оборона сокрушена, а врагу нанесен серьезный урон в живой силе и технике. За время боев только пленными противник потерял около 52 тыс. солдат и офицеров. Советские войска захватили в качестве трофеев более 4,3 тыс. орудий и минометов, 569 танков и штурмовых орудий, 335 бронемашин и бронетранспортеров, свыше 13 тыс. автомашин, 1704 военных склада[34]. В итоге были сорваны планы немецко-фашистского командования на восстановление сухопутных связей между группировками и созданы условия для их уничтожения.

В результате мощных ударов советских войск группа армий «Север», включавшая оперативную группу «Земланд» и 4-ю армию, к 10 февраля была разделена на три части: земландскую, кёнигсбергскую и хейльсбергскую. Всего в восточнопрусской группировке насчитывалось 32 дивизии, две отдельные группы и бригада. Оперативная группа «Земланд» (девять дивизий) оборонялась на Земландском полуострове и в районе Кёнигсберга. 4-я армия закрепилась на побережье Балтийского моря юго-западнее Кёнигсберга на плацдарме около 180 км по фронту и 50 км в глубину, опираясь на Хейльсбергский укрепленный район. Эта наиболее сильная группировка имела 23 дивизии, в том числе танковую и три моторизованные, две отдельные группы и бригаду[35], а также большое количество специальных войск и батальонов фольксштурма.

Командование вермахта надеялось упорной обороной занимаемых рубежей как можно дольше сковывать крупные силы Красной армии и не допустить переброски их на берлинское направление. Противник усилил оборону за счет уплотнения боевых порядков отошедших частей и соединений, а также пополнений, которые были доставлены по морю из центральных районов Германии. Корабли флота обеспечивали начавшуюся эвакуацию населения и тыловых частей 4-й армии.

Ставка Верховного главнокомандования учитывала то обстоятельство, что быстрейшая ликвидация врага в Восточной Пруссии позволила бы за счет высвобождения войск 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов усилить основное, берлинское направление. Она решила начать уничтожение группировок противника с наиболее сильной. 9 февраля войскам 3-го Белорусского фронта было приказано не позднее 20—25 февраля завершить разгром 4-й армии[36]. Накануне операции Ставка провела некоторые организационные мероприятия. По решению от 6 февраля было осуществлено крупное перераспределение сил

и средств на правом крыле советско-германского фронта. Для удобства управления войска 1-го (кроме 3-й воздушной армии) и 2-го Прибалтийских фронтов, блокировавшие группу армий «Курляндия» с суши, объединялись в один — 2-й Прибалтийский фронт под командованием Маршала Советского Союза Л. А. Говорова. Задачи по овладению Кёнигсбергом и полному очищению от врага Земландского полуострова поручались 1-му Прибалтийскому фронту с передачей из 3-го Белорусского 11-й гвардейской, 39-й и 43-й армий, а также 1-го танкового корпуса. В составе 3-го Белорусского фронта остались 5, 28, 31 и 2-я гвардейская, 1-я воздушная армии, 2-й гвардейский танковый корпус, а также переданные из 2-го Белорусского фронта 50, 3 и 48-я общевойсковые и 5-я гвардейская танковая армии[37].

В соответствии с директивой Ставки командующий 3-м Белорусским фронтом генерал И. Д. Черняховский решил в первую очередь ликвидировать вражеские войска, оборонявшие выступ в районе Прейсиш-Эйлау, затем развить наступление на Хейлигенбейль, то есть расчленить хейльсбергскую группировку и порознь уничтожить. Эта группировка продолжала оставаться наиболее сильной. В ее составе находились 14 пехотных, две танковые и одна моторизованная дивизии, две бригады и несколько других отдельных частей[38].

5-й гвардейской танковой армии была поставлена задача наступать вдоль залива Фришес-Хафф с целью отрезать противнику пути отхода к побережью и лишить его возможности эвакуироваться на косу Фрише-Нерунг. Прикрытие главной группировки фронта со стороны Бранденбурга предусматривалось силами 5-й общевойсковой армии. Обеспечение наступавших войск с воздуха возлагалось на 1-ю воздушную армию. Вместе с авиацией Балтийского флота и 3-й воздушной армией 1-го Прибалтийского фронта она должна была уничтожать окруженные войска, срывать подвоз и эвакуацию их морем.

Наступление 3-го Белорусского фронта, начавшееся 10 февраля на главном направлении, несмотря на интенсивную огневую поддержку артиллерии, развивалось медленно. Наибольшего успеха добилась 28-я армия, которая обходным маневром с севера и юга при содействии правофланговых частей 2-й гвардейской армии овладела крупным опорным пунктом и важным узлом дорог — г. Прейсиш-Эйлау.

Немецкое командование перегруппировкой сил и средств уплотнило боевые порядки соединений и создало резервы пехоты, танков и артиллерии. Развитая система долговременных и полевых сооружений позволяла ему, скрытно совершая маневры, закрывать образовавшиеся бреши в обороне. Среднесуточный темп продвижения советских войск не превышал 1,5–2 км. Преодолев один оборонительный рубеж, они наталкивались на следующий и вынуждены были заново готовить и осуществлять прорыв. Особенно упорное сопротивление враг оказал в районе г. Мельзак — крупного узла дорог и мощного опорного пункта на пути к Хейлигенбейлю и заливу Фришес-Хафф, где наступала уже ослабленная в боях 3-я армия. Трое суток продолжались здесь ожесточенные бои. 17 февраля Мельзак был взят. В крайне неблагоприятных метеорологических условиях, совершенно исключавших применение авиации, дивизии армии отбивали одну контратаку противника за другой.

В этих боях исключительную энергию и храбрость проявил командующий 3-м Белорусским фронтом генерал И. Д. Черняховский. Широкий военный кругозор, высокая общая и профессиональная культура, необычайная работоспособность и богатый опыт обучения и руководства войсками позволяли ему быстро оценивать обстановку, верно определять главное для принятия рациональных решений. Он часто появлялся там, где обстановка была наиболее сложной. Одним своим присутствием Черняховский вселял в сердца воинов бодрость и веру в успех.

Так было и 18 февраля. Побывав в войсках 5-й армии, И. Д. Черняховский выехал на командный пункт 3-й армии. Однако к назначенному месту командующий фронтом не прибыл: на окраине Мельзака осколком снаряда Иван Данилович Черняховский был смертельно ранен и вскоре скончался на поле боя. В то время ему шел 39-й год. «В лице товарища Черняховского, — говорилось в сообщении Совета народных комиссаров СССР, Народного комиссариата обороны и ЦК партии, — государство потеряло одного из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Отечественной войны».

Колонна советских САУ на марше в Восточной Пруссии

Транспортировка советской 280-мм мортиры в Восточной Пруссии

Прославленного советского полководца похоронили в Вильнюсе. Благодарная Родина отдала герою последнюю воинскую почесть: 24 артиллерийских залпа из 124 орудий прогремели над скорбящей Москвой. В память о погибшем г. Инстербург был переименован в Черняховск, а одна из центральных площадей столицы Литовской ССР названа его именем. В Вильнюсе был установлен памятник, который, ставший «ненужным» Литве, в 1993 г. перевезли и установили в Воронеже.

Потеря такого сильного командующего усугубляла и без того непростую обстановку в Восточной Пруссии. После смерти Черняховского командование 3-м Белорусским фронтом принял Маршал Советского Союза А. М. Василевский. Являясь начальником Генерального штаба и заместителем народного комиссара обороны СССР, он принимал непосредственное участие в разработке планов крупнейших операции Великой Отечественной войны, в том числе и Восточно-Прусской. К исполнению своих новых обязанностей он приступил с 21 февраля. Вместо маршала А. М. Василевского по его предложению начальником Генерального штаба был назначен генерал армии А. И. Антонов.

В связи с начавшейся весенней распутицей и усилившимся сопротивлением неприятеля наступление 3-го Белорусского фронта было временно приостановлено. За двенадцать дней (с 10 по 21 февраля) общее продвижение советских войск составило от 15 до 30 км. Враг, понесший тяжелые потери, оказался зажатым в узкой прибрежной полосе (50 км по фронту и 15—25 км в глубину): его 19 дивизий, в том числе две танковые и моторизованная, продолжали удерживать этот небольшой по площади, но чрезвычайно насыщенный различными оборонительными сооружениями район.

Несмотря на то что наступление наземных войск было приостановлено, авиация продолжала наносить удары по скоплениям живой силы и техники врага, его аэродромам, морским портам, транспортным и боевым кораблям.

После тщательной подготовки 13 марта войска 3-го Белорусского фронта возобновили наступление против немецких войск, окруженных юго-западнее Кёнигсберга. Наступление началось после 40-минутной артиллерийской подготовки. Дожди, туманы и превратившаяся в грязь почва сильно осложняли действия войск. И все же, несмотря на неблагоприятные метеорологические условия и упорное сопротивление врага, войска 3-го Белорусского фронта успешно прорвали его оборону на всех основных направлениях и настойчиво продвигались вперед.

Туман и постоянные осадки вначале затрудняли применение авиации. Только 18 марта, когда погода несколько прояснилась, 1-я и 3-я воздушные армии смогли активно поддержать наступавших. За этот день в полосах в основном 5, 28 и 3-й армий было совершено 2520 самолето-вылетов[39]. В последующие дни воздушные армии не только осуществляли поддержку войск совместно с частью сил авиации дальнего действия и флота, но и уничтожали транспорты и другие средства противника в заливе Фришес-Хафф, Данцигской бухте и портах.

За шесть дней наступления войска 3-го Белорусского фронта продвинулись на 15—20 км, сократив плацдарм вражеских войск до 30 км по фронту и от 7 до 10 км в глубину. Противник оказался на узкой прибрежной полосе, простреливаемой артиллерийским огнем на всю глубину.

Командование вермахта 20 марта приняло решение об эвакуации морем войск 4-й армии в район Пиллау, но советские войска усилили удары и сорвали эти расчеты. Грозные приказы и экстренные меры по удержанию плацдарма на территории Восточной Пруссии оказались напрасными. Солдаты и офицеры вермахта 26 марта начали складывать оружие. Остатки хейльсбергской группировки, сжатые 5-й армией на полуострове Бальга, были окончательно ликвидированы 29 марта. Лишь отдельным мелким подразделениям удалось с помощью подручных средств переправиться на косу Фрише-Нерунг, откуда они были потом переброшены для усиления оперативной группы «Земланд». Все южное побережье залива Фришес-Хафф стало контролироваться войсками 3-го Белорусского фронта.

48 суток, с 10 февраля по 29 марта, продолжалась борьба против хейльсбергской группировки врага. За это время войска 3-го Белорусского фронта уничтожили 220 тыс. и пленили

Похороны И. Д. Черняховского в Вильнюсе

около 60 тыс. солдат и офицеров, захватили 650 танков и штурмовых орудий, до 5600 орудий и минометов, свыше 8 тыс. пулеметов, более 37 тыс. автомашин, 128 самолетов[40]. Большая заслуга в уничтожении вражеских войск и техники на поле боя и особенно плавсредств в заливе Фришес-Хафф, Данцигской бухте и военно-морской базе Пиллау принадлежит авиации. В самый напряженный период операции, с 13 по 27 марта, 1-я и 3-я воздушные армии произвели более 20 тыс. самолето-вылетов, из них ночью — 4590[41].

При уничтожении противника в районе юго-западнее Кёнигсберга торпедные катера, подводные лодки и авиация Балтийского флота наносили удары по транспортам и боевым кораблям, что затрудняло курляндской и восточнопрусской группировкам планомерную эвакуацию.

Таким образом, в результате ожесточенных боев наиболее сильная из трех изолированных частей группы армий «Север» прекратила существование. В ходе борьбы советские войска сочетали различные приемы и способы уничтожения противника: отсечение его войск в выступах плацдарма, последовательное сжатие фронта окружения с массированным применением артиллерии, а также блокадные действия, в результате которых авиация и силы флота затрудняли врагу снабжение и эвакуацию окруженных с суши войск.

После уничтожения немецко-фашистских войск юго-западнее Кёнигсберга обстановка на правом крыле советско-германского фронта значительно улучшилась. В связи с этим Ставка Верховного главнокомандования провела ряд мероприятий. С 1 апреля был расформирован 2-й Прибалтийский фронт, часть его войск (4-я ударная, 22-я армии и 19-й танковый корпус) выведена в резерв, а управление фронта и оставшиеся объединения переподчинены Ленинградскому фронту. 50-я, 2-я гвардейская и 5-я армии 3-го Белорусского фронта были переброшены на Земландский полуостров для участия в предстоящем штурме Кёнигсберга, а 31, 28 и 3-я армии выведены в резерв Ставки. Были осуществлены и некоторые организационные изменения в управлении войсками. Земландская группа советских войск с 3 апреля согласно директиве Ставки была упразднена. Армии земландской группы войск были подчинены командованию 3-го Белорусского фронта[42]. Генерал армии И. Х. Баграмян вначале был оставлен заместителем, а в конце апреля назначен командующим фронтом.

Войска 3-го Белорусского фронта получили задачу разгромить кёнигсбергскую группировку и овладеть крепостью Кёнигсберг, а затем очистить весь Земландский полуостров с крепостью и военно-морской базой Пиллау. Советским воинам, действовавшим против немецко-фашистских армий в Курляндии, приказывалось занять жесткую оборону, а на главных направлениях держать сильные резервы в боевой готовности, чтобы при ослаблении обороны противника немедленно перейти в наступление. Для выявления перегруппировок врага и его возможного отхода они должны были вести непрерывную разведку и путем огневого воздействия держать его в постоянном напряжении. На них была возложена также задача готовиться к наступлению с целью ликвидации курляндской группировки. Эти мероприятия должны были исключить возможность усиления немецко-фашистских войск за счет курляндской группировки на других направлениях.

К концу марта 1945 г. группировка противника на Земландском полуострове и в крепости Кёнигсберг хотя и уменьшилась, но по-прежнему представляла серьезную угрозу, так как опиралась на мощную оборону. Кёнигсберг, еще задолго до Второй мировой войны превращенный в сильную крепость, был включен в Хейльсбергский укрепленный район. Он был выделен в самостоятельный объект обороны, граница которого проходила по внешнему обводу крепости. Кёнигсберг был подготовлен к длительному сопротивлению даже в условиях полной изоляции. Оценивая мощь оборонительных сооружений вокруг Кёнигсберга, следует отметить, что за всю войну советские войска не встречали таких укреплений.

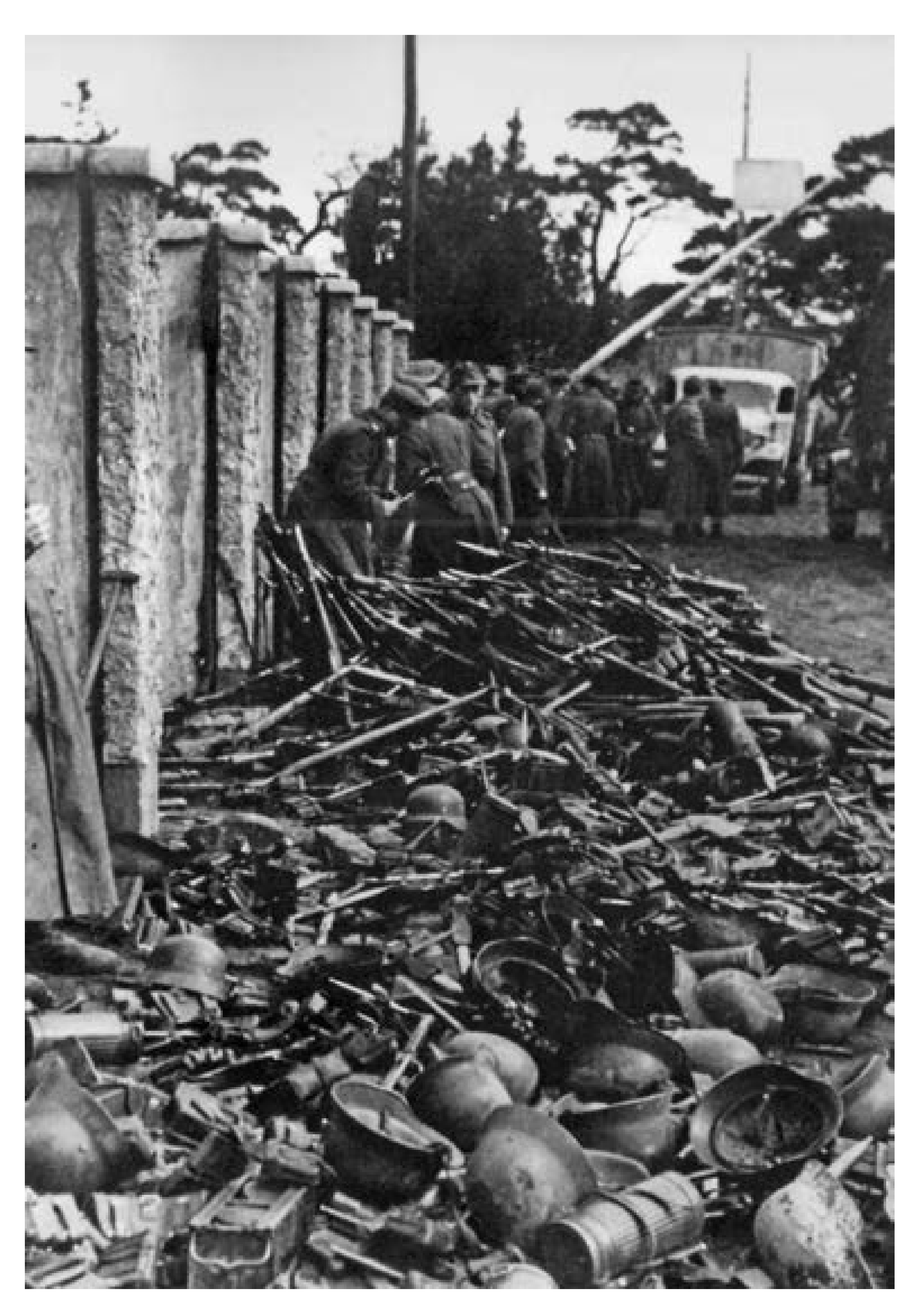
Кроме внешнего оборонительного обвода, который советские войска частично преодолели в январских боях, были подготовлены три оборонительные позиции. Костяком системы обороны противника в Кёнигсберге являлись железобетонные долговременные сооружения, внешние и внутренние форты и многочисленные убежища, дополненные развитыми полевыми укреплениями.

Немецкое десантное судно, эвакуирующее войска из Хейлигенбейльского котла, входит в гавань Пиллау

Солдаты дивизии «Великая Германия» грузятся на самодельные плоты
для спешной эвакуации из Восточной Пруссии

Немецкие солдаты перед эвакуацией из Пиллау бросают оружие и снаряжение

Каждая позиция строилась с расчетом круговой обороны Кёнигсберга. В 8—15 км от центра города проходила позиция, которую немцы считали внешним обводом обороны города. Этот обвод и первая позиция имели по две-три траншеи с ходами сообщения и укрытиями для личного состава. В 6—8 км к востоку от крепости они сливались в один оборонительный рубеж (шесть-семь траншей с многочисленными ходами сообщения на всем 15-километровом участке). На этой позиции насчитывалось 15 старых фортов с артиллерийскими орудиями, пулеметами и огнеметами, связанных единой огневой системой. Каждый форт был подготовлен для круговой обороны и фактически являлся небольшой крепостью с гарнизоном 250—300 человек[43]. Первую позицию прикрывали противотанковый ров шириной 6—8 км и глубиной 3 м, эскарпы и противотанковые надолбы, проволочные заграждения и минные поля. Суммарная протяженность проволочных препятствий составляла 40 км. На глубину до 5 км основные танкоопасные направления плотно прикрывали минные поля[44].

По окраинам города проходила вторая позиция, включавшая каменные здания, баррикады, железобетонные огневые точки. Основой ее обороны служили опорные пункты, созданные в каменных зданиях. Всего вторая позиция имела 38 дотов, 25 дзотов и 214 убежищ[45].

Третья позиция опоясывала центральную часть города, имея девять старинных, но мощных фортов. Подвалы больших кирпичных строений были связаны подземными ходами, а их вентиляционные окна приспособлены под амбразуры. В центре города находилась цитадель, рассчитанная на гарнизон в несколько сотен человек.

На 5 апреля гарнизон крепости состоял из четырех пехотных дивизий, нескольких отдельных полков, крепостных и охранных формирований, а также батальонов фольксштурма и насчитывал около 130 тыс. человек. На его вооружении было до 4 тыс. орудий и минометов, 108 танков и штурмовых орудий. С воздуха эту группировку поддерживали 170 самолетов, которые базировались на аэродромах Земландского полуострова[46]. Кроме того, западнее города дислоцировалась 5-я танковая дивизия, которая приняла участие в обороне города.

К штурму Кёнигсберга были привлечены 39, 43, 50 и 11-я гвардейская армии, 1-я и 3-я воздушные армии 3-го Белорусского фронта, а также соединения 18-й воздушной армии, ВВС Балтийского флота, 5-го гвардейского и 5-го бомбардировочных авиационных корпусов РВГК. Необходимо отметить, что наземные войска до этого более двух месяцев вели непрерывные тяжелые бои. Средняя укомплектованность стрелковых дивизий в армиях к началу апреля составляла 35—40% штатной численности. Всего в наступательной операции должны были принять участие до 187 тыс. человек, около 5,2 тыс. орудий и минометов, 125 танков и 413 самоходно-артиллерийских установок, 2,4 тыс. самолетов[47]. Действия авиационных объединений и соединений координировал представитель Ставки Верховного главнокомандования главный маршал авиации А. А. Новиков.

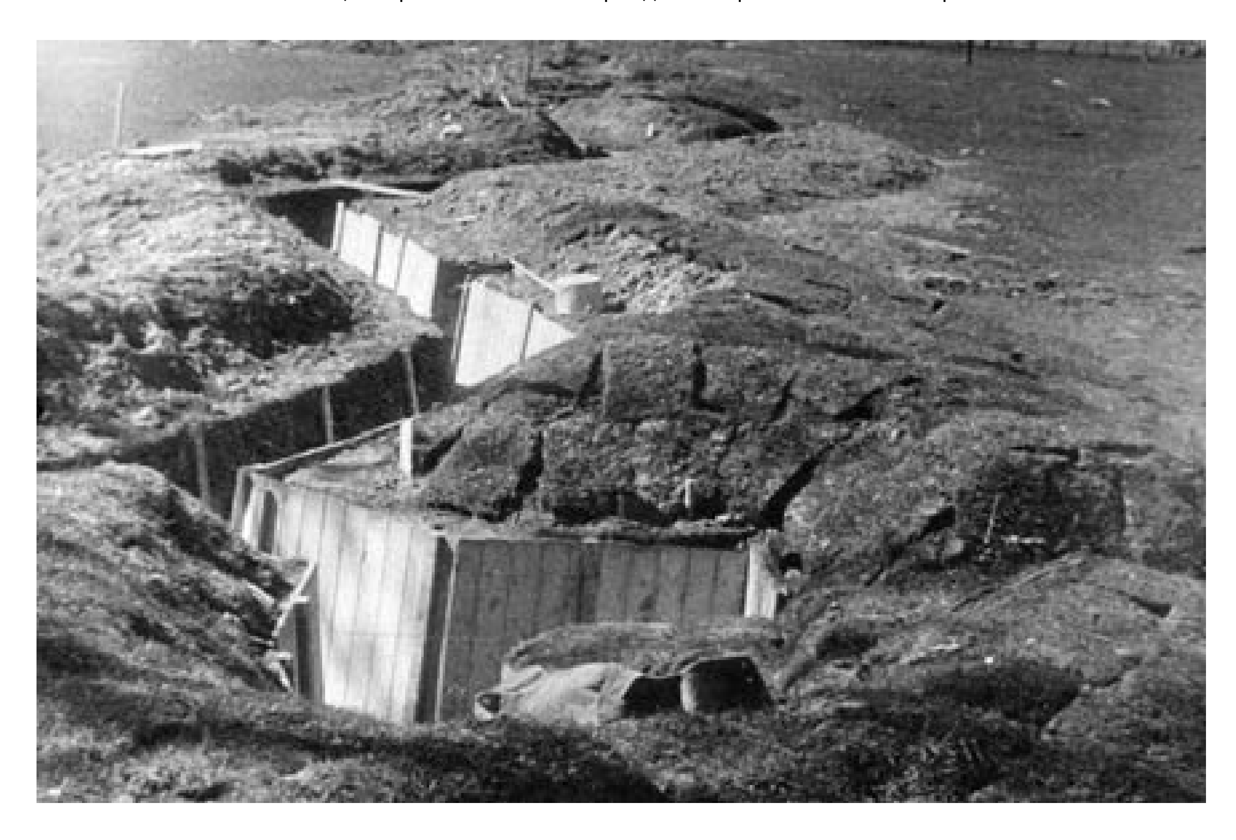
Важным итогом подготовки к штурму Кёнигсберга явилось то, что советские войска фронта превосходили противника на направлениях главных ударов в пехоте — в 2,6 раза, в артиллерии — в 6 раз, в танках и самоходно-артиллерийских установках — в 9 раз, а в самолетах — в 14 раз, то есть преимущество в авиации было подавляющим[48]. Чтобы в кратчайший срок завершить Кёнигсбергскую операцию и не допустить больших людских потерь, советское военное командование предприняло максимум мер для достижения такого превосходства. Это является одним из достижений советского военного искусства на заключительном этапе Великой Отечественной войны.

Если оценивать показатели превосходства советских войск над вермахтом перед решающим штурмом, то они были в нашу пользу, но не такими, как его изображают некоторые зарубежные историки. Существенно преувеличивает силы Красной армии и бывший комендант крепости Кёнигсберг генерал О. Лаш. В своих мемуарах он написал: «30 русским стрелковым дивизиям противостояли всего 4 вновь пополненные дивизии и фольксштурм, так что на 250 000 наступающих приходилось около 35 000 обороняющихся. После отвода 5-й танковой дивизии соотношение танков было 1:100»[49].

По решению командующего 3-го Белорусского фронтом маршала А. М. Василевского разгром гарнизона Кёнигсберга предусматривалось осуществить ударами 39, 43 и 50-й армий

Немецкие противотанковые заграждения и траншеи. г. Кёнигсберг

с севера и 11-й гвардейской армии с юга. К исходу третьего дня операции армии должны были овладеть городом[50]. Наступлением 2-й гвардейской и 5-й армий против земландской группировки противника планировалось обеспечение войск фронта от ударов с северо-запада.

С целью максимального использования сил и средств для первоначального удара оперативное построение фронта и армий намечалось в один эшелон, а боевые порядки соединений и частей, как правило, строились в два эшелона. Для действий в городе в дивизиях готовились сильные штурмовые группы и отряды. Специфика предстоящей операции сказалась и на группировке артиллерии. Так, в масштабе фронта создавались группа артиллерии дальнего действия, группа артиллерийской блокады района Кёнигсберга и группа железнодорожной артиллерии Балтийского флота для воздействия по коммуникациям и важным объектам в тылу врага. В стрелковых корпусах были созданы сильные группы артиллерии разрушения, имевшие на вооружении 152-мм и 305-мм орудия. Значительное количество артиллерии выделялось для обеспечения боевых действий штурмовых групп и отрядов.

На армейских участках прорыва плотность артиллерии колебалась от 150 до 250 орудий и минометов на 1 км, а плотность танков непосредственной поддержки — от 18 до 23 единиц[51]. Это составляло 72% ствольной, почти 100% реактивной артиллерии и более 80% бронетанковой техники. Здесь же развертывались и основные силы инженерных войск фронта, значительная часть которых использовалась в составе штурмовых отрядов и групп, где были также задействованы огнеметные подразделения.

Для обеспечения действий армий ударной группировки нацеливалась фронтовая и приданная авиация. В подготовительный период ей предстояло совершить 5316 самолето-вылетов, а в первый день наступления — 4124 самолето-вылета[52]. Предусматривалось, что авиация нанесет удары по объектам обороны, артиллерийским позициям, местам сосредоточения живой силы и боевой техники, а также по морским портам и базам.

Тщательно готовился к предстоящей операции и Балтийский флот. Его авиация, подводные лодки, торпедные катера, а также бронекатера, переброшенные на р. Прегель по железной дороге, и 1-я гвардейская морская железнодорожная артиллерийская бригада, оснащенная 130-мм и 180-мм пушками, нацеливались на решение задач по изоляции кёнигсбергского гарнизона и воспрещение его эвакуации морем.

Подготовка к штурму Кёнигсберга велась под непосредственным руководством командования и штаба Земландской группы советских войск, после ее упразднения подготовкой операции непосредственно руководил штаб 3-го Белорусского фронта. Однако в целях преемственности к управлению войсками привлекались работники штаба Земландской группы.

Для отработки вопросов взаимодействия с командирами дивизий, полков и батальонов был использован изготовленный штабом группы детальный макет города и системы его обороны. Кроме того, штаб 3-го Белорусского фронта издал крупномасштабные планы Кёнигсберга, на которые были нанесены основные промышленные объекты и оборонительные сооружения, что значительно облегчило командному составу подробное изучение объектов обороны и всего города в целом.

К началу апреля в войсках фронта имелось следующее количество боеприпасов: мин 3,4—3,8 боевого комплекта, снарядов для противотанковой, полковой и дивизионной артиллерии 1,3—2,7 боевого комплекта, снарядов для орудий крупных калибров 1,1—3,7 боевого комплекта. Продукты и горюче-смазочные материалы подвозились регулярно и в достаточном количестве[53].

В целях повышения морально-психологического состояния личного состава вся деятельность войск по подготовке к штурму была пронизана целеустремленной политико-массовой и воспитательной работой, координировавшейся военными советами 3-го Белорусского фронта и Земландской группы войск, членами которых были генералы В. Е. Макаров и М. В. Рудаков. Командиры и политработники приняли меры по укреплению партийных и комсомольских организаций штурмовых отрядов. Во фронтовой и армейской печати широко освещался опыт советских войск при ведении уличных боев в Сталинграде, при взятии укрепленных районов в Восточной Пруссии[54].

Советская пехота при поддержке САУ СУ-76 атакует немецкие позиции в районе Кёнигсберга

Брошенное на окраине Кёнигсберга немецкое 88-мм зенитное орудие

Советское подразделение в бою на улице Кёнигсберга

Советская САУ ведет бой в Кёнигсберге

Непосредственно перед штурмом крепости командование 3-го Белорусского фронта спланировало и провело четырехдневное разрушение долговременных инженерных сооружений противника, причем один день ушел на огневую разведку и выявление целей. К сожалению, авиация из-за неблагоприятной погоды не смогла действовать в соответствии с намеченным планом. 4 и 5 апреля было совершено только 766 самолето-вылетов[55].

Чтобы избежать ненужного кровопролития, к генералам, офицерам и солдатам кёнигсбергской группы войск перед самым штурмом крепости обратился командующий войсками 3-го Белорусского фронта маршал А. М. Василевский с предложением «сложить оружие и прекратить сопротивление. Всем генералам, офицерам и солдатам, которые прекратят сопротивление, гарантируются жизнь, безопасность, достаточное питание и возвращение после войны на родину или в любую другую страну по личному желанию военнопленного». Однако на эти гуманные предложения советского военного командования ответа не последовало.

Штурм Кёнигсберга начался 6 апреля. В 12 часов после артиллерийской подготовки войска фронта перешли в наступление. Немцы, опираясь на широко развитую систему долговременных и полевых укреплений и используя в качестве опорных пунктов приспособленные к обороне каменные здания, оказывали упорное сопротивление. Войска наносили удары на узких участках, на каждый километр которых приходилось до 260 орудий и минометов. При этом до половины артиллерии составляли тяжелые орудия, предназначенные для разрушения долговременных оборонительных сооружений. После мощной артиллерийской подготовки пехота и танки атаковали позиции немцев. Из-за плохой погоды авиация за день совершила всего 274 вылета[56].

К исходу 6 апреля войска 43, 50 и 11-й гвардейской армий прорвали укрепления внешнего обвода Кёнигсберга, вышли на его окраины и очистили от войск врага в общей сложности 102 квартала. За это же время 39-я армия, нанося удар в южном направлении, прорвала оборону противника и, овладев рядом опорных пунктов, продвинулась до 3 км. За 6 апреля войсками фронта были уничтожены до 5200 немцев, 13 танков и самоходных орудий, захвачены до 200 пленных[57].

7 апреля советские войска завязали бои непосредственно за город. 39-я армия вследствие сильных контратак противника продвинулись незначительно. 43-я армия овладела одним фортом и очистила от неприятеля более 20 кварталов. 50-я армия выдвинулась на 1,5–2 км. Части 11-й гвардейской армии к исходу 7 апреля овладели двумя фортами и несколькими пригородами Кёнигсберга. За 7 апреля войсками фронта были уничтожены до 6 тыс. солдат и офицеров противника, 29 танков и самоходных орудий, захвачены более 3 тыс. пленных[58].

С утра 8 апреля погода значительно улучшилась, и авиация начала более интенсивные боевые действия. 516 тяжелых бомбардировщиков 18-й воздушной армии, которой командовал главный маршал авиации А. Е. Голованов, только вечером 7 апреля в течение 45 минут обрушили на крепость 3742 крупнокалиберные бомбы. В массированных ударах участвовали и другие воздушные армии, а также авиация флота.

Штурмовая авиация группами по 7–9 самолетов атаковала зенитные батареи и в значительной степени подавила их, нанося также сильные удары по живой силе противника. Одновременно со штурмовой авиацией действовали по вражеским аэродромам наши истребители-бомбардировщики. В 10 часов бомбардировщики большими группами нанесли три последовательных удара по узлам сопротивления. Особенно сильному удару с воздуха подверглись юго-западные и западные районы города, где противник удерживал небольшой коридор, соединяющий гарнизон Кёнигсберга с немецкими войсками на Земландском полуострове. Поддерживая наступление наземных войск, советская авиация всего за сутки боя произвела 4758 самолето-вылетов и сбросила на укрепления врага 1658 тонн бомб[59].

Штурмовые отряды и группы под прикрытием артиллерии и авиации, пехота и танки настойчиво пробивались к центру города. В ходе штурма они овладели еще 130 кварталами, тремя фортами и несколькими промышленными предприятиями. Ожесточенность боевых

Подбитая немецкая самоходная установка

действий не ослабела и с наступлением темноты. Только ночью советские летчики совершили 1800 самолето-вылетов, уничтожив многие огневые точки и подразделения врага.

В первые дни штурма Кёнигсберга высокое мастерство и героизм проявило подразделение саперов-разведчиков, возглавляемое младшим лейтенантом А. М. Родителевым. Взвод входил в состав штурмовых групп 13-го гвардейского стрелкового корпуса генерала А. И. Лопатина. Глубоко проникнув в тыл противника, саперы захватили 15 зенитных орудий, уничтожили их расчеты и в неравном бою сумели удержать позиции до подхода частей 33-й гвардейской стрелковой дивизии полковника Н. И. Краснова. За проявленный героизм младшему лейтенанту Родителеву было присвоено звание Героя Советского Союза, а бойцы его подразделения награждены боевыми орденами и медалями[60].

Вражеский гарнизон продолжал оказывать ожесточенное сопротивление советским наступающим войскам, предпринимая контратаки. Командующие 43-й и 11-й гвардейской армиями ввели в бой в этот день свои вторые эшелоны. Бои развернулись непосредственно в городе.

8 апреля советские войска полностью овладели портом и железнодорожным узлом Кёнигсберг, а также рядом важных военно-промышленных объектов, очистив от врага более трехсот кварталов, и захватили четыре форта. Бои в городе не прекращались и ночью. В этот день наступавшие с севера и юга войска разрезали кёнигсбергскую группировку противника на две части.

На четвертый день штурма бои развернулись с новой силой. Немецкие войска вновь подверглись ударам артиллерии и авиации. Многим солдатам гарнизона стало ясно, что сопротивление бессмысленно. «Тактическая обстановка в Кёнигсберге, — вспоминал об этом дне комендант крепости генерал О. Лаш, — была безнадежной»[61]. Оценивая причины падения крепости в столь короткий срок, Лаш на допросе показал: «Солдаты и офицеры крепости в первые два дня держались стойко, но русские превосходили нас силами и брали верх. Они сумели скрытно сосредоточить такое количество артиллерии и самолетов, массированное применение которых разрушило укрепления крепости и деморализовало солдат и офицеров. Мы полностью потеряли управление войсками. Выходя из укреплений на улицу, чтобы связаться со штабами частей, мы не знали, куда идти, совершенно теряя ориентировку: так разрушенный, пылающий город изменил свой вид. Никак нельзя было предполагать, что такая крепость, как Кёнигсберг, так быстро падет. Русское командование хорошо разработало и прекрасно осуществило эту операцию»[62]. Оценив создавшееся положение, О. Лаш приказал подчиненным частям капитулировать. Так закончила существование еще одна группировка противника в Восточной Пруссии. В ее уничтожении огромную роль сыграла авиация, совершившая за четверо суток 13 930 самолето-вылетов[63].

Советские войска в ходе Кёнигсбергской операции уничтожили до 42 тыс. и взяли в плен около 92 тыс. человек, в том числе более 1800 офицеров и четырех генералов во главе с комендантом крепости. В качестве трофеев им досталось 3,7 тыс. орудий и минометов, 128 самолетов, а также много другой военной техники, вооружения и имущества. Были освобождены три лагеря военнопленных общей численностью до 9 тыс. человек[64].

За четыре дня штурма Кёнигсберга более 200 воинов совершили подвиги, за которые были удостоены звания Героя Советского Союза: среди них рядовые П. Е. Павлов, А. А. Людвиченко, В. П. Миронов, сержанты И. В. Кутурга, Н. М. Королев, лейтенант И. П. Сидоров, командир пулеметной роты старший лейтенант Н. А. Катин, командир стрелковой дивизии генерал И. Д. Бурмаков, командир корпуса генерал С. С. Гурьев и многие другие. Командующий 43-й армией А. П. Белобородов был награжден второй медалью «Золотая Звезда». Командующий войсками 3-го Белорусского фронта маршал А. М. Василевский за Кёнигсбергскую операцию был награжден орденом Победы[65].

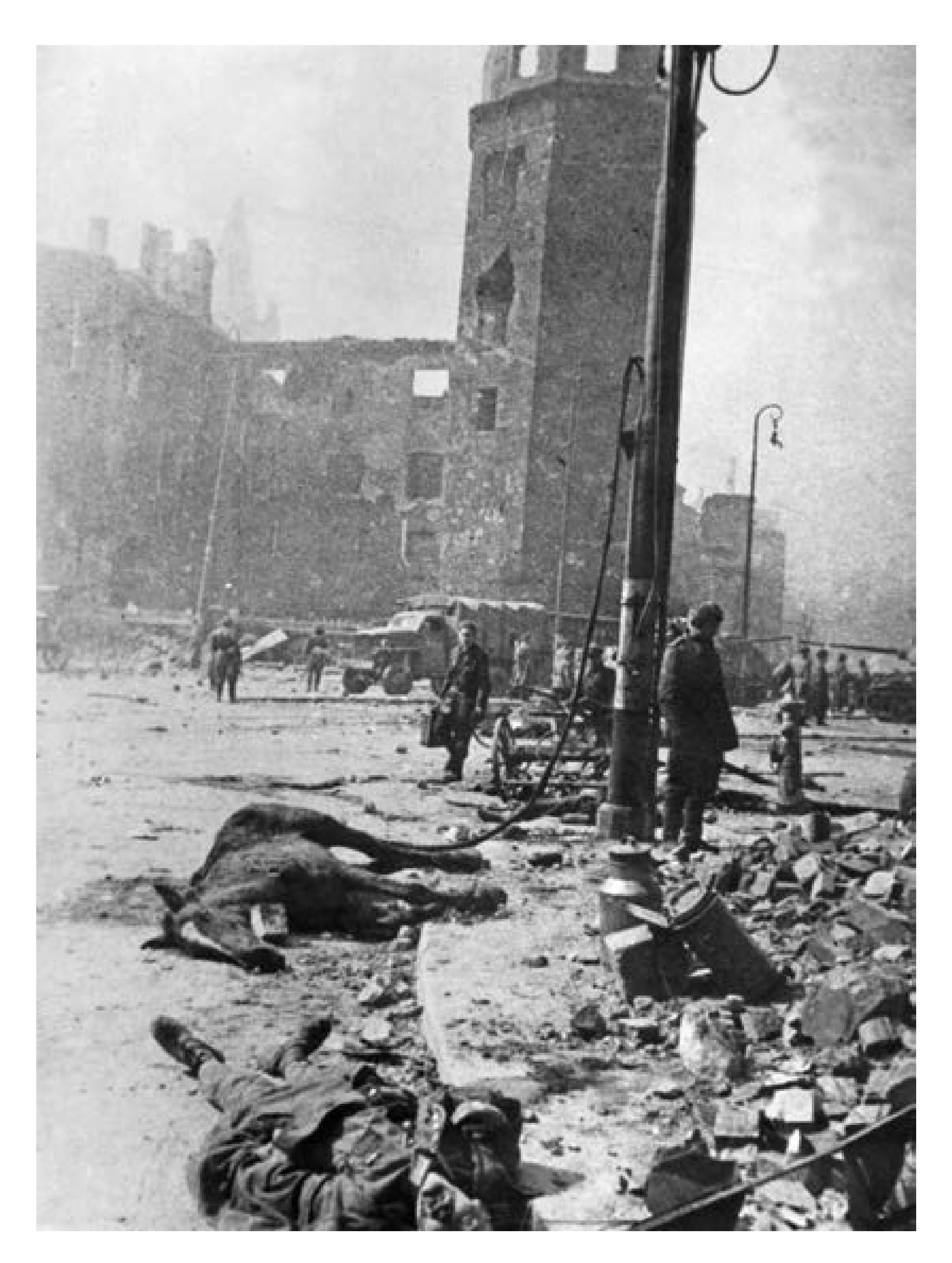
Подвиг героев штурма Кёнигсберга был отмечен праздничным салютом. 97 частям и соединениям, непосредственно штурмовавшим главный город Восточной Пруссии, было присвоено почетное наименование Кёнигсбергских, а все участники штурма награждены медалью «За взятие Кёнигсберга».

Артиллеристы гвардии лейтенанта Софронова ведут бой на Авайдер-аллее в Кёнигсберге

Уличный бой на окраине Кёнигсберга. 1945 г.

Улицы Кёнигсберга после боев

Захват Кёнигсберга войсками 3-го Белорусского фронта, разгром и пленение гарнизона крепости решающим образом повлияли на ликвидацию оставшихся немецких войск, оборонявших западную часть Земландского полуострова. Гитлеровское командование, потеряв Кёнигсберг, все еще пыталось удержать этот полуостров. Позиции противника представляли собой сеть несплошных траншей, отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления. Немцы из-за быстрого выхода советских войск на полуостров в январе 1945 г. не успели построить здесь более мощные укрепления, полагаясь также на то, что удастся удержать в своих руках Кёнигсберг и сковать значительные силы наших войск. Оборона врага была более сильной на направлении Куминен — Фишхаузен, где ее глубина составляла около 6 км[66]. К 13 апреля здесь оборонялись восемь пехотных и одна танковая дивизии, а также несколько отдельных полков и батальонов фольксштурма, входивших в оперативную группу «Земланд», в составе которой имелось около 65 тыс. человек, 12 тыс. орудий, 166 танков и штурмовых орудий[67]. Позиции противника состояли из траншей, идущих с севера на юг, отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления.

Для прорыва обороны и ликвидации вражеских войск на Земландском полуострове командование 3-го Белорусского фронта выделило пять общевойсковых армий: 2-ю гвардейскую, 5, 39, 43 и 11-ю гвардейскую армии. К операции привлекались свыше 111 тыс. солдат и офицеров, 5,2 тыс. орудий и минометов, 451 установка реактивной артиллерии, 324 танка и самоходно-артиллерийские установки[68].

Решением командующего войсками 3-го Белорусского фронта предусматривалось: ударом основных сил 5-й и 39-й армий в общем направлении на Фишхаузен рассечь земландскую группировку и в дальнейшем уничтожить ее по частям. Для обеспечения ударной группировки фронта с севера и юга 2-я гвардейская и 43-я армии наносили вспомогательные удары по флангам врага. Ширина полос наступления 5, 39 и 43-й армий равнялась 7—8 км. 2-я гвардейская армия, действовавшая на второстепенном направлении, получила полосу шириной до 20 км. 11-я гвардейская армия, сосредоточенная во втором эшелоне фронта, с выходом войск главной группировки фронта в район Фишхаузен должна была сменить их и завершить ликвидацию противника в районе Пиллау.

Балтийский флот прикрывал приморский фланг войск фронта от возможных обстрелов и десантов неприятеля с моря, содействовал наступлению войск фронта высадкой тактических десантов в тылу противника и огнем корабельной и береговой артиллерии срывал эвакуацию вражеских войск морем.

В ночь перед наступлением 1-я и 3-я воздушные армии нанесли серию массированных ударов по боевым порядкам немецких войск, оборонительным сооружениям, портам и узлам коммуникаций.

Наступление началось в 8 часов 13 апреля после часовой артиллерийской подготовки. Нанося главный удар в центре силами 5-й и 39-й армий, командующий фронтом рассчитывал рассечь группировку противника на две части, однако немецко-фашистские войска уже на второй день операции начали отходить вдоль северного побережья полуострова. Более упорно враг сопротивлялся перед центром и левым крылом 3-го Белорусского фронта, но и здесь под ударами наших войск был вынужден сдавать одну позицию за другой.

В ходе операции при содействии бронекатеров на дамбу Кёнигсбергского морского канала высадились два тактических десанта, что содействовало наступлению советских войск вдоль побережья. Бронекатера также поддерживали наши наступающие войска артиллерийским огнем.

Советские войска неуклонно продвигались на запад. Несмотря на сильную и непрерывную боевую поддержку авиации, совершившей в первый день операции 6111 самолето-вылетов, главной ударной группировке удалось продвинуться всего на 3—5 км[69]. Тяжелые бои продолжались и на следующий день. Особенно упорным было сопротивление перед центром и левым крылом фронта. Однако, опасаясь расчленения, гитлеровское командование с 14 апреля начало постепенно отводить свои части к Пиллау. Воспользовавшись этим, советские войска атаковали его позиции на всем фронте. Наибольшего успеха добилась 2-я

гвардейская армия. Ее соединения 15 апреля очистили от врага всю северо-западную часть Земландского полуострова и устремились вдоль восточного побережья Балтийского моря к югу. К концу дня под мощным натиском советских войск рухнула оборона, преграждавшая путь на косу Пиллау. В ночь на 17 апреля двойным ударом с севера и востока соединения 39-й и 43-й армий овладели городом и портом Фишхаузен.

Остатки немецкой группировки численностью до 20 тыс. человек отошли в северную часть косы Пиллау, где закрепились на заранее подготовленном оборонительном рубеже. 2-я гвардейская армия, ослабленная в предыдущих боях, не смогла с ходу прорвать его оборону и приостановила наступление.

С большим напряжением вели боевые действия 1-я и 3-я воздушные армии, совершавшие ежесуточно около 5 тыс. самолето-вылетов. Силы флота прикрывали приморский фланг наступавших войск, нарушали эвакуацию личного состава и боевой техники противника морем, потопили несколько кораблей и транспортов, десантных барж и подводных лодок.

Для наращивания усилий и дальнейшего развития операции командующий фронтом принял решение ввести в сражение 11-ю гвардейскую армию. Сменив в ночь на 18 апреля войска 2-й гвардейской армии к западу от Фишхаузена, соединения 11-й гвардейской армии в первый же день провели разведку боем, а утром 20 апреля после артиллерийской подготовки атаковали гитлеровцев. Шесть дней шли бои на подступах к Пиллау, одному из опорных пунктов Восточной Пруссии. Лесистая местность косы в сочетании с инженерными сооружениями повышала устойчивость обороны противника, а небольшая ширина суши (2—5 км), полностью исключавшая маневр, вынуждала наступавших проводить лобовые атаки. Только к исходу 24 апреля 11-я гвардейская армия прорвала 6-километровую зону оборонительных позиций, прикрывавших подступы к Пиллау с севера[70]. 25 апреля советские войска ворвались на его окраины, и к вечеру над городом взметнулся красный флаг. Последний узел сопротивления врага в юго-западной части Земландского полуострова был ликвидирован.

После разгрома на Земландском полуострове противник продолжал удерживать в своих руках лишь косу Фрише-Нерунг. Боевые действия по освобождению косы продолжались вплоть до 8 мая. В ходе этих боев силами Военно-морского флота 26 апреля на косу были высажены два тактических десанта в составе до трех полков пехоты, способствовавших наступлению войск 11-й гвардейской армии со стороны Пиллау.

На Пиллаусском полуострове и косе Фрише-Нерунг за 10 дней боев были разгромлены пять пехотных, танковая и моторизованная дивизии, а также ряд других специальных частей. Так, в результате боевых действий с 20 по 30 апреля были уничтожены более 8 тыс. и взяты в плен 15 902 солдата и офицера[71].

Разгром противника на Земландском полуострове явился заключительным событием всей Восточно-Прусской операции. С ее завершением Восточная Пруссия — цитадель прусского милитаризма на востоке Европы — была полностью очищена от немецко-фашистских войск. 3-й Белорусский фронт и Балтийский флот заняли важные стратегические позиции на Балтийском море. Советское командование получило возможность использовать высвободившиеся силы для решения новых стратегических задач.

Разгром немецких войск в Восточной Померании

В ходе январского наступления 1945 г. Красная армия нанесла решительное поражение немецко-фашистским войскам на центральном участке советско-германского фронта. Помимо группировки, блокированной в Курляндии, от главных сил вермахта оказалась изолированной и группа армий «Север». Понеся тяжелые потери в январских боях, немецкие войска, действовавшие на берлинском направлении, спешно отходили в южную часть Померании и за Одер.

С целью разгрома советских войск, вышедших на Одер, в Восточной Померании и Силезии шла интенсивная и планомерная подготовка к фланговым ударам. Тем самым командование вермахта намеревалось не только улучшить свое стратегическое положение, но и удержать жизненно важные в экономическом и военном отношении районы. Восточная Померания с ее крупными промышленными предприятиями, складами и арсеналами, хорошо оборудованными аэродромами, портами и военно-морскими базами имела большое значение для фашистской Германии.

К началу февраля 1945 г. положение советских войск на восточно-померанском направлении характеризовалось рядом особенностей, которые учитывало Верховное главнокомандование при планировании дальнейших действий. Гигантским клином врезаясь в территорию Германии, войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов оказались растянутыми на сотни километров. В случае ударов противника из Восточной Померании и Силезии такое обстоятельство было чревато крайне неприятными последствиями для советских войск. К тому же враг, который располагал в Балтийском море достаточно сильным военно-морским флотом и сохранял за собой коммуникации, мог осуществлять оперативные переброски войск морем, а удерживая Восточную Померанию и крупные порты Данциг, Гдыня, Штеттин и другие, имел возможность широко использовать хорошо развитую дорожную сеть. Положение 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов усугублялось и тем, что стремительное продвижение войск на большую глубину привело к значительному отставанию тыловых частей и учреждений.

Вследствие отставания левого крыла 2-го Белорусского фронта от стремительно наступавших войск 1-го Белорусского, вышедших в первых числах февраля силами центра и левого крыла к р. Одер, а также в связи со сложностью общей обстановки на правом крыле советско-германского фронта, вызванной затянувшимися боями 2-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов по ликвидации курляндской и восточнопрусской группировок врага, на правом крыле 1-го Белорусского фронта сложилась не совсем благоприятная оперативная обстановка.

2-й Белорусский фронт, передав по решению Ставки Верховного главнокомандования армии своего правого крыла с их боевыми участками в состав 3-го Белорусского фронта, в первой декаде февраля вел боевые действия на рубеже рек Ногат и Висла от Эльбинга до Грудзёндза. 19-я армия, поступившая на усиление фронта из резерва Ставки, сосредоточивалась в районе Добжинь — Липно — Рыпин; 3-й гвардейский кавалерийский корпус располагался в районе севернее Фордон.

Войска правого крыла 1-го Белорусского фронта, продолжая наступательные действия в соответствии с ранее утвержденным планом, к исходу 9 февраля вышли на рубеж Ратцебур — Каллис — Пиритц — Цеден. Частью сил войска правого крыла фронта вели бои по уничтожению группировок противника, блокированных в городах Шнейдемюль, Дёйч-Кроне, Арнсвальде. Основные силы 3-й ударной армии были сосредоточены в районе 20 км северо-восточнее Арнсвальде и Каллис в готовности к выдвижению к р. Одер.

На левом крыле и в центре войска 1-го Белорусского фронта старались удержать и расширить захваченные плацдармы на левом берегу р. Одер в районах севернее и южнее Кюстрина и Франкфурта, а также продолжали бои по ликвидации крупной группировки противника, окруженной в г. Познань.

Необходимо уточнить, что к 10 февраля на правом крыле 1-го Белорусского фронта напряженная обстановка была вызвана и тем, что кроме разрыва между войсками 2-го и 1-го Белорусских фронтов слабым оказался участок Реетц — Цеден, где между действовавшими соединениями образовались большие разрывы, которые только контролировались нашей разведкой. Обычно войска, наступая в оперативной глубине, не встречают у обороняющегося противника сплошного фронта обороны.

Однако в Восточной Померании, в полосе действий 2-го Белорусского и войск правого крыла 1-го Белорусского фронта, неприятелю удалось образовать фронт обороны и на некоторых участках временно приостановить наступление советских войск. На участке от

Немецкие войска на марше в Померании

Ополченцы одного из батальонов фольксштурма получают инструкции от опытного командира по обороне одного из районов города Пиритц

Каллис до Шведт враг начал предпринимать сильные контратаки, подготавливая нанесение мощного контрудара. В связи с этим имевшиеся разрывы в боевых порядках войск правого крыла 1-го Белорусского фронта становились все опаснее. Используя их, противник мог еще больше осложнить обстановку на этом участке фронта.

К 10 февраля линия советско-германского фронта на берлинском направлении проходила по рекам Ногат и Висла до Грудзёндза с резким поворотом к западу на Ратцебур, Цеден и далее по р. Одер до Карпатских гор. На участке от залива Фришес-Хафф до Ратцебура действовал 2-й Белорусский фронт. Левее, от Ратцебура до Унруштадта, вели бои соединения 1-го Белорусского фронта, захватившие плацдарм на Одере севернее и южнее Кюстрина. Войска 1-го Украинского фронта сражались на Одере, от Унруштадта до Струменя, удерживая два плацдарма на левом берегу реки в районе Бреслау. Только в районах Кюстрина, Франкфурта, Глогау, Бреслау и Ратибора гитлеровцы продолжали занимать оборону на правом берегу Одера. К тому же в тылу советских войск еще не были уничтожены крупные гарнизоны в городах-крепостях Эльбинг, Познань, Шнейдемюль. Таким образом, восточно-померанская группировка противника нависала над войсками 1-го Белорусского фронта с севера, а силезская охватывала войска 1-го Украинского фронта с юга.

В полосе действий войск 2-го Белорусского и правого крыла 1-го Белорусского фронтов к 10 февраля противник располагал значительными силами. Все войска, действовавшие на территории Восточной Померании, объединялись в группу армий «Висла» под командованием рейхсфюрера СС Г. Гиммлера. В их составе было 16 пехотных, четыре танковые и две моторизованные дивизии, пять бригад, восемь отдельных групп и пять гарнизонов крепостей. Кроме того, в резерве группы армий «Висла» имелось шесть дивизий, в том числе две моторизованные[72]. Всего в составе группы армий «Висла», поддерживаемой авиацией 6-го воздушного флота и ВМС Германии на Балтийском море, насчитывалось 230 тыс. человек, 2,9 тыс. орудий и минометов, 382 танка и штурмовых орудия, 300 боевых самолетов[73].

Противник в Восточной Померании опирался на так называемую «линию Померанских укреплений» (Померанский вал), построенную в 1933 г. вдоль бывшей польско-германской границы фронтом на восток и юго-восток. Эти укрепления проходили по рубежу Штольп — Руммельсбург — Нейштеттин — Шнейдемюль, их левый фланг примыкал к приморским укреплениям в районе Штольпмюнде и обеспечивался ими, а правый — к укреплениям на реках Варта и Одер.

Основу померанских укреплений составляли долговременные боевые сооружения (доты и железобетонные капониры), рассчитанные на гарнизоны силой от взвода до роты. Они были усилены фортификационными сооружениями полевого типа. Полевые укрепления и подступы к боевым долговременным сооружениям прикрывались развитой сетью противотанковых и противопехотных заграждений в виде минных полей, железобетонных надолб, проволочных заборов, противотанковых рвов, заполненных водой. Города Штольп, Руммельсбург, Нейштеттин, Шнейдемюль, Дёйч-Кроне являлись узловыми опорными пунктами в системе померанских укреплений. Вокруг них располагалось большое количество боевых долговременных огневых сооружений (точек), укреплений полевого типа, противотанковых и противопехотных препятствий.

На побережье в районе Данцига и Гдыни и на косе в районе Хель противник имел приморские укрепленные районы, а в районе Леба, Штольпмюнде, Рюгенвальде и Кольберг находились оборудованные позиции для тяжелой береговой артиллерии. Кроме того, в системе вражеской обороны в Восточной Померании имелись Гдынский и Данцигский оборонительные районы, построенные фронтом на юго-запад. Каждый из этих районов состоял из двух оборонительных полос, оборудованных инженерными сооружениями полевого типа[74].

С юго-восточной стороны Данциг прикрывался местностью, непроходимой для танков, и каналом, а также системой старых фортов крепости. Сам город был хорошо подготовлен к обороне, почти все крупные каменные здания приспособлены для ведения огня из пулеметов и орудий.

Гдыня также был хорошо подготовлен к обороне и уличным боям. На случай вынужденного отхода из района Гдыни на север противник предусмотрел обустройство оборонительного района на так называемом оксхёфтском плацдарме. Передний край обороны на этом плацдарме проходил по высотам на рубеже Оксхёфт — Облуш — Казимир.

Для обеспечения стыка между Данцигским и Гдынским оборонительными районами противником была построена оборонительная позиция по рубежу Цукау — Кобле — Коллетцкау с крупным опорным пунктом в районе одной из господствующих высот. Эта позиция имела три прерывистые траншеи, а на удалении 4—5 км были оборудованы еще три траншеи, вдоль которых находилось сплошное минное поле.

В период январских боев и отхода из Польши немецко-фашистские войска построили оборонительный рубеж по левому берегу Вислы, от ее устья до г. Быдгощ фронтом на восток и далее по рекам Нетце и Варта до Одера фронтом на юг. Этот оборонительный рубеж глубиной от 3 до 5 км состоял из оборонительных сооружений полевого типа и имел от двух до пяти линий траншей, противотанковые и противопехотные заграждения и на отдельных участках боевые долговременные огневые сооружения.

За Одером, в районе Штеттина, находилось управление 3-й танковой армии, прибывшее из Восточной Пруссии. Все резервные соединения были затем использованы против советских войск в Восточной Померании. Войскам левого крыла 1-го Белорусского фронта, от Шведта до Глогау, противостояла 9-я армия противника.

Оценивая общие планы командования вермахта относительно организации действий против советских вооруженных сил на данном направлении, следует подчеркнуть, что основной целью немецко-фашистских войск и их командования было любой ценой задержать наступление советских войск и попытаться отбросить их на восток, чтобы выиграть время и найти «общую политическую линию» с англо-франко-американским командованием, заключить с ним перемирие, сохранив фашистский режим в Германии, и, обезопасив себя с запада, все силы направить против Советского Союза.

Для осуществления этой основной цели командование вермахта предполагало удержать Восточную Пруссию и сохранить курляндский плацдарм, чтобы связать возможно большие силы советских войск в этих районах на длительное время. Оно стремилось очаговой обороной в крупных городах и бывших крепостях, расположенных на территории Восточной Пруссии и Восточной Померании, вынудить советское командование распылить силы для борьбы с этими гарнизонами и ослабить советские войска на главном, берлинском направлении. В то же время гитлеровское командование, сосредоточив в районе Восточной Померании значительные силы — преимущественно подвижных соединений, стремилось использовать выгодную конфигурацию фронта, нанести удар по флангу и тылу советских войск, вышедших к Одеру, и ликвидировать результаты их январского наступления 1945 г. В период сосредоточения сил для нанесения контрудара армиям первого эшелона группы «Висла» предназначалось упорной обороной и контратаками не допустить дальнейшего продвижения советских войск в Восточной Померании, измотать и обескровить их.

В связи с не совсем благоприятной обстановкой, сложившейся на правом крыле 1-го Белорусского фронта, и сложностью обстановки на правом крыле советско-германского фронта в целом Ставка Верховного главнокомандования приняла решение, не прекращая подготовки наступления на берлинском и дрезденском направлениях, провести Восточно-Померанскую наступательную операцию и выйти к нижнему течению Одера. Целью операции ставились разгром восточно-померанской группировки вермахта, овладение северной частью Восточной Померании и побережьем Балтийского моря от Данцига до Штеттина и очищение от немецких войск всего побережья Балтийского моря вплоть до Померанской бухты[75].

В соответствии с принятым решением Ставка обозначила задачи войскам 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов по дальнейшим действиям и указала сроки достижения стоявших перед ними оперативных целей. Войска 3-го Белорусского фронта с переданными в его состав армиями правого крыла 2-го Белорусского фронта должны были во взаимодействии с 1-м Прибалтийским фронтом в ближайшее время полностью разгромить противника в

Восточной Пруссии и овладеть Кёнигсбергом, то есть в несколько более сильном составе развивать начатое ими ранее наступление.

Войска 2-го Белорусского фронта должны были, продолжая бои по расширению захваченного плацдарма на левом берегу р. Висла севернее и северо-западнее Бромберга и завершая разгром врага в Эльбинге и Грауденце, подготовить и провести новую наступательную операцию.

Замысел Восточно-Померанской операции по указанию Ставки от 8 февраля заключался в том, чтобы, перейдя в наступление центром и левым крылом войск 2-го Белорусского фронта к западу от р. Висла и разгромив противостоящего неприятеля, не позднее 20 февраля 1945 г. выйти на линию устья р. Висла — Бютов — Руммельсбург — Нейштеттин. В дальнейшем фронт должен был, введя в бой подходившие 19-ю армию и 3-й гвардейский танковый корпус, развить наступление в общем направлении на Штеттин, овладеть правофланговыми соединениями Данцигом и Гдыней, а также очистить побережье Балтийского моря от залива Фришес-Хафф на востоке до Померанской бухты на западе[76].

Следует отметить, что задача, поставленная войскам 2-го Белорусского фронта, которые были серьезно утомлены предыдущими боями, как показали дальнейшие события, едва ли являлась выполнимой в указанные сроки. Требовалось провести значительные перегруппировки, связанные с переправой войск через такую водную преграду, какой являлась Висла. Кроме того, согласно указаниям Ставки командование 2-го Белорусского фронта должно было передать в 3-й Белорусский фронт армии правого крыла с занимаемыми ими полосами наступления, а также принять в свой состав ряд частей и соединений. Все это требовало достаточно много времени, которым командование фронта не располагало, и указанные мероприятия проводились в ходе продолжавшегося наступления.

Войска 1-го Белорусского фронта в соответствии с представленными и утвержденными Ставкой Верховного главнокомандования соображениями командующего войсками фронта по дальнейшим действиям войск должны были в ближайшее время завершить разгром окруженных группировок противника в районах Познань, Шнейдемюль, Дёйч-Кроне и Арнсвальде, ликвидировать крупные опорные пункты врага на правом берегу Одера в районах городов Кюстрин и Франкфурт-на-Одере, а также сохранить и расширить захваченные плацдармы на левом берегу реки западнее этих городов.

Одновременно с выполнением этих задач войска фронта должны были начать подготовку к наступлению на берлинском направлении, выведя к Одеру основные силы правого крыла фронта. Танковые армии, действовавшие в первом эшелоне, предполагалось вывести во второй эшелон фронта с тем, чтобы после технической подготовки боевого парка и пополнения танками использовать их для наращивания темпов наступления на Берлин.

По мере продвижения войск 2-го Белорусского фронта в северо-западном направлении оборонявшиеся соединения 1-го Белорусского фронта высвобождались и, переходя в его второй эшелон, также должны были выдвигаться на берлинское направление. Все мероприятия, связанные с подготовкой к Берлинской наступательной операции, предполагалось завершить ориентировочно в конце февраля — начале марта. Следовательно, по решению Ставки Верховного главнокомандования войска правого крыла 1-го Белорусского фронта должны были быстрее продвигаться к Одеру и к операции по разгрому восточно-померанской группировки противника — группы армий «Висла» — вначале не привлекались. Им надлежало лишь частью сил содействовать 2-му Белорусскому фронту в достижении поставленной цели.

К наступательной операции 2-го Белорусского фронта были привлечены пять общевойсковых армий: 2-я ударная под командованием генерала И. И. Федюнинского, 65-я — генерала П. И. Батова, 49-я — генерала И. Т. Гришина, 70-я — генерала В. С. Попова, 19-я — генерала Г. К. Козлова. В состав 2-го Белорусского фронта к началу операции также входили три танковых, механизированный и кавалерийский отдельные корпуса. Действия наземных войск поддерживались соединениями 4-й воздушной армии под командованием генерала К. А. Вершинина.

Засада немецких штурмовых орудий разгромлена

Немецкие станковые 88-мм противотанковые гранатометы,
захваченные Красной армией в одном из городов Померании

В последующем кроме соединений 2-го Белорусского фронта к этой наступательной операции планировалось привлечь войска 1-го Белорусского. Им должна была содействовать также часть сил Балтийского флота.

К началу операции основные силы 2-го Белорусского фронта действовали в Восточной Пруссии. Войска центра и левого крыла 1-го Белорусского фронта вели бои по закреплению и расширению плацдармов на левом берегу Одера, а правое крыло было развернуто от г. Ратцебур до р. Одера фронтом на север для отражения возможного контрудара противника.

Войска 2-го Белорусского фронта почти месяц вели ожесточенные наступательные бои в Восточной Пруссии и были значительно ослаблены (кроме 19-й армии), тылы отстали, ощущался острый недостаток горючего и боеприпасов. Авиация 4-й воздушной армии не смогла полностью перебазироваться. Ее аэродромы были рассредоточены от Нарева до Вислы. Средняя укомплектованность 26 стрелковых дивизий из 45 к началу операции не превышала 35%, а остальных — 42% штатного состава[77]. Противостоявшая им 2-я немецкая армия имела 12 пехотных и две танковые дивизии, три отдельные бригады, шесть отдельных боевых групп и три крупных гарнизона крепостей[78]. Всего в составе 2-го Белорусского фронта к началу операции было 370 тыс. человек, 10,2 тыс. орудий и минометов, 263 танка и САУ (288 танков в ремонте), 450 боевых самолетов[79] и часть сил Балтийского флота (адмирал В. Ф. Трибуц).

Решение командующего 2-м Белорусским фронтом заключалось в том, чтобы нанести главный удар силами 65, 49 и 70-й армий, 1-го гвардейского танкового и 8-го механизированного корпусов в направлении на Хойнице — Руммельсбург — Рюгенвальде, разгромить соединения 2-й армии врага и выйти на рубеж, указанный Ставкой. 2-я ударная армия с 8-м гвардейским танковым корпусом должны были наступать на Данциг вдоль левого берега Вислы, сковывая противостоявшие силы неприятеля и воспрещая их маневр в сторону главной группировки фронта.

Оценивая подготовку войск 2-го Белорусского фронта к операции, следует особо отметить, что у Восточно-Померанской наступательной операции не было подготовительного периода. Наступление войск фронта в Восточной Померании началось без оперативной паузы и явилось по существу продолжением наступательных действий фронта, но с новыми целями и задачами. Планирование Восточно-Померанской наступательной операции, перегруппировка войск и накапливание сил на новом направлении осуществлялись в ходе предшествовавшего непрерывного наступления войск 2-го Белорусского фронта в Восточной Пруссии. Непрерывность наступательных действий войск этого фронта не давала противнику передышки и не позволяла ему создать более мощную оборону на левом берегу Вислы против войск левого крыла фронта. В связи с этим он был вынужден под давлением советских войск продолжать отход.

Возможность избежать перерыва в наступательных действиях войск 2-го Белорусского фронта обеспечивалась умелым творческим выполнением указаний Ставки Верховного главнокомандования со стороны командующего войсками фронта. Маршал К. К. Рокоссовский, своевременно сориентированный информацией Ставки о дальнейшем развитии событий на правом крыле советско-германского фронта, правильно оценив складывающуюся обстановку, еще в период наступательных действий наших войск в Восточно-Прусской операции произвел некоторую перегруппировку своих войск и, не ослабляя внимания к боям в западной части Восточной Пруссии, усилил левое крыло фронта. Таким образом, к моменту получения директивы Ставки на наступление в Восточной Померании войска 2-го Белорусского фронта имели группировку, не требующую особых изменений для дальнейшего развития наступления без паузы. Этим были обеспечены непрерывность наших ударов и их нарастающая сила.

Еще до получения директивы Ставки на наступление в Восточной Померании по приказу командующего фронтом была выведена из боя на правом крыле фронта 49-я армия и к 4 февраля сосредоточена в районе Дёйч-Эйлау (Илава) — Любово — Нове-Място, а затем переброшена на левый берег Вислы. В ночь на 9 февраля эта армия, сменив соединения 70-й армии, вышла на первую линию левого крыла фронта в стыке между ранее наступавшими 65-й и 70-й армиями. 2 февраля был выведен из боя на правом крыле фронта 3-й гвардейский

кавалерийский корпус и переброшен на левое крыло. 8 февраля корпус, находясь в резерве фронта, сосредоточился в районе севернее Фордон. Основные силы 2-й ударной армии по указанию командующего фронтом перегруппировывались на левый фланг. 18-й стрелковый корпус 65-й армии также перегруппировался на левый фланг армии и 8 февраля был переброшен на левый берег Вислы.

В период с 3 по 7 февраля были изъяты из состава правофланговой 50-й армии фронта части трех укрепленных районов и сосредоточены в районе Мариенвердер и севернее. Чтобы высвободить силы 2-й ударной армии для действий на левом берегу Вислы, части этих укрепленных районов были переданы в состав армии с задачей занять оборону по правому берегу реки от Эльбинга до Грудзёндза. Кроме того, в этот период штаб фронта принимал выдвигавшиеся из резерва Ставки 19-ю армию и 3-й гвардейский танковый корпус.

При подготовке операции значительное внимание было уделено огневому поражению противника. Так, командующим артиллерией фронта генералом А. К. Сокольским и его штабом был разработан и утвержден план дальнейшего использования артиллерии. С целью усиления войск, готовившихся к действиям в Восточной Померании, по указанию командующего войсками фронта была произведена некоторая перегруппировка артиллерии.

Военно-воздушные силы фронта во время подготовки операции прикрывали с воздуха перегруппировку наземных войск и выполняли задачи поддержки наступавших войск правого крыла фронта в Восточной Пруссии. Кроме того, не производя перебазирования, воздушные силы готовились к действиям на новом направлении. Бомбардировочная авиация наносила удары по тыловым объектам врага в Восточной Померании.

В довольно сложных условиях проходила работа по подготовке к действиям бронетанковых войск на новом направлении. Дело в том что имевшиеся в составе фронта бронетанковые соединения после предшествовавшего стремительного наступления в Восточной Пруссии нуждались в пополнении и доукомплектовании. В результате принятых мер и проявленной штабом бронетанковых войск фронта оперативности к началу Восточно-Померанской операции были пополнены материальной частью один танковый и один механизированный корпуса и переброшены на левое крыло фронта, а 8 февраля эти соединения переданы по указанию командующего фронтом в состав 70-й армии. Один танковый корпус был выведен из боя в резерв фронта и сосредоточен в районе Прейсиш-Холлянд (30 км юго-восточнее Эльбинга). 3-й гвардейский танковый корпус, поступивший из резерва Ставки Верховного главнокомандования, сосредоточивался в районе Млавы.

Ответственную задачу выполнили во время подготовки операции инженерные войска фронта (начальник генерал Б. В Благославов): обеспечили переправами через Вислу на участке Нойенбург (18 км севернее Грудзёндз на левом берегу Вислы) — Грудзёндз силы, готовящиеся к наступлению в Восточной Померании, и построили в районе Кульма временный мост грузоподъемностью в 60 тонн. Для выполнения этой задачи были переброшены с других участков фронта в распоряжение начальника инженерных войск 4-я понтонно-мостовая инженерная бригада, шесть отдельных понтонно-мостовых батальонов и два понтонно-мостовых полка[80].

Важную работу проделало управление тыла фронта (начальник тыла генерал И. М. Логинов). В связи с предшествовавшими стремительными действиями войск фронта коммуникации были сильно растянуты: общая глубина тылового района фронта составляла около 300 км, в том числе глубина тылового района армий равнялась 120 км. Большинство фронтовых складов находилось за пределами тыловой границы фронта. В тыловом районе был стык железных дорог нашей колеи и западноевропейской; тыловая полоса пересекалась крупной водной преградой — Вислой, мосты через которую были взорваны противником. Кроме того, операция начиналась в период весенней распутицы, паводка и ледохода, что затрудняло восстановление и постройку мостов, в особенности через Вислу, и не допускало продвижения войск и транспорта вне дорог.

Деятельность тыловых частей осложнялась еще и тем, что Восточно-Померанская операция начиналась без паузы. С целью преодоления встретившихся трудностей управлением

тыла еще в ходе предшествовавшей наступательной операции была организована нештатная перевалочная база на стыке участков нашей железнодорожной колеи и западноевропейской в районе Дзялдово — Насельск, а также перевалочные пункты в местах разрыва железнодорожной колеи у разрушенных мостов через Вислу. Для быстрой подачи горючего войскам, действовавшим за Вислой, были установлены в районе Фордона, а затем и в районе Грудзёндза специальные коллекторы, которые перекачивали горючее на левый берег Вислы. Это позволило в трудной обстановке создать запасы материальных средств, которые по боеприпасам и артиллерийско-минометному вооружению составили 2,2–2,5 боекомплекта, по автомобильному бензину и дизельному топливу — 1,6–2,5 заправки[81].

При подготовке наступательной операции пристальное внимание уделялось проблеме поддержания на должном уровне политико-морального состояния личного состава. Работа политорганов и партийных организаций в войсках фронта была многогранной и напряженной. Политические работники и командиры руководствовались задачей, поставленной перед вооруженными силами, — добить фашистского зверя в его собственной берлоге и водрузить Знамя Победы над Берлином.

Кроме того, перед политорганами, политработниками и командирами встала и совершенно новая задача — работа среди местного польского населения. Каждый политработник должен был правдиво рассказывать местному населению, которое долгое время обрабатывалось фашистской пропагандой, о Красной армии, пришедшей освобождать Польшу и другие государства от фашистских захватчиков. При этом широко использовались собрания, митинги, лекции, кино, а также газеты, листовки и журналы на польском языке, которые издавались советскими органами совместно с польскими властями. Одновременно с решением этой задачи принимались все меры к сохранению высоких моральных качеств советских воинов. В связи с тем что боевые действия протекали на польской территории, в войсках велась большая работа по разъяснению освободительной миссии, выполняемой нашей армией.

Руководствуясь директивой Ставки командующий войсками 2-го Белорусского фронта 8 февраля 1945 г. отдал приказ, которым в качестве ближайшей задачи предусматривался выход войск на рубеж устье р. Вислы — Руммельсбур — Нейштеттин. Причем чтобы не производить значительных перегруппировок, на что не имелось времени, армиям были поставлены задачи для наступления в той группировке, в какой они находились. Кроме того, чтобы войскам армий правого крыла фронта избежать форсирования Вислы, было приказано подготовить удар с плацдарма соседней 65-й армии, из-за ее правого фланга, в направлении Старгарда силами не менее двух стрелковых корпусов. Этим войскам ближайшей задачей ставилось овладеть рубежом Диршау — Гох-Штюбляу. Наступление войск назначалось ориентировочно на 11 февраля.

Другим армиям фронта были поставлены следующие задачи: 65-й армии (командующий генерал П. И. Батов) с утра 10 февраля приказано продолжать наступление в северо-западном направлении и не позднее 14 февраля выйти на рубеж Гох-Штюбляу — Черск, а в дальнейшем развить наступление на Бютов; 49-й армии (командующий генерал И. Т. Гришин) приказывалось, перейдя в наступление 10 февраля с рубежа Широслав — Трутново, не позднее 13 февраля овладеть рубежом Черск — Хойнице и развить наступление в направлении на Бальденберг; войскам 70-й армии (командующий генерал В. С. Попов) с приданными одним танковым и одним механизированным корпусами надлежало, перейдя в наступление с утра 10 февраля с рубежа Любиво — станция Пруст-Багниц, не позднее 13 февраля овладеть рубежом Шлохау — Фридланд и в дальнейшем продолжать наступление в общем направлении на Темпельбург.

С целью усиления удара левофланговой армии 3-му гвардейскому кавалерийскому корпусу (командир генерал Н. С. Осликовский), находившемуся в резерве командующего фронтом, назначалось 10 февраля выйти в район Вальдау — Темпельбург и с утра 11 февраля нанести удар в направлении Шлохау с тем, чтобы не позднее утра 12 февраля овладеть районом Хойнице — Шлохау. В дальнейшем корпусу указывалось иметь в виду выход его в район Руммельсбург — Бальденберг.

Одновременно с постановкой задач войскам и подготовкой их наступления на новом направлении командующим войсками 2-го Белорусского фронта по указанию Ставки Верховного главнокомандования были представлены соображения по дальнейшим действиям войск, где давалась оценка создавшейся обстановки и излагался план разгрома противника в Восточной Померании. Эти соображения впоследствии были положены в основу указаний Ставки от 18 февраля 1945 г.

С прибытием резервов Ставки К. К. Рокоссовский предложил 19-ю армию и 3-й гвардейский танковый корпус развернуть на левом крыле фронта и 22—23 февраля нанести удар в направлении на Кёзлин, выйти на побережье Балтийского моря и разрезать померанскую группировку противника[82]. Ставка утвердила предложения командующего войсками 2-го Белорусского фронта и одновременно сориентировала его, что с 19 февраля 1-й Белорусский фронт силами правого крыла перейдет в наступление в направлениях Фалькенбург — Голлнов (25 км северо-восточнее Штеттина)[83].

В связи с тем что 2-й Белорусский фронт в течение месяца вел наступательные бои, командующий войсками предполагал провести Восточно-Померанскую операцию в следующей последовательности.

На первом этапе он намечал имеющимися силами фронта в 20-х числах февраля достигнуть рубежа Диршау — Бютов — Руммельсбург — Нейштеттин. В последующем, с подходом свежей 19-й армии, переданной в состав фронта из резерва Ставки, и 3-го гвардейского танкового корпуса, развернув их на рубеже Шлохау — Ратцебур, нанести удар в направлении Бальденберг — Бублиц — Кёзлин с целью разрезать восточно-померанскую группировку противника на две части и выйти к Балтийскому морю на фронте озеро Ямундер-зее — Кольберг.

Затем командующий войсками фронта предполагал разгромить отсеченную группировку восточнее меридиана Хойнице — Рюгенвальде силами армий центра и правого крыла фронта и овладеть Данцигом и Гдыней; разгром же группировки врага западнее линии Бальденберг — Кольберг осуществить войсками армий левого крыла фронта, предварительно усилив их несколькими стрелковыми и танковыми соединениями за счет резервов Ставки Верховного главнокомандования, так как силами левого крыла фронта эту задачу выполнить было невозможно.

Прибытие соединений из резерва Ставки командующий войсками 2-го Белорусского фронта ожидал не позднее выхода 19-й армии и 3-го гвардейского танкового корпуса в район Нейштеттина. Это обусловливалось тем, что по мере продвижения войск левого крыла в северо-западном направлении на Кёзлин необходимо было обеспечивать фланг и тыл фронта от ударов противника с запада. Даже с учетом войск усиления намеченные сроки завершения операции требовалось увеличить примерно на 15—20 дней.

Командующий войсками 1-го Белорусского фронта, располагая данными о том, что Ставкой Верховного главнокомандования разгром восточно-померанской группировки противника возложен на 2-й Белорусский фронт, 10 февраля представил в Ставку свои соображения о дальнейших действиях. В соображениях командующего указывалось, что «противник производит перегруппировку войск группы армий «Висла» с целью организовать устойчивую оборону на подступах к Штеттину и на рубеже реки Одер».

По мнению командующего 1-м Белорусским фронтом, неприятель, стремясь не допустить выхода советских войск к Штеттину и изоляции своей померанской группировки, усиливал левое крыло группы армий «Висла», перебрасывая в ее состав соединения с курляндского плацдарма и из Восточной Пруссии. Одновременно с этим немецко-фашистское командование усиливало свою 9-ю армию, прикрывающую Берлин с востока, выдвигая в первую линию обороны новые 21-ю танковую, 25-ю моторизованную, 15-ю танковую СС, 212-ю пехотную дивизии и пехотную дивизию «Деберитц». Кроме того, вражеское командование срочно перебрасывало с западного фронта на это направление 6-ю танковую армию СС в составе шести танковых и шести пехотных дивизий. Эти мероприятия, по соображениям командующего фронтом, проводились противником с целью развить и укрепить свою

оборону как на берлинском, так и на штеттинском направлениях за счет создания больших плотностей своих войск.

Исходя из этой оценки действий противника, маршал Г. К. Жуков, не изменяя ранее стоявших задач армиям правого крыла фронта, наметил ряд мероприятий по ускорению подготовки войск к проведению наступательной операции на берлинском направлении. Он предполагал оставить незначительные силы против восточно-померанской группировки врага, а основные готовить к предстоящей операции. По мнению командующего, подготовку к действиям можно было начать 12—13 февраля, чтобы через 10—12 суток осуществить все мероприятия.

С намечаемыми командующим мероприятиями и планом дальнейших действий войск 1-го Белорусского фронта Ставка Верховного главнокомандования согласилась, и командование фронта приступило к их осуществлению. Согласно плану дальнейших действий, войска правого крыла фронта должны были к 12—13 февраля завершить разгром окруженных гарнизонов противника в Шнейдемюле, Дёйч-Кроне, Арнсвальде, выйти на рубеж Темпельбург (30 км севернее Дёйч-Кроне), Фалькенбург, Штаргард и, перейдя частью сил к жесткой обороне, приступить к перегруппировке и подготовке к действиям на новом направлении.

Утром 10 февраля началась, по существу, без паузы, Восточно-Померанская операция. С рубежа Грудзёндз — Семпульно соединения левого крыла 2-го Белорусского фронта (65, 49 и 70-й армии) перешли в наступление, нанеся главный удар с плацдарма на левом берегу Вислы[84]. Развернулись ожесточенные бои. Слабость первоначального удара и упорное сопротивление врага предопределили медленное развитие наступления. К тому же весенняя распутица осложняла положение. Чтобы избежать форсирования Вислы, на которой в скором времени ожидался ледоход, часть сил была перегруппирована на плацдарм западнее Грудзёндза. Наиболее успешными были действия воинов левофланговой 70-й армии, усиленной танковым и механизированным корпусами, но и здесь темп наступления советских войск оказался незначительным.

Соединения правого крыла фронта в первый день операции в наступление не переходили. Частью сил они вели бои по уничтожению противника, окруженного в Эльбинге и блокированного в Грудзёндзе. 10 февраля войскам 2-й ударной армии (командующий генерал И. И. Федюнинский) удалось овладеть Эльбингом, захватив 2725 пленных и большие трофеи, в том числе 33 танка, 35 бронетранспортеров и 200 орудий[85]. Основными силами эта армия производила перегруппировку, выводя их в полосу действий 65-й армии генерала П. И. Батова на левом берегу Вислы.

Перегруппировка была связана с большими трудностями, так как в основном пришлось переправлять войска через Вислу по льду, в условиях надвигавшегося весеннего паводка. Это потребовало проведения больших работ по усилению льда всевозможными настилами и устройству оборудованных переправ под тяжелые грузы. Но несмотря на большие трудности, основные силы 2-й ударной армии были переброшены на левый берег своевременно.

В дальнейшем в связи с возрастающим сопротивлением, а также из-за влияния на ход наступательных действий тяжелых условий озерно-болотистой местности и начавшейся распутицы войска фронта также продвигались медленно. 13 февраля силы 2-го Белорусского фронта перешли восточную границу собственно Германии в Померании[86]. За пять суток боевых действий они продвинулись на 15—40 км, причем наибольшего успеха добилась левофланговая армия, которая продвинулась на 40 км и 15 февраля во взаимодействии с 3-м гвардейским кавалерийским корпусом овладела крупным опорным пунктом и узлом шоссейных и железных дорог г. Хойнице[87].

65-я и 49-я армии, действовавшие в центре группировки фронта, продвинулись за это время всего на 15—20 км. Правофланговая (2-я ударная) армия в это время наступления не вела вследствие того, что войска 65-й армии, в полосе которой она должна была наступать, продвигались медленно и не достигли рубежа, с которого намечалось ввести 2-ю ударную армию. Только 16 февраля армией был введен в сражение один стрелковый корпус из района западнее Грудзёндз, наносивший удар вдоль левого берега Вислы в северном направлении.

Советский тяжелый танк на улице Штаргарда

Разгромленная советскими танками батарея 88-мм зенитных орудий. Окраина г. Познань

Жители Познани приветствуют советских танкистов-освободителей

В последующие сутки, несмотря на напряженные бои, войска 2-го Белорусского фронта продвижения практически не имели. Сил для дальнейшего наступления не оказалось. Докладывая об этом в Москву, К. К. Рокоссовский сообщал, что ввод в сражение переданной ему из резерва Ставки 19-й армии возможен не ранее чем через трое суток, так как ей осталось пройти еще 160 км. Командующий просил усилить фронт еще двумя армиями с двумя танковыми корпусами и для пополнения выделить до 100 тыс. человек. «Армии правого крыла фронта, ведущие напряженные боевые действия в течение месяца, — докладывал командующий, — понесли большие потери и в настоящий момент стали малочисленными, насчитывая в среднем трехтысячных двадцать шесть и восемь стрелковых дивизий четырехтысячных»[88]. Однако в тот момент у Ставки дополнительных резервных армий не имелось.

За период наступления войск 2-го Белорусского фронта выдались всего два ясных дня и три — лишь частично. Летчики 4-й воздушной армии совершали в погожие дни до 1500 самолето-вылетов и более, а в частично летные — до 800 самолето-вылетов. Прочно удерживая господство в воздухе, они уничтожали живую силу и технику противника, нарушали коммуникации, наносили удары по его аэродромам, совершали налеты на боевые корабли и транспортные суда в портах, гаванях и в море. Вражеская авиация производила в день лишь до 100 самолето-вылетов[89].

В то время соединения левого крыла 1-го Белорусского фронта вели напряженные бои по удержанию и расширению захваченных на левом берегу Одера плацдармов, а войска правого крыла в Восточной Померании продвинулись к северу на 20–50 км. В ходе боевых действий войска фронта окружили и уничтожили сильные гарнизоны городов Дёйч-Кроне и Арнсвальде. 14 февраля они ликвидировали противника, окруженного в Шнейдемюле, а 23-го — в Познани. В боях за Познань совместно с советскими войсками участвовал пехотный батальон армии Войска Польского. Кроме того, из польских добровольцев были сформированы саперные, транспортные, санитарные, а также две штурмовые группы. Всего за Познань сражались 2 тыс. поляков[90].

В течение пяти суток, с 16 по 20 февраля, из района Альтдамма и Штаргарда неприятель осуществлял контрудар в общем направлении на Ландсберг. Командование группы армий «Висла» предприняло этот контрудар с целью выхода в тыл советским войскам, находившимся на Одере севернее Кюстрина. Группировку из четырех пехотных дивизий СС и двух танковых дивизий возглавлял командующий 3-й танковой армией генерал Э. Раус. Потеснив 47-ю армию к югу на 8–12 км, противник вновь овладел городами Пиритц, Бан и несколькими населенными пунктами. Однако большего результата он добиться не смог. Войска правого крыла 1-го Белорусского фронта при активной поддержке 16-й воздушной армии не только отразили контрудар врага, но и нанесли ему значительный урон.

Одновременно в связи с продолжавшимся усилением померанской группировки противника и активизацией ее действий против правого крыла 1-го Белорусского фронта Ставка приняла решение привлечь для ее разгрома и другие войска 1-го Белорусского фронта, отложив при этом намечавшееся на 20 февраля наступление на берлинском направлении.

Еще 16 февраля командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков по указанию Ставки представил план операции войск правого крыла фронта, который и был утвержден 17 февраля[91]. Согласно плану к операции привлекались 1-я армия Войска Польского под командованием генерала С. Г. Поплавского, 3-я ударная — генерала Н. П. Симоняка, 61-я — генерала П. А. Белова, 47-я — генерала Ф. И. Перхоровича, 1-я и 2-я гвардейские танковые армии (генералы М. Е. Катуков и С. И. Богданов), а также 16-я воздушная армия под командованием генерала авиации С. И. Руденко. Командующий фронтом решил нанести удары из района южнее Арнсвальде на Кольберг и Голлнов, расчленить и уничтожить по частям войска 11-й и 3-й танковой немецких армий и выйти к побережью Балтийского моря от Кольберга до Цедена. Начало наступления намечалось на 19 февраля 1945 г.

К этому времени войска 2-го Белорусского фронта фактически приостановили свое наступление. Чтобы повысить темп наступления и как можно быстрее решить поставленную

задачу, требовался срочный ввод в сражение новых, дополнительных сил. Командующий войсками 2-го Белорусского фронта еще 15 февраля, когда появились признаки постепенного затухания наступления, начал выводить одну армию и танковый корпус на левое крыло фронта. Но и этих сил, дополнительно вводимых в сражение, было недостаточно для быстрого завершения разгрома померанской группировки. Поэтому командующий фронтом доложил Ставке Верховного главнокомандования о необходимости усиления наших войск, действующих в Восточной Померании, с целью ускорить решение задачи по разгрому восточнопомеранской группировки врага.

Войска правого крыла 1-го Белорусского фронта также не смогли в назначенные сроки ни выдвинуться к Одеру, ни отбросить противника на рубеж Фалькенбург — Массов — Голлнов — Штеттин.

Ставка Верховного главнокомандования для быстрейшего разгрома восточнопомеранской группировки врага решила привлечь силы двух фронтов. В соответствии с этим 17 и 22 февраля были даны указания командующим войсками 1-го и 2-го Белорусских фронтов на подготовку и проведение дальнейшего наступления в Восточной Померании.

Командование вермахта приняло решение в Восточной Померании перейти к обороне на всем фронте от Вислы до Одера. Одновременно оно, проведя перегруппировку сил и средств, не прекращало усиливать группу армий «Висла» новыми соединениями из своего резерва и готовилось к активным действиям. Управление 11-й армии 25 февраля убыло в резерв группы армий «Висла», а ее войска были включены в состав 3-й танковой армии. К 1 марта 2-я армия уже имела 18 пехотных, две танковые и моторизованную дивизии, а также две бригады, в составе которых насчитывалось около 230 тыс. человек, 4 тыс. орудий и минометов, 800 танков и штурмовых орудий, 300 бронетранспортеров, 20 бронепоездов. Против войск правого крыла 1-го Белорусского фронта оборонялись соединения 3-й танковой армии. К началу марта в ней было 11 пехотных, танковая и две моторизованные дивизии, пехотная бригада, а также несколько отдельных частей и подразделений. Всего в этой армии насчитывалось около 200 тыс. солдат и офицеров, 2500 орудий и минометов, свыше 700 танков и штурмовых орудий, более 100 орудий береговой и стационарной зенитной артиллерии, приспособленной для ведения огня по наземным целям. С воздуха соединения группы армий «Висла» прикрывали 300 боевых самолетов[92].

По замыслу Ставки войска 1-го и 2-го Белорусских фронтов должны были, наступая смежными флангами, нанести удар в общем направлении на Кольберг. Этот удар с юга на север и выход войск обоих фронтов на побережье Балтийского моря рассекал всю восточнопомеранскую группировку на две части, причем большая часть ее отрезалась от основных сил немецко-фашистской армии.

Войска 2-го Белорусского фронта после овладения г. Кёзлин и выхода на побережье Балтийского моря должны были наступать в восточном направлении на Данциг и Гдыню и, разгромив основные силы группы армий «Висла», очистить от гитлеровцев восточную часть Померании и овладеть Данцигом и Гдыней.

Задача войск правого крыла 1-го Белорусского фронта заключалась в том, чтобы, прорвав оборону немецко-фашистских войск, стремительным наступлением подвижных соединений в общем направлении на Кольберг и Каммин выйти к побережью Балтийского моря, разгромить врага, занять западную часть Восточной Померании, очистить от противника правый берег Одера на фронте Каммин — Цеден.

Балтийскому флоту надлежало активными действиями авиации, подводных лодок и торпедных катеров нарушать морские сообщения противника в южной части Балтийского моря, а также содействовать войскам 1-го и 2-го Белорусских фронтов в овладении побережьем Балтийского моря от устья Вислы до устья Одера.

Директивой Ставки Верховного главнокомандования предусматривался переход в наступление войск 2-го Белорусского фронта 24 февраля, а войск 1-го Белорусского — по выходе соединений 19-й армии 2-го Белорусского на линию Бальденберг — Нейштеттин, но не позже 1 марта.

Польские пулеметчики ведут бой в Кольберге

В дальнейшем в связи с тем, что 16 февраля неприятель нанес контрудар к югу от Штаргарда по войскам 1-го Белорусского фронта, наступление войск фронта было перенесено на 25–26 февраля. К этому времени фронтом предполагалось измотать и обескровить в оборонительных боях наступавшего противника, после чего перейти в наступление[93].

Наступление левого крыла 2-го Белорусского фронта возобновилось 24 февраля. После 40-минутной артиллерийской подготовки войска 19-й армии под командованием генерала Г. К. Козлова нанесли удар в общем направлении на Кёзлин. Овладев первой позицией вражеской обороны на 10-километровом участке прорыва в районе Фирхау, армия с боями начала продвигаться вперед, расширяя прорыв в глубину и в стороны флангов[94]. Однако действия первого дня показали, что стрелковые соединения без танков непосредственной поддержки пехоты продвигаются недостаточно быстро, и это может отразиться на выполнении плана операции. Учитывая это, командующий войсками 19-й армии решил ввести в сражение 3-й гвардейский танковый корпус несколько ранее намечавшегося срока.

Утром 25 февраля танковый корпус вступил в сражение с задачей завершить прорыв обороны противника совместно с пехотой и к исходу дня выйти на рубеж Айкфир — Шенау (15 км северо-западнее Нейштеттина). Боевой порядок корпуса был построен в два эшелона: в первом — две танковые бригады со средствами усиления, во втором — одна мотострелковая бригада. Части первого эшелона корпуса уже к 14 часам вышли на рубеж Эльзенау (30 км восточнее Нейштеттина) — Беренхютте, завершив прорыв тактической зоны обороны противника. В дальнейшем танковый корпус стремительно продвигался на г. Бублиц.

Войска 70-й армии, наступавшие правее 19-й армии, за два дня боев имели продвижение в пределах 4–6 км. Армии правого крыла и центра фронта встретили упорное сопротивление частей врага, использовавших благоприятные условия лесисто-озерной местности и подготовивших довольно прочную оборону. 24 и 25 февраля наиболее ожесточенные бои шли в районах Скурц, Оссово и севернее Черска, где противник часто переходил в контратаки.

К исходу четвертого дня наступления войска левого крыла 2-го Белорусского фронта продвинулись на 70 км и заняли Бублиц, а 28 февраля, продолжая расширять прорыв в сторону флангов, наступавшие войска нанесли большие потери противнику и овладели городами Нейштеттин и Прехлау. Причем Нейштеттин был взят частями 3-го гвардейского кавалерийского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Н. С. Осликовского без участия пехоты. Это был второй крупный город, взятый кавалеристами (в январе 1945 г. тот же корпус аналогичным образом овладел Алленштейном)[95].

Таким образом, войска левого крыла 2-го Белорусского фронта продолжали успешно решать поставленные задачи. Однако уже к исходу 2 марта обстановка в полосе наступления армии левого крыла фронта осложнилась. Противник, усилив свою группировку в районе Руммельсбурга 4-й танковой группой СС, 203-й пехотной дивизией и 549-й дивизией фольксштурма, стремился удержать этот очень важный оперативный узел шоссейных и железных дорог и не допустить продвижения советских войск как в северо-восточном, так и в северном и северо-западном направлениях. Наличие у неприятеля в этом районе крупных сил создало непосредственную угрозу правому флангу 19-й армии и тылу 3-го гвардейского танкового корпуса.

Создавшаяся обстановка в районе Руммельсбурга вынудила командующего войсками фронта несколько задержать продвижение танкового корпуса, отдать приказ его командиру сосредоточить главные силы в районе Поллнова (20 км северо-западнее Руммельсбурга) и, удерживая его до подхода стрелковых соединений 19-й армии, быть готовым к наступлению на Руммельсбург. С целью контроля действий противника и обеспечения войск от неожиданностей корпус должен был вести непрерывную разведку в восточном, северном, западном и юго-западном направлениях. 3-й гвардейский танковый корпус 3 марта, выйдя к побережью Балтийского моря севернее Кёзлина, на следующий день совместно с соединениями 19-й армии овладел этим городом, отрезав таким образом 2-ю немецкую армию от остальных сил в Западной Померании. Сухопутные коммуникации этой армии, связывающие ее с тылом

Жители Данцига покидают горящий город

страны, были перерезаны. Теперь ее снабжение осуществлялось только морем через порты Данциг и Гдыня. Остатки разгромленного гарнизона Кёзлина во главе с комендантом капитулировали.

Войска правого крыла 1-го Белорусского фронта перешли в наступление 1 марта. После сильной артиллерийской и авиационной подготовки 1-я армия Войска Польского (командующий генерал С. Г. Поплавский), 3-я ударная (командующий генерал Н. П. Симоняк) и 61-я (командующий генерал П. А. Белов) армии атаковали упорно оборонявшегося врага. В тот же день в сражение были введены обе танковые армии, что увеличило силу удара. 1-я гвардейская танковая армия (командующий генерал М. Е. Катуков), обогнав соединения 3-й ударной армии, уже к вечеру продвинулась на 20—25 км. Наступление 2-й гвардейской танковой армии (командующий генерал С. И. Богданов), введенной в сражение в полосе 61-й армии, развивалось сравнительно медленно: к исходу дня она преодолела только 5—7 км.

В последующие три дня в центральной части Восточной Померании разгорелись ожесточенные бои. Особенно стремительными были действия танковых армий. 1-я гвардейская танковая армия 4 марта вышла на побережье Балтийского моря на участке Кольберг — Дееп, продвинувшись более чем на 90 км. Передовые соединения 2-й гвардейской танковой армии утром следующего дня достигли Одера в районе Каммина. Стрелковые соединения, используя успех танковых армий, углубились до 65 км. Немалая заслуга в успешном наступлении принадлежала 16-й воздушной армии генерала С. И. Руденко, совершившей за 2—4 марта свыше 2300 самолето-вылетов[96].

Продвижение соединений ударной группировки 1-го Белорусского фронта привело к окружению четырех дивизий 10-го корпуса СС и корпусной группы «Теттау» (общей численностью более 20 тыс. человек) в районе юго-западнее Польцина. 7 марта они были разгромлены 1-й армией Войска Польского и частью сил 1-й гвардейской танковой и 3-й ударной армий. На следующий день воины 1-й армии Войска Польского, выйдя на побережье Балтики в районе Кольберга, водрузили национальный флаг Польши. Когда главные силы армии приблизились к Кольбергу, она получила задачу разгромить гарнизон города. Попытки с ходу овладеть Кольбергом оказались безуспешными, поскольку противник создал здесь прочную оборону и имел значительно больше сил, чем предполагалось. Бои за город продолжались восемь суток[97]. Утром 18 марта сильный опорный пункт немцев г. Кольберг, а вместе с ним и все побережье Балтийского моря в полосе фронта были окончательно очищены от врага[98].

Итогом успешного наступления войск 2-го и 1-го Белорусских фронтов на Кёзлин и Кольберг явился их выход на побережье Балтики, восточно-померанская группировка оказалась рассеченной на части. Связь между 2-й полевой и 3-й танковой армиями противника была нарушена, что способствовало их разгрому.

Еще 28 февраля, используя благоприятную обстановку, командующий войсками 2-го Белорусского фронта отдал приказ 19-й армии и всем подвижным соединениям на дальнейшее наступление, нацеливая их на скорейший выход к побережью Данцигской бухты.

К этому времени войскам фронта продолжала противостоять довольно сильная группировка, которая была усилена за счет формирований из остатков восточнопрусской группировки, морских подразделений и мобилизации местного населения. К 1 марта она состояла из 12 пехотных, двух танковых (4-й и 7-й) дивизий, девяти отдельных полков и 24 отдельных батальонов[99]. Чтобы выиграть время на эвакуацию, немецкие войска всячески цеплялись за местность и оказывали ожесточенное сопротивление огнем и контратаками. Одновременно спешно укреплялись инженерными сооружениями и минными полями подступы к Гдыне и Данцигу.

Целью операции на данцигском направлении являлись ликвидация померанской группировки и быстрейшее освобождение сил и средств для решения задач на западе — полностью очистить от немецких войск Восточную Померанию и овладеть портами Данциг, Гдыня и Сопот. Для этого командованию 2-го Белорусского фронта Ставка временно передавала 1-ю гвардейскую танковую армию 1-го Белорусского фронта с подчинением ей танковой бригады 1-й армии Войска Польского[100]. Танковая армия к этому времени имела около 500 танков

Расчет орудия большой мощности ведет огонь по фашистским укреплениям в Гдыне

Уличный бой в Гдыне

Советские войска входят в один из городов Померании

Сгоревший немецкий танк и тела членов экипажа

и самоходно-артиллерийских установок[101]. По замыслу командующего фронтом маршала К. К. Рокоссовского выполнение поставленной задачи должно было осуществляться нанесением главного удара силами наиболее полнокровной 19-й армии, 3-го гвардейского танкового корпуса и прибывшей 1-й гвардейской танковой армии в направлении на Штольп — Лауенбург — Путциг (40 км севернее Гдыни). Кроме армий главной группировки в наступлении должны были участвовать 2-я ударная, 65, 49 и 70-я армии с приданными танковым и механизированным корпусами. Ближайшей задачей этой группировки ставилось овладение рубежом Диршау — Шенек (60 км южнее Данцига)[102].

5 марта войска фронта вышли на 20-километровом участке в районе севернее и северо-западнее Кёзлина на побережье Балтийского моря и приступили ко второму этапу намеченной операции — повороту левого крыла фронта на восток и уничтожению противника в восточной части Померании.

К этому времени под ударами войск правого крыла 1-го Белорусского фронта соединения 3-й танковой армии отошли на Каммин и Штеттин, торопясь укрыться за Одером и Штеттинской гаванью. Однако осуществить это удалось лишь немногим. К исходу 5 марта 3-я танковая армия была почти полностью разбита, большая часть Восточной Померании оказалась в руках советских войск. Противник потерял до 103 тыс. солдат и офицеров, из них около 27,9 тыс. человек были пленены. В качестве трофеев армии правого крыла фронта захватили 188 танков и штурмовых орудий, 2100 орудий и минометов[103]. За поражение в Восточной Померании командующие 3-й танковой и 2-й армиями были отстранены от руководства войсками, а на их место назначены генералы Х. Мантейфель и Д. Заукен, которые фактически уже ничего изменить не могли. Лишь в районе Альтдамма 3-я танковая армия продолжала удерживать небольшой плацдарм на правом берегу Одера.

Для того чтобы уничтожить разрозненные части врага и освободить все побережье Балтики от Вислы до Одера, Ставка Верховного главнокомандования уточнила задачи фронтам. Согласно директиве от 5 марта войскам 2-го Белорусского фронта надлежало разгромить группировку противника в районе Данциг — Штольп, овладеть городами Данциг, Гдыня и не позднее 20 марта во всей полосе фронта выйти на побережье Балтийского моря. С этой целью Ставка приказала фронту продолжать наступление войсками правого крыла по левому берегу Вислы на Данциг, а войсками левого крыла — в направлении Лауенбург — Гдыня. На главном направлении фронта, вдоль побережья Балтийского моря, должна была нанести удар 19-я армия совместно с 3-м гвардейским танковым корпусом.

6 марта 2-й Белорусский фронт развернул наступление в северном и восточном направлениях, непрерывно наращивая силу удара. Успешно прорвав оборону противника, войска его правого крыла продвинулись до 18 км, а левого — до 12 км. 2-я ударная армия завершила ликвидацию окруженной вражеской группировки в крепости Грудзёндз[104]. Общему успеху во многом способствовали действия 8-го, 1-го гвардейских танковых и 8-го механизированного корпусов, введенных в сражение в тот же день, а также 3-го гвардейского танкового корпуса, который 7 марта возобновил наступление в направлении Штольп — Лауенбург.

В ходе отступления враг все более уплотнял боевые порядки. Сильные арьергарды цеплялись за населенные пункты и выгодные рубежи. Вражеские соединения стремились организованно отойти и занять Данцигско-Гдынский укрепленный район. 8 и 9 марта войска 2-го Белорусского фронта, преследуя противника, продвинулись до 50 км. 8 марта 19-я армия под командованием генерала В. З. Романовского (вступил в командование 6 марта) овладела г. Штольп. С утра 10 марта в полосе этой армии была введена в сражение 1-я гвардейская танковая армия, которая, обогнав стрелковые соединения, смяла арьергарды противника и стремительным ударом в направлении Лауенбург — Вейхерово 12 марта вышла к побережью Данцигской бухты севернее порта Гдыня, овладев тремя городами, в том числе Путцигом[105]. К этому времени основные силы армий правого крыла и центра приблизились к внешнему обводу Данцигско-Гдынского укрепленного района. Советские воины медленно, но упорно прогрызали оборону врага, продвигаясь к морю. Гитлеровские войска ожесточенно сопротивлялись, в отдельные дни используя при контратаках от 100 до 140 танков и штурмовых орудий[106].

В период с 13 по 21 марта суточное продвижение советских войск не превышало 1—1,5 км, а иногда исчислялось и сотнями метров. Преодолев упорное сопротивление врага, они прорвали оборонительные рубежи между Данцигом и Гдыней, вышли к побережью Данцигской бухты и 23 марта овладели г. Сопот. Вражеская группировка оказалась расчлененной на две части — данцигскую и гдынскую.

В ходе боевых действий в Восточной Померании в разгроме гитлеровских войск на подступах к Гдыне отличились воины 1-й гвардейской танковой армии. За проявленные героизм, мужество и отвагу были награждены около 7 тыс. солдат и офицеров, а полковнику В. И. Землякову, подполковнику В. Н. Мусатову и майору Б. П. Иванову присвоено звание Героя Советского Союза. Командующий генерал-полковник танковых войск М. Е. Катуков за умелое проведение операций в 1945 г. был награжден второй медалью «Золотая Звезда». 27 марта эта армия после выполнения возложенных на нее задач была выведена из сражения и возвращена в состав 1-го Белорусского фронта[107].

С выходом войск 2-го Белорусского фронта к побережью Данцигской бухты главные усилия направлялись на овладение городами Гдыня и Данциг. В северном направлении на Гдыню продолжали действовать 19-я общевойсковая и 1-я гвардейская танковая армии, а также 96-й стрелковый корпус 70-й армии. На южном и юго-восточном направлении на Данциг наступали 70, 49, 65 и 2-я ударная армии. Войска 2-го Белорусского фронта, используя преимущества своего флангового положения и разобщенность вражеской группировки, продолжали сжимать кольцо окружения и 25 марта завязали бои на северной окраине Данцига, а 26 марта — на юго-западной окраине Гдыни[108].

Продолжая штурм этих важных объектов, 28 марта войска 70-й и 19-й армий овладели военно-морской базой и крупным портом на Балтике г. Гдыня, а войска 2-й ударной, 65, 49 и 70-й армий 30 марта завершили разгром данцигской группировки и овладели городом-крепостью Данциг.

Остатки разгромленной данцигско-гдынской группировки неприятеля к 1 апреля продолжали оказывать сопротивление советским войскам на Оксхёфтском полуострове, косе Путцигер-Нерунг и юго-восточнее Данцига, продолжая эвакуацию остатков войск и населения морем и по косе Фрише-Нерунг в Пиллау.

В боях за Данциг и Гдыню приняла участие 1-я польская танковая бригада имени героев Вестерплятте, воины которой водрузили над этими городами национальный флаг Польши. При ликвидации данцигского гарнизона свыше 10 тыс. солдат и офицеров были взяты в плен, захвачено 140 танков и штурмовых орудий, 358 орудий, 45 строившихся подводных лодок, много другого вооружения и военной техники[109]. С падением Данцига перестала функционировать крупная военно-морская база, где проходили подготовку экипажи подводных лодок. Черчилль так определил значение этого успеха для союзников: «Захват Данцига и последующая ликвидация одной из трех основных баз подводных лодок являются новым фактором, приносящим значительное облегчение морскому министерству (Великобритании. — *Ред.*). Возобновление операций немецких подводных лодок в масштабах, которые они предсказывали, теперь явно невозможно»[110].

В ходе преодоления Данцигско-Гдынского укрепленного района, особенно в ожесточенных боях за крупные приморские населенные пункты, большую роль сыграла 4-я воздушная армия. Ее соединения в сутки совершали в среднем по 650—700 самолето-вылетов, 120—130 из которых в ночное время. Только с 24 февраля по 5 марта было произведено 8500 самолето-вылетов для ударов по обороне противника. Советские летчики наносили непрерывные удары по фортам и бастионам морских крепостей, по кораблям врага, пытавшимся приблизиться к портам. В воздушных боях и на аэродромах ими было сбито 178 вражеских самолетов[111].

Балтийский флот в ходе наступления в Восточной Померании усилил боевую деятельность на коммуникациях в южной части Балтийского моря. Силами авиации, подводных лодок и торпедных катеров он осуществлял блокаду прижатой к морю группировки вражеских войск в районе Данцига. Кроме того, авиация флота наносила массированные удары по войскам и военным объектам врага на побережье.

Освобождением Данцига и Гдыни завершилась Восточно-Померанская наступательная операция. Остатки 2-й немецкой армии, прижатые к морю севернее Гдыни, 4 апреля были окончательно разгромлены и пленены силами 19-й армии[112].

В честь успешных действий в ходе Восточно-Померанской операции Москва неоднократно салютовала доблестным советским воинам. Всего было проведено 16 салютов, в частности за овладение городами Эльбинг, Черск, Кёзлин, Гдыня и Данциг[113].

Одновременно с боями под Данцигом и Гдыней развернулось наступление войск правого крыла 1-го Белорусского фронта в районе Альтдамма. Здесь враг занимал сильные, заранее подготовленные позиции. Достаточно сказать, что плотность обороны немецких войск составляла 5—7 км на дивизию, 50—75 орудий и минометов на 1 км фронта, без учета истребителей танков, вооруженных фаустпатронами, которых было не менее 100 на 1 км фронта[114].

14 марта войска фронта, в основном 47-й и 61-й армий, после артиллерийской и авиационной подготовки предприняли атаку вражеских позиций. В результате трехдневных упорных боев советские войска, ликвидировав значительное количество опорных пунктов и узлов сопротивления противника, вышли к последнему поясу его укреплений на альтдаммском плацдарме.

Для нанесения сокрушающего удара по противнику командующий войсками 1-го Белорусского фронта приказал временно приостановить наступление и произвести некоторые перегруппировки артиллерии и танков. В соответствии с этим приказом соединения 47, 61 и 2-й гвардейской танковой армий, прекратив наступление, в течение двух суток готовились к его возобновлению. Особое внимание в этот период было уделено организации взаимодействия пехоты и танков с артиллерией.

Утром 18 марта после полуторачасовой артиллерийской подготовки войска фронта возобновили наступление. Преодолевая ожесточенное сопротивление неприятеля, наши войска прорвали его последний рубеж обороны и начали развивать наступление в западном и юго-западном направлениях. 19 марта стрелковые соединения 47-й армии совместно с танковыми частями 2-й гвардейской танковой армии вышли к Одеру между Альтдаммом и Грайфенхагеном и рассекли альтдаммскую группировку противника на две части.

20 марта наши войска окончательно сломили сопротивление врага и овладели г. Альтдамм — важным узлом его обороны на восточном берегу Одера. Несколькими часами позже под ударами соединений 47-й армии пал Грайфенхаген. Немецкая группировка, оборонявшая Альтдаммский район, была разбита, и только небольшим остаткам шести дивизий врага удалось переправиться на западный берег Одера.

Таким образом, войска правого крыла 1-го Белорусского фронта в семидневных боях разгромили войска противника в западной части Восточной Померании, пытавшиеся удержать за собой важный оперативный плацдарм на восточном берегу Одера в районе Альтдамма, и с 21 марта приступили к перегруппировке основных сил армий на берлинское направление.

С падением Альтдамма и Грайфенхагена была закончена операция войск правого крыла 1-го Белорусского фронта в Восточной Померании, увенчавшаяся блестящим успехом — разгромом 11-й армии врага и освобождением от его войск всей западной части Восточной Померании.

В целом в результате Восточно-Померанской операции советские войска нанесли группе армий «Висла» тяжелое поражение: 21 дивизия и восемь бригад были разгромлены, из них шесть дивизий и три бригады уничтожены. Только войска 2-го Белорусского фронта с 10 февраля по 4 апреля взяли в плен до 63,6 тыс. солдат и офицеров, захватили 3470 орудий и минометов, 680 танков и штурмовых орудий, 431 самолет, 277 кораблей и судов различного назначения, 610 складов с боеприпасами, вооружением, снаряжением и продовольствием и много других трофеев[115]. Войсками 1-го и 2-го Белорусских фронтов были освобождены 54 города и сотни других населенных пунктов, вызволены тысячи советских военнопленных и граждан других государств Европы, угнанных на работу в Германию; с занятием Данцига и Гдыни немцы потеряли верфи, на которых строились подводные лодки, десятки промыш-

Бои в Данциге

ленных предприятий, важнейшие морские порты для связи с блокированной группировкой в Курляндии.

Гитлеровцы не только понесли огромные потери, но и лишились восточнопомеранского плацдарма, а также значительной части побережья Балтийского моря. Это позволило Балтийскому флоту и авиации достаточно эффективно осуществлять морскую и воздушную блокаду группировок противника, прижатых к морю в Прибалтике, Восточной Пруссии и в районе дельты Вислы. Флот, перебазировав свои легкие силы в базы и порты южного побережья Балтийского моря между Вислой и Одером, занял более выгодные позиции для прикрытия и поддержки с моря советских войск, продвигавшихся вдоль побережья.

Решительному разгрому немецко-фашистских войск в Восточной Померании способствовали правильный выбор направлений главных ударов обоих фронтов, умелая концентрация необходимых сил и средств, четкая организация взаимодействия между фронтами, армиями и родами войск, что обеспечило стремительный прорыв тактической зоны обороны противника. При решении оперативных задач ударной силой фронтов являлись танковые армии, а также отдельные танковые и механизированные корпуса, тесно взаимодействовавшие с пехотой, артиллерией, инженерными войсками и авиацией. Характерно и то, что ударные группировки фронтов, успешно прорвав главную полосу вражеской обороны, в высоком темпе развили наступление по расходящимся направлениям. Это позволило разгромить восточнопомеранскую группировку по частям.

Освобождение польского Поморья с крупными городами и важными портами послужило залогом надежного обеспечения северного фланга стратегической группировки советских вооруженных сил, действовавшей на берлинском направлении. Важным результатом успешного завершения Восточно-Померанской операции явился срыв планов немецко-фашистского командования нанести фланговый удар по соединениям, вышедшим на Одер. Кроме того, советское Верховное главнокомандование получило возможность 11 высвободившихся армий, в том числе две танковые, 1-го и 2-го Белорусских фронтов перебросить для проведения Берлинской операции.

Дорогой ценой досталась победа в Восточной Померании. Потери советских войск в операции составили: безвозвратные — 52 740 человек, санитарные — 172 952 человека, а также 1027 танков и 1073 самолета. 1-я армия Войска Польского за период с 1 марта по 4 апреля безвозвратно потеряла 2575 человек, а ранеными и больными — 6093 человека[116].

За умелые и героические действия ряд соединений и частей советских и польских войск получил почетные наименования Гданских, Кольбергских, Померанских и других.

Одновременно с проведением Восточно-Померанской операции войска левого крыла 1-го Белорусского фронта на берлинском направлении вели борьбу за расширение и удержание захваченных ранее плацдармов на левом берегу Одера и ликвидацию кюстринского гарнизона.

Командование вермахта пыталось любой ценой деблокировать город-крепость Кюстрин и отбросить советские войска с плацдармов. В середине марта противник предпринял последнюю попытку улучшить положение под Кюстрином. Назначенный вместо Г. Гиммлера новый командующий группой армий «Висла» генерал Г. Хейнрици 15 марта получил задачу подготовить контрудар из района Франкфурта, чтобы «уничтожить сначала предмостное укрепление русских у Кюстрина и установить непосредственную связь с гарнизоном этого города»[117]. 22 марта пять фашистских дивизий под руководством командующего 9-й армией генерала Т. Буссе начали наступление. Однако, несмотря на отчаянные усилия, неоднократные атаки их были безуспешны.

Фактически уже к исходу первого дня инициатива перешла к советским войскам. 23 марта соединения 5-й ударной и 8-й гвардейской армий 1-го Белорусского фронта нанесли удар по врагу в районе Кюстрина и к концу месяца разгромили гарнизон крепости. В результате два небольших плацдарма на левом берегу Одера удалось объединить в обширный плацдарм оперативного значения. Провал контрударов немецко-фашистских войск в Восточной Померании и у Кюстрина явился одной из причин отстранения генерала Г. Гудериана от зани-

маемой должности. Вместо него начальником генерального штаба германских сухопутных сил был назначен генерал Г. Кребс.

В связи с уничтожением восточнопомеранской группировки, ликвидацией предмостных укреплений противника на правом берегу реки, а также расширением плацдармов на Одере были созданы необходимые условия для решающего наступления советских войск на берлинском направлении.

* * *

Успешное осуществление наступательных операций на восточнопрусском и восточнопомеранском направлениях имело большое военно-политическое значение. В ходе этих операций советские войска взломали мощную оборону врага на всю ее глубину и разгромили крупную стратегическую группировку немецко-фашистских войск — группы армий «Центр» и «Висла». Всего за время проведения операции советские войска разгромили до 46 пехотных дивизий и нанесли поражение еще 9—10 пехотным и двум танковым дивизиям врага. Разгром столь крупной группировки врага значительно ослабил вооруженные силы фашистской Германии.

Важную роль в разгроме восточнопрусской и восточнопомеранской группировок противника сыграла авиация. Используя малейшее улучшение погоды, она только за Восточно-Прусскую операцию произвела около 146 тыс. самолето-вылетов, нанося удары по войскам и опорным пунктам неприятеля. 7 апреля 516 дальних бомбардировщиков 18-й воздушной армии под прикрытием 232 истребителей совершили массированный налет на крепость Кёнигсберг, что резко снизило сопротивление ее гарнизона[118].

В результате операций советские войска заняли всю Восточную Пруссию с городом-крепостью Кёнигсберг — стратегически важным опорным пунктом немцев на Балтийском море — и освободили значительную часть Польши. С потерей Кёнигсберга и Пиллау немецкий военно-морской флот лишился удобных военно-морских баз в юго-восточной части Балтийского моря. В то же время улучшилось базирование Краснознаменного Балтийского флота, и, следовательно, изменились условия для его деятельности.

Успешное проведение этих операций оказало положительное влияние на ход других операций кампании 1945 г. в Европе. В частности, отсечение главных сил группы армий «Центр» от остальных сил Германии обеспечивало правый фланг 1-го Белорусского фронта, наступавшего на познанском направлении, а с выходом советских войск на Вислу севернее Торна создались условия для проведения операции на восточнопомеранском направлении.

В Восточно-Прусской стратегической операции советское военное искусство получило дальнейшее развитие. Был приобретен опыт планирования, организации и проведения операции группы фронтов, флота и крупных сил авиации на приморском направлении. Эта операция является поучительным примером правильного определения Ставкой Верховного главнокомандования главных ударов фронтов, взаимодействия между фронтами, которые наносили удары на самостоятельных, далеко отстоящих друг от друга направлениях.

В связи с наличием мощных укреплений на переднем крае немецкой обороны командующие сконцентрировали силы и средства на узких участках прорыва, которые составляли в 3-м Белорусском фронте 14%, а во 2-м Белорусском — около 14% общей ширины полосы наступления. Это позволило при общем тройном превосходстве в силах и средствах над противником создать 5—9-кратное превосходство на направлениях главных ударов[119] и иметь до 220 орудий и минометов, свыше 50 танков и самоходно-артиллерийских установок на 1 км участка прорыва в 3-м Белорусском и до 300 орудий и минометов, 70 танков и САУ — во 2-м Белорусском фронте. Такие плотности в конкретных условиях обстановки являлись оптимальными и во многом способствовали прорыву вражеской обороны.

Однако, несмотря на весьма значительное превосходство в силах, нанести противнику мощный первоначальный удар не удалось. Прежде всего наступление войск 2-го и 3-го Белорусских фронтов не стало неожиданным для противника. Немецко-фашистское ко-

мандование, ожидая удара советских войск, уплотнило боевые порядки, повысило боевую готовность своих войск и предприняло ряд других мер для отражения нашего наступления.

Следует также отметить, что в силу неблагоприятных метеорологических условий советские войска в период прорыва обороны врага не могли в полной мере использовать своего количественного и качественного преимущества. Наличие в полосе 3-го Белорусского фронта значительного количества промежуточных оборонительных рубежей, используемых противником, и тяжелые условия местности ограничивали маневренные возможности фронта. Поэтому средний темп наступления войск фронта в оперативной глубине обороны неприятеля не превышал 10 км.

Интенсивнее осуществлялось преследование во 2-м Белорусском фронте: средний темп здесь достигал 18–20 км в сутки. Подвижные группы фронта и армий выполняли основную роль в развитии преследования. Их отрыв от общевойсковых соединений колебался от 10 до 30 км.

В Восточно-Прусской операции танковым соединениям не удавалось оторваться на сколько-нибудь значительное расстояние от общевойсковых соединений. Это обусловливалось своеобразием района операции, наличием системы развитых на всю оперативную глубину оборонительных рубежей, широким применением противником в лесах, рощах, хуторах танковых засад.

Разгром восточнопрусской группировки был достигнут в длительных и тяжелых боях. Операция продолжалась 103 дня, при этом особенно много времени было затрачено на уничтожение изолированных группировок. Это определялось тем, что отсеченные гитлеровские войска оборонялись в укрепленных районах, на местности и в условиях погоды, не благоприятных для наступления, в обстановке, когда противник не был полностью блокирован с моря.

В этой операции советские войска понесли тяжелые потери: безвозвратные — 126 464 человека, санитарные — 458 314 человек[120].

Одной из характерных особенностей Восточно-Прусской операции стало то, что все группировки врага уничтожались последовательно, одна за другой. Действия войск фронта по уничтожению каждой из этих группировок противника представляли собой вполне законченную наступательную операцию, вытекавшую из общего замысла стратегического наступления.

В замыслах советского командования по уничтожению немецких группировок в районе Кёнигсберга и южнее его предусматривалось рассечение их на части и уничтожение по отдельности. Однако осуществить рассечение советским войскам не удавалось. Одной из главных причин стало то, что на направлении наступления наших войск не удавалось наносить мощные первоначальные удары, которые обеспечили бы высокие темпы наступления. Вследствие этого немецко-фашистское командование при угрозе рассечения той или иной группировки успевало отводить свои войска на следующий оборонительный рубеж. Серьезной ошибкой в подготовке и проведении Восточно-Прусской операции явилось то, что советское командование не сумело предотвратить отход за Вислу главных сил 2-й немецкой армии, которые были разгромлены лишь в ходе последующей Восточно-Померанской операции.

В сложных условиях базирования и минной обстановки авиация флота, подводные лодки и торпедные катера действовали на морских коммуникациях врага в Балтийском море, нарушая его перевозки бомбардировочно-штурмовыми ударами авиации, артиллерийским огнем бронекатеров и железнодорожных батарей, высадкой тактических десантов флот содействовал наступлению сухопутных войск на приморском направлении. Однако вследствие тяжелой минной обстановки и недостатка корабельных сил блокировать полностью прижатые к морю группировки вражеских войск и нарушить морские коммуникации противника Балтийскому флоту не удалось.

В рассматриваемых операциях советские войска проявили исключительный героизм и высокое воинское мастерство. Так, за успешные действия в Восточно-Прусской операции свыше тысячи наиболее отличившихся соединений и частей были награждены орденами,

а 217 из них за умелые и героические действия удостоены почетных наименований Кёнигсбергских, Инстербургских, Млавских, Гумбинненских, Тильзитских и других. В ознаменование одержанной победы Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За взятие Кёнигсберга», которой были удостоены около 740 тыс. человек[121].

Сотни тысяч советских воинов были награждены орденами и медалями, а особо отличившиеся удостоены звания Героя Советского Союза. За умелое руководство войсками орденом Победы во второй раз был награжден командующий фронтом Маршал Советского Союза А. М. Василевский. Командующий Военно-воздушными силами Красной армии главный маршал авиации А. А. Новиков стал Героем Советского Союза, а генералы А. П. Белобородов, П. К. Кошевой, Т. Т. Хрюкин, летчики В. А. Алексенко, Амет-хан Султан, Л. И. Беда, А. Я. Брандыс, И. А. Воробьев, М. Г. Гареев, П. Я. Головачев, Е. М. Кунгурцев, Г. М. Мыльников, В. И. Мыхлик, А. К. Недбайло, Г. М. Паршин, А. Н. Прохоров, Н. И. Семейко, А. С. Смирнов и М. Т. Степанищев — дважды Героями Советского Союза.

Высоко было оценено мужество летчиков авиационного полка «Нормандия — Неман», завершивших свой боевой путь в Восточной Пруссии. Всего за время войны отважные французские летчики совершили свыше 5 тыс. боевых вылетов, провели 869 воздушных боев, сбили 273 и повредили 50 фашистских самолетов, уничтожили значительное количество живой силы и боевой техники противника. Указами Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля и 5 июня 1945 г. за образцовое выполнение заданий командования полк был награжден орденами Красного Знамени и Александра Невского. Советскими боевыми орденами были награждены 83 французских летчика, а старшие лейтенанты М. Альбер, Р. де ля Пуап, М. Лефевр (посмертно) и младший лейтенант Ж. Андре удостоены звания Героя Советского Союза. Французское правительство отметило боевые подвиги полка «Нормандия — Неман» орденом Почетного легиона, Боевым крестом с пальмой, Крестом освобождения и Военной медалью. После войны французские летчики на 41 боевом самолете Як-3, переданном советским правительством в дар Франции, возвратились на родину.

Таким образом, в результате крупных побед советских войск в Восточной Пруссии, Померании и Северной Польше вооруженным силам фашистской Германии был нанесен невосполнимый урон. Потеря одного из важнейших военно-экономических районов весьма негативно сказалась на общем состоянии военной экономики страны и значительно ухудшила оперативно-стратегическое положение вермахта на советско-германском фронте.

Вывод Финляндии из войны. Освобождение северных районов Норвегии

В феврале 1944 г. был нанесен ряд авиационных ударов по военно-промышленным объектам Финляндии, в том числе по порту Хельсинки, железнодорожному узлу и военным объектам, расположенным в предместьях города. Массированный удар собственно по городу не наносился, так как советское командование отчетливо понимало, что удары авиации повлекут за собой огромные жертвы среди мирного населения[122].

Первый авиационный удар был нанесен в ночь на 7 февраля. И уже вскоре после этого через шведские промышленные круги посла СССР в Стокгольме А. М. Коллонтай известили о том, что представитель правительства Финляндии Ю. К. Паасикиви имеет поручение выяснить условия выхода его страны из войны, а также — согласно ли советское правительство иметь дело с существующим правительством Финляндии и вести с ним переговоры?

16 февраля состоялась неофициальная встреча Ю. К. Паасикиви с А. М. Коллонтай. 17 февраля был совершен второй налет на Хельсинки. При повторной встрече Паасикиви получил от Коллонтай советские условия перемирия с Финляндией:

1. Разрыв отношений с Германией и интернирование немецких войск и кораблей в Финляндии, причем если Финляндия считает эту последнюю задачу для себя непосильной, то Советский Союз готов оказать ей необходимую помощь своими войсками и авиацией.

2. Восстановление советско-финского договора 1940 г. и отвод финских войск к границам 1940 г.

3. Немедленное возвращение советских и союзных военнопленных, а также лиц из числа гражданского населения, содержащихся в концлагерях или используемых финнами на работах.

4. Вопрос о частичной или полной демобилизации финской армии оставить до переговоров в Москве.

5. Вопрос о возмещении убытков, причиненных Советскому Союзу военными действиями и оккупацией советских территорий, оставить до переговоров в Москве.

Паасикиви было заявлено, что если финское правительство согласно немедленно принять эти условия, советское руководство готово начать в Москве переговоры с его представителями о заключении более детального соглашения[123].

Мощный налет на Хельсинки, порты Турку и Котка состоялся в ночь с 26 на 27 февраля 1944 г., он стал своеобразным последним предупреждением финскому руководству[124]. После этого удары советской авиации дальнего действия по территории Финляндии были прекращены.

В январе — феврале 1944 г. советские войска в ходе Ленинградско-Новгородской операции полностью сняли 900-дневную блокаду Ленинграда немецкими и финскими войсками. 1 апреля, с возвращением финской делегации из Москвы, стали известны требования советского правительства: граница на условиях Московского мирного договора от 1940 г.; интернирование силами финской армии немецких частей в Финляндии до конца апреля; выплата репарации в размере 600 млн долларов США (затем сумма была снижена до 300 млн долларов), которые должны быть выплачены в течение пяти лет.

Камнем преткновения стал вопрос о репарациях: после поспешно проведенного анализа возможностей финской экономики размер и сроки их выплаты были признаны нереальными. 18 апреля Финляндия ответила отказом на советские предложения, хотя к концу апреля 1944 г. положение финских войск стало практически безнадежным.

9 июня 1944 г. началась Выборгско-Петрозаводская наступательная операция. Советские войска за счет массового применения артиллерии, авиации и танков, а также при активной поддержке Балтийского флота взломали одну за другой линии обороны финнов на Карельском перешейке и 20 июня взяли штурмом Выборг. Финские войска отошли на третью оборонительную линию Выборг — Купарсаари — Тайпале (известную также как линия ВКТ) и за счет переброски всех имеющихся резервов из восточной Карелии смогли занять там прочную оборону. Это, однако, ослабило финскую группировку в восточной Карелии, где 21 июня советские войска также перешли в наступление и 28 июня освободили Петрозаводск.

19 июня маршал Маннергейм обратился к войскам с призывом во что бы то ни стало удержать третью полосу обороны, прорыв которой может решительным образом ослабить возможности финских войск к обороне. Финляндия остро нуждалась в эффективных противотанковых средствах. Их могла предоставить Германия, однако она требовала за это подписания обязательства не заключать сепаратный мир с СССР. С этой миссией 22 июня 1944 г. в Хельсинки прибыл министр иностранных дел Германии И. Риббентроп.

Вечером 23 июня, когда Риббентроп еще оставался в Хельсинки, финское правительство через Стокгольм получило от советского руководства записку, в которой выдвигалось требование обратиться к Советскому Союзу с просьбой о мире. В этом случае СССР был готов принять финскую делегацию для переговоров.

Таким образом, руководство Финляндии встало перед дилеммой: либо безусловная сдача СССР, либо подписание соглашения с Германией, которое, по мнению Маннергейма, увеличивало возможности для приемлемого мира без условий[125]. Финны предпочитали последнее, однако брать на себя обязательство не заключать сепаратный мир с СССР они не хотели.

В итоге 26 июня президент Финляндии Ристо Хейкки Рюти единолично подписал письмо, в котором было сказано, что ни он (президент), ни его правительство не будут действовать в целях заключения такого мира, который не одобрила бы Германия.

С 20 по 24 июня 1944 г. советские войска пытались прорвать линию ВКТ. В ходе боев удалось выявить слабое место обороны — вблизи населенного пункта Тали, где местность была пригодна для применения танков. С 25 июня на этом участке советское командование массированно применило бронетехнику, что позволило продвинуться в глубину обороны финнов на 4–6 км. После четырех суток непрерывных боев финское командование отвело линию фронта назад с обоих флангов прорыва и заняло позиции на неукрепленном рубеже. С 1 по 7 июля была предпринята попытка высадки десанта через Выборгский залив во фланг линии ВКТ, в ходе которой были захвачены несколько островов.

9 июля была осуществлена последняя попытка прорыва линии ВКТ — под прикрытием дымовой завесы советские войска форсировали р. Вуоксу и захватили плацдарм на противоположном берегу. Финны организовали контратаки, но не смогли ликвидировать плацдарм, хотя и не дали его расширить. Бои на этом участке продолжались до 20 июля. Попытки форсировать реку на других направлениях были отбиты финнами. С 12 июля 1944 г. Ставка приказала Ленинградскому фронту перейти к обороне на достигнутом рубеже.

В результате Выборгско-Петрозаводской наступательной операции войска Ленинградского и Карельского фронтов во взаимодействии с Балтийским флотом, Ладожской и Онежской военными флотилиями прорвали многополосную, сильно укрепленную оборону противника. Финские войска потерпели крупное поражение. Только на Карельском перешейке в июне 1944 г. они потеряли 44 тыс. человек убитыми и ранеными[126]. Советские войска окончательно очистили от захватчиков Ленинградскую область, изгнали врага со всей территории Карело-Финской республики и освободили ее столицу Петрозаводск. Были возвращены Мурманская железная дорога и Беломорско-Балтийский канал.

1 августа президент Рюти ушел в отставку. 4 августа парламент Финляндии привел Маннергейма к присяге в качестве президента страны. 25 августа финны запросили через посла СССР в Стокгольме, на каких условиях возможен их выход из войны. Советское правительство выдвинуло два согласованных с Великобританией и США условия: 1) немедленный разрыв отношений с Германией; 2) вывод немецких войск в срок до 15 сентября, а при отказе — интернирование. Требование о безоговорочной капитуляции не выдвигалось.

2 сентября Маннергейм направил письмо Гитлеру с официальным предупреждением о выходе Финляндии из войны. 3 сентября финны начали переброску войск на север страны, где были расположены немецкие части и начали эвакуацию населения с севера Финляндии на юг и в Швецию. В ночь на 4 сентября правительство Финляндии сделало заявление по радио, что принимает советские предварительные условия, разрывает отношения с Германией и соглашается на вывод немецких войск из Финляндии к 15 сентября. Одновременно главное командование финской армии объявило, что прекращает военные действия по всему фронту с 8 часов утра 4 сентября 1944 г.

8 сентября в Москву прибыла финская делегация в составе премьер-министра Антти Хакцелля, министра обороны генерала армии Карла Вальдена, начальника генерального штаба генерал-лейтенанта Акселя Хейнрикса и генерал-лейтенанта Оскара Энкеля.

С советской стороны в переговорах участвовали нарком иностранных дел В. М. Молотов, член ГКО маршал К. Е. Ворошилов, член Военного совета Ленинградского фронта генерал-полковник А. А. Жданов, заместители наркома иностранных дел М. М. Литвинов и В. Г. Деканозов, начальник Оперативного управления Генерального штаба генерал-полковник С. М. Штеменко, командир Ленинградской военно-морской базы контр-адмирал А. П. Александров.

Со стороны союзников в переговорах принимали участие представители Великобритании: посол в СССР Арчибальд Керр и советник британского посольства в СССР Джон Бальфур.

В ходе переговоров финская делегация стремилась затянуть обсуждение отдельных статей проекта соглашения о перемирии. В частности, она утверждала, будто репарации Финляндии Советскому Союзу сильно завышены. По поводу этого заявления глава советской делегации В. М. Молотов заметил: «Финляндия причинила Советскому Союзу такой ущерб, что лишь результаты блокады Ленинграда в несколько раз превышают требования, которые Финляндия должна выполнить»[127]. По далеко не полным данным, общая сумма прямого ущерба, нанесенного Финляндией только Карелии во время войны, превышала 20 млрд рублей[128], а 300 млн долларов, требуемых Советским Союзом, составляли менее 2 млрд рублей. Репарационные выплаты не покрывали и десятой доли прямого ущерба, нанесенного народному хозяйству Советской Карелии, не говоря уже о том уроне, который был причинен Финляндией Ленинграду и Ленинградской области.

19 сентября 1944 г. в Москве было подписано «Соглашение о перемирии между СССР, Великобританией, с одной стороны, и Финляндией — с другой», в соответствии с которым:

1) Финляндия обязалась разоружить все немецкие войска, оставшиеся на ее территории после 15 сентября 1944 г., и передать их личный состав советскому командованию в качестве военнопленных;

2) Финляндия должна была интернировать всех немецких и венгерских граждан, находившихся на ее территории;

3) Финляндия предоставляла советскому командованию все свои аэродромы для базирования советской авиации, ведущей операции против немецких войск в Эстонии и на Балтике;

4) Финляндия обязалась за два с половиной месяца перевести свою армию на мирное положение;

5) Восстанавливалось действие положений мирного договора от 12 марта 1940 г.;

6) Финляндия возвращала СССР область Петсамо, ранее дважды (в 1920 и 1940 гг.) уступленную ей Советским Союзом;

7) СССР вместо права на аренду полуострова Ханко получил право аренды полуострова Порккала-Удд для создания там военно-морской базы;

8) Восстанавливался договор об Аландских островах 1940 г.;

9) Финляндия обязалась немедленно возвратить всех союзных военнопленных и других интернированных лиц, а СССР возвращал всех финских военнопленных;

10) Финляндия должна была возместить убытки СССР в размере 300 млн долларов с погашением их в течение шести лет (впоследствии восьми лет) товарами[129];

11) Финляндия восстанавливала все законные права, в том числе имущественные, для граждан и государств Объединенных Наций;

12) Финляндия возвращала Советскому Союзу вывезенные с его территории все ценности и материалы как частных лиц, так и государственных и иных учреждений (от оборудования фабрик до музейных ценностей);

13) Финляндия обязалась передать как военные трофеи все военное имущество Германии и ее сателлитов, находящееся на ее территории, в том числе военные и торговые суда;

14) Над торговым флотом Финляндии устанавливался контроль советского командования для использования его в интересах союзников;

15) Финляндия обязалась представить такие материалы и продукцию, которые потребуют Объединенные Нации для целей, связанных с войной;

16) Финляндия распускала все фашистские, прогерманские военизированные и другие организации и общества.

Контроль над выполнением условий перемирия вплоть до заключения мира должна была осуществлять специально создаваемая Союзная контрольная комиссия под руководством советского главного командования.

В Приложении к соглашению указывалось следующее: 1) все финские военные корабли, торговые суда и самолеты должны возвратиться до конца войны на свои базы и не покидать их без разрешения советского командования; 2) территория и акватория Порккала-Удд должны быть переданы советскому командованию в течение 10 дней со дня подписания

соглашения в аренду сроком на 50 лет, с уплатой 5 млн финских марок ежегодно; 3) финское правительство обязывалось обеспечить все коммуникации между Порккала-Удд и СССР — транспорт и все виды связи.

Премьер-министр Великобритании У. Черчилль, выступая 28 сентября 1944 г. в Палате общин, обратил особое внимание на «сдержанность, характеризующую советские условия»[130]. В эти дни английский еженедельник «Спектейтор» подчеркивал, что СССР не проявил в отношении Финляндии «даже намека на стремление к мщению»[131].

Следует отметить, что немецкие части, находившиеся на севере Финляндии, не пожелали покидать страну, в результате чего финская армия совместно с Красной армией начала против них боевые действия, закончившиеся лишь в апреле 1945 г. (так называемая Лапландская война).

Поражение финских войск на Карельском перешейке и в Южной Карелии существенно изменило стратегическую обстановку на северном участке советско-германского фронта: создались благоприятные условия для освобождения советского Заполярья и северных районов Норвегии.

К сожалению, и в наше время существуют определенные политические круги, которым хочется представить участие Финляндии во Второй мировой войне в качестве одной из стран антифашистской коалиции. В этом случае военные действия против войск нацистской Германии под названием Лапландская война ограничиваются рамками с сентября 1944 г. по апрель 1945 г. Участие же финской армии в совместных сражениях с войсками группы армий «Север» на Карельском фронте против Красной армии преподносится в виде освободительного и справедливого продолжения советско-финляндской войны 1939—1940 гг.

О незначительности боевых действий финских войск против вермахта говорит сравнение масштаба потерь в ходе боевых действий на севере. Финны потеряли с середины сентября 1944 г. по апрель 1945 г. около 1 тыс. человек убитыми и пропавшими без вести, примерно 3 тыс. ранеными. Немецкие войска в ходе Лапландской войны потеряли около 1 тыс. погибшими и более 3 тыс. ранеными и пленными.

Более того, отрицается сам факт, что Финляндия во Второй мировой войне являлась союзницей фашистской Германии. Вместо этого ее пытаются представить в качестве «военной соратницы», что вступает в явное противоречие с преамбулой Парижского мирного договора 1947 г., заключенного с Финляндией «союзными и соединенными державами».

С самого начала Великой Отечественной войны И. В. Сталин дал ясно понять, что считает Норвегию принадлежащей к британской сфере интересов и не возражал, чтобы Англия имела там свои морские базы. Сталин отклонил предложение президента США Рузвельта от 12 января 1942 г. занять Нарвик советскими войсками. «У Советского Союза нет и не было каких-либо территориальных или других претензий к Норвегии», — говорилось в ответе Рузвельту[132]. 16 мая 1944 г. в Лондоне Норвегией были заключены соглашения с союзниками, в том числе и с СССР о гражданской администрации и юрисдикции после ее освобождения[133].

Разгром немецко-фашистских войск на Карельском перешейке и в Южной Карелии, а также поражение группы армий «Север» в Прибалтике оказали решающее влияние на всю обстановку на севере советско-германского фронта. После выхода из войны Финляндии немецкое командование было вынуждено отводить свои войска с финской территории. Лишь в Заполярье немцы продолжали удерживать захваченную ими в 1941 г. часть советской и финской территорий.

В районе Лапландского «гранитного вала», в труднопроходимой горно-лесистой местности со множеством скал, рек, озер и болот за три года была создана сильная оборона, состоявшая из трех полос глубиной до 150 км. На фронте протяженностью около 100 км тянулись надолбы и противотанковые рвы, плотные минные поля и проволочные заграждения. Они перехватывали все горные перевалы, лощины и дороги, а господствовавшие над местностью высоты представляли собой настоящие горные крепости. Наиболее сильно была укреплена главная полоса обороны глубиной 4—5 км от губы Большая Западная Лица до озера Чапр и

высоты 232,7. Вторая полоса обороны была подготовлена по р. Титовка и третья (тыловая) — южнее Петсамо по р. Петсамо-Йоки[134].

Все города и населенные пункты, как правило, были приспособлены к круговой обороне. Наиболее сильные укрепления имели Петсамо, Луостарм, Никель и Киркенес, который противник превратил в мощный узел сопротивления крепостного типа. На морском побережье, особенно на подступах к Линахамари, Петсамо, Киркенесу, при входе в гавани были укреплены острова и мысы, на которых строились опорные пункты.

В октябре 1944 г., к началу наступления советских войск на Крайнем Севере, в полосе шириной около 60 км оборонялся 19-й горнострелковый корпус 20-й горной армии, которой командовал генерал Л. Рендулич. Корпус насчитывал три дивизии и четыре бригады, 53 тыс. солдат и офицеров, более 750 орудий и минометов. На этот корпус немецкое командование возлагало большие надежды. Его действия поддерживали 5-й воздушный флот (до 160 самолетов) и значительные силы военно-морского флота Германии (линкор, 14 эсминцев, более 30 подводных лодок)[135].

Немецкое командование рассчитывало, что советские войска не смогут преодолеть мощные оборонительные сооружения. При необходимости противником не исключалась возможность оказания поддержки 19-му горнострелковому корпусу за счет других соединений и частей 20-й горной армии, сосредоточенных на территории Норвегии после их отхода с кандалакшского и ухтинского направлений. Гитлер требовал от своих войск во что бы то ни стало удержать занимаемые рубежи и сохранить таким образом за собой источники важного стратегического сырья, а также незамерзающие северные морские порты, базируясь на которые крупные силы германского флота вели активные действия на советских внутренних и внешних коммуникациях.

Оборона Кольского Заполярья была одной из самых продолжительных в ходе Великой Отечественной войны, она длилась 1200 дней: с 29 июня 1941 г. по 1 ноября 1944 г. К исходу 1944 г. советская территория была полностью очищена от немецких войск. Один из последних решающих ударов по противнику был нанесен на Кольском Севере[136].

Задачу разгрома немецких войск в Заполярье Ставка ВГК возложила на Карельский фронт генерала К. А. Мерецкова и Северный флот адмирала А. Г. Головко. К непосредственному участию в операции, получившей название Петсамо-Киркенесской, привлекалась 14-я армия под командованием генерала В. И. Щербакова. С воздуха наступление советских войск поддерживали самолеты 7-й воздушной армии генерала И. М. Соколова и военно-воздушных сил Северного флота.

Замысел операции заключался в том, чтобы окружить и уничтожить главные силы 19-го горнострелкового корпуса путем глубокого обхода их с юга и одновременного удара с севера. Затем предусматривалось овладеть г. Петсамо (Печенга) и развивать наступление к советско-норвежской границе.

Командующий фронтом генерал (с 26 октября 1944 г. — Маршал Советского Союза) К. А. Мерецков поставил задачу 14-й армии нанести удар левым флангом из района южнее озера Чапр в общем направлении на Луостари — Петсамо с целью выхода в тыл основной группировки противника. На правом фланге 14-й армии вспомогательный удар наносила специально созданная оперативная группа с задачей сковать немецкие войска на участке от губы Большая Западная Лица до озера Чапр, не допустить их переброску на направление главного удара и в дальнейшем перейти в наступление на Петсамо. На этом же направлении намечалось наступление двух бригад морской пехоты Северного флота.

Чтобы ввести неприятеля в заблуждение, планировалась демонстративная высадка десанта в районе мыса Пикшуев в Мотовском заливе. На период с 8 по 28 октября 1944 г. намечалось активизировать действия советских подводных лодок к северо-западу от острова Вардьё, блокировать с моря порты Петсамо и Киркенес, усилить защиту морских коммуникаций в Баренцевом море.

Для решения поставленной задачи 14-я армия к началу операции была усилена за счет других участков и резерва фронта четырьмя корпусными управлениями, шестью стрелко-

выми дивизиями, тремя стрелковыми бригадами, а также артиллерийскими, танковыми и инженерными частями и подразделениями. К операции привлекались: семь стрелковых дивизий, четыре стрелковые бригады, один укрепленный район, одна танковая бригада, два отдельных танковых полка и два тяжелых самоходно-артиллерийских полка, десять артиллерийских и десять минометных полков, две гвардейские минометные бригады, три гвардейских минометных полка, две инженерные бригады и два понтонных полка. Всего — 97 тыс. человек, 2,1 тыс. орудий и минометов, 123 танка и самоходных орудия, около тысячи самолетов 7-й воздушной армии и военно-воздушных сил Северного флота, а также шесть эскадренных миноносцев, восемь подводных лодок, 20 торпедных катеров, 23 больших и малых охотника, части морской пехоты и береговой артиллерии Северного флота. Командование Карельского фронта сосредоточило в 14-й армии порядка 50% боевого состава сил фронта, их поддерживали значительные силы Северного флота[137].

Красной армии предстояло наступать в сложных условиях. Большое количество озер Заполярья, труднопроходимых болот и каменистых участков местности с нагромождениями валунов серьезным образом ограничивали наступательные возможности советских войск. Передвижение автотранспорта, артиллерии и танков вне дорог практически исключалось. Каменистый грунт затруднял проведение инженерных работ и маскировку наступающих войск. Естественными препятствиями на направлениях наступления советских войск были реки Титовка и Петсамо-Йоки (р. Печенга) с их крутыми берегами.

Метеорологические условия отличались крайне неблагоприятным характером для действий всех родов войск, в частности авиации. Низкая облачность, сильные туманы и осадки в виде дождя и снега в этот период времени года ограничивали продолжительность полетов до 2—3 часов в день. С перебоями работала войсковая связь.

Операция тщательно готовилась. Были продуманы вопросы боевого применения сухопутных войск, авиации и сил флота, организации их взаимодействия и тылового обеспечения.

Утром 7 октября 1944 г. после мощной артиллерийской подготовки войска 14-й армии перешли в наступление. Густая и низкая облачность крайне затрудняла использование авиации и наблюдение за артиллерийским огнем. Немецкие войска оказывали упорное сопротивление, неоднократно переходя в контратаки. В ходе трехдневных боев соединения 14-й армии, поддержанные авиацией 7-й воздушной армии, прорвали оборону противника.

12 октября была осуществлена смелая по замыслу и исполнению высадка десанта в порт Лиинахамари. Бои носили ожесточенный характер и часто переходили в рукопашные схватки. Корабли Северного флота блокировали побережье Баренцева моря и поддерживали действия своих войск огнем с моря.

При прорыве обороны противника и форсировании р. Титовка соединениям и частям Красной армии приходилось действовать в чрезвычайно трудных условиях. Заморозки сменялись оттепелями, войска продвигались по бездорожью, из-за чего часто отставали танки и артиллерия. Несмотря на это, в ходе боев советские войска разгромили части 2-й горнострелковой дивизии немцев. Большие потери были нанесены бригаде «Норвегия». Противник не выдержал натиска войск 14-й армии и начал отходить на запад. Наступление развернулось по всему фронту.

В результате упорных боев войска 14-й армии во взаимодействии с силами Северного флота 15 октября освободили Петсамо и Луостари. Создались благоприятные условия для развития наступления к границам Норвегии.

17 октября 1944 г. заместитель НКИД СССР В. Г. Деканозов принял посла Норвегии Андворда, который внес предложения по советско-норвежскому военному сотрудничеству, вытекающему из соглашения от 16 мая 1944 г. На следующий день Андворда принял В. М. Молотов, проинформировавший норвежского посла о том, что советские войска в ближайшее время войдут на территорию Норвегии.

Норвежское правительство в эмиграции встретило известие о скором советском наступлении с воодушевлением, несмотря на то что в норвежских эмиграционных кругах продолжали говорить о неопределенности военно-политических целей советского правительства в

отношении Норвегии, задавали вопросы: как далеко советские войска продвинутся в глубину норвежской территории и как долго они там останутся после разгрома немецких войск?

Положение противника продолжало ухудшаться. Потерпев поражение в районе Петсамо, части 19-го горнострелкового корпуса и 163-я пехотная дивизия 36-го армейского корпуса под прикрытием сильных арьергардов отступали на запад с целью закрепиться на подготовленных позициях на рубеже Киркенес — Никель и системы больших озер по линии норвежской границы, организовать прочную оборону района Никель и г. Киркенес, приостановить дальнейшее наступление советских войск и тем самым обеспечить эвакуацию своих частей и боевой техники через порты Северной Норвегии.

С учетом того, что основные силы врага были разгромлены, 14-й армии была поставлена задача продолжать наступление одновременно на двух направлениях — Тарнет и Никель. Северному флоту было приказано высадить десант морской пехоты на южном побережье Варангер-фьорда, чтобы обеспечить приморский фланг 14-й армии. Наступление главных сил 14-й армии развернулось в основном вдоль дорог Луостари — Ахмалахти и Луостари — Никель. На флангах главных сил по бездорожью действовали легкие стрелковые корпуса, обеспечивавшие главную группировку с севера и юга.

Неприятель, организуя оборону на выгодных рубежах, стремился задержать продвижение советских войск. Особенно ожесточенные бои приходилось вести за высоты, превращенные в сильные опорные пункты. Части 31-го стрелкового и 127-го легкого стрелкового корпусов, взломав оборону противника на подступах к поселку Никель, 20 октября охватили его с трех направлений, отрезав пути отхода на запад. К 21 октября советские войска вышли к границе с Норвегией и 22 октября овладели поселком Никель. Отступая, немецкие войска почти полностью разрушили его, уничтожив шахтные и галерейные сооружения, заводские здания, складские помещения.

Норвежское население, несмотря на уговоры германского командования, добровольно не эвакуировалось. Тогда была осуществлена насильственная эвакуация жителей. «Немцы смогли таким образом вывезти до половины населения из западной части Финнмарка. В восточном Финнмарке (где им помешало быстрое продвижение Красной Армии) принудительным порядком было вывезено очень небольшое количество людей»[138].

Чтобы овладеть последним на Крайнем Севере узлом обороны противника Киркенесом, советским войскам пришлось приложить много усилий. Важную роль сыграли авиация и артиллерия, особенно при подавлении труднодоступных огневых пунктов. 25 октября 131-й стрелковый корпус во взаимодействии с 99-м стрелковым корпусом при поддержке десанта Северного флота освободили Киркенес, при этом были захвачены немецкие аэродромы, с которых самолеты люфтваффе атаковали союзные конвои на их пути в Мурманск[139].

В послании норвежского руководства советскому правительству от 29 октября 1944 г. говорилось: «По случаю начавшегося освобождения Норвегии норвежское правительство посылает самые теплые приветствия правительству и народу Советского Союза. Свыше четырех лет норвежский народ подвергался ограблению и угнетению со стороны германских агрессоров. Норвежский народ с энтузиазмом отмечал героические и победоносные сражения советских армий, руководимых маршалом Сталиным. В течение войны норвежское правительство неоднократно убеждалось в дружбе и симпатиях советского правительства к Норвегии. Население северных районов Норвегии будет приветствовать армии нашего советского союзника как освободителей. Норвежские вооруженные силы примут участие в боях и приложат максимальные усилия в общей борьбе против германских угнетателей. Освобождение северной части Норвегии будет приветствоваться с радостью и энтузиазмом всем норвежским народом, и оно приведет к дальнейшему укреплению дружбы между нашими народами»[140].

Изгнанием немецких войск из Киркенеса и выходом на рубеж Нейден — Наутси 14-я армия и Северный флот выполнили свои задачи в Петсамо-Киркенесской операции. 9 ноября Ставка ВГК приказала войскам армии перейти к обороне. В ходе девятнадцатидневных боев советские войска продвинулись на запад до 150 км, освободили район Петсамо и северные

районы Норвегии. Потеря Петсамо и Киркенеса резко ограничила действия флота противника на советских северных коммуникациях и лишила Германию возможности получать никелевую руду.

Вступление войск Карельского фронта на территорию Норвегии открыло благоприятные возможности для активизации деятельности норвежского Сопротивления, поскольку подавляющее большинство норвежцев выступали против оккупации. Немало советских военнопленных (всего их в Норвегии находилось около 100 тыс., из коих погибли более 10 тыс.) выжили благодаря помощи норвежцев, укрывавших беглецов из концлагерей, а также тайно передававших им еду, медикаменты, одежду и многое другое.

Советское командование хорошо понимало значение той борьбы, которую норвежские патриоты не прекращали в трудные годы немецкой оккупации. Несколько норвежских отрядов и групп готовилось советским командованием для партизанских действий в немецком тылу в Северной Норвегии. Они выполняли задачи в восточном Финнмарке по ведению разведки за передвижением немецких судов и кораблей в Киркенесе, переброской войск и строительством укреплений вдоль морского побережья[141].

В ряде случаев население оказывало прямую помощь советским частям во время боевых действий. В Яр-фьорде и Эльвенесе норвежцы предоставили нашим войскам имевшиеся у них плавсредства. При переходе амфибий через р. Патсо-Йоки норвежцы спасли одну из советских машин, подбитую противником. Норвежские сестры и врачи на освобожденной территории в период боев помогали раненым советским воинам[142].

При отступлении немецкие войска разрушали норвежские города и села, взрывали административные здания и жилые дома, причиняли местному населению тяжелые страдания. Всего же во время оккупации Норвегии немецкие власти изъяли до 40% валового национального продукта страны. В страну пришла разруха. В Финнмарке в ходе отступления под натиском советских войск оккупанты проводили политику выжженной земли. Были уничтожены все продовольственные запасы, имевшиеся в Северной Норвегии. По просьбе норвежских властей советское командование выделило из армейских фондов продовольствие, а также предоставило целиком в распоряжение норвежских властей уцелевшие трофейные склады в Варде, Вадсе и западном Финнмарке[143].

Наиболее трудное положение создалось в отношении жилья. Немцы почти повсеместно сожгли дома местных жителей. В Киркенесе из 220 жилых домов осталось всего 30. Советское командование ввиду этого приняло решение не занимать ни одного дома или строения, принадлежащего норвежскому населению.

Значительная помощь была оказана в восстановлении разрушенной инфраструктуры, что подтверждается следующими фактами: «Силами Красной Армии произведено разминирование норвежских общественных зданий, причалов и предприятий (всего извлечено до 15 000 мин), восстановлено 200 км магистральной дороги; по просьбе норвежских властей строится для нужд гражданского населения мост длиной более 200 м через реку Патсо-Йоки (взамен взорванного противником). Ликвидированы возгорания больших складов угля, которые норвежцы не могли приостановить собственными силами (на это потрачено 3,5 тыс. человеко-дней красноармейцев). Для разрешения транспортных затруднений норвежским властям предоставлено было советским командованием 6 автомашин и 8 тонн бензина. Часть работ производится совместно советским командованием и норвежскими властями. Так, сообща проведены работы по восстановлению причалов в Киркенесе, Тарнете, Якобснесе, Вадсе, Варде, Боте-фьорде»[144].

8 ноября 1944 г. «Соглашение о гражданской администрации и юрисдикции на норвежской территории после ее освобождения союзными экспедиционными силами» между правительствами СССР и Норвегии вступило в практическую фазу. В этот день в Киркенес из Шотландии (через Мурманск) прибыли норвежская военная миссия при советском командовании, отряд норвежских войск, военная и гражданская администрация в Финнмарке. Подразделения норвежских войск (около 3 тыс. человек) были зачислены в 14-ю армию на все виды довольствия.

30 июня 1945 г. во время празднования Дня союзников в Осло король Норвегии Хокон VII говорил: «Норвежский народ с энтузиазмом следил за героизмом, храбростью и мощными ударами, которые наносила немцам Красная Армия... Война была выиграна Красной Армией на восточном фронте. Именно эта победа привела к освобождению Красной Армией норвежской территории на севере... Норвежский народ принял Красную Армию как освободительницу»[145].

Проводы частей 14-й армии на родину в СССР в конце сентября 1945 г. проходили в Норвегии торжественно. «Русские, — отмечала в то время столичная газета «Афтенпостен», — пришли к нам первыми и первыми покидают нас»[146]. Она же писала: «Пусть русские, покидая нас, знают, что их провожает дружественный им народ, который никогда не забудет то, что они сделали для нас, а также для общего дела победы над врагом»[147].

Петсамо-Киркенесская наступательная операция являлась операцией стратегического значения, организованной и проведенной на стыке границ трех государств — СССР, Норвегии и Финляндии. С точки зрения военного искусства она заслуживает самой высокой оценки, прежде всего в организации тесного оперативно-тактического взаимодействия сухопутных войск с силами флота. В ходе операции большое мужество проявил командный и рядовой состав Красной армии, действовавший в исключительно трудных условиях Заполярья.

Войска 14-й армии во взаимодействии с соединениями и кораблями Северного флота с 7 октября по 1 ноября 1944 г. разгромили 53-тысячную группировку противника, продвинулись с боями на запад и юго-запад на 150–200 км, освободили на территории Советского Союза, Норвегии и Финляндии около 140 населенных пунктов.

В ходе наступления Красная армия прорвала сильно укрепленную, глубоко эшелонированную оборону противника, форсировала многочисленные реки, озера и фьорды. Немцы потеряли около 30 тыс. человек, было потоплено 156 разных кораблей, уничтожено 25 самолетов. За отличие в боях 51 соединение и часть получили почетные наименования Печенгских и Киркенесских, 70 соединений и частей были награждены орденами[148]. Впервые в военной истории Красная армия продемонстрировала массовое применение всех родов войск и видов вооруженных сил в труднодоступном арктическом районе. Всего же за время боевых действий в Заполярье Германия потеряла около 100 тыс. своих солдат и офицеров. На море было потоплено более 800 боевых кораблей разных типов и транспортных судов, в воздухе сбито более 2 тыс. самолетов.

Потери советских войск составили убитыми и ранеными 15,7 тыс. человек, в том числе на территории Норвегии — 2122 человека[149].

В результате побед Красной армии над силами вермахта и Финляндии удалось уничтожить северное крыло стратегического фронта Германии. Был положен конец эксплуатации нацистской Германией людских, сырьевых и других ресурсов Скандинавских стран в интересах Третьего рейха. Это существенным образом осложнило положение Германии, ослабило ее военно-экономический потенциал и сыграло важную роль в создании условий для проведения наступательных операций советских вооруженных сил на берлинском направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Военно-исторический очерк. В 4-х т. М., 1958. Т. IV. С. 29.

[2] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2010. С. 449.

[3] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1999. Кн. 3. С. 235; Штурм Кёнигсберга. 4-е изд., доп. Калининград, 1985. С. 110.

[4] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 10. М., 1977. С. 92.

[5] Там же. С. 90.

[6] Цит. по: История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 10. С. 91.

[7] Сборник материалов по изучению опыта войны № 24. М., 1947. С. 20.

[8] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 10. С. 92.

[9] Там же.

[10] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны 1939—1945 гг. / Пер. с нем. М., 2003. С. 685.

[11] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 103. Л. 281—282.

[12] *Белобородов А. П.* Некоторые характерные черты Восточно-Прусской операции // Военно-исторический журнал. 1984. № 12. С. 4.

[13] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 10. С. 95.

[14] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Военно-исторический очерк. Т. IV. С. 50.

[15] Там же. С. 57.

[16] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 819. Л. 69.

[17] Там же. Л. 89.

[18] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3411. Д. 110. Л. 48.

[19] Там же. Ф. 319. Оп. 4798. Д. 476. Л. 20.

[20] Освобождение городов. Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1985. С. 378.

[21] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 10. С. 104.

[22] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 213. Л. 12; Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 193.

[23] *Guderian H.* Erinnerungen eines Soldaten. Zweite Auflage. Heidelberg, 1951. S. 382.

[24] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 10. С. 106.

[25] Советские танковые войска. 1941—1945. Военно-исторический очерк. М., 1973. С. 260.

[26] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 10. С. 107.

[27] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 956. Д. 19. Л. 36.

[28] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 10. С. 108.

[29] ЦАМО. Ф. 13. Оп. 419. Д. 25. Л. 257.

[30] История Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. ??? Т. 5. С. 123.

[31] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 213. Л. 25.

[32] Там же. Ф. 48. Оп. 4. Д. 93. Л. 20—21.

[33] Там же. Л. 19.

[34] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 10. С. 111.

[35] Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии. Вып. 5. М., 1957. С. 32–33.

[36] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 39. Л. 29.

[37] Там же. Л. 21–24.

[38] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. Т. IV. С. 76.

[39] Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1968. С. 359.

[40] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 821. Л. 297–298.

[41] Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 360.

[42] Сборник материалов по изучению опыта войны. № 24. М., 1947. С. 167.

[43] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. Т. IV. С. 80.

[44] *Галицкий К. Н.* В боях за Восточную Пруссию. Записки командующего 11-й гвардейской армией. М., 1970. С. 339.

[45] Там же.

[46] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 988. Л. 207–214; История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 117.

[47] ЦАМО. Ф. 13. Оп. 419. Д. 19. Л. 224–228, 231.

[48] Военная энциклопедия. Т. 4. М., 1999. С. 9.

[49] *Lasch O.* So fiel Königsberg. München, 1959. S. 82.

[50] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2630. Д. 43. Л. 433–434.

[51] Там же. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 942. Л. 118, 123.

[52] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. Т. IV. С. 82.

[53] Там же. С. 83.

[54] *Баграмян И. Х.* Так шли мы к победе. М., 1977. С. 546–547.

[55] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 119.

[56] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 248.

[57] Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. М., 2010. Т. 9. С. 398.

[58] Там же. С. 401–402.

[59] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 120.

[60] Там же.

[61] *Lasch O.* So fiel Königsberg. S. 106.

[62] Штурм Кёнигсберга. С. 119.

[63] ЦАМО. Ф. 290. Оп. 3284. Д. 1124. Л. 135.

[64] Там же. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 854. Л. 112–113; Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 9. С. 408.

[65] Штурм Кёнигсберга. С. 109, 119–120.

[66] Сборник материалов по изучению опыта войны. № 24. С. 180.

[67] Там же. С. 181.

[68] ЦАМО. Ф. 13. Оп. 419. Д. 19. Л. 245–248, 250.

[69] Там же. Ф. 48. Оп. 4. Д. 29. Л. 384.

[70] *Галицкий К. Н.* В боях за Восточную Пруссию. Записки командующего 11-й гвардейской армией. С. 446.

[71] Там же. С. 457.

[72] Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии. Вып. 5. С. 34–37.

[73] Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 287.

[74] *Завьялов А. С., Калядин Т. Е.* Восточно-Померанская наступательная операция советских войск. Февраль — март 1945 г. М., 1960. С. 23.

[75] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 39. Л. 25.

[76] Там же. Ф. 16. Оп. 9546. Д. 20. Л. 7; Ф. 148. Оп. 3763. Д. 213. Л. 25.

[77] Там же. Ф. 48. Оп. 4. Д. 152. Л. 396.

[78] Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии. Вып. 5. С. 34–35.

[79] Военная энциклопедия. Т. 2. С. 287.

[80] *Завьялов А. С., Калядин Т. Е.* Восточно-Померанская наступательная операция советских войск. Февраль — март 1945 г. С. 32.

[81] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 956. Д. 20. Л. 9.

[82] Там же. Ф. 237. Оп. 2394. Д. 1526. Л. 33–35; Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 790.

[83] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 213. Л. 32.

[84] 10 февраля 2-й Белорусский фронт передал в состав 3-го Белорусского фронта 50, 3, 48-ю общевойсковые и 5-ю гвардейскую танковые армии на занимаемом рубеже. С передачей этих армий обязанность ликвидации окруженной восточно-прусской группировки отпала, и командование фронта смогло все внимание уделить операции в Померании (См.: ЦАМО. Ф. 16. Оп. 956. Д. 20. Л. 15).

[85] Там же. Ф. 16. Оп. 956. Д. 20. Л. 16.

[86] Там же.

[87] Этот город представлял собой важный опорный пункт в обороне противника и имел не только тактическое, но и оперативное значение. К Хойнице сходятся восемь шоссейных и шесть железных дорог. Войскам, участвовавшим в боях за освобождение городов Хойнице и Тухоля, приказом Верховного главнокомандующего от 15 февраля 1945 г. была объявлена благодарность, и в Москве дан артиллерийский салют.

[88] Цит. по: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 250.

[89] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 956. Д. 20. Л. 24.

[90] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 142.

[91] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 213. Л. 30.

[92] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 142.

[93] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 791.

[94] Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 9. С. 247.

[95] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 956. Д. 20. Л. 27.

[96] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 145.

[97] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3411. Д. 111. Л. 441.

[98] Братство по оружию. Braterstwo broni. М., 1975. С. 265–266.

[99] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 956. Д. 21. Л. 5–6.

[100] Там же. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 39. Л. 44–45.

[101] Там же. Ф. 13. Оп. 419. Д. 39. Л. 385–386.

[102] Там же. Ф. 16. Оп. 956. Д. 21. Л. 13–14.

[103] Там же. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 426. Л. 13–14.

[104] Там же. Ф. 16. Оп. 956. Д. 21. Л. 15.

[105] Там же. Л. 18.

[106] Там же. Л. 19.

[107] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 147.

[108] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 956. Д. 21. Л. 25.

[109] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 5. С. 146.

[110] *Churchill W.* The Second World War. Vol. VI. Triumph and Tragedy. N. Y., 1974. P. 404.

[111] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 956. Д. 21. Л. 31.

[112] Части, блокированные на косе Хель и в дельте р. Висла, продолжали сопротивление вплоть до 9 мая 1945 г.

[113] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 956. Д. 20. Л. 25; Д. 21. Л. 33.

[114] *Завьялов А. С., Калядин Т. Е.* Восточно-Померанская наступательная операция советских войск. Февраль — март 1945 г. С. 218.

[115] ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2394. Д. 1622. Л. 69–70.
[116] Россия и СССР в войнах XX века: Книга потерь. М., 2010. С. 342.
[117] *Guderian H.* Erinnerungen eines Soldaten. Zweite Auflage. Heidelberg, 1951. S. 406.
[118] Штурм Кёнигсберга. С. 143–144.
[119] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. Т. IV. С. 89.
[120] Россия и СССР в войнах XX века: Книга потерь. С. 340.
[121] Штурм Кёнигсберга. 4-е изд., доп. С. 441.
[122] *Решетников В. В.* Голованов. Лавры и тернии. М., 1998. С. 27.
[123] Сообщение Информационное бюро Народного комиссариата иностранных дел СССР 1 марта 1944 г.
[124] *Решетников В. В.* Голованов. Лавры и тернии. С. 27, 32.
[125] *Маннергейм К. Г.* Мемуары. М., 1999. С. 464.
[126] *Lundin L.* Finland in the Second World War. Bloomington, 1957. P. 221.
[127] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 60. Д. 719. Л. 56.
[128] *Морозов К. А.* Карелия в годы ВОВ (1941–1945). Петрозаводск, 1983. С. 198.
[129] *Маннергейм К. Г.* Мемуары. С. 484–487.
[130] The Times. 1944. September 22.
[131] Spectator. 1944. September 22.
[132] Советско-норвежские отношения 1917–1955. Сборник документов. М., 1997. Документ № 243. С. 318.
[133] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. М., 1946. Т. 2. С. 135.
[134] *Gebhardt James F.* The Petsamo-Kirkenes Operation: Soviet Breakthrough and Pursuit in the Arctic, October 1944. U. S. Army Command and General Staff College. 1989. P. 9.
[135] *Колтунов Г. А.* Карельский фронт в Великой Отечественной войне. М., 1989. С. 38.
[136] Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении дополнения в статью 1 Федерального закона «О днях воинской славы (победных днях) России». Постановление Смоленской областной думы от 27.05.2004 № 198.
[137] Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1984. С. 252–253.
[138] Освободительная миссия Советских вооруженных сил в Европе во Второй мировой войне. М., 1974. С. 460.
[139] The Canberra Times. 1944. October 28.
[140] Освободительная миссия Советских вооруженных сил во Второй мировой войне. С. 454.
[141] *Фьерттофт Х.* Малая Москва (Забытая война). Осло, 1989. С. 5.
[142] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 1510. Д. 519. Л. 271–276.
[143] Освободительная миссия Советских вооруженных сил в Европе во Второй мировой войне. С. 462.
[144] Там же. С. 464.
[145] Известия. 1945. 5 июля.
[146] *Щербаков В. И.* Заполярье — судьба моя. Мурманск, 1994. С. 198.
[147] Там же. С. 466.
[148] Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении дополнения в статью 1 Федерального закона «О днях воинской славы (победных днях) России». Постановление Смоленской областной думы от 27.05.2004 № 198.
[149] Известия. 1945. 5 июля.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОЛЬШИ И СИЛЕЗИИ

Обстановка на центральном участке советско-германского фронта. Планы и подготовка сторон

Выход войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов к Висле и захват на ее левом берегу плацдармов в районах Магнушева, Пулавы и Сандомира открывали хорошие перспективы для развития наступления советских войск на центральном, варшавско-берлинском направлении с целью завершения освобождения Польши и продвижения по кратчайшему пути к Берлину.

Противник понимал, что в случае успешного развития наступления советских войск на этом направлении крупные промышленные районы Польши, имевшие для Германии важное военное значение, могли оказаться в руках Красной армии, а советские войска получали хорошую возможность вторгнуться в центральные районы Германии.

В полосе Сероцк (устье р. Западный Буг) — Ясло оборонялись 9-я, 4-я танковая и 17-я армии группы армий «А» (с 26 января — «Центр») под командованием генерал-полковника Й. Гарпе (с 17 января — генерал-полковника Ф. Шёрнера). К 10 января в трех армиях и резерве группы армий «А» имелось 30 дивизий и две бригады, до 50 отдельных батальонов, находившихся в городах Польши. Всего группа армий насчитывала до 560 тыс. солдат и офицеров, около 5 тыс. орудий и минометов, 1220 танков и штурмовых орудий. Ее действия поддерживали 630 боевых самолетов 6-го воздушного флота[1].

Немецкое командование в целях удержания территории Польши придавало большое значение строительству глубоко эшелонированной (на глубину 300—500 км) системы оборонительных рубежей, оборудовавшихся с использованием рек и городов в качестве мощных узлов сопротивления и опорных пунктов. К началу января было подготовлено семь оборонительных рубежей, самыми мощными из которых являлись первый — Вислинский и шестой — укрепленные районы вдоль германо-польской границы 1939 г.

Вислинский рубеж состоял из трех-четырех полос общей глубиной 30—70 км и имел густую сеть траншей, ходов сообщения, противотанковых рвов, проволочных и минных заграждений, блиндажей и огневых позиций. К началу 1945 г. на нем наиболее сильно была укреплена главная полоса обороны, проходившая по левому берегу Вислы, и особенно ее участки перед советскими плацдармами.

Вторая полоса обороны глубиной в 3—5 км находилась в 12—15 км от переднего края главной полосы и состояла из двух-трех линий сплошных траншей и опорных пунктов. На танкодоступных направлениях имелись противотанковые рвы.

Последующие полосы обороны состояли из одной-двух линий траншей и отдельных опорных пунктов, глубина их не превышала 2–3 км. Наиболее подготовленными были тыловая армейская полоса обороны, проходившая по рубежу Сохачев — Скерневице — Нове-Място — Томашув — Пшедбуж — Мехув — Бохня, и оборонительная полоса, включавшая Померанский и Мезеритцкий укрепленные районы и проходившая по линии Шнайдемюль и далее по рекам Нетце, Обра и Одер.

Противник стремился удержать оборонительный рубеж по Висле и предотвратить выход советских войск к границам Германии на центральном направлении. Основные его силы располагались именно в Висленском укрепленном районе, преимущественно против плацдармов, занятых советскими войсками. Вместе с тем начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Г. Гудериан понимал, что восточный фронт с его неглубоким расположением и слабыми резервами развалится как карточный домик после первого же успешного прорыва войск Красной армии[2].

В свою очередь, для наступающей советской стороны в этих условиях было важно обеспечить высокие темпы прорыва тактической обороны и развития наступления в оперативной глубине. Замысел Ставки ВГК относительно завершающих операций на западном стратегическом направлении окончательно сложился в ноябре 1944 г. Главный удар предполагалось нанести на берлинском направлении, что предопределялось как политическими, так и стратегическими соображениями. Это был кратчайший путь к Берлину, захват которого советскими войсками имел огромное политическое значение. Уничтожение группировки войск на этом направлении, по существу, приводило к завершению разгрома вооруженных сил Германии. Кроме того, хорошо развитая сеть путей сообщения позволяла развернуть и использовать крупные массы войск и боевой техники, осуществлять широкий маневр силами и средствами как по фронту, так и в глубину. Принималось во внимание и наличие плацдармов на Висле.

Вместе с тем ведение наступления одновременно по всему фронту предполагало необходимость тесного взаимодействия между стратегическими группировками советских войск, действовавшими на восточно-прусском, берлинском и венском направлениях.

Цель Висло-Одерской операции заключалась в том, чтобы разгромить главные силы группы армий «А», завершить освобождение от немецко-фашистских захватчиков Польши и создать выгодные условия для нанесения удара по столице фашистской Германии — Берлину. Для достижения этой цели намечалось нанести мощные глубокие удары на познанском и бреславльском направлениях, рассечь группировку противника и уничтожить ее по частям. Наступление Красной армии было связано с событиями на западном фронте, где союзники в результате контрнаступления немцев в Арденнах и Вогезах оказались в тяжелом положении.

Директивы советским фронтам на подготовку операций были разосланы в конце ноября 1944 г. Начало наступления планировалось на 15–20 января 1945 г. Предусматривалось одновременными ударами войск 1-го Белорусского фронта на Познань и 1-го Украинского — на Бреслау (Вроцлав) взломать оборону противника на всю глубину, рассечь его группировку и уничтожить по частям[3]. При этом наиболее детально был разработан план первого этапа операций до рубежа Быдгощ — Познань — Бреслау (Вроцлав). В последующем задачи фронтам предполагалось ставить в зависимости от достижения целей первого этапа и сложившейся обстановки.

С учетом важности стоящих перед 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами задач Ставка Верховного главнокомандования значительно усилила их людьми и боевой техникой. В октябре — декабре из резерва Ставки в их состав были переданы восемь общевойсковых и три танковые армии, пять авиационных корпусов, два артиллерийских корпуса прорыва и большое количество отдельных артиллерийских, авиационных, танковых, самоходных артиллерийских частей и соединений. Они получили 40% орудий и минометов и 56% танков и САУ от общего количества направленных в действующую армию[4].

Проведенные мероприятия позволили более чем вдвое увеличить состав советских войск на Висле и добиться необходимого превосходства над противником. Ставка ВГК сосредоточила на варшавско-берлинском направлении в 480-километровой полосе, которая составляла

22% общей протяженности советско-германского фронта, от 30 до 50% всех сил и средств. На направлении главного удара располагалась наиболее мощная группировка подвижных войск (пять танковых армий из шести, 10 отдельных танковых и механизированных корпусов из 19). Такое количество подвижных войск в значительной степени определило высокую маневренность войск и динамичность операций.

1-й Белорусский фронт (командующий Маршал Советского Союза Г. К. Жуков) имел восемь общевойсковых армий (47-я, 1-я армия Войска Польского, 61-я, 5-я ударная, 8-я гвардейская, 69, 33, 3-я ударная), две танковые (1-я и 2-я гвардейские) и одну (16-я) воздушную армии, два танковых (9-й и 11-й) и два (2-й и 7-й гвардейский) кавалерийских корпуса. В оперативном подчинении находилась Днепровская военная флотилия. Всего в составе фронта насчитывалось 1 119 800 человек, более 14 тыс. орудий и минометов, более 3 тыс. танков и САУ, 2190 самолетов[5].

Во исполнение директивы Ставки ВГК командование 1-го Белорусского фронта разработало план Варшавско-Лодзинской наступательной операции, который представило Верховному главнокомандующему 25 декабря 1944 г.[6] Ближайшей задачей войск фронта ставилось разгромить варшавскую и радомскую группировки противника и не позже 12-го дня наступления главными силами общевойсковых армий выйти на фронт Петрувек — Жихлин — Лодзь (глубина 150–180 км), а в дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Познань[7].

Противник, по данным советской разведки, в полосе наступления фронта на первой линии обороны имел 10 дивизий (включая танковую), охранный полк и 11 отдельных батальонов, усиленных артиллерией. Во второй полосе насчитывалось четыре танковые дивизии, отдельный пехотный полк и девять отдельных батальонов. В резерве располагалось свыше семи дивизий. Наиболее плотная группировка и развитая система обороны противника была против плацдармов советских войск на западном берегу Вислы[8].

Командующий 1-м Белорусским фронтом решил прорвать вражескую оборону на трех направлениях. Главный удар намечалось нанести с магнушевского плацдарма в направлении Кутно — Познань, что давало «возможность быстрейшего маневра в тыл варшавской группировки, с ликвидацией которой фронт получал кратчайшие коммуникации и свободу маневра всего правого фланга, а также возможность развивать удар, прикрываясь р. Висла»[9]. Кроме того, это было кратчайшее направление для выхода на линию Быдгощ — Познань, откуда не исключался маневр сил фронта в северном направлении для взаимодействия с войсками 2-го Белорусского фронта. К тому же местность на этом направлении была наиболее благоприятна для действий крупных механизированных соединений.

Группировка войск на главном направлении в составе 61-й (генерал П. А. Белов), 5-й ударной (генерал Н. Э. Берзарин) и 8-й гвардейской (генерал В. И. Чуйков) армий должна была, наступая в полосе 45 км, прорвать оборону на участках в 4, 6 и 7 км соответственно, обеспечить ввод в сражение танковых армий и к 12-му дню наступления выйти на рубеж Люшин (30 км северо-восточнее Кутно) — Жихлин — Валишев — Орлув — Пионтек — Боровец — Астаховице — Згеж. Ввод в сражение 1-й гвардейской танковой армии генерала М. Е. Катукова планировалось осуществить на второй, а 2-й гвардейской танковой армии генерала С. И. Богданова и 2-го гвардейского кавалерийского корпуса — на третий день операции. Обеспечение ввода танковых армий возлагалось на 8-ю гвардейскую, 5-ю ударную и 16-ю воздушную (генерал С. И. Руденко) армии. Для дальнейшего наращивания усилий главной группировки фронта предназначалась 3-я ударная армия генерала Н. П. Симоняки, находившаяся во втором эшелоне фронта.

Второй удар намечалось нанести с пулавского плацдарма в направлении Радом — Лодзь. «По характеру и силе подобный первому», он наносился по замыслу командующего одновременно с первым, чтобы противник в первый и второй день операции, то есть до ввода танковых армий, не мог определить, где наносится главный удар[10]. Оборону противника на участке в 13 км прорывали 69-я армия генерала В. А. Колпакчи и 33-я армия генерала В. Д. Цветаева, усиленные соответственно 11-м и 9-м танковыми корпусами. Удар севернее

Варшавы наносился в интересах двух фронтов и был призван ликвидировать плацдарм врага на восточном берегу Вислы, а также сковать его варшавскую группировку. Уничтожение варшавской группировки неприятеля возлагалось на три общевойсковые и одну танковую армии. 47-я армия получила задачу перейти в наступление на второй день операции, прорвать оборону противника на 4-километровом участке севернее Варшавы, ликвидировать его плацдарм в междуречье Вислы и Западного Буга, форсировать Вислу юго-восточнее Модлина и развивать наступление на Лешно, в обход столицы Польши с северо-запада.

Войска 61-й армии, наступавшие с магнушевского плацдарма в направлении Блоне, и 2-й гвардейской танковой армии, которые действовали на Сохачев, обходили Варшаву с юго-запада и запада. Задача непосредственного освобождения Варшавы по просьбе временного правительства Польши была возложена на 1-ю армию Войска Польского, переходившую в наступление главными силами на четвертый день операции[11].

По решению Ставки Верховного главнокомандования в разгроме варшавской группировки противника 1-му Белорусскому фронту оказывал содействие 2-й Белорусский, которому ставилась задача частью сил левого крыла нанести удар в обход Модлина с запада и быть в готовности форсировать Вислу.

Ответственные задачи возлагались на авиацию. Она должна была помочь войскам прорвать оборону, наносить удары по резервам противника, обеспечить ввод подвижных войск[12].

В 1-м Украинском фронте (командующий Маршал Советского Союза И. С. Конев) было восемь общевойсковых армий: 5-я гвардейская — генерала А. С. Жадова, 21-я — генерала Д. Н. Гусева, 52-я — генерала К. А. Коротеева, 60-я — генерала П. А. Курочкина, 13-я — генерала Н. П. Пухова, 59-я — генерала И. Т. Коровникова, 3-я гвардейская — генерала В. Н. Гордова, 6-я — генерала В. А. Глуздовского; две танковые армии: 3-я гвардейская — генерала П. С. Рыбалко и 4-я — генерала Д. Д. Лелюшенко; 2-я воздушная армия генерала С. А. Красовского, а также 4-й гвардейский, 31-й и 25-й отдельные танковые и 7-й гвардейский механизированный корпуса, 1-й гвардейский кавалерийский корпус, два артиллерийских корпуса прорыва (шесть артиллерийских дивизий прорыва) и целый ряд других соединений. Во фронте насчитывалось 1 083 800 человек, 3244 танка и САУ, более 13 тыс. орудий и минометов, 2582 самолета[13]. Войска фронта занимали рубеж вдоль правого берега Вислы и на сандомирском плацдарме.

В полосе наступления фронта оборонялись войска немецких 4-й танковой и 17-й армий группы армий «А», насчитывавших 17 дивизий, 257 тыс. человек, 540 танков и штурмовых орудий, более 2700 орудий и минометов, часть сил 6-го воздушного флота — около 300 самолетов[14].

Плацдарм советских войск в районе Сандомира противник называл «черным ходом в Фатерланд» и «пистолетом, направленным в спину Германии», поэтому возводил здесь мощную оборону. Фронт имел задачу разгромить во взаимодействии с 1-м Белорусским кельце-радомскую группировку неприятеля и не позднее 10—11-го дня наступления овладеть рубежом Пиотркув — Радомско — Ченстохова — Мехув — Бохня (глубина 120—150 км), а в дальнейшем развивать наступление на Бреслау[15]. Частью сил фронт должен был нанести удар в направлении Скаржиско-Каменна — Шидловец, во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом уничтожить группировку противника в районе Радома и тем самым обеспечить с севера войска ударной группировки фронта. Для обеспечения ударной группировки фронта с юга приказывалось две общевойсковые армии и один танковый корпус ввести в прорыв севернее р. Висла и нанести удар на Краков.

Командующий 1-м Украинским фронтом решил нанести мощный удар с сандомирского плацдарма в направлении Хмельник — Радомско, а в дальнейшем на Бреслау. Прорыв обороны врага предусматривалось осуществить на одном участке шириной 39 км войсками 13, 52, 5-й гвардейской армий, а также частью сил 3-й гвардейской и 60-й армий[16]. 3-я гвардейская армия усиливалась 25-м, а 5-я гвардейская армия — 4-м гвардейским и 31-м танковыми корпусами. Для развития наступления ударной группировки планировалось в первый же день операции ввести в сражение 4-ю и 3-ю гвардейскую танковые армии с задачей к исходу третьего дня операции выйти на р. Пилица.

Обеспечение правого крыла ударной группировки фронта возлагалось на 3-ю гвардейскую и 6-ю армии. 3-я гвардейская армия получила задачу прорвать оборону на участке 2 км и наступать в направлении на Шидловец, обходя с запада островецко-опатувскую группировку противника. 6-я армия на первом этапе операции должна была обороняться на правом крыле фронта в полосе шириной 94 км. В дальнейшем предусматривалось ее участие совместно с 3-й гвардейской армией в преследовании и уничтожении островецко-опатувской группировки.

Для обеспечения главной ударной группировки фронта с юга предназначалась 60-я армия, которая, действуя в первом эшелоне фронта, имела задачу большей частью сил прорвать оборону противника на участке шириной 3 км и наступать на Краков вдоль левого берега Вислы, а остальными силами оборонять полосу шириной 80 км южнее Вислы. 59-ю армию, входившую во второй эшелон фронта, намечалось ввести в сражение с рубежа р. Нида на второй день операции. Во взаимодействии с 60-й армией и войсками 4-го Украинского фронта она должна была освободить Краков. Во втором эшелоне находилась и 21-я армия, предназначавшаяся для развития наступления в направлении Бреслау. В резерве оставались 1-й гвардейский кавалерийский и 7-й гвардейский механизированный корпуса[17].

Обеспечение действий советских войск на направлении главного удара с юга намечалось осуществить наступлением войск 4-го Украинского фронта на моравска-остравском направлении. Фронту была поставлена задача правым крылом во взаимодействии с 1-м Украинским фронтом овладеть Краковом, а центром и левым крылом нанести удары на Новы-Тарг и Попрад[18].

Чтобы решить задачу быстрого прорыва обороны противника и достижения высоких темпов наступления, были тщательно продуманы вопросы огневого поражения противника и оперативного построения своих войск. И. С. Конев вспоминал: «Мы стремились так спланировать артиллерийское наступление, чтобы всей мощью огня сплошь подавить всю тактическую зону обороны противника и его ближайшие оперативные резервы практически на глубину восемнадцать — двадцать километров»[19].

«У меня не было полной гарантии, что нам удастся оперативно-тактическая внезапность... — признавал Г. К. Жуков. — Было решено не рисковать полной артподготовкой... генеральную атаку сразу не вести... Противник мог в ночь перед атакой отвести свои войска»[20]. Поэтому было решено начать операцию с атаки передовыми батальонами, которую предстояло обеспечить соответствующей силой артподготовки. В случае отвода войск противника планировалась артподготовка в полном объеме. При этом артиллерия, чтобы подавить оборону врага на всю глубину и не осуществлять перемещение, была приближена к переднему краю на 700—1000 м от него.

Исходя из этих соображений, в 1-м Белорусском фронте предусматривались 25-минутный огневой налет перед атакой передовых батальонов, а затем поддержка их одинарным огневым валом. Вслед за этим в наступление должны были перейти главные силы дивизий, а если передовые батальоны не достигнут намеченной цели, предполагалась 70-минутная артподготовка. В 1-м Украинском фронте она планировалась продолжительностью 107 минут, за 45 минут до ее окончания намечались действия взводов демонстрации атаки, а за 15 минут следовал последний огневой налет.

Чтобы обеспечить высокие темпы прорыва тактической зоны обороны неприятеля и последующего наступления, фронты имели глубокое оперативное построение с сильными первым и вторым эшелонами, резервами, а также мощными подвижными группами. Армии были построены в один, два и даже три эшелона, а некоторые из них располагали подвижными группами. Соединения и части также строили боевые порядки в два эшелона.

Основные силы фронтов сосредоточивались на направлениях главных ударов. Для создания ударных группировок во фронтах были проведены перегруппировки войск. В 1-м Белорусском фронте в соответствии с планом вывода войск в период с 1 по 12 января на магнушевский плацдарм выводились 61-я, 5-я ударная общевойсковые, 1-я и 2-я гвардейские танковые армии, 2-й гвардейский кавалерийский корпус и значительное количество средств

усиления, в том числе 6-й артиллерийский корпус прорыва[21]. На пулавский плацдарм в этот же период выводились 33-я армия, 9-й танковый и 7-й гвардейский кавалерийский корпуса.

Чтобы скрыть от противника перегруппировку, войска сначала скрытно сосредоточивались на правом берегу Вислы, а затем, пользуясь темнотой, переправлялись на плацдармы. Так, 61-я армия закончила сосредоточение на плацдарме 5 января, а 5-я ударная и 33-я армии — 8 января.

В 1-м Украинском фронте на сандомирский плацдарм выводились 52-я, главные силы 6-й и 60-й, 3-я гвардейская танковая армии, 25, 31 и 4-й гвардейский танковые и 1-й гвардейский кавалерийский корпуса, а также значительное количество соединений и частей усиления, в том числе 1-я и 17-я артиллерийские дивизии прорыва и части реактивной артиллерии. Одновременно производилась перегруппировка войск, непосредственно занимавших плацдарм.

К началу наступления перегруппировка войск была успешно завершена. На магнушевском и пулавском плацдармах удалось сосредоточить 13 792 орудия и миномета (без учета зенитной артиллерии), 768 танков и самоходных артиллерийских установок, а на сандомирском плацдарме — 11 934 орудия и миномета (без учета зенитной артиллерии), 1434 танка и самоходные артиллерийские установки. Всего в составе двух фронтов было 2203,7 тыс. человек против 560 тыс. у противника (4:1), около 33,5 тыс. орудий и минометов против 5 тыс. (6,7:1), 7 тыс. танков и САУ против 1220 (5,7:1), 5 тыс. боевых самолетов против 630 (8:1)[22]. Таким образом, было создано значительное превосходство над противником в силах и средствах.

В целом же на участках прорыва обоих фронтов, составлявших 15% их полосы, было достигнуто решающее превосходство над врагом и созданы высокие оперативные плотности (230—250 орудий и минометов, 80—115 танков и САУ, от 3 до 17 инженерных рот на 1 км фронта)[23]. Выделение в двух фронтах более 2200 танков и САУ для непосредственной поддержки пехоты позволило создать на участках прорыва армий высокие плотности: в 1-м Украинском — 21, а в 1-м Белорусском — 25 единиц на 1 км участка прорыва.

Имевшиеся во фронтах четыре танковые армии и пять отдельных танковых корпусов намечалось использовать в качестве подвижных групп фронтов и общевойсковых армий. Танковые корпуса обоих фронтов и танковые армии 1-го Украинского фронта должны были вводиться в сражение после прорыва главной полосы вражеской обороны, а танковые армии 1-го Белорусского — после прорыва всей тактической зоны обороны.

Артиллерийское обеспечение ввода в прорыв подвижных групп в обоих фронтах возлагалось на общевойсковые армии. Для обеспечения действий танковых армий после их ввода им придавались артиллерийские бригады из состава артиллерийских дивизий прорыва. Перед рубежом ввода танковых армий готовились участки последовательного сосредоточения огня. Для отражения контратак и контрударов противника в объединениях, соединениях и частях обоих фронтов создавались артиллерийско-противотанковые резервы.

На 16-ю и 2-ю воздушные армии возлагались прикрытие сосредоточения ударных группировок на плацдармах и ведение авиационной разведки. С началом наступления воздушные армии массированными ударами штурмовой и бомбардировочной авиации должны были содействовать наземным войскам в прорыве вражеской обороны. При этом командующий войсками 1-го Белорусского фронта заблаговременно обратился к Верховному главнокомандующему с просьбой в период с 5 по 9 января возложить задачу уничтожения авиации противника на аэродромах Познань, Шрода, Броден из-за большого радиуса действий на 18-ю воздушную армию дальнего действия. «На этих аэродромах, — докладывал Г. К. Жуков, — более 200 бомбардировщиков противника»[24].

В разработанных штабами воздушных армий планах авиационного обеспечения наступательной операции войск особенно детально определялись действия на период подготовки и в первые два-три дня наступления. На участках прорыва обороны планировалось провести авиационную подготовку атаки силами бомбардировочной и штурмовой авиации. За два часа до начала наступления предусматривалось нанесение ударов по командным и наблюдательным пунктам, а также узлам связи противника с целью нарушения управления войсками. После этого усилия авиации переключались на поддержку и прикрытие войск при прорыве

ими тактической зоны, обеспечение ввода в сражение танковых армий, сопровождение и поддержку войск при действиях в оперативной глубине[25].

Для поддержки подвижных войск в 1-м Белорусском фронте в оперативное подчинение командующего 2-й гвардейской танковой армией выделялись одна штурмовая и две истребительные авиационные дивизии; в подчинение командующего 1-й гвардейской танковой армией — две штурмовые и две истребительные авиационные дивизии. Бомбардировочная авиация оставалась в распоряжении командования фронта[26].

В 1-м Украинском фронте с вводом в прорыв подвижных войск их авиационную поддержку намечалось осуществить штурмовой и истребительной авиацией, для чего планировалось 1190 самолето-вылетов штурмовой и 2010 самолето-вылетов истребительной авиации.

Важная роль в предстоявшей операции отводилась инженерным войскам. В период подготовки они проделали огромную работу по строительству дорог и колонных путей, оборудованию переправ через Вислу и исходных районов на плацдармах. По состоянию на 1 января 1945 г. в полосе 1-го Белорусского фронта было всего четыре низководных моста через Вислу южнее Магнушева и пять мостов в районе Казимижа, а в полосе 1-го Украинского фронта — 11 мостов (из них 10 низководных) в районе Сандомира и один высоководный в районе Баранува[27]. На каждую общевойсковую армию были подготовлены в среднем два-три моста через Вислу грузоподъемностью 16–60 тонн, что обеспечило потребности наступающих войск в переправах.

Наряду с постройкой мостов принимались меры к обеспечению наступающих войск и в отношении дорог. Существующие дороги на плацдармах были восстановлены. К началу 1945 г. сеть фронтовых и армейских военно-автомобильных дорог в тылу обоих фронтов достигала 2 тыс. км. Только дорожными войсками 1-го Белорусского фронта было восстановлено и построено 562 моста, усилено и отремонтировано 626 мостов.

В целях организации непрерывного управления командные и наблюдательные пункты были максимально приближены к войскам. Связисты обеспечили надежную радио-, телефонную и телеграфную связь.

Исходя из характера задач, поставленных перед органами тыла, которыми руководили генералы Н. А. Антипенко (1-й Белорусский фронт) и Н. П. Анисимов (1-й Украинский фронт), а также учета особенностей обстановки во фронтах были тщательно разработаны планы обеспечения войск в ходе предстоявшего наступления.

При подготовке операции по железным дорогам было подвезено 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому фронтам 133,1 тыс. вагонов с войсками и материальными средствами. К началу операции отремонтировали до 57,4 тыс. автомобилей, автопарк обоих фронтов на 1 января 1945 г. насчитывал свыше 131 тыс. автомобилей и был способен выполнить возложенные на него задачи. За весь подготовительный период внутрифронтовые и внутриармейские перевозки автомобильным транспортом составили более 1068,2 тыс. тонн. Это позволило к началу операции иметь во фронтах 3–4 боекомплекта боеприпасов, 4–5 заправок автобензина и дизельного топлива, 9–14 заправок авиационного бензина[28]. Вместе с тем план отгрузки автобензина для 1-го Украинского фронта к началу операции был выполнен лишь наполовину, о чем командующий войсками фронта вынужден был докладывать заместителю наркома обороны Н. А. Булганину[29]. В аналогичном докладе Г. К. Жукова отмечалось, что 1-й Белорусский фронт по состоянию на 14 января имел автобензина 3,3 заправки, дизельного топлива — 2,3 заправки[30]. Все это могло сказаться на глубине наступления.

К напряженной работе в ходе наступления тщательно готовились медицинские учреждения. В составе обоих фронтов имелось 89 фронтовых и 297 армейских полевых госпиталей на 144 тыс. коек, 179 фронтовых и 42 армейских эвакуационных госпиталя на 128 тыс. коек. Уже в послевоенное время, анализируя подготовку и ход Висло-Одерской операции, Г. К. Жуков дал высокую оценку тылу: «Операция в материальном отношении была подготовлена хорошо, и тыл справился со своей задачей»[31].

Штабами фронтов был спланирован и осуществлен комплекс мероприятий по оперативной подготовке. Так, 1-м Белорусским фронтом была проведена сначала фронтовая оперативная

военная игра с командующими и начальниками штабов армий (с 8 по 12 декабря), затем фронтовая оперативная штабная игра с начальниками штабов, оперативных отделов, начальниками родов войск и служб армий (с 20 по 22 декабря). В ходе этих мероприятий отрабатывались вопросы организации и ведения наступательной операции. Аналогичные игры и специальные занятия на местности были в конце декабря проведены и командующими армиями[32].

Ввиду того что фронтам предстояло нанести главные удары с плацдармов, достижение внезапности наступления представлялось делом сложным. Маршал И. С. Конев отмечал: «Кому не ясно, что если одна сторона захватила такой большой плацдарм да еще на такой крупной реке, как Висла, то отсюда следует ждать нового мощного удара... Так что место нашего будущего прорыва для противника не было секретом»[33].

В сложившихся условиях штабы фронтов обращали особое внимание на необходимость скрыть замысел операции, количество привлекаемых сил и средств, ввести противника в заблуждение относительно времени перехода в наступление путем применения новых способов осуществления прорыва. Проводились мероприятия по оперативной маскировке войск в подготовительный период. Указаниями Ставки ВГК была запрещена работа радиостанций во всех сетях фронтов и ниже, за исключением ВВС, ПВО, радиоразведывательных дивизионов и радиоузлов разведотделов штабов и артиллерии для управления огнем. Во фронтах были созданы прифронтовые полосы отселения местных жителей, глубина которых составляла 12–15 км[34]. Сосредоточение войск в исходных районах и вывод их на плацдармы, перегруппировка частей и соединений, занятие ими исходного положения, все работы по инженерному оборудованию плацдармов проводились только ночью при строгом соблюдении правил маскировки. Смена частей, оборонявших передний край в подготовительный период, была осуществлена лишь за день до наступления.

Большое внимание уделялось борьбе с вражеской агентурной разведкой, которая пыталась любой ценой вскрыть группировку войск и определить замысел советского командования. За период с 1 ноября по 15 января 1945 г. в полосе 1-го Белорусского фронта были задержаны и арестованы 137 военных разведчиков противника[35]. Это в значительной степени помогло сохранить тайну сосредоточения советских войск.

Одновременно с советской стороны применялись ночные поиски, засады, наблюдение, подслушивание, разведка боем. Разведка оперативной и стратегической глубины осуществлялась авиацией и агентурой. В результате оборона неприятеля была вскрыта на всю глубину — от Вислы до Одера. Особенно детально изучалась тактическая зона обороны.

Чтобы исключить проведение артиллерийской и авиационной подготовки по позициям, оставленным противником, командующие фронтами решили перед атакой главных сил осуществить разведку боем передовыми батальонами. Если обычно она проводилась за день до начала операции, то теперь предполагалось провести ее в день наступления, что должно было способствовать достижению внезапности удара главных сил.

В ряде отечественных источников ранее говорилось о том, что советскому командованию удалось ввести противника в заблуждение относительно направления главного удара и способов ведения наступления, что во многом и обеспечило результат операции. Этим, по сути, умалялась роль командования по выработке и проведению в жизнь целого комплекса других мероприятий, обеспечивших превосходство советского военного искусства в этой операции. Противник как раз знал, где будет нанесен главный удар (на берлинском направлении) и что советские войска намерены вести наступление одновременно и в Восточной Пруссии, и в Силезии, и в Венгрии, о чем свидетельствуют воспоминания немецкого генерала К. Типпельскирха[36]. Ожидал враг наступления и с плацдармов. В частности, немецкий генерал Ф. Меллентин вспоминал: «12 января наступлением войск Конева с баранувского плацдарма началось давно ожидаемое наступление русских»[37].

Искусство советского командования проявилось как раз в том, что в этих условиях противник был введен в заблуждение относительно мощи ударов и способов действий — искусства применения войск. Немецкое командование заранее оправдывало свой проигрыш только огромным превосходством советских войск в силах и средствах (по сведениям врага, в

пехоте — в 11 раз, в танках — в 7 раз, в артиллерии — в 20 раз), господством советской авиации в воздухе[38]. В действительности такого огромного превосходства советских войск не было.

Благодаря принятым мерам советскому командованию удалось скрыть замысел операции, количество привлекаемых сил и средств, сроки перехода фронтов в наступление. Так, германская разведка определила состав 1-го Белорусского фронта в количестве 31 дивизии вместо имевшихся 68. На совещании в ставке 24 декабря 1944 г. Гитлер утверждал, что с рубежа Вислы русские не собираются переходить в серьезное наступление. Его поддерживал и Гиммлер, который 9 января 1945 г. заявил: «Я не верю, что русские будут вообще наступать»[39].

Проводилась активная и огромная по масштабам партийно-политическая работа. От политорганов требовалось продолжать разъяснение документов советского правительства о цели вступления советских войск на территорию европейских государств. Острота проблемы советско-польских отношений во многом объяснялась недавними событиями, связанными с Варшавским восстанием и развернутой вокруг этого вражеской пропагандой. Созданные при военных советах фронтов и армий оперативные группы проводили разъяснительную работу среди польского населения, демонстрировали советские кинофильмы, в крупные города направлялись специальные группы политработников.

Укреплению дружбы способствовало награждение 3 января Президиумом Верховного Совета СССР 1-й польской пехотной дивизии имени Т. Костюшко орденом Красного Знамени за боевые заслуги при освобождении пригорода Варшавы — Праги. 9 января дивизию посетили президент Крайовой Рады Народовой Б. Берут, главнокомандующий Войском Польским генерал М. Роля-Жимерский, командующий армией генерал С. Г. Поплавский и заместитель командующего по политической части подполковник П. Ярошевич. Состоялся митинг, на котором они призвали воинов с честью выполнить поставленную перед ними задачу — в тесном содружестве с советскими войсками освободить Варшаву и изгнать гитлеровцев со всей территории Польши[40].

Большая работа была проведена по разложению солдат противника. К примеру, в 1-м Белорусском фронте издали и распространили в подготовительный период и в ходе операции около 16 тыс. листовок, организовали 85 600 передач с использованием 690 установок и рупоров[41]. Широко практиковалась засылка пленных, гражданских немцев и поляков в расположение неприятеля.

6 января 1945 г. У. Черчилль обратился к И. В. Сталину: «Можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января... я считаю дело срочным»[42]. Советское правительство отреагировало на эту просьбу. «9 января, — вспоминал И. С. Конев, — мне позвонил по ВЧ исполнявший обязанности начальника Генерального штаба А. И. Антонов и сообщил, что в связи с тяжелым положением, сложившимся у союзников на западном фронте в Арденнах, они обратились к нам с просьбой по возможности ускорить начало нашего наступления; после этого обращения Ставка Верховного главнокомандования пересмотрела сроки начала наступательной операции. 1-й Украинский фронт должен начать наступление не 20, а 12 января»[43].

Таким образом, время на подготовку к операции сократилось, но несмотря на это, огромная работа, которая была проделана, позволила создать прочную базу для проведения крупной наступательной операции на берлинском направлении.

Висло-Одерская наступательная операция

На первом этапе Висло-Одерской операции войскам фронтов предстояло решить ряд оперативных задач, главными из которых были прорыв тактической зоны обороны противника в высоких темпах и разгром главных сил группы армий «А», находящихся в тактической и ближайшей оперативной глубине.

Операция началась 12 января ударом войск 1-го Украинского фронта с сандомирского плацдарма. Согласно директиве командующего войсками фронта от 11 января[44] наступлению главных сил фронта предшествовала разведка боем, проведенная передовыми батальонами после короткой, но мощной артиллерийской подготовки[45]. С ее началом противник, как и ожидалось, отвел войска с первой траншеи, поэтому передовые батальоны быстро овладели ею. Мощное сопротивление врага перед второй траншеей лишь подтвердило правильность расчетов при планировании артиллерийской подготовки, и она была проведена уже в полном объеме в течение 1 часа 47 минут на всю глубину тактической зоны обороны. Под огонь артиллерии попала и часть резервов, располагавшихся вблизи тактической зоны обороны. Артиллерийская подготовка была очень эффективна. По показаниям пленных, немецкие офицеры и солдаты в результате огня советской артиллерии потеряли самообладание, самовольно покидали позиции, уходили в глубь обороны. Управление войсками было потеряно[46].

Используя результаты артиллерийской подготовки, войска ударной группировки фронта в течение первых двух-трех часов боя овладели первой и второй позициями главной полосы обороны противника. С целью быстрого завершения прорыва всей тактической зоны вражеской обороны и последующего развития наступления в глубину командующий фронтом решил в 14 часов 12 января ввести в сражение 4-ю и 3-ю гвардейскую танковые армии, 31-й и 4-й гвардейский танковые корпуса. Погода к этому времени улучшилась, и авиация 2-й воздушной армии смогла обеспечить ввод танковых соединений и нанести удары по резервам противника и по объектам его обороны во второй полосе.

Ставка на высокие темпы наступления, сделанная советским командованием, полностью себя оправдала. Продвижение советских войск было столь стремительным, что противник не успел завершить подготовку контрудара 16-й танковой и 20-й моторизованной дивизий из района Кельце на юг, а 17-й танковой дивизии — из района Хмельник на север, чтобы остановить продвижение танковых армий 1-го Украинского фронта. Резервы гитлеровцев вводились 12 и 13 января по частям и легко разбивались наступавшими советскими войсками. Вместе с тем в полосе действий 3-й гвардейской армии В. Н. Гордова и 13-й армии Н. П. Пухова на подступах к Кельце неприятель оказал упорное сопротивление. Чтобы не потерять темпов наступления и сломить сопротивление, командующий фронтом повернул 4-ю танковую армию Д. Д. Лелюшенко, которая после прорыва второй полосы обороны развивала наступление в направлении Хенцины, в обход Кельце с юго-запада.

Значительную роль в разгроме резервов врага 13 января сыграла авиация, которая, несмотря на ограниченно летную погоду, сделала за день 692 самолето-вылета по скоплениям противника в районах южнее Кельце и Пинчув[47].

«Фронт 4-й танковой армии был разорван на части, и уже не оставалось никакой возможности сдержать наступление русских войск, — вспоминал немецкий генерал К. Типпельскирх. — Последние немедленно ввели в пробитые бреши свои танковые соединения, которые главными силами начали продвигаться к реке Нида, предприняв в то же время северным крылом охватывающий маневр на Кельце»[48].

Успешно развивалось наступление и в полосе 52-й армии, войска которой вместе с 3-й гвардейской танковой армией прорвали вторую полосу обороны и овладели г. Хмельник. 3-я гвардейская танковая армия к утру 14 января главными силами вышла на р. Нида и захватила плацдармы[49]. 5-я гвардейская армия, действовавшая на левом крыле ударной группировки фронта, в течение 13 января продвинулась до 25 км и также форсировала р. Нида[50].

Таким образом, в результате боевых действий 12 и 13 января войска, действовавшие на направлении главного удара фронта, прорвали тактическую зону обороны противника и разгромили основные силы введенных в сражение оперативных резервов. Войска ударной группировки фронта продвинулись вперед до 25 км, расширили прорыв до 60 км по фронту и вышли на р. Нида. Успешное решение этой задачи создало условия для стремительного развития наступления на ченстоховском направлении и развертывания наступления войск 1-го Белорусского фронта.

Бронепоезд Войска Польского обстреливает вражеские позиции в районе Варшавы

Пехотинцы Войска Польского готовятся к форсированию Вислы

С утра 14 января основные силы ударной группировки 1-го Украинского фронта начали преследование отходивших частей противника. В этот же день перешли в наступление войска 1-го Белорусского фронта, нанося удары с магнушевского и пулавского плацдармов. Наступлению войск фронта также предшествовала разведка боем передовых батальонов. Она проводилась после 25-минутного огневого налета основной массы артиллерии фронта по огневым точкам и живой силе противника в главной полосе обороны при отсутствии авиационной подготовки из-за нелетной погоды.

На магнушевском плацдарме передовые батальоны 5-й ударной и 8-й гвардейской армий имели успех, продвинувшись на 2–3 км, поэтому было решено ввести в сражение главные силы первого эшелона корпусов. В течение первого дня наступления войска 5-й ударной и 8-й гвардейской армий разгромили основные силы 8-го армейского корпуса противника и продвинулись на глубину 8–12 км[51]. При этом войска 5-й ударной армии завершили прорыв главной полосы неприятельской обороны и устремились к р. Пилица. Очень важно было захватить мост через нее грузоподъемностью 60 тонн, чтобы осуществить переправу танков и САУ. Эта задача была успешно решена 270-м гвардейским стрелковым полком полковника Е. А. Петрова[52], который захватил небольшой плацдарм на р. Пилица в районе Пальчева.

Соединения 8-й гвардейской армии не смогли с ходу прорвать главную полосу вражеской обороны и втянулись в затяжные бои. Еще менее успешно наступали в этот день войска 61-й армии, передовые батальоны которой встретили на рубеже р. Пилица мощное огневое сопротивление. 55-минутная артиллерийская подготовка атаки существенных результатов не дала, огневые точки были подавлены слабо. Поэтому соединения армии, преодолевая упорное сопротивление врага, сумели к исходу дня лишь в ряде мест форсировать р. Пилица и вклиниться во вражескую оборону на глубину до 4 км[53].

Чтобы не потерять темпов наступления, быстрее завершить прорыв тактической зоны обороны противника и развивать наступление в глубину, командующий фронтом решил в полосе 8-й гвардейской армии ввести в прорыв 1-ю гвардейскую танковую армию. 15 января в 14 часов она успешно вошла в прорыв, и к исходу дня ее передовые отряды уже продвинулись на глубину до 25 км и захватили переправу через р. Пилица в районе Сокул (8–9 км восточнее Нове-Място)[54].

Используя успех 1-й гвардейской танковой армии, начала продвигаться вперед и 8-я гвардейская армия. К исходу дня ее соединения вели бои на рубеже Щиты (28 км восточнее Нове-Място) — Камень — Секлюки — Гузд-Стары — Заваде-Старе — Едлинск — Горынь — Левашувка — Марьянов — западная окраина Станиславице. Преодолев с боями до 14 км, они перерезали шоссейную дорогу Бялобжеги — Радом на участке Камень — Гузд-Стары и левофланговыми частями соединились с войсками правого фланга 69-й армии в районе Козенице[55].

На пулавском плацдарме войска 69-й (генерал В. А. Колпакчи) и 33-й (генерал В. Д. Цветаев) армий действовали по той же схеме, но более результативно. Передовые батальоны после 25-минутного огневого налета артиллерии в течение первого часа наступления овладели первой позицией главной полосы обороны противника, что дало возможность немедленно ввести в бой главные силы дивизий первого эшелона армий. К 13 часам главная полоса обороны гитлеровцев была прорвана. В составе 69-й армии с исключительной доблестью действовал передовой батальон 77-й гвардейской стрелковой дивизии, возглавляемый майором Б. Н. Емельяновым. За проявленный коллективный героизм все солдаты и офицеры (офицеры этим орденом, за исключением авиации, ранее не награждались) батальона были награждены орденами Славы. Военный совет армии присвоил подразделению почетное наименование Батальона Славы[56].

Для развития достигнутого успеха и захвата второй полосы вражеской обороны решением командующего 69-й армией в 13 часов 14 января был введен в прорыв 11-й танковый корпус, который форсировал р. Зволенька и к 14 часам овладел крупным узлом обороны противника на второй полосе — г. Зволень. К исходу дня войска 69-й и 33-й армий расширили прорыв по фронту до 40 км и продвинулись в глубину на 15–20 км.

Танковая атака

Укрепления гитлеровского вермахта на подступах к Варшаве

Уличный бой в Варшаве

Солдаты Войска Польского в освобожденной Варшаве

Осознавая угрозу выхода 3-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта в тыл своей группировки южнее Радома, противник начал отвод соединений 42-го армейского и 56-го танкового корпусов на рубеж Радом — Шидловец. Таким образом, тесное взаимодействие на флангах двух фронтов дало свои положительные результаты.

Начавшийся отход противника с рубежа р. Висла был своевременно обнаружен, и войска 6-й армии 1-го Украинского фронта во второй половине 15 января начали преследование вражеских войск. К исходу дня они продвинулись на глубину до 12 км и овладели г. Опатув. Утром 16 января был взят г. Островец[57].

Одновременно войска 69-й и 33-й армий 1-го Белорусского фронта 15 января преодолели сопротивление частей 10-й моторизованной дивизии противника и в течение дня продвинулись на глубину 15—20 км. 11-й танковый корпус 69-й армии во взаимодействии с 25-м стрелковым корпусом к исходу дня ворвался на восточную окраину г. Радом. Передовые части 9-го танкового корпуса, введенного в прорыв во второй половине дня 15 января в полосе 33-й армии, также подошли к г. Радом.

Противник ввел в сражение 40-й танковый корпус из резерва, но не смог закрыть образовавшиеся в тактической зоне обороны бреши и задержать продвижение советских войск.

Таким образом, в итоге первых двух дней наступления ударные группировки фронта прорвали тактическую зону вражеской обороны на всю ее глубину и нанесли поражение войскам 8-го армейского, 56-го и 40-го танковых корпусов. Продвижение советских войск в глубину достигало: в районе магнушевского плацдарма — 30 км, пулавского плацдарма — 50 км. К исходу 15 января участки прорыва на плацдармах были объединены.

Под ударами войск фронта соединения противника, прикрываясь арьергардами, начали отходить на тыловую армейскую полосу, проходившую по рубежу Сохачев — Скерневице — Рава-Мазовецка — Томашув. В этой обстановке войска фронта, преследуя врага с темпом 20—30 км в сутки, с ходу преодолели подготовленную полосу обороны и 17 января овладели рубежом Сохачев — Скерневице — Глухув — Ольшовец.

Важнейшей задачей войск правого крыла 1-го Белорусского фронта было освобождение столицы Польши — Варшавы. К решению этой задачи 47-я армия приступила 15 января после 55-минутной артиллерийской подготовки. За день боя она продвинулась на глубину до 12 км и вышла к р. Висла. В 8 часов утра 16 января с плацдарма на левом берегу р. Пилица в прорыв была введена 2-й гвардейская танковая армия, которая начала развивать наступление в направлении Сохачева, преследуя разгромленные в предыдущих боях части противника и охватывая правый фланг 46-го танкового корпуса. В связи с этим вражеское командование, опасаясь окружения своих войск в районе Варшавы, начало поспешно отводить их в северо-западном направлении.

В сложившейся обстановке 61-я армия увеличила темпы преследования отходящего противника до 16—24 км в сутки, а 1-я армия Войска Польского под командованием генерала С. Поплавского форсировала Вислу и, развивая наступление, 17 января освободила столицу Польши — Варшаву[58]. Войска 47-й армии вели бои по расширению захваченного плацдарма на р. Висла южнее Модлина в тесном взаимодействии с 70-й армией 2-го Белорусского фронта.

«Фашистские варвары уничтожили столицу Польши — Варшаву», — докладывал Военный совет фронта Верховному главнокомандующему[59]. Начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал М. С. Малинин доложил начальнику Генштаба генералу А. И. Антонову, что противник оставил Варшаву заминированной. «В ходе разминирования было снято, собрано и подорвано 5412 противотанковых мин, 17 227 противопехотных, 46 фугасов, 232 «сюрприза», свыше 14 тонн взрывчатых веществ, около 14 тысяч снарядов, авиабомб, мин и гранат»[60]. В помощь жителям Варшавы советское правительство направило 60 тыс. тонн хлеба, много другого продовольствия, медикаменты, одежду.

В итоге четырехдневного наступления войска 1-го Белорусского фронта разгромили главные силы 9-й армии противника и осуществили прорыв не только его тактической зоны обороны, но и овладели тыловой армейской полосой (100—130 км). Прорыв обороны, начавшийся на трех направлениях, к 17 января слился в единый удар на всем 270-километровом

фронте. Остатки разгромленных соединений противника под ударами советских войск поспешно отходили на запад. Введенные в сражение за тактическую зону обороны вражеские резервы — 19-я и 25-я танковые и часть сил 10-й моторизованной дивизий — понесли до 50% потерь и существенного влияния на ход операции не оказали.

Однако, несмотря на успешное завершение прорыва вражеской обороны, войскам фронта не удалось окружить и уничтожить главные силы 46-го и 56-го танковых корпусов: первого — в районе Варшавы, второго — между магнушевским и пулавским плацдармами. Вражеские войска в обоих случаях сумели уйти от грозившего им полного разгрома.

Была сделана попытка совместными усилиями 33-й армии 1-го Белорусского и 3-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта окружить войска 42-го армейского корпуса противника. Но к 18 января, когда советские войска двух фронтов соединились в районе Скаржиско-Каменна, неприятелю удалось отвести свои войска с рубежа р. Висла на запад и избежать окружения.

Более успешно действовали основные силы ударной группировки 1-й Украинского фронта, развивая стремительное наступление на запад. Чтобы остановить продвижение советских войск, немецкое командование предприняло контрудар силами 24-го танкового корпуса (резерв группы армий «А»). 15 января развернулось ожесточенное встречное сражение под Кельце, в котором войска 4-й танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко и 13-й армии генерала Н. П. Пухова разгромили врага. В бою за этот важный узел коммуникаций и крупный административно-хозяйственный центр Польши особенно отличился батальон В. Г. Рыжова из 16-й гвардейской механизированной бригады[61].

Войскам фронта удалось преодолеть промежуточную полосу вражеской обороны по р. Нида, форсировать р. Пилица, а затем р. Варта и к исходу дня 17 января овладеть важными узлами коммуникаций врага — городами Радомско и Ченстохова[62].

Успешное развитие наступления на направлении главного удара облегчало выполнение задач войсками левого крыла фронта. Для развития наступления в обход краковской группировки противника с северо-запада командующий фронтом с утра 14 января ввел в сражение с рубежа р. Нида между 5-й гвардейской и 60-й армиями 59-ю армию и подчинил ей 4-й гвардейский танковый корпус, действовавший до этого в полосе 5-й гвардейской армии.

Быстрое продвижение войск левого крыла 1-го Украинского фронта и успешные действия 38-й армии 4-го Украинского фронта по флангам 17-й армии противника создали угрозу ее окружения и вынудили немецкое командование начать отвод своей группировки из района восточнее Тарнува в общем направлении на Краков. Войска советских фронтов перешли к преследованию отходившего противника.

В итоге войскам 1-го Украинского фронта за шесть дней боев удалось прорвать неприятельскую оборону на 250-километровом фронте, разгромить главные силы 4-й танковой армии и 24-го танкового корпуса, нанести поражение 17-й полевой армии и на направлении главного удара продвинуться на 120–140 км[63].

К исходу 17 января, то есть на шестой день наступления войск 1-го Украинского и на четвертый день наступления войск 1-го Белорусского фронтов, был осуществлен оперативный прорыв вражеской обороны на фронте 500 км и на глубину 100–140 км. В результате успешного наступления войска фронтов разгромили главные силы группы армий «А», овладели такими крупными промышленными центрами и важными опорными пунктами обороны противника, как Варшава, Радом, Кельце, Радомско, Ченстохова, и другими. Все это создавало выгодные условия для развития операции.

Член Военного совета 1-го Украинского фронта генерал К. В. Крайнюков, докладывая начальнику Главного политического управления Красной армии генералу А. С. Щербакову о положении дел и обстановке в освобожденных городах, отмечал: «Отношение подавляющего большинства населения Кракова, Кельце, Ченстохова положительное. Оно восприняло приход Красной Армии как освободительницу от немецко-фашистских захватчиков и повсеместно высказывает чувство благодарности Красной Армии за освобождение... Однако силы реакции весьма велики, особенно в Кракове, где Армия Крайова имеет сильное влияние на молодежь»[64].

Советские войска входят в город Ченстохов

Жители города встречают своих освободителей

Первый этап Висло-Одерской операции был успешно завершен. Германское командование не ожидало столь стремительного и глубокого продвижения советских войск и поспешило обвинить в этой катастрофе на Висле командующего группой армий «А» генерала Й. Гарпе и командующего 9-й армией генерала С. Люттвица. Они были сняты с должностей и заменены соответственно генералами Ф. Шёрнером и Т. Буссе. Новое командование рассчитывало закрепиться на подготовленных в глубине оборонительных рубежах и задержать продвижение Красной армии.

На втором этапе с выходом на оперативный простор главнейшей задачей советских войск являлось преследование противника с целью недопущения его закрепления на промежуточных рубежах, выхода на р. Одер и создания условий для наступления на Берлин. В этой обстановке для нарушения работы железных дорог неприятеля в полосе наступления 1-го Украинского, 1-го и 2-го Белорусских фронтов в ночь с 16 на 17 января силами 18-й воздушной армии дальнего действия был нанесен удар по железнодорожным узлам Алленштейн, Лодзь, Катовице[65].

17 января Ставка ВГК уточнила дальнейшие задачи войскам: 1-му Белорусскому фронту, наступая непосредственно на берлинском направлении, не позднее 2–4 февраля овладеть рубежом Быдгощ — Познань; 1-му Украинскому фронту — главными силами наступать в направлении на Бреслау, не позднее 30 января выйти на р. Одер и захватить плацдармы на его левом берегу[66]. Кроме того, левому крылу 1-го Украинского во взаимодействии с правым крылом соседнего 4-го Украинского фронта предстояло освободить Краков[67].

Командующие войсками фронтов поставили боевые задачи подчиненным. В частности, в приказе командующего войсками 1-м Белорусским фронтом указывалось: «С 9.00 часов 17 января 1945 г. продолжать стремительное наступление и к исходу дня главными силами выйти на фронт:

а) 61-й армии — Надажин (20 км юго-западнее Варшава), Стара-Весь, Маринин, Осовец, Радзеевице, Мщонув. Передовыми отрядами занять м. Блоне, м. Гродзиск, Жирардув...

б) 5-й ударной армии — иск. Мщонув, Зоведы, Янув, Бяла-Равека, Мархаты. Сильные подвижные передовые отряды выдвинуть к Скерневице и Курзешин...

в) 3-й гвардейской армии — Слупце (5 км южнее Бяла-Равека), Турбовице, Гудзимеж, Жджары, Домановице. Передовые отряды выдвинуть в Рава-Мазовецка»[68].

Выполняя поставленные задачи, войска обоих фронтов развернули стремительное преследование противника, которое развивалось на широком фронте и не прекращалось ни днем ни ночью. Оно велось передовыми отрядами, которые создавались в армиях, корпусах и дивизиях. Главные силы общевойсковых армий и подвижных войск в этот период шли в колоннах и развертывались для боя лишь по мере необходимости (для отражения контратак и контрударов, овладения важными опорными пунктами врага и крупными узлами дорог).

Командования фронтов ежедневно уточняли своими распоряжениями задачи войскам. Так, например, 61-й армии 1-го Белорусского фронта предписывалось к исходу 18 января выйти на фронт Сохачев — Заишев — Болимув. Передовыми отрядами захватить переправы на р. Бзура у Компина[69].

Передовые отряды, не ввязываясь в бои за крупные опорные пункты, главными силами громили тылы отступавших частей и соединений противника, а также перерезали его коммуникации, чем создавали угрозу окружения отходившим соединениям и часто вынуждали их оставлять обороняемые ими объекты без боя.

Немецкое командование стремилось замедлить продвижение советских войск, удержать отдельные рубежи и районы. Для этого оно перебрасывало резервы из Германии, с западного фронта, а также с других направлений. Только в период с 18 по 20 января в полосы наступавших войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов противник перебросил семь дивизий[70].

Но это не помешало развитию наступления советских войск как на познанском, так и на бреславльском направлениях. В полосе наступления 1-го Белорусского фронта отдельные дивизии гитлеровцев, взятые из резерва или снятые с других направлений, из-за недостатка

времени вводились в бой по частям, что облегчало их быстрый разгром. Поэтому за первые два дня преследования общевойсковые армии главной группировки фронта продвинулись более чем на 55 км. 19 января 8-я гвардейская армия, 11-й и 9-й танковые и 7-й гвардейский кавалерийский корпуса освободили от немецко-фашистских войск крупный промышленный центр Польши г. Лодзь[71].

Особое внимание уделялось действиям подвижных войск. В распоряжении штаба 1-го Белорусского фронта командующим 1-й и 2-й гвардейскими танковыми армиями от 20 января 1945 г., в частности, отмечалось: «С выходом 22 января 1945 г. танковых армий в районы: 2-я гвардейская танковая армия — Накель, Голанг, Эльзенау, Цнин, Шубин, 1-я гвардейская танковая армия — Оборники, Плевлено, Познань, Шверзенц, Мукованна-Госылина командование фронтом предполагает предоставить этим армиям двое суток для технического осмотра машин и пополнения запасов. До этого времени обстановка требует стремительного движения вперед»[72].

Среднесуточный темп подвижных соединений достигал 45 км, а в отдельные дни — 70 км. Передовые части подвижных войск армий правого крыла и центра фронта к исходу 22 января подошли к познанской оборонительной полосе и на ряде участков (в районах Накель, Бромберг и Познань) вклинились в нее. При этом отрыв от главных сил общевойсковых армий составлял более 100 км. В это время войска левого крыла фронта (69-я и 33-я армии), преодолевая упорное сопротивление немцев, вели бои юго-западнее Пабянице.

Вражеское командование стремилось во что бы то ни стало остановить продвижение соединений фронта, выиграть время, необходимое для организации обороны по старой германо-польской границе, проходившей по линии Шнайдемюль — Чарникау — Бетше. Для обороны пограничных укреплений были привлечены остатки 9-й армии, а также части 15-й, 31-й пехотных и 4-й моторизованной дивизий, переброшенных сюда из группы армий «Центр».

«Учитывая слабые стороны противника, а именно, что он не имеет организованной обороны на Одерском четырехугольнике и на Померанском вале и что ему потребуется не менее десяти дней, чтобы подвезти войска, командующий принял решение — и это решение оказалось правильным — пойти на окружение шнайдемюльской и познанской группировок, высвободить остальные силы и стремительным ударом преодолеть не готовые к обороне укрепленные районы, выйти на р. Одер, захватить нужные плацдармы в интересах последующей операции», — так объяснял свое решение по той обстановке Г. К. Жуков в выступлении на военно-научной конференции ГСОВГ в ноябре — декабре 1945 г.[73]

23 января части 2-й гвардейской танковой армии и 2-го гвардейского кавалерийского корпуса овладели г. Быдгощ. В этот же день 1-я гвардейская танковая армия вышла в район западнее Познани[74]. К исходу 25 января главные силы 2-й гвардейской танковой армии уже находились на переправах через р. Нетце в районе Чарникау, а ее передовые отряды — на восточной окраине г. Шнайдемюль. Главные силы 1-й гвардейской танковой армии вышли на рубеж Пинне — Гродзиск и южнее, где соединились с частями 11-го танкового корпуса 69-й армии. С выходом подвижных войск на указанный рубеж был образован внешний фронт окружения познанской группировки противника. Одновременно войска 8-й гвардейской и часть сил 1-й гвардейской танковой армий завершили окружение вражеских войск непосредственно в г. Познань.

В окружении оказались остатки 19-й и 25-й танковых, 251-й пехотной и 10-й моторизованной дивизий, а также другие части. Общая численность войск противника, окруженных в районе Познани, достигала 62 тыс. человек[75]. По решению командующего фронтом для ликвидации вражеского гарнизона в Познани были оставлены 29-й стрелковый корпус 8-й гвардейской армии и 91-й стрелковый корпус 69-й армии, а главные силы этих армий продолжали преследование неприятеля. Общее руководство боевыми действиями по уничтожению окруженного противника в Познани возлагалось на командующего 8-й гвардейской армией.

С выходом главных сил фронта на рубеж Бромберг — Познань была выполнена задача, поставленная Ставкой Верховного главнокомандования в директиве от 28 ноября 1944 г. При

этом главные силы подвижных соединений фронта продолжали преследование неприятеля в западном направлении, часть сил фронта вела бои в районах Шнайдемюль и Познань.

Обстановка в полосе главных сил фронта благоприятствовала развитию наступления с целью быстрейшего выхода на р. Одер. Противник был деморализован, не успевал организовать устойчивую оборону, в том числе на подготовленных рубежах, частично потерял управление войсками. Г. К. Жуков предложил Ставке ВГК продолжать наступление.

В плане дальнейших наступательных действий войскам фронта предусматривались задачи до 30 января выйти на рубеж к населенным пунктам Вальдау, Пройсс, Фридланд, Ратцебур, Цыппнов, Фройденфир, Шенланке, Рунау, Гульч, Шарфенорт, Опаленица, Грец, Велихово, Ключево. К этому времени 2-я гвардейская танковая армия должна была овладеть районами Берлинхен, Ландсберг, Фридберг, а 1-я гвардейская танковая армия — Мезеритц, Швибце, Тиргитигель[76].

На этом рубеже планировалось «подтянуть войска (особенно артиллерию), подтянуть тылы, пополнить запасы, привести в порядок материальную часть боевых машин. Развернув 3-ю ударную и 1-ю польскую армии, с утра 1–2 февраля продолжать наступление всеми силами фронта с ближайшей задачей — с ходу форсировать р. Одер, а в дальнейшем развивать стремительный удар на Берлин, направляя главные усилия в обход Берлина с северо-востока, с севера и северо-запада»[77].

Этот доклад Г. К. Жукова Верховному главнокомандующему свидетельствует о существовавших в то время намерениях ударить по Берлину. Однако дальнейшее наступление войск фронта в направлении Кюстрина в таком высоком темпе неминуемо приводило к увеличению разрыва с войсками 2-го Белорусского фронта и возникновению угрозы флангового удара восточно-померанской группировки противника по войскам фронта[78]. На это прямо указал И. В. Сталин в телефонном разговоре 25 января и предлагал дождаться завершения Восточно-Прусской операции войск К. К. Рокоссовского и их перегруппировки за Вислу. Кроме того, «учтите, — добавил И. В. Сталин, — 1-й Украинский фронт сейчас не сможет продвигаться дальше и обеспечивать вас слева, так как будет занят некоторое время ликвидацией противника в районе Оппельн — Катовице»[79].

Но в то же время командование вермахта принимало срочные меры по улучшению управления войсками и усилению обороны в Померании и на берлинском направлении, чтобы замедлить продвижение советских войск и остановить их на р. Одер. 26 января группа армий «А» была переименована в группу армий «Центр», в составе 17-й полевой, 1-й и 4-й танковых армий, которыми командовали соответственно генералы Ф. Шульц, Г. Хейнрици и Ф. Грезер. Одновременно в Померании была образована группа армий «Висла»[80]. Группа армий «Висла» заняла фронт (иск.) Глогау — Лисса — Кротошин — Познань — Шнайдемюль — севернее Бромберга и далее по р. Висла до Балтийского моря. Ее основные усилия были сосредоточены против правого крыла 1-го Белорусского фронта. На остальном участке фронта от Глогау до района юго-восточнее Моравска-Острава оказывала сопротивление наступлению советских войск группа армий «Центр». Таким образом, к 26 января перед войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов действовали главные силы групп армий «Висла» и «Центр» в составе свыше 30 пехотных, шести танковых, трех моторизованных дивизий и четырех бригад[81].

После дополнительных переговоров Верховный главнокомандующий согласился с предложением командования фронта выдвинуть часть сил (войска 47-й и 61-й армий и соединения 2-го гвардейского кавалерийского корпуса) на прикрытие правого фланга, а остальной группировкой продолжать наступление, чтобы быстро преодолеть Мезеритцкий укрепленный район с меньшими потерями и выйти на Одер.

Встречая упорное сопротивление врага, общевойсковые соединения фронта к исходу 26 января вышли на рубеж Кроне — западнее Накеля — Рогазен — западнее Познани — северо-западнее Кротошина и находились в 120–150 км от р. Одер. Подвижные войска были в 70 км и действовали на рубеже Шнайдемюль — Хохцайт — Бетше и южнее.

Советские войска проходят через город Шнайдемюль

При развитии наступления на Кюстрин ведущая роль отводилась танковым войскам. 2-я гвардейская танковая армия, нанося удар в общем направлении Шенланке — Берлинхен — Эберсвальде, с ходу преодолела Померанский укрепленный район, и к исходу 28 января ее 1-й механизированный корпус вел бой в 10 км западнее Хохцайта. Вслед за танкистами наступали 61-я и 5-я ударная армии.

29 января на территорию Германии вступили войска 1-й гвардейской танковой, 8-й гвардейской, 69-й и 33-й армий, прорвав Мезеритцкий укрепленный район. При этом героически действовали танкисты 44-й гвардейской танковой бригады полковника И. И. Гусаковского (передовой отряд 11-го гвардейского танкового корпуса 1-й гвардейской танковой армии)[82]. За проявленный героизм весь личный состав бригады был удостоен государственных наград, а 11 воинам присвоено звание Героя Советского Союза[83].

«Однако с выходом наших войск к Мезеритцкому укрепленному рубежу и так называемому Померанскому валу в армиях начали ощущаться перебои с подачей горюче-смазочных материалов и наиболее ходовых боеприпасов, — вспоминал Г. К. Жуков. — Это произошло по ряду причин, и прежде всего потому, что наступали мы почти в два раза быстрее, чем предусматривалось. Тыловые коммуникации растянулись на сотни километров, а железнодорожные магистрали в это время еще не действовали из-за больших разрушений и отсутствия железнодорожных мостов через Вислу»[84].

В период с 29 по 31 января войска фронта преодолевали сопротивление вражеских войск в приграничных районах Германии, которое постоянно нарастало[85]. В Померанию

продолжали прибывать резервы противника, он готовился нанести контрудар во фланг и тыл главной группировке 1-го Белорусского фронта. В связи с этим для обеспечения правого крыла командующий фронтом выдвинул дополнительно 1-ю армию Войска Польского и 3-ю ударную армию (второй эшелон фронта). Таким образом, к исходу 31 января для обеспечения правого крыла фронта были привлечены четыре общевойсковые армии, часть сил 2-й гвардейской танковой армии и 2-й гвардейский кавалерийский корпус, что составляло около половины всех сил фронта.

Войска ударной группировки фронта продолжали продвигаться в западном направлении. Особенно крупного успеха они достигли 31 января. В этот день 5-я ударная и 2-я гвардейская танковая армии вышли к р. Одер и захватили северо-западнее Кюстрина, в районе Кинитца, плацдарм шириной более 4 км и глубиной до 2 км[86]. Героические действия передового отряда 5-й ударной армии, который возглавляли заместитель командира 89-й гвардейской стрелковой дивизии полковник Х. Ф. Есипенко и представитель Военного совета 5-й армии заместитель начальника политотдела армии подполковник Д. Д. Шапошников, получили высокую оценку Г. К. Жукова, о чем он подробно писал в своих воспоминаниях[87].

К утру 31 января передовой отряд форсировал Одер и захватил плацдарм в районе Кинитц — Гросс-Нойендорф — Рефельд и затем удерживал его[88]. За эти бои были награждены орденами и медалями все солдаты, сержанты и офицеры 1-го батальона 1008-го стрелкового полка, а командир батальона М. А. Алексеев и парторг батальона старший лейтенант К. Усенбеков удостоены высокого звания Героя Советского Союза. 1008-й и 1010-й стрелковые полки 266-й стрелковой дивизии за массовый героизм были награждены орденом Суворова III степени.

Операция продолжалась. Войска 1-й гвардейской танковой армии, преодолев упорное сопротивление врага южнее г. Мезеритц, овладели Либенау. Соединения 8-й гвардейской армии заняли г. Шверин, 69-я и 33-я армии в течение 31 января вели упорные бои за Мезеритцкий укрепленный район и на отдельных направлениях прорвали его. Одновременно с наступлением войск фронта к р. Одер шли напряженные бои по уничтожению окруженного противника в Шнайдемюле и Познани[89].

К 3 февраля войска фронта (5-я ударная, 8-я гвардейская, 69-я и 33-я общевойсковые, 1-я и 2-я гвардейские танковые армии) вышли к р. Одер в полосе от Цедена до разграничительной линии с 1-м Украинским фронтом (район Глогау). При этом в районе южнее Кюстрина 3 февраля войскам 8-й гвардейской армии удалось захватить небольшой плацдарм на левом берегу Одера[90]. В то же время противник в районах Кюстрина и Франкфурта-на-Одере продолжал удерживать небольшие предмостные укрепления, ликвидация которых потребовала значительных усилий и времени от войск 1-го Белорусского фронта.

Борьба за расширение и закрепление захваченных плацдармов на р. Одер носила весьма напряженный характер. Обстановка осложнялась тем, что неприятелю удалось временно завоевать господство в воздухе, так как советская авиация не имела достаточного количества аэродромов вблизи р. Одер и не могла оказать своевременной помощи войскам фронта, особенно на плацдармах в районе Кюстрина.

С выходом советских войск к Одеру угроза контрудара противника с севера возросла. Поэтому 1 февраля для действий в этом направлении командующий фронтом повернул 2-ю гвардейскую, а на следующий день и 1-ю гвардейскую танковые армии. Таким образом, к 3 февраля померанской группировке врага противостояли четыре общевойсковые, две танковые армии и кавалерийский корпус. Отражая многочисленные атаки противника, они упорно продвигались на север. На берлинском направлении остались четыре ослабленные в предыдущих боях общевойсковые армии, два танковых и кавалерийский корпуса[91].

Несмотря на то что на берлинском направлении в начале февраля гитлеровцы не имели сколько-нибудь значительных сил, войска 1-го Белорусского фронта не смогли продолжать наступление на Берлин, хотя до него оставалось 60–70 км. Командующий войсками фронта отдал приказ о переходе к обороне и производстве оборонительных работ с привлечением

местного населения[92]. Одновременно создавалась прифронтовая полоса, свободная от гражданского населения (кроме привлекаемого к работам) глубиной 25 км[93].

Для того чтобы развернуть успешное наступление на берлинском направлении, требовалось ликвидировать группировку противника в Восточной Померании, завершить разгром гарнизонов в Шнайдемюле и Познани, расширить и закрепить захваченные плацдармы на р. Одер, а также пополнить соединения и объединения фронта людьми и материальными средствами. Потому в соответствии с указаниями Ставки наступление было прекращено.

«Конечно, можно было бы пренебречь этой опасностью, пустить обе танковые армии и 3–4 общевойсковые армии напрямик на Берлин и подойти к нему. Но противник ударом с севера легко прорвал бы наше прикрытие, вышел к переправам на Одере и поставил бы войска фронта в районе Берлина в крайне тяжелое положение»[94], — писал впоследствии Г. К. Жуков. В послевоенных дискуссиях с В. И. Чуйковым и другими оппонентами Жуков мотивированно считал принятое тогда решение отложить наступление на Берлин обоснованным.

С выходом войск 1-го Белорусского фронта на р. Одер и захватом плацдармов на ее левом берегу успешно завершилась фронтовая Варшавско-Познанская наступательная операция, осуществлявшаяся в столь стремительных темпах. К исходу 3 февраля войска фронта почти полностью очистили от противника правый берег Одера, только у Кюстрина и Франкфурта враг удерживал небольшие плацдармы. На этом рубеже 1-й Белорусский фронт закрепился и начал подготовку к Берлинской операции.

Общие потери войск фронта за операцию составили 77 342 человека, из них безвозвратные — 17 032 человека[95].

В ходе преимущественно оборонительных действий войск 1-го Белорусского фронта в феврале 1945 г. командование фронта, исполняя личные указания И. В. Сталина, спланировало проведение частной наступательной операции войск правого крыла фронта. Целью операции ставилось «отбросить противника на север и правым флангом фронта выйти на рубеж Лубов, Темпельбург, Фалькенберг, Драмбург, Вангерин, Малов, Штеттин, перерезать коммуникации померанской группировки войск противника на запад и помочь левому флангу 2-го Белорусского фронта быстрее выдвинуться в район Штеттин»[96].

Главный удар в северо-западном направлении планировалось нанести силами 61-й армии, 2-й гвардейской танковой армии, 7-го гвардейского кавалерийского и 9-го танкового корпусов при поддержке двух артиллерийских дивизий. Вспомогательный удар наносили 1-я польская армия и два стрелковых корпуса 3-й ударной армии[97].

Операция началась 19 февраля и планировалась в течение 6–7 суток, но уже 20 февраля командующий войсками фронта приказал приостановить наступление и перейти к обороне до особого распоряжения[98].

В своем докладе Верховному главнокомандующему Г. К. Жуков пояснял свое решение: «Противник, стремясь приостановить дальнейшее продвижение наших войск, в течение февраля подтянул на участок фронта 21 дивизию... В связи с тем что 2-й Белорусский фронт начинает свое наступление только 24 февраля 1945 г., а противник крупными силами ведет наступление на участке Коллис, Пиритц, я вынужден временно перейти к жесткой обороне с целью до 25–26 февраля изматывать противника. После чего перейти в наступление из района Реетц в общем направлении Реетц, Голлнов с задачей отрезать пути отхода померанской группе войск противника на запад»[99].

В конце февраля наступление войск правого крыла фронта возобновилось и продолжилось в марте. Борьба имела ожесточенный характер. Параллельно шла подготовка войск фронта к Берлинской операции, план которой был представлен Верховному главнокомандующему еще 10 февраля[100].

Успешное продвижение войск 1-го Белорусского фронта создавало выгодные условия для продолжения наступления 1-му Украинскому фронту на главном, бреславльском направлении и для удара во фланг и тыл краковско-силезской группировки врага.

Командующий 1-м Украинским фронтом 18 января в своей директиве определил общую задачу фронта и задачи каждой из армий. Согласно плану войска главной группировки фронта (3-я и 5-я гвардейские, 6, 13 и 52-я армии, 3-я гвардейская и 4-я танковые армии) должны были преследовать вражеские войска в общем направлении на Бреслау и с ходу форсировать р. Одер. Войскам левого крыла фронта (21, 59 и 60-я армии) ставилась задача овладеть г. Краков и Силезским промышленным районом. В резерве командующего фронтом находились 6-я армия и 7-й гвардейский механизированный корпус.

Захват Силезского промышленного района предполагалось осуществить обходом его с севера силами 21-й армии и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и с юга войсками 59-й и 60-й армий, чтобы не допустить разрушений многочисленных фабрик, заводов и шахт. «На сохранность Силезского промышленного района, — вспоминал генерал С. М. Штеменко, — Сталин обращал особое внимание и специально говорил по этому вопросу с командующим 1-м Украинским фронтом маршалом И. С. Коневым»[101]. «Для меня как командующего фронтом уже и без того было ясно, что вопрос об освобождении Домбровско-Силезского промышленного района надо решать по-особому. Надлежало принять все меры к предельно возможному сохранению его промышленного потенциала», — писал И. С. Конев[102].

В военно-промышленном комплексе Германии этот район занимал второе место после Рурского. Здесь ковалось оружие вермахта, и на легкий захват этого района не приходилось рассчитывать. Вместе с тем очень важно было сохранить его.

В ходе выполнения поставленных задач войска фронта, преодолевая противодействие разгромленных соединений 4-й танковой армии противника, стремительно продвигались вперед. В течение 18 и 19 января наибольшего успеха достигли войска 3-й гвардейской танковой и 52-й армий, которые за два дня наступления продвинулись более чем на 80 км и форсировали р. Просна. К исходу 19 января передовые части пересекли польско-германскую границу[103]. Война вступила на территорию агрессора, что стало знаковым событием для советских солдат и офицеров, вызвало мощный духовный подъем.

Войска левого крыла фронта, преодолевая упорное сопротивление врага на подступах к Силезскому промышленному району, развернули бои за овладение г. Краков. Вражеское командование, опираясь на оборону вокруг Кракова и в самом городе, стремилось сковать войска левого крыла фронта, выиграть время для подготовки обороны Силезского промышленного района. «Оценив вместе с командующим армией обстановку на месте, мы решили направить приданный этой армии 4-й гвардейский танковый корпус под командованием генерала Полубоярова в обход Кракова с запада. В сочетании с действиями 60-й армии, выходившей в это время к юго-восточным и южным окраинам Кракова, этот маневр грозил краковскому гарнизону окружением», — вспоминал И. С. Конев[104].

Опасаясь окружения, противник начал отводить войска на запад, и 19 января благодаря умелым действиям войск 59-й, 60-й армий и корпуса П. П. Полубоярова древнейший и красивейший город Польши, крупный промышленный и культурный центр Краков, который фашисты собирались взорвать, был взят целым и невредимым[105].

Отводя свои войска по обоим берегам Вислы на запад, вражеское командование стремилось остатками 4-й танковой и 17-й полевой армий (до восьми пехотных и одной танковой дивизии) организовать оборону Силезского промышленного района.

Советским командованием было принято решение глубоко обходить Силезский промышленный район танковыми соединениями, а затем во взаимодействии с общевойсковыми армиями, наступающими на Силезию с севера, востока и юга, заставить гитлеровцев под угрозой окружения выйти в открытое поле и там разгромить их, сохранив в целости промышленность Силезии. Командующий фронтом в сложившихся условиях ввел в сражение для овладения Силезским промышленным районом 21-ю армию (второй эшелон фронта) и 1-й гвардейский кавалерийский корпус из фронтового резерва. В течение 19 января войска 21-й армии прорвали оборону противника на р. Варта и повели наступление на Силезский промышленный район.

Артиллеристы ведут огонь по опорным пунктам вражеской обороны в районе Кракова

У стен спасенного от уничтожения Краковского Кремля

Немецкое командование стремилось задержать продвижение советских войск на бреславском направлении и направило туда из резерва три пехотные дивизии. Одновременно, используя медленное продвижение 5-й гвардейской армии советских войск, оно отводило свои войска за р. Одер.

Для того чтобы сорвать замысел противника на отвод своих войск за р. Одер и ускорить выдвижение 5-й гвардейской армии к реке, командующий фронтом 21 января решил повернуть 3-ю гвардейскую танковую армию на юг и нанести удар в общем направлении на Оппельн. 3-й гвардейской танковой армии была поставлена задача, нанося удар вдоль восточного берега Одера, овладеть г. Оппельн и отрезать неприятелю пути отхода к реке.

Осуществляя поставленную задачу, войска 3-й гвардейской танковой армии нанесли фланговый удар по группировке противника, действовавшей перед 5-й гвардейской армией, и стремительным выходом в район г. Оппельн перерезали коммуникации силезской группировки, идущие на запад и северо-запад[106]. Советские войска нависли над всей группировкой противника в Силезии, что вынудило вражеские войска начать поспешный отход и перед фронтом 5-й гвардейской армии.

Преследуя отходившего врага, 5-я гвардейская армия 22 января вышла к р. Одер северо-западнее Оппельна, переправилась на западный берег и захватила первый плацдарм в полосе 1-го Украинского фронта. К исходу 23 января войска главной группировки фронта также вышли на р. Одер и развернули борьбу за захват на ней плацдармов.

В это время в борьбе за Силезский промышленный район правофланговые соединения 21-й армии вышли 23 января на р. Одер южнее Оппельна, а левофланговые части овладели г. Тарновиц. Войска 59-й армии вышли на рубеж восточнее Сосновец — Явожно, а правофланговые соединения 60-й армии, продвигаясь вперед, обходили силезскую группировку противника с юга.

В ходе этих боев был освобожден район концлагерей Освенцим. «В Освенциме, по предварительным показаниям заключенных, замучены, сожжены, расстреляны сотни тысяч людей, — докладывал Г. М. Маленкову член Военного совета фронта генерал К. В. Крайнюков. — Прошу распоряжения о высылке представителей Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию фашистских зверств»[107].

Несмотря на охват ее флангов, вражеская группировка продолжала оказывать упорное сопротивление в крупных городах Силезии. По данным разведки группировка войск противника, оборонявшая Силезский промышленный район, насчитывала девять пехотных дивизий, две танковые, несколько боевых групп, две отдельные бригады, шесть отдельных полков, двадцать два отдельных батальона. Таким образом, вражеская группировка в Силезском промышленном районе хотя и состояла в основном из потрепанных в боях войск, представляла собой солидную силу.

В целях быстрейшего овладения Силезским промышленным районом командующий фронтом решил нанести удар силами 3-й гвардейской танковой армии из района Оппельна по тылам силезской группировки противника и под угрозой окружения заставить вражеские войска отойти на запад. В своей директиве от 24 января командующий фронтом поставил перед 3-й гвардейской танковой армией задачу: главными силами наступать в направлении Гросс-Стрелитц — Николаи и совместно с 21, 59 и 60-й армиями овладеть Силезским промышленным районом[108].

Войска 3-й гвардейской танковой армии 25 января приступили к выполнению поставленной задачи. Наступление развивалось успешно. 27 января соединения 3-й гвардейской танковой армии и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса вышли на коммуникации силезской группировки противника, создав для нее крайне тяжелое положение. Дальнейшее наступление 3-й гвардейской танковой армии в юго-восточном направлении и левофланговых частей 59-й армии из района Явожно в западном направлении могло привести в ближайшее время к окружению вражеской группировки в Силезии.

«Замкнув кольцо в результате операции, — вспоминал командующий войсками фронта И. С. Конев, — мы вынуждены будем разрушить весь этот район, нанести огромный ущерб

Командир подразделения САУ подполковник И. Е. Малютин ставит боевую задачу

Переправа через Одер

крупнейшему промышленному комплексу, который должен стать достоянием новой Польши»[109]. К тому же штурмовать завод за заводом, рудник за рудником, здание за зданием значило бы потерять многие тысячи солдат и офицеров. С согласия Ставки было принято решение оставить неприятелю свободный коридор для выхода из Силезии.

Наступление советских войск с востока и северо-востока и удар 3-й гвардейской танковой армии с северо-запада заставили противника поспешно оставлять главные города Польской Силезии и отходить по оставленному коридору в юго-западном направлении. 28 января войска 59-й и 21-й армий овладели центром Домбровского угольного района — городами Катовице и Кёнигсхютте, а 29 января весь Силезский промышленный район был очищен от немецко-фашистских войск. Отошедшие из Силезского района части противника были затем разгромлены в лесах к западу от него.

Наступление 1-го Украинского фронта облегчило продвижение на западном направлении войск соседнего 4-го Украинского фронта в Западно-Карпатской операции.

С конца января войска главной группировки фронта продолжали вести бои с противником за расширение плацдармов, захваченных на левом берегу р. Одер. 24 января к Одеру на участке Кебен — Штайнау вышли войска 4-й танковой армии, а к исходу 25 января сюда же выдвинулись передовые части 13-й армии[110]. К 26 января в районе севернее и южнее Штайнау войска 4-й танковой армии во взаимодействии с передовыми частями 13-й армии захватили плацдармы, встретив ожесточенное сопротивление противника. Вражеское командование сосредоточило против войск, захвативших здесь плацдармы, 76-ю пехотную дивизию, остатки 6, 214, 313 и 45-й пехотных, 20-й моторизованной, 16-й и 17-й танковых (без танков) дивизий, а также многочисленные батальоны и части различного назначения. Этими силами противник пытался сбросить соединения 4-й танковой и 13-й армий с захваченных плацдармов, но все контратаки были отражены. Продолжая наступление, советские войска овладели г. Штайнау и объединили захваченные в этом районе плацдармы в один шириной до 30 км и до 20 км в глубину[111]. Кроме того, войска 13-й армии частью сил продолжали удерживать плацдарм юго-восточнее Пархвитца[112].

Ожесточенная борьба за плацдармы велась в полосе наступления 52-й и 5-й гвардейской армий в районе севернее и южнее Бреслау и Олау. Совместными усилиями войска армий овладели г. Олау, а плацдармы, захваченные севернее и южнее города, объединили в один размером до 25 км по фронту и до 15 км в глубину. Одновременно на правом фланге 52-й армии был захвачен небольшой плацдарм в 12 км северо-западнее Бреслау[113].

В то время как основные силы главной группировки фронта вели бои на левом берегу р. Одер, 3-я гвардейская армия, наступавшая на правом крыле фронта, с 22 по 25 января продвинулась на 80 км и находилась в 100—140 км от реки. Это объяснялось прежде всего тем, что расстояние до Одера на правом крыле фронта было в два раза больше, чем в центре и на левом крыле. Кроме того, армии приходилось преодолевать всё возрастающее сопротивление гитлеровцев. В полосе наступления армии продолжали действовать остатки 24-го танкового и 42-го армейского корпусов, сюда же отходили под ударами 1-го Белорусского фронта остатки правого фланга 9-й армии противника. В полосу наступления 1-го Украинского фронта в ходе операции под ударами 1-го Белорусского фронта отошло свыше 10 дивизий, кроме того, семь дивизий и около 150 различных частей и подразделений противника было переброшено сюда с других фронтов. Все это резко снижало темп продвижения 3-й гвардейской армии и увеличивало ее отставание от передовых соединений главной группировки фронта.

Продвигаясь вперед, войска 3-й гвардейской армии во взаимодействии с 13-й армией окружили и уничтожили в районе Лиссы (Лешно) остатки нескольких дивизий общей численностью до 13 тыс. солдат и офицеров, из них до 2800 взяли в плен[114]. Однако до конца операции войскам 3-й гвардейской армии выйти к р. Одер не удалось. Она была остановлена ожесточенным сопротивлением противника на рубеже Кольциг — Глогау.

Напряженные боевые действия войск фронта, развернувшиеся в начале февраля, завершились 7 февраля закреплением захваченного ранее плацдарма в районе северо-западнее Бреслау и образованием второго крупного плацдарма в районе юго-восточнее этого города.

Это имело большое оперативное значение. Командование фронта могло сосредоточить свои главные силы на левом берегу р. Одер и начать новую операцию на берлинском и дрезденском направлениях без форсирования этого крупного водного препятствия, что в условиях начавшегося половодья приобретало особое значение. Борьбой за захват, расширение и закрепление плацдармов на р. Одер и овладением Силезским промышленным районом закончилась наступательная операция 1-го Украинского фронта.

В справке Генерального штаба по результатам наступательной операции 1-го Украинского фронта в январе 1945 г. отмечалось, что за 20 дней боевых действий (с 12 по 31 января) войска фронта продвинулись на запад от 250 до 400 км со средним темпом 20 км в сутки, а в отдельные дни — 36–42 км. Была очищена от противника территория площадью около 50 тыс. кв. км, занято 9 тыс. населенных пунктов, в том числе 115 городов. Полностью освобождена южная часть Польши, война перенесена на территорию Германии. Разгромлено 10 дивизий противника, захвачены в плен 43 тыс., уничтожены 147 тыс. человек. Захвачено и уничтожено свыше 4 тыс. орудий, 988 танков и самоходных установок, более 22 тыс. автомобилей и много другой техники и вооружения[115].

Потери войск 1-го Украинского фронта в ходе Висло-Одерской операции составили: безвозвратные — 26 219 человек, санитарные — около 90 тыс. человек[116], а также 1053 танка и 372 самоходные установки[117].

Висло-Одерская операция по своему размаху и результатам является одной из крупнейших стратегических наступательных операций не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны. За двадцать три дня наступления войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов при активном содействии 2-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов продвинулись на глубину до 600 км, расширили прорыв до 1 тыс. км и с ходу форсировали Одер, захватив на нем ряд плацдармов. Причем 1-й Белорусский фронт, захватив кюстринский плацдарм, оказался в 60 км от Берлина. Была освобождена от немецко-фашистских захватчиков значительная часть Польши и Чехословакии, а военные действия перенесены на территорию фашистской Германии. Потеря огромной территории, крупных промышленных районов, большого количества войск и вооружения сильно ослабила нацистскую Германию и приблизила ее окончательный разгром. Успешные действия советских войск создали условия для дальнейших ударов по врагу в Померании, Силезии, а затем и на берлинском направлении.

В ходе Висло-Одерской операции советские войска в течение короткого времени разгромили группу армий «А» (9-я и 17-я полевые, 1-я и 4-я танковые армии). Из 70 дивизий, шести бригад и более 15 различных по численности гарнизонов и групп, разновременно участвовавших в боях против советских войск в Висло-Одерской операции, свыше 31 дивизии и пяти бригад были полностью разбиты, до 25 дивизий понесли потери в личном составе свыше 60–70% и были сведены в боевые группы[118].

Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Г. Гудериан признал: «Ужасный месяц январь подтвердил все наши опасения в отношении крупного наступления русских... В первые дни февраля наше положение как на восточном, так и на западном фронтах стало роковым»[119].

Огромные потери, которые понесли войска противника, вынудили вражеское командование спешно перебрасывать в Польшу крупные силы и средства, снимая их с западного фронта, а также с других участков советско-германского фронта. Это облегчало решение задач действовавшим там войск. 1 февраля 1945 г. главнокомандующий войсками союзников генерал Д. Эйзенхауэр в своем приказе 21-й группе армий на наступление отмечал: «Русское наступление достигло больших успехов, и противник вынужден начать отвод войск с западного фронта»[120]. За период с 18 января по 7 февраля немецкое командование перебросило в полосу наступления войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов более 40 дивизий.

В ходе Висло-Одерской операции советское командование продемонстрировало возросший уровень военного искусства. Избранный Ставкой Верховного главнокомандования способ разгрома противника путем нанесения мощных глубоких, рассекающих ударов полностью

соответствовал сложившейся обстановке. Он сорвал замыслы гитлеровского командования последовательной обороной подготовленных между Вислой и Одером рубежей измотать и обескровить советские войска.

В действиях войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов по разгрому немецко-фашистских войск между Вислой и Одером четко просматриваются два этапа. На первом (с 12 по 17 января) был прорван стратегический фронт обороны противника в полосе около 500 км, разгромлены основные силы группы армий «А» и созданы условия для стремительного развития операции на большую глубину. На втором этапе (с 18 января по 3 февраля) войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов при содействии на флангах войск 2-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов в ходе стремительного преследования разгромили выдвигавшиеся из глубины резервы противника, овладели Силезским промышленным районом и вышли на широком фронте к Одеру, захватив ряд плацдармов на его западном берегу.

Висло-Одерская операция характеризовалась созданием значительного количественного и качественного превосходства советских войск в силах и средствах над немецко-фашистскими войсками. Оно обеспечивалось не только наличием общего превосходства, но и искусным массированием сил и средств на направлениях главных ударов. При этом был искусно применен такой способ разгрома противника, как рассечение. Крупная стратегическая группировка врага была разгромлена нанесением глубокого фронтального удара двух взаимодействующих фронтов. В рамках Висло-Одерской операции 1-й Белорусский фронт провел Варшавско-Познанскую, а 1-й Украинский — Сандомирско-Силезскую наступательные операции.

Среднесуточный темп составлял 25 км, а танковыми армиями в отдельные периоды — даже до 70 км. «Такая стремительность, — отмечал Г. К. Жуков, — была достигнута впервые в ходе Великой Отечественной войны»[121]. «Русское наступление за Вислой развивалось с невиданной силой и стремительностью, — писал немецкий генерал Ф. Меллентин. — Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи»[122].

Решающими условиями, определившими успех операции, были быстрый прорыв тактической зоны обороны, разгром первого эшелона и ближайших оперативных резервов противника. В 1-м Белорусском фронте он составлял от 8—10 км (8-я гвардейская армия) до 20 км в сутки. На направлении главного удара 1-го Украинского фронта темп прорыва тактической зоны обороны составлял 10—15 км в сутки. Быстрый прорыв обеспечивался правильным выбором направления главного удара, созданием мощных группировок, эффективным огневым поражением, искусным проведением разведки боем и применением передовых батальонов.

Учитывался огромный опыт предшествовавших операций. Во всех армиях, наступавших на направлениях главных ударов фронтов, создавались армейские, дивизионные и полковые артиллерийские группы, а в корпусах 1-го Белорусского фронта — и корпусные артиллерийские группы. Они обеспечивали непрерывную поддержку наступавших войск при прорыве тактической зоны обороны и при развитии наступления в оперативной глубине. Быстрый прорыв тактической зоны создал благоприятные условия для стремительного наступления советских войск и в оперативной глубине. «Стремительностью действий, быстротой разгрома противника, высоким темпом продвижения войск мы достигли полной оперативно-тактической, а иногда и стратегической внезапности», — утверждал Г. К. Жуков, анализируя операцию[123].

Умелое использование сильных вторых эшелонов, танковых армий, танковых, механизированных и кавалерийских корпусов, а также резервов во фронтах и армиях позволило развивать наступление в стремительном темпе и дало возможность командованию фронтов осуществлять широкий маневр с целью выхода на тылы крупных группировок вражеских войск. Противник вынужден был признать, по свидетельству генерала Ф. Меллентина, что советское «Верховное главнокомандование полностью овладело техникой организации наступления огромных механизированных армий»[124].

В ходе Висло-Одерской операции получили развитие организация и ведение преследования отходящих войск противника на большую глубину. При этом главную роль играли танковые армии и корпуса, наступавшие при поддержке основных сил воздушных армий. Преследование велось круглосуточно, что лишало неприятеля возможности организовать оборону в глубине. До выхода советских войск на Одер его резервы существенного влияния на ход операции не оказали.

Висло-Одерская операция характерна широким маневром войск. Он проводился с целью выхода на тылы крупных группировок противника, создавал угрозу их окружения и вынуждал вражеские войска поспешно отходить с занимаемых ими рубежей и районов, бросать основную массу техники на поле боя. Показательными в этом отношении являются маневр 33-й армии 1-го Белорусского и 3-й гвардейской армии 1-го Украинского фронтов по обходу частей 42-го армейского корпуса противника, а также маневр частью сил по обходу Варшавы. Маневренные действия способствовали блокированию значительных немецких сил в крупных населенных пунктах и городах (Познань, Шнайдемюль и др.), что, в свою очередь, затрудняло врагу создание сплошного фронта обороны. Наличие крупных брешей во вражеской обороне обеспечивало благоприятные условия для развития операции в глубину.

Важное значение в ходе и особенно на завершающем этапе операции имел маневр силами и средствами для противодействия крупным группировкам противника, сосредоточиваемым для нанесения контрударов во фланг и тыл ударных группировок фронтов. Так, в 1-м Белорусском фронте командующий выделил крупные силы для обеспечения фланга ударной группировки: четыре общевойсковые армии (3-я ударная, 1-я армия Войска Польского, 47-я и 61-я), одну танковую армию (2-я гвардейская) и один кавалерийский корпус (2-й гвардейский). Это было обусловлено значительным разрывом между смежными крыльями 1-го и 2-го Белорусских фронтов, наступавших в расходящихся направлениях, а также угрозой со стороны противника, сосредоточившего крупную группировку в Померании для контрудара во фланг и тыл войскам 1-го Белорусского фронта. Такое ослабление ударной группировки ограничивало возможности фронта по захвату и расширению плацдармов на р. Одер.

Большую роль в операции сыграла авиация фронтов, которая произвела около 25,4 тыс. самолето-вылетов, из них на поддержку и прикрытие наземных войск — от 72 до 85% всех самолето-вылетов[125]. С выходом советских войск на р. Одер активность авиации фронтов резко снизилась, что обусловливалось главным образом непригодностью полевых аэродромов в связи с наступившей распутицей. В то же время неприятельская авиация, располагая постоянными аэродромами в районе Берлина, усилила свою активность, и ей временно удалось захватить инициативу, что осложнило борьбу наших войск за захват и расширение плацдарма на р. Одер.

В весьма сложных условиях на протяжении всей операции протекала работа фронтового тыла. Большинство мостов через Вислу было взорвано, железнодорожные магистрали между Вислой и Одером разрушены и требовали восстановления. Все это вынудило основную тяжесть подвоза переложить с железных дорог на автомобильный транспорт. Неполная обеспеченность войск основными видами довольствия снизила темп их продвижения.

Все эти трудности не позволили сделать итоги операции еще более результативными, но нисколько не умалили огромную значимость победы советских войск в Висло-Одерской операции. Она была достигнута совместными титаническими усилиями тружеников тыла и советских воинов.

За мужество и воинское мастерство, проявленные в ходе операции, 481 соединению и части 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов были присвоены почетные наименования, 1192 соединения и части награждены орденами, тысячи солдат и офицеров удостоились орденов и медалей, многим было присвоено звание Героя Советского Союза[126]. Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков (повторно) и И. С. Конев награждены орденами Победы. 25 раз Москва салютовала войскам в честь побед в Висло-Одерской операции, в память о погибших. Потери Красной армии в операции составили свыше 193 тыс. человек, 1267 танков и САУ, 374 орудия и миномета, 343 самолета[127].

Освобождение Силезии

Выход войск 1-го Украинского фронта в результате Сандомирско-Силезской операции в 500-километровой полосе к р. Одер и захват ими на ряде участков северо-западнее и юго-восточнее Бреслау и севернее Ратибора плацдармов на левом берегу реки создавали благоприятные условия для дальнейшего наступления. Вместе с тем войска фронта, ослабленные в предыдущем наступлении, испытывали определенные трудности и не могли его продолжать столь же эффективно, как ранее. Коммуникации в результате стремительного продвижения к Одеру оказались растянутыми до 500 км, тыловые базы фронта оставались восточнее Вислы из-за медленного восстановления железных дорог, что серьезно осложняло организацию тылового обеспечения.

В то же время, учитывая, что немецкое командование срочно перебрасывало на берлинское направление войска с запада и его сопротивление возрастало по всему фронту с каждым часом, требовалось немедленно развивать наступление, чтобы не позволить противнику прочно закрепиться на левом берегу реки. Началась подготовка новой наступательной операции фронта западнее р. Одер.

Командование 1-го Украинского фронта представило 28 января 1945 г. в Ставку ВГК план операции, целью которой были разгром бреслау-дрезденской группировки противника и выход на р. Эльба к 25–28 февраля, а правым крылом во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом овладение Берлином[128]. Силезский и Берлинский промышленные районы к этому времени составляли основу экономической базы Германии, поэтому борьба за них имела для обеих противоборствующих сторон огромное значение, определявшее во многом исход войны.

Группировка неприятеля в полосе 1-го Украинского фронта состояла из 4-й танковой, 17-й полевой армий и армейской группы «Хейнрици» (1-й танковой армии), входивших в группу армий «Центр» (командующий генерал-полковник Ф. Шёрнер). К 8 февраля перед 1-м Украинским фронтом действовало 26 пехотных, четыре танковые и две моторизованные дивизии, а также танковая бригада и корпусная группа «Бреслау»[129]. Некоторые из этих дивизий в предыдущих боях понесли большие потери и были сведены в боевые группы дивизий. Поддержку наземных войск осуществляла авиационная группа 4-го воздушного флота.

К началу операции войска 1-го Украинского фронта действовали в прежнем составе (3-я и 5-я гвардейские, 13, 52, 6, 21, 59 и 60-я общевойсковые армии, 4-я и 3-я гвардейская танковые армии, 2-я воздушная армия, 25, 31, 4-й гвардейский танковые корпуса, 7-й гвардейский механизированный и 1-й гвардейский кавалерийский корпуса) и насчитывали 66 стрелковых дивизий, шесть танковых, три механизированных и один кавалерийский корпуса; всего около 981 тыс. человек, 6776 орудий, 782 танка, 572 САУ и 1951 самолет[130].

Для достижения цели операции намечалось:

а) главной группировкой фронта в составе шести армий — 3-й гвардейской (генерал В. Н. Гордов), 13-й (генерал Н. П. Пухов), 52-й (генерал К. А. Коротеев), 6-й (генерал В. А. Глуздовский) общевойсковых, 3-й гвардейской (генерал П. С. Рыбалко) и 4-й (генерал Д. Д. Лелюшенко) танковых и 25-го танкового и 7-го гвардейского механизированного корпусов с плацдарма северо-западнее Бреслау нанести удар в общем направлении на Шпроттау — Котбус — Ютербог;

б) вспомогательной группировкой в составе 5-й гвардейской (генерал А. С. Жадов) и 21-й (генерал Д. Н. Гусев) армий и 4-го гвардейского и 31-го танковых корпусов с плацдарма юго-восточнее Бреслау нанести удар в общем направлении Штригау — Гёрлиц — Гроссенхайн — Лейпциг;

в) овладение г. Бреслау возлагалось на 6-ю армию при поддержке 7-го гвардейского механизированного корпуса, которые должны были из-за левого фланга главной группировки нанести удар на Лигниц и затем на восток, на Кант, навстречу 5-й гвардейской армии, наступавшей южнее Бреслау;

Немецкие войска на марше в Нижней Силезии

Немецкие солдаты из гитлерюгенда готовятся к обороне

г) левофланговые 59-я (генерал И. Т. Коровников) и 60-я (генерал П. А. Курочкин) армии с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом должны были обеспечивать главную группировку фронта с юга и юго-запада, во взаимодействии с 4-м Украинским фронтом наступать с плацдарма северо-западнее Ратибора вдоль северных склонов Судетских гор в общем направлении на Нейсе — Франкенштайн.

Оперативной директивой фронта от 31 января войскам определялись общая задача, предусмотренная планом операции, и задачи по дням. При этом общая глубина операции до выхода войск на р. Эльба равнялась 240 км, что диктовало средний темп суточного продвижения в 13 км[131].

Артиллерийское наступление планировалось по следующей схеме: артиллерийская подготовка продолжительностью 55 минут и сопровождение атаки методом последовательного сосредоточения огня в течение часа.

Наступление на направлении главного удара намечалось на сутки позже левофланговых армий с целью отвлечь резервы противника на направление вспомогательного удара. Главный удар планировался на 6 февраля, но «в целях накопления боеприпасов, горючего и лучшей подготовки» командующий фронтом приказал начать наступление 8 февраля[132].

Главной особенностью операции, определившей во многом ее исход, было то, что она готовилась и проводилась фактически сразу после предыдущей. Войска фронта в период с 1 по 3 февраля проводили перегруппировку согласно плану операции, отражали контратаки противника в борьбе за плацдарм и вели бои за его расширение. 3-я гвардейская армия продолжала очищать правый берег р. Одер от неприятеля и, продвинувшись до 25 км, правым флангом вышла к реке.

При подготовке операции была проведена перегруппировка войск, в ходе которой они выдвигались в новые, суженные полосы наступления армий. В результате массирования сил и средств на направлении главного удара войска фронта превосходили противника: в пехоте — в 2,3 раза, в орудиях и минометах — в 6,6 раза, в танках и САУ — в 5,7 раза. Вторая ударная группировка превосходила врага: в пехоте — в 1,7 раза, в орудиях и минометах — в 3,3 раза, в танках и САУ — в 4 раза. Авиационную поддержку осуществляла 2-я воздушная армия (генерал С. А. Красовский).

4 февраля 5-я гвардейская и 21-я армии перешли в наступление со своих плацдармов юго-восточнее Бреслау, прорвали позиции противника юго-западнее г. Бриг и по р. Нейсе и, продвинувшись до 25 км, соединили плацдармы обеих армий. Гарнизон г. Бриг был заблокирован. Остальные армии на занимаемых рубежах проводили частичную перегруппировку и отражали контратаки. 5—7 февраля шли бои за расширение плацдарма юго-восточнее Бреслау. 21-я армия овладела Гротткау и совместно с 5-й гвардейской армией — г. Бриг. В ходе боев были захвачены 2600 пленных солдат и офицеров, 62 орудия, 19 танков, 28 самолетов[133].

Противник усилил группировку войск против плацдарма 5-й гвардейской и 21-й армий и в течение 7 февраля предпринял ряд контратак, которые советские войска успешно отразили.

8 февраля с плацдарма северо-западнее Бреслау после артподготовки перешли в наступление войска главной группировки фронта. Они прорвали оборону противника и объединили плацдармы в районах Штайнау и Мальч. Общевойсковые соединения продвинулись от 8 до 18 км, а 6-й гвардейский механизированный корпус 4-й танковой армии — до 20 км и вышел в район Кунцендорфа. Войска фронта освободили 125 населенных пунктов, в том числе г. Перховиц. Был блокирован гарнизон г. Любен, и завязались бои на подступах к г. Лигниц[134].

5-я гвардейская и 21-я армии, встретив упорное сопротивление, продвижения не имели и продолжали отражать контратаки противника.

По итогам боев задача первого дня операции (продвинуться на 25 км) не была полностью выполнена. 9 февраля главная группировка войск продолжала наступление, в ходе которого пехота продвинулась на 12 км, а танковые соединения — на 20 км[135]. После упорных боев была форсирована р. Катцбах и занято 120 населенных пунктов.

Бой в Глогау

В полосе действий 5-й гвардейской и 21-й армий противник усилил свою группировку, введя в бой 254-ю пехотную дивизию, и вынудил войска 21-й армии оставить шесть населенных пунктов[136]. В последующие дни бои развернулись за захват и удержание рубежей по рекам Бобер (Бубр) и Квайс. В течение 10—12 февраля войскам фронта удалось форсировать р. Бобер, овладеть г. Бенцлау, вести бои за города Глогау, Заган, Шпроттау, Гольдберг, Яуер и к исходу 12 февраля выйти на р. Квейс[137].

В связи с усилением сопротивления неприятеля на бреславльском направлении командующий фронтом приказал командующему 3-й гвардейской танковой армией двумя корпусами (9-й механизированный и 7-й гвардейский танковый) во взаимодействии с 1-м гвардейским механизированным, 31-м танковым корпусами, 5-й гвардейской и 6-й армиями нанести удар с целью разгрома бреславльской группировки противника, а 6-му гвардейскому корпусу наступать в направлении г. Гёрлиц и овладеть городом к утру 13 февраля.

13-го числа западнее Бреслау встретились части 7-го гвардейского и 31-го танковых корпусов, завершив окружение крепости. Наступавшие вслед за танкистами части 5-й гвардейской и 6-й армий начали создавать внутренний и внешний фронт окружения. Подошедшие к тому времени танковые корпуса 3-й гвардейской танковой армии нанесли удар во фланг 19-й танковой дивизии немцев, пытавшейся разорвать только что сформированное кольцо окружения.

Герлицем овладеть не удалось, но бреславльская группировка противника (по оценке штаба фронта, 40 тыс. человек) 14 февраля была окружена[138]. После завершения окружения Бреслау для блокирования гарнизона крепости была выделена только 6-я армия генерала В. А. Глуздовского, а высвободившиеся войска использованы для дальнейшего развития наступления. Противник неоднократно пытался оказать помощь по воздуху окруженному гарнизону, но город был надежно блокирован.

Немецкое командование для наращивания усилий перебрасывало на это направление дивизии из Германии, с участков 3-го и 4-го Украинских фронтов. В общей сложности к 1 марта оно увеличило свою группировку в полосе действий 1-го Украинского фронта на 13 дивизий[139].

В связи с усилением неприятельской группировки, а также отставанием левого крыла фронта, что привело к увеличению полосы наступления до 520 км и растягиванию коммуникаций, а также «недостачей боеприпасов, большими потерями в личном составе, в танках и САУ (до 1233 единиц)» командование фронта представило 16 февраля в Ставку ВГК новый план действий, который был утвержден[140]. План предусматривал: 3-й гвардейской, 13, 52 и 4-й танковой армиям выйти на р. Нейсе, овладеть плацдармами на ее западном берегу и закрепиться, а 3-й гвардейской танковой армии овладеть районом Герлиц и закрепиться; 21, 59 и 60-й армиям продолжать наступление с целью отбросить противника в Судетские горы и прикрыться со стороны гор 59-й и 60-й армиями[141].

Завязались упорные бои, в ходе которых армии правого крыла фронта, медленно продвигаясь вперед, вышли к 21 февраля к р. Нейсе, остальные армии имели незначительное продвижение на отдельных направлениях и отражали контратаки противника. 22 февраля правофланговые армии фронта на ряде участков форсировали р. Нейсе и вели бои за удержание плацдарма. 59-я и 60-я армии перешли к обороне, а 4-я танковая армия была выведена в резерв на восстановление. 23–24 февраля продолжались бои за расширение плацдарма на правом фланге. Войска овладели г. Губен. Шли бои с окруженными в Бреслау и Глогау группировками.

В этой обстановке Генеральный штаб считал продолжение наступления нецелесообразным. Мотивы такого вывода убедительно видны из докладной начальника 1-го украинского направления Оперативного управления Генштаба генерала Я. А. Куцева начальнику Оперативного управления генералу С. М. Штеменко: «Успех, и то незначительный, имеют только правофланговые армии. Фронт уже растянулся до 500 км; войска, по существу, смотрят на юг, а разграничительные линии остаются старые и требуют наступления на запад. Продвижение правого крыла еще на 50–70 км вперед на запад не улучшит нашего положения, а только вытянет наши войска в линию фронтом на юг. В армиях и во фронте никаких резервов нет. Тылы отстали и растянулись, не успевают подвозить боеприпасы. Войска за период наступления (с 12 января) повыдохлись и нуждаются в передышке. Противник может проткнуть наш фронт»[142].

Предлагалось перейти к обороне. Эти соображения полностью совпадали с мнением командования фронта и были утверждены. 24 февраля командующий войсками фронта отдал боевое распоряжение о переходе войск к обороне по всему фронту[143].

В результате наступательной операции войска фронта, прорвав оборону гитлеровцев на 250-километровом фронте, продвинулись на правом фланге до 120 км, в центре — до 40 км, на левом фланге — до 16 км, овладели Нижней Силезией и вступили в германскую провинцию Бранденбург. В полосе наступления фронта была занята территория площадью свыше 10 тыс. кв. км, освобождены от противника 31 город, в том числе Гротткау, Бриг, Кант, Лигниц, Бунцлау, Яуер, Шпроттау, Зорау, и 1534 населенных пункта. Были окружены и уничтожались гарнизоны в Глогау и Бреслау. Потери противника в период с 10 по 28 февраля, по записям в журнале боевых действий фронта, составили 127 952 человека уничтоженных и захваченных в плен, 826 танков и штурмовых орудий, 1183 самолета, 213 складов[144].

К 24 февраля все побережье Нейсе от устья до г. Пенциг (протяженностью 110 км) занимали войска правого крыла фронта, которые вышли на одну линию с войсками 1-го

Ночной бой в пригороде Бреслау

Бойцы подразделения старшины Провознюка в уличных боях за Бреслау

Советские 45-мм орудия в уличных боях за Бреслау

Белорусского фронта. Наступление армий левого крыла в связи с недостатком сил развития не получило. Потери 1-го Украинского фронта составили: безвозвратные — 23 577 человек, а санитарные — 75 809 человек[145], а также около 960 танков и САУ.

Авиация 2-й воздушной армии с учетом неблагоприятных метеоусловий в начале и в конце месяца совершила за февраль 18 131 самолето-вылет. Потеряв в боях 84 самолета, она нанесла противнику значительный урон, подбив и уничтожив 86 единиц бронетехники, около 1300 автомашин, 77 вагонов и 12 паровозов, подавив 120 батарей и сбив в воздушных боях 241 самолет[146].

Ход и результаты операции показали, что поставленная задача выхода на р. Эльба оказалась явно завышенной и не была выполнена. Основной причиной стало отсутствие паузы после предыдущей Сандомирско-Силезской операции для тщательной подготовки новой. Но обстановка вынуждала спешить, чтобы не дать врагу укрепить оборону. Это подтвердилось действиями противника, который в ходе операции нарастил свою группировку с 22 до 35 расчетных дивизий, что позволило ему задержать продвижение советских войск.

Сказалась также сильная растянутость фронта, которая требовала выделения сил на обеспечение флангов. Отставали базы снабжения. Удержание противником важнейших железнодорожных узлов Глогау и Бреслау отвлекало значительные силы (семь стрелковых дивизий) на уничтожение окруженных группировок и мешало проведению необходимых маневров.

Несмотря на все эти обстоятельства, в результате успешных действий ударной группировки улучшилось оперативное положение советских войск на берлинском направлении. Одновременно войска 1-го Украинского фронта заняли охватывающее положение по отношению к верхнесилезской группировке противника и получили возможность подготовить дальнейшее наступление в направлении Дрездена, Лейпцига и в центральные районы Чехословакии. В ходе наступательной операции войска 1-го Украинского фронта отвлекли на себя значительную часть вражеских резервов и тем самым содействовали войскам 1-го и 2-го Белорусских фронтов в разгроме восточнопомеранской группировки, а войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов — в ликвидации угрозы прорыва противника к Дунаю.

Для Германии потеря части Силезского промышленного района оказалась очень чувствительной и существенно подорвала ее экономическую мощь. Среди прочего был утрачен ряд крупных военных заводов, располагавшихся в районе городов Губен, Заган, Зорау, Христианштадт и других.

Наступательная операция 1-го Украинского фронта по освобождению Нижней Силезии стала логическим продолжением Висло-Одерской операции и составной частью дальнейшего общего стратегического наступления Красной армии. По итогам операции южное крыло 1-го Украинского фронта угрожающе нависло над верхнесилезской группировкой немецких войск. В свою очередь, такая конфигурация линии фронта позволяла противнику нанести контрудар по левому флангу 1-го Украинского фронта, чтобы вернуть Силезский промышленный район. Эти обстоятельства побудили Ставку ВГК и командование фронта приступить к разработке плана Верхне-Силезской операции.

Целью Верхне-Силезской операции являлись разгром группировки противника юго-западнее Оппельна и создание более благоприятных условий для наступления на берлинском направлении. Одновременно наступление войск 1-го Украинского фронта в Верхней Силезии с выходом во фланг и тыл армейской группы «Хейнрици» должно было, по замыслу Ставки, способствовать успешному проведению операции 4-го Украинского фронта по овладению Моравска-Остравским промышленным районом.

Во всей полосе 1-го Украинского фронта, по оценке его командования, к началу операции (на 15 марта) действовали 40 дивизий противника, включая семь танковых и две моторизованные[147]. Авиационную поддержку сухопутных войск осуществлял 4-й воздушный флот. В полосе действий войск левого крыла фронта (34-й гвардейский стрелковый корпус 5-й гвардейской армии, 21, 59, 60 и 4-я танковая армии) группировка войск неприятеля насчитывала до 15 дивизий, свыше 1420 орудий и минометов, 94 танка и штурмовых орудия из

состава немецкой 17-й армии группы армий «Центр» (командующий генерал Ф. Шёрнер) и 1-й танковой армии армейской группы «Хейнрици» (командующий генерал Г. Хейнрици).

24 февраля Ставка ВГК потребовала от командования 1-м Украинским фронтом представить не позднее 27 февраля конкретный план операции армий левого крыла фронта. Начать наступление планировалось не позже 10—15 марта. 28 февраля командование фронта представило план операции с целью «разбить противника в оппельнском выступе, соединить армии центра с левым крылом фронта и установить фронт по линии Штрелен, Мюнстерберг, Патшкау, Троппау»[148].

Замыслом Верхне-Силезской операции предусматривалось встречными ударами двух группировок из районов северо-западнее и южнее Оппельна окружить и уничтожить противника юго-западнее города и выйти на рубеж Штрелен — Патшкау — Опава.

К операции привлекались 21-я армия (генерал Д. Н. Гусев), усиленная 34-м гвардейским стрелковым корпусом 5-й гвардейской армии, 59-я (генерал И. Т. Коровников) и 60-я (генерал П. А. Курочкин) армии, 4-я танковая армия (генерал Д. Д. Лелюшенко), 93-й стрелковый корпус, 2-й гвардейский механизированный, 4-й гвардейский и 31-й танковые корпуса, три артиллерийские дивизии прорыва, одна дивизия РС М-31, пять истребительно-противотанковых бригад. Действия войск поддерживала 2-я воздушная армия (генерал С. А. Красовский).

Были созданы две группировки войск. Оппельнская группировка включала 21-ю армию, усиленную 34-м гвардейским стрелковым корпусом 5-й гвардейской армии, 4-ю танковую армию, 4-й гвардейский танковый корпус, две артиллерийские дивизии прорыва, одну минометную дивизию РС М-31, одну истребительно-противотанковую бригаду. Главный удар группировка наносила в общем направлении Гротткау — Нейсе — Нойштадт. Прорыв намечался на участке 12 км по обоим берегам р. Нейсе силами 11 дивизий (семь в первом и четыре во втором эшелоне) с 4-м гвардейским танковым корпусом.

Задачей первого дня наступления было прорваться на глубину 10—12 км. На третий день наступления войска 21-й армии должны были овладеть рубежом Штрена — Люнстербер — Нойштадт — Зюльц — Визангрунд, то есть прорваться на глубину до 40 км от исходного положения и соединиться с ратиборской группировкой войск.

34-й гвардейский стрелковый и 4-й гвардейский танковый корпуса имели задачу развернуть фланг в направлении Приборна. 4-й танковой армии ставилась задача с участка прорыва 21-й армии нанести удар в направлении Гротткау — Нейсе — Нойштадт. В первый день операции овладеть районом Нейсе (на глубине 22 км), на второй — районом Нойштадт (глубина 50 км), где соединиться с частями 7-го механизированного корпуса, наступающего в полосе 59-й армии[149]. К 15 марта армия насчитывала 300 танков Т-34 и 163 САУ. Плотность орудий и минометов без учета 82-мм составляла 150 стволов на километр фронта.

Ратиборская группировка в составе 59-й армии, усиленной 93-м гвардейским стрелковым корпусом, 60-й армии, 7-го гвардейского механизированного, 31-го танкового корпусов, 152-й отдельной танковой бригады, одной артиллерийской дивизии прорыва, одной минометной бригады РС М-31, четырех истребительно-противотанковых бригад, одной минометной бригады прорывала оборону противника с плацдарма севернее Ратибора на фронте 10 км силами 12 дивизий (шесть в первом и шесть во втором эшелоне).

Удар наносился по двум расходящимся направлениям: первый — шестью дивизиями 59-й армии с 7-м гвардейским механизированным корпусом на северо-запад в направлении Костенталь — Зюльц навстречу 21-й армии, соединение с которой планировалось на третий день операции в районе Нойштадта; второй — шестью дивизиями 60-й армии с 31-м танковым корпусом, 152-й отдельной танковой бригадой на юго-запад в направлении Ернау — Бискау. Глубина задачи первого дня наступления — 10 км, третьего — 30 км. Плотность артиллерии — 170 стволов (без учета 82-мм минометов). Расход боеприпасов: на операцию — два боекомплекта, на артиллерийскую подготовку — один боекомплект[150].

В составе этих группировок имелись 31 стрелковая дивизия, 408 400 человек, 5640 орудий и минометов, 988 танков и САУ, более 1700 самолетов. Это обеспечивало, по оценке штаба

фронта, соотношение сил в пользу советских войск: в пехоте — в 2 раза, в танках и САУ — в 6 раз, в самолетах — в 5 раз[151].

Наступление ударных группировок 1-го Украинского фронта из района Гротткау и с плацдарма севернее Ратибора началось утром 15 марта. В полосе действий оппельновской группировки войск наступление развертывалось уже по отработанной схеме. В 6 часов 15 марта после 10-минутного огневого налета перешли в атаку передовые батальоны дивизий 21-й армии и захватили первую траншею. В 10 часов была проведена 40-минутная артиллерийская подготовка и нанесен авиационный удар, после чего перешли в наступление главные силы. Во взаимодействии с частями 21-й армии наступали передовые бригады 4-й танковой армии.

Продвижение войск в первый день операции составило 4—7 км, вторую полосу обороны с ходу прорвать не удалось. Это объяснялось во многом тем, что артиллерийской подготовкой не была полностью подавлена система обороны противника, а авиационная подготовка 15 марта вследствие плохой погоды оказалась менее интенсивной, чем планировалось. Вместо 2995 самолето-вылетов, запланированных на первый день операции, авиация произвела лишь 1291 самолето-вылет[152]. Наступающие войска встретили сильное сопротивление с применением новых противотанковых средств. Танковые части несли потери. Кроме того, на темпы продвижения неизбежно оказывала влияние весенняя распутица, к тому же часть танковых бригад попала в болото[153].

«Выяснилось, что наша артиллерия подавила далеко не все огневые точки противника, в особенности противотанковые, — признавал И. С. Конев. — Многие из них вообще оказались для нас неожиданностью: закопанные танки, самоходки и противотанковые орудия, спрятанные в населенных пунктах»[154].

Действия ратиборской группировки были схожими, в том числе по результативности. При этом части 7-го гвардейского механизированного и 31-го танкового корпусов также действовали со стрелковыми соединениями для прорыва тактической зоны обороны и понесли большие потери (до 30%).

«Именно в Верхней Силезии нам впервые за всю войну довелось встретиться с густым насыщением обороны противника фаустпатронами, методы борьбы с которыми были еще недостаточно отработаны», — пояснял впоследствии такие потери И. С. Конев[155].

Чтобы отразить удар 1-го Украинского фронта и не допустить его выхода к г. Нейсе, немецкое командование стало перебрасывать в район сражения новые соединения. По показаниям пленных, части 10-й моторизованной и 19-й танковой дивизий неприятеля в 10 часов 15 марта были переброшены на автомобилях из района Яуер — Швейднау в район Нейсе — Гротткау и с ходу вступили в бой. Из-за слабой видимости авиация 2-й воздушной армии этого своевременно не обнаружила и не вела борьбу с оперативными резервами противника[156].

В ночь на 16 марта были введены в бой вторые эшелоны полков и дивизий. Весь день шла борьба наступающих с прибывшими механизированными соединениями врага. Вот здесь и сказались продуманность замысла операции и грамотное оперативное построение войск: 4-й танковый и 6-й механизированный корпуса 4-й танковой армии действовали на внешнем фронте намечающегося окружения, 10-й танковый корпус — на внутреннем. Контрудар немцев приняли на себя 4-й и 6-й корпуса. В течение 16 марта авиация произвела 1700 самолето-вылетов, нанося удары по контрударным группировкам противника и непрерывно бомбя скопление его войск в Нидер, Вербен и в лесу между ними[157]. Продвижение войск за сутки составило 4—8 км.

С утра 17 марта были введены в бой вторые эшелоны корпусов, и продвижение составило до 18 км. В районе Ротхаус в 13.00 17 марта силами 61-й танковой бригады 10-го танкового корпуса удалось с ходу форсировать р. Нейсе и развить успех на Нойштадт. В боях под Ротхаусом погиб командир 10-го танкового корпуса полковник Н. Д. Чупров. Его заменил генерал Е. Е. Белов — заместитель командующего 4-й танковой армией. В этот день приказом народного комиссара обороны 4-я танковая армия была преобразована в гвардейскую.

Советские саперы подносят ящики со взрывчаткой для подрыва дома в Бреслау

Советские автоматчики в бою

Бойцы советского штурмового батальона на развалинах трамвайного депо в Бреслау

Убитые немецкие солдаты на улице Бреслау

18 марта, продвинувшись еще на 15 км, соединения 21-й и 4-й гвардейской танковой армий соединились в районе Нойштадт — Зюльц с частями 59-й армии, окружив группировку войск противника в лесах юго-западнее г. Оппельн в составе 20-й эстонской пехотной дивизии СС, 168, 344 и 254-й пехотных дивизий, часть сил 18-й моторизованной дивизии СС и ряд отдельных полков и батальонов[158].

Для нанесения контрудара с целью деблокирования окруженных войск противник подтянул части дивизии «Герман Геринг» и 20-й танковой дивизии. Основные усилия по отражению удара приняли на себя части 6-го гвардейского механизированного корпуса и полученные 4-й гвардейской танковой армией незадолго до операции в Верхней Силезии самоходные установки СУ-100. Массированным огнем всей артиллерии 17-й и 16-й гвардейских механизированных бригад и корпусной артиллерийской группы все контратаки частей дивизии «Герман Геринг» были отбиты. Безуспешным было и наступление 20-й танковой дивизии во фланг 6-му гвардейскому механизированному корпусу[159]. Общие потери 6-го гвардейского механизированного корпуса за 18 марта составили 99 человек убитыми, 318 ранеными, восемь танков сожженными[160].

Директивой Ставки ВГК 18 марта в состав фронта был передан 5-й гвардейский механизированный корпус из 4-го Украинского фронта.

19—20 марта войска левого крыла фронта вели бои по уничтожению окруженной группировки неприятеля и отражали его контратаки. Попытки противника вырваться из окружения не дали результатов. Пока советские соединения, действовавшие на внешнем фронте окружения, отбивали немецкие контрудары, главные силы 21-й армии к вечеру 20 марта фактически завершили ликвидацию окруженной немецкой группировки[161].

В целом за пять дней боев войскам 1-го Украинского фронта удалось продвинуться на глубину 50 км, овладеть 472 населенными пунктами, уничтожить свыше 40 тыс. солдат и офицеров противника и захватить 10 660 пленных[162]. Они окружили и уничтожили крупную вражескую группировку на западном берегу Одера, устранив тем самым возможность флангового удара противника по войскам фронта из Верхней Силезии в ходе Берлинской операции. Противник был вынужден перебрасывать на это направление дивизии с других участков, в том числе сосредоточенные в районе Цобтена и Швейдница механизированные соединения, и бросить их в бой в районе Нейсе. Тем самым были сорваны планы деблокирования Бреслау.

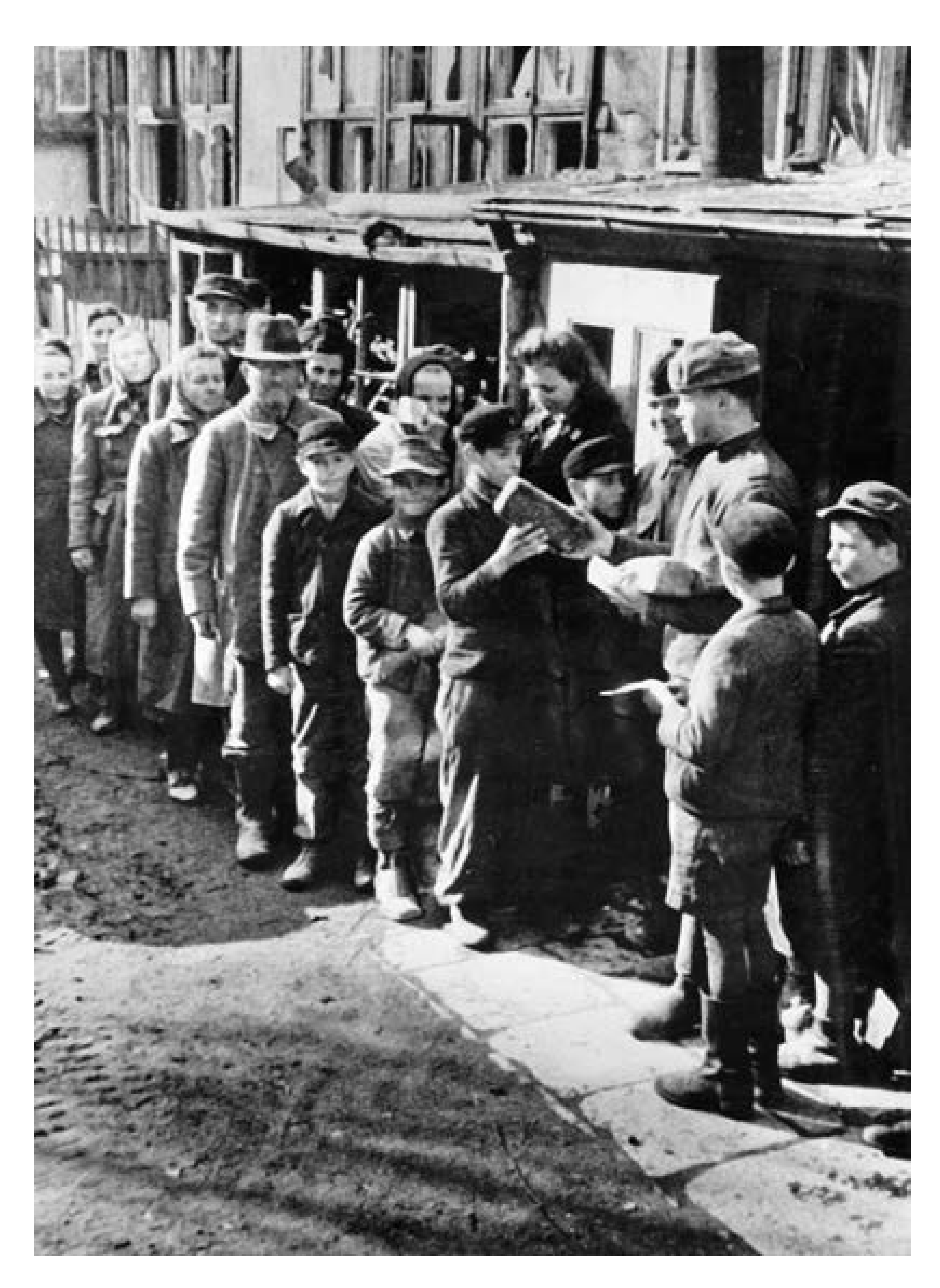
Безвозвратные потери бронетехники в войсках фронта за период с 15 по 20 марта составили 259 бронеединиц (196 танков и 63 САУ).

«По нашим данным, фашисты потеряли только убитыми около тридцати тысяч солдат и офицеров, пятнадцать тысяч человек мы взяли в плен, — вспоминал И. С. Конев. — Не буду перечислять трофеев — их было немало. Достаточно сказать, что в этом районе нам достались семьдесят пять неприятельских складов с боеприпасами, снаряжением и продовольствием»[163].

21 марта войска левого крыла фронта производили перегруппировку и готовились возобновить наступление, а в районах Нейсе и Нойштадта отражали атаки противника. 22 марта войска 59-й и 60-й армий возобновили наступление и продвинулись до 8 км, овладели г. Ернау и 19 населенными пунктами[164]. В полосе 60-й армии в районе Зоннау — Гладен вступил в бой 5-й гвардейский механизированный корпус.

Неприятель ввел в бой части 16-й танковой и 7-й пехотной дивизий, переброшенных с участка 4-го Украинского фронта, и оказывал упорное сопротивление. 23 марта возобновили наступление части 21-й армии с задачей овладеть г. Нейсе. Сломив сопротивление противника, им удалось продвинуться за день до 10 км, овладеть 16 населенными пунктами, а 24 марта был освобожден г. Нейсе[165].

25 и 26 марта войска вели бои по очищению от противника восточного берега р. Биле. По итогам наступления 21-й армии за период с 15 по 26 марта противник потерял 8870 человек убитыми и 4500 попали в плен, было уничтожено 128 орудий, 34 танка и штурмовых орудия, захвачено советскими войсками 15 танков и 20 самолетов. Потери 21-й армии составили 17 167 человек[166].

Советские солдаты раздают хлеб жителям Бреслау

Согласно докладу офицера Генерального штаба о действиях 4-й танковой армии, в ходе операции было уничтожено 120 танков и штурмовых орудий противника, 175 орудий и 41 миномет, 10 самолетов, убиты свыше 10 тыс. солдат и офицеров, взяты в плен 1200 человек. Потери советских войск составили: убитых и раненых до 3 тыс. человек, 168 танков и 60 САУ[167].

Тяжелые бои шли за г. Ратибор в полосе наступления 60-й армии генерала А. П. Курочкина. Немецкое командование перебросило сюда с других направлений и ввело в бой 8-ю и 17-ю танковые дивизии. В сложившейся обстановке командующий 1-м Украинским фронтом решил усилить наступающие части 60-й армии двумя корпусами 4-й гвардейской танковой армии. Это положительно сказалось на результатах и темпах советского наступления.

24 марта 38-я армия соседнего 4-го Украинского фронта возобновила наступление на моравска-остравском направлении, создав угрозу окружения немецкой группировки в районе Рыбника и Ратибора и тем самым изменив оперативную обстановку в пользу Красной армии. 27 марта 60-я армия взяла Рыбник. Затем в течение двух дней, 29 и 30 марта, советская авиация наносила массированные бомбовые и штурмовые удары по позициям немецких войск в районе Ратибора. Для усиления огневой мощи наступавших в район Ратибора были переброшены 17-я и 25-я артиллерийские дивизии прорыва. 31 марта после мощной артиллерийской подготовки к решающему штурму города приступили 15-й и 106-й стрелковые корпуса 60-й армии. Их поддерживали танкисты 31-го танкового корпуса и армии Д. Д. Лелюшенко. Не выдержав натиска, противник начал отвод своих войск. Захватив Ратибор, войска 1-го Украинского фронта перешли к обороне[168].

Верхне-Силезская операция завершилась. За 17 дней наступления (с 15 по 31 марта) войска ударных группировок продвинулись от Гротткау до Нойштадта на 45 км и от Польц, Гросс-Нойкирх до Нойштадта до 40 км. В ходе наступления была занята территория площадью около 4 тыс. кв. км и взято 595 населенных пунктов, в том числе города Нойштадт, Козель, Фалькенбург, Зюльц, Обер-Глогау, Ернау, Штрелен, Ратибор, Бискау и другие. В итоге советские войска овладели юго-западной частью Верхней Силезии и заняли выгодное положение для последующих ударов на дрезденском и пражском направлениях. В результате Верхне-Силезской операции войска 1-го Украинского фронта уничтожили более пяти дивизий вермахта, а остальные его силы отбросили в предгорья Судет, ликвидировали угрозу немецкого контрнаступления и существенно подорвали военно-экономический потенциал Германии. По заявлению министра вооружений А. Шпеера, с потерей Верхней Силезии Германия утратила четверть своего военного производства.

Авиация 2-й воздушной армии за десять дней боевых действий (с 15 по 25 марта) произвела 18 891 боевой самолето-вылет: штурмовая — 4828 (26%), бомбардировочная — 3154 (17%), истребительная — 7948 (41%) и ночные бомбардировщики — 2978 (16%). При этом 58% всех вылетов было совершено для поддержки войск на поле боя. В воздушных боях и на аэродромах было уничтожено 252 самолета противника. При этом потеряно 146 своих самолетов[169]. Противник за это время произвел 1300 самолето-вылетов.

Немецкие войска потеряли почти 60 тыс. человек, из которых около трети были взяты в плен, а также 80 танков и штурмовых орудий, до 1300 орудий, 26 самолетов, 243 склада военного имущества[170]. В ходе операции войска левого крыла 1-го Украинского фронта потеряли 66 801 человека, из них безвозвратно — 15 876 человек[171].

Верхне-Силезская операция войск левого крыла 1-го Украинского фронта отразила накопленную практику проведения наступательных операций в условиях их кратковременной подготовки. Несмотря на небольшие сроки подготовки, командование фронта отважилось на проведение операции на окружение. При этом в сложившейся обстановке было принято решение на использование бронетанковых войск для прорыва тактической зоны обороны с последующим развитием ими же тактического успеха в оперативный. Результаты операции подтвердили целесообразность такого решения.

В общей сложности все усилия фронта вылились в положительный итог операции и создали благоприятные условия для развития завершающего наступления советских войск в Европе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12-ти т. Т. 10. М., 1979. С. 59.

[2] Цит. по: *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны 1939—1945 гг. / Пер. с нем. М., 1999. С. 683.

[3] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 174—178.

[4] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1961. С. 768.

[5] Военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 2. М., 1994. С. 16; Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 337.

[6] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 953. Д. 15. Л. 1—16.

[7] Там же. Л. 1.

[8] Там же. Л. 1—2.

[9] Выступление Маршала Советского Союза Г. К. Жукова на военно-научной конференции ГСВГ в ноябре — декабре 1945 г. // Военная мысль. Специальный выпуск. М., 1988. С. 20.

[10] Там же.

[11] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 953. Д. 15. Л. 12.

[12] Там же. Л. 14.

[13] Военная энциклопедия. Т. 7. М., 2003. С. 373; Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 5.

[14] Военная энциклопедия. Т. 7. С. 373; ЦАМО. Ф. 16. Оп. 981. Д. 12. Л. 13.

[15] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 981. Д. 12. Л. 8.

[16] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5-4). С. 316—319.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 178—179.

[19] *Конев И. С.* Сорок пятый. 2-е изд. М., 1970. С. 8.

[20] Выступление Маршала Советского Союза Г. К. Жукова на военно-научной конференции ГСВГ в ноябре — декабре 1945 г. // Военная мысль. Специальный выпуск к 40-летию Великой победы. М., 1985. С. 22—23.

[21] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 953. Д. 15. Л. 81—85.

[22] Военная энциклопедия. Т. 2. С. 100.

[23] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 10. С. 62.

[24] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3411. Д. 92. Л. 20—21.

[25] Там же. Ф. 16. Оп. 953. Д. 15. Л. 80.

[26] Там же. Л. 14.

[27] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1721. Д. 30. Л. 2.

[28] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. 5. С. 64.

[29] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3411. Д. 92. Л. 328.

[30] Там же. Л. 346—348.

[31] Выступление Маршала Советского Союза Г. К. Жукова на военно-научной конференции ГСВГ в ноябре — декабре 1945 г. // Военная мысль. Специальный выпуск. М., 1988. С. 30.

[32] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 953. Д. 15. Л. 18.

[33] *Конев И. С.* Сорок пятый. С. 6—7.

[34] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 769.

[35] Выступление генерал-лейтенанта К. Ф. Телегина на военно-научной конференции ГСВГ в ноябре — декабре 1945 г. // Военная мысль. Специальный выпуск. М., 1988. С. 37–38.

[36] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 685–686.

[37] *Меллентин Ф. В.* Танковые сражения 1939–1945 гг. Боевое применение танков во Второй мировой войне / Пер. с англ. М., 1957. С. 279.

[38] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 685.

[39] Цит. по: *Guderian H.* Erinnerungen eines Soldaten. Zweite Auflage. Heidelberg, 1951. S. 365.

[40] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 68.

[41] Выступление генерал-лейтенанта К. Ф. Телегина на военно-научной конференции ГСВГ в ноябре — декабре 1945 г. // Военная мысль. Специальный выпуск. М., 1988. С. 38.

[42] Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентом США и премьер-министрами во время Великой Отечественной войны 1944–1945 гг. М., 1957. С. 298.

[43] *Конев И. С.* Сорок пятый. С. 10.

[44] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3411. Д. 153. Л. 172.

[45] Авиационная подготовка атаки в связи с нелетной погодой не проводилась.

[46] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 4. Операции Советских вооруженных сил в период завершающих побед Советского Союза над фашистской Германией (январь — май 1945 г.). М., 1959. С. 119.

[47] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 4. С. 120.

[48] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 686.

[49] Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 9. М., 2010. С. 58.

[50] Там же.

[51] Там же. С. 61.

[52] Командир полка Е. А. Петров и командир роты, первой ворвавшейся на мост, гвардии капитан И. К. Палилов были удостоены звания Героя Советского Союза.

[53] Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 9. С. 61.

[54] Там же. С. 70.

[55] Там же. С. 65.

[56] Б. Н. Емельянов и старший лейтенант М. Н. Гурьев, командовавший взводом, были удостоены звания Героя Советского Союза.

[57] Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 9. С. 68; Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 4. С. 142.

[58] Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 9. С. 73.

[59] Цит. по: *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 572.

[60] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3411. Д. 93. Л. 67–68.

[61] Под руководством своего командира подразделение уничтожило 13 вражеских танков, восемь бронетранспортеров, 17 орудий, 36 автомашин и до 200 солдат и офицеров. За доблестные действия батальона, а также личную храбрость и боевое мастерство В. Г. Рыжову было присвоено звание Героя Советского Союза.

[62] Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 9. С. 73.

[63] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 4. С. 139.

[64] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3411. Д. 93. Л. 80–86.

[65] Там же. Л. 331.

[66] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 76.

[67] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. С. 573.

[68] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3411. Д. 152. Л. 32–33.

[69] Там же. Л. 38–39.

[70] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. 4. С. 144.

[71] Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 9. С. 82.

[72] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3411. Д. 152. Л. 109.

[73] Выступление Маршала Советского Союза Г. К. Жукова на военно-научной конференции ГСВГ в ноябре — декабре 1945 г. // Военная мысль. Специальный выпуск. М., 1985. С. 19.

[74] Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 9. С. 99.

[75] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. 4. С. 147.

[76] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3411. Д. 152. Л. 180.

[77] Там же. Л. 179—188.

[78] В связи с тем что главные силы 2-го Белорусского фронта были повернуты против окруженной восточно-прусской группировки противника, а войска левого крыла задерживались на р. Висла в районе Торна, разрыв между смежными крыльями 1-го и 2-го Белорусских фронтов 24—25 января достигал 120 км.

[79] Цит. по: *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. С. 574.

[80] В группу армий «Висла» вошла 2-я армия в составе 23-го и 27-го армейских корпусов, остатков разгромленного под Варшавой 46-го танкового корпуса, 15-й пехотной дивизии 16-го армейского корпуса СС (прибывшей из центральных районов Германии) и 4-й моторизованной дивизии СС. С 27 января в группу армий «Висла» вошла 9-я армия в составе 5-го горнострелкового корпуса СС, прибывшего из резерва группы армий «Юг», остатков 2-го и 10-го (СС) армейских и 40-го танкового корпусов и 25-й моторизованной дивизии.

[81] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. 4. С. 149.

[82] Преследуя противника, они ночной атакой прорвали оборону противника в районе Хохвальда (опорный пункт Мезеритцкого укрепленного района), вышли 30 января в тыл его обороны, а через два дня захватил плацдарм на Одере в районе Геритца.

[83] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 10. С. 81.

[84] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. С. 575.

[85] С 19 января по 3 февраля в полосу наступления 1-го Белорусского фронта противником были переброшены части 23 дивизий и свыше 200 отдельных батальонов.

[86] Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 9. С. 141.

[87] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. С. 575—576.

[88] В состав отряда входили 1006-й стрелковый полк 266-й стрелковой дивизии (командир полковник И. И. Терехин, заместитель по политчасти майор З. Каиков), 220-я отдельная танковая бригада (командир полковник А. Н. Пашков), 89-й отдельный тяжелый танковый полк, истребительный противотанковый полк (командир подполковник В. Д. Дмитриев) и 489-й минометный полк (командир подполковник Б. Котов).

[89] В боях по ликвидации окруженной в Познани группировки в период с 1 по 5 февраля было захвачено в плен свыше 5 тыс. солдат и офицеров // ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3411. Д. 93. Л. 509.

[90] Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 9. С. 154.

[91] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 10. С. 83.

[92] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3411. Д. 152. Л. 228.

[93] Там же. Л. 294.

[94] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. С. 582—586.

[95] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 337.

[96] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3411. Д. 152. Л. 400.

[97] Там же. Л. 401.

[98] Там же. Л. 465—466.

[99] Там же. Л. 467.

[100] Там же. Л. 330—342.

[101] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1975. Кн. 1. С. 384.

[102] *Конев И. С.* Сорок пятый. С. 4.

[103] Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 9. С. 84.

[104] *Конев И. С.* Сорок пятый. С. 5.

[105] Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 9. С. 84.

[106] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 981. Д. 8. Л. 42.

[107] Там же. Ф. 48. Оп. 3411. Д. 93. Л. 39. Экспертная комиссия установила, что только в этом лагере было уничтожено не менее 4 млн граждан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран.

[108] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. 4. С. 152.

[109] *Конев И. С.* Сорок пятый. С. 12.

[110] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 981. Д. 8. Л. 57.

[111] Там же. Л. 60.

[112] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. 4. С. 154.

[113] Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 9. С. 141, 145.

[114] Там же. С. 141.

[115] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1721. Д. 30. Л. 36.

[116] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 337.

[117] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 981. Д. 12. Л. 43.

[118] Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Краткая история. С. 466.

[119] *Guderian H.* Erinnerungen eines Soldaten. S. 392.

[120] Цит. по: *Павленко Н. Г.* Была война. М., 1994. С. 406.

[121] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. С. 587.

[122] *Меллентин Ф. В.* Танковые сражения 1939—1945 гг. Боевое применение танков во Второй мировой войне. С. 280.

[123] Выступление Маршала Советского Союза Г. К. Жукова на военно-научной конференции ГСВГ в ноябре — декабре 1945 г. // Военная мысль. Специальный выпуск. С. 29.

[124] *Меллентин Ф. В.* Танковые сражения 1939—1945 гг. Боевое применение танков во Второй мировой войне. С. 280.

[125] История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 10. С. 87.

[126] Там же.

[127] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 337.

[128] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 981. Д. 12. Л. 50.

[129] По оценке штаба фронта, группировка противника в его полосе насчитывала 11 пехотных, четыре танковых, моторизованную дивизии, 19 отдельных полков и боевых групп, равных по силе шести пехотным дивизиям, и 72 отдельных батальона. Итого группировка, равная по силе 22 дивизиям // Там же. Л. 51.

[130] Там же. Л. 52.

[131] Там же. Л. 54.

[132] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3411. Д. 93. Л. 313.

[133] Там же. Ф. 16. Оп. 981. Д. 12. Л. 57.

[134] Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 9. С. 177.

[135] Там же. С. 179.

[136] Там же. С. 182.

[137] Там же. С. 195.

[138] По данным Генерального штаба РККА, окруженная в Бреслау группировка врага насчитывала свыше 20 тыс. человек // ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1721. Д. 30. Л. 37.

[139] Там же. Оп. 981. Д. 12. Л. 54.

[140] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3411. Д. 153. Л. 603—607.

[141] Там же. Ф. 16. Оп. 981. Д. 12. Л. 66—67.

[142] Там же. Оп. 1721. Д. 30. Л. 21–22.
[143] Там же. Оп. 981. Д. 12. Л. 72.
[144] Там же. Л. 76; По данным Генерального штаба, были захвачены в плен 13 117 и уничтожены 76 430 человек, захвачено и уничтожено 585 танков и штурмовых орудий, свыше 1 тыс. стволов артиллерии // ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1721. Д. 30. Л. 37.
[145] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 227; По записям в журнале боевых действий, общие потери войск фронта в феврале составили 90 637 человек // ЦАМО. Ф. 16. Оп. 981. Д. 12. Л. 77.
[146] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 981. Д. 12. Л. 74.
[147] Там же. Л. 85.
[148] Там же. Л. 82.
[149] Там же. Л. 83; ЦАМО. Ф. 16. Оп. 981. Д. 8. Л. 151–154.
[150] Там же. Д. 12. Л. 84.
[151] Там же. Л. 85; Военная энциклопедия. Т. 2. С. 77.
[152] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 981. Д. 12. Л. 93.
[153] Там же. Д. 8. Л. 154.
[154] *Конев И. С.* Сорок пятый. С. 78.
[155] Там же. С. 81.
[156] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 981. Д. 8. Л. 154, 163.
[157] Там же. Л. 154, 164.
[158] Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 9. С. 328.
[159] Разорвавшимся на командном пункте снарядом были смертельно ранены командир 6-го механизированного корпуса генерал В. Ф. Орлов, начальник разведотдела корпуса майор Чернышев и командир 17-й гвардейской механизированной бригады Герой Советского Союза подполковник Л. Д. Чурилов. В командование корпусом вступил начальник штаба гвардии полковник В. И. Корецкий.
[160] *Исаев А. В.* Берлин 45-го. М., 2007. С. 18.
[161] Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 9. С. 337.
[162] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 981. Д. 12. Л. 94–96.
[163] *Конев И. С.* Сорок пятый. С. 82.
[164] Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 9. С. 344–345.
[165] Там же. С. 353.
[166] Из доклада офицера Генерального штаба начальнику Оперативного управления // ЦАМО. Ф. 16. Оп. 981. Д. 8. Л. 147.
[167] Там же. Л. 159.
[168] Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 9. С. 378.
[169] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 981. Д. 8. Л. 168.
[170] По записям в журнале боевых действий фронта, которые вел заместитель начальника 1-го украинского направления Оперативного управления Генерального штаба полковник Строгий, противник потерял свыше 152 тыс. человек, 1064 танка и СУ, 1758 орудий, 854 миномета. Советские войска захватили 27 самолетов. Потери войск всего фронта в марте составили 107 130 человек, включая 21 926 убитых и 11 239 человек пропавших без вести, 2450 танков и САУ // ЦАМО. Ф. 16. Оп. 981. Д. 13. Л. 5–7.
[171] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. С. 228.

ЗАВЕРШАЮЩИЕ ОПЕРАЦИИ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ЕВРОПЕ

Обстановка, планы и подготовка сторон

В результате успешных наступательных действий Красной армии на востоке и американо-английских войск на западе положение Германии к концу марта 1945 г. стало катастрофическим.

Советские войска, разгромив в течение января — марта крупные группировки немецких войск на берлинском направлении, к 1 апреля выдвинулись на широком фронте к рекам Одер и Нейсе. К середине апреля на южном крыле советско-германского фронта войска Красной армии полностью освободили Венгрию и овладели Веной. В результате Германия лишилась венгерских и австрийских источников нефти. Теперь она оказалась под ударами советских войск не только с востока, но и с юга.

На западном фронте англо-американские войска после окружения рурской группировки противника в середине апреля развивали наступление на гамбургском, лейпцигском и пражском направлениях, практически не встречая организованного сопротивления врага.

В этот период экономическое положение Германии характеризовалось резким падением производства. К середине апреля 1945 г. основные районы производства чугуна, стали, проката (Рур, Силезия) были заняты советскими и англо-американскими войсками, в результате чего Германия полностью лишилась металлургической базы для производства вооружения. По сравнению с ноябрем 1944 г. производство алюминия в феврале 1945 г. составляло всего 5700 тонн против 32 тыс., производство хрома — 895 тонн против 3139, никеля — 65 тонн против 565. Производство кокса снизилось до 38%, а стали — до 15%. В марте 1945 г. добыча угля упала до 16% среднемесячного уровня 1944 г. (к концу месяца до 4%)[1].

Не менее резко снизилось и военное производство. Среднемесячный выпуск в первом квартале 1945 г. составлял 333 танка, в то время как в 1944-м — 705 танков. Производство артиллерийско-стрелкового вооружения и боеприпасов в январе — феврале 1945 г. находилось на уровне 50–60% среднемесячного выпуска 1944 г. К началу апреля производство военной техники, оружия и боеприпасов еще более сократилось[2].

Потеря источников нефти привела к резкому снижению возможностей в снабжении горюче-смазочными материалами авиации и танков. Так, в январе — марте для авиации ежемесячно требовалось около 120 тыс. тонн горючего, а отпускалось всего от 5 до 10 тыс. тонн; для танков и автомашин поставлялось 40–60 тыс. тонн в месяц вместо необходимых 180 тыс. тонн. Вследствие этого значительная часть самолетов и танков не могла быть использована на фронте[3].

Неразрешимой задачей для немецкого командования продолжало оставаться восполнение потерь живой силы. Германское правительство вынуждено было в январе — марте призвать в армию лиц 1928—1929 годов рождения, то есть 16—17-летних юношей.

Руководство Третьего рейха, зная о готовившемся наступлении советских войск на Берлин, принимало все меры к максимальному усилению группировки своих войск на берлинском направлении и усилению обороны подступов к столице с востока. На это направление перебрасывались части и соединения из внутренних районов Германии, а также с западного фронта. Готовясь оказать упорное сопротивление наступлению советских войск, немецкое командование сосредоточило здесь максимально возможное количество сил и средств, имевшихся в его распоряжении. В общей сложности эта группировка насчитывала около миллиона человек, 8 тыс. орудий и минометов, более 1200 танков и штурмовых орудий и 3300 самолетов[4].

Советское военно-политическое руководство, проводя подготовку к завершающему удару по разгрому вермахта, вместе с тем постоянно следило за всеми происками нацистов, рассчитывавших вызвать разногласия между участниками антигитлеровской коалиции. Советское правительство понимало, что в сложившейся военно-политической обстановке сорвать эти планы немецкого руководства можно только быстрым разгромом сильной группировки его войск, сосредоточенной в районе Берлина, овладением германской столицей и стремительным выходом советских войск на р. Эльба. К выполнению этой задачи были привлечены силы трех фронтов (1-й и 2-й Белорусские и 1-й Украинский), а содействовать их наступлению на главном, берлинском направлении должны были войска 4-го и 2-го Украинских фронтов, которые в тот период вели борьбу за освобождение Чехословакии. Как известно, войска этих фронтов своими активными наступательными действиями сковали главные силы вражеской группировки в Чехословакии и не позволили немецкому командованию усиливать за счет нее свои войска, действовавшие в районе Берлина, чем в известной степени облегчили 1-му, 2-му Белорусским и 1-му Украинскому фронтам успешное осуществление разгрома берлинской группировки.

Операции советских войск по освобождению Чехословакии

Военные успехи Красной армии летом 1944 г. и быстрое продвижение войск в западном направлении, в том числе в результате Львовско-Сандомирской наступательной операции 1-го Украинского фронта, позволили советским войскам к концу августа приблизиться к чехословацкой границе на удаление 20—40 км. Появилась возможность нанесением удара с севера в обход труднопроходимых Карпатских гор приступить к освобождению Словакии.

В этих условиях действующий на ее территории Словацкий национальный совет выдвинул на первый план задачу подготовки и проведения антифашистского восстания, прежде всего на территории Словакии, так как именно здесь для него сложились наиболее благоприятные условия. Словакия в отличие от чешской территории не была оккупирована войсками противника.

Будучи информированным об усилении антифашистских настроений населения, глава марионеточного словацкого правительства Й. Тисо в конце августа дважды обращался к германскому руководству с предложением ввести в страну немецкие войска. Эта просьба полностью соответствовала замыслам вермахта. Руководство Германии решило прекратить игру в «самостоятельность» Словакии, которую оно рассматривало как чрезвычайно важный в политическом, экономическом и стратегическом отношениях район. 23 августа командование вермахта двинуло свои дивизии к границам Словакии.

Угроза оккупации Словакии немецкими войсками вызвала возмущение самых широких слоев словацкого народа. В различных районах Словакии партизаны и вооруженные отряды

рабочих начали активные боевые действия[5]. 29 августа местные антифашистские выступления переросли в общенародное восстание, поддержанное чехословацким правительством в Лондоне[6], в котором участвовали социальные и политические силы, единые в негативном отношении к правящему режиму и его нацистским покровителям, но весьма различные в своем представлении о будущем страны.

31 августа посланник Чехословакии в СССР З. Фирлингер и начальник чехословацкой военной миссии в Советском Союзе генерал Г. Пика обратились к советскому правительству с просьбой оказать срочную помощь восставшему словацкому народу. Советское руководство, основываясь на заключенном 8 мая 1944 г. соглашении с чехословацким правительством «Об отношениях между советским главнокомандующим и чехословацкой администрацией после вступления войск Красной армии на территорию Чехословакии»[7], сразу же отреагировало на события в Словакии. Оно распорядилось немедленно начать подготовку специальной наступательной операции (Восточно-Карпатской)[8] и одновременно приступило к организации крупных поставок повстанцам материальных средств и оружия по воздуху. Во второй половине сентября для усиления повстанческой армии в Словакию были переброшены сформированные в Советском Союзе 1-й чехословацкий отдельный истребительный авиационный полк и 2-я чехословацкая воздушно-десантная бригада[9].

Необходимо отметить, что формирование чехословацких соединений в Советском Союзе проводилось в соответствии с пожеланиями Заграничного бюро Коммунистической партии Чехословакии и командования чехословацких войск в СССР. 10 апреля 1944 г. советское правительство отдало распоряжение к 5 мая в Ровно сформировать 1-й чехословацкий армейский корпус в составе 1-й пехотной и 2-й парашютно-десантной бригад. К сентябрю 1944 г. в 1-м армейском корпусе насчитывалось 16 170 человек, 8050 винтовок и карабинов, 4897 автоматов, 496 ручных и станковых пулеметов, 283 орудия и миномета и 31 танк[10].

Одновременно с этим по просьбе чехословацкой стороны на помощь восставшим была направлена группа опытных партизанских командиров во главе с полковником А. Н. Асмоловым, который по решению Словацкого национального совета вскоре был назначен начальником главного штаба партизанского движения. А 8 декабря этот штаб издал приказ о переходе всех партизанских сил к активной борьбе против оккупантов, подготовке «широкого вооруженного восстания к моменту подхода Красной Армии», «беспощадной борьбе с предателями и изменниками как из среды населения, так и партизан, солдат и офицеров, перешедших на службу к немецким захватчикам». Всем партизанским частям категорически запрещалось уходить из установленных им районов действия на восток с целью соединения с частями Красной армии[11].

Несмотря на колоссальные трудности и жестокие карательные меры оккупантов, борьба в горах продолжалась с неослабевающей силой, сковывая немецкие войска, дезорганизуя их тыл и не позволяя братиславскому правительству восстановить свои порядки в освобожденных районах. По неполным данным, только за три недели декабря 1944 г. партизаны уничтожили более 5200 солдат и офицеров противника, пустили под откос 40 немецких эшелонов с людьми, вооружением и боевой техникой, уничтожили 30 танков, 110 автомобилей, более 20 мостов, военный завод и повредили большое количество линий связи[12]. Национально-освободительная борьба народных масс продолжалась вплоть до освобождения Словакии Красной армией.

Боевые действия советских войск по освобождению Чехословакии можно разделить на три периода: первый, с сентября по декабрь 1944 г., включает операции по оказанию помощи Словацкому национальному восстанию и освобождение восточной и юго-восточной частей Словакии; второй, с января по апрель 1945 г., — операции по освобождению центральных и западных районов Словакии и почти всей Моравии; третий, май 1945 г., — Пражская наступательная операция, в ходе которой было полностью завершено освобождение Чехословакии.

В конце августа 1944 г. к границе Чехословакии подошли войска 1, 4 и 2-го Украинских фронтов. После завершения летней кампании они нуждались в отдыхе и пополнении. По замыслу Ставки ВГК фронты должны были закрепиться на занятых рубежах и перейти к обороне.

Командующие группами армий и армиями Германии в 1944–1945 гг.

Г. Вейдлинг

М. фон Вейхс

В. Венк

О. Вёлер

Г. Гиммлер

А. Кессельринг

Х. Кребс

А. Лер

В. Модель

Л. Рандулич

Г.-Г. Рейнхардт

Й. Фрисснер

Й. Харпе

Г. Хейнрици

Ф. Шёрнер

С учетом сложившейся стратегической обстановки освобождение Чехословакии на первом этапе предполагалось осуществить силами 2-го Украинского фронта, которому в обход Восточных Карпат предписывалось нанести удар с юга по карпатской группировке противника. Однако начавшееся Словацкое национальное восстание изменило первоначальный план. Несмотря на оперативную нецелесообразность наступления через Восточные Карпаты, советское командование избрало этот вариант, поскольку он позволял в короткий срок выйти на территорию Словакии и соединиться с повстанцами. Операция получила условное наименование Восточно-Карпатской.

Первоначально задуманная как единая акция, эта операция по мере расширения фронта боевых действий до нескольких сотен километров и ведения наступления по различным направлениям распалась на две самостоятельные операции — Карпатско-Дуклинскую и Карпатско-Ужгородскую. Первая проводилась силами 38-й армии 1-го Украинского фронта и 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта, вторая — войсками центра и левого фланга 4-го Украинского фронта.

28 октября войска этих фронтов завершили Восточно-Карпатскую операцию, важнейшим итогом которой явилось освобождение Западной и Закарпатской Украины и отдельных районов Словакии. В ходе операции был преодолен стратегический оборонительный рубеж — Восточные Карпаты, что открывало Красной армии путь к южным границам Германии, а также создавало благоприятные предпосылки для скорейшего освобождения Чехословакии.

В ноябре — декабре 1944 г. войска 2-го и 4-го Украинских фронтов продолжали вести напряженные боевые действия на территории Чехословакии, освобождая восточные и юго-восточные районы Словакии, а в январе — феврале 1945 г. войска Красной армии приступили к освобождению ее центральных и западных районов.

38-я армия 1-го Украинского и войска 4-го Украинского фронта, преодолев Восточные Карпаты, выдвинулись на рубеж западнее Дукли — Чертижне — Чоп. 1-й чехословацкий армейский корпус после тяжелых боев за Дуклинский перевал занял оборону на р. Ондава. Войска 2-го Украинского фронта, успешно осуществив Дебреценскую наступательную операцию, завершив освобождение Румынии и освободив юго-восточные районы Венгрии, на широком фронте вышли на р. Тисса и в районе Сольнока форсировали ее. Они заняли обширный плацдарм между Тиссой и Дунаем. Перед советскими воинами открывался путь в южные районы Словакии.

На территории Чехословакии в это время действовали группы армий «А» и «Юг» (28 дивизий и три бригады)[13], насчитывавшие более 550 тыс. человек, около 5 тыс. орудий и минометов, свыше 300 танков и штурмовых орудий и около 700 боевых самолетов[14]. Перед 4-м Украинским фронтом оборонялась 1-я немецкая танковая армия, а перед правым крылом 2-го Украинского фронта, на Тиссе, — 8-я немецкая и 1-я венгерская армии[15]. Военно-политическое руководство Германии придавало исключительное значение удержанию центральных районов Чехословакии как важнейшему стратегическому плацдарму, «предполью» Третьего рейха, и стремилось любой ценой удержать их в своих руках.

Советским войскам пришлось вести боевые действия в очень сложных условиях Карпатских гор, являвшихся мощным естественным препятствием. Протяженностью около 1,5 тыс. км они огромной дугой прикрывают Венгерскую низменность с севера, востока и юго-востока. Многочисленные горы, реки, речки и горные перевалы, отсутствие хороших дорог позволили противнику создать здесь сильную оборону, с помощью которой гитлеровцы надеялись не допустить советские войска в Чехословакию. Большие трудности для советских и действовавших вместе с ними чехословацких и румынских войск создавали неблагоприятные климатические условия. Новые трудности вызвала зима в горах, в связи с чем боевые действия войск в Чехословакии приобретали особенно тяжелый характер.

Сложившаяся на фронте обстановка требовала от 4-го и 2-го Украинских фронтов согласованных действий. Следуя этому требованию, 4-й Украинский фронт свою ноябрьско-декабрьскую операцию в юго-восточных районах Словакии проводил в тесной оперативно-

стратегической связи с Будапештской операцией 2-го Украинского фронта, в особенности с действиями его правого крыла.

По замыслу советского командования важнейшие события, решавшие судьбу Германии в тот период, разворачивались на варшавско-берлинском и будапештско-венском направлениях, где действовали главные стратегические группировки советских войск. Значение карпатско-пражского направления должно было возрастать по мере продвижения советских войск на запад, преодоления Восточных и Западных Карпат и Словацких Рудных гор.

Необходимо отметить, что опыт тяжелых боев в ходе Восточно-Карпатской операции 38-й армии 1-го Украинского и войск 4-го Украинского фронта еще раз подтвердил: фронтальные атаки с преодолением мощных горных рубежей — не лучший способ боевых действий в этом районе. По опыту Ясско-Кишиневской и Львовско-Сандомирской операций более целесообразным способом решения этой военно-политической задачи являлся стратегический маневр в обход горных хребтов и выход на фланги и тылы обороняющегося противника с одновременным наступлением советских войск с востока.

Учитывая это, Ставка ВГК выдвинула перед 2-м Украинским фронтом (маршал Р. Я. Малиновский) задачу быстрее вывести правое крыло на западный берег Тиссы с тем, чтобы развернуть наступление широким фронтом и во взаимодействии с левым крылом фронта с юга разбить будапештскую группировку противника ударом с севера и северо-востока. Успешное наступление правого крыла 2-го Украинского фронта не только позволяло рассечь группу армий «Юг», охватывая Будапешт с севера, но и решить другую важную задачу — освободить южные районы Словакии ударом с юга и создать угрозу тылам вражеской группировки, действовавшей перед войсками 4-го Украинского фронта. В связи с этим Ставка 14 ноября усилила 2-й Украинский фронт, передав ему из состава 4-го Украинского два стрелковых корпуса (30-й и 18-й гвардейский) для развития наступления на Мишкольц.

Одновременно в своей директиве Ставка требовала от командующего 4-м Украинским фронтом генерала И. Е. Петрова вести более активные боевые действия, оказывая тем самым существенную помощь 2-му Украинскому фронту: «Ввиду того что 2-й Украинский фронт ведет наступление всеми силами и его действия тесно связаны с действиями 4-го Украинского фронта, ослаблять наступление войск вашего фронта нельзя. Ставка считает, что количество дивизий, используемых вами для наступления, недостаточно для решения задачи выхода на рубеж Медзилабарце, Гуменне, Михальовце»[16]. В последующем, уже в ходе боевых действий, командующему 4-м Украинским фронтом прямо указывалось: «Сил у Вас вполне достаточно для успешного выполнения задачи... требую от Вас решительных наступательных действий, чтобы не позже 3 октября овладеть Михальовце»[17].

Операция советских войск по освобождению юго-восточных районов Словакии началась 7 ноября наступлением войск правого крыла 2-го Украинского фронта. Противник оказал упорное сопротивление, стремясь не допустить их прорыва к чехословацкой границе в обход Будапешта с севера. Войска фронта, преодолевая сопротивление врага, к 25 ноября продвинулись на 60–65 км. Для наращивания удара в полосу наступления 7-й гвардейской армии была переброшена 6-я гвардейская танковая армия под командованием генерала А. Г. Кравченко.

5 декабря наступление возобновилось. Соединения и части 53-й армии под командованием генерала И. М. Манагарова и 7-й гвардейской армии генерала М. С. Шумилова, прорвав вражескую оборону и наращивая усилия вводом в образовавшийся прорыв подвижных войск 6-й гвардейской танковой армии и конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева, стали быстро продвигаться на северо-запад и запад. Одновременно перешли в наступление 40, 27 и 4-я румынская армии. За четверо суток боевых действий советским войскам удалось продвинуться более чем на 70 км.

К 12 декабря соединения конно-механизированной группы вышли на чехословацко-венгерскую границу, северо-восточнее Худьяла форсировали р. Ипель и захватили небольшой плацдарм, за расширение которого развернулись упорные бои. Несколькими днями позднее к чехословацко-венгерской границе подошли войска, действовавшие на правом крыле

Артиллерия на марше

фронта: 40-я армия генерала Ф. Ф. Жмаченко, 27-я армия генерала С. Г. Трофименко и 4-я румынская армия под командованием корпусного генерала Г. Аврамеску. Почти в то же время на эту же границу в районе г. Шахи вышли и соединения 6-й гвардейской танковой армии. Продолжив наступление, они 20 декабря выдвинулись к р. Грон.

Через несколько дней командующий 6-й гвардейской танковой армией получил от командующего войсками фронта новый приказ: прикрывшись с севера и северо-запада, нанести удар вдоль р. Грон в южном направлении и выйти к Дунаю у Эстергома. 26 декабря армия передала занимаемый участок переброшенной сюда конно-механизированной группе, а сама во взаимодействии с 7-й гвардейской армией нанесла удар вдоль р. Грон на юг. Через два дня соединения 2-го Украинского фронта вышли к Дунаю у Эстергома и совместно с подошедшими с юга войсками 3-го Украинского фронта замкнули кольцо окружения вокруг будапештской группировки противника. В тот день маршал Р. Я. Малиновский докладывал в Ставку: «Войска фронта 28.12.44 года продолжали наступление... и к исходу дня в центре

фронта частями 7-й гвардейской и 6-й гвардейской танковой армиями закончили уничтожение окруженной группировки противника»[18].

Успешные боевые действия 2-го Украинского фронта создали благоприятные условия для активных действий войск 4-го Украинского фронта, который, перейдя в наступление во второй половине ноября, в первых числах декабря вышел к р. Ондава, но его дальнейшее продвижение развивалось медленно из-за упорного сопротивления противника и неблагоприятных погодных условий. В середине декабря войска 4-го Украинского фронта вынуждены были временно перейти к обороне[19].

Таким образом, в результате ноябрьско-декабрьского наступления войск правого крыла 2-го Украинского и 4-го Украинского фронтов были достигнуты внушительные результаты. Армии 2-го Украинского фронта вступили на территорию Чехословакии и освободили значительную часть Южной Словакии, а также совместно с 3-м Украинским фронтом завершили окружение крупной будапештской группировки врага. Войска 4-го Украинского фронта, ведя тяжелые бои, преодолели несколько водных рубежей, продвинулись к западу на 35—70 км и освободили часть Юго-Восточной Словакии с городами Гуменне и Михальовце (Михаловце).

За период наступления армии советских фронтов захватили более 68 тыс. пленных, свыше 1500 орудий и минометов, 130 танков и штурмовых орудий. Потери советских войск составили более 15 тыс. убитыми и свыше 57 тыс. ранеными. В 1-м чехословацком армейском корпусе погибли 120 и были ранены 490 человек[20].

Главным же итогом боевых действий в ноябре — декабре явилось то, что группировка противника, находившаяся на территории Словакии, оказалась под непосредственным ударом с трех сторон — востока, севера и юга. Поэтому последующие операции Красной армии по освобождению Чехословакии проводились уже в более благоприятных условиях.

Вскоре после окончания боевых действий в Восточных Карпатах и юго-восточных районах Словакии Ставкой ВГК был утвержден замысел следующей наступательной операции по освобождению Чехословакии, получившей впоследствии название Западно-Карпатской. Ее проведение возлагалось на войска 4-го Украинского и правого крыла 2-го Украинского фронтов. К середине января войска 4-го Украинского фронта (38-я, 1-я гвардейская и 18-я армии, 1-й чехословацкий армейский корпус, 8-я воздушная армия) после преодоления Восточных Карпат и выхода к р. Ондава занимали оборону на рубеже Ясло — Стропков — Генцовце — Турна. 2-й Украинский фронт частью сил во взаимодействии с войсками 3-го Украинского фронта осуществлял Будапештскую операцию, а войсками правого крыла (40, 27 и 53-я армии, 1-я конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева, 4-я и 1-я румынские армии) при поддержке авиации 5-й воздушной армии наступал по отдельным направлениям в юго-восточные районы Словакии[21]. В составе войск обоих фронтов, привлекаемых к операции, имелись 651,7 тыс. человек, 9910 орудий и минометов, 453 танка и самоходно-артиллерийские установки, 1283 боевых самолета[22].

Им противостояли часть сил 17-й и 1-й танковой немецких армий, 1-я венгерская армия группы армий «А» под командованием генерала Й. Гарпе (с 26 января — группа армий «Центр»), а также 8-я армия группы армий «Юг», которые поддерживал 4-й воздушный флот[23]. Всего на этом направлении противник имел более 550 тыс. человек, 5 тыс. орудий и минометов, 330 танков и штурмовых орудий, 680 боевых самолетов[24].

Немецкие войска, оборонявшиеся в Западных Карпатах, широко используя труднодоступную горную местность, оборудовали ряд оборонительных рубежей на глубину 300—350 км. Карпаты, тянувшиеся с севера на юг, являлись также серьезным естественным препятствием для наступления советских войск на пути в Моравию и Чехию с востока. Эта местность ограничивала применение танков, артиллерии и создавала трудности при организации взаимодействия войск[25]. Так, например, в полосе предстоящего наступления войск 4-го Украинского фронта оборона противника состояла из главной и второй полос и нескольких тыловых рубежей, расположенных на глубину до 120 км. Главная полоса имела две позиции, оборудованные двумя-тремя линиями траншей с ходами сообщения, которые прикрывалась проволочными и минными заграждениями, ружейно-пулеметным, артилле-

Огневая позиция советской артиллерии в Карпатах

рийским и минометным огнем. Особенно сильно немецкими войсками минировались дороги перед передним краем и в пределах первой позиции. Вторая полоса также имела окопы и траншеи. Господствующие высоты и населенные пункты готовились к круговой обороне. Расположенный в центре Восточной Словакии г. Кошице был превращен противником в крупный опорный пункт.

Исключительно большое значение командование вермахта придавало оборонительному рубежу, проходившему восточнее городов Левоча и Спишска-Нова-Вес. Его значение определялось тем, что он прикрывал вход в долину верхнего течения рек Попрад и Ваг — единственно удобный проход между Высокими и Низкими Татрами.

Таким образом, чтобы задержать дальнейшее продвижение советских войск, противник для организации обороны постарался в полной мере использовать особенности горной местности, которая позволяла ему организовать прочную оборону даже небольшими силами.

В соответствии с замыслом советского командования предусматривалось разгромить немецкие войска, оборонявшиеся в Западных Карпатах, преодолеть горы силами 4-го Украинского фронта и выйти на подступы к Моравска-Остравскому промышленному району. Войска 4-го Украинского фронта должны были наступать на трех операционных направлениях. Главный удар для содействия 1-му Украинскому фронту в проведении Сандомирско-Силезской операции наносила 38-я армия генерала К. С. Москаленко основными силами в обход Карпат с севера в общем направлении на Горлице — Новы-Сонч — Величка — Краков; вспомогательные удары должны были нанести 1-я гвардейская армия генерала А. А. Гречко с 1-м чехословацким армейским корпусом на люботинском направлении и 18-я армия генерала

А. И. Гастиловича на попрадском направлении. Подвижную группу фронта (две танковые бригады, четыре стрелковых батальона, два полка артиллерии) предусматривалось использовать для развития успеха на главном направлении в полосе 38-й армии.

Войскам правого крыла 2-го Украинского фронта предписывалось выйти к р. Грон. 40-я и 4-я румынская армии должны были содействовать 18-й армии в разгроме кошицкой группировки противника, в последующем наступать на Брезно, а 27-я армия с 4-м румынским армейским корпусом 1-й армии имела задачу наступать на г. Банска-Бистрица и овладеть им, 53-я армия — на зволенском направлении, а 1-я конно-механизированная группа — на Банска-Штявница (Банска-Штьявница)[26].

В ходе подготовки к операции войска обучались действиям в горно-лесистой местности, причем командование 2-го и 4-го Украинских фронтов самое пристальное внимание уделило разработке оптимальных принципов боевого использования танков и артиллерии. Было организовано взаимодействие со словацкими и советскими партизанами, которые в тот период находились на территории Словакии.

6 января 1945 г. на братиславском направлении в наступление перешли 7-я гвардейская и 6-я танковая армии 2-го Украинского фронта. Особенно успешно в тот день действовали танкисты 46-гвардейской танковой бригады 9-го гвардейского механизированного корпуса под командованием подполковника М. Н. Михно. Бригада первой ворвалась ночью в опорные пункты неприятеля и стремительными и умелыми действиями быстро подавила его сопротивление. В авангарде бригады действовал 1-й танковый батальон под командованием капитана И. И. Якушкина, который захватил населенный пункт Кебелкут. При этом советские воины уничтожили 13 вражеских танков, потеряв только два своих. И в последующих боях батальон показывал образцы мужества. 11 января при отражении контратаки танков комбат был тяжело ранен. За умелое руководство боем и проявленный героизм капитану И. И. Якушкину 15 мая 1945 г. было присвоено звание Героя Советского Союза.

Совместно с 6-й гвардейской танковой армией активно действовали дивизии 25-го гвардейского стрелкового корпуса. При атаке первой траншеи главной полосы вражеской обороны 2-й стрелковый батальон 667-го стрелкового полка 409-й стрелковой дивизии встретил организованный пулеметный огонь противника. Создалась угроза срыва атаки. Вблизи одной из самых опасных пулеметных точек врага находился стрелковый взвод младшего лейтенанта А. Ф. Лебедева. Молодые бойцы залегли, укрываясь от огня. Тогда командир взвода сам решил уничтожить пулемет. Используя темноту, он незаметно подполз к позиции неприятеля и одну за другой метнул две гранаты. Пулемет умолк, но как только взвод поднялся в атаку, вражеская огневая точка вновь ожила. Не имея больше гранат, Лебедев вступил в неравную схватку с расчетом пулемета и ценой своей жизни обеспечил дальнейшее продвижение подразделению. За этот подвиг 28 апреля 1945 г. А. Ф. Лебедеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза[27].

Первый день боя принес значительный успех советским войскам, которые, сломив сопротивление противника, в течение двух дней вышли в район Комарно и создали плацдарм на северном берегу Дуная. 12 января 40, 27 и 53-я армии, а также 1-я и 4-я румынские армии продолжили развивать наступление в глубину вражеской обороны. Наиболее успешно действовали в тот период войска правого крыла фронта, о чем маршал Р. Я. Малиновский докладывал в Ставку ВГК: «Войска правого крыла фронта, прорвав сильно укрепленную оборону противника по фронту 40 км и в глубину до 18 км, овладели мощными опорными пунктами обороны противника в южных предгорьях Словацких Рудных гор»[28].

В это же время на зволенском направлении 53-я армия и 1-я конно-механизированная группа не смогли преодолеть немецкую оборону и фактически остались на исходных позициях. Противник упорной обороной стремился не допустить выхода советских войск в глубокий тыл своей группировки, дислоцированной в районе Словацких Рудных гор. Действовавшим здесь советским войскам оказать существенную помощь не имел возможности и командующий фронтом. После проведения незначительной перегруппировки сил фронта 40-я и 53-я армии, 1-я и 4-я румынские армии возобновили наступление, оттеснили

неприятеля, преодолели главный хребет Словацких Рудных гор и к началу февраля вышли на рубеж западнее г. Брезно и далее на юг по долине р. Грон.

4-й Украинский фронт перешел в наступление 12 января. Боевые действия начала 18-я армия, стремительное продвижение которой вынудило противника перебросить против нее дополнительные силы с других фронтов. Чтобы увеличить силу удара, командующий армией генерал А. И. Гастилович с утра следующего дня ввел в бой 138-ю стрелковую дивизию. Но и немецкое командование, стремясь любой ценой удержать этот район обороны, вынуждено было срочно перебросить на это направление дополнительные силы: 1-ю лыжноегерскую и 253-ю пехотную дивизии. Враг отчаянно сопротивлялся, его контратаки, поддержанные танками, штурмовыми орудиями и огнем артиллерии, следовали непрерывно.

В те напряженные дни проявляли героизм не только отдельные советские воины, но и целые подразделения и части. Так, в боях за населенный пункт Мокранце, который в течение одного дня трижды переходил из рук в руки, отличились воины 904-го артиллерийского полка 351-й стрелковой дивизии. Героически сражался командир орудия 1672-го истребительного противотанкового артиллерийского полка РВГК старший сержант В. П. Бондарь. Возглавляемый им расчет 14 января в боях за этот населенный пункт отразил четыре контратаки противника, уничтожил до 80 солдат и офицеров, танк, два пулемета и миномет, удержав занимаемый рубеж. За проявленный героизм и мужество В. П. Бондарю было присвоено звание Героя Советского Союза[29].

19 января командующий 4-м Украинским фронтом докладывал в Ставку ВГК: «Войска фронта... продолжили развивать наступление в направлениях: Гдув, Люботин, Кошице, при этом овладели свыше 250 населенными пунктами»[30]. Это создало благоприятные условия для нанесения удара главными силами — 38-й армией. Уже в первый день наступления, 15 января, участок прорыва был расширен до 16 км, а глубина вклинения составила около 13 км.

1-я гвардейская армия и входивший в ее состав 1-й чехословацкий армейский корпус перешли в наступление 18 января. Отбросив к исходу дня противника на 22 км, она на следующий день освободила важный узел коммуникаций г. Прешов[31]. В тот же день ее соединения и части освободили второй по величине промышленный, административный и культурный центр Восточной Словакии — г. Кошице.

Потеряв Кошице, неприятель под ударами советских войск был вынужден отходить на запад, прикрываясь сильными арьергардами. Преследование его велось в исключительно тяжелых условиях, требовало от войск большого напряжения и выносливости. Путь преграждали не только громады горных хребтов, покрытых лесами, скалы, обрывистые пропасти, главным препятствием была заранее подготовленная противником оборона в Словацких Рудных горах. Все горные перевалы, узкие долины прикрывались противопехотными препятствиями. Орудия и пулеметы, тщательно замаскированные в камнях у подножия высот, создавали в узких местах многослойную огневую завесу. Но несмотря на все эти трудности, наступающие на этом направлении советские войска все же успешно продвигались на запад. Уже 28 января дивизии 18-й армии и 1-го чехословацкого корпуса овладели крупным административно-промышленным центром Чехословакии г. Попрад[32].

В этих боях активную помощь наземным войскам оказывала авиация. Действуя в сложных горных метеоусловиях, экипажи самолетов проявляли подлинный героизм. Так, в боях за Кошице отличился летчик 208-го полка 227-й штурмовой авиационной дивизии лейтенант А. Е. Звягин. Совершая по 3–4 боевых вылета в день, он уничтожил десятки вражеских солдат и офицеров, большое количество артиллерии и бронетехники. За мужество, отвагу и героизм лейтенанту А. Е. Звягину 15 мая 1945 г. было присвоено звание Героя Советского Союза[33].

Немецкое командование вынуждено было срочно усиливать свою группировку, противостоявшую 18-й армии, перебросив с других направлений части трех дивизий. Однако остановить продвижение советских соединений и частей ему так и не удалось. В конце января вражеские войска начали отход в западном направлении[34]. Это обстоятельство, а также успешное наступление 59-й армии генерала И. Т. Коровникова и 60-й армии генерала П. А. Курочкина 1-го Украинского фронта на краковском направлении создали благопри-

ятные условия для действий главных сил 4-го Украинского фронта. И на этом направлении гитлеровцы, опасаясь окружения 17-й армии, еще в ночь на 16 января начали отводить ее в район Кракова. Преследуя отходившего противника, соединения 38-й армии и введенная в сражение подвижная группа фронта к исходу четвертого дня операции продвинулись на 80 км и вышли к р. Дунаец. Развивая успех, войска 4-го Украинского фронта к концу января выдвинулись к главному хребту Западных Карпат, а войска правого крыла 2-го Украинского фронта — на рубеж Брезно — восточнее Немце.

После выполнения первой части операции командующий войсками 4-го Украинского фронта уточнил боевые задачи армиям: 38-й армии необходимо было овладеть г. Бельска-Бяла, после чего нанести удар на Моравска-Остраву; 1-й гвардейской армии надлежало наступать в направлении Живец — Цешина, а 18-й армии — на Ружомберок и далее на Жилину[35]. 12 февраля 1-я гвардейская армия совместно с 38-й армией овладела г. Бельско-Бяла — мощным узлом сопротивления немцев на подступах к Моравска-Остравскому промышленному району.

Особенно ожесточенные бои в феврале развернулись на моравско-остравском направлении. Немецкое командование усилило армейскую группу «Хейнрици», перебросив в этот район дополнительно 59-й армейский корпус, 11-й корпус СС из 17-й армии, а в район Моравска-Остравы — 8-ю и 20-ю танковые дивизии[36].

Усиление вражеских группировок, а также ощутимые потери советских войск, их усталость, нехватка боеприпасов, горюче-смазочных материалов и другие факторы привели в первой половине февраля к снижению темпа наступления, а в середине февраля — к его остановке на рубеже Струмень — Живец — Яблонка — Липтовски-Свети-Микулаш, где противник занял заранее подготовленные оборонительные позиции. По решению Ставки ВГК 18 февраля войска перешли к обороне, тем самым завершив Западно-Карпатскую наступательную операцию.

Войска правого крыла 2-го Украинского фронта в течение февраля смогли продвинуться только на 14—20 км, после чего в соответствии с этим же решением Ставки они также вынуждены были перейти к обороне на р. Грон.

Важнейшими результатами Западно-Карпатской операции явились освобождение большей части Словакии и южных областей Польши, содействие разгрому неприятеля в Силезии и создание благоприятных предпосылок для продолжения наступления. Западнокарпатской группировке противника было нанесено серьезное поражение. Враг потерял около 2300 орудий и минометов, 320 танков и штурмовых орудий, много другой военной техники[37]. Особенностями операции являлись наступление армий по двум-трем операционным направлениям, широкое использование обходов и охватов при овладении опорными пунктами и узлами сопротивления противника. Основным средством поддержки войск была авиация. За время операции 8-я воздушная армия генерала В. Н. Жданова и 5-я воздушная армия генерала С. К. Горюнова совершили 10 400 самолето-вылетов, обеспечили поддержку войск и господство в воздухе[38]. Успешно взаимодействовали с наступавшими войсками партизаны: уничтожали штабы, узлы связи, разрушали мосты, дороги, линии связи, железнодорожные пути и дезорганизовывали работу вражеского тыла.

За боевые отличия 149 частей и соединений были награждены орденами, 42 соединениям и частям присвоены почетные наименования Кошицких, Прешовских, Горлицких, Попрадских и Ясловских. Потери советских войск в ходе операции составили 78 988 человек, из них безвозвратные — 16 337, санитарные — 62 651[39].

После перехода к временной обороне советские войска приступили к подготовке новых наступательных операций. Для обеспечения успеха решающей операции на берлинском направлении Ставка ВГК сочла необходимым вначале разгромить крупные группировки противника в Чехословакии, западных районах Венгрии и в Австрии. Выполнение данной задачи возлагалось на войска 4, 2 и 3-го Украинских фронтов, причем первые два фронта должны были практически завершить освобождение Чехословакии в ходе Моравска-Остравской и Братиславско-Брновской наступательных операций.

Еще 13 февраля командующий войсками 4-го Украинского фронта в докладе Верховному главнокомандующему изложил свои соображения о последующих действиях войск[40]. Имелось в виду нанести удар с целью разгрома противостоящих сил, выхода на рубеж р. Влтава и овладения Прагой.

17 февраля Ставкой ВГК этот план был утвержден. Моравска-Остравскую наступательную операцию предполагалось провести с 10 марта по 5 мая силами 4-го Украинского фронта с целью разгромить группировку противника в районе Моравска-Острава и, овладев Моравска-Остравским промышленным районом, наступать на Прагу[41]. Замысел советского командования предусматривал нанесение главного удара правым крылом фронта, силами 38-й армии генерала К. С. Москаленко и 1-й гвардейской армии генерала А. А. Гречко в общем направлении Фриштат — Мистек — Оломоуц и осуществление обхода с юга оборонительного рубежа, прикрывавшего Моравска-Остраву с севера, а в последующем наступать на Прагу; вспомогательный удар планировалось нанести силами 18-й армии генерала А. И. Гастиловича в направлении Ружомберок — Жилина — Кромержиж[42].

К началу марта войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии И. Е. Петрова в составе 38-й, 1-й гвардейской, 18-й армий, 31-го танкового корпуса, 1-го чехословацкого армейского корпуса, 8-й воздушной армии вышли на рубеж восточнее Жоры — Живец — Липтовски-Свети-Микулаш. К этому времени во фронте насчитывалось 240 тыс. человек, 2900 орудий и минометов, 184 танка и самоходно-артиллерийские установки и более 400 боевых самолетов[43].

Противостоявшая советским войскам армейская группа «Хейнрици» с 22 марта была преобразована в 1-ю танковую армию группы армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Ф. Шёрнера, насчитывавшую в своем составе 150 тыс. человек, 1500 орудий и минометов, около 100 танков и штурмовых орудий и около 120 самолетов[44], причем 75% этих сил противника находились перед войсками правого крыла 4-го Украинского фронта и, опираясь на сильно развитый в инженерном отношении рубеж обороны, непосредственно прикрывали моравска-остравское направление. На этом же направлении находилась и 19-я танковая дивизия, ранее составлявшая резерв армейской группы «Хейнрици».

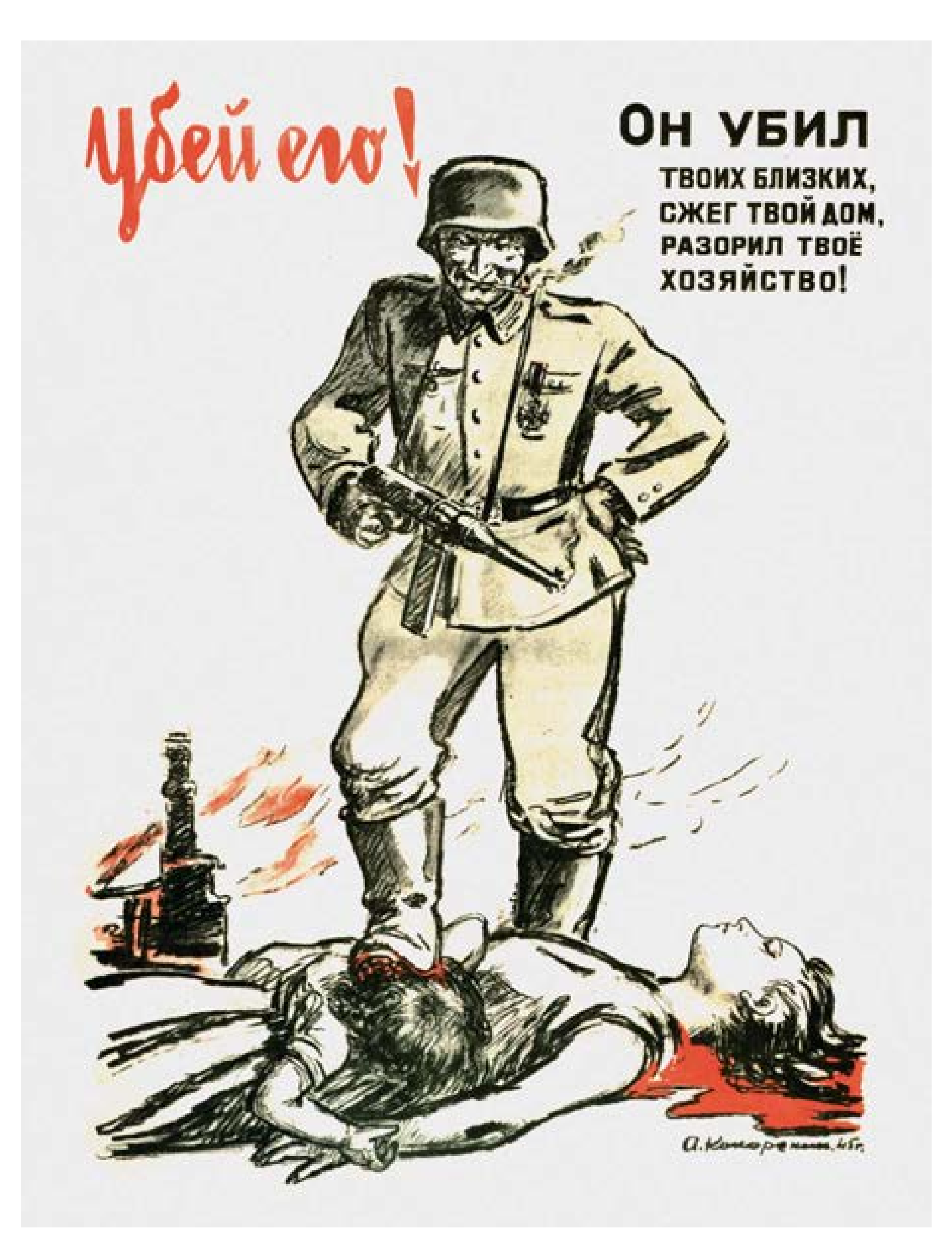
Наиболее сильно в инженерном отношении был укреплен Моравска-Остравский промышленный район, обороне которого немецкое командование отводило особую роль. Все подходы к этому району с востока прикрывались тремя долговременными оборонительными полосами, проходившими вдоль упомянутых рек Ольша, Остравица и Одра, и одной оборонительной полосой с севера — на рубеже Троппау (Опава) — Моравска-Острава. Здесь были построены железобетонные пулеметно-артиллерийские доты различных типов. Каждая полоса состояла из четырех линий укреплений. Все эти сооружения были тщательно замаскированы и соединены ходами сообщения. Местность непосредственно перед дотами была заминирована, насыщена противотанковыми инженерными сооружениями, это пространство полностью простреливалось.

Командующему войсками фронта генералу И. Е. Петрову в результате сосредоточения основных сил фронта на его правом крыле все же удалось достичь значительного превосходства над противником.

Наступление 4-го Украинского фронта началось 10 марта. Первоначально продвижение войск было медленным — не более 1–2 км в сутки — и сопровождалось большими потерями в живой силе и технике, поскольку неприятелю удалось установить время и место главного удара и подготовить глубоко эшелонированную оборону с использованием естественных преград. За восемь дней напряженных боев соединения и части 38-й и 1-й гвардейской армий смогли продвинуться только на 6–12 км на фронте 15 км. Учитывая, что дальнейшие попытки прорвать оборону противника могли привести к значительным потерям, командующий фронтом отдал войскам приказ закрепиться на достигнутых рубежах. Не выполнив своих боевых задач, они вынуждены были остановиться. Это явилось следствием не столько неблагоприятных погодных условий, сколько ошибок в организации наступления, на что 17 марта Ставка ВГК указала Военному совету фронта: «установив неполную готовность

Плакат В. Корецкого. 1945 г.

Плакат А. Кокорекина. 1945 г.

Плакат В. Иванова. 1945 г.

Плакат В. Дени. 1945 г.

Плакаты В. Климашкина. 1945 г.

Плакат В. Иванова. 1945 г.

Плакат М. Нестеровой-Берзиной. 1945 г.

Плакат В. Иванова. 1946 г.

войск», командующий фронтом был «обязан доложить об этом Ставке и попросить дополнительного времени на подготовку, в чем Ставка не отказала бы»[45].

Кроме того, Ставка ВГК в связи с успешным наступлением войск 1-го Украинского фронта и отсутствием условий для ввода в сражение 5-го гвардейского механизированного корпуса в полосе 4-го Украинского фронта приняла решение о передаче этого соединения в состав 2-го Украинского[46]. В этой связи и командующий 4-м Украинским фронтом, используя успех соседнего фронта, перенес направление главного удара на левое крыло своего фронта с тем, чтобы обойти укрепления противника с северо-запада и в дальнейшем наступать на Моравска-Остраву с севера. 24 марта войска фронта после произведенной перегруппировки и уточнения задач возобновили наступление и к концу месяца силами 38-й и 1-й гвардейской армий приблизились к Моравска-Остраве на 15—20 км, а силами 18-й армии вышли на подступы к г. Жилина, продвинувшись на запад до 60 км.

Однако, несмотря на успешные действия войск на втором этапе операции и продвижение в глубину неприятельской обороны на 50—70 км, 4-й Украинский фронт так и не смог полностью выполнить поставленных перед ним задач. В связи с этим Ставка освободила командующего фронтом генерала И. Е. Петрова и его начальника штаба генерала Ф. К. Корженевича от занимаемых должностей. Командование фронтом 26 марта принял генерал армии А. И. Ерёменко, а начальником штаба 2 апреля был назначен генерал-полковник Л. М. Сандалов[47].

В начале апреля соединения фронта были вынуждены прервать наступление, поскольку 3 апреля поступили новые указания Ставки ВГК об организации дальнейших боевых действий. Учитывая глубокое к тому времени выдвижение на запад войск 1-го и 2-го Украинских фронтов, Ставка внесла изменения в первоначальный план разгрома противника в восточных районах Чехословакии. Фронту предписывалось главный удар нанести своим правым крылом силами 60-й армии генерала П. А. Курочкина с 31-м танковым корпусом, которые были переданы ему из состава войск 1-го Украинского фронта, а также 38-й и 1-й гвардейской армий вдоль левого берега р. Одра (Одер), разгромить вражескую группировку юго-восточнее и южнее Моравска-Остравы, овладеть городами Опава (Троппау) и Моравска-Острава и далее продолжить наступление на Оломоуц навстречу войскам 2-го Украинского фронта[48].

15 апреля войска 4-го Украинского фронта перешли в наступление и прорвали оборону противника северо-западнее Моравска-Остравы. Немецкие войска оказали ожесточенное сопротивление, опираясь на систему долговременных укреплений на правом берегу р. Опава, а также на укрепленную оборонительную полосу по рекам Одер и Ольше. Пытаясь сорвать наступление войск 4-го Украинского фронта, в его полосу противник перебросил из резерва и с других участков фронта две пехотные, две танковые и моторизованную дивизии. В первые дни темп наступления не превышал 1—2 км в сутки. Тем не менее 21 апреля соединения и части правого крыла 1-й гвардейской армии совместно с 38-й армией преодолели сопротивление вражеских войск, вышли к внешнему оборонительному обводу Моравска-Остравы и завязали бои на подступах к городу. Генерал А. И. Ерёменко докладывал в Ставку: «Войска 4-го Украинского фронта... [ведя бои] за Моравска-Остравский промышленный район, нанесли большие потери моравска-остравской группировке противника, прорвали три заранее подготовленных глубокоэшелонированных оборонительных рубежа»[49]. На следующий день 60-я армия овладела г. Опава.

Большую помощь наступавшим войскам в этих боях оказывала 8-я воздушная армия генерала В. Н. Жданова и действовавшая совместно с ней 1-я чехословацкая смешанная авиационная дивизия. Они совершили около 2600 боевых вылетов, уничтожив значительное количество военной техники, вооружения и боеприпасов противника.

24 апреля в целях быстрейшего разгрома моравска-остравской группировки противника и овладения Моравска-Остравой командующий фронтом принял решение: активными действиями ударных группировок войск фронта в составе 60, 38 и 1-й гвардейской армий на узких участках рассечь и уничтожить вражескую группировку. Уже через пять дней 1-я гвардейская и 38-я армия овладели Моравска-Остравой[50], а соединения и части 18-й армии — важным узлом дорог в Западных Карпатах г. Жилина, что явилось переломным моментом в

Жители Моравска-Остравы приветствуют советских танкистов

Немецкие солдаты, покидающие селение Грушки в Чехословакии

Техника, брошенная немецкими войсками при отступлении

ходе боевых действий войск фронта. «Войска 4-го Украинского фронта выполнили ближайшую задачу, — докладывал 2 мая генерал А. И. Ерёменко в Ставку ВГК, — ...заканчивают овладение всем Моравска-Остравским промышленным районом»[51].

Лишившись мощного Моравска-Остравского укрепленного района, противник уже не мог создать достаточно прочной и устойчивой обороны и вынужден был начать вывод своей группировки из этого района. Продолжая наступление, войска фронта к 5 мая вышли на рубеж Штернберг (60-я армия) — Фульнек (38-я армия) — Пршибор (1-я гвардейская армия) — Рожнов (18-я армия), где и была завершена Моравска-Остравская операция[52].

Таким образом, войска 4-го Украинского фронта в результате Моравска-Остравской наступательной операции нанесли тяжелое поражение 1-й танковой армии противника, овладели Моравска-Остравским промышленным районом и вышли на рубеж западнее Опава — Штернберк — Фульнек — Френштат — Рожнов, восточнее Голешов, тем самым создав благоприятные условия для дальнейшего продвижения советских войск в центральную часть Чехословакии.

В ходе проведения операции противник потерял более 100 тыс. солдат и офицеров убитыми и свыше 150 тыс. пленными, было уничтожено и захвачено 4 тыс. орудий, 1570 минометов, 1087 танков и самоходных орудий, 737 самолетов[53]. Общие потери войск 4-го Украинского фронта составили 112 621 человек, из них безвозвратные — 23 964 человека[54]. Советские войска в ходе подготовки и проведения операции получили богатый опыт действий в условиях труднодоступной горно-лесистой местности.

После завершения 13 февраля 1945 г. Будапештской операции командование 2-го Украинского фронта получило задачу главными силами перейти в наступление на Братиславу и Брно, а частью сил во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом овладеть Веной. Действовавшие на правом крыле фронта 53-я и 40-я армии в первой половине марта овладели городами Банска-Штявница и Зволен, отбросили противника на правый берег р. Грон и, перейдя к обороне, начали подготовку к предстоящему наступлению уже в рамках Братиславско-Брновской операции.

Советское командование в ходе ее проведения предполагало разгромить группировки противника в районах Братиславы, Брно, Зноймо и завершить освобождение Словакии и частично Моравии[55]. Операцию планировалось провести с 25 марта по 5 мая 1945 г. К участию в ней привлекались войска правого крыла и центра 2-го Украинского фронта (40, 53 и 7-я гвардейская, 5-я воздушная армии, 1-я гвардейская конно-механизированная группа) и оперативно подчиненная ему Дунайская военная флотилия, а также 4-я и 1-я румынские армии и отдельный авиационный корпус[56]. Всего в составе этих войск насчитывалось более 352 тыс. человек, 6160 орудий и минометов, 246 танков и самоходно-артиллерийских установок и более 630 самолетов[57].

Против советских войск, действовавших на братиславско-брновском направлении, оборонялась 8-я армия группы армий «Юг», которая в первых числах мая была переименована в группу армий «Австрия» под командованием генерала О. Велера, а с 7 апреля ее командующим стал генерал Л. Рендулич. Кроме того, в район г. Брно немецкое командование дополнительно передислоцировало 25-ю и 6-ю танковые дивизии, 2-ю моторизованную, 37-ю кавалерийскую дивизию СС и еще ряд пехотных соединений и частей с других участков фронта[58]. В целом эта группировка войск противника в своем составе имела более 200 тыс. человек, 1800 орудий и минометов, 120 танков и штурмовых орудий и около 150 самолетов[59].

К началу наступления советских войск неприятелю удалось создать глубокоэшелонированную и заблаговременно подготовленную оборону, которая опиралась на систему естественных рубежей. Ее главная полоса глубиной 5–7 км проходила по правому берегу р. Грон, вторая полоса и тыловые рубежи — по рекам Нитра, Ваг, Морава. Крупные города и населенные пункты немецкое командование также успело подготовить к круговой обороне.

В соответствии с замыслом советского командования 2-й Украинский фронт наносил главный удар смежными флангами 53-й армии генерала И. М. Манагарова, 7-й гвардейской армией генерала М. С. Шумилова и 1-й румынской армией из района Левице на Братисла-

ву — Брно; второй — силами 40-й армии генерала Ф. Ф. Жмаченко и 4-й румынской армии из района севернее Зволена на Тренчин. Дунайская военная флотилия под командованием контр-адмирала Г. Н. Холостякова имела задачу огнем артиллерии и высадкой десантов содействовать наступлению войск 7-й гвардейской армии и 1-й гвардейской конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева, которая предназначалась для развития успеха на главном направлении[60]. В ходе подготовки наступления особое внимание обращалось на обеспечение войск и их действий в горно-лесистой местности.

За день до начала операции командующий 2-м Украинским фронтом информировал Ставку: «Наступательную операцию севернее реки Дунай начинаю на рассвете 25.3.45 действиями двенадцати усиленных батальонов на широком фронте с целью вскрыть оборону противника по р. Грон»[61]. В ночь на 25 марта 12 усиленных передовых батальонов 53-й и 7-й гвардейской армий внезапно для противника на 17-километровом фронте форсировали р. Грон и захватили ряд плацдармов на ее правом берегу, на которые в первый же день были переправлены главные силы этих армий, а также 1-й румынской армии.

Успешно прорвав вражескую оборону, советские войска в этот же день освободили Банска-Бистрицу[62] и начали развивать наступление вдоль левого берега Дуная на Братиславу. Уже на второй день наступления в сражение была введена 1-я гвардейская конно-механизированная группа в составе 4-го и 6-го кавалерийских корпусов, 6-го танкового и 2-го самоходно-артиллерийского полков. Группа с ходу форсировала р. Нитра и сорвала замысел противника задержать наступление войск фронта на этом рубеже. К 28 марта прорыв был расширен до 135 км по фронту и 40 км в глубину. Несмотря на весеннюю распутицу и половодье, наступление войск 2-го Украинского фронта на братиславском направлении успешно развивалось. По этому поводу 30 марта был издан специальный приказ Верховного главнокомандующего, в котором говорилось: «Перейдя в наступление, войска фронта форсировали реки Грон и Нитра, прорвали оборону противника... и продвинулись вперед на 50 км, овладев сильными опорными пунктами противника... В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях, представить к награждению орденами»[63].

В конце марта после упорных оборонительных боев в Словацких Рудных горах перешли в наступление 40-я и 4-я румынская армии. 4 апреля 7-я гвардейская армия и 1-я гвардейская конно-механизированная группа при поддержке Дунайской военной флотилии и 5-й воздушной армии генерала С. К. Горюнова после ожесточенных боев и глубокого обходного маневра освободили столицу Словакии — Братиславу[64], а уже на следующий день — крупный город Словакии Ружомберг[65]. Развивая наступление, войска главной группировки фронта прорвали моравский оборонительный рубеж противника и 23 апреля совместно с 6-й гвардейской танковой армией генерала А. Г. Кравченко, переданной в середине апреля из 3-го Украинского фронта, вышли на подступы к Брно. Для овладения городом была создана ударная группа в составе 53-й, 6-й гвардейской танковой армий и 1-й гвардейской конно-механизированной группы[66]. В результате успешных действий этой группировки советских войск уже 26 апреля г. Брно был освобожден от захватчика.

На следующий день эта группировка продолжила наступление совместно с 40-й армией и 1-й, 4-й румынскими армиями в северном направлении для соединения с войсками 4-го Украинского фронта в районе Оломоуца с целью окружения 1-й танковой армии противника[67].

В результате успешных боевых действий войска 2-го Украинского фронта продвинулись на запад до 200 км и разгромили 15 дивизий противника, уничтожили и взяли в плен около 428 тыс. солдат и офицеров[68]. Совместные удары войск 2-го Украинского фронта с действиями 4-го Украинского, который в тот период проводил Моравска-Остравскую операцию, и 3-го Украинского фронта на венском направлении привели к разгрому всей группировки вражеских войск, действующей на южном крыле советско-германского фронта.

Успешное завершение этой операции обогатило военное искусство опытом организации и ведения фронтовой наступательной операции на значительную глубину в условиях горно-лесистой местности с преодолением и форсированием горных рек с ходу.

За героизм и воинскую доблесть, проявленные советскими войсками при освобождении Брно и Братиславы, орденами были награждены 99 соединений и частей 2-го Украинского фронта, а 15 из них присвоено наименование Братиславских. Общие потери войск 2-го Украинского фронта и Дунайской военной флотилии в операции составили 79 596 человек, из них безвозвратные — 16 933, санитарные — 62 663[69]; 1-й чехословацкий корпус потерял 3730 человек, из них убитыми — 774 человека[70].

Таким образом, в марте — апреле 1945 г. в результате боевых действий 2-го и 4-го Украинских фронтов и включенных в их состав чехословацких и румынских соединений была разгромлена крупная группировка вермахта в Западных Карпатах, освобождены полностью Словакия и часть Моравии, в том числе такие крупные административные и промышленные центры, как Братислава, Брно и Моравска-Острава. В течение полутора месяцев войска обоих фронтов продвинулись на 150—350 км, вышли к южным областям Германии и центральным районам Чехословакии, заняв выгодное положение для наступления на Прагу и окончательного разгрома войск вермахта.

В начале мая 1945 г. в Центральной Европе для Красной армии сложилась благоприятная оперативно-стратегическая обстановка. Разгром берлинской группировки врага повлек за собой полный развал немецкой армии. Началась повсеместная капитуляция войск вермахта в Западной Европе. Наряду с этим на советско-германском фронте отдельные группировки немецких войск все еще продолжали сопротивление, надеясь выйти из-под ударов Красной армии и капитулировать перед англо-американскими войсками. В частности, на южном крыле фронта продолжали оказывать серьезное сопротивление войска группы армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Ф. Шёрнера (1-я, 4-я танковые и 17-я армии) и часть войск группы армий «Австрия» генерала Л. Рендулича (8-я армия и 6-я танковая армия СС), сосредоточенные на территории Чехословакии. Всего эта группировка войск имела в своем составе 900 тыс. солдат и офицеров, 9,7 тыс. орудий и минометов, 1,9 тыс. танков и штурмовых орудий, около тысячи боевых самолетов[71]. Однако необходимо отметить, что, несмотря на такую огромную численность, боеспособность войск была невысокой. Укомплектованность дивизий противника колебалась в пределах от 1,5 до 6 тыс. человек. Значительная часть танков и штурмовых орудий была неисправна и использовалась в обороне в качестве неподвижных огневых точек. В танковых войсках и военно-воздушных силах ощущался острый недостаток горючего и боеприпасов.

В первых числах мая новое правительство Германии во главе с преемником А. Гитлера гросс-адмиралом К. Дёницем предпринимало отчаянные попытки спасения от разгрома остатков вермахта. Его план состоял в том, чтобы с помощью политических маневров на любых условиях заключить сепаратный мир с англо-американским командованием, затянуть войну и, удерживая за собой районы Западной и Центральной Чехословакии, помешать вступлению советских войск на эту территорию, одновременно капитулируя перед американской армией[72]. «Складывая оружие в Северо-Западной Германии, Дании и Голландии, — говорилось 5 мая в приказе германского верховного командования, — мы исходим из того, что борьба против западных держав потеряла смысл. На востоке, однако, борьба продолжается»[73].

В этой связи немецкое командование в Чехословакии с целью обеспечения организованного отхода на запад войск групп армий «Центр» и «Австрия» создало наиболее сильную и заблаговременно подготовленную оборону на своем левом фланге, в полосах 4-й танковой и 17-й армий. Здесь глубина тактической зоны вражеской обороны, насыщенной большим количеством инженерных сооружений, достигала 18 км. Кроме того, в оперативной глубине войсками были заняты долговременные укрепленные районы, проходившие вдоль всей германо-чехословацкой границы по рубежу Рудных и Судетских гор, построенные в свое время Чехословакией.

Что же касается позиции правящих кругов Англии и США, то в отношении Чехословакии они имели, в сущности, захватнические планы. 30 апреля 1945 г. У. Черчилль предложил американцам, чтобы они заняли возможно большую территорию Чехословакии, включая Прагу. «Можно почти не сомневаться в том, — писал он новому президенту США Г. Трумэну, — что

освобождение вашими войсками Праги и как можно большей территории Западной Чехословакии может полностью изменить послевоенное положение в Чехословакии и вполне может к тому же повлиять на соседние страны»[74].

И хотя в соответствии с решением Крымской конференции рубеж встречи советских и американских войск на территории Чехословакии был согласован, Д. Эйзенхауэр все же сделал попытку прощупать возможность наступления на Прагу. 4 мая он направил начальнику Генерального штаба Красной армии генералу армии А. И. Антонову послание, в котором проинформировал советское командование о намерении американцев продвинуться в Чехословакии до линии рек Влтава и Эльба, что означало овладение левобережной Прагой. Генерал А. И. Антонов с этим согласиться никак не мог и вынужден был указать Д. Эйзенхауэру на недопустимость таких внезапных изменений в планировании межсоюзных операций. Он сообщил, что советские войска уже завершили подготовку Пражской операции, и в этих условиях изменение рубежа встречи войск могло привести к нежелательным столкновениям и инцидентам. Верховный главнокомандующий союзными экспедиционными силами принял во внимание соображения, изложенные в телеграмме начальника Генштаба Красной армии. В своем ответе он писал: «Полагаю, что советские войска смогут быстро перейти в наступление и разгромить силы противника в центре страны»[75]. Лишь после этого он отдал приказ командующему 12-й группой армий генералу О. Брэдли остановиться на рубеже Карловы Вары — Пльзень — Ческе-Будеёвице.

Хотя аргументация начальника Генерального штаба, сообщенная Эйзенхауэру, относительно рубежа встречи войск была, безусловно, важной, все же главенствующей оставалась невысказанная политическая составляющая. Согласно представлениям советского руководства о национально-государственных интересах СССР Чехословакия входила в сферу его интересов. Поэтому не менее чем Черчилль, настаивавший на том, чтобы в Прагу первыми вступили американские войска, советские руководители были заинтересованы в освобождении чехословацкой столицы Красной армией.

К началу мая 1945 г. внутреннее положение Чехословакии характеризовалось прежде всего значительной активизацией партизанского движения на ее территории и развернувшейся в полном объеме подготовкой вооруженного восстания в Праге. Уже 1 и 2 мая во многих городах Чехии начались стихийные выступления народа, обусловленные приближением наступавших войск Красной армии и союзников, а после падения Берлина столкновения участились, стали более массовыми и переросли в восстание чешского народа. Утром 5 мая восстание вспыхнуло в Праге. Вражескому гарнизону был предъявлен ультиматум о безоговорочной капитуляции.

Немецкое командование, начав переговоры с представителями Чешского национального совета о перемирии, одновременно стало стягивать к Праге танковые дивизии и части СС. Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. Шёрнер приказал подавить восстание, которое перерезало основной путь намеченного отхода немецких войск на запад. «Восстание в Праге немедленно должно быть ликвидировано во что бы то ни стало, — требовал он от коменданта города генерала Ф. Мюллера-Гебхарда. — Прага любой ценой должна вернуться в немецкие руки»[76]. На следующий день, применив против восставших танковые части и авиацию, врагу вновь удалось овладеть отдельными районами города.

Оказавшись в трудном положении и не зная, скоро ли придет военная помощь со стороны союзников, руководители Чешского национального совета вынуждены были обратиться за помощью к власовцам, которые в тот период находились недалеко от Праги. 6 мая власовская дивизия С. К. Буняченко вошла в Прагу и уже к вечеру овладела западными районами города. Однако в дальнейшем под давлением коммунистов Совет все же отказался от помощи власовцев, всецело осознавая стремление ее главарей передать Прагу американскому командованию и тем самым заслужить его доверие. Уже 7 мая, потеряв надежду на столкновение между Красной армией и американскими войсками, власовцы стали покидать сражавшийся город, уходя теперь на запад, к американцам. Тем не менее пражские патриоты еще в течение двух дней продолжали героически сражаться с превосходящими силами противника на

Пражские повстанцы на уличной баррикаде

Вооруженные пражские рабочие ведут по улице сотрудника гестапо и гауптшарфюрера СС

Немецкая САУ, подбитая пражскими повстанцами

подступах к столице и в самом городе. Силы восставших убывали с каждым часом. В те дни только на баррикадах Праги погибли более 2 тыс. жителей[77].

Таким образом, указанные выше политические соображения и начавшееся в Праге вооруженное восстание потребовали от советского командования ускорить подготовку и осуществление Пражской операции, решение о проведении которой было принято Ставкой ВГК еще в ходе боев за Берлин[78].

Замысел операции состоял в том, чтобы, используя силы трех фронтов, нанести несколько ударов по охваченным уже флангам вражеской группировки по сходящимся на Прагу направлениям, окружить, рассечь, а затем и уничтожить основные силы противника на территории Чехословакии, не допустить их отхода на запад и юго-запад. Главные удары по флангам группы армий «Центр» должны были нанести войска 1-го Украинского фронта из района Дрездена и 2-го Украинского фронта из района южнее Брно. Причем Ставкой ВГК успешное развитие операции предопределялось исключительной быстротой перегруппировок и стремительностью наступления войск 1-го и 2-го Украинских фронтов на Прагу.

К началу Пражской операции обстановка для войск 1, 2 и 4-го Украинских фронтов, привлекаемых Ставкой ВГК к участию в операции, была сложной. 1 мая часть сил правого крыла 1-го Украинского фронта (командующий Маршал Советского Союза И. С. Конев) еще вела бои в Берлине, а другая только закончила боевые действия южнее и юго-западнее германской столицы. В тот день маршал И. С. Конев получил директиву Ставки, согласно которой войска фронта должны были ускорить ликвидацию противника, до 4 мая передать занимаемую полосу 1-му Белорусскому фронту, после чего начать подготовку войск «для стремительного наступления в общем направлении на Прагу»[79].

На следующий день аналогичную директиву получил командующий войсками 2-го Украинского фронта Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский. Войскам фронта была поставлена задача нанести удар в общем направлении на Йиглаву и Прагу, не позднее 12–14 мая овладеть рубежом Йиглава — Улабинч — Горн, в дальнейшем выйти на р. Влтава и овладеть Прагой. Часть сил фронта должна была продолжить наступление на Оломоуц[80]. В тот период войска правого крыла фронта все еще продолжали развивать наступление в северном направлении на Оломоуц, навстречу войскам 4-го Украинского фронта, а остальные силы временно перешли к обороне южнее Брно до р. Дунай.

Войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала А. И. Ерёменко в это время завершали Моравска-Остравскую операцию, в рамках которой вели наступление, нанося главный удар на Оломоуц с северо-востока. В составе фронта в районе Моравска-Острава действовал 1-й чехословацкий армейский корпус.

Начало наступления ударных группировок 1-го и 2-го Украинских фронтов Ставкой ВГК было назначено на 7 мая. К началу Пражской операции в составе войск 1, 2 и 4-го Украинских фронтов, развернутых на 1200-километровом фронте от Потсдама до р. Дунай, действовало 18 общевойсковых, три танковые и три воздушные армии, пять отдельных танковых, два отдельных механизированных и три кавалерийских корпуса[81]. Всего в их составе насчитывалось свыше 2 млн человек, около 30,5 тыс. орудий и минометов, около 2 тыс. танков и более 3 тыс. самолетов. При примерном равенстве в танках советские войска превосходили противника: в живой силе — в 2,2 раза, в орудиях и минометах — в 3,1 раза, в самолетах — в 3 раза[82].

Необходимо отметить, что для завершающей операции Великой Отечественной войны Ставка ВГК привлекала более чем двухмиллионную группировку советских войск, которая была оснащена значительным количеством вооружения и боевой техники. При этом наибольшее количество сил и средств находилось в составе войск 1-го Украинского фронта, которому отводилась решающая роль в достижении цели стратегической наступательной операции. В составе этого фронта имелось около 60% личного состава, 54% орудий и минометов, около 80% танков и самоходно-артиллерийских установок, 57% самолетов из всех сил и средств, привлекавшихся к Пражской операции[83].

Задача командований фронтов состояла в том, чтобы правильно использовать имеющиеся в их составе силы и средства и достичь поставленных целей в кратчайший срок и с

Советские войска на пути к Праге

наименьшими потерями. Так, например, в замысле командующего 1-м Украинским фронтом предусматривалось одновременное нанесение трех ударов. Уже 4 мая он отдал войскам соответствующий приказ, в котором указывал: «Армии правого крыла фронта переходят в стремительное наступление по обоим берегам р. Эльба в общем направлении на Прагу с целью разгромить дрезденско-горлицкую группировку противника, а танковыми армиями на шестой день операции овладеть столицей Чехословакии Прага»[84].

Оперативное построение войск главной ударной группировки фронта намечалось иметь одноэшелонное, при наличии во фронтовом резерве 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. Причем 3-я и 4-я гвардейские танковые армии должны были действовать в боевых порядках общевойсковых армий, перейдя в наступление одновременно с ними. После прорыва вражеской обороны они, не втягиваясь в бои за Дрезден, должны были устремиться к горным перевалам, овладеть ими, войти на территорию Чехословакии, уничтожая тылы основных сил группы армий «Центр», и на шестой день операции освободить Прагу. Выход к чехословацкой столице общевойсковых армий главной ударной группировки фронта намечался к исходу седьмого дня наступления. При глубине операции 150 км войска фронта должны были наступать с темпом 20–25 км в сутки.

На направлениях главных ударов решением командующего фронтом предусматривалось создание сильных артиллерийских группировок. Общее количество артиллерии, которое намечалось иметь, достигало почти 6 тыс. орудий и минометов. Артиллерийское наступление планировалось продолжительностью 70 минут, из которых 30 минут отводилось на артиллерийскую подготовку и 40 минут на сопровождение атаки пехоты и танков. Расход боеприпасов на первый день наступления устанавливался в 0,5 боевого комплекта[85].

Для авиационного обеспечения привлекались все силы 2-й воздушной армии генерала С. А. Красовского. При этом на направлении главного удара намечалось использовать шесть авиационных корпусов в составе более 1900 боевых самолетов, а на других направлениях — два корпуса, около 400 самолетов.

Все эти решения были приняты командующими войсками 2-го и 4-го Украинских фронтов и оперативно утверждены Ставкой Верховного главнокомандования.

Сложность подготовки Пражской операции заключалась в том, что на нее отводилось чрезвычайно короткое время. Войскам 1-го и 2-го Украинских фронтов, наносивших главные удары, предстояло в весьма сжатые сроки, за трое-четверо суток, осуществить крупную перегруппировку войск. Так, только в 1-м Украинском фронте требовалось перегруппировать на новое направление, на расстояние от 100 до 200 км, три общевойсковые и две танковые армии, а также ряд отдельных корпусов. Во 2-м Украинском фронте необходимо было вывести из сражения 6-ю гвардейскую танковую армию генерала А. Г. Кравченко, 1-ю гвардейскую конно-механизированную группу генерала И. А. Плиева и сосредоточить их в новых районах для последующего ввода на пражском направлении. Необходимо было также принять в состав фронта 9-ю гвардейскую армию генерала В. В. Глаголева и выдвинуть ее в первый эшелон фронта. Значительные перегруппировки предстояло совершить командующим 53-й армией генералу И. М. Манагарову и 40-й армией генералу Ф. Ф. Жмаченко. Однако, несмотря на все трудности, предусмотренные планом перегруппировки войск были закончены в установленные сроки: в 1-м Украинском фронте — к 5 мая, а на следующий день и во 2-м Украинском. В короткий подготовительный период войска фронтов пополнили запасы боеприпасов, горючего, продовольствия и одновременно начали занимать исходное положение для наступления, которое по приказу Ставки ВГК должно было начаться 7 мая.

6 мая разведкой 1-го Украинского фронта было установлено, что перед правым крылом фронта противник на отдельных направлениях отходит. Советские войска немедленно перешли к преследованию, начав наступление на день раньше намеченного срока. Сбивая арьергарды врага, передовые отряды быстро продвигались вперед, обеспечивая путь основным силам. Наиболее успешными были действия 4-й гвардейской танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко и 13-й армии под командованием генерала Н. П. Пухова, которые в первый день операции продвинулись на 23 км, а на второй — на 45 км, выйдя к северным склонам

Рудных гор. Именно этот неожиданный удар советских войск на дрезденском направлении и успешное его развитие обеспечили капитуляцию окруженной 40-тысячной вражеской группировки в районе Бреслау.

7 мая в наступление перешли войска 2-го Украинского фронта. Соединения и части 7-й гвардейской армии под командованием генерала М. С. Шумилова прорвали оборону противника на участке в 25 км и продвинулись до 12 км.

Войска 4-го Украинского фронта 6 и 7 мая вели боевые действия за Оломоуц[86], создав непосредственную угрозу этому важнейшему узлу дорог на путях отхода основных сил 1-й танковой армии врага, а после его освобождения 8 мая развернули наступление на пражском направлении.

Стремительное наступление Красной армии сорвало планы немецкого командования, его войска были деморализованы и уже не могли оказывать организованного сопротивления. 7 мая во второй половине дня командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. Шёрнер вынужден был отдать приказ об отходе войск на запад. В ночь на 8 мая вражеские соединения и части, оставляя на всем фронте свои позиции, начали поспешный отход. Они стремились как можно быстрее уйти из-под ударов Красной армии и капитулировать перед американцами.

В этих условиях советское командование понимало, как дорог каждый час. Оно настойчиво требовало от войск увеличения темпов наступления и ведения боевых действий не только днем, но и ночью.

Ситуация резко изменилась 8 мая, когда стало известно о подписании в Реймсе Акта о капитуляции германских вооруженных сил и прекращении ими боевых действий на всех фронтах. Несмотря на это, немецкие войска в Чехословакии отказались сложить оружие и с боями продолжали отходить в южном и западном направлениях. В этот день армии 1-го Украинского фронта овладели Дрезденом, заняли города Баутцен, Герлиц, Теплице, Билина, Мост и другие, а к исходу дня передовые подразделения фронта преодолели перевалы Рудных гор и, практически не встречая сопротивления, форсированным маршем двинулись на Прагу. 8 мая частями 5-го гвардейского механизированного корпуса под командованием генерала И. П. Ермакова был уничтожен штаб группы армий «Центр», в связи с чем нарушено управление немецкими войсками.

В это же время войска ударной группировки 2-го Украинского фронта, прорвав оборону врага в районе южнее Брно, продвинулись до 60 км и овладели населенными пунктами Яромержице и Зноймо, а войска его левого крыла, отбрасывая арьергарды противника, продвинулись в этот день вдоль северного берега Дуная на 30 км.

Большую помощь наступавшим войскам оказывала авиация. Только в течение трех дней операции, с 6 по 8 мая, 2, 5, 8 и 17-я воздушные армии совершили 7640 самолето-вылетов[87].

С утра 9 мая войска трех Украинских фронтов развернули стремительное преследование противника, отказавшегося капитулировать перед советскими войсками. Наступление советских войск, особенно ударных группировок 1-го и 2-го Украинских фронтов, по сходящимся направлениям на Прагу проходило в исключительно высоких темпах. Уже на рассвете 9 мая, после совершения 80-километрового броска, первыми вошли в столицу Чехословакии части 62-й и 63-й гвардейских танковых, 70-й гвардейской самоходно-артиллерийской бригад под командованием полковников И. И. Прошина, М. Г. Фомичева и подполковника Н. Ф. Корюшкина. На броне обеих танковых бригад находился десант автоматчиков 29-й гвардейской мотострелковой бригады полковника А. И. Ефимова. Все эти соединения входили в состав 10-го гвардейского танкового корпуса 4-й гвардейской танковой армии. На несколько часов позднее ворвались в Прагу и соединения 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта, а вслед за ними — передовые отряды 2-го и 4-го Украинских фронтов[88].

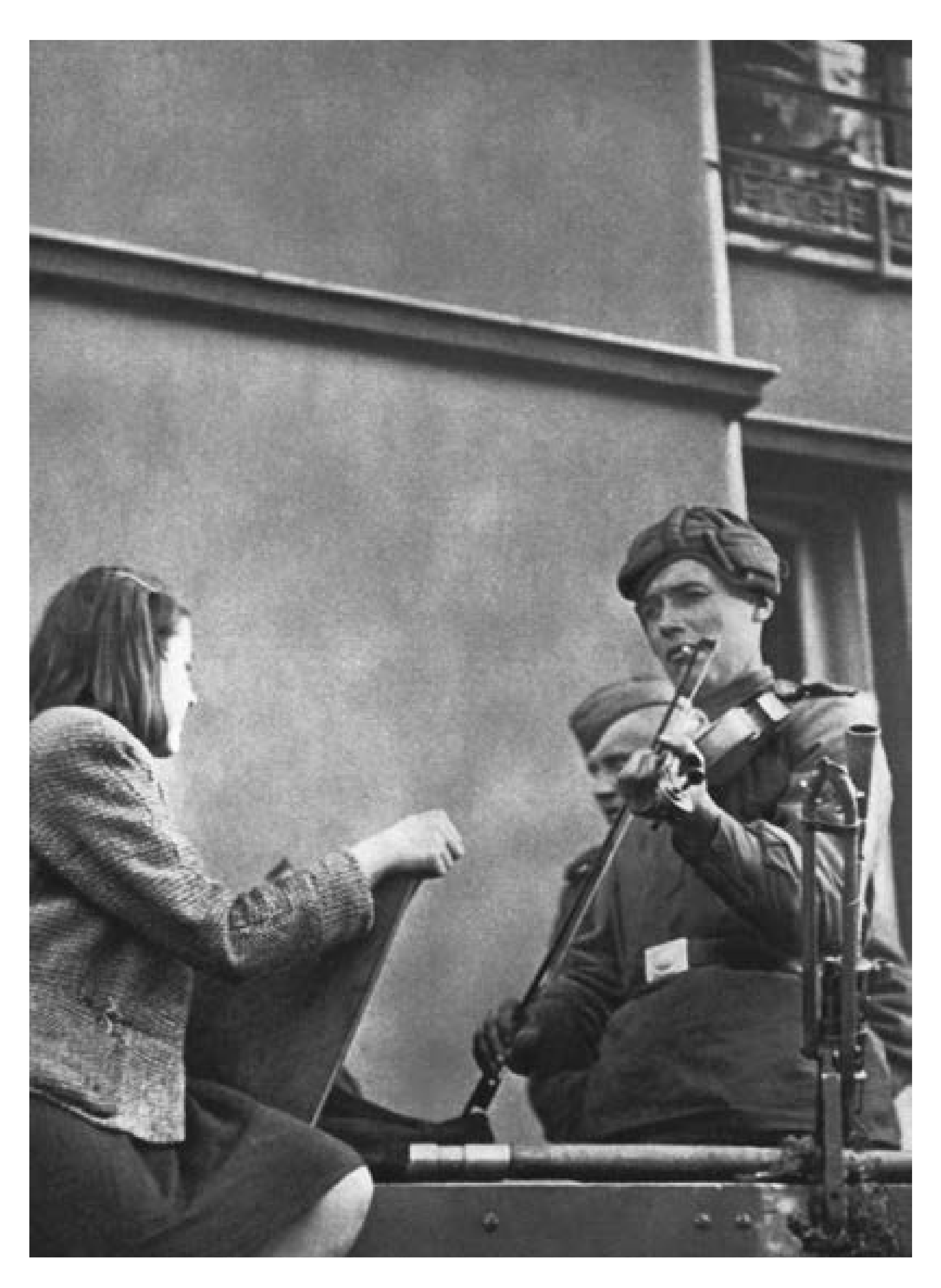
Продвигаясь с трех направлений, советские войска ликвидировали последние разрозненные очаги сопротивления и во второй половине дня полностью освободили столицу Чехословакии. Главные силы вражеской группировки в составе более 50 дивизий — дезорганизованные, потерявшие управление и боеспособность — оказались в окружении восточнее Праги.

Танки 55-й гвардейской танковой бригады въезжают в Прагу. 9 мая 1945 г.

Тяжелый танк на улице освобожденной Праги

Советский танкист со скрипкой и жительница Праги

Советский офицер среди маленьких жителей Праги

В этот же день Верховный главнокомандующий И. В. Сталин в обращении к советскому народу и вооруженным силам говорил: «Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия... признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию... Сегодня с утра немецкие войска во исполнении акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам... Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии все еще уклоняется от капитуляции. Но надеюсь, что Красной Армии удастся привести ее в чувство»[89].

Поэтому на следующий день стремительное наступление советских войск в Чехословакии продолжалось на всех направлениях. В тот день в оперативной сводке Генерального штаба говорилось, что войска 1-го Украинского фронта прошли 40 км и взяли в плен около 80 тыс. немецких солдат и офицеров. На аэродромах Дрездена, Годковице, Штриза, Гёрлиц, Либерец было захвачено 272 вражеских самолета[90]. Войска 2-го Украинского фронта, продвинувшись вперед более чем на 30 км, захватили свыше 50 тыс. пленных, 107 танков и самоходно-артиллерийских установок, 175 орудий и 40 самолетов[91]. Подобных успехов добились и армии 4-го Украинского фронта.

10 и 11 мая войска трех Украинских фронтов продолжили наступление на запад, осуществляя ликвидацию и пленение разрозненных вражеских групп. В ходе этих боевых действий воинами 25-го танкового корпуса 1-го Украинского фронта была взята в плен и большая группа власовцев во главе с генералом А. А. Власовым, которые стремились выйти в расположение американских войск. Практически в эти же дни остатки окруженных войск вермахта прекратили сопротивление и сложили оружие. Только нескольким дивизиям группы армий «Австрия», действовавшим на флангах вражеской группировки, удалось прорваться в зону действий американских войск. 11 мая передовые соединения Украинских фронтов вошли в соприкосновение с американскими частями на рубеже Карловы Вары — Пльзень —

Клатовы — Ческе-Будеёвице. 11 мая стало днем завершения Пражской операции и полного освобождения Чехословакии.

В результате успешного проведения Пражской операции Красная армия в течение короткого времени достигла крупнейших военно-политических результатов. В ходе операции была окружена и взята в плен последняя крупная группировка противника — группа армий «Центр» и тем самым ликвидирована попытка врага удержаться в Чехословакии.

За время проведения операции советскими войсками было уничтожено и взято в плен свыше 860 тыс. солдат и офицеров противника, в том числе 60 пленных генералов, захвачено в качестве трофеев 9,5 тыс. орудий и минометов, 1,8 тыс. танков и штурмовых орудий, 1,1 тыс. самолетов, а также большое количество различного вооружения и боевой техники[92].

Исключительно важным политическим итогом Пражской операции явилось полное освобождение Чехословакии и ее столицы Праги от немецкой оккупации. Политическое значение этой операции состояло также в том, что в результате ее осуществления были похоронены надежды нового правительства Германии сохранить группировку немецких войск в Чехословакии, а также сорваны политические расчеты США и Великобритании на оккупацию ее западных и юго-западных районов. Более того, именно успешными действиями советских войск была обеспечена победа Майского восстания в Праге.

Несмотря на то что Пражская операция проходила в условиях крушения фашистского государства и глубокого морального разложения немецких войск, Красная армия встретила серьезное сопротивление со стороны врага.

При проведении операции вполне оправдал себя избранный Ставкой ВГК способ разгрома противника путем нанесения двух мощных сходящихся ударов по уже охваченным флангам крупной группировки врага и одновременного нанесения ряда вспомогательных ударов также по сходящимся направлениям. Этим достигалось не только окружение, но и одновременное рассечение окружаемой вражеской группировки на части. В последующем в полном соответствии с этим замыслом командующими всех трех Украинских фронтов избирались и направления главных ударов.

Весьма успешно советским военным руководством было организовано взаимодействие фронтов, участвовавших в операции. На первом ее этапе наиболее тесно взаимодействовали войска 2-го и 4-го Украинских фронтов, а на заключительном — армии 1-го и 2-го Украинских фронтов.

Всесторонне продуманными были мероприятия, связанные с обеспечением успеха операции. Высокие темпы наступления 1-го и 2-го Украинских фронтов стали следствием создания решающего превосходства в силах и средствах на направлениях их главных ударов, а также умелого применения крупных подвижных объединений войск для окружения группировки врага. Несмотря на то что советским танковым войскам приходилось действовать в условиях горно-лесистой местности и в ряде случаев наступать в ночных условиях, их темп продвижения составлял от 70 до 100 км в сутки. Стремительные действия танковых войск сыграли решающую роль в окружении крупной группировки противника.

Пражская операция Красной армии стала последней в войне против гитлеровской Германии, с ее окончанием был завершен освободительный поход советских войск в Европе. Необходимо отметить, что в этой операции всецело воплотился огромный опыт, накопленный Красной армией в предшествующие годы войны.

Боевые успехи войск в Пражской операции были высоко оценены советским правительством. Более 50 соединениям были присвоены почетные наименования, а около 250 соединений и частей награждены орденами. Тысячи советских воинов получили ордена и медали, а лучшие из них были удостоены звания Героя Советского Союза. За образцовое руководство операциями в районе Праги и южнее Берлина и достигнутые при этом успехи указом Президиума Верховного Совета СССР маршал И. С. Конев был награжден второй медалью «Золотая Звезда». Такой же награды удостоились Герои Советского Союза командиры танковых бригад полковники Д. А. Драгунский, З. К. Слюсаренко, М. Г. Фомичев. Многие советские военачальники и воины стали почетными гражданами городов Чехословакии.

Свыше 390 тыс. человек были награждены специально учрежденной медалью «За освобождение Праги», в том числе более 40 тыс. граждан Чехословакии.

В ходе Пражской операции общие потери советских войск составили 49 348 человек, из них безвозвратные — 11 265, санитарные — 38 083[93]. Кроме того, было потеряно 373 танка и самоходно-артиллерийские установки, тысяча орудий и минометов, 80 боевых самолетов[94].

* * *

Таким образом, более восьми месяцев советские и чехословацкие войска при активной помощи партизан вели борьбу за освобождение Чехословакии от гитлеровской оккупации. Эта борьба потребовала от них огромного напряжения, больших физических и духовных сил.

Красной армии в ходе активных боевых действий на территории Чехословакии удалось не только сковать крупную группировку врага, но и нанести ей серьезное поражение, разгромить более 122 дивизий, уничтожить и взять в плен свыше 1288 тыс. солдат и офицеров противника[95], что в целом благоприятно отразилось на действиях советских войск, наступавших на главных, варшавско-берлинском и будапештско-венском направлениях.

Операции советских войск начались в сентябре 1944 г. и завершились в мае 1945 г. полным освобождением Чехословакии. Однако эта победа досталась нелегко. При освобождении ее территории советские войска понесли немалые потери. Около 500 тыс. советских воинов были ранены и более 140 тыс. навсегда остались лежать в чехословацкой земле[96]. Большие потери в сражениях за родную землю понес и Чехословацкий армейский корпус, они составили около 2 тыс. человек убитыми и более 9 тыс. ранеными[97].

Берлинская операция

Война в Европе близилась к своему завершению. Положение нацистской Германии стало безвыходным. К этому времени у рейха не было нефти Румынии, угля Силезии, металла и пушек Рура, но еще имелись довольно крупные военные силы, основная часть которых находилась на советско-германском фронте. К середине апреля 1945 г. военные действия охватили значительную часть территории Германии: с востока наступала Красная армия, а с запада — союзные войска. Основные силы 2-го Белорусского фронта вышли в низовья Одера, сменив там войска 1-го Белорусского. На левом берегу Одера армии 1-го Белорусского фронта вели ожесточенную борьбу по расширению ранее захваченных плацдармов. До столицы Германии — Берлина оставалось всего 60–70 км. Войска правого крыла 1-го Украинского фронта вышли к р. Нейсе, их удаление от Берлина составляло 140–150 км. Соединения левого крыла фронта находились у чехословацкой границы. Войска западных союзников форсировали Рейн и завершили ликвидацию рурской группировки немцев. Нанося главный удар на Дрезден, они стремились рассечь на две части западный фронт врага и на рубеже р. Эльба соединиться с Красной армией.

И Красная армия, и англо-американские войска стремились овладеть столицей Третьего рейха первыми. Берлин являлся не только политическим оплотом нацизма, но и одним из крупнейших военно-промышленных центров Германии. На берлинском направлении были сосредоточены основные силы немецкого вермахта. Поэтому разгром их и овладение столицей Германии должны были привести к победному завершению войны.

Первенство в овладении Берлином приобретало колоссальное политическое, стратегическое и морально-психологическое значение. Для советского народа это был, помимо всего, акт справедливого возмездия агрессору, принесшему нашей стране неисчислимые бедствия. Для немцев падение Берлина означало бессмысленность дальнейшего сопротивления. Это

хорошо понимали все. Британский премьер-министр У. Черчилль настойчиво уговаривал президента США Ф. Рузвельта: «Если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения»[98]. Однако Верховный главнокомандующий союзными войсками в Западной Европе генерал Д. Эйзенхауэр считал, что для союзников «с военной точки зрения будет неправильно при данной стадии развития операции делать Берлин главным объектом наступления, особенно ввиду того, что он находится в 35 милях от рубежа расположения русских»[99].

И. В. Сталин торопил командующих 1-м Украинским и 1-м Белорусским фронтами И. С. Конева и Г. К. Жукова со взятием немецкой столицы. Ряд признаков указывал на то, что существует большая вероятность такого развития событий, при котором, как выразился английский историк Б. Лиддел Гарт, немцы могут «принять роковое решение пожертвовать обороной Рейна ради обороны Одера, чтобы задержать русских». Действительно, почти бескровное «форсирование» Рейна (125 убитых, 606 раненых) и ход Рурской операции показали, что гитлеровцы бросают все силы на восточный фронт. Сталин с раздражением писал Рузвельту 7 апреля: «У немцев имеется на восточном фронте 147 дивизий. Они могли бы без ущерба для своего дела снять с восточного фронта 15–20 дивизий и перебросить их на помощь своим войскам на западном фронте. Однако немцы этого не сделали и не делают. Они продолжают с ожесточением драться с русскими за какую-то малоизвестную станцию Земляницу в Чехословакии, которая им столь же нужна, как мертвому припарки, но безо всякого сопротивления сдают такие важные города в центре Германии, как Оснабрюк, Мангейм, Кассель»[100].

Советское командование хорошо знало о надеждах Черчилля встретиться с Красной армией как можно дальше к востоку и о попытке генерала СС К. Вольфа договориться с союзниками о сдаче немецких войск в Италии без согласия СССР, как и о тайных переговорах Гиммлера в Швейцарии с представителями США и Англии о сепаратном мире. Взятие Берлина советскими войсками положило бы конец всем провокациям.

Планирование Берлинской операции завершалось. На заседании Ставки ВГК 1 апреля в присутствии командующих 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами обсуждался ее замысел. Мощными ударами 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов намечалось прорвать оборону противника на Одере и Нейсе, окружить и уничтожить основные силы берлинской группировки и, выйдя на Эльбу, соединиться с наступающими с запада союзниками. Одобрив замысел, Сталин потребовал подготовить операцию в короткие сроки, причем начать ее не позднее 16 апреля и завершить через 12 дней.

Определенные Ставкой сжатые сроки подготовки операции (1–15 апреля) были оправданными. Это подтвердили выход 9-й американской армии генерала У. Симпсона к Эльбе в районе Магдебурга и захват ею 13 апреля двух плацдармов на восточном берегу реки — до столицы Германии им оставалось немногим более 100 км[101]. Симпсон просил Эйзенхауэра дать ему два дня на перегруппировку, после чего, как он утверждал, через сутки 9-я армия выйдет к Берлину. Но Эйзенхауэр оценивал обстановку не столь оптимистично: у Симпсона на Эльбе было 50 тыс. войск, не прикрытых авиацией, так как аэродромы находились далеко в тылу, а все базы снабжения — за Рейном, в 500 км. По существу, у Эйзенхауэра было такое же положение, как у Жукова в конце Висло-Одерской операции, когда некоторые нетерпеливые генералы призывали его продолжить наступление. По расчетам Д. Эйзенхауэра, потери американских войск при штурме Берлина составили бы не менее 100 тыс. человек. Это было бы болезненно воспринято в США, тем более что согласно решениям Ялтинской конференции американские соединения все равно должны были составлять немалую часть оккупационных союзных войск в столице Германии. В то же время Эйзенхауэр заверял английских партнеров и американский комитет начальников штабов, что понимает значение Берлина. Он писал: «Я первый признаю, что война ведется ради достижения политических целей, и, если Объединенный штаб решит, что усилия союзников овладеть Берлином более важны, чем чисто военные соображения на этом театре, я с готовностью внесу поправки в свои планы и в свое мышление, чтобы осуществить такую операцию»[102].

Германское командование стремилось любой ценой сдержать наступление Красной армии в надежде выиграть время для заключения сепаратного мира с западными державами. После Крымской конференции глав правительств трех великих держав эта политика, рассчитанная на раскол антигитлеровской коалиции, была абсолютно нереальной.

С 16 января фюрер находился в Берлине, обосновавшись в своем бомбоубежище на 15-метровой глубине под рейхсканцелярией, которая все больше превращалась в руины. Комиссаром обороны был назначен Геббельс. 9 марта Гитлер издал приказ, в котором призвал свои войска «оборонять столицу до последнего человека и до последнего патрона». В том же приказе говорилось, что «противнику нельзя давать ни минуты покоя, он должен быть ослаблен и обескровлен в густой сети опорных пунктов, оборонительных узлов и гнезд сопротивления. Каждый утраченный дом или каждый утраченный опорный пункт должен быть немедленно возвращен контратакой... Берлин может решить исход войны»[103].

15 апреля Гитлер обратился с воззванием к солдатам восточного фронта, призвав их во чтобы то ни стало отразить наступление Красной армии. Фюрер требовал от командиров расстреливать на месте каждого, кто осмелится отступать или отдаст приказ на отход. Призывы к стойкости сопровождались угрозами семьям тех солдат и офицеров, которые сдадутся в плен. В. Кейтель и М. Борман издали приказ защищать населенный пункт до последнего человека и за малейшую неустойчивость карать смертной казнью.

Берлинское направление обороняли войска групп армий «Висла» и «Центр» под командованием генералов Г. Хейнрици и Ф. Шёрнера. 5 апреля Гитлер присвоил последнему звание генерал-фельдмаршала. Войска, сосредоточенные на этом направлении от Балтики до Карпат, насчитывали около миллиона солдат и офицеров, 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, 10,4 тыс. орудий и минометов. Их поддерживали основные силы люфтваффе в количестве 3,3 тыс. боевых самолетов, в том числе 120 только что появившихся реактивных истребителей Ме-262[104].

К Берлинской стратегической наступательной операции привлекались войска 1-го и 2-го Белорусских, 1-го Украинского фронтов, часть сил 18-й воздушной армии дальней авиации, войск противовоздушной обороны страны, Балтийского флота и Днепровская военная флотилия. Всего 2,5 млн человек, 41,6 тыс. орудий и минометов, 6250 танков и самоходно-артиллерийских установок, 7,5 тыс. боевых самолетов. Никогда еще за всю войну столь большое количество сил и средств не сосредоточивалось для наступления в полосе, ширина которой составляла всего 385 км[105].

Таким образом, советские войска превосходили противника: в личном составе — в 2,5 раза, в артиллерии и танках — в 4 раза, в самолетах — более чем в 2 раза.

На главном направлении действовали войска 1-го Белорусского фронта, которым командовал маршал Г. К. Жуков, являвшийся одновременно заместителем Верховного главнокомандующего. Войска фронта наносили три удара. С кюстринского плацдарма наступали четыре общевойсковые и две танковые армии. Уже на шестой день операции они должны были взять Берлин. Севернее и южнее плацдарма атаковали две общевойсковые армии. Отрезав противника от Берлина, им предстояло на одиннадцатый день выйти к Эльбе.

2-му Белорусскому фронту, которым командовал маршал К. К. Рокоссовский, предписывалось ударом трех армий из района южнее Штеттина отсечь противника от Берлина в Западной Померании и уничтожить его. 1-му Украинскому фронту под командованием маршала И. С. Конева предстояло нанести два удара: главный — силами трех общевойсковых и двух танковых армий южнее Берлина, вспомогательный — двумя армиями на Дрезден. Ставка приказала фронту предусмотреть поворот танковых армий на север, чтобы при необходимости помочь войскам 1-го Белорусского фронта овладеть Берлином.

14 апреля в полосе 1-го Белорусского фронта была предпринята разведка боем. Батальоны и полки, атаковавшие противника с кюстринского плацдарма, за два дня продвинулись на 5 км. Но большего успеха добились передовые части 8-й гвардейской армии, сдержать натиск которых 20-я немецкая моторизованная дивизия не смогла. Командование вермахта приняло разведку боем за наступление главных советских сил и сочло, что оно отражено.

Началась Берлинская операция. На командном пункте

Наступление главных сил 1-го Белорусского фронта, которому предшествовала короткая, но мощная артиллерийская подготовка, началось 16 апреля за два часа до рассвета. С началом атаки на участках прорыва были включены 143 зенитных прожектора, ослепительный свет которых немцы приняли за новое оружие.

Особенно жестокие бои развернулись за Зееловские (Зеловские) высоты. Их крутые склоны были изрыты окопами и траншеями, подступы к ним заминированы и простреливались многослойным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем; все строения превращены в опорные пункты, на дорогах установлены заграждения. Подступы к высотам преграждал противотанковый ров шириной 3,5 м и глубиной 3 м. Танки можно было использовать только в районе шоссе, ведущего от г. Зеелова (Зелова) на запад, но здесь противник создал наиболее мощную противотанковую оборону, использовав большое количество зенитных орудий. Чтобы прорвать вторую полосу обороны, командующий фронтом Г. К. Жуков решил утром 17 апреля провести артиллерийскую подготовку продолжительностью 30—40 минут. На участках прорыва было сосредоточено по 250—270 орудий и минометов на каждый километр фронта. После упорных и ожесточенных боев советские войска к исходу 17 апреля прорвали оборону Зееловских высот. Попытка немецкого командования остановить их вводом в сражение четырех дивизий резерва успехом не увенчалась. Бомбардировщики 16-й и 18-й воздушных армий днем и ночью наносили удары по ним, препятствуя их выдвижению к линии фронта. 16 и 17 апреля наступление поддерживали и корабли Днепровской военной флотилии, ведя огонь до тех пор, пока сухопутные войска немцев не вышли за пределы дальности стрельбы корабельной артиллерии.

Преодолев сопротивление немцев на Зееловских высотах, войска 1-го Белорусского фронта продолжали борьбу за прорыв одерского оборонительного рубежа, общая глубина которого достигала 30 км. Танковым и стрелковым соединениям пришлось буквально прогрызать мощную оборону. Лишь к исходу 19 апреля главная ударная группировка 1-го Белорусского фронта сумела прорвать этот рубеж. Танковым армиям, которым предписывалось на второй день наступления выйти к Берлину, оторваться от пехоты не удалось. До столицы Третьего рейха им оставалось 30 км.

Наступление соединений ударной группировки фронта не прекращалось и ночью. Командиры дивизий, корпусов и даже командующие армиями перенесли свои наблюдательные пункты в боевые порядки частей и соединений. Войска несли большие потери. Во 2-й гвардейской танковой армии 18 апреля был тяжело ранен командир 12-го гвардейского танкового корпуса генерал Н. М. Теляков, погиб командир 48-й гвардейской танковой бригады полковник В. И. Макаров, которого всего две недели назад поздравляли с присвоением звания Героя Советского Союза[106].

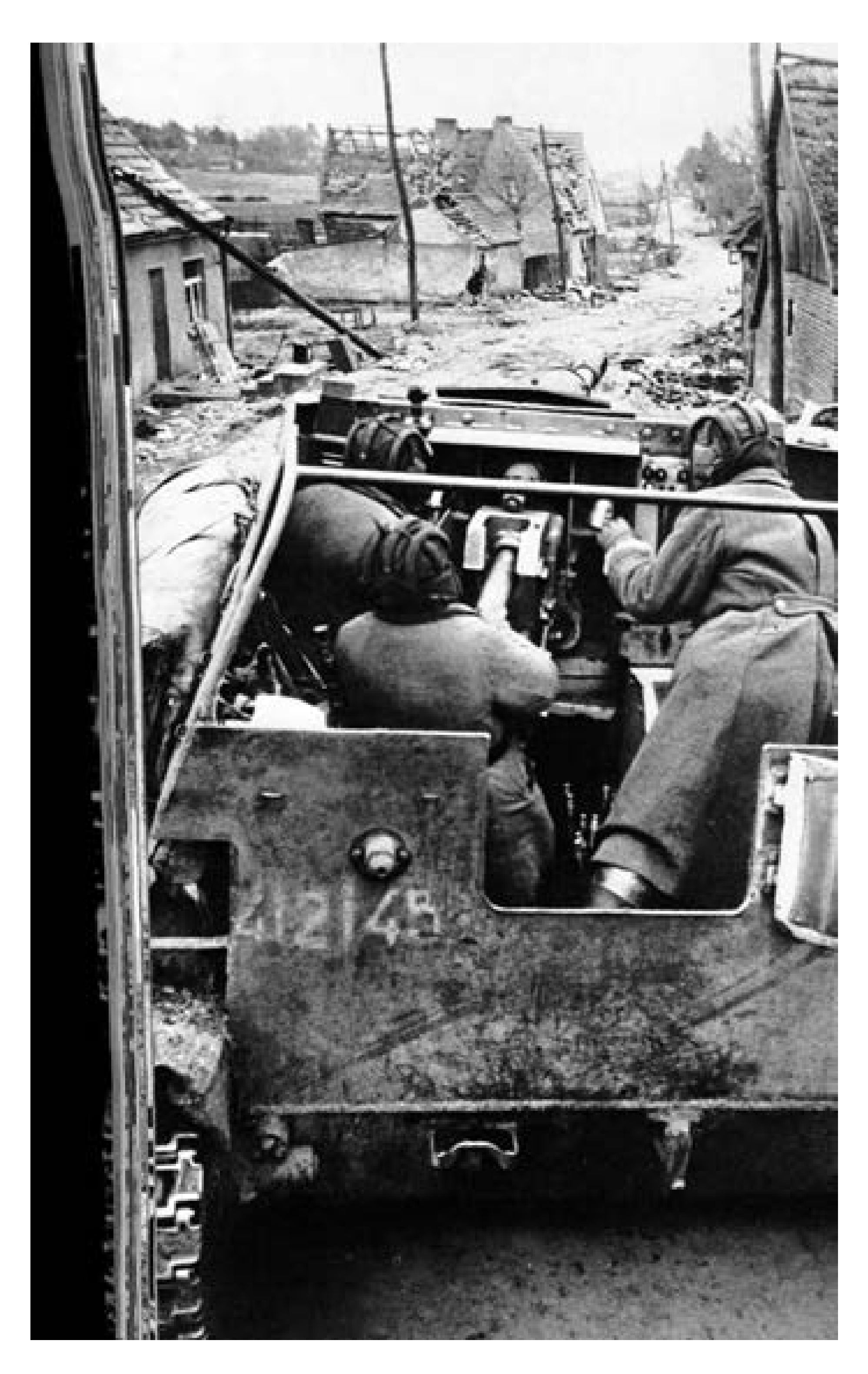
Ставка ВГК, обеспокоенная медленным продвижением 1-го Белорусского фронта, потребовала от Г. К. Жукова ускорить темпы наступления. Ожесточенное сопротивление оказывал неприятель и севернее кюстринского плацдарма. Здесь наступали 61-я и 1-я польская армии генералов П. А. Белова и С. Г. Поплавского, которые за четыре дня вклинились в оборону противника на 8 км, а наступавшие южнее плацдарма 69-я и 33-я армии генералов В. Я. Колпакчи и В. Д. Цветаева — всего лишь на 6 км[107].

16 апреля вместе с войсками 1-го Белорусского фронта перешли в наступление и армии 1-го Украинского, возглавляемого маршалом И. С. Коневым. Ударная группировка фронта действовала в 90-километровой полосе. В армиях фронта активно использовались дымовые завесы, передний край обороны противника задымлялся по всей полосе их наступления. Такая огромная дымовая завеса (на рубеже 390 км) за годы войны применялась впервые и имела цель прикрыть переправу войск через р. Нейсе и помешать противнику определить направление советских ударов. Это позволило частям и соединениям в ходе мощной артиллерийской подготовки, длившейся почти два с половиной часа, переправиться через р. Нейсе. Уже через час были наведены тяжелые мосты и на помощь пехоте пришли танки. Наращивая усилия атакующих, маршал И. С. Конев ввел в сражение 4-й гвардейский и 25-й танковые корпуса генералов П. П. Полубоярова и Е. И. Фоминых, а также передовые отряды 3-й и 4-й гвардейских танковых армий.

В результате яростного натиска части и соединения 3-й и 5-й гвардейских и 13-й армий к исходу первого дня прорвались на глубину 13 км. На дрезденском направлении, где наступали 52-я и 2-я польская армии, удалось вклиниться в оборону врага на 4—5 км лишь на небольшом участке.

Для ускорения темпов продвижения к Берлину маршал И. С. Конев 17 апреля ввел в сражение 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии, которые усилили мощь ударной группировки фронта. Соединения танковых армий с ходу форсировали р. Шпрее и на следующий день завершили прорыв оборонительного рубежа, имевшего глубину 40 км. Затем они нацелили свой удар на Берлин, стремясь обойти его с юга. В это время 3-я гвардейская и 13-я армии генералов В. Н. Гордова и Н. П. Пухова развивали наступление на Котбус. К Эльбе на Торгау двигалась 5-я гвардейская армия генерала А. С. Жадова.

Командование группы армий «Центр», обеспокоенное форсированием войсками 1-го Украинского фронта р. Шпрее, предприняло на дрезденском направлении контрудар в районе Гёрлица. Ударом на север силами девяти дивизий оно стремилось задержать наступление 1-го Украинского фронта на Берлин. Однако все попытки немецкого командования изменить ход сражения успеха не имели. Удар на себя приняли соединения 52-й армии генерала К. А. Коротеева. Чтобы сдержать натиск немецких соединений и частей, командующий войсками фронта был вынужден 18 апреля ввести здесь в сражение 1-й гвардейский кавалерийский корпус. В это время 2-я польская армия продолжала наступать в своей полосе. Ставка ВГК усилила фронт 28-й армией генерала А. А. Лучинского, которая была выдвинута на главное направление.

Экипаж самоходной установки поддерживает атакующую пехоту

Советские САУ и танки под Берлином

Таким образом, за три дня наступления армии маршала И. С. Конева продвинулись на направлении главного удара на 30 км и прорвали нейсенский оборонительный рубеж противника. Значительную помощь наземным войскам оказала авиация 2-й воздушной армии, которая за эти дни произвела более 7,5 тыс. самолето-вылетов и в 138 воздушных боях сбила 155 немецких самолетов[108].

В то время как 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты вели напряженные боевые действия по прорыву одерско-нейсенского оборонительного рубежа, войска 2-го Белорусского фронта завершали подготовку к форсированию Одера. Им предстояло последовательно преодолеть две крупные водные преграды (Ост-Одер и Вест-Одер). 18—19 апреля они силами передовых полков, выделенных от дивизий первого эшелона 65, 70 и 49-й армий, форсировали восточный рукав Одера, овладели междуречьем и, выйдя к западному рукаву реки, заняли исходное положение для наступления главными силами. Форсирование Ост-Одера было проведено при помощи подручных и легких переправочных средств под прикрытием огня артиллерии и дымовых завес. Существенную помощь наземным войскам оказала авиация 4-й воздушной армии. Своими активными действиями 2-й Белорусский фронт сковал противника в широкой полосе. Оборонявшаяся в нижнем течении Одера 3-я немецкая танковая армия была лишена возможности перегруппировать свои силы на помощь Берлину.

В связи с тем что войска 1-го Белорусского фронта прорывали прочную оборону противника, а в полосе 1-го Украинского фронта немецкое командование не имело крупных резервов, Ставка ВГК приказала маршалу И. С. Коневу повернуть 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии на Берлин, чтобы в ночь на 21 апреля ворваться на его южные окраины. Основная роль отводилась 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко, которая получила наибольшее усиление. Кроме того, в ее полосе была введена в сражение 28-я армия[109].

Маневр танковых соединений затруднялся заболоченной местностью. Они вынуждены были наступать по дорогам и овладевать населенными пунктами, где отходившие вражеские части оказывали упорное сопротивление. Так, на пути 3-й гвардейской танковой армии оказался г. Цоссен, в котором глубоко в подземелье располагался главный командный пункт вермахта — штаб оперативного руководства во главе с А. Йодлем и штаб сухопутных войск, возглавляемый Г. Кребсом. Оба штаба вынуждены были спешно покинуть Цоссен[110].

Маршал Г. К. Жуков потребовал от командующих всех армий увеличить темпы наступления. Каждой танковой армии предписывалось выделить от каждого корпуса по лучшей бригаде и «не позднее 4 часов утра 21 апреля любой ценой прорваться на окраину Берлина»[111].

Расстояние между наступавшими навстречу друг другу войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов сокращалось. Над противником, оборонявшимся в Берлине и южнее, нависла угроза окружения. К исходу 22 апреля всего 40 км отделяли войска Г. К. Жукова, обходившие Берлин с севера, от войск И. С. Конева, наступавших на столицу рейха с юга. 24 апреля они соединились юго-восточнее Берлина. Главные силы врага оказались расчлененными на две изолированные группировки: берлинскую и франкфуртско-губенскую.

На следующий день западнее Берлина в районе Кетцина соединились 2-я гвардейская танковая и 47-я армии 1-го Белорусского фронта и 4-я гвардейская танковая армия 1-го Украинского фронта. В результате кольцо окружения вокруг берлинской группировки замкнулось. В тот же день в районе Торгау части 58-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта, переправившись через Эльбу, вошли в соприкосновение с разведывательными группами 69-й пехотной дивизии американских войск[112].

Начавшаяся Берлинская операция Красной армии привела к коренным изменениям на западном фронте. 20 апреля войска группы армий «Б», окруженные в районе Рура, по приказу командующего фельдмаршала В. Моделя прекратили сопротивление. Западный фронт вермахта перестал существовать.

30 апреля командующий 5-й гвардейской армией генерал А. С. Жадов устроил прием в честь генерала Э. Ходжеса, командующего 1-й американской армией. Двумя днями ранее на приеме у маршала И. С. Конева командующий 12-й группой армий США генерал О. Брэдли

Пехотинцы из 3-й гвардейской танковой армии атакуют противника в Берлине

Советский автоматчик на огневой позиции в вагоне берлинского трамвая

Солдаты Войска Польского во время уличных боев при штурме Берлина

Советские воины рвутся к центру Берлина

В бой вступают самоходные орудия

Гвардейский реактивный миномет в Берлине

заявил: «Наш народ всегда с восхищением следил за боями и победами славной Красной Армии, и мои солдаты и офицеры стремились подражать боевому примеру, который подавали им войска 1-го Украинского фронта»[113].

Не давая противнику опомниться, войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов приступили к уничтожению группировок противника, окруженных в Берлине и южнее его. Гитлер приказал прекратить сопротивление на западе и все усилия сосредоточить на удержании Берлина. Как заявил генерал Йодль начальнику штаба люфтваффе генералу К. Коллеру в личной беседе 23 апреля, «совсем безразлично, что при этом предпримут американцы на Эльбе. Может быть, удастся доказать этим, что мы хотим воевать только против Советов»[114].

26 апреля войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов приступили к ликвидации 200-тысячной франкфуртско-губенской группировки противника. Ее основу составляла 9-я армия под командованием генерала Т. Буссе. В ней насчитывалось более 300 танков и штурмовых орудий, свыше 2 тыс. орудий и минометов. Советские войска превосходили ее по личному составу почти в полтора раза, а по артиллерии — в четыре раза. Танков у обеих сторон было поровну[115].

В сложном положении оказался 1-й Украинский фронт. Его войскам предстояло действовать одновременно на четырех направлениях: наступая на север, штурмовать Берлин; не допустить прорыва из окружения 9-й армии на запад; сорвать наступление 12-й армии на восток; отразить контрудар гёрлицкой группировки с юга. Штурм Берлина и разгром 9-й армии предстояло осуществить в тесном взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом, который, минуя немецкую столицу с севера, выходил на Эльбу.

Войска 1-го Белорусского фронта теснили 9-ю армию Т. Буссе с севера. Утром 27 апреля навстречу им перешла в наступление 3-я гвардейская армия 1-го Украинского фронта. Возраставшая угроза уничтожения, грозные приказы Гитлера, следовавшие один за другим, гнали окруженную группировку Т. Буссе на запад, навстречу 12-й армии. Фельдмаршал В. Кейтель и генерал А. Йодль, на которых фюрер возложил организацию встречного наступления, требовали от обеих армий самых решительных действий.

9-я армия генерала Т. Буссе и попавшие в окружение дивизии 4-й танковой армии подвергались сильным ударам авиации. Задыхаясь в дыму лесных пожаров, немцы отчаянно стремились вырваться из этого ада. Ночь на 27 апреля Буссе использовал для подготовки нового прорыва и с утра предпринял очередную атаку. Наиболее результативным для окруженных оказался день 29 апреля: на узком шестикилометровом участке они сумели прорваться на 25 км. Контрудары советских войск при поддержке авиации заставили противника остановиться. Он был окружен в трех изолированных друг от друга районах. До соединения с 12-й армией оставалось менее 30 км.

12-я армия генерала В. Венка перешла в наступление 25 апреля. 5-й гвардейский механизированный и 102-й стрелковый корпуса генералов И. П. Ермакова и И. М. Пузикова отразили удар. Уже через день активность гитлеровцев резко снизилась. По категорическому требованию Кейтеля и Йодля Венк ввел в сражение последние две дивизии резерва и 29 апреля предпринял еще одну попытку прорваться к 9-й армии. Но 2-я воздушная армия генерала С. А. Красовского нанесла удар такой силы, что от дальнейшего наступления Венку пришлось отказаться. На следующий день В. Кейтель признал, что попытка деблокировать Берлин окончательно провалилась, о чем он вынужден был доложить Гитлеру.

Тем не менее 20 тыс. солдат и офицеров продолжали пробиваться из окружения, чтобы соединиться с армией Венка. В ночь на 1 мая они вышли в тыл 5-го гвардейского механизированного корпуса, который оборонялся против 12-й армии. Между выходящими из окружения и армией Венка оставалось всего 3–4 км. Корпус генерала Ермакова занял круговую оборону. На помощь ему бросил свои резервы командующий 4-й гвардейской танковой армией. Разгорелись ожесточенные бои. Стремясь не допустить соединения группировок противника, советские войска напрягали все силы. Даже раненые не покидали боевые порядки — в рядах танкистов генерала Д. Д. Лелюшенко таких было более 2 тыс. человек[116]. Решающую роль в успехе сыграли штурмовики 1-го гвардейского авиакорпуса генерала

В. Г. Рязанова. Совместными усилиями танкистов и летчиков противник был разбит. 1 мая 9-я армия и попавшая в окружение часть 4-й танковой армии гитлеровцев прекратили свое существование, потеряв свыше 60 тыс. убитыми, а 120 тыс. солдат и офицеров сдались в плен. Лишь немногим удалось прорваться на запад. В качестве трофеев советским войскам достались более 300 танков и штурмовых орудий, 500 пушек и минометов, свыше 17 тыс. автомобилей и много другого военного имущества[117].

Немецкое командование предпринимало все меры, чтобы облегчить положение берлинского гарнизона. Возобновила удары гёрлицкая группировка. Попытки прорваться к Берлину продолжались до конца апреля. Вклинившись в советскую оборону почти на 35 км, вражеская группировка перешла к обороне. Но выйти на тыловые коммуникации 1-го Украинского фронта, как планировал командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Шёрнер, она не смогла.

Исключительно ожесточенный характер носили бои по ликвидации 300-тысячной группировки противника, окруженной в самом городе. Войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов предстояло штурмовать Берлин, который Гитлер объявил городом-крепостью. Войскам, находившимся в Северной Германии, Гитлер приказал отложить все задачи и поддержать Берлин «переброской в город войск воздушным путем, по воде и суше»[118]. 23 апреля по радио было передано заявление И. Геббельса, который сообщал, что руководство обороной Берлина взял на себя сам фюрер, и это придает битве за столицу европейское значение. По его словам, на оборону города выступило все население, а члены партии, вооруженные панцерфаустами, автоматами и карабинами, заняли посты на перекрестках улиц[119].

Гарнизон Берлина к 25 апреля насчитывал 300 тыс. человек, 3 тыс. орудий и минометов, 250 танков и штурмовых орудий. Возглавлял его генерал Г. Вейдлинг, назначенный 12 апреля комендантом города-крепости[120]. Жизнь города была парализована: кончились запасы угля, прекратилась подача электроэнергии, остановился транспорт, перестали работать водопровод и канализация, были утеряны все продовольственные склады — начался голод. Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, штурмовавшие Берлин, имели около 464 тыс. солдат и офицеров, 14,8 тыс. орудий и минометов, почти 1500 танков и самоходно-артиллерийских установок. В ходе штурма города к ним присоединились 12,5 тыс. польских воинов[121]. Превосходство над противником было подавляющим. Во избежание напрасного кровопролития командование 1-го Белорусского фронта 23 апреля предложило гарнизону Берлина сдаться, но ответа не последовало. Утром 26 апреля советские войска, наступая с севера, востока и юга, начали штурм Берлина, в котором участвовали четыре общевойсковые и четыре танковые армии 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Накануне и в ночь на 26 апреля более 2 тыс. самолетов 16-й и 18-й армий нанесли по городу три массированных удара.

Штурмовые группы, усиленные танками, артиллерией, саперами и огнеметчиками, прокладывали дорогу пехоте, которая врывалась в дома и, продвигаясь с одного этажа на другой, уничтожала засевших там вражеских солдат. Атакующие отсекали квартал за кварталом, разрушая стройную систему обороны гитлеровцев. Бои шли круглые сутки одновременно на земле, в подземных коммуникациях и в воздухе.

Берлин был окутан дымом пожаров. Для поддержки штурмовых отрядов использовались главным образом пикирующие бомбардировщики. Их точные удары помогали выкурить гитлеровцев из наиболее прочных зданий. Истребительная авиация не только прикрывала атакующие войска, но и блокировала снабжение берлинского гарнизона воздушным путем. Летчик майор И. Н. Кожедуб сбил над Берлином два самолета, одним из которых оказался реактивный истребитель Ме-262. Прославленный ас был награжден третьей «Золотой Звездой» Героя Советского Союза.

Героически сражались моряки Днепровской военной флотилии, корабли которой к р. Шпрее были доставлены на автомобилях. Флотилия была придана 5-й ударной армии. Отважные моряки под ураганным огнем перебросили на занятый противником берег передовые подразделения двух стрелковых дивизий. Захваченный плацдарм позволил начать

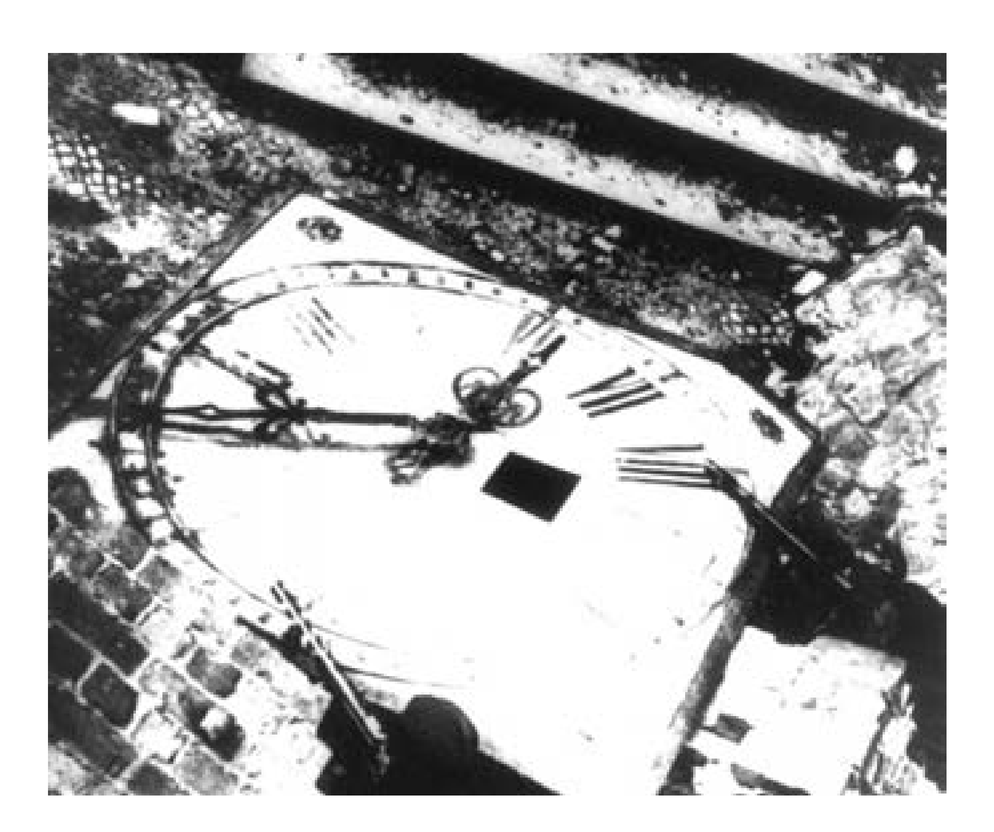
Бои шли и под городом. Советские автоматчики спускаются в берлинское метро

Советский офицер проверяет документы сдавшихся в плен немецких военнослужащих

У Бранденбургских ворот

Советские автоматчики, занявшие позицию за упавшими башенными часами. г. Берлин, 1945 г.

Солдаты вермахта на привале в Восточной Пруссии. 1945 г.

Немецкая зенитная самоходная установка в Восточной Пруссии. 1945 г.

Немецкий реактивный истребитель Ме-262. 1945 г.

Немецкая самоходная установка, уничтоженная в Италии. 1945 г.

Уничтоженный немецкий крейсер. 1945 г.

Подбитая немецкая самоходная установка. 1945 г.

Освобожденный узник немецкого концлагеря. 1945 г.

Встреча советских и американских войск. 1945 г.

Советские военачальники Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, В. Д. Соколовский, М. С. Малинин и британский фельдмаршал Б. Монтгомери идут по Берлину после церемонии награждения

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков обходит строй почетного караула канадских солдат на площади перед Рейхстагом в Берлине. 1945 г.

Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский с британским фельдмаршалом Монтгомери на церемонии награждения около Бранденбургских ворот Берлина

Взрыв ядерной бомбы «Штучка» на американском полигоне. 1945 г.

Руины Нагасаки. 1945 г.

Японская делегация, прибывшая на линкор «Миссури»
для подписания безоговорочной капитуляции Японии. 2 сентября 1945 г.

паромную переправу. Буксируя паромы, моряки перевезли через р. Шпрее 27 танков, 600 орудий и минометов. За три дня отряд доставил на противоположный берег более 16 тыс. человек[122]. Подвиг всего личного состава отряда был отмечен наградами, а девяти воинам присвоено звание Героя Советского Союза. Из 30 человек к концу переправы, к сожалению, в отряде в живых оставалось 16[123] — остальные погибли.

Оборонявшиеся широко применяли фаустпатроны. Пользоваться этим противотанковым средством были обучены даже подростки из фольксштурма; стреляло оно всего на 30 м, но пробивало броню толщиной до 200 мм. На узких улицах фаустпатроны стали грозой танков: только 2-я гвардейская танковая армия за неделю боев в Берлине потеряла 204 машины, половина которых была подбита фаустпатронами[124]. Вследствие чего танкисты наступали под прикрытием автоматчиков, уничтожавших засевших в домах фаустников.

Командование 1-го Белорусского фронта вынуждено было организовать тесное взаимодействие общевойсковых и танковых армий. Стрелковые соединения действовали совместно с танковыми армиями. Так, со 2-й гвардейской армией наступала 1-я польская дивизия, а с 3-й гвардейской танковой армией — три стрелковые дивизии 28-й армии. Танковые корпуса 1-й гвардейской танковой армии тесно взаимодействовали со стрелковыми соединениями 8-й гвардейской армии[125].

Несмотря на ожесточенное сопротивление противника, советские войска захватывали квартал за кварталом. 26 апреля от группировки, окруженной в Берлине, был отсечен пригород Потсдам. На следующий день немецкие войска, оборонявшиеся в пригороде, были уничтожены. Противник оказался зажат в Берлине в узкой, не более 2—4 км, полосе, вытянутой с запада на восток почти на 20 км, а к вечеру 28 апреля его войска были рассечены на три части. Чтобы наступавшие не смогли использовать метро, Гитлер приказал открыть шлюзы на Шпрее. Участок подземки между Лейпцигер-штрассе и Унтер-ден-Линден, где на станциях спасались от бомбежки тысячи берлинцев, был затоплен[126].

После разгрома потсдамской группировки противника завязались сражения на центральном участке. Здесь располагались все руководящие военные и правительственные органы фашистской Германии. Из высшего руководства в Берлине остались лишь Гитлер, Борман и Геббельс со своим ближайшим окружением. Все они укрылись в глубоких подземельях рейхсканцелярии.

Советские части и соединения рвались к Рейхстагу. 79-й стрелковый корпус 3-й ударной армии вышел к мосту через р. Шпрее и после ожесточенных боев в ночь на 29 апреля захватил его. От моста до Рейхстага оставалось не более 500 м, однако площадь перед зданием обороняли отборные подразделения СС и батальон фольксштурма. Предыдущей ночью для подкрепления прибыли три роты морской школы из Ростока. Почти 5 тыс. немецких солдат и офицеров, сосредоточенных у стен Рейхстага, поддерживали три дивизиона полевой артиллерии и зенитный артиллерийский дивизион. Система обороны на подступах к зданию включала три траншеи, прикрытые минными полями и противотанковым рвом с водой, и 15 железобетонных дотов. Ходы сообщения связывали траншеи с подвалами Рейхстага[127].

С утра 30 апреля завязались ожесточенные бои за Рейхстаг, являвшийся важнейшим опорным пунктом центрального участка обороны города. Подступы к нему прикрывались р. Шпрее и рядом укрепленных зданий. Задача по овладению Рейхстагом была поставлена перед частями и соединениями 79-го стрелкового корпуса генерала С. Н. Переверткина и 3-й ударной армии генерала В. И. Кузнецова. Командующий 8-й гвардейской армией генерал В. И. Чуйков поставил корпусам задачу: 28 апреля выйти в район Рейхстага и во что бы то ни стало взять его. С юга прорывались соединения 3-й гвардейской танковой армии.

Для поддержки атаки пехоты только для ведения огня прямой наводкой было сосредоточено 135 орудий, танков и самоходно-артиллерийских установок. Еще десятки пушек, гаубиц и реактивных установок вели огонь с закрытых позиций. С воздуха штурмующих поддерживали эскадрильи 283-й истребительной авиационной дивизии полковника С. Н. Чирвы[128].

К штурму Берлина каждая армия заготовила несколько красных флагов для водружения на главных зданиях города. Их количество и оформление специально не определялись — ре-

Советская штурмовая группа движется к Рейхстагу

шение принимали военные советы армий. В 3-й ударной армии флаги были изготовлены для каждой из девяти стрелковых дивизий, входивших в ее состав. С выходом частей к Берлину флаги были переданы представителям соединений. Флаг № 5 отдали 150-й стрелковой дивизии, а 26 апреля вручили 756-му стрелковому полку полковника Ф. М. Зинченко.

В 18 часов к зданию германского парламента устремились 150-я и 171-я стрелковые дивизии генерала В. М. Шатилова и полковника А. И. Негоды. Вместе с атакующими батальонами 674, 756 и 380-го стрелковых полков, которыми командовали подполковник А. Д. Плеходанов, полковник Ф. М. Зинченко и исполняющий обязанности командира майор В. Д. Шаталов, наступали две группы воинов-добровольцев, возглавляемые адъютантом командира 79-го стрелкового корпуса майором М. М. Бондарем и командиром батареи управления командующего артиллерией корпуса капитаном В. Н. Маковым[129]. По инициативе командования и политотдела корпуса эти группы были созданы специально для водружения изготовленных в корпусе флагов.

Первыми в здание Рейхстага прорвались воины батальонов капитанов С. А. Неустроева, В. И. Давыдова, старшего лейтенанта К. Я. Самсонова и группы добровольцев, но флаг установить не удалось. Командир дивизии генерал Шатилов приказал очистить здание от противника и установить на его куполе знамя военного совета армии. Полковник Зинченко был назначен комендантом Рейхстага.

После уточнения задачи воины полка приступили к очищению от противника этажей Рейхстага. Одной из первых на крышу с боями пробилась группа капитана В. Н. Макова — воины-разведчики из 136-й армейской пушечной бригады: сержант М. П. Минин, старшие сержанты Г. К. Загитов, А. Ф. Лисименко и А. Бобров. К скульптурной группе, расположенной на фасаде парадного входа западной части здания, они прикрепили красное полотнище. Вслед за ними там водрузили свой флаг воины штурмовой группы, возглавляемой майором М. М. Бондарем[130]. Разведчики 674-го стрелкового полка под руководством лейтенанта С. Сорокина установили красный флаг на западном фасаде крыши[131].

Для водружения знамени Военного совета 3-й ударной армии, врученного 756-му стрелковому полку еще 26 апреля, была выделена группа во главе с политработником батальона лейтенантом А. П. Берестом. В ее состав входили полковые разведчики сержанты М. А. Егоров и М. В. Кантария. Эта группа находилась еще на командном пункте 756-го стрелкового полка, располагавшемся в здании МВД (дом Гиммлера). В полночь полковник Зинченко приказал установить флаг на крыше Рейхстага. В третьем часу ночи 1 мая полковые разведчики Егоров и Кантария водрузили на восточной части здания красный флаг Военного совета 3-й ударной армии, прикрепив его к конной скульптуре Вильгельма I[132]. Во второй половине дня 2 мая эта же группа закрепила на куполе Рейхстага большое красное полотнище. Красный флаг № 5 Военного совета 3-й ударной армии был снят и находился в полку Зинченко, а затем его передали на хранение в 150-ю стрелковую дивизию. Впоследствии, во второй половине мая, на нем была сделана надпись: «150 стр. ордена Кутузова II ст. Идриц. див» (150-я стрелковая ордена Кутузова II степени Идрицкая дивизия). 19 июня 1945 г. маршал Г. К. Жуков приказал отправить флаг как Знамя Победы на парад в Москву. В этот же день к имеющейся надписи были сделаны добавления «79 ск» и «3 УА 1 БФ»[133]. 20 июня специальным рейсом с воинскими почестями Знамя переправили в Москву, однако в Параде Победы оно не участвовало. Главное политуправление Красной армии, в распоряжении которого находилось Знамя, передало его на хранение в Центральный музей Красной армии[134].

Многие воины были представлены к наградам, а вся группа капитана В. Н. Макова по ходатайству командира 79-го стрелкового корпуса — к званию Героя Советского Союза. Однако в первых числах мая 1945 г. из различных частей, участвовавших в штурме Рейхстага, стали поступать донесения о том, что именно их бойцы первыми водрузили Знамя Победы, в которых содержались ходатайства о присвоении им звания Героя Советского Союза. В связи с этим командующий фронтом маршал Г. К. Жуков принял решение никого к Звезде Героя не представлять вплоть до окончательного уточнения. Приказом командующего 1-м Белорусским фронтом от 18 мая 1945 г. группа капитана В. Н. Макова была награждена только

Разведчики М. Егоров и М. Кантария со Знаменем Победы

орденами Красного Знамени[135]. Такую же награду получили М. А. Егоров и М. В. Кантария, звание Героя им было присвоено вместе с командирами штурмовавших Рейхстаг батальонов В. И. Давыдовым, С. А. Неустроевым и К. Я. Самсоновым только через год — 8 мая 1946 г., к первой годовщине Победы над нацистской Германией.

Имперскую канцелярию, в подземном убежище которой укрывался Гитлер, с внешним миром соединяла только радиосвязь. Фюрер все еще надеялся на помощь извне. Однако 9-я армия Буссе из окружения так и не вырвалась, а 12-я армия Венка потеряла возможность наступать на Берлин. Утратив всякую надежду на спасение, 30 апреля Гитлер застрелился.

Начальник генерального штаба сухопутных сил вермахта генерал Г. Кребс в ночь на 1 мая явился в штаб 8-й гвардейской армии. В 3 часа он сообщил генералу В. И. Чуйкову о самоубийстве Гитлера, составе нового правительства Германии и передал обращение Геббельса и Бормана к Главному командованию Красной армии с просьбой о временном прекращении боевых действий в Берлине как условии для мирных переговоров между Германией и СССР. Однако советское командование потребовало безоговорочной капитуляции. Кребс в 9 часов отбыл для передачи ответа советского командования[136].

Отдельные гарнизоны противника прекращали сопротивление и сдавались в плен. К исходу 1 мая сложил оружие гарнизон Рейхстага. А 2 мая в 6 часов 30 минут генерал Вейдлинг, командовавший обороной Берлина, заявил о безоговорочной капитуляции гарнизона. К 15 часам остатки берлинского гарнизона сдались в плен. Только в этот день советские войска пленили до 135 тыс. вражеских солдат и офицеров[137].

В то время, когда шел штурм Берлина, войска 2-го Белорусского фронта продолжали наступать на северо-западном направлении, прижимая 3-ю немецкую танковую армию к Балтийскому морю. Маршал К. К. Рокоссовский ввел в сражение все танковые, механизированные и кавалерийские корпуса. Войска фронта стремительно продвигались в глубину. С запада, навстречу войскам маршала Рокоссовского, наступали соединения 21-й группы армий союзных войск под командованием британского фельдмаршала Б. Монтгомери. В начале мая им без боя сдался гарнизон Гамбурга, прекратили сопротивление немецкие войска и флот в Голландии и Дании, на северо-западе и на островах Северного моря. Но против Красной армии вермахт продолжал борьбу.

Одновременно со штурмом Берлина войска 1-го Белорусского фронта обходили его с севера и с юга, продвигаясь к Эльбе. Уже 2 мая передовые отряды 61-й армии генерала П. А. Белова встретились с частями 84-й американской пехотной дивизии. С 4 по 7 мая на Эльбу вышли соединения 1-й польской и 47-й армий, где соединились с 9-й американской армией. 12-я немецкая армия, отступавшая под ударами войск 1-го Белорусского фронта, по договоренности с американцами переправилась через Эльбу и сдалась им.

7 мая Ставка ВГК направила фронтам директиву о порядке действий в связи с подписанием Германией Акта о капитуляции «всех немецких вооруженных сил как на западном, так и на восточном фронтах». Ставка указывала: «После 23.00 8 мая, т. е. утром 9 мая, потребовать от командования противостоящих вам немецких войск прекратить военные действия, сложить оружие и сдаться в плен. Если немецкие войска не выполнят вашего требования, не сложат оружия и не сдадутся в плен, всеми силами нанести решительный удар по противостоящим немецким войскам и выполнять задачи, поставленные Ставкой для каждого фронта»[138].

В ходе Берлинской операции 1-й и 2-й Белорусские и 1-й Украинский фронты с 16 апреля по 8 мая продвинулись на глубину от 160 до 220 км, овладели Берлином и соединились с англо-американскими войсками. Они разгромили 93 германские дивизии, большое количество отдельных полков и батальонов, захватили около 480 тыс. военнопленных, 11 тыс. орудий и минометов, более 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, 4,5 тыс. боевых самолетов[139]. 9-я немецкая армия, оборонявшая Берлин, потеряла 60 тыс. убитыми, 120 тыс. пленными[140]. Столь высокой результативности не достигалось ни в одной из проведенных операций Великой Отечественной войны.

Бойцы всех родов войск проявили высокое боевое мастерство, мужество, героизм. Тысячи воинов-победителей оставили свои подписи на стенах Рейхстага. В 1-м Белорусском и 1-м

Украинском фронтах, которые к началу наступления насчитывали около 1,5 млн человек, ордена и медали получили 1 млн 141 тыс. воинов, 187 частей и соединений получили наименования Берлинских. В ознаменование этого события была учреждена медаль «За взятие Берлина». Вручили ее непосредственным участникам штурма города — 1082 тыс. солдатам, сержантам и офицерам Красной армии и Войска Польского[141]. Более 600 солдатам, сержантам и офицерам было присвоено звание Героя Советского Союза, в том числе 13 человек награждены второй медалью «Золотая Звезда». Третьей «Золотой Звездой» был награжден Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Реймс и Карлсхорст: капитуляция Германии

В ходе штурма Берлина и разгрома вражеской группировки вермахт практически потерял силы для дальнейшего сопротивления. Немецкое командование принимало все меры для капитуляции своих группировок перед англо-американскими войсками. Уже 5 мая прекратили сопротивление немецкие соединения в Хорватии, Австрии, Баварии. Ставка К. Дёница всячески поощряла командующих и командиров, стремившихся отвести свои войска в район ответственности США и Великобритании. Представители высшего немецкого командования заявляли: «Мы должны радоваться каждой возможности оккупации нашей территории американскими, а не русскими воинами»[142]. Войска, расположенные в Голландии, Северо-Западной Германии и Дании, капитулировали перед 21-й британской группой армий фельдмаршала Б. Монтгомери. Прекратил сопротивление и германский военно-морской флот на Балтийском и Северном морях, но лишь против англо-американских сил. Несмотря на запрет Эйзенхауэра, Монтгомери разрешил, правда неофициально, незаконную эвакуацию немцев с восточного фронта. Так, немецкие корабли продолжали эвакуацию войск из Курляндии и Восточной Пруссии. Для ускорения эвакуации были привлечены и 12 эсминцев из Дании.

Особое внимание правительство Дёница уделяло отводу из-под ударов Красной армии войск групп армий «Центр» и «Австрия», общее командование которыми теперь осуществлял фельдмаршал А. Кессельринг. 3 мая в Реймс, где находился штаб генерала Эйзенхауэра, была отправлена немецкая военная делегация во главе с адмиралом Г. Фридебургом, поставившая вопрос о капитуляции обеих групп немецких армий перед американскими войсками. Однако союзное командование потребовало безоговорочно капитулировать, в том числе и на советско-германском фронте, причем германские войска везде должны были оставаться на достигнутых рубежах.

Поняв невозможность дальнейшего затягивания переговоров, К. Дёниц направил в Реймс начальника штаба верховного командования вермахта генерала А. Йодля для обсуждения всеобщей капитуляции. 7 мая в 2 часа 41 минуту (по центрально-европейскому времени) генерал Йодль, американский генерал У. Смит и представитель СССР генерал И. А. Суслопаров в присутствии свидетеля от Франции подписали протокол о капитуляции. С 23 часов 01 минуты 8 мая, оставаясь в районах расположения, германские войска должны были прекратить боевые действия на всех фронтах.

Условия капитуляции, подписанные в Реймсе, должен был заменить Акт о всеобщей капитуляции. В состав германской делегации, уполномоченной ратифицировать такой акт, входили начальник штаба верховного командования вермахта, главнокомандующие военно-воздушными и военно-морскими силами. Время и место ратификации надлежало определить совместным решением западных держав и Советского Союза.

По договоренности руководителей Советского Союза, США и Великобритании было решено Акт о безоговорочной капитуляции оформить в Берлине. Как вспоминал заместитель начальника Генерального штаба генерал С. М. Штеменко, Сталин тогда заявил: «Договор,

Генерал Йодль подписывает протокол о капитуляции Германии в Реймсе. 7 мая 1945 г.

подписанный в Реймсе, нельзя отменить, но его нельзя и признать. Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический акт и принята на территории, откуда пришла фашистская агрессия — в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции»[143]. Ратифицировать Акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил от Советского Союза Ставка ВГК поручила заместителю Верховного главнокомандующего маршалу Г. К. Жукову[144].

8 мая представители всех союзных армий прибыли в предместье Берлина Карлсхорст. Советское Верховное главнокомандование представлял Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, верховное командование Великобритании — главный маршал авиации А. Теддер, вооруженные силы Соединенных Штатов Америки — командующий стратегическими воздушными силами США генерал К. Спаатс, французские вооруженные силы — главнокомандующий французской армией генерал Ж.-М. де Латр де Тассиньи. В Карлсхорст были доставлены и представители разгромленных германских вооруженных сил — фельдмаршал В. Кейтель, адмирал флота Г. Фридебург и генерал-полковник авиации Г. Штумпф, получившие от Дёница полномочия подписать Акт о безоговорочной капитуляции.

Подписание акта состоялось в здании бывшего немецкого военно-инженерного училища в присутствии многочисленных представителей прессы. Церемонию открыл маршал Жуков, который приветствовал представителей союзного командования. Затем в зал ввели Кейтеля, Фридебурга и Штумпфа. После проверки полномочий им предъявили Акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил, который они и подписали. Третий рейх прекратил свое существование.

Новый документ окончательно закрепил подписанные в Реймсе условия прекращения военных действий и полного разоружения вермахта с 23 часов 01 минуты центрально-европейского времени 8 мая.

Акт представлял собой документ следующего содержания:

«1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени Германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, — Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных экспедиционных сил.

2. Германское Верховное Командование немедленно издаст приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23.01 по центрально европейскому времени 8-го мая 1945 года, остаться на своих местах, где они находятся в это время, и полностью разоружиться, передав все их оружие и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителями Союзного Верховного Командования, не разрушать и не причинять никаких повреждений пароходам, судам и самолетам, их двигателям, корпусам и оборудованию, а также машинам, вооружению, аппаратам и всем вообще военно-техническим средствам ведения войны.

3. Германское Верховное Командование немедленно выделит соответствующих командиров и обеспечит выполнение всех дальнейших приказов, изданных Верховным Главнокомандованием Красной Армии и Верховным Командованием Союзных экспедиционных сил.

4. Этот акт не будет являться препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным Объединенными Нациями или от их имени, применимым к Германии и германским вооруженным силам в целом.

5. В случае, если немецкое Верховное Командование или какие-либо вооруженные силы, находящиеся под его командованием, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции, Верховное Главнокомандование Красной Армии, а также Верховное Командование Союзных экспедиционных сил предпримут такие карательные меры или другие действия, которые они сочтут необходимыми.

6. Этот акт составлен на русском, английском и немецком языках. Только русский и английский тексты являются аутентичными».

Группировки сил вермахта на советско-германском фронте начали складывать оружие. Прекратила сопротивление прижатая к Балтийскому морю группа армий «Курляндия», сдались в плен остатки германских войск в районе Данцига и Гдыни. В Норвегии капитулировала оперативная группа «Нарвик». Десант Балтийского флота, 9 мая начавший высадку на датский остров Борнхольм (остров использовался германским командованием как база против СССР), через два дня завершил прием немецкого гарнизона. Овладение Борнхольмом имело большое значение для обеспечения безопасности балтийского побережья СССР. В связи с занятием острова советская сторона сделала официальное заявление о том, что остров Борнхольм, являющийся частью Дании, занят Красной армией временно, так как расположен в тылу советской оккупационной зоны Германии, до тех пор пока не будут разрешены военные вопросы в Германии[145].

Однако на юго-западном участке советско-германского фронта войска группы армий «Центр» и «Австрия» по-прежнему пытались пробиться к американцам. 10 мая Эйзенхауэр вынужден был отдать приказ, в соответствии с которым германские военнослужащие, нарушившие Акт о капитуляции и пытавшиеся бежать от Красной армии, должны были передаваться советскому командованию. Поскольку группировка противника в Чехословакии к тому времени была окружена, значение этого приказа не имело большого практического значения. Однако для самого фельдмаршала Шёрнера он стал роковым. Попытка фельдмаршала укрыться в американском плену закончилась неудачей: союзники передали его советскому командованию. Мелкие группы немцев на территории Чехословакии и Австрии пришлось уничтожать вплоть до 19 мая[146].

По сведениям, представленным фельдмаршалом Кейтелем, 9 мая на советско-германском фронте вермахт имел более 1,5 млн солдат и офицеров. С 9 по 17 мая советские войска взяли в плен и приняли при капитуляции 1 390 978 солдат и офицеров, а также 101 генерала[147].

Подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии. г. Берлин, 8 мая 1945 г.

5 июня в маленьком местечке Венденшлос (в черте Берлина) состоялась встреча представителей союзного военного командования с целью подписания Декларации о поражении Германии и взятия на себя верховной власти в отношении побежденной Германии. В 18 часов по московскому времени главнокомандующие вооруженными силами СССР, США, Великобритании и Франции, выделенными для оккупации Германии, Г. К. Жуков, генерал Д. Эйзенхауэр, фельдмаршал Б. Монтгомери и генерал Ж.-М. де Латр де Тассиньи, составившие Контрольный совет, подписали исторический акт. Германия была разделена на четыре зоны. В каждой из них верховная власть принадлежала соответствующему главнокомандующему. Декларация о поражении Германии вместе с Актом о военной капитуляции заложили основные принципы управления поверженной страной. Свое дальнейшее развитие они получили в решениях Потсдамской конференции глав правительств Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании. Основными задачами ставились осуществление контроля над Германией и процессом ее разоружения, ликвидация фашистского режима, подготовка условий для создания государственных органов, основанных на принципах демократии. Предусматривалось, что главнокомандующие, выделенные от каждой державы-победительницы, будут осуществлять верховную власть в своих зонах согласно инструкциям собственных правительств. Вопросы, затрагивающие Германию в целом, предполагалось решать только коллективно.

Победа над гитлеровской Германией и ее союзниками была достигнута совместными усилиями стран антигитлеровской коалиции — СССР, США, Великобритании, Франции, Китая и многих других. Самоотверженно боролись с фашистскими захватчиками бойцы и партизаны армий и отрядов Югославии, Польши, Чехословакии, патриоты Болгарии,

Румынии, Албании, Венгрии, воины Канады, участники движения Сопротивления и антифашистского подполья во многих странах, в том числе и в Германии. Политический, моральный и военный разгром Третьего рейха явился закономерным итогом героической борьбы свободолюбивых народов. Это была Великая Победа сил мира, демократии, национального освобождения и прогресса.

Наиболее кровопролитные битвы, оказавшие решающее влияние на исход Второй мировой войны, происходили на советско-германском фронте. Здесь были разгромлены основные силы агрессора и нанесены ему наибольшие потери. Признание главенствующей роли советско-германского фронта не умаляет значения военных действий англо-американских вооруженных сил на других фронтах Второй мировой войны, на море и в воздухе.

* * *

Отличительными особенностями наступательных действий советских войск были их решительные цели и увеличение размаха, обеспечившие дальнейшее возрастание боевой мощи действующей армии, в основе которой лежали успехи военной экономики СССР. В ходе проведенных Красной армией завершающих операций на территории европейских стран были разгромлены значительные силы вермахта. Например, на территории Польши — свыше 170 дивизий противника, в Румынии — 25 немецких и 22 румынские дивизии, в Венгрии — более 56 дивизий, в Чехословакии — 122 дивизии, в Германии — 93 дивизии[148].

С середины 1944 г. Красная армия непосредственно взаимодействовала с национальными освободительными армиями, участниками движения Сопротивления и партизанскими формированиями. Она сражалась совместно с Народно-освободительной армией Югославии и югославскими партизанами, с чешскими и словацкими партизанами. В оперативном подчинении советского командования действовали 1-я и 2-я армии Войска Польского, 1-й чехословацкий армейский корпус, румынская дивизия «Тудор Владимиреску», а после падения профашистских режимов в Румынии и Болгарии — войска румынской и болгарской армий, которые приняли участие в завершающих операциях советских войск.

В ходе вооруженной борьбы за рубежом Красная армия потеряла около 4 млн человек, в том числе за освобождение европейских стран — около 1 млн человек. При освобождении Польши погибли 600 тыс. советских воинов, Чехословакии — 139 918, Венгрии — 140 004, Румынии — 68 993, Югославии — около 8 тыс. человек. Практически без боевых действий прошел освободительный поход советских войск в Болгарию, однако и там были незначительные потери. В боях по разгрому противника на территории непосредственной виновницы войны — нацистской Германии безвозвратные потери Красной армии составили 101 961 человек[149].

Крушение Третьего рейха останется в мировой истории как величайшее событие, приведшее к необратимым изменениям в развитии человечества. В памяти народов нашей страны, вынесших на своих плечах главную тяжесть Второй мировой войны, это событие занимает особое место. Для нынешнего и грядущих поколений оно служит и будет служить вдохновляющим примером честного служения своему народу, своей Родине.

Главное — благодаря Победе 9 мая 1945 г., которую завоевывали для своих потомков воины Красной армии, осталась жить Россия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Промышленность Германии в период войны 1939–1945 гг. / Пер. с нем. М., 1956. С. 141–143.

[2] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht 1940–1945 (далее — KTB/OKW). Bd. I. Frankfurt a/M, 1965. S. 1316.

[3] Промышленность Германии в период войны 1939–1945 гг. С. 150–151.

[4] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 805.

[5] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 210. Л. 276–277.

[6] Slovenske narodne povstanie: Dokumenty. Bratislava, 1965. S. 360–361.

[7] Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1960. С. 160–162.

[8] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 54. Л. 517, 525; Ф. 224. Оп. 3013. Д. 95. Л. 80.

[9] Там же. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 213. Л. 489; Д. 66. Л. 105; Ф. 35. Оп. 11250. Д. 112. Л. 19.

[10] На вечные времена. М., 1975. С. 108–109.

[11] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1999. Кн. 3. С. 125.

[12] История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 6-ти т. Т. 5. С. 332.

[13] За освобождение Чехословакии. М., 1965. С. 113.

[14] Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. 1944–1945 гг. М., 1970. С. 530.

[15] 20 октября армейская группа «Хейнрици» была расформирована, а 1-я венгерская армия подчинена 8-й армии. Эта группировка стала называться армейской группой «Велер», однако уже 19 декабря она вновь была переименована в армейскую группу «Хейнрици».

[16] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 37. Л. 107.

[17] Русский архив: Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы 1944–1945. Т. 14-3 (2). М., 2000. С. 493.

[18] Освободительная миссия Советских вооруженных сил в Европе во Второй мировой войне. Документы и материалы. М., 1985. С. 385.

[19] Там же; ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3013. Д. 52. Л. 518а.

[20] За освобождение Чехословакии. С. 124.

[21] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 227.

[22] Военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 3. М., 1995. С. 235.

[23] На вечные времена. М., 1975. С. 199.

[24] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. М., 1979. Т. 10. С. 199.

[25] За освобождение Чехословакии. С. 138.

[26] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 1795. Д. 16. Л. 220.

[27] За освобождение Чехословакии. С. 149–150.

[28] Освободительная миссия Советских вооруженных сил в Европе во Второй мировой войне. Документы и материалы. С. 386.

[29] Восемнадцатая в сражениях за Родину: Боевой путь 18-й армии. М., 1982. С. 464.

[30] Освободительная миссия Советских вооруженных сил в Европе во Второй мировой войне. Документы и материалы. С. 415.

[31] ЦАМО. Ф. 456. Оп. 6850. Д. 624. Л. 111–112.

[32] Русский архив: Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 14-3 (2). С. 520.

[33] За освобождение Чехословакии. С. 163.

[34] ЦАМО. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 513. Л. 175.

[35] Там же. Ф. 244. Оп. 3013. Д. 176. Л. 217а — 217л.

[36] На вечные времена. С. 204.

[37] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 5. С. 302–303.

[38] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 205.

[39] Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Историко-статистическое исследование. М., 2005. С. 338.

[40] ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3013. Д. 176. Л. 217а.

[41] Там же. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 39. Л. 38.

[42] Там же. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 1213. Л. 17–19.

[43] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 460.

[44] Там же.

[45] ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 18. Л. 56–57.

[46] Там же. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 39. Л. 57.

[47] Там же. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 213. Л. 61, 73.

[48] Там же. Д. 39. Л. 57.

[49] Освободительная миссия Советских вооруженных сил в Европе во Второй мировой войне. Документы и материалы. С. 395.

[50] ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 1179. Л. 237.

[51] Русский архив: Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы 1944–1945. Т. 14-3 (2). С. 543.

[52] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 5. С. 306.

[53] Военная энциклопедия. Т. 5. М., 2001. С. 222.

[54] Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. С. 360.

[55] Военный энциклопедический словарь. М., 1980. С. 99.

[56] За освобождение Чехословакии. С. 203.

[57] Военная энциклопедия. Т. 1. М., 1997. С. 568.

[58] За освобождение Чехословакии. С. 202.

[59] Военная энциклопедия. Т. 1. С. 568.

[60] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. С. 109.

[61] Русский архив: Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 14-3 (2). С. 530.

[62] Освободительная миссия Советских вооруженных сил в Европе во Второй мировой войне. Документы и материалы. С. 390.

[63] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 990266. Д. 9. Л. 382–383.

[64] Русский архив: Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 14-3 (2). С. 534.

[65] Там же. С. 534.

[66] Там же. С. 538, 539.

[67] Там же. С. 540.

[68] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 211.

[69] Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. С. 360.

[70] На вечные времена. С. 221.

[71] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 350.

[72] KTB/OKW. Bd. 4. S. 1480.

[73] Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история. М., 1984. С. 430.

[74] *Черчилль У.* Вторая мировая война / Пер. с англ. В 6-ти т. Т. 6. М., 1955. С. 479.

[75] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10. С. 261.

[76] История Чехословакии. В 3-х т. М., 1960. Т. III. С. 373.

[77] За освобождение Чехословакии. С. 260.
[78] Русский архив: Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы. 1944—1945. Т. 14-3 (2). С. 543.
[79] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 39. Л. 108.
[80] Там же. Л. 109.
[81] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Военно-исторический очерк. В 4-х т. Т. IV. М., 1959. С. 381.
[82] Военная энциклопедия. Т. 6. М., 2002. С. 568.
[83] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Военно-исторический очерк. Т. IV. С. 386.
[84] Русский архив: Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы. 1944—1945. Т. 14-3 (2). С. 544.
[85] За освобождение Чехословакии. С. 233.
[86] Там же. С. 549.
[87] Там же. С. 257.
[88] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2718. Д. 430. Л. 264; Оп. 2673. Д. 2451. Л. 353; Оп. 2712. Д. 430. Л. 263.
[89] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953. С. 192—193.
[90] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1075. Д. 5. Л. 79—80.
[91] Там же. Л. 85—86.
[92] См.: Военная энциклопедия. Т. 6. С. 569; История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 10. С. 354.
[93] Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. С. 349.
[94] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 220.
[95] См.: История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 10. С. 211, 354.
[96] На вечные времена. С. 318.
[97] За освобождение Чехословакии. С. 289.
[98] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 6. С. 443.
[99] Цит. по: *Погью Ф.* Верховное командование / Пер. с англ. М., 1959. С. 458.
[100] Цит. по: Священная война 1941—1945 гг. М., 2005. С. 342.
[101] История Великой войны 1941—1945 гг. В 2-х т. М., 2010. Т. 2. С. 198.
[102] Священная война 1941—1945 гг. С. 342.
[103] Цит. по: там же. С. 346.
[104] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 269.
[105] Там же. С. 270.
[106] Там же. С. 274.
[107] Там же.
[108] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12-ти т. М., 2011. Т. 1. С. 561.
[109] Там же.
[110] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 275.
[111] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 193. Л. 88.
[112] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Т. 1. С. 565.
[113] Цит. по: *Полевой Б.* До Берлина — 896 километров. М., 1973. С. 219.
[114] KTB/OKW. Bd. 4. S. 1694.
[115] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 279.
[116] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2675. Д. 194. Л. 39.
[117] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 281.
[118] KTB/OKW. Bd. 4. S. 1454.
[119] Ibid. S. 1262—1266.
[120] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Т. 1. С. 567.
[121] Там же.
[122] *Воробьев Ф. Д.* Последний штурм. М., 1975. С. 231.
[123] *Григорьев В. В.* И корабли штурмовали Берлин. М., 1984. С. 241.

[124] *Воробьев Ф. Д.* Последний штурм. С. 402.

[125] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 283.

[126] *Боков Ф.* Весна победы. М., 1980. С. 243.

[127] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 285.

[128] *Зинченко Ф. М.* Герои штурма Рейхстага. М., 1983. С. 131.

[129] Там же. С. 157—158.

[130] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Т. 1. С. 570.

[131] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 286; Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Материалы в помощь лекторам. М., 2005. С. 304—305.

[132] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 285.

[133] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Т. 1. С. 572; История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. Т. 5. С. 285; *Неустроев С.* Мы шли к Рейхстагу. Краснодар, 1970. С. 104—105.

[134] Там же.

[135] Правда. 1990. 3 апреля.

[136] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3-х кн. М., 1992. Т. 3. С. 270.

[137] Там же. С. 573.

[138] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944—1945. М., 1999. Т. 16 (5-4). С. 235—236.

[139] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 288—289.

[140] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 10/1. München, 2008. S. 675.

[141] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 290.

[142] Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. Т. 5. С. 345.

[143] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х т. М., 1973. Т. 2. С. 441.

[144] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 39. Л. 115.

[145] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 227.

[146] Там же. С. 297—298.

[147] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. Т. 5. С. 354.

[148] Русский архив: Великая Отечественная. Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. 1944—1945. Документы и материалы. С. 9.

[149] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. С. 325.

СОВЕТСКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

ОБСТАНОВКА НА АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ ТЕАТРЕ ВОЙНЫ В 1945 г.

1945 г. стал завершающим во Второй мировой войне. В первые месяцы этого года военно-политическое положение главных виновников войны резко ухудшилось. В результате зимних кампаний вооруженных сил союзников по антифашистской коалиции окончательно распался агрессивный блок в Европе, нацистский режим в Германии агонизировал. Все более неблагоприятной становилась ситуация на Тихом океане и в Восточной Азии для дальневосточного агрессора. После разгрома Германии, повлекшего за собой развал фашистско-милитаристского блока, Япония осталась единственным бывшим его членом, продолжавшим тем не менее упорное сопротивление союзникам СССР по антифашистской коалиции, что влекло за собой все новые и новые жертвы. Обстановка на Азиатско-Тихоокеанском театре Второй мировой войны требовала от руководства союзных держав принятия судьбоносных решений, и они были выработаны на Ялтинской и Потсдамской конференциях лидеров «большой тройки», результатом чего стало участие Советского Союза в войне против Японии.

Вступая в войну на Дальнем Востоке на стороне союзников по антифашистской коалиции, СССР преследовал исключительно справедливые, гуманные цели: ускорив победу над японским агрессором, покончить с войной на Дальнем Востоке, уберечь воюющие стороны от новых многомиллионных жертв, вернуть Советскому Союзу ранее отторгнутые японцами у Российской империи Южный Сахалин и Курильские острова, открыть свободный выход для его кораблей и судов в Тихий океан, чему препятствовала Япония, помочь народам Китая и Кореи в освобождении от японских захватчиков, а народам других стран Азиатско-Тихоокеанского региона — от японского оккупационного и колониального угнетения.

Советский Союз имел достаточно оснований для вступления в войну против Японии, о чем дал понять Токио задолго до этого, денонсировав 5 апреля 1945 г. Пакт о нейтралитете, что, в принципе, было предусмотрено его 3-й статьей. В заявлении советского правительства по этому поводу указывалось, что пакт был подписан до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и США — с другой. Советским Союзом было заявлено: «С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого пакта стало невозможным»[1].

Денонсировав за четыре месяца до согласованного с союзниками срока вступления в войну Пакт о нейтралитете, советское правительство фактически недвусмысленно предупредило японское руководство о возможности участия СССР в военных действиях против Японии. И это в Токио хорошо понимали. В середине апреля сотрудники военного аппарата

японского посольства в Москве в своих разведывательных донесениях сообщали в центр: «Ежедневно по Транссибирской магистрали проходят от 12 до 15 железнодорожных составов... В настоящее время вступление Советского Союза в войну неизбежно. Для переброски около 20 дивизий потребуется около двух месяцев»[2].

Нельзя исключать, что японская разведка имела сведения и о договоренности союзников по поводу возвращения СССР после войны Южного Сахалина и Курильских островов. Но и без этого в Токио знали, что СССР будет требовать возвращения ранее принадлежавших России дальневосточных земель. Ведь именно такая позиция СССР определила, как уже отмечалось ранее, решение Японии заключить в 1941 г. пакт не о ненападении, а о нейтралитете, не предусматривавший разрешения территориальных споров. Это косвенно подтверждается существованием у японского правительства намерения выторговать неучастие СССР в войне в обмен на «добровольную» уступку ему этих и других территорий. Советский Союз не пошел на эту противоречившую договоренностям с союзниками сделку.

В заявлении, сделанном 8 августа 1945 г. японскому послу народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым по поводу вступления Советского Союза в войну против Японии, говорилось: «Советское правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции»[3].

Война Советского Союза против Японии, таким образом, носила для его народа справедливый, а для жертв японской агрессии и самих японцев — гуманный характер, что вызывало патриотический подъем советских людей, стремившихся к восстановлению исторической правды, возвращению исконно русских земель. Она явилась логическим продолжением той политики, которую проводил Советский Союз в борьбе с нацистской агрессией и ее последствиями для народов СССР и оккупированных фашистами других стран Европы, что порождало массовый героизм воинов Красной армии и Военно-морского флота и в борьбе с японскими милитаристами, а также обеспечивало моральную поддержку вступления СССР в войну со стороны мировой общественности.

Судьбоносное для всего мира решение Советского Союза о вступлении в войну на Дальнем Востоке явилось результатом драматического развития международной военно-политической и стратегической обстановки. Долгие 14 лет тянулась череда преступлений японской военщины, приведших только в Китае к гибели свыше 35 млн человек[4]. Трудно подсчитать, сколько преступлений совершили бы японские милитаристы, если бы война в зоне Тихого океана шла тем же чередом, что и в предыдущие годы.

В условиях продолжавшегося сопротивления Японии, которое, по однозначным прогнозам, ожидалось еще более ожесточенным в случае вторжения союзных войск на территорию Японской метрополии, единственной возможностью ускорить окончание войны и сберечь миллионы человеческих жизней было вступление в войну нового мощного союзника и уничтожение им стратегически важной группировки противника на континенте. В этом понимании великие державы были едины и в период торжества коалиционных усилий по разгрому фашистского блока в Европе, и когда внутри антифашистской коалиции появились первые четкие признаки кризиса. Советский Союз с честью выполнил свой союзнический долг.

Положение на Азиатском и Тихоокеанском театрах военных действий накануне вступления СССР в войну против Японии

Обстановка к лету 1945 г. на все еще обширном Азиатско-Тихоокеанском театре Второй мировой войны оставалась, несмотря на очевидные успехи союзников, весьма сложной, особенно в континентальной его части, и требовала от них значительного наращивания войск и сил для решающих сражений.

Капитуляция японских сил на Филиппинах

Наибольших успехов союзники добились на Тихоокеанском ТВД. После многих лет затяжных военных действий союзное командование с начала 1945 г. прочно удерживало на океанском театре стратегическую инициативу, эффективно осуществляло блокаду Японских островов со стороны океана.

Поражение японского флота в Филиппинском морском сражении в октябре 1944 г. привело к завоеванию американскими военно-морскими силами полного господства на море, а с захватом американскими войсками и силами флота к середине марта 1945 г. острова Иводзима, к началу последней декады июня — острова Окинава и к концу этого месяца — ключевых позиций в центральной и южной частях Филиппин союзные силы вышли со стороны океана на ближние подступы к Японским островам. Утрата японцами аэродромов на Иводзиме, Филиппинах и Окинаве позволила США перебросить в зону досягаемости Японской метрополии истребители поддержки стратегических бомбардировщиков, летавших ранее на бомбежки японских городов без прикрытия.

Вместе с тем, несмотря на значительное ухудшение положения японских войск и сил флота, императорская ставка не помышляла о безоговорочном прекращении военных действий и продолжала готовить страну к борьбе до победного конца. В этом свете уместно отметить, что в западной, особенно американской историографии часто неоправданно высоко оценивают результаты действий США и Англии против Японии. Многие американские историки склонны утверждать, что США уже к концу 1944 г. полностью сокрушили военную мощь Японии и что к августу 1945 г., когда в войну вступил Советский Союз, она уже не способна была сопротивляться, ибо оказался окончательно подорван ее военно-экономический потенциал, истощены военные ресурсы и в основном уничтожены вооруженные силы. Объективный анализ развития ситуации в войне против Японии свидетельствует о том, что в действительности этого не произошло ни в 1944 г., ни к августу 1945 г.

Основную роль в войне против Японии в этот период Соединенные Штаты отводили авиации. Так, если в 1942—1944 гг. американская авиация осуществила всего 76 налетов, в которых приняли участие 2079 самолетов, то лишь в марте 1945 г. она бомбардировала японские города 91 раз, а количество самолето-вылетов составило 3509. Но наибольшая интенсивность налетов пришлась на июль, когда было совершенно 20 859 самолето-вылетов. Всего в ходе воздушной войны на острова Японского архипелага было сброшено 160,8 тыс. тонн бомб, из них 147 тыс. тонн — стратегическими бомбардировщиками В-29[5].

Добившись господства на море и в воздухе, вооруженные силы США получили реальную возможность свободно выбирать направления переброски к Японским островам сухопутных войск. На отбитых у японцев островах создавалась система базирования, опираясь на которую американское военное командование не только усилило воздушные бомбардировки территории Японии, но значительно активизировало борьбу на ее морских коммуникациях.

Нарушение морских коммуникаций сыграло важную роль в сокращении военного потенциала Японии, который почти полностью зависел от импорта, составлявшего в 1940 г. 22 млн тонн. Общий тоннаж японского торгово-транспортного флота к началу военных действий на Тихом океане достигал 6 млн брт, а с декабря 1941 г. по август 1945 г. было построено торговых судов водоизмещением 3,3 млн брт. Однако потери в ходе борьбы на коммуникациях были больше, чем возможности японских судоверфей по строительству новых и ремонту поврежденных судов для их восполнения. Объем нового строительства в Японии в 1942—1944 гг. колебался в пределах 31—35% от размера потерь, а объемы ремонта были вообще мизерными. В результате суммарный тоннаж транспортного флота страны уже к 1 января 1945 г. сократился до 2786 тыс. брт, что составило менее 47% довоенного уровня. Между тем за период с 1 января до 15 августа было потеряно еще 639 судов водоизмещением 1504 тыс. брт[6]. Всего же за годы войны на Тихом океане (декабрь 1941 — сентябрь 1945) японский торговый флот потерял 2259 судов общим тоннажем 8 132 021 брт[7].

Следствием разгрома транспортного флота (кстати, доля погибших в его личном составе равнялась 46% против 8% в армии и 12% в ВМС) явилось резкое сокращение поставок в Японию сырья, в первую очередь нефти, бокситов, редких металлов, то есть базовых элементов в

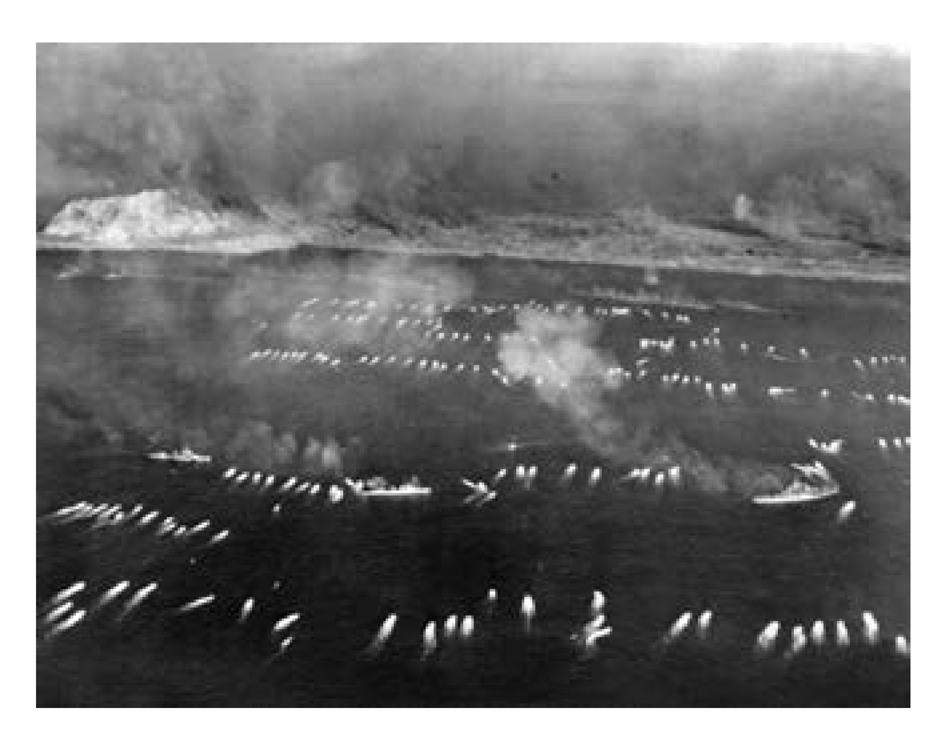
рецептуре военного производства. Вследствие понесенных потерь на морских коммуникациях военная экономика Японии уже не могла в полной мере обеспечивать потребности войск, флота и авиации в вооружении и боевой технике, а также горюче-смазочных материалах. Особенно неблагоприятно сказалось сокращение ввоза нефти и нефтепродуктов, доставка которых шла теперь только через Китай, и то в ограниченном количестве[8].

В результате поражения японского флота в Филиппинском сражении и возвращения американцев на Филиппины для Японии возникла реальная угроза вторжения союзных войск в Индокитай, на восточное побережье Китая, а также в метрополию. Однако из-за постоянного присутствия на дальневосточных рубежах миллионной группировки советских вооруженных сил японское командование не имело возможности перебросить в районы, представлявшие для него угрозу, основные силы практически бездействовавшей Квантунской группировки войск.

Союзникам действительно удалось изгнать японские войска со значительной части территорий, которые они захватили в начале войны. Общими усилиями их заставили отойти на «внутреннюю линию обороны». Серьезные поражения японского флота в ряде морских боев и сражений с американским флотом на Тихом океане и выход американских вооруженных сил на ближние подступы к Японии не создали, однако, условий для перехода их в решительное наступление. Япония по-прежнему не помышляла о безоговорочном прекращении военных действий[9] и, продолжая сопротивление на других фронтах, развернула подготовку для отпора американо-британскому наступлению непосредственно на Японских островах, а также к обороне в Корее и на северо-востоке Китая. Она еще располагала многомиллионными вооруженными силами, прежде всего опытной армией, способной к длительной и упорной обороне. Несмотря на крупные масштабы бомбардировок американской авиации, 65% бомбового тоннажа использовалось не против военно-морских и авиационных баз, сосредоточений войск или военно-промышленных объектов, а для разрушения японских городов и других населенных пунктов, уничтожения, в том числе с применением напалма, гражданского населения. По японским данным, в результате всех налетов американских военно-воздушных сил на Японию были убиты, ранены и остались без крова около 10 млн человек, то есть одна седьмая часть всего населения страны[10]. Из подвергшихся разрушению около 100 городов 72 не имели никаких военных объектов[11]. Несмотря на огромные потери торгового флота, Япония еще располагала в августе 1945 г. транспортными средствами для морских перевозок с материка общим тоннажем (с учетом вновь введенных в эксплуатацию судов) более 1,8 млн брт. За семь месяцев этого года японский флот обеспечил доставку в метрополию 2,7 млн тонн различных грузов, главным образом угля, железной руды, стали и продовольствия[12].

Япония на рубеже 1944–1945 гг. еще имела достаточно мощную производственную базу и значительные стратегические запасы в метрополии, Корее и Маньчжурии, которые были сопоставимы не только с показателями 1937 г., но и 1941 г., когда была развязана Тихоокеанская война, что позволяло ей длительное время продолжать военные действия и поддерживать империю «на плаву». Общий индекс производства в 1944 г. составлял 144%, а в 1945-м — 57% от общего показателя 1937 г. В первой половине 1945 г. было добыто 23,3 млн тонн угля (в 1944 г. — 49,3 млн тонн), железной руды — 1174 тыс. тонн (в 1944 г. — 3504 тыс. тонн), произведено электроэнергии — 20,1 млрд кВт/ч (в 1944 г. — 32,2 млрд кВт/ч), выплавлено 2088 тыс. тонн стали (в 1944 г. — 5916 тыс. тонн), 8,7 тыс. тонн алюминия (в 1944 г. — 110,4 тыс. тонн), 40,2 тыс. тонн меди (в 1944 г. — 99,0 тыс. тонн), собрано 5,9 млн тонн риса (в 1944 г. — 8,8 млн тонн)[13].

Военная промышленность Японии продолжала выпускать достаточное количество техники и оружия для ведения войны. Так, за первые семь месяцев 1945 г. было произведено 5 тыс. пистолетов-пулеметов (в 1944 г. — 3 тыс.), 40,3 тыс. пулеметов всех видов (в 1944 г. — 156,1 тыс.), 23,2 тыс. орудий всех видов и калибров (в 1944 г. — 84,4 тыс.), 0,3 тыс. минометов (в 1944 г. — 1,1 тыс.), 0,2 тыс. танков и САУ (в 1944 г. — 0,4 тыс.), 8,3 тыс. боевых самолетов (в 1944 г. — 26,2 тыс.), 43 боевых корабля основных классов (в 1944 г. — 68)[14].

Американские десантные катера первой волны десанта приближаются к острову Иводзима

Американские морские пехотинцы высаживаются на Иводзиме

Американский офицер рассматривает японский каменный танк-муляж на острове Иводзима

Американский огнеметчик под прикрытием товарищей
уничтожает японских солдат, засевших в доте

Американский флаг на горе Сурибати на Иводзиме

Таким образом, союзники не смогли уничтожить военно-экономический потенциал Японии. В этом можно убедиться, если проследить за изменениями в ходе войны показателей функционирования таких важных отраслей промышленности, как судостроение и самолетостроение. Годовая производительность японской судостроительной промышленности до начала войны на Тихом океане равнялась 600 тыс. тонн. В 1943 г. она возросла до 1120 тыс. тонн, а в 1944 г. не только не уменьшилась, но, наоборот, увеличилась до 1550 тыс. тонн[15].

В американской историографии часто встречаются утверждения о том, что уже в 1944 г. американская авиация и особенно подводные лодки практически пресекли японские сообщения, уничтожив торговый флот Японии, что далеко не соответствует действительности. Если общий тоннаж торгового флота Японии в 1942 г. достигал 7 млн тонн, в 1944 г. — 5,5 млн, то в 1945-м — 3,5 млн тонн[16].

В ходе войны союзники действительно нанесли тяжелые потери японскому судоходству. Однако весной 1945 г. Япония еще имела торговый флот, который составлял более половины того, с чем она вступила в Тихоокеанскую войну, а ее судостроительные возможности превышали предвоенный уровень почти в два раза. В Японии имелась мощная судоремонтная база, в том числе 63 сухих дока, способных ремонтировать суда водоизмещением до 20 тыс. тонн, а девять доков могли вмещать суда любого размера. Кроме того, было четыре плавучих сухих дока[17].

В ходе Тихоокеанской войны 1941—1945 гг. Япония сохранила достаточно мощное авиационное производство. Выпуск самолетов стал заметно падать только в апреле — мае 1945 г., и тем не менее к августу 1945 г. он вдвое превышал количество выпускаемых самолетов на момент вступления Японии в войну[18]. Причем воспроизводство самолетов превышало их потери. Если к началу войны имелось 4,2 тыс. боевых самолетов, то к в 1945 г. их насчитывалось 15 845. За всю войну было произведено 62 754 боевых самолета, а их потери составили 51 109 машин[19]. Объективности ради следует признать, что союзникам удалось нанести японской авиации тяжелые потери. Достаточно сказать, что число самолетов, потерянных военно-морской авиацией, в 20 с лишним раз превышало ее численность к началу войны на Тихом океане.

Больший урон союзники нанесли военно-морскому флоту Японии. Всего в 1941—1945 гг. ВМС потеряли 334 кораблей, в том числе 11 линкоров, 26 авианосцев (в том числе пять эскортных), 40 крейсеров, 129 эскадренных миноносцев, 128 подводных лодок[20]. По американским данным, только самолеты ВМС США потопили или вывели из строя 15 из 26 японских авианосцев, 6 из 11 линейных кораблей, 15 крейсеров и 45 эскадренных миноносцев[21]. И тем не менее Япония ко времени вступления в войну Советского Союза еще располагала флотом, способным решать важные задачи.

В январе 1945 г. в Японии был разработан «План увеличения боевой мощи в предстоящих решающих сражениях», предусматривавший выпуск в 1945 г. 40 тыс. самолетов, спуск на воду торговых судов водоизмещением 1,8 млн брт, выплавку 5 млн тонн стали, в то время как в 1944 г. было выпущено 28 180 самолетов, спущено на воду торговых судов водоизмещением 1,6 млн брт, выплавлено 2,6 млн тонн стали[22].

Итак, несмотря на явно нереально составленный план военного производства, Япония все еще имела достаточно мощную экономическую базу, позволявшую военно-политическому руководству страны надеяться на то, что ему удастся склонить противника к принятию таких условий прекращения войны, которые позволяли империи «сохранить лицо». Подтверждением этому служило отклонение японским правительством требований потсдамского ультиматума союзников по антифашистской коалиции от 26 июля 1945 г. Вновь, как и в 1930-е, сделав упор на континентальную стратегию и ставя на многочисленные, еще не понесшие серьезных потерь сухопутные войска, японские правящие круги готовились защищать империю «до последнего солдата».

В 1944—1945 гг. в сухопутных войсках Японии произошло резкое увеличение по сравнению с предыдущими годами числа соединений: были сформированы 197 новых дивизий (из них в январе — июле 1945 г. — 63 дивизии), в том числе 87 пехотных, одна танковая, пять авиационных и четыре зенитные[23].

Существенную помощь армии был способен оказать и флот, который имел в своем составе около 600 боевых кораблей различных классов и до 1800 самолетов. Он опирался на широко развитую систему базирования и аэродромную сеть на побережье Японского моря, в пределах которого могли вести боевые действия морские силы противоборствовавших сторон. На р. Сунгари в Маньчжурии японцы имели военную флотилию, которая насчитывала до 30 боевых речных кораблей, 50 десантных мотоботов, 60 десантных моторных катеров и три полка морской пехоты[24].

В этих условиях планы принудить Японию к капитуляции действиями только флота и авиации, которых ранее придерживалось практически все политическое и военное руководство США, в том числе президент, были квалифицированы как «стратегия ограниченных целей», и им была отведена лишь вспомогательная роль.

Морская блокада и бомбардировки японских городов, предпринятые американцами, явно не давали скорого эффекта. Для доведения Японии до полного истощения требовались огромные силы, средства и длительное время. К тому же с началом массированных бомбардировок японцы стали рассредоточивать свою промышленность, строить подземные заводы, усиливать противовоздушную и береговую оборону. «Эта стратегия, — говорилось в документе Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ), — не дает гарантий в том, что она приведет к безоговорочной капитуляции или разгрому»[25].

В связи с этим командованием армии США был разработан свой «план разгрома» Японии. Его замысел состоял в том, чтобы:

«а) овладев Окинавой, воспользоваться дополнительными возможностями усилить блокаду и бомбардировки Японии, чтобы создать положение, благоприятное для

б) вторжения на Кюсю с целью дальнейшего ослабления противника путем сковывания и уничтожения главных его сил, а также усиления блокады и воздушных бомбардировок; тем самым будут созданы оперативно-тактические условия для

в) решающего вторжения через Токийскую равнину в индустриальное сердце Японии»[26].

Исходя из этого замысла, ОКНШ 29 марта 1945 г. утвердил план под кодовым названием «Даунфол». Высадку американских войск на острова Японии предполагалось осуществить в два этапа: 1 ноября 1945 г. в южной части острова Кюсю (операция «Олимпик»), а 1 марта 1946 г. на острове Хонсю (операция «Коронет»).

По расчетам американского и английского командований, для вторжения на Японские острова требовалась семимиллионная армия. Однако к январю 1945 г., то есть накануне Крымской (Ялтинской) конференции лидеров «большой тройки», США и их союзники имели на всем театре войны с Японией лишь 2458 тыс. человек, 19 300 самолетов и 711 кораблей основных классов, и накопление сил и средств протекало крайне медленно. Так, на втором совещании военных делегаций на Крымской конференции (6 февраля) начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл заявил, что переброска американских войск из Европы начнется через неделю после окончания там войны, а главнокомандующий ВМС США адмирал Э. Кинг сообщил, что «никакого твердого плана» окончательного нападения на Японию не существует[27]. Великобритания в июле 1945 г. заявляла о своей готовности послать для высадки на Японские острова «самое большее три дивизии и позже, возможно, еще две» и разместить на Окинаве в октябре 1945 г. две и в начале 1946 г. десять эскадрилий авиации. В противоположность этому, по оценке У. Черчилля, в метрополии находилась «хорошо обученная, хорошо вооруженная и исполненная фанатичной решимости драться до конца» японская армия, имевшая только на главном острове Хонсю более 1 млн человек регулярных войск, не считая многочисленного личного состава военно-морского флота[28]. Всего же на Японских островах в последние дни войны дислоцировались 3,7 млн военнослужащих, в том числе 2,4 млн в армии и 1,3 млн на флоте. Окончание военных действий на островах собственно Японии планировалось, исходя из опыта (на овладение Филиппинскими островами, где оборону занимали лишь 250 тыс. японских военнослужащих, американцам потребовалось более восьми месяцев), в лучшем случае на конец 1946 г., а по более глубоким расчетам — на 1947 г.[29]

Американский огнеметный танк в бою на острове Окинава

Американский морской пехотинец под огнем в «Долине смерти» на Окинаве

Бои на Окинаве

Позиция Китая по вопросам определения перспектив войны против Японии была аналогичной. Согласно меморандуму Чан Кайши, обсуждавшемуся 22 ноября 1943 г. на заседании смешанного американо-британского комитета начальников штабов (САБКНШ), лишь в ноябре 1944 г. — мае 1945 г. были возможны операции по освобождению Кантона и Гонконга; в мае — ноябре 1945 г. — бомбардировки Тайваня; в ноябре 1945 г. — наступление на Шанхай. Вторжение же на территорию собственно Японии считалось возможным только после 1947 г.[30]

А по прогнозам многоопытного главнокомандующего вооруженными силами союзников на АТТВ американского генерала Д. Макартура, война, учитывая фанатизм японского солдата, могла продлиться еще 5–7 лет. Считалось, что при этом потери американских вооруженных сил составят более 1 млн, английских — свыше 0,5 млн, а японских — 10 млн человек[31]. Учитывая, что общие потери американцев уже насчитывали свыше 285 тыс. человек, из них около 99 880 погибшими[32] (несмотря на довольно низкие цифры потерь по сравнению с другими ведущими союзниками, они были для США, не имевших общих границ с противниками и ведущих войну вне пределов своей основной территории, все же весьма чувствительными), военно-политическое руководство США не спешило с началом операции «Даунфол».

В войне на Тихом океане создавалась явно тупиковая ситуация, при которой ни та, ни другая стороны не находили, опираясь только на участвовавшие в то время в вооруженной борьбе силы, быстрого, не связанного с огромными потерями и эффективного решения, ведущего к окончанию военных действий. Именно поэтому военный министр США Г. Стимсон в меморандуме на имя президента Г. Трумэна от 2 июля 1945 г., содержавшем тщательную оценку ситуации на тот период времени, предлагал изыскать способ принудить японские вооруженные силы к капитуляции, не прибегая к насильственной оккупации собственно Японии[33].

Однако, по мнению многих военных авторитетов союзников, заставить японцев капитулировать в короткий срок можно было только путем нанесения решительного поражения какой-либо наиболее крупной, сильной, стратегически важной группировке японских войск. Этим параметрам соответствовал маньчжуро-корейский район с его более чем миллионной группировкой войск, промышленной и сырьевой базой и крупными стратегическими запасами. Этот район играл роль связующего звена японской метрополии с континентом. Союзники хорошо понимали, что, потеряв этот важнейший стратегический район, Япония лишится большинства необходимых средств продолжения войны и неизбежно «запросит пощады». Решить эту задачу в короткий срок могли только советские войска, поэтому ряд видных военачальников союзников связывал свои планы с обязательным вступлением в войну против Японии Советского Союза[34]. С другой стороны, руководители США и Великобритании хорошо понимали, что, «если бы Россия все еще оставалась нейтральной», то «огромная японская армия в Маньчжурии могла бы быть брошена на защиту самой Японии»[35].

Итак, стратегическая обстановка на Азиатско-Тихоокеанском театре войны к августу 1945 г. сложилась благоприятно для воевавших против Японии государств, однако без вступления Советского Союза в военные действия рассчитывать на быстрое завершение разгрома противника не приходилось. Будучи не в состоянии в короткий срок и без огромных потерь разгромить противника собственными силами и заставить японцев капитулировать, США и Англия в феврале 1945 г. в очередной раз обратились к Советскому Союзу с предложением выступить против Японии.

Вообще, союзники с первых дней Тихоокеанской войны высказывались за вступление СССР в военные действия против японского агрессора. В декабре 1941 г. У. Черчилль в памятной записке своим начальникам штабов писал: «Всех привлекает проблема создания авиабаз в Китае или в России, с которых можно было бы совершать налеты на японские города. Весьма желательно поэтому, чтобы Россия вступила в войну против Японии»[36]. Государственный секретарь США К. Хелл 8 декабря 1941 г. уже в первой беседе с новым

послом СССР в Вашингтоне М. М. Литвиновым поднял вопрос о предоставлении Соединенным Штатам баз на советском тихоокеанском побережье. Отвечая на этот вопрос на их следующей встрече 11 декабря 1941 г., Литвинов сообщил госсекретарю мнение советского правительства о том, что в период, когда Советский Союз ведет тяжелые бои против гитлеровской Германии, рискованно предпринимать такой шаг, так как Япония может атаковать СССР, и поэтому он пока не готов сотрудничать с союзниками в войне с Японией. В августе 1942 г., во время визита в советскую столицу У. Черчилля, эта тема опять была поднята послом США в Москве А. Гарриманом в беседе с И. В. Сталиным. Сталин сказал Гарриману, что Япония исторически является русским противником, и ее окончательное поражение имеет существенное значение для Советского Союза. Он предположил, что, хотя обстоятельства не благоприятствуют советскому участию в войне на Дальнем Востоке, СССР в свое время несомненно вступит в нее[37].

После коренного перелома в войне против европейских участников фашистско-милитаристской оси давление на Москву по этому вопросу усилилось. В августе 1943 г., когда Германия потерпела сокрушительное поражение в битве под Курском, американские начальники штабов высказали мнение, что, «имея Россию в качестве союзника на Дальнем Востоке, эту войну можно завершить в более короткий срок и с меньшими потерями в людях и средствах, чем без участия России»[38].

Военно-политическое руководство США и Великобритании указывало в своих решениях, что после разгрома стран оси в Европе оно во взаимодействии с руководителями других государств Тихоокеанского бассейна и, если это будет возможно, с Россией направит все ресурсы на достижение в минимально короткий срок безоговорочной капитуляции Японии[39]. Этим же задачам были призваны служить тегеранские договоренности руководителей трех великих держав о вступлении Советского Союза в войну против Японии вскоре после разгрома гитлеровской Германии, что было, как отмечалось выше, «одной из главных целей» американской делегации на конференции в Тегеране (28 ноября — 1 декабря 1943 г.)[40]. Попытки спровоцировать войну между СССР и Японией усиленно предпринимались также и со стороны китайского правительства[41].

Советский Союз, верный пакту о нейтралитете с Японией от 13 апреля 1941 г. и вынужденный все силы бросить на борьбу с гитлеровской агрессией, по понятным причинам не мог с началом войны на Тихом океане пойти навстречу многочисленным предложениям союзников о прямом выступлении против дальневосточного агрессора. С 22 июня 1941 г. до 6 июня 1944 г., то есть до открытия второго фронта, Советский Союз, по сути, один на один вел тяжелейшую борьбу с войсками главной группировки фашистского блока в Европе. Поэтому, неся основную тяжесть войны, СССР не мог одновременно пойти на открытие своего «второго фронта» — вступить в вооруженную борьбу против Японии, хотя поводов для этого последняя создавала множество. Однако фактор присутствия крупного контингента советских войск на Дальнем Востоке[42] и успехов Советского Союза в войне с Германией продолжал оказывать существенное влияние на политику и военную стратегию Японии и, соответственно, на положение союзников на всем протяжении борьбы против нее вплоть до 8 августа 1945 г., когда Советский Союз объявил о своем вступлении в войну.

Такая позиция советского руководства находила понимание у президента США Ф. Рузвельта, заявлявшего о том, что поражение Гитлера «является наилучшим и наиболее верным путем обеспечения поражения Японии»[43]. Неслучайно и У. Черчилль не считал возможным «особенно сильно нажимать на русских в этом вопросе»[44] до разгрома Германии.

Вступление СССР в войну с Японией рассматривалось советским руководством как мера, направленная на выполнение союзнического долга. Когда А. Гарриман информировал И. В. Сталина об итогах квебекской встречи руководителей США и Англии, советский руководитель обратил внимание посла на то, что тот ни словом не коснулся вопроса об участии Советского Союза в войне против Японии. В этой связи Сталин спросил Гарримана, считает ли президент США существенным, чтобы СССР присоединился к войне против Японии. Он выразил удивление, что после заверений, данных им Ф. Рузвельту в Тегеране

Японские пленные, захваченные на Окинаве

и таких долгожданных для союзников, при военном планировании они не принимают во внимание советское участие. Сталин добавил, что в позиции Советского Союза по этому вопросу изменений нет, но если США и Великобритания предпочитают поставить Японию на колени без советского участия, то он готов с этим согласиться[45].

О возможности войны Советского Союза против Японии начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А. М. Василевский, по его собственному признанию, впервые узнал в конце 1943 г., когда советская делегация во главе с И. В. Сталиным возвратилась с Тегеранской конференции, на которой союзники впервые при непосредственной встрече с советским лидером поставили перед ним вопрос о выступлении СССР против Японии. Советская делегация «дала союзникам принципиальное согласие помочь в войне против Японии»[46]. Однако только на исходе сентября 1944 г. И. В. Сталин в разговоре с А. М. Василевским дал Генеральному штабу устное поручение подготовить расчеты по сосредоточению и материальному обеспечению войск на Дальнем Востоке. «Скоро, видимо, потребуется», — заключил разговор Верховный главнокомандующий[47]. «Тогда же, — вспоминал А. М. Василевский, — прикинули размеры необходимых материальных ресурсов. Но до Ялтинской конференции никакой детализации плана войны против империалистической Японии не производилось»[48]. На Ялтинской конференции руководителей СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.) мнение союзников было по-прежнему единодушным: при всем нежелании роста популярности СССР в Азии американская делегация, писал Э. Стеттиниус, хотела прежде всего вступления Советского Союза в войну против Японии[49]. Подчеркивая важность участия СССР в этой войне, начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл в то время отмечал, что именно это участие может оказаться той решающей акцией, которая вынудит Японию капитулировать[50]. Специальное соглашение, подписанное на Крымской конференции руководителями делегаций 11 февраля, предусматривало вступление Советского Союза в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии[51].

Ко времени встречи в Ялте состояние отношений СССР с США и Великобританией в целом улучшилось, военные действия трех союзных держав после открытия второго фронта стали более согласованными. Но сближение восточного и западного фронтов войны с Германией требовало еще большей степени координации в военной области. Возросла потребность в договоренностях и по ряду острых вопросов мировой и европейской политики, а также по вопросам Дальнего Востока. Поэтому правительства трех союзных стран напряженно готовились к конференции.

Хотя повестка дня переговоров строго не фиксировалась, пожелания сторон, их позиции по многим пунктам стали известны заранее. В беседе с И. В. Сталиным в Кремле 14 декабря 1944 г. посол США в СССР А. Гарриман дал ясно понять, что Ф. Рузвельт заинтересован рассмотреть с маршалом в первую очередь вопросы, относившиеся к Дальнему Востоку и к созданию международной организации безопасности. Принятый В. М. Молотовым 20 января 1945 г. американский посол был более конкретен, перечислив в списке желательных для обсуждения тем следующие: обращение с Германией; международная организация безопасности; Польша; политические и военные аспекты войны в Европе и на Тихом океане[52].

Военное сотрудничество с СССР, как отметил американский историк профессор М. Столер, оставалось в феврале 1945 г. необходимым для достижения полной победы, особенно в свете событий в Арденнах и ввода в боевые действия последних американских резервов, а также положения на Тихоокеанском ТВД, где американцы встретили ожесточенное сопротивление японцев[53].

Перечень тем, которые начальники штабов США предлагали рассмотреть на конференции, был передан Генеральному штабу Красной армии. Конкретно намечалось затронуть ряд вопросов, относящихся к войне с Германией и Японией. Что касается Дальнего Востока, то американцы хотели остановиться на двух вопросах: дислокация японцев, возможности и намерения на Дальнем Востоке (обсуждение и обмен информацией); участие русских в войне против Японии. Эта повестка дня была представлена одновременно и начальникам штабов Великобритании[54].

С военных вопросов и началось 4 февраля первое пленарное заседание в Ливадии, которое открыл американский президент. Казалось бы, на конференции в Крыму вопросам перспектив вооруженной борьбы на Азиатско-Тихоокеанском театре войны было уделено незначительное внимание. Гораздо острее стояли проблемы завершения разгрома Германии и ее сателлитов в Европе, а также осуществления сложнейшего, учитывая разность интересов каждого из союзников и народов — жертв агрессии, процесса политического и территориального переустройства этой части земного шара и всего послевоенного миропорядка.

Однако весьма важной задачей для участников переговоров, в первую очередь США, была выработка стратегии завершения борьбы с японским агрессором. 2 февраля по итогам трехдневных заседаний членов смешанного американо-британского комитета начальников штабов операции «будущей кампании в Юго-Восточной Азии и в районе Тихого океана», по свидетельству У. Черчилля, были наряду с другими операциями рассмотрены руководителями США и Великобритании на Мальте, где они остановились по пути в Крым. «По всем военным вопросам, — отметил британский премьер, — была достигнута значительная степень согласия, и переговоры оказались полезными», поскольку удалось ознакомиться со взглядами друг друга, «прежде чем начать переговоры со своими русскими коллегами»[55].

Следует отметить, что британскую делегацию вопросы войны на Тихом океане волновали гораздо меньше, чем американскую. «Дальний Восток не играл никакой роли в наших официальных переговорах в Ялте», — отмечал У. Черчилль в своих мемуарах[56]. Однако он понимал трудности США в Тихоокеанской войне и не меньше Ф. Рузвельта осознавал необходимость подключения к ней России.

Советскому Союзу, у которого, по справедливой оценке У. Черчилля, на его «колоссальном фронте» в период проведения Ялтинской конференции шли «самые ожесточенные бои»[57] и которому вскоре предстояло вступить в последнюю, наиболее опасную и кровопролитную схватку с тяжелораненым нацистским зверем в его логове, было непросто решиться (гораздо сложнее, чем это было в Тегеране) на то, чтобы дать окончательное добро на свое вступление в войну против Японии. Было очевидно, что кампания на Востоке ляжет на плечи советского народа дополнительным бременем. И. В. Сталин, безусловно, понимал, что кроме экономических и чисто технических проблем переброски огромного количества личного состава, военной техники и средств снабжения войск на далеко отстоявший театр военных действий на Дальнем Востоке перед ним стояла проблема морально-политического и чисто психологического свойства: добиться от исстрадавшегося за долгие четыре года от тягот жестокой войны народа поддержки вступления страны в новую войну. Без этого трудно было рассчитывать на решительную победу.

Вступая в войну против Японии, Советский Союз, конечно же, имел на то веские причины. Пока на Дальнем Востоке продолжал существовать очаг агрессии, Советский Союз не мог считать свою безопасность полностью обеспеченной. Вступление СССР в войну подготавливалось самой японской политикой, в течение многих лет осуществлявшей агрессивные антироссийские и антисоветские военные вылазки и провокации. Достаточно вспомнить войну, развязанную Японией против России в 1904 г., повлекшую за собой утрату части исконно российских территорий; участие японских войск в интервенции на Дальнем Востоке в первые годы советской власти; крупные вооруженные акции у озера Хасан (1938) и в районе монгольской пограничной р. Халхин-Гол (1939); тщательно готовившееся, как это показывали на допросах пленные японские генералы[58], вплоть до конца 1943 г. японское вторжение на территорию советского Дальнего Востока, преследующее захват огромного пространства до меридиана сибирского г. Омска, что составило бы более 2/3 общей площади Советского Союза. Постоянно нарушался заключенный 13 апреля 1941 г. советско-японский Пакт о нейтралитете, который, по признанию министра иностранных дел Японии тех лет Ё. Мацуоки, был нужен лишь для прикрытия военных приготовлений против СССР. За четыре года со времени его подписания части и подразделения Квантунской группировки войск 779 раз нарушали сухопутную границу, а самолеты военно-воздушных сил Японии 433 раза вторгались в воздушное пространство СССР. Японские военные корабли около 180 раз

останавливали (нередко с применением оружия) и досматривали советские торговые и рыболовные суда, уводили некоторые из них в свои порты, а по крайней мере восемь потопили. Общие убытки советского судоходства в 1941—1944 гг. в результате провокационных действий японских ВМС составили в ценах тех лет 637 млн рублей[59]. Тем самым грубо нарушалась 1-я статья Пакта о нейтралитете, которая гласила: «Обе Договаривающиеся Стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой Договаривающейся Стороны». Япония в течение всей войны продолжала оказывать политическую и экономическую помощь гитлеровской Германии в войне против Советского Союза, поставляла ей разведывательную информацию, снабжала стратегическим сырьем[60]. И наконец, у советских дальневосточных границ все еще стояла, как уже отмечалось, крупная стратегическая группировка отборных японских войск, которую в течение многих лет усиленно натаскивали для выполнения главной задачи — нападения на СССР.

Таким образом, не по собственной воле Советский Союз на протяжении всей войны против нацистской Германии был вынужден держать у своих границ на Дальнем Востоке значительные вооруженные силы: от 30 до 59 расчетных дивизий сухопутных войск, от 10 до 29 авиационных дивизий и до шести дивизий и четыре бригады Войск ПВО общей численностью свыше 1 млн солдат и офицеров, 8—16 тыс. орудий и минометов, свыше 2 тыс. танков и САУ, от 3 до 4 тыс. боевых самолетов и более 100 боевых кораблей основных классов. В общей сложности все это составляло в разные периоды войны от 15 до 30% состава боевых сил и средств Вооруженных сил СССР[61]. Очевидно, что, отвлекая столь значительную часть советских войск от фронта военных действий против Германии, особенно в наиболее тяжелые периоды войны, Япония оказывала активную и существенную помощь своему гитлеровскому партнеру. Несомненно, имея возможность использовать войска и силы флота, вынужденно размещенные на Дальнем Востоке, на советско-германском фронте СССР мог бы с гораздо меньшими потерями и в еще более короткие сроки разгромить вермахт и вооруженные силы союзников Германии.

С другой стороны, ведя войну против основных сил фашистско-милитаристского блока в Европе, оттягивая на себя миллионную группировку японских войск, препятствуя свободному использованию их против Китая, США, Великобритании и других союзников, СССР существенно облегчал их участь, обеспечивал им возможность оправиться от первых потрясений, восстановить за счет мобилизации экономики понесенные потери в кораблях и самолетах, сохранять статус-кво на сухопутном театре военных действий в Азии, создать ударные группировки и подготовиться к широким наступательным действиям в акватории Тихого океана.

Все это позволяло Советскому Союзу не только выставить в случае войны с Японией определенные претензии к ней, но и надеяться на понимание и приятие их со стороны союзников. Поэтому в ответ на новые предложения о подключении СССР к войне на Тихом океане И. В. Сталин в беседе с послом США в Москве А. Гарриманом 15 октября 1944 г. сделал ему (кстати, по инициативе посла) некоторые конкретные предложения относительно послевоенных претензий России в этом районе[62]. По словам американского посла, Сталин «сказал, что положение России на Востоке должно быть в целом восстановлено так, как оно существовало до Русско-японской войны 1905 г. Южная часть Сахалина должна быть возвращена русским, так же как Курильские острова, для того чтобы защитить советское побережье со стороны Тихого океана. Русские желали вновь арендовать порты Дайрен и Порт-Артур и получить в аренду железную дорогу в Маньчжурии, построенную русскими по контракту с Китаем, особенно КВЖД, которая была прямой линией от Транссибирской магистрали до Владивостока, и Южно-Маньчжурскую железную дорогу, обеспечивающую связь с Дайреном. Сталин указал, что Советский Союз не намеревается посягать на суверенитет Китая над Маньчжурией. В добавление он запросил признания status quo Внешней Монголии». «Я немедленно направил президенту Рузвельту предложения Сталина, — писал Гарриман, — и они стали основой для дискуссии в Ялте»[63].

Горящая японская летающая лодка, сбитая американскими истребителями

Оперативное авианосное соединение ВМФ США

Как свидетельствует американский историк Л. Роуз, Рузвельт, узнав «об азиатских требованиях Сталина», был поражен их скромностью, так как они касались лишь восстановления территориальных прав, отобранных у России Японией во время войны 1904–1905 гг.[64] Но американцы хотели получить информацию о дислокации советских войск на Дальнем Востоке и об их конкретных операциях против Японии после завершения войны в Европе[65]. Во время пребывания британского премьер-министра в советской столице И. В. Сталин 15 октября 1944 г. затронул эту тему в разговоре с А. Гарриманом, А. Иденом, другими дипломатами и военными. Глава советского правительства заявил, что через три месяца после поражения Германии СССР выступит против Японии, если США окажут ему помощь в создании необходимых материальных запасов и если будут прояснены политические аспекты участия СССР в войне на Дальнем Востоке[66]. Тогда же на переговорах с американцами он согласился приступить к совместному с США планированию действий против Японии и представил список советских заявок на американские поставки, которые легли в основу программы под кодовым наименованием «Майлпост», предусматривавшей создание с помощью США запасов в Сибири для использования их в войне против Японии[67].

23 января, накануне встречи в Крыму, ОКНШ США в памятной записке, адресованной президенту, утверждал: «Вступление России в войну в возможно близкие сроки, связанное с ее способностью вести наступательные операции, необходимо для обеспечения максимальной помощи нашим операциям на Тихом океане». В качестве целей военного участия России ОКНШ определил следующие: нанесение поражения японским силам в Маньчжурии; воздушные операции против Японских островов совместно с американской авиацией, базирующейся в Восточной Сибири; максимальные усилия по нарушению морских коммуникаций между Японией и Азиатским субматериком. Быстрое и крупномасштабное выступление СССР против Японии требовалось, чтобы возможно скорее закончить войну и предотвратить еще большие потери США в живой силе. Рузвельт согласился с доводами генерала Дж. Маршалла на этот счет[68].

В Ялте, в Ливадийском дворце, вопросы Дальнего Востока обсуждались И. В. Сталиным и Ф. Рузвельтом 8 февраля. Сталин подтвердил согласие СССР вступить в войну против Японии, но просил президента заострить внимание на политических условиях советского участия. Рузвельт, заранее с ними ознакомленный, высказывался, в частности, за передачу Советскому Союзу южной части Сахалина и Курильских островов. Президент сослался также на переговоры в Тегеране, где он предложил дать СССР возможность использовать Дайрен — теплый порт, расположенный в конце Южно-Маньчжурской железной дороги[69].

Окончательный текст соглашения по Дальнему Востоку, в котором по настоянию Сталина фиксировались политические условия участия СССР в войне на Дальнем Востоке, был согласован 10 февраля Сталиным, Молотовым, Рузвельтом и Гарриманом. В ответ на согласие России вступить в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии США обязались поддержать требования, выдвинутые советской стороной. 10 февраля в ходе конфиденциальной беседы с И. В. Сталиным У. Черчилль также заявил, что будет «приветствовать появление русских кораблей в Тихом океане», и высказался за то, чтобы «потери, понесенные Россией во время русско-японской войны, были восполнены»[70]. 11 февраля главами правительств СССР, США и Великобритании было подписано в связи с этим специальное соглашение, которое оставалось строго конфиденциальным вплоть до 5 июля, когда У. Черчилль решил проинформировать премьер-министров британских доминионов о предстоявшем вступлении Советского Союза в войну.

У. Черчилль не принимал участия в советско-американских переговорах по Дальнему Востоку, но поставил свою подпись под соглашением, сознавая, что помощь СССР сократит тяжелые потери не только американцев, но и англичан, которым в ином случае также предстояла бы (хотя в значительно меньших масштабах) борьба по завершению разгрома японского агрессора. При этом принимался в расчет тот факт, отмечал Черчилль, что атомная бомба еще не прошла испытания, что большая японская армия в Маньчжурии могла бы быть брошена на защиту Японских островов в случае, если бы Россия оставалась нейтральной.

Черчилль расписался под соглашением и по той причине, что отказ сделать это мог повлечь за собой утрату всякого влияния Британии на дела Дальнего Востока[71].

Ялтинское соглашение от 11 февраля 1945 г. отвечало жизненным интересам безопасности СССР, быстрейшей ликвидации очага милитаризма на Дальнем Востоке, а в конечном счете — сокращению сроков Второй мировой войны.

История подтвердила мудрость решений, принятых руководителями трех великих держав в Крыму. «Ялта стала, — заявил Э. Стеттиниус в начале апреля 1945 г., — высшей академией дипломатии и продемонстрировала нам лучшие образцы разумных компромиссов по самым трудным проблемам»[72]. Некоторые сомнения по поводу необходимости продолжения союзнических отношений с СССР высказал 23 апреля, через 11 дней после вступления в президентство вместо умершего 12 апреля Ф. Рузвельта, лишь Г. Трумэн. Однако военным руководителям США удалось убедить нового президента в том, что сотрудничество с Советским Союзом необходимо сохранить по крайней мере до капитуляции Токио[73].

Министерство обороны США было уверено в правильности решения, принятого в Крыму. 21 мая 1945 г. военный министр Г. Стимсон писал исполнявшему обязанности госсекретаря США Дж. Грю: «Вступление России (в войну против Японии. — *Прим. ред.*) будет иметь далеко идущий военный эффект, который почти определенно приведет к сокращению сроков войны и тем самым спасет американские жизни»[74]. На заседании ОКНШ 18 июня 1945 г., посвященном выработке стратегии войны против Японии на завершающем этапе, было принято решение приветствовать вступление СССР в эту войну[75].

В ходе работы Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей союзных держав (17 июля — 2 августа 1945 г.) мнение американской стороны не изменилось. С учетом прочности позиций Японии на континенте Объединенный комитет начальников штабов США считал необходимым, чтобы «изгнанием японской армии с материка занялись русские»[76]. Генерал Д. Макартур был убежден, что американские войска «не должны высаживаться на острова собственно Японии, пока русская армия не начнет военные действия в Маньчжурии»[77]. Касаясь задач, которые Г. Трумэн ставил перед собой на конференции, помощник госсекретаря США Ч. Болен отмечал: «Больше всего он хотел бы удостовериться, что Кремль будет соблюдать соглашение о вступлении в войну против Японии»[78]. В США не без оснований опасались, что иначе война может затянуться надолго и потребовать больших жертв и усилий, тогда как вступление СССР в войну против Японии в корне меняло соотношение сил в Восточной и Юго-Восточной Азии в пользу союзных держав. Советская делегация хорошо понимала это и подтвердила в Потсдаме, что СССР выполнит положения заключенного в Ялте соглашения и вступит в войну против Японии в согласованные сроки.

Встретившись 17 июля с Г. Трумэном перед открытием первого пленарного заседания, И. В. Сталин по собственной инициативе начал разговор на тему об участии СССР в войне против Японии, а в ответ на замечание президента, что «США ожидают помощь от Советского Союза», заявил: СССР сдержит свое слово и будет готов вступить в действие к середине августа[79].

Следует отметить, что ко времени переговоров в Потсдаме, особенно после успешного испытания 16 июля в Аламогордо (штат Нью-Мехико) американской атомной бомбы, некоторые деятели США (например, занявший в июле 1945 г. пост госсекретаря США Дж. Бирнс и адмирал Э. Кинг)[80] изменили свою позицию в отношении Советского Союза и выразили желание закончить войну на Дальнем Востоке без помощи СССР. Письмо Трумэна, отправленное в их адрес 18 июля из Берлина, опровергает, однако, утверждения некоторых исследователей о том, что в официальном Вашингтоне не видели более необходимости в участии в войне советского союзника. «Я получил без напряжения то, ради чего сюда прибыл, — Сталин вступит в войну... — писал президент. — Теперь можно сказать, что мы закончим войну на год раньше, и я думаю о тех парнях, которые не будут убиты»[81].

На переговорах военных руководителей в Потсдаме были подробно обсуждены практические вопросы, связанные с участием СССР в войне на Дальнем Востоке. На заседании начальников штабов трех держав генерал армии А. И. Антонов сообщил, что советские войска

концентрируются на Дальнем Востоке, СССР вступит в войну против Японии в августе, и Советская армия будет воевать против 50 японских и маньчжурских дивизий[82].

В ходе подготовки к боевым действиям большое внимание уделялось планированию и координации при проведении союзниками операций, особенно на море. В соответствии с решениями Ялтинской конференции определялись и уточнялись зоны совместных и раздельных действий союзных вооруженных сил. Формы и методы военно-политического сотрудничества союзников, которые существовали при разгроме гитлеровской Германии, почти полностью сохранились и в период войны с Японией. Накопленный опыт работы генеральных штабов и командующих фронтами в ходе военных действий в Европе положительно сказался при координации действий сторон и организации оперативного взаимодействия как на континенте, так и при ведении морских операций и высадке десантов союзников в кампании 1945 г. на Дальнем Востоке.

Военное командование СССР конструктивно подходило к рассмотрению проблем, возникавших у американского военно-политического руководства, и предлагало свои пути их решения. Так, в ответе советского командования от 26 июля 1945 г. на вопросы, которые были вручены председателем ОКНШ адмиралом У. Леги генералу А. И. Антонову на совещании военных представителей в Берлине 24 июля, было заявлено:

«По первому вопросу — советское командование согласно установить в Петропавловске и Хабаровске радиостанции для передачи сведений о погоде, согласно просьбе, изложенной в письме президента Трумэна, переданном 23 июля 1945 г.; по второму вопросу — в Японском море иметь отдельные зоны действий ВМС и авиации США и Советского Союза. Границу между этими зонами иметь по линии: мыс Болтина на побережье Кореи, мыс Крильон на южной оконечности Южного Сахалина и до мыса Сойя-Мисаки на сев[ерной] оконечности о. Хоккайдо (были определены точки границы и их географические координаты. — *Прим. ред.*). К северу от этой границы действуют Военно-Морской Флот и авиация Советского Союза. К югу от этой границы — военно-морской флот и авиация США.

В зависимости от обстановки в последующем эта граница может быть подвергнута изменениям.

Операции военно-морского флота и авиации США к северу от границы и операции ВМФ и авиации Советского Союза к югу от этой границы должны подлежать координации... (Далее давались предложения к определению зон совместных действий в Охотском и Беринговом морях и по порядку взаимодействия в ходе операции. — *Прим. ред.*); по третьему вопросу — в Корее и Маньчжурии границы между зонами действий авиации США и Советского Союза иметь по следующей линии: мыс Болтина, Чанчунь, Ляоюань, Кайлу, Чифын, Бейпин, Дагу и далее по южной границе Внутренней Монголии.

Авиация США действует к югу от этой линии, включая все перечисленные пункты. Авиация Советского Союза действует к северу от этой линии.

В зависимости от обстановки в последующем эта линия может быть подвергнута изменениям. Операции авиации США к северу от этой линии и операции авиации Советского Союза к югу от этой линии должны подлежать координации; по четвертому вопросу — советское командование с началом военных действий Советского Союза против Японии устанавливает местную взаимную связь между американским и советским командующими на Дальнем Востоке.

Для осуществления этой связи предлагается иметь советские группы связи при генерале Макартуре и при адмирале Нимице, кроме того, в Вашингтоне — советскую военную миссию. Американские группы связи иметь при советском Главнокомандующем на Дальнем Востоке Маршале Советского Союза Василевском — в Хабаровске и при командующем советским Тихоокеанским флотом адмирале Юмашеве — во Владивостоке; по пятому вопросу — советское командование выделяет порты и аэродромы для кораблей и самолетов, нуждающихся в технической помощи и обеспечивает по мере возможности техническую и медицинскую помощь личному составу указанных кораблей и самолетов.

Для этих целей выделяются:

а) военно-морские порты в Японском море — порт Находка (залив Америка).

В районе Охотского и Берингова морей — Николаевск-на-Амуре и Петропавловск-на-Камчатке;

б) аэродромы — в районе Владивостока, в районе Александровска, на острове Сахалин и в районе Петропавловска-на-Камчатке»[83].

Американская сторона приняла все предложения СССР.

8 августа 1945 г. Советский Союз присоединился к Потсдамской декларации и объявил Японии войну, что, безусловно, было выгодно США, Англии, Китаю и другим странам, воевавшим против Японии. Объективно это было и в интересах японского народа, в интересах скорейшего окончания Второй мировой войны, уменьшения числа жертв и достижения долгожданного мира. Военно-политическая обстановка, сложившаяся на Дальнем Востоке к августу 1945 г., не только требовала вступления СССР в эту войну, но и была достаточно благоприятной для усиления его позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, укрепления его безопасности.

Япония: тотальная мобилизация империи для войны до победного конца

В 1944 г. положение милитаристской Японии в войне серьезно осложнилось: ее войска были выбиты со многих островов в Тихом океане, англо-американские войска продолжали теснить японцев и в Юго-Восточной Азии. Меньшую тревогу вызывало положение в Китае, где удавалось удерживать захваченные территории и провести операцию по поддержанию японских коммуникаций между китайским фронтом и Индокитаем.

Не помышляя уже о каких-либо крупных наступательных операциях, правительство и командование вооруженных сил Японии приняли решение о переходе к стратегической обороне, делая ставку на затягивание войны. При этом они рассчитывали стабилизировать фронты, выиграть время для пополнения военно-экономического потенциала, а также по возможности дипломатическими маневрами нарушить союзническую коалицию США, Великобритании и СССР.

Для поддержания боеспособности сухопутных сил и военно-морского флота, снабжения их боевой техникой и вооружением были проведены мероприятия по тотальной мобилизации людских и материальных ресурсов, эксплуатации колоний и захваченных стран.

Наметившаяся уже во второй половине 1943 г. перспектива поражения в войне побуждала японское руководство предпринимать все более жесткие меры по усилению государственного контроля над экономикой, полному подчинению всех ее отраслей интересам вооруженных сил. 30 сентября 1943 г. на очередном императорском совещании была поставлена задача «срочно усилить военное могущество для решительной победы»[84], в связи с чем создано наделенное большими правами министерство вооружений. Оно стало фактически «правительством в правительстве».

Страна превращалась в «единый трудовой лагерь», в котором утверждалась жесткая военная дисциплина. Для облегчения эксплуатации и укрепления дисциплины на производстве была введена система «бутай сосики» — «отрядная организация»: 5—10 рабочих объединялись в отряды низшего звена, вводились знаки различия командиров, отдание чести и другие армейские порядки. Принятой в январе 1944 г. «Программой чрезвычайных мероприятий по трудовой мобилизации населения» рабочие закреплялись за теми предприятиями, на которых работали. Производящие вооружение заводы функционировали круглосуточно. Отменялось трудовое законодательство. Продолжительность рабочего дня составляла 12—13 часов, однако эти нормативы часто превышались. Трудовая повинность была возложена на мужчин и женщин с 12 до 70 лет. Рабочие жили в общежитиях казарменного типа под контролем жандармов и полицейских, при этом над ними постоянно висела угроза наказания и лишения пайка[85].

Японские летчики принимают новые истребители

Японский истребитель на старте

Но чрезвычайные меры уже не могли предотвратить начавшийся кризис в экономике, проявившийся в сокращении практически всей номенклатуры промышленной продукции. В 1944 г. впервые за годы войны сокращение производства отмечалось в важнейших отраслях промышленности — добывающей, металлургической и машиностроительной. Падение производства происходило главным образом вследствие уменьшения поставок из-за рубежа сырья и топлива. Резкое сокращение в результате потоплений тоннажа торгового флота Японии не позволяло доставлять в метрополию уже добытое сырье. В 1943 г. его было ввезено 16,4 млн тонн, а в 1944 г. — только 10,1 млн тонн. Импорт угля снизился с 5,2 млн до 2,6 млн тонн, железной руды — с 4,3 млн до 2,2 млн тонн, бокситов — с 0,9 млн до 0,4 млн тонн. Особенно острой проблемой стала нехватка нефти и нефтепродуктов: поставки импортной нефти сократились с 1,9 млн тонн в 1943 г. до 0,9 млн тонн в 1944 г.[86] Если в 1940 г. от собственной добычи и ввоза в страну Япония получила 24 113 тыс. баррелей нефти, а в 1943 г. — 11 662 тыс., то в 1944 г. — лишь 3226 тыс. баррелей. При этом общие запасы сырой нефти и нефтепродуктов оценивались по годам следующими цифрами: 1940 г. — 49 581 тыс. баррелей, 1943 г. — 25 327 тыс., 1944 г. — 13 816 тыс.[87] Дальнейшие потери источников нефти за рубежом грозили в прямом смысле парализовать японскую военную машину.

Вынужденный отход японских войск из ранее захваченных районов Юго-Восточной Азии привел к значительному сокращению ввозимого в метрополию продовольствия. Так, в 1944 г. Япония произвела и ввезла в страну лишь 9 млн тонн риса — на 1,1 млн тонн меньше, чем в предыдущем году. Это создавало проблемы в снабжении продовольствием не только населения, но и армии.

Продолжавшееся до лета — осени 1944 г. увеличение производства вооружения для армии, авиации и флота во второй половине года стало снижаться. Однако находившегося в войсках и на флоте и производимого вооружения было достаточно для продолжения военных действий на Тихоокеанском театре военных действий, а также в Китае. Значительные арсеналы оружия и склады боеприпасов и горючего находились и у границ Советского Союза — в Маньчжурии и Корее.

Хотя во второй половине 1944 г. японская экономика характеризовалась значительным снижением уровня производства, военно-экономический потенциал страны оставался еще довольно значительным. Достаточно указать, что за первое полугодие 1945 г. на японских заводах было, по различным данным, произведено от 9 до 11,7 тыс. самолетов. Даже накануне капитуляции в июле 1945 г. было выпущено более 1 тыс. самолетов[88].

Поражения в военных действиях пытались компенсировать увеличением численности вооруженных сил. В результате массового использования женского и детского труда в промышленности и сельском хозяйстве, а также рабского труда вывезенных в метрополию корейских и китайских рабочих стало возможным высвободить для мобилизации в 1944–1945 гг. дополнительные контингенты и довести состав вооруженных сил до 7,2 млн человек. В частности, в период с 1942 по 1945 г. на работах в рудниках в каторжных условиях трудились 120 тыс. насильственно вывезенных в Японию корейцев[89].

Увеличение численности вооруженных сил потребовало выделения дополнительных финансовых средств. В 1944/45 финансовом году расходы на войну по сравнению с предыдущим годом резко возросли — с 30,8 млрд до 75 млрд иен, то есть в 2,5 раза[90]. Это вызвало резкий скачок инфляции, усугубив и без того огромный дефицит платежного баланса страны. Японская валюта стремительно обесценивалась, приближая скорый крах всей финансово-экономической системы страны. Содержание армии и флота и поддержание на максимально возможном уровне военного производства разоряло государство.

Осуществление чрезвычайных мер по мобилизации страны для ведения тотальной войны вело к уменьшению до минимума производства в мирных отраслях экономики, и как следствие — обнищанию населения страны. На военные нужды направлялись практически все государственные средства. Военные расходы составляли более 90% государственного бюджета[91]. Неуклонно сокращалось сельскохозяйственное производство. Причиной снижения производства основного продукта питания — риса, а также других сельхозпродуктов

являлась нехватка удобрений, сельскохозяйственных машин, рабочей силы, что приводило к падению урожайности и уменьшению площади обрабатываемой земли. С 1941 г. в армию были призваны около 1 млн крестьян, в 1942 г. промышленный выпуск средств производства для сельского хозяйства сократился на 36%.

Не стимулировали производство продовольствия внутри страны и установленные правительством низкие закупочные цены. Сбор риса в стране в 1942 г. составил 66,78 млн коку (1 коку — 150 кг), в 1943 г. — 62,89 млн, в 1944 г. — 58,56 млн, 1945 г. — 39,15 млн[92]. Уже к февралю 1942 г. на всю страну была распространена система распределения риса, а затем введена частичная замена риса в пайке пшеницей, ячменем, а в 1943 г. — картофелем. Рыбы, которая занимала важное место в рационе японцев, выдавалось мизерное количество. Были введены строгие ограничения на потребление молока, мяса, сакэ, табака. Из-за нехватки молока рожденные в годы войны дети были слабыми и низкорослыми. Для того чтобы хоть как-то ослабить проблему наступавшего голода правительство развернуло кампанию по превращению в огороды городских парков и дворов, где надлежало выращивать тыкву, капусту, картофель. С августа 1944 г. еще больше обострилась ситуация со снабжением населения предметами первой необходимости. Стали дефицитными одежда, обувь, спички, мыло, свечи. За ними выстраивались очереди. В 1944 г. население было обеспечено одеждой лишь на 7,4% от уровня 1937 г.[93]

Поэтому надежды в плане поддержания хотя бы на минимальном уровне снабжения армии и населения возлагались в основном на незатронутые военными действиями Маньчжурию и Корею, которые в 1930–1940-е гг. были превращены в довольно мощную военно-экономическую и продовольственную базу. Достаточно сказать, что в период войны в Маньчжурии находилось 55% общих мощностей производства синтетического горючего[94]. По плану японского военно-политического руководства в связи с потерей индонезийских источников нефти в 1945 г. предусматривалось довести производительность маньчжурских заводов по производству синтетического горючего из угля и сланцев до 2 млн тонн[95].

В Маньчжурии производилось большое количество военной техники (самолеты, артиллерийское и стрелковое оружие, танки, автомобили и др.). В Японию вывозились из Маньчжурии железная руда, уголь, соевые бобы, а из Кореи — легкие металлы, вольфрам, ферросплавы и рис. Не случайно среди японских политических и военных лидеров в конце войны существовали «идеи» в случае высадки противника на Японские острова создать в Маньчжурии священную «империю Ямато» (древнее название Японии). В этом случае император и правительство должны были эвакуироваться в г. Чанчунь (с 1932 по 1945 г. — г. Синьцзин) — столицу созданного японцами в 1932 г. марионеточного государства Маньчжоу-Го и руководить оттуда войной.

Череда поражений, экономические трудности, вынужденный переход к стратегической обороне потребовали замены руководства страны. 18 июля 1944 г. решением императора прекратил свое существование развязавший войну на Тихом океане кабинет министров во главе с генералом Х. Тодзио. По существу, этой отставки добились хозяева японских монополий — «дзайбацу», которые опасались за свое будущее в случае поражения в войне. Поводом же явилось занятие американскими войсками острова Сайпан (Марианские острова), в 2 тыс. км от Японии, откуда бомбардировщики США могли совершать регулярные налеты на японскую метрополию.

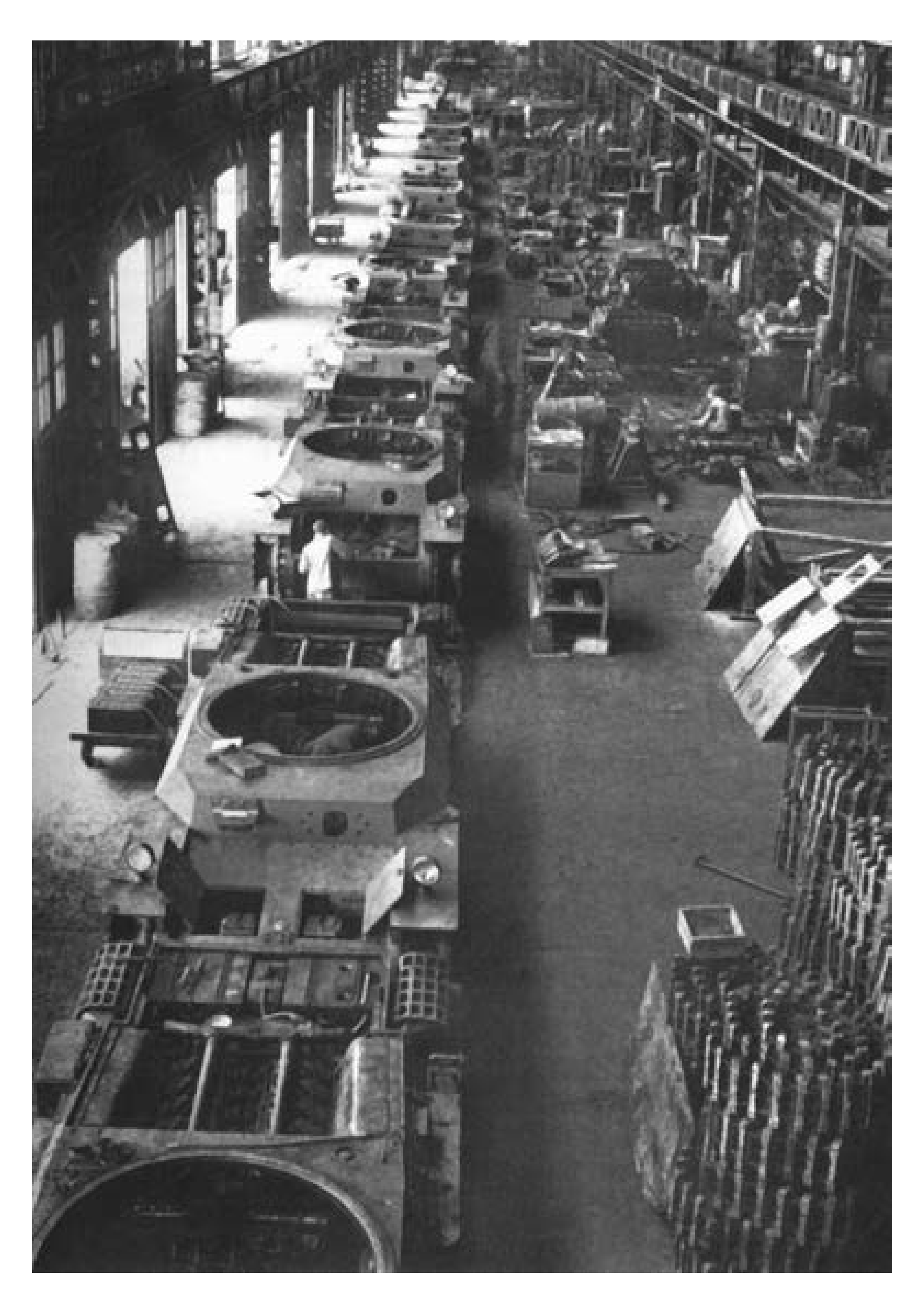
На смену кабинету Тодзио пришло правительство во главе с бывшим до этого генерал-губернатором Кореи генералом К. Койсо. Большинство министерских постов в новом кабинете было отдано близким к монополистическим кругам политикам. Однако это не означало, что военные утратили свое влияние на выработку политики. 7 ноября 1944 г. Койсо выступил по радио с обращением к нации. Не имея какой-либо конкретной программы вывода страны из грозящего крахом кризиса, премьер-министр прибег к риторике, заявив: «С точки зрения Японии и ее восточноазиатских союзников, эта война является священной войной самосохранения, восстановления Восточной Азии и установления всеобщего мира. Япония будет вести войну против Англии и США вечно, пока противник не откажется от цели, заключающейся в том, чтобы обратить в рабство или уничтожить восточноазиатские страны»[96].

Переброска плавающих японских танков

Японская танковая часть

Сборка танков на японском заводе

Свидетельством тому, что новое правительство хотело привлечь к руководству страной не только военные, но и политические круги, было решение ввести в состав кабинета лидеров распущенных в 1940 г. главных политических партий страны — Сэйюкай и Минсэйто. Страна столкнулась с ситуацией, когда истощались не только материальные, но и людские ресурсы. Дело дошло до того, что японское руководство было вынуждено распространить закон о воинской повинности на население колоний — Кореи и Тайваня.

В предвоенные годы в качестве одного из доводов в пользу экспансии на материк японские идеологи и пропагандисты использовали тезис о перенаселенности Японии, отсутствии «жизненного пространства». Однако через несколько лет войны страна стала испытывать острую нехватку рабочей силы. Это было связано в первую очередь с массовым призывом мужчин в армию и на флот. Если к началу войны на Тихом океане сухопутные войска насчитывали 2,4 млн человек, в конце февраля 1944 г. — 3,98 млн, что составляло 10% всего мужского населения или 17% трудоспособного мужского населения, то после снижения призывного возраста сначала до 18, а затем до 17 лет и повышения предельного возраста призыва до 45 лет на конец 1944 г. под ружьем было уже 5,36 млн, а в августе 1945 г. — 7,19 млн (свыше 20% всего мужского населения), в том числе 5,5 млн человек в сухопутных войсках.

В армию в качестве рядовых стали призывать имевших бронь ученых, инженеров, квалифицированных рабочих. Их места занимали женщины и подростки. С 1944 г. для работы в промышленности были мобилизованы 3 млн подростков в возрасте старше 11 лет, а также незамужние женщины в возрасте от 22 до 39 лет. Однако это не могло решить проблему нехватки рабочей силы — производительность наскоро обученных женщин и подростков была весьма низкой[97].

Оказавшись неспособным предотвратить стремительное ухудшение положения Японии на фронтах, 4 апреля 1945 г. кабинет Койсо подал в отставку. 6 апреля было создано правительство, получившее впоследствии название «кабинет окончания войны». Его возглавил бывший гофмейстер и доверенный советник императора Хирохито, председатель Тайного совета 78-летний адмирал К. Судзуки. По утверждению японских историков правого направления, новый кабинет должен был «как можно скорее принять меры по заключению мира»[98]. Однако в действительности тон в нем задавали армейские генералы, требовавшие во что бы то ни стало продолжения войны до победного конца. Незадолго до формирования кабинета Судзуки командование армии выдвинуло свои условия новому правительству:

«1. Вести до конца войну за Великую Восточную Азию.

2. Сформировать кабинет, который будет всемерно стремиться к объединению командований армии и флота.

3. Конкретно и без колебаний проводить разработанную армией политику достижения безусловной победы в решающем сражении за собственно Японию»[99].

Эти требования поддерживались императорским двором и лично главнокомандующим вооруженными силами страны императором Хирохито. 24 июля 1944 г. монарх одобрил планы продолжения войны, впервые включавшие боевые действия на территории собственно Японских островов. Затем Хирохито отдал премьер-министру распоряжение до последней минуты оставаться в столице и решать в зависимости от обстановки, переносить императорскую ставку на континент или нет. При этом он выражал готовность «хранить верность земле божественных предков и сражаться с врагом насмерть»[100].

С августа 1944 г. началось вооружение населения для отпора врагу при его вторжении на «священную японскую землю». Народ вооружали в основном пиками и холодным оружием. Повсеместно, включая школы и высшие учебные заведения, проводились ежедневные занятия по отработке приемов владения бамбуковыми копьями для защиты и нападения. В том же месяце на императорском совещании монарх утвердил курс на усиление мер по противовоздушной обороне и создание «оружия победы», под которым понималось производство «боеприпасов особого назначения», а именно самолетов и специальных торпед, управляемых смертниками.

5 августа 1944 г. для более тесной координации действий по управлению вооруженными силами и страной в целом был создан новый орган — Высший совет по руководству войной, на который возложена задача «формулировать основную политику для руководства войной и улучшать взаимодействие военной стратегии и политики в период войны»[101]. В состав нового совета входили премьер-министр, министр иностранных дел, военный и военно-морской министры, начальники генерального штаба армии и главного морского штаба, а также их заместители.

30 сентября 1944 г. на императорском совещании (годзэн кайги) была утверждена «Основная программа руководства войной», предусматривавшая укрепление обороны оккупированных территорий и метрополии, а также названа «последняя линия обороны» — от Курильских островов до территории Бирмы; Корея и Китай (с Маньчжурией) рассматривались как стратегический тыл[102]. В конце января 1945 г. всем командующим японскими силами на Азиатско-Тихоокеанском театре войны была разослана директива следующего содержания: «Императорская ставка предполагает сломить боевой дух врага путем разгрома американских сил вторжения и тем самым обеспечить надежную оборону империи с метрополией, находящейся в ее центре»[103].

Понимая, что союзники рано или поздно окажутся на ближайших подступах к Японским островам и, в конце концов, войдут на японскую территорию, императорская ставка решила превратить район Японии, Кореи, Маньчжурии и оккупированной части Китая в «неприступную крепость», чтобы вынудить противника нести большие потери при ее штурме, всеми силами затянуть войну, избежать безоговорочной капитуляции и добиться компромиссных условий мира. В качестве посредника в переговорах с США и их союзниками в войне против Японии в целях достижения такого мира Токио решил предпринять оказавшуюся безуспешной попытку использовать Советский Союз[104].

Однако с началом 1945 г. развитие военно-стратегической ситуации в Европе и Азии, денонсация 5 апреля советско-японского Пакта о нейтралитете, близившийся полный разгром Германии вынудили Японию кардинально пересмотреть свои планы войны и принять 8 апреля 1945 г. «Общий курс подготовки к решительным операциям» («Кэцу-го»), исходящий из необходимости активизации организации обороны Маньчжурии и Кореи. В соответствии с приказом генштаба японской армии от 30 мая 1945 г. главнокомандующим Квантунской группировкой войск О. Ямаде стали ускоренно готовиться войска и плацдармы для войны против СССР и США на континентальной части театра войны в Маньчжурии, Корее и собственно Китае. Согласовывались и увязывались планы взаимодействия между Квантунской группировкой, 17-м фронтом в Корее и Экспедиционными силами в Китае, которые в мае — июне 1945 г. получили приказ немедленно отправить в Маньчжурию четыре дивизии и части усиления, перебросить из ряда провинций Китая части охраны железнодорожных и шоссейных коммуникаций[105].

На заключительном этапе войны сухопутные войска Японии были сосредоточены в пяти стратегических группировках во главе с главнокомандующими: Южная группа армий (Индонезия, Филиппины, Индокитай и Бирма), Экспедиционные силы в Китае, Квантунская группировка войск в Маньчжурии, 1-я и 2-я объединенные армии национальной обороны в метрополии (имевшие соответственно три и два фронта). Кроме того, на Хоккайдо, Южном Сахалине и Курилах оборону занимали войска 5-го фронта, на отдаленных островных территориях действовали войска 8-го и на Тайване 10-го фронта. Объединенная воздушная армия включала четыре воздушные армии, в том числе по одной в Маньчжурии и Корее, и 10 авиадивизий. Военно-морские силы Японии имели в своем составе Объединенный флот, состоявший из десяти флотов, в том числе пяти авианосных, одного подводного, а также экспедиционный флот в Китае, флоты юго-восточного и юго-западного направлений, силы морской охраны и восемь военно-морских баз. В Маньчжурии действовала Сунгарийская речная военная флотилия[106].

Однако военно-политическая обстановка развивалась вопреки расчетам Токио. К весне 1945 г. американские войска вышли на подступы к собственно Японии — в феврале был

захвачен остров Иводзима (архипелаг Огасавара), а 1 апреля американцы высадились на острове Окинава. В стране развернулась подготовка к решающему сражению за метрополию.

Для строительства оборонительных сооружений в целях отражения десантов противника необходимо было принять закон об отчуждении земель, находившихся в частном владении. Он позволял военному командованию в целях обороны без ограничений использовать территорию страны и ее население[107].

19 апреля 1945 г. Высшим советом по руководству войной был принят документ «Общие принципы осуществления единой судовой и портовой администрации страны». При императорской ставке создавалась главная инспекция морского транспорта, в состав которой вошли представители сухопутных сил, военно-морского флота, министерства вооружений, министерства транспорта и связи, крупных судоходных компаний. Держать морские перевозки в одних руках было необходимо в первую очередь для организации в случае необходимости быстрой переброски воинских соединений и вооружения из Маньчжурии и Кореи, на которые возлагались большие надежды при планировании военных действий на собственно японской территории[108].

Для защиты «неприступной крепости», создаваемой на островах и материке, требовалось огромное количество войск. Хотя в результате регулярных призывов военнообязанных Япония поддерживала существенное преимущество над союзниками по общей численности сухопутных войск на театре войны (без учета китайского фронта, на котором соблюдался статус-кво), тем не менее в ставке и правительственных кругах заговорили о необходимости тотальной мобилизации всех, кто способен носить оружие. Более того, высший совет по руководству войной решил придать войне общенародный характер, создав японский вариант фольксштурма, названный Гражданским добровольческим корпусом. В корпус было обязано вступать «все население, кроме стариков, детей, калек, беременных и кормящих женщин»[109]. К августу 1945 г. в его составе уже числилось 28 млн человек, а из числа военнообязанных, зачисленных в корпус, были созданы боевые отряды, являвшиеся мощным резервом армии. Командующим Гражданским добровольческим корпусом стал премьер-министр.

На предприятиях и в районах существовали отдельно мужские и женские отряды. Добровольческий корпус должен был в случае ведения войны на Японских островах выполнять функции территориальной вспомогательной армии. При этом мобилизованных в корпус призывали к самопожертвованию ради победы. В своем выступлении перед руководством корпуса 13 мая 1945 г. премьер-министр К. Судзуки заявил, что «члены корпуса должны выполнять свою работу с таким же рвением, с каким части особого назначения «токко бутай» (смертники-камикадзе) выполняют свои задания на фронте»[110]. В сельской местности шло формирование Крестьянского трудового корпуса.

В соответствии с принятым парламентом Японии 22 июня 1945 г. «Законом о добровольной военной службе» в корпус могли призываться мужчины в возрасте от 15 до 60 лет и женщины от 17 до 40 лет. Призыв «добровольцев» и формирование отрядов осуществлялись на основе правительственного документа «О боевых отрядах Гражданского добровольческого корпуса». Накануне парламентом был принят закон о чрезвычайных мерах военного времени, опубликованный 21 июня 1945 г., согласно которому правительство получало право издавать любые распоряжения и принимать любые меры «по организации обороны» и пресечению «беспорядков»[111], невзирая на существовавшее ранее в стране законодательство[112].

Детальный план оборонительных операций на территории метрополии был принят Высшим советом по руководству войной еще 20 марта 1945 г., когда стало ясно, что США на перемирие не пойдут и следует ожидать вторжения американских войск на территорию собственно Японии и Кореи. Были намечены семь зон боевых действий: № 1 — в районе Хоккайдо, Карафуто (Южный Сахалин) и Тисима (Курильских островов); № 2 — в зоне Тохоку; № 3 — в зоне Канто; № 4 — в зоне Токай; № 5 — в зоне Кинки, Тюгоку и Сикоку; № 6 — в зоне Кюсю; № 7 — в зоне Кореи[113].

9 апреля 1945 г. императорская ставка утвердила уточненный план подготовки операций по обороне метрополии, согласно которому на территории страны были сформированы

оперативно-стратегические объединения — 1-я и 2-я объединенные армии национальной обороны в составе 57 пехотных и двух бронетанковых дивизий (1-я армия включала в себя войска 11, 12 и 13-го фронтов, а 2-я — 15-го и 16-го фронтов) и Объединенная воздушная армия[114].

Разработанный генштабом сухопутных войск план защиты метрополии под кодовым названием «Кэцу-го» вводился с момента высадки американских войск на основные острова Японии — Сикоку, Хонсю или Кюсю, которая, по расчетам японских военных специалистов, могла начаться не позже ноября 1945 г. И их предположения были верны — именно на 1 ноября американским командованием планировалась операция «Олимпик» по высадке на остров Кюсю.

План «Кэцу-го» включал в себя применение для отражения десанта всего оставшегося арсенала: самолетов, кораблей, всех видов огнестрельного оружия. Предполагалось использовать 5225 самолетов, пилотируемых камикадзе. Большинство из них должны были находиться в укрытиях, имея в баках топлива на полет в одном направлении — до места высадки противника. Летчики-камикадзе имели приказ топить транспортные суда и десантные баржи. Ставилась задача уничтожить как можно больше живой силы противника[115]. В случае если бы предотвратить высадку и продвижение противника в глубину страны не удалось, предусматривалось, по опыту сражения за Окинаву, вести оборонительные бои с использованием подземных убежищ и, отступив в горы, применять «тактику дождевого червя», нанося внезапные удары из укрытий[116].

Для монарха и высшего руководства вооруженными силами на период «решающего сражения» с 11 ноября 1944 г. в горах вблизи г. Мацусиро в префектуре Нагано (центральная Япония) шло интенсивное строительство огромного бункера с разветвленной системой туннелей. В выдолбленном в скальной породе убежище должны были разместиться император с семьей, обслуживающий персонал, генеральный штаб, службы связи. В качестве рабочей силы использовались около 10 тыс. корейцев, из которых за время работ 1,5 тыс. умерли. Несмотря на обнищание и голодное существование народа, на строительство императорской ставки в горах была выделена весьма крупная сумма — 200 млн иен.

Планами предусматривалось, что наряду с регулярной армией на защиту Священной Японской империи поднимется как один весь народ. Однако власти не могли недооценивать расширявшиеся антивоенные настроения простых японцев, которые жестоко подавлялись репрессивными органами. Свирепствовала цензура: летом 1944 г. «за пропаганду пацифизма» были закрыты популярные общественно-политические журналы «Кайдзо» и «Тюо корон». Проводились многодневные «учения по поимке шпионов», в ходе которых полиция и жандармерия осуществляли массовые проверки документов на улицах городов. Под строгим надзором находились все бывшие профсоюзные деятели, руководители и члены давно распущенных и разогнанных левых партий и организаций, ученые, деятели культуры. В 1944 г. жандармерия привлекла к ответственности за распространение «вредных слухов» 6233 человека[117].

В условиях роста стихийных антивоенных выступлений населения милитаристское правительство изыскивало пути подавления недовольства, «поддержания морального состояния населения». В январе 1945 г. были учреждены Комитет по укреплению внутреннего положения страны и Политический комитет Великой Японии с целью «обеспечения сотрудничества всех слоев населения в преодолении национального кризиса».

16 июня 1944 г. американская авиация совершила воздушные налеты на северную часть японского острова Кюсю. С этой бомбардировки для населения Японии наступил период, когда война, перестав быть «пожаром на другом берегу», пришла в их дом. По мере усиления массированных бомбардировок японских городов авиацией США в японском обществе рос пессимизм по поводу перспектив войны. Положение японской метрополии резко ухудшилось после того, как американцы, овладев весной 1945 г. расположенными в непосредственной близости от Японии островами, приступили к так называемым ковровым бомбардировкам городов Японии. В марте 1945 г. был совершен 91 массированный налет на японские города,

жертвами которых стали 147 тыс. человек. Только в ночь на 10 марта в Токио погибли свыше 83 тыс. человек и 41 тыс. человек были ранены. В налете участвовало 150 бомбардировщиков B-29, сбрасывавших в основном зажигательные бомбы. В результате было сожжено более 40% жилого фонда японской столицы, 180 тыс. семей остались без крова. Не меньший ущерб был нанесен и массированными бомбардировками Токио 13 апреля и 25 мая. Из 206 японских городов 98 были подвергнуты бомбардировкам и обстрелам корабельной артиллерией. Всего на острова собственно Японии было сброшено 160,8 тыс. американских бомб. При этом задача ставилась «сжечь частные дома и, по крайней мере, небольшие японские фабрики»[118]. В результате налетов было разрушено 2210 тыс. домов, что составляло около четверти жилого фонда Японии. Потери гражданского населения от авиационных бомбардировок и артиллерийских обстрелов составили по различным данным от 500 до 900 тыс. человек, что во много раз превышает число погибших в огне атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.

Основными объектами бомбардировок оказались не военно-морские и авиационные базы или сосредоточения войск, а города, на разрушение которых было израсходовано 65% всего бомбового тоннажа. Это делалось сознательно — главной целью бомбардировок являлось деморализующее воздействие на японский народ. Можно считать, что эта цель была в значительной степени достигнута[119]. Японские историки отмечают: «Существовали различия в восприятии войны между горожанами и сельскими жителями, теми, кто подвергался бомбардировкам и кто жил в отдаленной местности, между мужчинами и женщинами, стариками и молодежью. Однако фактом является то, что по сравнению с победным периодом начала войны с середины 1944 г. воинственный дух нации стремительно убывал»[120].

Вопреки утверждениям о том, что японская молодежь якобы в массовом порядке рвалась в отряды камикадзе с тем, чтобы «с радостью погибнуть за императора», в действительности, за исключением небольшого числа фанатиков, молодые японские летчики не хотели умирать, но были вынуждены вступать в спецотряды «токко бутай», дабы не потерять честь семьи и не прослыть трусом. Об этом свидетельствуют как признания оставшихся в живых камикадзе, так и предсмертные письма погибших летчиков своим родным. Камикадзе были не героями, а жертвами японского милитаризма. Зачисленных в спецотряды юнцов обрекали на бессмысленную гибель — на подготовку летчиков-смертников отводилось лишь 17 часов, после чего их ждала смерть. Какой-либо серьезной военной роли смертники сыграть не могли. Японское командование, обрекая на гибель тысячи молодых людей, преследовало цель убедить американцев в готовности нации «вести войну до последнего японца», что должно было заставить правительство США из опасений огромных жертв при высадке на Японские острова завершить войну на выгодных для Японии компромиссных условиях. Заместитель начальника главного морского штаба японских ВМС адмирал Т. Ониси заявлял о готовности бросить в сражение за метрополию 20 млн камикадзе. Имелись в виду не только летчики, но и все, кто держал в руках оружие. В ходу был придуманный пропагандой лозунг: «Сто миллионов погибнут как один!».

С тем чтобы убедить японцев пожертвовать собой в последнем сражении, милитаристская пропаганда запугивала их ужасами прихода американцев. Утверждалось, что в случае капитуляции Япония станет нацией рабов: женщины будут изнасилованы, мужчины убиты или отправлены на каторжные работы. Следует признать известный эффект такой пропаганды, ибо многие ей верили и выражали готовность сражаться до последнего. При этом сказывался фанатический национализм, умело привитый за годы психологической обработки и «промывки мозгов».

Вместе с тем весной 1945 г. большинство японцев уже не верили официальным правительственным сообщениям с обещаниями скорого изменения обстановки в пользу Японии. Многие перестали их читать и тайком слушали новости американских военных радиостанций, а также читали и передавали знакомым листовки, сбрасываемые с американских самолетов. Жандармы сбивались с ног, разыскивая и собирая эти листовки, изымали у населения подробные географические карты и коротковолновые радиоприемники. В народе началось брожение, которое остановить репрессиями становилось все труднее. К лету 1945 г. положе-

Американские бомбардировщики и истребители сопровождения держат курс на Японию

Американский бомбардировщик на фоне горы Фудзияма

Тела погибших при бомбежке жителей Токио

Аэрофотосъемка бомбардировки японского города Осака

ние населения Японии достигло критической точки: без крова остались 9,2 млн человек — 12% населения, 40% японцев из-за разрушений потеряли места работы, а значит, лишились всяких доходов, начался массовый исход горожан в деревни[121].

Однако император продолжал верить в необыкновенную «силу духа истинного японца, его способность на нечеловеческие усилия и беззаветное самопожертвование». Он воспринимал уверения генералов в том, что, несмотря на отсутствие нефти и ежедневные бомбардировки, шансы на победу не потеряны и необходимо дать «решающее сражение» с тем, чтобы враг осознал тщетность попыток завоевать божественную «нацию Ямато»[122].

В душе даже фанатично настроенные японские генералы понимали, что спасти Японию от оккупации может только чудо. И они весной 1945 г. на такое чудо всерьез рассчитывали. В Японии в строжайшей секретности с мая 1941 г. проводились исследования по созданию собственной атомной бомбы, которые были зашифрованы как «Проект Ни» — по первому иероглифу фамилии руководителя проекта ученика Нильса Бора японского профессора Ё. Нисины. Курировал проект начальник отдела науки и техники главного штаба ВВС, а затем начальник этого штаба генерал Т. Ясуда. С самого начала работы были затруднены из-за отсутствия в Японии урановой руды необходимого качества. Японцы даже обращались к А. Гитлеру с просьбой направить им такую руду.

Хотя генеральный штаб сухопутных сил Японии, подобно утопающему, хватался за соломинку и всячески подстегивал ученых, последние 22 июля 1945 г. вынесли неутешительный вердикт о том, что Япония не в состоянии быстро изготовить атомную бомбу. Однако японская военная верхушка до последнего уповала на новое «чудо-оружие», будучи готовой все ресурсы бросить на его скорейшую разработку.

Нельзя не учитывать и намерения японского правительства и командования в крайнем случае пустить в ход накопленное в огромных количествах химическое и бактериологическое оружие. В Японии существовали детально разработанные планы применения этого запрещенного международными конвенциями оружия массового уничтожения[123].

Несмотря на ухудшающуюся ситуацию, на заседании Высшего совета по руководству войной 6 июня вновь был подтвержден курс Японии на продолжение военных действий. В принятом на заседании решении указывалось: «Империя должна твердо придерживаться курса на затяжной характер войны, не считаясь ни с какими жертвами. Это не может не вызвать к концу текущего года значительных колебаний в решимости противника продолжать войну»[124]. В японской столице рассчитывали и на то, что путем проведения «мирной дипломатии» Японии удастся сохранить за собой Корею и Тайвань, избежать безоговорочной капитуляции, обеспечить сохранность в стране существующего режима во главе с императором и продолжать войну до тех пор, пока США и Великобритания не пойдут на уступки в определении условий перемирия.

Проведенные 6–8 июня заседания Высшего совета по руководству войной, сделанные в ходе них оценки и принятые решения окончательно определили курс на проведение «решающего сражения». И хотя участники совещаний несколько преувеличивали потенциал Японии, они всерьез рассчитывали упорным и самоотверженным сопротивлением армии и народа, нанесением противнику колоссального ущерба избежать капитуляции и добиться компромиссного мира.

Оценка военной мощи и морального состояния общества сводилась к следующему: «По мере ухудшения для Японии военной обстановки возникает все больше трудностей для вооруженных сил, транспорта, а также в производстве важнейших видов продукции; кроме того, ухудшается продовольственное положение в стране. Особого внимания требует состояние общественного мнения. Народ полон желания оказать сопротивление вторжению противника, однако у некоторых людей имеются другие настроения. Растет критика в адрес военного командования и правительства. Если так будет продолжаться и дальше, то это может привести к потере доверия к правящим кругам, а также к деморализации народа. Отдельные признаки указывают на то, что безответственные элементы стремятся использовать недовольство и совершить переворот»[125].

Летчики-камикадзе перед последним боевым вылетом

Японский аэродромный персонал провожает в последний вылет группу камикадзе

Японский камикадзе на истребителе атакует американский линкор

Оценка людских ресурсов: «Положение с людскими ресурсами благоприятнее, чем с материальными. Однако мобилизация и размещение людских ресурсов не соответствуют требованиям производства. При правильном перераспределении и повышении эффективности использования людских ресурсов они смогут удовлетворить требованиям войны. Но в дальнейшем на это нельзя возлагать особенно большие надежды в связи с тем, что возникает необходимость привлечь в армию большое количество людей с производства и из сельского хозяйства. Необходимо также учитывать проявление признаков снижения производительности труда, вызванное условиями войны, а также ухудшение общего физического состояния населения».

Транспортные возможности и связь: «Общий тоннаж используемых паровых судов быстро снижается и в настоящее время составляет около 1 млн тонн. Значительные трудности вызываются недостатком топлива, увеличением потерь и повреждений от действий противника, снижением возможностей в обработке грузов и т. д. Если в ближайшее время Япония будет нести потери в тех же размерах, тоннаж используемых судов будет сведен к нулю. Что касается железнодорожного транспорта, то его возможности в настоящее время постепенно снижаются из-за изношенности подвижного состава и оборудования, а также в результате воздушных налетов. В дальнейшем предполагается усиление воздушных налетов на железные дороги. Даже если будут приняты все меры, возможности железнодорожного транспорта сократятся вдвое по сравнению с прошлым годом. Большие трудности испытывает связь из-за изношенности оборудования, неудовлетворительного положения с кадрами и воздушных налетов противника».

Материальные ресурсы: «Из-за трудностей, связанных с получением и перевозкой угля и железной руды, производство стали в настоящее время сократилось на 25% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года. Поставки каменного угля в восточные и западные районы страны значительно снизились из-за сокращения производства и перевозок. По мере возрастания интенсивности воздушных налетов повсеместно сократилось промышленное производство в основных индустриальных районах. Из-за сокращения поставок химического сырья с материка производство химической промышленности стало снижаться быстрыми темпами, что ставило под удар выработку легких металлов, синтетической нефти и прежде всего взрывчатых веществ. По мере израсходования запасов жидкого топлива к середине года создалось крайне напряженное положение, особенно с авиационным бензином. Нарушение путей сообщения и производства в результате усилившихся воздушных налетов, а также критическое положение с сырьем и топливом поставило в очень тяжелые условия производство современных видов вооружения, в частности самолетов».

Жизненный уровень народа: «Продовольственное положение в стране постепенно ухудшается. Хотя и осуществляются регулярные поставки продовольствия с материка, впредь необходим более жесткий контроль над распределением основных видов питания и ограничение потребления соли в предельно необходимых для организма нормах. В отдельных районах может возникнуть голод, а это, в свою очередь, чревато нарушениями общественного порядка»[126].

По итогам совещаний Высшего совета по руководству войной был выработан и принят документ «Основные принципы руководства войной». В нем закреплялось решение ведения войны до конца с тем, чтобы «сохранить государственный строй, защитить землю императора и обеспечить основы развития нации в будущем». В документе подчеркивалась необходимость «сосредоточить основные усилия императорской армии на создании в кратчайший срок надежной обороны империи, которая станет полем сражения. Дислокацию сил на других направлениях определить с учетом возможностей, обратив особое внимание на ведение войны против Соединенных Штатов Америки, которые рассматривать в качестве основного противника»[127].

Сосредоточение всех сил страны на сражении с американскими силами вторжения требовало проведения политики нейтрализации других противников. В связи с этим в документе выдвигалась задача «быть готовым к активному и настойчивому проведению дипломатических

акций, особенно в отношении Советского Союза и Китая, чтобы обеспечить благоприятные условия для ведения войны»[128].

Итак, с начала 1945 г., а наиболее активно — с наступлением весны, сразу после разгрома Германии, Япония вновь приступила к наращиванию своих вооруженных сил вблизи границ СССР, что, несомненно, вело к снижению ее возможностей удерживать позиции на других участках Азиатско-Тихоокеанского театра войны и создавало условия для активизации военных операций союзников по антияпонской коалиции.

Группировка японских войск в Маньчжурии, уже давно превратившаяся в самостоятельное стратегическое объединение вооруженных сил на крупном театре военных действий, опиравшаяся на мощный военно-экономический потенциал Северо-Восточного Китая, была значительно усилена. Если в 1944 г. ее части и подразделения привлекались к боям в районе Южных морей, то теперь они были сосредоточены на северо-востоке Китая. Существенно были увеличены запасы горючего, боеприпасов, продовольствия и т. д. На базе реорганизованной Оборонной Квантунской армии в мае 1945 г. была развернута 44-я полевая армия. С 30 мая по упомянутому выше решению императорской ставки из состава японских Экспедиционных сил в Китае были выведены четыре дивизии и по железным дорогам переброшены в Маньчжурию[129]. Находившимся в Китае частям и соединениям было приказано «перегруппироваться таким образом, чтобы максимально способствовать готовности японских войск... к действиям против советской группировки».

В конце июля 1945 г. японская императорская ставка пришла к окончательному выводу: для того чтобы увеличить мощь своих сил на маньчжурском плацдарме, необходимо перебросить туда как можно большее количество войск, действовавших в Китае, и соответственно сократить масштабы военных действий на китайском фронте[130]. 17 июля было дано указание о передислокации из Южной в Северную Корею 34-й армии, которая с 10 августа вошла в состав 17-го фронта[131]. В Корее и Маньчжурии в это время проводилась тотальная мобилизация местного и японского населения. Одних корейцев планировалось призвать 210 тыс. человек[132].

Войска Квантунской группировки (главнокомандующий генерал Ямада Отодзо) были сведены во фронтовые и армейские объединения, включавшие: три фронта (1-й, 3-й и с 10 августа — 17-й, Корейский), отдельную (4-ю) полевую армию (всего 42 пехотные и семь кавалерийских дивизий, 23 пехотные, две кавалерийские, две танковые бригады и бригада смертников, шесть отдельных полков), 2-ю и 5-ю (Корея) воздушные армии и базировавшуюся в Харбине Сунгарийскую военную флотилию. Кроме того, в распоряжении японского командования находились войска 250-тысячной армии Маньчжоу-Го и кавалерийские соединения японского ставленника во Внутренней Монголии князя Дэвана (Тонлопа). Общая численность группировки японских и марионеточных войск к августу 1945 г. превышала 1 млн человек. На вооружении она имела 6640 орудий и минометов, 1215 танков, 1907 боевых самолетов и 26 кораблей[133].

Наряду с этим японское командование в Маньчжурии предусматривало возможность использования жандармских, полицейских, железнодорожных и иных военизированных формирований, а также вооруженных отрядов резервистов-переселенцев.

Квантунскую группировку войск непосредственно обеспечивали силы японского флота, опиравшиеся на выдвинутые для действий в сторону материка базы в Северной Корее и на Ляодунском полуострове. В связи с относительной удаленностью Маньчжурии от метрополии и других японских фронтов на помощь Квантунской группировке в критический момент предусматривалось дополнительно перебросить японские войска Суйюаньской армейской группы и Северо-Китайского фронта Экспедиционных сил в Китае[134].

На Южном Сахалине и Курильских островах к 1945 г. дислоцировалась часть соединений 5-го фронта, штаб которого находился на острове Хоккайдо (три пехотные дивизии, отдельная смешанная бригада, отдельный пехотный и отдельный танковый полки). Не исключалось, что при определенных условиях ареной боевых действий мог стать и сам остров Хоккайдо[135].

Палуба американского авианосца после атаки камикадзе

Пилотируемый летчиком-камикадзе реактивный самолет-снаряд

В качестве стратегического резерва для действий на материке могли быть использованы многочисленные войска и крупные силы флота, находившиеся непосредственно в Японии. По сообщению штаба генерала Д. Макартура от 20 сентября 1945 г., численность только сухопутных японских войск на 15 августа составляла в метрополии 2 млн 253 тыс. солдат и офицеров.

Военно-морские силы Японии по состоянию на 9 августа 1945 г. также представляли еще внушительную силу. В их составе имелось около 650 кораблей основных классов (в том числе 30 поврежденных), из них девять авианосцев и эскортных авианосцев (три поврежденных), четыре линейных корабля (два поврежденных), четыре тяжелых крейсера (два поврежденных), 10 легких крейсеров (два поврежденных), 45 миноносцев всех типов (15 поврежденных), 60 подводных лодок и до 200 торпедных катеров[136].

Непосредственно против советских Тихоокеанского флота и Северной Тихоокеанской флотилии, то есть на приморском направлении (район Сахалина и Камчатки), японское командование держало бóльшие силы своего флота, в том числе пять авианосцев, два линейных корабля, три тяжелых и три легких крейсера, практически все эскадренные миноносцы и торпедные катера.

Японские корабли были рассредоточены в главной базе Йокосука и других военно-морских базах собственно Японии: Вакканай, Румоэ, Хакодате (о. Хоккайдо), Оминато, Ниигата, Майдзуру, Симонесеки (о. Хонсю), Сасебо (о. Кюсю). Такое расположение определялось требованиями противовоздушной обороны, кроме того, оно обеспечивало быстрое сосредоточение значительных сил на избранном направлении.

Главная база флота противника в Японском море Майдзуру и главная база во Внутреннем Японском море Куре, а также база Сасебо могли быть использованы для действий против Тихоокеанского флота СССР. В непосредственной близости к советскому Приморью имелась широкая сеть военно-морских баз — Юки, Расин, Сейсин — в Северной Корее; Хакодате, Румоэ и Вакканай — на острове Хоккайдо; Отомари и Маока — на Южном Сахалине; Катаока — на острове Шумшу.

Японским командованием было намечено использовать в случае необходимости личный состав флота для операций на суше. Общая его численность составляла около 1,7 млн человек, из которых 1,3 млн дислоцировались в самой Японии[137]. Не менее 1 млн человек личного состава японского флота были приписаны к пунктам и базам, позволявшим произвести быстрое развертывание военно-морских сил против СССР. Многочисленный состав флота и авиации, широкая сеть базирования кораблей и самолетов, а также отсутствие активных военных действий в других районах создавали японскому командованию возможность быстрого сосредоточения в Японском море превосходящей группировки надводных кораблей для решения самостоятельных оперативных задач и содействия сухопутным войскам на приморских направлениях. Однако ее действия сковывались из-за острого дефицита топлива.

Равномерно вдоль всей территории собственно Японии располагались аэродромы. Распределение их по дуге, охватывающей подходы к Владивостоку и советскому Приморью, создавало благоприятные условия для сосредоточенных массированных действий японской авиации и для эффективного прикрытия ею своих морских коммуникаций, проходивших в Японском море вдоль западных берегов Южного Сахалина, островов собственно Японии и пересекавших Японское море (примерно по линии Майдзуру — Гензан) и проливную зону по линии Модзи — Фузан.

Широкая аэродромная сеть Маньчжурии и Кореи, а также собственно Японии позволяла организовать боевые действия и обеспечивала сосредоточение сил авиации на любом операционном направлении. К августу 1945 г. в Маньчжурии и Корее находились соответственно 2-я и 5-я воздушные армии, в которых насчитывалось около 2 тыс. самолетов (600 бомбардировщиков, 1200 истребителей, более 100 разведчиков и до 100 вспомогательных самолетов), но преимущественно устаревших конструкций[138]. Морская авиация противника, выделенная для действий против СССР, насчитывала около 500 бомбардировщиков, 1000 истребителей и 300 разведчиков.

Сунгарийская речная военная флотилия имела свыше 30 кораблей и катеров (пять канонерских лодок, 12 бронекатеров, 10 сторожевых кораблей), три полка морской пехоты с 50 десантными мотоботами и 60 десантными моторными лодками. Часть личного состава флотилии была из маньчжур, руководили флотилией японские офицеры. С начала войны базирование японских кораблей было перенесено в главную базу флотилии — Харбин.

Японская императорская ставка и генеральный штаб армии вместе со штабом Квантунской группировки войск приняли новый вариант оперативного плана, в котором в случае войны с СССР оборонительные действия предусматривалось вести лишь на первом этапе, а в последующем планировался переход в контрнаступление вплоть до вторжения на советскую территорию. Суть замысла японского командования состояла в том, чтобы упорной борьбой в укрепленных приграничных районах и на выгодных естественных рубежах измотать советские войска и не допустить их прорыва в центральные районы Маньчжурии и Корею[139]. Эту идею должны были реализовать войска прикрытия, составлявшие примерно одну треть сил всей японской группировки, включая армию Маньчжоу-Го, пограничные войска и часть полевых войск.

Японское командование, исходя из условий местности и дорожной сети, ожидало главного удара со стороны Приморья и основные силы своих войск сосредоточило на этом направлении. Наступление крупных сил советско-монгольских войск с территории Монгольской Народной Республики ввиду труднодоступной горно-пустынной местности, недостатка коммуникаций и сложности водоснабжения считалось практически невозможным. На этом направлении японских войск было сосредоточено сравнительно немного, и мощный удар Забайкальского фронта оказался для противника неожиданным.

Главные силы японских войск сосредоточивались в Центральной Маньчжурии и на первом этапе предназначались для ликвидации возможных прорывов советских войск путем проведения мощных контрударов по внутренним операционным линиям, сохраняя при этом компактность своей группировки. На маньчжурском направлении планировалось разгромить советские войска в пограничных районах Маньчжоу-Го. Предполагалось использовать обширные просторы и преимущества сложного рельефа Маньчжурии для того, чтобы не допустить прорыва советских войск в ее внутренние районы.

Согласно приказу ставки от 30 мая 1945 г., Квантунская группировка войск вела подготовку к тому, чтобы при ведении боевых действий против советских войск объединить усилия с японской Корейской армией. Ставилась задача разгромить противника на территории Маньчжурии, не допустить его продвижения южнее ЮМЖД, обеспечить оборону полосы укрепленных районов восточнее железной дороги Чанчунь — Дайрен и повернуть общий ход боевых действий в выгодную для Японии сторону. Чтобы обеспечить длительность и региональную автономность обороны, наряду с тесным взаимодействием между войсками, находившимися в метрополии и на континенте, предусматривалось ведение самостоятельных и изолированных боевых действий как в собственно Японии, так и в Китае и Маньчжуро-Корейском регионе. Поэтому материальные запасы в целях наибольшей надежности из всей Маньчжурии перемещались в северную часть Кореи[140].

В случае неблагоприятного исхода оборонительного сражения японское командование предусматривало отвести свои войска на рубеж Чанчунь — Мукден — Цзиньчжоу, а при невозможности закрепиться на этом рубеже — в Корею и организовать отпор на рубеже рек Тумыньцзян и Ялуцзян[141].

Значительные надежды возлагались на стойкость японских сухопутных войск в обороне, на массовое применение камикадзе, которые должны были заставить противника пойти на компромисс перед угрозой больших потерь в живой силе. Именно об этом свидетельствовал опыт вооруженной борьбы с американцами в боях за остров Окинава, 77-тысячный изолированный японский гарнизон которого в условиях абсолютного превосходства противника в воздухе и на море, при непрерывных бомбардировках и обстрелах корабельной артиллерии почти три месяца противостоял более чем полумиллионной группировке противника, потерявшей в конечном счете около 50 тыс. человек убитыми и ранеными[142].

Японские корабли в Токийском заливе

Спуск на воду японской торпеды, управляемой смертником

Военное командование Японии считало, что такой же упорной, длительной и кровопролитной будет вооруженная борьба и на маньчжурском направлении. Поэтому на требование Потсдамской декларации о капитуляции японское военно-политическое руководство ответило пропагандистскими мероприятиями среди войск и населения страны, направленными на разжигание фанатизма, готовности к жесточайшей схватке до последнего солдата. Так, командование обратилось к личному составу Квантунской группировки войск с призывом: «Пусть нам придется есть траву и грызть землю, но мы должны жестоко и решительно сразиться с врагом»[143].

Большая часть офицеров ставки выступала за продолжение войны, считая, что «основная масса сухопутных войск еще сохранена. Она вполне способна нанести мощный удар по противнику в случае его высадки на японскую территорию. Японские войска еще не участвовали в решительных сражениях». «Как же можно выбрасывать белый флаг, даже не начав сражаться?» — заявляли они[144].

Аналогичного мнения придерживался и главнокомандующий японскими Экспедиционными силами в Китае генерал Я. Окамура: «Капитулировать, не вводя в бой армию, численность которой составляет несколько миллионов человек, — позор, которому нет равного во всей военной истории»[145].

Руководство Японии полагало, что «против превосходящих по силе и подготовке советских войск» японская армия «продержится в течение года»[146]. Первый этап должен был продлиться около трех месяцев. Считалось, что только прорыв приграничной полосы долговременных укреплений займет у советских войск не меньше месяца. К концу первого этапа, по мысли японского командования, возможно продвижение до рубежа Байчэн — Цицикар — Бэйаньчжэнь — Цзямусы — Муданьцзян. Затем советским войскам потребуются еще три месяца, чтобы подтянуть тылы и подготовиться к операциям второго этапа по захвату остальной части Маньчжурии и Внутренней Монголии, на что должно было уйти примерно шесть месяцев. В течение этого времени японское командование рассчитывало перегруппировать силы, организовать контрнаступление и, восстановив положение, добиться почетных условий мира.

Большие надежды возлагались на организацию диверсионных (партизанских) отрядов, в состав которых входили и белоэмигранты, а также на отряды смертников. Сущность действий этих отрядов состояла в проведении систематических, небольших по масштабам, но значительных по результатам специальных операций на территории, которую удалось бы занять противнику[147].

Готовясь к военным действиям против СССР, японское командование рассчитывало использовать преимущества Дальневосточного ТВД (ДВ ТВД), включавшего обширные сухопутные территории Маньчжурии, Внутренней Монголии и Северной Кореи, Дальневосточный морской и Амурский речной театры, которые, резко отличаясь от других театров Великой Отечественной войны своими размерами и сложнейшими физико-географическими особенностями (сочетание горно-таежной, болотистой и пустынной местности при наличии развитой гидрографической сети к востоку от Большого Хингана), были мало знакомы советским войскам.

Только одна Маньчжурия занимала территорию в 1 млн 320 тыс. кв. км, равную по величине площади Германии, Италии и Японии вместе взятых. Общая же площадь сухопутной части ДВ ТВД составляла 1,5 млн кв. км. Эта огромная территория простиралась с севера на юг на 1500 км и с запада на восток на 1200 км. Общая же протяженность линии границы, вдоль которой были развернуты советские войска, насчитывала более 5 тыс. км, что на 2 тыс. км превышало протяженность всех фронтов Первой мировой войны.

Характер начертания советско-маньчжурской границы, длина которой достигала 3430 км, благоприятствовал японским войскам в случае развертывания ими наступательных операций, позволял им активно действовать по внутренним операционным линиям.

Особенностью военных действий являлось и то, что советские войска, развернутые в Приморье, находились в 3 тыс. км по линии границы от группировки войск противника, развернутой в восточной части Монгольской Народной Республики.

Театр военных действий против советских войск был оснащен системой оборонительных сооружений, пунктов базирования аэродромов, сетью коммуникаций. К августу 1945 г. в Маньчжурии и Корее было построено 20 авиабаз, 133 аэродрома, более 200 посадочных площадок — всего около 400 аэродромных точек с оперативной емкостью более 6 тыс. самолетов. На территории, занятой Квантунской группировкой войск, было расположено 870 крупных военных складов и хорошо оборудованных военных городков, рассчитанных на 1,5-миллионную армию. Вместе с ветками, отходившими от главных магистралей, общая протяженность железных дорог достигала здесь 14 тыс. км; в распоряжении Квантунской группировки было около 22 тыс. км автомобильных дорог[148].

Горно-лесистый характер маньчжурского плацдарма и обилие водных преград позволили японскому командованию создать мощную систему обороны вдоль границ СССР. К началу военных действий противник имел в приграничной полосе 17 укрепленных районов общей протяженностью по фронту 822 км (4500 долговременных огневых сооружений). Районы были оборудованы по последнему слову фортификационной науки и техники. Так, протяженность подземных галерей Сахалянского и Цикейского укрепленных районов, расположенных на берегу Амура, равнялась соответственно 1500 и 4280 м, а укрепления в нижнем течении Сунгари состояли примерно из 950 сооружений и 2170 м закрытых ходов сообщения. Каждый укрепленный район достигал 50—100 км по фронту и до 50 м в глубину. Он состоял из 3—7 узлов сопротивления, включавших 3—6 опорных пунктов. Узлы сопротивления и опорные пункты оборудовались, как правило, на господствующих высотах, а их фланги примыкали к труднодоступной горно-лесистой или лесисто-болотистой местности.

Во всех укрепленных районах были построены долговременные огневые сооружения с артиллерийскими и пулеметными огневыми точками, бронеколпаками, противотанковыми рвами, окопами и проволочными заграждениями. Помещения для личного состава, хранения боеприпасов и продовольствия, электростанции и линии электропередачи, системы водоснабжения и вентиляции находились глубоко под землей. Развитая сеть подземных ходов соединяла все оборонительные сооружения в единый комплекс[149].

Линия пограничных укреплений (первый оборонительный рубеж) выполняла функции полосы прикрытия, которая состояла из трех позиций: первая (глубиной 3—10 км) включала передовые узлы сопротивления и опорные пункты, вторая (3—5 км) — основные узлы сопротивления и третья (2—4 км) находилась в 10—20 км от второй позиции.

После линии пограничных укреплений следовали второй и третий оборонительные рубежи, состоявшие преимущественно из сооружений полевого типа. На втором рубеже (1-й фронт) находились основные силы фронта, а на третьем — фронтовые резервы[150].

Полоса прикрытия, на которой размещалась примерно треть войск, должна была обеспечить ведение сдерживающих боев и срыв наступления советских войск. Находившиеся в глубине основные силы Квантунской группировки предназначались для контрнаступления.

На Сахалине и островах Курильской гряды (близ Камчатки) также создавались мощные оборонительные позиции. По последнему слову фортификационного искусства был создан Котонский укрепрайон на Сахалине, береговые артиллерийские батареи содержались в железобетонных укрытиях, воинские гарнизоны располагались в долговременных сооружениях[151].

Значительными географическими особенностями отличался и Дальневосточный морской театр военных действий, протяженность которого в меридиональном направлении составляла около 4 тыс. миль (7,5 тыс. км). Одна из этих особенностей — закрытый и расчлененный характер отдельных районов театра. Действия советского Тихоокеанского флота могли вестись в пределах четырех полностью или в значительной мере изолированных бассейнов — Японском, Охотском и Желтом морях и в северо-западной акватории Тихого океана (Камчатский район). Эта особенность к началу войны имела весьма существенное значение, так как все проливы (Лаперуза, Сангарский, Цусимский) и Желтое море находились под контролем Японии. Тихоокеанским флотом контролировался лишь мелководный Татарский пролив, соединяющий Японское и Охотское моря.

Сказывалась и большая удаленность от других морских театров и центральных районов страны. Приходилось учитывать и большую растянутость театра по меридиану (от Корей-

ского полуострова до Берингова пролива — 30 градусов, что составляет около 4 тыс. миль), и относительно короткие поперечные расстояния. Так, от Владивостока до Петропавловска — 1290 миль, до Берингова пролива — около 2600 миль, до Порт-Артура — 1135 миль, а расстояние от Владивостока до японских военно-морских баз на островах Японского архипелага Хонсю и Хоккайдо — 430—500 миль. Как советское, так и японское побережья и сообщения на всем протяжении Японского моря находились в зоне действий авиации и легких сил флотов обеих сторон.

Большие глубины Японского моря позволяли обеим сторонам активно использовать военные суда всех классов. 1000-метровая изобата проходила здесь на расстоянии около 30 миль от береговой черты, а 200-метровая изобата — параллельно Приморью на расстоянии 10—20 миль, что создавало благоприятные условия для действий подводных лодок и ограничивало использование мин. Постановка их была возможна только непосредственно у побережья и в проливах.

Действия Краснознаменной Амурской флотилии развертывались на реках Амур (от истока до низовья), Уссури, Сунгач, Шилка, Зея, Бурея. Общая протяженность водного пространства операционной зоны флотилии превышала 4 тыс. км (без учета озера Ханка и р. Сунгари, контролировавшихся японцами). Важной особенностью Амурского речного театра военных действий являлось то, что на его протяжении от озера Ханка до села Покровки проходила государственная граница. Из 3430 км границы СССР с Маньчжурией 2700 км пролегли по рекам Амур, Аргунь, Уссури, Сунгач и по озеру Ханка. Таким образом, советская флотилия владела одним берегом, а противник — другим. Прилегающие к рекам местность и населенные пункты изобиловали укрепрайонами и другими оборонительными сооружениями.

С целью воспрепятствования продвижению кораблей Амурской флотилии вверх по р. Сунгари японское командование разработало план заграждений, согласно которому в узких и труднопроходимых для кораблей местах намечалось затопление судов и барж, груженных камнем. Однако быстрое продвижение кораблей Амурской флотилии вверх по реке не позволило противнику полностью реализовать этот план. Всего на фарватере было затоплено до 17 барж и буксиров.

Определенный расчет японское командование делало и на сложности климата в районах южнее и юго-восточнее дальневосточных рубежей России. Летнее время характерно для ДВ ТВД обилием дождей. В августе перед началом и в ходе военных действий прошли грозовые ливни, размывшие дороги и вызвавшие широкий разлив рек. До 80% дорог стали в первые дни войны непроходимыми. Все это создавало трудности для маневренных действий советских войск и сил, особенно флота и авиации. Для западного побережья Японского моря была характерна полоса туманов шириной 120—150 миль, а число туманных дней в июне — августе составляет 40—60%.

Таким образом, проведенные японским руководством мероприятия по мобилизации страны и вооруженных сил, а также условия Дальневосточного ТВД позволяли ему рассчитывать на упорный и длительный характер оборонительных действий против советских войск и сил и возможность не только удержать стратегически важные территории Маньчжурии и Кореи, но и, перейдя в контрнаступление, нанести противнику невосполнимый урон. А это, в свою очередь, призвано было создать условия для перевода сюда государственной инфраструктуры Японской империи в случае высадки в метрополии американских войск.

Планирование и подготовка советской кампании на Дальнем Востоке

Стремительное наступление советских войск на широких просторах Маньчжурии, в Северной Корее, на Сахалине и Курильских островах составило завершающую Дальневосточную кампанию Второй мировой войны, подведшую черту под полувековым этапом грабительских

войн и вооруженных конфликтов, которые вели японские милитаристы против народов Китая, Кореи, России и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Руководство СССР и Красной армии сделали все возможное для всесторонней подготовки советской группировки войск на Дальнем Востоке к началу войны против Японии, включая значительное ее усиление за счет имеющих боевой опыт войск, освободившихся на советско-германском фронте. В этих целях была проведена беспрецедентная по масштабам межтеатровая стратегическая перегруппировка войск и сил, потребовавшая привлечения к ее организации пристального внимания со стороны не только военных, но и гражданских партийных, советских и хозяйственных органов управления.

До усиления своих войск на Дальнем Востоке СССР располагал 30 дивизиями и 19 стрелковыми бригадами против 24 дивизий и 42 бригад японцев, находившихся только в Маньчжурии и Корее. При этом следует учитывать, что средняя численность японской дивизии составляла примерно 18 тыс. человек, а советской — не более 10 тыс. человек. Поэтому для обеспечения необходимого для ведения решительного наступления превосходства в силах требовалось перебросить на Дальний Восток дополнительно хотя бы 30 дивизий.

В конце сентября 1944 г. Генеральный штаб Красной армии приступил в соответствии с решениями Тегеранской конференции лидеров «большой тройки» к предварительным расчетам по сосредоточению и материально-техническому обеспечению войск на Дальнем Востоке, необходимых для вступления в войну против Японии[152]. К этому обязывала и предстоявшая в октябре 1944 г. встреча И. В. Сталина с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем.

5 октября, накануне приезда Черчилля в Москву, Сталин получил от президента США Ф. Рузвельта письмо, в котором говорилось: «Я полностью принимаю те заверения по этому вопросу (войны против Японии. — *Прим. ред.*), которые Вы дали нам. Наши три страны ведут успешную войну против Германии, и, конечно, мы с не меньшим успехом можем объединиться в разгроме нации, которая является, я уверен, столь же большим врагом России, как и нашим»[153].

Во встречах, которые состоялись в октябре, принимала участие и американская сторона, но на уровне посла. На одном из заседаний 15 октября американский посол в СССР А. Гарриман и глава военной миссии США в Москве Дж. Дин поставили перед советским политическим и военным руководством следующие вопросы:

«1. Через сколько времени после окончания войны с Германией русские объявят войну Японии?

2. Сколько времени понадобится русским, чтобы начать активные наступательные действия?

3. В какой мере Транссибирская магистраль может быть использована для накопления стратегических военно-воздушных сил?

4. Возможно ли в настоящее время заключить соглашение о создании русских стратегических военно-воздушных сил и обучении их личного состава при условии, что американский Объединенный комитет начальников штабов согласен выделить необходимые для этого самолеты?»[154]

На следующий день союзники получили ответы на три первых вопроса. Они носили откровенный и исчерпывающий характер и обосновывались соответствующими расчетами. А последние строились исходя из того, что для переброски на Дальний Восток 30 дивизий необходимо было не менее тысячи воинских эшелонов. В то время Транссибирская магистраль могла пропустить в сутки 36 эшелонов, из которых 26 можно было отвести под военные грузы. Следовательно, для переброски 30 дивизий требовалось не менее 2,5—3 месяцев, после чего считалось возможным начать наступательные действия, но при условии, если западные союзники не позволят японцам усиливать войска, находившиеся в Маньчжурии и Корее. Однако и это было не все. Продолжительность военных действий против Японии советской стороной допускалась не более двух месяцев. Исходя из этого, на советско-американской встрече 17 октября 1944 г. были сделаны некоторые предварительные расчеты, суть которых сводилась к следующему: для обеспечения советской группировки войск (1,5 млн человек,

Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский (слева) принимает доклад командующего 39-й армией генерала И. И. Людникова

На полевых учениях перед войной с Японией

5 тыс. самолетов, 3 тыс. танков и 75 тыс. автомашин) двухмесячным запасом продовольствия и другими видами материальных средств потребуется переброска более 860 тыс. тонн сухих и 206 тыс. тонн жидких грузов.

Каждый фронт должен был создать у себя следующие запасы: боеприпасов 3—5 боекомплекта (Забайкальский фронт — 4—5), авиабензина — 30 заправок, автобензина — 2, дизельного топлива — 10, продовольствия и фуража (суточных доз) — шестимесячная потребность, а на Северном Сахалине, Камчатке и Чукотке — годичные запасы продовольствия[155].

Обеспечение такого объема перевозок было не под силу Транссибирской магистрали в отведенные сроки, поэтому советский Генштаб просил, чтобы грузы были доставлены из США сверх ранее принятой программы снабжения по ленд-лизу, и не в Мурманск, а через Петропавловск-Камчатский во Владивосток. При удовлетворении этих просьб советская сторона изъявила готовность начать боевые действия против Японии примерно через три месяца после капитуляции Германии[156]. Именно этими обстоятельствами объясняется то, что в соглашении, подписанном главами правительств СССР, США и Великобритании на Ялтинской конференции в феврале 1945 г., при подтверждении обязательств о вступлении Советского Союза в войну против Японии указывалось, что это может произойти лишь через два-три месяца после капитуляции Германии. Это был минимальный срок, необходимый для подготовки операции и переброски дополнительных сил и средств с Европейского театра военных действий на Дальний Восток. На Потсдамской (Берлинской) конференции в июле 1945 г. советская сторона еще раз подтвердила свое решение, что было встречено союзниками с удовлетворением[157].

Политическое и военное руководство СССР, безусловно, отдавало себе отчет в том, с какими трудностями придется столкнуться в ходе проведения столь крупной по размаху стратегической межтеатровой перегруппировки войск. Во-первых, перегруппировка началась в то время, когда еще не закончилась война с Германией, которая приковывала к себе главные силы советских войск. Во-вторых, предстояло перебросить на 9—12 тыс. км с соблюдением строжайших мер предосторожности и скрытности большие массы войск. В-третьих, осуществить это надо было в короткие сроки и в условиях слабо развитой железнодорожной и автомобильной сети на востоке страны[158]. В-четвертых, не исключалась вероятность начала военных действий со стороны японцев против находившейся в стадии развертывания советской группировки войск.

В марте 1945 г., когда Генеральный штаб еще разрабатывал план войны против Японии, командующие войсками Дальневосточного фронта и Приморской группой войск (в последующем это были соответственно 2-й и 1-й Дальневосточные фронты) получили указание быть в полной боевой готовности к отражению возможного внезапного нападения японских вооруженных сил на Советский Союз[159]. В директиве командующему войсками Забайкальского фронта маршалу Р. Я. Малиновскому также указывалось на реальную опасность перехода Квантунской группировки войск в наступление на территории Забайкалья и Монгольской Народной Республики с целью помешать сосредоточению войск фронта. В связи с этим Забайкальскому фронту предписывалось не допустить вторжения противника и прикрыть сосредоточение новых сил[160].

Перегруппировка войск и техники затруднялась и отсутствием необходимого опыта. А начинать преодолевать все эти и другие трудности надо было с увеличения пропускной способности Транссибирской железнодорожной магистрали. Это поставило перед советским военно-политическим руководством весьма непростую задачу: как при недостатке подвижных средств в короткие сроки, а главное — скрытно от противника осуществить массовую перевозку войск с запада на восток. 13 апреля 1945 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление «Об улучшении работы железных дорог Дальнего Востока», в соответствии с которым был образован специальный округ железных дорог Дальнего Востока для руководства Восточно-Сибирской, Забайкальской, Амурской, Дальневосточной и Приморской железными дорогами. Начальником вновь образованного округа был назначен заместитель наркома путей сообщения В. А. Гарнык, к работе привлекались значительные

силы подготовленных железнодорожных кадров. Локомотивный парк на дорогах округа к 1 июля должен был составить свыше 3 тыс. паровозов.

В исключительно короткие сроки были проведены следующие мероприятия: завершено строительство кругобайкальского железнодорожного обхода Иркутск — Слюдянка, однопутной железнодорожной линии Комсомольск — Советская Гавань, автомобильной дороги Иркутск — Улан-Удэ; развиты Челябинский и Омский железнодорожные узлы; увеличена пропускная способность Омской, Томской и дальневосточных железных дорог; сооружены 13 дополнительных разъездов на однопутной железнодорожной линии Карымская — Борзя — Баин — Тумэн, служившей основной коммуникацией Забайкальского фронта, что в 2,5 раза повысило пропускную способность этого участка; подготовлены выгрузочные районы и развиты железнодорожные станции Борзя, Свободный, Березовский, Биробиджан, Гродеково и другие; через некоторые реки предусматривалось сооружение паромных железнодорожных переправ на случай возможного разрушения мостов; был разработан вариант использования Байкала в качестве водной коммуникации[161].

Принимались и другие меры по обеспечению ритмичной работы транспорта с тем, чтобы повысить суточную пропускную способность некоторых участков дорог с 12 до 32 пар поездов: заменялись изношенные рельсы, сгнившие шпалы, укреплялось земляное полотно дороги, проходящей по берегу Байкала, ремонтировались аварийные тоннели, строились новые разъезды. На Амурской, Дальневосточной и Приморской железных дорогах формировалось дополнительно около 80 различных восстановительных поездов и летучек[162]. Ввиду того что Транссибирская магистраль являлась единственной железной дорогой, обеспечивавшей перевозку войск, вооружения, боеприпасов, техники и необходимых запасов материального снабжения для всех трех фронтов, Тихоокеанского флота и Амурской флотилии, она была передана в ведение Главного командования советских войск на Дальнем Востоке на всем протяжении от Иркутска до Владивостока. Руководство линейными и полевыми органами военных сообщений всех трех фронтов возлагалось на начальника военных сообщений оперативной группы тыла. Для фронтов были выделены отдельные железнодорожные участки, ответвляющиеся от Транссиба.

Таким образом, в ходе развернувшейся перегруппировки войск сложилась довольно стройная система руководства и эксплуатации железных дорог, что, в свою очередь, позволило в целом справиться с задачей по ее осуществлению. Генеральный штаб, под непосредственным контролем которого происходила перегруппировка, принял жесткие меры по максимальному уплотнению загрузки эшелонов и сокращению для каждой перевозимой части количества подвижного состава.

Детальными расчетами по переброске войск на Дальний Восток Генеральный штаб начал усиленно заниматься, по свидетельству маршала А. М. Василевского, только после Ялтинской конференции, хотя довольно подробные указания о подготовке транспорта председатель Государственного Комитета Обороны дал наркому путей сообщения еще в январе 1945 г.[163] Перед осуществлением массовой переброски войск с запада на восток был проведен и ряд других важных и крайне необходимых мероприятий. Так, 14 марта 1945 г. ГКО принял решение усилить противовоздушную оборону Дальнего Востока и Забайкалья. К концу апреля на Дальнем Востоке были развернуты три армии ПВО: Забайкальская, Приамурская и Приморская. В период перегруппировки они прикрывали железные дороги у района сосредоточения войск, а затем — тыл и войска фронта.

Общее руководство перегруппировкой осуществлялось с самого начала Ставкой Верховного главнокомандования, Генеральным штабом Красной армии, а также — на разных этапах и в пределах своей компетенции — командующим и штабом Военно-воздушных сил, органами Центрального управления военных сообщений, управлениями тыла вооруженных сил.

В конце февраля — марте 1945 г. Генеральный штаб утвердил планы по развертыванию войск на Дальнем Востоке и по их материально-техническому обеспечению. Средства материально-технического обеспечения стали перебрасываться на Дальний Восток с февраля[164].

В ночь на 1 апреля началась переброска по железной дороге полевого управления Резервного (бывшего Карельского) фронта. Специальный поезд был отправлен из Ярославля через Москву по маршруту Горький — Пермь — Свердловск — Хабаровск под личным контролем начальника Генерального штаба генерала А. И. Антонова. 13 апреля управление фронта прибыло к месту назначения в г. Ворошилов-Уссурийский и возглавило Приморскую группу войск, которая имела в то время в своем составе три общевойсковые (35-ю, 1-ю Краснознаменную, 25-ю) и одну воздушную (9-ю) армии. Командующим Приморской группой войск был назначен Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, который имел богатый опыт организации и ведения операций в похожих условиях местности. Кроме того, он хорошо знал приморско-маньчжурское направление, так как ранее служил на Дальнем Востоке.

В конце апреля Ставка Верховного главнокомандования окончательно утвердила для перегруппировки номера армий, имевших опыт ведения боевых действий в условиях, сходных с Дальневосточным театром военных действий, а в первых числах мая началась их отправка на восток, хотя решение о широкой переброске соединений Государственный Комитет Обороны принял гораздо позднее — 3 июня.

Массовая перегруппировка войск началась переброской из Восточной Пруссии 5-й общевойсковой армии под командованием генерала Н. И. Крылова, который также хорошо знал условия Дальнего Востока. Кроме того, армия имела богатый опыт по прорыву и штурму укрепленных районов и, что немаловажно, по ведению боевых действий в лесистой местности. В общей сложности погрузка, следование по маршруту от Инстербурга через Каунас, Ярославль, Киров, Пермь, Свердловск, Омск до района выгрузки (110 км севернее г. Ворошилов), а также разгрузка заняли 50 суток (22 апреля — 10 июня)[165]. Армии потребовалось 110 железнодорожных эшелонов. Всего в Приморскую группу войск прибыло из Восточной Пруссии, Чехословакии и Прикарпатья более 70 соединений и частей.

Гораздо большее количество войск поступило в состав Забайкальского фронта. Для переброски 39-й армии под командованием генерала И. И. Людникова из Восточной Пруссии потребовалось также 110 эшелонов и 56 дней. Начав погрузку 12 мая, соединения армии 4 июля завершили разгрузку и сосредоточились в районе монгольского г. Чойбалсан, где пополнялись личным составом, доукомплектовывались боевой техникой и вооружением. По мере готовности части и соединения армии своим ходом совершали марш на расстояние 250–330 км и к 16 июля развернулись в районе Тамцаг-Булака.

В состав Забайкальского фронта были также перегруппированы две армии из Чехословакии, имевшие большой опыт боевых действий в степной и горно-лесистой местности. Хорошо укомплектованной личным составом, боевой техникой и автотранспортом, боеприпасами и другими материальными средствами 53-й армии генерала И. М. Манагарова для перегруппировки потребовалось 120 эшелонов и 56 суток: погрузка заняла 20 дней (1–20 июня), с 30 июня по 26 июля эшелоны разгружались в районе г. Чойбалсан, откуда по мере прибытия направлялись своим ходом в районы сосредоточения. В среднем соединения армии находились в пути 30–40 суток при скорости движения эшелонов 200–265 км в сутки. Перегруппировка 6-й гвардейской танковой армии под командованием генерала А. Г. Кравченко также из Чехословакии сначала по железной дороге 92 эшелонами, а затем и своим ходом на расстояние до 300 км продолжалась 62 дня, в том числе девять суток колоннами по территории Монголии, преимущественно по ночам[166]. К 21 июля в Читу прибыло полевое управление 2-го Украинского фронта под командованием маршала Р. Я. Малиновского. Руководящий состав полевого управления возглавил Забайкальский фронт.

Параллельно с перегруппировкой крупных объединений шел большой поток оперативных эшелонов с артиллерийскими, инженерными, танковыми соединениями и частями из Прибалтики, Восточной Пруссии, Польши, Германии, Чехословакии. Различные грузы поступали не только до начала кампании, но и в ходе уже начавшихся военных действий.

Таким образом, основная масса войск перебрасывалась с запада на восток в течение трех месяцев, начиная с мая 1945 г. За этот период по единственной Транссибирской железнодорожной магистрали на Дальний Восток из европейской части территории СССР на расстояние

Погрузка в порту артиллерийских частей, отправляющихся на фронт

Сосредоточение войск на границе с Маньчжурией

9–12 тыс. км было переброшено два фронтовых и четыре армейских управления, 15 управлений стрелковых, артиллерийского, танкового и механизированного корпусов, 36 стрелковых, артиллерийских и зенитно-артиллерийских дивизий, а также 53 бригады основных родов сухопутных войск, два укрепленных района, что составило в общей сложности 30 расчетных дивизий. Кроме того, прибыли управления 6-го бомбардировочного авиационного корпуса и пяти авиационных дивизий, поступили три корпуса ПВО территории страны.

Всего в период подготовки к войне с Японией на Дальний Восток и в Забайкалье поступило с запада около 136 тыс. вагонов с войсками и грузами, из них оперативные перевозки заняли около 85 тыс. вагонов (или 63%), снабженческие — более 50 тыс. (или 37%) вагонов[167]. Темп оперативных перевозок с апреля по сентябрь составил в среднем около 10 эшелонов в сутки, причем с апреля по июль он постоянно возрастал и в июле достиг 22 эшелонов в сутки, а затем вновь резко упал до 10 эшелонов. Среднесуточные скорости движения воинских поездов на дальневосточных железных дорогах составляли для оперативных эшелонов 506 км в июле и 430 км в августе, для воинских транспортов — соответственно 351 и 326 км[168].

Одновременно осуществлялась и внутритеатровая перегруппировка войск по водным и железнодорожным магистралям Дальнего Востока, а также комбинированными маршами на расстояние до 250–500 км. Она охватила еще до 30 стрелковых, кавалерийских и танковых дивизий, включая кавалерию Народно-революционной армии Монгольской Народной Республики[169].

Авиационные соединения и части в Забайкалье и на Дальний Восток перебазировались двумя способами: перелетом бомбардировочных и транспортных авиачастей и перевозкой по железной дороге материальной части и летного состава истребительной и вспомогательной авиации, наземных частей и подразделений боевого и тылового обеспечения.

В общем объеме оперативных перевозок значительное место занимали многочисленные части и учреждения. Еще в начале марта 1945 г. начальник Генерального штаба согласился с предложением Главного военно-санитарного управления перебросить на Дальний Восток 348 различных медицинских частей и учреждений[170].

С учетом того, что планировалось применение большого количества бронетанковых войск, необходимо было дополнительно сосредоточить 95 ремонтно-эвакуационных частей[171]. Для материального и технического обеспечения войск к началу кампании на Дальневосточном театре было развернуто около 400 различных складов, в том числе ГСМ — 96, артиллерийских — 66, авиационных — 41. Из этого общего количества 70 складов различного назначения прибыли из разных районов страны по плану централизованных перевозок, в том числе складов ГСМ — 14, артиллерийских — 12.

Сравнительно большое место в общем плане перегруппировки сил и средств занимали снабженческие перевозки. Так, в течение мая — июля было использовано для перевозок 23 746 вагонов, из них по централизованному плану — 3495, внутрифронтовые перевозки — 20 251.

Большое количество танков, САУ и самолетов-истребителей перебазировалось специальными эшелонами непосредственно с заводов Урала и Сибири. Значительная часть железнодорожных эшелонов из Прибалтики и центра страны направлялась на Дальний Восток кружным путем (через Турксиб) и по железным дорогам севернее и южнее Транссибирской магистрали до Новосибирска. Все это позволяло лучше регулировать поток оперативных эшелонов с войсками и боевой техникой, следовавших от Новосибирска до Владивостока[172].

Крупные перевозки осуществлял морской транспорт, который в процессе подготовки операции перебросил 38 тыс. военнослужащих и около 180 тыс. тонн воинских грузов. По рекам Амурского бассейна были перевезены около 9 тыс. солдат и офицеров, 83 тыс. тонн воинских и 140 тыс. тонн импортных грузов[173]. Импортные грузы доставлялись из Владивостока морскими судами в Николаевск, далее речными судами в Комсомольск или Хабаровск, откуда следовали по железной дороге.

В результате осуществленной перегруппировки советские войска на Дальнем Востоке были значительно усилены. В их состав дополнительно влилось свыше 100 соединений

различных родов войск, более 500 тыс. человек, 1500 танков, 840 САУ, 7500 артиллерийских орудий, 3600 минометов, 1400 боевых самолетов, а также почти 700 тыловых частей и учреждений[174].

Все мероприятия по перегруппировке войск и непосредственной подготовке их к операции проводились скрытно: к разработке планов операции привлекалось ограниченное число лиц; все внутрифронтовые перегруппировки осуществлялись только ночью; в районах сосредоточения и развертывания строго соблюдались меры маскировки войск и боевой техники; радиостанции вновь прибывших войск до утра 9 августа работали только на прием; режим мирного времени сохранялся на всем протяжении государственной границы. Однако скрыть такую мощную перегруппировку было практически невозможно, если учесть, что летом 1945 г. на Дальнем Востоке в движении на маршах, в эшелонах, на железнодорожных станциях находилось до 1 млн военнослужащих советских войск, десятки тысяч орудий, тысячи танков, автомашин и десятки тысяч тонн боеприпасов, горючего, продовольствия.

Пропустить такое мимо своего внимания японская разведка не могла. По свидетельству участника событий японского военного историка Т. Хаттори, «уже в марте 1945 г. штаб Квантунской группировки стал пристально наблюдать и добывать сведения о переброске русских по Транссибирской железной дороге и перелетах советских самолетов с запада на восток»[175]. В докладе главнокомандующего Квантунской группировкой войск четырехзвездного генерала О. Ямады на имя императора указывалось: «Начиная с апреля по июль наблюдалась усиленная скрытная переброска советских войск с запада на Дальний Восток и подготовка их к проведению наступательной операции»[176]. Но хотя японская разведка действовала активно, она, по показаниям пленных японских генералов и офицеров, не смогла выявить ни сроков, ни направлений главных ударов советских войск. И самое существенное — японское командование недооценило способность советских войск к быстрой перегруппировке на огромное расстояние в столь короткие сроки.

Вместе с тем, несмотря на огромные усилия, направленные на повышение пропускной способности транспортной сети восточноевропейских государств и некоторых участков Транссибирской магистрали с прилегающими к ней железными дорогами, ликвидировать узкие места в транспортном обеспечении перегруппировки до конца не удалось. Имели место большие скопления эшелонов с войсками и военной техникой в районах перехода на союзную колею на западе и в районах выгрузки, что снижало темпы и ритмичность перевозок.

И тем не менее по пространственному размаху, срокам осуществления и количеству переброшенных войск, вооружений, боевой техники и материальных средств это была беспрецедентная стратегическая перегруппировка. Осуществленные перевозки, по оценке главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке маршала А. М. Василевского, «не имели себе равных в истории Второй мировой войны и являлись поучительной стратегической операцией»[177]. В результате проведенной перегруппировки боевой состав советских войск на Дальнем Востоке и в Забайкалье к началу боевых действий против Японии возрос почти вдвое. В итоге за неделю до открытия военных действий советская группировка войск была готова к операциям. И когда 7 августа поступила директива Ставки, требовавшая вступления в войну не 11 августа, как планировалось ранее, а 9-го, она не застала дальневосточников врасплох.

Следует подчеркнуть, что народное хозяйство страны обеспечило развернутую на Дальнем Востоке мощную группировку войск всем необходимым, а это дало возможность осуществить крупнейшую стратегическую наступательную операцию на нескольких разобщенных направлениях.

Цели вступления Советского Союза в войну были многогранны: обеспечение безопасности своих дальневосточных рубежей, не раз подвергавшихся угрозе со стороны Японии; четкое выполнение союзнических обязательств; стремление приблизить окончание Второй мировой войны, которая продолжала приносить народам неисчислимые страдания; желание оказать помощь трудящимся Восточной Азии в их освободительной борьбе; восстановление

исторических прав СССР на территории, ранее незаконно отторгнутые Японией. Немаловажное значение среди гуманных целей вступления СССР в войну, как говорилось в заявлении советского правительства, имело стремление сократить жертвы союзников и самого японского народа, которые были бы неизбежны в противном случае[178].

Планом военных действий Вооруженных сил СССР на Дальнем Востоке предусматривалось проведение Маньчжурской стратегической наступательной операции, Южно-Сахалинской наступательной операции, Курильской десантной операции и неосуществленной десантной операции по овладению северной частью острова Хоккайдо до линии, идущей от г. Кусиро до г. Румоэ.

К участию в разгроме японской группировки привлекались силы трех фронтов, Тихоокеанский флот, Краснознаменная Амурская военная флотилия, три армии ПВО территории страны — Забайкальская, Приамурская и Приморская и войска монгольской Народно-революционной армии во главе с маршалом Х. Чойбалсаном.

Состав объединений Красной армии насчитывал 33 управления корпусов, 131 дивизию и 117 бригад основных родов войск. Вдоль сухопутных границ СССР был развернут 21 укрепленный район. Общая численность дальневосточной группировки советских вооруженных сил выросла только за последние три месяца с 1185 тыс. до 1747 тыс. человек, а количество расчетных дивизий — с 59,5 до 87,5[179]. На вооружении у них было 1 394 544 единицы основного стрелкового вооружения, 29 835 орудий и минометов, 5250 танков и САУ, 5171 боевой самолет, 93 боевых корабля основных классов, 58 800 грузовых автомашин и 10 993 трактора и тягача[180]. Средняя укомплектованность личным составом всей группировки была доведена до 87,7% к их штатной численности. По видам вооруженных сил она достигала: в сухопутных войсках — 86,3%, в военно-воздушных силах — 89,7%, в военно-морских силах — 95,1% и в войсках ПВО страны — 93,6%[181]. Это была самая высокая укомплектованность советских войск за все годы Второй мировой войны.

Общее руководство военными действиями в Дальневосточной кампании осуществляло Главное командование советских войск на Дальнем Востоке во главе с Маршалом Советского Союза А. М. Василевским, замечательным военачальником, с июня 1942 г. возглавлявшим Генеральный штаб. Почти всю войну он провел в качестве представителя Ставки Верховного главнокомандования на действующих фронтах, координируя операции Красной армии против немецко-фашистских войск. Это позволило маршалу приобрести неоценимый опыт управления войсками, создало ему заслуженный авторитет среди солдат и офицеров. Однако наиболее полно полководческий талант А. М. Василевского раскрылся именно в кампании на Дальнем Востоке.

К началу военных действий здесь были сосредоточены 11 общевойсковых, одна танковая и три воздушные армии. Советские войска имели в готовности ударную группировку численностью более 1,7 млн человек, около 30 тыс. орудий и минометов, свыше 5200 танков и самоходных артиллерийских установок, более 5 тыс. боевых самолетов. В готовности к боевым действиям находились также корабли Тихоокеанского флота, которым на протяжении всей войны командовал адмирал И. С. Юмашев, и Краснознаменной Амурской флотилии под командованием контр-адмирала Н. В. Антонова[182]. От монгольской Народно-революционной армии в операциях участвовали четыре кавалерийские дивизии, бронебригада, танковый и артиллерийский полки, авиационная дивизия[183].

Для координации действий военно-морских сил на Тихоокеанском ТВД во Владивосток прибыл народный комиссар Военно-морского флота СССР адмирал флота Н. Г. Кузнецов. Действия авиации координировал командующий Военно-воздушными силами главный маршал авиации А. А. Новиков. Для руководства тылом советских войск, действовавших на Дальнем Востоке, была создана оперативная группа Управления тыла Красной армии под руководством генерала В. И. Виноградова. В состав этой группы были включены представители от центральных управлений: Управления военных сообщений, Главного автомобильного управления, Главного дорожного управления и ряда других служб. Оперативная группа подчинялась непосредственно главнокомандующему войсками на Дальнем Востоке.

Советские войска по численности личного состава на Дальнем Востоке ненамного превосходили японские, но они были значительно лучше оснащены в техническом отношении, чем войска противника. Квантунская группировка войск по количеству и качеству боевой техники многократно уступала советским войскам, сосредоточенным на направлениях главных ударов, в первую очередь это относилось к танковым войскам, которые сыграли выдающуюся роль в разгроме группировки противника.

В Маньчжурской стратегической наступательной операции Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные фронты имели 5250 танков и самоходно-артиллерийских установок. До этого такие мощные танковые группировки создавались лишь в Висло-Одерской и Берлинской наступательных операциях. Наибольшее количество танковых войск имел наносивший главный удар Забайкальский фронт. В танковую группировку этого фронта входили: танковая армия, две танковые дивизии, пять танковых, механизированная, броневая бригады, два отдельных танковых полка, три самоходно-артиллерийских полка, восемь отдельных танковых батальонов и 29 самоходно-артиллерийских дивизионов, насчитывавших 2359 танков и САУ[184].

Главной ударной силой Забайкальского фронта являлась 6-я гвардейская танковая армия генерала А. Г. Кравченко. В армию кроме танкового и двух механизированных корпусов входили две мотострелковые дивизии, две самоходные артиллерийские бригады, четыре отдельных танковых батальона и два отдельных самоходных артиллерийских дивизиона. Всего она имела 1019 танков и САУ, 1153 орудия и миномета, 188 бронемашин и 948 мотоциклов. По сути, это было механизированное армейское объединение[185].

В состав 1-го Дальневосточного фронта входили такие крупные силы танковых войск, как механизированный корпус, 11 отдельных танковых бригад, 12 танковых и самоходно-артиллерийских полков, 30 самоходно-артиллерийских дивизионов, насчитывавших 1974 танка и САУ.

2-й Дальневосточный фронт имел девять отдельных танковых бригад, несколько отдельных танковых батальонов и самоходных артиллерийских дивизионов, насчитывавших 917 танков и САУ[186].

Тихоокеанский флот СССР численно уступал японскому флоту, особенно в крупных надводных кораблях. Однако в период, предшествовавший началу военных действий против Японии, были проведены мероприятия по увеличению состава флота с учетом характера предстоявших действий. К августу 1945 г. Тихоокеанский флот получил свыше 100 новых кораблей, в том числе два крейсера, построенных на верфях Дальнего Востока.

За два с половиной месяца до начала военных действий на флот по ленд-лизу стали поступать корабли из США. К сожалению, из предусмотренных соглашением 280 кораблей к середине августа прибыло только 10 фрегатов, 36 тральщиков, 20 охотников за подводными лодками, 30 десантных судов и три плавучие мастерские[187].

Тихоокеанский флот располагал подготовленной системой базирования, в частности военно-морскими базами Владивосток (главная), Владимиро-Ольгинская, Петропавловск-на-Камчатке, Советская Гавань, Де-Кастри и другими.

В войну с Японией Тихоокеанский флот вступил, насчитывая около 460 боевых кораблей и катеров. Надводные силы флота имели: крейсеров — 2, лидеров — 1, эскадренных миноносцев — 12, сторожевых кораблей типа «Фрегат» — 10, сторожевых кораблей типа «Метель» — 6, сторожевых кораблей типа «Альбатрос» — 1, сторожевых кораблей типа «Дзержинский» — 2, мониторов — 2, минных заградителей — 10, тральщиков — 52, торпедных катеров — 204, больших охотников — 22, малых охотников — 27, десантных судов — 19. Подводные силы состояли из подводных лодок типа «Л» — 11, типа «Щ» — 37, типа «С» — 2, типа «М» — 28.

Противолодочная оборона флота, ее маневренные и позиционные средства имели 133 вымпела специальных кораблей противолодочной обороны (больших и малых охотников, сторожевых катеров) и 27 кораблей, которые могли быть успешно использованы для противолодочной обороны, в их числе сторожевые корабли типа «Ф» — 10 вымпелов, тральщики типа «АМ» — 12, тральщики типа «ВМС» — 5.

На Тихоокеанском флоте была сосредоточена третья часть всей ударной авиации ВМФ страны. Военно-воздушные силы флота состояли из трех полков бомбардировочной авиации, четырех полков штурмовой авиации, четырнадцати полков истребительной авиации, пяти полков разведывательной авиации и четырех полков минно-торпедной авиации.

Всего авиация Тихоокеанского флота насчитывала 1597 самолетов различных типов: истребителей — 669, бомбардировщиков — 201, торпедоносцев — 179, штурмовиков — 256, разведчиков — 208, транспортных самолетов — 7, учебных самолетов — 67 и др. Соотношение примерно один к одному ударной и истребительной авиации отражает общую направленность, существовавшую на Тихоокеанском флоте и выражавшуюся в органическом сочетании наступательных и оборонительных сил и средств.

Береговая оборона насчитывала 167 береговых батарей калибром от 45 мм до 356 мм. Они были распределены вдоль побережья так, что прикрывали подходы с моря к военно-морским базам, особенно к главной базе. Расположение батарей позволяло одновременно эффективно использовать их и в системе противодесантной обороны. В этом отношении большое значение имели подвижные, в том числе железнодорожные батареи.

В состав Тихоокеанского флота кроме Северной Тихоокеанской военной флотилии входили Владивостокский морской оборонительный район и военно-морские базы со своими силами, военно-воздушные силы, соединения подводных лодок, отряд легких сил, соединения торпедных катеров и т. д.

Из перечисленного видно, что главными ударными силами флота являлись военно-воздушные силы и подводные лодки. Однако внушителен был и надводный флот, основную ударную мощь которого составляли торпедные катера. Обращает на себя внимание, что к началу войны в составе флота большой удельный вес по отношению к другим классам кораблей стал принадлежать тральщикам, вследствие чего Тихоокеанский флот теперь выгодно отличался от других флотов СССР.

Следует подчеркнуть, что с момента начала Великой Отечественной и до начала войны против Японии Тихоокеанский флот по личному составу почти полностью (на 91%) обновился[188]. Вместе с тем в значительной степени был обновлен и корабельный состав. Поэтому к началу боевых действий флот испытывал недостаток подготовленных и обученных кадров, в результате из-за недостатка экипажей не удавалось задействовать все новые самолеты. На малых кораблях-катерах в качестве командиров приходилось использовать старшин. С 9 августа по 3 сентября 1945 г. 34 старшины исполняли должности командиров катерных тральщиков.

Указанные трудности наряду со многими другими предъявляли к командованию и всему личному составу Тихоокеанского флота особые требования. Они заключались в том, чтобы своевременно внедрить на флоте и быстро освоить новую технику, оружие (радиолокацию, реактивные установки и т. д.) и новые формы и способы их применения. В результате проведенных мероприятий Тихоокеанский флот к началу войны против Японии был практически полностью подготовлен к решению предстоявших задач.

Участвовавшие в войне против японцев военно-воздушные силы в составе 9, 10 и 12-й воздушных армий имели следующие задачи: разгромить авиацию противника и завоевать господство в воздухе; надежно прикрыть главные группировки войск фронтов и тыловые объекты от налетов японской авиации; ударами по железнодорожным узлам, станциям, перегонам и эшелонам, а также по автоколоннам сорвать маневр резервами противника, не допустить их выдвижения к районам сражений; разрушением дотов, подавлением и уничтожением огневых средств и живой силы на поле боя поддерживать сухопутные войска при прорыве полосы укрепленных районов и развитии наступления в оперативной глубине; активными действиями по командным пунктам, штабам и узлам связи нарушать управление войсками противника; вести непрерывную воздушную разведку[189].

Перед Тихоокеанским флотом в соответствии со стратегическим замыслом ставилась задача надежно прикрывать наши порты и морские коммуникации и во взаимодействии с сухопутными войсками обеспечить окружение и разгром японских войск на маньчжурском

направлении, овладеть портами и военно-морскими базами противника в Северной Корее путем пресечения коммуникаций, связывавших их с Японией, и высадкой морских десантов. Одновременно тихоокеанцы должны были прочно оборонять Сахалин и полуостров Камчатку, в последующем совместно с сухопутными войсками очистить от японских войск Южный Сахалин и освободить Курильские острова. Кроме того, Тихоокеанскому флоту приказывалось не допустить действий японского флота против советского побережья и в случае необходимости совместно с сухопутными войсками и авиацией высадить десанты на территории собственно Японии (о. Хоккайдо).

Перед Амурской военной флотилией была поставлена задача содействовать войскам Красной армии в форсировании водных рубежей и в наступлении вдоль рек. Одновременно флотилия совместно с сухопутными войсками должна была пресекать попытки противника форсировать реки Амур и Уссури, обеспечивать по ним свои перевозки, по мере продвижения советских войск вдоль р. Сунгари осуществлять переправы войск и техники, уничтожать переправы и узлы сопротивления противника на приречных участках, а также его корабли[190]. Флотилия насчитывала в своем составе четыре бригады речных кораблей, Сретенский отдельный дивизион кораблей, Ханкайский и Уссурийский отдельные отряды бронекатеров. Всего в строю находилось около 200 боевых кораблей разных классов, в том числе шесть мониторов, 11 канонерских лодок, 52 бронекатера, 12 тральщиков и другие корабли и суда. Авиация флотилии насчитывала 70 самолетов.

В связи с напряженной обстановкой на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны амурцы постоянно находились в повышенной боевой готовности к отражению возможного внезапного нападения японцев. Личный состав Амурской военной флотилии имел хорошую подготовку и высокую боевую выучку. Рядовой и старшинский состав в совершенстве овладел боевой специальностью и оружием. Офицеры — в большинстве своем с многолетним опытом службы на флотилии — прекрасно знали свои корабли, театр, тактику действий на реках, организацию взаимодействия с войсками, а также тактику противника. В целом Амурская военная флотилия по своей численности, качеству вооружения и подготовки значительно превосходила Сунгарийскую военную флотилию противника.

По первоначальному плану Верховного главнокомандования перед войсками и силами флота, развернутыми на приморском и маньчжурском направлениях, ставились оборонительные задачи, деятельность Амурской военной флотилии носила такой же характер. Задачи флотилии были сформулированы в директиве командующего войсками 2-го Дальневосточного фронта генерала М. А. Пуркаева от 25 апреля 1945 г. и сводились к следующему: содействовать войскам фронта в обороне речных рубежей на реках Амур и Уссури на участке Покровка — Губерово; с первых дней военных действий завоевать полное господство на реках Амур и Уссури и совместно с войсками фронта не допустить форсирования их противником; уничтожать или захватывать переправочные средства и речной транспорт противника; обеспечить на Амуре речные коммуникации от Ново-Троицкого до Фуюаня, а после очищения от противника правого берега реки — на всем судоходном плесе Амура, в первую очередь от Фуюаня до устья р. Сунгари, а также на Сунгари от устья до районов боевых действий передовых частей сухопутных войск по мере их продвижения.

В случае необходимости ведения наступательных действий флотилии ставились задачи: совместно с войсками 2-й Краснознаменной и 15-й армий захватить и удерживать отдельные острова на р. Амур, облегчающие свободу маневра кораблей флотилии; огнем корабельной артиллерии и высадкой десантов содействовать 388-й стрелковой дивизии в захвате района Фуюань; содействовать войскам 15-й армии в овладении ими районов Гайцзинских и Этушанских высот и района Тунцзян и в форсировании ими Амура, а также при благоприятных условиях помогать наступлению войск этой армии вдоль берегов Сунгари на Фугдин, ограждая ее фланги от действий речных сил противника огнем корабельной артиллерии и обеспечивая прорыв в тыл противника с высадкой тактических десантов; содействовать войскам 5-го стрелкового корпуса в форсировании р. Уссури, а затем поддерживать переправившиеся войска огнем корабельной артиллерии, охранять их фланги и тылы от атак

противника с реки; силами 3-й (Бурейской) бригады речных кораблей, дислоцирующейся в устье р. Бурея, содействовать войскам 2-й Краснознаменной армии при форсировании ими Амура на участке рек Бурея и Радде.

Замысел советской Дальневосточной кампании окончательно определился в апреле 1945 г. Сущность его состояла в том, чтобы одновременным вторжением советских войск из Забайкалья, Приморья и Приамурья в пределы Маньчжурии нанести сокрушительные удары Квантунской группировке войск и освободить от японских оккупантов и колонизаторов северо-восточные провинции Китая и Северную Корею. Замыслом предусматривалось нанести два глубоких встречных удара с территории Монгольской Народной Республики и советского Приморья, что ставило войска Квантунской группировки перед необходимостью вести оборону на два фронта, а также несколько вспомогательных ударов по сходящимся направлениям к центру Маньчжурии. Для изоляции Квантунской группировки войск от японских Экспедиционных сил в Китае и метрополии вспомогательные удары планировалось нанести на калган-бейпинском направлении к побережью Желтого моря и вдоль восточного побережья Северной Кореи. Затем в зависимости от достижения первоначальной цели, то есть разгрома группировки японских войск в Маньчжурии и Северной Корее, намечалось освобождение Южного Сахалина и Курильских островов, а в случае продолжения японского сопротивления — высадка крупного десанта на Хоккайдо[191].

План Дальневосточной кампании, разработанный в Генеральном штабе, 28 июня был утвержден Ставкой Верховного главнокомандования, Центральным комитетом ВКП(б) и Государственным Комитетом Обороны[192]. Не было достигнуто единого мнения лишь по вопросу о высадке десанта на остров Хоккайдо. 28 июня 1945 г. командующие войсками Забайкальского и Дальневосточного (будущего 2-го Дальневосточного) фронтов и Приморской группы войск (будущего 1-го Дальневосточного фронта) получили задачи Ставки.

Войска Забайкальского фронта под командованием маршала Р. Я. Малиновского должны были рассечь 3-й фронт японцев на две изолированные части, преодолеть пустынную степь, форсировать горный хребет Большого Хингана, стремительно выйти по кратчайшему направлению к жизненно важным районам Центральной Маньчжурии и, разгромив совместно с Приморской группой войск и Дальневосточным фронтом Квантунскую группировку японской армии, овладеть районом Чифын — Мукден — Чанчунь — Чжалантунь. Ставка требовала главный удар нанести силами трех общевойсковых и танковых армий в обход Холунь-Аршанского укрепленного района с юга в общем направлении на Чанчунь. Все армии предлагалось ввести на широком фронте. Соединения монгольской Народно-революционной армии, действовавшие в составе конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева, ударом на Калган и Долоннор сковывали силы противника, занимавшие оборону на правом крыле фронта. Соединения левофланговой 36-й армии должны были овладеть Хайларским укрепленным районом, а остальными силами прочно оборонять государственную границу и быть в готовности наступать на хайларском направлении в обход Маньчжуро-Чжалайнорского укрепрайона. Соединения 6-й гвардейской танковой армии к десятому дню наступления закрепляли за собой перевалы через Большой Хинган и воспрещали подход резервов неприятеля из Центральной Маньчжурии[193].

Приморская группа войск под командованием маршала К. А. Мерецкова имела задачу осуществить вторжение в центральные районы Маньчжурии, совместно с войсками Забайкальского и Дальневосточного фронтов разгромить Квантунскую группировку войск и овладеть районом Харбин — Чанчунь — Сейсин[194]. Главный удар войска группы должны были нанести силами двух общевойсковых армий (1-я Краснознаменная, 5-я), механизированного корпуса и кавалерийской дивизии. В целях обеспечения правого крыла войск Приморской группы и бесперебойной работы железной дороги на участке Хабаровск — Владивосток наступала 35-я армия в общем направлении на Мишань. С юга ударная группировка обеспечивалась войсками 25-й армии с последующим ее наступлением к портам Северной Кореи.

Выполнение поставленных Приморской группе войск задач должно было вывести основные ее силы навстречу Забайкальскому и Дальневосточному фронтам, рассечь 1-й японский

Погрузка торпеды на советскую подводную лодку

фронт и отбросить одну часть сил противника на север, а другую — на юг. Изоляция Квантунской группировки войск от Северной Кореи достигалась совместными действиями 25-й армии и кораблей Тихоокеанского флота с выходом к портам Северной Кореи.

Дальневосточный фронт под командованием генерала М. А. Пуркаева получил задачу форсировать реки Амур и Уссури в районе Ленинское — Бикин и во взаимодействии с Амурской флотилией нанести главный удар вдоль Сунгари в направлении на Харбин, одновременно прочно прикрывая важные объекты на северном берегу Амура со стороны Маньчжурии и на побережье Татарского пролива с моря. В результате удара войска фронта должны были соединиться с частями Приморской группы войск, наступавшими на Харбин, и рассечь группировку противника в северо-восточной части Маньчжурии.

По достижении успеха на сунгарийском направлении войска фронта наносили вспомогательный удар из района Благовещенска на Цицикар, чтобы во взаимодействии с войсками левого крыла Забайкальского фронта расчленить и уничтожить группировку противника в северо-западной части Маньчжурии. Кроме того, на Дальневосточный фронт возлагалась задача совместно с Тихоокеанским флотом освободить южную часть Сахалина. Следовательно, войска Дальневосточного фронта должны были нанесением ряда последовательных ударов разобщить приамурскую группировку противника, сковать ее и, не допустив отхода в центральную часть Маньчжурии, во взаимодействии с соседними фронтами окружить, расчленить и уничтожить ее по частям в районах Харбин и Цицикар.

Таким образом, замысел этой крупнейшей по масштабам и стратегическим целям военной кампании СССР определялся с учетом особенностей и характера предстоящих военных действий. Выбор операционных направлений в Маньчжурской стратегической наступатель-

ной операции был обусловлен не только принятой формой ее ведения, но и своеобразием конфигурации государственной границы, характером группировки японских войск и системы их обороны. Замысел отличался исключительной целеустремленностью и настраивал войска фронтов на ведение решительных действий, обеспечивавших быстрый разгром Квантунской группировки войск. Нанесение двух встречных ударов позволяло в ограниченные сроки завершить окружение основных сил группировки противника.

Ставка ВГК стремилась претворить в жизнь свой замысел путем последовательного решения ряда задач. Прежде всего необходимо было быстро разгромить японские войска прикрытия, преодолеть труднодоступные горно-пустынную и горно-таежную полосы, а затем вывести главные силы трех взаимодействующих фронтов на рубежи, с которых можно было бы развить наступление на жизненно важные узлы обороны противника.

Подготовка к Дальневосточной кампании началась заблаговременно. Маршал А. М. Василевский вспоминал: «То, что мне придется ехать на Дальний Восток, я впервые узнал летом 1944 года. После окончания Белорусской операции И. В. Сталин в беседе со мной сказал, что мне будет поручено командование войсками Дальнего Востока в войне с милитаристской Японией... Как только закончилась Восточно-Прусская операция, я был отозван Ставкой с 3-го Белорусского фронта по должности заместителя народного комиссара обороны. 27 апреля я включился в работу над планом войны с Японией»[195]. Практически же интенсивная подготовка к боевым действиям на Дальнем Востоке началась сразу после возвращения советской делегации с Крымской (Ялтинской) конференции в феврале 1945 г.

19 марта 1945 г. Ставка издала первую директиву по Дальневосточной кампании, в которой намечалось создание нового фронтового объединения южнее Хабаровска. Из состава Дальневосточного фронта была выделена Приморская группа войск, командующим которой стал маршал К. А. Мерецков, обладавший большим опытом прорыва укрепленных районов. В состав группы войск включались 1-я Краснознаменная, 25-я и 35-я общевойсковые армии, 10-й механизированный корпус и 9-я воздушная армия[196].

В Ставке ВГК понимали, что повышение активности в войсках Дальнего Востока могло привлечь внимание командования Квантунской группировки войск, и не исключено было обострение обстановки вплоть до нападения японской стороны на приграничные территории Советского Союза. Поэтому 26 марта 1945 г. войска Приморской группы и Дальневосточного фронта получили задачи, согласно которым они должны были противопоставить возможному нападению японцев мощную оборону на всех направлениях и участках соприкосновения с войсками Квантунской группировки. Согласно полученной директиве, войска Приморской группы во взаимодействии с Тихоокеанским флотом должны были упорной обороной не допустить вторжения противника на территорию Советского Союза, высадки и закрепления его на побережье от устья р. Тумень-Ула до мыса Сосунова и обеспечить сосредоточение новых сил в Приморье[197]. При организации обороны особое внимание обращалось на обеспечение бесперебойной работы железных дорог на территории фронта и надежное прикрытие иминского, лесозаводского, спасского и ворошиловского направлений, а также районов Приморья, непосредственно примыкающих к Маньчжурии.

Не менее ответственные задачи были поставлены войскам Дальневосточного фронта. Во взаимодействии с Северной Тихоокеанской и Амурской военными флотилиями они должны были не допустить вторжения японцев в пределы СССР, а также высадки и закрепления их на побережье Татарского пролива, особенно в районах Советской Гавани, Сахалина, Камчатки, и обеспечить сосредоточение новых сил на Дальнем Востоке. Как и в Приморье, особое внимание обращалось на обеспечение работы железных дорог в пределах фронта, прочного прикрытия сковородинского, благовещенского, завитинского и архаринского направлений, а также районов Хабаровска, Николаевска-на-Амуре, Александровска-Сахалинского и Петропавловска-Камчатского[198].

Особенно интенсивно началась подготовка войск Дальнего Востока и сил флота к наступлению с получением фронтами директив на разгром Квантунской группировки вооруженных сил Японии. В соответствии с поставленными задачами вырабатывались и анализировались

решения. Все было направлено на то, чтобы разгромить противника в ограниченные сроки и с минимальными потерями. В ходе большой и кропотливой работы удалось найти такие варианты, которые должны были разрушить планы японского командования задержать советские войска в зонах укрепленных районов, а также на отрогах Большого Хингана. Были, например, изысканы возможности форсировать Большой Хинган войсками 6-й гвардейской танковой армии не на десятый день операции, как это предусматривалось замыслом, а не позднее пятого дня с начала наступления. В этой связи значительно сократились сроки выхода общевойсковых армий Забайкальского фронта в пределы Маньчжурской равнины. Так, 17-я армия должна была, преодолев Большой Хинган, захватить район Дабаньшан на пять дней раньше первоначально установленного срока[199].

Важное место в подготовке наступления отводилось преодолению укрепленных районов, особенно сплошной их зоны в Приморье. В войсках отрабатывались приемы прорыва железобетонных укреплений без предварительного их огневого разрушения, а ночью — с использованием разрывов и промежутков между опорными пунктами, узлами сопротивления и отдельными железобетонными сооружениями. Учитывались также такие моменты, когда гарнизоны дотов можно было уничтожать непосредственно в казармах.

Исходя из конкретных задач, на каждом направлении в состав ударных группировок включали фронтовиков, имевших соответствующий опыт. Так, соединения и части, имевшие опыт прорыва мощных укреплений, направлялись в состав 1-го Дальневосточного фронта, которому предстояло преодолеть сплошную полосу железобетонных укреплений, рассчитанных на длительное автономное выживание. И наоборот, войска, имевшие практику действий в горах, направлялись на Забайкальский фронт, так как ему предстояло преодолеть огромный горный массив Большого Хингана.

В отличие от Европы в Забайкалье в связи с наличием ограниченного количества железных дорог в целях своевременного вывода войск в исходные районы было принято выгружать прибывавшие с запада войска в 500–600 км от исходных районов и потом выдвигать их к линии фронта своим ходом.

Сложившаяся обстановка и своеобразие Дальневосточного ТВД обусловили необходимость проведения ряда мероприятий по обеспечению боевых действий бронетанковых войск, и прежде всего 6-й гвардейской танковой армии. На первом этапе выдвижения этой армии в исходные районы, находившиеся у границы между МНР и Маньчжурией, ее соединения и части совершили марш из района сосредоточения (у Чойбалсана) в выжидательный район (юго-восточнее Тамцаг-Булака) протяженностью 300–350 км. Через неделю на втором этапе они, пройдя 70–80 км, вышли в исходные районы для наступления (в 10–20 км от границы Маньчжоу-Го)[200].

Механизированные корпуса армии следовали по трем-четырем маршрутам, один из которых предназначался только для движения танков и САУ. При высокой дневной температуре воздуха (до 40–50 С°) предпочтение отдавалось ночным маршам. Однако большая запыленность маршрутов затрудняла движение боевой техники в это время суток. В связи с этим перемещение соединений и частей происходило преимущественно в утренние и вечерние часы. Танковый корпус совершил переход в выжидательный район за трое, а механизированные корпуса — за двое суток[201].

Перед началом марша в район Тамцаг-Булака саперные подразделения организовали инженерную разведку маршрутов, а также расположенных около них водных источников. Это позволило установить состояние дорог и местности, определить необходимый объем работ на труднопроходимых участках, с тем чтобы обеспечить движение гусеничных и колесных машин. При совершении марша впереди главных сил соединений действовали отряды обеспечения движения. Поскольку все маршруты и колонные пути были заранее разведаны и улучшены, эти отряды кроме решения своих основных задач осуществляли и регулирование движения: выставляли посты, устанавливали различные указатели.

Важной задачей всех ремонтных подразделений в период подготовки танковой армии к боевым действиям являлось техническое обеспечение марша из района сосредоточения в

выжидательный район. С этой целью производились технический осмотр, обслуживание и необходимый ремонт материальной части, регулировка агрегатов и механизмов, дозаправка горючим и смазочными материалами.

Для ориентирования на местности, лишенной растительности и каких-либо объектов, использовались созданные по инициативе личного состава передовых частей небольшие насыпные курганы, различные пирамиды, которые были видны на значительном расстоянии.

Проведенный соединениями и частями марш стал своего рода проверкой работы всей боевой техники в суровых условиях пустынной и степной местности, при высокой температуре воздуха. Случаи выхода материальной части из строя по техническим причинам были крайне редки. Танки и колесные машины в основном останавливались из-за перегрева двигателей, быстрой засоряемости воздухоочистителей, выхода из строя гусеничного движителя у танков и колесных камер у автомашин.

Поскольку пустынно-степная местность существенно затрудняла маскировку войск, особое внимание уделялось обеспечению скрытности создания ударных группировок фронтов. Это достигалось путем последовательного (поэтапного) вывода и развертывания войск. Вначале соединения и части выдвигались из мест постоянной дислокации или станций выгрузки в районы сосредоточения, находившиеся, как правило, в 150 км и далее от государственной границы. В последующем войска под видом учений выводились в выжидательные районы, намеченные в 60–90 км от границы[202]. В этих районах более двух недель войска усиленно готовились к наступлению применительно к условиям реальной обстановки. Выход ударных группировок в исходные районы наступления осуществлялся исключительно ночью. Подобным образом шло развертывание ударных группировок 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов. Однако закрытая местность позволила им максимально приблизить выжидательные районы к обороне противника и сократить до минимума сроки выхода из них в исходные районы для наступления.

В соответствии с задачами фронтов планировалось боевое применение авиации. 9-я воздушная армия главные усилия бомбардировочной и штурмовой авиации направляла на разрушение долговременных оборонительных сооружений и поддержку войск на поле боя, поскольку 1-му Дальневосточному фронту необходимо было прорвать мощную полосу укрепрайонов. Основные силы 12-й воздушной армии Забайкальского фронта нацеливались на уничтожение подходящих резервов, дезорганизацию железнодорожных и автомобильных перевозок, содействие стремительному продвижению 6-й гвардейской танковой и общевойсковых армий в глубину Маньчжурии. Соединения 10-й воздушной армии концентрировали свои усилия на поддержке войск 2-го Дальневосточного фронта при форсировании Амура и наступлении на сунгарийском направлении[203].

Учитывая большой объем и сложность стоявших перед авиацией задач, Ставка ВГК в июле 1945 г. усилила воздушные армии двумя бомбардировочными авиационными корпусами, а также истребительной и двумя транспортными авиационными дивизиями, переброшенными с Западного ТВД[204]. Для соединений и частей, прибывших с запада, подготовительный период продолжался 15–20 дней.

В подготовительный период авиационные части, соединения и объединения, постоянно дислоцировавшиеся на востоке, переводились на штаты военного времени и доукомплектовывались. В результате численность их личного состава значительно увеличивалась: например, в 12-й воздушной армии она возросла на 42%. Одновременно осуществлялось перевооружение: самолеты устаревших образцов заменялись новыми машинами — Як-9, Ла-7, Ил-10, Ту-2. Много внимания уделялось изучению боевого опыта, полученного в Великой Отечественной войне[205].

В этот период осуществлялась перегруппировка авиационных частей и соединений. В большей мере это коснулось 12-й воздушной армии, которая располагалась далеко от районов предстоящих действий — в Забайкалье и Монгольской Народной Республике. Чтобы улучшить условия базирования, за 20 дней до начала боевых действий армия переместилась на промежуточные аэродромы (Чойбалсан, Тамцаг-Булак и др.), располагавшиеся в 90–200 км

от границы МНР с Маньчжурией и в 210–300 км от участков прорыва обороны. За один-два дня до начала операции авиационные части и соединения передислоцировались на передовые аэродромы, все самолеты рассредоточивались и маскировались. Кроме действующих была создана широкая сеть ложных аэродромов, на них устанавливались макеты авиационной техники и имитировалась боевая подготовка летных частей. Все это способствовало достижению внезапности применения крупных сил авиации[206].

В ходе непосредственной подготовки к совместным военным операциям штабы воздушных армий совместно со штабами фронтов и общевойсковых и танковой армий разработали планы взаимодействия авиации и сухопутных войск по задачам, времени и рубежам, подготовили единый код для топографических карт, составили радиосигнальные и переговорные таблицы, наметили сигналы взаимоопознавания. Наиболее важные вопросы совместных боевых действий авиации и сухопутных войск при прорыве полосы укрепрайонов уточнялись на военных учениях, играх и групповых упражнениях.

Тщательно отрабатывалось взаимодействие между 12-й воздушной и 6-й гвардейской танковой армиями. Для поддержки и прикрытия с воздуха подвижных войск выделялись 245-я истребительная, 248-я и 316-я штурмовые авиадивизии. Руководство этими соединениями возлагалось на оперативную группу во главе с заместителем командующего 12-й воздушной армией генералом Д. П. Галуновым. Группа и штаб 6-й гвардейской танковой армии разработали план взаимодействия, в котором в соответствии с задачами механизированных и танковых корпусов определялись действия по рубежам, объектам и времени сил авиационной поддержки, танков, мотопехоты и самолетов. Командиры штурмовых авиадивизий полковники И. Б. Савельев и А. А. Ерохин со своими оперативными группами выехали на командные пункты командиров механизированных корпусов. Они располагали радиостанциями, которые использовались для связи с генералом Д. П. Галуновым, находившимся на командном пункте командующего танковой армией, а также для управления авиационными подразделениями в воздухе и на аэродромах. Представители от взаимодействующих авиадивизий были направлены в передовые отряды и головные бригады механизированных и танковых корпусов с задачей непрерывно поддерживать радиосвязь со своими командирами, передавать заявки танкистов на вызов авиации, наводить самолеты на наземные цели, информировать экипажи о наземной и воздушной обстановке в районе боевых действий.

Сложные условия Дальневосточного ТВД требовали от летного состава интенсивной подготовки к предстоящим боям. Изрезанный причудливый рельеф больших лесных и горных массивов, огромные степные пространства и выжженные солнцем пустыни сильно затрудняли ориентировку с воздуха. Чтобы обеспечить точный выход экипажей на цель, в авиационных частях и подразделениях организовывалось изучение районов базирования и боевых действий по картам различных масштабов с облетом местности на транспортных самолетах. В прибывшие с запада полки выделялись летчики-лидеры из частей, постоянно дислоцировавшихся на Дальнем Востоке. Для облегчения самолетовождения была создана система контрольно-опознавательных знаков, которые устанавливались на вершинах сопок в 3–6 км от государственной границы, а также на наиболее важных дорогах. Накануне боевых действий средства наземного обеспечения самолетовождения (радиопеленгаторы, светомаяки, приводные радиостанции) перебазировались на передовые аэродромы.

Большое значение приобретала в этих условиях воздушная разведка. За месяц до начала наступления самолеты-разведчики, пролетая над своей территорией вдоль границы, произвели перспективную аэрофотосъемку территории Маньчжурии на глубину 25–30 км. Это помогло вскрыть систему обороны врага, наметить участки прорыва и направления нанесения ударов, выбрать места для форсирования рек, уточнить объекты действий авиации и артиллерии[207].

Сложной проблемой оказалась организация аэродромного и материально-технического обеспечения боевых действий авиации. Тяжелые климатические и природные условия, отсутствие на ряде направлений населенных пунктов, источников водоснабжения, развитой сети дорог весьма затрудняли базирование частей, усложняли работу их тыла. В горных

районах, например, трудно было найти площадку для строительства аэродромов, да к тому же со взлетно-посадочной полосой увеличенных размеров, поскольку этого требовала значительная высота местности над уровнем моря. В пустынной восточной части Монголии почти не было водных источников и топлива, поэтому батальоны аэродромного обслуживания возили с собой не только горючее, боеприпасы и продовольствие, но и запасы воды, дров.

Большой и сложный объем работы тыла ВВС потребовал от Ставки ВГК усиления воздушных армий авиационно-техническими соединениями и частями, прибывавшими с запада. Для поиска аэродромов на освобождаемой от противника территории заблаговременно создавались рекогносцировочные группы. Им выделялись самолеты связи и транспортные[208].

В соответствии со сложившейся оперативной обстановкой на театре и задачами, поставленными Ставкой ВГК, Тихоокеанский флот с начала войны разворачивал боевые действия на нескольких операционных направлениях: на приморском — по содействию войскам 1-го Дальневосточного фронта, наступавшим в направлении Северной Кореи; на южно-сахалинском и курильском — по содействию войскам Красной армии в освобождении от японцев Южного Сахалина и Курильских островов; на коммуникациях противника — с целью лишения его возможности снабжать свою армию в Маньчжурии морским путем.

По мере приближения срока начала военных действий перед Военным советом Тихоокеанского флота все острее вставали проблемы, решение которых было связано с определенными ограничениями и сложностями. Так, для проведения многих мероприятий требовались продолжительные сроки, а заблаговременное их начало могло нарушить скрытность подготовки к войне против Японии. К подобным проблемам относились, например, изменение режима судоходства, развертывание подводных лодок, проведение мобилизации. В частности, Военный совет Тихоокеанского флота решил провести предварительное развертывание подводных лодок до начала военных действий и осуществить немедленную передачу пограничных кораблей в полное подчинение флоту, о чем запросил разрешения народного комиссара ВМФ. Однако в связи с тем, что внезапности уделялось первостепенное значение, на все запросы были получены отрицательные ответы. И все же развертывание сил флота началось за несколько часов до начала собственно военных действий.

В 1 час 45 минут 8 августа в штабе флота была получена шифрограмма маршала А. М. Василевского, в которой указывалось, что военные действия начнутся в 18 часов 8 августа по московскому времени, или в 1 час 9 августа по хабаровскому времени.

В 2 часа 8 августа начальник Главного морского штаба адмирал С. Г. Кучеров прислал предписание флоту перейти на оперативную готовность № 1, развернуть подводные лодки согласно плану, но с учетом границ операционных зон между Тихоокеанским флотом и ВМС США, произвести отмобилизование судов гражданских наркоматов и включить в состав флота корабли и суда пограничной охраны. В 2 часа 30 минут было отдано приказание о переводе на оперативную готовность № 1 соединений и частей корпуса ПВО.

В 3 часа 20 минут на ТОФ поступила директива Ставки Верховного главнокомандования, предписывавшая перейти на оперативную готовность № 1; приступить к постановке оборонительных минных заграждений; прекратить одиночное судоходство; развернуть на морском театре подводные лодки[209]. В 3 часа 27 минут 8 августа было отдано приказание, подписанное командующим флотом И. С. Юмашевым и членом Военного совета С. Е. Захаровым, о переходе на оперативную готовность № 1 «без шума и суеты», а в 3 часа 50 минут оно было передано в части, соединения и объединения флота. В 6 часов 45 минут была введена в действие лоция военного времени, в 7 часов 25 минут получена шифротелеграмма о начале минных постановок, еще через пять минут по всем частям и кораблям Тихоокеанского флота был дан сигнал оповещения, разрешавший применять оружие.

Обращают на себя внимание чрезвычайно короткие сроки, отводимые на проведение сложных и разнообразных мероприятий. Это определялось стремлением достигнуть внезапности начала действий. Но при проведении их в жизнь от исполнителей требовались высокая оперативность, организованность и четкость.

В соответствии с директивой главкома А. М. Василевского флот начал производить оперативное развертывание, которое осуществлялось с учетом реальной дислокации сил противника на морском театре. С объявлением на флоте оперативной готовности № 1 Военный совет в полном составе перешел на береговой флагманский командный пункт, управление силами флота с которого на всем протяжении войны носило централизованный характер и отличалось высокой профессиональностью и четкостью.

С самого начала развертывания пристальное внимание обращалось на оборону баз и сил флота. 8 августа минные заградители, тральщики и другие корабли приступили к постановке оборонительных минных заграждений на подступах к Владивостоку и другим военно-морским базам для защиты их с моря на случай атаки японского флота. Своевременно выставленные оборонительные минные заграждения явились одной из причин отказа японского командования, имевшего в своем распоряжении достаточно сильный флот, от использования его для нанесения ударов по военно-морским базам советского Тихоокеанского флота. Всего в период с 8 по 10 августа в оборонительных минных заграждениях было выставлено 1788 мин и 170 минных защитников[210].

Наряду с постановкой минных заграждений на подступах к военно-морским базам развертывались корабельные дозоры, организовывалась систематическая воздушная разведка. Над главной базой было установлено патрулирование истребителей, часть самолетов находилась в немедленной готовности к вылету; на остальных базах патрулирование производилось в период утренних и вечерних сумерек.

В 15 часов 15 минут 8 августа началось развертывание подводных лодок на заранее назначенных для них позициях. Одновременно в море вышли 12 подводных лодок[211]. Отряд легких сил в составе двух крейсеров, лидера, десяти эскадренных миноносцев и двух миноносцев был приведен в полную боевую готовность и находился в районе главной базы Владивостока в бухте Новик и проливе Босфор Восточный.

Военно-воздушные силы флота в основном оставались на аэродромном узле Владивостока. Некоторые части авиации флота перебазировались на прибрежные аэродромы в районах Великая Кема, Гроссевичи и других, откуда они могли вылетать на прикрытие прибрежных коммуникаций и сил флота в море.

В 16 часов 05 минут 8 августа командование Тихоокеанского флота доложило главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке маршалу А. М. Василевскому и в Главный морской штаб о том, что флот перешел на оперативную готовность № 1, произвел рассредоточение, приступил к постановке минных заграждений в районах Владивостокского морского оборонительного района и Северной Тихоокеанской флотилии.

В качестве основных сил для решения главной задачи по нарушению морских сообщений противника в Японском море и в проливной зоне было намечено привлечь авиацию и подводные лодки. В конечном пункте важнейшей линии японских коммуникаций — у берегов Северной Кореи эти задачи могли эффективно решать и торпедные катера.

Обеспечение форсирования Амура войсками 2-го Дальневосточного фронта и содействие их наступлению в ходе Сунгарийской и Сахалянской операций, возложенные Ставкой ВГК на Амурскую военную флотилию, представляли собой сложную задачу. Выполнять ее предстояло в непростых навигационных условиях. В результате прошедших в июле — августе ливневых дождей на Амуре и его притоках образовался на редкость большой паводок, и оказались затоплены многие прибрежные районы. Напряженность в деятельности флотилии возрастала также в связи с тем, что в сложившейся обстановке армейскому командованию пришлось крайне ограничить применение своих табельных переправочных средств и спешно определять ряд новых участков форсирования и мест переправ.

На важнейших направлениях вдоль государственной границы СССР с Маньчжурией, пролегавшей преимущественно по Амуру и Уссури, противник создал сильные укрепленные районы. Главными из них были: Сахалянский (против Благовещенска), Цикэйский (140 км ниже Благовещенска), Сунгарийский (прикрывавший вход в Сунгари) и Фуцзиньский (в 70 км от устья Сунгари), защищавший подступы к Харбину. Укрепленные районы пред-

ставляли собой связанные ходами сообщения узлы сопротивления и опорные пункты, основу которых составляли доты, дзоты и железобетонные сооружения. На Фуцзинь и Цзямусы базировалась Сунгарийская речная флотилия[212].

В 3 часа 30 минут 7 августа Амурская военная флотилия, находившаяся до этого в четырехчасовой готовности к боевым действиям, получила приказ генерала М. А. Пуркаева начать развертывание. Через 25 минут он был передан во все части и соединения флотилии, которые в ночь на 8 августа перешли на повышенную оперативную готовность и к исходу 8 августа в соответствии с оперативным планом сосредоточились в заранее указанных пунктах. Развертывание флотилии было произведено в намеченные сроки. Прибыв в назначенные пункты, командиры соединений флотилии связались с командирами взаимодействующих сухопутных частей и доложили о готовности к выполнению поставленных задач.

К 9 августа соединения флотилии были сосредоточены: 1-я и 2-я бригады речных кораблей — на р. Амур; 3-я бригада речных кораблей — на р. Уссури; Зее-Бурейская бригада речных кораблей — на реках Зея и Шилка; Уссурийский отдельный отряд бронекатеров — в районе слияния рек Уссури и Сунгари; Ханкайский отдельный отряд бронекатеров — на озере Ханка[213].

Согласно плану Маньчжурской стратегической наступательной операции войска 2-го Дальневосточного фронта должны были наносить по Квантунской группировке войск рассекающие удары с севера на юг с целью расчленения ее на части с последующим окружением обороняющегося противника, уничтожением либо пленением его. В соответствии с этим планом командующий войсками фронта генерал М. А. Пуркаев принял решение нанести рассекающие удары по японской группировке силами 2-й Краснознаменной и 15-й армий и 5-го стрелкового корпуса по двум операционным направлениям — сахалянскому и харбинскому (сунгарийскому). 2-я Краснознаменная армия, сосредоточенная в районе Благовещенска, должна была при содействии Зее-Бурейской бригады речных кораблей форсировать Амур и нанести удар по укрепленному японцами району Сахалян — Цикэ, а после овладения им развивать наступление на Цицикар[214]. 15-я армия, развернутая на левом берегу Амура, между устьем р. Сунгари и Хабаровском, должна была при содействии 1-й и 2-й бригад речных кораблей форсировать Амур и затем развивать наступление вдоль р. Сунгари на Харбин[215]. Вспомогательный удар на харбинском направлении наносил 5-й стрелковый корпус, сосредоточенный на правом берегу нижнего течения Уссури. Переправу войск 5-го стрелкового корпуса через реку в районе Дунань — Жаохэ обеспечивали 3-я бригада речных кораблей и отдельный отряд бронекатеров, развернутый на р. Уссури.

Важную роль в осуществлении качественной подготовки советских войск к военным действиям на Дальнем Востоке сыграли и пограничные войска. С апреля 1945 г. до начала наступления войска дальневосточных приграничных округов наряду с добыванием данных для обеспечения надежной охраны границы в интересах военного командования обобщали и уточняли собранные за несколько прошедших лет материалы о наличии и дислокации частей и соединений противника в приграничной полосе, их вооружении, моральном состоянии, местонахождении оборонительных сооружений, их характере, подходах к ним и многом другом, а затем направили эти сведения в штабы фронтов. Добытые пограничными войсками данные наиболее реально отражали положение в сопредельной пограничной полосе и представляли значительную ценность для военного командования.

Приморский пограничный округ, например, составил для 1-го Дальневосточного фронта описание всех восьми японских укрепленных районов, расположенных перед участком округа, а также передал сведения о крупных оборонительных работах в районе г. Тумынь и перегруппировке вражеских войск на рубеже рек Мулинхэ и Муданьцзян.

В процессе непосредственной охраны государственной границы пограничники осуществляли не менее ответственную задачу — пресечение шпионско-диверсионных действий японских разведорганов, стремившихся любыми способами вскрыть замысел нашего военного командования, установить цели и задачи перегруппировки, численность и построение советских войск на Дальнем Востоке, степень их готовности и сроки начала наступательных операций. При этом учитывалось, что японская разведка, пытаясь через засылаемую агентуру

установить количество перебрасываемых на Дальний Восток войск и военной техники, уделяла особое внимание Транссибирской железнодорожной магистрали. Так, только в район расположения войск 2-й Краснознаменной и 15-й армий в июне — июле японцы забросили восемь агентурных групп. Энергичные и умелые действия пограничников сорвали планы противника. Всего же в первом полугодии 1945 г. шпионов и диверсантов было задержано почти в три раза больше, чем за тот же период предыдущего года, а за июль и восемь дней августа — почти столько же, сколько за все первые шесть месяцев 1945 г.[216]

В соответствии с планами военного командования пограничники участвовали в мероприятиях по дезинформации противника и маскировке советских войск. На государственной границе поддерживался режим мирного времени. Передвижение автотранспорта и крупных подразделений в восьмикилометровой приграничной полосе разрешалось только ночью при соблюдении полной светомаскировки. Личный состав полевых войск был ознакомлен с правилами пограничного режима и с местностью. Таким образом, пограничные войска в определенной мере способствовали достижению скрытности сосредоточения и развертывания войск Красной армии, подготовки их к наступательным действиям.

При развертывании сил и организации военных операций советское командование должно было считаться с тем, что Дальневосточный театр делился на зоны действий сухопутных войск, военно-воздушных и военно-морских сил СССР и США с обязательством союзников координировать операции между собой. Зоны действий вооруженных сил США и Советского Союза были установлены еще на Потсдамской конференции[217].

Разграничительная линия проходила: в Японском море по линии мыс Болтина (на побережье Кореи и до 90 км южнее Сейсин); точка Ш — 40 градусов северная и Д — 135 градусов восточная; точка Ш — 45 градусов северная и Д — 140 градусов восточная; откуда линия шла по параллели 45 градусов 45 минут северной широты до линии, соединяющей мыс Крильон (на южной оконечности Южного Сахалина) с мысом Соя-Мисаки (на северной оконечности острова Хоккайдо). К северу от этой границы должны были действовать корабли и авиация Советского Союза, к югу от нее — военно-морские силы и авиация США. Эта граница служила разграничительной линией для действий надводных кораблей, подводных лодок и авиации.

Охотское море было объявлено зоной совместных действий военно-морских флотов и авиации США и Советского Союза, и боевая деятельность сил должна была вестись здесь по согласованности.

В Беринговом море назначалась зона совместных действий Тихоокеанских флотов СССР и США, ограниченная с севера, востока и юга линией, проходящей от мыса Дежнева до острова Диомид и далее, вдоль границы территориальных вод СССР и США до параллели 51 градус северной широты, затем через точки Ш — 50 градусов 35 минут северной и Д — 157 градусов восточной; точка Ш — 49 градусов 50 минут северной и Д — 13 градусов 20 минут восточной и до параллели 49 градусов 50 минут северной широты до 4-го Курильского пролива. Остальная часть Берингова моря, равно как и прилегающие районы Тихого океана, должны были являться зоной действия ВМС США.

Это создавало много неудобств, и в первую очередь для Тихоокеанского флота СССР. В Японском море разграничительная линия проходила на расстоянии всего 100–120 миль от советских берегов, а в Беринговом — местами 15–20 миль. Это исключало возможность действовать на всю оперативную глубину противника, не позволяло эффективно использовать подводные лодки у его побережья и баз на всем морском театре военных действий, создавало большие трудности при ведении оперативной разведки. Кроме того, ограничение района плавания сил Тихоокеанского флота расширяло возможности противника и позволяло значительным силам его флота внезапно появляться у наших берегов, что создавало угрозу не только Тихоокеанскому флоту, но и приморскому флангу войск 1-го Дальневосточного фронта.

Верховное главнокомандование СССР, давая согласие на установление подобной разграничительной линии, видимо, исходило из того, что военно-морские силы США будут активно содействовать наступательным операциям советских вооруженных сил. Однако с вступлением Советского Союза в войну против Японии вооруженные силы США практически

прекратили военные действия, если не считать некоторую активность американских военно-воздушных сил. Развитие военных действий потребовало внести некоторые изменения в прохождении линии разграничения, что не противоречило советско-американским договоренностям в Потсдаме. В частности, на юге, в Корее, она была перенесена с 40-й параллели северной широты на 38-й градус, а на севере — восточнее Курильских островов[218]. Что касается деятельности американских ВВС, то она часто создавала дополнительные трудности, даже препятствия действиям советского флота. Так, непосредственно перед началом военных действий Вооруженных сил СССР американская авиация без предупреждения произвела в операционной зоне советского флота на подходах к Сейсину и Расину массовые постановки донных, магнитных и различного вида акустических мин. Позднее, при освобождении портов Северной Кореи и их использовании наши корабли и транспорты стали подрываться на минах; советское командование во избежание лишних жертв запросило у американцев данные о характере выставленных ими минных заграждений и, главное, координаты минных полей[219].

Министерство военно-морских сил США сообщило, что у Сейсина выставлено 200, а у Расина — около 270 донных, магнитных и акустических мин с комбинированными взрывателями. Предварительные сведения о тактико-технических характеристиках выставленных мин показывали, что траление магнитных и акустических мин могло производиться имеемыми на Тихоокеанском флоте средствами. Что касается гидроакустических мин, то, по сообщению морского министерства США, средства борьбы с ними не существовало. По вопросу о местах выставленных мин американцы ответили, что постановка производилась армейской авиацией и поэтому морское министерство не располагает точными координатами минных полей.

Перед самым окончанием военных действий американцы еще дважды давали дополнительные сведения о местах, где они ставили мины, а затем о том, какие мины и сколько было выставлено. В результате обобщенных данных получалась довольно безотрадная картина: американские мины находились везде, где действовали или должны были действовать в дальнейшем корабли советского Тихоокеанского флота, а не было американских мин там, где хотя бы временно пребывали американские корабли, и в зоне американской оккупации. Так, в районе Гензан — Канан были выставлены 164 магнитные акустические мины, в районе залива Гейдзицу (между широтами 35 градусов 50 минут и 36 градусов 15 минут) — 38 магнитных акустических мин. 195 магнитных акустических мин и мин с гидродинамическими и магнитными взрывателями было выставлено в районах Цусимского пролива. Сообщалось также, что американцы не ставили мины в районах Сахалина, пролива Лаперуза, западного побережья острова Хоккайдо и Курильских островов, то есть именно в тех районах, где действовали американские подводные лодки[220]. Однако когда сведения о проведенных американцами минных постановках были получены, военные действия, как уже говорилось, подходили к концу. К этому времени на американских минах Тихоокеанский флот понес в кораблях и людях потери, которые можно было избежать.

Сложные проблемы стояли перед советским командованием в плане моральной подготовки войск и сил флота к участию в новой войне. Необходимо было до предела уставших от многолетней войны людей мобилизовать на решение новых задач, о которых открыто говорить пока не разрешалось. Партийно-политическая работа велась с учетом специфики боевой деятельности войск в новых условиях и составляла необходимый элемент подготовки к наступательной операции.

На Дальний Восток было направлено более 3 тыс. политработников-фронтовиков, а значительная часть политработников-дальневосточников прошла стажировку в действующей армии на советско-германском фронте[221].

Вполне закономерным в тех условиях являлось то, что первостепенное значение придавалось росту численности и правильной расстановке коммунистов и комсомольцев. Это способствовало повышению боеспособности партийных и комсомольских организаций и частей. Только за май — июнь 1945 г. в войсках Забайкальского и Дальневосточного фронтов были приняты в партию свыше 28 тыс. солдат и офицеров. Число коммунистов за три месяца в войсках фронтов увеличилось почти на 140,9 тыс., а членов ВЛКСМ — на 114,4 тыс. человек. К началу боевых действий их было 989 тыс. человек, то есть почти 57% всего личного состава[222].

Морально-психологическая подготовка личного состава к вступлению в войну против Японии командирами и политорганами всех звеньев проводилась продуманно до мелочей и в тесной связи с организациями ВКП(б) Хабаровского и Приморского краев. Она проходила как бы в два этапа. На первом этапе, который начался в апреле 1945 г., главное внимание уделялось работе по разъяснению международной обстановки, политического значения заявления советского правительства от 5 апреля 1945 г. о денонсации советско-японского Пакта о нейтралитете. В документах военных советов фронтов подчеркивалось, что после денонсации пакта необходимо все усилия командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций направить на повышение боевой выучки войск, на усиление пропаганды боевого опыта войны с фашистской Германией.

Военный совет Приморской группы в своей директиве от 16 мая 1945 г. призывал повышать уровень идейно-политического воспитания воинов в духе любви к своей Родине и ненависти к японскому империализму, шире пропагандировать героические свершения фронтовиков в борьбе с немецким фашизмом, а также подвиги героев боев у озера Хасан, на р. Халхин-Гол[223].

На втором этапе морально-психологическая подготовка проводилась более целенаправленно и с учетом конкретных условий, в которых находились те или иные части и подразделения. Так, воины, прибывшие из районов Праги и Восточной Пруссии, нацеливались на быстрейшее овладение способами боевых действий на новом театре, на изучение военно-политического положения Японии, структуры японских войск и их тактики, традиций и обычаев и т. д. Особенно пристально дальневосточниками изучался в это время опыт боев на Западе, которым располагали прибывшие оттуда войска. Так, в 1-м Дальневосточном фронте из офицеров 5-й армии, прибывшей в июне 1945 г. из Восточной Пруссии, были созданы лекторские группы, которые проводили беседы по тематике, связанной с преодолением мощных укреплений обороны противника. Поскольку войска 1-й Краснознаменной армии постоянно находились на Дальнем Востоке, то основную работу лекторские группы проводили в ее частях и подразделениях.

Характерной особенностью подготовки Дальневосточной кампании было совместное выступление против Японии советских войск Дальнего Востока и монгольской Народно-революционной армии. Командиры и политработники союзных армий на совместных учениях отрабатывали управление и связь, боевое взаимодействие войск, способы ведения боя в горно-пустынной местности. Регулярно устраивались встречи воинов — участников боев у озера Хасан и на р. Халхин-Гол двух дружественных армий[224]. В результате большой подготовительной работы за неделю до начала боевых действий войска Дальнего Востока были практически полностью готовы выступить на разгром Квантунской группировки японцев.

7 августа поступила директива Ставки ВГК войскам Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов[225], которая предписывала начать 9 августа боевые действия для выполнения задач, поставленных 28 июня 1945 г. На митингах и собраниях, прошедших 8 августа, воины армии и флота поклялись с честью выполнить приказ Родины[226].

Накануне военных действий против Японии командующим войсками Забайкальского фронта, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов и командующему Тихоокеанским флотом была направлена директива маршала А. М. Василевского с указанием мероприятий, которые следовало провести среди гражданского населения на территориях фронтов и флота. Здесь полностью использовался опыт войны с фашистской Германией и прямо указывалось на необходимость руководствоваться указом Президиума Верховного Совета СССР о военном положении от 22 июня 1941 г.

На всем Дальнем Востоке в городах и селах с начала военных действий было объявлено военное положение, вводилась светомаскировка, принимались строгие меры по обеспечению порядка и безопасности.

8 августа 1945 г. японскому послу в Москве было передано заявление советского правительства, опубликованное на следующий день в газете «Правда»: «После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны.

Требование трех держав — Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая — от 26 июля сего года о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил было отклонено Японией...

Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому правительству с предложением включиться в войну против японской армии и тем самым сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира.

Верное своему союзническому долгу, Советское правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года.

Советское правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции.

Ввиду изложенного Советское правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9 августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией».

Ярким подтверждением верности заявленным справедливым и гуманным целям войны, стремления СССР избежать излишнего кровопролития, а не затянуть войну и воспользоваться благоприятным моментом, чтобы «отхватить побольше территории Японии», в чем его пытаются обвинить некоторые японские историки и официальные лица, явилось обращение Главного командования советских войск на Дальнем Востоке к японскому народу со специальным воззванием:

«Мужчины и женщины Японии!

Офицеры и солдаты!

Если вы будете до конца поддерживать своих теперешних правителей и военную клику авантюристов, то и Японии не избежать судьбы Германии. Не допускайте этого! Японский народ должен жить! Кончайте бессмысленную для вас войну. Требуйте немедленной и безоговорочной капитуляции японской армии, японского флота перед Красной Армией и армиями наших союзников. Только так вы сможете спасти свою страну от опустошения и самих себя от гибели»[227].

Однако военно-политическое руководство Японии сделало все, чтобы народ и армия не узнали об этом обращении, и развернуло сопротивление действиям советских войск на всех направлениях.

Итак, военно-политическая и стратегическая обстановка на Азиатско-Тихоокеанском театре Второй мировой войны, сложившаяся к лету 1945 г., оставалась сложной. Япония, несмотря на то что оказалась после разгрома нацистской Германии единственным государством-агрессором, продолжала упорные военные действия в обширном регионе и не помышляла о безоговорочной капитуляции перед союзниками по антифашистской коалиции. При этом как Япония, так и сами союзники отчетливо понимали, что наличными на то время силами произвести коренные изменения в сложившейся ситуации в короткие сроки не удастся. Перелом в ходе вооруженной борьбы могло внести лишь подключение к военным действиям против Японии нового государства, обладавшего на Дальнем Востоке крупными вооруженными силами и опытом масштабных операций, в первую очередь на сухопутном театре военных действий. Именно таким государством был Советский Союз.

На Ялтинской и Потсдамской конференциях лидеров «большой тройки» все вопросы, связанные с предстоявшим вступлением по многочисленным просьбам союзников СССР в войну против Японии, были не только согласованы, но и тщательно проработаны на уровне военных министерств и генеральных штабов. Советский Союз осуществил масштабные мероприятия по наращиванию и повышению боевой готовности своих войск и сил на Дальнем Востоке и в Забайкалье и, выполняя союзнический долг, в установленный срок, ровно три месяца спустя после капитуляции Германии, открыл военные действия против милитаристской Японии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. Т. 3. М., 1947. С. 166.

[2] Дайтоа сэнсо кокан сэн си (Официальная история войны в Великой Восточной Азии) (далее — Дайтоа сэнсо кокан сэн си). В 110-ти т. Токио, 1960-е — 1990-е гг. Т. 73. Кантогун (Квантунская группировка войск). Ч. 2. Кантокуэн. Сюсэндзи-но тайсосэн (План «Кантокуэн». Военные действия против Советского Союза на завершающем этапе). Токио, 1974. С. 325.

[3] Правда. 1945. 9 августа.

[4] Beijing Review. 1985. May 6. P. 16, 18.

[5] *Bateson Ch.* The War with Japan: A Concise History. Sydney, 1968. P. 375; *Хаттори Т.* Дайтоа сэнсо дзэн си (Полная история войны в Великой Восточной Азии). Токио, 1970. С. 866.

[6] См.: История Второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12-ти т. Т. 11. М., 1980. С. 142, 148; United States Strategic Bombing Survey. The Effects of Strategic Bombing on Japan's War Economy. Wash., 1946. P. 176, 180—181, 183; *Моримото Т.* Масё-но рэкиси (Зловещая история). Токио, 1985. С. 72, 79.

[7] Вторая мировая война: Цифры и факты. М., 1986. С. 769.

[8] *Моримото Т.* Масё-но рэкиси. С. 154—155.

[9] Центральный государственный архив Военно-морского флота. Ф. 2. Оп. 035630. Д. 3. Л. 1.

[10] Центральный военно-морской архив (далее — ЦВМА). Ф. 2450. Оп. 0019979. Д. 88. Л. 622.

[11] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 11. С. 147.

[12] Вторая мировая война: Краткая история. М., 1984. С. 545.

[13] *Зимонин В. П.* Регион в огне. Узловые проблемы войны на Тихом океане. М., 1993. С. 319.

[14] Там же. С. 320.

[15] ЦВМА. Ф. 2450. Оп. 028518. Д. 1. Л. 51.

[16] Там же. Оп. 0119979. Д. 88. Л. 16—17.

[17] Там же. Оп. 028518. Д. 1. Л. 51 об.

[18] Там же. Оп. 0019979. Д. 88. Л. 620.

[19] Там же; Вторая мировая война: Краткая история. С. 545.

[20] *Савин А. С.* Японский милитаризм в период Второй мировой войны 1939—1945 гг. М., 1979. С. 6; *Зимонин В. П.* Регион в огне. С. 329.

[21] ЦВМА. Ф. 2450. Оп. 0019979. Д. 88. Л. 618.

[22] *Kase T.* Journey to the «Missouri»: A Japanese Diplomatic Story of How His Country Made War and Peace. New Haven, 1950. P. 101.

[23] *Савин А. С.* Японский милитаризм в период Второй мировой войны 1939—1945 гг. С. 226.

[24] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. В 3-х т. Т. III. М., 1962. С. 468.

[25] The Entry of the Soviet Union into the War Against Japan: Military Plans. 1941—1945. Wash., 1955. P. 63.

[26] Reports of General MacArthur: Japanese Operations in South-West Pacific Area. Wash., 1966. Vol. 1. P. 395.

[27] Протокол совещания см.: ЦАМО. Ф. 113. Оп. 3274. Д. 11. Л. 201, 203, 219.

[28] *Churchill W.* The Second World War. Vol. 6. Triumph and Tragedy. N. Y., 1974. P. 536—537.

[29] Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг.: Краткая история. 3-е изд. М., 1984. С. 476; История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 11. С. 25, 213; Command Decisions / Ed. with Introductory Essay by *K. Greenfield*. Wash., 1987. P. 501, 504; The Entry of the Soviet Union into the War

Against Japan. P. 65, 85–88; *Spector R.* Eagle Against the Sun: The American War with Japan. N. Y., 1985. P. 511–530.

[30] Foreign Relations of the U. S. Diplomatic Papers (далее — FRUS): The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. Wash., 1961. P. 370–371.

[31] Relations with China: Reference to the Period 1944–1945. Wash., 1949. P. VIII; The Japan Times. 1984. August 15; *Stimson H., Bundy M.* On Active Service in Peace and War. N. Y., 1948. P. 619; *Churchill W.* The Second World War. Vol. 6. P. 545; *Зимонин В. П.* Принуждение агрессора к миру: Советский Союз и победная точка во Второй мировой войне. М., 2011. С. 108.

[32] Америка. 1985. № 346. С. 16.

[33] Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг: Краткая история. С. 478; Command Decisions. P. 507–508.

[34] *Spector R.* Eagle Against the Sun. P. 552–553.

[35] *Churchill W.* The Second World War. Vol. 6. P. 333.

[36] Разгром милитаристской Японии и освободительная миссия СССР в Азии: Сборник документов. М., 1985. С. 19.

[37] *Deane J.* The Strange Alliance. N. Y., 1947. P. 226.

[38] *Эрман Дж.* Большая стратегия (октябрь 1944 — август 1945) / Пер. с англ. М., 1958. С. 204–205.

[39] *Говард М.* Большая стратегия (август 1942 — сентябрь 1943) / Пер. с англ. М., 1980. С. 434.

[40] *Stoler M.* The Politics of the Second Front: American Military Planning and Diplomacy in Coalition Warfare, 1941–1943. Westport; L., 1977. P. 144.

[41] Разгром милитаристской Японии и освободительная миссия СССР в Азии. С. 110.

[42] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 184.

[43] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 2-е изд. В 2-х т. М., 1989. Т. 2. С. 31.

[44] Разгром милитаристской Японии и освободительная миссия СССР в Азии. С. 20.

[45] Negotiating with the Russians / Ed. by R. Dannett and J. Johnson. Boston, 1951. P. 20.

[46] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. В 2-х кн. 6-е изд. Кн. 2. М., 1988. С. 238–239.

[47] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1975. С. 352.

[48] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2010. С. 478.

[49] *Stettinius E.* Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. L., 1955. P. 90–91.

[50] *Савин А. С.* Японский милитаризм в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 191.

[51] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании 4–10 февраля 1945 г. (далее — Крымская конференция). В 4-х т. М., 1984. С. 254–255.

[52] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. М., 1984. С. 217–273, 289–290.

[53] Ялта. 1945 год: Проблемы войны и мира / Под общей ред. А. Н. Баженова, О. А. Ржешевского. М., 1992. С. 121; *Stoler M.* Allies at War, 1941–1945 // Report on Conference. New Brunswiek, 1994.

[54] Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 06. Оп. 7а. Д. 9. П. 58. Л. 2–3 (Начальник военной миссии США генерал-майор Армии США Джон Р. Дин — заместителю начальника Генерального штаба Красной армии генералу А. И. Антонову. 18 ноября 1945 г.).

[55] *Churchill W.* The Second World War. Vol. 6. P. 295.

[56] Ibid. P. 333.

[57] Ibid. P. 297.

[58] Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 415/п. Оп. 5. Д. 68. Л. 166–167; Д. 72. Л. 18–20.

[59] *Зимонин В. П.* Победная точка во Второй мировой войне: Советско-японская война 1945 г. — происхождение, ход, итоги. М., 2005. С. 20.

[60] *Борисов О. Б., Бутурлинов В. Ф., Носков А. М., Щебеньков Ю. М.* Победа на Востоке: К 40-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1988. С. 9; Краснознаменный Тихоокеанский флот. 3-е изд. М., 1981. С. 135–136; *Локвуд Ч.* Топи их всех / Пер. с англ. М., 1960. С. 95; Вторая мировая война: Краткая история. С. 485, 550.

[61] *Борисов О. Б., Бутурлинов В. Ф., Носков А. М., Щебеньков Ю. М.* Победа на Востоке. С. 21.
[62] ЦАМО. Ф. 113. Оп. 3274. Д. 11. Л. 210.
[63] In: *Beloff M.* Soviet Policy in the Far East, 1944–1951. L., 1953. P. 23–24.
[64] *Rose L.* After Yalta: America and the Origins of the Cold War. N. Y., 1973. P. 25.
[65] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. М., 1983. С. 182 (Сталин — Черчиллю 30 сентября 1944 г.), 191.
[66] FRUS: The Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 368.
[67] *Jones R. H.* The Roads to Russia: United States Lend-Lease to the Soviet Union. N. Y., 1969. P. 180.
[68] FRUS: The Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 369; Ялта. 1945 год: Проблемы войны и мира. С. 121.
[69] Крымская конференция. С. 140; FRUS: The Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 768.
[70] *Churchill W.* The Second World War. Vol. 6. P. 334.
[71] The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations 1941–1945 / Ed. by Qr. Ross. L., 1984. P.52; The Diaries of Sir Alexander Cadogan 1938–1945 / Ed. by D. Dilks. L., 1979. P. 715.
[72] Цит. по*: Новиков Н. В.* Воспоминания дипломата: Записки о 1938–1947 гг. М., 1989. С. 285.
[73] Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 20–21.
[74] Command Decisions. P. 503.
[75] Ibid. P. 502–503.
[76] FRUS: The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945. Vol. 1. Wash., 1960. P. 905.
[77] The Entry of the Soviet Union into the War Against Japan. P. 51.
[78] Цит. по: *Сиполс В. Я.* На пути к великой победе: Советская дипломатия в 1941–1945 гг. М., 1985. С. 437.
[79] Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945): Сб. документов. М., 1980. С. 43.
[80] *Mee Ch. L.* Meeting at Potsdam. L., 1976. P. 80, 326.
[81] Цит. по: *Бережков В. М.* Значение потсдамских решений // США — экономика, политика, идеология. 1985. № 7. С. 60–61.
[82] FRUS: The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945. Vol. 2. P. 345.
[83] Цит. по: ЦАМО. Ф. 40. Оп. 11549. Д. 313. Л. 80–83.
[84] История войны на Тихом океане / Пер. с япон. В 6-ти т. Т. IV. М., 1958. С. 97.
[85] Там же. С. 327.
[86] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 13.
[87] Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане). В 5-ти т. Т. 5. Токио, 1973. С. 86.
[88] Там же. С. 88; ЦВМА. Ф. 2450. Оп. 0019979. Д. 88. Л. 620.
[89] История войны на Тихом океане. Т. III. С. 324.
[90] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 14.
[91] *Лукьянова М. И.* Японские монополии во время Второй мировой войны. М., 1953. С. 179–181.
[92] Война и общество в XX веке. В 2-х т. М., 2008. Кн. 2. С. 466.
[93] Там же. С. 466.
[94] *Коэн Дж.* Военная экономика Японии / Пер. с англ. М., 1951. С. 140.
[95] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 179.
[96] Война и общество в XX веке. Кн. 2. С. 465.
[97] Тайхэйё сэнсо (Война на Тихом океане). Токио, 1967. С. 387–388.
[98] *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 / Сокр. пер. с япон. М., 1973. С. 527.
[99] Там же. С. 528.
[100] *Bix H. P.* Hirohito and the Making of Modern Japan. N. Y., 2001. P. 480.
[101] Японский милитаризм (Военно-историческое исследование). М., 1972. С. 216.
[102] Там же.
[103] War in Asia and the Pacific 1939–1949: A Fifteen-volume Collection / Ed. by D. Detwiler, Ch. Burdick. N. Y., L., 1980. Vol. 8. China, Manchuria and Korea (Part 1). P. 180.
[104] Command Decisions. P. 505, 513.
[105] *Хаттори Т.* Дайтоа сэнсо дзэн си. С. 851–854.

[106] *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. С. 538.
[107] Там же. С. 536.
[108] Там же. С. 536–537.
[109] Там же. С. 538–539.
[110] *Биссон Т. А.* Военная экономика Японии / Пер. с англ. М., 1949. С. 280–281.
[111] Война и общество в XX веке. Кн. 2. С. 467.
[112] *Биссон Т. А.* Военная экономика Японии. С. 538–539.
[113] Японский милитаризм. С. 217.
[114] Там же. С. 218.
[115] *Крейг У.* Падение Японии / Пер. с англ. М., 1999. С. 61–62.
[116] Нихон си сирё (Материалы по истории Японии). В 3-х т. Токио, 1958. Т. 2. С. 236.
[117] Тайхэйё сэнсо си. Т. 5. С. 302.
[118] Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 519–520.
[119] United States Strategic Bombing Survey. The Effects of Strategic Bombing on Japanese Morale. Wash., 1947. P. 19.
[120] Сэнсо то кокумин (Война и народ). Токио, 1980. С. 177–178.
[121] Война и общество в XX веке. Кн. 2. С. 469.
[122] *Bix H. P.* Hirohito and the Making of Modern Japan. P. 490.
[123] См. подробнее: *Кошкин А. А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011. С. 173–179.
[124] *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. С. 541.
[125] Сюсэн сироку. Гаймусё хэн (Документы истории окончания войны. Составитель — Министерство иностранных дел Японии). В 6-ти т. Токио, 1977–1978. Т. III. С. 27.
[126] Там же. С. 27–29.
[127] *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. С. 542.
[128] Там же. С. 544–545.
[129] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 73. С. 389; История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 38–39.
[130] Гундзи кэнкю. 1977. № 6. С. 58–59.
[131] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 73. С. 388–397.
[132] *Борисов О. Б., Бутурлинов В. Ф., Носков А. М., Щебеньков Ю. М.* Победа на Востоке. С. 88.
[133] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 73. С. 388–397.
[134] *Бутурлинов В. Ф., Вартанов В. Н., Зимонин В. П. и др.* Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Военно-политический очерк. М., 1989. С. 237.
[135] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 182; *Волкогонов Д. А.* Триумф и трагедия. В 2-х кн. Кн. 2. Ч. 2. М., 1989. С. 18; ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178 499. Д. 2–4, 8, 9 и др.
[136] Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. М., 1949. С. 8.
[137] *Борисов О. Б., Бутурлинов В. Ф., Носков А. М., Щебеньков Ю. М.* Победа на Востоке. С. 88.
[138] Военно-исторический журнал. 1975. № 8. С. 67; История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 182.
[139] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 73. С. 395.
[140] Гундзи кэнкю. 1977. № 6. С. 57–58.
[141] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 73. С. 394–395.
[142] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 67, 73.
[143] Гундзи кэнкю. 1977. № 8. С. 27.
[144] Там же. С. 28.
[145] Там же. С. 30.
[146] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 73. С. 384.
[147] Там же. С. 393–394; РГВА. Ф. 451/п. Оп. 5. Д. 72. Л. 22, 115–122.
[148] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 180; *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2010. С. 479.

[149] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 180.
[150] Там же. С. 454.
[151] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х кн. М., 1985. Кн. 1. С. 403.
[152] Там же. С. 374.
[153] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 171–172.
[154] *Эрман Дж.* Большая стратегия (октябрь 1944 — август 1945). С. 206–207.
[155] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 209.
[156] Ялта. 1945 год: Проблемы войны и мира. С. 128.
[157] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 439.
[158] *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1971. С. 410.
[159] ЦАМО. Ф. 113. Оп. 3274. Д. 11. Л. 211.
[160] Там же. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 42. Л. 73–76.
[161] Ялта. 1945 год: Проблемы войны и мира. С. 130.
[162] Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 78.
[163] *Ковалев И. В.* Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945). М., 1981. С. 385.
[164] ЦАМО. Ф. 113. Оп. 3274. Д. 11. Л. 224, 230.
[165] Победа СССР в войне с милитаристской Японией и послевоенное развитие Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1977. С. 43.
[166] Там же. С. 44–45.
[167] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6-ти т. М., 1963. Т. 5. С. 551.
[168] *Ковалев И. В.* Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 399.
[169] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. М., 1959. Т. 4. С. 624.
[170] Финал. М., 1969. С. 159.
[171] ЦАМО. Ф. 66. Оп. 77213. Д. 1. Л. 27.
[172] Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 80.
[173] *Гришин М. И.* Военные сообщения в кампании Советских вооруженных сил на Дальнем Востоке. М., 1960. С. 38, 40.
[174] Победа СССР в войне с милитаристской Японией и послевоенное развитие Восточной и Юго-Восточной Азии. С. 47.
[175] *Хаттори Т.* Дайтоа сэнсо дзэн си. С. 847.
[176] Цит. по: *Шикин И. В., Сапожников Б. Г.* Подвиг на дальневосточных рубежах. М., 1975. С. 7.
[177] Цит. по: *Василевский А. М.* Дело всей жизни. В 2-х кн. 6-е изд. Кн. 2. С. 244–245.
[178] История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. С. 213.
[179] Там же. С. 192, 196.
[180] *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 165.
[181] Там же.
[182] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 193, 196–197; Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 23–24.
[183] *Виноградов Л. Н., Егоров П. Я.* Разгром агрессии на Дальнем Востоке. М., 1975. С. 9.
[184] Советские танковые войска. 1941–1945. М., 1973. С. 310; История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 197.
[185] Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 117.
[186] Там же. С. 118–119.
[187] Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 6.
[188] Там же.
[189] Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 89.
[190] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. III. С. 472, 474.
[191] *Борисов О. Б., Бутурлинов Б. Ф., Носков А. М., Щебеньков Ю. М.* Победа на Востоке. С. 22.
[192] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. В 2-х кн. 6-е изд. Кн. 2. С. 249.

[193] *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 172.
[194] Там же.
[195] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. В 2-х кн. 6-е изд. Кн. 2. С. 238–239, 241.
[196] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 13. Л. 225–228.
[197] Там же. Д. 42. Л. 73–74.
[198] Там же. Л. 75–76.
[199] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. В 2-х кн. 6-е изд. Кн. 2. С. 485.
[200] Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 120.
[201] Там же.
[202] ЦАМО. Ф. 339. Оп. 5179. Д. 91. Л. 111–113.
[203] Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 89.
[204] Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1968. С. 425.
[205] Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 90–91.
[206] Там же. С. 91–92.
[207] Там же. С. 91.
[208] Там же. С. 92.
[209] Краснознаменный Тихоокеанский флот. 3-е изд. М., 1981. С. 162; Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 15.
[210] Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 162; ЦВМА. Ф. 129. Д. 17704. Л. 27.
[211] История военно-морского искусства. М., 1970. С. 505.
[212] Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 502.
[213] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 475–476.
[214] История военно-морского искусства. С. 502.
[215] Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 190–191.
[216] Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 124–125.
[217] Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 12.
[218] *Зимонин В. П.* Маршал Василевский: полководец, поставивший последнюю точку во Второй мировой войне. М., 2007. С. 49.
[219] *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 186.
[220] Там же. С. 186–187.
[221] *Шикин И. В., Сапожников Б. Г.* Подвиг на дальневосточных рубежах. С. 83.
[222] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 314, 317.
[223] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 2215. Д. 2. Л. 20–28.
[224] *Зимонин В. П.* Верность традициям: Вооруженные силы СССР в войне против Японии. М., 1998. С. 22–23.
[225] 5 августа 1945 г. Приморская группа войск была переименована в 1-й Дальневосточный фронт, а Дальневосточный фронт — во 2-й Дальневосточный фронт.
[226] *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 188.
[227] Цит. по: *Шикин И. В., Сапожников Б. Г.* Подвиг на дальневосточных рубежах. С. 115.

РАЗГРОМ ЯПОНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В КИТАЕ, КОРЕЕ, НА САХАЛИНЕ И КУРИЛАХ

Маньчжурская стратегическая наступательная операция

9 августа 1945 г. около 1 часа ночи по хабаровскому времени передовые и разведывательные отряды Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов пересекли государственную границу и начали вклинение на территорию Маньчжурии; к боевым действиям приступил и Тихоокеанский флот. С рассветом в наступление перешли главные силы фронтов[1]. Так началась советская Дальневосточная кампания, в которой блестяще проявились боевой опыт и военное искусство, накопленные в Великой Отечественной войне. 10 августа войну Японии объявила Монгольская Народная Республика. В этот же день всем вооруженным формированиям освобожденных районов Северного, Центрального и Южного Китая был отдан приказ «немедленно начать наступление на все важнейшие коммуникационные линии и центральные города, занятые врагом, и принудить японские войска и войска марионеточных правительств к капитуляции»[2].

Главным содержанием Дальневосточной кампании стала Маньчжурская стратегическая наступательная операция. Ее замысел состоял в том, чтобы силами трех фронтов во взаимодействии с флотом молниеносно разгромить Квантунскую группировку войск и овладеть важнейшими центрами Северо-Восточного Китая и Северной Кореей. Наступление советских войск развернулось одновременно на хингано-мукденском, харбино-гиринском и сунгарийском направлениях силами Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов под командованием соответственно Маршалов Советского Союза Р. Я. Малиновского, К. А. Мерецкова и генерала армии М. А. Пуркаева, каждый из которых имел к этому времени огромный полководческий опыт.

Наступление советских войск началось с мощного удара авиации по командным пунктам, штабам и узлам связи противника. В соответствии с планами фронтов с утра 9 августа бомбардировочная авиация нанесла сосредоточенные удары по важнейшим железнодорожным станциям и узлам, а также по военным объектам в городах Харбин, Чанчунь, Гирин. В результате этого удара, в котором участвовали сотни советских бомбардировщиков и штурмовиков, связь между штабами и формированиями японских войск в Маньчжурии в первые же часы войны была нарушена, и командование Квантунской группировки потеряло управление ими, что облегчило советским войскам решение поставленных перед ними задач.

Тихоокеанский флот начал подготовку к десантным операциям с целью овладения военно-морскими базами и портами противника на побережье Кореи. Одновременно его военно-воздушные силы и соединения торпедных катеров нанесли удары по кораблям, береговой обороне и другим объектам в северокорейских портах Юки, Расин, Сейсин.

Таким образом, Квантунская группировка войск была атакована на суше, с воздуха и моря на всем протяжении границы с Маньчжурией и на побережье Северной Кореи. Внезапность ударов позволила нашим войскам с самого начала захватить инициативу и максимально использовать первоначальный успех. Удары нашей авиации по железнодорожным узлам затруднили железнодорожное сообщение противника, что при слабой моторизации и механизации Квантунской группировки, действовавшей на столь обширном театре, резко уменьшало возможности ее маневра силами и средствами. Вслед за этим советские войска при поддержке Амурской военной флотилии и военно-воздушных сил успешно форсировали на широком фронте реки Амур и Уссури и, сломив в упорных боях ожесточенное сопротивление японцев в приграничных укрепленных районах, стали развивать наступление в глубину Маньчжурии.

Наступление войск 1-го Дальневосточного фронта на приморско-маньчжурском направлении началось под проливным дождем. Однако в течение первого дня соединения и части 1-й Краснознаменной армии под командованием генерала А. П. Белобородова и 5-й армии генерала Н. И. Крылова пробили брешь в укрепленных районах и продвинулись в глубь Маньчжурии до 20 км. Особенно смело и расчетливо при преодолении укрепленного района действовал батальон 215-й стрелковой дивизии 5-й армии, которым командовал Герой Советского Союза капитан Д. Е. Москалев. Подразделения батальона под покровом темноты выдвинулись на рубеж государственной границы и, используя промежутки в укреплениях, атаковали и блокировали доты и дзоты, разгромили гарнизон противника и еще до рассвета полностью нарушили оборону японцев на этом направлении. Подобным образом части советских войск преодолевали японскую оборону и на других направлениях.

На правом крыле фронта соединения и части 35-й армии 1-го Дальневосточного фронта перешли в наступление в направлении Хутоу и в районе западнее Павло-Федоровки. После артиллерийской и авиационной подготовки, проведенной по Хутоускому укрепленному району, и 15-минутного артиллерийского налета по району обороны противника западнее Павло-Федоровки главные силы армии форсировали реки Уссури и Сунгач. Сломив сопротивление неприятеля, они преодолели обширный болотистый район на западных берегах этих рек и развернули бои с целью расширения плацдармов и прорыва Хутоуского укрепленного района. К исходу дня соединения армии, продвинувшись на глубину 5—12 км, перерезали железную и шоссейную дороги в районе 14 км юго-западнее Хутоу.

Одновременно соединения 25-й армии обходили и блокировали узлы сопротивления Дуннинского и Дунсинчженьского укрепленных районов. К исходу дня они, углубившись в оборону противника до 10—12 км, перерезали дорогу Дуннин — Тумынь в пяти направлениях на всем ее протяжении и овладели рядом населенных пунктов. На левом крыле фронта части южной группировки 25-й армии при поддержке артиллерии кораблей Тихоокеанского флота начали штурм долговременных укреплений противника на границе с Кореей. В тот же день они форсировали реки Хуньчуньхэ и Тумыньцзян и заняли в Северной Корее г. Кэйко.

10—12 августа основная группировка войск фронта, уничтожая узлы сопротивления, развивала наступление в общем направлении на Муданьцзян. На правом крыле фронта соединения и части 35-й армии, блокировав уцелевшие гарнизоны мощных дотов и казематов, овладели Хутоуским укрепленным районом и основными силами продолжали наступать в направлении на Мишань.

Соединения и части 1-й Краснознаменной армии 11 августа заняли города Лишучжень и Бамяньтун, а 12 августа во взаимодействии с войсками 35-й армии овладели г. Мишань и Мишаньским укрепленным районом. К исходу 12 августа передовые части 1-й Краснознаменной армии на дальних подступах к Муданьцзяну форсировали р. Мулинхэ, а соединения и части 5-й армии, овладев 11 августа г. Мулин, также вышли к этой реке. Одновременно

главные силы 25-й армии, преодолевая сопротивление противника, вели наступление на Ванцин. В районе Муданьцзян враг оказывал упорное сопротивление, переходя в яростные контратаки. Войска фронта, успешно отбивая эти контратаки, завязали бой на внешнем обводе муданьцзянских укреплений японцев.

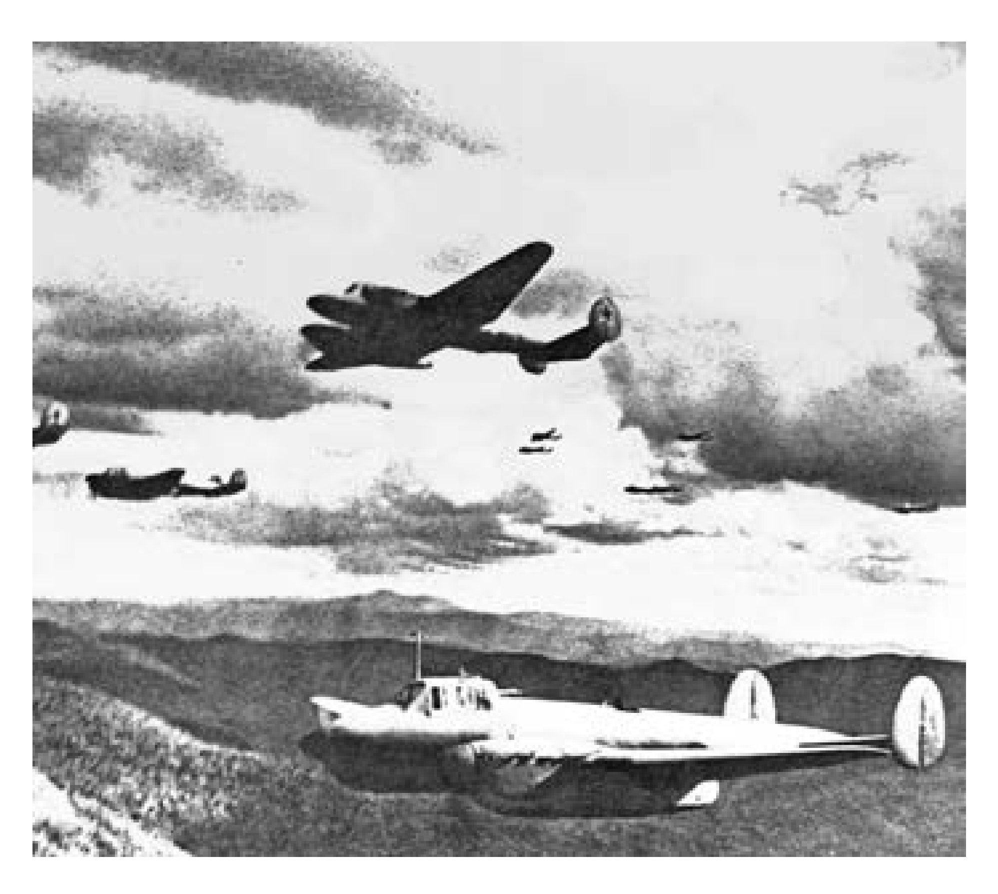
Соединения левого фланга 25-й армии 11 августа с боем овладели Хуньчуньским укрепленным районом противника и, стремительно наступая вдоль побережья в направлении Сейсина, во взаимодействии с кораблями Тихоокеанского флота к исходу 12 августа овладели портами и городами Юки и Расин. В течение 13 и 14 августа наступление развивалось успешно. На правом крыле фронта соединения и части 35-й армии к исходу 13 августа овладели г. Дунань и, обеспечивая основную группировку войск фронта с севера, наступали в направлении Линькоу. 1-я Краснознаменная армия овладела г. Линькоу, ее соединения и части форсировали р. Муданьцзян и ворвались с северо-востока в г. Муданьцзян, где завязали упорные уличные бои. Соединения и части 5-й армии к исходу 14 августа также подошли к г. Муданьцзян с востока и вступили в уличные бои.

К исходу 14 августа войска 1-го Дальневосточного фронта в условиях труднопроходимой горно-таежной местности и яростного сопротивления противника продвинулись в глубину Маньчжурии на 120—150 км, прорвав сильно укрепленную полосу обороны. Войска фронта овладели семью мощными укрепленными районами (Хутоуским, Мишаньским, Пограничненским, Дуннинским, Дунсинчженьским, Хуньчуньским и Кэнхынским), вышли к рубежу обороны, подготовленному противником по линии Линькоу — Муданьцзян, и завязали бои на внутреннем обводе сильно укрепленного опорного пункта противника — г. Муданьцзян, который запирал выходы в Центральную Маньчжурию со стороны Приморья.

Таким образом, и на харбино-гиринском направлении не оправдались надежды японского командования на то, что войска Красной армии застрянут в пограничной укрепленной полосе и труднодоступных горных хребтах Восточной Маньчжурии и будут здесь обескровлены относительно небольшими силами прикрытия. На этом направлении противнику не удалось вывести свои основные силы из-под удара советских войск и сосредоточить их на рубежах обороны, подготовленных в глубине Маньчжурии.

Обстановка для японского командования осложнялась тем, что и на харбино-гиринском направлении оно в первый же день войны потеряло управление и связь с большей частью своих соединений и гарнизонов. По показанию начальника штаба 3-й армии генерала Икэтани Хандзиро, «в первый же день начала военных действий нарушилась связь с гарнизонами Чуньхуа, Уцзяцзы и Сиокаку, в результате чего армейское командование не могло узнать о действиях советских войск в этих районах»[3]. А японский генерал Масаки Горо эту же мысль выразил ярче: «Конкретных данных о ходе операции до сего времени нет, и нет возможности установить их». Начальник отделения прессы штаба Квантунской группировки полковник Хасэгава Уити по этому же поводу заявил, что уже примерно в 16 часов 9 августа «связи с войсками не было, поэтому действительное положение и подробности начала боев не были известны». Потеря управления вызвала еще большую дезорганизацию японской обороны, что позволило войскам 1-го Дальневосточного фронта увеличить темп наступления и усилить удары по врагу.

На забайкальско-маньчжурском направлении войска Забайкальского фронта сорвали планы противника втянуть советские соединения и части в изнурительные бои в приграничной зоне. На хингано-мукденском направлении войска Забайкальского фронта 9 августа в 00 часов 10 минут по местному времени без артиллерийской и авиационной подготовки начали боевые действия сильными передовыми отрядами. В 4 часа 30 минут на всех операционных направлениях перешли государственную границу и главные силы фронта. Ввиду того что главные силы Квантунской группировки войск были расположены далеко в глубине Маньчжурии, а оставленные в приграничной полосе соединения и части прикрытия не могли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления, войска фронта устремились к перевалам хребта Большой Хинган. К исходу дня на правом крыле и в центре они продвинулись общевойсковыми соединениями до 50 км и подвижными соединениями — на 120—150 км,

Бомбардировщики 1-го Дальневосточного фронта идут на выполнение боевого задания

Огонь советской артиллерии по позициям противника

Советские войска переходят границу Маньчжурии

а на левом крыле в ходе боя овладели Чжалайнор-Маньчжурским укрепленным районом, крупными узлами дорог, городами и железнодорожными станциями Маньчжурия и Чжалайнор, форсировали р. Аргунь на участке Богдановка — Старо-Цурухайтуй, продвинувшись на отдельных направлениях до 40 км.

Группа войск монгольской Народно-революционной армии главными силами (25-я мотострелковая и 43-я танковая бригады, 3-й отдельный танковый полк, 5, 6, 7, 8 и 59-я кавалерийские дивизии со средствами усиления) на долоннорском направлении продвинулась на 55 км, имея передовые части на подступах к Нарто-Сумэ, а часть сил (7-я бронебригада, 27-я мотострелковая бригада и 30-й мотоциклетный полк) выдвигалась вдоль государственной границы из района 25 км юго-восточнее Дзамыйн-Удэ в направлении на Эрлянь.

Соединения и части 17-й армии (278, 284 и 209-я стрелковые дивизии со средствами усиления) на чифынском направлении к исходу 9 августа продвинулись главными силами до 50 км, а передовыми частями — до 70 км, имея их в районе озера Табун-Нур.

В это же время 6-я гвардейская танковая армия (9-й гвардейский механизированный корпус, 7-й механизированный корпус и 5-й гвардейский танковый корпус, насчитывавшие механизированных бригад — 6, мотострелковых бригад — 1, танковых бригад — 5, мотострелковых дивизий — 2, мотоциклетный полк — 1 со средствами усиления), развивая наступление в общем направлении на Чанчунь, продвинулась на глубину до 150 км. Ее передовые части уже находились на подступах к перевалам Большого Хингана.

В первый день наступления войска Забайкальского фронта встретили сопротивление лишь на левом крыле, где японцы, опираясь на р. Аргунь и Чжалайнор-Маньчжурский укрепленный район, пытались задержать наступление 36-й армии. Однако соединения и части армии преодолели вражеское сопротивление. На правом фланге они овладели Чжалайнор-Маньчжурским укрепленным районом, а на левом фланге успешно форсировали крупную водную преграду — р. Аргунь и начали стремительно продвигаться к Хайлару. К исходу дня соединения армии на отдельных направлениях продвинулись до 40 км.

53-я армия, составляющая второй эшелон фронта, готовилась к выдвижению за соединениями и частями 6-й гвардейской танковой армии.

12-я воздушная армия, поддерживая основную группировку войск фронта, в течение дня наносила массированные удары по железнодорожным узлам противника Халун-Аршан, Солунь, Хайлар и по станциям Учагоу, Нюфынтай, прикрывала наступавшие войска с воздуха. В течение дня 9 августа авиация фронта произвела около 500 самолето-вылетов. Авиация противника активности не проявляла.

Соединения и части 36-й армии под командованием генерала А. А. Лучинского и 39-й армии генерала И. И. Людникова при активной поддержке авиации овладели Чжалайнор-Маньчжурским и Халун-Аршанским укрепленными районами и устремились вперед. В это же время 6-я гвардейская танковая армия генерала А. Г. Кравченко и советско-монгольская конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева разгромили войска прикрытия противника и повели наступление к Большому Хингану.

Японские войска, прикрываясь частью сил на угрожаемых направлениях, начали отходить на тыловой оборонительный рубеж, проходивший по железным дорогам Тумынь — Чанчунь и Чанчунь — Дайрэн, с целью организации на нем сопротивления наступавшим советским войскам. На линии этих дорог японцы предполагали контратаками задержать продвижение советских войск и подготовиться к ведению боевых действий в тыловых районах Маньчжурии. С этой целью 1-й фронт Квантунской группировки войск должен был отвести 3-ю и 5-ю армии на линию железной дороги Тумынь — Чанчунь, а 3-й фронт — отойти в район железной дороги Чанчунь — Дайрэн. 4-я армия получила задачу постепенно отойти через Харбин в район Гирина для занятия рубежа между войсками 1-го и 3-го фронтов.

Таким образом, когда войска Забайкальского фронта на всех операционных направлениях быстро продвигались к жизненно важным центрам Маньчжурии, японское командование приступило к отводу своих войск на рубеж Чанчунь — Дайрэн. Для прикрытия угрожаемых направлений оно оставило слабые силы, которые не могли оказать серьезного сопротивле-

ния войскам Забайкальского фронта и надежно обеспечить отход основной массы японских войск на тыловой рубеж обороны.

В 13 часов 9 августа командующий объединенной группировкой генерал Нотимия (Усироку Дзюн) отдал приказ № 19 о подчинении всех войск Маньчжоу-Го японским армиям и соединениям, в полосах действий которых они находились. Этим же приказом 44-я армия получила задачу уничтожить советские войска в районах Бодунэ — Ачэн и Далай — Чжензцятунь (Ляоюань) и закрепиться на рубеже Далай — Чанцзятунь — Хоусиньцю. 30-й армии надлежало, сосредоточив основные силы в Чанчуне и часть сил в районах Гирин, Гунчжулин, Сыпингай и Кайюань, уничтожить наступавшие здесь войска Забайкальского фронта. Наибольшее сопротивление предполагалось оказать в районах Чанчунь — Биньцзян, Чанчунь — Бодунэ, Чанчунь — Тумынь и железной дороги Чанчунь — Дайрэн.

Высокие темпы наступления советских войск, достигнутые уже в первый день операции, поставили под угрозу выполнение плана японского командования об отводе главных сил Квантунской группировки войск на оборонительные рубежи, подготовленные в глубине Маньчжурии. Это потребовало принятия ряда мер. В нескольких приказах командующего объединенной группировкой войскам ставились задачи по организации партизанских действий на основных направлениях наступления советских войск, в частности на чифынском, чанчуньском направлениях и в районах Шанхайгуань, Цзиньчжоу, Ичжоу и Фусинь. Кроме того, в приказе № 19 от 9 августа от войск требовалось «немедленно разрушить основные участки железной дороги в районах Бодунэ и Ачэн».

В приказе № 34 войскам 3-го фронта указывалось: «Войска фронта должны своевременно разрушить все важные сооружения, находящиеся внутри района фронта. Командиру 108-й дивизии своевременно сжечь или разрушить в провинциях Жэхэ и Цзиньчжоу (исключая Ляохэ) такие объекты, как военные сооружения, сооружения связи, важные угольные шахты, общественные здания и т. д., и в частности все дорожные и железнодорожные мосты в долине реки Далинхэ»[4]. Командиру 136-й пехотной дивизии было приказано «немедленно разрушить дорожные мосты на р. Ляохэ, а также подготовить к разрушению железнодорожные мосты на реках Ляохэ и Хуньхэ». Командующим 30-й и 44-й армиями, а также начальнику отряда охраны Квантунской провинции предписывалось «подготовить к сожжению или взрыву такие объекты... как военные сооружения, сооружения связи, важные шахты, общественные здания и т. д.»[5]. Выполняя эти приказы, отходившие части противника взрывали мосты, склады, телеграфные линии и уничтожали (отравляли) источники воды. Однако все эти меры не принесли японцам ожидаемых результатов, потому что оказались запоздавшими и осуществлялись не повсеместно из-за нарушения управления войсками.

Забайкальский фронт продолжал стремительно продвигаться вперед. На калганском и долоннорском направлениях противник по-прежнему не смог оказать серьезного сопротивления. 11 августа танковые и механизированные соединения 6-й гвардейской танковой армии преодолели Большой Хинган и, продвинувшись за сутки до 180 км, неожиданно для японского командования вышли на Центрально-Маньчжурскую равнину в район Лобэй. Ближайшая задача, поставленная перед Забайкальским фронтом, была выполнена в течение трех суток.

36-я армия овладела г. Хайлар. Блокировав сильный гарнизон Хайларского укрепленного района (около 6 тыс. человек), армия основными силами развивала наступление к перевалам хребта. Однако отдельные гарнизоны Хайларского укрепленного района, укрывшись в дотах, расположенных на высотах за чертой города, продолжали ожесточенно сопротивляться. Для их уничтожения 36-я армия подтягивала тяжелую артиллерию. 53-я армия продолжала выдвигаться за 6-й гвардейской танковой армией.

После того как войска Забайкальского фронта преодолели Большой Хинган, перед ними открылись новые возможности быстрого продвижения вперед. 6-я танковая армия овладела Таонанем и двинулась на Мукден и Чанчунь. Соединения 36-й армии, наступавшие в северной части Большого Хингана, вышли к г. Бухэду, тем самым отрезав пути сообщения основных сил Квантунской группировки от войск, находившихся в северном и северо-западном районах Маньчжурии.

В атаку!

Командир отличившегося в боях в Маньчжурии пулеметного расчета А. Г. Галиулин

Воины 5-й армии 1-го Дальневосточного фронта, первыми вошедшие в город Мулин

Бронекатера Краснознаменной Амурской военной флотилии

В течение шести дней войска Забайкальского фронта, продвинувшись в глубину Маньчжурии на 250—400 км и развернув наступление на Центрально-Маньчжурской равнине, всеми своими силами вышли к основным военно-политическим и промышленным центрам — городам Калган, Жэхэ, Мукден, Чанчунь, Цицикар. 39-я армия, выдвинувшись в Центральную Маньчжурию, продолжала развивать наступление в юго-восточном, а затем и юго-западном направлениях с задачей 23 августа главными силами выйти в район Чейлинцзы.

Командование Квантунской группировки, потеряв централизованное управление своими войсками, беспорядочно бросало их в сражение разрозненными группами, но это уже не могло остановить стремительного наступления советских войск. Поэтому с 12 августа противник предпринял срочные меры по усилению наземной и противовоздушной обороны районов Чанчунь и Мукден. С этой целью он начал стягивать в указанные районы дополнительные силы пехоты и зенитной артиллерии. Контратаки, предпринятые японцами в период с 12 по 14 августа в районах Линьси, Солунь, Ванемяо, Бухэду, успеха не имели.

Таким образом, войска Забайкальского фронта глубоко проникли в оборону противника, расчленив Квантунскую группировку и отрезав ее значительную часть от войск, действовавших в Северо-Западной Маньчжурии. Замысел командования был выполнен полностью.

В иной обстановке, но также успешно проходило наступление войск 2-го Дальневосточного фронта под командованием генерала М. А. Пуркаева. Наступление фронта на приморско-маньчжурском направлении началось активными действиями Амурской военной флотилии против японских баз на р. Сунгари. Одновременно соединения и части 15-й армии генерала С. К. Мамонова форсировали Амур и своими передовыми частями захватили плацдарм на маньчжурском берегу.

В течение 9 и 10 августа соединения и части 15-й армии и 5-го отдельного стрелкового корпуса во взаимодействии с отрядами пограничников и соединениями кораблей Амурской военной флотилии форсировали реки Амур и Уссури, очистили от противника противоположные берега этих рек на участке протяженностью до 120 км (от устья р. Сунгари до устья р. Хор) и овладели городами Лобей, Тунцзян, Фуйюань, многими другими населенными пунктами, а также Гацзяским и Этушаньским узлами сопротивления Сунгарийского укрепленного района.

Левый берег р. Амур в районах, откуда удобнее и легче можно было форсировать реку и совершать короткие рейсы, представлял собой сильно заболоченную местность, почти недоступную даже для пехоты. Возможность сосредоточения здесь войск исключалась, поэтому командованию 15-й армии пришлось размещать войска для форсирования р. Амур в районах, удаленных от объектов атаки на 20—40 км вниз по течению. Разумеется, это увеличивало протяженность и продолжительность каждого рейса и потребовало использовать боевые корабли Амурской военной флотилии для переброски передовых отрядов и частей первого эшелона десантов. Использование для десантирования боевых кораблей с их артиллерией позволило перебросить десанты через широкую реку в минимальный срок, подавить огневые точки противника, особенно опасные при длинных рейсах, и обеспечить высадку, атаку и наступление десантов в прибрежной полосе.

Одновременно 5-й отдельный стрелковый корпус форсировал р. Уссури, сломил сопротивление незначительных сил прикрытия, оборонявших Жаохэйский укрепленный район, и, овладев городами Дунаньчжэнь и Жаохэ, а также рядом других населенных пунктов и Жаохэйским узлом сопротивления, к исходу 10 августа продвинулся на глубину 11—23 км на фронте свыше 80 км. Соединения корпуса, действуя в условиях сильнопересеченной заболоченной местности и бездорожья, к исходу 14 августа овладели г. Баоцин и продолжали развивать наступление в направлении Боли.

В связи с успешным наступлением на всех направлениях главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке принял решение о переходе 11 августа 2-го Дальневосточного фронта в наступление и на остальных участках фронта от Благовещенска до Бикина, а также на Сахалине и Курильских островах.

С утра 11 августа в наступление перешли соединения и части 2-й Краснознаменной армии. Ее передовые отряды во взаимодействии с Зее-Бурейской бригадой речных кораблей еще 9—10 августа форсировали р. Амур и захватили плацдармы на правом берегу. Армия вела наступление в двух направлениях: главными силами — на Цицикар, вспомогательной группировкой — на Бэйаньчжэнь. На цицикарском направлении, развивая наступление на Мэргэнь, она вела упорные бои по уничтожению частей противника, оборонявших узлы сопротивления Сахалинского укрепленного района. На бэйаньчжэньском направлении шли не менее ожесточенные бои с целью окружения частей 123-й пехотной дивизии и 6-го пограничного гарнизона противника, насчитывавших до 20 тыс. человек. Японские войска с боями отходили к городам Суньу и Сюньхэ, взрывая склады боеприпасов и мосты на дорогах. К исходу 11 августа соединения и части 2-й Краснознаменной армии овладели городами Сахалян, Айгунь, Цикэ, Сюньхэ и рядом других населенных пунктов. В течение 12—14 августа они нанесли поражение противнику в большей части узлов сопротивления Суньуского укрепленного района и вышли к р. Суньбилахэ, захватив переправы через нее.

Соединения и части 15-й армии в течение 13—14 августа вели упорные бои по уничтожению отдельных узлов сопротивления Фуцзиньского укрепленного района, которые располагались в горах и прикрывали основные коммуникации к Цзямусы. К исходу 14 августа наши войска ликвидировали эти узлы сопротивления. 15-я армия получила возможность наступать на Цзямусы с севера и северо-востока.

Таким образом, к исходу 14 августа силами Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов Квантунская группировка была расчленена. Японское командование, потеряв в первые же дни управление войсками, не смогло организовать серьезного сопротивления ни на одном из направлений, также не удалось организовать оборону и на рубежах в глубине Маньчжурии. Советские войска на всех направлениях стремительно продвигались вперед.

В результате за шесть дней операции советские войска нанесли серьезное поражение войскам Квантунской группировки, овладели 16 из 17 укрепленных районов и продвинулись на разных направлениях на глубину от 50 до 400 км. Особенно успешно действовали войска Забайкальского фронта, которые, преодолев хребет Большой Хинган, вышли основными силами на Центрально-Маньчжурскую равнину и на глубине 250—400 км овладели городами Долоннор, Линьси, Таонань, Ванемяо. За это же время войска 1-го Дальневосточного фронта заняли города Линькоу, Мулин, Расин и продвинулись на 120—150 км. 2-й Дальневосточный фронт, овладев в Маньчжурии городами Сахалян, Хаоличжэнь, Баоцин, углубился на территорию противника на 50—200 км. Маньчжурская стратегическая наступательная операция, несмотря на огромные трудности, развивалась исключительно высокими темпами, которые обеспечивались созданием мощных ударных группировок, решительными действиями войск, широким использованием подвижных соединений и смелым выдвижением их в первые эшелоны фронтов и армий.

Так было, например, в Забайкальском фронте, где подвижные войска составляли основное ядро первого эшелона фронта и армий. Они стремительно выходили на коммуникации противника, не встречая с его стороны сопротивления, как это имело место на калганском, долоннорском и чифынском направлениях, либо обходили укрепленные районы, не ввязываясь в затяжные бои (Хайлар, Халун-Аршань). Это обеспечило быстрое выдвижение основных сил фронта на Маньчжурскую равнину. Главные силы 6-й гвардейской танковой армии, входившей в состав Забайкальского фронта, преодолев 12 августа Большой Хинган, вырвались на Маньчжурскую равнину, вклинившись глубоко в тыл Квантунской группировки войск и упредив выход ее основных сил к этому горному хребту. За первые пять суток она прошла более 450 км и продолжала движение к ключевым городам Маньчжурии — Чанчуню и Мукдену.

Советские войска демонстрировали массовый героизм и самопожертвование, о чем свидетельствовали боевые донесения. Вот что говорилось в одном из них о действиях соединений и частей 53-й армии Забайкальского фронта: «Точно в установленный срок части и соединения армии подошли к Большому Хингану и тут же по горным верблюжьим тропам, по

совершенно неизвестной местности, где никогда не проходили войска, начали форсировать его, не имея при этом ни точных географических карт этого района, ни проводников... Путь пришлось прокладывать через горы и заболоченные узкие долины. Потребовались огромные усилия, люди по нескольку суток работали без сна и отдыха на устройстве дорог, проходов, взрывали скалы, засыпали овраги, на себе тащили через горы, по болотам и пескам машины, пушки, повозки, на руках переносили боеприпасы»[6].

За это же время войска 1-го Дальневосточного фронта в условиях труднопроходимой горно-таежной местности и наводнения, прорвав железобетонный узел укрепленных районов, продвинулись в глубь Маньчжурии на 120—150 км и завязали бои за крупный узел сопротивления — г. Муданьцзян. На сунгарийском направлении соединения и части 15-й армии генерала С. К. Мамонова (2-й Дальневосточный фронт) во взаимодействии с силами Амурской военной флотилии овладели городами Тунцзян (Лахасусу), Фуцзинь (Фугдин) и продвигались по заболоченной пойме Сунгари к важному узлу дорог Цзямусы. В труднейших условиях бездорожья и разлившейся Сунгари советские пехотинцы, танкисты и моряки дрались самоотверженно и упорно.

Важную роль в наступлении советских войск на всех фронтах сыграли передовые отряды, которые создавались почти во всех корпусах и дивизиях первых эшелонов общевойсковых армий. В их состав включались до полка пехоты на автомашинах, один-два танковых батальона, дивизион самоходно-артиллерийских установок, до полка артиллерии и другие средства обеспечения. Эти отряды, обладая большой огневой и ударной силой, действовали внезапно, смело и решительно, на значительном удалении от главных сил стрелковых соединений. Последние, используя успех отрядов, в большинстве случаев продвигались в походных колоннах без непосредственной тактической связи между собой.

В результате сокрушительных ударов, наносимых Красной армией, мощные японские укрепленные линии, созданные по рекам Амур, Уссури и Большому Хинганскому хребту, были повсюду прорваны, а там, где японцы продолжали упорно сопротивляться, они были обойдены, блокированы и взяты в кольцо. Стремительные действия всех родов сухопутных войск, авиации и кораблей Военно-морского флота сорвали японские планы применения бактериологического оружия[7].

Большую помощь советским войскам на сунгарийском, сахалянском и приморском (северо-корейском) операционных направлениях оказали моряки Амурской военной флотилии и Тихоокеанского флота. Амурская военная флотилия в составе трех бригад речных кораблей, поддерживая наступление 15-й и 2-й Краснознаменной армий 2-го Дальневосточного фронта, обеспечила переправу войск через водные рубежи, оказала им артиллерийскую поддержку и высадила несколько тактических десантов. Командующий войсками фронта генерал М. А. Пуркаев дал высокую оценку действиям Амурской военной флотилии.

На приморском направлении наступление войск 1-го Дальневосточного фронта с моря поддерживал Тихоокеанский флот, который в ходе первого этапа Маньчжурской стратегической наступательной операции с помощью морских десантов овладел японскими портами Юки и Расин и приступил к захвату Сейсина — крупной военно-морской базы в Корее, существенно ограничив возможности противника эвакуировать свои войска морем.

Высокое боевое мастерство и смелость проявили в боях соединения и части монгольской Народно-революционной армии, сражавшиеся бок о бок с советскими войсками. Танкисты полковника Нянтайсурэна, кавалеристы генерал-майора Доржпалама, полковников Одсурэна, Доржа и Цэдендаша успешно преследовали отходившего противника и на его плечах врывались в укрепленные опорные пункты и города.

В период с 12 по 14 августа в районах Чжанбэй, Таоань, Муданьцзян и на других участках фронта японские войска пытались предпринять ряд контратак с целью задержать наступление советских армий, обеспечить отвод своих основных сил на рубежи обороны, подготовленные в глубине Маньчжурии, и тем самым избежать их окружения. В тылу советских войск продолжали действовать многочисленные диверсионные группы врага. Однако эти

контратаки противника обычно не имели успеха, а диверсионные группы вылавливались и уничтожались. Советские же войска на всех направлениях неуклонно продвигались вперед на плечах отступавшего противника.

Быстрота и практически одновременный выход советских и монгольских войск на всех направлениях на Маньчжурскую равнину сорвали планы японского командования на длительную оборону и переход в контрнаступление. Видя безнадежное положение своих вооруженных сил в Маньчжурии, японское правительство 14 августа приняло решение о капитуляции на условиях Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г. и уведомило об этом правительства США, СССР и Англии. Одновременно с заявлением японского правительства штаб Квантунской группировки 14 августа обратился по радио к штабу советских войск на Дальнем Востоке с предложением прекратить военные действия, но ни словом не обмолвился о капитуляции японских вооруженных сил в Маньчжурии. В то же время японские войска продолжали сопротивление и не складывали оружия.

Верить слову японского правительства было трудно. Ведь еще 10 августа, когда в Токио решили обратиться к СССР, США, Англии и Китаю с заявлением о готовности принять условия Декларации, по свидетельству активного участника войны, а впоследствии японского военного историка Т. Хаттори, императорская ставка приказала главнокомандующему Квантунской группировкой войск «сосредоточить основные усилия против Советского Союза и разбить противника». И на этот раз, приняв решение о капитуляции, японское руководство предложило Квантунской группировке усилить сопротивление Красной армии, прекратив, однако, военные действия против американо-английских войск. Вечером 14 августа командование Квантунской группировки войск получило телеграмму с приказом генерального штаба японской армии уничтожить знамена, портреты императора, важные секретные документы. Приказа прекратить сопротивление так и не последовало[8].

В связи с этим Генеральный штаб Красной армии выступил со специальным разъяснением, в котором подчеркивалось:

«1. Сделанное японским императором 14 августа сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции. Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы попрежнему продолжают сопротивление.

2. Ввиду изложенного Вооруженные силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии»[9].

Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал А. М. Василевский 17 августа в радиограмме главнокомандующему войсками Квантунской группировки предложил «с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен... Как только японские войска начнут сдавать оружие, советские войска прекратят боевые действия»[10]. В радиограмме разъяснялось, что указанный выше срок давался для того, чтобы штаб Квантунской группировки мог довести приказ о прекращении сопротивления и сдаче в плен до всех своих войск.

На втором этапе Маньчжурской стратегической наступательной операции (15–20 августа) был завершен разгром основных сил Квантунской группировки противника, освобождены важнейшие политические и экономические центры региона. Наступление Красной армии в Маньчжурии развивалось настолько стремительно, что противник оказался не в силах сдержать натиск советских войск. В течение недели общевойсковые объединения Красной армии при активной поддержке военно-воздушных и военно-морских сил смогли завершить расчленение и разгром стратегической группировки японских войск в Маньчжурии и Северной Корее и 20 августа заставить ее сложить оружие. Началась массовая капитуляция японских войск. Очаговое сопротивление некоторых гарнизонов противника, порой ожесточенное, уже не могло существенно повлиять на ситуацию в пределах континентальной части Дальневосточного ТВД.

Прорыв основных сил Забайкальского фронта на Центрально-Маньчжурскую равнину позволил советскому командованию 15 августа поставить войскам фронта новые задачи,

выполняя которые, советские войска к исходу 17 августа вышли на фронт Чжанбэй — Долоннор — Чифын — Кайлу — Тунляо — Кайтун — Чжаланьтун — Бухэду. Советско-монгольская конно-механизированная группа 15 августа продвинулась до 80 км. Ее передовые части вступили в Чжанбэй, где встретили упорное сопротивление пехоты и танков противника, поддержанных авиацией. В результате упорных трехдневных боев соединения конно-механизированной группы 17 августа полностью заняли Чжанбэй и завязали бои на подступах к Калгану. В районе Калгана и Чэндэ (Жэхэ) советские войска вошли в соприкосновение и организовали взаимодействие с войсками Народно-революционной армии Китая. Успешно наступала и 17-я армия. Только за 15 и 16 августа ее части преодолели расстояние до 90 км и заняли 16 августа Уданьчэн и 17 августа — Чифын.

6-я гвардейская танковая армия, не встречая организованного сопротивления со стороны отходивших частей 63-й, 117-й пехотных дивизий и кавалерийских частей Маньчжоу-Го, продвинулась в течение 16 и 17 августа на глубину 150—170 км. В полосе действий армии, как и на всем Хингане, прошли двухдневные ливневые дожди: дороги оказались размытыми, реки сильно разлились. Так, р. Ляохэ разлилась на 500 м, а уровень воды в ней повысился на 2 м. Многие мосты были снесены водой. Непролазная грязь на дорогах и бурные речные потоки крайне затрудняли движение войск. Сильно увеличился расход горючего, а тылы армии по-прежнему не справлялись с его подвозом и продолжали прибегать к помощи транспортной авиации. Соединения танковой армии вынуждены были искать обходные пути, уцелевшие переправы и отклоняться от заданных направлений. Чтобы не допустить снижения темпов наступления, некоторым частям пришлось продвигаться по полотну железной дороги.

39-я армия на правом фланге 16 августа заняла Таоань, а на левом фланге (в гористом районе восточнее Учагоу) вела упорные бои с частями 107-й пехотной дивизии, которая 9 августа получила приказ главнокомандующего Квантунской группировкой войск об отходе с боями к Чанчуню. Однако отойти ей не удалось, поскольку 12 августа подвижные соединения и части 39-й армии (а затем и стрелковые соединения), совершив глубокий обход с юга, перерезали шоссейную и железную дороги в районе северо-западнее Солуни. 13 августа они овладели Солунью, Ванемяо и вынудили части 107-й пехотной дивизии отходить не к Чанчуню, а на север, в горы, в общем направлении к Цицикару и далее на восток.

Противник, отступая, взорвал все мосты, а местами и пути на участке железной дороги Халун-Аршань — Солунь — Ванемяо. Это, а также необходимость перешивки колеи маньчжурских железных дорог на союзную затрудняли подвоз и материальное обеспечение быстро продвигавшихся войск 39-й и 6-й гвардейской танковой армий.

36-я армия в районе Хайлара частью сил продолжала наносить поражение отдельным гарнизонам противника, засевшим в долговременных сооружениях Хайларского укрепленного района, а основными силами преодолела хребет Большой Хинган и 17 августа овладела городами Чаланьтун, Ялу, Бухэду.

В результате стремительного продвижения соединений 6-й гвардейской танковой армии между правым флангом 17-й армии и левым флангом 39-й армии образовался разрыв протяженностью до 400 км, в который была введена из второго эшелона фронта 53-я армия. Ее соединения, продвигаясь за 6-й гвардейской танковой армией, преодолели хребет Большой Хинган и к исходу 17 августа находились в 80—90 км от Линьдуна и ставки местного князя — Арухорчин.

К 19—20 августа 1945 г. войска Забайкальского фронта, преодолев безводную пустыню и горно-таежную полосу, овладели Калганским и Хайларским укрепленными районами. Под прикрытием и при активном содействии 12-й воздушной армии под командованием маршала авиации С. А. Худякова и Забайкальской армии ПВО, которой командовал генерал П. Ф. Рожков, сухопутные войска продвинулись на 360—600 км. В районе Калгана и Жэхэ советские войска вошли в соприкосновение и организовали взаимодействие с частями Народно-революционной армии Китая.

Советско-монгольская конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева вышла в район Чжанбэй — Жэхэ; 17-я армия генерала А. И. Данилова — в район Чифына; 6-я

Продвижение советских войск вглубь Маньчжурии

гвардейская танковая армия генерала А. Г. Кравченко — в район Чанчунь — Мукден; 39-я армия генерала И. И. Людникова — в район Кайтуна; 36-я армия генерала А. А. Лучинского овладела городами Маомаоци и Цицикар[11].

Успешно вели наступательные действия силы 2-го Дальневосточного фронта. Японские войска, действовавшие перед ним, с выходом на их тылы сил Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов, стремясь избежать окружения, 15 и 16 августа начали отходить в общем направлении на Харбин.

Соединения и части 2-й Краснознаменной армии в течение 15—17 августа завершили окружение группировки противника в районе Суньу. К исходу 17 августа после упорного боя они разгромили и принудили капитулировать 123-ю пехотную дивизию, которая с частями усиления насчитывала до 20 тыс. солдат и офицеров. 17 августа армия овладела районом Кэлочжань и г. Сычжань. На бэйаньчжэньском направлении войска армии 19 августа вступили в Луньчжэнь.

Наступление 15-й армии вдоль р. Сунгари затруднялось распутицей. По-прежнему большую помощь сухопутным войскам оказывала Амурская военная флотилия. 17 августа армия овладела большим городом и крупным речным портом Цзямусы, а к исходу 19 августа разгромила 134-ю пехотную дивизию и овладела г. Саньсин, захватив большие трофеи. Как и на забайкальском и приморском направлениях, противник здесь продолжал отходить под ударами войск 2-го Дальневосточного фронта. Оказывая сопротивление, он разрушал мосты, переправы, поджигал города и другие населенные пункты. Но и на сунгарийском направлении остановить наступление советских войск враг уже не мог.

За период боевых действий с 15 по 19 августа войска 2-го Дальневосточного фронта, преодолев горно-таежную и крайне заболоченную местность, продвинулись на цицикарском направлении на 100—150 км, а на сунгарийском — до 300 км, нанеся серьезное поражение противнику. 2-я Краснознаменная армия генерала М. Ф. Терехина вышла в район Кэлочжань — Луньчжэнь, 15-я армия генерала С. К. Мамонова — в район Саньсина, а 5-й отдельный стрелковый корпус генерала И. З. Пашкова — в район Боли. В ходе боевых действий войскам фронта оказывали помощь 10-я воздушная армия генерала П. Ф. Жигарева и Приамурская армия ПВО под командованием генерала Я. К. Полякова. Успешно взаимодействовала с войсками фронта в ходе операции Амурская военная флотилия под командованием контр-адмирала Н. В. Антонова[12].

Успех наступления во многом зависел от умелого взаимодействия войск смежных фронтов. Так, 4-я армия противника в первые же дни операции попала под удар войск смежных флангов Забайкальского и 2-го Дальневосточного фронтов, была сильно потрепана и вынуждена отойти в направлении Харбина, где к началу второй декады наступления советских войск капитулировала[13].

Войска 1-го Дальневосточного фронта продолжали 15—16 августа развивать наступление на всех направлениях, за исключением района Муданьцзяна, где противник оказал наиболее упорное сопротивление. Город был сильно укреплен, на подступах к нему японцы возвели железобетонные доты. Муданьцзян — крупный узел железных и шоссейных дорог, административный и политический центр Маньчжурии — прикрывал направление на Харбин. Здесь находились штаб 1-го японского фронта и большое количество соединений и частей Квантунской группировки войск.

Соединения и части 35-й армии, подтянув артиллерию и тылы, с утра 14 августа продолжили наступление. 66-я стрелковая дивизия получила задачу наступать через хребет Кэнтэй-Алин и овладеть г. Боли — важным опорным пунктом и узлом дорог на харбинском направлении. 363-я стрелковая дивизия должна была наступать в направлении Цзиси и Линькоу и очистить от противника северный берег р. Мулинхэ, а 264-я стрелковая дивизия — сосредоточиться в районе Мишань. Подвижный отряд армии в составе танкового батальона, отдельного самоходно-артиллерийского дивизиона, истребительно-противотанкового артиллерийского полка и одного стрелкового батальона в 10 часов 15 августа выступил из Дунань с задачей с ходу ворваться в Боли. К исходу 15 августа, пройдя около 75—80 км, отряд встретил

Артиллеристы в боях за Мукден

Население Маньчжурии встречает советских военнослужащих

Советские бойцы-гвардейцы у здания железнодорожного вокзала в Харбине

на перевале через хребет Кэнтэй-Алин организованное сопротивление неприятеля силой до батальона пехоты с двумя-тремя батареями артиллерии. Подступы к перевалу японцы заминировали, а сама местность не позволяла развернуть и эффективно использовать все силы подвижного отряда. Бой длился в течение всей ночи на 16 августа. Противник успешно использовал чрезвычайно выгодную для обороны местность, несколько раз переходил в контратаки, доходившие до рукопашных схваток. Только к рассвету 16 августа подвижный отряд сломил сопротивление и овладел перевалом.

66-я стрелковая дивизия, наступавшая за подвижным отрядом, к исходу 15 августа продвинулась до 45 км и находилась в 18 км от перевала. 363-я стрелковая дивизия к этому времени вышла в район Дунань. Части 108-го полевого укрепленного района очищали район Хулинь от диверсионных групп противника. В Хутоуском узле сопротивления неприятель вел ожесточенный бой. Одна из высот, находившихся в районе этого узла, в течение 15 августа девять раз переходила из рук в руки.

К исходу 16 августа подвижный отряд армии с боями подошел к Боли и с ходу открыл артиллерийский огонь по выходам из города на запад. Навстречу советским войскам выехал с белым флагом командир 1-й пехотной дивизии армии Маньчжоу-Го и принял требование о безоговорочной капитуляции. Подвижный отряд вступил в город. Главные силы 66-й стрелковой дивизии к этому времени достигли перевала через хребет Кэнтэй-Алин (50 км северо-восточнее Боли). 363-я стрелковая дивизия находилась в 32 км юго-западнее Дунаня. 264-я стрелковая дивизия выводилась в резерв фронта в район Имана.

Таким образом, к исходу 16 августа соединения и части 35-й армии, надежно обеспечивая правый фланг главной группировки войск фронта, передовыми частями овладели г. Боли. С выходом 35-й армии в район Боли войска противника, отходившие перед 2-м Дальневосточным фронтом на юг, были отрезаны от его муданьцзянской группировки. Рокадную железную дорогу Цзямусы — Муданьцзян наши войска перерезали, и соединения 4-й отдельной армии противника теперь могли отходить только на Харбин.

Более серьезной оказалась обстановка в полосах наступления 1-й Краснознаменной и 5-й армий, которые вели наступление на Муданьцзян с северо-востока и востока. В течение 14—15 августа передовые части 26-го стрелкового корпуса 1-й Краснознаменной армии вели тяжелые бои на северо-восточных подступах к городу. Им пришлось отражать непрерывные контратаки крупных сил пехоты, танков противника и внезапные нападения сотен японских смертников. 15 августа японцы контратаками выбили передовые части корпуса из Муданьцзяна, наши войска отошли на восточный берег р. Муданьцзян, в район 5 км севернее станции Эхо. К исходу дня 22-я стрелковая дивизия этого корпуса форсировала главными силами р. Муданьцзян в 7 км севернее города, а 300-я стрелковая дивизия с 257-й танковой бригадой вышли на восточный берег реки в районе 5 км севернее станции Эхо.

Соединения и части 5-й армии в этот день вели бои за расширение фронта прорыва и наступали на г. Муданьцзян с востока. К исходу 15 августа главные силы армии преодолели хребет Лаоэлин и, спустившись в долину р. Муданьцзян, подошли к городу в районе станции Эхо. Тем самым армия получила возможность развивать наступление в юго-западном направлении на Нинань, Дуньхуа, Гирин. Войска 1-го фронта Квантунской группировки оказались рассеченными, а 5-я японская армия — изолированной от 3-й армии.

Выход части сил 1-й Краснознаменной армии на западный берег р. Муданьцзян позволял им во взаимодействии с 5-й армией овладеть городом путем одновременного нанесения ударов с трех направлений. 16 августа после перегруппировки войска 1-го Дальневосточного фронта при активной поддержке авиации нанесли совместный удар по муданьцзянской группировке противника. В 6 часов стрелковые части, форсировав реку, заняли исходное положение в 5 км севернее Муданьцзяна, а вскоре перешли в наступление. К 9 часам ими и танкистами 77-й бригады был взят г. Эхэ — пригород Муданьцзяна, а к 17 часам 16 августа соединениям и частям 5-й и 1-й Краснознаменной армий удалось очистить от противника весь город.

В боях за Муданьцзян были уничтожены основные силы 5-й японской армии. Захваченный в плен командующий этой армией трехзвездный генерал Н. Симидзу растерянно заявил: «Мы не ожидали, что русская армия пройдет через тайгу, и наступление внушительных сил русских со стороны труднодоступных районов казалось для нас совершенно невозможным. Потери 5-й армии составили более 40 тыс., т. е. около 2/3 ее состава. Оказывать дальнейшее сопротивление армия не могла. Как бы мы ни укрепляли Муданьцзян, отстоять его не представлялось возможным»[14].

К исходу 16 августа войска 1-го Дальневосточного фронта продвинулись в глубину Маньчжурии и Северной Кореи на 150—250 км. В ходе боев с 9 по 16 августа они полностью разгромили 5-ю японскую армию (124, 126 и 135-я пехотные дивизии)[15], нанесли большие потери 3-й японской армии (79, 112 и 127-я пехотные дивизии), а также 122-й и 128-й пехотным дивизиям, 132-й пехотной бригаде и 1-й моторизованной бригаде смертников, входившим в резерв 1-го фронта Квантунской группировки войск. 1-я пехотная дивизия Маньчжоу-Го была разоружена и пленена в районе Боли. 22-я пехотная бригада этой же армии понесла большие потери, была отброшена в заболоченный район к северу от р. Мулинхэ и вследствие этого в дальнейшем не могла принять участия в боевых действиях.

Остатки японских войск, разбитых под Муданьцзяном, стали отходить на запад и юго-запад. Однако к исходу 19 августа войска 1-го Дальневосточного фронта под прикрытием и при активном содействии 9-й воздушной армии генерала И. М. Соколова и Приморской армии ПВО под командованием генерала А. В. Герасимова, прорвав подготовленные в глубине обороны противника рубежи, нанесли сокрушительное поражение 1-му и 17-му фронтам японских войск и, преодолев резко пересеченную горно-таежную местность, вышли в намеченные районы: 35-я армия генерала Н. Д. Захватаева — Линькоу, 1-я Краснознаменная армия генерала А. П. Белобородова — Вэйхэ, 5-я армия генерала Н. И. Крылова — Эму, 10-й механизированный корпус генерала И. Д. Васильева — Дуньхау, 25-я армия генерала И. М. Чистякова — Яньцзы и Ранан (Корея).

Сопротивление японских войск было окончательно сломлено. Видя бесцельность дальнейшего противостояния, главнокомандующий Квантунской группировкой четырехзвездный генерал О. Ямада вынужден был 17 августа отдать приказ о прекращении боевых действий и сдаче оружия Красной армии. В 17 часов была принята радиограмма японского главнокомандующего о том, что им отдан приказ войскам о немедленном прекращении военных действий и сдаче оружия советским войскам. В 18 часов 05 минут был перехвачен переданный по радио японским войскам упомянутый приказ. В 19 часов 05 минут в расположение войск 1-го Дальневосточного фронта с японского самолета были сброшены два вымпела с обращением штаба 1-го фронта Квантунской группировки и отряда № 14/48 о прекращении военных действий.

Таким образом, японское главнокомандование и штабы не скупились на заявления о готовности прекратить военные действия, однако японские войска 17, 18 и 19 августа на многих участках фронта еще продолжали оказывать сопротивление. Лишь в районе Боли и перевала Тайпинлин части противника начали сдаваться в плен.

Одновременно с разоружением и приемом капитулировавших войск Квантунской группировки Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные фронты вынуждены были продолжать освобождение от японских захватчиков Маньчжурии и Северной Кореи. Многие японские части и соединения все еще оказывали сопротивление, поэтому советские войска, не снижая темпов наступления, продвигались вперед, стремясь не допустить уничтожения противником важнейших объектов и ценного оборудования, а также вывоза их в метрополию.

В 10 часов утра 18 августа главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал А. М. Василевский отдал командующим Забайкальским и 1-м Дальневосточным фронтами приказ следующего содержания: «В связи с тем что сопротивление японцев сломлено, а тяжелое состояние дорог сильно препятствует быстрому продвижению главных сил наших войск при выполнении поставленных задач, необходимо для немедленного захвата городов Чанчунь, Мукден, Гирин и Харбин перейти к действиям специально сформиро-

Японские военнопленные, захваченные в ходе боев в Маньчжурии

ванных, быстроподвижных и хорошо оснащенных отрядов. Эти же отряды или подобные им использовать и для решения последующих задач, не боясь резкого отрыва их от своих главных сил»[16].

Противник в тот день, прикрываясь небольшими отрядами, в основном продолжал отходить в глубину Маньчжурии, но на ряде участков фронта японские войска с утра приступили к выполнению требований советского командования о капитуляции. Так было в полосе действий 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта, где соединения и части 3-й и частично 5-й японских армий начали складывать оружие и сдаваться в плен. Учитывая это, Ставка Верховного главнокомандования приказала: «На тех участках, где японские войска складывают оружие и сдаются в плен, боевые действия прекратить». В 22 часа 45 минут главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке довел до войск эту директиву Ставки ВГК и потребовал от командующих фронтами организовать подвижные отряды и воздушные десанты для захвата важных городов, пунктов, баз, железнодорожных эшелонов и линий. Директива разрешала командирам дивизий и бригад самостоятельно, в пределах своих разграничительных линий, устанавливать порядок приема и разоружения войск противника.

Чтобы ускорить освобождение Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и Северной Кореи, быстро разоружить капитулировавшие войска противника, предотвратить возможные разрушения промышленных предприятий и других важных объектов, а также не допустить вывоза и уничтожения материальных ценностей, все армии получили конкретные указания о сформировании небольших, но хорошо обеспеченных боеприпасами и горючим сильных подвижных отрядов. Эти отряды состояли из стрелковых подразделений, посаженных на автомашины, танковых рот и батальонов, дивизионов самоходной артиллерии, истребительно-противотанковых артиллерийских батарей и дивизионной артиллерии на механической тяге. Для организации управления в занятых городах и населенных пунктах в состав каждого из таких отрядов включалось необходимое число специально выделенных офицеров. Связь с отрядами поддерживалась по радио и самолетами.

Выполняя поставленные задачи, передовые отряды, а за ними и главные силы армий 19 августа быстро продвигались вперед на всех направлениях: войска Забайкальского фронта заняли города Жэхэ (Чэндэ), Синьминь, Ляоюань и Цицикар; войска 2-го Дальневосточного фронта овладели крупным речным портом Саньсин, а войска 1-го Дальневосточного фронта — городами Вэхэ и Яньцзи.

Неприятель на большей части территорий Маньчжурии и Северной Кореи прекратил сопротивление. Началась массовая сдача в плен соединений и частей Квантунской группировки войск. Войска Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов и Тихоокеанского флота начали разоружение и прием капитулировавших войск противника. В городах назначались советские коменданты, восстанавливался порядок.

Авиация принимала активное участие в разгроме Квантунской группировки войск. В первые же часы 9 августа, когда войска фронтов приступили к боевым действиям, 76 самолетов 19-го бомбардировочного авиакорпуса 9-й воздушной армии подвергли ударам военные объекты в Чанчуне и Харбине. На рассвете включились в борьбу другие авиационные объединения, соединения и части.

Большую помощь оказывала авиация войскам фронтов при прорыве обороны противника. На поддержку наступавших войск и удары по укрепленным районам соединения 9-й и 10-й воздушных армий затратили соответственно 76% и 78% всех самолето-вылетов, произведенных бомбардировочной и штурмовой авиацией. Налеты на укрепрайоны совершались как крупными группами самолетов (90–100 в каждой), так и небольшими подразделениями. Наиболее эффективны были сосредоточенные и массированные удары, которые не только причиняли врагу значительный урон в живой силе и боевой технике, но и подавляли его морально. При активной поддержке авиации советские войска овладели Хутоуским, Дуннинским и многими другими укрепленными районами. После овладения Дуннинским укрепрайоном в результате осмотра местности было установлено, что бомбами крупных ка-

Летчики-штурмовики уточняют боевое задание

либров советские летчики разрушили четыре дота, два дзота, взорвали склад боеприпасов, уничтожили 130 вражеских солдат и офицеров[17].

Чтобы парализовать работу коммуникаций, нарушить управление войсками, посеять панику в тылу противника и подавить его авиацию на аэродромах, летчики воздушных армий нанесли бомбовые удары по железнодорожным узлам, военным предприятиям и аэродромам в Халун-Аршане, Хайларе, Цицикаре, Солуне, Харбине, Чанчуне, Гирине, Мукдене, а также по плавсредствам на р. Сунгари. Несмотря на дождь и туман, они в первый день боевых действий совершили до 2 тыс. самолето-вылетов и причинили врагу большой урон.

Наносившиеся в течение пяти суток по железнодорожным объектам противника удары советской авиации парализовали их работу. Японское командование не смогло вовремя подтянуть резервы с Маньчжурской равнины, где находилось две трети сил Квантунской группировки войск, и занять перевалы через Большой Хинган. Оно не сумело также вывести войска из-под ударов советских подвижных соединений, организовать эвакуацию материальных средств из приграничной зоны. Районы прорыва обороны оказались изолированными от притока свежих сил противника. Всего в борьбе с железнодорожными перевозками и для уничтожения вражеских резервов советские ВВС совершили 1782 самолето-вылета, что составило 12,3% всех произведенных в операций боевых вылетов[18].

Авиация противника почти не проявляла активности. Стремясь уберечь свои военно-воздушные силы от полного разгрома, сохранить их для обороны метрополии, японское командование перебазировало авиачасти на аэродромы Японии и Южной Кореи. Поэтому советская авиация безраздельно господствовала в воздухе и активно содействовала осуществлению наступательной операции сухопутных войск.

Неясность обстановки, сложившейся в начале операции, отсутствие точных данных о противнике потребовали привлечения крупных сил советской авиации для ведения воздушной разведки. Для этого использовались не только самолеты-разведчики, но и бомбардировщики, штурмовики и истребители. В среднем на ведение разведки ежедневно совершалось до 30% всех самолето-вылетов. Так, 12-я воздушная армия затратила на разведку 33% всех

произведенных боевых вылетов, 10-я — 27%, 9-я — 21%. Разведка осуществлялась на широком фронте и на большую глубину. Например, самолеты-разведчики 12-й воздушной армии действовали в полосе шириной более 1500 км и на глубину 600—700 км. Разведывательные данные немедленно передавались с борта самолета по радио, что давало возможность советскому командованию своевременно реагировать на все изменения обстановки, принимать обоснованные решения[19].

Значительный интерес представляют действия советской авиации по обеспечению наступления 6-й гвардейской танковой армии. Она надежно поддерживала подвижные соединения с воздуха, уничтожая живую силу и боевую технику противника на поле боя, вела борьбу с его подходящими резервами, осуществляла воздушную разведку. Когда танковая армия, стремительно наступая, вышла на Маньчжурскую равнину и оторвалась от своих баз снабжения на 450 км, для подвоза ей горючего и боеприпасов были выделены две транспортные авиадивизии 12-й воздушной армии (54-я и 21-я гвардейская). Летчикам пришлось действовать в сложных метеоусловиях, при отсутствии аэродромов и посадочных площадок в горных районах. Несмотря на все трудности, они ежедневно совершали 160—170 самолето-вылетов и за 10—22 августа доставили танкистам из Тамцаг-Булака в районы боевых действий 940 тонн горючего и смазочных материалов. Получив вовремя все необходимое, танковая армия продолжила успешное наступление на Мукден и Чанчунь. В других воздушных армиях для доставки по воздуху боевых и материальных средств использовались транспортные самолеты эскадрилий связи. Всего в течение Дальневосточной кампании они произвели 3483 самолето-вылета и перевезли более 4800 тонн горючего, боеприпасов и других грузов[20].

На заключительном этапе Дальневосточной кампании советское командование поставило задачу как можно быстрее овладеть стратегическими центрами и военными объектами в глубоком тылу противника с тем, чтобы обеспечить разоружение японских гарнизонов и не допустить уничтожения материальных ценностей. С этой целью с 18 по 27 августа были высажены посадочным способом многочисленные воздушные десанты в Маньчжурии, Северной Корее, а также на островах Сахалин и Итуруп.

Десантные отряды, выделявшиеся в основном из состава 6-й гвардейской танковой армии и Тихоокеанского флота, захватывали и удерживали аэродромы, железнодорожные узлы и мосты, а также другие важные объекты, участвовали в разоружении японских гарнизонов. С 17 по 27 августа в девятнадцати городах были выброшены воздушные десанты силой от 35 до 300 человек. 17 августа на харбинском аэродроме высадился первый воздушный десант (120 человек); 19 августа — в городах Ляоюань (разведрота), Чанчунь (200 человек), Мукден (225 человек), Харбин (158 человек), Гирин (200 человек); 20 августа — в Харбине, где находился штаб Квантунской группировки войск, дополнительно было высажено 213 человек; 22 августа — в Порт-Артуре (200 человек) и Дайрэне (250 человек); 23 августа — в Яньцзи (238 человек); 24 августа — в Тойохаре, Отиае, Сакаэхаме и Отомари на Южном Сахалине (по 35 человек), Хэйдзио (166 человек) и Канко (134 человека). Кроме того, воздушный десант был высажен 27 августа на острове Итуруп Курильской гряды[21].

Высадка воздушных десантов на аэродромы Харбина, Гирина, Чанчуня, Мукдена, Дайрэна и Порт-Артура была сопряжена с большим риском, поскольку в этих городах находились крупные вражеские гарнизоны. Для разведки, сопровождения транспортных самолетов, их прикрытия и подавления средств ПВО противника выделялась истребительная и штурмовая авиация. Над районом высадки десантов патрулировали группы истребителей и бомбардировщиков, которые в любую минуту могли оказать поддержку десантным отрядам. Вместе с десантами высаживались авиационные представители с радиосредствами. Они постоянно держали связь с командующими воздушными армиями и своими дивизиями и при необходимости могли вызвать боевые самолеты для поддержки десантников.

Воздушные десанты сыграли большую роль в завершении разгрома Квантунской группировки войск. Захват важных административно-политических и промышленных центров Маньчжурии передовыми отрядами сухопутных войск и воздушными десантами оконча-

тельно дезорганизовал управление войсками противника. Всего для десантирования войск летчики транспортной авиации совершили 1644 самолето-вылета и перевезли в тыл врага 16 497 человек с легким стрелковым вооружением[22].

В целом ВВС вместе с авиацией Тихоокеанского флота совершили более 22 тыс. самолето-вылетов[23], нанесли врагу огромный урон в живой силе и боевой технике. Авиация являлась мощным, самым дальнобойным и наиболее маневренным средством вооруженной борьбы, оказавшим существенное влияние на ход и в конечном счете — исход военных действий против миллионной группировки противника, внеся тем самым большой вклад в победу над милитаристской Японией.

В войне против Японии советские авиаторы показали образцы мужества и высокого боевого мастерства. Талантливыми организаторами боевых действий авиации являлись: командующий ВВС Красной армии А. А. Новиков, командующие воздушными армиями П. Ф. Жигарев, И. М. Соколов и С. А. Худяков, начальники штабов Н. П. Дагаев, С. А. Лаврик, Н. Г. Селезнев, А. В. Степанов, командиры соединений И. М. Горский, А. А. Ерохин, М. Н. Калинушкин, В. Х. Макаров, И. П. Скок, В. А. Ушаков, К. Т. Цедрик, В. А. Щелкин и многие другие. Родина высоко оценила подвиги своих соколов. Многие авиаторы были награждены боевыми орденами, а наиболее отличившимся присвоены звания Героя Советского Союза.

Танковые войска также сыграли значительную роль в достижении быстрого разгрома Квантунской группировки противника. Важнейшей особенностью боевого применения танковых войск Забайкальского фронта было использование всех соединений и частей (кроме одной танковой дивизии и одной танковой бригады) в первом эшелоне или в качестве передовых отрядов. Это обусловливалось тем, что в полосе наступления войск фронта противник не имел подготовленной обороны и крупных группировок сил, а также стремлением советского командования, используя высокую подвижность танковых войск, упредить врага в захвате горных перевалов Большого Хингана.

6-й гвардейской танковой армии, действовавшей в первом эшелоне оперативного построения войск фронта, предстояло нанести стремительный удар по противнику из района Тамцаг-Булака в общем направлении на Лобэй, преодолеть считавшийся неприступным Большой Хинган и не позднее пятого дня операции овладеть рубежом Лобэй — Туцюань (глубина 350 км). В дальнейшем, развивая наступление, ее главные силы должны были выйти на рубеж Мукден — Чанчунь на глубину фронтовой операции (800 км). После этого армию предполагалось использовать для стремительного выхода на Ляодунский полуостров и овладения портами Дайрэн и Порт-Артур. Общая глубина задачи армии составляла более 1 тыс. км. Средний темп наступления планировался в пределах 80—100 км в сутки[24].

Гвардейской армии предстояло вести боевые действия по двум изолированным направлениям, удаленным друг от друга на 70—80 км. Ее главная группировка была создана на правом фланге, где в первом эшелоне наступал 9-й гвардейский механизированный корпус, а во втором — 5-й гвардейский танковый корпус; 7-й механизированный корпус должен был наступать на левом фланге. Мехкорпуса усиливались мотострелковой дивизией, самоходно-артиллерийской бригадой, двумя отдельными танковыми батальонами каждый. Всего в корпусе имелось 19 батальонов мотопехоты, до 400 танков и САУ и около 450 орудий и минометов.

61-я танковая дивизия и все отдельные танковые бригады и полки также действовали впереди общевойсковых соединений, составляя их подвижные передовые отряды. 111-я танковая дивизия и 201-я танковая бригада оставались в резерве командующего войсками Забайкальского фронта в готовности развить успех 36-й или 39-й армий[25].

Такое применение танковых войск Забайкальского фронта полностью отвечало требованиям Ставки ВГК построить операцию на внезапности удара и использовании одного из главных преимуществ — подвижности войск, в первую очередь 6-й гвардейской танковой армии, для быстрого продвижения вперед, рассечения и уничтожения группировки противника.

Наступление войск 6-й гвардейской танковой армии сразу же приняло стремительный характер. Главные силы корпусов продвигались преимущественно в колоннах, без развертывания в боевые порядки. Это достигалось за счет сильных передовых отрядов, которые успешно преодолевали сопротивление мелких групп противника и обеспечивали беспрепятственное продвижение главных сил.

По указанию командующего армией генерала А. Г. Кравченко части механизированных корпусов были перестроены из двух колонн в бригадные и даже батальонные, что более соответствовало условиям местности. В результате войска армии вместо двух колонн, предусмотренных планом операции, могли двигаться по 6–8 параллельным маршрутам в полосе шириной 15–20 км.

К исходу первых суток войска армии по бездорожью, преодолевая солончаки и песчаные барханы, продвинулись на 120–150 км и главными силами вышли в район обозначенного на картах населенного пункта Баян-Хошун-Сумэ. Здесь движение войск было остановлено: ощущалась сильная усталость людей. Однако поиск какого-либо жилья ни к чему не привел: обнаружены были лишь поросшие степной растительностью развалины. Не удалось найти и источников воды. Впереди лежало большое солончаковое плато, совершенно непроходимое для машин любой категории, поэтому вместо отдыха и осмотра материальной части в ночь на 10 августа пришлось искать пути обхода солончаков и уточнять маршруты дальнейшего движения. С рассветом войска двинулись к хребту Большого Хингана и уже к середине дня достигли его, выполнив задачу третьего дня операции.

Преодоление Большого Хингана стало одной из сложнейших задач, решавшихся гвардейцами-танкистами в ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции. Протяженность горного хребта Большого Хингана достигает 1200 км, ширина — 250–400 км, высота — 1700 м. Хребет покрыт густым, непроходимым лесом, на его вершинах вечные льды, он весь изрезан глубокими ущельями. Эти препятствия, а также имеющиеся на этом горном массиве верховые болота, крутые подъемы и спуски, узкие дороги, многочисленные повороты создавали значительные трудности для продвижения войск, требовали проведения специальных работ саперными подразделениями и частями. Со всеми этими задачами танкисты успешно справились.

В связи с высокими темпами продвижения 6-й гвардейской танковой армии командующий войсками Забайкальского фронта в середине дня 10 августа изменил сроки выполнения армией ближайшей задачи, приказав ей выйти на рубеж Лобэй — Туцюань к исходу 12 августа. Во исполнение этого приказа командующий армией в первый эшелон выдвинул 5-й гвардейский танковый корпус, который получил задачу преодолеть хребет через перевалы Корохон и Цаган-Дабо и, действуя по долине р. Судтин-Гол, к исходу 11 августа овладеть г. Лобэй. 9-й гвардейский механизированный корпус должен был преодолеть горный хребет по долинам рек Хорэн-Гол и Талыр и к исходу 11 августа выйти в район г. Лобэй.

Такое решение командующего танковой армией объяснялось тем, что 5-й гвардейский танковый корпус имел на вооружении танки Т-34, обладавшие лучшей проходимостью в условиях горных дорог, чем танки «шерман» механизированного корпуса. Кроме того, в 9-м гвардейском механизированном корпусе остро ощущался недостаток топлива.

К исходу 10 августа главные силы 5-го гвардейского танкового и 9-го гвардейского механизированного корпусов втянулись колоннами в предгорья хребта Большой Хинган. Для обеспечения продвижения войск вслед за передовым отрядом 5-го гвардейского танкового корпуса командующий армией генерал А. Г. Кравченко приказал вывести вперед в полном составе армейскую саперную бригаду, которая к утру 11 августа должна была обеспечить пути движения на перевалах Корохон и Цаган-Дабо.

В значительной степени успешному форсированию хребта способствовали своевременная разведка направлений, напряженная работа специальных войск и особенно инженерных частей. Так, разведывательный отряд в составе 14-го мотоциклетного батальона 9-го гвардейского механизированного корпуса при преодолении хребта Большой Хинган обнаружил непроходимый участок дороги. Высланные боковые дозоры своевременно разведали обход

Танкисты преодолевают хребет Большой Хинган

этого участка, что позволило корпусу беспрепятственно продолжать движение. Разведка также способствовала уверенному вождению колонн в горной местности. Трудно было ориентироваться в горах, тем более что топографические карты этого района оказались устаревшими и неточными. Без основательной разведки маршрутов войска, двигавшиеся по долинам горных рек, попадали в тупики, выход из которых обычно был чрезвычайно сложным и требовал много времени.

При преодолении хребта войска вынуждены были прокладывать дороги, строить мосты, оборудовать броды, срезать твердую породу из-за ее крутизны. Основная тяжесть этих работ ложилась на инженерные части и подразделения. Так, саперы 5-го гвардейского танкового корпуса срезали крутой косогор на протяжении 1000 метров и капитально отремонтировали до 1400 погонных метров дороги, уложив при этом 120 кубометров камня.

В тяжелейших условиях выполняли свои задачи в горах инженерные подразделения 9-го гвардейского механизированного корпуса. Саперы корпуса проложили в горах дороги общей протяженностью около 5 км, оборудовали семь бродов через реки и построили один мост грузоподъемностью в 45 тонн.

Из-за бездорожья вследствие начавшихся дождей личный состав частей 7-го механизированного корпуса был вынужден сойти с автомашин и действовать десантом на танках. В этих условиях саперные части оборудовали семь бродов через р. Хорэн-Гол и десять объездов в заболоченной пойме этой горной реки. Здесь особенно отличилась рота под командованием старшего лейтенанта И. В. Романенко. Саперы Гусаров, Бердинов, Григорьев по пояс в воде, под проливным дождем в течение многих часов прокладывали дно р. Хорэн-Гол камнями и другими подручными средствами[26].

Для повышения проходимости техники на труднодоступных участках еще до начала операции принимались меры к тому, чтобы на каждом танке и САУ было несколько бревен и фашин, а на автомашине — два мата. Все это позволяло войскам армии успешно форсировать и горные заслоны, и речные стремнины.

Не менее сложным, чем подъем и преодоление перевалов, оказался спуск с Большого Хингана на Центрально-Маньчжурскую равнину, который начался в 6 часов утра 11 августа. 5-й гвардейский танковый корпус был вынужден перестроиться в одну колонну и продолжать спуск по наиболее удобному маршруту. В 7-м механизированном корпусе спуск происходил под сильным дождем, долины рек быстро заполнялись водой и превращались в серьезные преграды на пути движения колонн. Вследствие этого на отдельных, наиболее крутых участках приходилось спускать машины на тросах: задние машины с помощью троса тормозили спуск впереди идущих. Ощущался острый недостаток в средствах эвакуации. В корпусе при спуске застряло на маршруте движения около 100 автомашин. Тяжелые условия движения потребовали более чем двойного расхода горюче-смазочных материалов против расчетных норм. Подача же горючего автотранспортом из-за начавшихся дождей была почти полностью нарушена.

И все же к 18 часам 11 августа передовой отряд 5-го гвардейского танкового корпуса (подразделения 20-й и 22-й гвардейских танковых бригад) овладел первым на равнине городом — Лобэем. Вслед за ним в город вошел и штаб армии. К исходу дня на равнину вышли 30-я и 31-я гвардейские механизированные бригады и 14-й гвардейский мотоциклетный батальон 9-го гвардейского механизированного корпуса.

Итак, всего трое суток понадобилось передовым отрядам Забайкальского фронта, чтобы форсировать Большой Хинган. В результате главные силы 5-го гвардейского танкового и 9-го гвардейского механизированного корпусов, выполнив задачу пятого дня операции, устремились к Чанчуню и Мукдену[27].

Важнейшими предпосылками стремительного наступления 6-й гвардейской танковой армии являлись: искусный выбор направлений ее действий, умелое построение походных порядков корпусов и бригад, широкое использование сильных передовых отрядов, организация глубокой разведки, тщательная подготовка войск и штабов, надежное инженерное, материально-техническое обеспечение, особенно горючим и смазочными материалами,

а также водой, тесное взаимодействие с авиацией и воздушными десантами, действия отдельными усиленными бригадами сразу после преодоления Большого Хингана, надежное управление войсками армии в ходе наступления (широкое применение радио и самолетов, максимальное приближение командных пунктов к боевым порядкам).

К утру 13 августа отрыв главных сил танковой армии от остальных войск Забайкальского фронта достигал более 300 км. Внезапный и быстрый захват перевалов через Большой Хинган, считавшихся недоступными для крупных войсковых соединений и современной боевой техники, лишил японское командование возможности использовать этот важный стратегический рубеж для организации прочной обороны в горах и обеспечил в короткие сроки вторжение главных сил фронта в центральный район Маньчжурии. Тем самым основные силы Квантунской группировки войск были поставлены в критическое положение.

Сложившаяся обстановка требовала от войск фронта, особенно бронетанковых, развития стремительного наступления с целью завершения разгрома главных сил противника и недопущения их отхода в Северный Китай и на Ляодунский полуостров. И эта задача была успешно решена танкистами-забайкальцами.

Соединения и части армии возобновили движение и следовали по мере подвоза горючего и дозаправки машин за передовыми отрядами. Важную роль при этом играли разведчики. Особенность действий разведывательных отрядов заключалась в том, что они не только вели разведку, но в ряде случаев выполняли задачи по захвату важных объектов. Так, 14 августа разведывательный отряд 7-го механизированного корпуса продвинулся на глубину более 100 км, овладев во взаимодействии с передовым отрядом корпуса г. Таонань. При этом были уничтожены около 200 оказавших сопротивление солдат и офицеров 117-й пехотной дивизии противника.

15-й отдельный мотоциклетный батальон, составлявший разведывательный отряд 5-го гвардейского танкового корпуса, ведя разведку в направлении Лобэй — Кайлу — Тунляо — Мукден, с 14 по 16 августа находился от главных сил корпуса на расстоянии около 120 км. Днем 14 августа этот разведывательный отряд в результате короткого боя нанес поражение вражескому гарнизону в Кайлу, захватив аэродром и взяв в плен около 280 солдат и офицеров противника. К исходу дня отряд вышел в район Тунляо, овладел мостом через р. Ляохэ и аэродромом, а к исходу 16 августа полностью занял город[28].

Главные силы армии по мере получения горючего продвигались вслед за передовыми отрядами и с выходом в течение 16–19 августа в районы Тунляо, Кайтун и Туцюань отрезали японские войска, находившиеся в северной и северо-западной частях Маньчжурии, от их штабов и баз снабжения. Войска 3-го фронта японцев были расчленены и поставлены под угрозу уничтожения по частям. Однако для того, чтобы полностью окружить главные силы Квантунской группировки и вынудить ее к капитуляции, требовалось стремительное развитие наступления в юго-восточном направлении с целью захвата крупных административных и экономических центров Маньчжурии, а также важнейших тыловых районов противника.

Однако дальнейшее движение главных сил армии из района Тунляо из-за бездорожья оказалось невозможным даже для танков. Проливные дожди, непрерывно шедшие в течение нескольких суток, образовали на обширной Центрально-Маньчжурской равнине нечто вроде искусственного моря. В этой критической обстановке, когда до́рог был каждый час, единственно выполнимым решением стало пройти затопленную равнину по узкой насыпи железнодорожного полотна от Тунляо до Чжаньу. Этот 100-километровый участок войска армии преодолели за сутки. Передовой отряд 5-го гвардейского танкового корпуса в составе 21-й гвардейской танковой бригады под командованием подполковника И. Л. Третьяка к утру 19 августа овладел г. Чжаньу.

Не обошлось и без потерь. Во время движения передового отряда по железнодорожному полотну 18 августа над ним неожиданно появились шесть японских самолетов, по которым был открыт огонь из всех видов оружия. Управляемые летчиками-смертниками самолеты ринулись друг за другом в сторону движущейся колонны. Через мгновение пылали все шесть самолетов, но горели также и советские танк и одна автомашина[29].

18 и 19 августа командование Забайкальского фронта приняло важные решения, которые привели в последующем к значительным оперативно-стратегическим результатам на всем театре военных действий. В соответствии с этими решениями главной группировке войск фронта, прежде всего 6-й гвардейской танковой армии, ставилась задача как можно быстрее выйти к побережью Китая, обращенному к Тихому океану. Достижение этой цели могло быть осуществлено лишь с использованием воздушных десантов.

Специально подготовленных десантных войск во фронте не было. Поэтому состав десантируемых войск определялся решением командующего танковой армией. Для быстрого захвата важных железнодорожных узлов, аэродромов, военных, политических и экономических центров страны Чанчуня и Мукдена, а также морских портов на побережье Тихого океана Дайрэна и Порт-Артура были высажены воздушные десанты. 19 августа с целью высадки десанта в столицу Маньчжурии г. Чанчунь в Тунляо была сформирована группа в составе 200 человек от 30-й гвардейской механизированной бригады под командованием заместителя командира бригады Героя Советского Союза гвардии майора П. Н. Авраменко. Руководителем десанта был назначен заместитель начальника разведывательного отдела армии гвардии подполковник М. И. Мельниченко, который во главе группы разведчиков в составе 18 человек вылетел в заданный район первым. В 11 часов 30 минут его самолет приземлился на аэродроме Чанчуня. Группа быстро овладела аэродромом. Мельниченко по радио дал команду остальным десантникам на вылет в Чанчунь.

Высадившиеся в 14 часов того же дня главные силы десанта быстро захватили железнодорожную станцию, почту, телеграф, банк, электростанцию. Гарнизону противника был предъявлен ультиматум, принятый безоговорочно. Ко времени подхода главных сил танковой армии в Чанчуне были обезоружены 40 тыс. японских солдат и офицеров, в том числе 17 генералов.

19 августа в 13 часов 15 минут в Мукдене высадился 2-й батальон 6-й гвардейской мотострелковой бригады 5-го гвардейского танкового корпуса в составе 225 человек под командованием гвардии майора П. Е. Челышева. Управление действиями десанта возлагалось на начальника разведывательного отдела армии гвардии полковника Я. М. Скрынникова. Десант захватил важные объекты в городе и разоружил гарнизон японцев, взяв при этом в плен много солдат, офицеров и генералов, а также интернировал императора Маньчжоу-Го Пу И, пытавшегося улететь в Японию[30]. В этот же день разведывательная рота 5-го гвардейского танкового корпуса была высажена авиадесантом в г. Ляоюань.

К исходу 20 августа несколько танков передового отряда 5-го гвардейского танкового корпуса вошли в Мукден. Передовой отряд 7-го механизированного корпуса к исходу этого же дня в районе Фаньцзятуня перерезал железную дорогу Чанчунь — Мукден и на следующий день вошел в Чанчунь. Затем эти отряды совместно с ранее высадившимися воздушными десантами приступили к приему пленных японских войск.

Таким образом, 6-я гвардейская танковая армия, продвинувшись на глубину 750—800 км и уже на 10-й день операции выйдя к жизненно важным районам Маньчжурии, обеспечила расчленение главных сил Квантунской группировки на изолированные части и принуждение противника к отказу от дальнейшего сопротивления и прекращению военных действий на огромной территории континентальной части Китая. Тем самым она внесла огромный вклад в выполнение крупной военно-политической и стратегической задачи.

22 августа, в соответствии с распоряжением командующего фронтом от 18 августа по захвату портов на Ляодунском полуострове, в Порт-Артуре был высажен авиадесант от 9-го гвардейского механизированного корпуса во главе с заместителем начальника оперативного отдела штаба корпуса гвардии майором И. К. Белодедом. После высадки десант, насчитывавший 200 человек, захватил портовые сооружения, крупные склады и базы и разоружил гарнизон в составе более 5 тыс. солдат, офицеров и генералов. Один из японских офицеров торжественно передал И. К. Белодеду тяжелую связку ключей от Порт-Артура, отобранного в начале века Японией у России. К вечеру 23 августа в город прибыла 21-я танковая бригада

Колонна танков 7-го механизированного корпуса 6-й гвардейской танковой армии на улицах китайского города Далянь

Самоходная установка с десантом на броне

6-й гвардейской танковой армии во главе с подполковником И. Л. Третьяком, а еще через два дня в порт вошли корабли советского Тихоокеанского флота.

22 августа 1945 г. в г. Дайрэн от 9-го гвардейского механизированного корпуса был высажен десант в количестве 150 человек под командованием начальника разведки корпуса гвардии подполковника Б. С. Лихачева, который захватил портовые сооружения, склады, базы и разоружил 10-тысячный японский гарнизон[31]. К исходу 23 августа войска 6-й гвардейской танковой армии полностью заняли Ляодунский полуостров и освободили Чанчунь, Мукден, Тунляо, Дайрэн, Порт-Артур и другие города северо-востока Китая.

С 24 по 29 августа главные силы танковой армии сосредоточивались в районах Мукден, Фусинь, Дайрэн и Порт-Артур. По распоряжению командующего войсками Забайкальского фронта маршала Р. Я. Малиновского части 5-го гвардейского танкового и 9-го гвардейского механизированного корпусов были оставлены в районах Тунляо и Мукден. Для дальнейшего продвижения на Ляодунский полуостров предназначался 7-й механизированный корпус, в последующем выведенный из состава 6-й гвардейской танковой армии и переданный 39-й армии генерала И. И. Людникова, которой и было поручено сосредоточиться в пределах Ляодунского полуострова. Так блестяще завершилась последняя операция 6-й гвардейской танковой армии.

Иначе применялись танковые войска 1-го Дальневосточного фронта, в полосе наступления которого противник имел сильную, глубоко эшелонированную оборону. Все танковые бригады, усиленные самоходно-артиллерийскими полками, придавались здесь стрелковым дивизиям для непосредственной поддержки пехоты. После прорыва обороны противника они использовались в качестве передовых отрядов общевойсковых соединений. Некоторые танковые бригады 1-й Краснознаменной армии, кроме того, получили задачу прокладывать колонные пути через тайгу.

В качестве подвижной группы фронта использовался 10-й механизированный корпус. Ввод его в сражение осуществлялся в полосе 5-й армии на глубине около 150 км, после овладения ею тыловым оборонительным рубежом на р. Муданьцзян. Затем мехкорпус приступил к стремительному развитию наступления на Гирин и во взаимодействии с 6-й гвардейской танковой армией забайкальцев завершил окружение главных сил Квантунской группировки. Глубина задачи корпуса составила более 600 км при среднесуточном темпе продвижения 90–100 км[32].

Высокий темп, решительность и натиск достигались нередко за счет инициативы и творческого подхода к задачам. Так, в конце первой декады наступления штаб 1-го Дальневосточного фронта потребовал от 1-й Краснознаменной армии как можно скорее занять Харбин, обеспечить охрану многочисленных городских промышленных предприятий и других важных объектов, в том числе двух больших железнодорожных мостов на основной коммуникационной линии между севером и югом Маньчжурии. Но подвижная армейская группа генерала А. А. Максимова запаздывала. Грунтовая дорога вдоль КВЖД от станции Яблоня до Харбина из-за дождей после прохода по ней отступавших японских колонн пришла в непригодное состояние, мосты были разрушены. Начальник штаба группы генерал Е. Я. Юстерник, который шел с танкистами в составе передового отряда, принял верное решение. Вечером 19 августа он доложил по радио: «Гружусь на поезд, в Харбине буду утром 20.8.45 г.»[33].

Рано утром следующего дня танки генерала Юстерника, выгрузившись на станции Старый Харбин, вступили в город. Это была существенная поддержка для особоуполномоченного Военного совета фронта генерала Г. А. Шелахова, который уже более полутора суток со своим маленьким десантным отрядом, высадившимся в Харбине 18 августа, обеспечивал охрану мостов, электростанций, аэродрома и некоторых других объектов. Японский гарнизон (две пехотные дивизии и другие части) оставался неразоруженным, многочисленные военные склады и громадные арсеналы не были взяты под контроль. С приходом танкистов и появлением в городе практически одновременно с ними моряков Амурской военной флотилии

во главе с контр-адмиралом Н. В. Антоновым[34] задачи по разоружению гарнизона Харбина были быстро решены.

Командование японских войск не ожидало, что наступление Красной армии будет столь стремительным и ошеломляющим. Ни яростное сопротивление противника, ни железобетонные пограничные укрепления, ни труднейшие условия местности не могли остановить наступательного порыва советских танкистов, неудержимо рвавшихся вперед. Имена многих из них вошли навечно в историю Дальнего Востока. В бою за г. Муданьцзян особое мужество проявили воины 77-й танковой бригады. Так, в ходе атаки прямым попаданием вражеского снаряда в один из танков были выведены из строя пушка и пулемет, тяжело ранены командир, башенный стрелок и стрелок-радист. Остался невредимым лишь механик-водитель Антоненко. На предельной скорости он повел машину на позиции врага. Уничтожив четыре орудия противника, танк Антоненко первым ворвался в пригород Муданьцзяна — Эхэ. Здесь японцы окружили танк и потребовали сдаться. В ответ отважный танкист открыл автоматный огонь и бросил через люк несколько гранат. Видя, что советского воина не удастся взять живым, японцы подожгли танк. Контуженный взрывной волной, израненный осколками брони танка, Антоненко продолжал вести бой в горящей машине и продержался до подхода главных сил бригады[35].

В боях против японцев продолжили свою семейную ратную летопись девять братьев-танкистов Михеевых — Виктор, Павел, Федор, Владимир, Иван, Александр, Михаил, Семен и Петр. Еще накануне войны пятеро из них закончили Ульяновское танковое училище; с разрешения наркома обороны была создана михеевская танковая рота, в которой служили шестеро старших братьев. Командиром роты стал Виктор, его заместителем — Владимир, а Павел, Федор и Иван были назначены командирами взводов, Александр в этой роте выполнял обязанности механика-водителя. С первых же дней войны с фашистской Германией рота братьев Михеевых громила врага, смелостью и отвагой они не раз отличились в боях. Погиб командир взвода Иван Михеев, а затем другой брат — механик-водитель Александр. Четверо Михеевых продолжали бить фашистских захватчиков. Командиром тяжелого танкового батальона стал Виктор, а его заместителем — Павел. За умелые боевые действия Владимир и Федор были назначены командирами рот. Отважно сражались братья Михеевы летом 1942 г. под Барвенково и Харьковом. В этих боях Виктор был тяжело ранен, а Владимир контужен. Затем братья-танкисты воевали на разных фронтах Великой Отечественной. Славные боевые традиции старших продолжил танковый экипаж, состоявший из младших братьев Михеевых. Михаил, Семен и Петр отлично сражались в боях с японцами. Их танк прошел почти всю Маньчжурию в составе войск 1-го Дальневосточного фронта, участвовал в освобождении нескольких городов. За мужество и отвагу в боях по разгрому фашистской Германии и милитаристской Японии девять братьев Михеевых были награждены в общей сложности 85 боевыми орденами и медалями СССР[36].

Соединения и части танковых войск 2-го Дальневосточного фронта, кроме 214-й танковой бригады 16-й армии, использовались в качестве передовых отрядов общевойсковых армий и 5-го отдельного стрелкового корпуса. После форсирования рек Амур и Уссури эти отряды должны были стремительно продвигаться вперед и захватывать важные объекты в глубине обороны противника. Особое значение при этом фронтом придавалось достижению высоких темпов наступления, которые не дали бы противнику возможности отвести основные силы своей группировки в Северный Китай, Корею и к портам Ляодунского полуострова. Решение этой задачи обеспечивалось действиями танковых соединений.

Вот один из эпизодов боевых действий танкистов. Вдоль р. Сунгари наступал передовой отряд 15-й армии в составе 171-й танковой бригады. В боях за г. Фуцзинь мужественно и умело действовал экипаж танка, командиром которого был лейтенант Николай Романов. Поддерживая штурмовую группу 455-го стрелкового полка, экипаж в уличных боях уничтожил артиллерийское орудие вместе с расчетом, подавил четыре дота и истребил шесть снайперов. Продолжая громить врага, танк лейтенанта Романова вырвался далеко вперед, но на подходе к г. Цзямусы подорвался на мине. Японцы бросились к боевой машине, надеясь захватить

экипаж живым, но танкисты открыли огонь. В течение шести часов, до подхода основных сил бригады, экипаж Романова отбивал яростные атаки врага, уничтожил до 30 японских солдат и вышел из тяжелого положения победителем. За храбрость и мужество, инициативные и смелые действия лейтенанту Николаю Федоровичу Романову было присвоено звание Героя Советского Союза[37].

Самостоятельность, быстрота действий многих частей, соединений и объединений танковых войск, большой отрыв их от стрелковых частей и баз снабжения требовали принятия необходимых мер боевого, инженерного, дорожного и материально-технического обеспечения, для того чтобы, наступая на отдельных направлениях, нередко вне дороги, они могли действовать автономно.

С учетом опыта совершенного еще до начала войны марша и условий, в которых предстояло действовать танковым войскам, для организации технического замыкания в ходе наступления выделялось значительно больше сил и средств, чем при следовании в выжидательный район. Во всех танковых частях в состав технического замыкания входили две-три мастерские типа «А», мастерская типа «Б», две машины с запасными частями и две-три машины с горючим и смазочными материалами. Техническое замыкание колонны главных сил каждого корпуса осуществляла ремонтно-эвакуационная группа в составе корпусной подвижной танкоремонтной базы, ремонтной роты армейского танкоремонтного батальона, эвакороты и летучки склада бронетанкового имущества. В этих группах были созданы два отделения технической разведки, в задачу которых входило поддержание связи между ремонтными подразделениями корпуса, установление мест выхода из строя машин, определение степени ремонта и количества необходимых запасных деталей и механизмов. Всё делалось для того, чтобы обеспечить своевременное восстановление материальной части непосредственно на месте выхода ее из строя. Однако для производства ремонта, требовавшего продолжительного времени, в корпусах через каждые 75—100 км намечались сборные пункты аварийных машин.

Малая населенность и слабое экономическое развитие ряда районов на направлении наступательных действий, например, 6-й гвардейской танковой армии, вызвали необходимость создания запасов материальных средств на весь период боевых действий армии. Выполнение этой задачи было связано с серьезными трудностями. С выходом соединений в выжидательный район усложнилась организация подвоза, так как удаление этого района от станции снабжения, расположенной в монгольском г. Чойбалсан, составляло более 300 км, а транспортных средств было недостаточно. Поэтому для подвоза необходимых запасов основных видов довольствия использовались весь транспорт корпусов, армейские средства подвоза, частично узкоколейная железная дорога очень низкой пропускной способности, проходившая от Чойбалсана до Тамцаг-Булака. Во время боевых действий для снабжения танковой армии водой и горючим привлекалась и транспортная авиация.

На местности, отличавшейся отсутствием лесной растительности и других горючих материалов, потребовалось заблаговременно создать в войсках необходимые запасы топлива для приготовления пищи. В целях решения проблемы водоснабжения в условиях пустынной и степной местности еще до начала операции пришлось создавать запасы воды, выделять транспортные средства для их перевозки, готовить специальные команды для разведки и оборудования источников. Такие команды, обеспеченные материалами для сооружения колодезных срубов, заранее высылались в районы предстоящего размещения войск, места привалов с задачей восстановить старые и оборудовать новые колодцы. На каждую часть выделялось не менее двух-трех источников с дебитом воды в каждом из них около 400 литров в час. В ходе операции устанавливалось твердое нормирование расхода воды, запасы которой хранились в установленных на специальных машинах бочках емкостью 150—200 литров, а также танках, САУ, различных видах транспорта. Весь личный состав имел фляги на 1,5 литра. За соблюдением питьевого режима осуществлялся строгий контроль. Запасы воды использовались только во время передвижения. Минимальный суточный расход их составлял около 5 литров на человека, до 100 — на танк, 25 литров — на другие машины[38].

Таким образом, военная кампания на Дальнем Востоке, подготовленная и проведенная с учетом опыта войны с немецко-фашистскими захватчиками, внесла новый вклад в развитие теории и практики применения танковых войск.

Амурская военная флотилия приняла активное участие в разгроме противника на Дальнем Востоке. Она являлась одной из сильнейших среди военных речных объединений СССР периода Великой Отечественной войны. Созданная в 1906 г., флотилия имела большой боевой опыт и богатые традиции. Принимая активное участие в боевых действиях в ходе советско-китайского вооруженного конфликта 1929 г., она уничтожила Сунгарийскую флотилию противника. В годы Великой Отечественной войны ряд подразделений и бригада морской пехоты, сформированные из моряков флотилии, сражались на многих фронтах.

К началу войны против Японии флотилия насчитывала в своем составе около 220 боевых кораблей различных классов, в том числе восемь мониторов, 11 канонерских лодок, 52 бронекатера, 12 тральщиков, 36 катеров-тральщиков, семь минных катеров, минный заградитель, сетевой заградитель, пять плавучих зенитных батарей, 15 полуглиссеров, три сторожевых катера, три плавучие базы и штабной корабль. С началом войны против Японии флотилии были переданы все сторожевые катера пограничной охраны на реках Амур и Уссури и 106 мобилизованных гражданских судов. В составе флотилии имелось 70 самолетов, главным образом истребителей и самолетов связи[39]. Возглавил флотилию контр-адмирал Н. В. Антонов, который до этого командовал Онежской военной флотилией и обладал большим боевым опытом управления речными силами.

С началом военных действий флотилия была оперативно подчинена командующему войсками 2-го Дальневосточного фронта, а отдельный Уссурийский отряд бронекатеров — командующему войсками 1-го Дальневосточного фронта. Она располагала довольно широкой сетью операционных и маневренных баз на Амуре и его притоках — Уссури, Зее, Бурее, Шилке и других. Главная база и штаб флотилии размещались в Хабаровске. Многие офицеры, старшины и матросы, направленные в Амурскую военную флотилию накануне войны с Японией с других речных военных флотилий, прошли к тому времени суровую школу войны с фашистскими захватчиками. Флотилия была хорошо подготовлена к совместным действиям с сухопутными войсками. Взаимодействие с войсками она отрабатывала с учетом опыта Великой Отечественной войны и географических особенностей Амурского театра.

Наступление Красной армии началось 9 августа с форсирования рек Амур и Уссури одновременно на всех намеченных операционных направлениях на широком фронте и в нескольких пунктах с целью затруднить для японцев борьбу с переправлявшимися войсками. Высадка первых эшелонов войск производилась с боевых кораблей и носила характер десантных действий, а для перевозки войск последующих эшелонов с техникой и тылами создавались постоянно действующие переправы. Важной задачей Амурской военной флотилии была поддержка наступления советских войск в приречных направлениях.

На первом этапе (с 9 по 14 августа) наступательных операций 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов действия флотилии были нацелены на поддержку войск в боях на речных рубежах Амура, Уссури, Сунгари и на озере Ханка корабельной артиллерией, организацией переправ, а также на завоевание полного господства над речными силами противника.

В дальнейшем основным содержанием боевых действий флотилии было высадкой десантов и огнем корабельной артиллерии помочь войскам фронтов в наступлении и форсировании водных преград, разгроме и захвате японских опорных пунктов и узлов сопротивления[40].

Сунгарийская наступательная операция развивалась на главном, харбинском направлении 2-го Дальневосточного фронта. Войска фронта наносили здесь рассекающий удар по Квантунской группировке противника с задачей сокрушить японскую оборону и уничтожить совместно с войсками 1-го Дальневосточного фронта приморскую группировку сухопутных войск Японии на континенте.

Харбинское операционное направление проходило по правому берегу р. Сунгари вдоль дорог Лобэй — Таньюань и Жаохэ — Фуцзинь. Оно ограничивалось справа хребтом Малый

Хинган, слева — хребтом Нандань-Лалинь. На этой территории протекают такие большие реки, как Амур, Сунгари, Уссури и Муданьцзян, имеются обширные заболоченные пространства, горно-лесистые полосы (в районе Саньсин) и незначительное количество дорог.

Форсирование войсками 15-й армии Амура в районе между устьем Сунгари и Хабаровском было сопряжено с большими трудностями. Ширина Амура на этом участке местами достигает 205 м. Однако географические особенности местности, занятой противником, диктовали необходимость наступать на Харбин именно вдоль долины р. Сунгари, так как вследствие бездорожья реки являлись не только естественными оборонительными рубежами, но и путями для передвижения. Между тем ливни и вызванный ими разлив размыли и затопили прибрежные дороги, движение по ним стало почти невозможным, что резко замедляло темпы операции. Это обстоятельство в значительной степени повышало роль в ней кораблей Амурской военной флотилии.

Оборона противника на направлении главного удара 2-го Дальневосточного фронта состояла из долговременных оборонительных сооружений, расположенных на правом берегу Амура и вдоль р. Сунгари. Укрепленные районы Гуюань, Циндели, Эту, Гайцзы, Тунцзян, Цзямусы, Саньсин создавали мощный барьер на подходах к устью Сунгари, в самом устье и в глубине операционного направления. Для противодействия переправе советских войск противник мог использовать также свою Сунгарийскую речную флотилию, которая в любое время могла появиться на Амуре. Существовала также опасность со стороны плавающих мин, которые противник имел возможность по течению Сунгари забрасывать в Амур.

С учетом всего этого командование 2-го Дальневосточного фронта совместно с командованием Амурской военной флотилии приняло решение форсировать Амур на фронте протяженностью 190 км одновременно в нескольких пунктах, чтобы максимально затруднить неприятелю организацию противодействия переправе советских войск на правый берег реки.

Для действий на сунгарийском направлении были выделены: 15-я армия и 5-й стрелковый корпус с частями усиления, составлявшие ударную группу войск 2-го Дальневосточного фронта; 102-й укрепленный район; 1-я и 2-я бригады речных кораблей, в состав которых входили основные силы Амурской военной флотилии; к этой операции были также привлечены 3-я бригада и часть сил Зея-Бурейской бригады, 10-я воздушная армия 2-го Дальневосточного фронта, базировавшаяся на аэродромах Хабаровского аэродромного узла[41].

Замысел операции предусматривал создание плацдарма на правом берегу Амура, переправу войск на широком фронте, стремительное продвижение вверх по Сунгари и вдоль обоих ее берегов с последовательным захватом укрепленных районов и Харбина. Планировался и одновременный вспомогательный удар войсками 5-го стрелкового корпуса при содействии 3-й бригады речных кораблей из района Бикина через р. Уссури на Дунаньчжэнь и Жаохэ с последующим выходом к району Цзямусы — Саньсин для соединения с войсками 15-й армии, завершения окружения группировки противника, расположенной в выступе между реками Сунгари и Уссури, и дальнейшего совместного наступления на Харбин[42].

Форсирование Амура проводилось по заранее разработанному плану на боевых кораблях и транспортных средствах флотилии и обеспечивалось отрядом корабельного прикрытия, в который входили мониторы, канонерские лодки и бронекатера. Отряд развертывался в месте впадения Сунгари в Амур и должен был прикрывать переправы на случай появления японской Сунгарийский военной флотилии. Эта же задача ставилась береговой артиллерии 102-го пограничного укрепленного района и истребительной авиации, которая должна была прикрывать переправы с воздуха.

Планом форсирования реки предусматривалось: распределение кораблей и транспортных средств между переправами; прикрытие переправ от нападения речных сил противника; распределение между кораблями и береговой артиллерией береговых огневых целей, подлежавших уничтожению в первую очередь; уничтожение минных и других заграждений в районе переправ; обеспечение переправ зенитной артиллерией войск ПВО и кораблей, а также истребительной авиацией.

Высадка десанта с монитора Амурской военной флотилии на реке Сунгари

В результате всесторонней и хорошо продуманной с учетом опыта Великой Отечественной войны подготовки, а также благодаря господству фронтовой авиации и кораблей Амурской военной флотилии в зоне боевых действий советские войска успешно форсировали р. Амур на всех направлениях, предусмотренных планом операции.

В 6 часов 55 минут 9 августа мониторы, заняв назначенные для них позиции, открыли артиллерийский огонь по дотам, дзотам, наблюдательным пунктам и казармам укрепленного фуюаньского сектора. Под прикрытием корабельной артиллерии и истребителей 307-го авиаполка полковника Горелова корабли подошли к правому берегу Амура и успешно высадили десант в районе г. Фуюань.

Одновременно с 1-й бригадой начала боевые действия 2-я бригада речных кораблей. Первоочередной задачей бригады являлась высадка на правый берег Амура 388-й стрелковой дивизии для овладения узлами сопротивления противника на участке от Хабаровска до устья Сунгари, которая была успешно выполнена. Вместе с солдатами и офицерами подразделений стрелковых войск на берег высадились две группы моряков. Одной из них командовал старшина 1-й статьи Н. Н. Голубков. Вскоре дорогу этой группе преградил вражеский дзот, находившийся примерно в 70 метрах от десантников на склоне сопки. Перед ним была открытая ровная местность. Кому-то надо было совершить рывок и забросать дзот гранатами, и это сделал Голубков. Он уничтожил вражескую огневую точку, но и сам получил смертельную рану. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 г. Николаю Николаевичу Голубкову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. На месте, где он совершил подвиг, жители Фуюаня поставили памятник и высекли на нем слова: «Человеку, победившему дракона»[43].

Заняв Фуюань, корабли флотилии с 1-м и 2-м батальонами 630-го стрелкового полка на борту отправились вверх по Амуру. Им предстояло овладеть узлами сопротивления в районах Циндели, Эту, Гайцзы, с захватом которых были бы полностью ликвидированы японские укрепления на правом берегу Амура. В итоге к исходу второго дня наступления правобережье Амура между устьями Уссури и Сунгари было очищено от противника. Быстрому и успешному решению этой задачи 1-й и 2-й бригадами речных кораблей и частями 361-й и 388-й стрелковых дивизий способствовали внезапность действий, а также отсутствие в этих районах авиационных частей и кораблей противника. Застигнутые врасплох японцы не смогли использовать даже минное оружие, хотя имели значительные его запасы.

В эти же дни 3-я бригада речных кораблей, развернутая в низовье р. Уссури, обеспечивала форсирование реки войсками 5-го стрелкового корпуса, наносившего вспомогательный удар в наступательной операции 15-й армии 2-го Дальневосточного фронта. 9 августа корабли 3-й бригады оказали высадкой десанта содействие частям 513-го стрелкового полка в овладении г. Дунаньчжэнь на левом берегу Уссури. На следующий день основные силы этой бригады перешли к сильно укрепленному японскому г. Жаохэ, который к 10 часам утра 10 августа был взят при поддержке их частями 5-го стрелкового корпуса. Японцы, не ожидавшие столь стремительных действий советских войск и кораблей, поспешно покинули Жаохэ и отступили к Баоцину[44].

На втором этапе этой операции активное участие в боевых действиях принимали основные силы Амурской военной флотилии в составе трех бригад речных кораблей и полка истребительной авиации под непосредственным руководством командующего флотилией контр-адмирала Н. В. Антонова, который держал свой флаг на штабном корабле «Амур»[45].

Соединениям и частям 15-й армии совместно с силами Амурской военной флотилии в ходе Сунгарийской наступательной операции, конечной целью которой являлось овладение Харбином, предстояло преодолеть целый каскад сильно укрепленных узлов обороны противника, созданных на правом берегу р. Сунгари: Фуцзинь, Цзямусы, Саньсин, Мулань и укрепленный район Харбина.

Учитывая, что на р. Сунгари японцы имели довольно сильную речную флотилию и по-прежнему не исключена была возможность использования ими минного оружия и авиации, командование 2-го Дальневосточного фронта и Амурской военной флотилии решило создать сильную группировку, состоящую из разнородных сил — сухопутных войск, кораблей и авиации. В состав этой ударной группировки были включены пять мониторов, семь канонерских лодок, 30 бронекатеров и минных катеров, 20 тральщиков и катеров-тральщиков. На корабли этой группы были приняты десантные войска численностью до двух полков, состоявших из частей морской пехоты флотилии и подразделений 15-й армии. Для прикрытия кораблей с воздуха и поддержки их действий против укрепленных японских городов на Сунгари выделялись истребительный полк флотилии и самолеты фронтовой авиации[46].

По замыслу советского командования, эта необычная ударная группировка, состоявшая из корабельных, сухопутных и воздушных сил и предназначенная для действий в приречном районе, должна была служить в качестве авангарда 15-й армии. В ее задачу входило с помощью корабельной артиллерии, высадки тактических десантов и бомбоштурмовых ударов авиации подавлять оборону противника с целью овладения его опорными пунктами и узлами сопротивления на берегу реки, а также вести борьбу с речными силами японской флотилии и минной опасностью и тем самым способствовать наступлению войск 15-й армии на сунгарийском направлении[47].

Первым важным узлом обороны противника на правом берегу Сунгари, которым предстояло овладеть соединениям и частям армии и Амурской военной флотилии, был г. Фуцзинь, являвшийся армейской базой японских войск и речной базой Сунгарийской флотилии. Задача по овладению Фуцзинем была возложена на 1-ю бригаду речных кораблей, на которых находились два батальона 364-го стрелкового полка и штурмовая рота, предназначенные для высадки десанта[48].

В 7 часов 20 минут дозорно-разведывательный отряд бронекатеров, шедший в 30 кабельтовых впереди мониторов, первым ворвался на рейд Фуцзиня и открыл огонь по дотам и дзотам противника. Японская артиллерия и минометы открыли сильный ответный огонь. Вскоре в бой за высадку десанта включились мониторы, которые вели огонь из 130-мм орудий. Первой в порту высадилась штурмовая рота, вместе с которой на берег десантировались специальные группы, корректировавшие огонь мониторов и бронекатеров. В напряженном артиллерийском бою особенно отличился монитор «Сунь Ятсен», которым командовал капитан 3 ранга В. Д. Корнер. Артиллеристы монитора в этом бою уничтожили и подавили пять дотов, 12 дзотов, шесть минометных батарей, уничтожили склад с боеприпасами и большое количество японских солдат и офицеров[49]. Через час после начала артиллерийской дуэли с монитора «Сунь Ятсен» всего за четыре минуты был высажен батальон 364-го полка, который при поддержке корабельной артиллерии захватил прибрежную полосу и начал продвижение в город.

13 августа после ожесточенного боя Фуцзиньский укрепленный район пал[50]. В тот же день корабли, пополнив запасы топлива, снарядов и продовольствия, а также выделив топливо для заправки танковой бригады, приступили к подготовке захвата укрепленного района и г. Цзямусы.

Победное завершение Сунгарийской операции было достигнуто прежде всего в результате четкого взаимодействия сухопутных войск и кораблей флотилии. Все задачи, которые ставились перед частями 15-й армии и взаимодействовавшими с ними кораблями, удалось выполнить, хотя времени на непосредственную подготовку к операции практически не было. Опыт боевых действий показал, что успех совместных усилий флотилии и войск находится в прямой зависимости от того, насколько хорошо отработаны подобные боевые задачи в мирное время. То, что флотилия и части 15-й армии перед войной вместе участвовали в учениях, благотворно сказалось на их совместных действиях в боевой обстановке.

В ходе Сунгарийской наступательной операции корабли были единственным средством, обеспечивавшим высокий темп продвижения сухопутных войск. Они постоянно находились в авангарде наступавших частей и за двенадцать суток прошли с боями от Фуюаня до Харбина 930 км, из них свыше 700 км — по Сунгари[51].

Сахалянское операционное направление, ведшее к крупным политическим и административным центрам Маньчжурии — Харбину и Цицикару, проходило вдоль автомобильного тракта Сахал — Цицикар, далее по железнодорожный линии Сахалян — Луньчжень — Харбин, по реке Амур от Хума до поселка Уюнь. Значение его определялось тем, что с выходом советских войск на КВЖД северная и южная группировки японских войск в Маньчжурии разобщались, а работа всех железных дорог Северной Маньчжурии нарушалась. Кроме того, успешное наступление советских войск на этом направлении ставило под угрозу окружения всю группировку японских войск в районе Хайлара.

Противник прикрывал сахалянское направление системой оборонительных сооружений, основу которой составляли Сахалянский и Цикэйский укрепленные районы и несколько опорных пунктов. Сахалянский укрепрайон, расположенный на берегу Амура, имел протяженность 85 км по фронту, 10–20 км в глубину и насчитывал 254 долговременных сооружения, в том числе 136 дотов и 80 дзотов с артиллерией калибром до 200 мм. Цикэйский укрепленный район также располагался на берегу Амура, на правом фланге Сахалянского укрепрайона. Он имел протяженность по фронту 100 км, в глубину — 10–40 км, насчитывал 134 оборонительных сооружения, из них 77 дотов и 53 дзота. Этот район прикрывал немногочисленные шоссейные и железную дороги, ведшие в глубину маньчжурской территории[52]. В целом на правом берегу Амура непосредственно против Благовещенска располагалась хорошо развитая система обороны противника, опиравшаяся на мощные укрепленные районы. Сахалянский и Цикэйский укрепрайоны взаимодействовали с Мачанским укрепленным сектором.

В условиях широкого разлива рек и полного бездорожья, вызванных прошедшими проливными дождями, наступление 2-й Краснознаменной армии (командующий генерал

М. Ф. Терехин), как того требовал приказ командующего войсками 2-го Дальневосточного фронта, могло быть предпринято только в случае овладения плацдармом на правом берегу Амура и создания надежной переправы. Это и обусловливало замысел совместной операции 2-й Краснознаменной армии и Зея-Бурейской бригады речных кораблей, заключавшийся в том, чтобы овладеть системой укреплений Сахалян — Цикэ с целью создания плацдарма на правом берегу Амура для последующего наступления на Бэйаньчжэнь — Цицикар по идущим от Сахаляна железной и шоссейной дорогам.

Операцию предполагалось провести в несколько этапов: первый — набег кораблей на Сахалянский рейд с целью разведки боем, выявления огневых точек противника, уничтожения его плавсредств; второй — захват городов Сахалян, Айгунь, Хадаян и Цикэ, создание плацдарма на правом берегу Амура и организация переправ; третий — переправа главных сил 2-й Краснознаменной армии и частей 101-го укрепленного района и занятие исходного положения для последующего наступления в направлении на Цицикар.

В операции принимали участие: 2-я Краснознаменная армия, артиллерия и войска 101-го (Благовещенского) укрепленного района (комендант генерал А. А. Казарян), истребительная авиация 10-й воздушной армии (командующий генерал П. Ф. Жигарев), Зея-Бурейская бригада речных кораблей (командир капитан 1 ранга М. Г. Воронков) в составе монитора, пяти канонерских лодок, вооруженных артиллерией главного калибра 102 мм и 100 мм, 16 бронекатеров с 76,2-мм пушками и реактивными установками, 10 речных катеров-тральщиков, девяти глиссеров, штабного корабля ПБ-2 и других обеспечивающих кораблей и судов. Кроме того, бригаде были приданы катера пограничного речного дивизиона, суда Верхне-Амурского речного пароходства и Сретенский отдельный дивизион речных кораблей. В состав Сретенского дивизиона (командир капитан 3 ранга А. Н. Гундорин) входили восемь бронекатеров, два глиссера и плавбаза ПБ-4. Общая численность кораблей, катеров и судов Зея-Бурейской бригады вместе с приданными составляла 177 вымпелов[53]. Все корабли находились в готовности решать поставленные задачи и могли немедленно вступить в бой, так как документация по взаимодействию между кораблями и с частями сухопутных войск была отработана и проверена в ходе боевой учебы.

Задачами выделенных в операцию сил были определены: боевым кораблям Зея-Бурейской бригады прорваться в Амур, овладеть Сахалянским рейдом, высадить десант в районе Сахалянской пристани и к востоку от нее, занять железнодорожную станцию, город и систему укреплений Айгунь, захватить плацдарм восточнее города, в районе селения Хадаян, и укрепленный сектор Цикэ, затем сразу же высадить второй эшелон из состава войск 101-го укрепленного района в Сахалян и по усиленному стрелковому батальону в Айгунь и Цикэ; артиллерии канонерских лодок во взаимодействии с крупнокалиберной артиллерией 101-го укрепленного района предварять высадку мощными огневыми налетами; после овладения плацдармом бригаде приступить к перевозке и переправе главных сил 2-й Краснознаменной армии, на командном пункте которой постоянно находился офицер связи штаба бригады со своими средствами связи, и подвижных войск 101-го укрепрайона. Сахалянскую операцию должны были обеспечивать истребительная авиация 2-го Дальневосточного фронта, артиллерия 101-го укрепленного района и Сретенский отдельный дивизион, которому совместно с частями пограничников и 368-м горнострелковым полком надлежало очистить правый берег Верхнеамурского плеса и захватить г. Мохэ на крайнем правом фланге фронта.

Руководство операцией было возложено на командующего 2-й Краснознаменной армией, а высадка десантов и организация переправ — на командира Зея-Бурейской бригады.

Сахалянская операция началась в ночь на 10 августа в условиях сплошной облачности с осадками, при видимости менее 0,5 кабельтовых. К 3 часам утра 10 августа 1-й и 2-й отряды глиссеров (три глиссера и три полуглиссера) и дивизион катеров-дымозавесчиков заняли исходное положение у острова Затонский. В целях скрытности глиссеры и полуглиссеры подошли самосплавом. В 3 часа 30 минут 2-й отряд 1-го отдельного и 2-й отряд 2-го отдельного дивизионов бронекатеров вышли из Зеи и в 4 часа 05 минут скрытно, имея выхлоп под воду, вошли на рейд Сахаляна.

Через час после выхода с острова Затонский по сигналу командира бригады, находившегося на флагманском бронекатере, 2-й отряд 1-го дивизиона, а через пять минут, в 4 часа 35 минут, 2-й отряд 2-го дивизиона, не меняя курса, открыли огонь по берегу. Первый залп бронекатеров служил сигналом к открытию огня артиллерией 101-го укрепленного района. Огневые задачи были распределены так, что корабли поражали только непосредственно наблюдаемые цели, преимущественно плавсредства, а артиллерия укрепленного района вела огонь по невидимым целям противника, в том числе по 206-мм артиллерийским установкам. Японская 4-орудийная батарея открыла ответный огонь через десять минут, но он оказался неэффективным. Только один бронекатер № 74 получил незначительные повреждения. Когда от зажигательной пули загорелся бензобак, к нему бросился заметивший пламя пулеметчик Сергей Андрианов. Не раздумывая, он накрыл языки пламени своим телом и ликвидировал опасность.

10 августа в 11 часов 45 минут 2-й отряд 1-го отдельного и 2-й отряд 2-го отдельного дивизионов бронекатеров высадили корабельные десанты на набережной г. Сахалян. Через двадцать минут сюда же с катером 56-го пограничного речного дивизиона прибыли пограничники. В 12 часов 30 минут, получив донесение командира Зея-Бурейской бригады речных кораблей об овладении Сахаляном, командующий 2-й Краснознаменной армией отдал бригаде приказ сосредоточить плавсредства в Благовещенске для переброски в Сахалян мотострелкового батальона танковой бригады и ее последующих частей. Спустя 25 минут командующий армией приказал командиру бригады срочно подготовить силы и захватить г. Айгунь (35 км ниже Сахаляна). Захват этого укрепленного сектора позволял создать вспомогательный плацдарм для наступления соединений и частей 2-й Краснознаменной армии на укрепленный сектор Ляньцзятунь и обеспечить поддержку наступавших частей огнем корабельной артиллерии. Переброска частей танковой бригады в Сахалян началась в 14 часов 20 минут. В дальнейшем Сахалянская переправа действовала вплоть до капитуляции Квантунской группировки войск. За период с 10 августа по 1 сентября здесь было перевезено: личного состава — 22 845, орудий и минометов — 429, танков и бронемашин — 277, автомашин — 1459, лошадей — 1574, боезапаса — 118 тонн, а также много других грузов[54].

Впоследствии Зея-Бурейская бригада Амурской военной флотилии участвовала в захвате крупных узлов сопротивления в городах Айгунь, Цикэ и Мохэ.

Таким образом, в результате совместной операции, проведенной Зея-Бурейской бригадой, частями 2-й Краснознаменной армии и 101-м пограничным укрепленным районом, все побережье Верхнего и Среднего Амура было очищено от противника, созданы плацдармы для дальнейшего наступления войск 2-го Дальневосточного фронта на цицикарском направлении, обеспечено свободное плавание по реке кораблям флотилии.

Отличительными чертами Сахалянской операции являются ее широкий размах и темп. Береговая черта протяженностью в 1500 км была очищена от противника в течение нескольких суток. Действия Зея-Бурейской бригады свидетельствуют об отличном усвоении ее личным составом опыта Великой Отечественной войны, умении офицеров, старшин и матросов использовать в конкретных условиях боевой обстановки наиболее выгодные тактические приемы. Так, при организации сахалянской и константиновской переправ был использован богатый опыт Волжской военной флотилии (битва за Сталинград), Дунайской военной флотилии (Будапештская операция), Ладожской, Онежской и других озерных военных флотилий. Вместе с тем в действиях Зея-Бурейской бригады отмечались и некоторые просчеты. Если бы во время ночного налета 10 августа была произведена более тщательная разведка, стало бы ясно, что плацдарм мог быть занят силами только корабельных десантов. Это сократило бы сроки операции не менее чем на 6–8 часов. Ничем не был оправдан и расчет на возможность прорыва бронекатеров в устье р. Гунбелаха.

В целом же четкая организация взаимодействия частей Зея-Бурейской бригады речных кораблей между собой и с сухопутными частями, боевой порыв и героизм личного состава, стремившегося любой ценой выполнить поставленные задачи, способствовали быстрому достижению победы над врагом. Одним из ее определяющих моментов явилась также пра-

вильная организация боевой подготовки в предвоенный период, особенно в 1944–1945 гг., когда отрабатывались задачи, нашедшие в ходе боевых действий реализацию на практике.

18 августа 1945 г. командование разгромленной советскими войсками Квантунской группировки войск заявило о готовности капитулировать. Утром 20 августа все три бригады речных кораблей Амурской военной флотилии вошли в речной порт Харбина — крупнейшего города Маньчжурии с населением 650 тыс. человек — и участвовали в пленении и разоружении личного состава японской Сунгарийской военной флотилии.

Моряками Амурской военной флотилии были захвачены: четыре башенные канонерские лодки, девять бронекатеров, восемь сторожевых катеров, свыше 30 буксирных пароходов, 20 грузопассажирских пароходов и свыше 100 барж и других плавсредств[55].

С самого начала боевых действий Амурская военная флотилия полностью господствовала на всем речном театре. Захваченный врасплох противник не предпринял попыток к активным действиям своими речными силами в операционной зоне флотилии. Корабли японской Сунгарийской речной флотилии оставались в своей главной базе — Харбине.

Амурская военная флотилия обеспечила успешное форсирование войсками 2-го Дальневосточного фронта рек Амур, Уссури и Сунгари на всех операционных направлениях и своим артиллерийским огнем и высадкой тактических десантов содействовала наступлению соединений и частей 15-й и 2-й Краснознаменной армий в Сунгарийской и Сахалянской наступательных операциях.

Командующий войсками 2-го Дальневосточного фронта генерал М. А. Пуркаев высоко оценил боевые действия Амурской военной флотилии в Маньчжурской стратегической наступательной операции. В своем итоговом приказе по фронту он указывал: «Корабли и части флотилии на всех этапах войны с честью справились с поставленными перед ними боевыми задачами. Личный состав при выполнении боевых задач показал высокую воинскую выучку, дисциплинированность, отвагу и свою беспредельную преданность советскому народу»[56].

Тихоокеанский флот активно содействовал войскам 1-го Дальневосточного фронта в наступлении в сторону Северной Кореи, который силами 25-й армии в первый же день своего наступления в результате упорных боев разгромил японские части прикрытия и прорвал оборону противника в Приморье.

Японское командование, стремясь спасти свои войска от полного разгрома, пыталось отвести их в северокорейские базы и порты Юки, Расин, Сейсин, Одэчжин и Гензан (Вонсан), которые могли быть использованы для стабилизации фронта, подготовки контрнаступления или эвакуации войск в Японию. Чтобы лишить японцев такой возможности, советское командование поставило перед Тихоокеанским флотом задачу овладеть вышеуказанными базами и портами противника в Северной Корее. На первом этапе Военный совет Тихоокеанского флота принял решение захватить Юки, Расин и Сейсин с помощью морских десантов, используя для этой цели быстроходные корабли, в том числе торпедные катера, способные обеспечивать стремительность десантных действий.

Замысел командования флотом заключался в том, чтобы под прикрытием подводных лодок, развернутых у северного побережья Кореи, авиации и артиллерии сторожевых кораблей, используя быстроходные корабли, стремительно высадить морских пехотинцев непосредственно в северокорейские порты и внезапным ударом с моря захватить их. Последовательная высадка десантов с минимальными временными интервалами в Юки, Расин и Сейсин давала возможность советским морякам в ходе операции использовать освободившиеся японские базы для нанесения последующих ударов по более удаленным базам и портам противника на побережье Кореи.

Командование флотом приняло решение нанести по указанным базам и портам мощные воздушные удары с целью уничтожения сосредоточенных в них транспортных средств. Налеты авиации должны были сочетаться с набеговыми действиями торпедных катеров. В соответствии с этим решением командующий флотом адмирал И. С. Юмашев приказал командующему военно-воздушными силами флота генерал-лейтенанту авиации П. Н. Лемешко в течение

ночи на 10 августа самостоятельными действиями авиации уничтожить корабли в базах Юки и Расин, а с рассветом 10 августа прикрыть с воздуха торпедные катера 1-й бригады. Командиру 1-й бригады торпедных катеров было одновременно приказано произвести поиск и уничтожение кораблей противника в районе, ограниченном мысом Казакова — устьем р. Тумэнь-Ула, имея для поддержки в заливе Посьет один отряд торпедных катеров.

В общей сложности в период с 9 по 11 августа авиация Тихоокеанского флота совершила 552 самолето-вылета, в том числе 504 — на объекты портов Расин и Юки. Наиболее сильным бомбардировкам подверглись транспорты, береговые объекты и портовые сооружения в Расине. В этих налетах, составивших 418 самолето-вылетов, были задействованы 199 бомбардировщиков, 61 штурмовик и 158 истребителей. На объекты города и порта было сброшено около 1,5 тыс. различных авиационных бомб. В результате этих ударов, как отмечалось выше, было уничтожено и повреждено до 20 транспортов и других судов, которые неприятель мог использовать для переброски морем своих сухопутных сил. Авиация флота разрушила железнодорожную станцию, депо, железнодорожное полотно, причалы, склады, портовые сооружения, подавила огонь пяти зенитных батарей и двух мелкокалиберных батарей зенитной артиллерии, сбила японский истребитель. За два дня авиация ТОФ потеряла над Расином восемь самолетов, из них шесть Ил-10 и по одному Ил-2 и Ил-4. Основные потери были от огня зенитной артиллерии противника.

В ночь на 11 августа была произведена разведка района залива Гашкевича и порта Юки торпедными катерами 3-го дивизиона 1-й бригады торпедных катеров. Два торпедных катера под брейд-вымпелом капитана 3 ранга С. Кострицкого в 1 час 32 минуты вышли из гавани Силач и в 4 часа 20 минут вошли в залив Гашкевича. Сила ветра и состояние моря оценивались в 2 балла, видимость — нулевая. Около 5 часов утра катера вошли в порт Юки. Здесь никакого движения противника не наблюдалось. В городе было обнаружено шесть очагов пожара, в порту на фоне огня хорошо просматривались затопленные (или поврежденные) транспорты. Один из них стоял в середине акватории порта. Два других — у причала слева от входа в гавань. В результате разведки был сделан вывод о том, что залив Гашкевича и порт Юки покинуты противником и высадка может быть проведена без серьезных помех.

В 15 часов 11 августа из бухты Новик (о. Русский) первая группа первого броска десанта вышла на двух торпедных катерах. Через два часа также на двух торпедных катерах вышла вторая группа. Переход обеих групп проходил при юго-восточном ветре в 5 баллов и волнении моря в 4 балла. К 19 часам 10 минутам разведчики достигли порта Юки и высадились. Здесь они установили, что оборона порта и города подавлена действиями советских бомбардировщиков, и войска, предназначенные для обороны базы, еще 10 августа были выдвинуты японским командованием в северном направлении на удаление 10–15 км от города для поддержки отходивших частей.

Таким образом, задача по овладению портом Юки была решена десантом успешно, без каких-либо потерь с его стороны. Этому способствовали эффективные предварительные действия авиации и торпедных катеров, сломившие сопротивление неприятеля, деморализовавшие его и вынудившие покинуть Юки еще до того, как им овладели десантники. В свою очередь, высадка обеспечила быстроту продвижения сухопутных частей, которые, не задерживаясь в Юки, устремились к Расину. Занятие порта Юки позволило командованию Тихоокеанского флота перебазировать в него 13 торпедных катеров и сразу же приступить, упредив сухопутные войска, к высадке десанта в Расине.

Для высадки в этот порт десанта численностью около 1 тыс. морских пехотинцев были выделены фрегат, два тральщика, два больших охотника, шесть сторожевых катеров и два торпедных катера[57]. Подразделения первого броска десанта должны были доставить в порт Расин первая и вторая группы кораблей, состоявших из двух больших охотников и двух торпедных катеров. Третья группа, в которую вошли сторожевой корабль ЭК-5, два тральщика типа АМ и шесть сторожевых катеров, предназначалась для высадки основных сил десанта. Задачи тактической разведки, прикрытия десанта на переходе морем и поддержки его действий на берегу были возложены на авиацию флота. Командиром высадки был назначен капитан

1 ранга Е. Е. Полтавский, начальником штаба — З. В. Еремеев. Общее руководство действиями по захвату порта Расин оставил за собой командующий флотом адмирал И. С. Юмашев.

И при высадке десанта, и при дальнейшем использовании порта Расин серьезным препятствием для кораблей Тихоокеанского флота и судов являлась минная опасность. Всего с 12 июля по 11 августа самолеты 20-го бомбардировочного командования США поставили у портов Расин, Сейсин и Гензан 780 неконтактных мин[58].

12 августа в 15 часов 20 минут подорвались на мине ТКА-568 и ТКА-567. Взрыв произошел, когда торпедные катера выходили из Расина для следования в бухту Улисс, имея на борту снятый с Расина разведывательный отряд. Предполагалось, что торпедные катера взорвались на акустической мине. ТКА-568 получил серьезные повреждения, кроме того, взрывной волной были выброшены за борт и утонули два человека из состава разведотряда. Второй катер получил незначительные повреждения. Этим, однако, дело не ограничилось. 13 августа в 12 часов 58 минут взорвалась мина за кормой ТЩ-279, следовавшего к острову Масеми для несения дозора. Повреждений тральщик не получил, но все же к нему были направлены два катера, а сам он встал на якорь.

Взрывы мин должны были не просто насторожить, а потребовать принятия срочных эффективных мер противоминной обороны. Между тем сделано это не было до тех пор, пока на следующий день вновь не подорвались корабли и транспорты. 14 августа в 12 часов двум тральщикам (ТЩ-279 и ТЩ-281) было приказано открыть артиллерийский огонь для поддержки высадки десанта на остров Хам. При выполнении этой задачи в 12 часов 55 минут ТЩ-279 подорвался одновременно на трех минах. Корабль потерял ход, вышли из строя рулевое управление, навигационное оборудование и радиоаппаратура. Имелись потери в личном составе: двое убитых, двадцать тяжелораненых и семь человек, получивших легкие ранения. Корабль был отбуксирован к молу.

Только после этого приняли чрезвычайные и экстренные меры по борьбе с минами. Прежде всего 16 августа в 11 часов 20 минут было дано оповещение по флоту о том, что ввиду минной опасности бухта Расин закрыта для плавания кораблей и судов. Перевозка грузов в это время должна была осуществляться морем до порта Юки, а затем по суше на Расин. Одновременно был сформирован специальный отряд траления в составе пяти тральщиков, трех катеров-тральщиков, двух сетевых заградителей («Зея» и «Бурея»), тралбаржи и самоходной станции размагничивания.

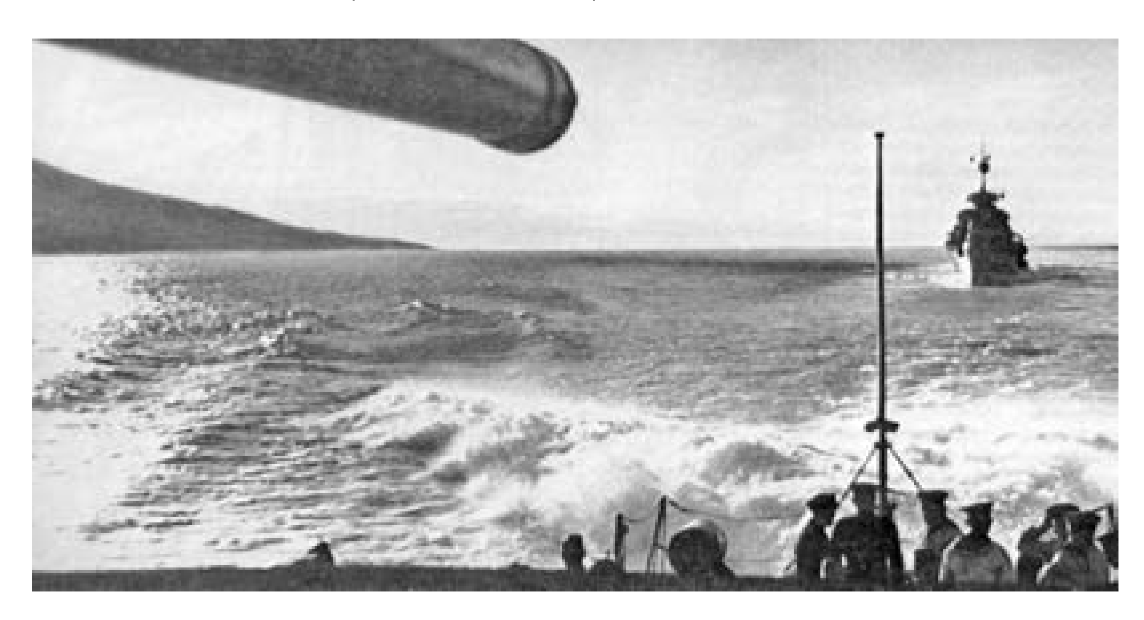
Несмотря на принятые меры, при овладении Расином на минах подорвался и затонул торпедный катер, получили повреждения тральщик, два транспорта, танкер и сторожевой катер, в течение длительного времени не было возможности использовать порт. Только 29 августа было закончено траление фарватера в бухте Расин, где торпедные катера уничтожили 116 неконтактных мин, и порт открыли для плавания всех судов. Таким образом, была успешно решена задача по овладению портом и городом Расин. Этому в значительной степени способствовали эффективные действия авиации, стойкость и мужество моряков-десантников.

Овладев портами Юки и Расин, Тихоокеанский флот сразу же приступил к захвату крупного и важного узла обороны противника — города и порта Сейсин, который был хорошо укреплен и имел сильный гарнизон, насчитывавший, по оценкам, не менее дивизии. Поэтому командование флота для овладения этим портом, использовавшимся в качестве военно-морской базы, выделило силы более крупные, чем для взятия Юки и Расина.

Рано утром 11 августа, когда завершились последние приготовления к высадке десанта в порты Юки и Расин, командующий Тихоокеанским флотом получил директиву главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке Маршала Советского Союза А. М. Василевского об организации десанта в Сейсин. Эта директива предписывала к исходу 11 августа подготовить морской десант в составе 335-й стрелковой дивизии и 13-й бригады морской пехоты для высадки в Сейсин. Указывалось, что одновременно на Юки и Расин будет наступать стрелковый корпус.

В 7 часов 35 минут это предписание было продублировано телеграммой Военного совета 1-го Дальневосточного фронта. Выход десанта назначался по особому указанию команду-

Корабли Тихоокеанского флота в боевом походе

ющего войсками фронта. В телеграмме предлагалось соображения и расчеты по операции представить в Военный совет 1-го Дальневосточного фронта телеграфом к 10 часам 11 августа.

Неожиданно для тихоокеанцев на следующий день директива о высадке морского десанта в Сейсин телеграммой маршала К. А. Мерецкова была отменена[59], однако Военный совет Тихоокеанского флота, исходя из конкретных условий обстановки, считал необходимым продолжить подготовку к высадке. Маршал А. М. Василевский согласился с этим мнением[60].

Ввиду особого значения для противника Сейсина, которое резко повышалось в сложившейся обстановке, при захвате порта можно было ожидать серьезного противодействия японцев. Именно из этого первоначально и исходил штаб Тихоокеанского флота при разработке и подготовке операции, рассчитывая овладеть Сейсином, высадив десант оперативного масштаба. Это подтверждается рядом документов, в том числе оперативным приказом № 31/оп, который был принят и подписан Военным советом ТОФ еще утром 11 августа. В этом приказе предусматривалось провести высадку в Сейсине 13-й бригады морской пехоты и 335-й стрелковой дивизии с боевых кораблей, быстроходных десантных судов и транспортов. Она должна была обеспечиваться многочисленной разнородной авиацией флота и кораблями отряда легких сил. Общее руководство операцией командующий флотом адмирал И. С. Юмашев брал на себя. В соответствии с этим приказом развернулась широкая подготовка к операции. Уже 11 августа к пунктам посадки в районе главной базы были подтянуты и частично посажены на транспорты десантные войска.

Командующий флотом адмирал И. С. Юмашев в ночь на 12 августа на лидере «Тбилиси» вышел из Владивостока в Хасан, чтобы на месте лично проверить готовность к решению задач по высадке десантов.

Однако по мере нарастания усилий по разгрому противника и в расчете на то, что флот уже имел опыт десантных действий в северных портах Кореи, штаб флота пришел к ошибочному мнению, что высадка в Сейсине, как и высадка в Юки и Расине, не встретит серьезного сопротивления, а поэтому полагал, что решить задачу можно будет силами одного разведывательного отряда и роты автоматчиков, которые ранее высаживались в Юки и Расине. Военный совет Тихоокеанского флота решил высадить десант с быстроходных кораблей, катеров и десантных судов непосредственно в порт, на причалы и пирсы. Высадку должны были предварить удары авиации по огневым точкам и оборонительным сооружениям порта и города, внезапные атаки торпедных катеров по находившимся в порту вражеским транспортам с целью предотвращения попыток японцев использовать Сейсин для перевозок. Однако эти расчеты оказались поспешными, и для овладения Сейсином потребовались значительно большие силы.

Важная, если не решающая роль при овладении Сейсином выпала на долю авиации флота, действия которой фактически начались еще до решения о высадке десанта. С 9 по 10 августа включительно морская авиация серией ударов по порту (было сделано 63 самолето-вылета) лишила противника возможности использовать Сейсин для перевозок и базирования своих сил[61], а 11–17 августа поддерживала десант, уничтожая живую силу и технику неприятеля.

12 августа в 11 часов 20 минут четыре торпедных катера под командованием капитана 3 ранга С. П. Кострицкого вышли из бухты Троицы в порт Сейсин с задачей разведать обстановку в порту, выявить наличие в нем вражеских кораблей и транспортов, расположение оборонительных объектов. В 20 милях южнее мыса Колокольцева катера легли в дрейф в ожидании сумерек, но были обнаружены неприятельским самолетом, с которым вступили в бой. В 20 часов 30 минут со скоростью 12,5 узла они вошли в порт Сейсин. Вскоре капитан 3 ранга Кострицкий доложил, что двухчасовое обследование порта не встретило организованного сопротивления со стороны противника, японских надводных кораблей и транспортов не обнаружено, за исключением одного поврежденного судна. С получением этого донесения командование флота приняло решение произвести разведку боем на большую глубину обороны Сейсина и в случае благоприятной обстановки закрепиться. Выполнение этой задачи возлагалось на первый бросок десанта в составе 140-го разведывательного отряда и

роты автоматчиков 390-го отдельного батальона морской пехоты. При этом имелось в виду усилить высаженный на берег первый бросок ротой 62-го пулеметного батальона.

На рассвете 13 августа шесть торпедных катеров под командованием капитан-лейтенанта В. И. Марковского вышли из бухты Новик, имея на борту личный состав первого броска (181 человек) и полный запас торпед и бомб.

Разведотряд Героя Советского Союза старшего лейтенанта В. Н. Леонова, разделенный на две группы, встретил ожесточенное сопротивление и попал в окружение. Особенно в тяжелом положении оказались разведчики группы, возглавляемой самим В. Н. Леоновым: у них уже кончался боезапас, а японцы продолжали яростные атаки. На случай своей гибели отважные разведчики написали письмо: «Дорогие товарищи, мы, моряки отряда Леонова — старший санинструктор Тарасов, краснофлотец Ермаков, краснофлотец Кедяров, краснофлотец Кальниченко, краснофлотец Баев, краснофлотец Грищенко — выполнили свою задачу... Мы умираем, но знаем, что за нас отомстят. Прощайте, товарищи, помните о нас»[62]. Но разведчики не погибли, им удалось прорваться из окружения и соединиться со своим отрядом.

В ночь на 14 августа в Сейсин прорвался отряд кораблей, возглавляемый командиром дивизиона фрегатов капитаном 3 ранга М. Г. Быкаловым, в составе сторожевого корабля ЭК-2 и ТЩ-278 (типа АМ), которыми командовали соответственно капитан-лейтенант Л. С. Миронов и старший лейтенант С. И. Попов, и утром высадил в порт первый эшелон десанта в составе 355-го отдельного батальона морской пехоты (710 человек) во главе с майором М. П. Баоаболько. 14 августа в 5 часов 40 минут корабли с десантом вошли в порт Сейсин и приступили к высадке морской пехоты, которая была закончена в 6 часов 10 минут. На берегу оказалось много не выявленных ранее огневых точек, которые вели интенсивный огонь по десантникам.

В крайне тяжелый момент боев за Сейсин общее руководство высаженными подразделениями морской пехоты, корабельным десантом и кораблями поддержки приняли на себя командир бригады сторожевых кораблей капитан 3 ранга М. Г. Беспалов и начальник штаба бригады капитан 3 ранга Б. Д. Яшин, которые серией донесений командованию Тихоокеанского флота показали всю сложность положения десантников и потребовали срочно выслать поддержку.

В целях облегчения положения десантников до того, как они получат подкрепление, Военный совет Тихоокеанского флота решил прервать сообщения, в первую очередь железнодорожное, сейсинской группировки противника с Рананским укрепленным районом и г. Фуней, расположенным северо-восточнее Сейсина. Добиться этого предполагалось действиями бомбардировочной авиации. 13 августа в 17 часов 50 минут 30 самолетов Пе-2 под прикрытием 20 самолетов Як-9 вылетели на бомбардировку боевых порядков японских войск, но вследствие сплошной низкой облачности в районе целей через 40 минут возвратились на свои аэродромы[63].

В это критическое для десантников, отражавших натиск превосходящих японских сил, время штаб Тихоокеанского флота принимал срочные меры по скорейшему разгрому врага. Прежде всего активизировались действия авиации. Однако решающей мерой должна была явиться высадка 13-й бригады морской пехоты (командир бригады генерал-майор В. П. Трушин). Еще 10 августа бригада без артиллерийских и минометных дивизионов и без тылов сосредоточилась на острове Русский, где в течение трех суток доукомплектовывалась и пополнялась. 13 августа в 21 час командир бригады получил задачу высадить основные силы бригады в порту Сейсин, закрепиться и удерживать его до подхода войск 1-го Дальневосточного фронта.

Постановка задач, посадка и переход десанта проводились в крайне ограниченное время, однако все делалось четко и организованно. В состав высаживаемых в первую очередь основных сил десанта было выделено пять батальонов, роты противотанковых ружей, ПВО, связи, разведывательная, медико-санитарная, инженерная и саперная. Во вторую очередь высаживались два артиллерийских, минометный дивизионы, автомобильная рота и тыловые части бригады. Общая численность десанта составляла свыше 5 тыс. человек[64].

15 августа к 3 часам 25 минутам десантный отряд был на подходе к Сейсину, а через час началась высадка групп майора М. П. Барабольио и начальника разведки ТОФ полковника А. З. Денисина, сопровождавшаяся огневой поддержкой корабельной артиллерии и подавлением огневых точек противника, противодействовавшего высадке второго эшелона.

По окончании высадки все десантные суда в сопровождении трех фрегатов и двух тральщиков, а затем и корабли М. Г. Беспалова вышли во Владивосток. В Сейсине остались с задачей огневой поддержки десанта фрегат, два сторожевых корабля и поврежденный большой охотник.

Высадившиеся первыми штурмовые группы при поддержке артиллерийского огня кораблей сломили сопротивление противника, уничтожили его отдельные огневые точки в районе порта и к 6 часам завязали бой за город.

Подошедшие части 13-й бригады морской пехоты совместно с 355-м отдельным батальоном морской пехоты и ротой 62-го отдельного пулеметного батальона к 8 часам овладели первой линией обороны противника и подошли ко второй линии, на которой располагались основные его силы и имелось большое количество инженерных сооружений[65]. Оборона японцев в Сейсине осуществлялась укрепленным районом, созданным на окружающих его высотах. Фланги представляли собой систему дотов и дзотов, траншей, ходов сообщений, блиндажей и складов с боеприпасами.

15 августа в 19 часов 05 минут 12 самолетов Пе-2 55-го отдельного авиаполка, ведомые Героем Советского Союза майором Ф. Н. Радусом, под прикрытием 10 самолетов Як-9 19-го авиаполка с высоты 2000 м с горизонтального полета звеньями атаковали станцию и железнодорожный городок Хокодо в Сейсине. По наблюдениям экипажей и фотоснимкам были отмечены разрывы бомб на железнодорожной станции, в районе железнодорожного городка и примыкающих к нему кварталов. Бомбардировка объектов в Сейсине оказывала существенную помощь десанту, к тому же она непосредственно поддерживала морских пехотинцев, атакуя живую силу и технику противника на обороняемых им рубежах.

15 августа днем командир 1-й бригады торпедных катеров, чтобы заставить японцев прекратить обстрел кораблей, приказал оперативно подчиненной ему 63-й отдельной авиаэскадрилье уничтожить огневые точки противника в Сейсине. В 19 часов два МБР-2 сбросили бомбы на вражескую батарею на мысе Колокольцева. Возвращаясь на аэродром, один самолет в условиях низкой видимости разбился в районе мыса Гамова.

В разгаре боев в ночь на 16 августа генерал В. П. Трушин запросил разрешение командующего флотом на то, чтобы в 7 часов был произведен бомбовый удар по железной дороге северо-западной окраины железнодорожного городка и по центру Хокодо. Задача нанесения массированного бомбового удара по сопротивлявшимся в районе железнодорожной станции и на западной окраине города частям неприятеля была возложена командующим военно-воздушными силами ТОФ генералом П. Н. Лемешко на 2-ю и 10-ю авиадивизии. Самолеты одной только 10-й авиадивизии 15 и 16 августа произвели 345 боевых вылетов, сбросив бомбы на укрепления, боевые порядки и скопления живой силы и боевой техники противника в порту и городе Сейсине, на железнодорожных станциях Ранан и Фуней. В результате ударов авиации флота по Сейсину был поврежден досаждавший десантникам бронепоезд, отмечены попадания бомб в расположение войск, разрушена железнодорожная станция.

Удары по противнику с воздуха дополнялись действиями корабельной артиллерии. 16 августа с 15 часов минный заградитель «Аргунь» перенес огонь на здание электростанции, где засели японцы. С 16 часов 20 минут эскадренный миноносец «Войков», сторожевые корабли «Метель» и «Вьюга», а также минный заградитель «Аргунь» обстреляли металлургический завод и скопление войск противника в районе жиркомбината. Всего в период с 14 по 16 августа корабли (в общей сложности более 10 единиц) провели свыше 65 стрельб по береговым целям, в результате которых было уничтожено до двух батальонов японской пехоты, 13 огневых точек, восемь дзотов, различная боевая техника, разрушен шоссейный мост, подавлены две зенитные 75-мм батареи, 13 артиллерийских и минометных батарей и более 15 огневых точек, неоднократно подавлялись светящие прожекторы, были рассеяны

до трех рот пехоты и отдельные колонны, поврежден бронепоезд противника. Особенно отличился фрегат ЭК-9, которым командовал капитан-лейтенант В. В. Михайлин, ставший впоследствии адмиралом[66]. Авиация флота произвела в этот же период 429 самолето-вылетов для нанесения по японским позициям бомбоштурмовых ударов[67].

В результате совместных действий частей морской пехоты, авиации и кораблей Тихоокеанского флота военно-морская база Сейсин во второй половине 16 августа была в основном очищена от противника. На следующий день в 11 часов десантники, действовавшие на западной окраине железнодорожного городка, соединились с передовым отрядом 393-й стрелковой дивизии 1-го Дальневосточного фронта, шедшей на Ранан. К исходу дня дивизия вошла в Сейсин[68].

17 августа в 14 часов 25 минут генерал В. П. Трушин доложил военному совету ТОФ о том, что Сейсин полностью занят. В боях за Сейсин японцы потеряли убитыми, ранеными и пленными более 3 тыс. солдат и офицеров (в том числе около 2 тыс. убитыми), два самолета и 27 транспортов и танкеров, находившихся в порту[69]. У десантников после высадки частей усиления второго эшелона потерь не было.

Сейсинская десантная операция имела, несмотря на общий успех, ряд серьезных недочетов, главный из которых — чрезмерно растянутая по времени высадка войск, связанная с недооценкой командованием флота способности гарнизона Сейсина к сопротивлению и недостатком времени на подготовку операции. Наращивание сил происходило крайне медленно, что ставило высадившиеся войска в крайне тяжелое положение. Недостаточно была организована и противоминная оборона кораблей.

Освободив Сейсин, моряки-тихоокеанцы и части сухопутных войск вышли в тыл основным силам правофланговой группировки отходивших японских войск. В руках советских войск оказались прибрежная линия сообщений противника и конечные пункты всех железных дорог в Северной Корее — Юки, Расин и Сейсин.

Остатки разгромленных в ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции японских войск могли покинуть Корею только через находившиеся в зоне ответственности вооруженных сил США порты Одэчжин и Гензан, что требовало их нейтрализации. Однако эти порты все еще были в руках противника, поэтому 18 августа маршал А. М. Василевский принял решение о переносе линии разграничения боевых действий вооруженных сил СССР и США в Корее с параллели 40 градуса на параллель 38 градуса[70], что не противоречило ранее достигнутым договоренностям союзников.

Таким образом, Тихоокеанский флот, развернув наступательные боевые действия на приморском направлении, в течение 10 дней овладел с помощью десантов японскими базами и портами Юки, Расин, Сейсин, Одэчжин и Гензан, выполнив тем самым поставленную перед ним задачу по содействию сухопутным войскам в освобождении Северной Кореи.

Войска НКВД в период войны с милитаристской Японией выполняли ответственные задачи по охране советской границы, тыла 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, Дальневосточной и Приморской железных дорог, конвоированию военнопленных. Охрана тыла действующей армии на Дальнем Востоке была организована по такому же принципу, что и на фронтах войны против немецких захватчиков, но имела ряд особенностей. Руководящими органами охраны тыла были оперативные группы на Забайкальском, 1-м и 2-м Дальневосточных фронтах, в подчинение которых выделялись внутренние и пограничные войска, а общее руководство осуществляла оперативная группа войск НКВД при главнокомандующем советскими войсками на Дальнем Востоке.

Заблаговременно на Дальний Восток наряду с частями и соединениями Красной армии была переброшена 3-я стрелковая дивизия внутренних войск, дислоцированная ранее в Средней Азии. Части этой дивизии обеспечивали безопасность тыла 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов.

Пограничные войска НКВД с первых минут развертывания Маньчжурской стратегической наступательной операции участвовали в прорыве передовых линий японской обороны,

а остальные войска во взаимодействии с ними и боевыми частями действующей армии вели борьбу с сопротивляющимися подразделениями, диверсионными группами противника на территории Маньчжурии, задерживали и разоружали японских солдат и офицеров, помогали военным комендатурам в охране порядка, организации местного самоуправления, несли гарнизонную службу. Немаловажную роль сыграли в войне с милитаристской Японией войска НКВД по охране железных дорог.

Непосредственное участие в разгроме Квантунской группировки противника принимали войска НКВД Забайкальского, Хабаровского и Приморского пограничных округов, переданных в оперативное подчинение командованию действующей армии (соответственно генералы П. И. Зырянов, А. А. Никифоров, И. Н. Шишкарев). При этом около двух третей частей и соединений округов действовали в составе армейских объединений или решали боевые задачи самостоятельно. Остальные части обеспечивали охрану и оборону границы на межоперационных направлениях, прикрывали стыки и открытые фланги войск, вышедших в исходное положение для наступления, совместно с личным составом укрепленных районов уничтожали диверсионные, разведывательные и войсковые группы противника, вели борьбу со шпионами и диверсантами. При всем многообразии решаемых задач охрана государственной границы оставалась для пограничников первоочередной, ставшей важной составной частью наступательной операции советских войск.

В ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции специально созданные из пограничников отряды нападения и оперативные группы уничтожали полицейские пограничные кордоны и передовые вражеские гарнизоны на операционных и межоперационных направлениях и тем способствовали успешному наступлению войск Красной армии.

В период боевых действий на территории Маньчжурии пограничные войска дальневосточных округов уничтожили 222 погранполицейских отряда, кордона и поста, 33 гарнизона, семь узлов сопротивления и четыре опорных пункта. Они заняли 191 населенный пункт, в том числе приняли активное участие в овладении городами Сахалян, Айгунь, Мохэ, Оупу[71].

На всех фронтах в составе передовых отрядов действовали пограничники, хорошо знавшие местность и сложившуюся обстановку. Вот как описывались в газете 1-го Дальневосточного фронта действия пограничников в районе Волынского узла сопротивления неприятеля: «В ту ночь даже зверь не выползал из своей норы, потоки воды лились с неба. Гроза дикая, какая бывает только в Приамурье, неистовая, грохочущая бушевала над фронтом, и в этот час наш солдат начал штурм... Впереди ползли пограничники, знавшие тайные тропы к вражеским дотам. Они тянули за собой веревки, за них держалась пехота, чтобы не сбиться с пути. Японцы не слышали ничего, штурм нахлынул на них в раскатах грома, в сверкании молний... Штурмовые группы... застали японцев врасплох. Гранаты! Рукопашные схватки во мгле! Бетон преодолели без помощи пушек. В первые бреши рванулась пехота...»[72]

Пограничники-дальневосточники, проявляя мужество и героизм, действовали смело и решительно. Так, 9 августа ефрейтор 6-й заставы Нерзаводского погранотряда Я. В. Перфишин огнем из автомата уничтожил восемь вражеских солдат и офицеров, в том числе расчет ручного пулемета. Несмотря на тяжелое ранение, он до последнего продолжал вести огонь. Имя ефрейтора Я. В. Перфишина присвоено заставе, на которой он служил.

В тот же день пограничник заставы Сопочная Хасанского погранотряда младший сержант П. И. Овчинников первым ворвался в расположение японского погранполицейского поста. Вражеские солдаты, укрывшиеся в одном из дотов, открыли огонь из пулемета. Тогда отважный воин бросился с противотанковой гранатой к доту. Огневая точка врага была уничтожена, но Овчинников получил смертельное ранение. Герой-пограничник спас жизнь многим своим товарищам и способствовал успешному выполнению боевого задания[73].

При помощи пограничников было захвачено большое число вражеских разведывательных и контрразведывательных пунктов, что не позволило японской разведке развернуть активную подрывную деятельность в тылу нашей действующей армии. На территории Маньчжурии пограничные части обезвредили 826 агентов противника. Пограничники уничтожали оставшиеся на флангах и в тылу наступавших войск неподавленные очаги сопротивления врага,

диверсионно-бандитские группы, которые выходили на коммуникации советских войск и нападали на подразделения, штабы. За время боев они ликвидировали 51 диверсионно-бандитскую группу и 33 войсковые группы численностью от 10 до 150 человек каждая.

Речные пограничные дивизионы оказывали армейским частям содействие в преодолении рек и других водных преград. Они перебросили на вражеский берег около 27 тыс. бойцов и офицеров, большое количество техники, боеприпасов и других грузов.

Активно действовали в период наступательных операций авиационные и морские части пограничных войск. Летчики четырех авиационных полков пограничных округов вели боевую разведку, помогали наземным войскам уничтожать погранполицейские гарнизоны и вооруженные группы противника, поддерживали связь с оперативно-войсковыми группами пограничников, перебрасывали личный состав и грузы в районы боевых действий. За время операции они произвели 531 самолето-вылет, в том числе 355 — на разведку и штурмовые действия.

Пограничные корабли и катера помогали войскам в овладении корейским портом Расин, городами и населенными пунктами, расположенными по берегам Амура и Уссури, а в ходе Южно-Сахалинской наступательной и Курильской десантной операций участвовали в высадке Тихоокеанским флотом десантов на Южный Сахалин и Курильские острова. Кроме того, они вели разведку, несли службу охранения, конвоя, перевозили личный состав.

Важной задачей пограничников была организация и несение комендантской службы на территории Маньчжурии. Они составляли основу военных комендатур, организуемых для поддержания прифронтового режима, порядка среди гражданского населения, оказания помощи вновь созданным органам местной власти, ликвидации бандитских групп и диверсантов. Чтобы не допустить проникновения вражеской агентуры, незаконного ввоза в СССР контрабандных материалов, на государственной границе была введена контрольно-пропускная система. Хабаровский пограничный округ, например, создал восемь контрольно-пропускных пунктов численностью до 22 человек каждый. КПП сыграли положительную роль в охране границы. Они служили надежным заслоном от всякого рода происков, навели строгий порядок в передвижении частей, подразделений и отдельных военнослужащих, а также транспорта и грузов через государственную границу.

Решали пограничные войска и другие присущие им задачи. Как отмечал Маршал Советского Союза А. М. Василевский, «пограничники внесли немалый вклад в дело разгрома японского агрессора. В час, когда Родина позвала советские войска покончить навсегда с разбойничьим японским империализмом, пограничники Забайкальского, Хабаровского и Приморского округов по приказу командования первыми обрушились на врага и в короткий срок ликвидировали большинство пограничных полицейских кордонов и мелких гарнизонов японцев... Ставя перед погранвойсками Дальнего Востока боевые задачи, командование твердо верило, что они выполнят их отлично»[74].

Боевые действия погранвойск получили высокую оценку советского правительства и Верховного главнокомандования. Свыше 3 тыс. пограничников были награждены орденами и медалями Советского Союза. Орденов были удостоены 13 пограничных частей, а ряду частей присвоены почетные наименования[75].

Непосредственное участие в боевых действиях против японских милитаристов и в обеспечении успешных операций Красной армии на Дальнем Востоке принял личный состав 27-й дивизии войск НКВД в составе 63, 71, 72, 107-го полков, 37-го и 48-го отдельных бронепоездов, дивизионной школы сержантского состава; 29-й дивизии войск НКВД в составе 67-го и 68-го полков, 4-го отдельного батальона, 41-го и 43-го бронепоездов, дивизионной школы сержантского состава; 32-й бригады войск НКВД в составе 70-го полка, 7-го и 22-го батальонов, 38-го и 40-го бронепоездов, бригадной школы сержантского состава и 33-й горнострелковой бригады[76].

Войска НКВД по охране тыла фронтов на Дальнем Востоке при выполнении задач нередко сталкивались с группами противника в тылу советских войск. Личный состав показал при этом высокое профессиональное мастерство, проявил самоотверженность, мужество и

отвагу. Так, 2-й батальон 289-го стрелкового полка при прочесывании местности в районе северо-западнее г. Таньюань встретился с группой вражеских войск численностью свыше тысячи человек. В течение 6-часового боя батальон разгромил врага. Японцы потеряли свыше 300 солдат и офицеров. В период с 5 по 9 сентября 1945 г. 3-й батальон (командир капитан Г. К. Богадистый) 26-го стрелкового полка северо-западнее г. Муданьцзян разгромил три группы солдат противника общей численностью 550 человек[77].

Всего же за период с 20 августа по 17 сентября 1945 г. подразделения и отдельные разведгруппы внутренних войск имели 11 боестолкновений с отрядами японских войск. В результате были уничтожены 612 солдат и офицеров противника, взяты в плен 575 человек, захвачены три миномета, четыре ручных пулемета, два пистолета, семь клинков, несколько сотен винтовок и большое количество боеприпасов[78].

Большое значение имела служебно-боевая деятельность конвойных войск, которые проявили себя с самой лучшей стороны. В ходе боевых действий в геометрической прогрессии росло число военнопленных противника, общее количество которых превысило 640 тыс. человек. Одним из примеров того, как строилась работа с ними в первые часы и дни пленения, является деятельность по приему военнопленных и организации их обустройства в пунктах приема и последующему размещению во временных лагерях на хуньчуньском направлении (территория Маньчжурии) штаба охраны войскового тыла (ОВТ) 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта и выделенного им конвоя. Понеся потери, здесь капитулировала 112-я японская пехотная дивизия. К исходу 16 августа 1945 г. штаб ОВТ 25-й армии получил распоряжение вывести военнопленных из района боевых действий в тыл. Конвою из состава войск НКВД надлежало прибыть на командный пункт 386-й стрелковой дивизии к 7 часам утра 17 августа.

Штаб ОВТ выделил конвой в составе 60 человек (из них 10 офицеров) во главе с капитаном А. Пидуновым. На вооружении имелись три ручных пулемета, 38 автоматов, 19 винтовок, по две ручные гранаты у каждого военнослужащего[79]. В штабе 386-й стрелковой дивизии капитан А. Пидунов был информирован о том, что по условиям капитуляции японская дивизия в полном составе должна прибыть к 8 часам утра 17 августа с оружием и обозом на пункт приема и разоружения (высота 516,0). Среди военнопленных могли быть женщины, легкораненые и больные. На конвой возлагалась задача разоружить и эвакуировать военнопленных на пункт сосредоточения (в 8 км от пункта приема) к р. Тумыньцзян (Тюмень-Ула), а затем в тыл. Эвакуацию надлежало производить по шоссе Мицзянтунь — Хуньчунь, а принятое оружие и имущество передать комиссии по сбору и учету трофейного оружия и имущества 386-й стрелковой дивизии.

17 августа в 7 часов 50 минут на пункт разоружения прибыли заместитель командира 112-й пехотной дивизии полковник И. Нисидзаки со своим штабом и около тысячи солдат и офицеров. Из его доклада стало известно, что вся дивизия двигается по дороге к пункту разоружения, а командир дивизии застрелился.

Начальник конвоя через переводчиков объявил порядок разоружения и этапирования личного состава японской дивизии. Вначале разоружение и эвакуация проходили без каких-либо трудностей, однако вскоре выяснилось, что командование дивизии не дало четких и строгих указаний о капитуляции и не только затягивало ее, но и скрытно противодействовало. Так, в 8 часов 40 минут явились делегаты от командиров батальонов японской дивизии договариваться об условиях капитуляции. Начальник конвоя потребовал от командования дивизии беспрекословного и быстрого выполнения условий капитуляции, а делегатам установил жесткие сроки прибытия подразделений на пункт сдачи оружия.

Большую настойчивость, упорство и распорядительность проявили офицеры и сержанты конвоя. Несмотря на трудности конвоирования, сильную жару, пыль, отсутствие питьевой воды, весь личный состав выполнял свои обязанности четко, с полным напряжением физических и моральных сил. Особенно отличились группы младших лейтенантов Андреева и Хоменко, которые в трудных условиях отконвоировали по четыре группы по 500—600 человек в каждой. При протяженности маршрута 8 км эти группы прошли пешком свыше 60 км.

Разоружение японской дивизии и сосредоточение ее севернее Шаншуайваньцзы было закончено к 20 часам 17 августа. Всего было принято 6228 военнослужащих, в том числе офицеров — 200, унтер-офицеров — 597, солдат — 5399 и женщин — 32; изъято автомашин — 28, повозок — 485, лошадей — 780, много различного оружия, боеприпасов и другого военного имущества. Вскоре капитан А. Пидунов получил распоряжение отконвоировать военнопленных на временный дивизионный пункт в район аэродрома Хуньчунь, расположить бивуаком и охранять их до особого распоряжения.

С прибытием колонн конвой стал выполнять функции войсковой охраны лагеря. Обстановка была весьма сложной: темная ночь и туман сокращали видимость не далее 20 м, средств для освещения бивуака не было, ограждение отсутствовало, сил и средств для охраны не хватало, а личный состав был сильно переутомлен. В окрестностях Хуньчуня действовали мелкие диверсионные группы смертников, которые нападали на наших военнослужащих и транспорт, совершали диверсии на коммуникациях, а в ночь на 16 и 17 августа обстреляли наши самолеты на аэродроме[80].

Ночью 18 августа вооруженная группа диверсантов из 15 солдат во главе с офицером обстреляла аэродром с западной стороны и одновременно открыла огонь по охране лагеря с целью завязать перестрелку между охраной аэродрома и лагеря, а затем совершить налет и освободить военнопленных. Благодаря распорядительности начальника охраны, дисциплинированности, выдержке и стойкости личного состава этот план противнику осуществить не удалось.

С рассветом силами военнопленных была обозначена граница лагеря, за черту которой запрещалось выходить. Из числа японских унтер-офицеров назначили ответственных лиц за поддержание установленного и объявленного режима и порядка на бивуаке, осуществления надзора за работами военнопленных по благоустройству лагеря. Группа успешно охраняла временный лагерь до 23 августа 1945 г., а затем по приказу начальника ОВТ 25-й армии передала по акту всех военнопленных для их дальнейшей охраны роте 108-го укрепленного района. Несмотря на все трудности, среди личного состава конвоя потерь не было.

Приведенный пример представляет интерес тем, что небольшое по численности подразделение в сложной обстановке и в короткий срок разоружило японскую пехотную дивизию, успешно отконвоировало военнопленных из района боевых действий в пункт сбора и на дивизионный пункт, обеспечило надежную охрану бивуака, ликвидировало нападение на охрану и пресекло попытки к бегству. Все это стало возможным благодаря умелому подбору личного состава конвоя, его высокой подготовке.

Успешному выполнению задачи способствовали настойчивость и решительность действий начальника конвоя при разоружении и регулировании движения по маршруту, четкая организация службы при конвоировании, взаимодействие между всеми группами конвоя, своевременная подготовка бивуака для приема военнопленных, целесообразное размещение различных контингентов на самом бивуаке, удачное распределение сил и средств охраны, взаимодействие между постами охраны и охраной аэродрома, умелое маневрирование резервом.

В целом, успешная боевая и служебная деятельность войск НКВД содействовала разгрому Квантунской группировки войск, ликвидации последнего очага войны на Дальнем Востоке.

Итак, Красная армия в течение трех недель провела Маньчжурскую стратегическую наступательную операцию, в ходе которой во взаимодействии с силами Тихоокеанского флота и войсками НКВД полностью разгромила наиболее сильную стратегическую группировку японских вооруженных сил на материке — Квантунскую группировку войск. К концу августа было полностью закончено разоружение Квантунской группировки, армии Маньчжоу-Го, войск Внутренней Монголии и Суйюаньской армейской группы, а также освобождение Маньчжурии, Ляодунского полуострова и Северной Кореи до 38-й параллели.

Советские войска разоружили и пленили 28 пехотных дивизий, 10 пехотных бригад, одну моторизованную бригаду смертников, две танковые бригады (1-ю и 9-ю) и две авиабригады (15-ю и 101-ю) вооруженных сил Японии; одну пехотную (1-ю) и одну кавалерийскую

(2-ю Хинганскую) дивизии и 11 пехотных бригад армии Маньчжоу-Го; две кавалерийские дивизии (7-ю и 8-ю) и одну кавалерийскую бригаду (1-ю) армии Внутренней Монголии, а также много других соединений и частей различных родов войск и специального назначения. Наши войска захватили большие трофеи. Только по Забайкальскому и 1-му Дальневосточному фронтам они составили: 1565 орудий, 2139 минометов и гранатометов, 600 танков, 861 самолет, 9508 легких и 2480 тяжелых пулеметов, 2129 автомашин, 12 984 лошади, 679 различных складов и много другой боевой техники и военного имущества. Войска 2-го Дальневосточного фронта и силы Амурской военной флотилии захватили все корабли Сунгарийской военной речной флотилии противника.

Таких больших людских и материальных потерь и за такой короткий срок японские вооруженные силы не понесли ни в одной из операций, проведенных ими или против них в период Второй мировой войны. Это был подлинно молниеносный удар, мастерски осуществленный Вооруженными силами Советского Союза.

Маньчжурская стратегическая наступательная операция была успешно завершена. Советское военное искусство, мужество и героизм советских воинов вновь принесли победу в борьбе с серьезным противником, теперь уже на Дальнем Востоке.

Освобождение Южного Сахалина и Курил

В период проведения Маньчжурской стратегической наступательной операции советские войска и силы флота с 11 августа вели боевые действия по освобождению Южного Сахалина и с 18 августа — Курильских островов.

Южно-Сахалинская наступательная операция войск 2-го Дальневосточного фронта и сил Тихоокеанского флота, проводившаяся с целью освобождения Южного Сахалина, принадлежавшего ранее России и отторгнутого японцами в 1905 г. после ее поражения в войне с Японией, была осуществлена так же стремительно, как и Маньчжурская стратегическая наступательная операция, хотя и носила крайне кровопролитный характер. Для ее осуществления в соответствии с приказом главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке маршала А. М. Василевского, отданным в 22 часа 10 августа 1945 г., был привлечен 56-й стрелковый корпус 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта. Перед корпусом ставилась задача перейти государственную границу, прорвать Котонский (Харамитогэский) укрепленный район и, развивая при поддержке Северной Тихоокеанской военной флотилии и авиации стремительное наступление на юг вдоль восточного побережья Южного Сахалина, овладеть им. Операцию планировалось провести в три этапа. На первом этапе, в период с 11 по 15 августа, войска корпуса при содействии авиации должны были прорвать первую полосу обороны противника, проходившую вблизи государственной границы. На втором этапе, с 16 по 18 августа, — овладеть Котонским укрепленным районом, являвшимся ключевой позицией японцев на главной оборонительной полосе. И на третьем этапе, начинавшемся 19 августа, развивая стремительное наступление на южном направлении, завершить разгром японских войск и освобождение Южного Сахалина[81]. За это время советским войскам предстояло пройти с боями 450 км.

К августу 1945 г. на Южном Сахалине дислоцировалась 88-я пехотная дивизия 5-го фронта японской армии (штаб на о. Хоккайдо), состоявшая из трех пехотных и артиллерийского полков и подразделений усиления. Штаб дивизии находился в г. Тойохара (Южно-Сахалинск). Личный состав японских войск на Сахалине насчитывал 19 тыс. солдат и офицеров и около 10 тыс. резервистов[82]. Боевых кораблей и авиации здесь Япония в то время не имела. На Южном Сахалине японцы создали мощные инженерные сооружения, построили 13 аэродромов, а также сеть шоссейных и железных дорог вдоль западного и восточного побережий, что в условиях военных действий обеспечивало им хороший маневр силами и средствами.

Для военных целей был приспособлен ряд портов, а также создана военно-морская база Отомари (Корсаков).

Японские части сухопутных войск на Южном Сахалине были сосредоточены преимущественно вблизи государственной границы, прикрывая единственную шоссейную дорогу в долине р. Поронай, по которой могли наступать советские войска, а также проселочные дороги и тропы, вдоль которых могли развертываться боевые действия. Основу японской обороны составлял Котонский (Харамитогэский) укрепленный район (5400 солдат и офицеров 125-го пехотного полка), располагавший отдельными узлами сопротивления в горах и несколькими опорными пунктами на флангах оборонительной полосы. Это была эшелонированная в глубину до 30 км оборона с предпольем, главной и второй полосами, насыщенная дотами, дзотами, противотанковыми рвами, проволочными заграждениями. Фланги оборонительной полосы прикрывались с запада горным хребтом, а с востока — лесисто-болотистой местностью долины р. Поронай. Оборона других участков Южного Сахалина строилась японцами с учетом удержания портов.

В годы Великой Отечественной войны оборона Северного Сахалина, побережий Татарского пролива и Охотского моря возлагалась на соединения и части 16-й армии (командующий генерал Л. Г. Черемисов, штаб находился в Николаевске-на-Амуре). Поддержка ее с моря была возложена на Северную Тихоокеанскую военную флотилию (командующий вице-адмирал В. А. Андреев, штаб находился в Советской Гавани), с воздуха — на 255-ю смешанную авиационную дивизию (106 самолетов). В главной базе флотилии — Советской Гавани дислоцировались 113-я стрелковая бригада и 365-й отдельный батальон морской пехоты, а также девять подводных лодок, сторожевой корабль «Зарница», пять тральщиков, 24 торпедных катера, несколько отрядов сторожевых катеров и катеров-тральщиков. Базу прикрывала морская авиация флотилии (80 самолетов). На Северном Сахалине находился 56-й стрелковый корпус под командованием генерала А. А. Дьяконова[83].

Наступление войск 56-го корпуса началось 11 августа в 9 часов 35 минут, когда уже определился успех советских войск на главных направлениях Маньчжурской стратегической наступательной операции, ударами авиации флота по объектам Эсутору (Углегорск), Торо (Шахтерск), Котона (Победино) и другим населенным пунктам. Наступление 79-й стрелковой дивизии (командир генерал И. П. Батуров) велось на узком фронте вдоль заболоченной долины р. Поронай. Передовые подразделения дивизии сравнительно быстро преодолели сопротивление противника на переднем крае главной полосы Котонского укрепрайона. Укрепления японцев на высотах Лысая и Голая были захвачены внезапным налетом, раздались лишь несколько винтовочных выстрелов и пулеметная очередь.

Однако дорогу на Котон запирал опорный пункт Хандаса. Ночью с ходу батальон капитана Светецкого (165-й стрелковый полк), действовавший на направлении главного удара, повел атаку этого опорного пункта. Но японцы оказали сильное сопротивление, на батальон обрушился ливень огня. Тогда пятая и шестая роты пошли в обход и атаковали японцев с тыла. Бой был горячий, но скорый. Кольцо неумолимо сжималось, и к полудню опорный пункт пал, а его гарнизон был уничтожен. Поступили первые пленные, они вели себя дерзко и при допросах не отвечали.

Батальон Светецкого, выполнив свою задачу, открыл дорогу к укрепрайону. К исходу 12 августа 165-й стрелковый полк под командованием подполковника Н. Д. Курманова вплотную подошел к Харамитогэскому укреплению. На вспомогательных направлениях в это время также выполнялись боевые задачи: по побережью Татарского пролива — от Пильво и Амбецу — двигались отряд пограничников и отдельная стрелковая рота; по восточным склонам Камышовского хребта пробирался отряд под командованием майора Трегубенко. 179-й полк под командованием подполковника Кудрявцева наступал без дорог. Он не рассчитывал ни на танки, ни на артиллерию. Минометы приходилось тащить волоком. Солдаты двигались в пойме Поронайской долины по маршруту Муйка — Котон по пояс в болотной воде. Каждый шаг стоил огромных усилий, однако этот маневр позволял выйти в тыл укреплений противника, и он оказался по силам воинам полка[84].

Подразделения 165-го стрелкового полка занимают приграничный опорный пункт японцев на Южном Сахалине — полицейский пост Хандаса

Советские солдаты у трофеев, захваченных на Сахалине

В авангарде полка шел батальон капитана Л. В. Смирных. Взвод этого батальона, которым командовал лейтенант Хисматуллин, внезапно для противника ворвался в полицейское помещение в Муйке. Японский гарнизон был быстро уничтожен, и полк продолжал свое продвижение на юг. В районе железнодорожного моста разведчики обнаружили крупный опорный пункт, насчитывавший 18 дзотов, и атаковали его с ходу. В этом бою был тяжело ранен лейтенант Малышев. Ефрейтор Кривенко, рискуя жизнью, вынес своего тяжелораненого командира из-под огня. К исходу 12 августа разведка полка находилась уже у Котона. В это время отряд майора Трегубенко продвигался по лесным чащобам. На высоте Рыжая взвод под командованием лейтенанта Потемкина встретился с подразделением японцев. Завязался рукопашный бой, который закончился полным уничтожением противника. Отряд получил возможность продвигаться вперед. На другой день была найдена тропа, которая привела к неразведанному опорному пункту в районе высоты Безымянная. С ходу атаковать его не удалось, поскольку японцы обнаружили отряд еще до подхода. Ночью при поддержке пулеметов воины отряда пошли в атаку. Японцев было мало, всего несколько наблюдателей и обслуживающий персонал, но на выручку к ним спешила рота. Майор Трегубенко выбрал удачное место на пути ее подхода и устроил засаду, что и обеспечило победу.

15 августа начались бои по прорыву Котонского укрепрайона. Здесь было оборудовано 17 железобетонных дотов, 31 артиллерийский и 108 пулеметных дзотов, 28 артиллерийских и 18 минометных (гранатометных) позиций, до 150 убежищ[85]. Особую роль в прорыве должна была сыграть артиллерия корпуса, однако некоторые артиллерийские части выходили на намеченные огневые позиции несвоевременно, автомашины с боеприпасами отстали. Артиллеристам предстояло наступать по бездорожью, на неразведанный огневой рубеж врага, засевшего в сопках. Когда одно из подразделений подошло к переднему краю укрепленного района, оно было встречено стеной заградительного огня. По заранее пристрелянным рубежам били пушки и минометы. Стоило наступавшим подняться, как начинался неистовый ружейно-пулеметный огонь. Предстояло проделать брешь в укрепрайоне. Разведчики 79-й стрелковой дивизии добыли ночью точные сведения о расположении огневых точек противника[86].

Наступлению основных сил корпуса утром 16 августа предшествовала артиллерийская и авиационная подготовка, которая, несмотря на все усилия, оказалась малоэффективной. Главный удар наносила 79-я стрелковая дивизия в направлении перевала Харами-Тогэ, овладение которым позволяло рассечь группировку противника. Второй эшелон составляли 2-я стрелковая бригада, 178-й и 678-й отдельные танковые батальоны. Тактика действий строилась с учетом особенностей местности. Впереди танков наступали пехотинцы, которые уничтожали истребителей танков (солдат-смертников), проделывали проходы в противотанковых препятствиях и настилали гати для техники в заболоченных местах. Продвигавшиеся вслед за пехотой и штурмовыми группами танки вели огонь прямой наводкой по амбразурам и артиллерийским позициям противника[87]. Подрывники, прикрываемые пулеметным, артиллерийским и танковым огнем, с толовыми шашками и противотанковыми гранатами поползли к вражеским дзотам, которые вскоре один за другим начали взлетать в воздух. Сквозь образовавшуюся брешь устремились штурмовые отряды главных сил 165-го полка.

Бой по разгрому гарнизона Котонского укрепленного района длился трое суток. Японцы сопротивлялись отчаянно. Много подвигов совершили в эти дни наши воины. Именно в этом бою повторил знаменитый подвиг Александра Матросова сержант Антон Буюклы, закрывший своим телом амбразуру вражеского дзота. Именем героя названа одна из улиц Южно-Сахалинска.

На третий день наступавшие подошли вплотную к горе Харами-Тогэ и услышали артиллерийские залпы с юга — это полк подполковника Кудрявцева вел бой за железнодорожную станцию Котон. Поселок и одноименная железнодорожная станция несколько раз переходили из рук в руки. Батальону капитана Л. В. Смирных не удалось внезапно захватить станцию, поскольку с юга японцы подбросили свежие резервы. Силы противника росли, и батальону пришлось перейти к обороне. Для огневой поддержки подразделений полка подполковника

Кудрявцева в район железнодорожной станции был переброшен артиллерийский полк, которым командовал подполковник Б. И. Нехимчук. Полк своевременно поддержал действия батальона Смирных. Особенно отличилась батарея старшего лейтенанта П. Н. Сидорова, за что ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

На другой день подошли главные силы полка. При поддержке артиллерии они ударили по противнику с юго-востока и выбили его из Котона. Здесь воины увидели страшную картину: все раненые советские солдаты, которых не успели вынести с поля боя, были зверски убиты — у некоторых отрезаны уши, выколоты глаза, многие обезглавлены. В боях за Котон погиб капитан Л. В. Смирных. Его бесстрашие восхищало и воодушевляло солдат. Он вместе с ними ходил на штурм, в разведку боем, не раз участвовал в рукопашной схватке. Погиб капитан от пули японского снайпера-«кукушки».

В день штурма горы Харами-Тогэ, 16 августа, установилась летная погода. С утра над вражескими позициями появились наши бомбардировщики и штурмовики — взлетали на воздух укрепления. Одновременно велась артиллерийская подготовка. Первая линия вражеской обороны была прорвана, бойцы очищали окопы от смертников. Однако японцы упорно сопротивлялись — впереди находились еще две полосы огневых позиций. К концу дня неприятель был разбит. Главные силы на северной окраине Котона встретились с полком Кудрявцева.

18 августа японский полковник Кобаяси выслал парламентеров с изъявлением согласия на капитуляцию[88]. Основные силы японцев сложили оружие, хотя укрепившийся на высоте к северо-западу от Котона противник продолжал сопротивляться. Однако поставленная корпусу задача была решена успешно — Котонский укрепленный район японцев, который они считали неприступным, 18 августа пал, и дорога на юг была открыта. В этих боях противник потерял только пленными 3300 солдат и офицеров[89].

Захватив Котонский укрепленный район, советские войска, опрокидывая заслоны противника и не давая ему возможности подготовить организованное сопротивление, продолжали наступление в южном направлении. Военный совет Тихоокеанского флота 10 августа поставил Северной Тихоокеанской военной флотилии задачу высадкой десантов овладеть портами Южного Сахалина: Эсутору, Торо, Маока (Холмск), Отомари, чем содействовать войскам 56-го стрелкового корпуса в проведении Южно-Сахалинской наступательной операции. Высадка десантов в тыл японским войскам должна была способствовать их полному окружению, лишению возможности получать через южно-сахалинские порты подкрепление.

С ночи на 11 августа и по 13 августа авиация Северной Тихоокеанской военной флотилии бомбила склады и другие военные объекты в районе портов Эсутору и Торо и в некоторых других районах. Воздушной разведкой, проведенной 12 и 13 августа, было установлено, что акватория на участке Торо — Эсутору противником не охраняется, береговых батарей и аэродромов там нет, ночной дозор не несется. В районе порта Эсутору были засечены всего лишь одна-две огневые точки. Наличия японских войск в этом районе установить не удалось. По-видимому, японское командование, зная, что других соединений и объединений Тихоокеанского флота на Северном Сахалине нет, не считало силы Северной Тихоокеанской военной флотилии достаточными для высадки десанта в южной части Сахалина.

В целях получения более полных данных о состоянии вражеской обороны в районе Эсутору, в частности о наличии и местонахождении батарей и системы охраны водного района на участке мыс Унари — Китахаяси, в ночь на 13 августа и днем была произведена разведка тремя группами катеров (по два-три торпедных катера и катера МО в каждой). Во время дневной разведки два катера произвели и перспективную фотосъемку побережья, а находившийся на одном из них командир 365-го отдельного батальона морской пехоты подполковник К. П. Тавхутдинов, назначенный командиром десанта, произвел рекогносцировку местности.

В порту Эсутору были обнаружены несколько солдат, что позволяло предполагать наличие здесь воинской части. Однако в целом результаты проведенной разведки не позволили в достаточной степени вскрыть систему обороны и силы противника в этом порту, что привело в последующем к принятию решения на высадку десанта в порт Торо и захват Эсутору с суши[90].

Колонна советских войск на марше. Справа — захваченный японский грузовик

Группа советских морских пехотинцев на фоне подбитого японского танка

Не имея информации об обстановке в Торо, командующий флотилией вице-адмирал В. А. Андреев решил высадить в порт сначала небольшую разведывательную группу, а затем основные силы 365-го отдельного батальона морской пехоты и 2-го батальона 113-й стрелковой бригады.

Для высадки были выделены свыше 30 вымпелов, в том числе сторожевой корабль «Зарница», транспорт «Петропавловск», два больших охотника, четыре тральщика, четыре катера МО, катер-тральщик и 21 торпедный катер. Корабли были сведены в пять отрядов. Руководство высадкой было возложено на командира бригады кораблей капитана 1 ранга А. И. Леонова; командиром десанта назначен подполковник К. П. Тавхутдинов; общее руководство десантом осуществлял командующий флотилией. Подготовка десанта проводилась в Советской Гавани и бухте Ванино с соблюдением скрытности. Особое внимание при подготовке было обращено на гидрографическое обеспечение. Одновременно велась воздушная разведка районов высадки. Кроме того, близ порта Маока с подводной лодки Щ-118 была высажена небольшая (пять человек) разведывательная группа.

Подготовка частей и кораблей началась с 14 часов 14 августа[91]. Для того чтобы дать некоторое время на подготовку частям и кораблям к операции, командующий СТОФ вице-адмирал В. А. Андреев высадку назначил на 4 часа 40 минут 16 августа, а не на рассвете 15 августа, как это намечалось ранее. И этого времени было явно недостаточно, чтобы тщательно подготовить операцию. Никаких тренировок войск не производилось, все приказания отдавались распорядительным порядком. В целях достижения внезапности предварительная артиллерийская подготовка места высадки не планировалась[92].

Первый десантный отряд с разведчиками (140 человек) вышел в море 15 августа в 21 час 20 минут. Переход морем совершался ночью, корабли следовали в тумане с небольшими интервалами. 16 августа в 5 часов утра отряд неожиданно для противника прорвался в порт и высадил на мол и песчаную отмель десантников[93]. Японцы, застигнутые врасплох, не оказали сопротивления, и десантники захватили порт.

Вслед за разведотрядом в порт Торо в 10 часов с торпедных катеров, совершивших стремительный марш-маневр из Советской Гавани, был высажен 365-й отдельный батальон морской пехоты, а к вечеру того же дня — второй эшелон десанта в составе 2-го батальона 113-й стрелковой бригады и минометный взвод (всего около 900 человек)[94]. Несмотря на то что корабли шли в густом тумане, они были обнаружены японской береговой батареей, расположенной в районе порта Эсутору. Батарея открыла огонь, но попаданий не добилась. Войдя в ковш порта Торо, корабли в 17 часов 22 минуты высадили бойцов на северную стенку.

В 23 часа 10 минут из бухты Ванино вышел четвертый отряд. К 9 часам 30 минутам он доставил в Торо тылы 365-го отдельного батальона морской пехоты и 2-го батальона 113-й стрелковой бригады[95]. Преодолевая слабое сопротивление японцев, бойцы разведывательного отряда 365-го батальона морской пехоты (два взвода автоматчиков, взвод пеших разведчиков, взвод саперов, стрелковый взвод), высадившиеся в Торо 16 августа в 5 часов 17 минут с кораблей первого отряда, начали продвигаться вперед и уже к 6 часам очистили порт от противника.

В 6 часов 20 минут в районе высадки появилась авиация Тихоокеанского флота, которая по приказу командира десанта взяла под контроль шоссейные дороги порт Торо — Яма-Сигай, г. Торо — Яма-Сигай, Тайхэй — Яма-Сигай, уничтожая подходящие по ним части противника; одновременно производилась авиационная обработка районов Эсутору, Яма-Сигай, Тайхэй и г. Торо. Поддерживая действия десанта на берегу, штурмовики Ил-2 Северной Тихоокеанской военной флотилии совершили до 19 часов 20 минут 16 августа 21 самолето-вылет. Они действовали под прикрытием истребителей Як-9, которые также использовались для подавления огневых точек противника. Из шести групп самолетов четыре атаковали цели, указанные командиром десанта подполковником К. П. Тавхутдиновым, высадившимся в Торо в составе первого десантного отряда, остальные вели поиск и уничтожение противника самостоятельно. Для прикрытия кораблей в тот день было совершено 30 самолето-вылетов ЛаГГ-3[96].

В течение трех дней подразделения 365-го отдельного батальона морской пехоты и 2-го батальона 113-й стрелковой бригады, проводя артиллерийскую подготовку и при благоприятной погоде получая авиационную поддержку, овладели, встречая порой ожесточенное сопротивление (только в результате боя за Яма-Сигай противник потерял убитыми 136 солдат и офицеров), названными портами и городами[97].

Таким образом, Северная Тихоокеанская военная флотилия, овладев японскими портами Торо и Эсутору и захватив на западном берегу плацдарм, перерезала японские коммуникации, проходившие по западному побережью острова, оказав тем самым содействие наступлению 56-го стрелкового корпуса, а следовательно, разгрому основной группировки противника в приграничной полосе Сахалина.

Не обошлось и без трагической ошибки. 17 августа в 8 часов 10 минут над г. Яма-Сигай появилась шестерка Ил-2 под прикрытием четырех Як-9, но к этому моменту радиостанция офицера связи с авиацией вышла из строя. Летчики нанесли бомбоштурмовой удар по действующим огневым точкам противника на дальних подступах и уничтожили их. Однако при этом несколько бомб упало на позиции десантников, погиб офицер 2-го батальона 113-й стрелковой бригады[98].

С занятием плацдарма в районе Торо — Тайхэй — Яма-Сигай — Эсутору флотилия получила возможность развивать наступление на юг в сторону более крупных японских портов Маока и Отомари.

В то время как шли бои за порты Торо и Эсутору, Военный совет 2-го Дальневосточного фронта дал в соответствии с директивой маршала А. М. Василевского указание командующим 16-й армией и Северной Тихоокеанской военной флотилией подготовить и высадить десант в японский порт Маока. Последними было принято решение высадить в порт десант в составе 113-й стрелковой бригады и сводного батальона морской пехоты общей численностью около 3450 человек. Командиром высадки был назначен капитан 1 ранга А. И. Леонов, а командование десантом возложено на командира бригады полковника И. З. Захарова.

Маока представлял собой крупный портовый город Южного Сахалина, связанный железными дорогами со всеми южными городами острова. После официального заявления японского правительства о согласии на безоговорочную капитуляцию городские власти Маоки, вопреки ее условиям, подготовили к отправке в метрополию воинские подразделения, боевую технику, крупные материальные ценности; готовилась эвакуация и его жителей, которые ждали прихода транспорта из Японии[99]. Порт прикрывали два батальона 25-го пехотного полка 88-й японской пехотной дивизии. Для усиления пехоты им были приданы артиллерийские подразделения 88-го артполка, бронепоезд. Здесь же находились легкие силы японского флота.

Подготовка к высадке десанта началась с утра 16 августа. В отличие от подготовки десанта в порт Торо, в этот раз были разработаны указания кораблям десанта на переход морем, наставление десантным отрядам в бою за высадку, плановая таблица на десантную операцию. Высадке десанта должна была предшествовать артиллерийская подготовка. В боевом приказе № 07/оп от 18 августа 1945 г. командирам кораблей отряда огневой поддержки ставилась задача мощным артиллерийско-пулеметным огнем подавить огневые точки противника, обеспечить высадку десанта на берег с последующей поддержкой его на берегу[100]. Но командующий СТОФ решил предварительную авиационную и артиллерийскую подготовку порта Маока отменить, произведя высадку десанта по принципу скрытности и внезапности для неприятеля. Принимались меры и для обеспечения скрытности перехода десантных отрядов морем. В указаниях на переход предусматривалось тщательное затемнение, запрещение курения на верхней палубе и пользования фонарями. Переговоры по радио разрешалось вести только по УКВ[101].

В ночь на 18 августа в бухтах Постовая и Ванино (на материковой части Татарского пролива) были произведена посадка десанта на корабли, погружена и размещена на транспортах боевая техника. Передовой десант (297 автоматчиков) был посажен на семь сторожевых катеров, сводный батальон морской пехоты (820 человек) — на четыре тральщика, 113-я

стрелковая бригада (2334 человека) — на пять транспортов. Чтобы обеспечить предстоящую выгрузку и высадку людей с транспортов на рейде Маока, на них были подняты 13 моторных катеров типа «Кавасаки»[102].

Для высадки десанта в порт Маока был сформирован отряд в составе сторожевого корабля, минного заградителя, двух больших охотников, пяти сторожевых катеров, четырех тральщиков, шести транспортов и четырех торпедных катеров. Все эти корабли были сведены в три десантных отряда и отряд охранения, в который вошли торпедные катера и отряд корабельной поддержки, состоявший из сторожевого корабля «Зарница» и минного заградителя «Океан»[103].

Замысел командующего Северной Тихоокеанской военной флотилией на высадку десанта в порт Маока сводился к скрытному переходу кораблей в ночное время и внезапной высадке. Она должна была начаться еще до наступления светлого времени и проводиться под прикрытием истребительной авиации непосредственно на причалы порта в такой последовательности: вначале передовой десант с задачей захвата плацдарма высадки, а затем основные силы двумя последовательными эшелонами. В целях лучшей организации взаимодействия десанта, кораблей и авиации штаб флотилии разработал плановую таблицу и специальное «Наставление кораблям десанта при бое за высадку», которое определяло последовательность действий в ходе боя за высадку десанта[104].

Предварительно была произведена воздушная разведка района Маока, которая, однако, из-за сложной метеорологической обстановки не позволила полностью раскрыть систему японской обороны в районе намечавшейся высадки. Для уточнения некоторых данных 18 августа с подводной лодки Щ-18 близ Маоки была высажена разведывательно-диверсионная группа из пяти человек, но и она из-за потери связи не выполнила поставленной задачи. Поэтому высадка десанта производилась без достаточной развединформации о противнике[105].

19 августа в 6 часов 50 минут корабли с десантом вышли из Советской Гавани и восьмиузловым ходом направились к месту высадки. Вначале погода складывалась благоприятно для перехода кораблей морем, но затем ветер усилился до 6 баллов, и начался сильный дождь. К 6 часам 20 августа, когда корабли подошли к порту Маока, опустился густой туман, и кораблям пришлось прорываться в незнакомый порт в условиях крайне ограниченной видимости, что затрудняло для командиров кораблей ориентировку в определении мест высадки десанта[106].

Недостаточный опыт совместного плавания кораблей в сложных гидрометеорологических условиях с ограниченным использованием РЛС стал причиной того, что десантные отряды вышли на 17 миль севернее порта Маока. В результате было затрачено около трех часов на поиск входа в порт, поэтому высадку пришлось начинать в светлое время суток. На задержку с высадкой первого десанта повлияло то обстоятельство, что командир капитан 1 ранга А. И. Леонов приказал не высаживаться до рассеивания тумана. Хотя видимость в этот момент была хорошая, и вход в порт отчетливо виден, катера с подразделениями первого броска при видимости берега в дистанции 8—10 кабельтовых легли на обратный курс. Через 20 минут по приказанию командира высадки они снова начали движение на вход в порт Маока[107].

В 17 часов 33 минуты поступил сигнал к началу высадки, и спустя 25 минут катера под неорганизованным огнем противника ошвартовались к причалу[108] — в течение 42 минут было высажено 297 человек. Несмотря на то что высадка осуществлялась в светлое время суток, она оказалась внезапной для противника, благодаря чему практически не было потерь в личном составе. Катера устремлялись к причалам гавани, в течение 3—4 минут высаживали на причалы подразделения, после чего отходили на рейд и вместе с кораблями артиллерийской поддержки приступали к подавлению огневых точек противника. Тем временем бой за порт и город Маока принял напряженный характер. Преодолевая яростное сопротивление японцев, десантники одну за другой занимали причальные линии, расширяя захваченный плацдарм, на который с тральщиков и транспортов, вошедших в гавань, были высажены первый (к 10 часам), а затем и второй эшелоны основных сил десанта.

Заняв территорию порта, десантники завязали бои за город. Сводный батальон моряков вел наступление на центральную и восточную части города, а подразделения 113-й стрелковой бригады развивали наступление на северную и южную его части. Из-за неблагоприятной погоды (в море стоял туман) авиация флотилии была лишена возможности поддерживать десант с воздуха, а корабельная артиллерия по той же причине вела огонь с перерывами (видимость не превышала 50–60 метров). И тем не менее десантники сломили сопротивление врага и 20 августа к 14 часам овладели портом и городом Маока. Японцы, потеряв только в боях с морскими пехотинцами свыше 300 человек убитыми и 600 человек пленными, отступили в сторону железнодорожной станции Футомата. Советские потери составили в батальоне морской пехоты — 17 человек и в стрелковой бригаде — 60 человек убитыми и ранеными.

Десантники начали преследование противника, отходившего вдоль железной и шоссейной дорог, при этом японцы продолжали оказывать сильное сопротивление, мобилизуя для организации обороны на новых рубежах резервистов. Это объяснялось требованиями японского командования любой ценой выиграть как можно больше времени для эвакуации с Сахалина на Хоккайдо людей и материальных ценностей: в это время из Тойохары и Маоки по дорогам в Отомари следовали японские войска и население, перебрасывались различные грузы[109].

Чтобы задержать противника и не дать ему развернуться на новых позициях, сторожевой корабль «Зарница» и минный заградитель «Океан» 21 августа с дистанции 66 кабельтовых произвели артиллерийский обстрел отступавших частей противника и станций Футомата и Осака (Пятиречье). Огонь велся по площадям. В это же время по городам наносила бомбоштурмовые удары авиация флотилии, которая в течение 21 и 22 августа совершила для этой цели около 90 самолето-вылетов[110].

Между тем в донесении командующего войсками 2-го Дальневосточного фронта на имя И. В. Сталина сообщалось, что 22 августа «разрушение мостов и переправ, поджоги городов и населенных пунктов со стороны японцев» на острове Сахалин продолжались[111]. Не прекращалось и прямое вооруженное сопротивление японских войск.

В ночь на 23 августа 113-я стрелковая бригада после упорного боя овладела станцией Футомата и продолжала развивать наступление в сторону Отомари — последнего японского порта на юге Сахалина, связывавшего с метрополией. В бою за Футомату десантники проявили чудеса героизма. Артиллеристы поддерживали огнем штурмовые группы. Мужественно действовал орудийный расчет младшего сержанта Евгения Чапланова. Командир орудия и его боевые товарищи Кравчук и Петренко были ранены, но продолжали вести огонь. В этом бою Евгений Чапланов погиб. Ныне железнодорожная станция, где младший сержант пал смертью героя, носит его имя.

Тем временем в порт Отомари готовилась высадка морского десанта силами Северной Тихоокеанской военной флотилии. Для этой цели из Советской Гавани в порт Маока была переброшена сводная бригада моряков флотилии в количестве 1600 человек. 23 августа бригада, усиленная вернувшимся в Маоку 365-м отдельным батальоном морской пехоты, была посажена на корабли специально сформированного для этой цели отряда (командир капитан 1 ранга А. И. Леонов) в составе минного заградителя «Океан», восьми тральщиков, двух больших охотников, двух малых охотников и шести торпедных катеров. В 5 часов 30 минут отряд вышел из Маоки и направился к Отомари с задачей высадить там десант утром 24 августа[112].

На переходе морем, однако, корабли с десантом были застигнуты сильным штормом, и морякам всю ночь пришлось бороться с разбушевавшейся стихией. Чтобы не потерять торпедные катера, которые участвовали в переходе, отряд с разрешения командования зашел в порт Хонто (Невельск), овладев им без боя. Капитан 1 ранга Леонов принял капитуляцию японского гарнизона порта[113]. Когда шторм стал стихать, корабли вышли в море и утром 25 августа прибыли в Отомари. В это же время к порту с севера подошли части 113-й стрелковой бригады. Обреченный на поражение японский гарнизон численностью 3400 человек практически без сопротивления сложил оружие и сдался в плен.

К этому времени передовые части 56-го стрелкового корпуса вступили в административный центр Южного Сахалина г. Тойохара (Южно-Сахалинск). К полудню 25 августа японские вооруженные силы на Южном Сахалине прекратили организованное сопротивление и капитулировали.

Таким образом, войска 56-го стрелкового корпуса 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта и моряки Северной Тихоокеанской военной флотилии успешно решили поставленные перед ними задачи по освобождению Южного Сахалина. В упорных боях был уничтожен Котонский укрепрайон противника как главная преграда на пути продвижения советских войск на юг Сахалина. Занятие советскими моряками южносахалинских портов лишило японское командование возможности использовать их для организации подкрепления и эвакуации своих войск и имущества на остров Хоккайдо. В то же время это позволило командованию Северной Тихоокеанской военной флотилии перебазировать часть кораблей в порты Маока и Отомари и тем самым обеспечить в дальнейшем действия советских войск по освобождению Курильских островов и подготовку совместно с другими силами Тихоокеанского флота так и не осуществленной высадки на один из крупнейших островов Японского архипелага Хоккайдо.

Действия флотилии по овладению портом Маока протекали в крайне сложной метеорологической и навигационной обстановке: малая видимость, небольшие глубины, частые отмели и узкие фарватеры. Всё это и упорное сопротивление противника в период высадки и боя на берегу требовали высокого напряжения всех сил личного состава. Короткие сроки подготовки десанта, отсутствие боевого опыта явились причинами ряда недостатков при решении тактических задач. Так, было слабо отработано совместное плавание разнородных кораблей в условиях плохой видимости, не до конца продумано гидрографическое обеспечение высадки. В целом же флотилия успешно справилась с решением задачи по овладению портами Южного Сахалина, чем помогла войскам 56-го стрелкового корпуса ликвидировать группировку противника в этом районе.

В итоге Южно-Сахалинской наступательной операции советские войска при содействии Северной Тихоокеанской военной флотилии разгромили группировку противника, находившуюся на острове, и взяли в плен 18 320 японских солдат и офицеров[114]. России была возвращена важная часть русской земли — Южный Сахалин.

Курильская десантная операция, которая проводилась войсками 2-го, а в последующем и 1-го Дальневосточных фронтов совместно с моряками Тихоокеанского флота с 18 августа вплоть до окончания этой войны и завершения капитуляции войск 5-го японского фронта на Курильских островах явилась заключительным этапом боевой деятельности советских войск и сил флота в войне против Японии.

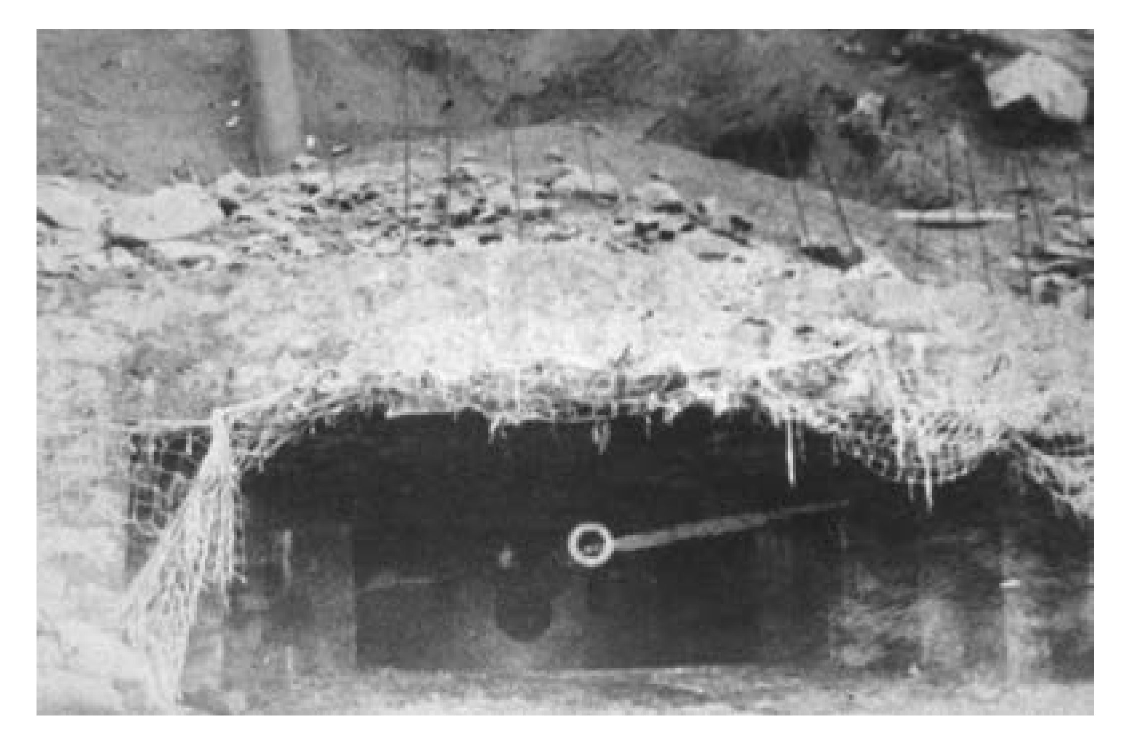
Освобождение Северных Курил. В соответствии с замыслом на Дальневосточную кампанию в ночь на 15 августа (учитывая разницу во времени в семь часов с Владивостоком и в девять часов с Камчаткой, в Москве это было еще 14 августа) главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал А. М. Василевский отдал распоряжение командующему войсками 2-го Дальневосточного фронта генералу М. А. Пуркаеву и командующему Тихоокеанским флотом адмиралу И. С. Юмашеву подготовить и провести наличными силами на Камчатке, не дожидаясь прибытия подкреплений, Курильскую десантную операцию с целью освобождения от японцев северной части Курильских островов[115].

Выполнение этой операции на первом этапе по решению командующих войсками фронта и флотом было возложено на командующего Камчатским оборонительным районом (КОР) генерала А. Р. Гнечко и командира Петропавловской военно-морской базы (ПВМБ) капитана 1 ранга Д. Г. Пономарева. Первый был назначен командующим десантной операцией, второй — командиром высадки. Десант возглавил командир 101-й стрелковой дивизии генерал П. И. Дьяков[116].

Во исполнение распоряжения маршала А. М. Василевского Военный совет 2-го Дальневосточного фронта 15 августа дал следующее указание командующему Камчатским оборонительным районом: «Используя благоприятную обстановку, необходимо занять острова

Советские бронебойщики на позиции

Захваченный японский дот

Шумшу, Парамушир, Онекотан... Силы: два полка 101-й стрелковой дивизии, все корабли и плавсредства базы, наличные корабли торгфлота и погранвойск, 128-я авиадивизия. В качестве передового отряда иметь в готовности две-три роты морской пехоты Петропавловской военно-морской базы. Немедля приступить к подготовке плавсредств, стрелковых войск к погрузке, формированию отрядов морской пехоты, усилив моряков автоматчиками дивизии... Ближайшая задача — овладеть островами Шумшу, Парамушир, в последующем — островом Онекотан. Пункты высадки определить командиру базы — капитану 1 ранга Пономареву. Исходя из пунктов высадки, Вам надлежит определить объекты захвата на каждом острове и последовательность захвата»[117]. Одновременно Военный совет ТОФ направил аналогичные указания командиру ПВМБ: «Немедленно организовать из всех команд максимально возможной численности батальон морской пехоты... При содействии стрелковой дивизии и непосредственной помощи всей имеющейся камчатской авиации Красной Армии и пограничников, использовав в полной мере батарею на мысе Лопатка, — овладеть о. Шимуши (Шумшу. — *Прим. ред.*)»[118].

Курильские острова, расположенные между Камчаткой и островом Хоккайдо, простираются на 1200 км. Вся гряда включает в себя свыше 30 более или менее значительных островов, свыше 20 малых островов и множество отдельных скал. Глубины в проливах между островами достигают 500 м, а в проливах Бусоль и Крузенштерна — 1800 м. Важной военно-географической особенностью Курильских островов является то, что они обеспечивают возможность контролировать пути из Охотского моря в Тихий океан и обратно.

Рассматривая Курильскую гряду как форпост для действий против Советского Союза и прикрытия островов собственно Японии, японцы в течение многих лет строили здесь военные сооружения. Наиболее укрепленным из этих островов был Шумшу, расположенный в 6,5 мили от южного побережья Камчатки. На этом острове японцы имели военно-морскую базу Катаока, приспособленную для базирования надводных сил вплоть до крейсеров. Японцы создали на острове сильную противодесантную оборону, состоявшую из противотанковых рвов и эскарпов, а также дотов и дзотов, связанных между собой глубокими и протяженными подземными галереями. Глубина инженерных сооружений противодесантной обороны составляла 3–4 км. Около 10% всех подземных сооружений на Шумшу имели железобетонную облицовку, толщина стен дотов достигала 2,5–3 м. Всего на острове насчитывалось 34 дота и 24 дзота, около 100 орудий калибра до 180 мм, более 300 пулеметных огневых точек[119]. Столь же мощные укрепления были возведены в северо-восточной части Парамушира, примыкающей ко Второму Курильскому проливу. Больше всего их было возведено около военно-морской базы Касивабара и вдоль побережья пролива. Поэтому высадка десанта непосредственно в районе расположения баз была нецелесообразной. Удобными местами для высадки десантов на Шумшу рассматривались участки побережья в районе озера Беттобу и в северо-восточной части острова.

Японские гарнизоны на этих двух островах имели до 80 танков (60 — на Шумшу), на шести аэродромах могли базироваться до 500–600 самолетов. Японцы тщательно маскировали свои военные объекты на островах и устраивали ложные. На Шумшу, например, в ряде мест были установлены искусно оформленные макеты, которые советское командование на основании аэрофотосъемки принимало за береговую артиллерию[120].

Группировка японских войск на острове Шумшу состояла из 73-й бригады 91-й пехотной дивизии, 31-го полка ПВО, Курильского крепостного артиллерийского полка, подразделений 11-го танкового полка, специальных частей и подразделений — всего 8500 человек. Эта группировка могла быть быстро усилена за счет переброски войск с острова Парамушир через узкий Второй Курильский пролив. В северо-восточной части Парамушира занимали оборону 74-я бригада (без двух рот) 91-й пехотной дивизии, 18-й и 19-й мортирные дивизионы и подразделения 11-го танкового полка (17 танков). Такое расположение войск позволяло японцам в случае высадки десанта на Шумшу создать группировку на этом острове численностью до 23 тыс. человек из свыше 50 тыс., имевшихся на Курилах[121]. Основной рубеж обороны на Шумшу проходил в северо-восточной части острова, в районе высот 171

и 165. В случае захвата десантом участков побережья японцы имели возможность скрытно, по подземным галереям, отойти с этого рубежа в глубину острова. Кроме того, на Шумшу имелась разветвленная сеть шоссейных и грунтовых дорог общей протяженностью до 120 км, что весьма много для небольшого острова. Созданные на острове подземные сооружения предназначались не только для маневров силами и средствами. В них были оборудованы всевозможные склады для хранения боеприпасов и продовольствия, госпитали, электростанции, телефонные станции и другие важные объекты. Глубина подземных сооружений достигала 50—70 м, что обеспечивало неуязвимость от ударов артиллерии и авиации.

Группировка советских войск на Камчатке значительно уступала по численности японской на Курильских островах. Войска Камчатского оборонительного района составляли 101-я стрелковая дивизия, 198-й стрелковый полк, 5-й и 7-й отдельные стрелковые батальоны и подразделения усиления, разбросанные по широкому фронту на побережье Камчатки. Петропавловская военно-морская база имела около 30 кораблей, преимущественно малых. С воздуха войска и корабли прикрывали 128-я авиадивизия (58 самолетов) и морской авиаполк (10 самолетов)[122].

Уже днем 15 августа командующий операцией генерал А. Р. Гнечко, понимая важность и срочность выполнения поставленной задачи, шифротелеграммой доложил замысел операций по высадке десанта на остров Шумшу командующему флотом адмиралу И. С. Юмашеву. Высадку десанта на остров Шумшу планировалось произвести с 9 часов утра 16 августа на побережье между мысом Кокутан и южнее мыса Котомари. Время выполнения десантной операции: выход из Петропавловска — в 16 часов 15 августа, переход морем в течение 16 часов.

Однако времени на подготовку сил и средств к намеченному сроку практически не было, поэтому командир ПВМБ предложил перенести начало операции на сутки. В 19 часов 15 минут командующий флотом направил командиру Петропавловской ВМБ шифровку, которой утвердил план операции и приказал десанту выходить из Петропавловска с расчетом прибытия к месту высадки в 3—4 часа утра 18 августа[123]. План операции заключался в том, чтобы внезапной высадкой десанта в северо-западной части остров Шумшу нанести удар по военно-морской базе Катаока, овладеть островом и, используя его в качестве плацдарма, освободить от противника Парамушир, Онекотан и остальные северные острова Курильской гряды[124].

Исходя из обстановки, наличия сил и поставленной задачи, советское командование приняло следующее решение на проведение Курильской операции: высадку десанта, состоящего из двух эшелонов, произвести в ночь на 18 августа в северной части острова Шумшу между мысами Кокутан и Котомари; в случае отсутствия сопротивления противника первому эшелону десанта на острове Шумшу второй эшелон высадить на остров Парамушир на военно-морскую базу Касивабара; высадку десанта предварить артиллерийской подготовкой силами 130-мм береговой батареи с мыса Лопатка (южная оконечность Камчатки) и ударами авиации; непосредственное обеспечение высадки десанта возложить на артиллерию отряда кораблей огневой поддержки и авиацию[125].

Решение высаживать десант на необорудованное побережье, где японцы имели более слабую противодесантную оборону, а не на сильно укрепленную военно-морскую базу Катаока было вполне оправданно, хотя это и затрудняло выгрузку боевой техники. А вот предварить высадку десанта 60-минутной артиллерийской подготовкой, нарушавшей внезапность, предусмотренную замыслом операции, вряд ли было на пользу делу.

Для овладения северными островами Курильской гряды были выделены два усиленных стрелковых полка и батальон морской пехоты, сформированный из береговых подразделений и 60-го морского пограничного отряда (всего 8824 человека, 205 орудий и минометов, тяжелые и легкие пулеметы, запасы всего необходимого для ведения боевых действий), корабли и мобилизованные суда Петропавловской военно-морской базы (всего 64 вымпела), 128-я авиадивизия и 2-й отдельный легкобомбардировочный полк морской авиации. С мыса Лопатка высадку десанта на остров Шумшу должна была поддержать 945-я отдельная береговая артиллерийская батарея (четыре 130-мм орудия)[126].

Корабельные силы в составе до 60 вымпелов формировались в четыре отряда, имевшие следующий состав: отряд транспортов и высадочных средств — плавучая батарея «Север», гидрографические суда «Полярный» и «Лебедь», 14 транспортов, 15 десантных судов, две самоходные баржи, четыре высадочных судна типа «Кавасаки»; отряд охранения — 2-й и 3-й дивизионы сторожевых катеров типа МО-4 (восемь катеров); отряд траления — тральщики «Веха», № 155, 156, 525, катера-тральщики № 151 и 154; отряд огневой поддержки — сторожевые корабли «Дзержинский», «Киров» и минный заградитель «Охотск»[127].

В целом силы, выделенные на операцию, были незначительны. Как известно из теории военного искусства, при наступлении на укрепленные позиции соотношение сил должно быть не менее 3:1, то есть наступающие должны иметь трехкратное преимущество. Между тем здесь было наоборот: японцы имели на Шумшу и Парамушире 23 тыс. человек, а десант насчитывал всего 8800 человек.

На стороне противника было превосходство в живой силе и танках (десант танков не имел), а на стороне десантников — в авиации и артиллерии. Но при этом условия применения сил сторон были различными. Советским войскам предстояло высаживаться на побережье, когда вся полевая артиллерия находилась на борту кораблей и судов и могла быть использована только после ее выгрузки на берег (а это требовало много времени), тогда как противник опирался на сильные инженерные сооружения, и его артиллерия могла эффективно действовать по заранее пристрелянным участкам побережья. Относительным было и превосходство в авиации. Из-за постоянных туманов и большого удаления наших аэродромов от острова Шумшу действия ее были затруднены, и наоборот, базирование даже небольшого числа японских самолетов в районе высадки позволяло противнику максимально использовать их в бою. Наконец, наличие у противника танков и отсутствие их у десанта ставило японцев в еще более выгодное положение.

Вечером 16 августа командующий Тихоокеанским флотом адмирал И. С. Юмашев отдал приказ приступить к выполнению десантной операции.

Вследствие ограниченности времени подготовка к операции заключалась в осуществлении ряда технических и организационных мероприятий. Вопросы специальной подготовки выделенных для операции сил и средств, в том числе и отработка взаимодействия между ними, а также мероприятия по маскировке, практического разрешения не получили. И все же принимались меры по достижению скрытности подготовки операции. Так, для обеспечения скрытности перехода и внезапности подхода к острову Шумшу было решено никаких средств навигационного оборудования (огни, радиомаяки) не включать. С целью дезориентации противника знаком посадки был избран один из сигналов, применявшихся при проводке кораблей в Первом Курильском проливе[128]. Так как с целью ускорения погрузки места посадки были в самом Петропавловском порту и в бухте Раковая, а войска находились на виду у города и индустриального поселка в течение двух дней, командир ПВМБ на время подготовки и перехода десанта к месту высадки запретил радиопереговоры и выход рыболовецких и других судов в море[129]. Высадке десанта должна была предшествовать артиллерийская и авиационная подготовка, которую планировалось начать за 30 минут до начала высадки.

Искусная маскировка объектов на острове Шумшу не позволяла установить фактическую оборону острова. Авиация из-за низкой облачности и тумана не смогла произвести разведку и полностью изучить район предстоявшей операции. Тщательное изучение и критический анализ имевшихся данных не дали общей картины о столь широко развернутой сети оборонительных наземных и подземных сооружений, сделанных по последнему слову фортификационной техники, которая была обнаружена после занятия острова. И наоборот, предполагаемых морских береговых батарей на острове Шумшу не оказалось. К моменту высадки штаб не располагал точными данными о наличии у противника огневых средств, количестве и калибре пушек[130]. Анализ изученных архивных материалов позволяет сделать вывод, что для десантников оказалось неожиданностью наличие довольно мощной артиллерийской батареи на полузатопленном танкере «Мариуполь». Положительную роль в период подготовки к операции, однако, сыграло то обстоятельство, что штабы командующего

Советские бойцы на палубе транспортного корабля во время перехода к острову Шумшу

операцией, командира высадки, командира десанта и командиров различных соединений кораблей были размещены в одном месте — в штабе Петропавловской ВМБ. Это способствовало быстроте отработки документов и согласованности действий между штабами, а также сохранению в тайне предстоявшей операции.

К 15 часам 15 августа 1945 г. корабли и десантные войска сосредоточились в пунктах посадки, а в 18 часов 16 августа посадка и погрузка передового отряда, первого и второго эшелонов десанта были закончены. В общей сложности на посадку было затрачено немногим больше суток. Сосредоточение кораблей и десантных войск в местах посадки и сама посадка обеспечивались постоянным барражированием истребительной авиации. 17 августа в 5 часов по сигналу командира высадки, соблюдая тишину и порядок, корабли снялись с якоря и, построившись в установленные ордера, начали под проводкой тральщиков «Веха» и ТЩ-525 движение из Авачинской губы к острову Шумшу. Видимость на всем переходе была переменная от 0,5 до 4 кабельтовых. При выходе из базы десантные суда применяли светосигнальные средства, что демаскировало движение отрядов, но после вмешательства командования работа светосигнальными средствами была прекращена[131]. С целью соблюдения скрытности перехода радиопередач на КВ не было, управление шло визуальными средствами и по УКВ, причем работа на УКВ была прекращена за 60 миль до острова Шумшу с проходом траверза мыса Инканюш[132].

Пока десант совершал переход, авиация, а затем береговая артиллерия ТОФ нанесли ряд ударов по японской обороне на острове Шумшу. Через полчаса после выхода кораблей из Авачинской губы три самолета ПВМБ произвели разведку и бомбардировку противодесантной обороны острова. Затем до конца дня 17 августа самолеты 128-й авиадивизии наносили групповые бомбовые удары по военным объектам Шумшу.

18 августа в 2 часа 15 минут корабли десанта повернули в Первый Курильский пролив. Примерно в это время по участкам высадки, оборонительным сооружениям и боевым порядкам противника на острове Шумшу открыла огонь береговая батарея с мыса Лопатка. До 4 часов 50 минут она выпустила 200 снарядов.

Переход морем проходил в весьма трудных метеоусловиях: видимость снижалась порой до 0,5 кабельтовых, и корабли часто теряли друг друга в тумане. Управление на переходе усложнялось тем, что корабли имели различные ходовые качества, а в целом скорость отряда не превышала 8 узлов. Однако трудности перехода были преодолены, и к назначенным местам высадки все корабли прибыли в срок. В 4 часа 10 минут десантные корабли № 1, 3, 8 и 9 подошли к месту высадки, открыли артиллерийский огонь по берегу и начали высаживать передовой десант. Открытие огня было явно преждевременным, так как противник еще не обнаружил высадку. К тому же перегруженные десантные суда, имевшие большую осадку, вынуждены были остановиться в 100–150 м от берега на глубинах до двух метров. Многие десантники, прыгавшие за борт с тяжелой ношей за плечами, еще не успели доплыть до берега. Японцы, ответившие вначале беспорядочным ружейно-пулеметным огнем, наращивали противодействие. Тогда командир высадки приказал кораблям отряда огневой поддержки подавить корабельной артиллерией укрепленные огневые точки противника[133].

Корректировочные посты не сумели установить связь с кораблями из-за того, что при высадке радиоаппаратура намокла, и огонь велся вслепую. Из 22 радиостанций, доставленных на берег, работала только одна — радиостанция корректировочного поста сторожевого корабля «Дзержинский». Наблюдать падение снарядов в условиях тумана было невозможно. Высадка передового десанта продолжалась в течение 40 минут и закончилась захватом плацдарма на берегу, а к 7 часам 25 минутам началась и к 20 часам была завершена и высадка войск первого и второго эшелонов десанта[134].

Из-за неисправности радиостанций, выгруженных на берег, командующий операцией и командир высадки, находившиеся на ТЩ-334, не смогли установить надежной связи с высадившимися войсками и на некоторое время потеряли управление ими на берегу[135]. Они не знали обстановки, в которой десанту пришлось вести боевые действия. Надежную связь удалось установить только через три часа после начала высадки. Непосредственное управле-

ние развертыванием и высадкой первого эшелона десанта также было потеряно: командир первого эшелона и его штаб находились в море на поврежденном корабле. Погода не позволяла использовать авиацию для непосредственной поддержки десантников на берегу. Всё это не могло не отразиться и на темпах высадки второго эшелона. От огня неподавленных японских батарей советские десантники несли значительные потери. В результате сильного огневого противодействия противника отряд кораблей потерял при высадке сторожевой катер, четыре десантных судна, а восемь десантных судов получили серьезные повреждения[136].

Подразделения первого броска, не имевшие потерь, за исключением двух легко и одного тяжело раненных, после высадки начали стремительное продвижение в двух направлениях: на укрепленные высоты 165 и 171 и в сторону мыса Котомари. Японцы встретили десантников сильным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем из замаскированных позиций; противник на высотах имел доты и дзоты. Попытки десантников уничтожить их гранатами успеха не имели, тогда были выделены специальные подрывные группы, которые и уничтожали доты и дзоты.

Выдвинув до 20 танков, японцы перешли в контратаку, но после потери 15 танков и большого числа пехоты вынуждены были отойти на прежние позиции. Отражению атаки частично содействовали корабельная артиллерия и береговая батарея с мыса Лопатка. В 5 часов 15 минут от огня наших кораблей загорелось здание маяка на мысе Кокутан. Гигантская огненная свеча послужила хорошим ориентиром в тумане для подходивших к берегу судов с первым эшелоном десанта. Но как только в 5 часов 30 минут очередные суда подошли к берегу, японские доты и дзоты перенесли на них весь свой огонь. Особенно пагубным был огонь с мысов Кокутан и Котомари и с выброшенного на мель в 1943 г. танкера «Мариуполь», на котором было установлено около 20 орудий калибром до 75 мм. Японцы располагали большим запасом снарядов, по ним и сосредоточили огонь корабли артиллерийской поддержки десанта. Первыми же залпами удалось уничтожить хорошо видимые с моря батареи на танкере «Мариуполь». Стрельба же по 75-мм батареям, расположенным на мысах Кокутан и Котомари, оказалась безрезультатной. Укрытые в глубоких невидимых с моря капонирах, японские батареи были малоуязвимы. Не видя целей, наши комендоры вынуждены были вести огонь по площади и без корректировки.

Через два часа после отражения первой контратаки, сосредоточив значительные силы пехоты и шесть танков, противник вновь начал контратаковать десантников. Передовой отряд вынужден был оставить вершины высот, отойти на склоны и перейти к обороне.

Высадка на остров Шумшу главных сил также проходила в условиях нараставшего сопротивления неприятеля. Элемент тактической внезапности был окончательно утрачен, и японцы, оправившись после первого удара, открыли огонь по кораблям и десантникам. Чтобы выгрузить технику — артиллерию, танки, автомашины, пришлось под огнем противника построить причалы из спасательных плотиков и бревен. В 7 часов 26 минут десантное судно № 43, сильно поврежденное артиллерийским огнем противника, выбросилось на мель севернее мыса Котомари. На этом судне от попадания вражеских снарядов возник пожар, но команда продолжала выполнять боевое задание. Краснофлотец Андрощук находился у крупнокалиберного пулемета. Огонь пожара уже охватывал его боевой пост, но он продолжал непрерывно стрелять по японским батареям трассирующими пулями, указывая цели нашим кораблям прикрытия. Старшины Тарумов и Богомазов быстро организовали тушение пожара. На моряках горела одежда, но они бесстрашно боролись с огнем, и пожар был ликвидирован.

В 8 часов 25 минут десантные суда второго эшелона закончили выгрузку техники и приступили к высадке частей Камчатского оборонительного района с транспортов второго эшелона. Противник вел ураганный огонь по десантным судам и по кораблям, стоявшим на рейде у места высадки.

В 9 часов 10 минут передовой отряд при поддержке артиллерийского огня батареи № 945 и сторожевого корабля «Дзержинский» возобновил наступление и, сломив сопротивление японцев, через 10 минут овладел высотой 171, правда, вновь временно. Взаимодействие с артиллерией стало возможно лишь благодаря старшему краснофлотцу Г. В. Мусорину, кото-

рому удалось сохранить единственную работоспособную радиостанцию корректировочного поста как раз со сторожевого корабля «Дзержинский». Мусорин вспоминал: «Я знал, что наши радиостанции боятся воды, и решил во что бы это ни стало сохранить свою рацию. Набрав в легкие воздуха, я оттолкнулся от трапа и, держа над головой свой груз, пошел под водой по каменистому грунту в направлении берега. Запаса воздуха хватило ненадолго, появились головокружение и звон в ушах. Короткие секунды казались вечностью. Мучительно хотелось оттолкнуться от грунта и всплыть, но я боялся подмочить рацию и сделал еще несколько шагов». Первый контакт этой радиостанции с кораблем состоялся уже через 35 минут после начала высадки[137].

В 10 часов 07 минут появился японский самолет, который, воспользовавшись туманом, подошел незамеченным, сбросил три бомбы в районе маневрирования десантных кораблей и обстрелял пулеметным огнем сторожевой корабль «Киров», ранив двух пулеметчиков. До 13 часов 20 минут японские самолеты одиночно и группами продолжали бомбить и обстреливать корабли десанта. Так, тральщик (командир старший лейтенант В. Д. Гусев), производивший разведку обороны противника в районе западного побережья острова Шумшу, был атакован восемью вражескими самолетами, два из которых удалось сбить зенитной артиллерией корабля. Одновременно тральщик обстреляли четыре 130-мм орудия противника[138].

Перегруппировав свои силы, японцы в 14 часов предприняли контратаку из района юго-западных скатов высоты 171 силами до двух пехотных батальонов при поддержке 18 танков. Противник рассчитывал рассечь силы десанта и затем уничтожить их по частям, но это ему не удалось. Командир десантного отряда сосредоточил на направлении японской контратаки до 100 противотанковых ружей и четыре 45-мм орудия — всё, чем располагал десант. Одновременно по заявке десантников корабли отряда артиллерийской поддержки и батарея с мыса Лопатка произвели мощный обстрел японских позиций. Понеся большие потери в людях и танках, японцы отступили. Только одному японскому танку удалось невредимым скрыться за восточным склоном высоты. О напряженности действий артиллеристов свидетельствует такой факт: по вызову с острова Шумшу в 14 часов 32 минуты батарея с мыса Лопатка в течение 26 минут выпустила 249 осколочно-фугасных снарядов.

Пока шла высадка главных сил десанта, подразделения первого броска вели упорные бои с превосходящими силами японцев, которые спешно подтягивали войска не только из других районов острова Шумшу, но и с Парамушира. В 16 часов главные силы соединились с подразделениями первого броска и возобновили наступление на высоты. После пятичасового упорного боя, в течение которого высоты трижды переходили из рук в руки, десантники окончательно овладели ими. К исходу дня десант вышел на рубеж западных скатов обеих высот и удерживал плацдарм на острове до 4 км по фронту и до 5–6 км в глубину[139].

Образцы отваги и мужества в боях за высоту 171 показали бойцы и офицеры десантников. С гранатами в руках они бросались на японские танки, на амбразуры дотов и дзотов и обеспечивали десанту продвижение вперед. Высокий героизм проявили младший сержант Георгий Баландин, старший техник-лейтенант А. М. Водынин, краснофлотцы Власенко и Кобзарь, сержант Рында и старший сержант Черепанов, которые во время танковой атаки противника со связками гранат бросились под танки и ценой своих жизней подорвали их[140]. Старшина 1 статьи Н. А. Вилков и краснофлотец П. И. Ильичев во время штурма высоты закрыли своими телами амбразуры японских дотов. Обоим морякам посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Высота 171 ныне носит имя Вилкова.

Геройски действовали в этих боях командиры подразделений, умело руководившие своими подчиненными. Так, командир передового отряда десанта майор П. И. Шутов, имя которого носит ныне один из населенных пунктов острова Шумшу, будучи дважды ранен, мастерски управлял десантниками, и только после третьего, тяжелого, ранения его вынесли с поля боя. Личный пример героизма подавал морякам и командир батальона морской пехоты майор Т. А. Почтарев. Будучи ранен он продолжал командовать подразделением. За героизм и умелое руководство боем обоим командирам было присвоено звание Героя Советского Союза[141].

Захваченное на острове Шумшу японское орудие

Разбитый японский дот на острове Шумшу

Исходя из сложившейся обстановки, генерал А. Р. Гнечко поставил в 20 часов 18 августа перед десантом задачу: с утра 19 августа возобновить наступление в общем направлении на военно-морскую базу Катаока и к исходу дня овладеть ею и всем островом. Артиллерийская и авиационная поддержка наступления возлагалась на корабли и 128-ю авиадивизию. По замыслу командующего операцией в наступлении должна была участвовать полевая артиллерия, выгруженная в течение ночи. Для этого специально созданным усиленным штурмовым ротам надлежало к 24 часам штурмом овладеть опорными пунктами противника на мысах Кокутан и Котомари, чтобы японцы не смогли помешать выгрузке боевой техники на берег. Однако штурмовые группы, действия которых проходили в условиях сильного артиллерийского, минометного и пулеметного огня, несмотря на решительные ночные атаки, когда противник прицельный огонь вести не мог, выполнили задачу по уничтожению этих опорных пунктов только к утру 19 августа[142]. К этому же времени в район боевых действий были доставлены самоходные баржи и кунгасы из ближайшего Озерновского рыболовецкого комбината, началась выгрузка тяжелой артиллерии, тракторов и автомашин. На берегу был построен причал, к которому могли подходить катера и кунгасы для разгрузки людей и боевой техники средних весов. Кунгасы с тяжелой техникой подходили кормой к берегу и разгружались по сходням, сделанным из бревен. Неприятель противодействия выгрузке не оказывал. К 16 часам 19 августа тяжелое вооружение и техника были в основном выгружены[143]. В итоге 19 августа на Шумшу складывалось уже новое соотношение воюющих сил. И хотя японцы располагали еще значительными резервами, их командование начинало осознавать бессмысленность дальнейшего кровопролития.

Исходя из этого и в связи с объявлением о прекращении военных действий в Маньчжурии, командующий японскими войсками на Курильских островах командир 91-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Цуцуми Фусаки (в некоторых документах он назван Цусими Кусаки) в 9 часов 19 августа прислал к командиру десанта на острове Шумшу парламентера с предложением начать переговоры о капитуляции. В результате последовавших за этим переговоров в 18 часов того же дня был подписан акт о безоговорочной капитуляции 91-й пехотной дивизии, оборонявшей острова Шумшу, Парамушир и Онекотан[144]. На основании этого документа был разработан план пленения японских гарнизонов. Согласно достигнутой договоренности, на следующий день на аэродром Катаока перебрасывался полк морской авиации, а корабли Северной Тихоокеанской военной флотилии должен был встретить японский лоцман и провести их в военно-морскую базу Катаока с последующей переброской части десанта на Парамушир. Однако в назначенном месте лоцмана не оказалось, и командир отряда хотя и предположил, что японцы готовят провокацию, все же решил самостоятельно следовать в Катаоку.

При входе во Второй Курильский пролив отряд неожиданно подвергся сильному артиллерийскому обстрелу с островов Парамушир и Шумшу. Корабли открыли ответный огонь и, прикрываясь дымовыми завесами, отошли в море. Минный заградитель «Охотник» получил три прямых попадания 75-мм снарядами, в результате которых были убиты и ранены 15 человек и повреждено рулевое управление. На отходе отряд был безуспешно атакован японскими самолетами-торпедоносцами.

Получив известие о коварных действиях противника во Втором Курильском проливе, 20 августа в 13 часов десант перешел в наступление. Боевой порыв тихоокеанцев был настолько велик, что противника не спасли даже мощные оборонительные сооружения. Он был отброшен на 5–6 км в глубь острова. Одновременно 128-я авиадивизия нанесла массированные удары по базам Катаока и Касивабара: 61 самолет сбросил на военно-морские базы 211 бомб и причинил им серьезный урон[145]. Это отрезвляюще подействовало на японцев. Командир 91-й пехотной дивизии генерал Ц. Фусаки поспешил заверить советское командование, что «японские войска в северной части Курильских островов прекращают всякие боевые действия, складывают оружие и сдаются в плен советским войскам»[146]. Но и после этого японское командование на местах под любым предлогом медлило с разоружением. В этой обстановке советское командование решило временно приостановить действия, чтобы нарастить силы для решающего удара по северным островам Курильской гряды. Для усиления десанта было

решено перебросить кораблями Тихоокеанского флота два пехотных полка с полуострова Камчатка. Но с 14 часов 22 августа японцы начали складывать оружие. К исходу следующего дня советским войскам сдались в плен свыше 12 тыс. японских солдат и офицеров гарнизона острова Шумшу. Вслед за этим начался прием капитуляции и на Парамушире, куда в ночь на 24 августа стали перебазироваться советские войска. За время боев на Шумшу противник потерял убитыми и ранеными около 1020 солдат и офицеров.

В ходе боев за Шумшу понесли тяжелые потери и воины-тихоокеанцы. Только непосредственно на поле боя погибли 516 советских воинов — 48 офицеров, 95 младших командиров и 273 красноармейца и краснофлотца, не считая умерших от ран в лазаретах и госпиталях, а общие потери убитыми и ранеными составили 1567 человек. 123 человека пропали без вести. Четыре десантных судна и один катер погибли, восемь десантных судов были повреждены[147].

Длившиеся пять дней боевые действия на Шумшу носили характер штурма мощных укреплений на острове, который с полным основанием можно отнести к числу морских крепостей периода минувшей войны. Задача советских войск и сил флота облегчалась тем, что противник не ожидал их высадки на острова Курильской гряды, а готовился к отражению американского десанта. Этим объясняется его беспечность в ведении серьезной разведки в нашем направлении, даже радиолокация на мысе Кокутан не работала[148]. Как признал командир японской дивизии генерал Ц. Фусаки, 18 августа для него стало «черным днем»[149].

Решительный характер действий частей Камчатского оборонительного района и сил Петропавловской военно-морской базы в боях за остров Шумшу обеспечил им относительно спокойное овладение большинством других островов Курильской гряды, к планированию которого командование ТОФ приступило, когда на Шумшу еще продолжались упорные бои.

В этой связи 19 августа командиру ПВМБ была направлена шифрограмма, в которой ему ставилась задача совместно с командующим Камчатским оборонительным районом до 25 августа занять остальные острова северной части Курильской гряды до острова Симушир включительно[150]. Для выполнения этой задачи выделялись все оставшиеся силы и средства КОР и ПВМБ.

После занятия Шумшу и Парамушира штабы КОР и ПВМБ основное внимание переключили на остров Онекотан, который надлежало занять в соответствии с распоряжением Военного совета 2-го Дальневосточного фронта от 15 августа. Туда и направился командующий Курильской десантной операцией генерал А. Р. Гнечко на ТЩ-334 в сопровождении сторожевого корабля «Дзержинский». 24 августа при подходе к острову Онекотан он получил директиву Военного совета 2-го Дальневосточного фронта о незамедлительном разоружении, интернировании и эвакуации японских гарнизонов и гражданских лиц на островах к югу от Онекотана до Урупа включительно. Таким образом, начинался следующий этап Курильской десантной операции, и надо было срочно перегруппировать силы и средства для выполнения полученной директивы.

Принципиально новым являлось то, что японские войска, находившиеся на островах южнее Онекотана, подчинялись не подписавшему акт о капитуляции генералу Ц. Фусаки, а непосредственно командующему войсками 5-го фронта, штаб которого располагался на Хоккайдо. Кроме того, вспоминал впоследствии генерал А. Р. Гнечко, десантникам не было известно, какими силами и оборонительными сооружениями располагал противник на этих островах, они не имели точных карт побережий островов и не знали удобных мест для высадки[151].

Для проведения *операции по занятию островов центральной части Курильской гряды* командование КОР и ПВМБ организовало из состава имевшихся в их распоряжении кораблей и воинских подразделений два разведывательных отряда и отряд главных сил десанта. Первому разведотряду ставилась задача произвести разведку курсов перехода и мест высадки десантных войск на островах Ширинка, Маканруши, Онекотан, Харимкотан, Экарма, Шиашкотан и Цlink Циринкотан; второму разведотряду — разведать оборону островов Матуа, Кетой, Симушир и впоследствии Уруп. Главные силы должны были, исходя из обстановки, занять острова и обеспечить капитуляцию японских войск.

К 2 часам 30 минутам 28 августа первый разведывательный отряд принял капитуляцию японских гарнизонов островов Онекотан, Харимкотан, Шиашкотан и, взяв на борт кораблей военнопленных и их вооружение, в полном составе направился в бухту Катаока. На островах Ширинка, Маканруши, Экарма и Циринкотан гарнизонов японских войск не оказалось, и высадка на них советских десантников не производилась[152].

24 августа в 21 час 30 минут сторожевой корабль «Дзержинский» с десантом вышел из бухты Катаока для следования к острову Матуа. По пути наблюдением с моря за островом Райкоке было установлено, что он необитаем. На следующий день в 14 часов отряд прибыл на Матуа. Вручив через взятого на борт представителя командира 91-й японской пехотной дивизии начальнику гарнизона острова командиру 41-го отдельного смешанного полка полковнику Уэде приказ о капитуляции, разведотряд организовал прием пленных и вооружения японских войск и в полдень 26 августа вышел к острову Кетой. Убедившись, что на этом острове японских войск нет, командир отряда принял решение следовать к острову Симушир, и к середине следующего дня СКР «Дзержинский» вошел в бухту Симушир. Обследовав близлежащую часть острова, командир отряда убедился, что на его восточном побережье войск противника нет. Доложив об этом командующему КОР, он запросил разрешение следовать к острову Уруп[153].

Тем временем к выполнению боевой задачи приступили и главные силы десанта. 26 августа в 8 часов отряд кораблей под общим командованием командира ПВМБ капитана 1 ранга Д. Г. Пономарева вышел из бухты Катаока на юг для занятия островов Парамушир, Харимкотан, Экарма, Шиашкотан, Матуа, Расшуа, Кетой и Симушир. В 15 часов транспорты «Урицкий» и «Туркмен» в охранении двух тральщиков с десантом под командованием начальника разведывательного отделения штаба 101-й стрелковой дивизии майора Наруллина, отделившись от основного отряда, подошли к юго-восточной части острова Парамушир, где и приступили к высадке 2-го и 3-го батальонов 373-го стрелкового полка, а также 279-го артиллерийского полка (без двух дивизионов).

Между тем десантная операция развивалась стремительными темпами. 27 августа в 9 часов 45 минут генерал А. Р. Гнечко получил от Военного совета 2-го Дальневосточного фронта распоряжение о занятии в жесткий срок острова Уруп[154]. В этой связи командующий КОР совместно с командиром ПВМБ капитаном 1 ранга Д. Г. Пономаревым решили высадить для разведки Итурупа одну роту 302-го стрелкового полка со сторожевого корабля «Киров» (флагманский корабль командира ПВМБ), а пароходы «Менжинский», «Рефрижератор № 2» и ДС-6 в охранении сторожевого корабля «Киров» и ТЩ-334 немедленно направить в район островов Симушир и Уруп, при этом с «Москальво», «Рефрижератора № 2» и ДС-6 высадить десант на Симушир.

27 августа в 15 часов командующий КОР отдал командиру 101-й стрелковой дивизии приказ о подготовке боевых частей для переброски с северо-западной части Парамушира в район Урупа. Во исполнение этого приказа 28 августа в 6 часов пароход «Волхов» в бухте Касивабара приступил к погрузке одного батальона 198-го стрелкового полка и двух дивизионов 279-го артполка. Тем временем к 9 часам 28 августа транспорты «Москальво», «Рефрижератор № 2» и ДС-6 в охранении сторожевого корабля «Киров» и ТЩ-334, вышедшие 26 августа из бухты Катаока (по пути от них отделился для высадки одного батальона 302-го стрелкового полка на о. Матуа транспорт «Менжинский»), при видимости 0,5 кабельтовых подошли к северной части Урупа. Не найдя удобного места для высадки десанта, корабли вышли в целях обследования острова с западного и восточного побережий к бухте Токотан, где в 13 часов 34 минуты стали на рейде. Из докладов высланной на Уруп разведгруппы стало известно, что на западном побережье острова японские воинские части отсутствуют и удобных мест для высадки десанта нет. Оценив обстановку, командующий КОР и командир ПВМБ отдали приказание транспортам с десантом главных сил сняться с якоря и следовать в порт Товано. По ранее отданному приказанию командующего КОР для усиления десантного отряда на острове Уруп в 20 часов в этот район из Парамушира прибыли десантники на пароходе «Волхов», который, однако, сел на мель в районе острова Харимкотан, где и высадил десант 31 августа.

Группа советских офицеров и политработников на Курильских островах

Захваченный японский плавающий танк

Утром 29 августа транспорты с главными силами десанта вошли в порт Товано, где в 12 часов 35 минут встретились с прибывшими сюда же сторожевым кораблем «Киров», ТЩ-334 и ДС-6. Высаженная на берег разведгруппа установила, что помещения и оборудование порта японцами брошены. Исходя из полученных данных разведотрядов с островов Уруп и Симушир, командующий КОР совместно с командиром ПВМБ решили высадить в порт Товано острова Уруп 6-ю стрелковую роту 302-го стрелкового полка с парохода «Менжинский», обеспечив ее десятисуточным запасом продовольствия; сторожевой корабль «Киров» с 5-й ротой того же полка, принятой с парохода «Менжинский», отправить на остров Симушир и высадить ее в одноименной бухте с задачей подключиться к обследованию острова (к тому времени там находился разведотряд в составе одного взвода со сторожевого корабля «Дзержинский»); десантному отряду быть в готовности на рейде порта Товано.

30 августа в 10 часов 20 минут десантный отряд с ТЩ-334, на борту которого теперь были и командующий КОР, и командир ПВМБ, вновь прибыли к северной части острова Уруп[155]. Тральщик спустил катер с разведгруппой, возглавляемой флагштурманом ПВМБ, которая была направлена на берег с задачей разведки мест высадки. Разведгруппа установила, что в этой части острова дислоцируется крупный японский воинский гарнизон. Взяв двух пленных, она возвратилась на борт тральщика. Вскоре после этого для уточнения места высадки на берег была выслана вторая разведгруппа во главе с заместителем начальника оперативного отдела штаба КОР майором Радужановым, который взял с собой переводчика и двух пленных японцев. Встретившись с вышедшими к пирсу японскими парламентерами, Радужанов установил, что на острове Уруп дислоцируется 129-я отдельная смешанная бригада под командованием генерала Сусуми Нихо. Майор Радужанов потребовал, чтобы командир бригады к 20 часам 30 августа прибыл на борт ТЩ-334 к командующему советскими войсками. Однако к указанному времени на борт тральщика прибыл только адъютант командира 129-й отдельной смешанной бригады с группой японских офицеров. Командующий КОР генерал А. Р. Гнечко отправил их на берег и потребовал прибытия на борт корабля командира японской бригады.

Высаженные на остров Уруп с пароходов «Москальво» и «Рефрижератор № 2» два батальона (без одной роты) 302-го стрелкового полка к 6 часам 31 августа заняли линию обороны в радиусе 500—600 м от пирса[156]. Командующий КОР через командира десанта на берегу еще раз передал командиру бригады требование прибыть на борт корабля. В тот же день в 9 часов утра командующий КОР совместно с командиром ПВМБ собрали командиров подразделений десанта, кораблей и капитанов транспортов, перед которыми была поставлена следующая задача: произвести выгрузку десанта на северную часть острова Уруп, немедленно организовать оборону и ускорить разоружение 129-й отдельной смешанной бригады. В полдень 31 августа командующий КОР на борту ТЩ-334, незадолго до этого подошедшего к пирсу бухты Миссири острова Уруп, принял японского генерала, которому установил порядок, места и время сосредоточения войск и вооружения бригады, а также ознакомил его с порядком взаимоотношений с начальником гарнизона советских войск заместителем командира 302-го стрелкового полка майором Савичевым. К 20 часам 31 августа в районе пирса бухты Миссири были сосредоточены пленные и вооружение японской 129-й отдельной смешанной бригады, которые вскоре были на «Рефрижераторе № 2» отправлены на остров Шумшу.

Задача, поставленная Главным командованием советских войск на Дальнем Востоке, по освобождению от японских войск островов северной и центральной частей Курильской гряды была выполнена. В итоге силами Камчатского оборонительного района и частями Петропавловской военно-морской базы были разоружены и пленены 91-я пехотная дивизия, 129-я отдельная смешанная бригада и 41-й отдельный смешанный полк японцев. Японских военнопленных насчитывалось 30 442 человека, в том числе генералов — 4, офицеров — 1280, унтер-офицеров — 4045, солдат — 25 113 человек[157]. Военные трофеи составили: пушек и гаубиц всех калибров — соответственно 165 и 37 единиц, минометов — 101, танков — 60, автомашин — 138, самолетов — 7, легких, тяжелых и зенитных пулеметов — соответственно 429, 340 и 58 единиц, винтовок — 20 108 штук[158].

Таким образом, начавшиеся 18 августа боевые действия по освобождению островов Курильской гряды в северной и центральной ее частях 31 августа были полностью завершены. Что же касается *южнокурильских островов*, то овладение ими началось на несколько дней позднее, когда 27 августа с Сахалина на остров Итуруп был отправлен первый разведывательный отряд. При этом развитие операции на Южных Курилах во многом зависело от того, каким образом решится вопрос *о высадке на Хоккайдо*.

На первых порах продолжение Курильской десантной операции в южном направлении намечалось осуществлять теми же силами, которые ее начинали. Поэтому в конце второй декады августа внимание советского командования было обращено на подготовку высадки крупного десанта на северную часть острова Хоккайдо и овладение его территорией вплоть до линии, идущей от г. Кусиро до г. Румоэ. В связи с этим закономерен вопрос: если планировалась оккупация Советским Союзом части территории собственно Японии, как об этом говорилось в документах, раскрывающих замысел военных действий на Дальнем Востоке[159], то почему только до этой линии? Как представляется, названный рубеж мог быть лишь ближайшей задачей десантной операции на остров Хоккайдо. Решение ее определило бы последующую задачу советских войск. В случае, если Япония отказалась бы от безоговорочной капитуляции или стала сопротивляться, принятие решения на последующую задачу войскам, высадившимся на острове Хоккайдо, не заняло бы много времени. Целью военных действий на территории собственно Японии в замысле как раз и было названо — «вынудить ее капитулировать»[160]. План операции командованию Тихоокеанского флота требовалось доложить 19 августа не позднее 20 часов. Анализ архивных документов[161] позволяет вскрыть замысел и порядок подготовки десантной операции на Хоккайдо и Южные Курилы.

В соответствии с первоначальным планом маршала А. М. Василевского, флот должен был осуществить высадку на Хоккайдо стрелкового корпуса в составе до трех стрелковых дивизий, предварительно сосредоточив их в портах Отомари и Маока на Южном Сахалине. Поставленная задача значительно отличалась от тех, которые флоту приходилось решать раньше. Иными были масштаб и условия проведения операции, да и сам характер десанта. Главное заключалось в том, что теперь предстояло высаживаться на территорию собственно Японии. Как известно, американцы считали такую высадку чрезвычайно сложной, требующей длительной подготовки и связанной с большими потерями. Правда, после разгрома Квантунской группировки войск и выказанной готовности Японии капитулировать обстановка существенно изменилась. И все же можно было ожидать серьезного противодействия как во время перехода, так и при бое за высадку на самом Хоккайдо.

Учитывая это, народный комиссар Военно-морского флота СССР адмирал флота Н. Г. Кузнецов считал целесообразным вторжение на остров Хоккайдо произвести после освобождения Южного Сахалина через пролив Лаперуза, о чем им было доложено маршалу А. М. Василевскому 19 августа. Но это предложение сначала не было принято, вероятно, в связи с тем что действия на Сахалине еще только разворачивались, а ставка главкома торопилась и поэтому первоначально требовала проведения операции в период с 19 августа по 1 сентября.

Согласно указаниям ставки А. М. Василевского, операцию по овладению северной частью острова Хоккайдо и южными островами Курильской гряды планировалось провести следующим образом: 87-й стрелковый корпус высадить непосредственно в порт Румоэ (центральная часть острова Хоккайдо) тремя последовательными эшелонами, по одной дивизии в каждом. Соответственно намечались три этапа операции: на первых двух предполагалось овладеть портом и городом Румоэ, а на третьем — высадить дивизию для последующего наступления через Хоккайдо на южные острова Курильской гряды. В случае серьезного противодействия японцев вся высадка в целом в большой степени зависела бы от успеха первого броска десанта, поэтому командование Тихоокеанского флота сочло необходимым в составе первого эшелона, непосредственно перед высадкой головной 355-й стрелковой дивизии 87-го стрелкового корпуса, высадить 354-й отдельный батальон морской пехоты, имевший соответствующую подготовку и опыт десантных действий, который должен был овладеть портом и подготовить его для высадки основных сил десанта и базирования кораблей флота.

Переброску десанта морем намечалось осуществить крупными транспортами и кораблями отряда легких сил флота. Переход, высадка и бой на берегу должны были обеспечиваться разнородными силами флота и авиации. Первый бросок в составе 354-го отдельного батальона морской пехоты и одного стрелкового полка должен был завершить переход морем на шести десантных судах в охранении четырех эскадренных миноносцев и шести торпедных катеров. Последним надлежало выйти из бухты Владимира. В случае противодействия японцев эскадренные миноносцы предназначались для использования в качестве кораблей артиллерийской поддержки. Торпедные катера при благоприятных условиях могли быть использованы в качестве высадочных средств первого броска. Выход рассчитывался так, чтобы первому броску быть в районе Румоэ на два часа раньше подхода основных сил стрелковой дивизии. Основные силы дивизии предполагалось перевезти на транспортах в охранении четырех фрегатов, четырех тральщиков и четырех катеров БО.

Чтобы лишить противника возможности внезапно ввести в Японское море корабельную группировку из тихоокеанских баз, со стороны проливов Сангарского и Лаперуза на четырех позициях развертывались четыре подводные лодки с задачей разведки и уничтожения японских боевых кораблей. На аэродромах Владимиро-Ольгинской военно-морской базы было сосредоточено до полка бомбардировщиков ДБ-23, полк Як-9 и 20 самолетов Як-9Ю. Десант на всем пути следования и при бое за высадку должен был прикрываться истребительной авиацией. Начиная с 19 августа планировалось вести разведку, преимущественно воздушную, портов и военно-морских баз южной части Сахалина, острова Хоккайдо, Сангарского пролива и подходов к западному побережью Хоккайдо с таким расчетом, чтобы корабли противника не могли пройти, не будучи обнаруженными.

Особо решался вопрос о действиях бомбардировочной авиации. Исходя из предположения, что неприятель не собирался оказывать сопротивление, предварительную воздушную подготовку проводить не планировалось, чтобы не допустить ненужных разрушений и жертв среди населения. Учитывая это, предусматривалось, что бомбардировочная и торпедоносная авиация в момент подхода кораблей к Румоэ займет зону ожидания над портом и удар будет наносить лишь в случае необходимости по сигналу командира высадки. Для этого выделялся авиационный полк, а два других находились на аэродромах в готовности.

В соответствии с изложенным планом Военный совет Тихоокеанского флота в полдень 19 августа отдал боевой и организационный приказы. Последний устанавливал состав сил и организацию командования. Для перевозки войск выделялось шесть десантных судов и шесть транспортов, в качестве сил охранения и поддержки назначались лидер «Тбилиси», три эскадренных миноносца («Резвый», «Разящий», «Рьяный»), четыре сторожевых корабля, четыре тральщика типа АМ, четыре катера БО и шесть торпедных катеров. Командиром высадки был назначен контр-адмирал И. Г. Святов, флаг которого должен был находиться на лидере «Тбилиси», командиром высадки войск первого эшелона — капитан 3 ранга М. Г. Беспалов (флаг — на СКР-9).

Начать десантирование войск на Хоккайдо предполагалось на рассвете 24 августа, что было связано с расчетами завершить к этому времени освобождение Южного Сахалина, поэтому срок готовности кораблей и десантных частей был определен 18 часами 20 августа. Учитывая время, необходимое на рассылку приказа и отдачу предварительных распоряжений, на подготовку частям и кораблям оставалось менее суток. Однако в 9 часов 21 августа боевой и организационный приказы были отменены и отданы новые.

Дело в том что 18 августа маршал А. М. Василевский, не имея подтверждения со стороны Верховного главнокомандующего относительно конкретных сроков проведения операции, напомнил о предварительных указаниях И. В. Сталина в шифрограмме на имя членов Ставки ВГК Н. А. Булганина и А. И. Антонова. Однако в течение двух дней никакого ответа не последовало. Тем временем необходимые приготовления начались[162].

О ходе подготовки десантной операции на Хоккайдо маршал А. М. Василевский систематически докладывал лично Верховному главнокомандующему И. В. Сталину. Так, в очередной шифровке от 20 августа 1945 г., переданной в 8 часов утра, говорилось: «В настоящее

время я и командование первым Дальневосточным фронтом серьезно заняты подготовкой десантной операции на остров Хоккайдо. Сейчас ведем морскую разведку, готовим авиацию, артиллерию, пехоту и транспортные средства. С Вашего разрешения морскую операцию здесь начнем после занятия южной части Сахалина, ориентировочно 22.8.45»[163]. 20 августа после полудня И. В. Сталин подтвердил указание подготовить 87-й стрелковый корпус для участия в десантной операции на остров Хоккайдо[164]. Маршал А. М. Василевский, реализуя указания Ставки ВГК, в 14 часов дал указание командующим войсками 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, командующему Тихоокеанским флотом и командующему Военно-воздушными силами на Дальнем Востоке быть готовыми к проведению операции на Хоккайдо к исходу 23 августа[165]. Однако А. М. Василевский подчеркнул, что «срок начала операции по высадке наших войск в северной части острова Хоккайдо и южной части Курильских островов будет дополнительно указан Ставкой Верховного Главного Командования»[166].

Таким образом, десантная операция на остров Хоккайдо могла быть начата при благоприятном стечении обстоятельств не раньше 25 августа. Как описано выше, Южно-Сахалинская наступательная операция войск 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта во взаимодействии с Северной Тихоокеанской военной флотилией проводилась 11–25 августа 1945 г. Бои были упорными. Сломить сопротивление 21 августа, как планировалось, не удалось. Официально днем окончания этой операции считается 25 августа, когда Северной Тихоокеанской военной флотилией был высажен десант в составе сводной бригады моряков в порт Отомари, а войска 16-й армии вступили в административный центр Южного Сахалина г. Тойохара. Очаговые бои мелких групп японских войск и после этого еще продолжались. Следовательно, об участии в каких-либо других операциях можно было говорить только после перегруппировки войск, участвовавших в боях, и их пополнении.

Вместе с тем обстановка в районе Курильских островов, где с 18 августа началась десантная операция, оставалась сложной. Японские войска гарнизона острова Шумшу оказывали упорное сопротивление советским десантникам. Их разоружение было завершено лишь 23 августа. Стало ясно, что «закончить оккупацию... островов северной части Курильской гряды до острова Симусиру-то (Симушир. — *Прим. ред.*) включительно» до 25 августа, как того требовала шифрограмма маршала А. М. Василевского от 18 августа[167], не удастся (это было сделано лишь 28 числа).

Несмотря на все приготовления, И. В. Сталин 22 августа (между 10 и 13 часами, точное время по документам установить не удалось) приказал маршалу А. М. Василевскому приостановить подготовку к высадке на Хоккайдо, а последний продублировал это приказание шифротелеграммой в тот же день в 14 часов 55 минут народному комиссару Военно-морского флота СССР адмиралу флота Н. Г. Кузнецову и командующему Тихоокеанским флотом адмиралу И. С. Юмашеву. В шифротелеграмме говорилось: «От операции по десантированию наших войск на остров Хоккайдо необходимо воздержаться впредь до особых указаний Ставки». Одновременно маршал А. М. Василевский попросил моряков предусмотреть переброску головной дивизии 87-го стрелкового корпуса с острова Сахалин на южные Курильские острова Кунашир и Итуруп, «минуя остров Хоккайдо»[168]. А 27 августа начальник штаба Главного командования советских войск на Дальнем Востоке генерал-полковник С. П. Иванов разослал приказ главкома: «Во избежание создания конфликтов и недоразумений по отношению союзников категорически запретить посылать какие бы то ни было корабли и самолеты в сторону о. Хоккайдо»[169].

Что же произошло? Почему десантная операция на остров Хоккайдо была И. В. Сталиным отложена, а затем и отменена? Ответ на эти вопросы дает анализ сложившейся военно-политической и оперативной обстановки на Дальневосточном ТВД во второй половине августа 1945 г.

Нет сомнений в том, что И. В. Сталин рассматривал высадку советских войск на о. Хоккайдо, где располагался штаб японского 5-го фронта, отвечавшего за оборону Южного Сахалина, Курильских островов и Хоккайдо, как акцию, не только имевшую военное значение, но и преследовавшую далеко идущие политические цели. Поэтому, несмотря на то

что согласованная в последние дни Потсдамской конференции линия разграничения зон военных действий советских и американских вооруженных сил проходила севернее острова Хоккайдо[170], Верховный главнокомандующий еще до начала военных действий отдал предварительные распоряжения о подготовке к высадке советских войск на этом острове Японского архипелага. Это не противоречило договоренностям с союзниками, которые предусматривали, что в зависимости от обстановки граница советской зоны ответственности могла быть изменена по согласованию с командованием США[171]. Именно так была, как отмечалось, уточнена граница зон оккупации советских и американских войск в Корее.

Получив 15 августа от президента США Г. Трумэна для согласования текст проекта так называемого «Общего приказа № 1», регламентировавшего процедуру принятия капитуляции вооруженных сил Японии, И. В. Сталин на следующий день обратился к американскому президенту с предложением включить в район сдачи японских войск советским войскам северную половину острова Хоккайдо. При этом он обосновал свое требование необходимостью учета русского общественного мнения. «Как известно, — писал Сталин Трумэну, — японцы в 1919–1921 годах держали под оккупацией своих войск весь Советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории»[172]. 18 августа от Г. Трумэна была получена телеграмма с отказом внести коррективы в отношении капитуляции японских войск на Хоккайдо и указанием на то, что задача ее принятия возложена на американские оккупационные войска[173].

Однако упорное сопротивление, несмотря на объявленную японским императором 15 августа капитуляцию, вооруженных сил Японии советским войскам в Маньчжурии, Корее, на Сахалине и Курилах вынуждали советское командование продолжать развертывание наступления на всех направлениях (военные действия союзниками, за исключением ограниченных по масштабам операций китайцев, в августе не велись). Очевидно, все вышеназванные обстоятельства и побудили И. В. Сталина подтвердить 20 августа приказ о подготовке высадки советских войск на Хоккайдо, которая, поскольку война еще не была закончена, рассматривалась с военной точки зрения как составная часть продолжавшихся военных действий, как мера, направленная на окончательный слом японского сопротивления.

Тем временем военные действия советских войск против Японии стали носить все более очаговый, хотя порой и ожесточенный характер. Фактически война была японцами проиграна, и в начале третьей декады августа стало известно, что не позднее 3–4 сентября будет подписан акт о капитуляции Японии. Однако в отличие от других фронтов войска японских гарнизонов на Южном Сахалине, а также на Курильских островах, насчитывавшие к началу Курильской десантной операции в общей сложности более 80 тыс. солдат и офицеров, продолжали оказывать ожесточенное сопротивление, о чем свидетельствовали события на острове Шумшу. Сложность гидрологии моря в районе Курильских островов, надежность их оборонительных сооружений, высокий морально-боевой дух японских солдат и офицеров не позволяли советским войскам надеяться на завершение этой операции ни к исходу 23 августа (лишь к концу этого дня была начата переброска войск на самый крупный остров в северной части Курильских островов — Парамушир, к счастью, обошедшаяся без жертв), ни даже к 25–26 августа 1945 г. В связи с этим сложилась парадоксальная ситуация: Квантунская группировка войск капитулировала, пленение ее личного состава завершалось; Северная Корея к середине последней декады августа была освобождена, примерные сроки капитуляции Японии согласованы, а многие японские гарнизоны Южного Сахалина и Курильских островов еще не были разоружены. И что же могло произойти, если бы акт о капитуляции Японии был подписан до того, как удалось разгромить или нейтрализовать гарнизоны на островах, а ближайшая задача войск на острове Хоккайдо еще не была выполнена? При этом могла сложиться весьма невыгодная для Советского Союза ситуация: во-первых, пришлось бы прекратить боевые действия на Хоккайдо и отвести свои войска на Сахалин, где обстановка окончательно стабилизировалась лишь к 29–30 августа 1945 г.; во-вторых, южная часть Курильских островов могла остаться в ведении Японии или США.

Это существенно затрудняло выход в Мировой океан кораблей Тихоокеанского флота, так как Советский Союз остался бы без незамерзающих проливов, что, кстати, создавало для него огромные трудности на протяжении всей Великой Отечественной войны.

В связи с этим интерес представляет заметка историка В. И. Измозика, в которой он передает высказывания в беседе с ним в апреле 1971 г. бывшего командующего Тихоокеанским флотом адмирала И. С. Юмашева[174]. Дело в том что командующий имел свой план высадки десанта на Хоккайдо и докладывал о нем маршалу А. М. Василевскому, однако тот «строжайше запретил подобные действия». Это происходило после 15 августа 1945 г. В 1947 г., получив назначение на пост военно-морского министра, И. С. Юмашев в беседе с И. В. Сталиным вспомнил этот эпизод и признался, что не решился после разговора с А. М. Василевским позвонить Верховному главнокомандующему и настоять на своем. В ответ Сталин, по словам Юмашева, сказал примерно следующее: «Напрасно, товарищ Юмашев. Если бы получилось — наградили бы... если бы не вышло — наказали бы». Видимо, нерешительность и Юмашева, и Василевского, хорошо знавших нрав Верховного, не в последнюю очередь была связана с приведенной в воспоминаниях адмирала дилеммой И. В. Сталина. На решение же самого Сталина влиял гораздо больший круг факторов, в том числе перспектива многократного увеличения числа жертв со стороны советских войск при действиях на территории собственно Японии и осложнения отношений с союзниками, в которых и без того стали проявляться затруднения. Как бы то ни было, 22 августа было принято решение: от десантной операции на остров Хоккайдо воздержаться, а часть предназначенных для нее сил и средств перебросить на южные Курильские острова с целью их захвата к первым числам сентября 1945 г.

Между тем переброска войск 87-го стрелкового корпуса из Приморья на Сахалин уже началась. Штаб Тихоокеанского флота, руководствуясь жесткими указаниями маршала А. М. Василевского о необходимости немедленной переброски частей корпуса на Южный Сахалин, в 9 часов 21 августа издал оперативный приказ:

«1. На море противник активных боевых действий не ведет. На острове Сахалин десантные части СТОФ овладели портом и городом Маока. Противник прекратил сопротивление[175].

2. В районе Маока действуют корабли СТОФ.

3. Задача — высадить одну сд в порт Маока.

Решил: сд перевезти на транспортах в охранении боевых кораблей.

Приказываю:

А. Командиру высадки — капитану 3 ранга Беспалову высадить в порт Маока одну сд. Выход из пролива Босфор Восточный в 14.00 21.08.45 г.

Б. Командиру сд высадиться в порт Маока и в дальнейшем действовать согласно приказу командующего 1-м ДВФ.

В. Командующему ВВС генерал-лейтенанту авиации Лемешко: прикрыть десант на переходе морем и в районе высадки»[176].

355-я стрелковая дивизия 87-го стрелкового корпуса перевозилась в порт Маока на пароходах «Дальстрой», «Невастрой», «Новороссийск», «Менделеев», «Урал», четырех десантных судах — двух типа ДС и двух типа ТДС. В охранение были выделены два эскадренных миноносца, два сторожевых корабля, два тральщика и два больших охотника. 25 августа конвой прибыл в Маоку[177]. В последующие дни в порт Маока были направлены еще две стрелковые дивизии 87-го корпуса. Так, 23 августа на пароходах «Плеханов», «Новосибирск», «Самарканд», «Ташкент», «Смольный», «Ногин», «Находка» и «Сталинград» в охранении двух эсминцев, двух сторожевых кораблей, двух тральщиков и двух больших охотников из бухты Золотой Рог на Сахалин ушли 342-я стрелковая дивизия и 215-я артиллерийская бригада 87-го стрелкового корпуса в составе отряда под командованием капитана 3 ранга П. А. Чичерина, которому подчинялись десантный отряд и отряд поддержки. 26 августа в 14 часов 25 минут конвой прибыл в порт Маока[178].

25 августа из Приморья в том же направлении отправился третий десантный отряд с частями 264-й стрелковой дивизии 87-го корпуса в количестве 7429 человек на пароходах «Жан-Жорес», «Джурма», «Лев Толстой» и «Ломоносов». В отряд охранения вошли по два эсминца,

сторожевых корабля, тральщика и больших охотника. Командиром высадки был назначен капитан 2 ранга Шеркнис. Из-за поломки транспорта «Лев Толстой» конвой задержался в заливе Владимира и прибыл в Маоку без этого судна лишь 31 августа в 13 часов 30 минут[179]. Уже в ближайшие дни порту Маока предстояло стать одной из баз для развертывания формирований советских войск на освобожденных Курильских островах и острове Сахалин.

С занятием порта Отомари командование ТОФ продолжало подготовку к высадке десантов на острова южной части Курил. 26 августа в 5 часов 40 минут капитану 1 ранга А. И. Леонову была поставлена задача провести разведку Кунашира и Итурупа, выделив для этого по одному тральщику и одной роте на каждый остров и назначив «наиболее ответственных офицеров»[180].

27 августа в 12 часов 50 минут два тральщика из состава кораблей, находившихся в Отомари (ТЩ-589 с ротой 3-го батальона 113-й стрелковой бригады в количестве 177 человек и ТЩ-590 с другой ротой этого батальона в количестве 166 человек), под командованием капитан-лейтенанта Г. И. Брунштейна и командира десанта капитана Овчинникова вышли на выполнение задания[181].

Днем раньше командующий ТОФ своим приказом потребовал выслать воздушный десант на двух самолетах типа «Каталина» с заданием захватить аэродром на острове Итуруп и удерживать его до подхода корабельного десанта. Оба самолета вылетели по назначению в 13 часов 30 минут, но из-за тумана спустя шесть часов смогли совершить посадку на воду вблизи Итурупа. 30 автоматчиков из состава 364-го отдельного батальона Владимиро-Ольгинской ВМБ выбрались на берег и отправились на поиск аэродрома[182]. 28 августа еще одна группа автоматчиков (109 человек) десантировалась с самолетов «Каталина» в районе мыса Така (остров Уруп) и впоследствии была взята на борт ТЩ-589, с которого и высадилась на остров Итуруп в бухте Рубецу. В 13 часов 15 минут оба тральщика вошли в бухту и встали на якорь на расстоянии 1,5 кабельтовых от берега. Корабельными шлюпками был доставлен передовой отряд с задачей разведать места высадки и захватить плавсредства. Через 20 минут к стоявшим в бухте тральщикам краснофлотцы с берега подвели пять самоходных японских барж, которые были использованы как высадочные средства. ТЩ-589 немедленно приступил к высадке десанта, а ТЩ-590 находился в состоянии готовности к огневой поддержке. Перехода к боевым действиям, однако, не потребовалось. К этому времени к месту высадки десанта прибыли японские офицеры-парламентеры от начальника гарнизона острова Итуруп с заявлением о готовности его войск к капитуляции. Из переговоров с парламентерами было установлено, что на островах Итуруп, Кунашир, Шикотан и нескольких мелких островах дислоцируется 89-я пехотная дивизия общей численностью 13 500 солдат и офицеров во главе с генерал-лейтенантом Кэйто Угавой. Для пленения гарнизона Итурупа, насчитывавшего около 9 тыс. человек, требовались значительные силы, и командир высадки капитан-лейтенант Брунштейн с согласия командира бригады капитана 1 ранга А. И. Леонова отправил на остров десант с обоих кораблей, что сдвинуло срок высадки на остров Кунашир[183].

Вслед за отказом Ставки Верховного главнокомандующего от высадки десанта на Хоккайдо и запрещением 27 августа посылать в сторону собственно Японии корабли и самолеты, на следующий день в бухту Золотой Рог были возвращены находившиеся на позициях на подходах к порту Румоэ подводные лодки С-52 и Л-12. Еще одна подводная лодка Л-19 в ночь на 23 августа пропала без вести (предположительно погибла на японских минах при форсировании пролива Лаперуза). В свою очередь, еще в период активной подготовки к высадке наших войск на Хоккайдо 22 августа подводные лодки Л-12 (командир капитан-лейтенант П. З. Щелганцев) и Л-19 (командир капитан 3 ранга А. С. Кононенко) потопили на подходе к порту Румоэ: первая — японский корабль береговой обороны (фрегат № 75 водоизмещением 745 тонн) и вооруженный транспорт водоизмещением 5950 тонн, а вторая — транспорт водоизмещением 8 тыс. тонн, которые покинули Сахалин вопреки требованиям приказа маршала А. М. Василевского и условиям капитуляции. Еще один транспорт подводной лодкой Л-19 был поврежден, но смог добраться до места назначения. Кроме того, крупный японский транспорт был потоплен в тот же день советской авиацией[184].

В новой обстановке в целях сведения под единое командование войск, действовавших на Камчатке, Сахалине и Курильских островах, главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке рано утром 28 августа приказал:

«1. Командующему 1 ДВФ все войска, прибывающие из 1 ДВФ, к 24 час. 00 мин. 30 августа передать в состав 2 ДВФ. До 31 августа овладеть и закрепить за собой острова Кунасири (Кунашир. — *Прим. ред.*), Итуруп (в южной части Курильской гряды). Для обеспечения передаваемых войск завезти и создать на острове Сахалин 10-месячный запас продфуража и не менее 20 заправок ГСМ.

2. Командующему 2 ДВФ принять передаваемые войска на острове Сахалин и Курильских островах с указанным запасом по актам. Объединить все войска, действующие на Камчатке, Курильских островах и острове Сахалин в руках командующего 16-й армией, штаб которого разместить в южной части острова Сахалин, обеспечив надежными средствами связи и сообщения с войсками.

Части расположить: 255 сд — на полуострове Камчатка; 101 сд — на северной группе Курильских островов; от 87 ск — одну сд и 113 сбр расположить в южной части Курильских островов, другие две сд разместить на Южном Сахалине, с усилением их одной танковой бригадой за счет войск фронта; в северной части Сахалина — одну сд, две сборные и части УР, объединив их в состав 56 ск.

План наземной артиллерийской обороны и ПВО представить к 5 сентября»[185].

Между тем события продолжали быстро развиваться. 28 августа в 21 час 50 минут командующий Северной Тихоокеанской военной флотилией получил шифрограмму Военного совета ТОФ № 12 146: «Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке приказал: на остров Итуруп и остров Кунасири перевести 355 сд (перевезена Беспаловым в Маока), 113 сбр, пушечный полк. Погрузку частей произвести в порту Отомари. Из состава 355 сд два полка высадить на Итуруп, один полк — на Кунасири. Для проведения этой операции выделяются: отряд Чичерина в полном составе, два ДС, три ТДС, транспорты «Новороссийск», «Сталинград», «Находка», «Новосибирск». Командование операцией возложить на Вас. Вам надлежит:

1. Установить связь с командиром 87 СК и решить все вопросы.

2. Перевести отряд Чичерина и назначенные транспорты в Отомари, обеспечив надежную проводку за тралами.

3. Закончить операцию 3.09.45 г.»[186].

Реализация полученных флотом указаний требовала значительных организационных усилий и соответствующего материально-технического обеспечения. Одной из главных задач моряков-тихоокеанцев в последние дни войны против Японии стало осуществление крупномасштабных фронтовых перевозок войск и грузов, что не могло не сказаться на замедлении темпов овладения островами Южно-Курильской гряды. Тем не менее операция по очищению Южных Курил от японских войск находилась под пристальным вниманием командования флота.

В связи с задержкой высадки на остров Кунашир командующий флотом 30 августа в 17 часов 25 минут отдал приказание одному из тральщиков, находившихся на острове Итуруп, немедленно принять на борт одну из рот и перевезти ее на Кунашир. Спустя 35 минут это приказание было направлено капитану 1 ранга А. И. Леонову, который, в свою очередь, передал его содержание капитан-лейтенанту Брунштейну. В ответ на это последний донес, что ранее 1 сентября высадить роту на Кунашир не сможет. Объяснение было простым: «На острове Итуруп взято в плен 6000 человек, 3000 человек находятся на своих местах — некому пленить»[187]. Вышеизложенное явилось причиной задержки выполнения на одни сутки задачи, поставленной главкомом 28 августа.

Тем временем командование ТОФ, установив, что ход капитуляции японского гарнизона на Итурупе идет успешно, продолжало требовать ускорения захвата острова Кунашир. Во исполнение этого приказания командир ВМБ Отомари распорядился: командиру высадки капитан-лейтенанту Брунштейну принять одну роту автоматчиков на ТЩ-590 на острове Итуруп и следовать на Кунашир.

В то же время в порту Отомари формировались другие отряды для отправки на Кунашир. Рано утром 31 августа десантный отряд под командованием капитана 3 ранга Б. И. Виниченко закончил погрузку подразделений 113-й стрелковой бригады на десантные суда: на ДС-31 — один батальон автоматчиков, разведроту, всего 216 человек, два 45-мм орудия; на ДС-34 — санитарную роту, всего 186 человек. Для навигационного и боевого обеспечения десанта был выделен сторожевой корабль ЭК-4. В 5 часов 40 минут 1 сентября на подходе к бухте Фурукомаппу острова Кунашир десантный отряд капитана 3 ранга Виниченко соединился с ТЩ-590, который следовал с задачей высадки десанта на этот же остров. В 6 часов 40 минут они вместе вошли в бухту и приступили к высадке десанта. В 10 часов 05 минут десантный отряд Виниченко закончил высадку, организовал круговую оборону, выставил корабельный дозор и приступил к приему военнопленных, вооружения и техники складывавшего оружие противника.

В сфере внимания командования ТОФ продолжал оставаться также вопрос об освобождении еще одного крупного острова Курильской гряды — Шикотана. Для осуществления этой операции в порту Отомари был сформирован десантный отряд из состава 2-го батальона 113-й стрелковой бригады под командованием капитана 3 ранга А. И. Вострикова, который погружен: на ТЩ-596 — одна стрелковая рота, рота автоматчиков и санитарный взвод, всего 200 человек; на минный заградитель «Гижига» — одна стрелковая рота, минометная рота, рота ПТР, тыл батальона, взвод ПТО, всего 396 человек. В 2 часа 30 минут 31 августа отряд в полном составе вышел из порта Отомари курсом на остров Шикотан и в 9 часов 1 сентября достиг его. Сопротивления неприятель не оказывал. После высадки первого броска прибыли японские офицеры-парламентеры, которые сообщили, что на острове Шикотан дислоцируются 4-я пехотная бригада и полевой артдивизион численностью 4800 солдат и офицеров под командованием генерал-майора Дзио Дои. Гарнизон готов сложить оружие. К исходу 1 сентября капитуляция была принята[188].

С захватом крупнейших островов южной части Курил — Итурупа, Кунашира и Шикотана — настал черед освобождения остальных, более мелких островов этой гряды, объединенных под названием Хабомаи. 2 сентября в 10 часов 40 минут командующий Северной Тихоокеанской военной флотилией вице-адмирал В. А. Андреев отдал приказание капитану 1 ранга А. И. Леонову привлечь для выполнения этой задачи десантный отряд капитана 3 ранга П. А. Чичерина.

В 11 часов 1 сентября десантный отряд под командованием Чичерина закончил погрузку частей 113-й стрелковой бригады в порту Отомари на пароход «Всеволод Сибирцев»: личного состава — 632 человека, лошадей — 100, орудий — 7, автомашин — 30, боезапаса и продовольствия — 65 тонн; на пароход «Новосибирск»: личного состава — 1847 человек, лошадей — 90, орудий — 20, автомашин — 26, боезапаса и продовольствия — 280 тонн. В состав десантного отряда для боевого обеспечения и навигационного лидирования были выделены сторожевой корабль ЭК-6, тральщики типа АМ № 273 и № 274. В 4 часа 3 сентября на Кунашир в бухту Фурукомаппу прибыл десантный отряд капитана 3 ранга Чичерина, а утром 4 сентября — еще один отряд кораблей под командованием капитана 3 ранга Успенского и высадил новые подразделения 113-й бригады в количестве 1300 человек с необходимым запасом вооружения, боеприпасов и продовольствия.

Из-за неудовлетворительной радиосвязи капитан 3 ранга П. А. Чичерин воспринял переданное командиром бригады приказание командующего СТОФ как руководство к немедленным действиям. Уже через два часа после прибытия в бухту Фурукомаппу он приступил к формированию двух десантных групп, имевших по одному тральщику и одному десантному судну в каждой.

В 3 часа 50 минут 4 сентября обе группы десантного отряда во главе с П. А. Чичериным прибыли в район островов Хабомаи. Первой группе кораблей командир отряда поставил задачу занять острова Суйсио, Юри, Акиюри, второй — острова Тараку, Сибоцу, Харукару[189]. Противодействия японские войска не оказывали, минной опасности в районе островов обнаружено не было. П. А. Чичерин, доложив об этом по радио командиру ВМБ Отомари, приступил к высадке десанта, которая была завершена к 19 часам 30 минутам.

На острове Сибоцу находился гарнизон японцев в составе 420 солдат и офицеров, на остальных островах (кроме острова Харукару, где войск и населения не оказалось) были меньшие по численности гарнизоны. К исходу 4 сентября японские войска были разоружены и взяты под охрану. На этом Курильская десантная операция завершилась.

В последующие дни корабли ТОФ продолжали планомерно перевозить войска на освобожденные Курильские острова, усиливая там советское присутствие. Одновременно осуществлялась эвакуация японских военнопленных на Сахалин, вывозились боевая техника и оружие.

Итак, Курильская десантная операция была проведена советскими войсками и силами флота в период с 18 августа по 4 сентября 1945 г. Ожесточенные бои с японскими войсками отмечались лишь на острове Шумшу. Разоружение и принятие капитуляции войск на остальных крупных островах, включая главный остров Малой Курильской гряды Шикотан, было завершено 1 сентября 1945 г. После подписания 2 сентября 1945 г. Акта о безоговорочной капитуляции Японии перед союзными армиями на огромных территориях Азиатско-Тихоокеанского региона, еще остававшихся к тому времени под оккупацией японских вооруженных сил, а также на собственно Японских островах стали проводиться мероприятия по разоружению многочисленных группировок войск империи, которая уже перестала существовать. К примеру, оккупационные войска США прибыли для этих целей на территорию Южной Кореи лишь через неделю после подписания Акта о капитуляции Японии, а разоружение японских войск там надолго затянулось. Советскому Союзу потребовалось всего два дня, чтобы завершить в соответствии с договоренностями с союзниками, отраженными в Общем приказе № 1, прием капитуляции японских войск на небольшой группе Курильских островов Хабомаи. Всего на Курильских островах были пленены 50 442 японских солдата и офицера, в том числе на Южно-Курильских островах — около 20 тыс. человек[190].

Таким образом, мощные удары по сосредоточенной близ границ Советского Союза и Монгольской Народной Республики крупной группировке японских сухопутных войск привели к ее быстрому разгрому, потере контроля Японии над Маньчжурией и Северной Кореей, коренному изменению военно-политической обстановки в Азии, сделали невозможным продолжение войны и вынудили Японию капитулировать.

В течение 25 дней Вооруженные силы СССР во взаимодействии с Монгольской Народной армией провели Маньчжурскую стратегическую наступательную операцию и наголову разбили Квантунскую группировку войск, являвшуюся наиболее сильным стратегическим объединением японской армии, а также разгромили или принудили к капитуляции войска 5-го японского фронта на Сахалине и Курильских островах. Были освобождены Северо-Восточный Китай, Внутренняя Монголия, Северная Корея, а также ранее отторгнутые Японией русские земли — Южный Сахалин и Курильские острова, захвачены большие трофеи.

Противник потерял около миллиона солдат и офицеров японской и марионеточных армий, из них только в составе регулярных японских войск 83 737 убитыми и 640 276 пленными[191], подавляющее большинство которых — 609 448 человек были этническими японцами[192]. ВМС Японии потеряли потопленными и поврежденными свыше 50 кораблей и судов, все корабли Сунгарийской военно-речной флотилии. Таких больших людских и материальных потерь и за столь короткий срок японские вооруженные силы не понесли ни в одной из операций Второй мировой войны.

Победа далась нелегко: Вооруженные силы СССР потеряли в войне с Японией убитыми, ранеными и пропавшими без вести 36 456 человек, в том числе 12 031 человека — безвозвратно. В числе общих потерь — 1298 военнослужащих Тихоокеанского флота (из них 903 человека убитыми или смертельно раненными) и 123 моряка Амурской военной флотилии (в том числе 32 человека убитыми и получившими смертельные ранения)[193]. Вместе с тем людские потери советских войск и сил флота были в 18,6 раза меньше, чем аналогичные потери японцев, и составили менее 0,1% от численности всего личного состава, принявшего участие в кампании[194], что говорит о высоком уровне боевого мастерства воинов армии и флота и превосходящем военном искусстве советских командиров и штабов.

Капитуляция Японии: политические расчеты и фактор непреодолимой силы

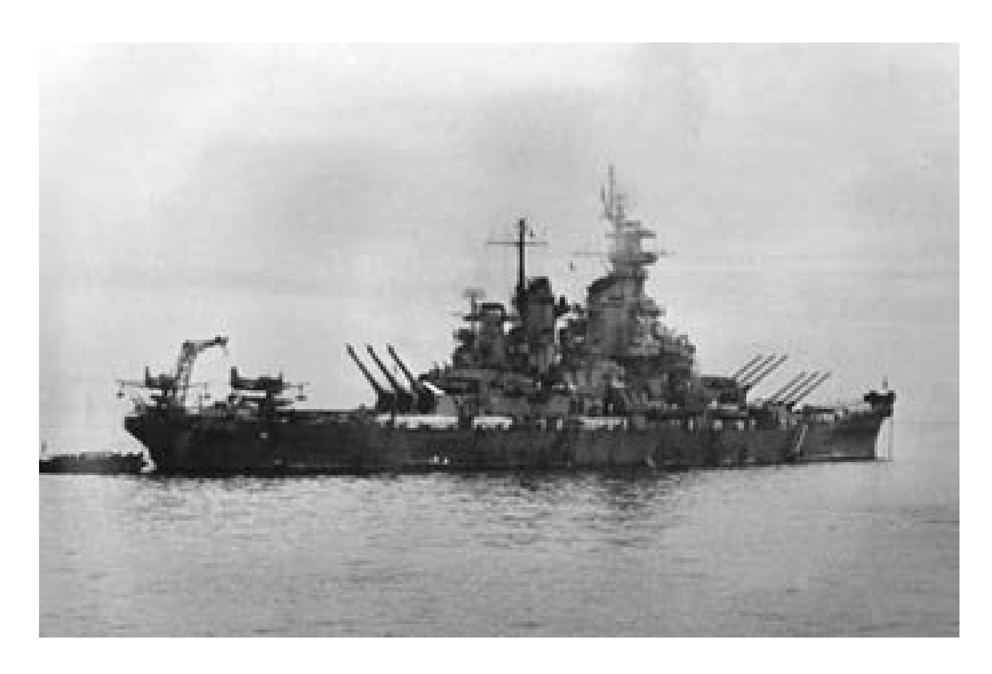
2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» состоялась церемония подписания Акта о капитуляции милитаристской Японии в войне в Восточной Азии и на Тихом океане. Одновременно ставилась последняя точка в продолжавшейся ровно шесть лет и один день Второй мировой войне с устоявшейся в мировой историографии даты ее начала 1 сентября 1939 г. Для китайского народа борьба сопротивления японской агрессии длилась долгие 14 лет. Более 35 лет под пятой японских колонизаторов жил и боролся за свое освобождение корейский народ.

От имени императора, японского правительства и императорской ставки акт был подписан министром иностранных дел М. Сигэмицу и начальником генерального штаба японской армии Ё. Умэдзу. Там, в частности, сказано: «Настоящим мы даем обязательство, что японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации». От имени всех союзных держав, находившихся в состоянии войны с Японией, акт подписал американский генерал Д. Макартур; от имени отдельных стран — адмирал Ч. Нимиц (США), генерал Су Юнчан (Китай), адмирал Б. Фрейзер (Великобритания), генерал-лейтенант К. Н. Деревянко (СССР), генерал Т. Блэйми (Австралия), полковник Н. Мур-Косгрейв (Канада), генерал Ф. Леклер (Франция), адмирал К. Хелфриг (Нидерланды) и вице-маршал авиации Л. Исит (Новая Зеландия).

Подписав Акт о капитуляции, Япония полностью приняла условия Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., к которой 8 августа присоединился и Советский Союз. Согласно акту, военные действия с ее стороны прекращались немедленно, все японские и находившиеся под контролем Японии вооруженные силы безоговорочно капитулировали, оружие, военное и гражданское имущество сохранялись без повреждения. Японскому правительству и генштабу предписывалось немедленно освободить союзных военнопленных и интернированных гражданских лиц. Все японские гражданские, военные и морские официальные лица обязывались повиноваться Верховному командованию союзных держав и выполнять его приказы и указания. Подотчетной ему становилась также деятельность императора и правительства Японии по управлению государством. Верховный командующий союзных держав наделялся правом «предпринимать такие шаги, какие он сочтет необходимыми для осуществления условий капитуляции»[195]. Назначение Верховным командующим представителя США (им стал генерал Д. Макартур) явилось отражением той роли, которую сыграли Соединенные Штаты в общих усилиях союзников в многолетней борьбе против Японии.

Примечательно, однако, что среди подписавших Акт о капитуляции был и генерал-лейтенант К. Н. Деревянко, представлявший Советский Союз, вооруженные силы которого участвовали лишь в заключительной фазе войны против Японии, но смогли тем не менее внести решающий вклад в разгром континентальной группировки японских сухопутных сил, нанеся ей сокрушительное поражение в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии) и Северной Корее. Если в зачитанном 15 августа 1945 г. по радио рескрипте о принятии условий капитуляции император Хирохито в качестве оправдания решения сложить оружие указывал среди прочих причин на применение противником нового оружия, то в менее известном императорском обращении «К солдатам и матросам» от 17 августа он, не упоминая атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, признал, что основной причиной капитуляции стало вступление в войну Советского Союза. Хирохито заявил: «Теперь, когда в войну против нас вступил Советский Союз... продолжение войны было бы безрассудным, принося нам лишь дополнительный урон и ставя под угрозу саму основу существования империи»[196].

Даже непримиримые критики политики СССР вынуждены признавать определяющее влияние вступления Советского Союза в войну на решение императора Японии принять условия безоговорочной капитуляции. Так, профессор Калифорнийского университета

Американский линкор «Миссури»

Моряки американского линкора «Миссури» наблюдают за началом церемонии подписания Акта о капитуляции Японии

этнический японец Хасэгава Цуеси в вышедшем в год 60-летия окончания Второй мировой войны многостраничном труде о причинах капитуляции милитаристской Японии писал: «Сброшенные на Хиросиму и Нагасаки две атомные бомбы не являлись определяющими при принятии Японией решения капитулировать. Несмотря на сокрушительную мощь атомных бомб, их было недостаточно для изменения вектора японской дипломатии. Это позволило сделать советское вторжение. Без вступления Советского Союза в войну японцы продолжали бы сражаться до тех пор, пока на них не были бы сброшены многочисленные атомные бомбы, не осуществилась бы успешная высадка союзников на острова собственно Японии или продолжались бы бомбардировки в условиях морской блокады, что исключало бы возможность сопротивления»[197].

Следует признать, что быстрое принятие (после того как Япония осознала масштабы сокрушительных ударов Красной армии на крупнейшем и решающем континентальном ТВД сухопутных войск в Маньчжурии) условий капитуляции перед всеми союзными силами, хотя императорская армия могла бы в течение определенного времени вести оборонительные бои на собственно Японских островах, было одним из наиболее продуманных и далеко идущих шагов японской реакции последнего года войны. Адмирал Ч. Нимиц свидетельствовал, что с начала оккупации американцы «увидели островную империю с почти нетронутой, хорошо оснащенной армией, располагающей большой авиацией... Империю, которая капитулировала еще до вторжения»[198]. Этим Япония в отличие от Германии смогла уберечь от уничтожения миллионы военнослужащих и гражданских лиц, сохранить подавляющую часть военно-экономического потенциала страны. Это означало также, что императорская ставка в отличие от ставки Гитлера предпочла позор капитуляции, когда еще не все средства сопротивления были исчерпаны, перспективе физической ликвидации всех человеческих и материальных ценностей японского милитаризма, безвозвратной гибели всей военной структуры государства.

Реакционная военно-политическая верхушка милитаристской Японии хорошо понимала и то, что решающей предпосылкой для планировавшегося уже в то время военного возрождения страны после войны является сохранение в ней существовавшего строя и традиционной национальной идеологии. Она уделяла все большее внимание нейтрализации усиливавшегося недовольства японского народа их политикой в ходе длившейся уже 14 лет войны. Решение японского императора о капитуляции, принятое после вступления СССР в войну с Японией, в значительной мере было обусловлено желанием правящих кругов заранее подготовиться к тому, чтобы не допустить революционного взрыва в результате краха милитаризма. Об этом свидетельствует, в частности, меморандум трижды занимавшего пост главы правительства Японии принца Ф. Коноэ императору, представленный 14 февраля 1945 г., за полгода до принятия Хирохито решения о капитуляции. По сути дела возражая против развернувшейся в стране тотальной мобилизации для «решающего сражения», этот влиятельный политический деятель Японии призывал японского монарха «как можно скорее закончить войну». При этом, пугая императора коммунистической революцией, которая может произойти в результате вступления Красной армии в войну, Коноэ настоятельно рекомендовал до «вмешательства Советского Союза во внутренние дела Японии» капитулировать перед США и Великобританией[199].

Коноэ, на совести которого лежат фашизация Японии и развязывание в период его руководства японским правительством тотальной войны против Китая, убеждал императора: «Хотя поражение, безусловно, нанесет ущерб нашему национальному государственному строю, однако общественное мнение Англии и Америки еще не дошло до требований изменения нашего государственного строя... Следовательно, одно только военное поражение не вызывает особой тревоги за существование нашего национального государственного строя. С точки зрения сохранения национального государственного строя наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением»[200]. Больше всего в связи с этим Коноэ опасался прихода на Японские острова советских войск. Лорд-хранитель печати при

Японская делегация подписывает Акт о безоговорочной капитуляции Японии

императорском дворе К. Кидо также предупреждал в памятной записке, что в случае отказа от принятия условий Потсдамской декларации «нас постигнет участь Германии, и обстоятельства могут так сложиться, что мы не сможем даже сохранить национальную форму правления»[201].

Руководство Японии панически боялось, что в случае продолжения сопротивления на территорию собственно Японии могут прийти советские войска. Основания для такого беспокойства, безусловно, были. Подтверждением тому являются приведенные выше данные о подготовке высадки советских войск на Хоккайдо — один из четырех крупнейших островов собственно Японии. Если бы высадка состоялась, нетрудно было бы представить политические последствия оккупации Хоккайдо советскими войсками для его населения, послевоенного устройства Японии и военно-политической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Очевидно, предполагая вероятность развития событий в этом направлении, император Японии Хирохито принял в ночь на 15 августа 1945 г. решение о немедленном прекращении военных действий, заявив, что такой «вариант капитуляции не угрожает длительному существованию императорской системы в Японии. В обратном случае нация (имелась в виду монархо-капиталистическая система. — *Прим. ред.*), — предупредил Хирохито, — будет уничтожена»[202]. И власти Японии, почувствовав настроения американской стороны, искавшей пути принуждения противника к капитуляции с минимальными для себя издержками и потерями, пошли в отличие от гитлеровского руководства Германии на позор капитуляции именно в целях предотвращения «коммунистической революции» в стране, сохранения власти в руках представителей тех сил, которые привели страну к войне. Во главе этих сил, как и прежде, оставался символ милитаристской страны Ямато — «божественный» микадо (император).

Предвидя, особенно в связи с денонсацией 5 апреля 1945 г. Советским Союзом Пакта о нейтралитете, вероятность его вступления в войну против Японии после разгрома Германии, японское руководство предприняло колоссальные усилия на дипломатическом фронте в целях предотвращения такого развития событий. Все планы и приготовления к «решающему сражению» исходили из того, что противником в нем будут англо-американские войска, а союзный США и Великобритании СССР сохранит в отношении Токио нейтралитет. Однако мысль о возможности оказания Советским Союзом помощи американцам в скорейшем разгроме Японии не давала покоя политическому и военному руководству страны.

Во время проходившей в ноябре — декабре 1943 г. Тегеранской конференции глав трех великих держав — Ф. Рузвельта, И. В. Сталина и У. Черчилля — советский лидер, отвечая на настойчивые просьбы союзников, пообещал оказать военную помощь в войне против милитаристской Японии после разгрома гитлеровской Германии. Нельзя исключать, что японской разведке удалось получить сведения о таком обещании. Неслучайно японское правительство в марте 1944 г. приняло трудное для себя решение удовлетворить требование СССР о ликвидации нефтяных и угольных концессий на Сахалине, что было предусмотрено при заключении советско-японского Пакта о нейтралитете 1941 г., но упорно не выполнялось Японией.

Начались и дипломатический зондаж позиции СССР, и первые попытки выторговать у него обещание в любых условиях сохранять нейтралитет. Во время состоявшейся 2 февраля 1944 г. беседы с послом США А. Гарриманом И. В. Сталин отмечал, что «японцы очень перепуганы, они очень беспокоятся за будущее». Он сообщил: «Наши люди, имеющие дело с японцами, сообщают, что японцы всячески стараются расположить нас в их пользу. Японцы идут на большие уступки»[203].

Осознание неизбежности поражения стран оси в войне крепло не только у политиков, но, что было весьма важно, и у высших военных чинов. Особую активность в поисках пути достижения почетного мира проявил назначенный 22 июля 1944 г. военным министром фельдмаршал Х. Сугияма, ранее занимавший пост начальника генерального штаба армии. Он предлагал не отказываться от идеи японского посредничества на переговорах о прекращении

советско-германской войны. 5 сентября 1944 г. на заседании Высшего совета по руководству войной он следующим образом оценил ситуацию и шансы на успех посреднической роли Японии: «Командование сухопутных сил, основываясь на данных разведки, считает, что Советский Союз с начала войны с Германией уже потерял более 15 миллионов человеческих жизней, лишился большой части материальных средств и испытывает усталость от войны. К тому же международная обстановка такова, что наблюдаются противоречия между СССР и Великобританией в Средиземном море, в Юго-Восточной Европе, районе северных морей и других местах. Не исключена даже возможность военного столкновения между США и СССР. С другой стороны, хотя Гитлер вновь планирует наступление на восточном фронте, он вполне сознает невыгодность продолжения войны с СССР. Таково реальное положение, существующее между Германией и Советским Союзом. Именно поэтому складывается благоприятный момент для активной посреднической помощи Японии в достижении перемирия между Германией и СССР»[204].

Однако попытки японцев предложить Москве свои посреднические услуги были отвергнуты. Советское правительство не пожелало принять японскую специальную миссию для обсуждения подобных предложений Токио. Это еще более обеспокоило японское руководство, которое знало, что союзники, особенно американцы, всячески склоняют И. В. Сталина выступить против Японии. В этом случае у Японии не оставалось другого выхода, кроме капитуляции. Стремясь не допустить столь неблагоприятного для себя развития обстановки, японское правительство решило прибегнуть к активной дипломатии на других направлениях. Были предприняты попытки заключить компромиссный мир с Китаем, а также с США и Великобританией, однако они не увенчались успехом. Поэтому родилась идея попытаться использовать СССР для организации перемирия в Тихоокеанской войне. Считалось, что, даже если этот план провалится, Москве будет продемонстрировано стремление Токио к установлению мира.

По мнению японского правительства, сам факт участия СССР в переговорах об окончании войны исключал бы его вступление в военные действия против Японии. Министр иностранных дел Японии М. Сигэмицу рекомендовал правительству «в случае разгрома Германии или заключения ею сепаратного мира... не теряя времени, предпринять усилия для изменения обстановки в лучшую сторону, используя с этой целью Советский Союз»[205].

Японские лидеры стали изыскивать способы заинтересовать советское правительство уступками, на которые могла бы пойти Япония в обмен на сохранение Советским Союзом нейтралитета и согласие выступить посредником в переговорах о перемирии с США и Великобританией. Перечень таких уступок был разработан японским МИД еще в сентябре 1944 г.: разрешение на проход советских торговых судов через пролив Цугару; заключение между Японией, Маньчжоу-Го и Советским Союзом соглашения о торговле; расширение советского влияния в Китае и других районах «сферы сопроцветания»; демилитаризация советско-маньчжурской границы; использование Советским Союзом Северо-Маньчжурской железной дороги; признание советской сферы интересов в Маньчжурии; отказ Японии от договора о рыболовстве; уступка Южного Сахалина, Курильских островов; отмена Антикоминтерновского и Тройственного пактов. Согласие на те или иные уступки предусматривалось в зависимости от хода советско-японских переговоров. Так, отказ от Южного Сахалина и Курильских островов допускался в крайнем случае, а именно «при резком ухудшении советско-японских отношений» и возникновении опасности вступления Советского Союза в войну против Японии[206].

С февраля 1945 г. японское правительство стало предпринимать практические шаги с тем, чтобы втянуть СССР в качестве посредника в переговоры о достижении перемирия. Это объяснялось беспокойством, которое испытывало японское правительство в связи с Ялтинской конференцией глав союзных держав. В японских средствах массовой информации сразу после окончания Ялтинской конференции высказывались тревожные догадки и предположения о том, что на конференции обсуждался вопрос о совместном ведении тремя державами войны против Японии.

Существуют указания на то, что японская разведка действительно располагала сведениями о договоренностях в Крыму, касавшихся Японии. Так, в 1985 г. в Японии были опубликованы воспоминания жены военного разведчика Ю. Онодэра, выполнявшей обязанности шифровальщицы в японском дипломатическом представительстве в Стокгольме. Автор утверждала, что разведывательная информация о содержании достигнутых на Ялтинской конференции договоренностей по поводу участия СССР в войне против Японии была лично ею зашифрована и своевременно передана в японский МИД[207]. 15 февраля руководители японской разведки проинформировали участников заседания Высшего совета по руководству войной о том, что «Советский Союз намерен обеспечить себе право голоса в решении вопросов будущего Восточной Азии». Прозвучало предупреждение, что к весне СССР может расторгнуть Пакт о нейтралитете и присоединиться к союзникам в войне против Японии. На следующий день об этом говорил императору Хирохито министр иностранных дел М. Сигэмицу: «Дни нацистской Германии сочтены. Ялтинская конференция подтвердила единство Великобритании, США и Советского Союза». Он рекомендовал не полагаться на Пакт о нейтралитете. Генерал Х. Тодзио также предупреждал японского монарха о возможности выступления СССР против Японии, оценивая такую возможность как 50 на 50[208].

Сомнения охватывали и императора. Хирохито, по сути отвергнув предложение Ф. Коноэ об окончании войны, сказал ему: «Если мы выстоим, то сможем и победить в войне», выказав, однако, при этом беспокойство по поводу того, «сможет ли народ терпеть до победы»[209].

Хотя далеко не все японские руководители верили в успех привлечения СССР на сторону Японии в ее стремлении выторговать почетные условия мира, ситуация требовала незамедлительных действий. 15 февраля 1945 г. японский генеральный консул в Харбине Ф. Миякава по заданию правительства под благовидным предлогом посетил советского посла в Токио Я. А. Малика и, не без основания рассчитывая на передачу в Москву содержания беседы, в прозрачной форме попытался изложить японское предложение о посредничестве.

Посол Я. А. Малик докладывал в НКИД СССР:

«Миякава распространялся на тему о расширении, углублении и развитии максимально дружественных отношений между СССР и Японией. Вы, конечно, подозреваете, сказал он при этом, что это для нас основной и главный вопрос. Я прошу Вас понять, что японский народ хочет жить, мы жить хотим. Он также пытался доказать, что в истории японо-советских отношений было немало достойных сожаления недоразумений, но что теперь никаких подобного рода недоразумений быть не должно, постепенно все предрассудки в отношении Советского Союза в Японии изживаются...

В процессе беседы он много и настойчиво говорил и дважды возвращался к вопросу о том, что в развитии войны сейчас настал такой момент, когда кто-либо из наиболее выдающихся международных деятелей, пользующийся достаточным престижем, авторитетом и располагающий необходимой силой для убедительности, должен выступить в роли миротворца, потребовать от всех стран прекратить войну. Таким авторитетным деятелем, по мнению Миякава, может быть только маршал Сталин. Если бы он сделал такое предложение, то Гитлер прекратил бы войну, а Рузвельт с Черчиллем не осмелились бы возражать против подобного предложения Сталина»[210].

Так как Я. А. Малик никак не отреагировал на фактическое предложение о посредничестве И. В. Сталина в деле прекращения войны, японский зондаж позиции СССР был продолжен. С этой целью в марте советское посольство посетил президент японской крупной рыболовецкой компании «Нитиро» С. Танакамару. Он также намекал на то, что с инициативой о посредничестве между США и Великобританией может и должна выступить именно советская сторона. При этом японцы пытались «сохранить лицо» и не оказаться стороной, просящей о мире. Однако советский посол по указанию Москвы продолжал избегать прямых ответов.

Готовясь к войне с Японией, советское правительство стремилось соблюсти нормы международного права. 5 апреля 1945 г. правительству Японии было объявлено о денонсации советско-японского Пакта о нейтралитете. Тем самым Москва за четыре месяца до вступ-

От имени СССР Акт о капитуляции Японии подписывает генерал К. Н. Деревянко

ления в войну фактически информировала японское правительство о возможности участия СССР в войне с Японией с целью скорейшего завершения Второй мировой войны. Официальное объявление о денонсации пакта рассматривалось как серьезное предупреждение Токио, призванное убедить его в бесполезности «решающего сражения» и целесообразности незамедлительно прекратить военные действия.

Переброска частей, соединений и объединений советских войск и сил на Дальний Восток не осталась незамеченной японским руководством, которое регулярно получало информацию о передислокации советских войск по разведывательным каналам. В середине апреля сотрудники аппарата военного атташе японского посольства в Москве докладывали в Токио: «Ежедневно по Транссибирской магистрали проходит от 12 до 15 железнодорожных составов... В настоящее время вступление Советского Союза в войну с Японией неизбежно. Для переброски около 20 дивизий потребуется приблизительно два месяца»[211]. Об этом же сообщал и штаб Квантунской группировки войск.

20 апреля министр иностранных дел Японии С. Того высказал Я. А. Малику пожелание о личной встрече с наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым, чтобы попытаться предложить советской стороне вышеуказанный «набор уступок», который разработал его предшественник на министерском посту.

Попытки «договориться» с Советским Союзом заметно активизировались после капитуляции Германии, когда Япония осталась одна перед коалицией союзных держав. Настаивавшее на проведении «решающего сражения» на территории метрополии японское командование возлагало немалые надежды на войска Квантунской группировки войск, которые при резком осложнении положения планировалось перебросить на Японские острова[212]. Поскольку вступление в войну СССР могло нарушить эти планы, японское военное командование решительно требовало от правительства сделать все возможное, чтобы разрешить все связанные с Советским Союзом вопросы дипломатическим путем. Однако, хотя японцы заявляли советским представителям о стремлении видеть СССР посредником в переговорах с США и Великобританией о завершении войны, в действительности речь шла лишь о том, чтобы выиграть время. В день капитуляции Германии, 9 мая, премьер-министр К. Судзуки заявил, что Япония вместе с союзниками по восточноазиатскому блоку будет продолжать войну.

15 мая на заседании Высшего совета по руководству войной было принято решение добиваться начала официальных японо-советских переговоров. Для этого считалось необходимым демонстрировать Советскому Союзу «позитивный характер» политики нейтралитета и склонять СССР к посредничеству в деле окончания войны на приемлемых для Японии условиях[213]. Вслед за этим японское правительство демонстративно аннулировало все японо-германские соглашения и дало указание прессе поддерживать дипломатические шаги Токио в отношении СССР. Однако обстановка складывалась явно не в пользу Японии. Советское правительство, понимая существо японских замыслов, продолжало уклоняться от попыток правительства Японии вовлечь СССР в официальные переговоры.

6 июня на очередном заседании Высшего совета по руководству войной была дана весьма пессимистичная оценка складывавшегося положения. В представленном членам совета анализе ситуации говорилось: «Путем последовательно проводимых мер Советский Союз подготавливает почву по линии дипломатии, чтобы при необходимости иметь возможность выступить против Империи; одновременно он усиливает военные приготовления на Дальнем Востоке. Существует большая вероятность того, что Советский Союз предпримет военные действия против Японии... Советский Союз может вступить в войну против Японии после летнего или осеннего периода»[214].

Тем не менее у японского правительства и командования оставались надежды на резкое ухудшение советско-американских и советско-английских отношений. Участники совещания с нескрываемым удовлетворением отмечали, что «после окончания войны против Германии сотрудничество между США и Англией, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой, ослабевает»[215]. При этом японские лидеры тешили себя надеждой на то, что в конце кон-

цов советское руководство поймет выгоду для себя от затягивания войны между Японией и западными союзниками, в которой обе стороны лишь ослабляют друг друга. Поэтому ставилась задача использовать все возможности для поиска какой-либо договоренности с Советским Союзом.

«Мирная дипломатия» Японии в отношении СССР преследовала цель избежать капитуляции, сохранить в стране существующий режим во главе с императором и продолжать войну до тех пор, пока США и Великобритания не пойдут на уступки в определении условий перемирия. Понимая, что в то время у США и Великобритании не было достаточных сил для решительного наступления на Японию, в Токио всерьез рассчитывали на принятие Вашингтоном и Лондоном компромиссных условий мира, которые, в частности, предусматривали сохранение за Японией Кореи и Тайваня.

Разъясняя на совещании 6 июня дипломатический курс страны, министр иностранных дел Японии С. Того уделил особое внимание вовлечению в переговоры Советского Союза. Он отметил, что, «исходя из военного положения Японии в настоящее время, будет довольно трудно вести переговоры с Советским Союзом, чтобы воспрепятствовать его вступлению в войну. Однако не отрицается возможность не допустить участия СССР в войне против Японии». При этом министр сделал важное заявление: «Сейчас, когда империя сражается против США и Великобритании, наше положение зависит от того, вступит ли в войну Советский Союз. Министерство иностранных дел Японии предпринимает все усилия с тем, чтобы заставить СССР сохранить нейтралитет»[216].

Осуществление дипломатических контактов с советскими представителями было возложено на бывшего премьер-министра, а ранее посла Японии в Москве К. Хироту, который 3 июня 1945 г. на встрече с послом Я. А. Маликом заявил о желании японского правительства достигнуть с СССР взаимопонимания «для сохранения стабильности на Дальнем Востоке». После того как советский посол отказался вести неофициальные переговоры, Хирота 24 июня вновь посетил советское посольство и передал от имени правительства конкретные предложения, в частности по вопросу о поставках в СССР некоторых стратегических материалов в обмен на экспорт в Японию советской нефти. Он пытался также предложить заключение между Японией и СССР соглашения об «оказании друг другу поддержки в сохранении мира в Восточной Азии»[217]. Одновременно были даны указания японскому послу в Москве Н. Сато обратиться с этими предложениями непосредственно к советскому правительству[218].

10 июля 1945 г. министр иностранных дел С. Того после соответствующих консультаций с младшим братом императора принцем Такамацу, председателем Тайного совета К. Хиранумой и премьер-министром К. Судзуки предложил направить в Москву в качестве специального посланника императора бывшего премьер-министра Японии князя Ф. Коноэ. Согласие самого Коноэ на выполнение дипломатической миссии Того получил 7 июля во время личной встречи. 12 июня поездку официально санкционировал император Хирохито[219].

Однако среди японских лидеров не было достигнуто согласия по главному вопросу — с чем должен был направиться в Москву Коноэ. Между военным министром К. Анами, с одной стороны, и министром иностранных дел С. Того — с другой, возник спор по поводу перспектив Японии в войне. Военный министр утверждал, что «пока речь не идет о поражении Японии». Его оппоненты же считали, что «необходимо проявить заботу на случай наихудшего развития ситуации»[220]. Учитывая эти разногласия, Ф. Коноэ не пожелал связывать себя той или иной позицией и заявил: «Мне не нужны никакие инструкции, я намерен ехать без заранее принятых решений. Я намерен по итогам поездки в Москву непосредственно передать императору то, что думает Сталин»[221].

Мнение противников капитуляции было учтено при составлении послания императора, которое 13 июля посол Н. Сато вручил заместителю наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовскому. Послание было составлено в общих словах о стремлении императора «положить конец войне». Указывалось, что ввиду требования США и Великобритании о безоговорочной капитуляции Япония вынуждена вести войну до конца, что неизбежно приведет «к усиленному кровопролитию». В заключении император «изъявил пожелание,

чтобы на благо человечества в кратчайший срок был восстановлен мир». К этому времени советское правительство было официально проинформировано послом Н. Сато о желании и готовности японского правительства «идти на заключение соглашения вплоть до пакта о ненападении»[222].

Перед поездкой в Москву Ф. Коноэ и его ближайший советник генерал К. Сакаи разработали «Принципы проведения мирных переговоров». При этом Коноэ изъявлял готовность в обмен на сохранение императорской системы власти уступить союзникам все заморские территории, в том числе Окинаву, острова Бонин и южную часть Сахалина. Известно послевоенное признание императора Хирохито о том, что «если бы они (СССР) согласились поставлять нам нефть, мы были готовы уступить им Карафуто (Южный Сахалин) и Маньчжурию»[223]. Среди уступок фигурировали и Курильские острова. Посол Я. А. Малик информировал Москву: «Можно с известной долей основания считать, что в виде компенсации за договор (о ненападении) с СССР японцы могли бы в качестве максимальной уступки пойти на возвращение нам Южного Сахалина, отказ от рыболовства в советских конвенционных водах и, возможно, даже на передачу нам части Курильских островов»[224].

Согласие на приезд Ф. Коноэ в Москву в качестве специального посланника императора означало бы начало официальных советско-японских переговоров. Сталин же счел целесообразным уклониться от любых контактов с представителями японского руководства. Верное данным обязательствам советское правительство информировало руководителей союзных держав о подозрительных маневрах японских дипломатов.

Последняя попытка привлечь СССР к «посредничеству» с целью затруднить его вступление в войну была предпринята Токио уже после обнародования 26 июля 1945 г. Потсдамской декларации об условиях капитуляции Японии перед США, Великобританией и Китаем. После обсуждения ее текста на совещании Высшего совета по руководству войной министр иностранных дел С. Того телеграфировал 27 июля послу Н. Сато: «Позиция, занятая Советским Союзом в отношении Потсдамской совместной декларации, будет с этого момента влиять на наши действия». Послу предписывалось срочно выяснить, «какие шаги Советский Союз предпримет против Японской империи»[225]. Как известно, 28 июля японское правительство отвергло Потсдамскую декларацию, заявив о намерении «неотступно идти вперед и вести войну до конца»[226].

6 августа 1945 г. по решению президента США Г. Трумэна на г. Хиросима была сброшена атомная бомба. Затем, в точном соответствии с обещанием, данным на Ялтинской конференции, ровно через три месяца после капитуляции Германии правительство Советского Союза 8 августа объявило Японии войну.

Японское военно-политическое руководство оказалось перед дилеммой — продолжать готовиться к «решающему сражению» на территории метрополии или пойти на капитуляцию. Мнения разделились. В оппозиции сторонникам незамедлительного окончания войны находилось командование императорской армии, которое, страшась ответственности за совершенные преступления, не соглашалось с условиями Потсдамской декларации, прежде всего с требованием о наказании японских военных преступников. Их позиция сводилась к тому, чтобы оговорить капитуляцию Японии четырьмя условиями, а именно: сохранение существующего государственного строя, наказание военных преступников самими японцами, самостоятельное разоружение, недопущение оккупации Японии союзниками, а если оккупация неизбежна, то она должна быть непродолжительной, осуществляемой небольшими силами, не затрагивая г. Токио[227].

В случае отказа союзников принять эти условия высшее командование армии было готово продолжать сопротивление, вести войну «до последнего японца». На заседании кабинета министров 9 августа, в день атомной бомбардировки Нагасаки и начала наступления советских войск в Маньчжурии и Корее, военный министр К. Анами и начальник генерального штаба армии Ё. Умэдзу пытались убедить правительство в том, что Япония якобы еще в состоянии дать «решающее сражение». «Условия безоговорочной капитуляции невыносимы, — заявил Анами. — Конечно, если учитывать такие факторы, как наличие у противника атомной

бомбы и вступление СССР в войну, нам трудно надеяться на победу. Но пока великая японская нация продолжает бороться за свое достоинство, у нее есть кое-какие шансы. Нельзя допустить разоружения японской армии. Фактически у нас нет другого выхода, кроме как продолжать войну»[228].

Противники окончания войны утверждали, что, если четыре условия не будут выдвинуты, Япония окажется в совершенно безвыходном положении, при котором нельзя гарантировать сохранение императорского государственного строя. При голосовании предложения министра иностранных дел С. Того о принятии Потсдамской декларации лишь с одним условием — сохранение в Японии императорской системы правления — К. Анами выступил против. Военно-морской министр, министры юстиции, сельского хозяйства и торговли, вооружения, транспорта и связи, просвещения и министр без портфеля поддержали Анами. Пять членов кабинета воздержались. Поскольку за предложение Того проголосовали лишь шесть из четырнадцати министров, окончательное решение не было принято[229].

В ночь на 10 августа в бомбоубежище императорского дворца спешно было созвано совещание в присутствии императора, на котором премьер-министр К. Судзуки зачитал заранее заготовленный проект заявления: «Японское правительство принимает условия, выдвинутые совместной декларацией трех держав от 26 июля, понимая их в том смысле, что они не содержат требований, затрагивающих суверенитет императора в управлении страной»[230]. Так как в предложенном проекте отвергались требования командования армии о выдвижении дополнительных условий, военный министр и начальник генерального штаба категорически выступили против него. К. Анами заявил, что если уж принимать условия декларации, то необходимо выдвинуть четыре условия, выполнить долг перед императором, даже если вся нация погибнет, не может быть сомнения в том, что надо вести войну до последней возможности и для этого достаточно сил. Начальник генштаба Ё. Умэдзу полностью согласился с мнением военного министра. Он заявил, что «проведена подготовка к решающему сражению на территории собственно Японии. Хотя вступление Советского Союза в войну создало для нас невыгодную обстановку, все же не следует отказываться от благоприятного случая для нанесения последнего удара по Соединенным Штатам и Великобритании. Души наших павших героев не простят нам безоговорочной капитуляции. Как минимум должны быть выдвинуты четыре условия»[231]. За продолжение военных действий выступил также начальник морского генштаба С. Тоёда.

Тогда премьер-министр К. Судзуки решился на беспрецедентный шаг. Он возложил ответственность за принятие судьбоносного решения на императора Хирохито. Поднявшись, он сказал: «Я полагаю, все присутствующие полностью высказали свое мнение, и сожалею о том, что мы не смогли прийти к какому-либо соглашению. Учитывая жизненную важность вопроса, у нас не остается другого выхода, кроме как положиться на мнение Его Величества». Затем он обратился к императору: «Требуется Ваше решение о том, какой проект следует принять: проект МИД или четыре условия военных». Хирохито был подготовлен к такому ходу событий и с волнением изрек: «Я согласен с планом министерства иностранных дел. Я долго размышлял над ситуацией в стране и за рубежом и заключил, что продолжение войны означает разрушение нации, продолжение бессмысленного и жестокого кровопролития. Те, кто ратует сегодня за продолжение войны, однажды уверили меня в том, что новые батальоны и их обеспечение будут готовы на побережье Кудзикури (близ Токио) к июню. Теперь я вижу, что этого не будет даже к сентябрю. Тем, кто хочет вступить в последнюю битву на нашей собственной земле, позвольте мне напомнить о расхождении в их предыдущих планах с тем, что получилось на самом деле. Я не могу больше смотреть на страдания невинного народа. Окончание войны является единственным способом установить мир во всем мире и освободить нацию от ужасного бедствия. Я не могу без грусти вспоминать о людях, которые служили мне верой и правдой, солдатах и моряках, убитых и раненых в далеких битвах, о семьях, потерявших все свое имущество и родных во время авиационных налетов. Мне невыносимо будет видеть разоружение бравых солдат японской армии, так же как и невыносимо сознавать, что люди, состоящие у меня на службе, будут

наказаны как зачинщики войны. Тем не менее время пришло, и мы должны взять на себя это неподъемное бремя»[232].

Хотя совещание завершилось словами императора о том, что он «принял решение прекратить эту войну», командование армии не спешило довести это решение до войск и народа. Оно все еще надеялось, прибегнув к ожесточенному сопротивлению, выторговать у союзников ослабление требований Потсдамской декларации, в частности по вопросу о наказании японских военных преступников. Вопреки решению императора 10 августа ставка направила в войска директиву следующего содержания: «Ставка намерена по-прежнему вести основные военные действия против Соединенных Штатов и одновременно развернуть действия с целью последующего разгрома Советского Союза, чтобы сохранить государственный строй и защитить землю императора». Вторым пунктом директивы главнокомандующему Квантунской группировкой войск предписывалось «сосредоточить основные усилия против Советского Союза, разбить противника и защитить Корею»[233]. Для выполнения этой директивы был отдан приказ о переброске в Маньчжурию и Корею части сил и военных материалов из состава японских войск в Китае. Одновременно военный министр К. Анами выступил с воинственным обращением к генералам, офицерам и солдатам сухопутных сил, призывая «бороться до последней капли крови», продолжать решительную «священную войну в защиту нашей святой земли»[234].

После императорского совещания японское правительство передало по телеграфу правительствам нейтральных Швеции и Швейцарии уведомление о согласии Японии принять условия Потсдамской декларации. Узнав об этом из радиопередачи из Токио на английском языке, главнокомандование японских Экспедиционных сил в Китае направило подчиненным войскам предупреждение: «Иностранные телеграфные агентства сообщают, что Япония якобы приняла условия Потсдамской декларации. К этим сообщениям следует относиться с недоверием и рассматривать их как политическую диверсию со стороны противника»[235].

Получив 11 августа подтверждение императорской ставки о том, что мирные переговоры действительно начаты, но «японские солдаты должны быть по-прежнему готовы с честью умереть за родину и императора», командующие японскими войсками за рубежом информировали военного министра и начальника генерального штаба о твердом намерении продолжать войну. Главнокомандующий японскими Экспедиционными силами в Китае генерал Я. Окамура телеграфировал 12 августа в Токио: «Тяжело переживать создавшуюся угрозу государственному строю и территории империи. Понимаем, что вступление в войну Советского Союза еще более ухудшило положение. Однако, имея на территории собственно Японии до 7 млн человек и экспедиционную армию на материке до 1 млн человек, боевой дух которых по-прежнему высок, готовы к решительному разгрому противника. Именно теперь сухопутная армия стала главной опорой империи. Твердо уверены, что, несмотря на успешное наступление противника и внутренние трудности внутри страны, вся армия готова с честью погибнуть в бою, но добиться достижения целей войны этой осенью. Судьба императорской армии решается в Маньчжурии. Будучи горячо преданным родине, осмеливаюсь доложить свое мнение и надеюсь, что будут приняты твердые решения»[236]. Генерал Я. Окамура, привыкший к размеренным, позиционным, очаговым военным действиям на вверенном ему Китайском ТВД, очевидно, не мог за первые дни наступления советских войск на соседнем, Дальневосточном ТВД осознать бесперспективность сопротивления действительно мощной и такой же крупной, как и его Экспедиционные силы, Квантунской группировки войск закаленной в сражениях Великой Отечественной войны Красной армии и был полон решимости продолжать войну.

Делавшая последнюю ставку на «решающее сражение» милитаристская верхушка страны, не желая прислушиваться к стонам и мольбам японцев о скорейшем окончании войны, хотя и сознавало, что положение страны стало чрезвычайно опасным, до последнего призывало народ «погибнуть как один» за императора и его империю. Именно этот безрассудный курс обрек японцев еще на одно небывалое в истории испытание — атомные бомбардировки беззащитного населения Хиросимы и Нагасаки, в одночасье испепелившие в общей сложности

более 150 тыс. человек. Не снимая ответственности за этот акт вандализма с правительства США, следует признать, что вина за бессмысленную гибель в атомном огне сотен тысяч мирных жителей — детей, женщин, стариков — лежит и на японских политиках и военщине, не пожелавших своевременно капитулировать и предоставивших тем самым американцам предлог для испытания на людях нового чудовищного оружия. Лишь 15 августа 1945 г. в 12 часов пополудни японцы впервые услышали по радио голос своего императора. Хирохито зачитал рескрипт о принятии условий Потсдамской декларации и «священном решении» закончить войну. В рескрипте не содержалось ни единого слова об ответственности перед своим народом и народами оккупированных стран за понесенные жертвы и лишения. Согласно рескрипту, Япония заканчивала войну не в результате поражения, а вследствие того, что обстоятельства сложились не в ее пользу.

Для многих японцев выступление по радио императора было как гром среди ясного неба. Понимая неизбежность поражения, японцы тем не менее не могли себе представить, что конец будет таким бесславным. Многие считали, что японская нация все же даст последний бой на своей территории. Неожиданная безоговорочная капитуляция потрясла всех японцев, явилась психологическим шоком, независимо от того, желали они окончания войны или нет. С другой стороны, в то время как часть военщины и ультраправые элементы устраивали шумные демонстрации с криками: «Никакого мира, сопротивление до последнего!», простой народ не реагировал на эти призывы и переживал случившееся как трагическую неизбежность. Среди готовившихся к сражению за метрополию военных также не было единства: часть из них была готова бунтовать, но большинство изъявляло желание поскорее вернуться домой к своим семьям. В армейских частях отмечались случаи самороспуска и коллективного дезертирства. При этом многие прихватывали армейское казенное имущество, считая его бесхозным. В целом спокойно проходившее впоследствии разоружение также свидетельствовало об усталости солдат от войны, желании поскорее вернуться в родные места.

Однако так было не везде — на многих участках зарубежных театров военных действий война 15 августа не окончилась, здесь продолжались хотя и локальные, но довольно ожесточенные сражения. Многие офицеры не желали верить сообщениям о капитуляции и отказывались сложить оружие. И лишь направление на фронты членов императорской фамилии заставило полевых командиров смириться с позором поражения. Не все смогли это пережить: следуя самурайским традициям и кодексу чести бусидо, многие фанатики покончили с собой, совершив обряд сэппуку (харакири). Уходили они из жизни, однако, зачастую отнюдь не из-за острого переживания поражения (в течение последних трех лет японская армия теряла одну позицию за другой) и не из-за чувства ответственности за совершенные военные преступления, а из страха получить смерть в качестве сурового наказания за эти преступления от рук противника уже после войны. Поэтому едва ли стоит считать этих «ритуальных самоубийц» героями, оставшимися до конца верными присяге и императору, как это подчас представляется в Японии.

* * *

Таким образом, уже в ходе войны японской военщине удалось продумать и претворить в жизнь такой курс на капитуляцию, который обеспечивал условия для сохранения в значительной мере прежних экономических, политических и идейных основ военной политики, на которых стала базироваться в последующем новая военная доктрина и политика ремилитаризации государства, позволившая вывести Японию по совокупной военной мощи на первое место среди неядерных держав, а по объему военных расходов обойти даже такие крупные ядерные державы, как Англия и Франция.

Исследуя причины капитуляции Японии, было бы, однако, неправильно сводить их только к политическим интересам правящих классов Японии того времени. Решение о капитуляции еще долго не было бы принято, если бы Япония не почувствовала всей мощи ударов по главным силам японской армии со стороны Вооруженных сил СССР. Удары Кра-

сной армии парализовали волю Японии к сопротивлению. То, чего союзники стремились, несмотря на обладание атомной бомбой, достичь в лучшем случае через год-полтора войны, было осуществлено в результате быстротечной Советской военной кампании на Дальнем Востоке. Япония капитулировала.

Пример того, что после принятия Японией капитуляции и полного прекращения ее войсками сопротивления Красной армии СССР отказался от оккупации острова Хоккайдо, красноречиво свидетельствует, во-первых, об уважительном отношении Советского Союза к интересам союзников и, во-вторых, полностью отметает утверждения о том, что Советское государство стремилось к «кровавому разделу» чужой территории, в чем его пытаются обвинить некоторые современные японские историки и официальные лица. Если бы основным мотивом вступления СССР в войну были территориальные приобретения, то их можно было бы достичь и без войны, точнее при отказе от нее и выступлении в роли посредника на переговорах — японское руководство прилагало к этому все усилия, не жалея взамен ни своих, ни чужих территорий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 8. Л. 231–233.

[2] Новая и новейшая история Китая. Краткий очерк. М., 1950. С. 252.

[3] Гарнизоны Чуньхуа, Уцзяцхы и Сиокаку располагались в районе Хуньчунь.

[4] Сборник оперативных приказов по объединенной группировке. Военно-научная библиотека ГШ. Инв. № 20418. С. 25, 46.

[5] Там же. С. 47.

[6] Цит. по: Победа на Дальнем Востоке: Историко-мемуарные и документально-художественные повествования о разгроме империалистической Японии в августе 1945 года. Хабаровск, 1985. С. 507.

[7] Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 161–239.

[8] *Внотченко Л. Н.* Победа на Дальнем Востоке. М., 1971. С. 242.

[9] Цит. по: Внешняя политика СССР: Сборник документов (июнь 1941 — сентябрь 1945). М., 1947. Т. 5. С. 754.

[10] Там же. С. 394.

[11] ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3131. Д. 128. Л. 250; Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. М., 1986. С. 106–116.

[12] *Гусаревич С. Д., Сеоев В. Б.* На защите дальневосточных рубежей. М., 1982. С. 79–80.

[13] Победа на Дальнем Востоке. С. 156.

[14] ЦАМО. Ф. 294. Оп. 7164. Д. 1. Л. 154–155.

[15] 5-я армия потеряла только убитыми до 40 тыс. человек, то есть 2/3 своего состава (Журнал боевых действий 1-й Краснознаменной армии. ЦАМО. Ф. 220. Оп. 20837. Д. 49. Л. 89).

[16] ЦАМО. Ф. 220. Оп. 29358. Д. 2. Л. 155–156.

[17] Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1962. С. 430–431.

[18] Там же. С. 428; Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 93.

[19] Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 94.

[20] Там же. С. 94–95; Победа на Дальнем Востоке. С. 164.

[21] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 11. М., 1980. С. 249–251.

[22] Действия ВВС по разгрому японской армии в 1945 г. М., 1951. С. 116.

[23] Там же.

[24] Победа на Дальнем Востоке. С. 170.

[25] Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 118.

[26] Победа на Дальнем Востоке. С. 163.

[27] Там же. С. 7, 164.

[28] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1075. Д. 18. Л. 20.

[29] Там же. Ф. 210. Оп. 3131. Д. 128. Л. 250; Победа на Дальнем Востоке. С. 165.

[30] ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3131. Д. 128. Л. 250–251.

[31] Там же. Оп. 3116. Д. 265. Л. 49–52.

[32] Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 118.

[33] ЦАМО. Ф. 294. Оп. 6961. Д. 15–18. Л. 71.

[34] Там же. Ф. 238. Оп. 170249. Д. 1. Л. 27.

[35] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 243.
[36] *Гусаревич С. Д., Сеоев В. Б.* На страже дальневосточных рубежей. С. 75–76.
[37] Там же. С. 75.
[38] Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 122–123.
[39] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. М., 1962. С. 470.
[40] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 13. Л. 238–239; ЦВМА. Ф. 218. Д. 17712. Л. 43–44; История военно-морского искусства. М., 1970. С. 502–504.
[41] История военно-морского искусства. С. 502–504.
[42] Краснознаменный Тихоокеанский флот. 3-е изд. М., 1981. С. 191.
[43] Там же. С. 192–193.
[44] Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 34.
[45] История военно-морского искусства. С. 505.
[46] Военная история. М., 1983. С. 431.
[47] Там же.
[48] Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 194.
[49] Там же. С. 196.
[50] История военно-морского искусства. С. 505.
[51] Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 201.
[52] Там же. С. 202.
[53] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 476–477.
[54] Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 204.
[55] Там же. С. 201; ЦАМО. Ф. 238. Оп. 170249. Д. 1. Л. 27.
[56] Цит. по: *Козлов И. А.* Боевые действия подводных лодок Военно-морского флота СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л., 1989. С. 127.
[57] История военно-морского искусства. С. 507.
[58] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 278.
[59] ЦВМА. Ф. 129. Д. 17669. Л. 5.
[60] Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. М., 1949. С. 49.
[61] ЦВМА. Ф. 129. Д. 17669. Л. 6–7.
[62] Цит. по: Тихоокеанский флот в боях против японских захватчиков. Владивосток, 1946. С. 19.
[63] Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 57.
[64] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 491.
[65] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 280.
[66] Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 183.
[67] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 492.
[68] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1075. Д. 18. Л. 20.
[69] ЦВМА. Ф. 129. Д. 17669. Л. 60–67; Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 492.
[70] Победа на Дальнем Востоке. С. 343.
[71] Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов. М., 1968. С. 671.
[72] Цит. по: Победа на Дальнем Востоке. С. 508.
[73] Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 125.
[74] Цит. по: Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. С. 673–674.
[75] Победа на Дальнем Востоке. С. 507.
[76] *Новожилов В. Ю., Марценюк Ю. А., Климов А. А., Ченцов А. С. и др.* Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945). М., 2011. С. 79.
[77] Войска называются внутренними. М., 1982. С. 318–319.

[78] *Новожилов В. Ю., Марценюк Ю. А., Климов А. А., Ченцов А. С. и др.* Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 161.
[79] *Климов А. А., Ченцов А. С.* Конвой на сопках Маньчжурии // Войсковой вестник. 2010. № 6. С. 71.
[80] Там же. С. 76.
[81] ЦАМО. Ф. 234. Оп. 310119. Д. 1. Л. 8; Оп. 310124. Д. 1. Л. 18.
[82] Там же. Ф. 16. Оп. 92362. Д. 6. Л. 42; Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 73. Ч. 2. С. 296.
[83] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 285.
[84] Там же.
[85] Там же. С. 284.
[86] Победа на Дальнем Востоке. С. 371.
[87] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 286.
[88] Победа на Дальнем Востоке. С. 373.
[89] *Багров В. Н.* Южно-Сахалинская и Курильская операции. Август 1945 г. М., 1959. С. 69.
[90] *Мотрохов В. А.* Советский Тихоокеанский флот и Краснознаменная Амурская флотилия в войне с империалистической Японией в 1945 году. Л., 1987. Ч. 2. С. 43.
[91] ЦВМА. Ф. 129. Д. 40159. Л. 17.
[92] Там же. Ф. 307. Д. 20295. Л. 6.
[93] Там же. Л. 13; Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 209–210; *Багров В. Н.* Южно-Сахалинская и Курильская операции. С. 19.
[94] *Багров В. Н.* Южно-Сахалинская и Курильская операции. С. 71.
[95] Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 210.
[96] Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 83–84.
[97] *Багров В. Н.* Южно-Сахалинская и Курильская операции. С. 74; Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 90–91.
[98] Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 91.
[99] *Зимонин В. П., Золотарев В. А., Козлов И. А.* История флота государства Российского. В 2-х т. М., 1996. Т. 2. С. 594.
[100] ЦВМА. Ф. 307. Д. 17779. Л. 77.
[101] Там же. Д. 40158. Л. 160; Там же. Ф. 129. Д. 20314. Л. 2.
[102] Там же. Ф. 291. Д. 24087. Л. 81.
[103] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 494.
[104] Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 213.
[105] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 494–495.
[106] ЦВМА. Ф. 129. Д. 20314. Л. 10.
[107] Там же. Ф. 307. Д. 20289. Л. 4.
[108] Там же. Д. 17779. Л. 19.
[109] Там же. Ф. 291. Д. 24087. Л. 81.
[110] Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 215.
[111] ЦАМО. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 2704. Л. 47–49.
[112] Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 215.
[113] ЦАМО. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 2704. Л. 47–49.
[114] ЦАМО. Ф. 129. Оп. 310119. Д. 1. Л. 21.
[115] ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1006. Л. 2; *Багров В. Н.* Победа на островах. С. 70.
[116] Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 219.
[117] Цит. по: *Зимонин В. П., Золотарев В. А., Козлов И. А.* История флота государства Российского. Т. 2. С. 598.
[118] ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1006. Л. 3.
[119] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 496; ЦВМА. Ф. 129. Д. 26770. Л. 213.
[120] ЦАМО. Ф. 234. Оп. 310119. Д. 2. Л. 5; ЦВМА. Ф. 129. Д. 26770. Л. 62.

[121] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 290.
[122] ЦАМО. Ф. 234. Оп. 352680. Д. 10. Л. 14; ЦВМА. Ф. 129. Д. 17521. Л. 5–6.
[123] ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1006. Л. 5.
[124] Морской сборник. 1985. № 9. С. 59.
[125] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 497.
[126] ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1584. Д. 159. Л. 26–27.
[127] Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 234.
[128] ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1006. Л. 12, 14.
[129] Там же. Л. 9.
[130] ЦВМА. Ф. 129. Д. 26770. Л. 62.
[131] Там же. Л. 72.
[132] ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1006. Л. 17.
[133] Там же. Л. 18; ЦВМА. Ф. 129. Д. 26770. Л. 72.
[134] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 408.
[135] ЦАМО. Ф. 234. Оп. 310119. Д. 1. Л. 49.
[136] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 499.
[137] Там же. С. 606.
[138] Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 100–101; Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 227.
[139] Там же. С. 607.
[140] Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 100–101; Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 229.
[141] Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 229.
[142] *Багров В. Н.* Победа на островах. С. 84–85, 87–90, 92–95.
[143] ЦВМА. Ф. 129. Д. 26770. Л. 77.
[144] Там же.
[145] ЦАМО. Ф. 234. Оп. 352680. Д. 11. Л. 69.
[146] Там же. Д. 10. Л. 41.
[147] Там же. Д. 11. Л. 100, 105; Морской сборник. 1975. № 9. С. 27; ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1006. Л. 40–42.
[148] ЦВМА. Ф. 129. Д. 26770. Л. 99.
[149] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1006. Л. 46.
[150] Там же. Ф. 129. Д. 17777. Л. 5.
[151] *Акшинский В. С.* Курильский десант. Петропавловск-Камчатский, 1984. С. 134.
[152] *Зимонин В. П., Золотарев В. А., Козлов И. А.* История флота государства Российского. Т. 2. С. 609.
[153] *Акшинский В. С.* Курильский десант. С. 108.
[154] ЦВМА. Ф. 129. Д. 17777. Л. 134.
[155] Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 134.
[156] *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 316–317.
[157] Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 135; Морской сборник. 1975. № 9. С. 27.
[158] *Зимонин В. П., Золотарев В. А., Козлов И. А.* История флота государства Российского. Т. 2. С. 611.
[159] Вторая мировая война 1939–1945 гг. М., 1958. С. 798.
[160] Там же.
[161] ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 2, 3, 4, 8, 9 и др.
[162] *Зимонин В. П., Золотарев В. А., Козлов И. А.* История флота государства Российского. С. 613.
[163] ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 9. Л. 31–32.
[164] Там же. Л. 34–37.
[165] Там же. Л. 37.
[166] Там же. Л. 34.

[167] ЦВМА. Ф. 129. Д. 17777. Л. 2.
[168] ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 8. Л. 379–380.
[169] Там же. Д. 9. Л. 61.
[170] Там же. Д. 2. Л. 391–393; Д. 8. Л. 154–155.
[171] ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 2. Л. 392.
[172] Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1989. С. 285.
[173] Там же. С. 286.
[174] Известия. 1992. 2 апреля.
[175] Это утверждение оказалось, как показали последующие события, преждевременным.
[176] Цит. по: *Зимонин В. П., Золотарев В. А., Козлов И. А.* История флота государства Российского. Т. 2. С. 616.
[177] Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 120, 127.
[178] Там же. С. 122, 128.
[179] Там же. С. 127, 134.
[180] ЦВМА. Ф. 129. Д. 26770. Л. 292.
[181] *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 325.
[182] Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 129.
[183] Там же. С. 617.
[184] *Дмитриев В. И.* Советское подводное кораблестроение. М., 1990. С. 226; Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 119–120; Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 234.
[185] Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 131.
[186] ЦВМА. Ф. 129. Д. 26770. Л. 294.
[187] Там же. Л. 293.
[188] Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 136–137.
[189] *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 329.
[190] Там же. Л. 30; ЦВМА. Ф. 291. Д. 24087. Л. 191.
[191] Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 374–375.
[192] Там же. С. 375; ЦАМО. Ф. 234. Оп. 310119. Д. 1. Л. 21; ЦВМА. Ф. 291. Д. 24087. Л. 191; Ф. 129. Д. 17777. Л. 30; Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 504–505.
[193] Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. С. 177; Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 223, 303.
[194] Подсчитано по: Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. С. 177, 374–375.
[195] Военная энциклопедия. М., 1995.
[196] Цит. по: *Сэнда Како.* Тэнно-но тёкуго то сёва си (Высочайший рескрипт императора и история периода Сёва). Токио, 1983. С. 394.
[197] См. подробнее: *Hasegawa Tsuyoshi.* Racing the Enemy. Stalin, Truman, and the Surrender of Japan. Cambridge, Massachusetts. L., 2005.
[198] Цит. по: *Яковлев Н. Н.* 3 сентября 1945 года. М., 1971. С. 174.
[199] История войны на Тихом океане / Пер. с япон. В 6-ти т. Т. IV. М., 1958. С. 252–258.
[200] Цит. по: История войны на Тихом океане / Пер. с англ. В 5-ти т. Т. 4. М., 1958. С. 252; см. также: *Иноуэ К., Оконоги С., Судзуки С.* История современной Японии / Пер. с япон. М., 1955. С. 265.
[201] Цит. по: *Брукс Л.* За кулисами японской капитуляции / Сокр. пер. с англ. М., 1971. С. 148.
[202] *Hoyt E.* Closing the Circle: War in the Pacific. 1945. N. Y., 1982. P. 197.
[203] Цит. по: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. Т. 2. М., 1984. С. 20–21.
[204] Цит. по: *Кудо М.*Ниссо тюрицу дзёяку-но кёко (Ложная сущность японо-советского Пакта о нейтралитете). Токио, 2011. С. 171.

[205] Цит. по: *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. С. 524.
[206] *Кудо М.* Ниссо тюрицу дзёяку-но кэнкю. С. 219–220.
[207] *Онодэра Ю.* Барутокай хотори нитэ (У Балтийского моря). Токио, 1985. С. 148.
[208] *Bix H. P.* Hirohito and the Making of Modern Japan. N. Y., 2001. P. 490.
[209] Ibid.
[210] Цит. по: Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. № 19 (77). С. 45–46.
[211] Цит. по: Дайтоа сэнсо кокан сэнси. Т. 73. С. 325.
[212] *Фудзивара А.* Тайхэйё сэнсо си рон (Рассуждения о войне на Тихом океане). Токио, 1982. С. 200.
[213] *Нисидзима А.* Гэмбаку-ва надзэ токасарэта-ка (Почему была сброшена атомная бомба?). Токио, 1985. С. 220.
[214] Цит. по: *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. С. 541.
[215] Цит. по: там же. С. 545.
[216] Цит. по: там же.
[217] *Кошкин А. А.* Японский козырь Сталина. От Цусимы до Хиросимы. М., 2012. С. 283–292.
[218] *Фудзивара А.* Тайхэйё сэнсо си рон. С. 201.
[219] Сюсэн сироку. Гаймусё хэн (Документы истории окончания войны. Составитель — Министерство иностранных дел Японии). Токио, 1977. Т. III. С. 129–130.
[220] Цит. по: там же. С.131.
[221] Цит. по: там же.
[222] Цит. по: Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. № 19 (77). С. 54.
[223] *Bix H. P.* Hirohito and the Making of Modern Japan. P. 505–511.
[224] Цит. по: Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. № 19 (77). С. 49.
[225] FRUS. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945. Vol. II. Wash., 1960. P. 1292–1293.
[226] Цит. по: *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. С. 555.
[227] Сюсэн сироку. Т. IV. С. 107–109.
[228] Цит. по: *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. С. 561.
[229] *Butow R.* Japan`s Decision to Surrender. Stanford, California, 1954. P. 170.
[230] Цит. по: История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 264.
[231] Цит. по: *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. С. 563.
[232] Цит. по: *Крейг У.* Падение Японии / Пер. с англ. М., 1999. С. 140.
[233] Цит. по: *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. С. 559.
[234] Цит. по: там же. С. 565.
[235] Цит. по: там же. С. 572.
[236] Цит. по: там же. С. 573.

ИТОГИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР ЗА РУБЕЖОМ

РЕЗУЛЬТАТЫ ВОЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР НА ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ЕВРОПЫ И АЗИИ

Развитие военного искусства в ходе завершающих кампаний Второй мировой войны

На развитие советского военного искусства на завершающем этапе Великой Отечественной войны, как и в ходе нее в целом, оказывали влияние следующие факторы: военно-политическая и стратегическая обстановка, количество и качество средств вооруженной борьбы, взгляды сторон на ведение вооруженной борьбы, организационная структура и система управления войсками, опыт боевых действий и уровень подготовки командных кадров.

К началу последнего периода Великой Отечественной войны Красная армия имела за плечами огромный боевой опыт. Генералы и офицеры мастерски организовывали и успешно руководили операциями и боями, искусно осуществляли массированные удары по противнику. Бойцы, воодушевленные сознанием своей великой освободительной миссии, проявляли героизм и самоотверженность, умело сочетали отвагу и дерзость в бою с использованием силы и мощи своего оружия.

Общая протяженность советско-германского фронта к началу 1945 г. сократилась с 4400 до 2000 км, что позволило советскому командованию расформировать некоторые фронты (Карельский, Волховский, 3-й Прибалтийский). Высвободившиеся силы и средства были направлены на усиление действующих фронтов и армий, значительно увеличив их боевой состав[1].

Если в кампании второй половины 1944 г. большинство фронтов, принимавших участие в стратегических операциях, в своем составе имели от 30 до 50 стрелковых дивизий, около тысячи танков и САУ, 5—7 тыс. орудий и минометов всех калибров и около половины фронтов насчитывали свыше тысячи самолетов, то в кампании 1945 г. большинство фронтов включали более 50 стрелковых дивизий, более тысячи танков и САУ, свыше 10 тыс. орудий и минометов всех калибров, а количество фронтов, имевших более тысячи самолетов, составляло около 80%[2]. Одновременно с увеличением боевого состава фронтов возрос и боевой

состав общевойсковых армий. Большинство из них насчитывали девять и более стрелковых дивизий, больше орудий и минометов.

В завершающих кампаниях также увеличился боевой состав воздушных армий фронтов. Так, если в кампании второй половины 1944 г. количество самолетов в воздушных армиях колебалось от 500—700 до 900—1300 и только в отдельных случаях достигало 2300—3200 (1-й Белорусский фронт в Белорусской операции, 1-й Украинский фронт в Львовско-Сандомирской операции), то в 1945 г. боевой состав воздушных армий колебался от 1300—1600 до 2—3 тыс. самолетов, и только как исключение — 600—800 самолетов (2-й и 3-й Украинские фронты в Венской операции)[3].

Фронтовые объединения в 1945 г., как правило, имели в своем составе от шести до восьми общевойсковых армий, 1—2 танковые армии, одну воздушную армию, а также большое количество средств усиления. Фронтовые объединения, принимавшие участие в стратегических наступательных операциях, в зависимости от важности решаемых задач и направлений имели в своем составе от 30—40 до 60—75 стрелковых дивизий, 1—2 кавалерийских, 2—4 отдельных механизированных и танковых корпусов, от 7—9 до 16—18 тыс. орудий и минометов всех калибров, от 1 до 3 тыс. (и как исключение 500—700) танков и самоходно-артиллерийских установок, от 1 до 3 тыс. самолетов[4]. Уменьшение протяженности линии фронта и увеличение боевого состава фронтов и армий позволили советскому командованию создавать в стратегических операциях 1945 г. более компактные группировки, чем это было в аналогичных операциях 1944 г. В 1945 г. в стратегических операциях участвовало примерно такое же количество сил и средств, как и в наиболее крупных стратегических операциях 1944 г., но они были развернуты на участках примерно в два раза меньших.

Помимо количественного роста происходило качественное улучшение советского оружия. Основными направлениями совершенствования стрелкового оружия являлись увеличение скорострельности, уменьшение веса, повышение надежности эксплуатации и экономичности производства. Одним из основных видов вооружения стрелковых подразделений в ходе войны стали пистолеты-пулеметы, количество которых в стрелковой дивизии за войну возросло почти в 21 раз[5]. Увеличилось в два с лишним раза и число ручных пулеметов. Все это значительно повысило плотность ружейно-пулеметного огня.

Основными направлениями развития артиллерийского вооружения в годы войны были увеличение бронепробиваемости противотанковой артиллерии, повышение мощи огня и подвижности орудий и минометов, придание всем пушкам и гаубицам способности кроме решения основных задач огнем с закрытых позиций поражать при необходимости танки прямой наводкой. При этом особенно большое развитие получила противотанковая и реактивная артиллерия. В годы войны артиллерия являлась главным средством поражения противника, и ее по праву называли «богом войны». Она оказала большое влияние на развитие тактики, обеспечивая прорыв обороны противника в короткие сроки, стремительное развитие наступления в глубину, отражение массированных атак танков и пехоты в оборонительном бою. Совершенствование артиллерии продолжалось и в третьем периоде войны, когда войска получили обладавшую большой бронепробиваемостью и дальностью стрельбы 100-мм пушку и мощную боевую машину БМ-31. Благодаря новым снарядам значительно улучшилась кучность стрельбы реактивной артиллерии, а также завершился в основном переход всей артиллерии на механическую тягу.

Качество бронетанковой техники улучшалось в направлении увеличения огневой мощи, броневой защиты, маневренности, повышения надежности эксплуатации. Основу вооружения танковых войск стали составлять средние и тяжелые танки. Рост количества и качества танков и самоходно-артиллерийских установок оказал огромное влияние на развитие тактики. Усиление стрелковых соединений танками и САУ увеличило их ударную огневую мощь. Боевые действия в наступлении стали развиваться в более высоком темпе, на бóльшую глубину, с решительными целями. Танки и самоходно-артиллерийские установки повышали устойчивость обороны, особенно в противотанковом отношении, являлись главным средством проведения контратак[6].

Расчет готовит реактивные установки БМ-31-12 на улице Берлина

Расчет советской 100-мм пушки БС-3 ведет огонь по противнику в Берлине

В результате резкого сокращения полос наступления фронтов и дальнейшего усиления фронтов и армий боевой техникой значительно возросли средние плотности на 1 км фронта. Так, в операциях, проведенных на важнейших стратегических направлениях в кампаниях 1944 и 1945 гг., эти плотности составляли: дивизии от 0,14 при освобождении Белоруссии и до 0,34 в Берлинской операции, танки и САУ — от 5,0 до 12,7, самолеты — от 5,8 до 13,4 соответственно[7]. Таким образом, в главных стратегических операциях 1945 г. плотность сил и средств на 1 км фронта по сравнению с операциями 1944 г. возросла более чем в два-три раза, что облегчало нашему командованию их массирование на избранных направлениях для организации мощных ударов по врагу.

Основным видом военных действий советских войск являлось наступление, проводившееся в форме взаимосвязанных по цели и месту одновременных или последовательных по фронту и глубине операций фронтов и групп фронтов, практика организации и ведения которых получила значительное развитие. Характерно, что наступательные действия в обеих кампаниях начались с контрнаступления советских войск на главных направлениях. Оно развертывалось на фронте от 150–200 до 400 км и более и проводилось на глубину 150–300 км, а иногда и до 550 км.

В летне-осенней кампании 1944 г. Вооруженные силы Советского Союза вели активные военные действия на всем советско-германском фронте. На различных, зачастую удаленных друг от друга участках был проведен ряд последовательных и одновременных фронтовых наступательных операций, операций групп фронтов, объединенных общим замыслом и планом. На Карельском перешейке была проведена Выборгско-Петрозаводская операция (10 июня — 9 августа), а через 13 дней в Белоруссии началась операция «Багратион» (23 июня — 29 августа). Затем последовали Львовско-Сандомирская (13 июля — 29 августа), Ясско-Кишиневская (20–29 августа), Прибалтийская (14 сентября — 24 ноября), Белградская (28 сентября — 20 октября) и Петсамо-Киркенесская (7–29 октября) наступательные операции. 29 октября началась Будапештская операция, которая завершилась 13 февраля 1945 г.[8] Последовательно осуществляя перенос стратегических усилий с одного направления на другое, советские войска продвинулись на запад на 600–1100 км, полностью освободив от оккупантов территорию СССР, значительную часть Польши, Чехословакии, Венгрии и Югославии, вывели из войны Финляндию, оказали помощь народам Румынии и Болгарии в их освобождении от немецких захватчиков. В кампании 1945 г. в Европе Вооруженные силы Советского Союза, успешно проведя шесть стратегических наступательных операций (Восточно-Прусская, Висло-Одерская, Восточно-Померанская, Венская, Берлинская и Пражская) и фронтовую оборонительную операцию (Балатонская), разгромили группировки врага в Польше, Венгрии, Австрии, Чехословакии и, наконец, в Германии[9].

Это были грандиозные, небывалые по своим масштабам наступательные операции, разворачивавшиеся по фронту от 2 до 4,5 тыс. км и на глубину до 800 км, в которых участвовало 9–11 фронтов при активном содействии ВМФ, дальней авиации и войск ПВО. Только в кампании 1945 г. в военных действиях принимали участие 6,7 млн человек, 107,3 тыс. орудий и минометов, 12,1 тыс. танков и самоходных орудий, 14,7 тыс. самолетов[10].

Повысились уровень стратегического руководства, оперативно-тактическое мастерство командных кадров и штабов, да и в целом военное искусство Вооруженных сил СССР достигло наибольшего расцвета. Если на предыдущих этапах войны проводились лишь последовательные стратегические наступательные операции, то на завершающем этапе войны возросшие возможности Красной армии позволили подготовить и провести одновременно стратегические операции групп фронтов, размах которых составлял по фронту от 400 до 1100 км и в глубину до 500–600 км. При этом достигались внушительные результаты не только по глубине продвижения, но и по разгрому крупных группировок противника. Например, если в ходе Белорусской операции было разгромлено 68, то в Берлинской — 90 дивизий немецко-фашистских войск. Глубина Ясско-Кишиневской операции 2-го Украинского фронта в 1944 г. составила 250 км, а глубина наступления 1-го Белорусского фронта в Висло-Одерской операции — 500 км. Среднесуточные темпы наступления возросли с 10–15 км до 20–25 км в сутки.

Советская САУ СУ-100

Все эти условия позволили советскому командованию решать задачи окончательного разгрома врага новым, до сих пор не применявшимся методом — одновременным проведением крупнейших стратегических операций на 1200-километровом фронте от Балтики до Карпат, что стало характерной чертой кампании Красной армии в 1945 г.

Проведение одновременных, согласованных между собой крупных операций на нескольких стратегических направлениях представляет собой наиболее решительный и эффективный способ разгрома противника. В результате в ходе кампании за четыре месяца были разбиты крупные группировки противника, действовавшие в Восточной Пруссии, на берлинском, венском и пражском направлениях.

Стратегическое наступление, начатое в январе, с небольшими оперативными паузами на отдельных участках продолжалось на всем огромном фронте вплоть до окончательного разгрома и капитуляции фашистской Германии. Операции 1945 г. отличались решительностью целей и высокой эффективностью наносимых ударов, в большинстве операций достигался полный разгром крупных стратегических группировок противника. Так, в Восточно-Прусской операции из 42 дивизий противника, противостоявших к началу операции 2-му и 3-му Белорусским фронтам, было разгромлено 35 дивизий, или 83%; в Берлинской операции (с учетом подброшенных резервов) — 93 дивизии, что составляло 130% по отношению к количеству дивизий, оборонявших берлинское направление к началу наступления наших войск; в Висло-Одерской операции, учитывая подошедшие резервы, — 56 дивизий противника, или 200% по отношению к количеству дивизий, противостоявших 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому фронтам к началу операции[11].

Для кампании 1945 г. характерно также сокращение общей продолжительности стратегических наступательных операций. Так, если в кампаниях 1944 г. время проведения большинства стратегических наступательных операций колебалась от 40 (Львовско-Сандомирская операция) до 85 суток (разгром противника на Правобережной Украине), то в рассматриваемой кампании длительность таких же крупных операций, за исключением Восточно-Прусской, составляла всего 23—30 суток[12]. Сокращение продолжительности операций явилось прямым следствием не только количественного превосходства советских войск над противником, как это пытались доказать некоторые немецкие генералы, но и качественного превосходства Красной армии, значительного роста боевого мастерства ее войск и полководческого искусства советских военачальников.

В кампании 1945 г. главный удар наносился на берлинском стратегическом направлении, кратчайшим путем выводившем советские войска к столице фашистской Германии, овладение которой имело огромное политическое и военное значение. Для противодействия наступлению советских войск немецко-фашистское командование неизбежно должно было направить на берлинское направление, и фактически направило, бóльшую часть своих резервов. На этом направлении, равном по своей ширине 25% протяженности всего советско-германского фронта, советское командование к началу 1945 г. сосредоточило из всех сил действующей армии (без учета резервов Ставки Верховного главнокомандования): общевойсковых армий — 30%, танковых армий — 75%, стрелковых корпусов и стрелковых дивизий — 28%, кавалерийских корпусов — 50%, артиллерии и минометов всех калибров — 33%, танков и САУ — 53%, авиации — 38%[13]. В составе объединений, соединений и частей, развернутых на этом направлении, находилось 39% личного состава действующей армии.

Организуя стратегические наступательные операции на направлении главного удара кампании, советское командование привлекало крупные массы войск и военной техники. Создаваемые на этом направлении группировки были способны в короткий срок взломать сильную, глубоко эшелонированную оборону противника и высокими темпами развивать наступление на большую глубину.

Как и в прошлые кампании, помимо главного удара Красная армия в 1945 г. вела наступление на других направлениях. В этом отношении особенностью советской стратегии в этот период являлось то, что некоторые из них по своей силе немногим уступали главному удару и выливались в крупные стратегические операции. Так, в январе 1945 г. одновременно

с наступлением 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, осуществленным на главном, берлинском направлении (Висло-Одерская операция), войска 3-го и 2-го Белорусских фронтов провели Восточно-Прусскую стратегическую наступательную операцию с целью уничтожения группировки войск противника в Восточной Пруссии. Проведение этой операции обеспечивало правый фланг главной группировки наших войск, наступавшей на берлинском направлении, а левому флангу способствовал 4-й Украинский фронт, проводивший Западно-Карпатскую наступательную операцию.

Успех стратегического наступления во многом зависел и от массирования сил и средств. Определив направление главного удара кампании, советское Верховное главнокомандование принимало все меры к тому, чтобы сосредоточить на нем наибольшее количество войск. К началу стратегического наступления на направлении главного удара, как показывает опыт, находилось 25—50% и более всех сил и средств действующей армии, что достигалось в основном за счет решительного и в то же время разумного ослабления других, менее важных участков, а также усиления главных группировок резервами Ставки ВГК. Высокая степень массирования сил и средств позволяла быстро взламывать оборону противника, наращивать усилия и развивать наступление в высоких темпах и на большую глубину.

Следующей важной проблемой при подготовке наступления являлось создание стратегических группировок войск и сил. Ставка исходила из того, что при большой протяженности советско-германского фронта сокрушить противника и добиться крупных военно-политических результатов путем проведения одной, даже очень крупной операции было невозможно. Для этого требовалось нанесение ряда взаимосвязанных ударов несколькими стратегическими группировками.

Перед началом летне-осенней кампании 1944 г. были созданы четыре стратегические группировки: в Восточной Карелии и на Карельском перешейке, в Белоруссии, в западных районах Украины и Молдавии. Каждая такая группировка включала, как правило, несколько фронтов (от двух до пяти), усиливалась объединениями и соединениями других видов вооруженных сил. Она обычно насчитывала от 600 тыс. до 2,5 млн человек, от 8 тыс. до 40 тыс. орудий и минометов, от 700 до 6 тыс. танков и САУ, от 700 до 7,5 тыс. боевых самолетов[14].

Большое внимание уделялось решению проблемы создания и использования стратегических резервов. Резервы были основным средством Ставки ВГК, позволявшим усиливать группировки войск, создавать необходимое превосходство на избранных направлениях, развивать успех в ходе наступления за счет новых формирований (до 85%). К концу войны стратегические резервы в основном создавались путем вывода из состава действующих фронтов и соединений, а в ряде случаев и объединений. Во время нахождения в резерве Ставки ВГК (от одного до пяти месяцев) они пополнялись людьми, вооружением и боевой техникой, занимались боевой подготовкой. Основная часть стратегических резервов (50—70%) использовалась, как правило, на направлении главного удара для создания главных группировок при подготовке наступления и для наращивания усилий в ходе стратегического наступления. Наряду с этим стратегические резервы использовались для обеспечения флангов главной группировки путем организации наступления на смежных операционных направлениях, для усиления фронтов после отражения ими мощных контрударов или контрнаступления противника, для перенесения усилий с одного направления на другое.

Одной из наиболее важных и сложных проблем при подготовке стратегического наступления являлось достижение внезапности. Опыт войны показал, что полностью скрыть от противника подготовку наступления такого масштаба невозможно. Вместе с тем внезапность достигалась, если удавалось обмануть противника относительно времени начала наступления, направления главного удара или способа стратегического наступления[15].

В ходе Великой Отечественной войны был получен опыт проведения последовательных по глубине стратегических наступательных операций, которые проводились на одном направлении. Наиболее показательным примером в этом отношении является наступление советских войск на Балканах в летне-осенней кампании 1944 г. Здесь в течение четырех месяцев на глубину 1100 км последовательно, без значительных пауз, были проведены три стра-

тегические наступательные операции — Ясско-Кишиневская, Белградская и Будапештская. Что же касается второго способа — одновременного по фронту проведения стратегических операций, то он позволял сковать боевыми действиями значительные силы противника и лишить его возможности широко маневрировать ими вдоль советско-германского фронта[16]. Однако ввиду недостатка сил и средств ни на одном из стратегических направлений не удалось создать достаточно сильных группировок. Их распыление на широком фронте привело к тому, что фактически ни в одной из операций конечные силы не были собраны. Опыт показал, что для успешного ведения стратегического наступления таким способом нужно иметь прежде всего значительное общее превосходство над противником.

И лишь в кампании 1945 г. в Европе, когда протяженность советско-германского фронта сократилась с 6 тыс. до 2 тыс. км, а Красная армия имела значительное общее превосходство над противником, способ одновременного по фронту проведения стратегических операций был успешно реализован. Ставка ВГК получила возможность создать несколько мощных группировок и практически одновременно развернуть наступление на всем советско-германском фронте — от Балтийского моря до Карпат[17].

Таким образом, стратегическое наступление на завершающем этапе войны являлось основным видом военных действий, благодаря которому была достигнута полная победа над противником. Успех наступления достигался за счет искусного определения направления главного удара в кампаниях, решительного сосредоточения необходимых сил и средств на избранных направлениях, правильного выбора способа стратегического наступления, достижения внезапности, умелой организации взаимодействия, своевременного наращивания усилий в ходе наступления и умелого решения других проблем военного искусства. Наиболее ярко высокий уровень советской военной стратегии был продемонстрирован при подготовке и в ходе стратегических наступательных (контрнаступательных) операций[18].

В целях улучшения стратегического положения наших войск на берлинском направлении советское командование в феврале — марте провело Восточно-Померанскую, Верхне-Силезскую и Нижне-Силезскую операции. Лишь после проведения этих операций были прочно обеспечены фланги главной стратегической группировки, наносившей удар на Берлин.

В кампании 1945 г., как и в прошлых кампаниях, большое внимание уделялось организации стратегического взаимодействия. При проведении зимнего наступления стратегическое взаимодействие осуществлялось в форме нанесения одновременных ударов на фронте между Балтикой и Карпатами. Так, разгром войск противника в Польше протекал в стратегическом взаимодействии с активными действиями советских войск в Восточной Пруссии и в Карпатах[19]. Большое значение в достижении поставленных целей на центральном участке фронта имели также успешные действия советских войск в районах Будапешта и озера Балатон. Поучительной с точки зрения организации стратегического взаимодействия является завершающая стратегическая операция Великой Отечественной войны — Берлинская, которая была спланирована и проведена войсками 2-го и 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов. Наступление войск 4, 2 и 3-го Украинских фронтов в Чехословакии и Австрии полностью связало силы противника в этих районах и не позволило оказать помощь берлинской группировке.

Характерной чертой кампании 1945 г. является проведение крупных стратегических перегруппировок. В ходе кампании осуществлялся маневр не только отдельными армиями, но и целыми фронтами. Эти перегруппировки проводились на большие расстояния — несколько сотен километров и в очень ограниченные сроки (перегруппировка 2-го Белорусского фронта из района Данцига в нижнее течение р. Одер, перегруппировка 28-й и 31-й армий в район Берлина и прочие). Осуществляя крупные стратегические перегруппировки, советское командование добивалось создания превосходства в силах и средствах над противником на направлении главного удара.

Бомбардировочная и штурмовая авиация в ходе последнего периода войны в основном сосредоточивалась на уничтожении объектов противника на поле боя и в ближайшей оперативной глубине. Так, штурмовики свыше 80% вылетов совершили на глубину до 10 км, фрон-

товые бомбардировщики около 93% вылетов — на глубину до 50 км. На борьбу с резервами и для нарушения перевозок фронтовая авиация произвела не более 5% самолето-вылетов от общего количества. Оказывая боевое содействие сухопутным войскам и ВМФ, авиация способствовала увеличению размаха наступательных операций и возрастанию их эффективности[20]. Военно-воздушные силы в 1945 г. действовали при полном господстве советской авиации в воздухе. В стратегических наступательных операциях наша авиация имела превосходство над противником в 2–4 раза. Это позволяло не только предохранять сухопутные войска от ударов неприятеля с воздуха, но и оказывать наземным войскам и военно-морскому флоту непрерывную поддержку. Основные усилия авиации сосредотачивались на поддержке сухопутных войск на направлении главных ударов — 40–50% всех производившихся в операциях самолето-вылетов; на уничтожение авиации противника и завоевание господства в воздухе затрачивалось в среднем 35–45%; для решения задач воздушной разведки выделялось 4–18%; на борьбу с резервами и нарушение коммуникаций — 2–13%[21].

За кампанию 1945 г. советская авиация произвела около 593 тыс. самолето-вылетов, в то время как авиация противника — всего 77 тыс., или в 7,7 раза меньше. В январском наступлении (Восточно-Прусская и Висло-Одерская операции) наша авиация произвела самолето-вылетов в 11,6 раза, а в Берлинской операции в 14 раз больше, чем вражеская авиация. Это в значительной мере объясняется теми затруднениями, которые испытывал противник в снабжении горючим.

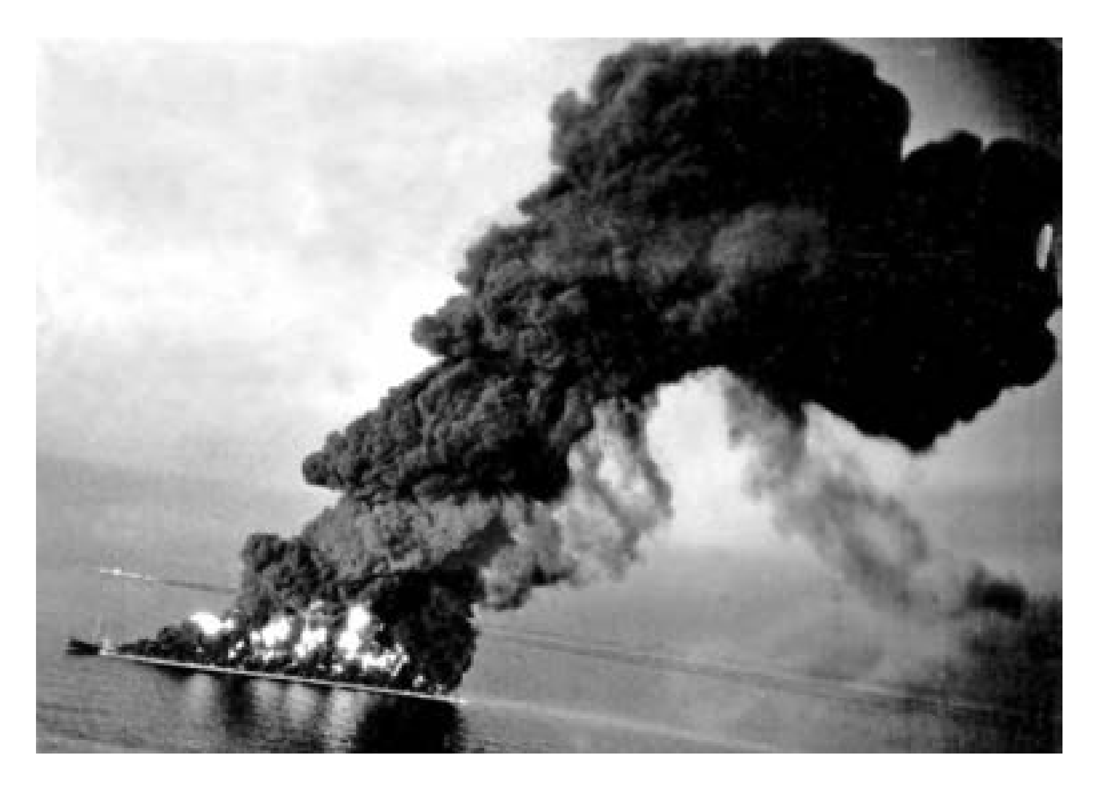
Военно-воздушные силы в кампании 1945 г. использовались на главных, решающих направлениях массированно. Так, в Висло-Одерской операции в составе двух воздушных армий 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов было сосредоточено до 38%, а в Берлинской операции в составе трех воздушных армий 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов — около 40% самолетов от общего числа находившихся в составе фронтовой авиации Красной армии к началу этих операций.

Усилия авиации направлялись главным образом на обеспечение действий войск ударных группировок. Для выполнения этой задачи привлекалось 75–90% всех сил авиации фронтов, возможности которых наращивались быстрыми темпами. Так, к концу войны в действующей армии было 155 авиационных дивизий, самолетный парк которых вырос в четыре раза[22].

Массирование авиации в стратегической операции проявлялось также в том, что для поддержки действий войск одного фронта, решающего главную задачу на одном из этапов этой операции, сосредоточивались усилия нескольких воздушных армий. Так, например, было при овладении Кёнигсбергом, когда для обеспечения действий войск 3-го Белорусского фронта привлекались силы пяти воздушных армий и авиация Балтийского флота. В ходе стратегических наступательных операций основные усилия авиации сосредоточивались на обеспечении действий наземных войск, для чего расходовалось 70–80% всех самолето-вылетов, произведенных за операцию, из коих для ударов по войскам противника — 40–68%.

В 1944–1945 гг. советские ВВС совместно с другими видами вооруженных сил вели военные действия в условиях стратегического господства в воздухе. Всего за время Великой Отечественной войны всеми средствами Вооруженных сил Советского Союза было уничтожено более 77 тыс. самолетов противника (в том числе летчиками в воздухе и на аэродромах — более 57 тыс. самолетов), что составило свыше 75% общих потерь ВВС Германии в мировой войне[23]. Так что советско-германский фронт был главным, решающим рубежом Второй мировой войны в разгроме не только сухопутных армий, но и ВВС блока фашистских государств.

Силы и средства Военно-морского флота Советского Союза в 1945 г. действовали на морских коммуникациях противника, блокировали прижатые к морю вражеские группировки и оказывали огневое содействие нашим войскам в их уничтожении, прикрывали приморские фланги советских войск от возможных ударов с моря. Балтийский флот участвовал в разгроме группировок немецко-фашистских войск в районах Кёнигсберга, Данцига, Гдыни и других городов, высаживал десанты на побережье Балтийского моря и на острова, обеспечивал свои морские сообщения и нарушал морские сообщения неприятеля.

Немецкий танкер, уничтоженный самолетами Балтийского флота

Советские штурмовики в небе над пригородами Берлина

Важным условием успешности решения задач при ведении совместных с армией и самостоятельных действий было достижение господства на море и в воздухе в районе операции. На закрытых морских театрах преобладание в воздухе часто определяло господство на море. Развитие морской авиации стало одним из главных факторов успешного решения флотом своих задач. Ее самолетный парк в ходе Великой Отечественной войны увеличился почти вдвое. В годы войны проявилась устойчивая тенденция расширения взаимодействия фронтовой, морской и дальней авиации в ходе стратегических и фронтовых операций, что вызывало необходимость универсализации подготовки для действий на суше и на море.

Дальнейшее развитие получила морская пехота, которая стала входить в состав флотов на правах самостоятельного рода сил. Эффективность ее действий была особенно высока при захвате и закреплении плацдармов на побережье и островах. Если к началу войны на флоте имелась лишь одна бригада морской пехоты, то к 1945 г. были сформированы 21 бригада, около 40 морских стрелковых бригад и несколько десятков отдельных частей и подразделений[24]. Свыше 400 тыс. военных моряков были переданы в состав частей и соединений Красной армии.

В качестве основных форм вооруженной борьбы на море в ходе войны утвердились операции флота (совместные и самостоятельные). Достижение оперативных целей, кроме того, осуществлялось и в форме боевой деятельности сил флота (проведение отдельных боев и ударов, заградительных и блокадных действий в течение длительного периода времени).

Одной из существенных черт руководства стратегическим использованием Военно-морского флота явилось сочетание жесткой централизации управления сил со стороны Верховного главнокомандования и предоставление широкой инициативы в управлении действиями подчиненных сил при выполнении задач[25].

Силы Балтийского флота содействовали наступлению советских войск в ходе двух крупных стратегических операций 1945 г. — Восточно-Прусской (13 января — 25 апреля) и Восточно-Померанской (10 февраля — 4 апреля). Боевые действия на прибалтийском стратегическом направлении носили ожесточенный характер и продолжались до конца войны. Враг оказывал упорное сопротивление, используя заранее подготовленные оборонительные рубежи на суше и крупные силы флота на море. Он имел в тылу своих приморских группировок побережье с развитой системой портов и военно-морских баз, обеспечивавших морские сообщения, а также густую сеть прибрежных сухопутных коммуникаций. Это позволяло ему быстро маневрировать своими силами вдоль побережья и организовывать упорное сопротивление.

Наступление советских войск на приморском направлении затруднялось географическими особенностями местности — наличием широких водных преград в виде рек, заливов, бухт. В этих условиях советское командование предусматривало нанесение мощных, но неглубоких ударов на нескольких направлениях к берегу моря, чтобы рассечь группировки врага на части, прижать их к морю и уничтожить совместными усилиями сухопутных войск и флота. Военно-морские силы должны были нарушать морские сообщения противника, срывать его перегруппировки и наносить удары с моря в тыл его сухопутным войскам.

Балтийскому флоту в этих операциях пришлось действовать в очень сложных условиях. Неприятель привлек к поддержке своих войск и обеспечению морских перевозок основные силы военного и транспортного флотов. Опираясь на систему баз, они могли быстро развертываться из одного района в другой и действовать достаточно мощными группировками, прикрытыми с воздуха истребительной авиацией.

Система базирования Балтийского флота в Финляндии и Эстонии располагалась на значительном удалении от районов боевых действий. Порты и базы, освобожденные от врага, были мало приспособлены для обеспечения деятельности флота, а его тылы находились в движении на запад. Финский залив, буквально начиненный немецкими минами, не позволял использовать крупные корабли, а метеорологические условия зимы 1945 г. ограничивали применение авиации и легких сил флота, которые к тому же в непрерывных напряженных боях 1944 г. понесли потери, а их материальная часть была изрядно изношена.

Командующие фронтами в конце 1944–1945 гг.

И. Х. Баграмян

А. М. Василевский

Л. А. Говоров

А. И. Ерёменко

Г. К. Жуков

Г. Ф. Захаров

М. П. Ковалёв

И. С. Конев

П. А. Курочкин

Р. Я. Малиновский

И. И. Масленников

К. А. Мерецков

И. Е. Петров

М. А. Пуркаев

К. К. Рокоссовский

Ф. И. Толбухин

И. В. Тюленев

И. Д. Черняховский

Для развертывания активной борьбы на море требовалось в первую очередь овладеть вражескими военно-морскими базами и аэродромами на побережье и быстро перебазировать туда силы флота. В решении этой задачи особое значение приобрело взаимодействие войск фронтов и сил флота, которое умножало их возможности в завершении разгрома врага. В операциях на прибалтийском направлении получили дальнейшее развитие все виды взаимодействия сухопутных войск, авиации и военно-морских сил, сыграв важную роль в достижении успеха наступления по всему советско-германскому фронту на завершающем этапе Великой Отечественной войны[26].

Кроме Балтийского флота в кампании 1945 г. принимали участие Днепровская и Дунайская военные флотилии. Их основные усилия направлялись на содействие войскам 1-го Белорусского, 2-го и 3-го Украинских фронтов в прорыве обороны противника и развитии наступления на берлинском, будапештском и венском направлениях путем артиллерийской поддержки своих войск, осуществления и прикрытия переправ через реки Шпрее, Одер, Дунай, высадки тактических десантов.

Северный флот в 1945 г. основные усилия сосредоточил на защите морских перевозок, имевших важное стратегическое значение в общем ходе вооруженной борьбы Советского Союза.

Черноморский флот в связи с полным разгромом противника в зоне своих действий выполнял задачу очищения от мин Черного и Азовского морей, обеспечивая безопасность народнохозяйственных перевозок.

Увеличение боевого состава фронтов в 1945 г. обусловило возрастание роли фронта в стратегической наступательной операции. Так, если в кампаниях 1944 г. цели стратегических наступательных операций решались обычно усилиями от двух до четырех фронтов, а на направлении главных ударов — усилиями четырех фронтов, то иное положение сложилось в кампании 1945 г. В этот период цели стратегических наступательных операций, как правило, достигались усилиями двух фронтов (Восточно-Прусская, Висло-Одерская операции и другие) и лишь в отдельных случаях — трех фронтов (Берлинская и Пражская операции). Решение в 1945 г. стратегических задач меньшим количеством фронтов говорит о том, что с увеличением боевого состава фронтов последние могли решать более крупные задачи в рамках стратегических операций.

Значительное увеличение боевого состава фронтов благоприятствовало созданию сильных вторых эшелонов и резервов, предназначенных для наращивания усилий в ходе операции. В большинстве крупных наступательных операций во вторых эшелонах фронтов находились одна-две общевойсковые армии (1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты в Висло-Одерской, 3-й Белорусский фронт в Восточно-Прусской операциях и другие). Общевойсковые армии второго эшелона использовались, как правило, для развития наступления в глубину (11-я гвардейская армия в Восточно-Прусской операции), завершения окружения крупной группировки противника и ее уничтожения (3-я и 28-я армии в Берлинской операции), обеспечения флангов ударных группировок фронтов от возможных контрударов противника (3-я ударная армия в Висло-Одерской операции). Для развития успеха в глубину фронты имели в своем составе одну-две танковые армии или несколько механизированных, танковых и кавалерийских корпусов. Общая глубина оперативного построения войск фронтов в исходном положении для наступления в условиях прорыва заранее подготовленной обороны доходила до 100 км. Армии, действовавшие на направлении главного удара, как правило, имели также двухэшелонное оперативное построение.

Одной из характерных черт наступательных операций кампаний 1945 г. являлось то, что они протекали в условиях значительного общего численного превосходства советских войск, которое на направлении главных ударов фронтов было еще более высоким. Создание такого превосходства обеспечивалось также искусным сосредоточением сил и средств на этих направлениях. Так, 3-й Белорусский фронт перед началом Восточно-Прусской операции был развернут на 170-километровом фронте, а прорыв осуществлял на участке шириной в 24 км. На участке прорыва было сосредоточено около 56% стрелковых дивизий, 80% танков и са-

моходно-артиллерийских установок и 77% артиллерии (калибра 76 мм и выше). 1-й Украинский фронт в Висло-Одерской операции при общей протяженности фронта в 230 км прорыв осуществлял на 34-километровом участке. На участке прорыва было сосредоточено около 75% стрелковых дивизий, 90% всей артиллерии (калибра от 76 мм и выше), до 90% танков и САУ и почти вся авиация[27].

В 1945 г. размах фронтовых наступательных операций был различный: он зависел от задачи и состава фронта, а также от емкости и важности стратегического или операционного направления. В ряде случаев при проведении стратегической операции ее глубина совпадала с глубиной фронтовых наступательных операций. Это обусловливалось тем, что стратегические и фронтовые операции ограничивались естественными рубежами или овладением стратегически важными центрами (выход наших войск к побережью Балтийского моря, овладение Берлином, Веной), расположенными на глубине 60—200 км. В этих случаях глубина фронтовой операции колебалась от 130 до 260 км.

Наибольший размах в кампании имели те фронтовые наступательные операции, которые проводились при отсутствии ограничивающих условий географического порядка. Так, в Висло-Одерской стратегической операции глубина фронтовых наступательных операций достигала 480—570 км, ширина полос наступления фронтов — 230—250 км, продолжительность операций — 18—20 суток, средний темп наступления — до 30 км в сутки.

В кампании 1945 г. последующие фронтовые наступательные операции, как правило, организовывались и подготавливались в ходе предыдущих операций и начинались после небольших пауз или вообще без них. Так, например, 1-й Украинский фронт начал Нижне-Силезскую операцию без паузы, произведя подготовку в ходе Висло-Одерской операции. Этот же фронт, завершив Берлинскую операцию, после короткой подготовки начал Пражскую операцию[28]. Однако не всегда проведение последующей операции без паузы позволяло достичь поставленной перед войсками фронта цели. Так, 2-й Белорусский фронт после проведения Восточно-Прусской операции начал без паузы Восточно-Померанскую операцию, но через девять суток вынужден был прекратить наступление, не решив поставленной перед ним задачи по разгрому группировки противника в Восточной Померании. Это произошло потому, что фронт получил непосильную задачу, начав Восточно-Померанскую операцию, фактически не имея времени на ее подготовку. Соединения были значительно ослаблены тяжелыми боями в ходе Восточно-Прусской операции. Кроме того, из состава фронта были изъяты и переданы в состав 3-го Белорусского фронта три общевойсковые и одна танковая армии. Дальнейшее наступление 2-й Белорусский фронт смог начать лишь после того, как был усилен одной общевойсковой армией из резерва Ставки. При этом задачу по разгрому группировки противника в Восточной Померании он уже решал совместно с 1-м Белорусским фронтом.

Проведение фронтовых наступательных операций без пауз или после короткой подготовки обусловливалось следующими факторами: решительным превосходством в силах и средствах Красной армии над германским вермахтом, требованиями военно-политической обстановки в кратчайший срок завершить разгром фашистской Германии, возросшим искусством командующих фронтами и армиями, которые могли осуществлять в короткий срок маневр силами и средствами на новое направление для решения новых задач.

Возможность осуществления ряда последовательных фронтовых операций была тесно связана с искусством проведения крупных внутрифронтовых перегруппировок в короткие сроки. Почти каждая последующая фронтовая операция в кампании 1945 г. начиналась после перегруппировок войск на новое направление. Например, 1-й Украинский фронт после завершения Висло-Одерской операции произвел крупную перегруппировку сил с левого крыла фронта на правое для проведения Нижне-Силезской операции, а после ее завершения — вновь на левое крыло для проведения Верхне-Силезской операции. Сразу после разгрома германских войск в Берлине значительная часть сил 1-го Украинского фронта, участвовавших в Берлинской операции, была перегруппирована в течение нескольких дней на пражское направление.

Наступление войск 2-го и 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов на берлинском направлении закончилось блестящей победой[29]. Искусная перегруппировка в короткие сроки сил и средств внутри фронтов способствовала развитию наступления без пауз. В этих условиях противник не успевал организовать достаточно прочную и развитую в глубину оборону и своевременно усилить свои войска за счет подбрасываемых резервов[30].

Фронтовые операции 1945 г. отличались преследованием неприятеля на большую глубину и высокими темпами. Так, в Восточно-Прусской и Венской операциях, которые характеризовались недостаточной степенью поражения противника в тактической зоне обороны, медленным темпом ее прорыва и сложным характером района боевых действий, темп преследования был значительно ниже, чем в других операциях 1945 г. В Восточно-Прусской операции войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов получили возможность начать преследование лишь на седьмой-восьмой день операции, при этом темп достигал 10—13 км в сутки в 3-м Белорусском фронте и 20 км во 2-м Белорусском фронте. В Венской операции войска 2-го и 3-го Украинских фронтов перешли в преследование на десятый день операции и вели его с темпом 10 км в сутки.

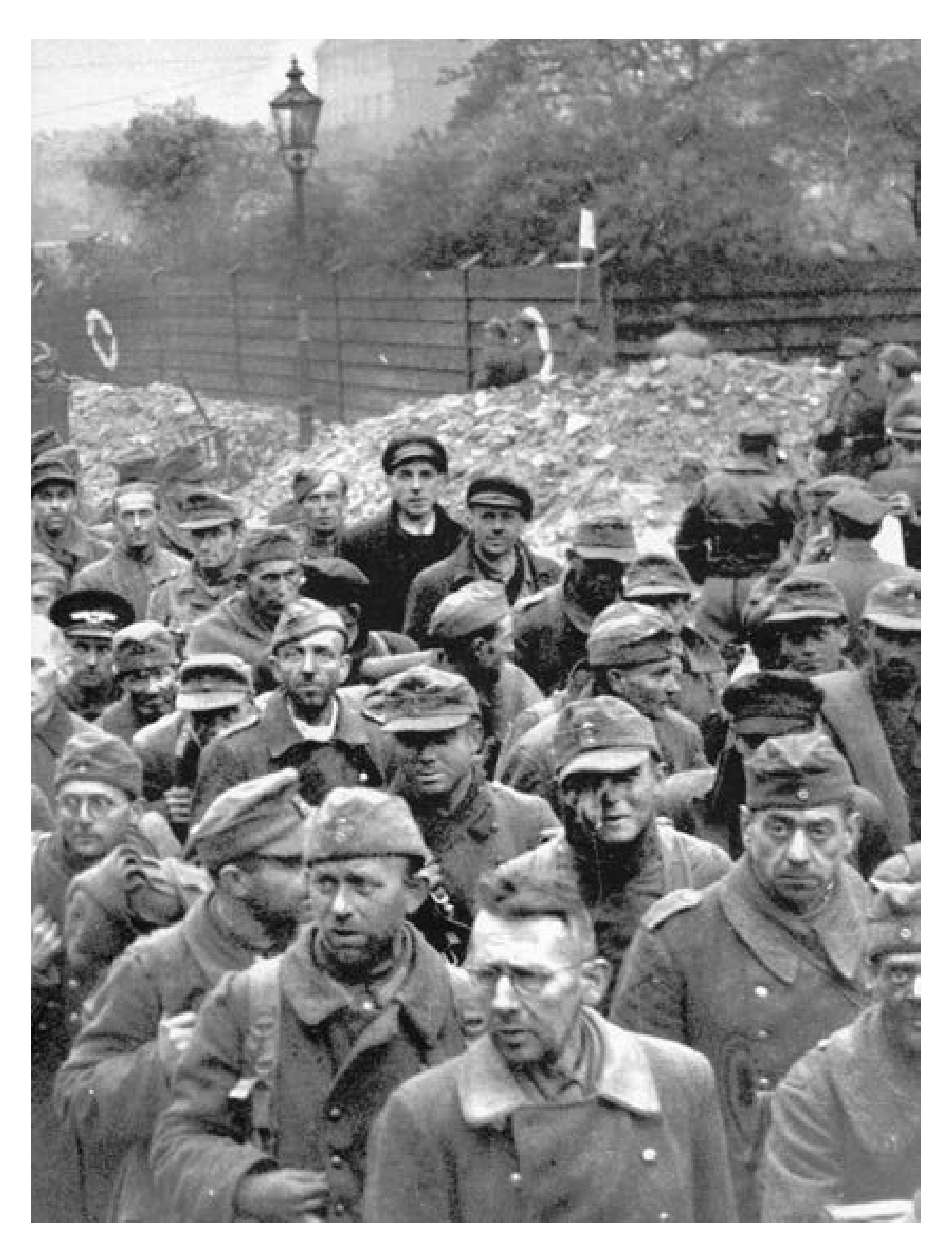
В ходе Висло-Одерской операции, в которой противник в тактической зоне понес крупные потери, а прорыв тактической зоны был осуществлен в течение одного-двух дней, войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов перешли в преследование на второй и третий день операции и вели его с темпом 30—35 км в сутки. Также в высоких темпах (25—30 км в сутки) осуществлялось преследование противника войсками 1-го Белорусского фронта в Восточно-Померанской операции, после прорыва тактической зоны вражеской обороны в течение первых двух дней.

Глубина преследования в операциях 1945 г. колебалась от 150—160 км (Восточно-Прусская и Венская операции) до 350—550 км (Висло-Одерская операция). Продолжительность преследования в зависимости от глубины операции и степени сопротивления противника колебалась от 8—10 суток (Восточно-Прусская и Венская операции) до 16 суток (1-й Белорусский фронт в Висло-Одерской операции). В Восточно-Померанской операции, глубина которой для войск 1-го Белорусского фронта равнялась 120—140 км, продолжительность преследования до выхода войск фронта на побережье Балтийского моря составляла четверо суток.

Из приведенных примеров видно, что наиболее высокий темп преследования был достигнут в Висло-Одерской операции. Кроме решительного поражения противника в тактической зоне обороны и быстрого ее прорыва на темпы преследования оказывало влияние наличие в составе 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов большого количества подвижных войск: четыре танковые армии, шесть отдельных танковых и механизированных и три кавалерийских корпуса. Такое большое количество подвижных войск создавало благоприятные условия для развития преследования в глубину, разгрома подходивших резервов противника по частям, срыва планов немецко-фашистского командования организовать оборону в глубине отходившими войсками и подходившими резервами.

Подвижные войска, являясь основным средством ведения преследования, очень часто отрывались от общевойсковых армий на большую глубину. Например, танковые армии 1-го Белорусского фронта в отдельные дни операции уходили в отрыв от общевойсковых армий на 100 и более километров. Темп преследования для подвижных войск достигал 50—60 км, для общевойсковых армий — 30—40 км в сутки. В этой операции преследование велось на 500-километровом фронте, а общевойсковые армии шли в полосах от 15 до 30 км. Преследование осуществлялось неотрывно, круглосуточно, большую роль играли специально создаваемые отряды, состоявшие из различных родов войск. Отрядам, действовавшим ночью, предоставлялся отдых в дневное время.

Большая роль в успешном преследовании противника принадлежала авиации, действия которой сосредоточивались на важнейших направлениях наступления сухопутных войск и были направлены на уничтожение отходивших войск противника, разрушение железных и шоссейных дорог, мостов, переправ. В результате ударов авиации на дорогах образовывались

Колонна немецких военнопленных

пробки, неприятель был вынужден бросать автомашины, повозки, орудия и другую боевую технику. Удары авиации сковывали маневры противника, затрудняли ему планомерный отход и создавали более выгодные условия для разгрома его отходивших частей.

В кампании 1945 г. в ходе наступательных операций наши войска широко применяли ночные действия, которые велись с целью прорыва главной полосы обороны или завершения прорыва всей тактической зоны обороны при развитии наступления в ходе преследования, а также в ходе борьбы за овладение крупными городами. В целях достижения внезапности при переходе войск фронта в наступление в ночной атаке принимали участие главные силы фронта (1-й Белорусский фронт в Берлинской операции) или главные силы армии (5-я гвардейская армия 1-го Украинского фронта в Пражской операции). В ночных условиях завершение прорыва тактической зоны обороны противника в одних случаях осуществлялось основными силами главной ударной группировки фронта (1-й Украинский фронт в Верхне-Силезской операции) или только частью ее сил (1-й Украинский фронт в Висло-Одерской операции), в других случаях для этого от каждой стрелковой дивизии первого эшелона выделялось по одному стрелковому батальону (2-й Белорусский фронт в Восточно-Прусской операции). Иногда к прорыву тактической зоны обороны противника в ночных условиях привлекались также танковые соединения (2-й гвардейский танковый корпус 3-го Белорусского фронта в Восточно-Прусской операции). Наступательные действия ночью при завершении прорыва тактической зоны обороны лишали неприятеля возможности организовывать защиту рубежей и позиций, расположенных в ее глубине, и облегчали нашим войскам ее преодоление.

При развитии наступления в оперативной глубине обороны противника советские войска также широко применяли ночные действия. Цель наступательных действий в этих условиях сводилась к тому, чтобы не дать возможности врагу оторваться от наших войск и занять подготовленные в глубине рубежи обороны. Так, в Берлинской операции наступление ударной группировки 1-го Украинского фронта ночью позволило ей на плечах противника форсировать р. Шпрее, по западному берегу которой была подготовлена тыловая полоса обороны немцев, захватить плацдармы и обеспечить условия для удара по Берлину с юга. В результате ночных действий 3-я гвардейская танковая армия захватила перевалы через Рудные горы (1-й Украинский фронт в Пражской операции). Ночное преследование велось специально выделенными отрядами, подразделениями и частями в полосе наступления армии или фронта. Они должны были упредить противника в занятии обороны на промежуточных рубежах, захватить переправы через водные преграды, захватить опорные пункты или узлы дорог, выйти в тыл противнику и поставить его под угрозу окружения.

Использование военно-воздушных сил во фронтовых наступательных операциях 1945 г. характеризовалось значительным авиационным превосходством. Воздушные армии фронтов по количеству самолетов превосходили противостоявшие им ВВС в 2—5 раз. Это позволяло не только обеспечить сухопутные войска от ударов противника с воздуха, но и оказывать им непрерывную поддержку. ВВС фронтов сосредоточивали свои основные усилия на тех направлениях, где сухопутные войска решали основную задачу, что позволяло создавать на участках прорыва авиационную плотность в 60—70 самолетов на 1 км фронта[31].

В ходе наступательных операций ВВС фронтов прикрывали сухопутные войска от ударов с воздуха, оказывали содействие главным группировкам войск в прорыве обороны противника, обеспечивали ввод в прорыв и действия в глубине подвижных войск, наносили удары по резервам врага, подходившим из глубины, вели разведку и борьбу с его авиацией. Основные усилия авиации в ходе наступательных операций направлялись на обеспечение сухопутных войск при прорыве обороны противника и их действий в оперативной глубине. Это достигалось нанесением ударов по неприятелю на поле боя и по его подходившим резервам, прикрытием своих войск с воздуха. Решающее значение при этом имело уничтожение авиации противника в воздушных боях[32].

В наступательных операциях 1945 г. управление авиацией в период прорыва тактической зоны обороны противника в основном было централизованным. Но при развитии наступления в управлении авиацией допускалась децентрализация: часть сил авиации передавалась в

оперативное подчинение командующих общевойсковыми и танковыми армиями. В условиях скоротечности боев и при резких изменениях обстановки, свойственных ряду операций 1945 г., это обеспечивало быструю помощь войскам со стороны авиации и поддержание взаимодействия со стрелковыми и особенно с подвижными соединениями. Наиболее тесное взаимодействие авиации с подвижными войсками достигалось при совместном следовании командиров авиационного и подвижного соединений. В этом случае авиационный командир имел возможность своевременно получить полные сведения обо всех изменениях в наземной обстановке и на основе этих данных быстро принимать необходимые меры для оказания помощи.

В операциях 1945 г. слабым местом в использовании ВВС фронтов оставалась борьба с оперативными резервами противника. Ограниченный размах действий авиации по борьбе с оперативными резервами и перевозками неприятеля объясняется недостаточным количеством дневной бомбардировочной авиации в составе воздушных армий фронтов, отсутствием специальной истребительной авиации сопровождения, малым радиусом действия штурмовиков, а также ограниченными возможностями истребительной авиации по сопровождению бомбардировщиков. Последнее обстоятельство затрудняло использование бомбардировочной авиации для действий по резервам противника даже в условиях господства нашей авиации в воздухе.

Наряду с наступательными операциями советским войскам приходилось вести и оборонительные действия. Поучительным примером в кампании 1945 г. является Балатонская оборонительная операция, проводившаяся с целью отражения контрнаступления противника в ходе подготовки войсками 3-го Украинского фронта Венской наступательной операции. Она стала подтверждением того, что общевойсковые объединения и соединения способны успешно противостоять ударам крупных танковых группировок врага. В Балатонской оборонительной операции оперативная глубина обороны определялась размерами плацдарма, занимаемого войсками фронта, она отличалась высокой активностью и широким маневром. Упорной и активной обороной войска фронта сорвали контрнаступление немецко-фашистских войск и создали себе выгодные условия для перехода в наступление.

Рост технического оснащения Красной армии, возросшее мастерство офицеров и генералов в организации боя и в управлении войсками, совершенствование солдат в применении боевой техники обусловили дальнейшее развитие тактики наших войск. В 1945 г. советские войска имели уже значительный опыт ведения боев в городах и крупных населенных пунктах, приобретенный ими в предшествовавших периодах войны.

Противник, полностью утратив наступательную способность, стал с особым упорством отстаивать города и населенные пункты, включая их в общую систему обороны и превращая в опорные пункты тактического, оперативного, а иногда и стратегического значения (Кёнигсберг, Будапешт, Берлин). Бои внутри крупных населенных пунктов характеризовались ограниченностью обзора и обстрела, сложностью управления войсками, пониженными возможностями маневра и в силу своеобразных условий распадались на ряд отдельных местных боев, исход которых решали самостоятельные и инициативные действия даже небольших подразделений.

При сражениях в городе с целью повышения ударной силы и самостоятельности стрелковых подразделений им придавались танки, самоходно-артиллерийские установки, артиллерия всех калибров для стрельбы прямой наводкой, а для преодоления заграждений и минных полей, устройства проходов в стенах, выжигания врага из укрытий — саперы и огнеметчики.

По мере насыщения войск Красной армии боевой техникой к концу войны стало возможным усиливать почти все стрелковые подразделения артиллерией, танками, самоходными и артиллерийскими установками, саперами. В силу этого в 1945 г. борьба в городе велась уже не отдельными штурмовыми группами и отрядами, создаваемыми в стрелковых частях и подразделениях, как это имело место в предшествующие годы войны, а всеми стрелковыми подразделениями, усиленными необходимым количеством боевой техники, хотя они продолжали называться штурмовыми отрядами и группами.

В ходе войны Ставка ВГК осуществляла руководство действующей армией как непосредственно через полевые управления фронтов, так и через промежуточные инстанции — главные командования стратегических направлений, своих представителей и главное командование на ТВД. Ставкой применялись различные способы и методы руководства: в основном личное общение Верховного главнокомандующего с командующими фронтами и армиями, постановка боевых задач войскам путем директив и письменных распоряжений, выезд представителей Ставки ВГК в войска действующей армии и другие. Более совершенными стали средства управления: телеграф, телефон и особенно радио. Широко применялись различные подвижные средства и боевая документация.

Непосредственное руководство войсками действующей армии осуществляли командующие фронтами и армиями через командиров соединений и частей. В ходе войны общая система управления войсками претерпела ряд изменений в целях приведения ее в соответствие с характером, размахом и условиями военных действий, установившейся организационной структурой войск. Однако ее основа оставалась неизменной: при командующих объединениями имелись военные советы (как совещательные органы) и полевые управления, основными рабочими органами командующих и командиров являлись их штабы, а ведущими звеньями штабов были их оперативные управления, отделы, отделения[33].

Система стратегического руководства вооруженными силами и управления войсками к концу войны стала более гибкой, мобильной и явилась важным фактором в достижении победы над агрессором. Основными тенденциями в ее развитии являлись: централизация; усиление связей политического и стратегического руководства; возрастание роли Генерального штаба в руководстве вооруженными силами; приближение стратегической инстанции к войскам действующей армии путем создания промежуточных звеньев в виде главных командований стратегических направлений (ТВД), назначения представителей Ставки для координации действий ряда фронтов; повышение оперативности руководства войсками при возрастании роли оперативных органов и общевойсковых штабов в целом; сращивание военной связи с государственной; широкое внедрение технических средств связи; уменьшение потока боевой документации путем применения формализованных документов (применение последних в сочетании с техническими средствами знаменовало собой зарождение первичных элементов автоматизации управления)[34].

Опыт войны показал, что важнейшими факторами, определявшими размах стратегических операций, были содержание их политических и стратегических целей, экономические возможности вооруженных сил сторон, а также физико-географические особенности театра военных действий[35].

В целом к концу войны система оперативно-стратегического руководства вооруженными силами в основном соответствовала характеру военных действий, общим требованиям политики и военной стратегии. Будучи достаточно надежной, она обеспечивала устойчивое, непрерывное и эффективное управление войсками и силами флота, успешное выполнение всего комплекса военно-политических и стратегических задач[36].

Победа, одержанная на Дальнем Востоке, стала новым ярким свидетельством торжества советского военного искусства. В боях на Дальнем Востоке вновь проявились высокий боевой дух и мужество советских воинов, высокие организаторские способности генералов и офицеров, вооруженных передовой военной теорией. В войну с Японией Красная армия вступила хорошо оснащенной всеми видами боевой техники и обогащенной четырехлетним опытом борьбы с таким сильным врагом, как фашистская Германия, в совершенстве владеющей передовым современным военным искусством.

Советско-японская война 1945 г. была проведена в рамках одной Дальневосточной кампании — уникальном явлении в истории войн. Став логическим продолжением Великой Отечественной войны, вобрав в себя опыт, накопленный в вооруженной борьбе против гитлеровской коалиции в Европе, она по праву признана шедевром военного искусства, оказавшим огромное влияние на развитие послевоенной стратегии.

Дальневосточная кампания СССР отличалась высоким качеством планирования и мастерства подготовки и проведения операций, особенно Маньчжурской стратегической наступательной, а также боевым мастерством участвовавших в них воинов армии и флота. Прежде всего это относится к подготовке и нанесению внезапного сокрушительного удара по противнику в самом начале кампании. Дерзость и стремительность советского наступления настолько шли вразрез с характером военных действий России в Японо-русской войне 1904—1905 гг., были так неожиданны и ошеломляющи для японской армии, привыкшей к скованности, методичности, а то и робости в действиях ее противников во Второй мировой войне, к относительно невысоким темпам их наступления, что она оказалась неготовой к борьбе с Вооруженными силами СССР, имевшими богатый опыт ведения масштабных высокоманевренных военных операций.

Советская кампания на Дальнем Востоке была кратковременной — менее четырех недель. Важнейшая ее черта — достижение стратегических целей в пределах первой декады военных действий. Дальневосточный ТВД отличали огромные масштабы и уникальные физико-географические особенности, существенно влиявшие на характер вооруженной борьбы. Беспрецедентны были трудности природного характера, в условиях которых проходили боевые действия: бездорожье, тайга, горные массивы, пустыни, болота, полноводные реки, морские пространства и т. п.

В кампании на Дальнем Востоке, в частности в Маньчжурской стратегической наступательной операции, широко использовался богатый отечественный опыт военного искусства, особенно накопленный в войне против фашистской Германии (в первую очередь в Висло-Одерской операции начала 1945 г.) и в боях с японцами у озера Хасан и монгольской реки Халхин-Гол.

Для Дальневосточной кампании характерно небывалое по дальности, масштабам, срокам, скрытности перебазирование крупных сил на новый театр военных действий. Ставка ВГК в относительно короткий срок осуществила стратегическую перегруппировку сил и средств на расстояние 9—12 тыс. км, с Европейского театра военных действий на Дальний Восток. В основном в течение трех месяцев по единственной Транссибирской железнодорожной магистрали были переброшены три общевойсковые и одна танковая армии, а также большое количество отдельных соединений и частей различных родов войск и боевой техники. Такая масштабная перегруппировка войск в короткий срок и на огромное расстояние не имела прецедента в истории. Советскому командованию удалось в целом скрыть эту перегруппировку и боевой состав перемещаемых войск. Несмотря на то что японцы знали о переброске советских войск с Запада, они не смогли точно определить их масштаб и время завершения сосредоточения на Дальнем Востоке. Достижению внезапности способствовали такие мероприятия, как сохранение в тайне плана операций, поддержание соответствующего режима на границе, маскировка переброски войск под видом их возвращения к местам постоянной дислокации и демобилизации.

В течение мая — июля 1945 г. органы оперативно-стратегического руководства советских войск на Дальнем Востоке были перестроены с учетом опыта Великой Отечественной войны и особенностей данного театра. Для стратегического руководства военными действиями против Японии в связи с удаленностью театра военных действий от Москвы, где находилась Ставка ВГК, а также большим пространственным размахом предстоявших операций (площадь только сухопутной территории, на которой предстояли военные действия, превышала размеры территорий главных агрессоров — Японии, Германии и Италии вместе взятых) было создано Главное командование советских войск на Дальнем Востоке. В подчинение созданному Главному командованию были переданы все развертывавшиеся на театре сухопутные войска, авиация, войска ПВО, пограничные войска НКВД и силы ВМФ. В то же время Ставка ВГК и ее рабочий орган — Генеральный штаб по-прежнему имели непосредственную связь с фронтами и флотом. Эти важные организационные мероприятия обеспечили выполнение планов Верховного главнокомандования по разгрому миллионной Квантунской группировки войск и соединений 5-го японского фронта на Южном Сахалине и Курилах,

Командующие общевойсковыми армиями в конце 1944–1945 гг.

П. И. Батов

А. П. Белобородов

П. А. Белов

Н. Э. Берзарин

С. С. Бирюзов

И. В. Болдин

Н. А. Гаген

К. Н. Галицкий

А. И. Гастилович

В. В. Глаголев

В. А. Глуздовский

А. В. Горбатов

В. Н. Гордов

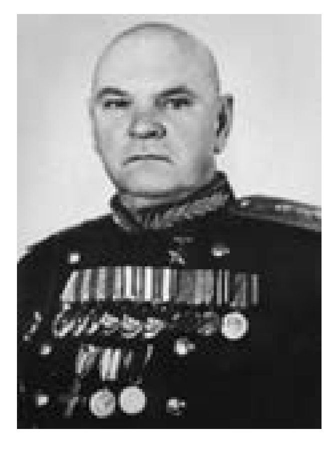
Ф. Д. Гореленко

А. А. Гречко

И. Т. Гришин

Д. Н. Гусев

Н. И. Гусев

А. С. Жадов

Ф. Ф. Жмаченко

Г. Ф. Захаров

Н. Д. Захватаев

М. И. Казаков

Г. К. Козлов

В. Я. Колпакчи

И. Т. Коровников

К. А. Коротеев

Г. П. Коротков

Я. Г. Крейзер

Н. И. Крылов

В. И. Кузнецов

П. А. Курочкин

А. А. Лучинский

И. И. Людников

П. Ф. Малышев

С. К. Мамонов

И. М. Манагаров

К. С. Москаленко

Ф. П. Озеров

Ф. И. Перхорович

В. С. Попов

Н. П. Пухов

В. Н. Разуваев

С. В. Рогинский

В. З. Романовский

В. П. Свиридов

Н. П. Симоняк

Ф. Н. Стариков

М. Ф. Терехин

С. Г. Трофименко

И. И. Федюнинский

М. С. Филипповский

В. Д. Цветаев

П. Г. Чанчибадзе

Л. Г. Черемисов

И. М. Чистяков

В. И. Чуйков

М. Н. Шарохин

П. Г. Шафранов

В. И. Швецов

И. Т. Шлемин

М. С. Шумилов

В. И. Щербаков

Командующие танковыми армиями в конце 1944–1945 гг.

В. М. Баданов

С. И. Богданов

В. Т. Вольский

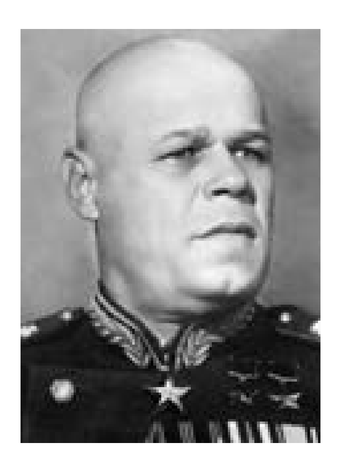

М. Е. Катуков

А. Г. Кравченко

Д. Д. Лелюшенко

А. И. Радзиевский

П. А. Ротмистров

П. С. Рыбалко

позволили Ставке ВГК быстро учитывать изменения в оперативно-стратегической и военно-политической обстановке и своевременно реагировать на них, а также оказывать на месте необходимую помощь фронтам.

Советское Верховное главнокомандование в период подготовки к вступлению в войну с Японией не только укрепило, но и значительно переформировало вооруженные силы на Дальнем Востоке, создав три оперативно-стратегических фронтовых объединения сухопутных войск и усилив боевые возможности Тихоокеанского флота. В результате осуществленных мероприятий Советский Союз смог за короткий срок создать мощную наступательную стратегическую группировку войск, которая была способна быстро и решительно разгромить японские войска в Маньчжурии, Северной Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах.

Войска Красной армии, участвовавшие в кампании на Дальнем Востоке, имели в основном общую для последнего периода Великой Отечественной войны организационную структуру соединений и такое же вооружение. Вместе с тем боевой состав объединений несколько отличался от типового состава армий, принятого в последнем периоде Великой Отечественной. В связи с особенностями театра военных действий общевойсковые армии на одних направлениях имели по два-три корпуса, по три дивизии в каждом, а на других — не более трех дивизий. Но характерным было то, что во всех армиях главной силой являлись отдельные танковые бригады.

Оперативное построение войск Забайкальского фронта и большей части армий 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов было двухэшелонным, причем вторые эшелоны общевойсковых армий вводились в сражение обычно раньше запланированного срока. Это определялось успешным развитием армейских операций и необходимостью использовать выгодную обстановку для наращивания темпов наступления.

Особенностью оперативного построения войск Забайкальского фронта являлось наличие танковой армии и конно-механизированной группы в первом эшелоне фронта, что вызывалось необходимостью упредить противника в развертывании и захвате перевалов Большого Хингана и быстрого выхода на Маньчжурскую равнину. Своеобразный состав имела и 6-я гвардейская танковая армия: находясь в первом эшелоне оперативного построения Забайкальского фронта и предназначаясь для решительных, высокоманевренных самостоятельных действий в условиях значительного отрыва от главных сил общевойсковых армий, она кроме танкового и двух механизированных корпусов имела две отдельные мотострелковые дивизии. Эти дивизии, дислоцировавшиеся длительное время на Дальнем Востоке, были хорошо подготовлены для действий в пустынной и горной местности. Таким образом, состоя на 80% из механизированных соединений, 6-я гвардейская танковая армия была, по сути, механизированной армией, обладавшей большой подвижностью и ударной силой, прообразом советских общевойсковых армий 1970—1990-х гг.

В 1-м Дальневосточном фронте 10-й механизированный корпус действовал как эшелон развития успеха. Большое количество отдельных танковых бригад (всего 30) наступало с первыми эшелонами стрелковых дивизий, что в данных конкретных условиях и обстановке полностью себя оправдало, обеспечив высокий темп наступления.

Проведенная в рамках Дальневосточной кампании Маньчжурская стратегическая наступательная операция явилась крупнейшей в истории войн стратегической операцией, осуществленной в пустынно-степной и горно-таежной местности силами трех фронтов, Тихоокеанского флота, пограничных войск и Амурской военной флотилии. Стратегические цели операции были достигнуты в пределах десяти суток; ближайшая задача фронтов, заключавшаяся в форсировании полноводных рек, преодолении укрепленных районов, горных хребтов, таежных и пустынных районов и выходе на Центрально-Маньчжурскую равнину (глубина 450 км), была выполнена за 4—6 суток военных действий.

Операция была подготовлена и проведена по всем правилам военного искусства, ее характеризовали скрытность сосредоточения и развертывания группировок войск, хорошо организованное взаимодействие фронтов, флота и речной флотилии, внезапность перехода

в наступление ночью одновременно всеми фронтами, нанесение сильного удара войсками первых эшелонов, захват стратегической инициативы, маневр силами и средствами, широкий пространственный размах, высокие темпы наступления на большую глубину. Внезапность и сила ударов в первые дни и часы войны, осуществленных, как правило, без артиллерийской подготовки, сыграли решающую роль в достижении цели операции. Особенно большое значение внезапность имела для овладения японскими приграничными укреплениями, бои за которые в иных условиях могли бы иметь затяжной характер и сопровождаться серьезными потерями.

Замысел Маньчжурской стратегической наступательной операции отличался конкретностью и предусматривал наиболее эффективные способы действия войск. Конечные цели операции намечалось достичь путем последовательного решения поставленных перед войсками задач.

Во-первых, требовалось быстро разгромить японские войска прикрытия, преодолеть труднодоступную полосу местности, выйти главными силами трех фронтов на рубежи, с которых можно было бы развивать наступление непосредственно на жизненно важные районы противника. Такими рубежами являлись: для Забайкальского фронта — Дабаньшан — Лобэй — Солунь; для 1-го Дальневосточного фронта — Боли — Муданьцзян — Тумыньцзян.

Во-вторых, планировалось разгромить резервы Квантунской группировки войск и выйти основными силами трех фронтов на линию Чифын — Мукден — Чанчунь — Чжаланьтунь — Цицикар — Харбин — Гирин — Яньцзы. Решение этой задачи должно было привести к поражению главных сил противника и овладению советскими войсками всей основной территорией Маньчжурии.

В-третьих, надо было ликвидировать остатки войск противника в случае, если бы они не прекратили сопротивления.

Детальная разработка плана операции и неукоснительное следование ему в ходе военных действий дали советскому командованию возможность удерживать инициативу в своих руках. При планировании и проведении операции учитывалась конфигурация советско-маньчжурской и советско-корейской границ. Охватывающее положение советских войск по отношению к неприятелю в начале наступления позволило нанести мощные удары по флангам японской Квантунской группировки с запада и востока, быстро осуществить глубокий охват ее главных сил, рассечь их несколькими вспомогательными ударами по сходящимся в центре Маньчжурии направлениям и разгромить по частям. Направления главных ударов фронтов выводили войска на фланги и в тылы основной группировки противника, что лишало ее связи с метрополией и стратегическими резервами, расположенными в Северном Китае. Основные силы фронтов наступали на участках фронтовых полос общей шириной в 2720 км.

Важной особенностью Маньчжурской стратегической наступательной операции являлась большая разобщенность операционных направлений не только фронтов и армий, но в ряде случаев даже направлений военных действий соединений. Оперативное взаимодействие между большей частью объединений и соединений практически возможно было лишь на заключительном этапе операции. Тактическое же взаимодействие либо исключалось вовсе, либо могло осуществляться только в отдельных случаях и также лишь на заключительном этапе операции при встрече в Центральной Маньчжурии группировок войск, наступавших с разных направлений. Взаимодействие здесь выражалось в том, что усилия войск Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, а также Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии направлялись к достижению единой цели — быстрого разгрома основных сил Квантунской группировки.

Путем массирования до 70—90% сил и средств на направлениях главных ударов было обеспечено превосходство над противником: в людях — в 1,5—1,7 раза, в орудиях — в 4—4,5 раза, в танках и САУ — в 5—8 раз, в самолетах — в 2,6 раза[37]. Вспомогательные удары наносились с таким расчетом, чтобы лишить противника возможности перебрасывать войска на главные направления наступления советских войск.

Митинг в одной из танковых частей перед началом войны с Японией

Характерными чертами фронтовых и армейских операций, проведенных в рамках Маньчжурской стратегической наступательной операции, являлись: большая глубина — от 200 до 800 км; широкие полосы наступления, достигавшие во фронтах 700–2300 км, а в большинстве армий — 200–250 км; применение маневра в целях охватов, обходов и окружения группировок противника; высокие темпы наступления, достигавшие до 40–50 км в сутки, а в отдельные дни — более 100 км. Общевойсковые и танковая армии в большинстве случаев (кроме 53-й армии Забайкальского фронта) наступали в первых эшелонах фронтов до завершения фронтовых операций на всю их глубину[38].

Решающая роль в Маньчжурской стратегической наступательной операции отводилась Забайкальскому и 1-му Дальневосточному фронтам. Мощный удар войск Забайкальского фронта отсекал основные силы Квантунской группировки войск от Северного фронта японских Экспедиционных сил в Китае, а удар войск 1-го Дальневосточного фронта — от Корейского (17-го) фронта. В результате этих действий Квантунская группировка, лишенная всех коммуникаций, оказывалась в изоляции, а ее командование теряло возможность маневрировать своими резервами. С выходом же войск Забайкальского фронта в район Мукдена противник вынуждался к действиям с перевернутым фронтом.

Войска 2-го Дальневосточного фронта, действуя на цицикарском и харбинском направлениях, осуществляли содействие Забайкальскому и 1-му Дальневосточному фронтам, нанося вспомогательный удар вдоль р. Сунгари.

Важную роль сыграли пограничные войска, которые не только усилили охрану государственной границы и сообщали прибывшим частям разведывательные данные о противнике и состоянии местности в приграничной зоне, но и приняли непосредственное участие в боевых действиях, расчищая полосу наступления фронтам и армиям.

Тихоокеанскому флоту первоначально были поставлены сугубо оборонительные задачи. Директивы наступательного характера, в частности о высадке десантов в Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах, были даны уже в ходе боевых действий.

Оперативное построение войск Забайкальского фронта было двухэшелонным, 1-го и 2-го Дальневосточного фронтов — одноэшелонным с наличием резервов. Общевойсковые армии строились в один-два эшелона, а на тех направлениях, где противником были оборудованы укрепленные районы, в корпусах и дивизиях создавались глубокие боевые порядки.

Каждый из родов советских войск на Дальнем Востоке проявил высокое военное мастерство, внес свой существенный вклад в развитие теории и практики военного искусства.

На главных направлениях широко использовались танковые и механизированные войска. Они активно привлекались к действиям в пустынно-степных и пустынно-горных районах как в качестве основных сил ударных группировок фронтов, так и совместно со стрелковыми соединениями. При этом в Забайкальском фронте 6-я гвардейская танковая армия и конно-механизированная группа с самого начала операции находились в первом эшелоне, что было обусловлено слабостью обороны противника на этом операционном направлении. Особенно поучительными были действия 6-й гвардейской танковой армии, которая, наступая в первом эшелоне фронта в полосе около 200 км, за 10 дней продвинулась на глубину свыше 800 км. Включение в состав танковой армии одного танкового, двух механизированных корпусов и двух мотострелковых дивизий обеспечило самостоятельность ее действий и способствовало резкому повышению темпов наступления (в среднем более 80 км в сутки). Быстро продвигаясь в глубину расположения противника, 6-я гвардейская танковая армия создавала благоприятные условия для успешного наступления общевойсковых армий. Уничтожив в короткие сроки относительно слабые неприятельские войска в приграничной зоне, танковые и механизированные объединения и соединения упредили главные силы Квантунской группировки войск в захвате перевалов через Большой Хинган и стремительно ворвались в центральные районы Маньчжурии.

Значительная часть танковых соединений, частей и подразделений (до 30 бригад в составе каждого фронта) использовалась для усиления стрелковых соединений и частей. Особенно эффективно они действовали в составе передовых отрядов, которые создавались почти во всех корпусах и дивизиях первых эшелонов общевойсковых армий[39]. Наличие в составе войск

фронтов большого количества механизированных и моторизованных частей и соединений обеспечивало создание подвижных и сильных в огневом отношении и боевой технике отрядов, способных к стремительному наступлению даже в отрыве от своих главных сил.

Общевойсковая армия обычно получала на усиление от двух до пяти танковых бригад и от двух до шести самоходно-артиллерийских полков. На направлениях, где наступление было связано с прорывом сильной обороны, плотность танков достигала 30—40 единиц на 1 км фронта.

Состав передовых отрядов был различным и зависел от конкретных задач и обстановки. В отряд включались: от одной-двух рот до полка пехоты на автомашинах, от батальона до бригады танков, дивизион самоходных артиллерийских установок, от дивизиона до полка артиллерии и истребительно-противотанковой артиллерии, зенитной артиллерии и другие подразделения обеспечения. В некоторых случаях в качестве передовых отрядов действовали отдельные танковые бригады. Внезапность, большая огневая и ударная сила, смелые и решительные действия составляли основу боевых действий передовых подвижных отрядов. В их задачу входили захват и удержание до подхода главных сил выгодных рубежей, обеспечение их развертывания, нахождение флангов противника с целью выхода ему в тыл и организации параллельного преследования. Ход боевых действий полностью подтвердил целесообразность создания таких передовых отрядов на сложном театре военных действий.

Войска 1-го Дальневосточного фронта могли развивать успех в глубину Маньчжурии лишь с форсированием пограничных рек Амур и Уссури, ширина которых после прошедших ливней достигала 2—2,5 км. Соединениям фронта пришлось начинать наступление с прорыва вражеских приграничных укрепленных районов и только после этого развивать тактический успех в оперативный.

В 1-м Дальневосточном фронте, в полосе наступления которого противник имел сильную, глубоко эшелонированную оборону и где местность затрудняла использование крупных формирований танковых войск, дивизии первого эшелона усиливались танковой бригадой и тяжелым самоходно-артиллерийским полком. При прорыве обороны в приграничных районах, где располагалась 200-тысячная группировка японских войск, занимавшая оборудованные укрепрайоны общей глубиной до 130—180 км по рекам Мулинхэ и Муданьцзян, они применялись для непосредственной поддержки пехоты, а при развитии наступления — в передовых отрядах и первых эшелонах главных сил. Действуя в первых эшелонах фронтов, армий и дивизий, танковые части и соединения обычно с ходу прорывали оборону противника и продвигались в глубину. Наиболее сильные узлы сопротивления врага преодолевались во взаимодействии с передовыми частями стрелковых соединений[40].

Успешно действовала в Маньчжурской стратегической наступательной операции конно-механизированная группа советско-монгольских войск, выполнившая поставленную ей боевую задачу при действиях в первом эшелоне построения войск Забайкальского фронта на самостоятельном направлении на семь дней раньше установленного срока[41].

Оперативное использование артиллерии в каждом фронте имело свои особенности. Первоначально в 1-м Дальневосточном фронте планировалось проведение артиллерийской подготовки продолжительностью 4 часа, во 2-м Дальневосточном фронте — 30—50 минут, а в Забайкальском фронте она не планировалась. Обстановка с начала военных действий внесла существенные коррективы в использование артиллерии: в большинстве случаев проведение артиллерийской подготовки, а на многих направлениях и артиллерийской поддержки в запланированном объеме было отменено — приоритет отдавался достижению внезапности. Основные задачи по огневому поражению противника в ходе наступления стрелковых войск решала полковая и дивизионная истребительно-противотанковая артиллерия, следовавшая непосредственно в боевых порядках войск. Необходимая часть артиллерии выделялась в передовые отряды. Прекрасно зарекомендовали себя части гвардейских минометов (катюш), обладавшие высокой маневренностью и огневой мощью. Управление артиллерией в масштабе армий было децентрализованным, а в масштабе корпусов и чаще дивизий в определенные периоды оно централизовалось.

Поздравление экипажа советского бомбардировщика Пе-2 с успешным выполнением боевого задания.
1-й Дальневосточный фронт

Монитор Амурской флотилии высаживает десант на реке Сунгари

Инженерные войска обеспечивали преодоление водных преград, участвовали в прорыве и захвате сильных укреплений, прокладывали колонные пути, обеспечивали быстрое продвижение пехоты и танков, вели инженерную разведку, участвовали в решении задач водоснабжения.

Управление войсками осуществлялось с учетом таких условий обстановки, как наличие широких полос наступления, действия на изолированных направлениях, высокие темпы продвижения соединений и объединений. Оно строилось с помощью проводных, радио- и подвижных средств связи. В ходе наступления основным средством связи было радио. Скрытность постановки боевых задач во фронтах и армиях обеспечивалась использованием закодированных карт, переговорных таблиц, посылкой офицеров связи. В соединениях и меньших подразделениях задачи ставились обычно путем личного общения соответствующих командиров. Для управления войсками создавались командные и вспомогательные пункты управления. Командные пункты армий в ходе наступления передвигались вслед за войсками первых эшелонов на удалении 20—30 км в армиях и 10—15 км в корпусах. Дивизионные и полковые командные пункты передвигались непосредственно за первыми эшелонами войск.

В тактическом звене стрелковых войск наиболее поучительными являются переход в наступление ночью при неблагоприятных метеорологических условиях и на труднопроходимых участках местности, осуществление прорыва укрепленных районов. При прорыве укрепрайонов дивизии и корпуса имели глубокие боевые порядки и создавали большую плотность сил и средств — до 200—240 орудий и минометов, 30—40 танков и САУ на 1 км фронта.

Внезапность достигалась тщательной маскировкой и переходом в наступление ночью, зачастую при неблагоприятных погодных условиях и на труднодоступных участках местности. В прорыве обороны важную роль играли передовые батальоны, продвигавшиеся до рассвета на глубину 3—5 км. Заслуживает внимания прорыв укрепрайонов в полосе наступления войск 1-го Дальневосточного фронта ночью, без артиллерийской и авиационной подготовки. Внезапное появление советских войск в расположении опорных пунктов Суйфынхэского, Дуннинского и других японских укрепленных районов застигло их гарнизоны врасплох, а стремительные действия войск исключили возможность организованного сопротивления. Опорные пункты были обойдены или блокированы. В обороне противника образовались большие бреши, куда устремились главные силы наступавших войск. Это решило участь большей части вражеских укрепленных районов, павших в первые же дни операции.

Успешное развитие наступления в глубину во многом зависело от передовых отрядов, выделявшихся от дивизий и корпусов первого эшелона армий в составе от батальона до полка пехоты на автомобилях, усиленных танками (до бригады), артиллерией (до полка), саперами, химиками и связистами. Отрыв передовых отрядов от главных сил составлял 10—50 км. Задача этих отрядов состояла в уничтожении очагов сопротивления, захвате узлов дорог, перевалов, дефиле. Наиболее сильные очаги сопротивления отряды обходили, не ввязываясь в затяжные бои. Их внезапные атаки, решительное продвижение в глубину расположения противника не давали ему возможности организовать оборону частями прикрытия. Главные силы стрелковых соединений, используя успех передовых отрядов, в большинстве случаев продвигались в походных колоннах без непосредственной тактической связи между собой[42].

Большую ценность представляет богатый опыт, накопленный в войне с Японией советскими ВВС. Особого внимания заслуживают скрытная перегруппировка крупных сил авиации с Западного на Дальневосточный ТВД, подготовка и ведение боевых действий в трудных климатических и природных условиях, организация и поддержание взаимодействия со стремительно наступавшими наземными войсками, использование транспортной авиации для высадки воздушных десантов, подвоз войскам боевых и материальных средств, эвакуация раненых.

Военно-воздушные силы в ходе Маньчжурской наступательной операции совершили более 22 тыс. самолето-вылетов[43]. Действия фронтовой авиации и отдельного корпуса дальней авиации осуществлялись под единым руководством командующего ВВС Красной армии. Советская авиации безраздельно господствовала в воздухе на всем протяжении военных

действий. Прикрывая с воздуха главные группировки войск фронтов, ВВС наносили удары по железнодорожным объектам противника, его оборонительным сооружениям, пунктам управления, скоплениям живой силы и техники, препятствовали подходу резервов из Северного Китая и Кореи, вели интенсивную воздушную разведку на всех основных направлениях наступления войск.

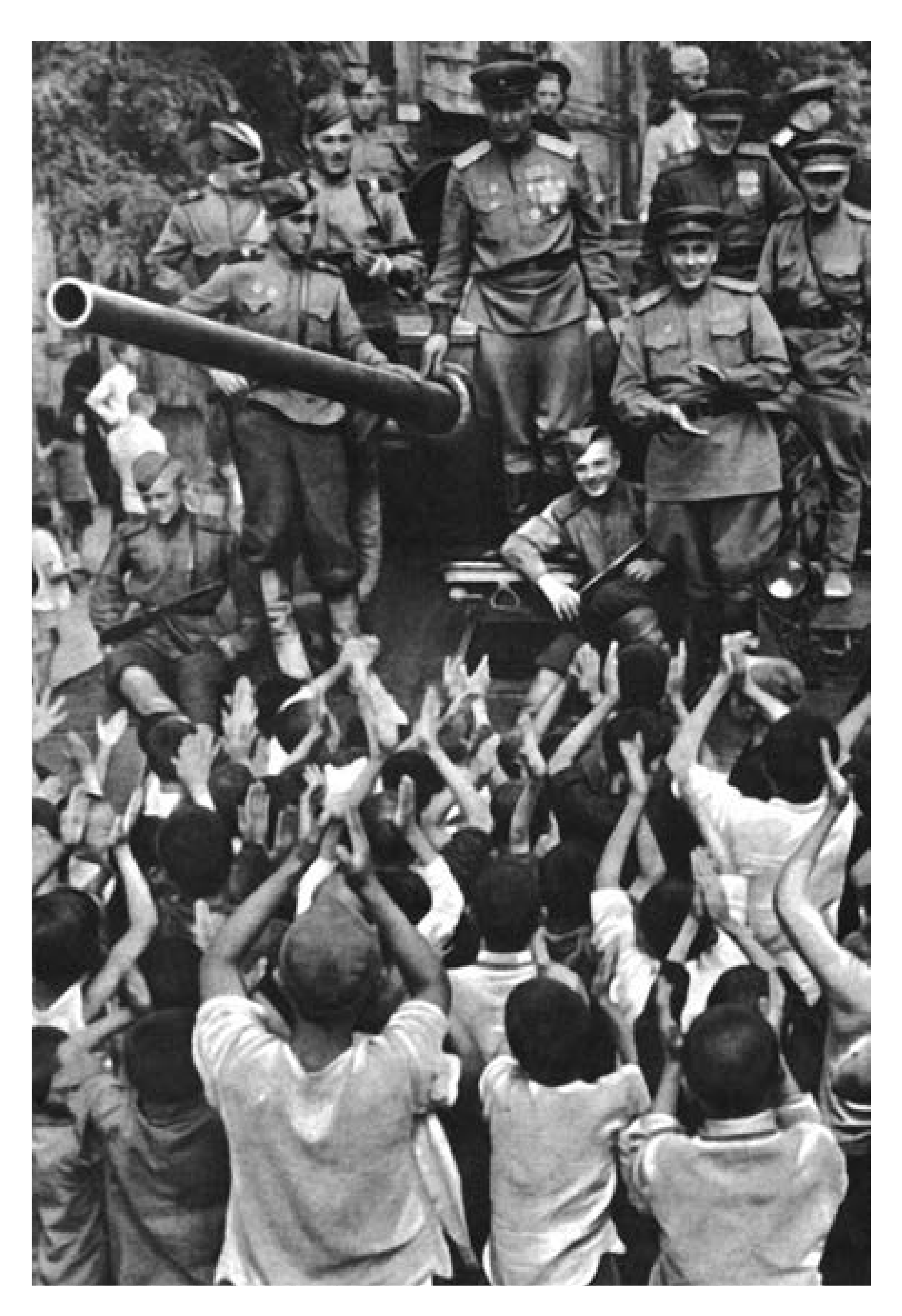
Трудно переоценить значение военно-транспортной авиации, доставлявшей наступавшим через Большой Хинган объединениям горючее и боеприпасы, а также выполнявшей задачи по высадке воздушных десантов. В ходе операции по воздуху было переброшено около 16 500 солдат и офицеров, до 2780 тонн горючего, 563 тонны боеприпасов и 1496 тонн других грузов[44].

Воздушные десанты высаживались в завершающий период боевых действий. Для обеспечения высадки в сложных погодных условиях перед вылетом десанта к аэродрому посадки направлялся самолет-разведчик, который передавал необходимые данные для перелета и высадки десанта. Десанты захватывали важные объекты до подхода сухопутных войск, а также участвовали в разоружении войск противника. Высадка десантов на аэродромы занятых японцами важных административных центров Маньчжурии и Северной Кореи ускорила капитуляцию их гарнизонов.

Задачи Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии в основном заключались в содействии наступлению сухопутных войск. Взаимодействие сил Военно-морского флота с сухопутными войсками осуществлялось в соответствии с задачами, поставленными Ставкой Верховного главнокомандования, и характером действий фронтов. Так, взаимодействие сил Тихоокеанского флота с войсками 1-го Дальневосточного фронта призвано было обеспечить южный фланг последнего путем надежной обороны побережья и действий на коммуникациях противника, помочь войскам фронта осуществлением десантных операций на побережье Северной Кореи, на Южном Сахалине и Курилах. Активные действия кораблей и авиации Тихоокеанского флота совместно с войсками 1-го Дальневосточного фронта, обеспечивавшие быстрый захват узловых районов Северной Кореи, лишили противника возможности маневрировать своими силами и средствами. Вместе с тем ведение фронтами и армиями операций в широких полосах и разобщенность направлений главных и вспомогательных ударов затрудняли осуществление их оперативного, а порой и тактического взаимодействия с моряками.

Оценивая действия Тихоокеанского флота и его Северной Тихоокеанской военной флотилии, следует отметить, что наиболее характерными для них были авиационные удары, высадка и поддержка морских десантов (всего до 20 десантов от батальона до дивизии) в порты Юки, Расин, Сейсин, Гензан, на Южный Сахалин и Курильские острова. Это позволило быстро освободить и блокировать важные порты северо-восточного побережья Кореи, подавить сопротивление неприятеля и овладеть южной частью Сахалина и Курильскими островами. В результате упреждающих десантных действий и ударов морской авиации Квантунская группировка лишилась морских коммуникаций и оказалась в полной изоляции, что способствовало успеху Маньчжурской стратегической наступательной операции советских войск в целом. Важной особенностью десантных действий Тихоокеанского флота по овладению портами и базами в Северной Корее являлся высокий темп их проведения, что обеспечивало опережение наступавших советских войск на приморском направлении, деморализацию и нарушение системы обороны противника и лишало японцев возможности проводить маневр своими войсками и эвакуацию их на Японские острова[45].

Что касается Северной Тихоокеанской военной флотилии, то она оказала существенную помощь войскам Красной армии в освобождении от японцев оккупированной ими части Сахалина в Южно-Сахалинской наступательной операции. Заняв с помощью морских десантов порты на юго-западном и южном побережьях острова, моряки флотилии, с одной стороны, ослабили тыл японских войск, отступавших под натиском соединений и частей сухопутных войск на юг, а с другой — вместе с подводниками и авиаторами лишили их возможности эвакуироваться на остров Хоккайдо, что наряду с проявленным к середине

Население китайского города Далянь радостно встречает советских танкистов

третьей декады августа японским командованием намерением обеспечить повсеместную капитуляцию японских гарнизонов явилось одной из причин отказа Ставки ВГК от высадки десанта советских войск на один из крупнейших островов Японии.

Курильская десантная операция, проводившаяся на первом этапе войсками Камчатского оборонительного района и силами Петропавловской военно-морской базы, являлась наиболее сложной десантной операцией Тихоокеанского флота. И хотя она проводилась не на главном, маньчжурском направлении, но сыграла существенную роль в победе над Японией. Курильская десантная операция, как и другие десантные действия советского флота в Дальневосточной кампании, отличалась кратковременностью подготовки и стремительностью проведения, что нередко приводило к недостаточной подготовленности десантных средств, особенно десантных барж, полученных от США, слабости гидрографического и материально-технического обеспечения действий десантников. Операция проводилась в крайне неблагоприятных условиях погоды (штормы и туманы) и гидрографии. Тем не менее моряки Тихоокеанского флота успешно справились с поставленными перед ними в этой операции задачами.

Наряду с проведением совместных операций с сухопутными войсками Тихоокеанский флот вел активные боевые действия по нарушению морских коммуникаций противника. Для этой цели использовались разнородные силы: авиация, подводные лодки и торпедные катера, которые потопили и повредили в общей сложности около 50 судов, в том числе несколько боевых кораблей. Из них подавляющее число было потоплено или же повреждено в северокорейских портах Юки, Расин и Сейсин. Наибольшего успеха добилась авиация, на долю которой приходится свыше 30 судов, в том числе эскадренный миноносец; 16 судов было потоплено и повреждено торпедными катерами и четыре — подводными лодками[46].

Главными задачами Амурской военной флотилии являлись содействие сухопутным войскам в форсировании широких водных преград одновременно на нескольких операционных направлениях, высадка десантов, действовавших в авангарде наступавших войск 2-го Дальневосточного фронта, их артиллерийская поддержка. С этими задачами флотилия блестяще справилась. Хорошо организованная и быстро осуществленная переправа войск 2-го Дальневосточного фронта через полноводные реки позволила советским войскам в первый же день войны начать стремительное наступление в глубину Маньчжурии и обеспечить его высокий темп. За десять суток наступления главные силы флотилии, взаимодействуя с войсками 15-й армии, прошли по Амуру и Сунгари свыше 900 км — от Фуйюаня до Харбина, где приняли участие в разоружении и пленении японской Сунгарийской флотилии. Основная тяжесть переправы войск и боевой техники через водные рубежи также легла на боевые корабли и транспортные средства флотилии. Всего в ходе операции флотилия переправила 201 337 солдат и офицеров, около 1 тыс. танков, свыше 3 тыс. орудий и минометов, 10 тыс. тонн боеприпасов и огромное количество других воинских грузов[47]. В свою очередь, войска 15-й армии в начале операции огнем артиллерии обеспечивали высадку флотилией десантов, захват ими и удержание островов и плацдармов, а в ходе операции прикрывали корабли флотилии, действовавшие на р. Сунгари.

Высокие темпы наступательных действий Амурской военной флотилии в войне против Японии стали возможны благодаря прекрасной выучке личного состава, достигнутой в предыдущие годы, хорошо продуманному и организованному управлению силами в операции, господству советской авиации в воздухе и пассивным действиям японской Сунгарийской флотилии, корабли которой в своем большинстве отстаивались в базе и не решались активно противодействовать наступлению советской флотилии. Большое значение имело также четко налаженное всестороннее обеспечение боевых действий Амурской военной флотилии. Особенно хорошо была организована разведка с использованием кораблей и авиации. Полностью себя оправдало оперативное подчинение флотилии командованию фронта, а бригад речных кораблей — армии и 5-му отдельному стрелковому корпусу.

Опыт боевых действий Амурской военной флотилии в Маньчжурской стратегической наступательной операции еще раз подтвердил, что главным назначением речных флотилий

является содействие войскам фронта, требующее предварительной отработки взаимодействия в процессе боевой подготовки речных и сухопутных сил в мирное время.

В качестве главной ударной силы флотилии при артиллерийской поддержке сухопутных войск и высадке десантов использовались мониторы, канонерские лодки, бронекатера и минные катера, оснащенные реактивными установками. Для уничтожения дотов и дзотов противника и подавления его огневых точек особенно эффективно применялись мониторы, обладавшие наиболее мощной артиллерией и хорошо защищенные броней. Они же оказались способными высаживать и самые крупные тактические десанты, оставаясь малоуязвимыми для неприятельского огня. Бронекатера зарекомендовали себя при ведении разведки и как средства поражения живой силы противника на приречных дорогах и открытой местности, а также при высадке передовых отрядов десанта.

При артиллерийской поддержке сухопутных войск и высадке десанта применялись различные тактические приемы, соответствующие обстановке и характеру решаемых задач. В одном случае корабли вели огонь по берегу с хорошо замаскированных якорных позиций, в другом — на ходу, а иногда, подходя к берегу, занятому противником, — прямой наводкой. Десантные войска в одних случаях перевозились на баржах и буксирах, а артиллерийские корабли прикрывали их, в других — на боевых кораблях, в том числе мониторах и канонерских лодках. Высадка десанта, в зависимости от обстановки, производилась в оборудованные порты непосредственно на пристани и набережные или же вдали от портов на необорудованное побережье[48]. Таким образом, формы нанесения ударов не являлись шаблонными, а непрерывно менялись в зависимости от конкретной обстановки, что свидетельствует о высоком воинском мастерстве советских моряков.

Управление флотилией, несмотря на разбросанность ее бригад и отрядов на огромном пространстве Амурского речного бассейна, было надежным, непрерывным и гибким. Размещение главного командного пункта на штабном корабле «Амур», который находился вместе с основными силами флотилии, действовавшими на главном операционном направлении фронта, давало возможность командующему флотилией и его штабу оперативно реагировать на быстро менявшуюся обстановку и в соответствии с ней более эффективно использовать имевшиеся силы в операции. Успешному наступлению флотилии, особенно на р. Сунгари, навигационные особенности которой были слабо известны амурцам, во многом способствовали инициативные действия офицерского состава всех категорий и их высокая выучка и мастерство в кораблевождении. Японцы в целях замедления продвижения Амурской флотилии на харбинском направлении в узких и труднопроходимых местах р. Сунгари затопили 15 судов и барж и полностью сняли навигационное оборудование. По течению реки они сплавляли большое количество разбитых барж и бревен, загромождая ими ходовой фарватер. Тем не менее командиры кораблей и штурманы успешно преодолевали все эти препятствия и поддерживали высокий темп продвижения кораблей флотилии вверх по реке, проходя в сутки около 100 км, а в общей сложности одолев с боями около 1000 км[49].

Войска ПВО страны в Дальневосточной кампании находились в постоянной готовности, но крупных боевых действий не вели, поскольку японская авиация не проявляла большой активности.

Характерной особенностью Южно-Сахалинской наступательной операции являлось то, что она готовилась и проводилась в ограниченные сроки. В ней по единому замыслу и плану действовали сухопутные войска (16-я армия), морская пехота, авиация и боевые корабли. Умело были выбраны направления главного и вспомогательных ударов.

Показательным являлось разнообразие способов действия десантов в Южно-Сахалинской наступательной и Курильской десантной операциях. В одних случаях перевозка десантных войск осуществлялась на баржах и буксирах, в других — на боевых кораблях. В первом случае боевые корабли прикрывали переход морем и высадку. Высадка десанта при надежном подавлении обороны противника осуществлялась с фронта или на флангах укрепленных районов. Огневая поддержка наступавших войск и подавление оборонявшегося неприятеля проводились боевыми кораблями, а при высадке десанта на о. Шумшу — и береговой ар-

тиллерией. К недостаткам Курильской десантной операции, особенно при осуществлении высадки на Шумшу, следует отнести плохую организацию разведки, ограниченность сил десантирования, слабую организацию связи, управления и взаимодействия.

Важный вклад в победу Вооруженных сил Советского Союза в кампании на Дальнем Востоке внесли органы тыла. Заблаговременное накопление запасов на театре военных действий, комплексная подготовка путей сообщения и транспорта, своевременный маневр силами и средствами в ходе операции явились одним из решающих факторов разгрома Квантунской группировки войск, успешного проведения Южно-Сахалинской наступательной и Курильской десантной операций. Тыловое обеспечение также стало важным фактором, лимитировавшим сроки начала Маньчжурской операции. Многоплановые и объемные задачи органы тыла решали в сложной обстановке. Огромный пространственный размах операции, большой состав войск и сил флота, действия ударных группировок фронтов в широких полосах по разобщенным направлениям потребовали особо тщательной подготовки тыловых частей и учреждений, продуманного распределения их по операционным направлениям, выделения достаточных резервов и гибкого маневрирования ими в ходе боя[50].

Мероприятия, связанные с материально-техническим обеспечением войск, начали проводиться еще в феврале — марте 1945 г. и продолжались вплоть до начала военных действий, а некоторые — и с началом наступления советских войск. На всех трех фронтах главную трудность составляли огромные пространства, ограниченность транспортных средств и малая возможность использования местной промышленной и сырьевой базы для обеспечения войск боеприпасами и горючим. Большую часть этих средств приходилось доставлять за многие тысячи километров. Благодаря своевременно принятым мерам к началу августа 1945 г. в войсках были созданы необходимые запасы боеприпасов всех видов, а также продовольствия. Дополнительные трудности в работе тыла создавали крайне слабое развитие сети путей сообщения, тяжелые природные и климатические условия и неблагоприятное санитарно-эпидемическое состояние районов боевых действий. Однако проделанная органами тыла в подготовительный период работа обеспечила успешный ход операции. Советские войска, продвинувшись за первые 10–15 дней на 500–800 км, не испытывали серьезных затруднений в снабжении, не считая временных перебоев с подачей горючего для 6-й гвардейской танковой армии[51].

Военные действия советских войск на Дальнем Востоке не были простыми. Жестокие бои у Хайлара, Муданьцзяна, в Северной Корее, на Сахалине и Курильских островах — яркие страницы самоотверженности и героизма воинов армии и флота.

В успешном проведении Дальневосточной кампании значительную роль сыграла непрерывная и разнообразная по содержанию, формам и методам политико-воспитательная работа. Ее центрами в тактическом звене являлись роты. Конкретность и целеустремленность этой работы способствовали проявлению массового героизма советских воинов. Японская военщина постоянно кичилась «превосходством японского боевого духа». Однако на этот раз слепой фанатизм, культ жестокости, милитаристский дух, вера в превосходство желтой расы над другими народами и божественность императора, внушавшаяся японцам с детства, не выдержали единоборства с сознательным патриотизмом и интернационализмом советского воина, с его убежденностью в правоте дела, за которое он проливал свою кровь.

Особенности Маньчжурской стратегической наступательной операции внимательно анализируют в современных исследованиях не только отечественные военные историки, но и исследователи ряда других стран. Особый интерес представляют оценки военных историков КНР. Они обращают внимание на следующие характерные черты операций Красной армии на Дальнем Востоке в августе 1945 г.: «Принятие всех возможных мер для обеспечения оперативной внезапности», в результате чего «оперативная инициатива с самого начала военных действий находилась в руках советских войск»; «создание сильных первых эшелонов для нанесения мощного первоначального удара (до 80% сил и средств, участвовавших в операции)»; «нанесение одновременных ударов с нескольких операционных направлений, сходящихся к центру, при централизованном управлении»; «высокая организация централизованного ты-

лового обеспечения», несмотря на «высокие темпы наступления» и «оторванность Дальнего Востока от экономических центров СССР»[52]. Известный английский историк Д. Эриксон заявлял о «новой стратегии советского командования» в этой операции, которая проявилась прежде всего в высоких темпах наступления, тесном взаимодействии видов вооруженных сил, открытых флангах, высадке десантов впереди наступавших войск и т. п. Он и другие исследователи на Западе отмечали, что эти черты, по существу, заложили основы для «послевоенной стратегии и доктрины советского командования». «Концентрация сил на ключевых направлениях, быстрое наступление, нацеленные танковые удары сокрушили японское сопротивление значительно быстрее, чем это когда-либо удавалось Западу»[53].

Специальная пропаганда в завершающих кампаниях Второй мировой войны

Важной частью противостояния в ходе военных действий Вооруженных сил Советского Союза на зарубежных территориях являлась работа их политических органов среди войск и населения терпевших поражение главных виновников Второй мировой войны, а также среди населения освобождаемых стран. Специальная пропаганда активно способствовала полной и окончательной победе над врагом и установлению дружественных отношений народов освобождаемых стран с СССР и его вооруженными силами и была составной частью внешнеполитической деятельности нашего государства во время Великой Отечественной войны.

Политическая пропаганда являлась специальным видом обеспечения боевых действий, имея главной задачей средствами морально-психологического воздействия облегчать и ускорять достижение победы вооруженных сил нашей страны над армиями фашистского блока с наименьшими потерями. Специфическое свойство этого вида обеспечения — действовать убеждением, словом правды, активно влиять на сознание, моральное состояние и психологию вражеских войск и населения, обработанных фашистской идеологией, в сочетании с силой оружия.

Главной задачей советских войск на освобождаемых ими зарубежных территориях являлись скорейший разгром группировок врага и окончание кровопролитной войны. Для этого работа среди войск противника была направлена на морально-политическое разложение солдат и офицеров, склонение их к прекращению преступной войны, к массовой сдаче в плен и капитуляции попавших в окружение частей, соединений и гарнизонов противника, а также оказание помощи в становлении народной власти в освобожденных государствах.

Внутриполитическая обстановка в странах Юго-Восточной Европы благоприятствовала организации специальной пропаганды. В Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии, Чехословакии и других европейских странах под влиянием побед Красной армии, под воздействием активной спецпропаганды и в результате деятельности прогрессивных сил нарастала борьба народов против фашистской Германии. В ряде стран создавались и успешно действовали повстанческие армии и партизанские отряды.

За организацию спецпропаганды отвечало управление пропаганды среди войск и населения противника Главного политического управления (ГлавПУ) РККА, которое насчитывало на завершающем этапе войны 39 военнослужащих и 28 вольнонаемных и состояло из трех отделов (по работе среди войск противника, по работе среди населения освобожденных стран и информации и обобщения опыта работы), группы инспекторов, отделения по работе с военнопленными и связям с антифашистским движением, группы распространения агитационных материалов[54]. Отдел по работе среди населения освобождаемых стран состоял из трех отделений: по Германии, по подвассальным по отношению к Германии странам и по оккупированным противником государствам.

В отделах спецпропаганды политуправлений фронтов были развернуты отделения: организационно-инструкторское, редакционно-издательское и по работе среди населения. Они комплектовались владеющими соответствующими иностранными языками квалифицированными кадрами. При отделах функционировали также издательства и типографии газет на иностранных языках и редакции радиовещания. В штатах отделений специальной пропаганды армий находились офицеры по организации работы среди войск, военнопленных и местного населения, мощная громкоговорящая установка (МГУ) на автомобиле (начальник станции, диктор-переводчик и водитель), типография (наборщик, печатники, художник-оформитель), группа дикторов окопных громкоговорящих установок (ОГУ), группа распространителей листовок и дикторов-рупористов. К середине 1944 г. штат армейских отделений специальной пропаганды насчитывал 28 человек. В политотделах дивизий за эту работу отвечал старший инструктор по спецпропаганде, в помощь которому выделялись дикторы-рупористы и распространители листовок в частях и подразделениях.

Важными центрами массовой политической работы среди населения освобожденных стран сразу после окончания боев выступали советские военные комендатуры в городах и населенных пунктах, занятых войсками Красной армии. В их структуру включались офицеры специальной пропаганды, однако их недостаточное количество ограничивало и затрудняло эту полезную деятельность.

Успех специальной пропаганды обеспечивало сочетание общеполитических (от имени Верховного главнокомандования, правительства, НКО) и оперативных (от имени командующих, командиров) листовок. В общеполитических листовках освещались коренные вопросы международного положения, хода войны, состояния фашистской Германии и ее сателлитов, в оперативных — отклики на события текущего дня, происходящие на данном участке фронта, в конкретной части и даже подразделении. Примерами оперативных документов являются ультиматум командирам 30, 44 и 52-го армейских корпусов и других немецких соединений и частей, окруженных в районе среднего течения р. Прут, подписанный командующим 3-м Украинским фронтом Маршалом Советского Союза Ф. И. Толбухиным; ультиматум немецким войскам в районе Земланда, подписанный командующим 3-м Белорусским фронтом Маршалом Советского Союза А. М. Василевским[55].

Немецкое командование стремилось путем устрашения солдат, а также обещаниями дать новое оружие добиться устойчивости фронта. В связи с этим аппарат спецпропаганды усилил работу по подрыву у войск противника доверия к фашистскому командованию. В листовках и звукопередачах, которые были обращены к солдатам и офицерам соединений, частей и подразделений противника, назывались конкретные виновники катастрофы Германии, разоблачался миф о новом секретном оружии, дискредитировались наиболее преданные гитлеровской клике генералы. Анализ содержания листовок, изданных на 1, 2 и 4-м Украинских фронтах с 20 августа по 25 октября 1944 г., свидетельствует, что около 65% распространяемых среди войск противника материалов имело такую разоблачительную направленность[56].

На завершающем этапе войны весьма активное воздействие на немецких солдат и офицеров оказывала наша устная пропаганда. За время Берлинской операции была проведена 9071 звуковещательная передача через МГУ и ОГУ. До 1 мая 1945 г. в блокированные очаги сопротивления выходили с агитационными задачами 2130 антифашистов из числа пленных и 2365 местных жителей. Ими было распропагандировано и приведено в наше расположение более 15 тыс. немецких солдат и офицеров. Только части 5-й ударной армии приняли от 783 антифашистов и берлинских жителей 3025 солдат и офицеров, в том числе 936 фольксштурмовцев[57].

Широко применялась и такая форма специальной пропаганды, как предъявление окруженным, блокированным войскам ультиматумов советского командования через парламентеров. Ультиматумы производили сильный морально-психологический эффект на вражеских солдат и делали бессмысленным их дальнейшее сопротивление. Тексты ультиматумов передавались через громкоговорящие установки и рупоры с переднего края на части противника.

Так как в большинстве случаев командование неприятеля, скрывая от своих солдат и офицеров факты предъявления ультиматумов, отказывалось капитулировать, органами специальной пропаганды проводилась широкая кампания по доведению до них обращений командующих фронтами Красной армии. Так, в конце марта 1945 г. маршал А. М. Василевский направил командованию отрезанной и прижатой к заливу Фришес-Гафф восточно-прусской группировки противника ультиматум, а затем и обращение, в которых показывал безнадежность ее положения и предлагал «в интересах сохранения жизни немецких солдат для будущей Германии сложить оружие и капитулировать»[58]. Такого же содержания был ультиматум маршала К. К. Рокоссовского к офицерам и солдатам 2-й немецкой армии, оказавшейся в окружении в районе Данцига и Гдыни. Для выполнения этих задач издавались листовки, готовились тексты звукопередач, в окруженные гарнизоны направлялись с текстами ультиматумов антифашисты. В результате в г. Грауденц сдались в плен 5500 солдат и 117 офицеров во главе с генералом Флике; в Шнейдемюле — более 12 тыс. немецких солдат и офицеров, так происходило и в других городах на территории Германии[59].

Были и другие примеры реагирования фашистского командования на советские ультиматумы. Так, командование немецко-венгерского гарнизона в Будапеште отклонило советский ультиматум от 29 декабря 1944 г. о капитуляции и расстреляло наших парламентеров капитанов И. Остапенко и М. Штейнмеца. В ответ на это злодеяние над городом было сброшено около двух миллионов листовок с текстом ультиматума на немецком языке и 880 тыс. экземпляров ультиматума на венгерском. В его окрестностях активно работали звуковещательные и радиовещательные станции, засылались антифашисты. В результате таких комплексных мероприятий сдались в плен более 6 тыс. солдат противника, и советские войска выбили из Будапешта остававшиеся в нем немецко-венгерские части.

В заключительных кампаниях войны в практику военно-политического руководства страны прочно вошли издания приказов к войскам о массированном применении сил и средств специальной пропаганды. Так, в приказе Верховного главнокомандующего № 70 от 1 мая 1944 г. указывалось проводить массированную пропаганду среди войск противника с целью склонения их к сдаче в плен и капитуляции, всемерно усиливать деморализацию союзников фашистской Германии. В нем говорилось: «И чем скорее народы этих стран поймут, в какой тупик завели их гитлеровцы, чем быстрее прекратят они всякую поддержку своих немецких поработителей и их подручных-квислингов в своей собственной стране, тем меньше жертв и разрушений понесут эти страны от войны, тем больше они могут рассчитывать на понимание демократических стран»[60].

Разгром немецко-фашистской армии в странах Юго-Восточной Европы, разрыв с нацистской Германией ее недавних союзников привели к политической изоляции Германии и кризису фашистской диктатуры. В листовке к немецким офицерам и солдатам под названием: «Румыния, Финляндия и Болгария порвали с Гитлером», изданной ГлавПУ РККА в сентябре 1944 г., раскрывалось катастрофическое положение Германии: «Красная Армия, разгромив немецкие группы армий в центре и на юге России, вступила на территории Румынии, Болгарии и Польши, а также вплотную подошла к границам Восточной Пруссии. Союзники, вступив во Францию и Италию, разбили немецкие армии в этих странах и вплотную подошли к Рейну — западной границе Германии. Взятая в клещи советскими войсками с востока и союзными войсками с запада, гитлеровская Германия оказалась в катастрофическом положении».

Призывы к организованной капитуляции и массовому переходу в плен стали всеобщими, непрерывными и всё возрастающими. Наглядным примером удачной аргументации, указывающей выход немецким солдатам и офицерам, служит листовка «Капитуляция — единственный путь спасения!».

В эффективности этой работы заметную роль сыграли доводившиеся до войск противника приказы командующих фронтами об отношении к солдатам и офицерам капитулирующих частей и соединений вражеских армий. К примеру, в марте 1945 г. командующий 2-м

Прибалтийским фронтом маршал Л. А. Говоров издал по этому поводу специальный приказ, в котором предписывалось: «...принимать парламентеров и капитулирующие немецкие войска; организовать в Прибалтике дополнительные лагеря, обеспечить горячей пищей всех военнопленных уже в первые шесть часов пребывания в плену; начальнику санитарной службы фронта развернуть дополнительную сеть госпиталей и медицинских пунктов для оказания неотложной помощи раненым и больным; неуклонно выполнять приказ № 55 от 23 февраля 1942 г. Верховного Главнокомандующего о сохранении жизни и гуманном обращении со всеми, кто складывает оружие и прекращает сопротивление»[61]. Приказы подобного рода доводились до солдат и офицеров противника через листовки, радиопередачи и средствами звукового вещания.

Большое значение в пропаганде имели публичные выступления немецких пленных генералов, в которых опровергалась фашистская ложь о тяжелом положении немецких военнослужащих в советском плену. «Мы констатируем и заявляем, что с военнопленными обращаются в соответствии с международными соглашениями и обычаями», — писали они. В условиях непрерывных боевых успехов Красной армии пропаганда плена находила благоприятную почву как у солдат, так и у офицеров гитлеровских войск. Поняв и признав неизбежность поражения, они искали пути сохранения своей жизни. Крупным событием, оказавшим влияние на дальнейшую деморализацию войск противника, особенно на его офицерский корпус, явилось публичное заявление пленного фельдмаршала Ф. Паулюса о присоединении его к Национальному комитету «Свободная Германия» в августе 1944 г. В этом заявлении он писал: «Германия должна устранить А. Гитлера и установить новое государственное руководство, которое закончит войну и создаст условия, обеспечивающие нашему народу дальнейшее существование и восстановление мирных и дружественных отношений с нашими нынешними противниками»[62].

Наиболее результативно проводилась политическая работа среди войск и населения неприятеля в его прифронтовом тылу в завершавшей победоносную Великую Отечественную войну Берлинской операции. В листовке ГлавПУ РККА к немецким войскам под названием «Русские на подступах к Берлину» разъяснялось: «Красная Армия идет в Германию не для уничтожения немцев, как говорят фашисты, а для того чтобы сурово наказать нацистских преступников, ликвидировать кровавый гитлеровский режим и навсегда покончить с войной». Листовка призывала немецких военнослужащих и гражданское население воспрепятствовать гитлеровской клике превращать Берлин в поле битвы, советовала им отказываться от выполнения приказов и распоряжений гитлеровских властей, не вступать в батальоны фольксштурма[63].

Политические органы Красной армии наряду с пропагандой среди войск противника и населения в его прифронтовых районах одновременно проводили политическую работу среди населения освобожденных в ходе боев от фашистской оккупации территорий зарубежных стран. Ее целями были подъем народных масс на борьбу против фашистских правителей Германии и союзных ей стран, вызов серьезных затруднений в глубоком тылу врага, побуждение населения к лояльности и активной поддержке мероприятий советского военного командования и войск Красной армии.

Главными направлениями в работе аппарата специальной пропаганды среди населения освобождаемых стран являлись: разъяснение целей и задач вступления и пребывания Красной армии на их территории; показ правды об СССР и его вооруженных силах; всемерная поддержка и оказание всесторонней помощи в деятельности национальных прогрессивных политических партий и общественных организаций; изоляция фашистских и других реакционных элементов; налаживание мирной жизни в городах и населенных пунктах. Непосредственный контакт с населением благоприятствовал применению в работе разнообразных форм печатной и устной пропаганды и агитации, проведению широких массовых мероприятий (митингов, собраний, выставок, концертов и т. п.), использованию кино и других средств информационно-пропагандистской работы с непременным учетом национальных особенностей, привычек и традиций населения.

Новые условия позволяли включиться в политическую работу среди населения помимо военных советов фронтов, армий, аппарата спецпропаганды политорганов многочисленному активу частей и соединений Красной армии: командирам, политработникам, сержантам и красноармейцам. Активно привлекались к этой работе и выходившие из подполья антифашисты, группы и организации сопротивления фашизму, местная интеллигенция. Совместные с войсками Красной армии боевые действия частей и соединений Польши, Чехословакии, Румынии, Югославии, Болгарии, Венгрии создавали возможность взаимодействовать с ними и в политической работе среди населения. Все это обеспечивало развертывание эффективного сотрудничества с населением освобожденных Красной армией иностранных государств.

Военно-политическое руководство страны считало важнейшей задачей аппарата специальной пропаганды организацию целенаправленной и особо аргументированной работы среди населения Германии, ее союзников и оккупированных гитлеровцами государств. Эта работа строилась по двум различным по своим условиям этапам: от начала войны до выхода советских войск к границам иностранных государств и после вступления Красной армии с апреля 1944 г. на территории этих стран до завершения войны.

Политбюро ЦК ВКП(б) 31 мая 1944 г. приняло постановление «Об организации Бюро по пропаганде на вражеские и оккупированные врагом страны», в котором потребовало «сконцентрировать руководство делом пропаганды, направленной на вражеские и оккупированные страны... организовать в составе Совинформбюро Бюро по пропаганде на вражеские и оккупированные врагом страны... назначить начальником Бюро С. А. Лозовского, а его заместителем А. А. Смирнова»[64].

Эта работа была призвана усиливать антивоенные и антифашистские настроения у населения, включать его в активную борьбу против преступной авантюры, оказывать поддержку силам сопротивления войне и фашизму. Основной целью работы среди населения освобождавшихся от фашистского господства государств было создание благоприятной обстановки для пребывания советских войск на их территории и выполнения ими боевых задач, укрепление и развитие дружбы, содействие прогрессивным, демократическим преобразованиям в этих странах. В работе среди населения давалась правдивая информация о действительном положении на фронтах войны, разоблачалась лживая фашистская пропаганда.

В связи с выходом наших войск весной 1944 г. на границы Румынии, Венгрии, Чехословакии и Польши ГлавПУ РККА подготовило план мероприятий по обеспечению массовой политической работы среди зарубежного населения[65]. В соответствии с этим планом в войска были направлены оперативные пропагандистские группы для оказания практической помощи командирам и политработникам в организации и ведении работы с населением освобождаемых стран Европы. Военное издательство приступило к выпуску словарей, разговорников и справочников о тех странах, в которые вступали войска Красной армии. Были изданы художественные плакаты с текстами на соответствующих иностранных языках, портреты советских государственных деятелей и военачальников. Пресс-бюро ГлавПУ РККА развернуло работу по снабжению газет, издававшихся для населения на иностранных языках, статьями и фотоиллюстративными материалами. Всего оно разослало этим газетам почти тысячу статей и около двух тысяч фотоснимков[66].

В сентябре 1944 г. Г. Димитров в беседе с работниками Главного политического управления РККА высказал пожелание, чтобы аппарат специальной пропаганды частей, соединений и объединений Красной армии, находящийся в освобожденных от гитлеризма странах, всемерно помогал местным демократическим силам в их борьбе против реакции и фашизма, содействовал укреплению единства общественных сил. Он посоветовал, чтобы офицеры спецпропаганды внимательно изучали политические процессы, происходящие в странах Европы, помогали партийным и общественным прогрессивным деятелям разобраться в этих процессах, своевременно пресекать происки реакционных кругов[67].

Примерное поведение наших воинов за границей, их дружественные отношения с местным населением во многом способствовали успеху политической работы, проводимой командирами и политорганами среди освобожденного населения. В основу этой работы

были положены документы советского правительства, обращения и приказы командования Красной армии, разъяснявшие цели и задачи советских войск на территории данной страны. В этих документах говорилось, что СССР в своих действиях руководствуется необходимостью решения коренной задачи — разгрома германского фашизма. Не как завоевательница, а как освободительница населения от фашистского ига, как защитница трудового народа пришла в их страну Красная армия.

В июле 1944 г., после вступления частей и соединений Красной армии и 1-й польской армии на территорию Польши, Народный комиссариат иностранных дел СССР опубликовал заявление об отношении Советского Союза к Польше. Было также опубликовано соглашение между правительством СССР и Польским комитетом национального освобождения (ПКНО). В первом документе подчеркивалось, что советское правительство не преследует цели присоединять к СССР какие-либо польские земли или изменить в Польше общественный строй. Во втором определялись отношения между советским главнокомандованием и польской администрацией. В нем, в частности, предусматривалось, что как только тот или иной район перестанет быть зоной военных действий, руководство им перейдет в руки ПКНО[68].

Военные советы 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов издали обращение к польскому населению и памятку советскому воину. В обращении говорилось, что вступление Красной армии на территорию Польши создает благоприятные условия для окончательной победы над немецко-фашистской армией и освобождения многострадального польского народа от гитлеровского ига. Население Польши призывалось оказывать всемерное содействие советским частям и соединениям.

Первыми мероприятиями по работе среди населения было издание листовок с текстами обращений командования Красной армии к населению, распространение их на всей освобожденной территории и в прифронтовой полосе. Так, обращение советского командования к населению Румынии было издано на румынском языке листовкой тиражом 2,2 млн экземпляров. Кроме того, для расклеивания на видных местах обращение было отпечатано в виде плакатов в количестве 82 тыс. экземпляров[69].

Обращение командования Красной армии к населению Польши было размножено общим тиражом в 1,5 млн экземпляров и 28–30 июля 1944 г. при помощи авиации распространено над населенными пунктами и городами всей страны. В целях пропаганды освободительной миссии Красной армии по просьбе командования 1-й польской армии памятка советскому воину в Польше была издана также на польском языке[70].

Обращение Военного совета 3-го Украинского фронта к населению Болгарии от 7 сентября 1944 г. было распространено аппаратом спецпропаганды политорганов в течение первых трех дней пребывания войск в этой стране общим количеством миллион экземпляров. Политотдел 37-й армии только 8 сентября распространил в полосе наступления армии около 264 тыс. таких листовок[71].

8 мая 1944 г. было подписано советско-чехословацкое соглашение об отношениях между советским главнокомандованием и чехословацкой администрацией после вступления частей Красной армии на территорию Чехословакии[72], и политические органы войск 1-го и 4-го Украинских фронтов в содружестве с командованием 1-го чехословацкого корпуса, сформированного на территории СССР, развернули пропаганду этого соглашения. За четыре дня, то есть до 13 мая 1944 г., советскими авиацией и разведчиками было распространено среди населения около 630 тыс. листовок, разъясняющих этот важный документ[73].

По неполным данным, органы спецпропаганды с 8 сентября 1944 г. по 8 мая 1945 г. размножили и распространили в стране 8,7 млн листовок с обращениями советского командования к чехам и словакам, а также 1,5 млн экземпляров с информацией об успехах наступления Красной армии и об освобождении ею народов Европы. Эта разъяснительная работа среди населения Чехословакии сыграла важную роль в подъеме антифашистского движения в стране[74].

В конце сентября 1944 г. в период подготовки к Белградской операции отделы специальной пропаганды 3-го Украинского фронта и 57-й армии издали и распространили листовку-

обращение к братскому югославскому народу в количестве 350 тыс. экземпляров. Листовки распространялись также войсками болгарской армии, действовавшими вместе с советскими дивизиями, и командованием 13-го корпуса Народно-освободительной армии Югославии[75].

В связи с вступлением наших войск на территорию Венгрии в октябре 1944 г. Военный совет 2-го Украинского фронта обратился к венгерскому народу с воззванием, в котором раскрыл цели прихода в его страну Красной армии и призвал население «во всем помогать войскам, чтобы быстрее изгнать из страны немецких оккупантов и установить мирную демократическую жизнь так, как желает народ». Воззвание было издано и распространено в стране в количестве 1,5 млн экземпляров[76].

Правительство СССР 9 апреля 1945 г. сделало заявление об Австрии, в котором определило и разъяснило советскую политику в отношении этой страны. «Советское правительство, — говорилось в нем, — не преследует цели приобретения какой-либо части австрийской территории или изменения социального строя Австрии. Оно будет содействовать ликвидации режима немецко-фашистских оккупантов и восстановлению в Австрии демократических порядков и учреждений». Отделы специальной пропаганды 2-го и 3-го Украинских фронтов провели большую работу по разъяснению этих документов правительства. Они издали и распространили текст заявления листовками в количестве 1,5 млн экземпляров[77]. Приведенные факты подтверждают важную роль в доведении до местного населения документов советского правительства и командования Красной армии и разъяснении политики СССР в отношении освобожденных стран.

Большое значение в политической работе среди населения освобожденных стран имели также газеты, издававшиеся аппаратом специальной пропаганды. С 19 июня 1944 г. отдел спецпропаганды 2-го Украинского фронта приступил к изданию газеты для населения Румынии на румынском языке «Гранул либер» («Свободный голос»), переименованной затем в «Гранул ноу» («Новый голос»). Газета помещала на своих страницах статьи и материалы, а также иллюстрации, рассказывавшие правду об СССР и освободительной миссии Красной армии. В ней уделялось много внимания сообщениям о положении на фронтах, пропаганде боевых успехов Красной армии; широко рассказывалось о той помощи, которую оказывали советские войска населению Румынии в организации продовольственного снабжения, медицинского обеспечения, нормализации работы образовательных и муниципальных учреждений. Много материалов посвящалось вопросам международной жизни, успехам антифашистского движения Сопротивления в других странах.

Для обеспечения быстрой доставки газет населению выделялись специальный автотранспорт и группы офицеров по распространению агитматериалов, которые устанавливали связь с местными властями и при их помощи доставляли газеты в населенные пункты. В городах и деревнях были выбраны активисты из местного населения, доставлявшие газеты и проводившие их коллективные читки для малограмотных и неграмотных. Впоследствии, когда редакция переезжала в крупный город, газета распространялась через местное агентство печати. При этом часть тиража направлялась в румынскую армию.

Для населения освобожденных районов Польши с августа 1944 г. издавались три газеты на польском языке: отделом спецпропаганды 2-го Белорусского фронта — газета «Вольна Польска» («Свободная Польша»), 1-го Белорусского фронта — «Вольность» («Свобода») и 1-го Украинского фронта — «Нове жице» («Новая жизнь»)[78]. В этих газетах наряду с широкой пропагандой правды о Советском государстве и боевом содружестве Красной армии и Войска Польского большое внимание уделялось разоблачению происков реакционных эмигрантских сил Польши. Польские патриоты присылали разоблачительные материалы о врагах польского народа, а также статьи и заметки с благодарностью своим освободителям — воинам Красной армии[79].

Для населения Болгарии отдел спецпропаганды 3-го Украинского фронта в сентябре 1944 г. организовал издание газеты на болгарском языке «Дружба» с приложением к ней на турецком языке. С 19 октября того же года отдел приступил к изданию газеты «Хирадо» («Новости»), переименованной с 5 января 1945 г. в «Уй со» («Новое слово»), — для населения

Венгрии на венгерском языке. Помимо общих вопросов, которые освещались во всех газетах, в ней значительное место отводилось разоблачению фашистско-хортистской клеветы о нашей стране, что способствовало вовлечению венгерского населения в ряды активных борцов против режима Хорти и за нормализацию общественной жизни в стране на демократических началах.

Постепенно эта газета завоевала доверие читателей и стала важнейшим источником правдивой информации о Советском Союзе и тех преобразованиях, которые происходили в освобожденных странах и в самой Венгрии. Первое время газета распространялась через сеть уполномоченных при бургомистрах и при помощи антифашистских организаций и групп, сочувствовавших Венгерской коммунистической партии. Позднее она рассылалась по подписке и доставлялась читателям обычным путем через почтовую связь.

В апреле 1945 г. отдел спецпропаганды 3-го Украинского фронта организовал издание ежедневной газеты «Эстерайхише цайтунг» («Австрийская газета») для населения Австрии. Она издавалась на немецком языке тиражом до 150 тыс. экземпляров и распространялась через австрийские демократические организации, расклеивалась в городах и населенных пунктах страны.

Советские военные газеты на иностранных языках, издававшиеся для населения освобожденных от фашизма стран, сыграли важную роль в установлении доброжелательных отношений местного населения к частям Красной армии на завершающем этапе войны, а также в развитии дружественных связей СССР с народами этих стран в послевоенный период.

Наиболее активной формой политической работы среди местного населения являлись публичные митинги, собрания, встречи с жителями освобожденных от фашистских войск населенных пунктов. На них выступали командиры и политработники, офицеры спецпропаганды, активисты местных партийных организаций, профсоюзов, женских и молодежных комитетов. Большую работу вели командиры и политорганы советских войск среди интеллигенции: с писателями, журналистами, юристами, врачами, работниками искусств. Значительная часть их вошла в актив по организации митингов и собраний, выступлений и встреч с воинами Красной армии.

Вначале эти массовые собрания и встречи возникали стихийно, но по мере сплочения демократических сил стали проводиться организованно по инициативе прогрессивных политических и общественных организаций. Антифашистские митинги и собрания проходили под знаком установления и укрепления дружбы местного населения с советскими воинами-освободителями. На них принимались решения всемерно поддерживать мероприятия советского командования, выражалась благодарность советским воинам за помощь и заботу.

Трудящееся население Польши охотно посещало митинги, собрания советско-польской дружбы, выставки, показывающие достижения Советского Союза и боевые успехи Красной армии. Польское население по мере продвижения советских войск к границам Германии быстрее и активнее включалось в борьбу за установление народно-демократического строя.

Когда в сентябре 1944 г. войска 3-го Украинского фронта перешли границу Болгарии, население восторженно встретило своих освободителей. В полосе наступления 37-й армии только за первый день, 8 сентября, было проведено более 20 массовых митингов местного населения, на которых присутствовали более 80 тыс. человек[80].

На собрании местной интеллигенции в Бухаресте преподаватель университета Н. Корияну заявил: «Красная армия не вмешивается во внутренние дела страны, она помогает восстановить культурные и учебные учреждения, делится опытом и достижениями науки и культуры в Советском Союзе, не требуя, чтобы мы копировали или перенимали советскую идеологию. Наступил благотворный период для нашей демократии, для нашей свободы»[81].

Политические органы войск, военные комендатуры в городах и крупных населенных пунктах организовывали лекции, доклады и выступления советских офицеров, распространяли советские книги и брошюры. В тематике пропагандистских выступлений для населения преобладали вопросы опыта социалистического строительства в СССР, всемирно-исторического значения военных побед Красной армии над вооруженными силами фашизма. С сен-

тября 1944 г. по май 1945 г. политорганы 3-го Украинского фронта провели среди болгарского населения 1132 лекции о Советском Союзе и Красной армии, распространили 163 тыс. экземпляров советских книг и брошюр. В кинотеатрах Софии, Бургаса, Пловдива непрерывно демонстрировались советские фильмы при постоянно переполненных зрительных залах[82].

Массовый характер приняли митинги и собрания в освобожденных городах Чехословакии. Политические управления 1, 2 и 4-го Украинских фронтов мобилизовали для работы с населением все имевшиеся в их распоряжении средства пропаганды и агитации: радио, кино, выставки, армейскую самодеятельность и прочее. Через мощные громкоговорящие установки и окопные звуковещательные станции пропагандисты и агитаторы организовали 264 выступления по специально подготовленным программам. Политическое управление 4-го Украинского фронта только силами аппарата спецпропаганды организовало 173 митинга и собрания, на которых выступили 283 красноармейца и командира и 417 представителей различных слоев местного населения[83]. По отчетам военных комендатур, за октябрь — ноябрь 1944 г. перед населением выступило 89 коллективов солдатской самодеятельности. На концертах присутствовали 450 тыс. местных жителей[84].

Советские войска на территории Венгрии для работы с населением широко использовали звуковещательные станции. С ноября 1944 г. по февраль 1945 г. было сделано 1578 агитационных выступлений по специально подготовленным программам[85]. На массовых митингах выступали бургомистры, представители политических партий, принимались обращения со словами благодарности Красной армии, выносились решения, направленные на скорейшую нормализацию общественной жизни.

Политические органы Красной армии применяли и другие формы организации работы среди населения. В помощь военным комендатурам они посылали агитационные бригады, в составе которых наряду с советскими офицерами были военнопленные-антифашисты, представители от демократических организаций и группы красноармейской самодеятельности. Только с декабря 1944 г. по январь 1945 г. в городах и поселках 74 такие бригады провели более тысячи митингов и бесед с населением, организовали 86 киносеансов советских фильмов[86].

Политическая работа среди населения Венгрии получила широкое признание в народе. Многочисленные высказывания венгерских граждан, приветственные адреса военным комендантам и спецпропагандистам от имени местного населения свидетельствовали о больших переменах в настроении и взглядах людей в пользу СССР и Красной армии. Например, В. Тадол из городка Сент-Михаль, возглавлявший делегацию жителей, 21 января 1945 г. вручил военному коменданту благодарственное письмо в адрес Красной армии, подписанное 362 гражданами. Он заявил: «Мы были обмануты фашистской пропагандой и напуганы, ожидая строгого наказания за участие Венгрии в войне на стороне Гитлера. Мы ошиблись. Мы восхищаемся гуманизмом советских солдат, их культурой и вместе с тем их героизмом в борьбе против фашистов»[87].

Исключительно теплыми были встречи югославского народа и Народно-освободительной армии Югославии с воинами Красной армии. Политический отдел, командиры, политработники и бойцы 57-й армии развернули большую пропагандистскую работу среди населения. Только за октябрь 1944 г. ими было проведено в местах дислокации войск 284 митинга и собрания, 467 выступлений через мощные и облегченные громкоговорящие установки, дано 17 концертов красноармейской самодеятельности, показано семь советских фильмов[88].

Опыт политической работы среди населения освобождаемых от фашизма стран был использован в ходе завершающих сражений на территории Германии. Работа среди германского населения имела особенное значение, поскольку многие немцы, напуганные приходом Красной армии, продолжали поддерживать нацистские власти, и можно было ожидать с их стороны длительного кровопролитного сопротивления. Условия работы с местным населением в Германии значительно отличались от работы с населением ранее освобожденных Красной армией стран. Запуганные фашистской пропагандой жители уходили на запад, а оставшиеся, боясь возмездия, скрывались. Немецкие войска, отступая под натиском наших войск, оставляли диверсионно-террористические группы.

Поэтому необходимо было средствами морально-политического воздействия на массы населения нейтрализовать фашистские силы, побудить жителей лояльно выполнять приказы и распоряжения советских военных властей, привлечь их к сотрудничеству, продемонстрировать им на деле подлинную политику СССР в отношении Германии и немецкого народа, гуманное отношение Красной армии к населению. Надо было убедить немцев, что Красная армия, пришедшая к ним как армия-победительница, делает различие между преступными фашистскими руководителями и населением, которое стало жертвой нацистского обмана и террора.

С этой целью в ходе наступления по территории Германии доводилось до населения «Обращение советского военного командования к немецкому народу», в котором разъяснялись цели и задачи Красной армии в Германии. С 15 января по 1 мая 1945 г. отделы спецпропаганды 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов распространили среди населения освобожденных городов и сел Германии 8,3 млн листовок с текстом этого обращения и информацией о положении на фронтах и о важнейших международных событиях[89]. В листовках показывалась также помощь советских войск населению в налаживании мирной жизни немцев. За это же время в городах и населенных пунктах было расклеено 58 тыс. плакатов и лозунгов, призывавших население оказывать содействие и помощь Красной армии. По данным политотделов 70-й и 49-й армий 2-го Белорусского, 3-й ударной и 8-й гвардейской армий 1-го Белорусского, 3-й и 5-й гвардейских армий 1-го Украинского фронта, в полосе их наступления с 5 апреля по 5 мая 1945 г. было проведено 817 митингов и собраний с участием 34 тыс. немецких жителей[90].

Нацистская пропаганда запугивала немцев тем, что будто бы Красная армия уничтожит Германию и немецкий народ. Поэтому политические органы организовали доведение до населения официального заявления глав правительств СССР, США и Англии, принятого ими на Крымской конференции в феврале 1945 г., которое разоблачало ложь гитлеровской пропаганды. Особенно широко среди немецкого населения распространялся приказ Верховного главнокомандующего Вооруженными силами Советского Союза № 20 от 1 мая 1945 г., в котором говорилось: «Лживая фашистская пропаганда запугивает немецкое население вздорными россказнями, будто армии Объединенных Наций хотят истребить германский народ. В задачу Объединенных Наций не входит уничтожение германского народа. Объединенные Нации уничтожат фашизм и германский милитаризм, сурово накажут преступников войны и заставят немцев возместить ущерб, который они причинили другим странам. Но Объединенные Нации не трогают и не тронут мирного населения Германии, если оно лояльно будет выполнять требования союзных военных властей»[91].

Пропаганда всех этих документов и обращений советского командования сопровождалась большой организаторской работой. Политические органы и их представители проводили повседневную работу по подбору и назначению бургомистров и их заместителей, руководителей отделов магистратов, старост в деревнях и других административных работников из немцев, пользовавшихся доверием у населения и способных сотрудничать с советскими военными властями.

Создание немецкого самоуправления убедительно показало населению, что СССР стремится как можно скорее нормализовать жизнь немцев на демократической основе, чем и опровергались все клеветнические измышления фашистов. В связи с пропагандистскими и организационными мерами население активизировалось довольно быстро, стало проявлять инициативу в налаживании экономической и культурной жизни городов и деревень. Росло его доверие к военным комендатурам, воинским частям и штабам.

Исключительно большое влияние на настроения и взгляды немецкого населения произвело решение советского правительства о снабжении Берлина, Дрездена и других городов продовольствием. Обо всех этих и других мероприятиях нашего правительства и командования широко оповещалось население, разъяснялось их политическое значение в общем плане политики Советского государства по отношению к германскому народу. Это осуществлялось в первое время главным образом через листовки и звуковые передачи. С 15 апреля по 2 мая

1945 г. отделом спецпропаганды 1-го Белорусского фронта было издано и распространено среди населения 1 млн 100 тыс. таких листовок, а вместе с армейскими отделениями спецпропаганды этого фронта — 2 млн 160 тыс. экземпляров[92].

Листовки убедительно информировали население о важнейших внутриполитических и международных событиях. Но главным средством политической работы среди немцев со второй половины мая 1945 г. стали две советские военные газеты на немецком языке: «Теглихе рундшау» («Ежедневное обозрение») и «Берлинер цайтунг» («Берлинская газета»). Интерес к этим массовым ежедневным газетам со стороны населения был огромен. Миллионные тиражи не могли удовлетворить спрос, поэтому пришлось расклеивать большое количество экземпляров газет в городах и населенных пунктах. Работники спецпропаганды получили специальный автотранспорт для доставки газет к местам расклеивания, вследствие чего десятки тысяч экземпляров ежедневно были доступны населению для чтения. Особо важные материалы из газет дополнительно выпускались и распространялись в виде листовок.

«Появление газет для Берлина имеет большое значение, — свидетельствовал студент одного из берлинских вузов А. Гронеманн. — До самого последнего времени в Берлине распространялись самые невероятные слухи. Говорили о том, что советское командование издало приказ об аресте всех семей, у которых кто-либо из родственников был на восточном фронте. Теперь каждый может получить информацию из официальных сообщений, публикуемых в газетах. Газета дает возможность ориентироваться в обстановке. В ней много интересных статей. Публикуются приказы и постановления»[93].

Редакции газет установили тесную связь с антифашистским активом. Политорганы частей в местах дислокации, а также военные комендатуры, имевшие в своем составе спецпропагандистов со знанием немецкого языка, помогали редакциям газет проводить совещания антифашистских активов и конференции читателей. Так постепенно создавался актив газет из местного населения, среди которого немало было квалифицированных журналистов.

В работе среди немецкого населения с большим успехом применялись звуковещательные средства — мощные и облегченные (окопные) громкоговорящие установки. Они действовали на улицах городов и населенных пунктов. Через них передавали последние известия, официальные приказы и распоряжения советского командования, касавшиеся населения, а также распоряжения военных комендатур и органов местного самоуправления. Работники спецпропаганды, офицеры Красной армии, антифашисты — военнопленные и из гражданского населения — выступали по многим политическим вопросам, давали консультации и ответы на вопросы жителей. Часто вокруг агитационных машин собирались сотни людей, жаждавших узнать новости, а главное — понять, что происходит в Германии, каковы намерения военных властей и новой местной гражданской администрации. «До сих пор мы были как на Луне, — признавал житель Берлина О. Бауман, — а теперь благодаря передачам мы узнаем, что происходит на белом свете. Среди слушателей ваших передач идут разные разговоры. Большинство жителей придерживается мнения, что русские хорошо делают, разъясняя свое истинное отношение к немцам»[94].

Большое значение имели проводимые бургомистрами митинги, участники которых приветствовали решения о нормализации жизни и выражали благодарность советскому командованию за помощь и гуманное отношение. Эти митинги транслировались мощными громкоговорящими установками. Звуковещательные средства использовались в городах Германии до июля 1945 г., пока не было налажено местное радиовещание. После этого все агитационные машины были направлены на обслуживание сельского населения.

Значительную роль в работе среди населения Германии играла наглядная агитация: лозунги, плакаты, карикатуры, транспаранты, стенды. Они тысячами изготовлялись с помощью немецких антифашистов и вывешивались на улицах и площадях. Во всех городах демонстрировались советские художественные и хроникальные фильмы.

Сотрудники отделов спецпропаганды в мае 1945 г. установили тесные связи со всеми работниками искусства в Берлине и других крупных городах, создали актерские труппы,

помогли им разработать репертуар. Офицеры спецпропаганды способствовали организации выступления актеров с новыми антифашистскими программами.

В результате огромных усилий политических органов советских войск по работе среди местного населения в Германии на завершающем этапе войны и в первые послевоенные месяцы, а также благодаря достойному поведению советских воинов и той помощи, которую оказывали они по нормализации мирной жизни, ослабевал страх немцев перед войсками Красной армии, росли доверие и симпатии значительной части граждан к СССР.

Особое место в политической работе занимало вовлечение в антифашистскую пропаганду среди населения освобожденных стран демократически настроенных военнопленных солдат и офицеров. В советских лагерях для военнопленных происходило прозрение немецких, австрийских, венгерских, румынских, итальянских солдат и офицеров, переосмысление ими происходящих событий, сплочение антифашистских и антивоенных сил.

Еще 8 октября 1941 г. в Темниковском лагере состоялась первая конференция немецких антифашистов, на которой было принято обращение к немецкому народу и армии, известное под названием «Обращение 158» (по количеству участников конференции), которое выдвинуло лозунг свержения Гитлера и прекращения войны. Обращение стало политической платформой сплочения военнопленных на базе антифашистских и антимилитаристских настроений. 13 июля 1943 г. на учредительной конференции в Красногорском лагере военнопленных было создано патриотическое движение и избран Национальный комитет «Свободная Германия», а 11—12 сентября 1943 г. образован антифашистский Союз немецких офицеров, которые до самороспуска в октябре 1945 г. проводили активную работу среди населения Германии. Комитет выпускал свою газету «Свободная Германия», вел ежедневные радиопередачи, выступал с обращениями, воззваниями, письмами и листовками к различным слоям населения Германии. Всего комитет издал и распространил на фронте и в тылу свыше 86 млн экземпляров листовок, газет, брошюр[95].

Особенно эффективной работа этих организаций была в лагерях военнопленных. Их деятельность оказывала на пленных огромное морально-психологическое воздействие. К июлю 1944 г. около 90% немецких пленных солдат и значительная часть офицеров и генералов присоединились к НКСГ и СНО. Всего семь тысяч офицеров, 51 генерал во главе с фельдмаршалом Ф. Паулюсом (вступил в НКСГ в августе 1944 г.) стали их сторонниками и активными участниками[96].

В августе 1943 г. представители румынских военнопленных создали Румынский национальный блок, в который вошли свыше 10 тыс. демократически настроенных солдат и офицеров. Антифашистскую организацию Национальный комитет «Свободная Венгрия» создали пленные из венгерской армии. Военнопленные из итальянской армии под руководством П. Тольятти объединились в антифашистский Союз гарибальдийцев. Австрийские патриоты создали свое Антифашистское бюро. Опыт политической деятельности национальных антифашистских организаций военнопленных подтвердил, что эта форма объединения и сплочения демократических сил была целесообразной и эффективной для налаживания мирной жизни в освобожденных странах.

Таким образом, в период военных действий Красной армии на территории иностранных государств в Европе политическая работа среди населения являлась важной областью деятельности командиров и политорганов. Она проводилась на широкой основе — силами командиров и политработников, в первую очередь органами спецпропаганды, а также военными комендатурами во взаимодействии с местными политическими и общественными организациями и многочисленным антифашистским активом, в том числе и из числа бывших военнопленных.

Политическая работа среди войск Японии и населения освобождаемых территорий Китая и Кореи непосредственно организовывалась Главным командованием советских войск на Дальнем Востоке. Аппарат специальной пропаганды здесь был сформирован еще до начала Великой Отечественной войны. В его состав входили офицеры, владевшие японским, ки-

тайским и другими восточными языками, прошедшие специальную подготовку, многие из которых участвовали в боях на р. Халхин-Гол.

В дальнейшем их подготовка уже шла с учетом опыта политической работы среди войск противника на советско-германском фронте. Ей способствовала организованная в 1943–1945 гг. Главным политическим управлением РККА стажировка офицеров-дальневосточников на фронтах Великой Отечественной войны. Полученный ими практический опыт специальной пропаганды затем внедрялся применительно к условиям и особенностям возможных боевых действий на Дальнем Востоке.

Функции отдела специальной пропаганды политуправления Ставки Главного командования советских войск на Дальнем Востоке выполняла оперативная группа 7-го управления ГлавПУ РККА, которую возглавлял заместитель начальника 7-го управления генерал-майор Б. Г. Сапожников, специалист по Японии и Китаю. Ко времени начала военных действий 7-е отделы (спецпропаганды) политуправлений фронтов, фронтовые редакции газет на восточных языках, 7-е отделения политотделов армий, политотделы дивизий были доукомплектованы личным составом и усилены техническими средствами (мощными и окопными громкоговорящими установками, походными типографиями с японскими, китайскими, корейскими и монгольскими шрифтами, агитационными боеприпасами). Дивизии, переброшенные с советско-германского фронта, прибыли на Дальний Восток со своими штатными инструкторами по работе среди войск противника и техническими средствами специальной пропаганды. Политорганы Тихоокеанского флота и Амурской флотилии также имели в своем составе офицеров спецпропаганды и средства печатной и устной пропаганды. Для радиовещания и издания информационно-пропагандистских материалов использовались стационарные базы в Хабаровске и Владивостоке.

Работа аппарата спецпропаганды среди войск противника была направлена на то, чтобы убедить солдат и офицеров японской армии и формирований марионеточных войск в бессмысленности сопротивления, подорвать у них веру в могущество Японии и внушить мысль о превосходстве Красной армии, ослабить тем самым их сопротивление и вынудить к скорейшей капитуляции. Политическая работа среди японских войск была развернута одновременно с началом боевых действий. Основными документами, в которых разъяснялись причины вступления СССР в войну с Японией, явились заявление советского правительства и обращение маршала А. М. Василевского «К японской армии и японскому народу». Переведенные на японский язык, они с самолетов и другими средствами были распространены среди войск противника. Такие же обращения, а также разъясняющие их листовки в переводе на китайский, корейский, монгольский языки были размножены и распространены среди марионеточных армий и местного населения. Только в течение первых двух дней, 9 и 10 августа 1945 г., было распространено около 8 млн экземпляров указанных официальных документов и листовок[97].

В обращении «К японской армии и японскому народу» говорилось: «Подобно тому, как гитлеровская Германия была очагом войны и бедствий для народов Европы, ваша правящая клика превратила Японию в очаг войны и бедствий для народов на Дальнем Востоке... Очаг войны и бедствий на Западе — гитлеровский фашизм — уничтожен. В Европе установлен сейчас мир и порядок... Ваши правители и военная клика авантюристов остались в одиночестве. Всем вам ясно, что окончательное поражение Японии неизбежно. Япония обречена. Всякое продолжение сопротивления приведет лишь к новым поражениям страны... Японские мужчины и женщины! Офицеры и солдаты!.. Не допускайте до этого. Японский милитаризм должен быть уничтожен, а японский народ должен жить. Кончайте бессмысленную для вас войну. Требуйте немедленной и безоговорочной капитуляции японской армии и флота перед Красной Армией и армиями наших союзников»[98].

Специальная пропаганда оказывала существенное воздействие на японских солдат и офицеров в ходе боевых операций. У многих японских солдат в первые дни боев, наглядно показавших мощь Красной армии, появились растерянность, сомнение в возможности сопротивления, а часть из них, несмотря на отказ командования принимать условия капитуляции, при удобном случае стремилась сдаться в плен.

Основными тезисами листовок и программ звукопередач были разоблачение грабительского характера войны, развязанной японскими милитаристами против миролюбивых народов; разоблачение клеветы о Красной армии, разъяснение ее освободительной цели в войне с Японией; показ связи японской и гитлеровской клик; призыв к солдатам порвать с милитаристами, ведущими их страну к национальной катастрофе, взять свою судьбу в собственные руки, сдаться в плен Красной армии и тем самым спасти себя для своих семей.

После издания японским командованием приказа о капитуляции сотрудники 7-х отделов и отделений приняли меры к оповещению об этом приказе разрозненных, потерявших связь с главным командованием соединений и частей противника, которые еще продолжали сопротивляться. Так, на 1-м Дальневосточном фронте сотрудники 7-го отдела распространили среди японских войск тиражом в 5 тыс. экземпляров приказ командующего 5-й японской армией генерал-лейтенанта Н. Симидзу о сдаче в плен. На обороте этого приказа был напечатан пропуск и указаны пункты, в которые следует направляться капитулирующим частям. Листовка с этим приказом была распространена самолетами в районах расположения отрезанных от командования своей армии частей. Организовывался также выезд звуковещательных станций в горные районы, где скрывались разрозненные группы вражеских солдат, для сообщения им приказа японского командования о капитуляции[99].

Были изданы также листовки «К окруженным японским войскам в г. Хутоу», от имени сдавшихся в плен японских солдат «К своим товарищам, солдатам японской армии», «Я взят в плен советскими войсками», в которых убеждали солдат Квантунской группировки «сдаваться в плен, так как на стороне Красной Армии могучая сила»[100].

Широко практиковался отпуск распропагандированных военнопленных в расположение своих частей. В конце августа 1945 г. офицеры 7-го отдела 1-го ДВФ распропагандировали шесть военнопленных полковников японской армии. С разрешения командования они направились в одну из японских частей, продолжавшую вести боевые действия. Установив контакт с командованием этой части, пленные провели разъяснительную работу с офицерами и убедили их в необходимости сдачи в плен. В результате шесть офицеров привели с собой 580 солдат и офицеров[101]. В те же дни офицерами 7-го отделения 1-й армии 1-го Дальневосточного фронта был распропагандирован военнопленный капитан Маруяма. Вернувшись в свою часть, он склонил к сдаче в плен командира полка, по приказу которого весь полк капитулировал. 26 августа были посланы в горы поручик Комура и унтер-офицер Мацуга, которые уговорили сдаться в плен скрывавшийся в горах отряд смертников[102].

Активную политическую работу среди войск противника проводили спецпропагандисты конно-механизированной группы. Возглавлявший ее генерал И. А. Плиев, характеризуя эту работу, писал: «Над занятой врагом территорией наша авиация разбрасывала множество листовок, раскрывающих освободительную миссию советско-монгольских войск. Авторами некоторых листовок выступали даже военнопленные. Они рассказывали о гуманном отношении к ним и призывали однополчан последовать их примеру и этим спасти себе жизнь»[103]. Японское командование отдало приказ своим войскам по пути отступления отравлять воду в колодцах стрихнином и другими ядами. Генерал И. А. Плиев в связи с этим приказал распространить среди войск и населения противника листовку, в которой объявлялось о немедленном расстреле лиц, уличенных в отравлении колодцев, а население призывалось к выявлению и задержанию отравителей.

7-й отдел политуправления Забайкальского фронта и 7-е отделение политотдела российско-монгольской конно-механизированной группы проводили пропаганду среди солдат и офицеров марионеточных войск и среди монгольского населения Маньчжурии и Внутренней Монголии. Многомиллионным тиражом были изданы на монгольском языке и распространены заявления советского и монгольского правительств об объявлении войны Японии, обращение правительства МНР к монгольскому населению и к войскам марионеточной армии Внутренней Монголии, а также ряд листовок и лозунгов.

В заявлении правительства МНР от 10 августа 1945 г. о вступлении в войну с Японией говорилось: «Малый хурал и правительство МНР, побуждаемые чувством извечных чаяний

монгольского народа к свободе, независимости и полной суверенности, верные своим обязательствам по договору о взаимопомощи между МНР и СССР, а также вдохновляемые единым стремлением демократических государств и свободолюбивых народов мира быстрее добиться мира, торжественно объявляют священную войну против Японии на стороне Объединенных Наций и полностью присоединяются к Заявлению Советского правительства, объявленному 8 августа 1945 года»[104].

Кроме этих документов и листовок политуправление Забайкальского фронта издавало на монгольском языке и распространяло газету «Монгол арат». В период с 9 по 20 августа 1945 г. ряд номеров этой газеты, а также десятки листовок, плакатов, лозунгов были распространены тиражом в 250 тыс. экземпляров. В них рассказывалась правда об СССР и МНР, разоблачался японский империализм, марионеточные войска призывались к восстанию против японских оккупантов и к сдаче в плен советским войскам, а население — к содействию в разгроме Квантунской группировки войск. Эти призывы находили горячий отклик среди марионеточных войск и населения. Солдаты и офицеры высылали парламентеров и капитулировали целыми частями и соединениями. Так, уже на второй день войны на сторону Красной армии перешел монгольский генерал Го Ваньлинь с 28 офицерами и тысячью солдат. Он согласился написать обращение к марионеточным войскам и населению, листовка с его обращением и фотоснимком была издана политуправлением Забайкальского фронта и нашла широкий отклик среди марионеточных войск[105].

Отдел спецпропаганды Тихоокеанского флота с первого дня войны против Японии приступил к активной политической работе среди матросов японского флота и солдат японской армии. С 9 по 20 августа было издано и распространено 18 различных обращений и листовок на японском языке тиражом в несколько сотен тысяч экземпляров. Среди них обращение маршала А. М. Василевского «К японской армии и японскому народу», листовка «К морякам японского императорского флота», иллюстрированная открытка «К японским солдатам», которая являлась пропуском для перехода через линию фронта. Проводились регулярные радиопередачи на японском языке на экипажи кораблей противника.

В процессе капитуляции войск Квантунской группировки активно велась работа среди японских разрозненных частей и соединений, продолжавших сопротивление. В ходе десантных операций успешно применялись окопные громкоговорящие установки. Так, в районе г. Маока (Южный Сахалин) были распропагандированы пленные японцы поручик Кобаяси и подпоручик Ито. Через ОГУ они обратились к солдатам гарнизона с призывом «прекратить сопротивление и сдаться войскам Красной армии, которые хорошо относятся к пленным и обеспечат возвращение их на родину после войны». На призыв японских офицеров сдались советским частям сначала 50 солдат с оружием, а затем еще 57 солдат и подофицеров, а вскоре этот гарнизон был полностью разоружен. Офицеры спецпропаганды действовали и в составе авиадесантов, высаженных в Харбине (18 августа), Гирине, Чанчуне, Мукдене (19 августа), Дальнем и Порт-Артуре (21 и 22 августа). Они участвовали в переговорах о капитуляции. В результате капитуляции вооруженных сил Японии в лагерях для военнопленных в Советском Союзе находились около 600 тыс. японских солдат и офицеров[106].

Политическая работа среди японских военнопленных имела свои особенности, которые зависели от обстоятельств пленения и национальных традиций. Незначительность числа пленных, взятых в процессе боев, объясняется скоротечностью войны с Японией. Основная масса, свыше 500 тыс. человек, была пленена в результате капитуляции Квантунской группировки войск. Другая особенность заключалась в том, что японцы имели весьма слабое и часто извращенное представление об СССР и его народе, политический и культурный кругозор среднего японца был крайне ограничен. Это объясняется длительной изоляцией Японии от европейских и других стран, а после вступления Японии на мировую арену — сознательным стремлением правящих кругов воспитывать японский народ в духе национальной ограниченности, старых феодальных традиций. Поэтому аппарату спецпропаганды приходилось начинать с азов, разъяснять элементарные политические вопросы, рассказывать об общеизвестных событиях.

Японское командование стремилось держать солдат в неведении, изолировать их от окружающего мира. Так, некоторые пленные солдаты при опросе заявляли, что им не было известно даже о поражении гитлеровской Германии. Наряду с исключительно узким политическим кругозором массы японцев большой трудностью для советской пропаганды было преодоление у них духа расизма и национального шовинизма. В сознание японских людей их реакционные правители внедряли идеи о превосходстве японской нации над всеми другими, о божественном происхождении японцев и их императора. В этой системе расистского одурманивания особое место занимала антисоветская клеветническая пропаганда, изображавшая советских людей как основных врагов Японии. В армии ко всему этому добавлялась палочная дисциплина, жестокая муштра солдат, направленная на то, чтобы солдаты боялись своих офицеров больше, чем противника.

Все это надо было тщательно учитывать, чтобы правильно определить содержание и формы политической работы среди пленных. Особенно большая трудность заключалась в недостатке офицеров, знающих японский язык, а работа проходила среди сотен тысяч пленных и многих десятков тысяч жителей на Южном Сахалине и в других местах. С помощью привлеченного демократического актива среди военнопленных удалось преодолеть языковой барьер. Пропаганду и культурно-просветительную работу наряду с офицерами спецпропаганды вели и активисты из числа военнопленных. Для этого в большинстве лагерей были созданы комитеты из солдат и демократически настроенных офицеров и унтер-офицеров. Комитеты оказывали большое влияние на массу военнопленных, особенно при выполнении заданий командования лагерей в производственной деятельности. Задания, как правило, выполнялись добросовестно, и это обстоятельство использовалось для проведения политико-воспитательной работы среди военнопленных путем организации трудового соревнования и премирования передовиков производства.

Пробуждению у японских солдат классового самосознания и росту дружественных чувств к Красной армии способствовали и их собственные наблюдения за порядками в Вооруженных силах Советского Союза, за взаимоотношениями между нашими солдатами и офицерами. Все это наглядно убеждало японских военнопленных в правдивости советской пропаганды о Красной армии, борющейся за интересы своего народа и самой демократичной по своей организационной структуре из всех армий мира.

Среди актива военнопленных были сильны тенденции к демократизации внутреннего режима в батальонах и подразделениях, высказывались пожелания о замене японских реакционных командиров демократами. Командование и политорганы лагерей учитывали эти пожелания, и реакционных офицеров и унтер-офицеров постепенно устранили с командирских постов и заменили демократически настроенными по рекомендации актива военнопленных.

В беседах, на собраниях, митингах с японскими военнопленными использовались формы и методы политической работы и опыт западных фронтов, распространялись газеты, листовки, плакаты и другая литература, демонстрировались кинофильмы, проводились звуко- и радиопередачи, устраивались фотовыставки, выступления самодеятельности военнопленных, создавались курсы демократического актива.

Офицеры спецпропаганды лагерей стремились не только рассказывать военнопленным о Советском Союзе, о жизни и деятельности советских людей, но и показывать при возможности им эту жизнь, организовывать экскурсии и встречи с советскими людьми. В газете «Ниппон симбун», специально издававшейся для военнопленных, освещались жизнь Советского Союза, внешняя и внутренняя политика советского правительства, положение в Японии, показывалась борьба японских прогрессивных организаций за демократизацию Японии. Газета, в работе которой принимали участие активисты из военнопленных, пользовалась большой популярностью. Во многих лагерях организовались постоянные группы друзей «Ниппон симбун», которые проводили коллективные чтения и обсуждение материалов, поддерживали связь с редакцией, информировали о жизни военнопленных.

Наиболее убедительным аргументом политического воздействия на военнопленных был сам режим, установленный в лагерях. Он разоблачал ложь японской милитаристской

пропаганды «об ужасах советского плена» и, несомненно, способствовал зарождению в сознании японских военнопленных симпатий к Красной армии и Советскому государству. Многие военнопленные высказывали чувства благодарности за хорошее к ним отношение. Например, майор Кусаво, бывший командир отдельного батальона, заявил: «Красная армия не проявляет к нам чувства расовых различий, превосходства победителей, к нам проявляется дружеское отношение»[107]. Такие заявления использовались в политической работе, публиковались в газете «Ниппон симбун» и лагерных стенных газетах.

В результате систематической политической работы среди японских военнопленных подавляющее большинство их прониклось симпатиями к Советскому государству, осознало общность интересов японского и советского народов, многие из них стали искренними друзьями Советского Союза, активными сторонниками демократизации Японии.

Эти перемены во взглядах и настроениях японских солдат нашли выражение в резолюциях многочисленных митингов и собраний с участием многих тысяч военнопленных, а также в сотнях индивидуальных и коллективных писем в адрес советского правительства и командования Красной армии. Например, на митинге репатриируемых военнопленных 2 января 1947 г., в котором участвовали свыше 5 тыс. японских солдат и офицеров, было принято обращение к оставшимся пока в СССР японским военнопленным. В нем говорилось: «Для того чтобы улучшить жизненные условия японских трудящихся, демократизировать страну и не допустить впредь повторения агрессии, мы, собравшиеся на этом митинге, призываем всех японских военнопленных, находящихся в СССР, брать пример со страны подлинной демократии — Советского Союза — и бороться: 1) за осуществление полной демократии в Японии; 2) за предоставление работы всем трудящимся Японии; 3) за немедленное свержение кабинета Иосида и замену его народным правительством, созданным по принципу общепризнанной демократии»[108].

Японская пресса, до этого распространявшая ложь о якобы плохом обращении в СССР с японскими военнопленными, вынуждена была изменить тон. Так, токийская радиовещательная станция 12 декабря 1946 г. передавала: «Часть находящихся в Сибири японских офицеров и солдат вчера прибыла в порт Майдзуру. Из бесед выяснилось, что все прибывшие здоровы и чувствуют себя хорошо, что они жили в хороших помещениях, отлично одеты и ни в чем не испытывали нужды»[109].

ЦК ВКП(б) считал важным элементом успеха военных операций на Дальневосточном ТВД эффективную работу среди населения оккупированных Японией стран и территорий. С момента вступления частей Красной армии на территорию Маньчжурии и Кореи аппарат спецпропаганды развернул политическую агитацию и пропаганду среди китайского, монгольского и корейского населения, направленную на создание наиболее благоприятной обстановки для пребывания советских войск на их территории. Важнейшей задачей при этом было теснее сблизиться с революционной, прогрессивной частью местного населения, выявить и организовать демократический актив. И эта работа дала результаты: вокруг наших частей сгруппировалось много демократов-активистов, которые помогали в пропаганде правды о Советском Союзе и Красной армии.

Наряду с опубликованием официальных документов советского правительства и командования издавались и распространялись массовыми тиражами листовки, лозунги, плакаты, популяризировавшие в доходчивой форме основные положения этих документов. Так, в лозунгах и кратких листовках, распространявшихся среди китайского населения, говорилось: «Китайцы! Красная Армия протянула вам руку братской помощи для борьбы с нашим общим врагом — японскими империалистами. Час вашего освобождения настал! Всемерно помогайте Красной Армии — армии-освободительнице!» В другой листовке было сказано: «Китайцы! Советский Союз — истинный друг китайского народа. Это он в 1924 году добровольно отказался от всех концессий и привилегий в Китае и заключил с Китаем первый равноправный договор. Это он всегда поддерживал Китай в его борьбе против захватнических планов Японии. Советский Союз всегда высоко ценил и уважал китайскую культуру, китайский народ. Да здравствует дружба русского и китайского народов!»[110]

К борьбе против японских поработителей призывало командование Красной армии и корейцев: «Корейцы! Десятки лет ваша прекрасная родина стонет под тяжестью японского сапога, справедливый меч Красной Армии занесен над японским империализмом, и судьба Японии предрешена... Поднимайтесь на священную войну против ваших поработителей... Мы поможем вам, как друзья. Смерть японским захватчикам!»[111]

Всего с 9 августа по 10 сентября 1945 г. было издано 36 видов листовок, обращений и плакатов тиражом 2,5 млн экземпляров. За тот же период политотделами армий этого фронта совместно с оперативными группами политуправления фронта было выпущено несколько сотен тысяч экземпляров различных агитматериалов на китайском языке[112].

7-е отделы фронтов выпускали для населения газеты на китайском, монгольском, корейском и японском языках. Главным содержанием газет была пропаганда великих исторических побед советского народа, освободительной миссии Красной армии, разоблачалась ложь антисоветской пропаганды, популяризировались демократические преобразования на освобожденной от захватчиков земле. Вокруг редакций газет группировались и активно участвовали в печатной пропаганде местные демократические силы. Например, в газете «Новая жизнь» на Южном Сахалине японские активисты писали статьи, участвовали в редакционной работе, переводили на японский язык наиболее доходчивые для читателя материалы.

Учитывая невысокий уровень грамотности населения, большое внимание уделялось средствам устной агитации, проведению бесед, собраний, митингов, организации выступлений через мощные громкоговорящие установки, изданию красочных плакатов, лозунгов, демонстрации советских кинофильмов.

Значительную роль в устной пропаганде среди местного населения играло звуковещание. Так, в частности, 7-е отделение политотдела 15-й армии в г. Цзямусы с 23 августа по 5 сентября провело через МГУ 26 звукопередач, которые шли по такой программе: музыка — 5–6 минут, тексты о Советском Союзе, Красной армии и соответствующие лозунги — 15–30 минут, затем опять музыка — 5–6 минут. Дикторами выступали работники 7-го отделения и местные жители. Кроме наземных громкоговорящих установок использовались и самолетные установки. Так, 24, 28 и 31 августа 1945 г. с самолета У-2 было проведено три сеанса звуковещания над городами Фуцзинь и Цзямусы. А например, работниками 7-го отделения политотдела 2-й армии с 9 августа по 1 сентября 1945 г. было проведено среди населения 56 бесед на темы «Зачем пришла Красная Армия в Маньчжурию» и «Что и как должны делать местные жители в помощь Красной Армии»[113]. В речах местных жителей неизменно звучали слова благодарности советскому народу и его армии за освобождение от японских оккупантов и колонизаторов.

По мере продвижения в освобождаемые районы главных сил Красной армии в непосредственную работу среди населения включались все работники 7-х отделов политуправлений фронтов и 7-х отделений политотделов армий. Большое значение придавалось организации в городах и крупных населенных пунктах советских военных комендатур. Офицеры спецпропаганды, владеющие восточными языками, активно участвовали в формировании комендатур и работу среди населения проводили в тесном контакте с ними.

Особенно многочисленны были манифестации и митинги при встрече наших войск в крупных городах. В донесении политуправления Забайкальского фронта сообщалось: «Население Чанчуня встретило советские войска восторженно, стихийно возникали митинги и демонстрации, дома украшены советскими и китайскими флагами. Советская военная комендатура немедленно приняла меры к нормализации жизни в городе. Приказ коменданта № 1 на китайском языке был распространен в 10 тыс. экз., а также передавался по радио и МГУ. С 21 августа (на другой день после начала работы комендатуры) открылись магазины, пошел трамвай, стали работать предприятия»[114].

Массовая работа среди населения Маньчжурии, Северной Кореи, Южного Сахалина и Курильских островов развернулась после окончания военных действий. Это обусловливалось тем, что советские войска и военные комендатуры оставались по соглашению с Китаем на

освобожденной территории Маньчжурии до апреля 1946 г., в Северной Корее — до образования корейских правительственных органов, а на Южном Сахалине и Курильских островах работа среди японского населения велась до окончания репатриации японских жителей.

Эта работа проводилась работниками 7-х отделов и отделений совместно с комендатурами в контакте с образовавшимися местными демократическими самоуправлениями и общественными организациями. Печатная пропаганда велась через издаваемые политорганами газеты, бюллетени, листовки на китайском, корейском и японском языках. Для устной пропаганды широко использовались местные радиостанции (в Чанчуне, Мукдене, Харбине и других городах), а также звуковещательные станции. Для населения систематически демонстрировались советские кинофильмы, организовывались фотовыставки, издавались плакаты, в местных театрах и клубах выступали красноармейские ансамбли и приезжавшие из Советского Союза артисты.

Пропагандистские мероприятия приурочивались к политическим событиям и знаменательным датам. Так, в г. Чанчунь были проведены демонстрация и массовый митинг, посвященные 34-й годовщине китайской революции (1911) и укреплению дружбы китайского и советского народов. Мероприятия готовились 7-м отделом политуправления Забайкальского фронта совместно с городским самоуправлением и Обществом китайско-советской дружбы. Был выпущен специальный бюллетень тиражом 200 тыс. экземпляров на китайском языке, изданы миллионным тиражом две листовки на тему о советско-китайской дружбе. На митинге присутствовали 80 тыс. жителей, речи ораторов транслировались по радио.

О размахе этой работы в полосе Забайкальского фронта говорят следующие цифры. За период с 9 августа по 15 ноября 1945 г. было издано и распространено среди населения 55 млн экземпляров листовок, лозунгов, плакатов и брошюр на китайском и японском языках. В городах Чанчунь, Мукден и Харбин ежедневно издавались информационные бюллетени, велись передачи через местные радиостанции. На их улицах и площадях были развешаны плакаты, лозунги, регулярно работали МГУ, через которые было проведено 1600 звукопередач. Состоялось более 30 общегородских массовых митингов, посвященных освободительной миссии Красной армии, дружбе китайского и советского народов. В организации и проведении митингов и демонстраций активно участвовали местные демократические организации[115].

Значительная работа проводилась среди японского населения Южного Сахалина. Воспитанное японскими империалистами в шовинистическом духе, враждебном отношении к советскому народу, японское население Южного Сахалина, как и в Корее и Маньчжурии, настороженно встречало советские войска, ожидая жестокого к себе отношения. Исключительная выдержанность, вежливость советских солдат и офицеров быстро развеяли опасения японцев, наглядно разоблачили ложь и клевету японских империалистов в отношении Красной армии. Убедившись воочию, что советское командование заботится о нормализации жизни населения и оказывает ему помощь, японцы в своей массе прониклись чувством симпатии к Красной армии и Советскому Союзу.

Для демократически настроенных жителей японской национальности были организованы месячные курсы, в тематику занятий которых входило ознакомление слушателей с внутренней и внешней политикой Советского государства, а также с международным положением, в частности в Японии. Активисты, окончившие эти курсы, стали опорой в проведении работы среди широких слоев японского населения Южного Сахалина до их репатриации в Японию, по случаю которой организовывались митинги. Так, на митинге 31 декабря 1946 г. при участии 3500 репатриируемых японцев было единодушно принято письмо-обращение к советскому правительству, в котором говорилось: «Мы, японцы, проживавшие на Южном Сахалине и возвращающиеся сейчас на родину, рады отметить, что о нас была проявлена исключительная забота, мы находились на равных условиях с советскими людьми. Это показывает нам истинно дружеское отношение народов Советского Союза, народов подлинно демократического государства. После возвращения на родину мы обещаем приложить все усилия для создания подлинно демократической Японии, счастливой жизни японского народа и для укрепления дружбы с советским народом»[116].

Агитационно-пропагандистская работа, широко развернутая среди населения Маньчжурии, Северной Кореи и Южного Сахалина, дала хорошие результаты: китайское, корейское и монгольское население, питавшее и ранее доверие и добрые чувства к советскому народу, еще более укрепилось в них, а японское население, узнавшее правду о Красной армии и Советском государстве, также в основной своей массе прониклось к советскому народу чувствами доверия и симпатии.

В своих воспоминаниях маршал Р. Я. Малиновский высоко оценил проводившуюся работу среди населения освобожденных государств Дальнего Востока: «В ходе операции командование и политорганы фронтов, флота и армий приложили много усилий для налаживания правильных взаимоотношений с населением освобожденных районов. И нужно сказать, что эти усилия встретили огромное понимание и поддержку со стороны всех слоев населения освобожденных сел и городов»[117].

Оценка эффективности советской специальной пропаганды среди войск, населения и военнопленных противника в ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции вызывает отдельные споры. Зарубежные историографы, грубо искажая цели сторон и подлинный ход Второй мировой войны, замалчивают решающий вклад советского народа в дело ускорения победы над японским милитаризмом, фальсифицируют и характер нашей пропаганды, и ее влияние на войска противника.

Первоначально политико-моральное состояние японских войск не внушало их командованию особых опасений, но уже в ходе молниеносной Маньчжурской операции солдаты и офицеры неприятеля начали утрачивать боевой дух, что и позволило усилить влияние нашей пропаганды. Свидетельствами этого стали письма вражеских солдат на родину, трофейные дневники, возрастающие случаи массовой сдачи в плен, капитуляция окруженных группировок и гарнизонов. Наиболее убедительным доказательством эффективности специальной пропаганды служат приказы и директивы командования Квантунской группировки войск, посвященные задачам борьбы с вражеской пропагандой. Так, 11 августа 1945 г. штаб главнокомандующего группировкой генерала О. Ямады издал приказ, запрещающий под страхом расстрела подбирать и тем более читать советские листовки: «Не к лицу нам, сыновьям императора, падать низко, слушать наветы на нашу империю и ее доблестных солдат. Наш меч, разящий врага, — единственный ответ противнику». В отношении китайского, корейского и монгольского населения принимались меры кровавого террора: малейшее подозрение в сочувствии Красной армии каралось смертью[118].

Таким образом, спецпропагандистское обеспечение боевых операций на освобождаемых Вооруженными силами Советского Союза зарубежных территориях Европы и Дальнего Востока было развернуто своевременно, велось интенсивно, в больших масштабах и на высоком уровне. И этот морально-политический фактор сыграл важную роль в победе над агрессорами. Особенно действенной она была среди войск сателлитов Германии и марионеточных армий, сформированных японцами из населения Маньчжурии и Внутренней Монголии, а также среди населения, многие годы томившегося под гнетом оккупантов и колонизаторов.

Воин-освободитель: психология и поведение на завершающем этапе войны

На завершающем этапе Великой Отечественной войны, освободив оккупированную немцами и их сателлитами советскую территорию и преследуя отступающего противника, Красная армия перешла государственную границу СССР. С этого момента начался ее победоносный путь по странам Европы — как тем, которые шесть лет томились под фашистской оккупацией, так и выступавшим в этой войне союзниками Третьего рейха, а также по территории самой гитлеровской Германии.

Свыше года около 7 млн советских воинов сражались за пределами Родины, больше миллиона из них погибли за освобождение народов Евразии от фашизма. И подвиг их нельзя поставить под сомнение: за освобождение Польши отдали свою жизнь более 600 тыс. воинов, Чехословакии — 140 тыс., Венгрии — 140 тыс., Румынии — 69 тыс., Югославии — 8 тыс., Болгарии — около 1 тыс., Австрии — 26 тыс., Норвегии — 3,5 тыс., Китая и Кореи — 10 тыс., на территории Германии погибли 102 тыс. воинов Красной армии[119].

В ходе освободительной миссии Красной армии проявились такие грани сознания и психологии советского воина, как интернационализм, гуманизм, солидарность с пострадавшими народами. Это выражалось в оказании не только военной (несомненно, главной), но также продовольственной и медицинской помощи, восстановлении мостов и дорог, разрушенных предприятий и школ.

Сам факт перехода государственной границы и процесс освобождения зарубежных стран весьма существенно повлиял на психологию и поведение личного состава действующей армии. И воздействие это было весьма разносторонним. Именно с этого момента во всей полноте утвердилась психология советского воина-победителя, который ранее лишь защищал и освобождал захваченную врагом собственную землю. Теперь он стал освободителем других народов, что обуславливало новое самовосприятие советского воина, накладывало особую ответственность на каждого как на представителя своей страны и армии. Но это же ставило перед каждым вопрос о готовности жертвовать собой, своей жизнью не за родную землю, а в интересах других народов. Наш солдат вступал на чужие земли, где люди говорили на других языках, где были иные обычаи, традиции, культура, нормы поведения и т. д. Почти никто из советских людей не бывал ранее за границей, и прямое соприкосновение с иной социокультурной средой для многих стало культурным шоком, к которому примешивались разного рода политические тонкости.

Первой европейской страной, в которую 26 марта 1944 г. вступила Красная армия, стала Румыния. Недавний противник СССР и сателлит Германии, в последний период войны она оказалась среди союзников по антигитлеровской коалиции. При этом в массовом сознании советских людей преобладало недовольство слишком мягкими условиями перемирия с Румынией[120]. О восприятии этой страны советскими войсками вспоминал в своих «Записках о войне» поэт-фронтовик Борис Слуцкий: «Европейские парикмахерские, где мылят пальцами и не моют кисточки, отсутствие бани, умывание из таза, «где сначала грязь с рук остается, а потом лицо моют», перины вместо одеял — из отвращения, вызываемого бытом, делались немедленные обобщения... В Констанце мы впервые встретились с борделями... У всех было отчетливое сознание: у нас это невозможно». И делал вывод, что именно в Румынии, этом европейском захолустье, «наш солдат более всего ощущал свою возвышенность над Европой»[121].

Другим сателлитом Германии была Венгрия, границу с которой войска Красной армии перешли в сентябре 1944 г. В ходе войны в массовом сознании как советского общества, так и армии сложился образ жестоких мадьяр, особенно укрепившийся во время боевых действий на собственно венгерской территории, где враг дрался крайне ожесточенно. «Это была первая страна, не сдавшаяся, как Румыния, не перебежавшая, как Болгария, не союзная, как Югославия, а официально враждебная, продолжавшая борьбу»[122]. Ненависть к венграм усугублялась их коварством: редко оказывая открытое сопротивление, они часто нападали исподтишка, всегда были готовы нанести удар в спину[123].

В Болгарии и Югославии, куда советские войска вошли в сентябре 1944 г., несмотря на сложность внутриполитических проблем, отношение славянских народов к Красной армии было, безусловно, дружеским, что вызывало ответную симпатию. «В Болгарии не было ни боев, ни сражений. Болгарская операция была бескровной, она вылилась в триумфальный освободительный поход»[124], здесь, на земле братского народа, за восемь месяцев до окончания войны советские воины получили мирную передышку.

В Югославии бои носили ожесточенный характер, но население оказывало советским войскам, сражавшимся в тесном взаимодействии с югославской Народно-освободительной армией, всяческую помощь и поддержку.

Приятное впечатление произвело и население Чехословакии, которое радостно встречало советских солдат-освободителей. Смущенные танкисты с покрытых маслом и пылью боевых машин, украшенных венками и цветами, говорили между собой: «Нечто танк невеста, чтоб его убирать. А их девчата, знай себе, нацепляют. Хороший народ. Такого душевного народа давно не видел». Дружелюбие и радушие чехов было искренним. «Если бы это было можно, я перецеловала бы всех солдат и офицеров Красной Армии за то, что они освободили мою Прагу», — под общий дружный и одобрительный смех сказала... работница пражского трамвая»[125], — так описывал атмосферу в освобожденной чешской столице и настроения местных жителей 11 мая 1945 г. Борис Полевой.

17 июля 1944 г. советские войска вступили на территорию Польши. Восприятие этой страны военнослужащими Красной армии оказалось неоднозначным. Образ славянского, близкого в противостоянии германцам польского народа сочетался с идеологическим стереотипом буржуазной, панской Польши, враждебной Советскому государству. Двойственным было и отношение к Польше как союзнику капризному и ненадежному. Население также во многом рассматривалось с классовой точки зрения: симпатию вызывали рабоче-крестьянские, бедняцкие слои и негативное отношение — зажиточные и классово чуждые.

Официальная позиция советского руководства в отношении Польши и в связи со вступлением на ее территорию нашла отражение в постановлении Государственного Комитета Обороны № 6282 от 31 июля 1944 г. и в директиве Генерального штаба Красной армии командующим войсками 1, 2, 3-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов от 1 августа 1944 г. В них, в частности, говорилось, что «вступление советских войск в Польшу диктуется исключительно военной необходимостью и не преследует иных целей, кроме как сломить и ликвидировать продолжающееся сопротивление войск противника и помочь польскому народу в деле освобождения его Родины от ига немецко-фашистских оккупантов»[126]. В связи с этим предписывалось «в районах, занятых Красной Армией, советов и иных органов советской власти не создавать и советских порядков не вводить, исполнению религиозных обрядов не препятствовать, костелов, церквей и молитвенных домов не трогать», гарантировать польским гражданам охрану принадлежащей им частной собственности и личных имущественных прав[127].

Еще до вступления на территорию Польши среди личного состава советских войск была проведена основательная политико-идеологическая подготовка к этому событию. Ее вели военные советы, политорганы и партийные организации всех уровней. Так, Военный совет и политуправление 1-го Белорусского фронта разослали по всем политотделам фронта справку по истории Польского государства, характеризовавшую его устройство, политико-экономическое положение, культуру, быт и нравы населения и т. д. Были прочитаны лекции, доклады, проведены беседы на темы: «Задачи личного состава в связи с вступлением Красной Армии на территорию Польши», «Победа над германским фашизмом лежит через освобождение народов Европы», «Воин Красной Армии — представитель самой сильной и культурной армии в мире», «Железная воинская дисциплина и высокая бдительность — залог победы над врагом», «Красная Армия выполняет историческую роль — освобождает народы Европы от фашистского рабства»[128].

Командование настойчиво утверждало в сознании военнослужащих необходимую модель поведения. По свидетельству Давида Самойлова, «в Польше держали нас в строгости. Из расположения улизнуть было сложно. А шалости сурово наказывались»[129]. Другой фронтовик — Михаил Колосов вспоминал, как личному составу батальона был зачитан приказ по армии с соответствующими комментариями комбата: «Мы на чужой территории, но здесь мы не как завоеватели, а как освободители, мы преследуем врага и освобождаем польский народ от ига гитлеровских оккупантов. Здесь свое государство, здесь свои порядки. Здесь для нас все чужое, поэтому без разрешения не брать ни палки, ни доски. Деревья рубить категорически запрещается. Для землянок, для дров ищите поваленные, сухие. Лес — это собственность польского народа, и за каждое срубленное дерево нашему государству придется расплачиваться валютой, золотом. Солома нужна? Будем добывать организованно.

Чешские дети дарят цветы освободителям Чехословакии

Концерт советских солдат для жителей Праги

Поедет старшина к старосте и скажет ему: «Пан староста, чтобы не стеснять гражданское население, мы остановились в лесу. Солдатам для постелей нужна солома. Не могли бы вы нам помочь?» Только так, дипломатическим путем. Думаю, не откажет. Всякие... шалости в отношении местного населения будут строго наказываться»[130].

Во всех частях проводились красноармейские и специальные партийные и комсомольские собрания, на которых принимались решения «вести беспощадную борьбу с мародерством, своевременно пресекать плохое поведение бойцов по отношению к местному населению»[131]. Такая целенаправленная работа с личным составом и жесткие дисциплинарные меры резко ограничили масштабы стихийных реквизиций и произвола по отношению к польским гражданским лицам.

Советское командование и политорганы тщательно отслеживали как поведение собственных войск на польской территории, так и отношение польского населения к Красной армии, объективно фиксируя сложность и противоречивость ситуации. Так, в докладной записке Военного совета 47-й армии в Военный совет 1-го Белорусского фронта об отношении отрядов Армии Крайовой к Красной армии от 30 июля 1944 г. говорилось о том, что «население тепло относится к частям Красной армии, но в то же время исключительно хорошо относится и к отрядам так называемых польских партизанских частей и подразделений»[132], а в докладе политотдела 28-й армии 1-го Белорусского фронта о работе политорганов среди польского населения и его отношении к Красной армии за конец августа 1944 г. отмечалось, что «имеются определенные лица среди польского населения, которые проявляют сдержанное и даже враждебное отношение к Красной Армии», что «заметно влияние лондонского эмигрантского правительства» на зажиточные и средние слои поляков, что «ряд офицеров и солдат Армии Крайовой угрожает населению репрессиями за лояльное отношение к Красной Армии», подбивает на вооруженную борьбу против нее и т. д.[133]

Во взаимоотношениях советских бойцов и местного населения переплелось немало аспектов: идеологических, экономических, бытовых, эмоциональных. Есть немало свидетельств, отразивших противоречивый опыт контактов с другим народом. Например, письма женщин-военнослужащих 19-й армии 2-го Белорусского фронта за конец февраля 1945 г., перлюстрированные военной цензурой. Так, Лидия Шахпаронова писала 22 февраля 1945 г. подруге: «Польша мне нравится, и народ здесь приветливый. К нам относятся очень хорошо, как к своим освободителям. Они понимают, что если бы не мы, то никогда бы полякам не сбросить ярмо немцев. А немцы здесь действительно были господами. У нас, в СССР, они еще не успели развернуться во всей возможной полноте. Полякам нельзя было жениться, есть масло, мясо, хлеб белый, пить молоко и т. д. Им выдавали немного хлеба из отрубей и черного кофе (суррогаты). Вот и все. Специальные нюхачи рыскали по домам и узнавали, не едят ли поляки, что им не положено. Перед пацаном-немцем поляк обязан был снимать шапку и кланяться, иначе тот его бил по щекам. А если бы поляк дал ему сдачи или отпихнул, его бы повесили. Словом, настоящее рабство. Все поляки от старого до малого были работниками у немцев. Всё было немецкое — и заводы, и земля, и магазины. Потому так поляки и ненавидят немцев, проклинают их. Потому они так хорошо встречают нас»[134].

Совсем иной акцент мы видим в письме М. П. Анненковой к подруге от 19 февраля 1945 г.: «Прошли все польские города (Торн, Бромберг и т. д.), побывали у поляков. Поляки — народ не совсем дружелюбный. Некоторые приветствуют хорошо, а некоторые смотрят косо на нас. Немцев ненавидят они крепко, потому что у них деревни и города все разрушены»[135].

Это мнение разделяла и Вера Герасимова в письме от 23 февраля 1945 г.: «Проезжали деревни, села, города. Дороги хорошие, местами взорваны и побиты при отступлении фрицев... Всё это была Польша. Деревни грязные, люди не привыкли, видно, мыться в банях, так как их нет, что нам не очень понравилось, какая-то брезгливость... Внешний лоск и внутренняя грязь. В городах немного получше одеты, с шиком, видимо, привыкли жить с немцем (от 39 г.), то есть нет здесь уже той приветливости, и мне кажется, что многие в этих городах — это фрицы, замаскированные поляками. Где нас много, они не появляются, своих действий не проявляют, а где идешь одна, можешь напасть на неприятность»[136].

Советские офицеры возлагают цветы к могиле Иоганна Штрауса

Советские солдаты общаются с мирными жителями

Офицеры 3-го Белорусского фронта принимают сдающихся в плен вместе с бронетехникой немцев

И наконец, письмо, в какой-то мере обобщающее отношение советских солдат к местному польскому и другому населению освобождаемой Европы: «Проехала Эстонию, Литву, Латвию и Польшу, теперь где-то на границе Германии, — сообщала 24 февраля 1945 г. подруге Галина Ярцева. — Какие города я видела, каких мужчин и женщин. И, глядя на них, тобой овладевает такое зло, такая ненависть! Гуляют, любят, живут, а их идешь и освобождаешь. Они же смеются над русскими... Да, да! Сволочи... Не люблю никого, кроме СССР, кроме тех народов, кои живут у нас. Не верю ни в какие дружбы с поляками и прочими литовцами!»[137]

В этих письмах зафиксировано несколько явлений. Во-первых, жизнь польского населения, представшая перед глазами советских солдат, в сравнении с жизнью в собственной стране. Здесь констатация относительного богатства городов и бедности польских сел, унизительности и тягот немецкого оккупационного порядка. Во-вторых, крайняя противоречивость отношения поляков к наступавшим советским войскам, где местами присутствует приветливость, а порой настороженность и даже враждебность. Наконец, в-третьих, собственное противоречивое отношение к польскому населению, в котором есть и сочувствие, и недоверие к нему, и отторжение как инородного, чуждого, внутренне враждебного. Последний оттенок был замечен советской военной цензурой и зафиксирован в донесении политотдела 19-й армии об организации воспитательной работы в войсках в ходе наступления 17 марта 1945 г. как «факт непонимания великой освободительной миссии Красной Армии»[138].

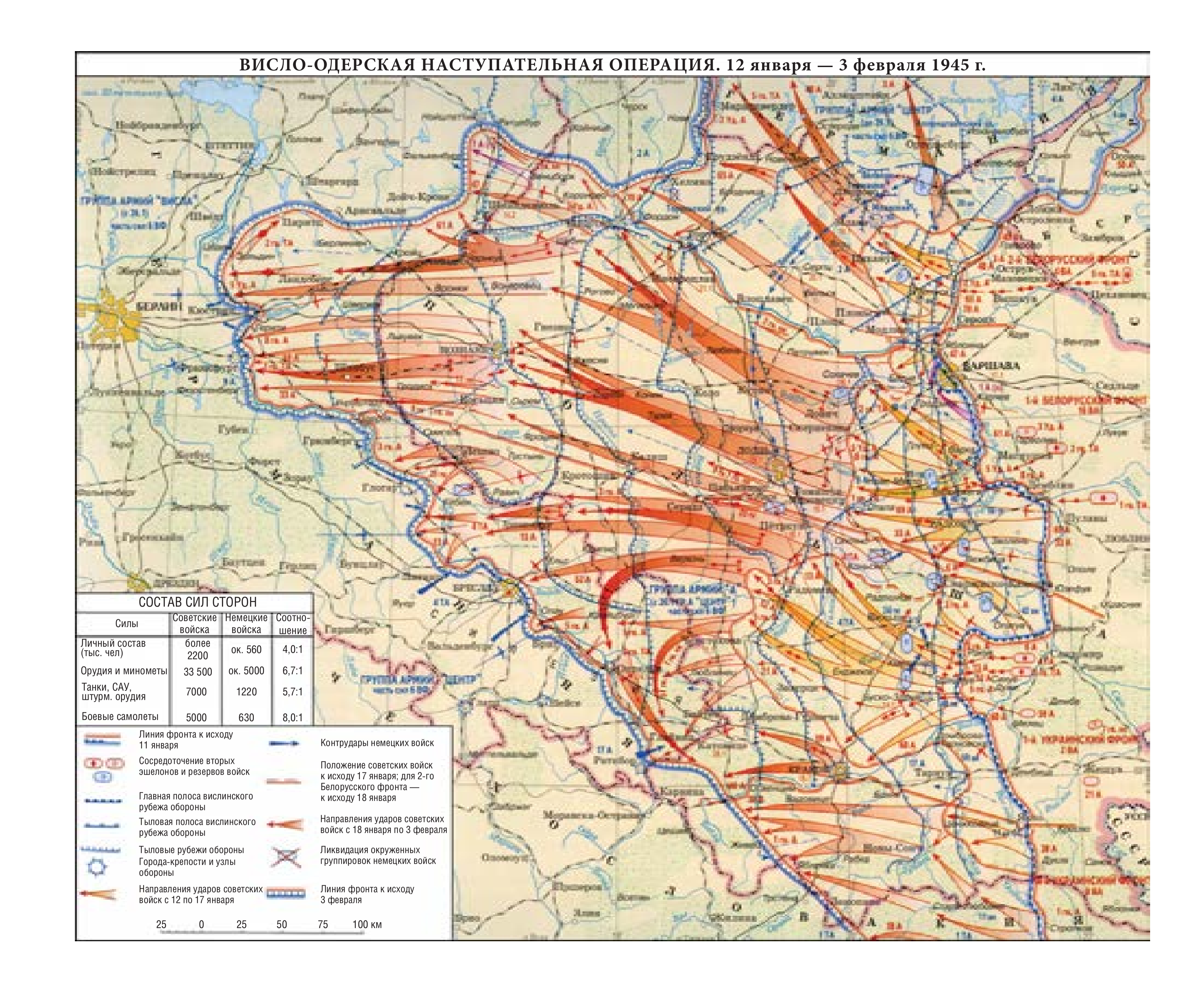
Но в целом, несмотря на все политические и психологические сложности, на земле захваченных гитлеровцами стран советский воин, оказывая дружескую помощь чужим народам, воспринимал свои действия как естественное проявление солидарности, и чувства его при этом были достаточно понятны. При вступлении же на территорию фашистской Германии эта ясность уступила место целому комплексу весьма сложных, противоречивых, неоднозначных мыслей и чувств.

На протяжении Великой Отечественной войны тема возмездия была одной из центральных в агитации и пропаганде, а также в мыслях и чувствах советских людей. Задолго до того, как армия приблизилась к вражеской границе, проходя по истерзанной оккупантами родной земле, видя замученных женщин и детей, сожженные и разрушенные города и деревни, советские бойцы клялись отомстить захватчикам сторицей и часто думали о том времени, когда вступят на территорию врага. И когда это произошло, были — не могли не быть! — психологические срывы, особенно среди тех, кто потерял свои семьи, убитые оккупантами. В январе — феврале 1945 г. советские войска развернули Висло-Одерскую и Восточно-Прусскую наступательные операции и вступили на немецкую землю. «Вот она, проклятая Германия!» — написал на одном из самодельных щитов около сгоревшего дома русский солдат, первым перешедший границу[139]. День, которого так долго ждали, наступил. И на каждом шагу встречались советским воинам вещи с нашими фабричными клеймами, награбленные гитлеровцами; освобожденные из неволи соотечественники рассказывали об ужасах и издевательствах, которые испытали в немецком рабстве. Немецкие обыватели, которые поддерживали Гитлера и приветствовали войну, беззастенчиво пользовались плодами грабежа других народов, не ожидая, что война вернется туда, откуда она началась — на территорию Германии. И теперь эти «гражданские» немцы, испуганные и заискивающие, с белыми повязками на рукавах, боялись смотреть в глаза, ожидая расплаты за всё, что совершила их армия на чужой земле.

Жажда мести врагу в его собственном логове была одним из доминирующих настроений в войсках, тем более что оно долго и целенаправленно подпитывалось официальной пропагандой. Еще накануне наступления в боевых частях проводились митинги и собрания на тему «Как я буду мстить немецким захватчикам», «Мой личный счет мести врагу», где вершиной правосудия провозглашался принцип «око за око, зуб за зуб».

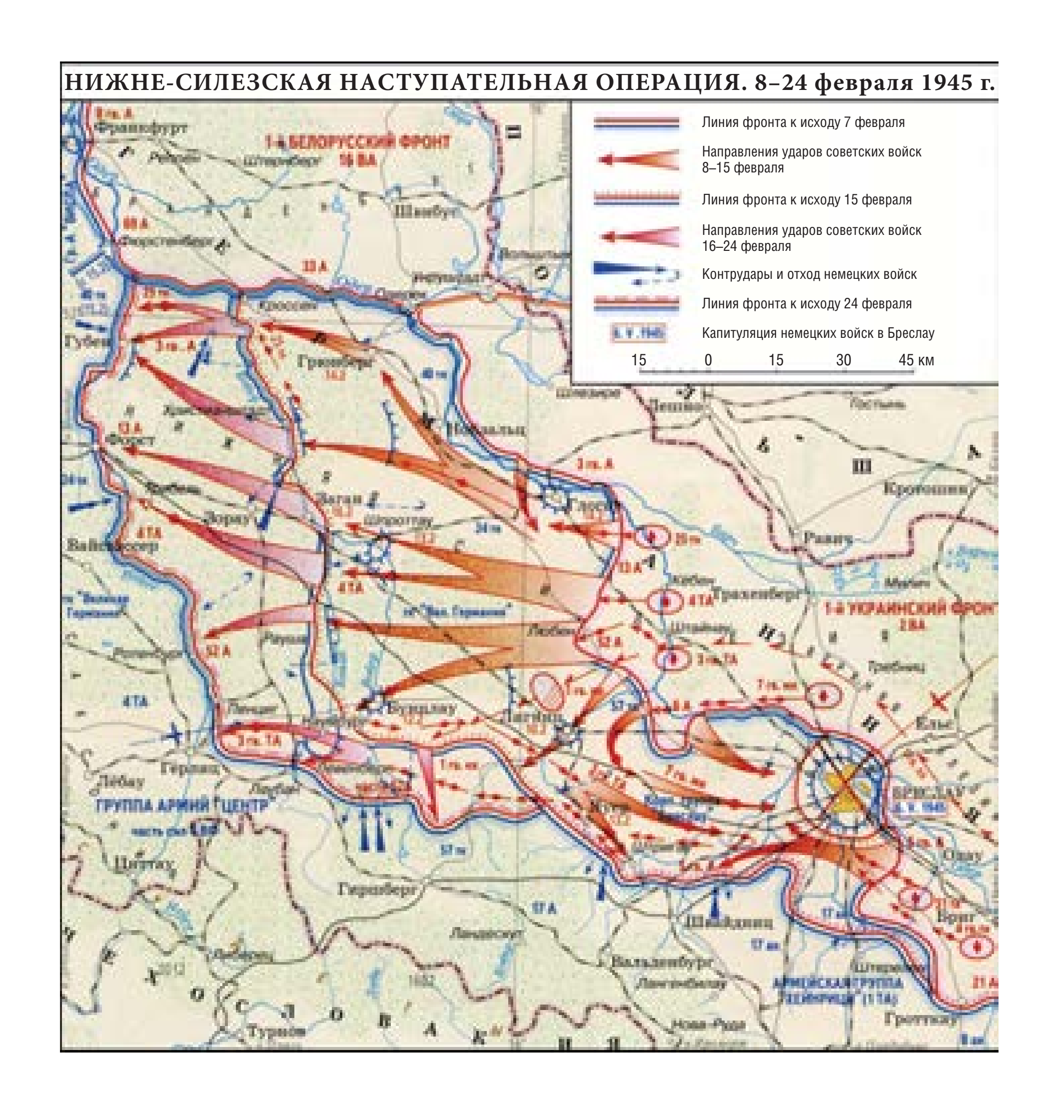
Однако после выхода нашей армии за государственную границу СССР у советского правительства появились соображения иного рода, диктовавшиеся как необходимостью достойно и цивилизованно выглядеть в глазах союзников, так и планами на послевоенное

ВИСЛО-ОДЕРСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 12 января — 3 февраля 1945 г.

СОСТАВ СИЛ СТОРОН

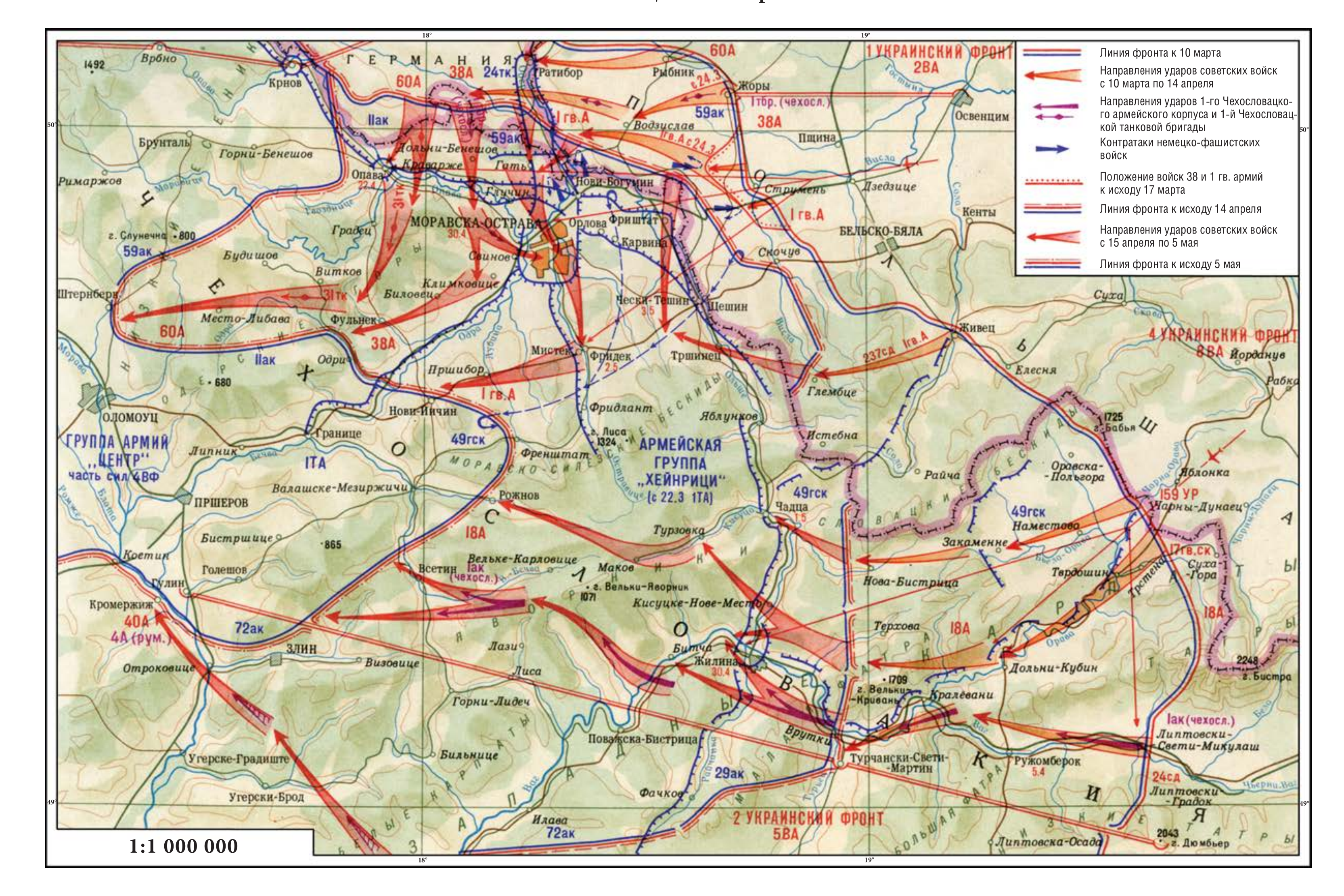
Силы	Советские войска	Немецкие войска	Соотно-шение
Личный состав (тыс. чел)	более 2200	ок. 560	4,0:1
Орудия и минометы	33 500	ок. 5000	6,7:1
Танки, САУ, штурм. орудия	7000	1220	5,7:1
Боевые самолеты	5000	630	8,0:1

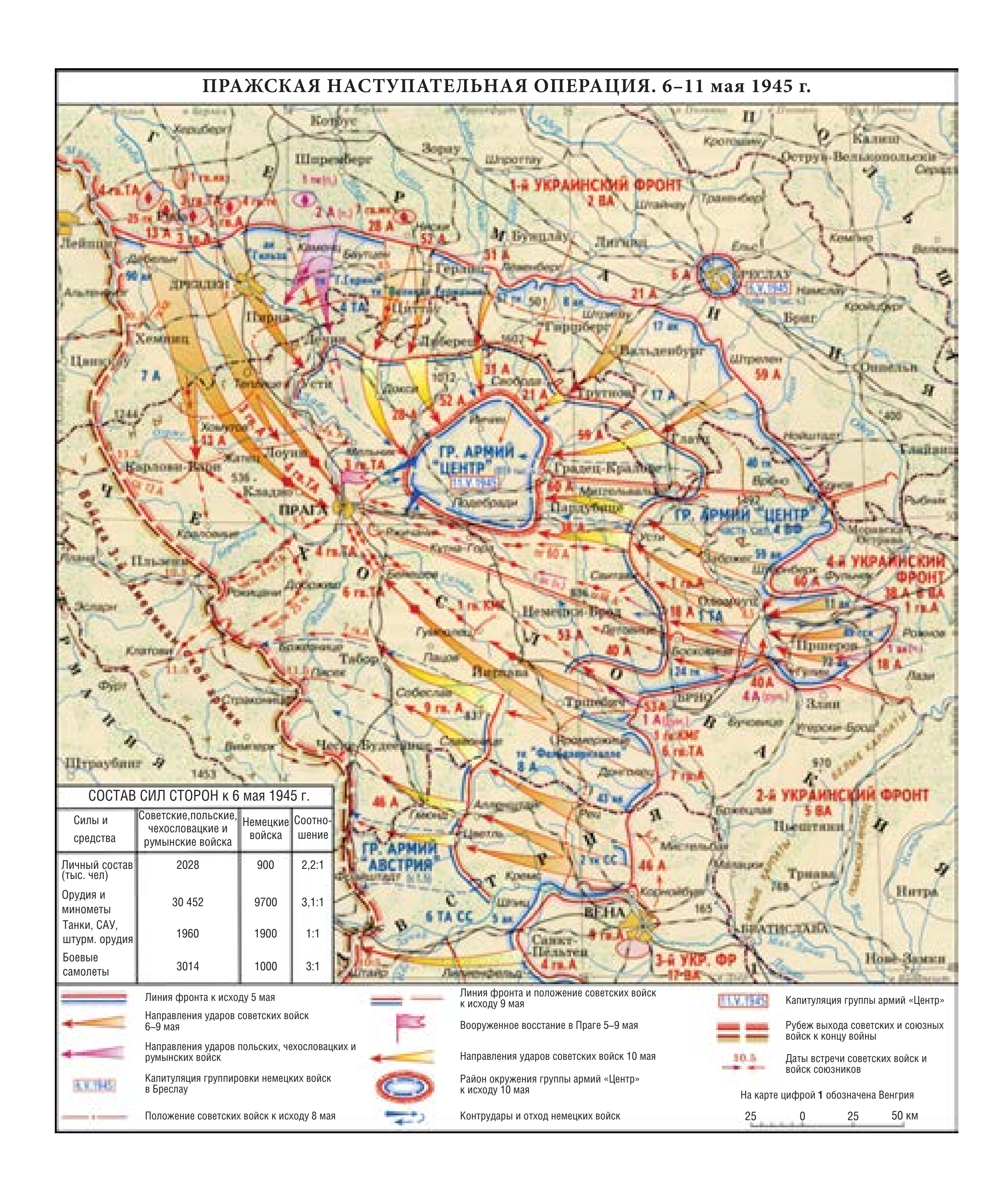

НИЖНЕ-СИЛЕЗСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 8–24 февраля 1945 г.
Линия фронта к исходу 7 февраля
Направления ударов советских войск 8–15 февраля
Линия фронта к исходу 15 февраля
Направления ударов советских войск 16–24 февраля
Контрудары и отход немецких войск
Линия фронта к исходу 24 февраля
Капитуляция немецких войск в Бреслау
15 0 15 30 45 км
1-й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ
16 ВА
Франкфурт
Швибус
Кроссен
Губен
Гроссен
Форст
Заган
Шпроттау
Лиссa
Равич
Кротошин
Трахенберг
1-й УКРАИНСКИЙ ФРОНТ
2 ВА
Бунцлау
Лигниц
Гёрлиц
Лаубан
ГРУППА АРМИЙ "ЦЕНТР"
Циттау
Гиршберг
Швейдниц
Вальденбург
БРЕСЛАУ
6. V. 1945
Олау
Бриг
Гроттау
АРМЕЙСКАЯ ГРУППА "ХЕЙНРИЦИ" (1 ТА)
Ельс

Силы	Советские войска	Немецкие войска	Соотно-шение
Дивизии	31	до 15	2:1
Орудия и минометы	5640	св. 1420	4:1
Танки, САУ, штурм. орудия	988	94	10:1

МОРАВСКА-ОСТРАВСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 10 марта — 5 мая 1945 г.

СОСТАВ СИЛ СТОРОН к 6 мая 1945 г.

Силы и средства	Советские,польские, чехословацкие и румынские войска	Немецкие войска	Соотно-шение
Личный состав (тыс. чел)	2028	900	2,2:1
Орудия и минометы	30 452	9700	3,1:1
Танки, САУ, штурм. орудия	1960	1900	1:1
Боевые самолеты	3014	1000	3:1

БЕРЛИНСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ 16 апреля — 8 мая 1945 г.
СООТНОШЕНИЕ СИЛ СТОРОН к 16 апреля

Силы	Советские и польские войска	Немецкие войска	Соотношение
Личный состав (тыс. чел)	св. 2000	1000	2,0:1
Орудия и минометы	ок. 42000	10400	4,0:1
Танки, САУ, штурм. орудия	6250	1500	4,1:1
Боевые самолеты	7500	3300	2,3:1

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
НЕМЕЦКИЙ ФЛОТ
БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ
ГРУППА АРМИЙ "ВИСЛА"
2-й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ
1-й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ
1-й УКРАИНСКИЙ ФРОНТ
ГЕРМАНИЯ
БЕРЛИН
ГРУППА АРМИЙ "ЦЕНТР"
Линия фронта к исходу 15 апреля
Направления ударов войск 1-го Белорусского фронта 16–19 апреля и 1-го Украинского фронта 16–18 апреля
Действия Днепровской военной флотилии
Линия фронта к исходу 19 апреля для 1-го Белорусского фронта и к исходу 18 апреля для 1-го Украинского фронта
Направления ударов войск 1-го Белорусского фронта 20–25 апреля, 2-го Белорусского фронта 18–25 апреля и 1-го Украинского фронта 19–25 апреля
Линия фронта к исходу 25 апреля
Направления ударов советских войск 26 апреля — 8 мая
Линия фронта на дрезденском направлении к исходу 5 мая
Направления ударов 1-й и 2-й армий Войска Польского
Контрудары немецких войск
Направления ударов войск союзников
Рубеж выхода советских войск и войск союзников к исходу 8 мая
Даты встречи советских войск и войск союзников
Подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии
На карте цифрой 1 обозначена Чехословакия
15 0 15 30 км

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ И В АЗИИ 1941–1945 гг.

ОБЩИЙ ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. 9 августа — 2 сентября 1945 г.

Положение советско-монгольских и японских войск к 9 августа 1945 г.
Направления ударов советских войск
Высадка воздушных десантов
Атомная бомбардировка японских городов авиацией США
ГК — Главное командование
ДВФ — Дальневосточный фронт
КА — Краснознаменная армия
КМГ — Конно-механизированная группа советско-монгольских войск

200 0 200 400 км

110° 120° 130° 140° 150° 40° 50°

С С С Р
МОНГОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА
ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ФРОНТ
12ВА
53А
39А
6гв. ТА
17А
36А
КМГ
2-й ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ
10ВА
2КА
15А
части 16А
56ск 16А
5 отд. ск
1-й ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ
35А
9ВА
1КА
5А
25А
АМУРСКАЯ ФЛОТИЛИЯ
СЕВЕРНАЯ ТИХООКЕАНСКАЯ ФЛОТИЛИЯ
Ставка ГК Советских войск на ДВ
ТИХООКЕАНСКИЙ ФЛОТ
КВАНТУНСКАЯ ГРУППИРОВКА ВОЙСК
АРМИЯ МАНЬЧЖОУ-ГО
ВОЙСКА ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ
1 ФРОНТ
3 ФРОНТ
17 ФРОНТ
5 ФРОНТ
ЯПОНСКИЙ ФЛОТ
ФЛОТ США
часть сил 2-го ДВФ

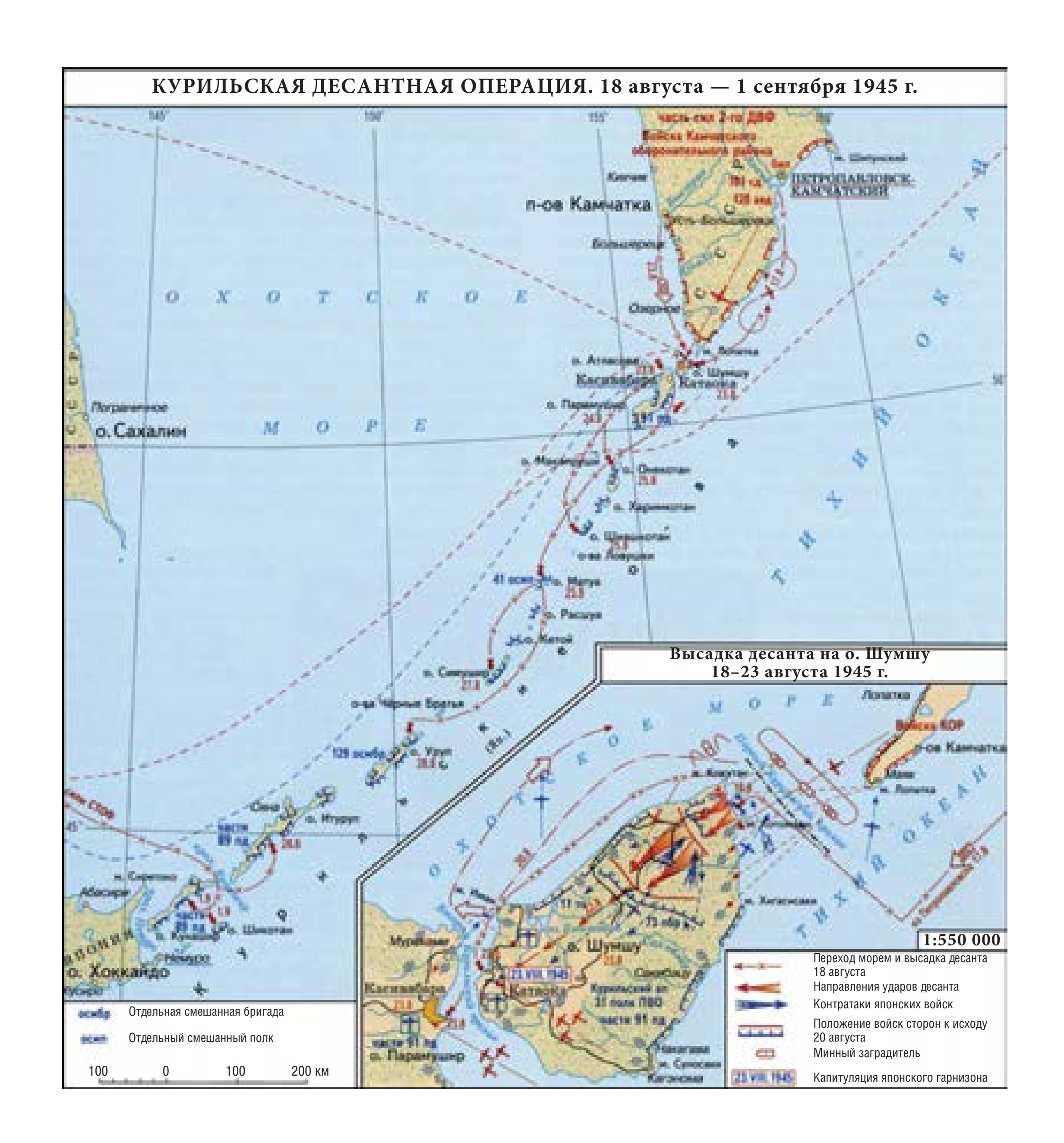
ОХОТСКОЕ МОРЕ
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
ЖЕЛТОЕ МОРЕ
ТИХИЙ ОКЕАН
МАНЬЧЖУРИЯ
КОРЕЯ
ЯПОНИЯ
КИТАЙ

Чита
Сретенск
Агинское
Даурия
Чойбалсан
оз. Далайнор
Хайлар
Хума
Свободный
Благовещенск
Комсомольск-на-Амуре
Облучье
Хабаровск
Советская Гавань
Александровск-Сахалинский
о. Сахалин
Сикука
Тойохара 25.8
Отомари 25.8
Бэйань (Бэйаньчжэнь) 20.8
Цицикар 19.8
Молцок-Хид
Лобон-Сумэ
пер. Норохан
Улан-Хото (Ваньмяо)
Харбин 20.8
Цзямусы 17.8
Фуцзинь
Светлая
Груберово
Боли
Муданьцзян
Ольга
Ворошилов
Владивосток
Чанчунь 19.8
Гирин 20.8
Долунь (Долоннор)
Чэндэ (Жэхэ) 19.8
Хух-Хото (Гуйсуй)
Чжанцзякоу (Калган)
Пекин (Бэйпин)
Баодин
Шэньян (Мукден) 19.8
Фусинь
Аньдун
Люйшунь (Порт-Артур) 22.8
Дальянь (Дальний) 21.8
Пхеньян 24.8
Хамхын
Вонсан 22.8
Наджин (Расин)
Чхонджин (Сейсин) 16.8
38-я параллель
Сеул
Пусан
Мокпхо
о. Чеджудо
Аньян
Цзинань
Циндао
Чжэнчжоу
Сюйчжоу
Хуайинь
о. Уллындо
о-ва Оки
Фукуока
Сасебо
о. Кюсю
Нагасаки
Хиросима
Куре
Майдзуру
Мацуяма
о. Сикоку
Осака
Нагоя
Токио
Йокосука
Ниигата
Сендай
о. Хонсю
Аомори
Оминато
Хакодате
Саппоро
Обихиро
о. Хоккайдо
Ваккапай
Немуро
пролив Лаперуза
о. Шикотан 1.9
о. Кунашир 1.9
о. Итуруп 28.8
о. Уруп 28.8
прол. Итуруп
о. Симушир 27.8
о. Матуа 25.8
прол. Крузенштерна
о. Шиашкотан 25.8
о. Онекотан 25.8
о. Парамушир
о. Шумшу 23.8
Касивабара 23.8
п-ов Камчатка
КУРИЛЬСКИЕ О-ВА

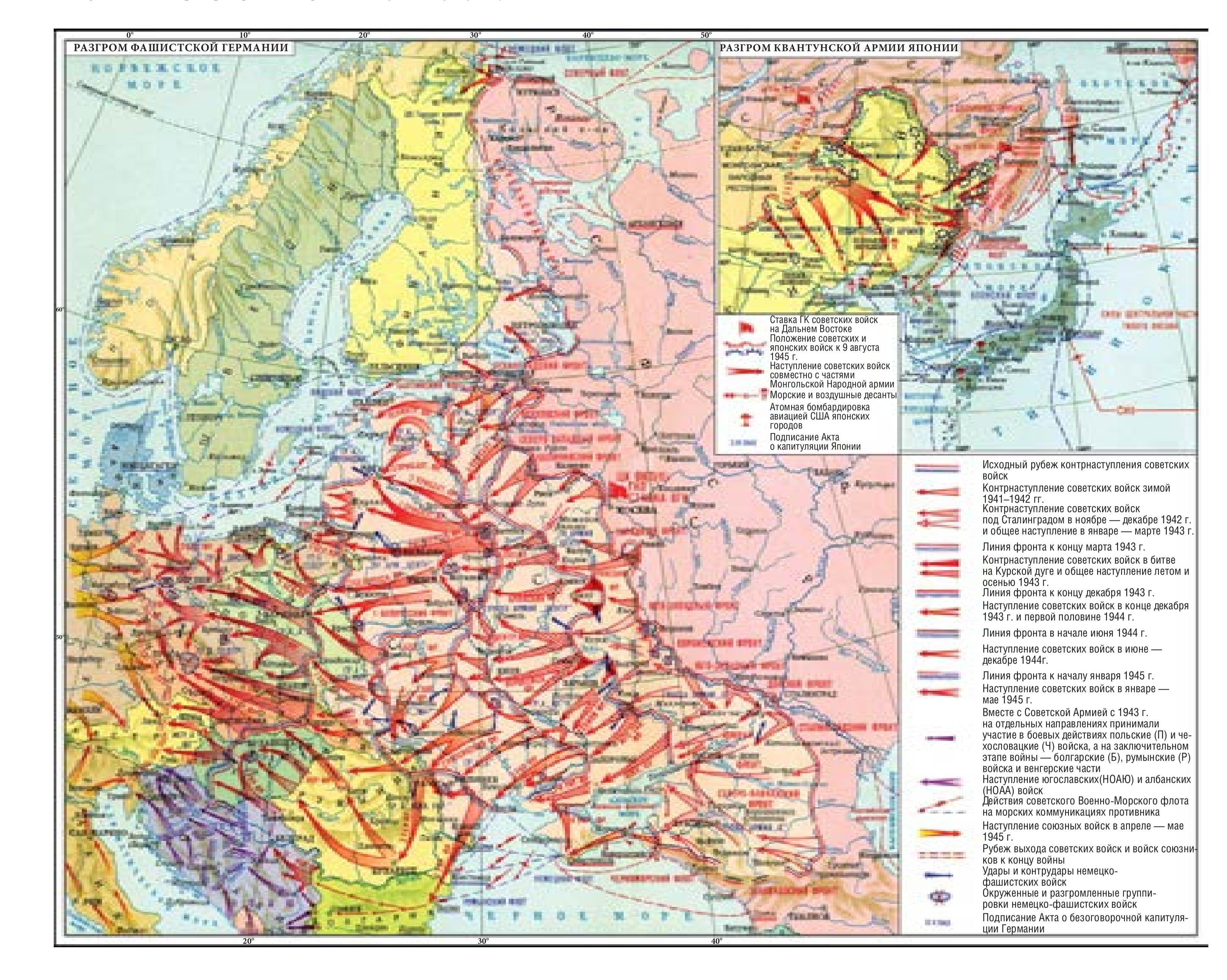
ВЫСАДКА МОРСКОГО ДЕСАНТА И ОСВОБОЖДЕНИЕ ГОРОДА ЧХОНЧЖИН (СЕЙСИН). 13–16 августа 1945 г.

ЮЖНО-САХАЛИНСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ
11–25 августа 1945 г.
Александровск-Сахалинский
2-й ДВФ
Советская Гавань
Торо
Сикука
Мототомари
Сираура
Сакаэхама
Отиай
Маока
Тойохара
Отомари
Холмск
Невельск
25.VIII.1945
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
ТИХООКЕАНСКИЙ ФЛОТ
ОХОТСКОЕ МОРЕ
Линия фронта к исходу 10 августа
Направления ударов советских войск 11–17 августа
Плацдарм, занятый советскими войсками в районе Торо, Эсутору к исходу 17 августа
Контратаки и отход японских войск
Направления ударов советских войск 18–25 августа
Отряд кораблей
Авиационное прикрытие
Минные заграждения
Капитуляция японских войск
ДВФ
Дальневосточный фронт
СТОФ
Северная Тихоокеанская флотилия
авд
Авиационная дивизия
обмп
Отдельный батальон морской пехоты
сб. бмп
Сводный батальон морской пехоты
На карте цифрой 1 обозначена Япония
60 0 60 120 км

КУРИЛЬСКАЯ ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 18 августа — 1 сентября 1945 г.
ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ
п-ов Камчатка
О Х О Т С К О Е
М О Р Е
о. Сахалин
Пограничное
о. Атласова
о. Шумшу
Касивабара
Катаока
о. Парамушир
о. Онекотан
о. Харимкотан
о. Шиашкотан
о-ва Ловушки
41 осмп
о. Матуа
о. Расшуа
о. Кетой
о. Симушир
о-ва Черные Братья
129 осмбр
о. Уруп
о. Итуруп
части 89 сд
Абасири
о. Кунашир
о. Шикотан
о. Хоккайдо
Т И Х И Й О К Е А Н
осмбр Отдельная смешанная бригада
осмп Отдельный смешанный полк
100 0 100 200 км
Высадка десанта на о. Шумшу
18–23 августа 1945 г.
Лопатка
Войска КОР
п-ов Камчатка
о. Шумшу
23.VIII.1945
части 91 сд
о. Парамушир
1:550 000
Переход морем и высадка десанта 18 августа
Направления ударов десанта
Контратаки японских войск
Положение войск сторон к исходу 20 августа
Минный заградитель
23.VIII.1945 Капитуляция японского гарнизона

РЕШАЮЩАЯ РОЛЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В РАЗГРОМЕ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ И МИЛИТАРИСТСКОЙ ЯПОНИИ 1941–1945 гг.

устройство Европы. Известная политическая оценка «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается», данная в приказе № 55 наркома обороны еще 23 февраля 1942 г., была активно взята на вооружение пропагандой и имела немалое значение для формирования новой (а в сущности, реанимированной старой, довоенной) психологической установки советских людей в отношении противника[140]. Но одно дело умом понимать эту очевидную истину, и совсем другое — стать выше своего горя и ненависти, не дать волю слепой жажде мести. Последовавшие в начале 1945 г. разъяснения политотделов о том, как следует себя вести на территории Германии, явились для многих неожиданностью и часто отвергались.

Вот как вспоминал об этом писатель-фронтовик Давид Самойлов: «Лозунг «Убей немца!» решал старинный вопрос методом царя Ирода. И все годы войны не вызывал сомнений. «Разъяснение» 17 апреля (статья Александрова, тогдашнего руководителя нашей пропаганды, где критиковалась позиция Ильи Эренбурга «Убей немца!» и по-новому трактовался вопрос об ответственности немецкой нации за войну) и особенно слова Сталина о Гитлере и народе как бы отменяли предыдущий взгляд. Армия, однако, понимала политическую подоплеку этих высказываний. Ее эмоциональное состояние и нравственные понятия не могли принять помилования и амнистии народу, который принес столько несчастий России»[141].

Закономерность ненависти к Германии со стороны вступавших на ее территорию советских войск понимали в то время и немцы. Вот что записал в своем дневнике 15 апреля 1945 г. о настроении берлинского населения 16-летний Дитер Борковский: «В полдень мы отъехали в совершенно переполненном поезде городской электрички с Анхальтского вокзала. С нами в поезде было много женщин — беженцев из занятых русскими восточных районов Берлина. Они тащили с собой все свое имущество — набитый рюкзак. Больше ничего. Ужас застыл на их лицах, злость и отчаяние наполняли людей! Еще никогда я не слышал таких ругательств... Тут кто-то заорал, перекрывая шум: «Тихо!». Мы увидели невзрачного грязного солдата, на форме два железных креста и золотой Немецкий крест. На рукаве у него была нашивка с четырьмя маленькими металлическими танками, что означало, что он подбил 4 танка в ближнем бою. «Я хочу вам кое-что сказать, — кричал он, и в вагоне электрички наступила тишина. — Даже если вы не хотите слушать! Прекратите нытье! Мы должны выиграть эту войну, мы не должны терять мужества. Если победят другие — русские, поляки, французы, чехи — и хоть на один процент сделают с нашим народом то, что мы шесть лет подряд творили с ними, то через несколько недель не останется в живых ни одного немца. Это говорит вам тот, кто шесть лет сам был в оккупированных странах!» В поезде стало так тихо, что было слышно, как упала шпилька»[142]. Этот солдат знал, о чем говорил.

Советское командование прилагало все усилия, чтобы не допустить широкого распространения насилий и бесчинств по отношению к немецкому населению, объявляя такого рода действия преступными и недопустимыми, а виновных в них лиц предавая суду военного трибунала вплоть до расстрела. Так, 21 января 1945 г. командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К. К. Рокоссовский издал приказ, призванный «направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя», карающий за мародерство, насилия, грабежи, бессмысленные поджоги и разрушения. Отмечалась опасность такого рода явлений для морального духа и боеспособности армии. 27 января такой же приказ издал командующий 1-м Украинским фронтом маршал И. С. Конев. 29 января во всех батальонах 1-го Белорусского фронта был зачитан приказ маршала Г. К. Жукова, который запрещал красноармейцам «притеснять немецкое население, грабить квартиры и сжигать дома». А 20 апреля 1945 г. была принята специальная директива Ставки Верховного главнокомандования о поведении советских войск в Германии[143]. И хотя «предотвратить случаи насилия полностью не удалось, но его сумели сдержать, а затем и свести до минимума»[144].

На противоречие политических установок до и после вступления на вражескую территорию обращали внимание и сами политработники. Об этом свидетельствует выступление 6 февраля 1945 г. начальника политуправления 2-го Белорусского фронта генерала А. Д. Окорокова на совещании работников отдела агитации и пропаганды фронта и Главного полит-

управления РККА о морально-политическом состоянии советских войск на территории противника: «Вопрос о ненависти к врагу. Настроение людей сейчас сводится к тому, что говорили, мол, одно, а теперь получается другое. Когда наши политработники стали разъяснять приказ № 006, то раздавались возгласы: не провокация ли это? В дивизии генерала [А. Ф.] Кустова при проведении бесед были такие отклики: «Вот это политработники! То нам говорили одно, а теперь другое!» Причем надо прямо сказать, что неумные политработники стали рассматривать приказ № 006 как поворот в политике, как отказ от мести врагу. С этим надо повести решительную борьбу, разъяснив, что чувство ненависти является нашим священным чувством, что мы никогда не отказывались от мести, что речь идет не о повороте, а о том, чтобы правильно разъяснить вопрос. Конечно, наплыв чувств мести у наших людей огромный, и этот наплыв чувств привел наших бойцов в логово фашистского зверя и поведет дальше в Германию. Но нельзя отождествлять месть с пьянством, поджогами. Я сжег дом, а раненых помещать негде. Разве это месть? Я бессмысленно уничтожаю имущество. Это не есть выражение мести. Мы должны разъяснить, что все имущество, скот завоеваны кровью нашего народа, что все это мы должны вывезти к себе и за счет этого в какой-то мере укрепить экономику нашего государства, чтобы стать еще сильнее немцев. Солдату надо просто разъяснить, сказать ему просто, что мы завоевали это и должны обращаться с завоеванным по-хозяйски. Разъяснить, что если ты убьешь в тылу какую-то старуху-немку, то гибель Германии от этого не ускорится. Вот немецкий солдат — уничтожь его, а сдающегося в плен отведи в тыл. Направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя. И наши люди понимают это. Один сказал, что мне стыдно за то, что я раньше думал — сожгу дом и этим буду мстить. Наши советские люди организованные, и они поймут существо вопроса. Сейчас имеется постановление ГКО о том, чтобы всех трудоспособных немцев-мужчин от 17 до 55 лет мобилизовать в рабочие батальоны и с нашими офицерскими кадрами направлять на Украину и в Белоруссию на восстановительные работы. Когда мы по-настоящему воспитаем у бойца чувство ненависти к немцам, тогда боец на немку не полезет, ибо ему будет противно. Здесь нам нужно будет исправить недостатки, направить чувство ненависти к врагу по правильному руслу»[145].

И действительно, пришлось немало потрудиться для изменения сформировавшейся ходом самой войны и предшествующей политической работой установки армии на месть Германии. Потребовалось опять разводить в сознании людей понятия «фашист» и «немец». «Политотделы ведут большую работу среди войск, объясняют, как надо вести себя с населением, отличая неисправимых врагов от честных людей, с которыми нам, наверное, еще придется много работать. Кто знает, может быть, еще придется им помогать восстанавливать все то, что разрушено войной, — писала весной 1945 г. работник штаба 1-й гвардейской танковой армии Е. С. Катукова. — Сказать по правде, многие наши бойцы с трудом принимают эту линию тактичного обращения с населением, особенно те, чьи семьи пострадали от гитлеровцев во время оккупации. Но дисциплина у нас строгая. Наверное, пройдут годы, и многое изменится. Будем, может быть, даже ездить в гости к немцам, чтобы посмотреть на нынешние поля боев. Но многое до этого должно перегореть и перекипеть в душе, слишком близко еще все то, что мы пережили от гитлеровцев, все эти ужасы»[146].

Разного рода чрезвычайные происшествия и аморальные явления в частях наступающей Красной армии тщательно фиксировались особыми отделами, военными прокурорами, политработниками, по возможности пресекались и строго наказывались. Впрочем, бесчинствовали в основном тыловики и обозники. Боевым частям было просто не до того — они воевали. Их ненависть выплескивалась на врага вооруженного и сопротивляющегося. Следует отметить, что многие солдаты и офицеры сами решительно боролись с грабежами и насилиями. Их пресечению способствовали и суровые приговоры военных трибуналов. По данным военной прокуратуры, «в первые месяцы 1945 г. за совершенные бесчинства по отношению к местному населению было осуждено военными трибуналами 4148 офицеров и большое количество рядовых. Несколько показательных судебных процессов над военнослужащими завершились вынесением смертных приговоров виновным»[147].

В то же время, если мы обратимся к документам немецкой стороны, то увидим, что еще до начала войны против СССР было объявлено, что «в борьбе с большевизмом нельзя строить отношения с врагом на принципах гуманизма и международного права»[148], тем самым изначально допускались любые нарушения международного права в будущих отношениях германских войск к мирному населению и советским военнопленным. В этом состояла политика фашистского руководства Германии по отношению к «расово неполноценным народам», к числу которых оно относило и славян.

В отношении немецкого населения или военнопленных советское руководство никогда не ставило перед своей армией такого рода задач. Все негативные проявления были стихийными и со всей строгостью пресекались советским командованием. И все же, как отмечал немецкий историк Рейнхард Рюруп, в Германии «страх и ужас по отношению к советским войскам были распространены в значительно большей степени, чем в отношении англичан или американцев. Действительно, в первые дни прихода Красной Армии ее бойцами допускались значительные эксцессы, ограбления, насилие. Советские солдаты могли бы вести себя и как «карающая небесная рать», руководствуясь одной лишь ненавистью к немецкому населению. Многие немцы более или менее определенно знали, что именно произошло в Советском Союзе, и поэтому опасались мести или расплаты той же монетой... Немецкий народ в действительности может считать себя счастливым — его не постигло правосудие»[149].

Советские войска вступили в Германию, чтобы добить фашистского зверя в его собственном логове. Тем неожиданнее оказалось для них поведение немецкого населения. В донесении заместителя начальника Главного политуправления Красной армии И. В. Шикина в ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову от 30 апреля 1945 г. об отношении населения Берлина к личному составу Красной армии говорилось: «Как только наши части занимают тот или иной район города, жители начинают постепенно выходить на улицы, почти все они имеют на рукавах белые повязки. При встрече с нашими военнослужащими многие женщины поднимают руки вверх, плачут и трясутся от страха, но как только убеждаются в том, что бойцы и офицеры Красной Армии совсем не те, как им рисовала их фашистская пропаганда, этот страх быстро проходит, все больше и больше населения выходит на улицы и предлагает свои услуги, всячески стараясь подчеркнуть свое лояльное отношение к Красной Армии»[150].

Практичных немцев больше всего волновал вопрос о снабжении продовольствием, ради него они готовы были буквально на всё. Так, 4 июня 1945 г. заместитель наркома внутренних дел, уполномоченный НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту И. А. Серов докладывал Л. П. Берии о реакции населения одного из районов Берлина в связи с распространившимся слухом о прекращении выдачи продовольствия: «28 мая в районе Пренцлаунсберг из одного дома был произведен выстрел в дежурного красноармейца комендатуры. Выброшенным на место нарядом часть жителей этого дома была взята в комендатуру, в связи с чем был пущен слух, что Красная Армия прекратит выдачу продовольствия населению. После этого в комендатуру явилось несколько делегаций от района с просьбой на площади публично расстрелять 30–40 заложников, но выдачу продовольствия не прекращать. Населению этого района было предложено разыскать виновного и доставить в комендатуру»[151].

На Западе постоянно муссируется тезис о «бесчинствах» Красной армии на занятой ею территории Германии. Между тем документы показывают, что в западных зонах оккупации отнюдь не было той идиллии, образ которой сегодня внушается немецкому да и всему западному сознанию. Как справедливо отмечают отечественные историки, ярость советских воинов, вступивших с боями на вражескую землю, была вполне объяснимой, «однако лавина ответной мести не захлестнула Германию, а криминальные поступки, эти неизбежные спутники войны, совершали военнослужащие всех союзных армий»[152]. При этом в 1944–1945 гг. в англо-американских войсках «мало кто сомневался в том, что немцы заслужили свою судьбу». В докладе 7-го отделения политотдела 61-й армии 1-го Белорусского фронта от 11 мая 1945 г. «О работе американской армии и военных властей среди немецкого населения» сообщалось: «Американским солдатам и офицерам запреще-

Солдаты, штурмовавшие Рейхстаг

Жители Берлина беседуют с советским офицером

Возвращающиеся беженцы на берегу Эльбы в Дрездене

но общаться с местным населением. Этот запрет, однако, нарушается. За последнее время было до 100 случаев изнасилования, хотя за изнасилование получается расстрел»[153]. Особенно отличились негритянские части. В конце апреля 1945 г. немецкий коммунист Ганс Ендрецкий, освобожденный из тюрьмы западными союзниками, сообщал о положении в зоне Германии, оккупированной американскими войсками: «Большая часть оккупационных войск в районе Эрлангена, до Бамберга и в самом Бамберге были негритянские части. Эти негритянские части расположились главным образом в тех местах, где оказывалось большое сопротивление. Мне рассказывали о таких бесчинствах этих негров, как: ограбление квартир, отнятие предметов украшения, разорение жилых помещений и нападения на детей. В Бамберге перед зданием школы, где были расквартированы эти негры, лежали три расстрелянных негра, которые несколько времени тому назад были расстреляны военно-полицейским патрулем за то, что напали на детей. Но также и белые регулярные американские войска проделывали подобные бесчинства»[154]. В армии США, где после вступления на территорию Германии резко возросло число изнасилований, за это преступление и за убийства были казнены 69 человек[155].

Даже запуганные пропагандой о русских зверствах беженцы постепенно возвращались в районы, занятые советскими войсками. Так, в докладе И. А. Серова Л. П. Берии от 4 июня 1945 г. о проведенной работе за май месяц по обеспечению населения г. Берлина говорилось: «Путем опроса возвращающихся берлинцев установлено, что немцы, проживающие на территории союзников, подвергаются жестокому обращению английских и американских войск, в связи с чем они возвращаются на нашу территорию. Кроме того, немецкое население, проживая на территории союзников, уже испытывает голод в снабжении продовольствием»[156]. Далее в докладе сообщалось, что в течение месяца с момента занятия советскими войсками Берлина в город вернулись около 800 тыс. человек, бежавших с отступавшими германскими частями, в результате чего число его жителей увеличилось до 3 млн 100 тыс. человек, и что «снабжение населения хлебом проводится регулярно, по установленным нормам, и никаких перебоев за это время не было»[157]. Неслучайно первый бургомистр Боннака района Лихтенберг заявил, комментируя введенные русским командованием нормы питания для жителей Берлина: «Все говорят, что такие высокие нормы нас поразили. Особенно высокие нормы на хлеб. Каждый понимает, что мы не может претендовать на такое питание, которое установлено русским командованием. Поэтому с приходом Красной Армии мы ждали голодной смерти и отправки оставшихся в живых в Сибирь. Ведь это поистине великодушие, когда мы на деле убедились, что установленные сейчас нормы выше, чем даже при Гитлере... Население опасается только одного — не перейдут ли эти районы американцам и англичанам. Это будет крайне неприятно. От американцев и англичан ждать хорошего ничего не приходится»[158]. А житель города Гофман в разговоре с соседями высказался так: «Из рассказов прибывающих в Берлин немцев с территории, занятой союзниками, известно, что они очень плохо относятся к немцам, избивают плетками женщин. Русские лучше, они хорошо обращаются с немцами и дают питание. Я желаю, чтобы в Берлине были только русские»[159]. О том же на основе собственного опыта в кругу соседок говорила и вернувшаяся в Берлин немка Эда: «На территории, занятой союзниками, немцам живется очень трудно, так как отношение плохое — часто бьют палками и плетками. Мирным жителям разрешается ходить только в установленное время. Питания не дают. Очень многие немцы пытаются перейти на территорию, занятую Красной Армией, но их не пускают. Очень было бы хорошо, чтобы в Берлине были только русские»[160].

Западные союзники не только держали население на голодном пайке, но и занимались грабежом, мародерством, охотой за трофеями. Свидетельства об их поведении в Германии встречаются в немецких мемуарах[161]. А вот что наблюдал в конце мая 1945 г. в поверженном Берлине Н. Н. Никулин: «У Бранденбургских ворот возникла огромная барахолка, на которой шла любая валюта и можно было купить всё: костюм, пистолет, жратву, женщину, автомашину. Я видел, как американский полковник прямо из джипа торговал часами, развесив их на растопыренных пальцах»[162].

19 февраля 1945 г., находясь на границе с Германией, военнослужащая М. Анненкова писала подруге: «Верочка, останусь жива, то, как поеду к тебе, постараюсь привезти подарок с какой-нибудь Гретхен. Рассказывают, которые уже воевали, немцы все оставляют»[163].

«Фриц бежит, все свое бросает, — писала родным 20 февраля 1945 г. из действующей армии В. Герасимова. — Невольно вспоминается 41-й год. В квартирах все оставлено — шикарная обстановка, посуда и вещи. Наши солдаты теперь имеют право посылать посылки, и они не теряются. Я уже писала, что мы были в барских домах, где жили немецкие бароны. Они бежали, оставляя все свое хозяйство. А мы питаемся и поправляемся за их счет. У нас нет недостатка ни в свинине, ни в пище, ни в сахаре. Мы уже заелись, и нам не все хочется кушать. Теперь перед нами будет Германия, и вот иногда встречаются колонны фрицев, как будто чем-то прибитых, с котомками за плечами. Пусть на себе поймут, как это хорошо. Иногда встречаются и наши, возвращающиеся на Родину люди. Их сразу можно узнать. И вот невольно сравниваешь 41-й год с 45-м и думаешь, что этот 45-й должен быть завершающим»[164].

Можно понять чувства тех, кто отправлял домой, в разрушенную родную деревню разрешенную командованием посылку из собранных трофеев. Однако при этом в подавляющем большинстве случаев речь шла не об изъятых у населения ценностях, а об оставленных и бесхозных вещах. Так, старшина В. В. Сырлицин в письмах к жене в июне 1945 г. объяснял происхождение вещей, отправленных ей в посылках: «Все это приобретено совершенно честным путем, и не воображай, что в Германии разбой и грабеж идет. Полный порядок. При наступлении конфисковывали брошенное «тузами» берлинскими и распределяли по-товарищески, кому что нравится». В другом письме он подчеркивал: «Мы здесь не похожи на фрицев, бывших в Краснодаре, — никто не грабит и не берет ничего у населения, но это наши законные трофеи, взятые или в столичном берлинском магазине и складе или найденные распотрошенные чемоданы тех, кто давал «стрекоча» из Берлина»[165].

Большинство советских военнослужащих старались просто поддержать в тылу свои семьи, высылая в разоренные города и села необходимые в быту мелочи, чтобы хоть как-то возместить понесенные в связи с войной потери или дать возможность близким обменять присланное на продукты питания.

При этом следует отметить особую проблему восприятия советскими людьми заграницы, довоенные представления о которой сильно расходились с увиденным в действительности. Годами внушаемые идеологические стереотипы пришли в противоречие с реальным жизненным опытом. Недаром так тревожили политотделы новые настроения, когда в письмах домой солдаты описывали жизнь и быт немецкого населения в розовых красках, сравнивая увиденное с тем, как жили сами до войны, и делая из этого политически неверные выводы[166].

Не отличались щепетильностью по отношению к побежденным немцам и их имуществу и граждане стран Восточной Европы, проявляя куда большую жестокость, чем наступавшие советские части. Так, в докладе политотдела 28-й армии 1-го Белорусского фронта о работе политорганов среди польского населения и его отношении к Красной армии в конце августа 1944 г. было сказано: «Что же касается отношения поляков к Германии, то все слои польского населения ненавидят немцев, охотно рассказывают факты о чудовищных зверствах фашистских мерзавцев по отношению к полякам и пленным красноармейцам... Нередки случаи, когда население, желая излить свою ненависть на немцев, пыталось избить военнопленных солдат и офицеров. 6 августа в местечке Янув-Подляски большая толпа местных мужчин и женщин, вооружившись палками и камнями, набросилась на группу пленных немцев. Пять из них были тяжело ранены, многие избиты. Красноармейцам с большим трудом удалось защитить пленных и установить порядок»[167]. В докладе И. А. Серова наркому внутренних дел Л. П. Берии от 5 марта 1945 г. отмечалось, что «со стороны военнослужащих 1-й польской армии отмечено особенно жестокое отношение к немцам»[168].

Но и польское население, и даже новые польские власти отличались массовыми притеснениями и жестокостью по отношению не только к немецким военнослужащим, но и к гражданским немцам. «Местные жители, поляки из онемеченных польских семей, пользуясь благоприятной возможностью, устремились на грабеж хозяйств своих бывших

соседей-немцев. Советское командование даже вынуждено было принимать целый ряд мер по предотвращению массовых грабежей немецких дворов и разграбления промышленных и иных предприятий в зонах оккупации... Отношения между немцами и поляками в занятых советскими войсками районах были очень напряженными. Польские власти, принимая от Красной Армии переходившие под их управление бывшие немецкие районы, запрещали населению разговаривать на немецком языке, отправлять службу в кирхах, ввели телесные наказания за неповиновение»[169]. Неслучайно в одном из политических донесений Военного совета 1-го Украинского фронта приводятся слова немецких жителей: «Лучше мы будем все время находиться под русской оккупацией, чем быть под властью поляков, так как поляки не умеют управлять и не любят работать»[170].

Жестокость по отношению к побежденным немцам проявляли и другие народы, побывавшие под фашистской оккупацией. Так, в донесении политотдела 4-й танковой армии начальнику политуправления 1-го Украинского фронта от 18 мая 1945 г. об отношении чехословацкого населения к немцам сообщалось: «За время пребывания в Чехословакии бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас довольно странных, необычных для нас формах... Все это объясняется огромной злобой и жаждой мести, которые питает чехословацкий народ к немцам за все совершенные преступления... Злоба и ненависть к немцам настолько велики, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами»[171]. Подробное перечисление и описание этих «необычных по форме» расправ мало отличается от того, что творили в оккупированных ими странах сами немцы. Однако такое отношение к немцам, судя по документам, вызывало недоумение и неприятие у советских солдат, которые в понимании справедливого возмездия в большинстве своем исходили из принципа, что не должны уподобляться немцам[172].

Документы свидетельствуют и о поведении репатриантов, пестрые интернациональные толпы которых запрудили дороги Германии: возвращаясь домой из немецкого рабства, они не упускали случая отомстить своим недавним хозяевам. В докладе военного прокурора 1-го Белорусского фронта о выполнении директив Ставки ВГК и Военного совета фронта об изменении отношения к немецкому населению от 2 мая 1945 г. сообщалось, что «насилиями, а особенно грабежами и барахольством широко занимаются репатриированные, следующие на пункты репатриации, а особенно итальянцы, голландцы и даже немцы. При этом все эти безобразия сваливают на наших военнослужащих»[173].

В докладе наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии И. В. Сталину, В. М. Молотову и Г. М. Маленкову от 11 мая 1945 г. о проводимых мероприятиях по оказанию помощи местным органам говорилось: «В Берлине находится большое количество освобожденных из лагерей военнопленных итальянцев, французов, поляков, американцев и англичан, которые забирают у местного населения личные вещи и имущество, грузят на повозки и направляются на запад. Принимаются меры к изъятию у них награбленного имущества»[174].

Еще одна тенденция отмечена в уже упомянутом докладе военного прокурора 1-го Белорусского фронта от 2 мая 1945 г.: «Есть случаи, когда немцы занимаются провокацией, заявляя об изнасиловании, когда это не имело места. Я сам установил два таких случая. Не менее интересно то, что наши люди иной раз без проверки сообщают по инстанции об имевших место насилиях и убийствах, тогда как при проверке это оказывается вымыслом»[175]. Напрасные оговоры тоже имели место.

В современной Европе при оценке событий Второй мировой войны сознательно переставляются акценты, возбуждаются отрицательные эмоции в отношении страны и армии-освободительницы, фабрикуется их негативный образ, внедряемый в массовое сознание. При этом даже не упоминается главное — тот факт, что СССР и его армия явились спасителями Европы от человеконенавистнической стратегии Гитлера, направленной на уничтожение целых государств и народов, причем огромной ценой десятков миллионов жизней и колоссальных материальных потерь. Забывается и то, что славянские и другие народы, в том числе

Один из первых лотков с книгами и журналами в Дрездене после окончания войны

Жители Берлина в очереди за хлебом

Советского Союза, стали объектом фашистского геноцида. Не помнят и того, что СССР спас от уничтожения не только народы Европы, но и западные демократии, которые теперь пытаются ставить на одну доску агрессора и его жертву, гитлеровскую Германию и Советский Союз.

В дошедших до нас документах ясно видны и новые политические настроения, и отношение к ним советского руководства, и проблемы дисциплинарного характера, которые возникают перед любой армией, воюющей на чужой территории, и целый ряд нравственных и психологических проблем, с которыми пришлось столкнуться советским солдатам в победном 1945 г. Для подавляющего большинства советских воинов на этом этапе войны характерным стало преодоление естественных мстительных чувств и способность по-разному отнестись к врагу сопротивляющемуся и врагу поверженному, тем более к гражданскому населению. Преобладание ненависти, ярости благородной, справедливой жажды отмщения вероломно напавшему, жестокому и сильному противнику на начальных этапах войны сменилось великодушием победителей на завершающем этапе и после ее окончания.

«Перешли границу — Родина освобождена, — вспоминала санинструктор Софья Кунцевич. — Я думала, что когда мы войдем в Германию, то у меня ни к кому пощады не будет. Сколько ненависти скопилось в груди! Почему я должна пожалеть его ребенка, если он убил моего? Почему я должна пожалеть его мать, если он мою повесил? Почему я должна не трогать его дом, если он мой сжег? Почему? Хотелось увидеть их жен, матерей, родивших таких сыновей. Как они будут смотреть нам в глаза?.. Все мне вспомнилось, и думаю: что же будет со мной? С нашими солдатами? Мы все помним... Пришли в какой-то поселок, дети бегают — голодные, несчастные. И я, которая клялась, что всех их ненавижу, я соберу у своих ребят все, что у них есть, что осталось от пайка, любой кусочек сахара, и отдам немецким детям. Конечно, я не забыла, я помнила обо всем, но смотреть спокойно в голодные детские глаза я не могла»[176]. Голодных немецких ребятишек подкармливали многие наши солдаты. И советская военная администрация в вопросах обеспечения немецкого населения продовольствием особую заботу проявляла о детях. Неслучайно еще 31 мая 1945 г. Военный совет 1-го Белорусского фронта принял постановление о снабжении в Берлине молоком детей до 8-летнего возраста[177].

Гуманность советских войск по отношению к немецкому населению после всего, что совершили гитлеровские войска на оккупированной ими территории, была удивительна даже для самих немцев. Тому есть немало свидетельств. Вот одно из них, зафиксированное в донесении от 15 мая 1945 г. члена Военного совета 5-й ударной армии генерала Ф. Е. Бокова члену Военного совета 1-го Белорусского фронта генералу К. Ф. Телегину о политических настроениях жителей Берлина в связи с проводимыми советским командованием мероприятиями: «Домохозяйка Елизавета Штайм заявила: «Я имею троих детей. Мужа у меня нет. Я предполагала, что всем нам придется погибнуть от голодной смерти. Нацисты говорили, что большевики расстреливают все семьи, в которых кто-нибудь участвовал в войне против России. Я решила открыть вены своим детям и покончить самоубийством. Но мне было жалко детей, я спряталась в подвал, где мы просидели голодными несколько суток. Неожиданно туда зашли четыре красноармейца. Они нас не тронули, а маленькому Вернеру даже дали кусок хлеба и пачку печенья. Я не верила своим глазам. После этого мы решили выйти на улицу. На улице было много гражданского населения. Никто их не трогал. Все они спешили по своим делам. Я сначала пугалась каждого военного, но теперь я убедилась, что Гитлер и Геббельс брехуны. Мне стало ясно, что нас обманывали. Это доказывается тем, что русские не только не уничтожают и не истребляют население, а даже беспокоятся, чтобы это население не умирало с голоду. Больше того, выдают высокие нормы и беспокоятся о восстановлении наших жилищ. Я беседовала со всеми жильцами нашего дома. Все они очень довольны таким отношением русского командования к нам. От радости мы завели патефон и танцевали целый вечер. Некоторые высказывали только такую мысль — неужели так и будет дальше, неужели так и дальше будут снабжать. Если будет так, то остается только одно — устроиться на работу и восстанавливать разрушенное»[178].

Когда к 17 часам 13 мая берлинцы узнали о новых нормах питания и порядке получения продовольствия, толпа выразила свои чувства благодарности радостными аплодисментами.

«Общее настроение берлинцев — радостно-выжидательное, — говорилось в другом докладе Ф. Е. Бокова, также датированном 15 мая. — Никто не ожидал, что Советское правительство проявит такую заботу о населении. Тем более никто не надеялся и не мог мечтать о таких нормах питания. Во время передач через звуковещательные установки наблюдались такие возгласы: «Благодарю бога», «Боже мой! Дети получают сахар и масло», «Русские будут давать натуральный кофе. Интересно, где они его возьмут». Прочитав листовку о новых нормах питания, крупный служитель католической церкви доктор Панге заявил: «О, это прекрасно! Таких норм Германия не знала даже в первый год войны». Елизабет Шмеер в беседе заявила: «3 января с фронта приезжал в отпуск мой сын. Он служил в частях СС. Сын несколько раз говорил мне, что части СС в России творили невероятные дела. «Если придут сюда русские, то они не будут вас обливать розовым маслом». Получилось иначе. Побежденному народу, армия которого так много причинила несчастья России, победители дают продовольствия больше, чем нам давало свое правительство. На такой гуманизм, видимо, способны только русские»[179]. «По поводу новых норм снабжения фабричная работница Гетце сказала: «Это для нас оказалось очень неожиданным. Нас запугивали тем, что русские уничтожают женщин и детей. В самом деле мы получили спасение»[180].

Вряд ли только политические директивы и грозные приказы могли остановить праведный гнев побеждавшей Красной армии, который имел достаточно оснований вылиться в слепую месть поверженному врагу. И такие случаи, конечно же, были. Но они не превратились в систему. Причины этого достаточно точно определил Давид Самойлов: «Германия подверглась не только военному разгрому. Она была отдана на милость победного войска. И народ Германии мог бы пострадать еще больше, если бы не русский национальный характер — незлобливость, немстительность, чадолюбие, сердечность, отсутствие чувства превосходства, остатки религиозности и интернационалистического сознания в самой толще солдатской массы. Германию в 45-м году пощадил природный гуманизм русского солдата»[181].

Психология победителей в Великой Отечественной войне — явление уникальное. Это психология тех же самых людей, которые пережили ее начальный период с тяжелыми поражениями и отступлениями и не менее трудные последующие этапы с невиданными по масштабам сражениями, когда еще не был окончательно ясен исход войны. И вот уже нет никаких сомнений: наша победа близка. И это состояние победителей — накануне, в ходе и сразу после победы — действительно особое психологическое состояние людей, выдержавших все испытания и разгромивших сильного, беспощадного и смертельно опасного врага.

Безусловно, весь боевой путь был испытанием духовных и нравственных качеств советского воина в условиях постоянного риска, в обстановке, которая требовала огромного напряжения всех человеческих сил, а порой и самопожертвования. И каждый период Великой Отечественной войны, имевший особую морально-психологическую доминанту, определял изменения в духовном облике фронтовиков, в отношениях личности к разным областям действительности и жизненным ценностям. Но именно для заключительного этапа войны характерным было ощущение близости победы, что само по себе вызывало целый комплекс мыслей и чувств, сложный психологический настрой.

Война приближалась к своему концу. На дорогах, ведущих к Берлину, уже чувствовалось дыхание победы. Бесконечным грозным потоком двигались ей навстречу колонны советских солдат и боевой техники. И каждый ясно видел ее впереди и представлял, какой она будет, выстраданная, долгожданная, завоеванная страшной ценой. Поэтому, как бы ни были тяжелы последние бои, солдаты чувствовали радость весны и победного наступления. И усталость, накопившуюся за четыре бесконечно долгих года. И яростное желание быстрее покончить с врагом. И тоску по дому, особенно острую, потому что до возвращения оставалось совсем немного, — тем, кому суждено вернуться. И надежду на близкую встречу с родными. И жажду жизни, любви, счастья, которых были лишены так долго. Но для всего этого предстояло пройти самые трудные последние метры войны.

Чем ближе была победа, тем большими становились надежда и желание выжить, больнее и обиднее потери товарищей и друзей, страшнее возможность собственной гибели, и тем

труднее было подниматься в атаку под огонь яростно сопротивляющегося врага. Людям, прошедшим через всю войну, через все опасности и испытания, в самые последние ее дни требовалось особое мужество, — впереди был мир, за который они воевали, ради которого столькими было пожертвовано, столько перенесено. И так хотелось жить в этом мире, в котором не будет войны.

«Нас, разведчиков, всегда такими бесстрашными представляют, — говорил участник штурма Берлина Герой Советского Союза Василий Быстров. — Но все мы люди. Всем жизнь один раз дается. И все мы смерти страшимся. До озноба. Сколько раз тебе на огонь идти, столько раз надо побороть, задушить в себе страх смерти. А если это твой последний бой, если завтра войне конец — тут и говорить нечего»[182].

Но вопреки всему поднимался в атаку советский воин и шел под смертельный огонь, и падал, сраженный пулей или осколком, за месяц, за неделю, за день, за час до победы, и жизнью и смертью своей утверждая верность Родине и воинскому долгу. Как старший лейтенант Борис Кровицкий, который прошел с боями всю войну и погиб 30 апреля 1945 г. в Берлине. В своем последнем письме он писал: «Фронт живет одним — быстрым окончанием войны, победой. Говорим о скорой встрече с мамами, невестами, родным домом. Особенно обостренно чувствуешь сейчас цену жизни. Так хочется жить, столько впереди прекрасного, и прежде всего, родная мама, встреча с тобой. Ты только не подумай, что мы теперь, когда победа близка, расслабились, нет. Неумолимость воинского долга, жесткая дисциплина — все это в нас. А главное — понимание, что за тебя никто фашистов не доколотит»[183].

Было и совершенно особое чувство у тех, кто воевал на других фронтах, не на главном направлении: «Как же так, а Берлин? Мы на Берлин хотим! Воевали, воевали, а Берлин без нас брать будут? Ведите нас на Берлин!»[184]. Это желание закончить войну в сердце фашистской Германии, именно там, откуда она вышла на горе и проклятье людям, было весьма характерным настроением последних месяцев и дней войны. Казалось, что именно те, кто возьмет Берлин, первыми встретят победу.

Вот как вспоминал об этом сложном психологическом настрое адмирал Б. С. Сысоев: «Все, кто в те дни служил на Черноморском флоте, помнят, что серьезных боевых действий у нас уже не было, и мы, что называется, заскучали. Боевой дух черноморцев был так высок, что они завалили командование рапортами с просьбой списать на берег и дать возможность бить врага в его же логове. Потери в последних боях были немалые, поэтому многие рапорты удовлетворялись. Так что солдаты в бескозырках дошли до Берлина и нагоняли на врага такой же страх, как под Одессой и Севастополем»[185].

Борьба за Берлин стала последним большим сражением, разыгравшимся на советско-германском фронте. Какие же эпизоды штурма Берлина запомнились его участникам?

Буквально всеми отмечается, что эти последние три недели войны вместили в себя невероятное напряжение и ожесточенность боевых действий. Безвозвратные потери советских войск в ходе Берлинской стратегической наступательной операции составили 78,3 тыс. человек, санитарные — 274,2 тыс. человек[186]. «Немцы оборонялись жестоко, — рассказывал полный кавалер ордена Славы Константин Мамедов. — Во всяком случае, я на своем личном опыте могу сказать, так же как и все мы, солдаты нашей дивизии, что, по-моему, эта жестокость боев с приближением к Берлину только нарастала. И нарастала непрерывно. Сопротивление было просто отчаянное»[187].

Многие рассказывают о великодушии советских бойцов к мирному населению. Так, в самый разгар боев на улицах вражеской столицы, под смертельным огнем, рискуя своей жизнью, советские воины выносили из пламени, из-под пуль и готовых обрушиться развалин детей, чьи отцы, быть может, разорили их собственный дом, уничтожили семью, и в эту минуту продолжали стрелять из-за каждого камня[188]. Фронтовик И. Д. Перфильев, вспоминая о боях за столицу Германии, говорил: «Бились за каждый коридор, каждую комнату... Гитлеровцы превращали обычно дом в крепость, которую приходилось штурмовать. И помню, во время одного из таких штурмов, когда бой грохотал вверху, на этажах, мне и еще нескольким солдатам нашего батальона пришлось в кромешной тьме, почти вплавь, вытаскивать немецких

детишек, женщин, стариков из затопленного фашистами подвального помещения. Там бой, а мы детишек спасаем. Не могли мы, советские люди, смотреть на гибель детей... Чужих детей, стариков, женщин. Уж так воспитаны мы»[189].

И вот победа пришла. Всю войну мечтали советские люди об этом дне, сражались и погибали ради того, чтобы он наконец наступил. Чем ближе был конец войны, тем чаще задумывались о будущем, представляя свою послевоенную жизнь необыкновенно яркой, удивительной и прекрасной. Ведь ради этой жизни, ради такого будущего они столько вынесли, выстояли и победили!

Каким же увидели этот первый день мира советские воины, как встретили его? Ощущение победы приходило по-разному. Раньше всего — в поверженном Берлине, в те минуты, когда смолкла стрельба и капитулировал берлинский гарнизон. «Незабываемые мгновения! — вспоминал бывший командир орудия И. Мирошников. — Когда утих гром сражения, над поверженным, окутанным огнем и дымом логовом врага вдруг повисла странная, непривычная тишина... И сотни, тысячи черных от гари и копоти людей вдруг остановились, замерли на том месте, где застала их эта минута»[190].

2 мая 1945 г. еще продолжались бои в Чехословакии, Курляндии, и части СС пытались прорваться на запад. Но в Берлине наступила тишина, и трудно было привыкнуть к ней, такой долгожданной и все же внезапной и непривычной. И так велики были напряжение и усталость, накопившиеся за десять дней и ночей непрерывных боев, так ошеломляюще внезапно смолкло сражение, что не было сил радоваться. И армия победителей уснула там же, где только что вела бой, как будто решила выспаться сразу за все бессонные ночи войны. «Десять дней мы не спали. Десять дней и десять ночей, — вспоминал поэт-фронтовик Василий Субботин. — Конечно, все мы валились с ног. Держались уже на одном только напряжении... Поэтому в полдень второго мая, когда Берлин пал, когда стало тихо, мы ничего не осматривали. Мы даже к Бранденбургским воротам не пошли, мы спали! Спали все, солдаты и командиры. Тут же, возле Рейхстага. Спали вповалку. Прямо на площади. Голова к голове. Без просыпу. Два дня!»[191]

Так было после падения Берлина. Но все с нетерпением ждали той минуты, когда будет объявлено о капитуляции фашистской Германии, о полной победе, об окончании войны, о мире. И этот день настал. 9 мая 1945 г. — сияющая грань, разделившая войну и мир, рубеж, с которого начиналась новая, мирная жизнь. Почти во всех воспоминаниях фронтовиков отмечено, что это известие произвело ошеломляющее впечатление. Все знали, чувствовали, что конец войны близок, и все-таки он оказался неожиданным — словно гром среди ясного майского неба[192]. Такое совершенно особое психологическое, эмоциональное состояние было у людей.

«Победа! Победа! Победа! Мы знали, что она рядом, близко, и все же это известие поразило всех, перевернуло нам души»[193], — записала в своем дневнике разведчица Софья Аверичева.

«Она пришла, нет — она ворвалась, обрушилась на нас к концу майского дня, — вспоминал военный корреспондент Орест Верейский. — Говорят, что победа — это внезапно наступившая тишина. Но тишина пришла потом. А сначала был невероятный, невообразимый, взорвавший сонную тишину городка шум. Все кричали до хрипоты. Стреляли в воздух. Очереди трассирующих пуль исполосовали небо»[194].

Фронтовичка Л. Калинина встретила победу в Праге: «Это необъяснимо: только что теряли боевых друзей и вдруг — сильнейшее ликование. Везде гармошки. Где их только взяли в таком количестве?»[195]

Невозможно передать в полной мере необъятную радость, которая так же сроднила людей, как все эти страшные годы объединяло их общее горе. Незнакомые люди обнимали и целовали друг друга, плакали и смеялись, плясали и пели до хрипоты. Каждому хотелось быть в самом центре этого великого праздника, среди шумной, торжествующей толпы, ликующей как один человек.

«Мы увидели, — вспоминала М. Пушкина, встретившая победу в Венгрии, — как из госпиталя идут и даже ползут тяжелораненые солдаты и офицеры. Ползут на площадь, где

Советские солдаты раздают воду жителям Берлина

всеобщее торжество. Никакая сила не могла их остановить — ни врачи, ни санитарки... А потом мы... несли раненых обратно на госпитальные койки, и бойцы плакали, кричали — конечно же, от боли, но и от великой радости»[196].

Радовались, что победили, что остались в живых, что кончилась эта страшная, кровавая война, что теперь уже скоро увидят своих родных и любимых. Стосковавшиеся по мирным делам, мечтали о том, как будут работать и учиться. И хотя понимали, что нужно восстанавливать все, разоренное и разрушенное, и конечно, придется трудно, — думали о том, какой красивой и радостной должна быть жизнь после такой войны. Какие трудности могли их теперь испугать?!

«С Победой, с Победой, дорогие, любимые мои! — писал родным командир пулеметной роты А. А. Яковлев. — Сегодня радостный день. Я ждал, верил и пронес через все бури огня и металла эту веру. Кровью нашей, лишениями в холоде, грязи, снеге, бессонными ночами мы завоевывали этот день. Теперь до нашей встречи совсем недалеко, я остался живой и вернусь к вам. Радости моей нет предела»[197].

В одном из фронтовых писем этот день назван «первым днем жизни».

Есть фанфары победы, есть ее плач. Слишком дорогой ценой досталась она нам. Весной 1945 г. еще никто не знал масштабы наших потерь в войне, но каждому пришлось оплакать кого-то из близких, хоронить погибших друзей. «Это радость со слезами на глазах...» — поется в известной песне. И в документы того времени рядом с ликующим «Победа!» вплетаются горестные слова.

«Тома, здравствуй! — писал в этот день невесте капитан М. Абдураимов. — Нет слов передать сегодня радость свою. Очаг войны уничтожен. От души поздравляю тебя с Победой. Теперь нет сомнения, что мы скоро встретимся... Тома! Я никогда не падал духом, даже в самых трудных сражениях. А сейчас пишу и плачу. Сколько женщин не дождались своих сыновей, мужей, женихов, любимых. Когда в бою со мной рядом падали друзья, я накалялся особенной яростью и бешено дрался. Сегодня, когда кончилась война, я вспомнил моих погибших друзей, и невольно слезы выступили на глазах. Образы друзей навсегда останутся в памяти. Вечная слава героям, павшим на поле сражения!»[198]

Был первый день мира, но на страницах газет уже пытались оценить смысл этого исторического события, осознать значение Великой Победы для будущего. «Сегодня день всенародного торжества — Праздник Победы, — писала «Красная звезда». — Мы ждали его долго и самозабвенно. Мы видели его во сне и наяву. Мечтали о нем, торопили его. Но он пришел не поэтому. Наш Праздник Победы пришел потому, что мы сражались за него. Он пришел потому, что мы проливали за него пот и кровь. Он пришел потому, что многие из наших братьев и сестер отдали свою жизнь за его приход»[199].

Спустя десятилетия Константин Симонов сказал о цене победы: «Да, счета не было — ни дорогам, ни ранам, ни смертям, и Победа была концом пути многих, смертных людей, четыре года сменявших друг друга, выбывавших из строя, возвращавшихся, погибших. Но война соединила все их судьбы в одну судьбу бессмертного солдата, который все-таки дошел до Победы»[200].

Ожидание, предчувствие, уверенность в победе наконец переросли в эйфорическое ощущение торжества: «Вот оно! Свершилось!». И в нем слилась широкая гамма чувств самых разных людей и на передовых рубежах армии-победительницы, и в глубоком тылу: радость победы и жизни; гордость от сознания своей причастности к великому историческому событию, участником и творцом которого чувствовал себя каждый, сражавшийся с врагом и трудившийся для фронта; боль утрат и мечты о будущем, в котором предстояло жить; надежды на счастье, ради которого воевали.

Не только сама победа в Великой Отечественной войне, но и вызванное ею психологическое состояние армии и всего народа имели целый ряд долговременных последствий. Духовный подъем, вызванный победой, явился определенной психологической компенсацией горечи огромных человеческих и материальных потерь нашей страны. Победа имела огромное значение для самого поколения победителей, прежде всего тех молодых людей —

фронтовиков, которые личностно сформировались в боевых условиях. Можно сказать, что она психологически завершила это формирование, сделав фронтовое поколение личностно состоявшимся, понимающим и ощущающим, что они не зря прожили свою жизнь. И это ощущение остается у них на протяжении всей биографии, независимо от того, как развивалась история и складывались индивидуальные судьбы.

Наконец, победа пробудила и укрепила в народе состояние оптимизма, уверенности в своих силах, в завтрашнем дне, и позволила совершить уже другой подвиг в мирные дни: в кратчайшие сроки восстановить разрушенное войной народное хозяйство и в течение нескольких десятилетий весьма успешно конкурировать в экономической, научно-технической и военной областях с самыми сильными государствами мира.

Война в Европе была завершена, но оставался еще один очаг Второй мировой — на Дальнем Востоке, там, где и зарождалась эта война.

Несмотря на Пакт о нейтралитете между СССР и Японией от 13 апреля 1941 г., на протяжении всей Великой Отечественной войны существовала угроза нападения со стороны японцев, которые сосредоточили вдоль советской границы весьма значительные силы, проводили тактические учения, снабжали свою союзницу Германию секретной информацией о хозяйственном, политическом и военном положении Советского Союза и постоянно осуществляли разного рода провокации. Только в 1944 г. советская граница нарушалась 144 раза, десятки раз обстреливалась; с 1941 г. по конец 1944 г. японцы задержали 178 советских торговых судов, несколько кораблей было потоплено японскими подводными лодками[201]. В связи с этим советское правительство 80 раз выступало с заявлениями и предупреждениями по поводу японских провокаций[202].

Советским войскам, только что победившим фашистскую Германию, вскоре предстояло участвовать в новых боях, с другим опытным и коварным противником на противоположном конце континента.

Как же отнеслись к этому советские воины в победном мае 1945 г.?

В донесении политотдела в штаб 47-й армии от 14 мая 1945 г. о политическом настроении и разговорах личного состава, связанных с окончанием войны и переходом войск на мирное положение, сообщалось: «Общее настроение всего личного состава здоровое. Однако демобилизационными настроениями охвачена значительная часть бойцов пожилого возраста и офицеров запаса, главным образом имеющих специальность (агрономы, учителя, механики, комбайнеры, техники, инженеры и т. д.). Проводим работу по изжитию демобилизационных настроений. Настроения демобилизационного и отпускного порядка имеют форму добродушного высказывания в мечте о Родине и семье, которые отрицательно не сказываются на поведении бойцов и офицеров...

Разговоры и настроения в связи с денонсацией договора о нейтралитете с Японией разные. Часть офицерского и сержантского состава высказываются, что мы должны поехать на Дальний Восток добивать японцев и помочь нашим союзникам так же, как и они помогали разгромить и добить немцев. Ефрейтор Гаркуша: «На Востоке с Японией не кончено. Без нас союзникам там быстро не справиться». Ефрейтор Смехов, член ВЛКСМ: «Если будет война с Японией, я первым поеду и буду бить их больше, чем немцев. С Японией нам воевать придется, но мы им дадим почувствовать, что такое Красная Армия». Другая часть заявляет, что мы достаточно повоевали с немцами и на Дальнем Востоке нам делать нечего, да и англичане с американцами сами в состоянии в течение месяца добить японца (сержант Кузнечкин). Японский народ, учтя горький опыт Германии, должен быть умнее немцев и немедленно капитулировать (капитан Свиридов)»[203].

Перед советским командованием стояла сложная проблема — мобилизовать до предела уставших от многолетней войны людей, мечтавших о скором возвращении к родным и близким (при переброске с запада на восток советских войск многие думали, что их везут домой!), на решение новых военных задач, говорить о которых открыто было пока нельзя. При этом необходимо было подготовить войска к боевой деятельности в новых условиях.

Морально-психологическая подготовка личного состава к вступлению в войну против Японии началась уже в апреле 1945 г.: командирами и политорганами всех уровней разъяснялась международная обстановка, политическое значение заявления советского правительства от 5 апреля 1945 г. о денонсации советско-японского Пакта о нейтралитете. В документах военных советов фронтов на Западном театре военных действий и дислоцированной на Дальнем Востоке Приморской группы войск подчеркивалось, что «после денонсации пакта необходимо, как никогда, все усилия командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций направить на повышение боевой выучки войск, на усиление пропаганды боевого опыта войны с фашистской Германией», «повышать уровень идейно-политического воспитания воинов в духе любви к своей Родине и ненависти к японскому империализму, шире пропагандировать героические свершения фронтовиков в борьбе с немецким фашизмом, а также подвиги героев боев у озера Хасан, на реке Халхин-Гол»[204].

Опытные воины, прибывшие из районов Праги и Восточной Пруссии, нацеливались на быстрейшее овладение способами боевых действий на новом театре военных действий, на изучение военно-политического положения Японии, структуры японских войск и их тактики, традиций и обычаев, специфики природно-климатических условий и т. д. Бойцы-дальневосточники в это время тщательно изучали опыт боев на Западе, которым располагали прибывшие оттуда войска. Для работы с личным составом на Дальний Восток было направлено более 3 тыс. политработников-фронтовиков, а значительная часть политработников дальневосточных войск прошла стажировку в действующей армии на советско-германском фронте[205].

8 августа 1945 г., выполняя союзнические обязательства, СССР заявил о своем присоединении к Потсдамской декларации и сообщил японскому правительству о том, что с 9 августа будет считать себя в состоянии войны с Японией.

«С краснофлотским приветом. Здравствуй, горячо любимая мама!.. — писал 11 августа 1945 г. В. Ф. Кабаков, 1927 года рождения. — Ты знаешь, началась война с Японией — будь она проклята! И я, как сын Родины, иду ее защищать. Мама, я иду в бой комсомольцем-тихоокеанцем, и будь за меня спокойна — не посрамлю свою честь моряка-тихоокеанца. А если погибну в бою за Родину, то я знаю, за что погибну. Я иду защищать от самураев тебя, моя горячо любимая мамочка... Ну, до свидания. Крепко тебя целую. Твой горячо любящий тебя сын Володя, краснофлотец»[206].

В общей сложности Советский Союз выставил на поле боя более полутора миллиона человек, которым противостояла миллионная Квантунская группировка войск. Весь контингент, участвовавший в боевых действиях на Дальнем Востоке, четко делился на две основные категории: участников боев против фашистской Германии и «дальневосточных сидельцев» — большой группировки, все четыре года Великой Отечественной простоявшей на границе на случай японского нападения. Последние в большинстве своем не имели боевого опыта, но являлись свидетелями многочисленных японских провокаций, были лучше информированы о потенциальном противнике и его реальной силе, опыте и коварстве. Лучше разбирались они и в природно-климатических условиях, особенностях местности и т. п. Ветераны боевых действий на западе, напротив, имели большую практику сражений, но не разбирались в местных особенностях. У них был самый высокий боевой дух, но он нередко переходил в шапкозакидательские настроения. Ведь советский солдат вышел победителем из тяжелейшей многолетней войны на Европейском театре военных действий. После такого могучего противника, как фашистская Германия, японцы, которых, кстати, не так давно «побили» на Хасане и Халхин-Голе, в массовых армейских представлениях не рассматривались как враг достаточно серьезный. Это привело к «допущению в первые дни войны преступной беспечности по охране войск и особенно тылов», а в результате — к лишним жертвам из-за внезапных налетов японских диверсионных групп[207]. Пришлось командованию усилить разъяснительную работу с личным составом о коварстве врага и повышении бдительности.

В целом же в соотношении сил и количественно, и качественно превосходство советской стороны оказалось безусловным. Особенно это проявилось в техническом обеспечении, боевом опыте и моральном духе войск. Армия на Дальний Восток пришла опытной,

отмобилизованной, с настроением победителя и желанием как можно быстрее вернуться к мирной жизни. Однако бои ей предстояло вести в глубине чужой территории, преодолевать десятилетиями создававшиеся укрепрайоны, продвигаться в незнакомой местности с неблагоприятными климатическими условиями. Да и противник был значительно опытнее, чем в конце 1930-х гг.: уже много лет японская армия вела успешные боевые действия на море, на суше и в воздухе против американских, британских и других вооруженных сил. Так что трехнедельная военная кампания не оказалась для нашей армии легкой прогулкой, как сегодня нередко пытаются представить в западной историографии.

Советским воинам «потребовалось преодолеть большие естественные препятствия — безводные степи и песчаные пустыни Монголии, горные хребты Большого Хингана, крупные водные преграды и труднодоступные районы, болотистые поймы, испытать ливневые дожди, утомительную дневную жару и пронизывающий ночной холод, песчаные бури и другие неблагоприятные условия местности и погоды. А главное — пришлось штурмовать создававшиеся японцами в течение многих лет мощные укрепленные районы, которые преграждали доступ к центральным областям Маньчжурии, ломать отчаянное сопротивление врага»[208].

При переходе через пустыню Гоби главной проблемой оказалась нехватка воды. При этом организация водоснабжения наших войск по-разному оценивается в мемуарах военачальников и в воспоминаниях рядовых участников событий. Первые утверждают, что к началу наступления наши войска имели все необходимое для организации бесперебойного обеспечения водой, и «хотя затруднения в водоснабжении в ходе операции и имелись, они не повлияли на развитие наступления», поскольку части и соединения ударной группировки фронта в основном снабжались водой своевременно. При этом были установлены суточные нормы расхода воды, исходя из которых и производились расчеты необходимого количества водоисточников[209].

Однако участник операции — бывший артиллерист А. М. Кривель утверждает, что «о снабжении наступающих войск в немыслимой августовской жаре никто толком не подумал». «Вероятно, эта проблема вообще была упущена из виду. В ходе подготовки к наступлению о ней и не упоминалось. Даже предупредить солдат, чтобы они набрали с собой максимальное количество воды из той же Аргуни, никто не удосужился. Бурильных установок в боевых порядках никто из солдат, а я многих спрашивал об этом, не видел»[210]. Результатом явился резкий рост людских потерь в стрелковых частях, наступавших через пустынные участки территории Маньчжурии, особенно через Гоби. По некоторым свидетельствам участников этого перехода, в иных частях число потерявших боеспособность от солнечного удара достигало двух третей списочного состава. А воды на человека, по свидетельству А. М. Кривеля, приходилось лишь по 200 граммов в день, то есть по граненому стакану, что вряд ли можно поставить в заслугу снабженцам и командирам.

Далее ветеран рассказывает о своих ощущениях во время маршевого броска 9—11 августа 1945 г. под палящим солнцем Манчьжурии по солончаковой степи, а затем по песчаной пустыне. «Тот, кто догадался в предутренней суматохе набрать во фляжки воды, считал себя счастливчиком. Жажда мучила все сильнее. Ни речек, ни озер, ни колодцев не было на нашем пути. Впрочем, в полдень встретился один колодец, но на нем висела табличка: «Отравлено». Танки по-прежнему обгоняли нас. Канонада впереди затихла. Пехота, идущая по степи, изнемогала от жары. Вот кто-то зашатался от теплового удара, упал, за ним другой, третий... Старшина бережно, как хрупкую вазу, принес канистру. На дне ее заманчиво булькал дневной запас батареи. Делили как величайшую драгоценность. Досталось каждому по полстакана. Степь казалась раскаленной сковородкой. Солнце садилось все ниже, но желанной прохлады вечер не приносил. Встретился еще один колодец. Его вычерпали до дна за пятнадцать минут. Машины и лошади поднимали тучи пыли. Она забивала горло, глаза, садилась на оружие. Только тогда я понял по-настоящему, что такое пустыня. Жажда перебивала все остальное. Не хотелось ни есть, ни спать, только одна неотвязная мысль билась в голове: «Пить, пить, пить...». Разведчики пытались найти источники воды. Мотоциклисты взбирались на сопки, чтобы разглядеть издалека колодец или озеро. Но видели только миражи... Впереди было еще два безводных дня»[211].

Поиски воды инженерной разведкой 52-й стрелковой дивизии во время пешего марша по пустыне Гоби

Однако темп наступления был исключительно высоким. Командир 1136-го Краснознаменного Кёнигсбергского стрелкового полка полковник П. В. Савойкин вспоминал: «Если бы мне раньше сказал кто-нибудь, что мой полк пройдет по горячим пескам, горам и ущельям со скоростью марша до 65 километров в сутки, с ограниченным запасом воды и с такой нагрузкой, я бы ни за что не поверил. Великий Суворов был мастером больших переходов, но он водил натренированных солдат, служивших в армии по 20–25 лет. У меня же в полку 65% личного состава — молодежь 1927 года рождения. Так идти, как мы идем, могут только люди, обладающие самым высоким моральным духом»[212].

Об ожесточенности этой войны свидетельствует такой факт, как широкое распространение феномена камикадзе — смертников. В Квантунской группировке противника из них была сформирована специальная бригада, кроме того, ударные отряды имелись в каждом полку и батальоне. В задачу смертников входило взорваться вместе с танком, самоходным орудием, убить генерала или высшего офицера. При отступлении японские войска часто оставляли их в тылу противника, чтобы сеять там панику. Вот как вспоминает о встрече с отрядом смертников один из участников боев на Хингане: «В бой были брошены спецподразделения — японские «камикадзе». Они занимали по обе стороны Хинганского шоссе ряды круглых окопов-лунок. Их новенькие желтые мундиры резко выделялись на общем зеленом фоне. Бутылка с сакэ [рисовой водкой] и мина на бамбуковом шесте тоже были обязательными атрибутами «камикадзе». Мы кое-что слышали о них, этих фанатиках, одурманенных идеей «Великой Японии»... Но живых «камикадзе» не видели. А вот и они. Молодые люди, чуть старше нас. Полурасстегнутый воротничок, из-под которого выглядывает чистое белье. Матовое, восковое лицо, ярко-белые зубы, жесткий ежик черных волос и очки. И выглядят-то они совсем не воинственно. Не зная, что это «камикадзе», ни за что не поверишь. Но мина, большая магнитная мина, которую даже мертвые продолжают крепко держать в руках, рассеивает все сомнения»[213]. Нельзя сказать, чтобы действия камикадзе принесли серьезные результаты — они так и не сумели сдержать наступающую лавину советских войск. А метод борьбы с ними нашелся быстро и оказался простым и эффективным: на броню танков садились десантники и расстреливали в упор из автоматов поднимающихся с миной смертников[214].

С первого дня войны против Японии советское военное командование требовало от воинов Красной армии высоко держать знамя армии-освободительницы. Так, в обращении Военного совета 1-го Дальневосточного фронта к личному составу войск перед началом боевых действий 9 августа 1945 г. указывалось: «Воин Красной Армии! Тебя знают на Западе как освободителя, таким тебя должны знать и на Востоке — в Китае, в Маньчжурии и Корее»[215].

Вступление советских войск на оккупированные японцами обширные территории Дальнего Востока позволило раскрыть множество преступлений японских войск. Так, в 20 км от Харбина в течение десяти лет действовал секретный исследовательский центр Квантунской группировки войск, разрабатывавший бактериологическое и другое оружие массового уничтожения, которое собирались использовать в войне против СССР. Эксперименты проводились на живых людях, включая женщин и детей[216]. Чудовищные расправы устраивались в японской армии над пленными: «Людей обезглавливали, четвертовали, обливали бензином и сжигали живыми; военнопленным вспарывали животы, вырывали печень и съедали ее, что являлось якобы проявлением особого самурайского духа»[217]. Факты зверств японцев на оккупированных территориях становились известны советским войскам в ходе их наступления, влияя на общее восприятие и оценку противника.

Сегодня в японских учебниках истории идеализируется милитаризм времен Второй мировой войны, обеляются или умалчиваются преступления японской военщины, а вопрос ущерба от японской агрессии для Китая и Кореи называется «спорным»[218] (видимо, 35 млн убитых китайцев, 4 млн индонезийцев и 2 млн вьетнамцев[219] не в счет). При этом действия СССР в отношении Японии объявляются «предательскими», а советские войска обвиняются в «жестоком, недостойном поведении». Так, еще с 1980-х гг. в японских СМИ публикуются измышления по поводу «зверств» советских воинов на территории Маньчжурии, «чудовищных

расправ с мирными японскими колонистами»[220] (к 1945 г. этих «колонистов» — резервистов японской армии вместе с семьями насчитывалось около 1 млн человек).

Подлинную картину того времени помогают восстановить архивные документы и воспоминания советских военачальников — участников Маньчжурской стратегической наступательной операции 1945 г.[221] Например, в одном из политдонесений 39-й армии Забайкальского фронта середины августа 1945 г. о поведении японцев в районах боевых действий сообщалось: «При приближении Красной Армии японцы не только угоняют японское население, но и заставляют матерей убивать своих детей. Японка Ямамото Харуко, жена чиновника городского управления по снабжению населения города Фуцзин продовольствием и промтоварами, на допросе показала: «9 августа над городом Фуцзин появились самолеты неяпонского типа. Сначала многие думали, что это самолеты английского или американского происхождения, но затем убедились, что это советские самолеты. Японцы, главным образом женщины, побросав вещи, ушли в направлении Цзямусы. Многие японки дорогой душили и убивали детей, а трупы сбрасывали в реку. Я с двумя детьми — с годовалым и пятилетним — шла с группой японцев и японок. Мне тоже предложили убить детей, но я отказалась это сделать». Другая допрошенная японка, Мацуда Йото, убила своего семилетнего сына. Так японские фанатики заставляют своих женщин убивать детей»[222].

А вот свидетельство дважды Героя Советского Союза генерала А. П. Белобородова, командовавшего в августе 1945 г. 1-й Краснознаменной армией 1-го Дальневосточного фронта. В своих мемуарах он приводит документально подтвержденное содержание допросов пленных генералов, входивших в состав командования 5-й японской армии, которые признавали факт уничтожения японского гражданского населения военнослужащими 5-й японской армии. «Японским генералам, — пишет А. П. Белобородов, — было зачитано одно из политдонесений политотдела 365-й стрелковой дивизии. В нем сообщалось, что части дивизии, совершая марш к городу Линькоу, обнаружили в пути две группы убитых японских женщин и детей... На железнодорожном переезде стояли грузовые машины. В кузовах в одинаковых позах сидели, поджав ноги, или лежали, опрокинувшись, женщины и дети, головы в белых, видимо, ритуальных повязках... Другая группа была найдена на шоссе в районе станции Дидаохэ. Всего в обеих группах насчитывалось более 400 женщин и детей. Захваченные неподалеку от этих мест пленные показали на допросе: убийства совершены японскими солдатами и офицерами; взять с собой в сопки женщин и детей они не могли и... убивали женщин и детей с их согласия»[223]. Выслушав текст переведенного донесения, командующий 5-й японской армией генерал Н. Симидзу цинично заявил, что «каждый народ живет и умирает по своим законам»[224]. Подобное же отношение в японской армии было и к своим больным и раненым солдатам. По признанию начальника медицинской службы армии генерала Сато, неспособных передвигаться самостоятельно раненых бросали истекать кровью[225]. Последующее расследование показало, что злодеяние, совершенное 12–13 августа в районе г. Линькоу и станции Дидаохэ против японских женщин и детей, было делом рук роты смертников 135-й пехотной дивизии той же 5-й армии[226]. Получив ряд таких тревожных сигналов, командование 1-й Краснознаменной армии немедленно приняло соответствующие меры, чтобы воспрепятствовать возникновению подобных случаев в последующем. «Японские беженцы, старики, женщины и дети, толпами выходили навстречу советским частям и умоляли защитить. Мы собрали их всех, около 11 тыс. человек, в японский военный городок и обеспечили сильной охраной[227], — вспоминал А. П. Белобородов и при этом справедливо замечал: — Вот ведь как получилось: десятки лет японские газеты и прочие средства массовой пропаганды вдалбливали в головы людей всякую чушь про «варваров-большевиков», а пришли мы, и всю эту грязную пену как потоком смыло. К нам же кинулись в поисках защиты»[228].

Особые, приподнятые чувства испытывали те советские воины, которые участвовали в освобождении Южного Сахалина и Курильских островов — территорий, утраченных Россией после поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг.: для них это были не просто военные действия, а восстановление исторической справедливости.

Поднятие советского военно-морского флага над японской базой Катаока на острове Шумшу

Южно-Сахалинская наступательная операция проводилась с 11 по 25 августа 1945 г. силами 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта и Северной Тихоокеанской флотилии. На Котонских высотах, расположенных на границе между Северным и Южным Сахалином, советские войска были встречены сплошной стеной огня с мощных укреплений, возведенных здесь японцами за долгие годы. «Используя защитную мощь железобетонных сооружений и благоприятные условия горно-лесистой и болотистой местности, враг ожесточенно сопротивлялся, удерживая за собой каждый метр земли, переходя в неоднократные контратаки, особенно сильные в г. Котон»[229]. Пять суток тяжелейших боев потребовалось советским войскам на то, чтобы прорвать укрепленную полосу обороны противника и развернуть наступление в южном направлении. Моряки Тихоокеанского флота высадили десанты в тылу упорно сопротивляющегося врага, оказав поддержку сухопутным частям Красной армии и создав благоприятные условия для их ускоренного продвижения. В политдонесениях сообщалось: первые же дни боев «демонстрируют высокий наступательный порыв наших войск и хорошую боевую выучку бойцов, сержантов и офицеров»[230]; «примеры массового героизма и мужества, доблести и выносливости, ловкости и находчивости, проявление военной смекалки бойцами и командирами в борьбе с японцами — массовое явление во всех действующих частях»[231]; «о высокой сознательности бойцов свидетельствуют... факты, когда раненые не уходят с поля боя, а продолжают выполнять боевую задачу»[232]; «в боях бойцы и командиры противопоставляют хитрости противника находчивость и русскую смекалку», показывают «многочисленные примеры быстрого и решительного выполнения боевых заданий... хорошей выучки и храбрости»[233]; «настроение личного состава вполне здоровое и бодрое, несмотря на тяжелые условия марша, так как на ряде участков на протяжении 5—10 км дорога совершенно непроходима и личный состав всю матчасть вытягивал на руках»[234]; «личный состав горит одним желанием: быстрей занять весь Южный Сахалин»[235].

Героически сражались советские воины за освобождение Курильских островов. Особенно ожесточенными были бои за Шумшу — самый укрепленный остров Курильской гряды, где находилась база японских военно-морских сил. Именно здесь 18 августа 1945 г. был совершен групповой подвиг, сравнимый с легендарным подвигом героев-панфиловцев. В бою с 25 японскими танками, исчерпав все средства борьбы и не имея возможности другим способом остановить врага, старший сержант И. И. Кобзарь, старшина 2-й статьи П. В. Бабич, сержант Н. М. Рында, матрос Н. К. Власенко во главе с командиром взвода подрывников лейтенантом А. М. Водыниным со связками гранат бросились под вражеские машины. Пожертвовав собой, они уничтожили семь из них, чем задержали продвижение бронетанковой колонны врага до подхода основных сил нашего десанта[236]. В этом же бою поджег два вражеских танка, а когда противотанковое ружье вышло из строя, бросился с гранатой под третий младший сержант Георгий Баландин[237].

Ни яростное сопротивление противника, ни железобетонные пограничные укрепления, ни труднейшие условия местности не могли остановить наступательного порыва советских войск, неудержимо рвавшихся вперед. Победа в Дальневосточной кампании была достигнута в рекордно короткие сроки — за 24 дня. В ходе августовских боев 1945 г. советскими войсками была освобождена территория площадью более 1,3 млн кв. км с населением свыше 40 млн человек[238].

В боях на Дальнем Востоке советские войска проявили массовый героизм, мужество и отвагу. Яркие подвиги совершали пехотинцы, танкисты, артиллеристы, моряки, саперы, представители всех видов вооруженных сил и родов войск. 11 советских воинов пожертвовали жизнью, закрыв своим телом амбразуры и бойницы японских дотов и дзотов; отважными летчиками было совершено несколько воздушных и огненных таранов; десантники бросались с гранатами под японские танки[239]. 93 воина были удостоены звания Героя Советского Союза, шесть из них — во второй раз. Свыше 300 тыс. человек были награждены орденами и медалями[240].

Советская военная кампания на Дальнем Востоке, ускорив разгром последнего союзника фашистской Германии, не только приблизила окончание Второй мировой войны и обеспечила

принципиально иной расклад стратегических сил в послевоенном мире, но и способствовала окончательному изживанию комплекса побежденной страны, унаследованного от царской России. В обращении И. В. Сталина к советскому народу в связи с окончанием Второй мировой войны от 2 сентября 1945 г. говорилось: «Поражение русских войск в 1904 году, в период русско-японской войны, оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил... Наш советский народ не жалел сил и труда во имя Победы. Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке»[241]. Эта историческая оценка Верховного главнокомандующего, данная им в момент высшего военно-политического триумфа, была полностью созвучна настроениям советского народа и его армии.

* * *

В мае 1945 г. стал фактом крах нацистской Германии. В целом ряде масштабных стратегических операций на территориях оккупированных ею стран и ее сателлитов, венцом которых стала Берлинская операция, Красная армия разгромила многомиллионную группировку гитлеровских войск, внеся как непосредственный, так и за счет обеспечения своими решительными действиями на советско-германском фронте благоприятных условий для действий союзных армий существенный косвенный вклад в освобождение народов более десятка европейских государств, многие годы страдавших от нацистского гнета. Это явилось главным условием и последующего разгрома милитаристской Японии и тем самым ускорения сроков окончания Второй мировой войны.

В результате советской Дальневосточной кампании резко изменилось положение союзников СССР по борьбе с милитаристской Японией. На всех фронтах они в результате этого завершали войну принятием капитуляции императорских вооруженных сил на занятых противником территориях без проведения военных операций. При этом в ряде мест союзные войска оккупировали эти территории уже после формальной даты окончания Второй мировой войны. Так, в Южной Корее вооруженные силы США стали высаживаться спустя неделю после того, как 2 сентября 1945 г. в Токийской бухте на борту американского линкора «Миссури» японскими представителями, а также уполномоченными СССР, США, Китая, Великобритании, Франции и других союзных держав был подписан Акт о капитуляции Японии[242], и вышли на встречу с расположенными севернее 38-й параллели советскими войсками лишь 9 сентября, хотя и эта встреча была не менее теплой, чем встреча на Эльбе в Германии. Несмотря на стремление союзников «как можно скорее добиться оккупации... обширных территорий» Малайи, большей части Голландской Индии, Сингапура, Гонконга и других районов[243], капитуляция в них японских войск происходила перед союзными, в основном британскими войсками также спустя много дней после того, как в столицах стран-победительниц отгремели салюты в честь завершения длительной и кровопролитной Второй мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Операции советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. В 4-х т. Т. 4. М., 1959. С. 461.

[2] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12-ти т. Т. 12. М., 1982. С. 160.

[3] *Шахурин А. И.* Крылья победы. М., 1990. С. 279, 287—288.

[4] Операции советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. 4. С. 462.

[5] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1999. Кн. 4. С. 82.

[6] Развитие тактики сухопутных войск в Великой Отечественной войне. М., 1981. С. 8—11.

[7] Подсчитано по: Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1961. С. 924—925; Операции советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. 4. С. 463—464; Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Т. 4. С. 33—34.

[8] История военного искусства. М., 2010. С. 107.

[9] Там же. С. 108.

[10] Операции советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. 4. С. 463.

[11] Там же. С. 463—466.

[12] Там же. С. 464.

[13] Там же. С. 465.

[14] Там же. С. 324.

[15] История войн и военного искусства: проблемы стратегии, оперативного искусства и военного управления (XVII — начало XXI в.). С. 326.

[16] Там же. С. 330.

[17] Там же. С. 331.

[18] Там же. С. 332.

[19] Военная мысль. № 7. 1999. С. 15—18.

[20] *Скоморохов Н. М.* Развитие оперативного искусства ВВС в годы Великой Отечественной войны и значение опыта войны для современности // Роль Военно-воздушных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (По материалам IX военно-научной конференции ВВС). М., 1986. С. 71.

[21] *Тимохович И. В.* В небе войны. М., 1986. С. 108.

[22] История военного искусства. С. 126.

[23] Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). М., 1995. С. 305.

[24] История военного искусства. С. 129.

[25] Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). С. 344—345.

[26] *Ольштынский Л. И.* Взаимодействие армии и флота. М., 1983. С. 272—280.

[27] Проблемы военного искусства во Второй мировой войне (Стратегия и оперативное искусство). С. 287.

[28] Там же. С. 288.

[29] Боевые действия Советской армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. 2. М., 1958. С. 258.

[30] Операции советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. 4. С. 474.

[31] Там же. С. 480.

[32] Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период. С. 307.

[33] Эволюция военного искусства: этапы, тенденции, принципы. М., 1987. С. 182.

[34] Там же. С. 183.

[35] Военно-исторический журнал. 1983. № 7. С. 20.

[36] Государственное и военное управление России и СССР в войнах XVIII–XX веков. В 2-х ч. М., 2003. Ч. 2. С. 219.

[37] *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 336.

[38] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. М., 1980. С. 246.

[39] Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. М., 1986. С. 119.

[40] Там же. С. 108, 118; *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 337–338.

[41] Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 147.

[42] Там же. С. 119.

[43] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 246.

[44] *Кожевников М. И.* Командование и штаб ВВС Советской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977. С. 236.

[45] *Зимонин В. П., Золотарев В. А., Козлов И. А., Шломин В. С.* История флота государства Российского. В 2-х т. М., 1996. Т. 2. С. 641.

[46] Там же. С. 642–643.

[47] Там же. С. 641; Военная история. М., 1983. С. 432.

[48] *Зимонин В. П., Золотарев В. А., Козлов И. А., Шломин В. С.* История флота государства Российского. Т. 2. С. 642.

[49] Там же.

[50] Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 97.

[51] *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 344.

[52] *Хуан Юйчжан и др.* Диэрцы шицзе дачжань 1939–1945 (Вторая мировая война 1939–1945 гг.). Пекин, 1984. С. 505–507.

[53] *Erickson D.* Soviet Military Power. L., 1971. P. 73; Military Review. 1976. May. P. 65–73.

[54] ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 78. Л. 1.

[55] Оружием правды. Листовки к войскам и населению противника, изданные политорганами Советской армии и Военно-морского флота во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. М., 1971. С. 345–346; ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 547. Л. 203.

[56] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 91. Л. 32.

[57] Там же. Д. 547. Л. 181.

[58] Там же. Л. 203.

[59] Там же. Л. 117, 262.

[60] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1951. С. 145.

[61] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 570. Л. 798.

[62] Там же. Д. 88. Л. 201.

[63] Там же. Д. 32. Л. 62–63.

[64] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1407. Л. 125.

[65] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 88. Л. 369–371.

[66] Там же.

[67] Опыт работы. Бюллетень № 9 (33). М.: ГлавПУ РККА, 1945. С. 6–7.

[68] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 88. Л. 382.

[69] Там же. Д. 68. Л. 127.

[70] Там же. Л. 128.

[71] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 32. Л. 63.

[72] Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945. Краткая история. М., 1972. С. 408.

[73] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 32. Л. 74.

[74] Там же. Л. 75.

[75] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 37. Л. 19–20.

[76] Там же. Д. 562. Л. 88.
[77] Там же. Л. 89.
[78] После войны издавалась лишь газета «Вольность».
[79] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 9. Л. 87.
[80] Там же. Д. 32. Л. 63.
[81] Там же. Д. 68. Л. 167.
[82] Там же. Л. 217.
[83] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 39. Л. 126.
[84] Там же. Д. 88. Л. 217.
[85] Там же. Д. 567. Л. 28, 29.
[86] Там же. Д. 641. Л. 23–29.
[87] Там же. Л. 137.
[88] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 23. Л. 112.
[89] Там же. Д. 5429. Л. 17, 32–37.
[90] Там же. Л. 224, 237–239.
[91] Цит. по: Правда. 1945. 1 мая.
[92] Опыт работы. Бюллетень № 9 (34). С. 6.
[93] Там же. С. 7.
[94] Там же. С. 11–12.
[95] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 515184. Д. 47. Л. 99.
[96] Там же. Оп. 11306. Д. 88. Л. 201.
[97] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 3191. Д. 17. Л. 82–83.
[98] Там же. Л. 81–82.
[99] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 701. Л. 8.
[100] Там же. Д. 706. Л. 310.
[101] Там же. Д. 679. Л. 322.
[102] Там же. Д. 701. Л. 8.
[103] *Плиев И. А.* Конец Квантунской армии. Ростов-на-Дону, 1968. С. 87.
[104] История Монгольской Народной Республики. М., 1954. С. 331–332.
[105] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 677. Л. 273.
[106] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. X. Победный финал Второй мировой войны. М., 2012. С. 91, 105, 136, 242, 379.
[107] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 604. Л. 236–237.
[108] Там же. Д. 176. Л. 138.
[109] Там же. Л. 136.
[110] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 609. Л. 80–81.
[111] Там же. Д. 706. Л. 187.
[112] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 604. Л. 110–112.
[113] Там же. Л. 131–132.
[114] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 677. Л. 35.
[115] Там же. Д. 702. Л. 64–65.
[116] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 176. Л. 146.
[117] *Малиновский Р. Я.* Финал. М., 1966. С. 339.
[118] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 309. Д. 706. Л. 201.
[119] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 311; Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984. С. 419.
[120] *Голубев А. В.* «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. Вып. V. К 60-летию Победы. М., Магнитогорск, 2005. С. 351.
[121] *Слуцкий Б.* Записки о войне. Стихотворения и баллады. СПб., 2000. С. 46–48.
[122] Там же. С. 108.

[123] Там же. С. 109–110.

[124] *Шумихин В. С., Борисов Н. В.* Немеркнущий подвиг. Героизм советских воинов в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 160.

[125] *Полевой Б.* Освобождение Праги // От Советского информбюро... Публицистика и очерки военных лет. 1941–1945. Т. 2. 1943–1945. М., 1982. С. 439.

[126] Там же. С. 333.

[127] Там же. С. 333–334.

[128] *Шишов Н. И.* В борьбе с фашизмом. 1941–1945 (Интернациональная помощь СССР народам европейских стран). М., 1984. С. 205–206.

[129] *Самойлов Д.* Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 2. С. 67.

[130] *Колосов М.* Заграница // Венок славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне. В 12-ти т. Т. 10. М., 1986. С. 342–343.

[131] Братство по оружию. М., 1975. С. 155–156.

[132] Там же. С. 330.

[133] Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14 (3-1). СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994. С. 347–350.

[134] ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 92.

[135] Там же. Л. 85.

[136] Там же. Л. 94.

[137] Там же. Л. 86.

[138] Там же. Л. 120–121.

[139] Они сражались с фашизмом. М., 1988. С. 130–131.

[140] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 46.

[141] Аврора. 1990. № 2. С. 91.

[142] Война Германии против Советского Союза 1941–1945 гг. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. Берлин, 1992. С. 255.

[143] *Семиряга М. И.* Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. М., 1995. С. 314–315; Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин. М., 1995. Т. 15 (4-5). С. 220.

[144] Цит. по: Мир истории. 2002. № 4; *Ржешевский О. А.* «...Изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданским» // Военно-исторический журнал. 2003. № 5. С. 31.

[145] ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 30–32.

[146] Цит. по: *Жуков Ю. А.* Солдатские думы. М., 1987. С. 337.

[147] Цит. по: *Ржешевский О. А.* «...Изменить отношение к немцам...». С. 31.

[148] Указ Гитлера как верховного главнокомандующего вермахта от 13 мая 1941 г. о военном судопроизводстве на войне с Советским Союзом; Приказ верховного командования вермахта от 6 июня 1941 г. относительно обращения с политическими комиссарами Советской армии // Война Германии против Советского Союза 1941–1945 гг. С. 45–46; Памятка немецкого солдата // *Рагинский М. Ю.* Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника Нюрнбергского процесса. М., 1986. С. 5.

[149] Цит. по: *Рюруп Р.* Немцы и война против Советского Союза // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 80–81.

[150] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 10–12.

[151] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 96. Л. 205.

[152] *Ржешевский О. А.* «...Изменить отношение к немцам...» С. 31.

[153] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 33.

[154] Там же. Л. 99.

[155] *Ржешевский О. А.* «...Изменить отношение к немцам...» С. 31.

[156] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 96. Л. 200.

[157] Там же.

[158] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 14–19.

[159] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 96. Л. 200.

[160] Там же.

[161] *Шойфлер Х., Тике В.* Марш на Берлин. 1944–1945. М., 2005. С. 559–560.

[162] *Никулин Н. Н.* Воспоминания о войне. 2-е изд. СПб., 2008. С. 191.

[163] ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 85.

[164] Там же. Л. 92, 94.

[165] Цит. по: *Тажидинова И. Г.* Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы российской истории. Вып. X. М., Магнитогорск, 2010. С. 497.

[166] ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 68. Л. 4–5, 12; Д. 78. Л. 30–32 и др.

[167] Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994. Т. 14 (3-1). С. 350.

[168] Цит. по: Власть. 2000. № 6. С. 47.

[169] Цит. по: *Лавренов С. Я., Попов И. М.* Крах Третьего рейха. М., 2000. С. 370–371.

[170] Цит. по: там же. С. 371.

[171] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 161–163.

[172] *Шерстяной Э.* Германия и немцы в письмах красноармейцев весной 1945 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 148.

[173] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 41. Л. 226–338.

[174] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 399.

[175] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 41. Л. 226–338.

[176] Цит. по: *Алексиевич С.* У войны — не женское лицо. Минск, 1985. С. 301–302.

[177] Цит. по: Коммунист. 1975. № 4. С. 73–74

[178] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 14–19.

[179] Там же. Л. 20–21.

[180] Там же. Л. 54–55.

[181] Аврора. 1990. № 2. С. 93.

[182] Цит. по: *Вольф А. Я.* Звезда над передовой. М., 1983. С. 260–261.

[183] Там же. С. 66.

[184] См.: Венок славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне. Т. 11. С. 95–96.

[185] Цит. по: Последний бой // Огонек. 1985. № 19. С. 26.

[186] Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2005. С. 307.

[187] Цит. по: *Симонов К. М.* На Эльбе и в Берлине // Венок славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне. Т. 11. С. 328.

[188] Коммунист. 1965. № 6. С. 78; Нам дороги эти позабыть нельзя. Воспоминания фронтовиков Великой Отечественной войны. Киев, 1980. С. 380; *Костерин С.* В каждом доме этот день // Советская Россия. 1986. 9 мая.

[189] Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Феномен героизма. О героях и героическом. М., 1985. С. 190.

[190] Цит. по: Великая Отечественная в письмах. М., 1982. С. 305.

[191] *Субботин В.* Майский сон // Календарь «Победа». М., 1985. С. 11.

[192] Вспоминают бойцы // Советская Россия. 1986. 9 мая.

[193] *Аверичева С.* Дневник разведчицы. М., 1986. С. 378.

[194] Цит. по: Музы вели в бой. Деятели литературы и искусства в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 323.

[195] Цит. по: Творцы Победы: от рядового до маршала. М., 1987. С. 292.

[196] Цит. по: там же.

[197] Цит. по: Комсомольская правда. 1988. 9 мая.

[198] Цит. по: Советская женщина. 1985. № 3. С. 34.

[199] Цит. по: *Архипенко В.* Девятое мая // Коммунист. 1985. № 7. С. 61.

[200] *Симонов К. М.* Солдатские мемуары. Документальные сценарии. М., 1985. С. 79.

[201] ...Свой закончили поход // Творцы победы: от рядового до маршала. М., 1987. С. 225; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6-ти т. Т. 5. М., 1963. С. 529.

[202] *Кривель А. М.* Слышишь, Халхин-Гол! М., 1989. С. 98.

[203] Цит. по: *Богомолов В. О.* Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2005. № 10—12, 2006. № 1.

[204] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 2215. Д. 2. Л. 20—28; *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 187.

[205] *Шикин И. В., Сапожников Б. Г.* Подвиг на дальневосточных рубежах. М., 1975. С. 83; *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 187.

[206] Цит. по: Последние письма с фронта. 1945 год: Сборник. В 5-ти т. М., 1991—1995. М., 1995. Т. 5. С. 573. Через несколько дней в боях за корейский город и порт Сейсин краснофлотец Владимир Кабаков погиб. Награжден посмертно орденом Красного Знамени.

[207] Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. Т. 18 (7-1). С. 351—352.

[208] *Шумихин В. С., Борисов Н. В.* Немеркнущий подвиг. С. 201.

[209] Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году. Изд. 2-е. М., 1969. С. 141—142.

[210] *Кривель А. М.* Это было на Хингане. М., 1985. С. 139.

[211] Там же. С. 137—138.

[212] Цит. по: *Шумихин В. С., Борисов Н. В.* Немеркнущий подвиг. С. 202.

[213] *Кривель А. М.* Это было на Хингане. С. 152—154.

[214] Там же. С. 127.

[215] Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-1). Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 346.

[216] *Кривель А. М.* Это было на Хингане. С. 67—76.

[217] *Кривель А. М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 178.

[218] *Стапран Н.* Переломный этап истории: уроки, которые вынесла для себя Япония // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному форуму (Москва, сентябрь 2005). Библиотека либерального чтения. Вып. 16. М., 2005. С. 206—209.

[219] Красная звезда. 2010. 6 сентября.

[220] Там же; Проблемы Дальнего Востока. № 3. 1987.

[221] *Белобородов А. П.* Прорыв на Харбин. М., 1982; *Людников И. И.* Через Большой Хинган. М., 1967; *Плиев И. А.* Через Гоби и Хинган. М., 1965; *Чистяков И. М.* Служим Отчизне. М., 1985.

[222] Цит. по: *Зимонин В. П.* «Зверства» в Маньчжурии: вымысел и правда // Красная звезда. 2010. 6 сентября.

[223] Цит. по: *Белобородов А. П.* Прорыв на Харбин. С. 167.

[224] Там же. С. 168.

[225] Победа на Дальнем Востоке: Историко-мемуарные и художественные повествования о разгроме империалистической Японии в августе 1945 года. Хабаровск, 1985. С. 150—151.

[226] *Белобородов А. П.* Прорыв на Харбин. С. 170.

[227] Там же. С. 168.

[228] Там же.

[229] Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2). С. 10.

[230] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник. М., 1990. С. 458.

[231] Там же.

[232] Там же.

[233] Там же. С. 458—459.

[234] Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2). С. 21.

[235] Там же. С. 20.

[236] Там же. С. 29; Финал: Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. М., 1969. С. 255—256.

[237] *Рыжков А. Н.* Бои за родные острова: Дневники, воспоминания, встречи, письма, документы. Южно-Сахалинск, 1980. С. 123.

[238] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. С. 311.

[239] *Шумихин В. С., Борисов Н. В.* Немеркнущий подвиг. С. 201–203, 206–207.

[240] Военная энциклопедия. Т. 4. М., 1999. С. 562; ...Свой закончили поход. С. 234.

[241] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 204–205.

[242] *Савин А. С., Носков А. М., Зимонин В. П. и др.* Вооруженные силы Японии: История и современность. М., 1985. С. 102.

[243] *Churchill W.* The Second Word War. Vol. 6. Triumph and Tragedy. N. Y., 1974. P. 551.

ФИНАЛ ВОЙНЫ И ПРОБЛЕМЫ МИРА

В последние годы в ряде стран Восточной Европы и даже на пространстве СНГ и в самой России обозначилась тенденция к искажению роли и значения действий Вооруженных сил СССР в Европе и Азии в годы Второй мировой войны. Делаются попытки увязать последствия ошибочной политики ряда коммунистических лидеров, пришедших к власти в освобожденных Красной армией странах, с самим фактом прихода в них советских войск. В этой ситуации следует вновь сказать об изначально благородных, гуманных целях вступления Вооруженных сил СССР в оккупированные армиями государств фашистско-милитаристского блока страны, напомнить о том, что, жертвуя многими десятками тысяч жизней своих воинов, Советский Союз нес угнетенным народам мир и свободу. Несправедливо возлагать на СССР вину за то, что некоторые государства пошли недемократическим путем, хотя бы потому, что в таких странах, как Австрия, Норвегия, в освобождении которых Советский Союз сыграл не последнюю роль, народы смогли выбрать свой вариант развития.

Вынеся на своих плечах главную тяжесть войны с фашистской Германией и ее союзниками, среди которых была и Япония, и сыграв решающую роль в достижении победы, советский народ заплатил за нее дорогую цену — свыше 26,6 млн погибших, большинство из которых было мирным населением. Война против Японии принесла новые дополнительные жертвы, на которые и без того самоотверженно шла наша страна для достижения окончательной победы во Второй мировой войне в целом, освобождения от угрозы нацистско-милитаристского порабощения как советского, так и многих других народов Европы и Азии, обеспечения всеобщего мира и безопасности.

Еще в ходе военных действий на территориях стран Европы и Азии, освобождаемых от агрессоров и нацистского влияния, проведением широкого комплекса мероприятий политической работы среди войск и населения противника и оккупированных им государств советское руководство и командование Вооруженных сил СССР стремились создать условия и для ведения боевых действий с минимальными жертвами, и для оказания помощи местному населению, чем заложили основы для дружественных Советскому Союзу режимов на освобождаемых территориях.

От войны к миру. Ликвидация оккупационных и колониальных режимов в Европе и Азии

Следует признать, что в теоретическом плане проблеме освободительной миссии Вооруженных сил Советского Союза в Европе и Азии в отечественной литературе уделялось недостаточно внимания. В советской историографии такая миссия рассматривалась как

очевидная[1], российская же историография столкнулась с необходимостью дополнительной аргументации, в первую очередь в связи с тем, что освободительная миссия Вооруженных сил СССР стала в последние десятилетия одним из основных направлений фальсификации истории Великой Отечественной войны.

Ряд зарубежных и некоторые отечественные авторы ревизионистского направления, опираясь на ставшие достоянием гласности отдельные факты преступлений, совершенных военнослужащими Красной армии против мирного населения восточноевропейских стран[2], создают негативный образ Красной армии «как банды насильников и убийц». Немногочисленные факты насилия над мирным населением неправомерно и злонамеренно выдаются за массовые, типичные для всего личного состава нашей армии. Тем самым не просто бросается тень на репутацию Красной армии, но главное — из исторической памяти о войне вытесняется представление о великом подвиге советского народа и его вооруженных сил, которые, громя гитлеровскую Германию, не ограничились решением национальных задач, а ценой невиданного напряжения сил, великих жертв и потерь, понесенных по вине фашизма, спасли от уничтожения и себя, и современную цивилизацию, сохранили шанс на жизнь многим государствам и народам. При этом «полное моральное падение», приписываемое военнослужащим Красной армии, увязывается такими авторами с политической линией советского руководства, его курсом на экспансию в Европе. Придерживающиеся таких представлений авторы не желают учитывать, что случаи бесчинств и насилий по отношению к мирным жителям освобождаемых от немецко-фашистской оккупации стран допускались не только военнослужащими Красной армии, но и в гораздо большей степени солдатами и офицерами стран-союзниц, к тому же советское командование принимало жесткие меры для пресечения мародерства и насилия и сурового наказания конкретных преступников в погонах.

Документальные свидетельства и логика фактов, однако, не воспринимаются представителями так называемой «новой» историографии Великой Отечественной войны. И их «глухота» неслучайна. Уже неоднократно отмечалось, что появление даже в российской историографии Второй мировой войны ревизионистского направления не было непосредственно связано с открытием каких-либо неизвестных ранее документов или мемуарных свидетельств. Принятие этим направлением новой «теоретической» парадигмы обусловлено не логико-методологическими аргументами, а иными, внерациональными факторами, которые вообще не имеют отношения к науке, а лежат в сфере политики и идеологии[3].

Правда же заключается в том, что одновременно с разгромом нацистской Германии Советским Союзом была решена другая задача всемирно-исторического значения — высвобождение оккупированных народов Европы из оков фашистского рабства. Освободительная миссия в Европе логично вытекала из характера войны, ведущейся Советским Союзом с фашистской Германией и ее сателлитами, как Отечественной, цели которой не только не противоречили, но и диалектически перерастали в интернационалистические задачи Красной армии. Воля советских людей к бескомпромиссной борьбе, решимость отстоять и сохранить собственное Отечество, разгромить агрессора воплощались в активное осознание своей ответственности перед отечественной и всемирной историей.

Степень и характер опасности, которую несла нацистская Германия государствам, подвергшимся агрессии или вступившим в войну с блоком фашистских государств, были отнюдь не одинаковы. Для западных держав проигрыш означал бы национальное и геополитическое поражение, которое могло выразиться в изменении соотношения сил в мире, потере части собственной территории, колоний, зон влияния. Но при этом мирное население в целом сохраняло свою численность и структуру, а социально-политическое устройство оставалось, по существу, прежним — это подтверждает опыт ряда оккупированных агрессором стран, к примеру той же Франции. Иное дело — Советский Союз: поражение стало бы для его народов не только национально-государственной, но и социальной катастрофой.

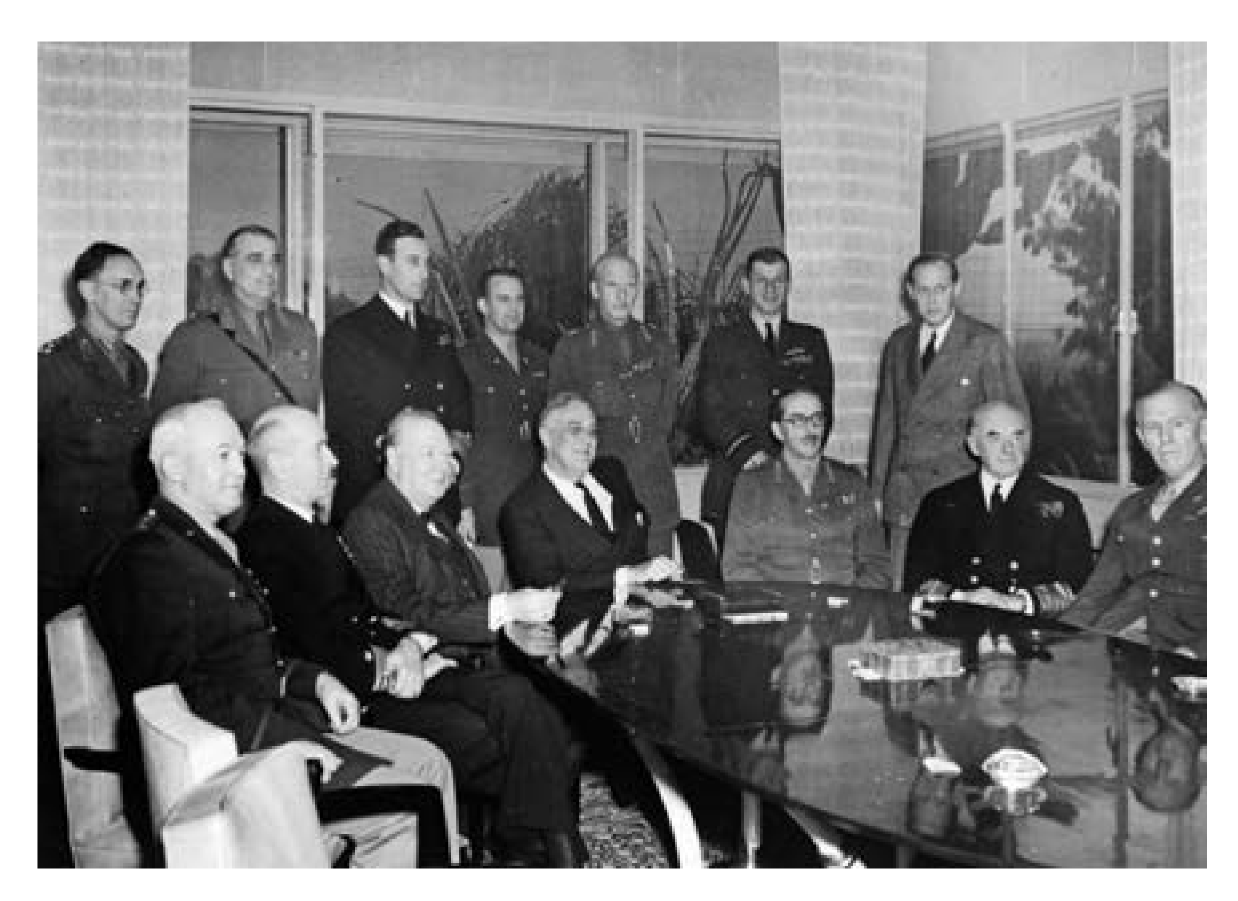
Идея освобождения народов от фашизма всеми возможными средствами находила в ходе войны все большее отражение в официальных документах советского руководства, обсуждалась И. В. Сталиным с руководителями США, Великобритании и других союзных нам стран.

Во имя ее воплощения в жизнь трудились политики и дипломаты, неустанно работал тыл. Тем не менее главным фактором освободительной миссии Красной армии было противоборство с вермахтом и вооруженными силами других стран фашистской коалиции. Оно отличалось огромными масштабами во времени и пространстве, кровопролитным, драматическим характером, героизмом и самоотверженностью бойцов и командиров Красной армии.

Вступление советских войск в пределы Центральной и Юго-Восточной Европы диктовалось прежде всего военно-стратегической необходимостью полного разгрома агрессора. Однако по мере приближения окончания войны политические соображения стали оказывать все более значимое влияние на планирование и ведение военных действий. Для советского руководства было ясно, что без радикальных политических преобразований западные страны снова попытаются превратить Центральную и Юго-Восточную Европу в антисоветский «санитарный кордон» на границах СССР. В этих условиях советское руководство стремилось предупредить оккупацию государств этого региона англо-американскими войсками и тем самым воспрепятствовать восстановлению прежних порядков. Тем не менее Москва не могла не учитывать и интересы своих западных союзников.

Будущее послевоенной Европы неоднократно становилось темой дискуссий между руководителями стран антигитлеровской коалиции. Впервые данный вопрос был подробно изложен И. В. Сталиным в ходе переговоров с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом 16 декабря 1941 г. Последнему предлагался следующий проект: западная граница Польши должна включать Восточную Пруссию и Коридор, причем немецкое население этих районов надлежало эвакуировать в Германию. Восточная граница Польши (граница с СССР) должна идти по р. Неман, при этом Тильзит должен находиться в руках Литвы, составляющей часть СССР. Далее к югу эта граница в основном должна идти примерно по линии Керзона, которая может быть в известных пунктах частично модифицирована. Планировалось, что Чехословакия будет восстановлена в довоенных границах, включая Судеты, а также получит на юге некоторую территорию за счет Венгрии; Югославию намечалось восстановить в довоенных границах и несколько расширить за счет Италии (Триест, Фиуме, острова в Адриатическом море и т. д.) и Болгарии; Албания представлялась как независимое государство при гарантии ее независимости другими державами; Турция за соблюдение ею нейтралитета могла получить Додеканес, населенный турками район Болгарии к югу от Бургаса и, может быть, какие-либо территории в Сирии, а также некоторые острова Эгейского моря, закрывающие выходы из ее важнейших портов, вроде Смирны; Греция восстанавливалась в своих старых границах. То же намечалось сделать и в отношении всех остальных оккупированных Германией стран. Румыния восстанавливалась в границах на 21 июня 1941 г. и несколько расширялась за счет Венгрии, а также заключала военный союз с СССР, предоставляя последнему право на военные и морские базы на своей территории.

В отношении политического климата во Франции советский лидер был полон пессимизма. Он считал, что «в интересах безопасности Великобритании было бы целесообразно, чтобы последняя имела свои военные и морские базы на французском берегу в таких пунктах, как, например, Булонь, Дюнкерк и т. д. Равным образом было бы целесообразно, чтобы Бельгия и Голландия находились в открытом военном союзе с Великобританией и чтобы последняя на их территории также имела право содержать свои военные, воздушные и морские базы». Великобритания получала право на морские базы в Норвегии или Дании при условии гарантии некоторыми державами входов и выходов из Балтийского моря. На территории Германии И. В. Сталин предлагал создать ряд государств с обязательным отделением Рейнской области с ее промышленным районом от остальной Пруссии. Австрия восстанавливалась как независимое государство. Советский Союз должен был вернуться к границам по состоянию на 21 июня 1941 г. с установлением западных границ по линии Керзона с включением Тильзита в состав Литовской республики. В ответ на военные действия Финляндии СССР требовал возвращения Петсамо. Однако тогда британский представитель отказался подписать подобный секретный протокол к соглашению об установлении союзных отношений. Последнее также не было подписано, хотя между политиками установились тесные отношения.

Ф. Рузвельт и У. Черчилль с высшими офицерами союзников на конференции в Касабланке

По мнению А. Гарримана, президент США Ф. Рузвельт «неизменно высказывал свою малую заинтересованность в восточноевропейских делах за исключением тех моментов, которые могли оказать влияние на настроение населения в самой Америке». Рузвельт считал «европейские вопросы настолько сложными, что лучше стоять от них подальше, по крайней мере ограничиться проблемами, которые напрямую относятся к Германии»[4]. В отношении же глобальных вопросов господствовала идея необходимости «четырех полицейских» (США, Великобритании, СССР и Китая), которые возьмут на себя обеспечение порядка и будут способствовать развитию демократии в остальных странах. По мнению президента, высказанному в беседе с кардиналом Спеллманом осенью 1943 г., мир мог бы быть поделен следующим образом: «Китай получает Дальний Восток, США — регион Тихого океана, Британия и Россия — Европу и Африку. Но поскольку Великобритания будет прежде всего занята своими колониями, то можно предположить, что интересы СССР в Европе будут доминирующими». Поэтому американская позиция по вопросу послевоенного устройства Европы лежала в русле британской политики оттягивания решения вопроса о послевоенных границах. Несмотря на наличие краткого периода сближения с Советским Союзом на фоне побед Красной армии под Москвой и Сталинградом, уже в феврале 1943 г. Ф. Рузвельт высказывал опасения в отношении СССР. В меморандуме Государственного департамента о встрече 22 февраля 1943 г. в Касабланке говорилось: «С одной стороны, президент придерживается мнения, [что] ...фактически весь мир должен быть разоружен, за исключением Соединенных Штатов, Великобритании, России и Китая. Но, с другой стороны, президент с большой похвалой отзывается о плане Буллита, основанном на недоверии к Советскому

Союзу и согласно которому вся Европа западнее СССР должна быть организована как единый, хорошо вооруженный лагерь. Он нужен для того, чтобы противостоять продвижению России на запад. Президент не знает, что делать с Россией, и беспокоится за будущее развитие событий»[5]. В этой связи показательно примечание к документу Комитета по послевоенным международным отношениям Госдепартамента: «Президент изменил свое отношение к Франции. До высадки в Северной Африке президент придерживался мнения о необходимости разоружения Франции. Но теперь он обдумывает следующий вопрос — что случится, если Франция и Германия будут разоружены, а Россия останется вооруженной и не согласится сотрудничать с США, Великобританией и Китаем в деле поддержания мира?»[6]

Однако разработки будущего послевоенной Европы, которые велись советскими дипломатами, показывают беспочвенность подобных высказываний. Как отмечают современные исследователи, советское планирование послевоенного будущего Европы в канун и в годы Великой Отечественной войны прошло несколько этапов. На первом (1940–1941) Советский Союз стремился к переговорам и созданию блока безопасности на Балканах в противовес германской гегемонии в Европе, последовавшей за падением Франции в июне 1940 г. На втором этапе (1941–1942) акцент делался на новое подтверждение права на территорию, полученную в результате германо-советского пакта, а также на достижение послевоенных соглашений по вопросам безопасности с Британией и Соединенными Штатами. На третьем этапе (1943–1944), который можно было бы назвать этапом «Большого союза», создание сферы влияния в Восточной Европе оказалось связано, а в некоторых отношениях и подчинено более масштабному проекту по установлению советско-британо-американского мирового господства[7].

Осенью 1943 г. в Народном комиссариате иностранных дел (НКИД) была создана секретная комиссия по вопросу послевоенного устройства, которую возглавил отозванный из Вашингтона М. М. Литвинов. Исходя из интересов безопасности СССР, комиссия подготовила ряд записок по европейским странам и «узловым точкам» Европы. Так, предполагались интернационализация Кильского канала и получение Аландских островов, на которые претендовала Швеция, занятие острова Рюген и создание там советской военно-морской базы. Кроме того, создание дружественного Москве режима в Польше, которая на протяжении нескольких веков была краеугольным камнем «санитарного кордона» против России. Как отмечают историки, «западные страны на тот момент не представлялись членам комиссии единым враждебным блоком. И если интересы англичан почти по всем вопросам входили в противоречие с советскими, то отношение комиссии к США было довольно теплым». При этом на первый план выдвигалась проблема безопасности Советского Союза, которая «связывалась с его территориальным расширением, с приобретением выгодных границ и прикрывающего страну пояса безопасности»[8].

Несколько позднее записку аналогичного содержания наркому иностранных дел В. М. Молотову представил начальник другой секретной комиссии НКИД — по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками. В документе, озаглавленном «О желательных основах будущего мира» говорилось: «Мне (И. М. Майскому. — *Ред.*) представляется, что нашей конкретной целью при построении будущего мира и послевоенного порядка должно быть создание такого положения, при котором в течение длительного срока были бы гарантированы безопасность СССР и сохранение мира, по крайней мере в Европе и в Азии... мой приблизительный расчет сводится к следующему: если допустить, что СССР понадобится около 10-ти лет для залечивания ран, нанесенных ему войной, то длительный срок безопасности и мира, к которому нам следует стремиться при ликвидации нынешней войны, должен составить минимум 30, максимум 50 лет. Грубо говоря, речь идет о жизни двух поколений». В дальнейших своих положениях записка И. М. Майского в целом повторяла упомянутое выше предложение И. В. Сталина А. Идену[9].

Вопрос о государственных границах в Европе игнорировался союзниками по антигитлеровской коалиции в ходе переговоров с СССР, а вместо него активно предлагалось разделить

сферы влияния. Задачу территориального размежевания они представляли как проблему взаимоотношений двух непосредственно граничащих между собой государств, втайне осуществляя переговоры с правительствами освобождаемых стран (например, сепаратные переговоры представителей Великобритании и США с румынским князем Б. Штибеем 17 марта 1944 г. или попытка независимого от Красной армии освобождения Польши в ходе Варшавского восстания 30 августа — 30 сентября 1944 г.). Английский вариант соглашения о влиянии в послевоенной Европе был представлен У. Черчиллем И. В. Сталину в ходе их переговоров 9–18 октября 1944 г. Так называемое «процентное соглашение» состояло в следующем: в Румынии признавалось советское влияние на 90%, англо-американское — на 10%; в Греции — 10% и 90%; в Югославии и Венгрии — 50% и 50%; в Болгарии — 75% и 25%. Позднее было оговорено, что в Болгарии советское влияние составит 80%[10]. «Процентное соглашение», хотя и не было официально оформлено, формально соблюдалось после войны Советским Союзом и Великобританией.

Уже в 1944 г., после того как Красная армия пересекла Государственную границу СССР, советское правительство сделало ряд заявлений, в которых указывалось, что его вооруженные силы вступают в пределы суверенных государств не как завоеватели, а как освободители. Перед политическим и военным руководством СССР встали задачи: по координации с союзными державами действий, связанных с вопросами освобождения территорий, которые были заняты вермахтом и армиями стран — сателлитов Германии; по обеспечению взаимодействия с эмигрантскими правительствами оккупированных Германией и ее союзниками стран при вступлении Красной армии на их территорию; по взаимодействию с находившимися на территории СССР антифашистскими кругами европейских государств и освободительными силами внутри этих государств и по отрыву от Германии ее союзников. Различия во внутреннем и международном положении стран Европы определили и линию поведения СССР в отношении каждой из них в период освобождения. Но главным служило объявленное руководством СССР стремление к восстановлению в этих странах их национальной государственности. Особо подчеркивалось, что первоочередной целью военных действий Красной армии является разгром немецко-фашистских войск.

Советское военное присутствие на территории ряда стран Центральной, Восточной Европы и на Балканах на заключительном этапе войны, с одной стороны, стало прямым результатом успешных боевых действий Красной армии, с другой — было вызвано военной необходимостью завершения разгрома вооруженных сил Германии и ее союзников. В то же время вступление советских войск на территорию зарубежных стран открывало возможность для непосредственного воздействия на развитие в них внутриполитической ситуации в интересах СССР. При этом главная политическая задача советского военного присутствия состояла в обеспечении условий для закрепления после окончания войны влияния СССР в зонах, рассматривавшихся наиболее важными с точки зрения обеспечения безопасности советских границ.

Румыния была первым государством — участником фашистского блока, на территории которого Красной армии предстояло вести военные действия. Поэтому советское руководство придавало этому событию не только важное военно-стратегическое значение, но и рассматривало его с политических позиций укрепления международного влияния СССР и положительного воздействия на отношение народов освобождаемых стран к советским войскам.

В постановлении Государственного Комитета Обороны от 10 апреля 1944 г. отмечалось, что Красная армия вошла в пределы Румынии «не как завоевательница, а как освободительница румынского народа от немецко-фашистского ига», что она не преследует ничего иного, «кроме целей разгрома вражеских германских армий и уничтожения господства гитлеровской Германии в порабощенных ею странах». Исходя из общих военно-политических целей советских войск в Румынии, указывалось: в занятых Красной армией районах «органов советской власти не создавать, сохранять без изменения все существующие в этих районах румынские органы власти и существующую в Румынии систему экономического и политического устройства», а также исполнение религиозных обрядов, «румынских порядков не

Король Румынии Михай I с советским орденом Победы

ломать и советских порядков не вводить». Особым пунктом объявлялось, что «все личные и имущественные права румынских граждан и частных обществ, а также принадлежащая им частная собственность находятся под охраной советских военных властей»[11]. Именно это постановление стало в дальнейшем руководящим документом при определении задач советских военных властей в других странах.

Так, с началом освобождения польской территории в заявлении НКИД СССР от 26 июля 1944 г. об отношении СССР к Польше военные действия Красной армии рассматривались как операции на территории союзного государства в целях разгрома вражеских армий и оказания помощи польскому народу в восстановлении «независимой, сильной и демократической Польши». Советская сторона заявила, что не будет устанавливать в Польше органов своей администрации, «считая это делом польского народа»[12]. В заявлении отмечалось, что СССР не преследует цели присоединения каких-либо польских земель или изменения в Польше общественного строя и что военные действия Красной армии на территории Польши диктуются исключительно военной необходимостью и стремлением оказать дружественному польскому народу помощь в освобождении от немецкой оккупации[13].

В освобожденной части страны происходили радикальные преобразования, которые касались прежде всего экспроприации захваченного немцами имущества. Изъятие средств производства у оккупантов означало на практике передачу управления экономикой страны в руки создаваемых польских государственных структур. К 20 декабря 1944 г. в основном был завершен первый этап аграрной реформы. В Польше, где до войны в сельском хозяйстве было занято до 65% населения, земельная реформа стала тем фактором, который оказал большое влияние на отношение крестьянства к новой власти, а также на настроения солдат Войска Польского, в большинстве своем пришедших в армию из деревни. Земли помещичьих имений были разделены между безземельными, малоземельными и середняцкими крестьянскими хозяйствами.

Усилия Польского комитета национального освобождения были направлены на осуществление мер по восстановлению промышленности и транспорта, закрепление результатов проведенной в районах восточнее Вислы аграрной реформы, увеличение производства продуктов сельского хозяйства, организацию труда на заводах, фабриках, шахтах, железных дорогах и во вновь созданных государственных учреждениях.

31 декабря 1944 г. Польский комитет национального освобождения был преобразован во Временное правительство Польской республики. Премьер-министром и министром иностранных дел стал бывший председатель Польского комитета национального освобождения Э. Осубка-Моравский. В программном заявлении Временного правительства от 2 января 1945 г. определялись его главные задачи: завершение полного освобождения Польши и доведение борьбы с нацистской Германией до окончательной победы, восстановление и развитие народного хозяйства страны, строительство и укрепление Войска Польского, претворение в жизнь требований об установлении западной границы по Одеру и Нейсе, развитие и укрепление дружественных отношений с Советским Союзом.

Социально-экономические преобразования и процесс создания польских вооруженных сил проходили в непростых условиях. Лондонское эмигрантское правительство считало для себя главной опасностью советское влияние в Польше. Однако его планы по восстановлению довоенного строя, проведению антисоветской внешней политики в то время оказались несостоятельными. Правительство СССР 5 января 1945 г. установило с Временным правительством Польши дипломатические отношения и оказало ему значительную политическую и экономическую поддержку. В марте Временное правительство обменялось послами с Чехословакией и Францией и установило официальные отношения с Югославией, а в мае им были установлены дипломатические контакты с Италией и Швецией. Образование Временного правительства и установление с ним дипломатических отношений рядом государств явилось серьезным ударом по лондонскому эмигрантскому правительству, позиции которого на международной арене оказались основательно подорванными. Значительную помощь Польше Советский Союз оказывал и в создании национальных вооруженных сил.

Все формировавшиеся части и соединения обеспечивались советским вооружением, средствами связи, транспортными машинами, боеприпасами, горючим, обмундированием и частично продовольствием.

Специфика военно-политических условий в Болгарии, предшествовавших вступлению на ее территорию войск Красной армии, во многом определялась ролью этой страны в балканской политике Германии, а также особенностями советско-болгарских отношений в годы Второй мировой войны. Известно, что Болгария была союзницей нацистской Германии: ее территория, порты и аэродромы использовались для нужд вермахта, страна являлась поставщиком продовольственных и стратегических ресурсов для Третьего рейха, а болгарские войска выполняли оккупационные функции на территории юго-восточной Югославии и в Греции (Западной Фракии), высвобождая таким образом германские войска для ведения боевых действий против вооруженных сил антигитлеровской коалиции, главным образом на советско-германском фронте. При этом германское командование учитывало, что вермахт в Болгарии не располагал значительными силами[14]. Поэтому усилия германской стороны были направлены на поддержание правящего в стране режима.

В обстановке успешных действий Красной армии в Ясско-Кишиневской операции и после того как 25 августа Румыния перешла на сторону антигитлеровской коалиции, болгарское правительство объявило о «полном нейтралитете» Болгарии. Однако это не давало гарантий для успешного наступления войск Красной армии в Югославии, а также на будапештско-венском направлении. По этой причине 5 сентября 1944 г. СССР объявил войну Болгарии. А 7 сентября болгарское правительство вынуждено было объявить войну Германии. В результате победы антифашистского восстания 9 сентября 1944 г. к власти в Болгарии пришло правительство Отечественного фронта, нацеленное на восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом. В связи с этими событиями Ставка ВГК приказала командующим 3-м Украинским фронтом и Черноморским флотом с 23 часов 9 сентября прекратить военные действия в Болгарии[15].

В 1944 г. Югославия, оккупированная странами фашистского блока, постепенно освобождалась от захватчиков. Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ) под командованием маршала И. Броз Тито контролировала почти половину страны. Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ) на очищенных от оккупации территориях создавал государственные и военные органы власти. В феврале 1944 г. в район местонахождения Национального комитета освобождения Югославии и Верховного штаба НОАЮ прибыла советская военная миссия во главе с генерал-лейтенантом Н. В. Корнеевым с задачами выполнения не только военных, но и политических функций. Таким образом, Советский Союз де-факто признавал НКОЮ в качестве югославского правительства. Главной задачей миссии было найти возможности оказания материальной и военной помощи народно-освободительному движению в Югославии и организовать взаимодействие НОАЮ и Красной армии.

Немецкие войска в восточных районах Югославии в октябре 1944 г. насчитывали около девяти дивизий и мотобригаду[16]. Большая часть этих сил сосредоточилась вдоль восточной границы Югославии и готовилась к обороне против войск 3-го Украинского и левого крыла 2-го Украинского фронта. Кроме того, поддержку им оказывали части пяти венгерских дивизий численностью 30 тыс. человек. Значительную силу в Сербии представляли войска местных коллаборационистов — четники, сербский добровольческий корпус, сербская государственная охрана марионеточного правительства, русский белогвардейский корпус — более 70 тыс. человек. Наряду с главными транспортными магистралями противник удерживал большинство крупных городов и промышленных районов страны.

В начале сентября маршал Тито через советскую военную миссию в Югославии передал ГКО СССР просьбу о вводе войск Красной армии в Югославию[17]. Советские и югославские войска начали активную подготовку к совместным боевым действиям. В НОАЮ из Советского Союза в большом количестве стали поступать военная техника и вооружение. Была достигнута договоренность о временном вступлении советских войск на югославскую территорию для

Группа югославских партизан с советскими офицерами

Бойцы Народно-освободительной армии Югославии

освобождения совместно с НОАЮ восточных районов страны, а после выполнения оперативных задач — их выведении из Югославии. В районах расположения частей Красной армии по-прежнему должна была действовать гражданская администрация НКОЮ[18].

В период подготовки к штурму Белграда решался вопрос о том, кто первым войдет в столицу. В связи с этим маршал И. Броз Тито еще 5 октября 1944 г. приказал командующему 1-й армейской группой НОАЮ генералу П. Дапчевичу: «Вся ваша группа из 9 дивизий должна принять участие во взятии Белграда. Мы хотим, и русские тоже так считают, чтобы в Белград первыми вошли наши подразделения»[19]. Командование 3-м Украинским фронтом при необходимости просило выделять некоторым югославским соединениям автотранспорт, чтобы обеспечить их своевременное прибытие в район боевых действий. Например, подобного рода распоряжение было отдано 11 октября маршалом Ф. И. Толбухиным командиру 4-го гвардейского механизированного корпуса в отношении 23-й пехотной дивизии 14-го армейского корпуса Народно-освободительной армии Югославии[20]. Советское командование не только дало возможность частям НОАЮ первыми войти в столицу, поддержав их танками и артиллерией, но и обеспечивало их участие в полном освобождении города.

В освобожденном 20 октября 1944 г. Белграде были созданы условия для деятельности Национального комитета освобождения Югославии и других органов гражданских и военных властей; политическое и военное руководство новой Югославии начало активную деятельность по мобилизации всех сил на окончательное освобождение страны и дальнейшее укрепление народной власти[21]. Соединения и части НОАЮ, значительно пополненные вооружением и военными материалами, переданными ей советским правительством, к концу октября вышли на рубеж р. Дрина (100 км западнее Белграда).

Руководство народной Югославии высоко оценило вклад Красной армии в освобождение ее столицы. Так, по оценке И. Броз Тито, освобождение Белграда для народов Югославии имело историческое значение «особенно потому, что страна этих измученных народов является той ареной, где совместно проливали кровь сыны Великого Советского Союза с достойными сынами Югославии»[22]. В результате Белградской операции были созданы прочный тыл НОАЮ и благоприятные условия для завершения полного освобождения страны от немецких оккупантов. В соответствии с соглашением с Национальным комитетом освобождения Югославии советское правительство в конце 1944 — начале 1945 г. передало вооружение и военную технику для оснащения 12 пехотных и двух авиационных дивизий. Так, сформированная из воинов югославской армии и обученная советскими специалистами югославская танковая бригада была укомплектована советскими танками Т-34. Уже в апреле 1945 г. она вступила в бой с врагом[23].

Без Советского Союза, подчеркивал маршал Тито, «была бы невозможна победа над фашистскими захватчиками, было бы невозможно освобождение Югославии, было бы невозможно создание новой Югославии»[24]. Освобождение территории Югославии и ее столицы Белграда, последующие успехи югославской армии на фронте привели к дальнейшему изменению военно-политической обстановки в стране в пользу демократических сил.

В связи с вступлением советских войск на территорию Венгрии ГКО СССР в постановлении от 27 октября 1944 г. отмечал, что Красная армия пришла в эту страну «как освободительница венгерского народа от немецко-фашистского гнета и не преследует целей приобретения какой-либо части венгерской территории или изменения существующего в Венгрии общественного строя»[25]. Этот документ определял порядок установления советской военной администрации в освобожденных районах и налаживания нормальных отношений с венгерским населением.

В главных городах и наиболее крупных населенных пунктах Венгрии назначались советские военные коменданты, которые осуществляли необходимые мероприятия, исходя, в первую очередь, из интересов Красной армии, через существовавшие в Венгрии органы местной власти[26].

22 декабря 1944 г. Временное национальное собрание избрало коалиционное Временное национальное правительство Венгрии во главе с генерал-полковником Б. Миклошем. Со-

брание поручило вновь образованному Временному правительству обратиться с просьбой к советскому правительству начать переговоры о перемирии.

20 января 1945 г. в Москве было подписано соглашение о перемирии между СССР, Великобританией и США, с одной стороны, и Венгрией — с другой. В соответствии с соглашением Венгрия объявляла войну Германии[27]. С учетом этого стороны условились, что возмещение Венгрией убытков, причиненных в ходе войны против СССР, Чехословакии и Югославии, будет произведено не полностью, а частично: в сумме 300 млн долларов США с погашением в течение шести лет товарами, причем сумма возвращения Советскому Союзу составит 200 млн долларов. На весь период перемирия учреждалась Союзная Контрольная Комиссия (СКК) под председательством Союзного (Советского) главнокомандования и с участием представителей Великобритании и США. С выходом из войны Венгрии блок Германии и ее европейских государств-сателлитов прекратил свое существование.

Что касается Чехословакии, то 24 марта 1945 г. было подписано соглашение, в соответствии с которым советское правительство выразило согласие отнести все произведенные Советским Союзом затраты на организацию и содержание чехословацких воинских частей на счет военных расходов СССР и в дальнейшем предоставлять из бюджета необходимые средства для вооружения, снаряжения и обслуживания чехословацких соединений, оперативно подчиненных советскому командованию и ведущих военные действия против Германии. В свою очередь, правительство Чехословацкой Республики согласилось покрыть понесенные им затраты на содержание частей Красной армии на территории Чехословакии. Советское правительство решило также предоставить Чехословакии продовольствие, товары и промышленное сырье, в которых она испытывала особую нужду[28].

Политика СССР в отношении Австрии определялась решениями, принятыми на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (октябрь 1943 г.), и прежде всего Декларацией об Австрии от 30 октября, в которой был зафиксирован будущий статус Австрии как «свободного и независимого государства» и подчеркивалось, что эта страна стала «жертвой гитлеровской агрессии» и «должна быть освобождена от германского господства». Вместе с тем в этом документе говорилось, что Австрия «несет ответственность, которой не может избежать, за участие в войне на стороне гитлеровской Германии и что при окончательном урегулировании неизбежно будет принят во внимание ее соответствующий вклад в дело ее освобождения»[29].

2 апреля 1945 г. в директиве Ставки ВГК командованиям 2-го и 3-го Украинских фронтов было приказано издать обращения к населению Австрии, в которых заявить о целях вступления Вооруженных сил СССР в страну. Где отметить, что Красная армия «вошла в пределы Австрии не с целью захвата австрийской территории, а исключительно с целью разгрома вражеских немецко-фашистских войск и освобождения Австрии от немецкой зависимости»[30]. Директива содержала два ключевых момента, которые в дальнейшем определяли советскую оккупационную политику в этой стране. Это заявление о том, что «Советский Союз будет содействовать восстановлению в стране прежнего порядка, существовавшего до 1938 г., т. е. до вторжения немцев в Австрию». А также указание довести до сведения бургомистра Вены, что «советское командование не будет противодействовать созданию временного правительства Австрии с участием демократических сил». Тем самым было сразу оговорено принципиальное отличие задач советской оккупации в Австрии от Германии. В директиве давалось указание назначить в населенных пунктах военных комендантов, которые, в свою очередь, утверждали бургомистров и старост из местного населения для выполнения функций гражданских властей[31]. Советское правительство подтвердило верность принципам Московской декларации союзников о независимости Австрии и свое намерение «содействовать ликвидации режима немецко-фашистских оккупантов и восстановлению в Австрии демократических порядков и учреждений»[32].

В документах и обращениях военных советов фронтов, действовавших в Австрии, неоднократно подчеркивалось, что все личные и имущественные права австрийских граждан, частных обществ, а также принадлежащая им частная собственность остаются неприкосно-

венными «до создания самим австрийским народом демократическим путем своих австрийских властей». Национал-социалистическая партия распускалась, но рядовые члены этой партии, как было заявлено советским командованием, не подлежали преследованию, если они лояльно относились к советским войскам[33]. Таким образом, были очерчены основные принципы для возрождения системы государственной власти в независимой демократической Австрии.

Особняком стоят вопросы урегулирования отношений с Финляндией. В ночь на 4 сентября 1944 г. правительство Финляндии сделало заявление по радио, что принимает советские предварительные условия, разрывает отношения с Германией и соглашается на вывод немецких войск из Финляндии к 15 сентября. Одновременно главное командование финской армии объявило, что прекращает военные действия по всему фронту с 8 часов утра 4 сентября 1944 г. 19 сентября 1944 г. в Москве было подписано Соглашение о перемирии между СССР, Великобританией, с одной стороны, и Финляндией — с другой. Контроль над выполнением условий перемирия вплоть до заключения мира должна была осуществлять специально создаваемая Союзная контрольная комиссия под руководством советского Главного командования. 10 февраля 1947 г. в Париже был подписан Мирный договор между СССР и Финляндией.

В финской историографии официальный статус получило утверждение, согласно которому Финляндия была скорее жертвой сложившейся ситуации и не имела возможности избежать войны. Однако объективности ради необходимо отметить, что существуют и другие точки зрения по этому вопросу. Так, в исследовании по итогам войны для Финляндии, подготовленном Библиотекой конгресса США, говорится: «Несмотря на значительный ущерб, нанесенный войной, Финляндия смогла сохранить свою независимость; тем не менее, будь СССР жизненно в этом заинтересован, нет сомнения, что финская независимость была бы уничтожена. Финляндия вышла из войны с пониманием этого факта и намерением создать новые и конструктивные отношения с СССР»[34].

После нападения Германии на СССР правительство Норвегии в эмиграции немедленно заявило о поддержке им СССР, и 5 августа 1941 г. дипломатические отношения были вновь налажены.

С самого начала Великой Отечественной войны советское руководство ясно дало понять, что считает Норвегию принадлежащей к британской сфере интересов, и не возражало, чтобы Англия имела там свои морские базы. Сталин отклонил предложение президента США Рузвельта от 12 января 1942 г. занять Нарвик советскими войсками. «У Советского Союза нет и не было каких-либо территориальных или других претензий к Норвегии», — говорилось в ответе Рузвельту[35]. 16 мая 1944 г. в Лондоне Норвегией были заключены соглашения с союзниками, в том числе и с СССР, о гражданской администрации и юрисдикции после ее освобождения[36].

В результате Петсамо-Киркенесской операции советские войска вышли к границам Норвегии и 25 октября 1944 г. освободили г. Киркенес. При отступлении немецкие войска разрушали норвежские города и села, взрывали административные здания и жилые дома, причиняли местному населению тяжкие страдания. Были уничтожены все продовольственные запасы, имевшиеся в Северной Норвегии. По просьбе норвежских властей советское командование выделило из армейских фондов продовольствие, а также предоставило целиком в их распоряжение уцелевшие трофейные склады в Варде, Вадсе и западном Финмарке[37].

Наиболее трудное положение создалось в отношении жилья. Немцы почти повсеместно сжигали дома. В Киркенесе из 220 жилых домов осталось всего 30. Советское командование ввиду этого приняло решение не занимать ни одного дома или строения, принадлежащего норвежскому населению. Это решение неуклонно проводилось в жизнь.

Значительная помощь была также оказана в восстановлении разрушенной инфраструктуры: «Силами Красной Армии произведено разминирование норвежских общественных зданий, причалов и предприятий (всего извлечено до 15 000 мин), восстановлено 200 км магистральной дороги; по просьбе норвежских властей строится для нужд гражданского

населения мост длиной более 200 м через реку Патсо-Йоки (взамен взорванного противником). Ликвидированы возгорания больших складов угля, которые норвежцы не могли приостановить собственными силами (на это потрачено 3,5 тыс. человеко-дней красноармейцев). Для разрешения транспортных затруднений норвежским властям предоставлено было советским командованием 6 автомашин и 8 тонн бензина. Часть работ производится совместно советским командованием и норвежскими властями. Так, сообща проведены работы по восстановлению причалов в Киркенесе, Тарнете, Якобснесе, Вадсе, Варде, Ботефьорде»[38].

30 июня 1945 г. во время празднования Дня союзников в Осло король Норвегии Хокон VII говорил: «Норвежский народ с энтузиазмом следил за героизмом, храбростью и мощными ударами, которые наносила немцам Красная Армия... Война была выиграна Красной Армией на Восточном фронте. Именно эта победа привела к освобождению Красной Армией норвежской территории на севере... Норвежский народ принял Красную Армию как освободительницу»[39]. Проводы частей 14-й армии на родину в СССР в конце сентября 1945 г. проходили в Норвегии торжественно, о чем столичная газета «Афтенпостен» писала: «Пусть русские, покидая нас, знают, что их провожает дружественный им народ, который никогда не забудет то, что они сделали для нас, а также для общего дела победы над врагом»[40].

Вторая мировая война кардинальным образом изменила судьбы многих стран Европы и Азии и своими итогами во многом предопределила их дальнейшее геополитическое положение на длительную перспективу. Важнейшим итогом войны стали разгром фашизма и милитаризма, восстановление суверенитета стран, захваченных агрессорами. Была сокрушена не только военная мощь стран фашистского блока, но и полностью развалены государственные машины нацизма и милитаризма стран-агрессоров. На конференциях глав великих держав антифашистской коалиции в Ялте и Потсдаме были приняты важнейшие решения по политическому устройству мирового порядка, что создало реальные предпосылки для создания и сохранения длительного мира. Созданная союзниками Ялтинско-Потсдамская система мироустройства наряду с другими мерами военно-политического характера позволяет до сих пор удерживать мировое сообщество от крупномасштабных войн. В основном выдержали испытание временем и многие международные организации, среди которых ведущую роль играет Организация Объединенных Наций, образованная по инициативе СССР, США и Великобритании.

На заключительном этапе войны и в первые послевоенные годы советское руководство не ставило цели формирования в восточноевропейских странах однопартийных коммунистических режимов. В тот период задача заключалась в том, чтобы создать на западной границе СССР пояс безопасности из дружественных государств. Их социально-политическая система после войны формировалась под советским контролем, благодаря которому левые партии имели преимущества. Однако парламентаризм и многопартийность не отрицались. Советское руководство терпимо относилось к некоммунистическим умеренным партиям и поощряло создание коалиций и объединение партий и движений в народные (национальные, демократические, отечественные) фронты, стоявшие на демократических позициях. Такой порядок обеспечивал господство социалистических элементов в экономике и политическом строе без разрушения государственной машины и при сохранении традиционного парламентаризма.

В семи странах Центральной и Восточной Европы и в Восточной Германии к власти пришли левые, демократические силы. Созданные в них новые правительства возглавили представители коммунистических и рабочих партий. Руководители этих стран провели аграрные реформы, национализацию крупной промышленности, банков и транспорта. Сложившаяся политическая организация общества получила название «народной демократии».

Установлению дружественных СССР политических режимов в Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Польше, Албании, Югославии способствовали не только военная мощь Советского Союза, но и его международный авторитет, оказавший огромное влияние на развитие национально-освободительного движения во всей Европе. Советский Союз использовал все возможности, чтобы установить или расширить дружественные связи с

У. Черчилль, Ф. Рузвельт и И. В. Сталин на Ялтинской конференции

Советские, американские и британские дипломаты во время Ялтинской конференции

патриотическими силами стран Европы, боровшимися с фашизмом, оказать им помощь. Последние месяцы войны характеризовались стремительным ростом патриотических сил, их объединением в национальных масштабах, тесным переплетением антифашистской и классовой борьбы.

СССР не преследовал цели приобретения каких-либо территориальных, материальных и даже политических выгод, хотя советское руководство и не скрывало от союзников, что оно заинтересовано в утверждении на освобожденных от фашистов территориях таких властей, которые были бы лояльны к Советскому Союзу и войскам Красной армии. Но такого рода желания были естественными, логичными и не выходили за рамки международно-правового порядка, устанавливавшегося другими странами антигитлеровской коалиции на землях, которые занимали их армии (в Италии, Франции, Бельгии и других). Утверждение же в послевоенные годы в ряде восточноевропейских стран народно-демократических режимов следует относить на счет не «сталинского экспансионизма», а воли самих народов Польши, Восточной Германии, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии и Албании.

Между СССР и странами Восточной Европы были заключены договоры о дружбе и взаимной помощи. Аналогичные договоры связали Советский Союз с ГДР, созданной на территории Восточной Германии, а также с Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) и Китайской Народной Республикой (КНР).

Великая Отечественная война советского народа против фашистского нашествия, за освобождение от фашистского гнета народов Европы, закончившаяся 9 мая 1945 г., получила свое логическое продолжение в начавшейся 9 августа 1945 г. Советско-японской войне, явившейся закономерным финалом коалиционной Второй мировой войны.

Объявляя в полном соответствии с обязательствами перед союзниками, предусмотренными соглашением от 11 февраля 1945 г. в Ялте, и договоренностями в Потсдаме войну Японии, Советский Союз ставил перед собой среди прочих следующие гуманные цели: ускорить разгром японских империалистов и тем самым приблизить конец Второй мировой войны, сократить число жертв, связанных с войной, помочь китайскому, корейскому и другим народам Азии в их борьбе против японских агрессоров за национальную свободу и независимость.

Японская армия была в состоянии затянуть войну против Китая, США и Великобритании, не имевших достаточных сил и средств для быстрого принуждения Японии к капитуляции, на длительный срок. К августу 1945 г. вооруженные силы Японии насчитывали около 7 млн человек. Кроме того, имелась возможность мобилизовать в действующую армию еще 1 млн 500 тыс. человек, создавалось многомиллионное ополчение. Американо-английское командование не без оснований считало, что высадка на островах Японской метрополии будет стоить союзникам более миллиона жизней. Но у США и Великобритании не было уверенности, что и после того, как их десантные операции увенчаются успехом и Япония капитулирует, ее армии на Азиатском субматерике также сложат оружие. Кроме того, подготовка и проведение десантных операций были сопряжены с громадными трудностями. Правительства западных стран исходили, по признанию У. Черчилля, из предположения, что война с Японией будет продолжаться не менее полутора лет. Вступление СССР в войну против дальневосточного агрессора кардинально изменило ситуацию: Япония капитулировала, и перед союзниками встали задачи, аналогичные тем, что уже в какой-то мере решались в Европе.

Проблема устройства Китая после Второй мировой войны очень рано стала занимать умы лидеров союзников. Уже в 1942 г. отчетливо наблюдались два подхода к Поднебесной со стороны двух главных архитекторов будущего мира — И. В. Сталина и Ф. Рузвельта. Подход Сталина хорошо отражен в историографии[41]: в условиях единого фронта Коммунистической партии Китая (КПК) и Гоминьдана добиться значительного представительства коммунистов в будущем коалиционном правительстве, а затем, используя левые группировки в Гоминьдане, привести Мао Цзэдуна к единоличной власти.

Подход Ф. Рузвельта был не так однозначен. Дело в том что у американского президента, изначально связывавшего именно с Чан Кайши надежды на усиление позиций США в Китае после войны, по мере развития ситуации на Китайском театре военных действий начали

Сун Мейлин, супруга Чан Кайши, выступает перед членами Палаты представителей США

Чан Кайши

появляться серьезные сомнения в потенциале Чан Кайши как будущего общекитайского лидера. В условиях пассивности боевых действий со стороны Китая (вплоть до середины 1944 г. ни одной стратегической операции против японцев) США были озабочены лишь тем, чтобы «удержать Китай в состоянии войны»[42]. Опасения вызывали также: 1) экономическая политика Чан Кайши, которая не имела ничего общего с пропагандируемыми США принципами; 2) национализация экономики, которую проводил Чан Кайши и которая привела к монополизации целых отраслей промышленности представителями четырех кланов, три из них — родственники Чан Кайши и его супруги Сун Мэйлин (Чан, Чэнь, Кун, Сун); 3) коррупция, которая достигла в Гоминьдане сверхмасштабов. Поэтому в 1944 г. в Китай отправился вице-президент США Г. Уоллес. Он посетил и Чан Кайши в Чунцине, и Мао Цзэдуна в Яньани и сделал важнейший вывод, доложенный президенту: «Новые инвестиции в генералиссимуса не окупятся»[43].

Как пишет А. В. Панцов: «Книги супругов Сноу, Смедли и других журналистов, равно как и донесения Карлсона, восторженные рассказы о Мао и его товарищах английских корреспондентов Фриды Атли, Клэр и Уильяма Бэндов уверяли мир, что китайские коммунисты не имеют ничего общего с марксизмом-ленинизмом. Мрачный диктатор Чан и его режим неуклонно теряли очки, проигрывая в глазах многих американцев «либеральному» националисту Мао и его «народному правительству»[44]. И хотя добиться полной поддержки от Ф. Рузвельта не удалось, последующие «миссии Дикси» в Китай, контакты с КПК (1944–1945 гг.: полковник Дэвид Баррет, Джон Сервмс, Раймонд Лудден) убедили американскую элиту в двух основных моментах: 1) приход к власти Мао Цзэдуна не будет означать «покраснения» Китая, ибо Мао «демократ» и «реалист»[45]; 2) поддержка Чан Кайши — бесперспективна, поскольку в гражданской войне его правительство проиграет, а США потеряет все вложенные средства. Чтобы окончательно разобраться в ситуации, новый президент США Г. Трумен, изначально, как и Ф. Рузвельт, поддерживавший Чан Кайши и оказавший его режиму значительную финансовую и военную помощь в первые послевоенные годы, видя неспособность гоминьдановского лидера удерживать ситуацию в Китае под контролем, отправил туда Дж. Маршалла, который очень симпатизировал Чану, но в 1946 г. обнаружил все те же пороки режима Чан Кайши: коррупцию, «засилье милитаристов», отсутствие у генералиссимуса трезвой оценки положения в Китае[46]. В результате Дж. Маршалл сделал вывод: Гоминьдан уже не спасти, поскольку сами китайцы не хотят его спасения. Только союз Гоминьдана и КПК, по его мнению, мог урегулировать положение. Именно к такому заключению были готовы и в Белом доме, и американская общественность, и именно это служило гарантией выполнения главного плана Сталина насчет Китая.

Но и в СССР были определенные сложности с оценкой будущего Китая. И. В. Сталин до последнего не мог выбрать, кого поддерживать в Китае приоритетно — КПК или Гоминьдан. Поэтому и была выдвинута идея коалиционного правительства, которую закрепили на седьмом съезде КПК. И Мао, и Чан должны были временно наладить отношения до будущей победы КПК. Но амбиции китайских политиков оказались сильнее, и оба лидера Поднебесной пошли на эскалацию конфликта, в котором СССР до последнего удерживался от прямой, а главное — публичной помощи Мао, демонстрируя всему миру, что не заинтересован в его победе. Это позволило достичь важного для Мао Цзэдуна эффекта: Г. Трумэн в 1947–1948 гг. окончательно убедился, что китайский коммунизм имеет с демократией больше сходств, чем «милитаризм» Чан Кайши и лоббирование интересов Гоминьдана. Крупная помощь Гоминьдану в эти годы прекратилась, что сделало приход к власти Мао Цзэдуна неминуемым. Огромную роль в этом сыграл возросший авторитет Советского Союза в глазах китайского народа.

Завершив в мае 1945 г. освободительный поход в Европу, Вооруженные силы СССР также блестяще осуществили освободительную миссию и на Дальнем Востоке. Красной армией были непосредственно освобождены Северо-Восточный Китай и Северная Корея (до 38-й параллели), то есть территория общей площадью около 1,3 млн кв. км с населением свыше 40 млн человек[47].

Участие в разгроме милитаристской Японии рассматривалось в Советском Союзе в рамках общей борьбы антифашистской коалиции с агрессорами во Второй мировой войне, главной составляющей которой была Великая Отечественная война советского народа. Сознательно сковывая угрозой нападения значительные силы Красной армии на Дальнем Востоке и в Сибири, японское военно-политическое руководство тем самым фактически принимало участие в Великой Отечественной войне Советского Союза на стороне Германии, существенно увеличивая его людские жертвы и материальный урон и затягивая войну.

Решение о вступлении СССР в войну на Дальнем Востоке принималось в ходе вооруженной борьбы с фашистской Германией. Оно диктовалось не только союзническими обязательствами, но и задачами разгрома миллионной группировки коварного противника, угрожавшего на протяжении войны в европейской части СССР вооруженным нападением с востока на нашу страну, обеспечения на длительный период безопасности советских дальневосточных границ за счет создания добрососедских отношений с освобождаемыми народами. Результатом разгрома Японии явились ликвидация милитаристского режима в этом государстве, десятилетиями терзавшего и грабившего корейский, китайский и другие народы, предоставление возможности населению самой Японии встать на путь демократического развития.

Вступление СССР в войну позволило спасти сотни тысяч, если не миллионы жизней японцев. Понимание этого сохраняется в Японии, несмотря на пропаганду «ненужности и неправомерности» участия Советского Союза в военных действиях на Дальнем Востоке. Объективно мыслящие японские исследователи указывают: «В Японии немало тех, кто рассматривает вступление Советского Союза в войну как вероломный акт. Что ж, для японских милитаристов, стремившихся продолжать войну, возможно, это и выглядело как вероломство. Однако вступление в войну отнюдь не было вероломством в отношении стонавших под игом захватчиков и колонизаторов народов азиатских стран, а также для множества японцев, молившихся о скорейшем окончании войны. Поэтому обвинение Советского Союза в том, что на момент вступления в войну «еще сохранялся срок действия пакта о нейтралитете», есть не что иное, как формальный подход»[48].

Страны мира с большим воодушевлением восприняли известие об участии СССР в войне против Японии. В день объявления войны, 9 августа 1945 г., было сделано специальное заявление правительства Великобритании, в котором говорилось: «Война, объявленная сегодня Советским Союзом, является доказательством солидарности, существующей между основными союзниками, и она должна сократить срок борьбы и создать условия, которые будут содействовать установлению всеобщего мира. Мы приветствуем это великое решение Советской России»[49].

Влиятельная американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» отмечала в передовой статье: «Вряд ли можно сомневаться, что вступление Советского Союза в войну окажется решающим в военном отношении»[50].

Индийская газета «Лидер» писала 10 августа 1945 г.: «Сообщение о том, что Советский Союз решил проводить ту политическую линию, которая соответствует его собственным интересам и интересам угнетенных народов Азии, будет тепло встречено всеми азиатскими народами, которые верят в то, что русский народ свободен от расовых предрассудков. Вступление России в Тихоокеанскую войну оправдывает надежду, которую питали зависимые страны Азии».

Как освободителя приветствовали вступившую в войну с японскими захватчиками Красную армию народы порабощенных стран Восточной Азии. В телеграмме от 9 августа президент Китайской республики Чан Кайши, в полной мере осознававший реальность длительного продолжения японской оккупации страны, писал И. В. Сталину: «Объявление Советским Союзом с сегодняшнего дня войны против Японии вызвало у всего китайского народа чувство глубокого воодушевления. От имени Правительства, народа и армии Китая имею честь выразить Вам, а также Правительству и героическому народу и армии Советского Союза искреннее и радостное восхищение»[51].

Участие в разгроме Японии наряду с выполнением освободительной миссии соответствовало геополитическим интересам Советского Союза. Немаловажное значение имело то, что советское руководство не хотело быть отстраненным от послевоенного политического процесса в Восточной Азии, в первую очередь в Китае. И. В. Сталин не мог не знать, по крайней мере догадывался, что американцы намеревались после войны занять господствующее положение в этом обширном регионе мира, вытеснив оттуда все другие государства, в том числе своих союзников в годы войны — Великобританию, Францию и, уж конечно, СССР. Во время Каирской конференции 23 ноября 1943 г. президент США Ф. Рузвельт в беседе с глазу на глаз с Чан Кайши предложил китайскому лидеру заключить после войны американо-китайский военный союз, предусматривавший размещение по всей территории Китая, в том числе у советских границ, военных баз США. Чан Кайши с энтузиазмом приветствовал это предложение. При этом Порт-Артур и ряд других стратегически важных районов отдавались под прямое американское управление. Корейский полуостров предусматривалось оккупировать и удерживать совместно американскими и китайскими войсками. Оба лидера договаривались и о том, что Франция лишится своих колоний в Азии. Рузвельт обещал сотрудничать с правительством Чан Кайши и в устранении британского влияния в Китае (Гонконг, Шанхай, Кантон). Малайя, Бирма, Индия также должны были стать зонами преобладающего влияния США. Со своей стороны, Чан Кайши ставил вопрос о помощи США во включении в состав Китая Монгольской Народной Республики. Рузвельт соглашался вести переговоры по этому вопросу с СССР[52]. С приходом к власти в США Г. Трумэна линия на обретение решающего влияния в Китае американцев усилилась. Ставилась задача всемерно поддержать войска, руководимые Чан Кайши, способствуя разгрому ими армий, возглавляемых китайскими коммунистами. Выполнение этой задачи требовало недопущения помощи КПК, включая и военную, со стороны Советского Союза. Именно поэтому, а не из боязни «коммунистической революции» в Японии, многие лидеры США на завершающем этапе войны уже гораздо меньше, чем ранее, желали участия СССР в военных действиях на Дальнем Востоке.

После капитуляции Японии Чан Кайши действительно предложил США создать в Китае сеть американских военно-морских и военно-воздушных баз, нацеленных против СССР. 30 сентября 1945 г. началась высадка морской пехоты США в Тяньцзине, а 10 октября воздушный десант американский войск оккупировал порт и город Циндао, крупный воздушный десант был выброшен в Пекине. Армейские части США принимали непосредственное участие в военных действиях гоминьдановцев против Народно-освободительной армии Китая. По некоторым данным, США за 1945—1948 гг. израсходовали на интервенцию в Китай 18 млрд долларов[53].

Одним из важнейших результатов участия СССР в войне на Дальнем Востоке явилась существенная помощь в укреплении позиций китайских коммунистических войск во временно оккупированном советскими войсками Северо-Восточном Китае, что способствовало победе КПК в гражданской войне, созданию Китайской Народной Республики и решительно изменило геополитическую ситуацию в Восточной Азии. С самого начала освободительной войны китайского народа против японских захватчиков Советский Союз оказывал Китаю всестороннюю крупномасштабную помощь. В условиях, когда над Китаем нависла реальная угроза полного порабощения японским империализмом, советская помощь стала источником снабжения сил национально-патриотического фронта, который позволил китайскому народу организовать сопротивление агрессору. Речь идет в первую очередь о военной помощи Советского Союза Китаю в 1937—1941 гг., которая сыграла значительную роль в срыве планов Японии на проведение молниеносной войны в этой стране, заложила прочные основы для стабилизации обстановки и наращивания в последующем борьбы национально-патриотических сил против оккупационных и марионеточных войск.

Вступление Советского Союза в войну против Японии, его позиция по отношению к китайскому революционному движению после разгрома японского милитаризма ознаменовали наступление качественно нового этапа советской интернационалистской политики

в отношении китайского народа. Помощь СССР на этом этапе сыграла решающую роль в обеспечении жизнеспособности революционных сил Китая в борьбе как с внешним, так и с внутренним противником.

Накануне вступления СССР в войну обстановка в Китае сложилась крайне тяжелая. В конце июля 1945 г. японские войска окружили в Маньчжурии крупные силы руководимой коммунистами 8-й армии. Только стремительное наступление советских войск спасло положение. В связи с этим командующий 8-й армией Чжао Вэньцзинь в письме советскому командованию сообщал: «Мы особенно благодарны Красной Армии Советского Союза. Мы были в исключительно трудном положении. Против нас были сосредоточены намного превосходящие силы противника, который нас окружил и отрезал все пути к отходу и сузил наши возможности маневрирования. Накануне 9 августа мы ломали головы над тем, как выбраться из этого тяжелого положения. Вступление Красной Армии Советского Союза на территорию Маньчжурии 9 августа коренным образом изменило соотношение сил. Мы из обороняющихся превратились в наступающих. Таким образом, Красная Армия нас спасла от гибели, и мы ей особенно благодарны»[54].

После капитуляции Японии на территории Китая фактически существовали два режима, имевшие свои вооруженные силы: в районах, контролировавшихся правящим Гоминьданом, и в освобожденных районах, находившихся под руководством КПК. Односторонний ввод американских войск на территорию Китая был чреват поражением коммунистических сил этой страны и установлением непосредственно у границ СССР недружественного проамериканского режима.

Соединенные Штаты действительно встали на путь открытой односторонней помощи гоминьдановскому правительству: они вооружили 45 гоминьдановских дивизий, участвовали в переброске войск Чан Кайши, заняли 90-тысячным корпусом морской пехоты ряд стратегически важных городов, портов и узловых пунктов на дорогах, осуществляли другую помощь[55]. В этих условиях оппозиционные демократические силы, выстоявшие под руководством КПК в вооруженной борьбе с японским агрессором и сохранившие, несмотря на карательные акции со стороны гоминьдановских и марионеточных войск, контроль над обширными территориями Китая, выступая против любого иностранного вмешательства в дела Китая, могли надеяться только на помощь СССР. И она была предоставлена незамедлительно.

Во-первых, освобожденная советскими войсками совместно с воинами Монгольской Народной Республики Маньчжурия снова стала составной частью Китая и превратилась в мощную революционную базу, прочный тыл войск, руководимых КПК. Во-вторых, практически все оружие и боевая техника капитулировавшей Квантунской группировки войск были переданы командованию Объединенной демократической армии (ОДА) Северо-Восточного Китая. Благодаря этим и другим мерам воинские формирования КПК перешли к организации регулярной армии и значительно выросли в количественном и качественном отношении. Если в октябре 1945 г. в Маньчжурии имелось около 60 тыс. человек из состава войск, руководимых КПК, то к середине декабря — более 334 тыс., а в октябре 1947 г. — уже 456 тыс. человек, большей частью сведенных в регулярные формирования[56].

США с помощью войск Чан Кайши, а также долго не разоружавшихся бывших Экспедиционных сил Японии в Китае (в августе — октябре 1945 г., например, японская армия принимала участие в наступательных операциях против НОАК, заняв 19 контролировавшихся Компартией Китая городов)[57] спровоцировали осенью 1945 г. гражданскую войну. СССР стремился всемерно противодействовать такому курсу США. По предложению советского правительства в декабре 1945 г. на московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Англии обсуждалось положение в Китае и было принято решение, в котором руководители внешнеполитических ведомств «подтвердили свою верность политике невмешательства во внутренние дела Китая»[58], признали необходимость прекращения гражданской войны на его территории, объединения и демократизации всех органов Национального правительства Китая. На отдельном совещании руководителей внешнеполитических ведомств

СССР и США было достигнуто полное согласие в отношении желательности вывода из Китая советских и американских сил «в возможно кратчайшие сроки»[59]. Хотя американское правительство и не вывело свои войска из Китая, оно не решилось на развязывание прямой интервенции против районов, которые контролировались КПК. Тем самым вследствие дипломатических усилий СССР были созданы благоприятные внешнеполитические условия для развития китайской революции.

Большое значение для укрепления Маньчжурской революционной базы имела советская помощь, поступавшая на Ляодунский полуостров, часть которого вместе с портом Дальний и военно-морской базой Порт-Артур согласно советско-китайскому договору от 14 августа 1945 г. была сдана в аренду СССР на 30 лет. В договорной зоне действовали КПК и демократические органы управления, китайские специалисты перенимали советский опыт гражданского и военного строительства, что им было крайне необходимо. Кроме того, Советский Союз поставлял на Ляодунский полуостров необходимые для функционирования китайских учреждений продовольствие, медикаменты и другие товары[60].

СССР оказывал и прямое содействие вооруженным силам КПК. В период продвижения гоминьдановских войск в Маньчжурию в 1945—1946 гг. советская администрация договорной зоны Ляодунского полуострова не разрешила пользоваться портами Дальний и Порт-Артур для переброски войск, боеприпасов и снаряжения в центральные районы Северо-Восточного Китая. Наступавшим войскам Чан Кайши приходилось использовать для этих целей другие, менее удобные и хуже оборудованные порты, что снижало темпы их продвижения в Маньчжурию.

До прихода в Маньчжурию революционные войска не имели танков и авиации, артиллерия почти отсутствовала, пулеметов было крайне мало, а одна винтовка приходилась на десять бойцов. Кроме того, 150 тыс. человек 8-й и Новой 4-й армий, пришедших в Маньчжурию, оставили свое оружие в старых освобожденных районах и пришли совершенно безоружные. В этой связи неоценимое значение имела помощь СССР в оснащении вооруженных сил КПК в Маньчжурии оружием и военной техникой. По настоятельной просьбе руководства КПК советское командование передало в ее распоряжение оружие, боевую технику и снаряжение, захваченное советскими войсками. СССР предоставил ОДА сотни тысяч винтовок, а также более 3700 орудий, минометов и гранатометов, 600 танков, 861 самолет, около 12 тыс. пулеметов, около 680 различных складов, боевые корабли японской Сунгарийской флотилии[61]. Кроме того, переброшенные в Маньчжурию и не имевшие теплой одежды войска КПК были полностью экипированы Советским Союзом[62]. Несколько позже китайским вооруженным силам была передана и часть советского оружия. Фактически войска ОДА, которые впоследствии получили название 4-й полевой армии, ставшей ядром НОАК, были полностью вооружены и экипированы СССР.

В результате созданные при помощи Советского Союза регулярные войска и окрепшие местные формирования народных вооруженных сил смогли не только выстоять, но и развернули генеральное наступление против гоминьдановцев, увенчавшееся победой и образованием 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики.

Следует признать, что хотя И. В. Сталин избегал открытой демонстрации поддержки компартии Китая в борьбе за власть в стране, в конце концов ставка была сделана на лидера китайских коммунистов Мао Цзэдуна. Поэтому вступление в войну на Дальнем Востоке преследовало не только задачу скорейшего разгрома японских вооруженных сил, но и одновременно было направлено на создание в данном регионе выгодных для СССР военно-стратегических и политических позиций.

Согласие Москвы принять участие в войне против милитаристской Японии позволило надолго закрепить статус суверенного государства для союзной СССР Монгольской Народной Республики. Несмотря на китайское стремление аннексировать МНР, в Ялте Ф. Рузвельт заявил И. В. Сталину, что, по его мнению, «статус-кво Внешней Монголии должно быть сохранено». В соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока было внесено следующее положение: «Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монго-

лии… потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Маршала И. В. Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие»[63].

Огромную роль СССР сыграл в ликвидации японского колониального гнета в Корее. «Свободу и независимость, которых жаждал корейский народ, — отмечал корейский лидер Ким Ир Сен, — смогла принести ему только армия первого в мире государства победившего социализма. День освобождения Кореи великой Советской Армией — 15 августа 1945 года ознаменовал собой коренной перелом в истории Кореи. Советская Армия не только освободила Корею, но и защитила интересы корейского народа, чтобы плоды освобождения стали действительно его достоянием»[64].

Участие Вооруженных сил Советского Союза в разгроме японских войск в Корее не позволило американцам единолично оккупировать весь Корейский полуостров, выйдя на границу с СССР. Правительство США не могло воспротивиться продвижению советских войск на территорию Кореи, ибо это было согласовано еще на Ялтинской конференции. Тогда И. В. Сталин и Ф. Рузвельт согласились, что над Кореей будет установлена международная опека, а попечителями выступят Китай, Советский Союз и США. При этом советское руководство ратовало за создание на Корейском полуострове единого самостоятельного государства. В Ялте Сталин заметил Рузвельту, что «чем короче будет срок опеки, тем лучше»[65].

В ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции советские войска нанесли ряд сокрушительных ударов в Корее, успешно высадили морские десанты в корейские порты Юки, Расин и военно-морские базы Сейсин и Гензан, а также воздушные десанты в Канко (Хамхын) и Хэйдзе (Пхеньян). Поражение японских войск в Северной Корее было столь сокрушительным, вызванное им потрясение в стане колонизаторов столь сильным, что справедливо говорить о развале под ударами Красной армии в августе 1945 г. военно-политической машины японского империализма в Корее и всей действовавшей несколько десятилетий системы колониального угнетения в этой стране. Высадка американских войск в Корее южнее 38-й параллели началась лишь спустя неделю после подписания Акта о капитуляции Японии[66].

Избавленный советскими войсками от японского колониального ига корейский народ получил возможность строить свою жизнь на демократической основе. С первых дней процесс перестройки корейского общества возглавили коммунисты, имевшие огромное влияние на всей территории страны. Были открыты перспективы для строительства на территории Кореи независимого, подлинно народно-демократического государства, для активного включения населения в политическую жизнь. На севере полуострова, куда вместе с советскими войсками прибыли и базировавшиеся на территории Дальнего Востока бойцы отряда корейских сил Сопротивления во главе с Ким Ир Сеном[67], начались аграрная реформа, национализация промышленности и другие мероприятия, заложившие основы для быстрого восстановления экономики и повышения уровня жизни населения.

Иная картина сложилась в Южной Корее, где был создан американский оккупационный режим. Развернувшееся здесь демократическое движение было ликвидировано в зародыше, в стране установился антинародный марионеточный режим прибывшего с американцами с Гавайских островов Ли Сын Мана, взявшего курс на закрепление раскола и объявившего 15 августа 1948 г. о создании в южной части страны Республики Корея. США и другие западные страны установили с РК дипломатические отношения. Тем самым формальный раздел Кореи превратился в юридически оформленный раскол страны[68].

В ответ на это, основываясь на результатах преобразований, произошедших под руководством корейских коммунистов во главе с Ким Ир Сеном, 9 сентября 1948 г. на территории Северной Кореи была образована Корейская Народно-Демократическая Республика и принята Конституция страны. Советский Союз первым признал молодое корейское государство, установив с ним дружеские отношения[69].

К сожалению, подогревавшаяся извне конфронтация между двумя корейскими режимами привела к широким военным действиям в 1950–1953 гг., длительному периоду застоя в движении корейского народа в демократическом направлении и к национальному объединению.

Параллельно с китайским и корейским вопросами лидеры США и СССР решали и проблему Курильских островов. Согласно ялтинским договоренностям лидеров трех великих держав все острова должны были отойти к Советскому Союзу, но в августе 1945 г. Г. Трумэн предпринял попытки нарушить соглашения, «забывая» указать в «Общем приказе № 1», что «японские гарнизоны на Курильских островах должны сдаваться и капитулировать перед войсками СССР»[70]. Эту проблему удалось вернуть в русло ялтинских решений, но в праве участвовать в оккупации Японии (остров Хоккайдо) Советскому Союзу было отказано[71]. В «Общем приказе № 1» была решена и судьба Кореи: 38-я параллель указана как линия разделения при принятии капитуляции японской армии войсками СССР и США[72]. Однако следует подчеркнуть, что американские войска не принимали непосредственного участия в освобождении Кореи. Следовательно, их высадка 8 сентября 1945 г. преследовала не освободительную цель, а совершенно иную — помешать советским войскам и установить свою зону влияния на полуострове[73].

Очевидно, что по всем трем ключевым вопросам азиатского послевоенного устройства (Китай, Корея, Япония) шло противостояние советского и американского подходов. И только в Китае СССР удалось реализовать практически в полном объеме наиболее благоприятный для него вариант развития событий, когда само руководство США, в конце концов, было вынуждено отказаться поддерживать союзный режим Чан Кайши, тем самым временно устранившись от активного вмешательства в китайскую межпартийную борьбу.

Таким образом, на всех этапах противодействия японской агрессии в Азиатско-Тихоокеанском регионе Советский Союз проводил последовательную политику, направленную на облегчение положения стран — жертв экспансии Японии, ослабление ее вооруженного натиска. Война Японии против Китая, вооруженные акции у границ СССР и в Монголии, как и завоевательные походы Германии в Европе, стали возможны главным образом в результате начатой в начале 1930-х гг. недальновидной умиротворенческой (и фактически антисоветской) политики стран Запада, которая привела в итоге к перерастанию очагов войны по обе стороны Евразии в мировой пожар, едва не погубивший и самих умиротворителей.

Не имея возможности из-за ведения кровопролитной войны с фашистской Германией и ее сателлитами на Западе подключиться к военным действиям союзников на Азиатско-Тихоокеанском театре Второй мировой войны с самого их начала, СССР тем не менее, неся основную тяжесть борьбы против немецко-фашистских войск и оттягивая на себя крупную Квантунскую группировку армии Японии, оказывал союзникам по антигитлеровской коалиции неоценимую помощь. После разгрома Германии, учитывая неспособность США, Великобритании, Китая и других союзников даже с применением атомного оружия в короткие сроки принудить Японию к капитуляции и откликаясь на многочисленные и настойчивые их призывы подключиться к войне на Дальнем Востоке, СССР вступил в эту войну и мощными ударами разгромил костяк сухопутных войск Японии — Квантунскую группировку войск, предопределив тем самым ее общее поражение.

Выполняя гуманную миссию быстрейшего окончания Второй мировой войны и спасения в результате этого миллионов человеческих жизней, Советский Союз естественно и оправданно решал и задачи собственной безопасности, призванные обеспечить национальные и государственные интересы советского народа.

Вместе с тем вступление СССР в войну против Японии сыграло важную роль в освобождении народов Азии от колониального и оккупационного гнета, дало им возможность встать на новый путь развития. Победа над поработившей практически всю Восточную Азию милитаристской Японией явилась мощным импульсом для расширения освободительного движения народов этого региона мира, который вступил в полосу крупных социально-политических преобразований. Закалившись в борьбе сопротивления японским захватчикам, восточноазиатские народы направили свою энергию на прекращение колониальной зависимости от западноевропейских государств, достижение независимости. Морально-политическая, а затем и военно-экономическая поддержка национально-освободительной

борьбы народов со стороны Советского Союза, сыгравшего решающую роль в победе над фашистско-милитаристским блоком, неизмеримо повысила его международный авторитет, позволила установить с вновь образованными государствами Восточной и Юго-Восточной Азии дружественные, а в ряде случаев и союзнические отношения.

В результате разгрома милитаристской Японии стало возможным разрешить сложные территориальные вопросы. Для Советского Союза это проявилось в основанных на документах и договоренностях союзных держав антифашистской коалиции военного и послевоенного периодов возвращении южной части острова Сахалин и передаче ему также ранее принадлежавших России Курильских островов. Южную половину острова Сахалин Япония отторгла по результатам неудачной для России Русско-японской войны 1904–1905 гг., после чего японское обладание «обмененными» в 1875 г. на согласие Японии не претендовать на Сахалин Курильскими островами потеряло юридическую основу. О намерении Советского Союза добиваться возвращения отторгнутых Японией российских Южного Сахалина и Курильских островов руководители СССР официально заявляли правительству Японии еще в 1940–1941 гг., когда решался вопрос, заключать между двумя странами пакт о ненападении или о нейтралитете. Было заявлено, что, так как заключение пакта о ненападении потребует разрешения указанной территориальной проблемы, целесообразно ограничиться соглашением о нейтралитете[74].

Вопрос о возмещении потерь России в Русско-японской войне западные союзники согласовали еще в 1943 г. во время Тегеранской конференции глав государств — членов антигитлеровской коалиции СССР, США и Великобритании — И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля. Известно высказывание президента США Ф. Рузвельта по этому поводу: «Русские хотят вернуть то, что у них было отторгнуто»[75].

Окончательно вопрос о переходе по итогам войны Южного Сахалина и Курильских островов к Советскому Союзу и учете его интересов по другим вопросам был решен на Ялтинской (Крымской) конференции лидеров Большой тройки подписанием ими 11 февраля 1945 г. соглашения по вопросам Дальнего Востока[76].

Предъявленной японскому правительству Потсдамской декларацией от 26 июля 1945 г. о безоговорочной капитуляции предусматривалось ограничение суверенитета Японии островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и менее крупными островами, указанными союзниками. Меморандумом верховного командующего оккупационными войсками в Японии генерала Д. Макартура правительству этой страны от 29 января 1946 г. определялось, что южная часть Сахалина и все Курильские острова, включая Малую Курильскую гряду (группа островов Хабомаи и остров Шикотан), выводились из-под суверенитета Японии[77].

Таким образом, в результате активного участия СССР в разгроме вооруженных сил милитаристской Японии на всем протяжении дальневосточной границы Советского Союза установился мир, была упрочена его безопасность. Через некоторое время после образования Корейской Народно-Демократической Республики и Китайской Народной Республики эти государства вступили в союзнические отношения с СССР, что в первые послевоенные десятилетия эффективно способствовало достижению баланса сил в регионе в условиях начатой западными державами холодной войны.

Возвращение в состав российской территории Южного Сахалина и Курильских островов позволило обеспечить выход в Тихий океан кораблей Военно-морского флота СССР, обрести вынесенный далеко за континент новый рубеж передового развертывания дальневосточной группировки сухопутных сил и военной авиации Советского Союза, а ныне Российской Федерации. Немаловажное значение имело и продолжает иметь хозяйственное освоение возвращенных территорий, в первую очередь в области рыболовства.

По мере того как возможность освобождения Красной армией стран Европы становилась все более реальной и приближалось время вступления СССР в войну с Японией, в стратегических концепциях и реальной политике правящих кругов западных союзников на передний план все более стали выдвигаться антисоветские мотивы, боязнь допустить ослабление позиций капитализма и укрепления влияния социализма в мире. Парадоксом,

И. В. Сталин, Г. Трумэн, Дж. Бирнс и В. М. Молотов у резиденции президента США на Потсдамской конференции

Делегации «Большой тройки» за столом переговоров в Потсдаме

однако, являлось то, что обеспечить сдерживающие, антикоммунистические, антисоветские по сути действия можно было только путем расширения военного сотрудничества с СССР, наращивания англо-американского военного вклада в систему общих усилий антигитлеровской коалиции в Европе. Именно в этих целях и был в июне 1944 г. открыт второй фронт: не допустить распространения «красной опасности» (уже не только в виде идеологии, но и через присутствие солдат Красной армии) на просторах всей Европы.

В правящей верхушке Англии и США было немало сторонников заключения сепаратного мира с Германией вопреки ранее принятому решению союзников о ее безоговорочной капитуляции. Особенно опасным был инцидент с переговорами главы американской резидентуры в Швейцарии А. Даллеса с высокопоставленным генералом СС К. Вольфом в феврале — марте 1945 г., о чем стало известно советской разведке. Советскому Союзу пришлось настойчиво добиваться завершения войны именно путем разгрома фашистского режима, а не каким-либо иным способом. Это было необходимо в том числе и для того, чтобы не позволить сохранить нацистское государство в Германии и впоследствии использовать его в качестве противовеса Советскому Союзу.

Победа над Германией стала тем рубежом («холмом», по словам У. Черчилля), стоя на котором, западные державы решали для себя: отвечает ли сложившийся в годы Второй мировой войны союз реалиям послевоенного времени? По мнению британского лидера, «уничтожение военной мощи Германии повлекло за собой коренное изменение отношений между коммунистической Россией и западными демократиями. Они потеряли своего общего врага, война против которого была почти единственным звеном, связывавшим их союз. Отныне русский империализм и коммунистическая доктрина не видели и не ставили предела своему продвижению и стремлению к окончательному господству». Главными среди «решающих практических вопросов стратегии и политики» Великобритании и США в этой новой ситуации У. Черчилль видел следующие: «Во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира; во-вторых, надо немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения»[78].

Понимая невозможность без Советского Союза быстрого разгрома дальневосточного агрессора и одновременно боясь укрепления позиций СССР в Восточной Азии, союзники вновь попытались пойти на сговор, теперь уже с японцами. Ситуация с сепаратными переговорами повторилась летом 1945 г., в период подготовки и проведения Потсдамской конференции союзников, одним из вопросов которой было согласование деталей вступления Советского Союза в войну против Японии. Единственной возможностью предотвратить участие СССР в войне, а значит, и ослабить его роль в решении проблем послевоенного устройства в Азиатско-Тихоокеанском регионе было склонение Японии к капитуляции без развертывания масштабных военных действий на сухопутных ТВД и в Японской метрополии. Однако отчаянная попытка склонить Японию к сепаратному миру за спиной Советского Союза (который, будучи верным союзническим решениям добиться от Японии только безоговорочной капитуляции, не пошел на переговоры с бывшим японским премьер-министром Ф. Коноэ), предпринятая в швейцарском Бёрне тем же А. Даллесом, не дала результата[79].

Согласно официальной англо-американской историографии западных союзников, стремящихся присвоить себе лавры победителей, «день победы над Японией» — 14 августа 1945 г., к тому времени Япония действительно прекратила военные действия против американо-английских войск. Но война еще продолжалась на территориях Северо-Восточного, Северного и Центрального Китая и Кореи, на Южном Сахалине и Курилах. Соединенные Штаты после 14 августа не раз пытались оказать давление на Советский Союз с целью прекращения наступательных операций Красной армии против японских войск, хотя те отказывались капитулировать перед советскими войсками. 16 августа 1945 г. президент США Г. Трумэн, несмотря на ранее достигнутые договоренности, заявил, что Япония не будет, подобно Германии, разделена на оккупационные зоны, одна из которых должна была контролироваться советскими войсками, и вся японская территория останется под контролем американского командования. Подобная позиция означала отказ американского правительства от принципа

союзного контроля в послевоенной Японии, предусмотренного Потсдамской декларацией от 26 июля 1945 г., что отрицательно сказалось впоследствии на процессе демилитаризации дальневосточного агрессора.

История взаимодействия США, Великобритании и СССР в вопросах обеспечения совместной победы над германским нацизмом и японским милитаризмом свидетельствует о том, что, несмотря на существовавшие, казалось бы, непримиримые политические и идеологические противоречия, при взаимном уважении интересов друг друга координация усилий великих держав в достижении мира и безопасности народов не только возможна, но и весьма эффективна. В сотрудничестве союзников в годы войны нашла свое выражение в целом разумная и реалистическая политика государственных деятелей трех стран. Можно лишь сожалеть, что последующие события привели не к развитию этих тенденций, а к политике холодной войны, которая охватила практически всю планету.

Борьба за Победу после Победы

С подписанием 2 сентября 1945 г. Акта о капитуляции Японии закончилась Вторая мировая война. Весна и лето 1945 г. вошли в историю как время полного разгрома нацистской Германии и краха милитаристской Японии. Прошли десятилетия, и вот, предав забвению неоспоримые факты истории, отдельные политики и историки как стран бывших союзников, так и наших бывших противников пытаются порознь и совместными усилиями исказить не только причины и истоки минувшей войны, но и ее ход и последствия, умалить вклад Советского Союза в разгром Германии и Японии и их союзников.

Решающая роль Советского Союза в победе над фашизмом, его помощь другим странам Евразии в освобождении от нацистско-милитаристского нашествия признавались и признаются всеми объективными исследователями. С нападением фашистской Германии на СССР и началом Великой Отечественной войны центр вооруженной борьбы во Второй мировой войне переместился на советско-германский фронт. Есть много свидетельств политических и военных деятелей, историков разных стран, которые признают эту роль советского народа, влияние побед Вооруженных сил Советского Союза на фронтах Великой Отечественной на обстановку в различных районах мира и на ход вооруженной борьбы на других театрах военных действий, в том числе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Решающую роль СССР в годы войны не раз подтверждали и лидеры стран — союзниц по антигитлеровской коалиции. Президент США Ф. Рузвельт в телеграмме генералу Д. Макартуру 6 мая 1942 г. отмечал: «С точки зрения большой стратегии ясен простой факт — русские убивают больше солдат противника и уничтожают больше его вооружения и снаряжения, чем остальные 25 государств Объединенных Наций вместе взятые»[80].

27 сентября 1944 г. У. Черчилль в послании И. В. Сталину писал: «Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить завтра в Палате общин то, что я сказал раньше, что именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживает на своем фронте несравненно большую часть сил противника»[81].

Отечественные историки, в свою очередь, отдают должное вкладу в достижение общей победы над агрессорами всех стран и народов антигитлеровской коалиции, но решительно выступают против тех западных историков и так называемых «историков либеральной волны» на постсоветском и постсоциалистическом пространствах, которые принижают или искажают значение борьбы Советского Союза, его народа и вооруженных сил в той войне.

Особенно наглядно это стало просматриваться в американской историографии 1950–1980-х гг., когда труды, изданные в разгар холодной войны, были подчинены ее интересам. Отойдя от прежних трезвых оценок, они стали освещать Вторую мировую войну, и в частности военные события на Европейско-Атлантическом и Азиатско-Тихоокеанском

театрах, с агрессивных наступательных идеологических позиций той «войны без выстрелов», в которой непостижимым образом поменяли свои роли бывшие союзники и противники. В последние годы вновь появились труды, авторы которых стремятся объективно отразить перипетии вооруженной борьбы того времени. Однако их попытки абстрагироваться от вопросов большой политики не всегда ведут к истинному результату.

Иногда встречаются утверждения, проскальзывавшие на страницы книг, изданных в Советском Союзе (России), будто бы западная историография фальсифицирует лишь политическую сторону войны, а ход военных действий освещает более или менее объективно и достоверно. Несостоятельность подобных суждений становится очевидна прежде всего при глубоком ознакомлении с самой исторической литературой, о которой идет речь, а также и потому, что допускается сама возможность исследования вооруженной борьбы вне зависимости от политики, в отрыве от нее. В действительности за многие годы холодной войны ее активные деятели на поприще истории искажали не только вопросы политики, социологии, но и истории военной стратегии, оперативного искусства, тактики. Часто это являлось следствием научной несостоятельности или узкой профессиональной подготовки исследователей. Гражданскому историку весьма сложно достаточно глубоко проникнуть в сущность процесса вооруженной борьбы, вскрыть его закономерности. С другой стороны, сугубо военный по образованию исследователь далеко не всегда оказывается в состоянии проникнуть в глубины понимания причинных, узловых связей процесса вооруженной борьбы с процессами экономическими, социально-политическими, психологическими и другими. Это, естественно, ведет к неточностям в освещении характера операций, сражений, боев, к неверным трактовкам и оценкам. Однако наряду с такого рода ошибками и «искренними» заблуждениями имели и продолжают в некоторых трудах иметь место сознательное замалчивание или искажение «неудобных» фактов, прямая фальсификация истории, приспособление ее к арсеналу идеологической борьбы.

Вполне объяснимо, что военная историография различных стран имеет свои особенности, специфику в отборе событий, их освещении и собственные критерии для анализа и оценок. Исследователи из различных стран западного мира — участниц Второй мировой войны нередко дают искаженную трактовку важнейших событий той войны под влиянием заказа правительственных либо иных организаций, комитетов, фондов, которые не требуют проведения объективного анализа материала и заинтересованы лишь в подкреплении исторической «фактурой» заранее сформулированной концепции. Именно по этому пути пошла военно-историческая наука США.

Значительное место в американской историографии принадлежит «официальным» историкам (в том числе и современным), то есть тем, кто занимал должности в государственном департаменте или на военной службе и, перейдя в ведомственные военно-исторические научно-исследовательские центры, получил задание изложить версию дипломатических, политических, экономических и собственно военных событий, соответствующую взглядам и оценкам американского правительства. Труды таких авторов, как правило, насыщены обилием фактов, конкретики военных событий на определенных театрах военных действий, но слабо связаны с общей логикой многообразных международных и внутриполитических процессов, оказывающих существенное влияние на ход и результаты вооруженной борьбы. Именно такая деформация методологии военно-исторических исследований стала характерной для западной историографии в годы холодной войны.

В развернувшейся идеологической борьбе главными задачами фальсификаторов истории и итогов Второй мировой войны стали принижение значения Великой Отечественной войны, вклада СССР в общую победу и, соответственно, превознесение роли и значения в ее достижении западных участников антифашистской коалиции, в первую очередь США.

В годы Второй мировой войны на Западе признавали решающую роль происходящих на советско-германском фронте сражений для разгрома фашистской Германии. В выступлении по радио 29 июля 1943 г. президент США Ф. Рузвельт сказал, что «решающие бои происходят в настоящий момент в России»[82]. А сразу после окончания Второй мировой войны адмирал

У. Леги, возглавлявший в военные годы Комитет начальников штабов США, подчеркнул: «Если бы не блестящие военные подвиги России, у союзников осталось бы очень мало надежд на победу»[83]. «Героических русских товарищей, внесших величайший вклад в общую победу», не мог не упомянуть и премьер-министр Великобритании У. Черчилль в выступлении 8 мая 1945 г.[84]

Таким образом, значение действий СССР для победы над фашизмом признавали как лидеры стран-союзниц, так и общественность стран Запада. Можно выделить два ключевых момента завершающего этапа войны, когда определяющая роль СССР не только не оспаривалась союзниками, но и всячески подчеркивалась: это падение Берлина и вступление Советского Союза в войну против Японии. Так, 2 мая 1945 г. американские газеты вышли с громкими заголовками: «Красная Россия объявляет: Берлин пал. Конец войны скоро»[85], «Красные разгромили крепость в столице врага!»[86]. В статьях на первых полосах американских газет описывались достижения Вооруженных сил СССР как за годы войны, так и в период Берлинской операции. Но уже 8–9 мая 1945 г. ситуация в СМИ США начала меняться: везде стал подчеркиваться коллективный вклад в победу, отдельно говорилось об американской роли, а успехи Советского Союза не освещались[87].

Похожим образом реагировали американские СМИ на вступление СССР войну с Японией. 8 августа подавляющее большинство американских и канадских периодических изданий писало об этом в восторженных тонах: «Красные в войне с япошками», «Русские объявили войну Японии», «Россия в войне с Японией», «Россия объявила войну Японии»[88]. Однако уже 10–15 августа 1945 г. акценты начали меняться: атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки стала представляться как главное средство, ускорившее капитуляцию Японии[89]. На доказательство данного тезиса были направлены не только военные отчеты 1945–1946 гг., но и послевоенная американская историография[90].

Холодная война, сопровождавшаяся острой идеологической борьбой, оказала существенное влияние на концептуальное осмысление Второй мировой войны в англоязычной исторической литературе[91]. Прежде всего война стала интерпретироваться как столкновение стран «свободного мира с силами тоталитаризма». В этой системе координат место Советского Союза оказалось неопределенным. С одной стороны, прямо отрицать участие СССР в антигитлеровской коалиции, вычеркнуть Советский Союз из числа победителей в тот период было невозможно. С другой стороны, причисление нашей страны к тоталитарным государствам подразумевало рассмотрение советских военных и политических усилий обособленно, за рамками пресловутого «свободного мира», куда СССР по политическим и идеологическим причинам уже «не вписывался». Гегемонистские претензии США в послевоенном мире, процесс постепенного наделения их правами морального арбитра также не могли не опираться на распространение и утверждение соответствующих исторических представлений. В результате американская историография Второй мировой войны органичным образом вписалась в возникновение феномена «мягкой силы», под которым специалисты имеют в виду способность Соединенных Штатов влиять на глобальные процессы без применения принуждения и опираясь лишь на привлекательность своих национальных институтов, конституционных прав, достижений в области экономики и социальной обеспеченности[92].

Главными элементами теоретического осмысления роли Соединенных Штатов в войне стали концепции «арсенала демократии» и «решающих битв» («поворотных пунктов»)[93]. Доказательство решающей роли США в войне явилось декларируемой целью ряда исторических сочинений[94], а история сражений на советско-германском фронте попросту замалчивалась: называя Пёрл-Харбор поворотным пунктом войны[95], многие авторы не считали при этом нужным даже упомянуть о нападении Германии на Советский Союз. В результате в общественном сознании на Западе сформировалось такое представление о Второй мировой войне, в котором трагедии и подвигу народов Советского Союза нет места. «Большинством западных читателей, — констатировало в 1978 г. английское издательство «Арм энд армор пресс» в аннотации на опубликованную им книгу «Русский фронт», — не осознан тот факт, что исход Второй мировой войны был решен на Востоке в ходе самой колоссальной в военной истории военной кампании»[96].

Утверждается, что произведенной США техники и военных материалов оказалось достаточно не только для нужд американской армии, но и для того, чтобы обеспечить армии Великобритании, СССР и даже Китая[97]. Характерно в этой связи безапелляционное высказывание американского историка К. Хоу: «победа на всех фронтах» была обеспечена благодаря «американской промышленности, американским ресурсам и американским людским резервам»[98]. Концепция «арсенала демократии» стала также неотъемлемым элементом американской как научной[99], так и учебной литературы по истории[100].

С объективной точки зрения, однако, претензии на то, что вклад США был «абсолютным» и «решающим», не имеют оснований: основные силы вермахта были разгромлены на советско-германском фронте оружием советского производства. Кроме того, развертывание военной экономики США в тех масштабах, в которых это имело место, стало возможным благодаря героической борьбе народов Советского Союза, принявших на себя основной удар сухопутных армий Германии и ее сателлитов. Это осознавалось, кстати, ответственными лицами, руководившими военным производством США в те годы. В итоговом «Обзоре военного производства США за 1940–1945 гг.», подготовленном его управлением, в частности, сказано: «Инициатива, находившаяся в руках стран «оси» на первых этапах войны, была вначале вырвана у них русскими зимой 1941–1942 гг. и окончательно осенью 1942 г. Значение этих событий для нашего военного производства состояло в том, что мы получили больше времени, и в том, что был уменьшен потенциал наших военных усилий на Европейском театре»[101].

Теория «решающих битв» также способствовала обоснованию решающего вклада США в победу над странами агрессивного блока, но уже с точки зрения действий вооруженных сил[102]. В соответствии с этой концепцией выделяется несколько «решающих битв» («великих кампаний»), результаты которых предопределили победу антигитлеровской коалиции. К их числу относят кампанию вермахта в Польше в 1939 г., «битву за Британию», немецкий десант на острове Крит, сражения за Коррехидор, Сталинград, атолл Тарава (некоторые бои за атолл называют «фундаментом победы 1945 г.»)[103], десанты в Сицилии и Нормандии, морское сражение в заливе Лейте, Арденны и Окинаву[104]. Другие авторы предпочитали говорить о поворотных пунктах, имея в виду сражения, результаты которых внесли решающий вклад в ход войны. К ним относят, например, сражения за Гуадалканал, Эль-Аламейн, Тунис, Сталинград, а также морское сражение в Баренцевом море[105].

Наиболее часто в числе поворотных пунктов назывались сражения под Эль-Аламейном, в Тунисе (Североафриканский театр), морское сражение у атолла Мидуэй, бои за остров Гуадалканал (Тихоокеанский театр)[106] и только одна битва, Сталинградская, на советско-германском фронте[107]. При этом зачастую утверждалось, что в стратегическом плане и в смысле истощения ресурсов оси победа под Эль-Аламейном была более результативной, чем битва за Сталинград[108]. Опорой в данном случае служили преувеличенные данные о численности капитулировавших в Тунисе немецких и итальянских войск[109]. Особо выделяется морское сражение у острова Мидуэй (1942) как «одно из действительно решающих событий войны»[110], как «действительно решающая битва»[111]. Другие авторы для характеристики прибегали как к образным выражениям: «поворот прилива»[112], «когда дым битвы развеялся, для Восходящего солнца начался закат»[113], так и простым констатациям: «первое действительно сокрушительное поражение японцев»[114], «решающая битва»[115], «перелом в войне, поворотный пункт, предопределивший окончательное поражение Японии»[116]. Все эти оценки берут свое начало из пропагандистских материалов военного времени[117].

Игнорирование важнейших критериев при сопоставлении событий (количественные и качественные характеристики задействованных сил, пространственный и временной размах, нанесенный противнику людской, материальный и моральный ущерб, а главное — вытекающие из этого стратегические и политические результаты) приводило, таким образом, к преуменьшению значения крупнейших сражений на советско-германском фронте.

Концептуальное осмысление истории внешней политики и стратегии США в годы войны традиционно основывалось на утверждении об их соответствии принятым Соединенными Штатами союзническим обязательствам и подчиненности первоочередной задаче разгрома

Германии как основной силы фашистско-милитаристского блока[118]. «Американское командование, сознавая подавляющее превосходство США в экономической мощи и стремясь избежать затяжной войны, хотело как можно скорее сосредоточить всю мощь США против главного противника — Германии. Для достижения этой цели и быстрого окончания войны с меньшими потерями США были готовы временно уступить Японии такие стратегические позиции, как, например, Филиппинские острова, и подвергнуться риску понести значительные потери в начальный период, чтобы не распылять свои силы»[119]. Американские историки настойчиво повторяют, что принцип «сначала Германия» был основным в стратегии США во Второй мировой войне[120]. В то же время, оправдывая позднее открытие второго фронта в Европе, они утверждают, что усилия администрации Рузвельта в этом направлении блокировались позицией Великобритании; кроме того, создать новый фронт против Германии в 1942 и 1943 гг. было якобы невозможно из-за отсутствия необходимых сил и средств.

В американской историографии эта точка зрения получила широкое развитие и обоснование[121]. Не меньшее распространение имеет и версия о нехватке у США и Англии сил и средств для открытия второго фронта в 1942—1943 гг., «распыленности» людских ресурсов и авиации, недостатке эскортных судов и десантных высадочных средств, делавших невозможным вторжение в Европу ранее 1944 г.[122] В то же время американские историки избегали объяснения причин такого положения дел. «Важнейший принцип англо-американской стратегии, — говорилось в одном из документов Вашингтонской конференции, — состоит в том, чтобы отвлекать от использования в операциях против Германии лишь минимум сил, необходимых для обеспечения жизненно важных интересов на других театрах»[123].

Но США фактически отказались от провозглашенного принципа. В 1942 г. на Тихом океане было сосредоточено 60% сухопутных сил и авиации США, в 1943 г. — более 50%[124]. Такая концентрация сил и развертывание американских военных операций на Тихом океане означали затягивание сроков открытия второго фронта. Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом и Курском, а также в Северной Африке, утрата Японией стратегической инициативы на Тихом океане, общий рост военного могущества антигитлеровской коалиции обеспечивали условия для создания значительного превосходства сил и средств западных союзников на любом театре военных действий.

С начала 1970-х гг. в англо-американской историографии происходило постепенное расширение тематических рамок, проявилось стремление отойти от идеологических канонов холодной войны и объективно осветить значение операций и битв, происходивших на советско-германском фронте, глубже анализировать особенности и характерные черты жизни Советского Союза в годы войны, мотивы его внешней политики в тот период. В одном из традиционных обзоров литературы о Второй мировой войне, публикуемых журналом «Америкэн хисторикл ревью», отмечалось: «Война (в России. — *Прим. ред.*) велась совершенно независимо от войны на Западе и была по любым критериям самым большим, кровопролитным и решающим театром второй мировой войны. По сравнению с этой войной все усилия союзников на Западе имели карликовые размеры»[125]. В число поворотных пунктов включалась и битва под Москвой. «Немецкое вторжение в Россию и крупнейшие затем в истории войн битвы на суше имели политические, психологические и военные результаты глобального значения»[126].

Вполне очевидна несопоставимость масштабов, а главное — результатов и военно-политических последствий битв и сражений на советско-германском фронте с операциями англо-американцев в Северной Африке, между которыми едва ли не ставят знак равенства[127]. Операция под Эль-Аламейном ни по масштабам, ни по результатам не имела и не могла иметь поворотного значения в войне. Думается, Д. Эйзенхауэр был близок к истине, когда расценил победу под Эль-Аламейном как тактический успех[128].

На протяжении всего своего существования советско-германский фронт был главным по числу вовлеченных войск, продолжительности и напряженности борьбы, именно здесь Германия и ее европейские союзники понесли основные потери в живой силе и технике. Тем не менее, даже соглашаясь, что «восточный фронт был доминирующим» в войне против

Германии, зарубежные историки не спешат признавать решающим вклад СССР в общую победу. Некоторые из них, например, для определения подлинного вклада СССР в войну предложили учитывать более важные факторы, чем цифры, а именно: «Русские сражались на протяжении всей войны на одном сухопутном театре, почти ничего не внесли в стратегическую воздушную войну и еще меньше в войну на море... Даже вклад в войне на суше советской стороны не был настолько весомым, как это может показаться на первый взгляд»[129]. Такого рода оценки, без сомнения, обусловлены стремлением представить США в качестве «главного архитектора победы», сыгравшего «главную роль в окончательном исходе войны»[130].

Этой цели служат и утверждения, будто победы Красной армии в 1943–1945 гг. были невозможны без «помощи западных союзников, без воздействия западных бомбардировок Германии, без кампаний в Африке, Италии, Западной Европе и на Дальнем Востоке»[131]. Особенно часто западные авторы писали о благотворном воздействии поражения немецких войск в Арденнах на успех Висло-Одерской операции Красной армии в 1945 г.: разгром в Арденнах англо-американцами наиболее боеспособных сил вермахта «гарантировал успех Красной армии на востоке»; наступление советских войск в Польше стало возможным только потому, что «все немецкие армии были скованы на Западе».

После высадки англо-американских союзников в Нормандии, как и прежде, судьбу войны решал советско-германский фронт. Здесь на 1 июля 1944 г. находилось 2160 тыс. личного состава сухопутных сил Германии, а на западном и итальянском — только 892 тыс., то есть в 2,5 раза меньше[132]. Среднемесячные потери вермахта на советско-германском фронте во второй половине 1944 г. составляли более 200 тыс. человек и вдвое превышали потери, которые ему наносили армии западных союзников[133]. Летом и осенью 1944 г. Красная армия с боями продвинулась на запад, вышла к границе Германии в Восточной Пруссии, разгромив врага и очистив от него Белоруссию, почти всю Советскую Прибалтику, восточные районы Польши, Чехословакии, Венгрии и Югославии, полностью освободила Румынию и Болгарию. За это время было уничтожено и пленено 96 дивизий и 24 бригады, разгромлено 219 дивизий и 22 бригады противника[134]. В Западной Европе войскам США, Англии и Франции противостояли в основном плохо обученные и недостаточно вооруженные войска вермахта, что, по признанию гитлеровского генерал-фельдмаршала Г. Клюге, сделанному в августе 1944 г., явилось «неизбежным следствием отчаянного положения на Востоке»[135].

К началу сентября немецко-фашистские войска, оставив Францию, отошли к западной границе Германии и, опираясь на полуразрушенные довоенные укрепления линии Зигфрида, перешли к обороне. В то время отлично вооруженным войскам союзников, имевшим в своем составе более 2 млн человек, противостояли примерно 700 тыс. немецких солдат и офицеров, имевших всего 100 танков и штурмовых орудий. На Западе лишь немногие способны осознать колоссальные масштабы войны на Востоке. «Германия проиграла Вторую мировую войну на полях России, а не в живых изгородях Нормандии»[136].

В последние десятилетия введение в научный оборот новых российских исследований и документов позволило ряду западных историков более тщательно, а главное — непредвзято охарактеризовать вклад Советского Союза в победу над фашизмом. Во многих современных работах признается ключевое, определяющее значение усилий СССР в войне и общей победе, отмечается решающая роль важнейших сражений на советско-германском фронте. О Сталинграде говорится как о «поворотном пункте всей войны», после которого войска Германии «начинают отступление, закончившееся в Берлине в мае 1945 г.»[137] В новом энциклопедическом издании «Вторая мировая война» сражения за Сталинград и Курск указываются как ключевые, заставившие вермахт отступать[138]. В новейших исследованиях Сталинградская битва традиционно выделяется как «наиболее важное сражение войны», битвам под Курском и на Днепре отводится более скромное место[139]. Характерно, однако, что многие авторы отходят от старой версии концепции решающих битв, показывая, что судьба если не всей войны, то противостояния на советско-германском фронте определилась под Сталинградом в 1942–1943 гг. В ряде обобщающих трудов восточный фронт характеризуется как главный фронт Второй мировой войны, «наиболее кровопролитный» и «стоивший Гер-

мании 80% всех потерь»[140]. При этом признается, что основой обеспечения успехов Красной армии на протяжении всей войны была советская военная промышленность[141], поставки же по ленд-лизу дополняли советское военное производство[142]. Без помощи союзников, утверждают западные историки, советско-германское противостояние было бы более кровавым, тяжелым, но итоговая победа все равно досталась бы СССР[143]. Отметим, что результаты новых исследований в США нередко попадают в СМИ, в том числе в солидные издания. Так, в журнале «Тайм» от 23 мая 2008 г. было отмечено, что «по задействованным силам, технике, продолжительности, территориальному размаху и потерям Восточный фронт более чем в 4 раза превосходил Западный фронт»[144].

Что касается роли СССР в достижении победы над Японией, то тон в деле принижения советского вклада в эту победу задал не кто иной, как американский президент Г. Трумэн, в свое время вслед за Ф. Рузвельтом весьма настойчиво добивавшийся вступления Советского Союза в войну против Японии. В 1947 г. он заявил, что «Россия не внесла никакого военного вклада в победу над Японией»[145]. С тех пор в западной, в первую очередь в американской, историографии стали появляться разного рода теории и версии, призванные фальсифицировать военно-политические события Второй мировой войны на Востоке. В последнее время и некоторые «новые западники», в частности польские историки, помогают ей в этом[146]. Был принят на вооружение целый арсенал аргументов, принижающих роль советско-германского фронта и влияние его на ситуацию на других фронтах Второй мировой войны, перечеркивающих решающее значение операций Вооруженных сил СССР на Дальнем Востоке для завершения в кратчайшие сроки и с наименьшими потерями разгрома Японии и доказывающих «исключительные» заслуги американских вооруженных сил в принуждении Японии к капитуляции.

Роль Советского Союза в разгроме милитаристской Японии западная историография старается или исказить, или не заметить, или принизить. Американские, английские историки, а вместе с ними и гоминьдановские на Тайване и в Гонконге нередко идут на прямую фальсификацию.

Выше на конкретных примерах уже говорилось о том, что участие Советского Союза в войне против Японии было обусловлено неоднократными просьбами руководителей союзных государств на конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Они мотивировали это недостатком собственных сил и средств, трудностями войны с Японией, особенно на континенте и в собственно метрополии, что повлекло бы многомиллионные человеческие жертвы, в том числе не менее 1,5 млн солдат и офицеров их армий. По многочисленным оценкам союзников, война на Востоке могла затянуться еще по крайней мере на 1,5–2 года, а по прогнозам многоопытного главнокомандующего вооруженными силами союзников на АТТВ американского генерала Д. Макартура, военное противостояние, учитывая фанатизм японского солдата, могло бы продлиться еще 5–7 лет[147].

Однако вот уже более 65 лет в ряде работ вслед за Г. Трумэном повторяется мысль о ненужности советского участия в разгроме Японии или его незначительности. Так, генерал Д. Макартур, «позабыв» о своих прогнозах 1945 г. и рекомендации не высаживать американские войска на Японские острова до начала Советским Союзом военных действий, в 1960-х гг. писал: «Хотя в 1941 г. я настаивал на участии России в войне, чтобы отвлечь японские силы от южной части Тихого океана и Юго-Восточной Азии, к 1945 г. ее участие стало ненужным»[148]. Об этом же говорится и в книге «Россия: настоящее и прошлое», вышедшей в 1986 г. в Лондоне и Нью-Йорке: «После капитуляции Германии Советский Союз присоединился к коалиции против Японии — шаг, представляющийся излишним в военных условиях, создавшихся после уничтожения Хиросимы и Нагасаки»[149]. 8 августа 1945 г. СССР объявил войну Японии. Он это сделал вслед за атомной бомбардировкой Хиросимы с тем, чтобы обеспечить себе участие в войне прежде, чем Япония капитулирует или будет разгромлена, как утверждают авторы американской военной энциклопедии[150].

Грубо фальсифицируются и мотивы вступления СССР в войну против Японии. Японская газета The Japan Times, затрагивая вопрос о ялтинском соглашении руководителей великих

союзных держав, пишет что «в конце концов Сталин настоял на «кровавой сделке» в Ялте в 1945 г., потребовав для себя территории в Азии в обмен на решение об объявлении войны Японии, а угасающий Рузвельт оказал этим требованиям слабое сопротивление»[151]. В статье под названием «Проблемы Токийского трибунала», опубликованной в японском журнале Japan Echo, приводятся яростная критика и обвинения в адрес СССР. Утверждается, что участие советской стороны в войне с Японией явилось «местью за японскую войну 1904—1905 гг. и сибирскую экспедицию 1918—1922 гг. (под которой следует понимать вооруженную интервенцию Японии на Дальнем Востоке и в Сибири. — *Прим. ред.*)»[152].

Помимо приемов фальсификаций, косвенно принижающих роль Советского Союза в войне, применяются и другие формы искажения истины. Среди них наиболее распространены утверждение, что будто бы вступление Советского Союза в войну против Японии не вызывалось политикой, которую вело японское правительство в ходе войны, особенно в последний период, и миф о том, что Советский Союз вступил в войну с Японией тогда, когда та была уже разгромлена союзными силами при решающей роли США. И, наконец, нередко муссируется тезис о понимании японцами неотвратимости и неотразимости военных операций вооруженных сил США на Японских островах, что якобы и обеспечило принятие условий капитуляции до их вторжения.

В отечественной историографии[153] признаются крупный, решающий вклад США в общую победу над Японией, успехи американских военно-морских и военно-воздушных сил в разгроме японского флота и авиации в акватории Тихого океана, осуществлении экономической блокады Японских островов. Но невозможно признать истиной существующую в Америке версию, что вооруженная борьба на Азиатско-Тихоокеанском театре войны из-за его специфики и отдаленности от Европейско-Атлантического театра носила совершенно независимый характер, являлась самостоятельной войной и что результаты борьбы достигались лишь усилиями американской стороны. При этом описание военных действий против Японии, как правило, ограничивается Тихоокеанской войной. Именно этот лейтмотив лежит в основе рассуждений, например, современного официального историка США Р. Спектора в его крупной работе о войне на Тихом океане под амбициозным названием «Орел против Солнца»[154]. Он умалчивает о коалиционном характере войны и действиях других союзников, особенно об усилиях Советского Союза. Ни слова не сказано о вкладе СССР в разгром Японии и в работах других американских исследователей[155]. В них дается лишь констатация факта вступления СССР в войну против Японии в августе 1945 г. (без оценки его значения для разгрома все еще мощных сухопутных войск Японии на континенте и принуждения ее к капитуляции).

Всячески преувеличивая и, по сути дела, абсолютизируя роль Соединенных Штатов, американская историография тем самым проводит линию на умышленное принижение вклада Советского Союза и его вооруженных сил в разгром милитаристской Японии. Несостоятельность этой позиции проявляется прежде всего в произвольном подборе и толковании фактов, в отрыве их от предшествующего хода событий, что в конечном счете разрывает всю логику взаимосвязи явлений и не позволяет проследить диалектику их развития: каковы они были в прошлом, какими стали в дальнейшем и в результате чего произошло то или иное качественное изменение во Второй мировой войне в целом и в войне против Японии в частности. Это особенно наглядно прослеживается в официальных изданиях.

Однако неумолимые факты истории говорят о том, что США реально начали влиять на ход Второй мировой войны лишь после того, как в ней произошел коренной перелом. Исследования отечественных и ряда зарубежных, в том числе первые послевоенные труды американских, авторов убедительно свидетельствуют о том, что до конца 1943 г. военно-политическое руководство США на Тихоокеанском театре ограничивалось проведением оперативно-тактических действий на периферии захваченной японцами огромной территории. Основное же время, полученное в результате наступившей передышки в боевых действиях после горьких неудач начального периода войны, оно использовало для создания сухопутных войск, наращивания мощи своих военно-воздушных сил и восстановления флота, понесшего, как и британский флот, тяжелые потери в начале Тихоокеанской войны.

И эту жизненно важную передышку для накопления сил и перехода к наступательным операциям на Тихоокеанском театре военных действий Соединенным Штатам предоставил СССР, его вооруженные силы, которые, по признанию американского президента Ф. Рузвельта, в то время не только «удерживали свой фронт», а точнее — вели невиданную по ожесточенности и кровопролитию борьбу на советско-германском фронте, но и уничтожали больше войск противника, чем все остальные союзники по антигитлеровской коалиции[156].

Основная слабость версии «отдельной», «американской» войны против Японии состоит в том, что в ней игнорируется главная, кардинальная особенность Второй мировой войны — ее коалиционный характер, а следовательно, и взаимообусловленность результатов вооруженной борьбы на различных ее театрах. Поэтому рассматривать события на Азиатско-Тихоокеанском театре войны в отрыве от хода и результатов вооруженной борьбы на главном, советско-германском фронте — значит, допускать принципиальную ошибку.

Значение борьбы Вооруженных сил СССР состояло, однако, не только в том, что они «удерживали свой фронт» против фашистской Германии и ее европейских союзников, не давая им возможности оказать помощь своему азиатскому союзнику и позволяя США концентрировать основные усилия на вооруженной борьбе против Японии, но и в том, что советско-германский фронт имел определяющее значение для всей Второй мировой войны. Поэтому и результаты борьбы на этом фронте давали о себе знать на других театрах войны. Это особенно наглядно проявилось в том существенном влиянии, которое оказали сталинградская катастрофа немецко-фашистских войск и их разгром под Курском на стратегическую обстановку такого отдаленного и, казалось бы, «независимого» театра войны, как Азиатско-Тихоокеанский.

И в этой ситуации ряд американских, английских и некоторых других историков вопреки неопровержимым фактам и здравой логике пытается объяснить причины изменения характера вооруженной борьбы на Тихом океане некоторыми событиями локального характера, имевшими место до победы советских войск под Сталинградом, в частности результатами боевых действий американских сил флота и авиации у атолла Мидуэй (4—5 июня 1942 г.), а также происходившими в период Сталинградской битвы затяжными действиями американского десанта на острове Гуадалканал (август 1942 — февраль 1943 г.). Так, упоминавшийся выше П. Далл операцию у Мидуэя называет «фантастической», «решающей битвой», давшей неоспоримое преимущество американскому флоту[157]. Некоторые современные исследователи утверждают, что «сражение близ Мидуэй... стало поворотным пунктом в борьбе за Тихий океан»[158], а «после эвакуации японских войск с Гуадалканала... война для нее (Японии. — *Прим. ред.*) была окончательно проиграна»[159]. Несоизмеримость указанных и других событий войны на Тихом океане с масштабами, результатами и последствиями Сталинградской битвы и любой другой стратегической наступательной операции Вооруженных сил СССР на советско-германском фронте делает подобные утверждения неубедительными.

За время Сталинградской битвы, например, фашистский блок потерял четвертую часть сил, действовавших на советско-германском фронте. Потери противника убитыми и ранеными, пленными и пропавшими без вести составили около 1,5 млн солдат и офицеров, в том числе в результате стратегической наступательной операции советских войск — более 0,8 млн человек[160].

Необоснованность утверждений о «решающем значении» победы американцев у атолла Мидуэй становится очевидной при анализе соотношения сил сторон по количественному составу флота, который в условиях вооруженной борьбы на Тихоокеанском театре имел особую роль. Как известно, это соотношение после боев у атолла в пользу США не изменилось. Не изменился и характер боевых действий войск союзников — они по-прежнему вели оборонительные бои. Американский адмирал Ф. Шерман в первые послевоенные годы назвал то время в действиях ВМС США «периодом застоя». Он писал: «В период... который начался после сражения за остров Мидуэй, основной целью нашей стратегии была защита коммуникаций... Наша слабость в авианосцах препятствовала наступлению в более или менее значительном масштабе»[161]. Не внесла «коренного перелома» в обстановку на театре войны с

Японией и высадка американцев на остров Гуадалканал. Президент США Ф. Рузвельт в своем докладе конгрессу 7 января 1943 г. подчеркивал, что успехи у островов Мидуэй и Гуадалканал были, «по существу, оборонительными» и «являлись частью стратегии сдерживания, которая характеризовала эту фазу войны»[162].

Решение японской императорской ставки об отказе на некоторых фронтах от наступательной стратегии и переходе к обороне, принятое в трудный для американцев момент (31 декабря 1942 г., когда американская операция на Гуадалканале захлебнулась), объясняется только одним: японское военно-политическое руководство отчетливо сознавало, что если Германия ослабнет (а именно это и произошло), Япония в самый короткий срок окажется одна перед всемирной коалицией. Поэтому не случайно в конце 1942 — начале 1943 г. в Токио активизировалась деятельность политических группировок, выступавших за выход страны из войны, а 1 марта 1943 г. в Берлин была направлена специальная комиссия во главе с генералом К. Окамото для изучения способности Германии к сопротивлению.

После Сталинградской битвы и битвы за Кавказ был окончательно сорван стратегический план Германии и Японии, предполагавший раздел Евразийского континента на две колоссальные зоны влияния по 70 меридиану, итогом первого этапа которого должна была стать триумфальная встреча немецких и японских войск в Индии[163].

СССР оказывал мощное влияние не только на характер вооруженной борьбы на Тихом океане, но и на ее размах. В этой связи следует напомнить, что лидеры Японии никогда не оставляли планов расширения своей империи за счет советской территории. У восточных границ СССР в ожидании благоприятного момента для нападения находилась в постоянной боевой готовности примерно миллионная группировка японских сухопутных войск. Это вынуждало советское правительство на протяжении всей войны держать на Дальнем Востоке крупные силы (30—50 дивизий только сухопутных войск), способные отразить возможный удар японцев с маньчжурского плацдарма, Сахалина и Курил.

Это обстоятельство объективно порождало и обратную зависимость, непосредственно влиявшую на характер и масштабы войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе: отлаженная машина — Квантунская группировка японских войск, которая могла бы значительно расширить и без того большой размах и эффективность вооруженной борьбы Японии против Соединенных Штатов, Китая, Великобритании, до наступления «благоприятного момента» оказывалась в бездействии. И бездействовала она не по своей воле — против нее стояла сильная группировка советских войск. Даже во второй половине 1942 г., то есть в самый критический момент для западных союзников на Азиатско-Тихоокеанском театре войны, а для СССР — на советско-германском фронте, Советский Союз держал на Дальнем Востоке против японской группировки почти столько войск и боевой техники, сколько имели на театре Соединенные Штаты и Англия вместе взятые.

Наличие такой крупной советской группировки на Дальнем Востоке объективно оказывало неоценимую помощь союзникам СССР по антигитлеровской коалиции на протяжении всей войны на Азиатско-Тихоокеанском театре. Западная историография при рассуждениях о единоличном вкладе США в победу над Японией обычно «забывает» учитывать этот немаловажный и постоянно действовавший фактор и делает акцент на отказе СССР вплоть до августа 1945 г. от непосредственного участия в военных действиях против Японии.

Правительство СССР по понятным причинам не могло в то время пойти навстречу предложениям союзников. С июня 1941 до июня 1944 г., то есть до открытия второго фронта в Европе, Советский Союз один на один вел тяжелейшую борьбу с войсками главной группировки агрессивного фашистско-милитаристского блока. Поэтому, неся основную тяжесть войны, СССР не мог одновременно вступить в войну против Японии, хотя и оказывал существенную помощь Китаю в его борьбе против японского агрессора. Только после того, как усилиями Советского Союза был достигнут коренной перелом в войне, глава советского правительства на Тегеранской конференции (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) дал принципиальное согласие на вступление в войну против Японии, обусловив его сроки капитуляцией главного врага — нацистской Германии.

В начале 1945 г., когда война в Европе переместилась полностью на территорию Германии и участь последней была практически предрешена, милитаристская Япония оставалась значительной преградой на пути к долгожданному миру. Курс на затяжную войну, который Япония избрала в конце 1944 г., требовал от союзников эффективных мер, способных в максимально короткое время положить конец кровопролитию. Подобные меры были окончательно согласованы на Крымской (Ялтинской) и Потсдамской (Берлинской) конференциях великих держав, на которых были определены конкретные сроки и условия вступления Советского Союза в войну против Японии, приведшего к ее скорой капитуляции.

В китайской историографии был период (1970-е), когда произошел резкий поворот от объективной оценки роли СССР в судьбе китайской революции, от добрых слов признания его освободительной миссии и интернационалистской помощи к необоснованным нападкам. Причиной этого явились обострение отношений Китая с Советским Союзом и нормализация отношений с США. Лишь начиная с 1983 г. можно отметить тенденцию возврата к отдельным позитивным оценкам, хотя все еще нередки негативные высказывания. В то же время при освещении истории американо-китайских отношений многие китайские исследователи часто или воздерживаются от критических оценок, или сопровождают их «всепрощающими» выводами о том, что всё «плохое», исходившее от Соединенных Штатов по отношению к Китаю, «отошло в прошлое»[164].

Центральная газета «Жэньминь жибао» высоко оценила роль СССР во Второй мировой войне: «Когда в 1941 г. вспыхнула советско-германская война, основные силы германской армии были направлены на восток, и советско-германский фронт стал основным фронтом мировой антифашистской войны, тем фронтом, где решалась судьба войны»[165].

В одной из работ, посвященных истории Второй мировой, отмечается, что «победа под Сталинградом повлекла за собой коренные изменения в развитии антифашистской войны. Эта битва явилась поворотным пунктом мировой антифашистской войны. Она прямо повлияла на развитие событий на Дальнем Востоке»[166]. Китайские исследователи, признавая решающую роль Советского Союза во Второй мировой войне, влияние его крупных побед на ход всей войны, отдают должное непосредственной помощи китайскому народу в борьбе за национальное освобождение: заключению «Советско-китайского договора о ненападении» в августе 1937 г.; предоставлению правительством СССР Китаю займов и поставке самолетов, артиллерии, другого вооружения; посылке в Китай советских военных специалистов и советников, а также прибытию в Китай большого количества добровольцев[167].

В китайской исторической литературе подчеркивается, что «активность и вклад в антифашистскую войну участников антифашистской коалиции неодинаковы. Наибольшую решительность и активность показали советская Красная армия и антияпонские вооруженные силы, руководимые Коммунистической партией Китая»[168].

Однако начав в конце 1970-х гг. пересматривать взгляды на мировую войну и участие в ней китайского народа, историки Китая по-прежнему убеждают читателя, что почти каждое событие китайского фронта имело мировое значение. Если же говорится о фронте освобожденных районов в борьбе против Японии, то он неизменно ставится на одно из первых мест среди фронтов и театров военных действий Второй мировой войны[169]. Борьба китайского народа истощала силы японцев и приковывала к себе основную массу японских сухопутных войск. Поэтому японские милитаристы не посмели начать наступление против Советского Союза, а устремились в южном направлении. Но и там помощь союзникам со стороны Китая была огромна — таков лейтмотив работ большинства современных китайских исследователей[170].

В зарубежной историографии время от времени появляются высказывания о том, что атомная бомба решила исход войны, так как дала якобы ощутимый военный эффект и предоставила императору Хирохито шанс оправдать в глазах народа решение о капитуляции, и что применение бомбы было гуманно с точки зрения человеческой морали, ибо она «явила собой средство предотвращения любой войны»[171].

В США многие смотрят на атомные бомбардировки японских городов до сих пор как на крайнее средство, которое пришлось применить, чтобы заставить сдаться врага, намеренного

сражаться до последнего. Часть исследователей считает, что окончательная ответственность за случившееся лежит на японском правительстве и Хирохито, который решил в июне поставить под ружье почти все население, в том числе бóльшую часть женщин, и драться до конца. Вина в том, что Япония, несмотря на ожидавшиеся огромные жертвы, в конце июля 1945 г. отказалась прекратить сопротивление, отклонив Потсдамскую декларацию США, Великобритании и Китая, действительно лежит исключительно на военно-политическом руководстве страны. Однако было ли это достаточным основанием использовать атомное оружие для принуждения Японии к капитуляции в условиях, когда руководство США знало о готовившемся вступлении в ближайшие дни в войну против Японии СССР?

Применение принципиально нового оружия огромной разрушительной силы оказалось действительно неожиданным для противника. Однако ни первый, ни произведенный 9 августа по Нагасаки второй атомные удары не привели к немедленной капитуляции Японии. У. Черчилль был вынужден признать: «Было бы неправильно полагать, что атомная бомба решила судьбу Японии»[172]. По расчетам американского военного руководства, для обеспечения высадки десанта на Японские острова потребовалось бы по меньшей мере девять бомб, в то время как примененные атомные бомбы были единственными, которыми они располагали[173].

Профессор новой истории Калифорнийского университета в Санта-Барбаре Ц. Хасэгава в интервью The Associated Press заявил: «Вступление Советского Союза в войну внесло намного больший вклад в капитуляцию Японии, чем атомные бомбы. Оно лишило Японию надежды на выход из войны при посредничестве Москвы. Однако и сам факт вступления в войну СССР не заставил японское руководство сразу же заявить о безоговорочной капитуляции». Об эффекте, который произвело молниеносное продвижение советских войск в Маньчжурии, по мнению Хасэгавы, свидетельствуют слова японского премьер-министра К. Судзуки, убеждавшего свое правительство пойти на капитуляцию: «Если мы упустим сегодня эту возможность, Советский Союз захватит не только Маньчжурию, Корею и Сахалин, но и Хоккайдо... Мы должны закончить войну, пока мы еще можем иметь дело с Соединенными Штатами»[174]. Имперское командование верило, что Япония сможет сопротивляться вторжению союзников, если сохранит контроль над Маньчжурией и Кореей, снабжавшими Японию ресурсами на ведение войны.

Атомные бомбардировки не оказали на японскую нацию такого морально-психологического и военно-политического эффекта, на который рассчитывали американские и британские правящие круги. Это объясняется следующими причинами.

Высшие военно-политические руководители Японии, в частности император, узнали о характере удара, нанесенного по Хиросиме, лишь 8 августа, спустя два дня после применения атомной бомбы. Получив эту информацию, находившийся в бомбоубежище император заявил: «Если противник применяет такого рода оружие, войну продолжать невозможно. Но для того, чтобы добиться выгодных условий, немедленно прекращать войну нельзя. Что касается условий, то, как только появится возможность маневрировать на переговорах, можно будет сразу же прекратить войну»[175]. То есть японское руководство все еще надеялось на переговоры.

Японский народ узнал о трагедии Хиросимы и Нагасаки лишь после окончания войны и в основной своей массе никак не прореагировал в те несколько дней, пока еще не было принято решение капитулировать, на атомные удары.

Не дали атомные бомбардировки и ощутимого военного результата. Главнокомандующий 2-й объединенной группировкой войск (в нее входили войска двух фронтов), штаб которой находился в Хиросиме, фельдмаршал С. Хата, прибыв в Токио 7 августа, доложил, что хотя его штаб находился недалеко от центра взрыва, постройки разрушены мало, а число погибших солдат незначительно, причем пострадали только те, кто не был защищен. В целом, по его мнению, Хиросима потерпела крупный ущерб, но не больший, чем другие города от массированных налетов авиации[176](«ковровые бомбардировки» к этому времени практически разрушили Токио и унесли более 900 тыс. жизней мирных японцев)[177]. О таких эффектах ядерного взрыва, как остаточная радиация и радиоактивное заражение местности, японцам (как, впрочем, и американцам) в то время известно не было.

Новое оружие было применено почти исключительно против мирного населения, а не вооруженных сил, подавляющая часть личного состава которых оказалась, как и основная масса населения, в неведении относительно характера примененного оружия и, следовательно, вне физического и психологического воздействия.

Правительство Японии скрыло от народа факт атомной бомбардировки Хиросимы. Императорская ставка сообщила лишь о том, что на Хиросиму сброшена бомба нового типа, нанесшая значительные потери. Органы противовоздушной обороны опубликовали для успокоения населения инструкцию, рекомендовавшую меры предосторожности. В инструкции говорилось, например, что достаточно надеть белую одежду или укрыться в убежище, чтобы избежать опасности. Военное командование ограничилось лишь посылкой в Хиросиму комиссии для расследования. Оно по-прежнему было занято подготовкой к решительному сражению на территории Японских островов и в Маньчжурии. Правительственные органы также слабо реагировали на это событие, не был собран даже кабинет министров, а намеченное заседание высшего совета по руководству войной не состоялось[178].

Слепая вера некоторых представителей американского руководства во всесилие атомной бомбы, таким образом, не оправдала себя. Достаточно сказать, что в Хиросиме уцелели почти все крупные заводы на окраинах и 94% работавших на них людей, а железнодорожное сообщение через город было восстановлено уже через 48 часов. Чтобы полностью вывести из строя Нагасаки, потребовалось бы еще несколько бомб, которых американцы тогда не имели[179].

Факты свидетельствуют о том, что даже за один-два месяца до вступления Советского Союза в войну в американском ОКНШ применение атомного оружия ни в малейшей степени не рассматривалось как средство не только достижения, но и ускорения победы над Японией. Даже после того, как в Потсдам поступило сообщение о том, что 16 июля, за день до открытия конференции, проведено успешное испытание атомной бомбы и президент США услышал 21 июля общее мнение своих ближайших советников о необходимости ее применения, это ни в коем случае не расценивалось как реальная альтернатива вторжению союзников на Японские острова. В американском руководстве и даже у военных специалистов, касавшихся ядерных разработок, не было четкого представления о поражающих факторах атомного взрыва, кроме, пожалуй, его ударной силы и светотеплового воздействия. В связи с тем, что никто в Потсдаме не мог разъяснить, какой эффект может дать бомба с точки зрения «физической и психологической», было принято решение продолжать подготовку к вторжению[180]. На конференции был одобрен уже давно разработанный план. Тем самым даже на этой последней стадии вопрос о применении атомной бомбы полностью находился за рамками сугубо военного планирования[181].

В своих мемуарах президент США Г. Трумэн, которого, как следует из свидетельств ряда его приближенных, мучила моральная сторона применения оружия массового уничтожения[182], пишет, что одной из важнейших для него задач в Потсдаме было «получить лично от Сталина подтверждение о вступлении России в войну против Японии»[183].

Понимая необходимость вступления СССР в войну и не представляя себе иначе быстрого ее окончания, руководители США, как и их британские союзники, никак не могли смириться с мыслью о том, что это даст Советскому Союзу, спасающему ценой собственных новых жертв жизни миллионов людей, определенные политические дивиденды. В то же время они понимали, что без вступления СССР в войну «последнее предупреждение» Японии не возымеет действия. Собственно, так и произошло, когда, не согласовав предварительно текст с Советским Союзом и не заручившись его подписью, союзники решили в ходе работы Берлинской конференции огласить 26 июля 1945 г. от имени США, Великобритании и Китая Потсдамскую декларацию, содержавшую требование к Японии принять безоговорочную капитуляцию.

Но в Потсдамской декларации ни слова не говорилось об атомной бомбе, хотя при подготовке ультиматума и высказывались предложения заявить о ней в этом берлинском документе[184]. Отказ союзников в Потсдаме пойти на смягчение для Японии условий прекращения

войны и идея припугнуть ее атомной бомбой предрекали отрицательную реакцию японского руководства на содержавшиеся в декларации требования. А это неизбежно ставило вопрос о вступлении СССР в войну в практическую плоскость. В этой ситуации единственным способом ограничить последствия советского вмешательства в ход событий и одновременно продемонстрировать свое военное могущество было применение в расчете на возможный психологический эффект атомного оружия[185].

Американские исследователи справедливо считают, что окончательное решение об атомных бомбардировках Японии Г. Трумэн принял еще за несколько дней до оглашения Потсдамской декларации, по итогам обсуждения детальной информации о результатах испытания атомной бомбы, поступившей в Потсдам 21 июля[186]. Советники Г. Трумэна, как, собственно, и сам президент, считали, что атомная «бомба должна быть использована в качестве мощного сдерживателя на пути советской экспансии в Европе, где красная волна уже успешно поглотила Румынию, Болгарию, Югославию, Чехословакию и Венгрию»[187]. Американские военные специалисты и политики считали, что атомные бомбардировки будут менее эффективны по разрушающей силе, чем намечавшиеся на 1 ноября 1945 г. бомбардировки Японии в период вторжения[188]. Однако, как полагал госсекретарь Дж. Бирнс, атомная бомба нужна была скорее для того, чтобы «сделать Россию более управляемой в Европе», чем для того чтобы нанести поражение Японии[189].

Следует иметь в виду, что американцы не хотели усиления влияния кого бы то ни было, в том числе англичан, и на дела в Азии. Вашингтон был заинтересован в завершении политического устройства в западной части Тихого океана «раньше, чем слишком много... союзников будут втянуты в дела здесь и внесут существенный вклад в поражение Японии»[190]. Именно такие рекомендации были подготовлены президенту ко времени работы Потсдамской конференции. И они, безусловно, сыграли определенную роль в принятии Г. Трумэном решения ускорить применение атомных бомб, первая из которых была сброшена на Хиросиму 6 августа. Однако прошел и этот, и второй, и третий день, а ни малейшего намека на готовность Японии к безоговорочной капитуляции из Токио не поступило.

Более того, применение американцами атомных бомб лишь подтолкнуло японцев к ускорению, правда безуспешно, собственной программы создания аналогичного оружия, завершить которую генеральный штаб требовал не далее чем через шесть месяцев. Однако руководитель атомного проекта заявил: «Не только шести месяцев, но и шести лет не хватит... У нас нет ни урана, ни электричества». Несмотря на это, работа была продолжена[191]. Это явилось одной из причин того, что правительство Японии все еще не соглашалось на оккупацию страны войсками противника.

Атомные бомбы при всем желании руководства США не могли заменить массовые армии, и подготовка к их применению не повлияла на разгром Германии, решающий вклад в победу над которой Советского Союза очевиден. Не поставило их боевое использование на колени и Японию. Располагая довольно сильными сухопутными войсками, она продолжала сопротивление. Вступление 9 августа 1945 г. Советского Союза в войну против Японии в корне изменило ситуацию, лишило ее основного козыря в ставке на переговоры — сухопутных войск. В этот же день на экстренном заседании высшего совета по руководству войной японский премьер-министр К. Судзуки заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны»[192].

Ошибочно, однако, считать, что для того, чтобы заставить Японию капитулировать, достаточно было бы лишь одного объявления ей войны Советским Союзом. Несмотря на то что через сутки после этого японский министр иностранных дел С. Того заявил советскому послу: «Японское правительство готово принять условия Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., к которой присоединилось и Советское правительство»[193], это все же было лишь заявление о «готовности», не подкрепленное реальными действиями, даже наоборот — вновь препровожденное рядом предварительных условий. Только получив молниеносный сокрушительный удар и понеся невосполнимый урон в первые же дни наступления советских войск,

император Хирохито подписал 14 августа рескрипт о капитуляции, о чем на следующий день им было объявлено по японскому радио.

Капитуляция милитаристской Японии, таким образом, есть важнейший военно-политический итог вступления Советского Союза в войну и непосредственный результат решительных военных действий Вооруженных сил СССР в Дальневосточной кампании, которая была спланирована и осуществлена вне какой-либо привязки к перспективам и результатам использования Соединенными Штатами атомного оружия, в условиях, когда на других фронтах активные военные операции союзниками не велись.

Совершенно очевидно, что, сбрасывая атомные бомбы на японские города, вашингтонские руководители фактически целились в Советский Союз. К такому выводу пришли японские ученые, которые отмечают, что применение атомных бомб было не столько последним актом Второй мировой войны, сколько первой операцией по устрашению в начинавшейся холодной войне против СССР[194].

* * *

Таким образом, сразу после общей победы войск антигитлеровской коалиции над силами агрессивного блока развернулась острая борьба за почетный титул страны, внесшей решающий вклад в ее достижение, «борьба за Победу после Победы», выражаясь современным языком — за ее «приватизацию», присвоение ее политических дивидендов. Уж слишком велик оказался в глазах народов мира авторитет Советского Союза, в зоне ответственности которого были решены главные проблемы вооруженного, экономического и политико-идеологического противоборства с фашистской агрессией против мира и человечности.

Вынеся основную тяжесть кровопролитной борьбы на Европейском театре военных действий, сковывая на протяжении всей Второй мировой войны, а затем и разгромив крупнейшее стратегическое объединение японской армии — миллионную Квантунскую группировку войск, Советский Союз внес существенный вклад в достижение победы над общим врагом.

Однако верность СССР своим союзническим обязательствам не помешала руководству США и Великобритании сменить партнерские отношения на конфронтацию. Наиболее чудовищной по отношению к своему союзнику следует признать разработку во время еще продолжавшейся мировой войны плана войны против СССР, который Черчилль с полным пониманием дела назвал «Unthinkable» («Немыслимое»). После подписания Акта о капитуляции Германии по указанию У. Черчилля разработкой этого плана в экстренном порядке занялись специалисты штаба объединенного планирования военного кабинета Великобритании. Несмотря на фундаментальную разработку сценария войны с Советским Союзом, предусматривавшего использование против СССР войск бывшего общего врага — Германии, и согласование его деталей с Вашингтоном (план операции «Unthinkable» был рассекречен в Великобритании в 1999 г., но оказался раскрыт советской разведкой уже в мае — июне 1945 г.)[195], союзники так и не осмелились ввергнуть мир в новую «горячую» войну. Однако так называемый «жесткий курс» Г. Трумэна в отношении СССР, в конечном итоге, привел к развязыванию зарождавшейся еще в годы Второй мировой не менее непримиримой холодной войны, которая в последующие десятилетия во многом определяла характер всей мировой политики. Мир пережил, к сожалению, не ослабление военной опасности, как того можно было ожидать после кошмаров мировой войны, а ее эскалацию, бурный рост количества локальных войн и вооруженных конфликтов, превышающий все предшествующие периоды мировой истории. Появились новые виды и формы силового противоборства, менее очевидные, закамуфлированные и потому создающие дополнительные сложности в борьбе с ними.

Известно, что следы войны «горячей» или «холодной» остаются надолго, а причиненное зло на многие десятилетия переживает саму войну. Отсюда очевидно, что, несмотря на прошедшие десятилетия после окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн, борьба с искаженным отражением исторической действительности, изучение и критическое осмысление итогов и уроков минувшей войны являются актуальными задачами и сегодня.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 10, 11, 12. М., 1979, 1980, 1982.

[2] Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4-5). Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии). М., 1995. С. 245.

[3] *Никифоров Ю. А.* Великая Отечественная война и «новая» историография // «Вставай, страна огромная...» Материалы международной научной конференции. Севастополь, 2011. С. 224.

[4] Цит. по: *Мягков М. Ю.* Проблемы послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях 1941—1945 гг. М., 2006. С. 150.

[5] Цит. по: *Мягков М. Ю.* В поисках будущего: американские оценки участия СССР в послевоенном устройстве Европы 1941—1945 гг. // 65 лет Великой Победы. В 6-ти т. Т. V. М., 2010. С. 115.

[6] Цит. по: там же.

[7] *Робертс Дж.* Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939—1945 гг.: идеология, расчет и импровизация // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 75.

[8] *Лавринович М.* Изобретая «железный занавес»? Будущее послевоенной Европы в документах НКИД // Неприкосновенный запас. 2002. № 4 (24). С. 67; *Наринский М. М.* Советское руководство и проблема границ и сферы влияния СССР в 1941—1946 гг. // 65 лет Великой Победы. Т. III. М., 2010. С. 52.

[9] АВП. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 145. Л. 1—41.

[10] Roberts G. Stalin’s Wars: From World War to Cold War. Yale University Press, 2006. P. 219—220.

[11] Освободительная миссия советских Вооруженных сил в Европе во Второй мировой войне. Документы и материалы. М., 1985. С. 18—19.

[12] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. В 12-ти т. М., 1974. Т. 8. С. 153.

[13] Освободительная миссия советских Вооруженных сил в Европе во Второй мировой войне. С. 28.

[14] Освободительная миссия советских Вооруженных сил на Балканах. М, 1989. С. 47.

[15] Освободительная миссия советских Вооруженных сил в Европе во Второй мировой войне. С. 105.

[16] Белградская операция. М., 1990. С. 93.

[17] *Гиренко Ю. С.* Советско-югославские отношения. М., 1983. С. 85.

[18] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. М., 1946. Т. 2. С. 236.

[19] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 3. М., 1999. С. 223.

[20] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 120. Л. 382.

[21] Освободительная миссия советских Вооруженных сил на Балканах. С. 170.

[22] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 359.

[23] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12-ти т. Т. 10. М., 1980. С. 212.

[24] Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза. В 6-ти т. Т. 4. М., 1962. С. 435.

[25] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 215. Л. 44—47.

[26] Там же.

[27] Советско-венгерские отношения 1945—1948 гг. Документы и материалы. М., 1959. С. 27—29.

[28] Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. С. 239—240.

[29] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1. С. 362.

[30] Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944—1945. Документы и материалы. М., 1993. С. 609—610.

[31] Там же.

[32] СССР — Австрия. Документы и материалы. М., 1980. С. 20—21.

[33] Там же. С. 622—623.

[34] US Library of Congress Country Study: «Finland, The Effects of the War».

[35] Советско-норвежские отношения. 1917—1955. Сборник документов. М., 1997. Документ № 243. С. 318.

[36] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 135.

[37] Освободительная миссия советских Вооруженных сил в Европе во Второй мировой войне. С. 462.

[38] Там же. С. 464.

[39] Известия. 1945. 5 июля.

[40] *Щербаков В. И.* Заполярье — судьба моя. Мурманск, 1994. С. 466.

[41] *Севостьянов Г. Н.* Дипломатическая история войны на Тихом океане. М., 1969; *Сиполс В. Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1979; СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931—1945. М., 2001; *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. М., 2007.

[42] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В 4-х т. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). М., 1978. С. 94.

[43] *Тайсон-Ли Л.* Мадам Чан Кайши // Пер. с англ. М., 2008. С. 293.

[44] *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. С. 495.

[45] Там же. С. 496.

[46] *Тайсон-Ли Л.* Мадам Чан Кайши. С. 322.

[47] Победа СССР в войне с милитаристской Японией и послевоенное развитие Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1977. С. 118.

[48] Цит. по:Ниссо хэйва-но дзёкэн (Условия мира между Японией и Советским Союзом). Токио, 1987. С. 183—184.

[49] Цит. по: Известия. 1945. 10 августа.

[50] In: The New York Herald Tribune. 1945. August 10.

[51] Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке. В 2-х кн. М., 1973. Кн. 2. С. 227.

[52] *Юхаси Сигэто.* Сэндзи ниссо косё сёси. 1941—1945 (Краткая история японо-советских переговоров в годы войны. 1941—1945). Токио, 1974. С. 142—143.

[53] *Рахманин О. Б.* Об истории отношений России — СССР с Китаем в XX веке. М., 2002. С. 13.

[54] Освободительная миссия советских Вооруженных сил во Второй мировой войне. М., 1974. С. 425.

[55] История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974. С. 406—407.

[56] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 11. С. 262—263; *Борисов О. Б.* Советский Союз и Маньчжурская революционная база. 1945—1949. М., 1977. С. 140.

[57] См.: *Зимонин В. П.* Эволюция военной доктрины Страны восходящего солнца. М., 1993. С. 85—86.

[58] Внешняя политика Советского Союза. Т. 1. М., 1947. С. 375.

[59] Там же. С. 376.

[60] Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968. С. 137—142.

[61] *Борисов О. Б.* Из истории советско-китайских отношений в 50-х годах (к дискуссии в КНР о Мао Цзэдуне). М., 1981. С. 181.

[62] *Юрьев М. Ф.* Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа. 20—40-е годы. М., 1983. С. 268.

[63] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. III. С. 111—112.

[64] *Ким Ир Сен.* Торжество идей Великого Октября. М., 1960. С. 9.

[65] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1979. С. 131.

[66] *Курбанов С. О.* История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб., 2009. С. 398.

[67] *Иванов В. И.* В тылах Квантунской армии. Правда о 88-й китайско-корейской бригаде Дальневосточного фронта. М., 2009. С. 117–118.

[68] История Кореи (Новое прочтение) / Под. ред. А. В. Торкунова. М., 2003. С. 337.

[69] Там же. С. 338.

[70] *Кошкин А. А.* Японский фронт маршала Сталина. М., 2004. С. 305.

[71] *Кошкин А. А.* Японский козырь Сталина. М., 2012. С. 306.

[72] *Петухов В. И.* У истоков борьбы за единство и независимость Кореи. М., 1987. С. 11.

[73] *Курбанов С. О.* История Кореи: с древности до начала XXI в. С. 398.

[74] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. III. С. 111–112.

[75] *Leahy W.* I was there: The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman. L., 1950. P. 373.

[76] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. III. С. 111–112.

[77] От холодной войны к трехстороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 1993. С. 139.

[78] *Churchill W.* The Second World War: Triumph and Tragedy. Vol. 6. P. 391.

[79] *Мальков В. Л.* Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 545.

[80] Цит. по: Вторая мировая война. Книга первая. Общие проблемы. М., 1966. С. 33.

[81] Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1958. Т. 1. С. 260.

[82] *Якушевский А. С.* Правде вопреки. Киев, 1981. С. 88.

[83] Критика основных концепций буржуазной историографии Второй мировой войны. М., 1983. С. 116.

[84] Pittsburgh Post-Gazette. 1945. May 8. P. 24.

[85] Florence Daily Times. 1945. May 2. P. 5.

[86] Lewiston Daily Sun. 1945. May 2. P. 1.

[87] New York Times. 1945. 8 May. P. 1; Maryville Daily Forum. 1945. May 8. P. 1; Frenso Bee Republican. 1945. May 9. P. 1; New York Herald Tribune. 1945. May 9. P. 1; Pittsburgh Post-Gazette. 1945. May 9. P. 1.

[88] Evening Independent. 1945. August 8. P. 1; Pittsburgh Press. 1945. August 8. P. 1; Oxnard Press-Courier. 1945. August 8. P. 1; Free Lance-Star. 1945. August 8. P. 1; Windsor Daily Sun. 1945. August 8. P. 1; Toronto Daily Sun. 1945. August 8. P. 1.

[89] *Буранок С. О.* Победа над Японией в оценках американского общества. Самара, 2012. С. 69, 73–76.

[90] The Effects of Atomic Bombs on Hiroshima and Nagasaki. United States Strategic Bombing Survey. Wash., 1946; *Hasegawa T.* The End of the Pacific War. Stanford, 2007. P. 221–224. *Зимонин В. П.* Принуждение Японии к миру // Партитура Второй мировой: Гроза на Востоке. М., 2010. С. 289–290.

[91] The Japanese Navy in World War II. With an Introduction and Commentary by Raymond G. O'Connor. Annapolis, 1969; The Rising Sun: The Decline and Fall of the Japanese Empire, 1936–1945. N. Y., 1970; The Second World War: A Complete History. Rev. ed. N. Y., 1991; The War in the Far East, 1941–1945: A Military History. N. Y., 1969.

[92] In: *Nye J.* The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. N. Y., 2002.

[93] *Рузвельт Ф.* Беседы у камина. М., 2003. С. 215.

[94] *Dupuy R.* World War II. A Compact History. N. Y., 1969. P. VII; The Effects of Atomic Bombs on Hiroshima and Nagasaki. United States Strategic Bombing Survey. Wash., 1946; *Hopkins W.* The Pacific War: The Strategy, Politics, and Players That Won the War. N. Y., 2009. P. 332; *Marston D.* The Pacific War Companion: From Pearl Harbor to Hiroshima. L., 2007. P. 234; *Wiest A. A., Mattson G. L.* The Pacific War: Campaigns of World War II. N. Y., 2001. P. 245.

[95] *Prange G.* The Untold Story of Pearl Harbor // Reader's Digest. 1972. December. P. XV.

[96] Идеологическая борьба по основным проблемам истории Второй мировой войны // Научн. анал. обзор ИНИОН РАН. М., 1986. С. 25.

[97] *Buchanan R.* The United States and World War II. Vol. I. N. Y., 1964. P. XV.

[98] *Howe Q.* Ashes of Victory. World War II and its Aftermath. N. Y., 1972. P. 274.

[99] Подробнее см.: American Military History 1607–1958. Wash., 1989; *Asada S.* From Mahan to Pearl Harbor: the Imperial Japanese Navy and the United States. Annapolis, 2006; *Cole W.* Roosevelt and Isolationists: 1932–1945. Lincoln, 1983; *Costello J.* Days of Infamy: MacArthur, Roosevelt, Churchill, the Shocking Truth Revealed: How Their Secret Deals and Strategic Blunders Caused Disasters at Pearl Harbor and the Philippines. N. Y., 1994; *Dallek R.* Fr. D. Roosevelt and American Foreign Policy 1932–1945. N. Y., 1979; *Fies H.* Churchill, Roosevelt, Stalin. Princeton, 1957; *Jonas M.* Isolationism in America 1935–1941. N. Y., 1966; *Schneider J.* World War II. N. Y., 2003.

[100] *Shenton J. and others.* These United States. Atlanta, 1978. P. 554, etc.; Let's Review: U. S. History and Government / John McGeehan, M. A., J. D. and Morris Gall, Ph. D. 4-th Edition. N. Y., 2009. P. 380.

[101] Summary of War Production in the United States 1940–1945. Wash., 1945. P. 2.

[102] In: *Schneider J.* World War II; *Progue F.* George C. Marshall: Ordeal and Hope 1939–1942. N. Y., 1960; *Worth R.* Battle That Change The World: Midway. N. Y., 2002; *Bicheno H.* Midway. N. Y., 2004; *Kernan A.* The Unknown Battle of Midway: the Destruction of the American Torpedo Squadrons. New Haven, 2005; *Isom D. W.* Midway Inquest: Why the Japanese Lost the Battle of Midway. Bloomington, 2007; *Grove P.* Midway 1942. Dulles, 2007; *Stille M.* Midway 1942. L., 2010; *Horner D.* The Second World War: The Pacific. Oxford, 2002.

[103] Цит. по: *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война. М., 1976. С. 485; *Морисон С. Э.* Американский флот во Второй мировой войне. В 2-х ч. Екатеринбург, 1998. Ч. 2. С. 10.

[104] In: *Baldwin H.* Battles Lost and Won. Great Campaigns of World War II. N. Y., 1966.

[105] In: *Carmichael T.* The Ninety Days: Five Battles That Changed the World. N. Y., 1971.

[106] *Alexander J. H.* Edson's Raiders: The 1-st Marine Raider Battalion in World War II. Annapolis, 2000. P. 70–73; *Zimmerman J.* The Guadalcanal Campaign. Marines in World War II Historical Monograph. Wash., 1949. P. 165–166.

[107] In: *Maule H.* The Great Battles of WWII. Chicago, 1973; *Wykes A.* 1942: The Turning Point. L., 1972, etc.

[108] *Beitzell R.* The Uneasy Alliance: America, Britain and Russia, 1941–1943. N. Y., 1972. P. 65–66; History of the Second World War. The Mediterranean and Middle East. Volume IV: The Destruction of the Axis Forces in Africa. L., 2004. P. 460; *Mead R.* Churchill's Lions: A Biographical Guide to the Key British Generals of World War II. L., 2007. P. 44.

[109] Видный английский историк А. Тейлор, возражая против этого, писал: «Союзники взяли в плен 130 тыс. человек, но впоследствии это число было раздуто до четверти миллиона» (*Taylor L.* The Second World War. P. 188).

[110] American Military History. P. 439.

[111] *Далл П.* Боевой путь Императорского японского флота. Екатеринбург, 1997 // (Электронный ресурс). URL: http://militera.lib.ru/h/dull/index.html.

[112] *Van der Vat D.* The Pacific Campaign: World War II, the U. S. Japanese Naval War, 1941–1945. N. Y., 1991. P. 204.

[113] *Prange G.* Miracle at Midway // Reader's Digest. December 1972. P. 156.

[114] *Морисон С. Э.* Коралловое море, Мидуэй и действия подводных лодок: весна — лето 1942 г. М., СПб., 2003. С. 231.

[115] *Поттер Э.* Адмирал Нимиц. СПб., М., 2003. С. 188.

[116] *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война. М., СПб., 2002. С. 385.

[117] *Буранок С. О.* Сражение за Мидуэй и американское общество. Самара, 2011. С. 89–120.

[118] *Matloff M., Snell E.* Strategic Planning for Coalition Warfare 1941–1942. Wash., 1990. P. 6; Navy Court of Inquiry Proceedings // Pearl Harbor Attack. Pt., 33. Wash., 1946. P. 926–930; *Progue F.* George C. Marshall: Ordeal and Hope 1939–1942. N. Y., 1960. P. 124–127.

[119] Важнейшие решения. М., 1964. С. 68–69, 73.

[120] *Progue F.* George C. Marshall: Ordeal and Hope 1939–1942. P. 124–127; *Levine A. J.* Japanese Naval Operations. Westport, 1995. P. 18–28.

[121] *Мэтлофф М., Снелл Э.* Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942 гг. / Пер. с англ. М., 1955. С. 114–124; *Coakley R., Leighton R.* Global Logistics and Strategy. 1943–1945. P. 272; *Greenfield K.* American Strategy: in World War II: A Re-consideration. Baltimore, 1963. P. 14.

[122] *Мэтлофф М.* От Касабланки до «Оверлорда» / Пер. с англ. М., 1964. С. 42; *Gaddis J.* Russia, the Soviet Union and the United States: An Interpretive History. N. Y., 1978. P. 154–155; *Dallek R.* Franklin Roosevelt and World War II. N. Y., 1978, P. 534; *Feis H.* Churchill, Roosevelt, Stalin. The War Waged and the Peace They Thought. Princeton, 1957. P. 57.

[123] *Батлер Дж., Гуайер Дж.* Большая стратегия. Июль 1941 — август 1942 г. М., 1967. С. 506.

[124] American Military History. P. 439–440, 466.

[125] American Historical Review. 1970. Vol. 75. No. 7. P. 1901.

[126] *Baldwin H.* The Crucial Years 1939–1941. N. Y., 1976. P. 320.

[127] *Barr N.* Pendulum of War: The Three Battles of El Alamein. N. Y., 2005. P. 276, 301–305; History of the Second World War. The Mediterranean and Middle East. Volume IV: The Destruction of the Axis Forces in Africa. L., 2004. P. 29–30.

[128] *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. М., 1980. С. 158.

[129] *Якушевский А. С.* Западная историография Великой Отечественной войны Советского Союза: этапы и основные концепции (1941–1991). М., 1997. С. 35–36.

[130] Идеологическая борьба по основным проблемам истории Второй мировой войны. С. 27.

[131] *Якушевский А. С.* Западная историография Великой Отечественной войны Советского Союза: этапы и основные концепции (1941–1991). С. 38.

[132] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945. В III т. М., 1958. Т. III. С. 227; Official History of the Canadian Army in the Second World War. Vol. 3. The Victory Campaign. The Operations in North-West Europe, 1944–1945. Ottawa, 1966. P. 184–185; *Jackson G.* 8 Corps: Normandy to the Baltic. Smalldale, 2006. P. 113–114; *Zaloga S.* Operation Cobra 1944: Breakout from Normandy. L., 2001. P. 30.

[133] KTB/ OKW. Frankfurt a/M., 1961. Bd. 4. Halbband 2. S. 1509–1511.

[134] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. М., 1978. С. 531.

[135] KTB/OKW. Bd. 4. Halbband 2. S. 1575.

[136] The Russian Front. Germany's War in the East. L., Melbourne, 1978. P. 155.

[137] *Isserman M.* World War II. N. Y., 2009. P. 47.

[138] World War Two / Ed. by W. L. Hosch. N. Y., 2009. P. 108–109.

[139] *Anderson D., Clark L., Walsh S.* The Eastern Front: The Campaigns of World War II. Norwalk, 2001. P. 126–130; 157–161; *Tsouras P.* The Great Patriotic War. Barnsley, 1992. P. 80–89; *Crawford S.* The Eastern Front Day by Day 1941–1945. N. Y., 2006. P. 101–109.

[140] *Duiker W.* Contemporary World History. L., 2009. P. 128; *Axworthy M.* Third Axis Fourth Ally. Arms and Armour. L., 1995. P. 216; *Overy R.* Russia's War: A History of the Soviet Effort: 1941–1945. N. Y., 1998. P. 155; *Gellately R.* Lenin, Stalin, and Hitler: The Age of Social Catastrophe. Knopf, 2007. P. 391; *Bishop C.* The Campaigns of World War II Day-by-Day. L., 2007. P. 240–245. *Overy R.* The Dictators: Hitler's Germany and Stalin's Russia. N. Y., 2007. P. 495–499.

[141] См.: *Weeks A. L.* Russia's Life-Saver: Lend-Lease Aid to the U. S. S. R. in World War II. Lanham, 2004; *Black C.* Franklin Delano Roosevelt, Champion of Freedom. N. Y., 2003; *Buchanan P.* Churchill, Hitler and the Unnecessary War. N. Y., 2008.

[142] *Kemp P.* Convoy: Drama in Arctic Waters. Minneapolis, 2004. P. 233–236; *Overy R.* Russia's War: A History of the Soviet Effort: 1941–1945. P. 155–156; The Campaigns of World War II Day-by-Day. L., 2007. P. 244–245; *Glantz D.* The Soviet German War 1941–1945: Myths and Realities: A Survey Essay. Clemson, 2001. P. 106.

[143] *Glantz D.* The Soviet German War 1941–45: Myths and Realities. P. 106.

[144] Time. 2008. May 23.

[145] Bulletin of History. 1949. No. 143. P. 30.

[146] *Борковский М.* Мидуэй / Пер. с польск. М., 2002.

[147] In: Relations with China. Reference to the Period 1944–1945. Wash., 1949. P. VIII; *Stimson H., Bundy M.* On Active Service in Peace and War. N. Y., 1948. P. 619; *Churchill W.* The Second World War. Vol. 6. Triumph and Tragedy. N. Y., 1974. P. 536–537, 545; Command Decisions / Ed. with Introductory Essay by K. Greenfield. Wash., 1987. P. 501, 504.

[148] *MacArthur D.* Reminiscences. N. Y., 1965. P. 260–261.
[149] *Action E.* Russia the Present and the Past. L., N. Y., 1986. P. 252.
[150] *Dupuy R., Dupuy T.* The Encyclopedia of Military History from 3500 D. C. to the Present (Second Revised Edition). N. Y., 1986. P. 1188.
[151] The Japan Times. 1984. August 15.
[152] In: Japan Echo. 1984. No. 11.
[153] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 11, 12; *Зимонин В. П.* Регион в огне: Узловые проблемы войны на Тихом океане. М., 1993 и др.
[154] *Spector R.* Eagle Against the Sun: The American War with Japan. N. Y., 1985.
[155] Например: *Dull P.* A Battle History of the Imperial Japanese Navy (1941–1945). Annapolis (Maryland), 1979.
[156] *Blum G.* From Morgenthau Diaries. Years of War 1941–1945. Boston, 1967. P. 84–85; *Dull P.* A Battle History. P. 145–146.
[157] *Maule H.* The Great Battles of the World War II. L., N. Y., Sydnei, Toronto, 1975. P. 195; *Dull P.* A Battle History. P. 145, 166.
[158] *Борковский М.* Мидуэй. С. 3–4, 146.
[159] *Dull P.* A Battle History. P. 340.
[160] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистические исследования. М., 1993. С. 182; Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 115.
[161] *Шерман Ф.* Американские авианосцы в войне на Тихом океане / Пер. с англ. М., 1956. С. 122.
[162] The President's War Addresses to People and the Congress of the USA. Wash., 1945. P. 51.
[163] *Martin B.* Deutschland und Japan im Zweiten Weltkrieg: Vom Angriff auf Pearl Harbor bis zur deutschen Kapitulation. Göttingen ets. 1969. S. 61.
[164] *Ледовский А. М.* Китайская политика США и советская дипломатия. 1942–1957. М., 1985. С. 4, 6, 7.
[165] Жэньминь жибао. 1985. 31 августа.
[166] *Чжу Гуйшэн, Ван Чжэньдэ, Чжан Чуньнань.* Диэрцы шицзе дачжань ши (История Второй мировой войны). Пекин, 1982. С. 356.
[167] Там же; *Чжан Цзипин и др.* Диэрцы шицзе дачжань ши (История Второй мировой войны). Ланьчжоу, 1984. С. 62.
[168] *Хуан Юйчжан и др.* Диэрцы шицзе дачжань. 1939–1945 (Вторая мировая война. 1939–1945). Пекин, 1984. С. 523.
[169] Шицзе лиши. 1980. № 4. С. 5–13.
[170] *Чжу Гуйшэн, Ван Чжэньдэ, Чжан Чуньнань.* Диэрцы шидзе дачжань ши. С. 278–279; Шицзе лиши. 1985. № 18. С. 10–12; Beijing Review. 1985. No. 18; Жэньминь жибао. 1985. 31 августа.
[171] Command Decisions. P. 510; *Dull P.* A Battle History. P. 342.
[172] *Churchill W.* The Second World War: Triumph and Tragedy. Vol. 6. P. 552.
[173] Аргументы и факты. 2012. № 36. С. 17.
[174] Там же.
[175] Цит. по: *Чжу Гуйшен, Ван Чжэньдэ, Чжан Чуньнань.* Диэрцы шицзе дачжань ши. С. 702.
[176] *Kirby S.* War Against Japan. Vol. 1–5. L., 1957–1970. Vol. 5. P. 207–208, 434.
[177] *Мальков В. Л.* Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. С. 508.
[178] История войны на Тихом океане / Пер. с япон. В 5-ти т. Т. 4. М., 1958. С. 205–206.
[179] *Борисов О. Б., Бутурлинов В. Ф., Носков А. М., Щебеньков Ю. М.* Победа на Востоке: к 40-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1985. С. 13.
[180] Command Decisions. P. 511.
[181] Ibid. P. 512.
[182] *Мальков В. Л.* Дебютная стадия атомной партии: что мы знаем и что нам предстоит узнать // Ялта. 1945 год: Проблемы войны и мира. М., 1992. С. 42–43.
[183] *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. P. 411.
[184] Command Decisions. P. 508, 513.
[185] *Мальков В. Л.* Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. С. 519.

[186] Command Decisions. P. 514; *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. P. 420.
[187] Command Decisions. P. 509–510.
[188] Ibid. P. 509.
[189] Ibid. P. 510.
[190] *Cline R.* Washington Command Post: The Operations Division, United States Army in World War II. Wash., 1957. P. 345.
[191] In: The Japan Times. 1984. August 15.
[192] Цит. по: *Иноуэ К., Оконоги С., Судзуки С.* История современной Японии / Пер. с япон. М., 1955. С. 263–264.
[193] Правда. 1945. 11 августа.
[194] Цит. по: *Зимонин В. П.* Регион в огне. Узловые проблемы войны на Тихом океане. М., 1993. С. 298.
[195] См. подробнее: *Ржешевский О. А.* // Новая и новейшая история. 1999. № 3; *Лота В. И.* ГРУ. Испытание войной. М., 2010. С. 656–666; Daily Herald. 1954. November 24.

Король Румынии Михай I Гогенцоллерн, разорвавший военный союз с нацистской Германией и объявивший ей войну на стороне Антигитлеровской коалиции. Награжден орденом Победы

Чрезвычайный и полномочный посол России в Румынии А. А. Чурилин, генерал армии М. А. Гареев и генерал-майор В. А. Золотарев во время церемонии вручения экс-королю Румынии Михаю I высшей награды Российской академии естественных наук. г. Бухарест, декабрь 2009 г.

Ветераны боев в Северной Норвегии советский артиллерист Виктор Владимирович Кукушкин (в центре) и участники Сопротивления норвежцы Гуннар Эйкли (слева) и Эгиль Гамре с представителями трех видов вооруженных сил Норвегии у могилы Неизвестного солдата у Кремлевской стены. Октябрь 2012 г.

Встреча ветеранов эскадрильи «Нормандия-Неман». 2012 г.

Российские и китайские ветераны войны с Японией в музее Мемориала павшим в боях на китайской земле воинам. г. Порт-Артур (г. Люйшунь), сентябрь 2010 г.

Председатель Российского комитета ветеранов войны и Вооруженных сил М. А. Моисеев вручает памятные медали российским и китайским ветеранам войны с Японией. г. Пекин, сентябрь 2010 г.

Международная конференция, посвященная 65-й годовщине окончания Второй мировой войны.
г. Южно-Сахалинск, 2 сентября 2010 г.

Академик РАН А. О. Чубарьян открывает Международную научную конференцию, посвященную истории Великой Отечественной войны и ее влиянию на судьбы мира, справа от него — участник Великой Отечественной войны и войны с Японией генерал армии М. А. Гареев, американский и ирландский профессора У. Кимбол и Дж. Робертс. г. Москва, 21 февраля 2013 г.

Заключение

События и процессы победоносного 1945 г. являются уникальными как в истории нашего Отечества, так и во всемирной истории. Он навсегда останется в памяти человечества как год разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии, торжества сил мира и прогресса. Радость, восторг, счастье — эти чувства охватили людей в Москве, Вашингтоне, Лондоне, Париже, тысячах других городов и весей, когда пришло известие о грандиозной победе, одержанной над сильным и жестоким врагом. Главным творцом победы стал Советский Союз — его народ и Красная армия.

1945 г. явился заключительным как для Великой Отечественной, так и для Второй мировой войны. В боях и сражениях 1945 г. Красная армия показала себя окрепшей и духовно, и физически, и материально; любящей свою Родину и ненавидящей врага — фашизм; овладевшей передовой наукой и искусством побеждать, руководимой полководцами советской школы, которые превзошли военных деятелей Германии и Японии.

С освобождением Красной армией советской земли от врага была достигнута одна из коренных целей Великой Отечественной войны: сохранение народами СССР свободы и независимости. Однако окончательная победа над Германией и ее сателлитами предполагала разгром германской военной машины и самого фашистского государства. Потребовалось перенесение военных действий за пределы Советского Союза: целью всенародной Отечественной войны являлась теперь не только ликвидация опасности, нависшей над страной, но и помощь всем народам Европы, оказавшимся под фашистским игом.

Решение этой задачи облегчалось тем, что в завершающий период войны укрепился военный союз главных держав антигитлеровской коалиции. С лета 1944 г. Красная армия вела боевые действия не в одиночку, а в стратегическом взаимодействии с вооруженными силами США, Великобритании и Франции. К этому времени под мощными ударами советских войск и сил союзников фашистский блок в Европе фактически развалился. Страны, входившие в него, одна за другой поворачивали оружие против нацистской Германии.

Однако основная тяжесть борьбы с врагом, как и прежде, лежала на Вооруженных силах Советского Союза. Немецкое командование, ясно понимая, что его главным противником является Красная армия, продолжало держать основную массу войск на восточном фронте, мобилизовав последние людские и материальные ресурсы Германии. На советско-германском фронте противоборствующие стороны имели наибольшие за всю войну силы и средства: 18 млн человек, около 260 тыс. орудий и минометов, до 40 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок (штурмовых орудий), свыше 38 тыс. самолетов. Этим в значительной мере объясняется тот факт, что по своему размаху и напряженности сражения на советско-германском фронте не шли ни в какое сравнение с военными действиями американо-английских войск на западном фронте.

Несмотря на то что к концу 1944 г. Германия, потеряв важные экономические районы, в значительной степени уже утратила свой промышленный потенциал, в военном отношении

она представляла еще серьезную силу. Ожесточенному сопротивлению немецких войск способствовал не только страх перед возмездием за содеянные преступления, но и карательные меры, введенные нацистским руководством.

Военная кампания 1945 г. на советско-германском фронте отличалась от предшествующих рядом особенностей. Наступление советских фронтов развивалось практически одновременно на всех стратегических направлениях и на огромном пространстве от Баренцева до Черного морей, охватывающем территорию десяти иностранных государств. Одновременность развертывания крупных наступательных операций и непрерывность их ведения в ходе всей кампании стали возможными вследствие сокращения протяженности советско-германского фронта и дальнейшего изменения соотношения сил в пользу советских войск. Подобный способ ведения стратегического наступления был исключительно эффективным, так как не позволял противнику осуществлять маневр резервами.

Успешное проведение стратегических наступательных операций стало доказательством победоносной мощи Вооруженных сил Советского Союза, зрелости и мастерства советского Верховного главнокомандования, обеспечившего своевременную разработку планов операций, создание в кратчайшие сроки ударных группировок на новых направлениях и снабжение их материальными средствами. Этому способствовало оснащение народным хозяйством Красной армии непрерывно совершенствовавшейся военной техникой, что намного увеличило ее наступательные возможности в 1945 г.

Повышение эффективности огневого удара артиллерии, танков и авиации дало возможность прорывать вражескую оборону в высоких темпах, а быстрый ввод в сражение больших масс подвижных, танковых и механизированных войск позволял стремительно развивать достигнутый успех, преследовать и громить врага. Характерной чертой военного искусства советских войск во многих операциях 1945 г. было осуществление успешного прорыва главной полосы обороны врага в первый же день операции. В результате противник лишался возможности использовать заблаговременно подготовленные рубежи, а его резервы уничтожались советскими подвижными войсками и авиацией по частям, еще до подхода их к линии фронта. Наиболее эффективным было преследование врага в Висло-Одерской операции, которое началось на второй-третий день наступления и велось неотступно вплоть до выхода на Одер.

Огромная роль в достижении блестящих результатов в операциях на окружение принадлежала бронетанковым и механизированным войскам. Танковые армии, отдельные танковые и механизированные корпуса, как правило, предназначались для развития операций после прорыва обороны противника, преследования и окружения его группировок, борьбы с подходившими оперативными резервами врага. Ввод в сражение и стремительное продвижение танковых армий в глубину обороны противника с целью захвата важных оперативных или стратегических объектов были главной задачей. Во многих операциях удавалось добиться полного окружения войск противника.

В этот период советские войска значительно обогатили теорию и практику организации и ведения боевых действий за крупные города, большинство которых удавалось занять в результате смелого обхода подвижными войсками, внезапного выхода к городу крупных сил и стремительной их атаки с нескольких направлений. Такие действия позволяли в скоротечных боях разгромить гарнизоны врага, не причинив городам больших разрушений. Так были освобождены Мариенбург, Быдгощ, Лодзь, Краков, Радом, Ченстохова, Братислава, Брно и другие. Вместе с тем Будапешт, Вена, Познань, Эльбинг, Шнейдемюль, Кюстрин, Данциг, Кёнигсберг, Бреслау, Берлин и другие города, тщательно подготовленные фашистами к длительной обороне, освобождались советскими войсками в ходе ожесточенных кровопролитных боев.

Важную роль в выполнении войсками задач, как и ранее, играли правильный выбор направления главного удара, а также рациональное распределение сил и средств по стратегическим направлениям. Так, в Восточно-Прусской операции искусный выбор направления главного удара позволил советским войскам в короткий срок отсечь всю группировку противника от центральных районов фашистской Германии, расчленить ее и в дальнейшем

уничтожить по частям. В Висло-Одерской и Берлинской операциях направление главного удара совпадало с намеченным направлением главного удара всей кампании. Он был нанесен советскими войсками на центральном участке фронта по крупной стратегической группировке врага, после разгрома которой открывалась перспектива овладеть столицей Германии — Берлином. В то же время нанесение удара на венском направлении привело к разгрому крупных сил на южном крыле советско-германского фронта, а на пражском — к окружению значительной группировки противника в Чехословакии и последующему ее пленению.

Дальнейшее развитие получил опыт коалиционной стратегии. Взаимодействие между вооруженными силами государств, входивших в антигитлеровскую коалицию, осуществлялось в форме согласования боевых действий по времени, когда, как правило, в этом крайне нуждались союзники (события в Арденнах), или ориентирования в обстановке (перед Берлинской операцией). Оперативное взаимодействие вооруженных сил было более конкретным и выражалось в установлении рубежа встречи союзных войск и разграничительных линий для действий авиации, в согласовании мероприятий по проблемам административного порядка. В целом такая система, несмотря на отсутствие единого органа согласования общих усилий, была достаточно гибкой и сыграла свою положительную роль.

На завершающем этапе войны в составе фронтовых объединений Красной армии сражались против общего врага 1-я и 2-я армии Войска Польского, 1-я и 4-я румынские армии, 1-я болгарская армия, Чехословацкий армейский корпус, а также венгерские части. Плечом к плечу с советскими воинами закончили войну летчики французского полка «Нормандия — Неман». Совместная борьба против фашистской Германии укрепила дружбу народов Советского Союза с народами Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии.

Только с 12 января по 8 мая советские войска прошли с боями на запад свыше 800 км. Они овладели Восточной Пруссией, Восточной и Западной Померанией, половиной Центральной Германии и Берлином.

В ходе военной кампании 1945 г. Красная армия уничтожила 98 вражеских дивизий и 56 пленила, 93 дивизии сложили оружие в связи с Актом о безоговорочной капитуляции. Только убитыми враг потерял на советско-германском фронте более 1 млн человек, а трофеи советских войск составили около 30 тыс. полевых орудий, более 12 тыс. танков и штурмовых орудий и 6 тыс. боевых самолетов.

Крупные стратегические операции Вооруженных сил Советского Союза в 1945 г. оказали решающее влияние на военные действия американо-английских войск в Европе. Несмотря на то что к началу года советско-германский фронт сократился до 2 тыс. км, он по своей протяженности почти в два раза превосходил западный и итальянский фронты вместе взятые.

Вплоть до последнего дня Гитлер и его окружение, а на восточном фланге Второй мировой войны и японское руководство, отчаянно пытались оттянуть окончание войны, возлагая надежды на обострение противоречий в лагере антигитлеровской коалиции, которые могли бы привести к ее развалу. Существовали различные планы достижения этой цели, но суть их сводилась к тому, чтобы, обостряя противоречия между участниками антигитлеровской коалиции, спровоцировать их на столкновение друг с другом. В этих условиях Советский Союз наряду с сохранением единства антигитлеровской коалиции стремился завершить войну в максимально короткие сроки. Быстрый и решительный разгром вооруженных сил Германии делал беспредметными все планы вовлечения их в антисоветский сговор, кем бы они ни строились. Не увенчались успехом и планы японской дипломатии.

Красная армия пришла на немецкую землю не в качестве кровожадного мстителя. В приказе Верховного главнокомандующего Вооруженными силами СССР от 1 мая 1945 г. говорилось, что Объединенные Нации уничтожат фашизм и германский милитаризм, сурово накажут военных преступников, но не тронут мирного населения Германии, если оно будет лояльно выполнять требования союзных военных властей.

Огромную роль в повышении авторитета Советского Союза среди немецкого населения сыграли мероприятия по налаживанию мирной жизни в Германии. Неслучайно жители бер-

линского района Трептов, узнав, что эта территория, возможно, перейдет в американскую зону оккупации, обратились к бургомистру с требованием «возбудить ходатайство перед русским командованием оставить район за русскими»[1].

Разгром фашизма спас человечество от порабощения. Десятки стран, освобожденных от фашизма, восстановили свою независимость. Президент США Г. Трумэн признавал «великолепный вклад, внесенный могучим Советским Союзом в дело цивилизации и свободы». В своем приветствии он писал: «Вы продемонстрировали способность свободолюбивого и в высшей степени храброго народа сокрушить злые силы варварства, как бы мощны они ни были»[2].

Решения по международным проблемам явились кульминацией политического, экономического и военного сотрудничества государств, выступивших против германского фашизма и его пособников в Европе и на Дальнем Востоке. Заслуга Большой тройки состоит в том, что почти по всем важнейшим международным вопросам, непосредственно связанным с окончанием войны в Европе и в Азии, были приняты согласованные решения. Их справедливый характер в немалой степени определялся той значимой ролью, которую играл на Крымской и Потсдамской конференциях Советский Союз. Вопреки надеждам правящих кругов западных держав на ослабление СССР в ходе войны он вышел из нее могущественной державой. Правительства США и Англии не могли не считаться с его позицией и были вынуждены искать на конференции взаимоприемлемые решения.

Окончание войны с Германией не означало еще завершения мировой войны. Оружия не сложила последняя страна из участников Тройственного пакта — Япония, несмотря на то что она оказалась в полной международной изоляции. Советское правительство на Крымской конференции дало обещание западным союзникам вступить в войну против Японии по истечении трех месяцев со дня капитуляции Германии. Развитие событий диктовало необходимость такого шага. Этого требовали как интересы безопасности советского народа, так и обязательства перед союзниками по антигитлеровской коалиции, не имевшими достаточных сил для быстрого разгрома Японии.

Применение американцами атомных бомб против японских городов Хиросима и Нагасаки, в результате которого были убиты и искалечены свыше 400 тыс. мирных жителей, не привело к немедленной капитуляции Японии. США подвергли Японию атомным бомбардировкам в тот момент, когда судьба дальневосточного агрессора была уже предрешена всем ходом Второй мировой войны и развертыванием военных действий Вооруженными силами Советского Союза. Никакой военной необходимости в использовании нового вида оружия против Японии не было. Совершенно очевидно, что, сбрасывая атомные бомбы на японские города, вашингтонские руководители пытались оказать воздействие на СССР.

Вооруженные силы Советского Союза развернули военные действия главным образом на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и Северной Кореи. Разгром японской Квантунской группировки войск был осуществлен в рекордно короткие сроки. Военные действия на этом театре продолжались недолго, но по своему размаху, мастерству их осуществления и достигнутым результатам они относятся к числу наиболее выдающихся в ходе всей Второй мировой войны. Разгром Квантунской группировки войск — образец подлинно молниеносного удара, мастерски осуществленного Вооруженными силами СССР.

Авторитет Советского Союза в мире к концу коалиционной Второй мировой войны неизмеримо возрос. Решающая роль СССР в разгроме фашистской Германии и его выдающийся вклад в поражение империалистической Японии имели всемирно-историческое значение. До последнего дня сражений СССР благодаря своей самоотверженной борьбе с агрессорами оставался ведущей силой антигитлеровской коалиции.

Разгромом Германии закончилась война в Европе. Победа над Японией — главной союзницей Германии — означала конец всей Второй мировой войны, оказавший решающее воздействие на последующий ход всемирной истории.

Освободительные цели СССР в Великой Отечественной войне, провозглашенные в первые ее дни в отношение собственной страны, легли в основу и советской программы организации и воссоздания государственной, экономической и культурной жизни европейских

народов. Она предусматривала: освобождение народов Европы от фашистских захватчиков и оказание им содействия в воссоздании своих национальных государств, предоставление освобожденным народам полного права и свободы самим решать вопрос об их государственном устройстве; суровое наказание фашистских преступников и виновников войны за все совершенные ими злодеяния; установление такого порядка в Европе, который полностью исключал бы возможность новой агрессии со стороны Германии; обеспечение длительного экономического, политического и культурного сотрудничества народов Европы, основанного на взаимном доверии и взаимной помощи.

Нацистский режим угрожал раздроблением СССР, отторжением значительных территорий, уничтожением всего того, что было в духовном и материальном отношении дорого советским людям, а население страны ждали не только порабощение, но и истребление. Речь, таким образом, шла о судьбе Советского Союза, о том, существовать нашему Отечеству впредь или навеки уйти в небытие.

Эти факторы предопределили особую ожесточенность именно советско-германского противоборства, сделав роль СССР в схватке с фашизмом ведущей. Ведь начав истребительную войну против Советского Союза, его народов и культуры, фашистская Германия де-факто объявила истребительную войну и всей человеческой цивилизации. И именно Красной армии было суждено внести главный вклад в ее сбережение. Начало Великой Отечественной войны советского народа стало, таким образом, решающим фактором придания и всей Второй мировой войне справедливого освободительного характера.

В целом с марта 1944 г. по сентябрь 1945 г. за пределами СССР с противником сражались около 7 млн советских солдат и офицеров. Полностью или частично они освободили 13 стран Европы и Азии с населением свыше 147 млн человек — Австрию, Болгарию, Венгрию, Германию, Данию (остров Борнхольм), Китай, Норвегию, Польшу, Румынию, Северную Корею, Словакию, Чехию, Югославию[3].

Красная армия уже самим фактом самоотверженного противоборства с вермахтом, а затем и вступлением с боями на оккупированную гитлеровцами территорию побуждала патриотов этих стран разворачивать собственную борьбу с оккупантами и местными коллаборационистами. Советское государство не только подавало вдохновляющий пример, но и оказывало прямую помощь движению Сопротивления в оккупированных странах.

Диалектика освободительной миссии, которую выполняла Красная армия, состояла в единстве защиты национальных интересов Советского Союза и интересов народов других стран, в глубокой связи национального и интернационального. Существовала и еще одна диалектическая взаимосвязь — между любовью советских воинов к Родине и ненавистью к врагу. Нельзя не учитывать, что перед тем как пересечь госграницу и вступить на оккупированную, а то и вражескую территорию, они были свидетелями многочисленных зверств фашистских оккупантов по отношению к своим соотечественникам, видели следы сплошного разрушения материальной и духовной культуры на родной, временно оккупированной земле. Все это вызывало глубокую священную ненависть к фашизму, к оккупантам. Миллионы советских воинов потеряли родных, загубленных фашистским «новым порядком», похоронили погибших боевых товарищей, утратили отчий дом. Безусловно, какую-то часть воинов эти потери и картины зверств заставили ожесточиться.

Но исторически достоверно: ненависть к фашизму и его конкретным носителям не ослепила Красную армию в целом, не распространилась на мирное население Германии и ее союзников, когда советские войска вступили на территорию этих стран. Более того, командование и личный состав оказывали всестороннюю помощь местному населению в налаживании мирной жизни, обеспечении продовольствием, оказании медицинской помощи, восстановлении инфраструктуры социальной сферы.

Вооруженные силы СССР в ходе освободительной миссии понесли значительные потери: 4 млн человек, из которых почти 1,1 млн — безвозвратно[4]. Так, при изгнании оккупантов из Польши — свыше 600 тыс. человек, Чехословакии — 140 тыс., Венгрии — 140 тыс., Германии — почти 102 тыс., Румынии — около 70 тыс.

На завершающем этапе войны ярко проявилось искусство политического и стратегического руководства страной, вооруженными силами. Политическое и военное руководство войной осуществляли ГКО и ЦК ВКП(б) во главе с И. В. Сталиным. За годы войны была выращена плеяда полководцев, которые искусно руководили войсками Красной армии. В апреле — мае 1945 г. Маршалы Советского Союза А. М. Василевский, Г. К. Жуков, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. К. Рокоссовский, Ф. И. Толбухин были награждены высшим полководческим орденом Победы. В июне этой награды были удостоены А. И. Антонов, Л. А. Говоров, И. В. Сталин и С. К. Тимошенко, а в сентябре — К. А. Мерецков.

Советским орденом Победы был награжден ряд иностранных военных и политических деятелей: генерал армии США Д. Эйзенхауэр, английский фельдмаршал Б. Монтгомери, маршал Польши М. Роля-Жимерский, лидер Югославии маршал И. Б. Тито, а также румынский король Михай I.

Победа, одержанная над фашизмом и милитаризмом, сохранила нашу государственность, приумножила политический, организаторский, духовный потенциал советского общества, раскрыла величие души советского народа, показала его способность к выживанию в невероятно трудных условиях. Она выразила желание народов Советского Союза жить в мире и дружбе с другими народами, продемонстрировала единство патриотизма и интернационализма. Победа открыла широкие перспективы для поступательного движения вперед, что позволило стране уже через десять лет в основном ликвидировать причиненные врагом разрушения, поднять из руин сотни городов и тысячи сел. Был восстановлен и превзойден довоенный промышленный потенциал, ожило сельское хозяйство. Советское государство овладело атомной энергией, создало ядерное оружие и первым шагнуло в космос. Советский Союз стал сверхдержавой. Его значение и роль в мировом сообществе возросли многократно. И все эти годы именно Великая Победа была для советских людей важнейшим духовным и нравственным источником.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 35. Л. 138.

[2] Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1958. Т. II. С. 228.

[3] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 519.

[4] Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 448–449.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
ДОКУМЕНТЫ 1944–1945 гг.

Перечень приведенных документов

ЗАВЕРШАЮЩИЕ ОПЕРАЦИИ В ЕВРОПЕ

№ 14. Директива Ставки ВГК командующему войсками 3-го Украинского фронта о продолжении наступления на Белград.

№ 15. Директива Ставки ВГК командующему войсками 2-го Украинского фронта, представителю Ставки на овладение районом Орадеа-Маре.

№ 16. Директива Ставки ВГК командующему войсками 2-го Украинского фронта об утверждении плана Дебреценской операции.

№ 17. Директива Ставки ВГК командующему войсками 3-го Украинского фронта на остановку наступления после овладения Белградом.

№ 18. Директива Ставки ВГК командующему войсками 2-го Украинского фронта о ликвидации Дебреценской группировки противника и подготовке наступления на Будапешт.

№ 19. Директива Ставки ВГК командующему войсками 3-го Украинского фронта о мерах по прикрытию левого крыла 2-го Украинского фронта.

№ 20. Директива Ставки ВГК командующим войсками 3-го и 2-го Украинских фронтов на переподчинение 75-го стрелкового и 4-го гвардейского механизированного корпусов.

№ 21. Директива Ставки ВГК командующему войсками 2-го Украинского фронта, представителю Ставки о составе и задачах конно-механизированных групп и танковой армии.

№ 22. Директива Ставки ВГК № 220256 командующему войсками 2-го Украинского фронта об организации наступления на Будапешт.

№ 23. Доклад командующего войсками 3-го Украинского фронта Верховному главнокомандующему плана Будапештской операции.

№ 24. Директива Ставки ВГК командующему войсками 3-го Украинского фронта об утверждении плана Будапештской операции и порядке использования болгарских и югославских войск.

№ 25. Директива Ставки ВГК командующему войсками 1-го Украинского фронта на подготовку операции по разгрому кельце-радомской группировки противника.

№ 26. Директива Ставки ВГК командующему войсками 2-го Украинского фронта, представителю Ставки о мерах по обеспечению успеха в наступлении на Будапешт.

№ 27. Директива Ставки ВГК командующему войсками 2-го Белорусского фронта на разгром пшаснышско-млавской группировки противника.

№ 28. Директива Ставки ВГК № 220277 командующему войсками 3-го Белорусского фронта на разгром тильзитско-инстербургской группировки противника.

№ 29. Директива командующего войсками 1-го Украинского фронта командующим армиями на разгром кельце-радомской группировки противника.

№ 30. Доклад командующего войсками 1-го Белорусского фронта Верховному главнокомандующему плана разгрома варшавско-радомской группировки противника.

№ 31. Директива Ставки ВГК № 11002 командующим войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов на отражение контрудара противника из района Комарно.

№ 32. Директива Ставки ВГК командующим войсками 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов об авиационной подготовке наступления.

№ 33. Директива Ставки ВГК командующему войсками 1-го Украинского фронта на развитие наступления в Силезии и овладение Краковом.

№ 34. Директива Ставки ВГК командующему войсками 1-го Белорусского фронта о развитии наступления на Познань.

№ 35. Директива Ставки ВГК № 11009 командующим войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов на овладение Будапештом и развитие наступления к озеру Балатон.

№ 36. Директива Ставки ВГК № 11010 командующим войсками 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, представителю Ставки на переподчинение 43-й армии.

№ 37. Директива Ставки ВГК № 11021 командующему войсками 2-го Белорусского фронта о переносе основных усилий фронта в Восточную Померанию.

№ 38. Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом Красного Знамени 1-го отдельного истребительного авиационного Неманского полка Сражающейся Франции «Нормандия».

№ 39. Директива Ставки ВГК командующему войсками 4-го Украинского фронта и члену Военного совета фронта по результатам Моравска-Остравской наступательной операции.

№ 40. Приказ А. Гитлера «О выжженной земле».

№ 41. Боевое донесение командования 2-го Украинского фронта Верховному главнокомандующему о начале Братиславско-Брновской наступательной операции фронта.

№ 42. Текст «Обращения командующего советскими войсками 3-го Белорусского фронта маршала Василевского» к генералам, офицерам и солдатам Кёнигсбергской группы войск.

№ 43. Боевое донесение командующего войсками 4-го Украинского фронта Верховному главнокомандующему о результатах боевых действий по освобождению Моравска-Остравского промышленного района.

№ 44. Из директивы Ставки ВГК командующему войсками 2-го Украинского фронта на организацию наступления с целью освобождения Праги.

№ 45. Боевое донесение командования 1-го Украинского фронта Верховному главнокомандующему об освобождении Праги и Западной Чехии.

СОВЕТСКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

№ 46. Соглашение руководителей трех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании.

№ 47. Директива Ставки Верховного главнокомандования командующему войсками Приморской группы об организации обороны в случае нападения Японии.

№ 48. Директива Ставки Верховного главнокомандования командующему войсками Дальневосточного фронта на разработку и проведение наступательной операции.

№ 49. Директива Ставки Верховного главнокомандования командующему войсками Забайкальского фронта на разработку и проведение наступательной операции.

№ 50. Приказ Ставки Верховного главнокомандования о назначении Маршала Советского Союза А. М. Василевского Главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке.

№ 51. Донесение Маршала Советского Союза А. М. Василевского Верховному главнокомандующему о прибытии на Дальний Восток.

№ 52. Из ответа советского командования от 26 июля 1945 г. на вопросы, которые были вручены председателем ОКНШ адмиралом У. Леги генералу армии А. И. Антонову на совещании военных представителей в Берлине 24 июля.

№ 53. Телеграмма Маршала Советского Союза А. М. Василевского Верховному главнокомандующему с предложением образовать 1-й и 2-й Дальневосточные фронты и штаб главного командования советскими войсками на Дальнем Востоке.

№ 54. Приказ Ставки Верховного главнокомандования об образовании 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов и штаба Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке.

№ 55. Донесение Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке Верховному главнокомандующему о положении советских войск на Дальнем Востоке и предложения о сроках начала боевых действий.

№ 56. Директива Ставки Верховного главнокомандования Главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке о начале боевых действий.

№ 57. Директива Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке командующему войсками Забайкальского фронта о начале боевых действий.

№ 58. Директива Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке командующему войсками 1-го Дальневосточного фронта о начале боевых действий.

№ 59. Директива Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке командующему Тихоокеанским флотом о начале боевых действий 82/нш от 7 августа 1945 г.

№ 60. Боевое донесение командующего войсками Забайкальского фронта Главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке о переходе государственной границы.

№ 61. Приказ командующего войсками 1-го Дальневосточного фронта «О введении военного положения в Приморском крае».

№ 62. Обращение Военного совета 1-го Дальневосточного фронта к личному составу в связи с объявлением войны Японии.

№ 63. Донесение Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке Верховному главнокомандующему о начале военных действий против японских войск.

№ 64. Боевой приказ командующего войсками 2-го Дальневосточного фронта командующему 15-й армией о наступлении в направлении Цзямусы.

№ 65. Приказание начальника Генерального штаба Красной армии Главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке о задаче войск 1-го Дальневосточного фронта.

№ 66. Боевой приказ командующего войсками 1-го Дальневосточного фронта командующему 25-й армией на приостановку наступления в Корею и задачах армии.

№ 67. Внеочередное донесение штаба 1-го Дальневосточного фронта Главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке об овладении городом Муданьцзян.

№ 68. Боевое донесение командующего войсками 2-го Дальневосточного фронта Главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке об овладении городом Цзямусы.

№ 69. Донесение Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке Верховному главнокомандующему о положении на фронтах по состоянию на 17 августа и дальнейших планах советских войск на Дальнем Востоке.

№ 70. Боевое донесение командующего Краснознаменной Амурской военной флотилией командующему войсками 2-го Дальневосточного фронта о разоружении гарнизона г. Харбин и японской Сунгарийской речной флотилии.

№ 71. Боевое донесение командующего войсками 1-го Дальневосточного фронта Главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке о прекращении боевых действий.

№ 72. Указание начальника штаба Забайкальского фронта начальнику штаба 6-й гвардейской танковой армии об организации высадки авиадесанта в Порт-Артуре и Дальнем.

№ 73. Обращение И. В. Сталина к народу 2 сентября 1945 г.

№ 74. Подписание Акта о капитуляции Японии.

№ 75. Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 3 сентября Праздником Победы над Японией.

№ 76. В Совнаркоме СССР.

№ 77. Приказ Верховного главнокомандующего от 3 сентября 1945 г.

№ 78. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1947 г.

ЗАВЕРШАЮЩИЕ ОПЕРАЦИИ В ЕВРОПЕ

№ 1

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220191 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ НА РАЗВИТИЕ НАСТУПЛЕНИЯ В ГЛУБЬ РУМЫНИИ

29 августа 1944 г.

01 ч. 50 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Силами 27, 53, 6-й танковой армий и 18 тк развивать наступление в общем направлении на Плоешти, Слатина, Турну-Северин. Ближайшая задача — овладеть нефтеносным районом Плоешти, пройти район Бухареста, очистив его от остатков немецких войск, и к 7–8 сентября выйти на рубеж Кымпулунг, Питешти, Александрия, Зимниче, Джурджу. В дальнейшем, продолжая наступление, выйти на р. Дунай на участке от Турну-Северина в своей левой разгранлинии.

2. Правым крылом фронта — 10, 7-й гв. армиями и конно-механизированной группой Горшкова — овладеть перевалами через Восточные Карпаты и к 15 сентября выйти на рубеж Бистрица, Клуж, Сейуд, Сибиу. В дальнейшем, прикрывшись с запада, главными силами правого крыла фронта нанести удар в общем направлении на Сату-Маре с целью содействовать войскам 4-го Украинского фронта в переходе Карпат и выходе в район Ужгород, Мукачево.

3. Установить с 6.00 29.08 следующую разграничительную линию между 2-м и 3-м Украинскими фронтами: до Тудор-Владимиреску — прежняя и далее ст. Фэурей, Хоря, Видра, Джурджу (все пункты для 3-го Украинского фронта включительно).

4. С получением настоящей директивы вывести в резерв Ставки 4-ю гв. и 52-ю армии в составе трех стр. корпусов (девять дивизий) каждая армия.

Указания о порядке вывода войск даются Генштабом.

5. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 134.

№ 2

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220192 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 3-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ О РАЗВИТИИ НАСТУПЛЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ ВЫХОДА НА РУМЫНО-БОЛГАРСКУЮ ГРАНИЦУ

29 августа 1944 г.

01 ч. 50 мин.

Основная задача войск 3-го Украинского фронта — продолжая наступление на всем фронте, занять северную Добруджу и выйти на новую румыно-болгарскую границу.

Для выполнения этой задачи Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Главными силами форсировать р. Дунай на участке Галац, Измаил и, развивая наступление по правому берегу р. Дунай, к 2—3 сентября овладеть рубежом Констанца, Чернавода и к 5—6.09 выйти на новую румыно-болгарскую границу на участке Остров, Кранова, Гювенлия, Хаджилар.

2. Правым крылом фронта развивать наступление по левому берегу р. Дунай с задачей овладеть районом Кэлэраши и 4—5 сентября выйти на румыно-болгарскую границу по р. Дунай до своей правой разгранлинии.

3. Установить с 6.00 29.08 следующую разграничительную линию между 2-м и 3-м Украинскими фронтами: до Тудор-Владимиреску — прежняя и далее ст. Фэурей, Хоря, Видра, Джурджу (все пункты для 3-го Украинского фронта включительно).

4. С получением настоящей директивы вывести в резерв Ставки 5-ю уд. армию в составе трех стр. корпусов (девять стр. дивизий). Указания о порядке вывода даются Генштабом.

5. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

*Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944—1945.
Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 134—135.*

№ 3

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220201 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 2-го и 3-го УКРАИНСКИХ ФРОНТОВ О ПОРЯДКЕ ПРОХОЖДЕНИЯ ВОЙСК ЧЕРЕЗ БУХАРЕСТ

Копия: Представителю Ставки
30 августа 1944 г.

20 ч. 15 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Командующему 2-м Украинским фронтом в 10.00 31.08 ввести войска в Бухарест. Войска в городе не задерживать и после прохождения через город перейти к выполнению задач, поставленных директивой Ставки № 220191, стремясь возможно быстрее занять район Крайовы. При прохождении войск через Бухарест иметь в воздухе над городом возможно большее количество самолетов.

2. Командующему 3-м Украинским фронтом моторизованный отряд 46 А, вошедший в Бухарест, направить на Джурджу с задачей занять переправы через р. Дунай в районе Джурджу к исходу 31.08.1944 г.

3. Обратить внимание на порядок и дисциплину в войсках, проходящих через Бухарест.

4. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

*Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944—1945.
Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 137—138.*

№ 4

ДИРЕКТИВА ГШ КА № 204670 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 4-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА О ПРОВЕДЕНИИ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ СЛОВАКИИ

4 сентября 1944 г.

Верховный Главнокомандующий приказал: 8.9.44 г. организовать наступление правым флангом фронта из района Санок в направлении Команьча силами одного стрелкового корпуса с целью выйти на границу Словакии и соединиться со словацкими войсками и партизанами, ведущими борьбу против немецких захватчиков.

Свои действия согласовывать с действиями 38-й армии 1-го Украинского фронта.

Об отданных распоряжениях донесите.

А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3013. Д. 95. Л. 80. Подлинник.

№ 5

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220207 ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ, КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ОБ УТОЧНЕНИИ ПЛАНА ОПЕРАЦИИ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ТРАНСИЛЬВАНСКИХ АЛЬП И КАРПАТ

5 сентября 1944 г.

18 ч. 20 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает в представленный Вами 4.09 за № 476 план операции внести исправления, руководствуясь следующими указаниями:

1. Основная задача войск 2-го Украинского фронта состоит в том, чтобы ударом с юга через Брашов и Сибиу (в направлении на Клуж) и наступлением 40-й и 7-й гв. армий с востока преодолеть Трансильванские Альпы, южную часть Карпатского хребта и выйти на фронт Сату-Маре, Клуж, Дева, Турну-Северин. Выходом в район Сату-Маре помочь 4-му Украинскому фронту перейти через Карпаты и овладеть районом Ужгород, Чоп, Мукачево. В дальнейшем развивать наступление с целью выйти главными силами на р. Тиса на участке Ньиредьхаза, Сегед, имея прикрытие на фронте Сегед, Турну-Северин.

В Югославию не наступать, так как это приведет к распылению наших сил.

2. Для выполнения этой задачи наступать:

а) 27 А и 6 ТА — из района Брашов, Питешти в направлении на Клуж;

б) 53 А — из района Слатина, Крайова в направлении на Петрошани, Дева.

3. Конницу использовать для наращивания силы удара в направлении на Клуж и последующего прорыва к р. Тиса в район Дебрецена.

4. Для обороны Дуная на участке Турну-Северин, Джурджу оставить один стрелковый корпус 53 А.

В качестве подвижного резерва иметь в районе Крайова, Слатина один танковый или кавалерийский корпус.

5. Обязать румынское командование выделить для обороны Дуная две-три пех. дивизии и для обороны участка Сегед, Турну-Северин не менее трех дивизий. Румынские войска, действующие

в районе Брашова и в Трансильвании, использовать для совместного наступления в направлении Клужа.

6. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 140.

№ 6

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220210 ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ, НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА, КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 3-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА И ЧЕРНОМОРСКИМ ФЛОТОМ О ПРЕКРАЩЕНИИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БОЛГАРИИ

9 сентября 1944 г.

19 ч. 00 мин.

Ввиду того, что болгарское правительство порвало отношения с немцами, объявило войну Германии и просит советское правительство начать переговоры о перемирии, Ставка Верховного Главнокомандования, согласно указаниям Государственного Комитета Обороны, приказывает к 21.00 9 сентября закончить операции по занятию намеченных по плану населенных пунктов и с 22.00 9 сентября с. г. прекратить военные действия в Болгарии, прочно закрепившись в той полосе Болгарии, которая занята нашими войсками.

Исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 141.

№ 7

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220212 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 3-го и 2-го УКРАИНСКИХ ФРОНТОВ, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ О ПЕРЕПОДЧИНЕНИИ 46-й АРМИИ, 7-й АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ и 7-го МЕХАНИЗИРОВАННОГО КОРПУСА

10 сентября 1944 г.

24 ч. 00 мин.

В связи с прекращением военных действий в Болгарии Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 46-ю армию в составе трех ск, по три стр. дивизии каждый, 7-ю арт. дивизию прорыва и 7-й мехкорпус передать из 3-го Украинского фронта в состав войск 2-го Украинского фронта, 46-ю армию передать со всеми армейскими средствами усиления, тыловыми частями и учреждениями. Все указанные войска передать с наличными запасами.

2. Передаваемые войска сосредоточить не позже 20—21.09.1944 г. в район Крайовы, используя для ускорения их переброски болгарскую жд сеть, имеющиеся на нижнем Дунае плавсредства, как румынские, так и болгарские, а также средства Дунайской военной флотилии. Переброску указанных войск возложить на командующего 3-м Украинским фронтом.

Передачу 46 А, 7 ад и 7 мк 2-му Украинскому фронту произвести в районе Орехово, Крайова. О сдаче и приеме указанных войск донести.

3. Командующему 3-м Украинским фронтом 12.09 представить в Генштаб план переброски войск в район Орехово, Крайова, а переброску войск начать немедленно, не ожидая составления плана.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944—1945.
Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 142—143.

№ 8

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220214 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 3-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА О МЕРАХ ПО УСИЛЕНИЮ БОЛГАРСКИХ ВОЙСК

13 сентября 1944 г.

20 ч. 15 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Один стр. корпус из 57-й армии с танковой бригадой полного состава одной иптабр немедленно направить в район Софии для усиления болгарских войск. Для ускорения переброски войск использовать автотранспорт и болгарские железные дороги. Сосредоточение войск в районе Софии закончить не позже 20.09.

2. Не позже 14.09 перебазировать на аэродромы Софии 9 сак и 244 бад.

3. Потребовать от болгарского правительства подчинения Вам, как представителю военного командования советских войск, болгарских вооруженных сил в оперативном отношении.

Для руководства действиями наших войск, включая и авиацию в районе Софии, и для руководства оперативным использованием болгарских войск через Генеральный штаб Болгарии направить в Софию генерал-полковника Бирюзова в качестве своего заместителя.

Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944—1945.
Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 144.

№ 9

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА СЛОВАЦКОЙ АРМИИ КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА О ГОТОВНОСТИ К ПРИЕМУ САМОЛЕТОВ

14 сентября 1944 г.
Маршалу тов. Коневу

Истребительную авиацию могу принять на аэродроме Три Дуба (8 км севернее Зволень), лучше днем. Авиабензин имею до 200 т «тб-у», немецкий, 86-октановый, чехословацкий — 77-октановый. Масло только минеральное.

Генерал Голиан

Резолюция: т. Красовскому. Под личную ответственность организуйте отправку истребительного полка в Словакию.

И. КОНЕВ
К. КРАЙНЮКОВ

15.9.44 г.

ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 105. Подлинник.

№ 10

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220215 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ НА ПРОДОЛЖЕНИЕ НАСТУПЛЕНИЯ И ВЫХОД ГЛАВНЫМИ СИЛАМИ К РЕКЕ ТИСА

15 сентября 1944 г.

01 ч. 50 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войскам фронта по выходе 15–19.09 на рубеж Кирлибаба, Бистрица, Клуж, Лугож продолжить наступление в общем направлении Клуж, Дебрецен, Мишкольц с целью выйти главными силами фронта на р. Тиса на участке Чоп, Сольнок и помочь 4-му Украинскому фронту перейти через Карпаты и овладеть районом Ужгорода.

Ближайшая задача войск фронта — не позднее 30.09 овладеть рубежом:

а) 40-й армии — Сигет, Сату-Маре, (иск.) Карей. Конно-механизированной группе Горшкова наступать в направлении Бистрица, Сату-Маре, Чоп;

б) 7-й гв. армии — Карей, (иск.) Орадеа-Маре. 6 гв. ТА наступать в направлении Клуж, Карей, Ньиредьхаза;

в) 27-й армии — Орадеа-Маре, Салоита, Зеринд;

г) 53-й армии и 19 тк — (иск.) Зеринд, Арад, Бичекерекул (15 км сев.-зап. Тимишоары).

В дальнейшем, не позднее 7–10 октября, войскам фронта выйти на р. Тиса на участке Чоп, Сегед.

2. 46-ю армию, 7-й мехкорпус, 4-й и 6-й гв. кавкорпуса к 3–7 октября вывести на левое крыло фронта в район Тимишоара, Петровград, Бела-Церква. В дальнейшем указанной группой войск наступать на север, в зависимости от обстановки, по восточному берегу р. Тиса или по восточному берегу Дуная.

Для удобства управления объединить 7-й мехкорпус, 4 и 6 гв. кк под общим командованием генерал-лейтенанта Плиева, выделив в его распоряжение группу командиров из штаба фронта, необходимые радиосредства, самолеты У-2, автомашины. Группу Плиева иметь в непосредственном своем подчинении.

3. Для обеспечения действий войск с юга иметь прикрытие по р. Дунай на участке от своей левой разграничительной линии до р. Тиса.

4. Установить следующие разграничительные линии:

— с 4-м Украинским фронтом с 24.00 15.09 до Брязы — прежняя и далее Сигет (для 2-го Украинского фронта включительно);

— с 3-м Украинским фронтом — прежняя.

5. Ответственность за обеспечение стыков возложить: с 4-м Украинским фронтом — на командующего 4-м Украинским фронтом и с 3-м Украинским фронтом — на командующего 2-м Украинским фронтом. На стыке с 3-м Украинским фронтом в районе Калафата иметь одну стр. дивизию.

6. Румынские войска использовать частью для прикрытия по р. Дунай и р. Тиса на участке Сегед, Джурджу и частью для совместных наступательных действий с нашими войсками против венгров и немцев.

7. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 144–145.

№ 11

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 4-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА О ПРОВЕДЕНИИ ЗАПАДНО-КАРПАТСКОЙ ОПЕРАЦИИ И ВЫХОДЕ НА ТЕРРИТОРИЮ ЧЕХОСЛОВАКИИ

17 сентября 1944 г.

02 ч. 10 мин.

На Ваши соображения, представленные шифром за № 11097, Ставка Верховного Главнокомандования указывает:

1. Направление наступления главной группировки фронта Вами значительно отклоняется к востоку, в результате чего теряется взаимодействие с 38 А 1-го Украинского фронта.

Основным направлением наступления иметь Команьча, Гуменне, Михальовце.

2. Взаимодействие с 38 А 1-го Укр. фронта осуществлять постоянно, а не относить его на период после преодоления главного хребта. Возможности для такого взаимодействия имеются, и отказываться от него — неправильно.

3. На границу Польши с Чехословакией выйти не позже 19.9.44 и овладеть рубежом: Ганушовце, Чемерне, Гуменне, Стокчин не позже 30.9.

4. Артиллерия БМ дана Вам не будет, так как в ней нет необходимости. Гаубичные снаряды 122-мм и горючее будут отпущены.

5. Сил и средств у Вас вполне достаточно для успешного выполнения задачи, и Ставка требует от Вас решительных наступательных действий, чтобы не позже 3.10 овладеть районом Михальовце.

6. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 146.

№ 12

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220233 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 3-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ПЛАНА ОПЕРАЦИИ ПО ОВЛАДЕНИЮ БЕЛГРАДОМ

1 октября 1944 г.

18 ч. 30 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования утверждает представленный Вами план операции от 30.09.1944 г. за № 00613 [и № 00614/оп] и указывает:

1. Переселение начать 13—14 октября 1944 г.
2. К операции привлечь не 2-й, а 4-й гв. мехкорпус.
3. Болгарские войска использовать согласно намеченному Вами плану.
4. Командованию НОАЮ Ставкой предлагается организовать взаимодействие с войсками Вашего фронта в духе представленного Вами плана, начав действия с 9—10 октября. Свяжитесь с Тито в Крайове и ознакомьте его подробно с планом операции.
5. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 153.

№ 13

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА № 00622/оп КОМАНДУЮЩИМ 53, 46 и 5-й ВОЗДУШНОЙ АРМИЯМИ НА ПРОВЕДЕНИЕ ДЕБРЕЦЕНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

2 октября 1944 г.

24 ч. 00 мин.

Приказываю:

1. Командарму 53. В составе восьми стр. дивизий, 18-го танкового корпуса, 5-й артдивизии и оперативно подчиненными 1 пд и 1 кд румынской армии с утра 6.10 перейти в общее наступление, нанося главный удар в направлении Орошхаза, Сарваш, Терексент-миклош.

К исходу 7.10 овладеть рубежом Бекешчаба, Орошхаза, Ходмезевашархель, р. Тиса.

К исходу 10.10 выйти на фронт Мезетур, Ечед, р. Тиса.

К исходу 12.10 прочно занять рубеж Кендереш, Сапарфалу, р. Тиса до Сегеда исключительно.

Иметь плацдармы на р. Тиса у Сольнока, Чонграда и Миндсента.

Разгранлиния справа до Ады — прежняя и далее Дьюла, Бекеш, Туркеве, Кушуйсаллаш (все пункты, кроме Кишуйсаллаша, для 53-й армии включительно).

2. Командарму 46. В составе девяти стр. дивизий, 7-й артдивизии, трех полков самоходной артиллерии и оперативно подчиненными 9 кд, 19, 14, 2, 4, 5 и 15 пд румынской армии с утра 6.10 перейти в общее наступление, имея главную группировку армии на правом фланге.

К исходу 7.10 выйти на фронт Велика Кикинда, Нови Бечей, р. Тиса, р. Дунай, Панчево, р. Дунай до Дн. Милановаца.

Не позднее 10.10 овладеть Сегедом и полностью выйти на р. Тиса, р. Дунай, где и закрепиться.

Плацдармы иметь на р. Тиса у Сегеда, Сенты и Ады.

Разгранлиния справа до Парца — прежняя и далее Кэрпиниш, Бешенова-Веке, Сегед (все пункты для 46-й армии включительно).

3. Командующему конно-танковой группой генерал-лейтенанту Плиеву. В составе 4, 6 гв. кк, 7 мк и частей усиления с утра 6.10 из района Пилу, Кевермеш, Шиклэу из-за правого фланга 53-й армии перейти в общее наступление в направлении Бекеш, Сегхалом, Пюшпек-Ладань в полосе: справа — Сокодор, Чекме, Каба; слева — Кунагота, Кондорош, Туркеве, Кишуйсал-лаш.

К исходу 6.10 овладеть районом Кереш-Тарча, Кондорош, Бекеш.

К исходу 8.10 овладеть районом Карцаг, Кишуйсал-лаш, Хайду Собосло.

Сильные ПО иметь в районе Абадсалока и Тисфюреда.

4. Командарму 5-й воздушной:

а) прикрыть истребительной авиацией в первую очередь конно-танковую группу;

б) штурмовой авиацией содействовать конно-танковой группе и 53-й армии.

5. План операции представить шифром, не позднее 12 часов 4.10.

6. Получение подтвердить.

МАЛИНОВСКИЙ
СУСАЙКОВ
ЗАХАРОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945.
Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 305–306.

№ 14

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220237 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 3-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА О ПРОДОЛЖЕНИИ НАСТУПЛЕНИЯ НА БЕЛГРАД

6 октября 1944 г.

23 ч. 00 мин.

В связи с ликвидацией группировки противника северо-западнее Неготина и успешным продвижением наших войск к западу от Неготина, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает во изменение директивы от 1.10.1944 г. за № 220233 наступление 57-й армии продолжать и 4-й гв. мехкорпус ввести в действие для развития успеха наступления не позже 10—11 октября 1944 г.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945.
Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 157.

№ 15

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220239 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ НА ОВЛАДЕНИЕ РАЙОНОМ ОРАДЕА-МАРЕ

8 октября 1944 г.

20 ч. 00 мин.

Основная задача центральной группы войск фронта (группа Плиева и 6-я гв. танковая армия) — возможно быстрее овладеть районом Орадеа-Маре и тем самым обеспечить себе дальнейшее наступление на север.

Для выполнения этой задачи Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Главными силами группы Плиева в составе 6-го гв. кавкорпуса и 7-го мехкорпуса нанести удар на Орадеа-Маре с северо-запада. Одновременно силами 4-го гв. кавкорпуса овладеть Дебреценом и обеспечить маневр главных сил группы Плиева с севера и северо-запада.

2. 6-й гв. танковой армии нанести удар на Орадеа-Маре с запада по северному берегу канала Шебеш-Кереш с одновременной атакой силами 3-го стр. корпуса Орадеа-Маре с юга.

3. Для усиления центра фронта не позже 20.10 вывести в район Бейуша 7-ю гв. армию в составе пяти стр. дивизий.

4. Операцию по овладению районом Орадеа-Маре поддержать большей частью сил авиации фронта.

5. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 157–158.

№ 16

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220240 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ПЛАНА ДЕБРЕЦЕНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

14 октября 1944 г.

Ставка Верховного Главнокомандования утверждает представленный Вами 13.10 с. г. за № 00641 план дальнейшей операции фронта и указывает: группе Плиева в составе 4-го и 6-го гвардейских кавкорпусов и 7-го мехкорпуса наносить удар не на Чоп, а на Михальовце.

Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 158.

№ 17

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220241 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 3-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА НА ОСТАНОВКУ НАСТУПЛЕНИЯ ПОСЛЕ ОВЛАДЕНИЯ БЕЛГРАДОМ

15 октября 1944 г.

23 ч. 30 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает после овладения Белградом войскам фронта закрепиться на рубеже Белград, Баточина, Парачин, Княжевец и дальше в глубь Югославии не продвигаться. 4 гв. мк иметь в районе Белграда.

Об исполнении донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 158.

№ 18

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220243 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА О ЛИКВИДАЦИИ ДЕБРЕЦЕНСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА И ПОДГОТОВКЕ НАСТУПЛЕНИЯ НА БУДАПЕШТ

18 октября 1944 г.

02 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Основные силы центральной группировки фронта (Плиев, Кравченко и Горшков) использовать для быстрейшей ликвидации дебреценской группировки противника и занятия Дебрецена, для чего группой Горшкова нанести удар на Дебрецен с востока, не направляя ее на Карей, Сату-Маре, что привело бы к распылению сил.

2. Силами 46-й армии начать выдвижение к р. Дунай севернее Сомбора, с тем чтобы, прикрываясь р. Дунай, создать ударную группировку на правом крыле армии для последующего наступления на Будапешт.

3. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 160.

№ 19

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220244 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 3-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА О МЕРАХ ПО ПРИКРЫТИЮ ЛЕВОГО КРЫЛА 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА

18 октября 1944 г.

09 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Один стр. корпус в составе трех стр. дивизий вывести на северный берег р. Дунай и не позднее 25–27.10.1944 г. силами этого корпуса занять оборону по р. Дунай на участке Сомбор, Новисад с целью прикрытия левого крыла войск 2-го Украинского фронта.

4-й гв. мехкорпус после овладения Белградом оставить в районе Белграда.

2. Установить с 24.00 25.10 следующую разграничительную линию между 2-м и 3-м Украинскими фронтами: по р. Дунай до Оршовы — прежняя и далее Врашац, Нови Бечей, Сомбор (все пункты для 3-го Украинского фронта включительно).

3. Для усиления войск фронта в Ваше распоряжение направляется 4-я гв. армия Галанина в составе восьми стр. дивизий. Армия перевозится по железной дороге в район Крайовы.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 160.

№ 20

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220247 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 3-го и 2-го УКРАИНСКИХ ФРОНТОВ НА ПЕРЕПОДЧИНЕНИЕ 75-го СТРЕЛКОВОГО и 4-го ГВАРДЕЙСКОГО МЕХАНИЗИРОВАННОГО КОРПУСОВ

21 октября 1944 г.

16 ч. 30 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Командующему 3-м Украинским фронтом к 6.00 23.10.1944 г. сосредоточить 75-й стр. корпус в составе трех стр. дивизий в районе Петровграда и 4-й гв. мехкорпус в полном составе в районе Врашаца и с указанного времени передать оба корпуса в этих районах из 3-го Украинского фронта во 2-й Украинский фронт.

Корпуса передать с одним бк боеприпасов, двумя заправками горючего и 5 сутодачами продовольствия.

2. О передаче корпусов донести.

Командующему 3-м Украинским фронтом донести также группировку остальных войск 57-й армии, имея в виду, что директива Ставки от 18.10. 1944 г. за № 220244 о выводе одного стр. корпуса на северный берег р. Дунай и изменении разгранлинии между фронтами остается в силе.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 161.

№ 21

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220253 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ О СОСТАВЕ И ЗАДАЧАХ КОННО-МЕХАНИЗИРОВАННЫХ ГРУПП И ТАНКОВОЙ АРМИИ

31 октября 1944 г.

00 ч. 40 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования указывает:

1. В составе фронта иметь две конно-механизированные группы:

а) группу Плиева в составе 4 и 6 гв. кк и 7 мк; для управления группой сформировать штаб группы и выделить необходимые средства связи; штат штаба группы представить в Генштаб к 2.11;

б) группу Горшкова в состава 5 гв. кк и 23 тк.

2. 6 гв. ТА Кравченко иметь в составе двух корпусов — 5-го гв. танкового и 9-го гв. механизированного.

3. 2-й и 4-й гв. мехкорпуса использовать как отдельные корпуса для усиления пехоты.

4. 18 тк к 4 ноября вывести в Тимишоару, где передать его в распоряжение командующего 3-м Украинским фронтом. Танки и самоходную артиллерию перевезти по железной дороге. Колесные машины отправить своим ходом. 18 тк передать со всеми имеющимися танками, самоходными орудиями, наличной материальной частью, автотранспортом и запасами: продовольствия — на 6 суток, горючего — две заправки и боеприпасов — один бк.

5. Об исполнении донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 164

№ 22

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220256 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ НАСТУПЛЕНИЯ НА БУДАПЕШТ

4 ноября 1944 г.

20 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования считает, что атака Будапешта на узком фронте силами только двух мехкорпусов с незначительным количеством пехоты может привести к неоправданным потерям и поставить действующие на этом направлении войска под фланговый удар противника с северо-востока.

Исходя из этого, Ставка приказывает:

1. Вывести быстрее правое крыло фронта (7 гв., 53, 27 и 40-я армии) на западный берег р. Тиса с тем, чтобы повести наступление широким фронтом разбить будапештскую группировку противника ударом правого крыла фронта с севера и северо-востока во взаимодействии с ударом левого крыла фронта (46-я армия, 2 и 4 гв. мк) с юга.

2. Для выполнения этой задачи силами группы Плиева не позже 7.11 нанести удар из района Сольнока на север с целью свернуть оборону противника на западном берегу р. Тиса и вывести правое крыло фронта за р. Тиса.

3. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 165–166.

№ 23

ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 3-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА № 00817/оп ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ПЛАНА БУДАПЕШТСКОЙ ОПЕРАЦИИ

12 ноября 1944 г.

10 ч. 00 мин.

I. Ближайшей задачей войск фронта считаю:

1. Силами 57 А овладеть плацдармом на зап. берегу р. Дунай сев. устья р. Драва с выходом на фронт Дуна-Секче, Липтод, Седеркень, Харкань, Кемеш.

2. Вывести 4 гв. А в район юго-зап. Суботицы с переправой одного ск на зап. берег р. Дунай.

Дальнейшая задача:

Силами 4 гв. и 57 А во взаимодействии с 46 А 2-го Украинского фронта ликвидировать придунайскую группировку противника южнее Будапешта и выйти на фронт (иск.) Секешфехервар, сев.-зап. берег оз. Балатон, юго-зап. берег оз. Балатон, устье р. Мур.

Одновременно, прикрываясь с юга по сев. берегу р. Драва, при содействии одного ск НОАЮ не допустить отхода противника из Югославии на север вост. устья р. Мур.

II. Противник.

На участке Бая, р. Драва действуют отдельные части венгров — до 2 пд. В Югославии от р. Драва и южнее — шестнадцать пехотных и одна горнострелковая дивизия немцев. В первый этап операции возможно усиление участка сев. р. Драва до четырех пд, из них до двух немецких. Не исключен фланговый удар с юга до двух — пяти пд.

Во второй этап возможен подход до шести-семи пд немцев.

III. Местность.

Восточный берег р. Дунай от Баи до Батины — болотистый, почти не проходимый для артиллерии. Западнее р. Дунай — пересеченная с большим количеством небольших рек и наличием ряда заболоченных участков. Количество улучшенных дорог резко ограничено. Следует считаться с возможностью ледостава на р. Дунай в период 25.11–1.12.1944 г.

IV. Планирование операции. Первый этап.

1. Продолжаются активные действия 75 ск (пять сп 233 и 74 сд) по расширению плацдармов. С 15.11.1944 г. зап. Апатина переправляется 236 сд.

64 ск последовательно по дивизиям переправляется у Батины с 13.11.1944 г. и заканчивает переправу с артиллерией усиления 75 и 64 ск — 23 габр 9 ад, 152 и 274 гап, 23 минбр без одного полка, 42 и 49 иптабр, 521 и 1312 иптап, 25, 45 и 58 гмп, 1/28 минбр, один дивизион 160 пабр, а также подвозом боеприпасов до 1–1,5 бк к исходу 17.11.1944 г.

57 А (75 и 64 ск) не позднее 20.11.1944 г. овладевает рубежом Мохач, Мадьяр-Бол, Торянц. 6 гв. ск переправляется на зап. берег р. Дунай к исходу 22.11.1944 г. и развивает наступление в общем направлении на Печ.

57 А не позднее 27.11.1944 г. выходит на фронт Дуна-Секче, Липтод, Седеркень, Харкань, Кемеш, а при благоприятных условиях овладевает районом Печи.

2. Основные силы 4 гв. А (6 сд) вывести в район юго-зап. Суботицы 23–26.11.1944 г., переправив из них один ск 27.11 на зап. берег р. Дунай.

3. Наводится понтонная переправа через р. Дунай в районе Батины, а в последующем — Мохача.

Второй этап операции.

1. 4 гв. А (если позволит ледовая обстановка на р. Дунай) выводится на зап. берег р. Дунай к 1.12.1944 г. В зависимости от обстановки переходит в наступление последовательно корпусами с 27.11 или всеми силами с 30.11– 1.12.1944 г.

2. 4 гв. А наносит удар из района севернее и западнее Мохача на север и северо-запад в общем направлении Секешфехервар.

57 А, последовательно создавая фронт обеспечения по сев. берегу р. Драва, с одним ск НОАЮ развивает наступление на запад в направлении Надьканижи.

3. Выход главных сил 4 гв. и 57 А (с 9 ад без бригады БМ, два гап, восемь иптап, пять гмп, одна гмбр М-31) на фронт Секешфехервар, сев.-зап. и юго-зап. берега оз. Балатон, устье р. Мур (глубина операции 120–130 км) ориентировочно к 10–12.12.1944 г.

4. Сосредоточение 18 тк на зап. берег р. Дунай, в зависимости от прибытия танков, ориентировочно 1–5.12.1944 г. Основное направление удара тк на Секешфехервар.

5. 68 ск по мере освобождения Югославии выводится в район Печи в резерв фронта.

V. Авиация (17 ВА). Задачи:

Первый этап.

1. Поддерживает наступление 57 А по овладению плацдармом на зап. берегу р. Дунай.

2. Воспрещает подход дополнительных сил противника со стороны Будапешта и с юга к р. Драва.

3. Прикрывает сосредоточение 4 гв. А в районе юго-зап. Суботицы и переправу войск через Дунай.

4. Воспрепятствует противнику занятие рубежа Будапешт, оз. Балатон, устье р. Мур.

VI. Для обеспечения операции прошу:

1. Обеспечить полное сосредоточение 4 гв. А в район Тимишоары не позднее 23.11 и материальной части для 18 тк не позднее 25.11.1944 г.

2. Нанести вспомогательный удар одним усиленным ск 46 А с форсированием р. Дунай в районе Дунапентеле. Форсирование желательно начать в конце ноября.

3. Систематическими ударами союзной авиации по основным путям передвижения немцев в Югославии в районах Ужице, Сараево, Плевле, Добои, Загреб нанести им максимальные потери и затормозить их движение в северном и северо-западном направлениях.

4. Силами 8–10 пд НОАЮ продолжать наступление в междуречье р. Драва и Сава, обеспечивая левое крыло фронта.

Вывести две-три дивизии на северный берег р. Драва (в югославской границе) для помощи в фланговом обеспечении 57 А.

5. Вывести в дальнейшем одну болгарскую армию (три-четыре пд) сев. р. Драва для флангового обеспечения зап. устья р. Мур.

6. Выделить фронту один мк и один кк для дальнейшего развития операции зап. устья р. Мур с целью недопущения отхода немцев из Югославии.

7. Выделить фронту три — пять полков самоходной артиллерии (76–122-мм) или танков прорыва.

8. Ввиду отдаленности фронтовых баз и плохой работы румынских ж. д. к 5–10.12.1944 г. подать фронту в район Сегеда 1 бк боеприпасов всех видов.

9. Определить фронту:

а) правую разграничительную линию со 2-м Украинским фронтом — Плоешти, Тимишоара, Сегед, Бая (все включительно для 3-го Украинского фронта). С развитием операции зап. р. Дунай и с включением в состав фронта 46 А границу продолжить по р. Дунай;

б) границу тыла — Констанца, Плоешти.
10. Выделить фронту — три одсб и два омсб.
VII. Прошу утверждения.

ТОЛБУХИН
ЖЕЛТОВ
ТАРАСОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 307–309.

№ 24

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220265 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 3-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ПЛАНА БУДАПЕШТСКОЙ ОПЕРАЦИИ И ПОРЯДКЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БОЛГАРСКИХ И ЮГОСЛАВСКИХ ВОЙСК

14 ноября 1944 г.

01 ч. 40 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования утверждает представленные Вами соображения по плану операции и приказывает:

1. Силами 57-й армии продолжать форсирование р. Дунай с задачей к 27 ноября овладеть плацдармом на его западном берегу, выдвинувшись на рубеж Батажек, Печ, Харкань.
2. Болгарскую армию разрешается использовать для наступления совместно с НОАЮ между реками Драва и Сава с тем, чтобы этим наступлением обеспечить левый фланг главной группировки фронта.

Вопросы использования болгарской армии для действий совместно с НОАЮ предварительно согласовать с маршалом Тито и болгарским командованием.

3. Все вопросы, связанные с привлечением союзной авиации, разрешать только через Генеральный штаб КА и непосредственно командованию союзной авиации задач не ставить.
4. Кроме 210 танков, отпущенных для пополнения 18 тк Говоруненко, Вам дополнительно отпускается 100 танков россыпью.
5. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 171.

№ 25

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА НА ПОДГОТОВКУ ОПЕРАЦИИ ПО РАЗГРОМУ КЕЛЬЦЕ-РАДОМСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

25 ноября 1944 г.

24 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Подготовить и провести наступательную операцию с целью, разгромив во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом кельце-радомскую группировку противника, не позднее 10–11 дня наступления овладеть рубежом Пиотркув, Радомско, Ченстохова, Заверце, Мехув, Бохня. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Калит.

2. Главный удар силами пяти общевойсковых армий (45 стр. дивизий), двух танковых армий, четырех танковых и механизированных корпусов нанести с сандомирского плацдарма в общем направлении на Хмельник, Малогощ, Радомско.

Оборону противника прорвать западнее Сташува силами трех армий (13, 52 и 5-й гв.) на одном участке протяжением 30 км по фронту. На участок прорыва привлечь шесть артиллерийских дивизий и создать плотность артиллерии и минометов (от 76 мм и выше) не менее 220 стволов на один километр фронта прорыва.

3. Во втором эшелоне фронта иметь две армии — 3-ю гв. и 21-ю — и использовать их после прорыва следующим образом: 3-ю гв. армию с одним тк ввести из-за правого фланга участка прорыва в направлении Скаржиско Каменна, Шидловец с задачей обойти с запада Островецкую систему обороны противника и помочь войскам 1-го Белорусского фронта выйти в район Радома; 21-ю армию после прорыва ввести за центром главной группировки фронта и использовать ее для наращивания удара на главном направлении.

4. Действия главной группировки войск обеспечить: с севера, со стороны Островца — обороной 6-й армии (пять сд и один ур); с юга, со стороны Кракова — 60-й и 59-й армиями, для чего обе армии (12 стр. дивизий) и один танковый корпус ввести в прорыв севернее р. Висла и нанести этими силами удар по северному берегу р. Висла в общем направлении на Краков и при благоприятных условиях овладеть г. Краков; остающимися четырьмя стр. дивизиями 60-й армии прочно оборонять свой левый фланг.

5. Танковые армии использовать для развития успеха после прорыва на главном направлении.

6. В резерве фронта иметь 1-й гв. кавкорпус и один танковый или мехкорпус.

7. 38-ю армию в составе девяти стрелковых дивизий и чехословацкого корпуса с 24.00 29.11.1944 г. передать 4-му Украинскому фронту. Армию передать со всеми армейскими средствами усиления, тыловыми частями и учреждениями и наличными запасами. На доукомплектование войск армии выделить 10 000 человек из предназначенного для нее пополнения.

8. Установить следующие разгранлинии:

с 1-м Белорусским фронтом с 24.00 1.12.1944 г. до Юзефува — прежняя и далее Илжа, Опочно, Пабянице, Милослав (все пункты для 1-го Белорусского фронта включительно); с 4-м Украинским фронтом с 24.00 29.11.1944 г. Перемышль, Ясло, Бохня, Неполомице, Бабице, Сосновец, Оппельн (все пункты, кроме Ясло, Бохни и Оппельна, для 4-го Украинского фронта включительно).

9. Ответственность за обеспечение стыков с соседними фронтами прежняя.

10. Начало наступления — согласно полученным Вами лично указаниям.

11. Боевые приказы и все распоряжения армиям на операцию представить в Генштаб.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 174–175.

№ 26

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220273 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ О МЕРАХ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ УСПЕХА В НАСТУПЛЕНИИ НА БУДАПЕШТ

26 ноября 1944 г.

03 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования считает, что медленное продвижение войск фронта объясняется тем, что имеющиеся достаточные силы и средства распыляются по разным участкам вместо того, чтобы создать на направлении главного удара решающее превосходство над противником и сосредоточить здесь артиллерийские дивизии прорыва и танковые соединения.

Ставка приказывает:

1. Для обеспечения успеха намеченного Вами наступления на участке 7-й гв. армии Шумилова сосредоточить не менее двух артиллерийских дивизий прорыва.

2. Привлечь к наступлению на участке Шумилова 6-ю гв. танковую армию Кравченко. Для усиления 46-й армии с участка 7-й гв. армии перебросить не два, а только один мехкорпус.

3. Группу Плиева использовать для развития наступления вслед за 6-й гв. танковой армией.

4. Уплотнить боевые порядки пехоты 7-й гв. армии, для чего расширить к юго-западу полосу наступления 53-й армии, дав тем самым возможность 53-й армии обойти с запада лесисто-горный район, находящийся севернее Дьендьеша.

5. Наступление начать не позже 2—3 декабря 1944 г.

6. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 176.

№ 27

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220274 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА НА РАЗГРОМ ПШАСНЫШСКО-МЛАВСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

28 ноября 1944 г.

24 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Подготовить и провести наступательную операцию с целью разбить пшаснышско-млавскую группировку противника и не позднее 10—11-го дня наступления овладеть рубежом Мышинец, Вилленберг, Нейденбург, Дзялдово, м. Бежунь, м. Бельск, Плоцк, (иск.) Петрувек. В дальнейшем наступать в общем направлении Нове-Място, Мариенбург.

2. Главный удар силами четырех общевойсковых армий, одной танковой армии и одного танкового корпуса нанести с рожанского плацдарма в общем направлении на Пшасныш, Млава, Лидзбарк. Оборону противника прорвать силами трех армий на участке 16—18 км по фронту. На участок прорыва привлечь

три артдивизии и создать плотность артиллерии и минометов (от 76-мм и выше) не менее 220 стволов на один километр фронта прорыва.

Во втором эшелоне фронта иметь одну армию и ввести ее после прорыва с ружанского плацдарма в общем направлении на Мышинец с задачей свертывания обороны противника перед правым крылом фронта и обеспечения главной группировки от удара противника с севера.

3. Второй удар силами двух общевойсковых армий и одного танкового корпуса нанести с сероцкого плацдарма в общем направлении Насельск, Плоньск, м. Бельск.

Для содействия 1-му Белорусскому фронту в разгроме варшавской группировки противника частью сил левого крыла фронта (не менее одной армии и одного тк или мк) нанести удар в обход Модлина с запада с целью не допустить отхода варшавской группировки противника за р. Висла и быть в готовности форсировать р. Висла западнее Модлина.

Оборону противника прорвать на участке 9 км по фронту и привлечь для прорыва две артдивизии, создав плотность артиллерии и минометов (от 76-мм и выше) не менее 210 стволов на один километр фронта прорыва.

4. Действия главных сил фронта с севера, помимо наступления одной армии на Мышинец, обеспечить прочной обороной 50-й армии с двумя УР по р. Нарев на участке Августов, Ломжа, Остроленка.

5. В резерве фронта иметь один мехкорпус и один кавкорпус.

6. Большую часть танковых соединений использовать для развития успеха после прорыва на главном направлении.

7. Разграничительные линии: с 3-м Белорусским фронтом — прежняя; с 1-м Белорусским фронтом до устья р. Буг — прежняя и далее р. Висла до Торна.

8. Операцию обеспечить: боеприпасами — 4—6 бк по всем калибрам, авиагорючим — 15 заправок, автогорючим — 8 заправок.

9. Начало наступления — согласно полученным Вами лично указаниям.

10. Боевые приказы и все распоряжения армиям на операцию представить в Генштаб.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 176–177.

№ 28

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220277 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 3-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА НА РАЗГРОМ ТИЛЬЗИТСКО-ИНСТЕРБУРГСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

3 декабря 1944 г.

1. Подготовить и провести наступательную операцию с целью разгромить тильзитско-инстербургскую группировку противника и не позднее 10—12-го дня операции овладеть рубежом Немонин, Жаргиллен, Норкиттен, Даркемен, Голдап.

В дальнейшем, прочно обеспечивая главную группировку фронта с юга, развивать наступление на Кёнигсберг по обоим берегам р. Прегель, имея главные силы на южном берегу р. Прегель.

2. Главный удар силами четырех общевойсковых армий и двух танковых корпусов нанести из района севернее Шталлупенен, Гумбиннен в общем направлении на Маллвишкен, Ауловенен, Велау.

Оборону противника силами трех армий (39, 5, 11-й гв.) прорвать на одном участке протяжением 18—19 км по фронту. На участок прорыва привлечь три артиллерийские дивизии прорыва и создать

плотность артиллерии и минометов (от 76-мм и выше) не менее 200 стволов на один километр фронта прорыва.

3. Во втором эшелоне фронта иметь одну армию (2-ю гв.) с танковым корпусом и использовать ее после прорыва для наращивания удара на главном направлении.

4. Действия главной группировки войск обеспечить: с севера, со стороны р. Неман, — обороной одного стрелкового корпуса 39-й армии и наступлением ее главных сил в направлении Тильзита; с юга — обороной 28-й армии южнее Вальтеркемена и наступлением части ее сил из-за левого фланга участка прорыва в общем направлении на Даркемен.

31-й армии при всех условиях прочно оборонять занимаемый ею фронт к югу от Голдапа.

5. Танковые корпуса использовать для развития успеха после прорыва на главном направлении.

6. Разграничительные линии с соседними фронтами — прежние.

7. Начало наступления — согласно полученным Вами лично указаниям.

8. Боевые приказы и все распоряжения армиям на операцию представить в Генштаб.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 179.

№ 29

ДИРЕКТИВА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА КОМАНДУЮЩИМ АРМИЯМИ НА РАЗГРОМ КЕЛЬЦЕ-РАДОМСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

23 декабря 1944 г.

17 ч. 05 мин.

Войска 1-го Украинского фронта с сандомирского плацдарма прорывают оборону противника на участке Ракув, Метель, наносят главный удар в общем направлении на Хмельник, Малогощ, Радомско с целью разгромить во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом кельце-радомскую группировку противника и овладеть рубежом Пиотркув, Радомско, Ченстохов, Заверце, Мехув, Боня; в дальнейшем развивают наступление в общем направлении на Бреслау. Приказываю:

1. Командарму 13. Прорвать оборону противника на участке Ракув, Шидлув. Главный удар нанести в общем направлении Рудки, Пежхница, севернее Хенцины, Лопушно, Чермно, Розпша.

Во взаимодействии с 4 ТА развивать стремительное наступление, не дать противнику организовать оборону на подготовленных рубежах по рр. Чарна, Нида и Пилица. Главными силами овладеть: к исходу первого дня операции — рубежом Тшемошна, Щецно, Пежхница, (иск.) Суховоля; к исходу второго дня операции — Чарнув, Згурско, Лукова, частью сил ударом с запада оказать содействие 3-й гв. армии в овладении Кельце; к исходу третьего дня операции — Обленгур, Лосенек-Влосьцянский, Малогощ.

Разгранлинии: справа с 3 гв. А — Селец, Гурне, Богория, Ракув, Смыкув, Кельце, Руда Маленецка, Пиотркув (все пункты, кроме Богории, исключительно для 13 А); слева с 52 А — Мехоцин, Копшивница, Сташув, Шидлув, Лубаня, Малогощ, Ключевско, Соцерны (все пункты, кроме Сташува, Соцерн, включительно для 13 А).

2. Командарму 52. Прорвать оборону противника на участке (иск.) Шидлув, (иск.) Дольне. Главный удар нанести правым флангом в общем направлении Хмельник, Корытница, Влощова, Радомско. Во взаимодействии с 3 гв. ТА развивать стремительное наступление, не дать противнику организовать оборону на подготовленных рубежах по рр. Нида и Пилица. Главными силами овладеть: к исходу пер-

вого дня операции — рубежом Хмельник, Млыны; к исходу второго дня операции — Михалинувка, Корытница, (иск.) Собовице; к исходу третьего дня операции — (иск.) Малогощ, Мнишек, Пжонслав.

Разгранлиния слева с 5 гв. А — Баранув, Осек, Низины, Дольне, Бжесце, Конецполь, Боровно (все пункты, кроме Баранува, Дольне, Боровно, включительно для 52-й армии).

3. Командарму 5-й гвардейской. Прорвать оборону противника на участке Дольне, Метель. Главный удар нанести в общем направлении Стопница, Буско-Здруй, Пинчув, Щекоцины, Ченстохов. Ввести в прорыв в первый день операции 31-й и 4-й гв. танковые корпуса с задачей, стремительно развивая наступление, не дать противнику организовать оборону на р. Нида и к исходу первого дня операции овладеть: 31 тк — районом Пинчув, Скжипюв, Закжув; 4 гв. тк — районом Непровице, Злота, Юркув.

Главными силами армии овладеть: к исходу первого дня операции — рубежом Выгода, Буско-Здруй, Хотель, Червоны; к исходу второго дня операции — Собовице, Михалув, Садск; 31 тк овладеть районом Негославице, Бжезинки, Воля Любецка. К исходу третьего дня операции главными силами армии овладеть рубежом Персцен, Водзислав, Ксенж Малы. 4 гв. тк с утра второго дня операции передать в подчинение командарма 59.

Разгранлиния слева Бугай, Пацанув, Хотель Червоны, Жарновец, Каменица-Польска (все пункты включительно для 5 гв. А).

4. Командарму 60. Для обеспечения операции фронта с юга группировкой в составе пяти дивизий, используя прорыв на левом фланге 5-й гв. армии, развивать наступление с ближайшей задачей уничтожить противника на северном берегу р. Висла; в дальнейшем, прикрываясь по р. Висла двумя дивизиями, тремя дивизиями продолжать наступление в направлении Казимежа Белька, Прошовице, Краков.

К исходу первого дня операции выйти на рубеж (иск.) Хотель Червоны, Щербакув, Новы Корчин; к исходу второго дня операции — Свошовице, Збельтовице, Пшемыкув, к исходу третьего дня операции — Виняры, Косьцелец, Серославице. В дальнейшем во взаимодействии с 59-й армией овладеть Краковом. Южнее р. Висла прочно обороняться четырьмя дивизиями.

Разгранлинии: справа до р. Нида с 5-й гв. армией — Бугай, Пацанув, Хотель Червоны (все пункты для 60-й армии исключительно); от р. Нида с 59А — Висьлица, Скальмеж, Сломники (все пункты, кроме Скальмежа, для 59 А включительно); слева с 4-м Украинским фронтом — Перемышль, Ясло, Бохня, Неполомице (все пункты, кроме Перемышля, Неполомиц, включительно для 60 А).

5. Командарму 59. Армии быть в готовности с рубежа р. Нида развивать наступление в общем направлении Дзялошице, Мехув с задачей обеспечить главную группировку фронта с юго-запада. Одним стрелковым корпусом и 4 гв. тк, охватывая Краков с севера и северо-запада, во взаимодействии с 60 А овладеть Краковом.

6. Командарму 3-й гвардейской. Армию с 25 тк ввести из-за правого фланга прорыва 13-й армии.

Нанести удар главными силами (шестью дивизиями и 25 тк) в направлении Ракув, Далешице, Скаржиска Каменна, Шидловец в обход с запада островецкой системы обороны противника. Задача — во взаимодействии с частями 1-го Белорусского фронта окружить и уничтожить кельце-радомскую группировку противника.

Одним стрелковым корпусом во взаимодействии с частями 13-й армии овладеть к исходу второго дня операции Кельце обходом с севера. Частью сил главной группировки армии нанести вспомогательный удар в тыл островецко-опатувской группы противника.

Армии овладеть: к исходу первого дня операции — рубежом (иск.) Лагув, Виделки, Гута Шкляна; к исходу второго дня операции — Слупя, Езерко, Цекоты, Кельце; к исходу третьего дня операции — Кунув, Вежбник, Сухеднюв, Бобжа.

Разгранлиния справа с 6-й армией — Сандомир, Пенхув, Иваниска, Вшахув, Подлазы, Скалы (все пункты, кроме Пенхува, Иваниски, включительно для 3-й гв. армии).

7. Артиллерия. Задача артиллерии — уничтожить и подавить оборону противника на всю тактическую глубину; уничтожить и подавить артиллерийско-минометную систему, живую силу, технику и разрушить оборонительные сооружения противника; подавить штабы и узлы связи.

Продолжительность артподготовки — 1 ч. 50 мин. Расход снарядов и мин на первый день операции — 2,0 бк.

Артиллерийское наступление провести по прилагаемому плану-графику.

На время прорыва артиллерию прорыва распределить: 13-й армии — 1-ю и 13-ю артдивизии; 52-й армии — 4-ю и 31-ю артдивизии; 5-й гв. армии — 3, 17 арт. и 3-ю гв. минометную дивизии.

8. Командарму 4-й танковой. Армию ввести в прорыв на участке 13-й армии. Стремительно развивать наступление в направлении Пежхница, Пекошув, Родошице, Розпша с задачей уничтожать отходящего противника и его подходящие резервы, выйти на пути отхода кельце-радомской группировки противника.

Иметь в виду в районе Лодзи войти в боевое взаимодействие с войсками 1-го Белорусского фронта.

Армии к исходу второго дня операции овладеть рубежом р. Чарна Нида и выйти в район Бобжа, платф. Рыкошин, Непахлув; оказать содействие ударом с северо-запада частям 13-й и 3-й гв. армий в овладении Кельце. К исходу третьего дня операции выйти в район Родошице, Чермно, Мнин; передовыми отрядами овладеть переправами через р. Пилица на участке Сулейув, Пшедбуж. В последующем выйти в район Пиотркув, Розпша, Гожковицы. Боковыми и разведывательными отрядами захватить узлы дорог Волув, Коньске, Жарнув.

В ходе наступления иметь боевое взаимодействие с правофланговыми частями 3-й гв. танковой армии.

9. Командарму 3-й гв. танковой. Армию ввести в прорыв на участке 52-й армии. Стремительно развивать наступление в направлении Дужа, Енджеюв, Влощова, Радомско. Один корпус вести во втором эшелоне армии на уступе слева.

Задача армии — уничтожать отходящего противника, громить подходящие его резервы, не допустить занятия противником подготовленных оборонительных рубежей на рр. Нида и Пилица. Армии к исходу второго дня операции выйти в район Жарчице-Дуже, Окса, Нагловице, Енджеюв. На третий день операции овладеть районом Кружелев, Сецемин, Моджеве; передовыми отрядами захватить переправы на р. Пилица на участке Мосты, Конецполь. В дальнейшем овладеть районом Радомско, Плавно, Цадув. С рубежа р. Пилица сильный боковой отряд направить на Ченстохов. Вести разведку на Водзислав, Щекоцины, Лелюв, устанавливая боевое взаимодействие с 31 тк 5-й гв. армии.

10. Командарму 6. Главная задача армии в первый период операции фронта — жесткая оборона, особенно на участке сандомирского плацдарма. В дальнейшем быть в готовности к преследованию и уничтожению, совместно с 3-й гв. армией, опатувско-островецкой группы противника.

11. Командарму 21. Армию вести, после прорыва, в одном переходе за центром главной группировки фронта. Основная ось движения армии — Баранув, Сташув, Хмельник, Енджеюв, Влощова, Радомско.

В последующем армия будет использована для наращивания удара на главном направлении.

12. Командарму 2-й воздушной. Прикрыть сосредоточение главной группировки войск фронта на сандомирском плацдарме и переправы на р. Висла.

Завоевать господство в воздухе и удерживать его на протяжении всей операции борьбой с авиацией противника в воздухе и блокировкой его аэродромов.

Массированными ударами бомбардировщиков и штурмовиков по артпозициям, штабам, узлам связи и живой силе содействовать войскам фронта в прорыве обороны противника. Ударами по подходящим резервам и отступающим войскам противника воспретить ему занять оборону по рр. Нида и Пилица.

Содействовать массированными ударами войскам правого крыла фронта уничтожению кельценской группировки противника.

Обеспечить с воздуха ввод в прорыв танковых армий и поддержать их действия в глубине штурмовой и истребительной авиацией.

Уничтожить в первый день операции переправы противника на р. Висла на участке Новы Корчин, Краков.

Для поддержки войск в наступлении и взаимодействия с армиями назначить:

13-й армии — одну дивизию 2 гв. шак и одну дивизию 2 иак;

52-й армии — 1 гв. шак и одну дивизию 6 гв. иак;

5 гв. А — 3 шак и 5 иак.

С вводом в прорыв танковых армий поддержать:

4 ТА — одной штурмовой дивизией 2 гв. шак и одной дивизией 2 иак;

3 гв. ТА — одной штурмовой дивизией 1 гв. шак и одной дивизией 6 гв. иак.

С вводом в бой 59-й армии поддержать одной штурмовой дивизией 3 шак и одной дивизией 5 иак.

Быть готовым поддержать 3 гв. А двумя шак и одним иак. Мой резерв — две истребительные дивизии от 6 гв. иак, 2 гв. и 4 бак и 208-я ночная ближнебомбардировочная дивизия.

13. Резерв фронта: 7 гв. мк — в районе лесов восточнее Майдана; 1 гв. кк — в районе Розвадув, Сандомир, Стале, Ниско (все пункты исключительно).

14. Готовность войск к наступлению согласно личным указаниям.

Занятие исходного положения и начало наступления — особым распоряжением.

15. Получение подтвердить. О готовности донести нарочным.

Командующий войсками 1-го Украинского фронта
Маршал Советского Союза КОНЕВ
Член Военного совета 1-го Украинского фронта
генерал-лейтенант КРАЙНЮКОВ
Начальник штаба 1-го Украинского фронта
генерал армии СОКОЛОВСКИЙ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 316–320.

№ 30

ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ПЛАНА РАЗГРОМА ВАРШАВСКО-РАДОМСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

25 декабря 1944 г.

1. Ближайшая задача войск фронта — разгромить варшавскую и радомскую группировки противника и не позже 12-го дня наступления главными силами общевойсковых армий выйти на фронт Петркувек, Жихлин, Лодзь. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Познань.

2. В полосе фронта протяжением по переднему краю 235 км противник имеет в первой линии до девяти пехотных дивизий, одну танковую дивизию, один отдельный охранный полк и одиннадцать отдельных батальонов, усиленных двумя артполками РГК, девятью артдивизионами РГК, пятью бригадами штурмовых орудий РГК, одним танковым батальоном РГК, четырьмя противотанковыми дивизионами РГК, тремя минометными полками РГК и двумя минометными дивизионами РГК. Во второй линии — четыре танковые дивизии, один отдельный пехотный полк и десять отдельных батальонов. В резерве свыше семи дивизий в районах: Блоне — предположительно 383 пд, Ленгонице (4 км зап. Нове-Място), Томашув — пехотная дивизия неустановленной нумерации. Радом — «народно-гренадерская» дивизия неустановленной нумерации и предположительно 174-я резервная дивизия. Лодзь, Пабянице — 73-я «народно-гренадерская» дивизия и 431-я запасная дивизия. Ласк, Здуньско Воля — предположительно 620-я «народно-гренадерская» дивизия. Пиотркув — 604-й охранный полк и танковый батальон неустановленной нумерации. Кроме того, против войск фронта противником могут быть использованы резервы, находящиеся в районах: Плоцка — 432-я запасная дивизия; Вежбника, Любени (вост. Вежбника) — 16-я танковая дивизия.

3. Наиболее плотная группировка и развитая оборона противника — против плацдармов наших войск на зап. берегу р. Висла. Против плацдарма юго-вост. Варки противник имеет в первой линии свыше трех пехотных дивизий, усиленных одним артполком РГК, двумя артдивизионами РГК, двумя бригадами штурмовых орудий РГК, одним противотанковым дивизионом и одним минполком неустановленной нумерации. Против плацдарма юго-западнее Плав — свыше двух пехотных дивизий, усиленных одним артполком РГК, четырьмя артдивизионами РГК, двумя бригадами штурмовых орудий РГК, одним противотанковым дивизионом РГК, одним минометным батальоном РГК.

Во второй линии в районах: Михалува (12 км юго-зап. Варки), Высвьмежице, Черноцина (20 км зап. Едлинска), Стромеца — танковая дивизия неустановленной нумерации; Станиславице (5 км зап.

Козениц), Стар. Накосы (13 км вост. Едлинска), Пионки — предположительно 25-я танковая дивизия; Зволень — 19-я танковая дивизия.

4. Время начала операции — согласно данным Вами лично указаниям.

5. Задачи армий по дням и рубежам.

61-я армия в составе 9 гв. ск (12, 75 гв. и 415 сд), 80 ск (82, 212, 356 сд), 89 ск (23, 311, 397 сд), 119 ур с 4 кабр, 25 иптап, 59 и 41 гмп, 88 ттп, 85 тп, 5 омпмб, 13 омпмб, 2 и 3 миб (1 гв. мибр), 81-й и 82-й инж. батальоны (17 шисбр), 29 обхз. Кроме того, на период прорыва главной полосы обороны противника для усиления 61 А привлекается артиллерия 3 уд. А (девять стрелковых дивизий, одна пабр, один иптаи и один амп), артиллерия 1 ПА (одна пабр и одна габр), артиллерия 2 гв. кк (один иптап, один мп и один гмп). Фронт прорыва — 4 км. Плотность артиллерии — 226 стволов на 1 км фронта прорыва.

Задача армии — прорвать оборону противника на участке Остроленка, Пилице, частью сил наступать на левом фланге во взаимодействии с 5-й уд. армией и, развивая удар в общем направлении на Гонски, Дрвалев, Тарчин, овладеть рубежами: а) в первый день операции — Подгужице, Гонски, Ляски, Гжегожевице;

б) на четвертый день операции — Вулька, Дворска (5 км сев. Гуры Кальварии), Добеш, Лось, Тарчин, Быстжанув, Каролев, Юзефув (14 км юго-зап. Тарчина). В дальнейшем частью сил нанести удар в направлении Тарчин, Гродзиск, Блоне с целью во взаимодействии с 1 ПА и 47 А уничтожить варшавскую группировку противника, главными силами армии наступать в общем направлении Гродзиск, Сохачев, Кутно и на двенадцатый день операции выйти на фронт (иск.) Люшин (30 км сев.-вост. Кутно) Жихлин, Бедльно, Валишев, Орлув (18 км юго-вост. Кутно). Разграничительные линии:

а) справа — Лятович, Гура Кальвария, Голкув (5 км юго-зап. Пясечно), Блоне, Сохачев, Кернозя, Люшин (все пункты, кроме Блоне и Сохачева, для 61 А исключительно);

б) слева — Гарволин, Скурча, Грабув Залесьны, фл. Марынки, Госьневице, Мщонув, Лович, Собота, Орлув (18 км юго-вост. Кутно). Все пункты, кроме Гарволина и Ловича, для 61 А включительно.

5-я ударная армия в составе 9 ск (230, 248, 301 сд), 26 гв. ск (89, 94 гв., 226 сд), 32 ск (60 гв., 295, 416 сд) с 6-й и 22-й арт. дивизиями, 3 и 40 иптабр, 34-м дивизионом ОМ, 22 и 23 гмбр (5 гад), 316 и 94 гмп, 2-й гв. зен. дивизией, 220 отбр, 89 гв. ттп, 396 гв. сап, 91 тп трал., 63 и 138 мпмб (7 мпмбр), 4 и 7 миб (7 гв. мибр), 83, 84, 85-й батальоны (17 шисбр), 25 обхз, 10 оохб.

Кроме того, на период прорыва главной полосы обороны противника привлекается артиллерия 2 гв. ТА (одна лабр, два лап, один амп и один гмп).

Фронт прорыва — 6 км. Плотность артиллерии — 250 стволов на 1 км фронта прорыва.

Задача армии — прорвать фронт обороны противника на участке Выборув, (иск.) Стшижина и, развивая удар в общем направлении на Боже, Бранкув, Гощин, Блендув, овладеть рубежами:

а) в первый день операции — Оподжев, Бискунице Старе, фл. Паулин, Бранкув, Покшивна, Стромец;

б) на четвертый день операции — Брониславув, Выгнанка, Данькув, Бяла Равска.

В дальнейшем, развивая удар в общем направлении на Скерневице, Пнонтек, на двенадцатый день операции главными силами армии выйти на фронт (иск.) Орлув (18 км юго-вост. Кутно), Влостовице, Пионтек, Боровец.

Разграничительная линия слева — Леокадия, Магнушев, Тшебень, Цецылювка, Ксаверув-Стары, Стромец, Бялобжеги, Пшибышев, Курзешин, Глувно, Ленчица (все пункты, кроме Цецылювки, для 5-й уд. армии включительно).

8-я гв. армия в составе 29 гв. ск (27, 74 и 82 гв. сд), 28 гв. ск (39, 79, 88 гв. сд), 4 гв. ск (35, 47, 51 гв. сд) с 6-м арт. корпусом, 41, 38 иптабр, 295 пап, 32-м дивизионом ОМ, 1 тяж. пап ОМ, 16 гмбр (5 гмд), 92 и 311 гмп, 3 гв. зенад, 34 ттп, 259 тп, 65 тп, 394 и 351 тсап, 371, 694 и 1504 сап, 61 и 136 мпмб (7 мпмбр), 6, 7, 8 шисбр, 41 бро, 166 тп трал., 516 огн. тп (2 шисбр), 71, 72 всо (27 уос), 19 оохб, 10 обхз.

Кроме того, в период прорыва главной полосы обороны противника привлекается артиллерия 1 гв. ТА (одна лабр, один лап, два амп и один гмп).

Фронт прорыва — 7 км. Плотность артиллерии — 250 стволов на 1 км фронта прорыва.

Задача армии — прорвать оборону противника на участке Матыльдзин, Шмаельник и, развивая удар в направлении Липа, Вежховины, в первый день операции овладеть рубежом (иск.) Стромец, Калинув, Францишкув, Бартосы, Горынь.

В дальнейшем, одним усиленным корпусом нанести удар на Едлинск, Радом с целью во взаимодействии с войсками 69-й армии разгромить радомскую группировку противника.

Главными силами армии наступать в общем направлении на Нове-Място, Рава Мазовецка, Ежув, Стрыкув, Озоркув и овладеть рубежами:

а) на четвертый день операции — Слупце, Туробовице, Пшилуски, Янковице, Рожанна, Высокий, Оджувол;

б) на двенадцатый день операции — (иск.) Боровец, Астаховице, Дзерзонжна, Згеж.

Разграничительная линия слева — Яблоновец, Опатковице, Станиславув, Левашувка, р. Радомка до Пшитыка, Оджувола, Жечицы, Жаковице, Згежа (все пункты, кроме Левашувки, для 8 гв. А включительно).

2-й гв. танковой армии в составе 9 гв. тк, 12 гв. тк, 1 мк с 3 иптабр, 316 гмп и 24-й зен. дивизией, 4-м отд. мотопонтонным мостовым полком, 25 обхз с выходом пехоты и танков 5-й уд. армии на рубеж Гневице, Заборув, Гощин, Пшибышев, в третий день операции войти в прорыв на участке Гневице, Заборув, Гощин и, развивая удар в общем направлении на Мшрнув, Сохачев, Гомбин, — в тыл варшавской группировки противника, отрезать ей пути отхода на юго-запад и запад из района Варшавы и на пятый день операции выйти в район Гуры (5 км юго-зап. Плоцка), Гостынин, Стшельце (10 км сев. Кутно), Санники.

В дальнейшем развивать удар на Коваль, Бжесьць-Куявски, Радзеюв, Иновроцлав. Артиллерийское и инженерное обеспечение ввода в прорыв 2 гв. ТА возлагаю на командующего 5-й уд. армией.

Авиационное обеспечение — на командующего 16-й воздушной армией.

1-й гв. танковой армии в составе 11 гв. тк, 8 гв. мк, 64 тбр с 41 иптабр, 92 гмп, 1-м отд. мотопонтонным мостовым полком, 10 обхз с выходом пехоты и танков 8-й гв. армии на рубеж Бобрек, Романув, Лисув во второй день операции войти в прорыв на участке Урбанув, Лисув и, развивая удар в общем направлении Жджар, Млодыне-Дольна, Нове-Място, Рава Мазовецка, Скерневице, Лович, Кутно, овладеть районами:

а) на второй день ввода в прорыв — Железна-Нова (6 км сев. Нове-Място), Немглувы (17 км северо-запад. Нове-Място), Бартошувка, Нове-Място;

б) на третий день ввода в прорыв — Компина, Лович, Лышковице, Белхув, Болимув;

в) на четвертый день ввода в прорыв — Кутно, Ленчица, Пионтек.

В дальнейшем развивать удар на Клодава, Коло, Конин, Познань.

Артиллерийское и инженерное обеспечение ввода в прорыв 1 гв. ТА возлагают на командующего 8-й гв. армией. Авиационное обеспечение — на командующего 16-й воздушной армией.

2-му гв. кавкорпусу в составе 3, 4 и 17 гв. кд, 160, 184, 189 тп, 1459 сап, 2 гв. иптадн, 149 гв. иптап, 60-й отд. миндивизион, 10 гмп, 173 озад, с выходом пехоты и танков 5-й уд. армии на рубеж Левичин (7 км южнее Груйеца), Ольшев, Селец (12 км северо-зап. Бялобжег) в третий день операции вслед за 2 гв. ТА войти в прорыв на участке Юлянув, Олылев, Селец и, развивая успех в общем направлении на Бяла Равска, Скерневице, Лович, главными силами корпуса выйти в районы:

а) в первый день ввода в прорыв — Бяла Равска;

б) на второй день ввода в прорыв — Лович.

В дальнейшем во взаимодействии с 2 гв. ТА развивать успех в общем направлении на Коваль, Бжесьць-Куявски, Радзеюв, Иновроцлав.

Авиационное обеспечение ввода 2 гв. кк в прорыв и его действий в глубине возлагаю на командующего 16-й воздушной армией.

69-я армия в составе 25 ск (4, 41 сд, 77 гв. сд), 61 ск (134, 247, 274 сд), 91 ск (117, 312, 370 сд) с 12-й арт. дивизией, 4 и 8 иптабр, 293 амп, 2 гмбр, 37 и 303 гмп, 18-й зен. дивизией, 11 тк, 68 отбр, 33 ттп, 12 сабр, 85 омпмб, 21, 25 и 220 всо (7 фуос), 40 обхз. Кроме того, на период прорыва армия усиливается артиллерией 7 гв. кк (один иптап, один миндивизион, один иптадн, один гмп). Фронт прорыва — 7 км. Плотность артиллерии — 220 стволов на 1 км фронта прорыва.

Задача армии — прорвать оборону противника на участке Курошув, Лавецко-Нове и, развивая удар на Зволень, Радом, Глогув, овладеть рубежами:

а) в первый день операции — Гневошув, Сарнув, Чарноляс, Лучинув, Зеленка-Нова;

б) на четвертый день операции — Рдзув (18 км юго-вост. Нове-Място), Ямки, Дебмины, Коханув, Яблоница.

В дальнейшем наступать в общем направлении на Джевица, Томашув, Лодзь и на двенадцатый день операции овладеть городом Лодзь и рубежом (иск.) Згеж, Константынув, Пабянице.

Разграничительная линия слева — Вонвольница, Казимеж, Облясы-Двор, Зволень, Макув, Августов, Пшисуха, Беловица, Целестынув, Пабянице (все пункты, кроме Вонвольницы, для 69 А включительно).

33-я армия в составе 16 ск (89, 339, 383 сд), 38 ск (64, 95, 323 сд), 62 ск (49, 222, 362 сд), 115 ур с 5-й арт. дивизией, 35 мбр, 1091 пап, 20 иптабр, 25 гмбр, 305 и 56 гмп, 64-й зен. дивизией, 9 тк, 244 тп, 257 тп, 360 и 361 сап, 33 обхз.

Фронт прорыва — 6 км. Плотность артиллерии — 212 стволов на 1 км фронта прорыва.

Задача армии — прорвать оборону противника на участке Рудки, р. Люцимя и, развивая удар в общем направлении Сыцына, Скарышев, Добрут, овладеть рубежами:

а) в первый день операции — Зеленка-Стара, вост. окр. Ясенец Солецки, Свеселице, Бялобжеги;

б) на четвертый день операции — Корыциска, Кожице, Высоцко, Ястшомб, Мирувек, Осины.

В дальнейшем главными силами наступать в направлении Шидловца с целью во взаимодействии с войсками 1-го Украинского фронта разгромить шидловецкую группировку противника. Частью сил армии продолжать наступление на Политув, Опочно.

После прорыва обороны противника и с выходом подвижных войск на фронт Радом, Илжа 9 тк вывести из оперативного подчинения командующего 33 А и использовать его вместе с 7-м гв. кавкорпусом для развития успеха в направлении на Томашув, Лодзь.

Разграничительная линия слева — Красностав, Юзефув, Илжа, Опочно (все пункты, кроме Красностава и Юзефува, для 33 А включительно).

7-й гв. кавкорпус в составе 14, 15 и 16 гв. кд, 32, 57 и 114 тп, 1816 сап, 145 иптап, 57-й гв. мин. дивизион, 7 гв. иптадн, 7 гмп, 1733 зап с выходом пехоты и танков 33-й армии на рубеж Равица (14 км юго-зап. Зволеня), Закшувек, Коваликув, в третий день операции вслед за 9 тк войти в прорыв на участке Равица (южная), Коваликув и, развивая успех в направлении Скарышев, Пажнице, Корыциска, Скшинно, Гельнюв, Томашув, Лодзь, во взаимодействии с 9 тк овладеть районами:

а) в первый день ввода в прорыв — Мнишек (16 км сев. Шидловца), Корыциска, Янковице (5 км сев. Шидловца), Гузув (13 км юго-зап. Радома), Волянув;

б) на второй день ввода в прорыв — Иновлудзь, Опочно, Радзице;

в) на третий день ввода в прорыв овладеть Томашувом и выйти в район Уязд, Лазнюв, Бискупя-Воля, Вольбуж;

г) на четвертый день ввода в прорыв захватить Лодзь.

Артиллерийское и инженерное обеспечение ввода в прорыв 7 гв. кк возлагаю на командующего 33-й армией.

Авиационное обеспечение при вводе в прорыв и при действиях корпуса в глубине — на командующего 16-й воздушной армией.

47-я армия в составе 77 ск (234, 328, 185 сд), 125 ск (76, 60, 175 сд), 129 ск (132, 143, 260 сд) с 5 Польской пабр, 2 Польской габр, 75 гмп, 31-й зен. дивизией, 70 гв. тп, 334 сап, 274 омб, 20 оохб, 77 обхз.

Фронт прорыва — 4 км. Плотность артиллерии — 151 ствол на 1 км фронта прорыва. Задача армии — в первый день операции сильными отрядами вести разведку боем на всем фронте армии с целью сковать противника.

На второй день операции прорвать оборону противника на участке Калушин, (иск.) Хотомов и, развивая удар на Новы Двур, уничтожить тд «Викинг» в междуречье и на третий день операции выйти на р. Западный Буг и р. Висла на участке Тополина, Новы Двур, Яблонна.

В дальнейшем форсировать р. Висла на участке Новы Двур, Яблонна и, развивая удар в общем направлении на Ломна, Янувек, Лешно, во взаимодействии с войсками 1 ПА и 61 А уничтожить варшавскую группировку противника, после чего наступать в направлении Кампинос, Млодзешин, Санники. На двенадцатый день операции выйти на фронт Петркувек, Санники, Люшин (10 км юго-зап. Санников).

Начать наступление в первый день операции 47 А не может в силу того, что ее исходное для наступления положение простреливается фланкирующим огнем всех видов из района Дембе. Поэтому во избежание излишних потерь армия перейдет в наступление на второй день операции, когда левофланговые части 2-го Белорусского фронта овладеют районом Дембе.

1-й Польской армии в составе 1, 2, 3, 4 и 6 пд, 1-й кавбригады, 1 тбр с выходом 61-й армии на фронт Гура Кальвария, Тарчин, используя ее успех, главными силами армии, не менее трех пехотных дивизий со всеми средствами усиления, переправиться на западный берег р. Висла на участке Гура Кальвария,

Черск и наступать в направлении Гура Кальвария, Пясечно, Прушкув с задачей свернуть боевые порядки противника на зап. берегу р. Висла, во взаимодействии с войсками 47 и 61 А уничтожить варшавскую группировку противника и овладеть городом и районом Варшава.

Занимаемые позиции на участке Яблонна, Прага, Карчев оборонять силами не более двух пехотных дивизий. По мере продвижения главных сил армии обороняющимися частями последовательно слева направо переправляться на зап. берег р. Висла и наступать на Варшаву.

16-я воздушная армия в составе 6 шак — 240 самолетов Ил-2; 9 шак — 240 самолетов Ил-2; 2 гв. шад — 120 самолетов Ил-2; 11 гв. шад — 120 самолетов Ил-2; 3 иак — 240 самолетов Як-1, Як-3, Як-9; 13 иак — 240 самолетов Як-1, Як-3, Як-9; 6 иак — 240 самолетов Як-3, аэрокобра; 1 гв. иад — 120 самолетов аэрокобра; 286 иад — 120 самолетов Ла-5, Ла-7; 282 иад — 120 самолетов Як-1, Як-9; 176 гв. отд. иап — 40 самолетов Ла-7; 3 бак — 192 самолета Пе-2; 183 бад — 96 самолетов Пе-2; 221 бад — 96 самолетов Бостон; 9 гв. нбад — 120 самолетов По-2; 242 нбад — 120 самолетов По-2. Всего самолетов — 2464. Из них: штурмовиков — 720, истребителей — 1120, бомбардировщиков — 324, ночных бомбардировщиков — 240.

Использование авиации. С началом атаки пехоты вся авиация работает централизованно, моим распоряжением. Через три часа после начала атаки вся штурмовая и часть истребительной авиации переподчиняются:

командующему 61 А — 2 гв. шад и прикрывающие ее истребители 282 иад;

командующему 5 уд. А — 6 шак и прикрывающие его истребители 6 иак;

командующему 8 гв. А — 11 гв. шад и прикрывающие ее истребители 286 иад; командующему 69 А — 3 гв. шад и прикрывающие ее истребители 193 иад (13 иак);

командующему 33 А — 300 шад и прикрывающие истребители 193 иад (13 иак).

Вся остальная авиация продолжает действовать моим распоряжением. С вводом в прорыв подвижных войск вся штурмовая авиация и часть истребителей вновь переподчиняются:

командующему 2 гв. ТА — 6 шак и прикрывающие его истребители 6 иак;

командующему 1 гв. ТА — 2 гв. и 11 гв. шад и прикрывающие их истребители 282 и 286 иад;

командиру 7 гв. кк — 300 шад и прикрывающие ее истребители 193 иад (13 иак).

Вся остальная авиация продолжает работать моим распоряжением.

Задачи авиации:

а) в первый день наступления вся штурмовая и бомбардировочная авиация действиями на поле боя помогает войскам 5 уд., 8 гв., 69 и 33-й армий прорвать оборону противника. При этом главные силы авиации работают в полосах 5-й уд. и 8-й гв. армий;

б) в период прорыва вся авиация будет находиться в постоянной готовности к нанесению массированных ударов по ближайшим резервам противника, чтобы не допустить их подхода к участкам прорыва;

в) с момента ввода в прорыв подвижных войск главные усилия авиации сосредоточиваются на обеспечении действий подвижных войск, нанося удары главным образом по оперативным резервам и по варшавской группировке противника.

Резерв фронта — 3-я ударная армия в составе 7 ск (146, 265, 364 сд), 12 гв. ск (23, 33, 52 гв. сд), 79 ск (150, 171, 207 сд) к началу операции сосредоточится в районе (иск.) Пилява, Стара Гута (5 км юго-зап. Пилявы), Эвелин, Гурки, Кацпрувек (3 км сев.-вост. Ласкажева), Гужно, Згуже (10 км вост. Гарволина), Вильхта (8 км северо-вост. Гарволина). После окончания переправы 1 гв. ТА, 2 гв. ТА и 2 гв. кк 3-й уд. армии на третий день операции переправляются через р. Висла и выходят в район Варка, Бялобжеги, (иск.) Едлинск, Гловачув. Из этого района с утра пятого дня операции армия начнет выдвижение в общем направлении Нове-Място, Рава-Мазовецка, Ежув, Стрыкув в готовности развивать успех в общем направлении на Познань.

6. Потребное количество основных видов материального обеспечения на проведение фронтовой операции:

а) боеприпасов 4—6 боевых комплектов;

б) авиабензина — 18 заправок, автобензина — 8 заправок, горючего для танков — 8 заправок;

в) продфуража — 30 суточных дач.

Из этого количества к началу операции необходимо иметь:

а) боеприпасов 3—4 боевых комплекта;

б) авиабензина — 14 заправок, автобензина — 6 заправок, горючего для танков — 4 заправки;
в) продфуража — 15 суточных дач.

Приложения*:
1. План-схема наступательной операции войск 1-го Белорусского фронта на карте 200 000.
2. Доклад о ходе подготовки войск фронта к операции на 6 листах.

Командующий войсками 1-го Белорусского фронта
Маршал Советского Союза ЖУКОВ
Член Военного совета 1-го Белорусского фронта
генерал-лейтенант ТЕЛЕГИН
Начальник штаба 1-го Белорусского фронта
генерал-полковник МАЛИНИН

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 320–326.

№ 31

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 11002 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 2-го и 3-го УКРАИНСКИХ ФРОНТОВ НА ОТРАЖЕНИЕ КОНТРУДАРА ПРОТИВНИКА ИЗ РАЙОНА КОМАРНО

4 января 1945 г.

02 ч. 40 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: силами 2-го и 3-го Украинских фронтов разгромить группировку противника, наступающую из района Комарно на Будапешт, для чего:

1. Командующему войсками 2-го Украинского фронта нанести удар силами не менее двух стрелковых корпусов 7-й гв. армии и 6-й гв. армии из района севернее Эстергома по северному берегу р. Дунай в общем направлении на Комарно. Овладеть переправами через р. Дунай у Комарно и танковыми частями с мотопехотой выйти на тылы комарновской группировки противника.
2. Командующему войсками 3-го Украинского фронта, просто прикрыв направление на Будапешт с северо-запада, нанести удар силами 4-й гв. армии, 5-го гв. кавкорпуса, 18 тк и 1 гв. мк из района северо-западнее и западнее Бичке в общем направлении на Несмей, Комарно с задачей во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта разбить группировку противника, наступающую на Будапешт, и овладеть рубежом (иск.) Комарно, Мор.
3. Наступление поддержать основной массой авиации обоих фронтов.
4. Наступление начать 6 января.
5. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 189.

---

* Не публикуются.

№ 32

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 1-го и 2-го БЕЛОРУССКИХ и 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТОВ ОБ АВИАЦИОННОЙ ПОДГОТОВКЕ НАСТУПЛЕНИЯ

4 января 1945 г.

19 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Авиационный удар 8.01 по аэродромам противника отменить.

2. Подготовить ко дню переселения авиационный удар по войскам противника, одновременно с артнаступлением. В дальнейшем удары по аэродромам противника производить по усмотрению командующих войсками фронтов.

3. Иметь максимальную бдительность на наших аэродромах для противодействия возможным ударам авиации противника.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 189.

№ 33

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 11006 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА НА РАЗВИТИЕ НАСТУПЛЕНИЯ В СИЛЕЗИИ И ОВЛАДЕНИЕ КРАКОВОМ

17 января 1945 г.

21 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Главным силам войск фронта продолжать наступление в общем направлении на Велюнь, Бреслау с целью выйти не позднее 30.01 на реку Одер к югу от Лиссы (Лешно) и захватить плацдармы на западном берегу этой реки.

2. Левому крылу фронта (59-я и 60-я армии) не позднее 20–22.01 овладеть городом Краков, после чего продолжать наступление на Домбровский угольный район, обходя его с севера и частью сил с юга. 21-ю армию с 1-м гв. кавкорпусом использовать для обхода Домбровского угольного района с севера в общем направлении на Тарновиц, Козель (на р. Одер).

3. Установить с 24.00 17.01.1945 г. следующую разграничительную линию между 1-м и 4-м Украинскими фронтами: до Неполомице — прежняя и дарее р. Висла до Струменя, Богумин (все пункты для 4-го Украинского фронта включительно).

4. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 190.

№ 34

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА О РАЗВИТИИ НАСТУПЛЕНИЯ НА ПОЗНАНЬ

17 января 1945 г.

23 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войскам фронта продолжать наступление в общем направлении на Познань и не позднее 2–4 февраля овладеть рубежом Быдгощ (Бромберг), Познань.

2. Установить следующие разграничительные линии: со 2-м Белорусским фронтом до Торна — прежняя и далее по р. Висла до Фордона; с 1-м Украинским фронтом до Яроцина — прежняя и далее Смигель (для 1-го Белорусского фронта включительно).

3. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 191.

№ 35

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 11009 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 2-го и 3-го УКРАИНСКИХ ФРОНТОВ НА ОВЛАДЕНИЕ БУДАПЕШТОМ И РАЗВИТИЕ НАСТУПЛЕНИЯ К ОЗЕРУ БАЛАТОН

18 января 1945 г.

24 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Руководство операциями по завершению уничтожения группировки противника в западной части Будапешта (Буда) возложить на командующего 2-м Украинским фронтом, для чего:

а) передать с 10.00 20.01.1945 г. в подчинение командующему войсками 2-го Украинского фронта 75 ск (113, 180 сд, два сп 109 гв. сд), 37 ск (108 гв., 320, 316 сд, 83-я бригада морской пехоты) со всеми частями усиления, которые ведут бои в западной части Будапешта совместно с указанными корпусами;

б) для управления 75-м и 37-м стр. корпусами использовать управление группы генерала Афонина, переведя его на западный берег Дуная;

в) материальное обеспечение передаваемых войск оставить за командующим 3-м Украинским фронтом.

2. Командующему войсками 3-го Украинского фронта восстановить положение юго-западнее Секешфехервара и готовить войска к переходу в последующем в наступление для разгрома группировки противника, действующей между Дунаем и оз. Балатон.

Управление 46-й армии использовать для руководства войсками правого крыла фронта, передав в его подчинение правофланговые корпуса 4-й гв. армии.

3. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 192.

№ 36

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 11010 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 1-го ПРИБАЛТИЙСКОГО и 3-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТОВ, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ НА ПЕРЕПОДЧИНЕНИЕ 43-й АРМИИ

19 января 1945 г.

19 ч. 30 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 43-ю армию Белобородова в составе двух стрелковых корпусов (всего пять сд), не считая отправленного ранее 54 ск, передать с 24.00 19.01 в состав войск 3-го Белорусского фронта.

Армию передать со всеми имеющимися армейскими средствами усиления, тыловыми частями и учреждениями и наличными запасами, но не менее 1 бк, 2 заправок горючего и 15 сутодач продовольствия.

2. Командующему 3-м Белорусским фронтом использовать 43-ю армию для овладения г. Тильзит и дальнейших действий на Кёнигсбергском направлении.

3. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 192–193.

№ 37

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 11021 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА О ПЕРЕНОСЕ ОСНОВНЫХ УСИЛИЙ ФРОНТА В ВОСТОЧНУЮ ПОМЕРАНИЮ

8 февраля 1945 г.

14 ч. 55 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Центром и левым крылом фронта (2-я ударная армия, 65, 49, 70-я армии, 1 гв. тк, 8 мк, 3 гв. кк и не менее четырех артдивизий прорыва) 10 февраля перейти в наступление к западу от р. Висла и не позже 20.02 овладеть рубежом устье р. Висла, Диршау, Берент, Руммельсбург, Нейштеттин.

2. В дальнейшем, с подходом 19-й армии, развивать наступление в общем направлении на Штеттин, овладеть районом Данциг, Гдыня и очистить от противника побережье вплоть до Померанской бухты.

3. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. ВАСИЛЕВСКИЙ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 198–199.

№ 38

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ 1-го ОТДЕЛЬНОГО ИСТРЕБИТЕЛЬНОГО АВИАЦИОННОГО НЕМАНСКОГО ПОЛКА СРАЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ «НОРМАНДИЯ»

Москва, Кремль
19 февраля 1945 г.

За образцовое выполнение заданий командования в боях при прорыве обороны немцев в Восточной Пруссии и проявленные при этом доблесть и мужество наградить орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ 1-й Отдельный истребительный авиационный Неманский полк сражающейся Франции — «Нормандия».

Председатель Президиума Верховного Совета ССР М. КАЛИНИН
Секретарь Президиума Верховного Совета ССР А. ГОРКИН

ЦАМО. Ф. 16. Оп. 976. Д. 10. Л. 36. Копия.

№ 39

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 4-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА И ЧЛЕНУ ВОЕННОГО СОВЕТА ФРОНТА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МОРАВСКА-ОСТРАВСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

17 марта 1945 г.

Ставка Верховного Главнокомандования считает объяснение генерала армии Петрова от 17.3.45 за № 256 неубедительным и указывает:

1. Командующий фронтом генерал армии Петров, установив неполную готовность войск фронта к наступлению, обязан был доложить об этом Ставке и просить дополнительного времени на подготовку, в чем Ставка не отказала бы. Но генерал армии Петров не позаботился об этом или побоялся доложить прямо о неготовности войск.

Член Военного совета фронта генерал-полковник Мехлис сообщил в ЦК ВКП(б) о недочетах в подготовке и организации наступления только после срыва операции, вместо того чтобы, зная о неполной готовности войск, своевременно предупредить об этом Ставку.

2. Командование фронта и армий не сумело скрыть от противника сосредоточение войск и подготовку наступления.

3. Штаб фронта был разбросан, и большая часть его находилась в 130 км от участка наступления.

Проявленное в указанных недочетах неумение подготавливать операцию и определило ее неуспех.

Ставка [в] последний раз предупреждает генерала армии Петрова и указывает ему на его недочеты в руководстве войсками.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 18. Л. 56–57. Подлинник.

№ 40

ПРИКАЗ А. ГИТЛЕРА «О ВЫЖЖЕННОЙ ЗЕМЛЕ»

19 марта 1945 г.

...*Содержание*: О разрушении объектов Германии.

Борьба за существование нашего народа заставляет также и на территории Германии использовать все средства, которые могут ослабить боеспособность противника и задержать его продвижение. Необходимо использовать все возможности, чтобы непосредственно или косвенно нанести максимальный урон боевой мощи противника. Ошибочно было бы полагать, что после возвращения потерянных территорий можно будет снова использовать не разрушенные перед отступлением или выведенные из строя на незначительный срок пути сообщения, средства связи, промышленные предприятия и предприятия коммунального хозяйства. Противник оставит нам при своем отступлении лишь выжженную землю и не посчитается с нуждами местного населения. Поэтому я приказываю:

1. Все находящиеся на территории Германии пути сообщения, средства связи, промышленные предприятия и предприятия коммунального хозяйства, а также материальные запасы, которыми противник может в какой-либо мере воспользоваться, немедленно или по прошествии незначительного времени подлежат уничтожению.

2. Ответственность за уничтожение возлагается: на военные командные инстанции в отношении всех военных объектов (включая дорожные сооружения и средства связи), на гаулейтеров и государственных комиссаров обороны в отношении всех промышленных предприятий, предприятий коммунального хозяйства, а также всякого рода материальных запасов. Войска должны оказывать гаулейтерам и государственным комиссарам обороны необходимую помощь в выполнении стоящих перед ними задач.

3. Настоящий приказ немедленно довести до сведения всех командиров. Все распоряжения, противоречащие данному приказу, утрачивают свою силу.

Адольф Гитлер

Опубл.: Дашичев В. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 2. С. 604.

№ 41

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДОВАНИЯ 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О НАЧАЛЕ БРАТИСЛАВСКО-БРНОВСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ ФРОНТА

24 марта 1945 г.

Доношу:

1. Наступательную операцию севернее реки Дунай начинаю на рассвете 25.3.45 действиями двенадцати усиленных батальонов на широком фронте с целью вскрыть оборону противника по р. Грон.

При успешном действии этих батальонов силы их будут наращиваться для продолжения наступления.

2. Если действиями батальонов будет вскрыта сильная оборона противника по р. Грон, то в этом случае с утра 26.3.45 г. начинаю наступление главными силами с предварительной часовой артподготовкой.

Р. МАЛИНОВСКИЙ
А. ТЕВЧЕНКОВ
Г. ЗАХАРОВ

Опубл.: Русский архив: Красная Армия в странах Центральной Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы. 1944–1945. 14-3(2). М., 2000. С. 530.

№ 42

ТЕКСТ «ОБРАЩЕНИЯ КОМАНДУЮЩЕГО СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ 3-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА МАРШАЛА ВАСИЛЕВСКОГО» К ГЕНЕРАЛАМ, ОФИЦЕРАМ И СОЛДАТАМ КЁНИГСБЕРГСКОЙ ГРУППЫ ВОЙСК

6 апреля 1945 г.

К генералам, офицерам и солдатам
Кёнигсбергской группы войск
«Обращение командующего советскими войсками 3-го Белорусского фронта
маршала Василевского»

Немецкие войска, находящиеся юго-западнее Кёнигсберга на побережье залива Фриш-Гаф* разгромлены, остатки их сброшены в море. Все немецкие войска в Восточной Пруссии, за исключением одной только вашей незначительной группы, перестали существовать, большинство из них сдалось в плен. Сопротивляющиеся ваши войска остались теперь в полном одиночестве. Положение ваших войск безвыходное, против вас действуют во много раз превосходящие силы Красной Армии. Наше превосходство в артиллерии, танках и авиации вам известно. Вы обречены. Помощи вам оказать никто не может. Порты Данциг и Гдыня в руках русских войск...**

Вы сами должны понять, что в таких условиях ваше сопротивление не имеет никакого смысла и поведет только к вашей бессмысленной гибели и к бесчисленным жертвам среди оставшегося в Кёнигсберге гражданского населения.

Чтобы избежать ненужного кровопролития, я предлагаю вам сложить оружие и прекратить сопротивление.

Всем генералам, офицерам и солдатам, которые прекратят сопротивление, гарантируются жизнь, безопасность, достаточное питание и возвращение после войны на родину или в любую другую страну по личному желанию военнопленного.

Всему сдающемуся в плен личному составу сохраняются форма, личное имущество и ценности. Всем раненым и больным будет немедленно оказана медицинская помощь. Офицеры и солдаты, ваше командование обрекло вас на бессмысленную гибель. В этот критический для вас час ваша жизнь зависит от вас самих. Решайте сами свою судьбу. Соединениями, полками, подразделениями, группами, в одиночку складывайте оружие и сдавайтесь в плен.

Командующий советскими войсками 3-го Белорусского фронта
Маршал Советского Союза ВАСИЛЕВСКИЙ

Этот документ служит пропуском для сдачи в плен Красной Армии.

ЦАМО. Ф. 16. Оп. 976. Д. 10. Л. 164–165. Подлинник.

---

* Историческое наименование, принятое в советской литературе, — Фришес-Хафф (совр. Вислинский).

** Далее в документе говорится об обстановке на Померанском побережье и в порту Пиллау.

№ 43

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 4-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О РЕЗУЛЬТАТАХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ МОРАВСКА-ОСТРАВСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РАЙОНА

30 апреля 1945 г.

1. Войска 4-го Украинского фронта в жестоких наступательных боях за Моравска-Остравский промышленный район прорвали три глубоко эшелонированных рубежа с железобетонными сооружениями и к 11.00 30.4.45, овладев городами Марианске Горы, Витковице с севера и юго-запада и в ожесточенных боях отвоевывая квартал за кварталом, к 19.10 30.4.45 овладели крупным военно-промышленным и политико-экономическим центром Чехословакии, а также важнейшим узлом коммуникаций и сильно укрепленным районом немцев — городом Моравска-Острава.

За период боев по прорыву укрепленного района и захвату Моравска-Острава с 23.4.45 нанесены следующие потери противнику:

а) уничтожено: 24 000 солдат и офицеров, 60 танков и самоходок, 220 орудий разных калибров;

б) захвачено: до 4000 солдат и офицеров, 75 танков и самоходок, 165 орудий.

А. ЕРЁМЕНКО
Л. МЕХЛИС
Л. САНДАЛОВ

ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 1179. Л. 238–243. Подлинник.

№ 44

ИЗ ДИРЕКТИВЫ СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА НА ОРГАНИЗАЦИЮ НАСТУПЛЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПРАГИ

2 мая 1945 г.

В связи с отходом противника перед 4-м Украинским фронтом Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Главные силы войск фронта развернуть на запад и нанести удар в общем направлении на Йиглава, Прага с задачей не позднее 12–14 мая овладеть рубежом: Йиглава, Улабинч, Горн, в дальнейшем выйти на р. Влтава и захватить Прагу.

2. Частью сил правого крыла фронта продолжать наступление в направлении Оломоуца.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Красная Армия в странах Центральной и Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 14-3(2). М., 2000. С. 543.

№ 45

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДОВАНИЯ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ПРАГИ И ЗАПАДНОЙ ЧЕХИИ

10 мая 1945 г.

Первое. Войска фронта 9.5.45, продолжая наступление и ломая на отдельных участках сопротивление противника, в результате стремительного наступления овладели столицей Чехословакии городом Прага.

За день в условиях горно-лесистой местности продвинулись от 35 до 80 км и заняли 35 городов, среди них крупные: Аннаберг, Либерец, Циттау, Хомутов, Вармсдорф, Нойгерсдорф, Румбург, Красна Липа, Ческа Липа, Вольддорф, Хернхутт, Градек, Фридланд, Храстова, Осечна, Нем. Яблонне, Подмокли, Уста, Лоуны, Жатец, Кадань, Вармбрунн, Миттлер-Шмидеберг, Ландесхут, Траубенау, Браунау, Нойроде, Глатц, Гобельшверде, Фридеберг.

За 9.5.45 захвачено до 8000 пленных, принадлежащих тд «Райх», 17, 208, 72, 359 пд, 100 лпд, 31 пд СС и отдельных батальонов. Количество захваченной материальной части, орудий, минометов, танков уточняется.

Второе. 13-я армия — продолжая наступление, за день продвинулась до 40 км, овладела городами: Аннаберг, Вейпрты, Иогштадт, Хомутов, Кодань, Жатец, Подборжаны.

К исходу дня форсировала р. Огрже и вышла на фронт: Подборжаны, Либишовице, Липенец.

3-я гв. армия — за день в условиях горно-лесистой местности продвинулась от 35 до 80 км, к исходу правым флангом форсировала р. Огрже и вышла на фронт Зиттолит (южнее Лоуна), Перуц, а 76 ск — Прага.

5-я гв. армия — продолжая наступление, за день продвинулась до 35 км и овладела городам: Готтлойба, Подмокли, Усти, Либшодт, Берггисхютель, Хабатовице, Термице.

К исходу дня вышла на фронт: Квитков (4 км вост. Теплице-Шанов), Термице, Усти и далее по р. Эльба до Дечин.

Передовые части форсировали р. Эльба.

3-я и 4-я танковые армии — развивая наступление, в 4.00 передовыми частями ворвались в город Прага и после боя к 10.00 полностью овладели городом.

К исходу дня 4 гв. ТА — юго-вост. Праги передовыми частями в движении на Бенешов.

В боях за Прагу захвачено свыше 4000 пленных тд «Райх». 2 А[рмия] В[ойска] П[ольского] — за день продвинулась до 25 км, преодолев горно-лесистый массив, и овладела Красна Липа, Дечин, Каменице. К исходу дня вышла на фронт: Дечин, Каменице.

28-я армия — развивая наступление, с боями на отдельных участках продвинулась до 40 км, во взаимодействии с частями 52-й армии овладела крупным городом Циттау, а также овладела городами: Нойгерсдорф, Румбург, Вармсдорф, Вальддорф, Нем. Яблонне, Ческа Липа, Закупи.

К исходу дня вышла на фронт: Ческа Липа, Закупи, Страж.

52-я армия — продолжая наступление, продвинулась на 35 км, во взаимодействии с частями 31-й армии с боем овладела крупным городом Либерец и городами Градек, Храстава, Осечна.

К исходу дня вышла на фронт: Осечна, Либерец.

31-я армия — продолжала наступление и за день продвинулась до 30 км.

Во взаимодействии с частями 52-й армии с боями овладела городом Либерец и городами Фридланд, Грайффенберг, Шрайберхау.

К исходу дня правым флангом вышла южнее Либерец, на остальном фронте, преодолев горно-лесистый массив, вышла к населенным пунктам восточнее Либерец.

21-я армия — преследуя отходящего противника, за день продвинулась до 30 км, овладела городами Вармбрун, Миттлер-Шнидеберг, Ландесхут, Браунау, Зильберберг и к исходу дня вышла на фронт: Агнетендорф, Круммхюбель, Маршендорф, Траутенау, Ртыне, Меридорф, Нойроде.

В течение дня на левом фланге продвигалась с боями.

В районе Либау разгромила шесть ж.-д. эшелонов пехоты противника, оказавших сопротивление частям армии.

59-я армия — преследуя отходящего противника, в горно-лесистой местности за день продвинулась до 35 км, овладела городами: Глатц, Гальбельшвердт, Шридеберг, Бад Райнерц, Ланек и к исходу дня вышла на рубеж: Альбендорф, Штольценау, Фридрихсгрун, Гермсдорф, Бад-Райнерц, Фалькенхайн, Ней-Ломнитц, Альт-Вейстриц, Габелыпвердт, Ней-Герсдорф, Гольденштейн.

6-я армия — в прежнем районе.

Третье. 2-я ВА — в течение дня бомбовыми и штурмовыми ударами уничтожала живую силу и технику противника. Всего за день произвела 1320 боевых вылетов. В воздушных боях сбито 2 самолета противника. Авиация противника произвела 12 самолето-пролетов.

И. КОНЕВ
К. КРАЙНЮКОВ
И. ПЕТРОВ

ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2673. Д. 2448. Л. 155–158. Подлинник.

СОВЕТСКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

№ 46

СОГЛАШЕНИЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ТРЕХ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ — СОВЕТСКОГО СОЮЗА, СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

11 февраля 1945 г.

Руководители Трех Великих Держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии:

1. Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);

2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

b) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;

с) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет;

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Маршала И. В. Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы Правительств Трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

И. СТАЛИН
Ф. РУЗВЕЛЬТ
УИНСТОН С. ЧЕРЧИЛЛЬ

Опубл.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании 4–10 февраля 1945 г. В 4-х т. Т. 4. М., 1984. С. 254–255.

№ 47

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ № 11047 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ПРИМОРСКОЙ ГРУППЫ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ОБОРОНЫ В СЛУЧАЕ НАПАДЕНИЯ ЯПОНИИ*

26 марта 1945 г.

В случае нападения японских вооруженных сил на Советский Союз Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войскам Приморской группы (35-я армия, 1-я Краснознаменная армия, 25-я армия, 9-я воздушная армия) во взаимодействии с Тихоокеанским флотом упорной обороной не допустить вторжения противника на территорию Советского Союза, высадки и закрепления его на побережье от устья р. Тумэнь-Ула до мыса Сосунова и обеспечить сосредоточение новых сил в Приморье.

2. При организации обороны обратить особое внимание на обеспечение бесперебойной работы железных дорог на территории фронта и наиболее прочное прикрытие направлений: иманского, лесозаводского, спасского, ворошиловского, а также районов Приморья — Барабашского, Хасанского, Главной военно-морской базы Тихоокеанского флота — Владивосток, Шкотово, Владимиро-Александровское, Ольга, Тетюхэ, Пластун, Терней.

3. В целях обеспечения нормальной работы железной дороги Хабаровск — Владивосток предусмотреть проведение операции силами 35-й армии и 1-й Краснознаменной армии с задачей овладения районом Хутоу и Мишань и прочно его за собой закрепить.

4. Тихоокеанский флот (без Северной Тихоокеанской флотилии), Иманский и Ханкайский отряды бронекатеров Амурской Краснознаменной военной флотилии подчинить в оперативном отношении командующему войсками Приморской группы.

5. Разграничительная линия с Дальневосточным фронтом и ответственность за обеспечение стыка между Приморской группой и Дальневосточным фронтом — согласно директиве Ставки от 19 марта за № 11046.

6. Руководствуясь настоящей директивой и директивой Ставки № 220061 от 31.3.1944 г., разработать подробный план обороны войск Приморской группы и Тихоокеанского флота, план операции по овладению районом Хутоу, Мишань и план взаимодействия Приморской группы и Тихоокеанского флота по обороне побережья Японского моря в границах Приморской группы.

Разработанные планы представить в Генеральный штаб КА нарочным не позже 15 мая 1945 г.

К разработке планов допустить: командующих, членов Военных советов, начальников штабов и начальников оперативных отделов штабов Приморской группы и Тихоокеанского флота — в полном объеме.

7. Начальников родов войск и служб допустить к разработке только специальных разделов плана, без ознакомления с общими задачами Приморской группы и Тихоокеанского флота в целом.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7-1). М., 1997. С. 330–331.

---

* Аналогичная директива Ставки ВГК была направлена командующему войсками Дальневосточного фронта.

№ 48

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ № 11112 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА НА РАЗРАБОТКУ И ПРОВЕДЕНИЕ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

28 июня 1945 г.

В дополнение к директиве № 11048 по 26 марта 1945 г. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. К 1 августа провести и закончить в войсках фронта все подготовительные мероприятия по группировке войск, боевому и материально-техническому их обеспечению и управлению войсками с целью проведения, по особому приказу Ставки Верховного Главнокомандования, наступательной операции.

2. При разработке операции руководствоваться следующим:

а) целью операции поставить: активное содействие войскам Забайкальского фронта и Приморской группы в разгроме Квантунской армии японцев и овладении районом Харбин;

б) наступательную операцию провести на сунгарийском направлении силами 15-й армии во взаимодействии с Амурской военной флотилией.

Для проведения операции привлечь не менее трех стрелковых дивизий, основную массу артиллерии РГК, танков, авиации и переправочных средств, имея ближайшей задачей форсировать р. Амур, овладеть тунцзянским УР и к 23 дню операции выйти в район Цзямусы.

В дальнейшем иметь в виду действия вдоль р. Сунгари на Харбин.

3. Силами 2 КА и 5 ск прочно оборонять государственную границу в соответствии с указаниями директивы Ставки № 11048 от 26.3.1945 г.

Предусмотреть при развитии успеха в Приморье наступательные действия 5 ск на жаохэйском направлении с целью содействия 15-й армии в направлении Фугдин, Цзямусы или правому флангу войск Приморской группы в направлении Баоцин.

4. Основной задачей 16-й армии поставить: прочно оборонять о. Сахалин, не допустить вторжения японцев на нашу территорию острова, а также высадки десантов японских войск на побережье о. Сахалин.

5. Не позднее 15 июля передать из состава фронта в состав войск Приморской группы три стрелковые дивизии.

6. Все подготовительные мероприятия провести с соблюдением строжайшей скрытности.

К разработке плана операции допустить: командующего, члена Военного совета, начальника штаба фронта и начальника оперативного управления штаба фронта — в полном объеме.

Начальников родов войск и служб допустить к разработке специальных разделов плана, без ознакомления с общими задачами фронта.

Командующим армиями задачи поставить лично, устно, без вручения письменных директив фронта.

Порядок допуска к разработке плана операции армии установить такой же, как для фронта.

Всю документацию по планам действий войск хранить в личных сейфах командующего войсками фронта и командующих армиями.

7. Переписку и переговоры по вопросам, связанным с планом операции, вести только лично через начальника Генерального штаба Красной Армии.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7-1). М., 1997. С. 332–333.

№ 49

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ФРОНТА НА РАЗРАБОТКУ И ПРОВЕДЕНИЕ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

28 июня 1945 г.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. В случае нападения японских вооруженных сил на Советский Союз войскам Забайкальского фронта надежной обороной не допустить вторжения противника на территорию Советского Союза и Монгольской Народной Республики и прикрыть сосредоточение новых сил на территории фронта.

2. При организации обороны обратить особое внимание на обеспечение бесперебойной работы железных дорог в границах фронта и наиболее прочное прикрытие Тамцакского выступа с юга, востока и севера, а также участка железной дороги Соловьевское, Баин-Тумэнь.

3. Не дожидаясь полного сосредоточения войск 53-й армии, к 25 июля 1945 г. провести и закончить в войсках фронта все подготовительные мероприятия по группировке войск, боевому и материально-техническому их обеспечению и управлению войсками с целью проведения, по особому приказу Ставки Верховного Главнокомандования, наступательной операции фронта и Монгольской Народно-революционной армии.

4. При разработке операции руководствоваться следующим:

а) целью операции поставить: стремительное вторжение в Центральную Маньчжурию, совместно с войсками Приморской группы и Дальневосточного фронта — разгром Квантунской армии японцев и овладение районом Чифын, Мукден, Чанчунь, Чжаланьтунь;

б) операцию построить на внезапности удара и использовании подвижных соединений фронта, в первую очередь 6 гв. ТА, для быстрого выдвижения вперед;

в) главный удар нанести силами трех общевойсковых армий (39-я армия, сд — 9; 53-я армия, сд — 9; 17-я армия, сд — 3) и одной танковой армии (6 гв. ТА, мк — 2, тк — 1) в обход Халун-Аршанского УР с юга в общем направлении на Чанчунь.

Армии вести на широком фронте, имея ближайшей задачей — разбить противостоящего противника, форсировать Большой Хинган и к 15 дню операции выйти главными силами на фронт Дабаньшан, Лубей, Солунь.

Одним ск 39-й армии наступать из района г. Хамар-Даба в направлении Хайлар навстречу 36-й армии с задачей совместно с 36-й армией не допустить отхода противника к Большому Хингану, разгромить хайларскую группу войск японцев и овладеть районом Хайлар;

г) 6 гв. ТА, действуя в полосе главного удара в общем направлении на Чанчунь, к 10 дню операции форсировать Большой Хинган, закрепить за собой перевалы через хребет и до подхода главных сил пехоты не допустить резервов противника из центральной и южной Маньчжурии;

д) в дальнейшем иметь в виду вывести главные силы фронта на рубеж Чифын, Мукден, Чанчунь, Чжаланьтунь.

5. На направлении главного удара привлечь две артдивизии прорыва, основную массу артиллерии РГК, танков и авиации.

6. Предусмотреть обеспечение главной группировки от контрударов противника из района Ганьчжур на юг и из района Долоннор, Чифын на север.

7. Вспомогательные удары нанести:

а) силами Монгольской Народно-революционной армии, усиленной двумя мотобригадами и 59-й кавдивизией фронта, из района Хонгор-Ула-сомон, Худугыйн-хид, Шинэ-Дариганга-сомон на Калган и Долоннор с задачей сковать силы противника на этом направлении и выйти в район Ст. кн. Цзун Сувитван, Ст. кн. Барун Сунитван, Хуадэ.

В дальнейшем овладеть Долоннор, Калган.

Наступление Монгольской народно-революционной армии разрешается начать на 2–3 дня позже начала наступления главных сил фронта;

б) главными силами 36-й армии (четыре-пять сд) форсировать р. Аргунь в районе Дурой, Старо-Цурухайтуй, Ново-Цурухайтуй и наступать на Хайлар, имея ближайшей задачей совместно с частью сил 39-й армии не допустить отход противника к Большому Хингану, разгромить хайларскую группу войск японцев и овладеть районом Хайлар и Хайларским УР.

Остальными силами прочно оборонять государственную границу в готовности наступать в обход Маньчжуро-Чжалайнорского УР с юга в направлении г. Дашимак, Хайлар и в районе Хайлар соединиться с главными силами армии.

В дальнейшем главными силами армии форсировать Большой Хинган и овладеть районом Чжаланьтунь.

8. Все подготовительные мероприятия провести с соблюдением строжайшей скрытности.

К разработке плана операции допустить: командующего, члена Военного совета, начальника штаба фронта и начальника оперативного управления штаба фронта — в полном объеме.

Начальников родов войск и служб допустить к разработке специальных разделов плана, без ознакомления с общими задачами фронта.

Командующим армиями задачи поставить лично, устно, без вручения письменных директив фронта.

Порядок допуска к разработке плана операции армий установить такой же, как для фронта.

Всю документацию по планам действий войск хранить в личных сейфах командующего войсками фронта и командующих армиями.

9. Переписку и переговоры по вопросам, связанным с планом операции, вести только лично через начальника Генерального штаба Красной Армии.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7-1). М., 1997. С. 334–336.

№ 50

ПРИКАЗ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ № 11120 О НАЗНАЧЕНИИ МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА А. М. ВАСИЛЕВСКОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

30 июня 1945 г.

Маршала Советского Союза Василевского А. М. назначить Главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке с подчинением ему с 1 августа 1945 г.: Забайкальского, Дальневосточного фронтов, Приморской группы войск и Тихоокеанского флота.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. В 4-х т. М., 1968. Т. 4. С. 301.

№ 51

ДОНЕСЕНИЕ МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА А. М. ВАСИЛЕВСКОГО ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ПРИБЫТИИ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

5 июля 1945 г.

04 ч. 50 мин.

Докладываю: в 1.00 (по московскому времени) 5.07 в город Чита прибыл и с сегодняшнего дня приступаю к исполнению возложенных на меня обязанностей. Тов. Морозов* прибыл 4.07 и приступил к приему дел от Ковалева.

ВАСИЛЬЕВ**

ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 8/1. Л. 2. Подлинник.

№ 52

ИЗ ОТВЕТА СОВЕТСКОГО КОМАНДОВАНИЯ ОТ 26 ИЮЛЯ 1945 г. НА ВОПРОСЫ, КОТОРЫЕ БЫЛИ ВРУЧЕНЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ОКНШ АДМИРАЛОМ У. ЛЕГИ ГЕНЕРАЛУ АРМИИ А. И. АНТОНОВУ НА СОВЕЩАНИИ ВОЕННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В БЕРЛИНЕ 24 ИЮЛЯ

...По первому вопросу — советское командование согласно установить в Петропавловске и Хабаровске радиостанции для передачи сведений о погоде, согласно просьбе, изложенной в письме президента Трумэна, переданном 23 июля 1945 г.; по второму вопросу — в Японском море иметь отдельные зоны действий ВМС и авиации США и Советского Союза. Границу между этими зонами иметь по линии: мыс Болтина на побережье Кореи, мыс Крильон на южной оконечности Южного Сахалина и до мыса Сойя-Мисаки на сев. оконечности о. Хоккайдо. К северу от этой границы действуют Военно-Морской Флот и авиация Советского Союза. К югу от этой границы — военно-морской флот и авиация США.

В зависимости от обстановки в последующем эта граница может быть подвергнута изменениям.

Операции военно-морского флота и авиации США к северу от границы и операции ВМФ и авиации Советского Союза к югу от этой границы должны подлежать координации...*** по третьему вопросу — в Корее и Маньчжурии границы между зонами действий авиации США и Советского Союза иметь по следующей линии: мыс Болтина, Чанчунь, Ляоюань, Кайлу, Чифын, Бейпин, Дагу и далее по южной границе Внутренней Монголии.

Авиация США действует к югу от этой линии, включая все перечисленные пункты. Авиация Советского Союза действует к северу от этой линии.

В зависимости от обстановки в последующем эта линия может быть подвергнута изменениям. Операции авиации США к северу от этой линии и операции авиации Советского Союза к югу от этой линии должны подлежать координации; по четвертому вопросу — советское командование с началом военных действий Советского Союза против Японии устанавливает местную взаимную связь между американским и советским командующими на Дальнем Востоке.

---

* Условная фамилия Р. Я. Малиновского. Во время Советско-японской войны — командующий войсками Забайкальского фронта.

** Условная фамилия А. М. Василевского.

*** Далее давались предложения к определению зон совместных действий в Охотском и Беринговом морях и по порядку взаимодействия в ходе операции. (*Прим. ред.*)

Для осуществления этой связи предлагается иметь советские группы связи при генерале Макартуре и при адмирале Нимице, кроме того, в Вашингтоне — советскую военную миссию. Американские группы связи иметь при советском Главнокомандующем на Дальнем Востоке Маршале Советского Союза Василевском — в Хабаровске и при командующем советским Тихоокеанским флотом адмирале Юмашеве — во Владивостоке; по пятому вопросу — советское командование выделяет порты и аэродромы для кораблей и самолетов, нуждающихся в технической помощи и обеспечивает по мере возможности техническую и медицинскую помощь личному составу указанных кораблей и самолетов.

Для этих целей выделяются:

а) военно-морские порты в Японском море — порт Находка (залив Америка).

В районе Охотского и Берингова морей — Николаевск-на-Амуре и Петропавловск-на-Камчатке;

б) аэродромы — в районе Владивостока, в районе Александровска, на острове Сахалин и в районе Петропавловска-на-Камчатке.

ЦАМО. Ф. 40. Оп. 11549. Д. 313. Л. 80–83. Подлинник.

№ 53

ТЕЛЕГРАММА МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА А. М. ВАСИЛЕВСКОГО ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ ОБРАЗОВАТЬ 1-й и 2-й ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ФРОНТЫ И ШТАБ ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

1 августа 1945 г.

Считаю целесообразным и прошу Ваших указаний с 5 августа 1945 г. преобразовать:

1. Приморскую группу войск в 1-й Дальневосточный фронт. Дальневосточный фронт — во 2-й Дальневосточный фронт.
2. Группу генерал-полковника Васильева — в штаб Главкома советских войск на Дальнем Востоке.
3. Прошу также отменить условные звания и фамилии должностных лиц, оставив для них существующие условные фамилии только для разговора по проводам.

ВАСИЛЕВСКИЙ
ИВАНОВ

ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 8/1. Л. 104. Подлинник.

№ 54

ПРИКАЗ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ ОБ ОБРАЗОВАНИИ 1-го и 2-го ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ФРОНТОВ И ШТАБА ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

№ 1112
12 августа 1945 г.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: с 5 августа 1945 г. переименовать:

1. Приморскую группу войск (командующий — Маршал Советского Союза Мерецков К. А.) — в Первый Дальневосточный фронт.

2. Дальневосточный фронт (командующий — генерал армии Пуркаев М. А.) — во Второй Дальневосточный фронт.

Оперативную группу генерал-полковника Васильева — в штаб Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке.

Назначить начальником штаба Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке генерал-полковника Иванова С. П.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М., 1999. С. 302.

№ 55

ДОНЕСЕНИЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ПОЛОЖЕНИИ СОВЕТСКИХ ВОЙСК НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ О СРОКАХ НАЧАЛА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

3 августа 1945 г.

Докладываю о положении и состоянии войск на Дальнем Востоке по состоянию на 24.00 3.08.45 г. по забайкальскому времени.

1. Забайкальский фронт:

Войска 39 А (Людникова) и 53 А (Манагарова) совершают выдвижение в намеченные районы сосредоточения с тем, чтобы к утру 5.08.45 г. вместе со всеми остальными войсками фронта быть готовыми, в соответствии с Вашими указаниями, в районах в 50–60 км от границы, принять команду к началу действий.

От момента получения команды до перехода границы, а следовательно, и до начала фактических действий для подвода войск и окончательной их подготовки потребуется минимум 3, максимум 5 суток.

Учитывая все вопросы материального обеспечения и накопления в войсках необходимых запасов, лучшим сроком для начала действий войск фронта (имею в виду переход границы) будет 9–10 августа 1945 г.

Дальнейшая оттяжка не в интересах фронта. Установившаяся за последние дни в Забайкалье погода и так не вполне благоприятствует этому.

2. Считаю, что войска 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов должны будут начать свои боевые действия в один день и час с войсками Забайкальского фронта с тем, чтобы, использовав внезапность начала войны, захватом интересующих нас объектов улучшить свое исходное положение для начала основных операций, а главное — наиболее прочно обеспечить оборону жел. дор. Основную операцию 1-го Дальневосточного фронта по утвержденному Вами плану, в зависимости от развития операции Забайкальского фронта, начать через 5–7 суток после начала последней.

Независимо от этого окончательная готовность войск обоих фронтов установлена 5.08.45 г.

В полосе обоих фронтов и особенно в Приморье за последнее время идут непрерывные дожди, хотя последние, по докладу командующих фронтами, отрицательного влияния как на дороги, так и на аэродромы не окажут. Хуже с аэродромами в ТОФ, последние размокли.

По прогнозу, улучшения погоды здесь надо ожидать между 6 и 10 августа.

3. Командование Тихоокеанским флотом в настоящее время занято сбором судов на свои базы с тем, чтобы привести флот и флотилии в полную боевую готовность не позднее 5—7 августа.

Исходя из намеченных сроков, приходится в ближайшее время для транспортов, следующих с востока, отказаться от пропуска их через пролив Лаперуза с тем, чтобы начиная с 7.08 все транспорты направлять через Татарский пролив.

4. По данным разведки, за последний месяц наблюдается усиление японских войск в Маньчжурии и Корее как по пехоте, так и по авиации. Если к 1 июля [19]45 г. ГРУ насчитывало здесь 19 пд и до 400 самолетов японской армии, то на 1.08.45 г. имеется 23 пд (из них 4 на Курильских о-вах и Сахалине) и до 850 боевых самолетов. По пехоте это усиление происходит главным образом на нашем приморском и солуньском направлениях и по авиации — в районах Цицикар и Корея.

5. Прошу Вас:

а) не позднее 5.08.45 г. дать мне окончательное указание по срокам начала действий для двух основных направлений, а также и по остальным вопросам, и главным образом по вопросам политического и дипломатического порядка, связанным с этим;

б) прошу рассмотреть разработанные и направленные Вам обращения Главкома советскими войсками на Дальнем Востоке к японцам, монголам, китайцам и корейцам и дать по ним свои указания;

в) для улучшения руководства Тихоокеанским флотом срочно направить на Дальний Восток адмирала флота Кузнецова или лицо по Вашему усмотрению;

г) прошу предусмотреть дальнейшее усиление наших войск на Дальнем Востоке авиационными соединениями, и прежде всего бомбардировочной и штурмовой авиацией, а также пополнение как людским составом, так и особенно танками.

ВАСИЛЕВСКИЙ
ИВАНОВ

ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 8/1. Л. 125—127. Подлинник.

№ 56

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ № 11122 ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ О НАЧАЛЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

7 августа 1945 г.

16 ч. 30 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войскам Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов 9 августа начать боевые действия для выполнения задач, поставленных директивами Ставки № 11112 (для 2-го Дальневосточного фронта), № 11113 (для 1-го Дальневосточного фронта) и № 11114 (для Забайкальского фронта).

Боевые действия авиации всех фронтов начать с утра 9 августа, имея в виду бомбить прежде всего Харбин и Чанчунь.

Наземным войскам границы Маньчжурии перейти:

Забайкальскому и 1-му Дальневосточному фронту — утром 9 августа;

2-му Дальневосточному фронту — по указанию Маршала Василевского.

2. Тихоокеанскому флоту с получением сего:

а) перейти в оперативную готовность номер один;

б) приступить к постановке минных заграждений согласно утвержденному плану, за исключением устья р. Амур и Тауйской губы;

в) одиночное судоходство прекратить, транспорта направить в пункты сосредоточения.

В дальнейшем судоходство организовать конвоями под охраной военных кораблей;

г) подводные лодки развернуть. Боевые действия флота начать с утра 9 августа.
3. Время считать по забайкальскому времени.
4. О получении и исполнении донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
АНТОНОВ

Опубл.: Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7-1). М., 1997. С. 340–341.

№ 57

ДИРЕКТИВА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ № 80/нш КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ФРОНТА О НАЧАЛЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

7 августа 1945 г.

23 ч. 00 мин.
(забайкальское время)

В связи с дополнительным указанием Ставки Верховного Главнокомандования приказываю:

Срок начала боевых действий передовых частей, назначенный на 18.00 10.08.45 г. по московскому времени, перенести на 18.00 8.08.45 г. по московскому времени, или на 24.00 8.08.45 г. по забайкальскому времени.

В связи с этим необходимо:

1. Главные силы т. Кравченко и группы т. Плиева вывести в исходные районы не позднее вечера 8.08.45 г. с тем, чтобы, начав действия на этих направлениях сильными передовыми частями с 24.00 8.08.45 г. (забайкальское время), главные силы ввести в дело (момент перехода ими границы) не позднее 4.30 9.08.45 г. (забайкальское время).

2. Действия сильными передовыми и разведывательными частями на правлениях тт. Данилова и Людникова начать также ровно в 24.00 8.08.45 г. (по забайкальскому времени), поставив перед ними предусмотренные ранее задачи. Принять все меры к тому, чтобы главные силы армий тт. Людникова и Данилова иметь в намеченных для них исходных районах не позднее утра 9.08.45 г. с тем, чтобы, начав в 4.30 9.08.45 г. (забайкальское время) на этих направлениях [действия] танковыми и механизированными войсками, ввести главные силы пехоты этих армий ни в коем случае не позднее 12.00 9.08.45 г.

3. Войсками главной группировки армии т. Лучинского с 24.00 8.08.45 г. (забайкальское время) приступить к форсированию р. Аргунь на указанном ей направлении.

4. С утра 9.08.45 г. включить в боевые действия всю авиацию фронта для выполнения задач, предусмотренных для нее планом. Иметь в виду, что 19-й дальнебомбардировочный авиакорпус в связи с переходом в одновременное с Вами решительное наступление войск 1-го Дальневосточного фронта будет использован в первые дни в интересах последнего.

5. О получении директивы и отданных распоряжениях немедленно донести.

ВАСИЛЕВСКИЙ
ИВАНОВ

Опубл.: Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7-1). М., 1997. С. 341.

№ 58

ДИРЕКТИВА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ № 81/нш КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 1-го ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА О НАЧАЛЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

7 августа 1945 г.

22 ч. 35 мин.
(забайкальское время)

В связи с дополнительным указанием Ставки Верховного Главнокомандования приказываю:

К выполнению плана, предусмотренного на 1.00 11.08.45 г. хабаровского времени, приступить с 1.00 9.08.45 г. хабаровского времени (с 18.00 8.08.45 г. московского времени), для чего:

1. Все подготовительные мероприятия к этому провести в ночь на 8.08.45 г. и в течение 8.08.45 г.

2. Всю авиацию фронта включить в действие не позднее рассвета 9.08.45 г.

3. Успех, полученный от действий сильных передовых частей в течение 9.08.45 г. на основном направлении, немедленно использовать для ввода в дело главных сил. Таким образом, Вам предоставляется право при наличии благоприятной обстановки немедленно приступить к выполнению основного плана фронта с предварительным докладом мне об этом.

4. Во изменение ранее отданных распоряжений 19-й авиакорпус как в ночь на 9.08.45 г., так и в дальнейшем впредь до моих указаний использовать в интересах фронта. О задачах ему на 9.08.45 г. донести мне не позднее 12.00 8.08.45 г.

5. О получении настоящей директивы и об отданных распоряжениях немедленно донести.

ВАСИЛЕВСКИЙ
ИВАНОВ

Опубл.: Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7-1). М., 1997. С. 342.

№ 59

ДИРЕКТИВА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ № 82/нш КОМАНДУЮЩЕМУ ТИХООКЕАНСКИМ ФЛОТОМ О НАЧАЛЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

7 августа 1945 г.

22 ч. 40 мин.
(забайкальское время)

В связи с дополнительными указаниями Ставки Верховного Главнокомандования начало боевых действий как на земле, в воздухе, так и на море назначается на 18.00 8.08.45 г. по московскому времени, или на 1.00 9.08.45 г. по хабаровскому времени. В связи с этим Вам предоставляется право в течение 8.08.45 г. провести все необходимые подготовительные мероприятия.

Приказ Ставки Верховного Главнокомандования для дальнейшего направления коммерческих судов через пролив Лаперуза остается в силе.

О получении настоящей директивы и об отданных распоряжениях донести.

ВАСИЛЕВСКИЙ
ИВАНОВ

Опубл.: Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7-1). М., 1997. С. 342.

№ 60

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ФРОНТА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ О ПЕРЕХОДЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

9 августа 1945 г.

01 ч. 30 мин.

Доношу, что разведотряды армий в 00 часов 10 минут 9.08.45 г. перешли госграницу.

Главные силы армий начинают действия с перехода госграницы в 4 часа 30 минут 9.08.45 г. (время забайкальское).

МАЛИНОВСКИЙ
ТЕВЧЕНКОВ
ЗАХАРОВ

Опубл.: Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7-1). М., 1997. С. 343–344.

№ 61

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-го ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА «О ВВЕДЕНИИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ»

9 августа 1945 г.

1. С 9 августа с. г. во всех городах и селах Приморского края объявляю военное положение.
2. Все местные органы государственной власти, государственные, общественные учреждения, организации и предприятия обязаны оказывать полное содействие военному командованию в использовании местных сил и средств для нужд обороны и обеспечения общественного порядка и безопасности, руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 22 июня 1941 г.
3. Во всех городах и населенных пунктах, на железных, шоссейных и грунтовых дорогах строго соблюдать распоряжения командования ПВО и ввести светомаскировку.
4. Воспретить уличное движение как отдельных лиц, так и транспортов с 12 часов ночи до 5 часов утра, за исключением транспортов и лиц, имеющих специальные пропуска от комендантов городов, причем в случае объявления воздушной тревоги передвижение населения и транспорта должно прохо-

дить согласно правилам, утвержденным противовоздушной обороной. Выдачу специальных пропусков оформить в течение 3-х суток.

5. Военный совет фронта призывает все население края быть бдительным, строго хранить военную тайну, соблюдать трудовую дисциплину, порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии всяческое содействие.

6. За неподчинение распоряжениям и приказам военных властей, а также за совершение преступления виновные подлежат уголовной ответственности по законам военного времени.

7. Приказ объявить во всех частях фронта, городах и населенных пунктах края.

Командующий войсками фронта
Маршал Советского Союза К. МЕРЕЦКОВ
Член Военного совета фронта
генерал-полковник Т. ШТЫКОВ
Член Военного совета
генерал-майор К. ГРУШЕВОЙ
Начальник штаба фронта
генерал-лейтенант А. КРУТИКОВ

Опубл.: Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7-1). М., 1997. С. 344–345.

№ 62

ОБРАЩЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА 1-го ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА К ЛИЧНОМУ СОСТАВУ В СВЯЗИ С ОБЪЯВЛЕНИЕМ ВОЙНЫ ЯПОНИИ

9 августа 1945 г.

Товарищи красноармейцы, сержанты, офицеры и генералы 1-го Дальневосточного фронта!

8 августа 1945 года Народный Комиссар Иностранных Дел СССР тов. Молотов принял японского посла и сделал ему от имени Советского Правительства заявление для передачи правительству Японии.

В заявлении говорится, что «после разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны. Требование трех держав — Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая от 26 июля с. г. о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил было отклонено Японией. Тем самым предложение японского правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву.

Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому Правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира.

Верное своему союзническому долгу, Советское Правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля с. г.

Советское Правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции.

Ввиду изложенного Советское Правительство заявляет, что с завтрашнего дня, т. е. с 9 августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией».

Очаг войны в Центральной Европе ликвидирован. Сейчас настал момент покарать преступную агрессию Японии и ликвидировать очаг войны и насилия на Дальнем Востоке.

В целях осуществления своих коварных замыслов против Советского Союза военная клика разбойной Японии в течение многих лет не прекращала на границах нашей Родины свои авантюристические провокационные действия.

Так было в 1918–1922 гг., когда японская военщина вторглась в земли Советского Дальнего Востока. «...Мы прекрасно знаем, — с негодованием говорил Владимир Ильич Ленин, — какие неимоверные бедствия терпят сибирские крестьяне от японского империализма, какое неслыханное количество зверств японцы проделали в Сибири». Так было в 1938 году в районе озера Хасан, так было в 1939 году в районе реки Халхин-Гол. Во всех этих случаях японская военная клика терпела поражение и разбивалась о несокрушимую мощь Красной Армии. Однако эти поучительные уроки не восприняты правителями и военной кликой агрессивной Японии.

В наиболее трудное для СССР время, когда Красная Армия и весь советский народ вели упорную борьбу против немецких захватчиков, когда решался вопрос о жизни и смерти Советского государства, вопрос о том, быть советскому народу свободным или впасть в порабощение, японские агрессоры, прикрываясь нейтралитетом, на деле активно помогали фашистской Германии в осуществлении разбойничьих планов против Советского Союза и народов Европы. Они заключили с гитлеровским разбойничьим правительством тайное соглашение о разделе нашей Родины.

В течение всей войны советского народа и его Красной Армии против гитлеровской Германии японская военщина непрерывно тревожила нашу страну всевозможными пограничными инцидентами, пыталась развязать против нас войну и нанести Советскому Союзу удар в спину.

Советский народ и его Красная Армия не могут дальше терпеть провокации японской военной клики и дальнейшего посягательства японских агрессоров на нашу родную советскую землю.

Как на западе, так и на востоке должно развеваться великое знамя победы свободы и мира между народами.

Воин Красной Армии! Тебя знают на западе как освободителя, таким тебя должны знать и на востоке — в Китае, в Маньчжурии и Корее.

К ударам, наносимым по Японии с моря и воздуха войсками Америки, Англии и Китая, присоединяется мощный удар победоносной Красной Армии. Справедливый меч Красной Армии занесен над японскими империалистами, и судьба Японии предрешена. Империалистическая Япония будет разгромлена.

По приказу Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина войска 1-го Дальневосточного фронта перешли в решительное наступление против японских войск, чтобы ликвидировать очаг войны на Дальнем Востоке; обезопасить дальневосточные границы нашей Родины; покарать японских захватчиков за пролитую кровь героев Порт-Артура, Хасана, Халхин-Гола, за зверства японцев над советскими людьми в годы интервенции; сократить сроки окончания войны и количество жертв; содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира.

Воины-дальневосточники, рядовые и сержанты, пехотинцы и минометчики, артиллеристы и летчики, танкисты и саперы, связисты и кавалеристы; товарищи офицеры и генералы! Беспощадно громите ненавистных японских захватчиков, памятуя, что это дело справедливое, дело священное.

Сражайтесь против вероломного врага геройски, с отвагой и яростью.

Славьте имя воина Красной Армии, славьте силу и могущество нашей непобедимой советской Отчизны, славьте имя нашего Великого Генералиссимуса товарища Сталина!

Под его мудрым, гениальным руководством мы всегда побеждали и победим!

Вперед, к победе!

Смерть японским захватчикам!

Командующий войсками
1-го Дальневосточного фронта
Маршал Советского Союза К. МЕРЕЦКОВ
Члены Военного совета
1-го Дальневосточного фронта
генерал-полковник Т. ШТЫКОВ
генерал-майор К. ГРУШЕВОЙ

Опубл.: Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7-1). М., 1997. С. 345–346.

№ 63

ДОНЕСЕНИЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О НАЧАЛЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ ЯПОНСКИХ ВОЙСК

9 августа 1945 г.

09 ч. 40 мин.
(забайкальское время)

Докладываю: в соответствии с Вашим указанием наши войска на Дальнем Востоке с 18.00 8.08.45 г. по московскому времени находятся в состоянии войны с Японией. В период с 18.00 до 22.30 8.08.45 г. (по московскому времени) действия наших войск на направлениях ограничивались действиями лишь разведывательных и передовых частей в духе утвержденного Вами плана.

К 22.30 8.08.45 г. (по московскому времени) или в 4.30. 9.08.45 г. по забайкальскому времени главные силы Заб. фронта на всех своих основных направлениях перешли границу.

В течение ночи силами 19-го дальнебомбард. авиакорпуса нанесен бомбовый удар по городам Чанчунь и Харбин, результаты выясняю, доложу дополнительно.

К 7.00 9.08.45 г. (забайкальского времени), в 1.00 9.08.45 г. (по московскому времени), положение советских войск на Дальнем Востоке следующее:

Забайкальский фронт:

Армия Кравченко своими 7-м и 9-м мехкорпусами, усиленными 36-й и 57-й мед, продвинувшись вслед за передовыми частями до 35 км, прошла рубеж: Ихэ-Сумэ, оз. Цаган-Нур.

Армия тов. Людникова 5-м гв. ск и 113-м ск к тому же времени прошла рубеж: Сябурутэй-гору, выс. 1036, продвинувшись до 20 км от границы.

14 ск, действующий на хайларском направлении, продвинулся от 5 до 12 км.

Главные силы группы т. Плиева и армии Данилова продвинулись от границы от 15 до 25 км.

Армия Лучинского на своем правом фланге, овладев плацдармами и построив через р. Аргунь на участке Старо-Цурухайтуй, Дурой четыре понтонных моста, занята переправой на юго-восточный берег частей 2-й и 86-й ск на левом фланге частью усиленной 298-й сд к 7.08.45 (заб. время) вели бой за г. Маньчжурия.

2-й Дальневосточный фронт (Пуркаева):

Редкая перестрелка на всем фронте и действия передовых разведывательных частей. Два сб 361-й сд овладели о. Татарский. Противник активности не проявляет. На бикинском направлении взято в плен 32 чел.

1-й Дальневосточный фронт:

В 1.00 9.08. по хабаровскому времени передовые части армий Белобородова и Крылова перешли государственную границу. Действуя в абсолютной темноте, в грозу и при сильном ливне, части 1-й КА Белобородова продвинулись на отдельных направлениях до 5 км. Части 5-й А Крылова — от 2 до 3 км.

ТОФ начал разведывательные действия и действия авиацией по портам Расин и Сейсин.

Вывод: удар по противнику оказался неожиданным. Растерявшийся от неожиданности противник до утра, кроме радиуса г. Маньчжурия, организованного сопротивления не оказывал.

Действия наших войск развиваются в соответствии с утвержденным Вами планом.

ВАСИЛЕВСКИЙ
ИВАНОВ

Опубл.: Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7-1). М., 1997. С. 347–348.

№ 64

БОЕВОЙ ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 2-го ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА КОМАНДУЮЩЕМУ 15-й АРМИЕЙ О НАСТУПЛЕНИИ В НАПРАВЛЕНИИ ЦЗЯМУСЫ

11 августа 1945 г.

01 ч. 40 мин.

В связи с отходом противника перед войсками 2-го ДВФ приказываю:

15-й армии с утра 11.8.45 г. продолжать решительное наступление в направлениях: Лобэй, Синыпаньчжэнь, Цзямусы, Тунцзян, Фущин, Цзямусы, имея в первом эшелоне на обоих направлениях подвижные (танковые) части, усиленные пехотными десантами.

Задача армии: подвижными (танковыми) частями армии и силами КАФ 11 августа овладеть Сины-паньчжэнь, Фущин, а 12 августа — Цзямусы.

ПУРКАЕВ
ШЕВЧЕНКО
ЛЕОНОВ

Опубл.: Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7-1). М., 1997. С. 350.

№ 65

ПРИКАЗАНИЕ НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ О ЗАДАЧЕ ВОЙСК 1-го ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА

11 августа 1945 г.

Верховный Главнокомандующий приказал:

Войскам Первого Дальневосточного фронта операцию по захвату портов Расин и Сейсин согласно донесению за № 0074/45/оп от 11.8.[45 г.] не проводить.

Главная задача войск Первого Дальневосточного фронта — быстрее выйти в район Гирин, не распыляя силы на выполнение второстепенных задач.

Об отданных распоряжениях донести.

АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 2. Л. 605. Копия.

№ 66

БОЕВОЙ ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-го ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА КОМАНДУЮЩЕМУ 25-й АРМИЕЙ НА ПРИОСТАНОВКУ НАСТУПЛЕНИЯ В КОРЕЮ И ЗАДАЧАХ АРМИИ

11 августа 1945 г.

23 ч. 26 мин.

1. В Корею наступление приостановить. Порты Юки и Расин не брать.

2. Задача армии:

1) Надежно прикрыться на краскинском направлении, главные силы возможно быстрее сосредоточить в районе Ваньцин, Наньянцунь, имея дальнейшей задачей выход в Дуньхуа.

2) 88-й ск вести за 17-м ск.

МЕРЕЦКОВ
ШТЫКОВ
КРУТИКОВ

ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 3. Л. 7. Копия.

№ 67

ВНЕОЧЕРЕДНОЕ ДОНЕСЕНИЕ ШТАБА 1-го ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ОБ ОВЛАДЕНИИ ГОРОДОМ МУДАНЬЦЗЯН

16 августа 1945 г.

24 ч. 00 мин.

После ожесточенных боев в течение 15 и 16 августа с. г. 1-я Краснознаменная и 5-я армии 1-го Дальневосточного фронта совместным ударом с северо-востока и востока разгромили группировку противника в районе Муданьцзян и вновь овладели крупным узлом шоссейных и железных дорог и узлом обороны, прикрывающим подступы к Харбин и Гирин, — городом Муданьцзян. При этом была прорвана сильно укрепленная предмостная позиция противника, прикрывавшая подступы к городу Муданьцзян с востока и северо-востока.

1-я Краснознаменная и 5-я армии, форсировав р. Муданьцзян, к 20.00 16.8.45 г. развивают наступление: 1-я Краснознаменная армия — в направлении на Харбин; 5-я армия — через Нинань (Нингута) на Эму, Гирин, Чанчунь.

Командующий войсками 1-го Дальневосточного фронта
Маршал Советского Союза К. МЕРЕЦКОВ
Член Военного совета 1-го Дальневосточного фронта
генерал-полковник Т. ШТЫКОВ
Начальник штаба фронта
генерал-лейтенант А. КРУТИКОВ

Опубл.: Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7-1). М., 1997. С. 353.

№ 68

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 2-го ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ОБ ОВЛАДЕНИИ ГОРОДОМ ЦЗЯМУСЫ

17 августа 1945 г.

13 ч. 38 мин.

Доношу:

Войска 2-го ДВФ задачу, поставленную директивой Ставки Верховного Главнокомандования № 11112 на сунгарийском направлении, 17 августа с. г. (восьмой день операции) — выполнили.

К 10.00 17 августа с. г. войска фронта при содействии Амурской Краснознаменной флотилии уничтожили остатки противника в военном городке юго-западнее Цзямусы, полностью очистили город Цзямусы и аэродромы.

Продолжаю наступление на Саньсин.

ПУРКАЕВ
ШЕВЧЕНКО
ЛЕОНОВ

Опубл.: Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7-1). М., 1997. С. 353.

№ 69

ДОНЕСЕНИЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ О ПОЛОЖЕНИИ НА ФРОНТАХ ПО СОСТОЯНИЮ НА 17 АВГУСТА И ДАЛЬНЕЙШИХ ПЛАНАХ СОВЕТСКИХ ВОЙСК НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

18 августа 1945 г.

Войска фронтов Дальнего Востока в течение 17 августа продолжали выполнять поставленные им задачи при резко снизившейся сопротивляемости противника. На отдельных направлениях в течение дня были случаи капитуляции отдельных частей и подразделений противника, а также засылки к нам парламентеров. Как обращения командования Квантунской армии к Советскому командованию на Дальнем Востоке, так и доклады парламентеров говорят о приказе, отданном войскам Квантунской армии, о прекращении боевых действий японской армии и о капитуляции. За день обезоружено до 25 000 японо-маньчжурских солдат и офицеров. Капитуляция продолжается, хотя на отдельных участках фронта имеют место стычки.

Исходя из задач, поставленных перед войсками Дальнего Востока и Тихоокеанского флота, а именно: оккупация территории всей Маньчжурии, Внутренней Монголии, Ляодунского п-ова с портами Дайрен и Порт-Артур, Кореи до параллели 38 градусов, южной половины о. Сахалин, половины о. Хоккайдо. Севернее линии, идущей от города Кусиро до города Румои, включая оба указанных города в Советский район, и полностью всех Курильских о-вов, войскам фронта на ближайший период поставил следующие задачи: Забайкальскому фронту совместно с войсками МНР оккупировать территорию Маньчжурии и

Внутренней Монголии в пределах линии от Цицикара на Чанчунь, Тунхуа и далее по реке Ялуцзян (Ялу) до Корейского залива, полностью Ляодунский и Квантунский п-ова и далее до южных границ бывшей Маньчжурии и Внутренней Монголии.

При этом войска фронта должны оккупировать наземными войсками город Чанчунь не позднее 20 августа, город Мукден — 21 августа, Ляодунский и Квантунский п-ова 28 августа.

Для ускорения оккупации городов Чанчунь и Мукден командующему фронтом приказано 18 августа выслать в указанные города своих представителей, с предварительным предупреждением об этом командования Квантунской армии.

1-му Дальневосточному фронту оккупировать территорию Маньчжурии к югу от линии Боли, включительно Харбин, и к востоку от линии Чанчунь, Тунхуа, река Ялуцзян (Ялу) и территорию Кореи до параллели 38 градусов.

Срок оккупации города Харбин — не позднее утра 21 августа и северной Кореи — не позднее 1 сентября.

Для ускорения оккупации г. Гирин и г. Харбин командующий фронтом высылает 18.8.45 г. своих представителей на самолете.

Одновременно на войска фронта возложена оккупация половины о. Хоккайдо к северу от линии, идущей от города Кусиро до г. Румри, и южную часть Курильских о-вов до о. Симусиру-То включительно.

Для этой цели командованием фронта при помощи судов ТОФ и морского торгового флота в период с 19.8.45 г. по 1.9.45 г. последовательно будет переброшено три стрелковые дивизии 87-го ск во главе с комкором Ксенофонтовым, с дислокацией двух из них на о. Хоккайдо и одной — на Курильских о-вах. Штакор: о. Хоккайдо.

Вместе с 87-м ск из состава 9-й ВА в эти же сроки будут перебазированы одна истребительная и одна бомбардировочная авиадивизии.

2-му Дальневосточному фронту до 20.8.45 г. оккупировать территорию северной Маньчжурии в пределах линии Боли, иск. Харбин, иск. Цицикар.

Одновременно перед войсками фронта поставлена задача оккупировать южную половину о. Сахалин и северную часть Курильских о-вов до о. Симусиру-То включительно.

Для оккупации южной половины острова Сахалин используются находящиеся здесь в данное время войска, в дальнейшем дополнительно будет переброшена еще одна стрелковая дивизия.

К оккупации приступаем с утра 18 августа 1945 г.

Для оккупации северной части Курильских о-вов в ночь на 18.8 от 101 сд, расположенной на Камчатке, перебрасываются на острова два стрелковых полка.

В дальнейшем мыслим район Камчатки и северную часть Курильских о-вов усилить еще одной стрелковой дивизией, возложив управление всеми войсками здесь на начальника Камчатского оборонительного района.

Для усиления обороны Камчатки, Курильских о-вов, Сахалина и о. Хоккайдо в соответствии с Вашими указаниями просим Вашего разрешения в период с 20.8 по 15.9 перебазировать часть сил ТОФ в Петропавловск-на-Камчатке и главные его силы в порт Отомари (южная часть Сахалина) с таким расчетом, чтобы иметь: в Петропавловске-на-Камчатке — бригаду сторожевых кораблей, бригаду подводных лодок, дивизион миноносцев, дивизион торпедных катеров, дивизион тральщиков, один авиаполк морской бомбардировочной авиации; в районе порта Отомари — дивизион сторожевых кораблей, дивизион подлодок, дивизион торпедных катеров, дивизион тральщиков, смешанную авиадивизию морской авиации; для усиления обороны Кореи предполагаем в районе порта Сейсин создать морской оборонительный район, включив в него: один дивизион миноносцев, дивизион торпедных катеров, дивизион тральщиков, 113-ю бригаду морской пехоты.

Основное внимание района — оборона портов Расин, Сейсин и Гензан.

В отношении выделения морских сил в район портов Дайрен и Порт-Артур необходимы Ваши дополнительные указания.

Необходимо также Ваше разрешение на использование для морских перевозок войск морского торгового флота на период до 15.9.

Все предварительные распоряжения командующим фронтами по настоящему плану даны. Указания командующему ТОФ вместе с адмиралом Кузнецовым поставим 18.8. лично во Владивостоке.

Одновременно с выполнением задач, предусмотренных настоящим планом, категорически требую от войск фронтов организации немедленного учета и вывоза на свою территорию захваченного вооружения, продовольствия и оборудования промышленных предприятий.

Прошу Вашего утверждения или указаний по данному плану.

ВАСИЛЕВСКИЙ

Опубл.: Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7-1). М., 1997. С. 355–356.

№ 70

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО КРАСНОЗНАМЕННОЙ АМУРСКОЙ ВОЕННОЙ ФЛОТИЛИЕЙ КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2-го ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА О РАЗОРУЖЕНИИ ГАРНИЗОНА г. ХАРБИН И ЯПОНСКОЙ СУНГАРИЙСКОЙ РЕЧНОЙ ФЛОТИЛИИ

20 августа 1945 г.

02 ч. 10 мин.

1. 19.8.45 г. [в] 18.00 оккупировал Мулань. Японских войск не было.

2. 20.8.45 г. [в] 05.00 прибыл [в] Харбин, связался с представителем 1-го ДВФ, который прибыл самолетом «Дуглас» 18.8.45 г.

...Разоружение японо-маньчжуров произвожу совместно [с десантом] 1-го ДВФ.

Японских войск [в] городе более 34 000 при 8 генералах.

С[унгарийскую] р[ечную] ф[лотилию] разоружил, взял [под] свою охрану.

АНТОНОВ
ЯКОВЕНКО

Опубл.: Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7-1). М., 1997. С. 362.

№ 71

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-го ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ О ПРЕКРАЩЕНИИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

20 августа 1943 г.

03 ч. 00 мин.

1. 19.8.45 боевые действия 1-го Дальневосточного фронта прекратились.

Капитулировавшие части Квантунской армии японцев начали складывать оружие и приступили к массовой сдаче в плен. Войска фронта, двигаясь в глубину территории Маньчжурии на харбинском и гиринском направлениях, разоружили и пленили части Квантунской армии. На отдельных участках велись кратковременные бои с разрозненными мелкими группами противника, отказавшимися сложить оружие.

В течение 19.8.45 г. войсками фронта разоружено и взято в плен 55 000 солдат и офицеров противника, в том числе 5 генералов. Кроме того, за время боевых действий с 9.8.45 г. захвачено в плен 7000 солдат и офицеров. Таким образом, войсками фронта к исходу 19.8.45 г. всего взято в плен 62 000 солдат и офицеров противника.

2. Утром 19.8.45 г. в г. Гирин на самолетах прибыли особо уполномоченные Военного совета фронта гв. полковник Лебедев с группой офицеров и отрядом войск (свободный батальон автоматчиков) с целью организации контроля за выполнением капитуляции гиринской группы Квантунской армии.

3. 35-я А — в районе гор. Боли продолжала разоружение разрозненных групп болинского гарнизона противника. За сутки взято в плен 200 солдат и офицеров.

4. 1-я КА — выдвигала свои войска в направлении на Харбин. Подвижный отряд армии к исходу 19.8.45 г. достиг Имяныто (130 км юго-восточнее Харбин); 26-й ск, выдвигаясь по маршруту подвижного отряда, головою главных сил подошел к Симахэйцзы. Войсками армии разоружены части 124, 126-й и 135-й пд, 46-й полк связи, 20-й гап и 12-й инженерный батальон противника. Взято в плен 35 000 солдат и офицеров и 5 генералов противника.

5. 5-я А — выдвигалась в направлении на Гирин. Подвижный отряд армии к исходу 19.8.45 г. достиг Фынхуандянь (135 км восточнее Гирин). Главные силы 72-го ск в движении за подвижным отрядом головой подошли к Эрчжань.

Войсками армии за сутки разоружено и взято в плен до 10 000 солдат и офицеров противника.

6. 25-я А — выдвигалась на Дуньхуа. Передовой отряд 10 мк к исходу 19.8.45 г, занял Дуньхуа. Частями 259-й тбр занят гор. Яньцзи. Главные силы армии из района Вакцин — Яньцзи выдвигаются на Дуньхуа.

За сутки войсками армии разоружены 112-я и 80-я пд противника и взято в плен до 10 000 солдат и офицеров.

МЕРЕЦКОВ
ШТЫКОВ
КИСЕЛЕВ
Верно: подполковник ВЫСОЦКИЙ

Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7-1). М., 1997. С. 362–363.

№ 72

УКАЗАНИЕ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ФРОНТА НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА 6-й ГВАРДЕЙСКОЙ ТАНКОВОЙ АРМИИ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСАДКИ АВИАДЕСАНТА В ПОРТ-АРТУРЕ И ДАЛЬНЕМ

20 августа 1945 г.

03 ч. 00 мин.

Васильев считает целесообразным посадить десанты в Порт-Артуре и Дальнем.

Эту операцию предварительно согласовать с представителем японской армии, чтобы в указанных пунктах последние подготовили бы прием десантов. Ваше решение прошу сообщить мне для доклада Васильеву.

ЗАХАРОВ

Опубл.: Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7-1). М., 1997. С. 363.

№ 73

ОБРАЩЕНИЕ И. В. СТАЛИНА К НАРОДУ

Москва, Кремль
2 сентября 1945 г.

Товарищи!

Соотечественники и соотечественницы!

Сегодня, 2 сентября, государственные и военные представители Японии подписали акт безоговорочной капитуляции. Разбитая наголову на морях и на суше и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных Наций, Япония признала себя побежденной и сложила оружие.

Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия — на западе и Япония — на востоке. Это они развязали вторую мировую войну. Это они поставили человечество и его цивилизацию на край гибели. Очаг мировой агрессии на западе был ликвидирован четыре месяца назад, в результате чего Германия оказалась вынужденной капитулировать. Через четыре месяца после этого был ликвидирован очаг мировой агрессии на востоке, в результате чего Япония, главная союзница Германии, также оказалась вынужденной подписать акт капитуляции.

Это означает, что наступил конец второй мировой войны.

Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всем мире, уже завоеваны.

Следует отметить, что японские захватчики нанесли ущерб не только нашим союзникам — Китаю, Соединенным Штатам Америки, Великобритании. Они нанесли серьезнейший ущерб также и нашей стране. Поэтому у нас есть еще свой особый счет к Японии.

Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году во время русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны, напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать тем самым выгодное положение для своего флота. И она действительно вывела из строя три первоклассных военных корабля России. Характерно, что через 37 лет после этого Япония в точности повторила этот вероломный прием в отношении Соединенных Штатов Америки, когда она в 1941 году напала на военно-морскую базу Соединенных Штатов Америки в Пирл-Харборе и вывела из строя ряд линейных кораблей этого государства. Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и таким образом закрыть на замок для нашей страны на Востоке все выходы в океан — следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток.

Но этим не исчерпываются захватнические действия Японии против нашей страны. В 1918 году, после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к советской стране Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и опираясь на них, вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила советский Дальний Восток.

Но и это не все. В 1938 году Япония вновь напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока, с целью окружить Владивосток, а в следующий год Япония повторила свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около Халхин-Гола, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать нашу Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России.

Правда, атаки Японии в районе Хасана и Халхин-Гола были ликвидированы советскими войсками с большим позором для японцев.

Равным образом была успешно ликвидирована японская военная интервенция 1918—22 годов, и японские оккупанты были выброшены из районов нашего Дальнего Востока. Но поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания.

Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. 40 лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции.

Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу, и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии.

Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжелые годы, но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на Западе и японского нашествия на Востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира.

Поздравляю вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы, с Великой Победой, с успешным окончанием войны, с наступлением мира во всем мире!

Слава вооруженным силам Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Китая и Великобритании, одержавшим победу над Японией!

Слава нашим дальневосточным войскам и Тихоокеанскому военно-морскому флоту, отстоявшим честь и достоинство нашей Родины!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!

Пусть здравствует и процветает наша Родина!

Опубл.: Известия. 1945. 4 сентября.

№ 74

ПОДПИСАНИЕ АКТА О КАПИТУЛЯЦИИ ЯПОНИИ

Токио, 2 сентября. (ТАСС). Сегодня в 10 час. 30 мин. по токийскому времени на борту американского линкора «Миссури», находящегося в водах Токийского залива, состоялось подписание акта о капитуляции Японии.

В начале церемонии подписания акта выступил генерал Макартур с заявлением, в котором говорится:

«Я заявляю о своем твердом намерении, согласно традиции стран, которые я представляю, проявлять при выполнении моих обязанностей справедливость и терпимость, принимая в то же время все необходимые меры для обеспечения полного, быстрого и точного выполнения условий капитуляции. Мы собрались здесь как представители главных воюющих держав для того, чтобы заключить торжественное соглашение, посредством которого можно будет восстановить мир. Проблемы, связанные с различными идеалами и идеологиями, были разрешены на полях сражений всего мира, и потому не подлежат дискуссии или дебатам».

Затем генерал Макартур предложил японским представителям подписать акт о капитуляции.

Акт о капитуляции Японии гласит:

«1. Мы, действуя по приказу и от имени императора, японского правительства и японского императорского генерального штаба, настоящим принимаем условия декларации, опубликованной 26 июля в Потсдаме главами правительств Соединенных Штатов, Китая и Великобритании, к которой впоследствии присоединился и СССР, каковые четыре державы будут впоследствии именоваться союзными державами.

2. Настоящим мы заявляем о безоговорочной капитуляции союзным державам японского императорского генерального штаба, всех японских вооруженных сил и всех вооруженных сил под японским контролем вне зависимости от того, где они находятся.

3. Настоящим мы приказываем всем японским войскам, где бы они ни находились, и японскому народу немедленно прекратить военные действия, сохранять и не допускать повреждения всех судов,

самолетов и военного и гражданского имущества, а также выполнять все требования, которые могут быть предъявлены верховным командующим союзных держав или органами японского правительства по его указаниям.

4. Настоящим мы приказываем японскому императорскому генеральному штабу немедленно издать приказы командующим всех японских войск и войск, находящихся под японским контролем, где бы они ни находились, безоговорочно капитулировать лично, а также обеспечить безоговорочную капитуляцию всех войск, находящихся под их командованием.

5. Все гражданские, военные и морские официальные лица должны повиноваться и выполнять все указания, приказы и директивы, которые верховный командующий союзных держав сочтет необходимыми для осуществления данной капитуляции и которые будут изданы им самим или же по его уполномочию; мы предписываем всем этим официальным лицам оставаться на своих постах и по-прежнему выполнять свои небоевые обязанности, за исключением тех случаев, когда они будут освобождены от них особым указом, изданным верховным командующим союзных держав или по его уполномочию.

6. Настоящим мы даем обязательство, что японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации, отдавать те распоряжения и предпринимать те действия, которых в целях осуществления этой декларации потребует верховный командующий союзных держав или любой другой назначенный союзными державами представитель.

7. Настоящим мы предписываем японскому императорскому правительству и японскому императорскому генеральному штабу немедленно освободить всех союзных военнопленных и интернированных гражданских лиц, находящихся сейчас под контролем японцев, и обеспечить их защиту, содержание и уход за ними, а также немедленную доставку их в указанные места.

8. Власть императора и японского правительства управлять государством будет подчинена верховному командующему союзных держав, который будет предпринимать такие шаги, какие он сочтет необходимым для осуществления этих условий капитуляции».

Первым подходит к столу Мамору Сигемицу — министр иностранных дел нынешнего японского правительства. Он подписывает акт о капитуляции от имени императора, японского правительства и японской императорской ставки. Вслед за ним ставит свою подпись начальник японского генерального штаба генерал Умэдзу. Оба японских делегата отходят в сторону. Затем начинается церемония подписания документа представителями союзных наций, назначенными их правительствами присутствовать при подписании Японией акта о ее капитуляции. Генерал Макартур говорит: верховный главнокомандующий союзных держав подпишет теперь документ от имени союзных наций. Я приглашаю генерала Уэйнрайта и генерала Персиваля подойти со мной к столу для подписания документа. Генерал Макартур подходит к столу, на котором находится акт, за ним идут генералы Уэйнрайт и Персиваль. Генерал Макартур и вслед за ним Уэйнрайт и Персиваль подписывают документ. Затем от имени США документ подписывает адмирал Нимиц. Далее к столу подходит представитель Китайской республики генерал Су Юн-чан, начальник оперативного отдела китайского совета национальной обороны.

Генерал Су Юн-чан подписывает документ от имени Китая.

Генерал Макартур приглашает представителя Англии. Адмирал Фрэзер подписывает акт.

Генерал Макартур говорит: сейчас акт подпишет представитель Союза Советских Социалистических Республик. К столу приближается генерал-лейтенант Кузьма Николаевич Деревянко. Вместе с ним — двое военных: один — представитель флота и другой — от авиации. Генерал Деревянко подписывает документ.

Затем акт подписывают представитель Австралии генерал Томас Блэми, главнокомандующий австралийскими войсками, представители Канады, Франции, Голландии, Новой Зеландии.

После подписания акта о капитуляции Японии по радио передается из Вашингтона речь президента Трумэна.

Церемония подписания капитуляции, продолжавшаяся 45 минут, закончилась выступлениями генерала Макартура и адмирала Нимица.

Генерал Макартур в своей заключительной речи заявил, что все предыдущие попытки воспрепятствовать международным конфликтам и разрешить их не имели успеха, что повело к тяжелому испытанию войны. «В настоящее время предельная разрушительность войны исключает подобную альтернативу. Нам представилась последняя возможность. Если мы в настоящее время не создадим лучшую и более справедливую систему, то мы будет обречены.

Потсдамская декларация обязывает нас обеспечить освобождение японского народа от рабства. Моя цель заключается в том, чтобы осуществить это обязательство, как только вооруженные силы будут демобилизованы. Будут предприняты другие важные меры для того, чтобы нейтрализовать военный потенциал и энергию японской расы.

Свобода перешла в наступление. На Филиппинах американцы доказали, что народы Востока и Запада могут шагать бок о бок при взаимном уважении и во имя всеобщего благополучия».

Адмирал Нимиц в своей речи сказал: «Свободолюбивые народы всего мира радуются победе и гордятся достижениями наших объединенных сил. Необходимо, чтобы Объединенные нации неуклонно проводили в жизнь мирные условия, которые навязаны Японии. Необходимо будет также поддерживать силы нашей страны на таком уровне, который не допустит в будущем актов агрессии, направленных на уничтожение нашего образа жизни. Теперь мы обращаемся к великой задаче реконструкции и восстановления. Я уверен, что при разрешении этих проблем мы будем действовать с таким же искусством, находчивостью и проницательностью, как и при разрешении проблем, связанных с достижением победы».

Опубл.: Известия. 1945. 4 сентября.

№ 75

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ 3 СЕНТЯБРЯ ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ НАД ЯПОНИЕЙ

Москва. Кремль
2 сентября 1945 г.

В ознаменование победы над Японией установить, что 3 сентября является днем всенародного торжества — Праздником Победы над Японией. 3 сентября считать нерабочим днем.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН

Опубл.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 61.

№ 76

В СОВНАРКОМЕ СССР

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 3 сентября Праздником Победы над Японией Совнарком СССР постановил считать 3 сентября 1945 года нерабочим днем.

Совет Народных Комиссаров СССР предложил всем советским государственным учреждениям 3 сентября с. г. в день всенародного торжества — Праздник Победы над Японией — поднять на своих зданиях Государственный Флаг Союза Советских Социалистических Республик.

Опубл.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 61.

№ 77

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

№ 373
3 сентября 1945 г.

По войскам Красной Армии
и Военно-Морскому Флоту

2 сентября 1945 года в Токио представителями Японии подписан акт о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил.

Война советского народа совместно с нашими союзниками против последнего агрессора — японского империализма — победоносно завершена, Япония разгромлена и капитулировала.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победоносным завершением войны против Японии.

В ознаменование победы над Японией сегодня, 3 сентября, в день Праздника Победы над Японией, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту победу, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!

Пусть живут и здравствуют наша Красная Армия и наш Военно-Морской Флот!

Верховный Главнокомандующий
Генералиссимус Советского Союза И. СТАЛИН

Опубл.: Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза: Сборник. М., 1975. С. 520.

№ 78

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 7 мая 1947 г.

Во изменение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 г. об объявлении дня победы над Японией — 3 сентября нерабочим днем Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

Считать день 3 сентября — Праздник Победы над Японией — рабочим днем.

Опубл.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 17.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Командующие и начальники штабов общевойсковых, танковых, воздушных армий и объединений ПВО в 1945 г.

ОБЩЕВОЙСКОВЫЕ АРМИИ

Наименование армии	Командующий	Начальник штаба
1-я ударная	генерал-лейтенант Н. Д. Захватаев, с февраля 1945 г. генерал-лейтенант В. Н. Разуваев	генерал-майор А. К. Кондратьев
1-я гвардейская	генерал-полковник А. А. Гречко	генерал-лейтенант А. Г. Батюня
2-я ударная	генерал-полковник И. И. Федюнинский	генерал-майор Н. П. Ковальчук
2-я гвардейская	генерал-лейтенант П. Г. Чанчибадзе	генерал-майор П. И. Левин
3-я	генерал-полковник А. В. Горбатов	генерал-лейтенант М. В. Ивашечкин
3-я ударная	до марта 1945 г. генерал-майор Н. П. Симоняк, с 16 марта 1945 г. генерал-полковник В. И. Кузнецов	генерал-майор М. Ф. Букштынович
3-я гвардейская	генерал-полковник В. Н. Гордов	генерал-лейтенант С. И. Любарский, с апреля 1945 г. генерал-майор Н. Н. Зелинский
4-я ударная	генерал-лейтенант П. Ф. Малышев	генерал-майор А. И. Кудряшов
4-я гвардейская	генерал армии Г. Ф. Захаров, с марта 1945 г. генерал-лейтенант Н. Д. Захватаев	генерал-майор, с апреля 1945 г. генерал-лейтенант К. Н. Деревянко
5-я	генерал-полковник Н. И. Крылов	генерал-майор, с мая 1945 г. генерал-лейтенант Н. Я. Прихидько
5-я ударная	генерал-лейтенант, с апреля 1945 г. генерал-полковник Н. Э. Берзарин	генерал-майор А. М. Кущев
5-я гвардейская	генерал-полковник А. С. Жадов	генерал-майор Н. И. Лямин
6-я	генерал-лейтенант В. А. Глуздовский	генерал-майор Ф. Д. Кулишев
6-я гвардейская	генерал-полковник И. М. Чистяков	генерал-лейтенант В. А. Пеньковский
7-я гвардейская	генерал-полковник М. С. Шумилов	генерал-майор, с мая 1945 г. генерал-лейтенант Г. С. Лукин
8-я	генерал-лейтенант Ф. Н. Стариков	генерал-майор Б. М. Головчинер
8-я гвардейская	генерал-полковник В. И. Чуйков	генерал-майор В. А. Белявский
9-я гвардейская	генерал-полковник В. В. Глаголев	генерал-майор С. Е. Рождественский
10-я гвардейская	генерал-лейтенант М. И. Казаков	генерал-майор Н. П. Сидельников, с апреля 1945 г. генерал-майор А. С. Цветков
11-я гвардейская	генерал-полковник К. Н. Галицкий	генерал-лейтенант И. И. Семенов
13-я	генерал-майор Н. П. Пухов	генерал-лейтенант Г. К. Маландин
14-я отдельная	генерал-лейтенант В. И. Щербаков	генерал-майор И. П. Герасев
18-я	генерал-лейтенант А. И. Гастилович	генерал-майор Н. Г. Брилев
19-я	генерал-лейтенант Г. К. Козлов, с марта 1945 г. генерал-лейтенант В. З. Романовский	генерал-майор С. А. Маркушевич, с марта 1945 г. генерал-лейтенант П. И. Ляпин
21-я	генерал-полковник Д. Н. Гусев	генерал-майор Г. К. Буховец
22-я	генерал-лейтенант Г. П. Коротков	генерал-майор Н. С. Дронов

23-я	генерал-лейтенант В. И. Швецов	генерал-майор Д. М. Большаков
26-я	генерал-лейтенант Н. А. Гаген	генерал-майор М. А. Головинчин, с марта 1945 г. генерал-майор Б. А. Фомин
27-я	генерал-полковник С. Г. Трофименко	генерал-майор Г. М. Брагин
28-я	генерал-лейтенант А. А. Лучинский	генерал-майор С. М. Рогачевский
31-я	генерал-лейтенант П. Г. Шафранов	генерал-майор М. И. Щедрин
32-я (с ноября 1944 г. в резерве Ставки)	генерал-лейтенант Ф. Д. Гореленко	генерал-майор Н. Е. Аргунов
33-я	генерал-полковник В. Д. Цветаев	генерал-майор В. П. Орлеанский
37-я отдельная	генерал-полковник С. С. Бирюзов	генерал-майор А. К. Блажей
38-я	генерал-полковник К. С Москаленко	генерал-лейтенант В. Ф. Воробьев
39-я	генерал-лейтенант, с мая 1945 г. генерал-полковник И. И. Людников	генерал-майор М. И. Симиновский
40-я	генерал-лейтенант Ф. Ф. Жмаченко	генерал-майор В. М. Шарапов, с марта 1945 г. полковник, с мая 1945 г. генерал-майор И. А. Пигин
42-я	генерал-лейтенант В. П. Свиридов	генерал-майор В. А. Крылов, с апреля 1945 г. генерал-майор Э. С. Рыбко
43-я	генерал-лейтенант А. П. Белобородов	генерал-майор Ф. Ф. Масленников
46-я	генерал-лейтенант И. Т. Шлемин, с января 1945 г. генерал-майор М. С. Филипповский, с марта 1945 г. генерал-лейтенант А. В. Петрушевский	генерал-майор М. Я. Бирман
47-я	генерал-лейтенант Ф. И. Перхорович	генерал-майор Г. С. Лукьянченко
48-я	генерал-лейтенант, с мая 1945 г. генерал-полковник Н. И. Гусев	генерал-майор И. С. Глебов
49-я	генерал-лейтенант, с марта 1945 г. генерал-полковник И. Т. Гришин	генерал-майор С. И. Киносян
50-я	генерал-полковник И. В. Болдин, с февраля 1945 г. генерал-лейтенант Ф. П. Озеров	генерал-лейтенант Ф. П. Озеров, с февраля 1945 г. генерал-майор Н. Ф. Гарнич
51-я	генерал-лейтенант Я. Г. Крейзер	генерал-лейтенант Я. С. Дашевский
52-я	генерал-полковник К. А. Коротеев	генерал-майор А. Н. Коломинов
53-я	генерал-лейтенант, с мая 1945 г. генерал-полковник И. М. Манагаров	генерал-майор А. Е. Яковлев
57-я	генерал-полковник М. Н. Шарохин	генерал-майор П. М. Верхолович
59-я	генерал-лейтенант И. Т. Коровников	генерал-майор Н. П. Ковальчук
60-я	генерал-полковник П. А. Курочкин	генерал-майор А. Д. Гончаров
61-я	генерал-полковник П. А. Белов	генерал-лейтенант А. Д. Пулко-Дмитриев
65-я	генерал-полковник П. И. Батов	генерал-майор М. В. Бобков
67-я	генерал-лейтенант С. В. Рогинский, с марта 1945 г. генерал-лейтенант Н. П. Симоняк	генерал-майор А. С. Цветков, с апреля 1945 г. генерал-майор Н. П. Сидельников
69-я	генерал-полковник В. Я. Колпакчи	генерал-майор А. В. Владимирский
70-я	генерал-полковник В. С. Попов	генерал-майор П. И. Ляпин, с марта 1945 г. полковник А. П. Пенчевский, с апреля 1945 г. генерал-майор С. И. Тетешкин

ТАНКОВЫЕ АРМИИ

Наименование армии	Командующий	Начальник штаба
1-я гвардейская танковая	генерал-полковник танковых войск М. Е. Катуков	генерал-лейтенант М. А. Шалин
2-я гвардейская танковая	генерал-полковник танковых войск С. И. Богданов	генерал-лейтенант А. И. Радзиевский
3-я гвардейская танковая	генерал-полковник танковых войск П. С. Рыбалко	генерал-майор танковых войск Д. Д. Бахметьев
4-я танковая (с 17.03.1945 г. гвардейская)	генерал-лейтенант Д. Д. Лелюшенко	генерал-майор танковых войск К. И. Упман
5-я гвардейская танковая	генерал-полковник танковых войск В. Т. Вольский, с марта 1945 г. генерал-майор танковых войск М. Д. Синенко	генерал-майор танковых войск Г. С. Сидорович
6-я гвардейская танковая	генерал-полковник танковых войск А. Г. Кравченко	генерал-майор танковых войск А. И. Штромберг

ВОЗДУШНЫЕ АРМИИ

Наименование армии	Командующий	Начальник штаба
1-я воздушная	генерал-полковник авиации Т. Т. Хрюкин	с февраля 1945 г. генерал-майор авиации М. И. Белов
2-я воздушная	генерал-полковник авиации С. А. Красовский	генерал-майор авиации А. С. Пронин
3-я воздушная	генерал-полковник авиации Н. Ф. Папивин	генерал-лейтенант Н. П. Дагаев
4-я воздушная	генерал-полковник авиации К. А. Вершинин	генерал-майор авиации А. Н. Алексеев
5-я воздушная	генерал-полковник авиации С. К. Горюнов	генерал-лейтенант авиации Н. Г. Селезнев
8-я воздушная	генерал-лейтенант авиации В. Н. Жданов	генерал-майор авиации В. И. Изотов
13-я воздушная	генерал-полковник авиации С. Д. Рыбальченко	генерал-майор авиации С. А. Лаврик
15-я воздушная	генерал-полковник авиации Н. Ф. Науменко	генерал-майор авиации А. А. Саковнин
16-я воздушная	генерал-полковник авиации С. И. Руденко	генерал-лейтенант авиации П. И. Брайко
17-я воздушная	генерал-полковник авиации В. А. Судец	генерал-майор авиации, с апреля 1945 г. генерал-лейтенант НН. М. Корсаков
18-я воздушная	главный маршал авиации А. Е. Голованов	генерал-лейтенант авиации Н. В. Перминов

ОБЪЕДИНЕНИЯ ПВО

Наименование армии	Командующий	Начальник штаба
Западный фронт ПВО	генерал-полковник артиллерии Д. А. Журавлев	генерал-майор В. С. Гаврилов
Юго-Западный фронт ПВО	генерал-полковник артиллерии Г. С. Зашихин	генерал-майор Н. Ф. Курьянов
Ленинградская армия ПВО	генерал-лейтенант артиллерии С. И. Макеев	

АРМИИ, ПРИНИМАВШИЕ УЧАСТИЕ В МАНЬЧЖУРСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

Наименование армии	Командующий	Начальник штаба
1-я Краснознаменная	генерал-полковник А. П. Белобородов	генерал-майор Ф. Ф. Масленников
2-я Краснознаменная	генерал-лейтенант танковых войск М. Ф. Терехин	генерал-майор С. Ф. Можаев
5-я	генерал-полковник Н. И. Крылов	генерал-лейтенант Н. Я. Прихидько
15-я	генерал-лейтенант С. К. Мамонов	генерал-майор В. А. Прощаев
16-я	генерал-лейтенант Л. Г. Черемисов	полковник Л. Л. Борисов
17-я	генерал-лейтенант А. И. Данилов	генерал-майор А. Я. Спиров
25-я	генерал-полковник И. М. Чистяков	генерал-лейтенант В. А. Пеньков-ский
35-я	генерал-лейтенант, с сентября 1945 г. генерал-полковник Н. Д. Захватаев	генерал-майор С. А. Иванов
36-я	генерал-лейтенант, с сентября 1945 г. генерал-полковник А. А. Лучинский	генерал-майор Е. В. Иванов
39-я	генерал-полковник И. И. Людников	генерал-майор М. И. Симиновский
53-я	генерал-полковник И. М. Манагаров	генерал-майор А. Е. Яковлев
6-я гвардейская танковая	генерал-полковник танковых войск А. Г. Кравченко	генерал-майор танковых войск А. И. Штромберг
9-я воздушная	генерал-полковник авиации И. М. Со-колов	генерал-майор авиации С. Н. Исаев
10-я воздушная	генерал-полковник авиации П. Ф. Жи-гарев	генерал-майор авиации С. А. Лаврик
12-я воздушная	маршал авиации С. А. Худяков	генерал-майор авиации Д. С. Козлов
Забайкальская армия ПВО	генерал-майор артиллерии П. Ф. Рож-ков	полковник А. С. Витвинский
Приамурская армия ПВО	генерал-майор артиллерии Я. К. По-ляков	генерал-майор Г. М. Кобленц
Приморская армия ПВО	генерал-лейтенант артиллерии А. В. Ге-расимов	генерал-майор артиллерии Г. Х. Чай-лахян

Именной указатель

Географический указатель

Содержание

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1941–1945 ГОДОВ**

ТОМ ПЯТЫЙ

**ПОБЕДНЫЙ ФИНАЛ
Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе
Война с Японией**

Редакторы *Е. И. Рычкова, А. П. Аристов, Е. Р. Ароян*
Бильд-редактор *Д. А. Стребков*
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректоры *Е. Р. Цегельник, Е. А. Сирин*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 18.04.13. Формат 84×108/16.
Усл. печ. л. 69,66. Печать офсетная.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 3257.

Отпечатано в ООО «Медиа-групп»
123056, Москва, ул. Большая Грузинская, д. 42

